Н. П. Храпов

Счастье потерянной жизни

Николай Петрович Храпов родился в 1914 году в небольшом уездном городке Московской губернии. Ему было всего 20 лет, и он горел первой любовью к Господу, когда его как христианина лишили на 12 лет свободы за светлую веру в Бога. К 1971 году за плечами узника Христова было еще три срока заключения - это еще 14 лет напряженной скитальческой жизни.

Будучи членом Совета церквей, Н.П. Храпов 3 марта 1980 года был арестован в пятый раз и, как многие служители гонимого братства, платил высокую цену за независимое от мира служение Господу. Его аресту, не в последнюю очередь, послужила, написанная им, автобиографическая трилогия "Счастье потерянной жизни". В ней автор предстает перед читателями под псевдонимом Павла Владыкина.

В общей сложности Николай Петрович отбыл в неволе более 28 нелегких, Богом назначенных, лет. Многострадального раба Своего Бог благоволил отозвать в небесные чертоги с тюремных нар. 6 ноября 1982 года Н.П. Храпов умер в лагере усиленного режима на Мангышлаке.

В первой книге Н.П. Храпов рассказывает о своих родителях - Петре и Луше, о годах своего детства и отрочества.

Неудержимая жажда бурной жизни влечет юного Петра оставить тихую деревеньку и податься в город. Пропал бы он там, если бы Бог через политические события того времени не вырвал его оттуда и не поставил перед новыми проблемами и решениями.

Жизнь Петра, ставшего убежденным христианином, приобретает новую форму, новые ориентиры и задачи. Из бесшабашного парня он становится отцом, на образ которого ориентируется сын, и не только он.

Когда ветер гонений вырывает из едва вставшей на ноги христианской общины ее пресвитера - и никто не знает в каком из многочисленных лагерей прервется его жизнь - сыну становится ясно, что цель жизни отца - отныне и его цель.

"Счастье потерянной жизни" - это не громкое название книги, это воплощенная в жизнь евангельская правда: "Кто потеряет душу свою ради Меня и Евангелия, тот сбережет ее" (Мар. 8,35).

Оглавление

Том 1. Отец

Предисловие

С великой радостью представляем читателю 2-е издание 3-х томов популярнейшей трилогии христиан - "Счастье потерянной жизни" Е.Л. Храпова, выкованной в "кузнице верности" - узах, горнило которой распространяет жар духа автора для всех, кто хочет не только погреться и посмотреть на бушующее пламя, но и сам возжелает, при содействии Духа Господнего, быть носителем огня, возгорания которого так желал Христос.

Удовлетворяя запрос души читателей, многие из которых уже знакомы с этим произведением, изданным во времена гонений в "синьке" т.е., отпечатанное гектографическим способом, мы издали трилогию, сохранив текст в первозданном, неповрежденном виде первого издания, исключив орфографические ошибки и распределив немного иначе главы.

Считаем что сохранение языка автора - это своеобразная память о герое веры, чей личный стиль, воспринятый читателями с искренней благодарностью и слезами умиления, отодвигает на задний план "научный" стиль современного литератора.

Менять стиль автора также невозможно, как и "редактировать" постороннему письмо матери к ее дорогому сыну. Слова, связанные особенным, маминым узором, вышитые любовью и теплотой великого сердца, трудно переставить... если вообще возможно.

Так пусть же слово и жизнь автора, как живая проповедь, горячим потоком растаивает вечную мерзлоту нераскаянного сердца грешника и вдохновляет на новые подвиги во имя Господа тех, кто уже последовал за Христом!

Издательство

От автора

Я благодарю моего Господа за столь ощутимую Его помощь и дивные благословения, которыми Он сопровождал меня при составлении этого произведения.

Посвящаю его дорогой спутнице земных дней моих - жене, моим детям и, конечно же, моим юным друзьям - христианской молодежи гонимой Церкви ЕХБ.

Сюжетом для этой книги послужила моя личная жизнь и жизнь тех, среди кого она проходила и с кем соприкасалась.

Друзей прошу не осудить за то, что в некоторых случаях мною отражены эпизоды, не являющиеся святыми и духовными; они помещены, в первую очередь, с целью предостережения христианской молодежи от горьких плодов похоти плоти.

Я хотел бы вместе с читателями, а особенно с теми, кто нашел себя в этом произведении, смиренно склонившись перед величием Божьим, поблагодарить Его за все пути, которыми Он вел верных детей Своих.

Н. П. Храпов

Пролог

"...Кто потеряет душу свою ради Меня и Евангелия, тот сбережет ее" (Мар.8:35).

Третьи сутки лютует пурга, как смертельно раненый зверь. С диким воем проносятся клочья вырванного снега, мелькая в узкой полосе ярко освещенного кухонного окна и мгновенно исчезая в непроглядной тьме полярной ночи.

Поселок Усть-Омчуг наполовину погребен под снежной лавиной разбушевавшейся стихии. Трех-четырехметровые сугробы, наметенные с соседних сопок, остановили всякое движение в поселке. Кое-где

пугливо из-за закрытых ставнями окон второго этажа прорывается неровный свет. Где-то рядом в неравной схватке с мраком ночи и ураганом ухает локомобиль электростанции, временами победоносно извергая из трубы в ночную мглу огромный сноп искр, и это, пожалуй, единственное напоминание о жизни в этом краю. За поселком, вырвавшись на простор поймы реки Детрии и ее притоков, пурга буйствовала с неукротимой лютостью.

Из крайнего дома через резко открывшуюся на мгновение дверь уверенной поступью вышел человек. Клубы тепла, сопровождаемые ярким светом, вырвались вслед за ним и тут же исчезли во мраке. Пройдя пять-шесть шагов, человек остановился в узкой полосе света. Одет он был в обычный ватник, единственно доступный таежнику, и такие же штаны. На ногах у него были высокие валенки, на голове - меховая шапка. Ростом немного выше среднего, он, казалось, был крепкого телосложения, В то время как воющий ураган обрушивал на него всю свою силу, человек спокойно подставил лицо стихии, едва заметно поддаваясь ее порывам. Из-под шапки выбилась темная прядь волос, и как ветер ни трепал ее, в момент затишья она по-прежнему оставалась непокорно-волнистою. Взгляд чуть приоткрытых темных глаз врезался сквозь снежную пыль в мрак непроглядной ночи. На вид ему можно было бы дать не более двадцати пяти лет, но едва заметные морщины на лбу и под глазами свидетельствовали о том, что им пройден немалый жизненный путь, полный лишений, невзгод и отчаянных битв. Слегка опаленное ветром лицо отражало в себе решимость и едва заметный след усталости. Тридцать два года осталось за спиной у Павла Владыкина.

Постояв минуту-две в полосе света, он огляделся, определил направление и, решительно пробиваясь через наметенные сугробы, двинулся вперед. В этот поздний час Павел, по своему обыкновению, вышел к пойме реки, чтобы в примеченном им месте, под кустом, провести молитвенный час общения с Господом. И хотя уже третьи сутки над поселком свирепствовала пурга, Павел сохранил свое постоянство.

Сноп искр, вырвавшийся из трубы локомобиля, осветил на мгновение контур знакомого куста. Буря подковообразно намела двухметровый сугроб снега вокруг куста и коряги и тем самым приготовила чудесное затишье внутри самой подковы.

"Господи, лютая пурга приготовила для меня такую чудесную беседку. Слава Тебе за все!" - воскликнул Павел и хотел уже склониться на колени, но его внимание привлек очередной сноп искр из трубы локомобиля. Искры с силой вырвались из жерла трубы и, ярко освещая мрак ревущей ночи, стремительно возносились вверх. Но затем их яркость уменьшалась, полет замедлялся; описывая в воздухе дугу, они падали вниз и гасли. Порыв урагана хлестнул в лицо Павла еще не остывшими крупинками, и огненными буквами промелькнули в его сознании прочитанные в детстве слова из книги Иова: "Но человек рождается на страдание, как искры, чтоб устремляться вверх".

"Господи, вот смысл моей жизни, вот цель моих страданий, вот тема моей сегодняшней молитвы в конце скитальческого дня!" - с этим восклицанием и горячими слезами Павел склонился для молитвы на свеженаметенный рыхлый снег.

Глава 1

Род Владыкиных был известен среди немногих других семей села Еголдаева своей столетней давностью, хотя никто из него не слыл оседлым. Земли Ряжского уезда не отличались плодородностью, поэтому крестьянство наряду с земледелием вынуждено было промышлять подсобными занятиями, чтобы как-то сводить концы с концами. Одним из распространенных занятий жителей села Еголдаева был сбор утиля, за что их называли "тряпишниками" или "кошатниками".

Петька Владыкин в детские годы то ли из-за любви к природе, то ли из-за каких-то других соображений проболтался в подпасках, а когда подрос до "парней", на дряхлой лошади с подводой собирал старое тряпье, рога, копыта, кости, кожи. Мелкие промышленники скупали у него этот товар, имея от этого выгоду.

После смерти матери Петька был единственной опорой отца. Мачеха у Петьки оказалась ленивой, бесхозяйственной женщиной. В семью Владыкиных она привела трех своих детей, но вскоре сама осталась вдовой. Никита Владыкин, отец Петьки, недолго прожил после смерти первой жены и как-то неожиданно для всех, еще в полном расцвете сил, тихо ушел из жизни. Так хозяйство Владыкиных осталось без хозяина, а время надвигалось смутное.

Шел 1911 год. Какие-то тревожные вести передавались сельчанами из уст в уста. Мужики, сидя на бревнах в сумерках, попыхивая "козьими ножками", подолгу задумчиво рассуждали о жизни и чаще всего о "городских". Петьке едва только сравнялось двадцать лет, и хоть по годам ему не подходило быть в мужицкой компании, он в свободные вечера любил молча прислушиваться к разговорам и даже иногда вставлять дельное словечко.

В своих частых и долгих поездках по людям у него все более и более созревало решение оставить деревенскую жизнь. Этому еще содействовало страстное желание заменить старую потрепанную двухрядку на баян, а заурядную известность гармониста на громкую славу баяниста. И наступил тот день, когда Петр ранним утром не отправился, как обычно, собирать утиль. Он распряг старую клячу, жилистой рукой потрепал ее по холке и задумался.

Лентой протянулось в голове детство, серенькая пастушья жизнь среди торфянистых угодий, шумливые крестьянские ватаги во время нарезки торфа, вечерки в прокуренных избах. Затем вспомнилась заросшая могила матери. Последние тихие слова отца резанули дрогнувшее сердце...

Шершавыми губами лошадь провела по руке Петра, и его раздумья оборвались. Кобыла вопросительно посмотрела ему в глаза и, отвернувшись, осторожно ступая, пошла в угол конюшни. Петр медленно побрел в избу. У порога его встретила мачеха, рябая Аграфена, и, испуганно всматриваясь в лицо Петра, спросила:

- Ты што, Петька, так скоро вернулся, али беда какая стряслась?

- Нет, мамань, наоборот, будет уж без толку мотаться, сил нет тянуть эту лямку и ждать, когда с тебя нужда последние штаны стащит, - ответил ей Петр, садясь на скамью.

На полатях зашевелились три копны нечесаных ребячьих голов, и заспанными непонимающими глазами братья Петра уставились на него.

- Ты што надумал, парень? Уж не бросать ли хочешь нас, с ума што ли сошел? - заголосила Аграфена надрывным голосом. - Да што же я буду делать, несчастная, больная, с моими несмышлятышами? Ох, Петька, Петька, ты по миру хочешь нас пустить, нет на тебе креста, разбойник! - так вопила Аграфена, катаясь на единственной деревянной кровати под полатями, застланной грязной дерюгой.

Петр порывисто встал.

- Мамка, довольно голосить.

Петькин решительный голос остановил причитания Аграфены.

- Хватит вам сидеть на моей шее, до каких пор ты будешь высиживать своих несмышлятышей? Им уже по пятнадцать лет; я в это время старшим подпаском был, семье хлеб добывал. А таких больных, как ты, у нас вся деревня, и никто по миру не ходит.

Петька взволнованно шагнул к двери и, ухватившись за скобу, бросил на ходу:

- На таком хозяйстве, как у нас, мой дедушка десять душ вырастил да четыре избы поставил. Я уезжаю от вас совсем, но кроме отцовского картуза, старой гармони да краюхи хлеба - ничего от вас не забираю. Хватит, пора и вам за ум браться да жить, как людям.

Петр порывисто схватил гармонь и вышел на улицу, крепко хлопнув дверью. С полатей слезли двое парней и девчонка и сели рядом с Аграфеной.

За окном рванула Петькина двухрядка "Лучинушку", звуки которой, удаляясь, вскоре потерялись в деревенском гомоне. В оставленной Петром избе на неубранном столе, поблескивая, лежали два целковых; перед "Казанской Божьей матерью" догорала лампада, за окном занималась заря.

На другой день ранним утром, еще в потемках, Петр с котомкой на плечах покинул Еголдаево и направился к железнодорожной станции. Долго стоял на станции Козловской поезд. Петька успел перезнакомиться со всеми людьми в вагоне, разузнать, кто, куда и зачем едет, рассказать и про свои думки, сбегал с чайником за кипятком на станцию для старой бабы с детьми. В вагоне резко отдавало запахом новых лаптей, людского пота, самосада да догоревшей свечи. С верхних сплошных полок вагона вперемешку с людскими головами торчали лапти с онучами, и в утренней тишине слышались мерные храпы спящих.

Из-за духоты Петр вышел в тамбур в тот самый момент, когда где-то далеко трижды звякнул станционный колокол. Поезд дрогнул и со скрипом тронулся на Москву. За окном медленно пробегали с детства знакомые овраги и деревни. Петькину утомленную бессонницей голову теребила неотступная мысль: правильно ли он поступил, уехав от этих "трутней" в поиски новой жизни? Рука в кармане нащупала разменную "Катеринку".

Под полом вагона колеса четко отбивали в ответ Петькиным мыслям: "Только так, только так. Только так... так... так..." Петька улыбнулся и вслух проговорил сам себе: "Значит, так и будет! Довольно".

Остаток пути он проехал спокойно. Как топором отрублено было теперь его прошлое, а будущее стало каким-то близким, доступным и, главное, - законным.

Москва приняла Петьку просто, гостеприимно. Хозяин мукомольной вальцовой мельницы принял его сразу, так как в открытом деловом взгляде Петра не таилось никакого лукавства, а такие трудяги везде нужны. Вечером экономка завела его в полуподвальную комнату, где таких, как он, квартировало четыре человека. Новая жизнь встретила его запахом городских щей, водочным перегаром и простотой отношений.

- Ну так, значит, голубчик, вот тебе кровать; матрац, если хочешь, набьешь сам на дворе соломой. За койку с харчами будешь платить мне двадцать целковых в месяц. Зовут меня Матреной. Понял? А тебя как дразнят-то?

- Петька Владыкин я. Ну что ж, двадцать, так двадцать, и за это спасибо! - ответил Петр, перешагивая порог.

Матрена, поправив указанную Петьке кровать, встала среди комнаты и, надменно подняв голову, подперев руки в бока, хрипловато выпалила:

- Шлятца допоздна, горланить и водить Бог знает кого я не позволю. Голодные и немытые у меня не будете. Ну и по-господски кормить не обещаюсь, живи с Богом, как все.

Перекрестясь на Николая Угодника, Матрена, полная, по выражению ее жильцов, как тульский ведерный самовар, выкатилась, как колобок, на кухню.

Товарищи приняли Петьку просто, дружелюбно. Старший из них ради знакомства протянул ему стакан с недопитой водкой и, как Петька ни отказывался, выпить ему пришлось, а через полчаса он со своей двухрядкой был уже в центре внимания сбежавшихся жильцов.

Однако вписаться в новую городскую жизнь Владыкину было не так-то просто, и через малое время он q разочарованием покинул Москву. Дело в том, что работа на мельнице среди постоянного облака мучной пыли была ему непривычной. После того, как однажды ему по его неосторожности прихватило элеваторным ковшом указательный палец, который затем на всю жизнь остался уродливым, Владыкин уволился.

Заметно он не разбогател: из сорока пяти заработанных целковых он часть отдал за жилье Матрене да червонец придержал себе. Кроме сбереженного червонца, он увез из Москвы мастерство шулера-картежника, ухарство и жажду к веселой жизни.

Еще из мужицких рассказов "на бревнах" в Еголдаеве он знал о раздольной жизни мастеровых в городе Н. и других фабричных поселках Московской губернии, и теперь его манило туда. Адрес у него на всякий случай был завязан в одном узелке с деньгами. И вскоре Владыкин, довольный собой, в промасленной спецовке и рабочих рукавицах расхаживал по пролетам большого машиностроительного завода в городе Н. Работа здесь пришлась ему по вкусу. Кличку ему присвоили Петька-горбоносый, а в обязанности его входила строповка грузов для подъемного крана. Очень скоро цеховой шум и суета овладели Петькой, и он весь оказался поглощенным новой кипучей жизнью.

Вечера Петр проводил в компаниях заводской молодежи, так как основная масса рабочего люда была из окружающих деревень, и поэтому он чувствовал себя в родной стихии. Сам Петька, при мастерстве гармониста, становился все более и более известным по округе. В субботу, накануне престольных праздников, когда после обеда со всеми мастеровыми получал у счетовода жалование, Петька часто исчезал из поля зрения своей компании. Его подолгу разыскивали друзья, но найти его им обычно не удавалось. Только после праздников, взъерошенный, но с довольным видом Петька вновь появлялся в своем цехе. Секрет его исчезновения объяснялся тем, что Петька все чаще стал пропадать среди картежников фабричных поселков: в Раменском, Виноградове, Гуслицах и др. Очень быстро он овладел этим пагубным искусством и к 1913 году в узком кругу профессиональных игроков значился шулером-картежником. В его карманах стали появляться пачки выигранных денег и "подкованных" карт. С этих пор у Владыкина стали умножаться и враги; это обстоятельство заставило его носить под рубахой стальную чешуйчатую сетку, а вокруг пояса - "резиновую кишку", залитую по концам свинцом. Шальные деньги привели его к частым кутежам, и если бы не любовь к гармошке, его душа очерствела бы окончательно, а буйную голову пришлось бы сложить в одном из оврагов или темных подвалов.

Очень скоро Петр приобрел прекрасный баян и за сравнительно короткий срок, при его необыкновенных способностях, репутацию баяниста.

Музыка стала для него всепоглощающей страстью. С упоением слушал он игру опытных баянистов и брал затем у них платные уроки. Целью его стало в совершенстве овладеть искусством игры на баяне, и для этого он не жалел ни времени, ни денег. Так Петька Владыкин стал вскоре известным в округе музыкантом-баянистом. Ни одна свадьба или вечеринка не обходилась без него. Известность принесли Петру деньги и почет; но вместе с тем все больше погрязал он в пьянстве и разгулах. Все чаще предупреждали его старшие друзья на производстве:

- Петька! Пропадешь ты, парень, на корню пропадешь, засохнешь и очнуться не успеешь, как сопьешься, спутаешься с нечистью и молодая жизнь погибнет. Жениться тебе надо; девок вьется вокруг тебя уйма, выбери по душе, и пора тебе остепениться!

После таких слов, особенно после похмелья, все чаще задумывался Петр о женитьбе. Перед его воображением пробегали целые хороводы девчат и заводских, и дальних - деревенских.

Как-то в один из майских вечеров к Петру заехала из Починок тетка Катерина. В разговоре с ней он узнал, что из соседней деревни сватают одну из ее девок, но кого именно Катерина не назвала. Сказала только, что сватовство будет на Вознесение, а свадьба перед Троицей и что его просят на свадьбу. Вначале Петр не обратил особого внимания на ее слова, но позже его неотвязно стала преследовать мысль: почему Катерина не говорит, кого сватают?

Перед глазами встала Катеринина семья: двое ребят, две девки - Поля и Луша, При одном воспоминании о Луше заныло сердце, появилось еще неизведанное, непонятное чувство тревоги. Припомнилась вечерка в их доме, встречи в сумерках у родника в Вершках, теплый ее взгляд. Потом разговор с Федором - старшим братом Луши - в сарае на сеновале, во время которого Петька получил вразумительный отказ при намеке на Лушу, отказ по причине его разгульной жизни:

- На что она тебе, Петька? Тебе нужна городская, разбитная, какая могла бы тебя удержать, ведь непутевый ты. Я-то все знаю, и мамка не отдаст Лушку за тебя, да и Лушкина голова не тобой занята.

Тогда Петра это как-то кольнуло, и он решил не спешить. Вправду сказать, во многих делах он и был "оторви да брось", но по части девок у него не хватало смелости, хотя он внешне маскировал этот свой недостаток показной бесшабашностью.

В просьбе тетке Катерине Петр не отказал, но после ее отъезда в деревню мысль о Луше с каждым днем овладевала им все больше и больше. В ночь на Вознесение он не вытерпел, быстро вскочил с постели, оделся и решительно зашагал в Починки. Двадцать пять верст отмахал он в несколько часов, и, когда зазвонили в колокол к заутрене, Петька как раз остановился в лесочке перевести дух и собраться с мыслями. Какими-то другими виднелись в пол версте перед ним Починки. С замиранием сердца, но решительно Владыкин направился к крайней избе...

Все дни перед Вознесением Луша ходила сама не своя, и обиднее всего было то, что, как она ни старалась собрать мысли о своей судьбе, все неудержимо рассыпалось. Из головы не выходило прошедшее на днях сватовство в их избе. После того в глазах ее неотвязно мерещились сваты за столом, четверть самогонки, оживленный гомон, а в углу под образами красный от волнения Егор - ее жених. Она изредка выходила в сени, чтобы по приказанию мамки принести что-либо к столу. Один раз она взглянула на Егора, как ей думалось, украдкой, но взгляды их на мгновение встретились. Душа ее встрепенулась, и все в ней отчаянно запротестовало. Веснушчатое лицо Егора выражало самодовольство, серые глаза его из-под копны рыжих волос буквально пожирали Лушу.

Сватовство длилось долго, шумливо, но, к удивлению Луши и Федьки, старшего ее брата, осталось безрезультатным, хотя обе стороны: и тетка Катерина, и сваты Хлудовы с Егором - были уверены, что свадьбе Егора с Лушей помешать ничто не сможет. Разошлись на том, что на Вознесение, после заутрени, Катерина привезет им окончательный ответ. Хлудовы встали из-за стола, степенно перекрестились на образа и, выходя от Катерины, буркнули: "Никуда она не денется!", а Егор, выходя из избы к тарантасу, бабьим голосом пролепетал на ходу: "Ну, ничего, Бог даст породнимся!"

Катерина заботливо проводила их со двора, закрыла ворота, перекрестилась и долго еще смотрела им вслед.

Вознесение... Катерина сегодня встала раньше обычного, выгнала скотину в стадо, прибрала в избе, и звон колокола застал ее почти у церкви. После утренней службы она пойдет к сватам решать уже со свадьбой.

У Луши все валилось из рук, ноги едва держали ее. Кое-как она подошла к зеркалу причесаться.

- Неужели все кончено, неужели девичье счастье так коротко? - спрашивала она себя, глядя на свое отражение в зеркале.

Вдруг где-то далеко-далеко будто послышалось ей рыданье Петькиного баяна... В глазах затуманилось, в навернувшихся слезах все расплылось, а вместо себя в зеркале ей показалась рыжая копна волос, самодовольная улыбка на веснушчатом лице жениха. Рыданье бурно вырвалось из груди. Луша бросилась на неубранную постель, в глазах мелькнула лампада и образ Спасителя:

- Господи! Неужели никому не нужно мое горе? Неужели жизнь так рано потеряна? Неужели счастье больше никогда не заглянет в мою душу?

Уткнувшись лицом в подушку, Луша неудержно рыдала, одинокая, никому ненужная. В соседней комнате досыпая, мерно храпели Васька с Полей. Луша одна боролась со своим горем. После взрыва рыданья наступила тишина, в сердце созрело решение постоять за свою судьбу.

Она опять подошла к зеркалу, но в нем ей снова почудился образ самодовольно улыбающегося веснушчатого жениха Егора. Луша не выдержала и с силой плюнула в него. Образ Егора дрогнул, расплылся; вместо него между потеками ей привиделся Петькин картуз, а под ним сам Петька, тот самый, каким она видела его в последний раз у родника.

- Петька! - прошептала Луша и обоими руками ухватилась за раму зеркала...

В окно кто-то постучал. Луша рванулась к занавеске и отдернула ее. За окном стоял настоящий Петька, в том же самом картузе. Приложив руку к козырьку, он молча глядел на нее. Как он оказался в избе и как она в его объятьях, Луша не помнила. Только, придя в себя, она торопливо выпалила:

- Мамка с заутрени прямо из церкви пойдет к Хлудовым, понесет свое последнее слово и уговор о свадьбе. Понял?

- Понял! - ответил Петр, но оторваться от Луши у него не было сил.

Когда они полюбили друг друга и где договорились о своем счастье, они и сами не знали, но в эту минуту они были счастливее всех на свете. Так, обнявшись, они посмотрели в зеркало, потеки мешали им видеть себя, и Петр, ладонью стирая их, спросил:

- А это что такое?

Луша вспыхнула румянцем, на минуту нагнула голову, потом подняла лицо и, взглянув Петру прямо в глаза, открыла секрет своей давней любви к нему и причину подтеков.

- Ну что ж! Обниматца-то некогда, надо что-то делать! - проговорил Петр и, взяв ее за руки, тихо, но решительно сказал: - Собирайся!

Быстрыми шагами Петька направился к своему давнему другу Николаю. Увидев Петра из окна, Федор выбежал и крикнул:

- Петька! Ты куда? Постой!

Петр, на ходу махнув рукой, еще решительней зашагал между изб и скрылся за палисадником.

Николай Егоров был единственным человеком в Починках, который понимал Петра, уважал его, верил в его будущее и делил с ним свои секреты. Хотя по годам он был и не старше Петра, но по уму был и самостоятельней, и тверже, к тому же давно имел семью, а среди мужиков - уважение. Его изба находилась в середине деревни, напротив деревенского пруда, поэтому починковские мужики чаще всего собирались на его "бревнах". К нему-то, не останавливаясь, зашагал Петр со своим вопросом.

Егоров без удивления принял его, усадил за стол под образа, а сам по традиции вынес из сельника самогонку. Но Петька решительно отказался, так как было, по его выражению, не до этого. Коротко Петр изложил свое дело и Лушину судьбу, о чем Николаю отчасти уже было известно. Николай Егоров вполне разделял желание Петра с Лушей, отозвался во всем помочь им, но убедил Петьку, что все-таки без стакана самогонки к этому приступить немыслимо. Через полчаса Петр с Николаем навеселе выехали на тарантасе со двора в село к церкви.

Дальше все пошло как-то проще, или потому, что самогон действительно придает смелости, или оттого, что от судьбы никуда не уйдешь. Катерина, выйдя из церкви, сразу заметила их.

- Касатики, каким это вас ветром принесло? - удивленно спросила она, подойдя к тарантасу.

- Каким принесло, таким и унесет, Катеринушка, а у Хлудовых тебе делать нечего, вот тебе и весь мой сказ. - Внушительно прогремел "Николай Егоров. - Им не Лушка нужна, а лошадь; хоромы-то ты их видела какие? Не

увидит там Лушка жизни, на погибель отдаешь девку, сама потом слез не выплачешь. С богатыми родниться - всю жизнь спину гнуть будешь, а нужда не убавится. И девка слезами вся обливнется. Садись в тарантас, домой поедем, - решительно закончил он, поправляя дерюгу.

- Сусе Христе... Пресвятая дева... да што это такое, да нешто так можно? - проговорила Катерина, крестясь на церковь. - А сваты-то, нешто зря приезжали, да што люди-то скажут, да Господь-то видит, нешто так можно?

- Катеринушка, Лушка не засватана, молитвы не было и обману тут нет никакова, а делать дело надо по любви. Им жить надо всю жизнь. Садись, не раздумывай, да и Петьку не отталкивай, они любятся уже незнамо как давно, вот твой зять, - возразил Николай и, указав на Петра, решительно подошел к Катерине, чтобы подсадить ее в тарантас.

Катерина не сопротивлялась, но, как-то недоверчиво глядя на Николая, уселась на дерюгу. Судьба Луши становилась для нее все более смутной. Искоса она посмотрела на Петра, и какие только мысли не прошли в голове этой простой крестьянки-матери.

Когда отъехали от церкви, Петька повернулся к Катерине и, запинаясь от неловкости и выпитого самогона, сказал:

- Я давно хотел тебе сказать про Лушу, да вот никак не решался. Я давно люблю ее, благослови ты нас с ней... пропаду я без бабы!

Он бы еще что-нибудь сказал, но тут Николай Егоров за их спиною вдруг затянул свою любимую: "Когда б имел златые горы..."

В Починках Николай проехал мимо своего двора, и все втроем вошли в Екатеринину избу. Луша притаилась в чулане, томясь от трепетного ожидания.

- Чего задумалась? - гаркнул Николай, отворив дверь, - иди сюда!

Он силком вытащил ее из угла, удивляясь:

- На безделье смотри какая бойкая, а тут гляди, сомлела, а?

Как они оказались с Петькой рядом и, тем более, как опустились перед Катериной на колени опять же объяснить трудно.

- Мамань, благослови нас, - пролепетала Луша. Петька тоже что-то хотел сказать, но осекся, а вместо него прогремел Николай:

- Благословляй, Катеринушка, да свадьбу играть будем!

Катерина колебалась. Повернувшись к образам, она била земные поклоны, шептала слова молитвы, в душе происходила борьба. Долго стояла она недвижимо на коленях, закрыв лицо ладонями, не решаясь принять тяжелое для нее решение, но наконец вздохнула, перекрестилась последний раз и встала. Лушу с Петом благословила коротко, решительно:

- Милостив Господь!

Весь следующий день был в сборах, в суете. Жители Починок неоднократно проходили мимо окон, пытливо заглядывая в них, но Луша с Петром показались на улице только вечером, счастливые, довольные.

Давно погасли огни в Починках, и бабы разошлись с улицы по избам, а песни у Катерининого дома пелись громко и долго, до самого рассвета. Отвели душу Лушины подружки, напелись на прощание, наобнимались, нацеловались.

Свадьбу решено было играть в Н. На другой день перед обедом из Починок в город выехало две подводы с родней невесты, подружками и сундуком приданого. Петька с Лушей пошли сзади пешком и, как только вышли со двора, низко поклонились собравшемуся люду. Медленно, но с чувством неизъяснимой радости Луша оставляла свою родную деревушку. Долго еще позади слышался ребячий крик, пение петухов да собачий лай. У лесочка перед Нестровом Петька с Лушей остановились и оглянулись на Починки. Далеко за зеленью ржи торчали крыши последних изб. С крайней избы кто-то еще махал белой тряпочкой на длинном шесте.

Петр вздохнул, крепко-крепко сжал Лушину руку и сказал:

- Да, Луша, есть счастье в потерянной жизни, но в чем оно - нам неизвестно!

Венчались они у "Покрова" в большой, но скромной церкви, стесненной кругом купеческими хоромами. Священник с воодушевлением провел всю службу, однако был удивлен тем, что такому бесшабашному человеку досталась такая красавица.

Толпа зевак провожала обвенчанных от церкви до извозчика, пока карета, разукрашенная цветами, под разноголосый звон бубенцов по всей сбруе и колокольчиков под дугою не скрылась далеко за поворотом. Свадьба у Владыкиных была недолгой, но хозяйские комнаты были битком набиты гостями. Больше всего было заводских товарищей да починкинская Лушина родня. С Петькиной стороны из родни был только отцов брат. Игралась свадьба только один день по-настоящему, но весь этот день через раскрытые окна почти без перерыва вырывалось на улицу громкое пение, и внимание проходящих привлекало мастерство баяниста. Играл Петькин закадычный дружок - его учитель, играл ловко, залихватски. Но больше всего внимание окружающих привлекала невеста. Ее рассматривали подолгу, восхищались всем в ней: и общей ее простой естественной красотой, и приподнятыми на концах темными бровями, и бесхитростным взглядом темных глаз, и прямым носом, и темными пышными волосами, и стройным станом. Никто не предполагал, что Луше едва исполнилось шестнадцать лет. И не столько простое венчальное платье с обычной фатою украшало ее, сколько миловидность самой невесты делали ее уборы привлекательными и необыкновенными.

На второй день гуляли только с родными в комнате у молодых и по-свойски, просто. После свадьбы все оставили молодых, и жизнь стала входить в привычную колею.

Комната их была обставлена бедно. Петькиного капитала хватило лишь на новую швейную машину "Зингер" с ножным приводом, которую он купил молодой жене, деревянную двуспальную раскладную кровать, деревянный шкаф, четыре венских стула и десятилинейную лампу "Молния", Конечно, после холостяцкой бесшабашной жизни все это казалось хоромами. Единственной же ценностью для Петра, достойной его внимания, оставался баян.

Для Луши городская жизнь была совершенно новой и необычной. Рано утром она провожала мужа на завод, а после вечернего заводского гудка выходила за калитку, чтобы из вереницы рабочих в промасленных куртках под звонкий смех и шутки заводских оторвать "своего". Первые дни, недели и месяцы прошли у Владыкиных весело и даже бурно. Почти каждый вечер они проводили или на вечеринках, или на свадьбах, где Петр со своим баяном был в центре внимания, а Лушу "на разрыв" приглашали танцевать. Все чаще и чаще после таких вечеринок она уже за полночь привозила едва живого Петра на извозчике домой. Вскоре, однако, их веселью пришел конец. Луша стала скучать по починкинской жизни, Петькин кутеж ей опротивел. В один из вечеров, когда он по обыкновению, схватив баян, потянул Лушу с собой, она встала перед дверью и, умоляюще посмотрев Петру в глаза, сказала:

- Петя, пора кончать эти гулянки, пора про жизнь думать, с тобой таскаться мне уже тяжело, да и все опротивело, Я... уже в положении, - тихо окончила она.

Петр заглянул ей в лицо и только теперь заметил, как оно осунулось, посерело. Такой он Лушу не видел никогда. Той свежести и огня, как он видел у родника, не стало; печать озабоченности выразительно легла на глаза и лоб. "Вот это и все? - промелькнуло в сознании Петра. - А где же та Луша в Вершках? Где ее глаза, улыбка, где та перед оплеванным зеркалом - стройная, решительная, пламенная, со сверкающими очами?

- Так что же, на этом и счастью конец? - с горькой улыбкой вымолвил Петр.

Луша стояла перед ним поникшая, тихая и совсем другая. Как порох вспыхнуло в мятежной душе Петра возмущение: Нет, не все! Счастье где-то есть, надо его искать!

- Что же, по-твоему я, как монах, должен запереться с тобою в этой келье? Днем мотаться по цеху, а вечером стеречь тебя?! - выпалил Петр. - Молодость дается один раз, и ее надо прожить как можно веселей! - Оттолкнув Лушу, Петр открыл дверь.

- Я не неволю тебя: не хошь, как хошь, но мне жить не мешай! - грубо бросил он через плечо, выходя из комнаты.

"А любовь, а как же я? Вот они девичьи думы чем кончаются! Такое вот оно бабье счастье. А как же теперь жить, с кем жить и для кого жить?" - стоя спиной к двери на том же месте, куда толкнул ее Петр, лихорадочно думала Луша. В это время под самым ее сердцем неожиданно что-то шевельнулось. Ноги дрогнули, медленно Луша опустилась на постель, головой упала на подушку и прислушалась; под сердцем толкнуло что-то еще сильнее - так близко была еще чья-то жизнь! Луша села, на подушке осталось мокрое пятно от слез, она виновато закрыла его ладонью. А в раскрытое окно далеко-далеко застонал баян и, сливаясь с ним, голос Петра: "Когда б имел златые горы..." Через минуту все утихло, лишь на душе у Луши клокотало горе.

Поздно ночью бесчувственного Петра привезли на тарантасе. Со слезами на глазах Луша терпеливо раздела его, втащила на кровать; сама, не раздеваясь, легла на сундуке. Это была ее первая бессонная ночь.

С этих пор жизнь Владыкиных совершенно изменилась. Петр становился все более диким, чужим, и если вечерами не уходил на гулянки, то еще хуже - приводил друзей к себе. Пьянки длились ночами; жизнь превратилась в грязный омут. Луша стала прятать деньги от Петра, а после того, как он, потрясая кулаками, потребовал их, решила вообще их хранить у Никиты Ивановича с Варей, ее единственных сердечных друзей.

Никита Иванович работал мастером на заводе, был справедливым, деловым человеком, нередко по-отцовски строго одергивал Петра, так что, пожалуй, его единственного Петр уважал и побаивался. Жена Никиты Ивановича, Варя, была богобоязненной женщиной, трудолюбивой и хозяйственной. Имели они большой двухэтажный дом с садом, жили небедно. Одна комната у Вари от потолка до пола была обставлена иконами, но поскольку Никита Иванович был не охоч до церкви, а больше увлекался книжками, комната была постоянно заперта. Сюда-то Луша стала все чаще похаживать и отводить свою душу перед образами.

В один из вечеров Петр остался после работы дома, и в этот вечер пришли навестить их Никита Иванович с Варей, в первый раз после свадьбы. За чаем Никита Иванович внушительно и резонно обличал Петьку (он только так называл его). Луша была тяжелая и ходила последние дни. От сердечного участия гостей у Луши во время разговора катились из глаз слезы, но она сидела тихо, не поднимая головы. Петр сидел тоже с опущенной головой и все время молчал. Он искоса взглянул на Лушу и впервые увидел ее такой жалкой, подавленной. В душе его что-то шевельнулось, появилась к ней жалость. Руки ее, безвольно лежавшие на коленях, судорожно сжимали скомканный платок. Петр осторожно накрыл их своей ладонью и медленно привлек жену к себе. Она наклонилась к нему и доверчиво положила свою голову ему на плечо.

- Да, дядя Никита, ты прав, сказать тут нечего, обасурманился я, а остановиться нету сил, - негромко, но искренне признался Петр.

Гости довольные ушли домой, оставив молодым наставления, как надо жить.

После этого вечера Петр притих и заботливо помогал Луше по хозяйству, особенно в подготовке к прибавлению семейства. Вдвоем они сходили в потребиловку и купили там по совету Вари все нужное для ребенка, заказали люльку с пологом и пружиной. С завода Петр принес кольцо и ввинтил в указанную Лушей потолочную балку.

Долго ждать не пришлось. В мартовскую темную ночь 1914 года Луша толкнула Петра в бок:

- Петя, вставай, наверно, подошло, веди меня, как бы чего не случилось.

Собрались наспех, лишь выходя, Луша обернулась и, усердно перекрестясь на Николая Угодника, осторожно, чтобы не разбудить соседей, вышла вслед за Петром на крыльцо. В больнице, расставаясь, она торопливо поцеловала Петра.

Петр медленно брел домой, на ходу обдумывая все подробности знакомства с Лушей, первые встречи, сватовство и свадьбу, а когда дошел до первых Лушиных слез, махнул рукой и быстро зашагал к дому.

На следующее утро Петр с волнением прибежал из цеха в заводскую больницу, где ему сказали всего несколько коротких слов:

- Сын. Родился утром. Горластый. Жена очень слаба. Неси харчей в передачу.

Петр заглядывал, куда только мог, но ничего другого увидеть и узнать ему не удалось. Увиделся он с Лушей только на третий день, передал ей все, что просила, но сына ему не показали.

За Лушей Петр пришел на шестой день. В прихожей встретили его приветливо и долго ждать не заставили. Через несколько минут дверь открылась: впереди шла полная, в белоснежном халате медсестра, неся на руках перед собой большой сверток; за ней вышла Луша, осунувшаяся, но радостная и довольная. Сестра бесцеремонно подошла к Петру, поздравила его и передала сына. Петр неумело взял его на руки и растерянно вышел на улицу. Луша уловила от него запах водки.

- Петя, ты опять не удержался?

- Да нет, немного для смелости. Ведь сама посуди, сын же родился, полагается, - оправдываясь, ответил Петр.

По дороге шли медленно, и Луша настороженно наблюдала за Петром: не уронил бы. Петр рассказывал на ходу новости. Ребенок слегка попискивал и все норовил сползти куда-то вниз... Луша шла, держась за руку мужа, и, то и дело останавливаясь, поправляла их драгоценный сверток. Но как ни старались они оба, все-таки, к

удивлению и веселью ожидавших их дома, сын оказался под мышкой у отца. Из Починок к этому времени приехала Катерина, а в прибранной комнате молодую семью, кроме матери, встретили Никита Иванович с Варей и хозяйская семья. Комната огласилась детским криком и пружинным скрипом раскрашенной люльки, подвешенной к потолку. На семейном вечере было решено, что крестными будут Никита Иванович с Варей и что батюшку при крестинах надо уговорить любою ценою, вопреки "святцев", сына назвать Павлом. Поэтому крестили Павла в заводской церкви, там проще и батюшка сговорчивый. Так появился на свет Павел Владыкин.

Шел 1914 год. В народе все более усиливались слухи о войне. Непривычная семейная жизнь с ее заботами стала вновь сильно тяготить Петра. Луша все внимание и любовь перенесла на сына, а на долю мужа осталось только самое житейски необходимое. Петр вновь ударился в разгул. Как сбрасывал он после работы свою промасленную спецовку, так сбросил и семейные обязанности и еще отчаяннее, чем прежде, стал кутить. Луша казалась себе забытой и никому ненужной. Ее частые слезы лишь раздражали Петра. Но ребенок придал ей вместо обычной робости чувство решимости, и ее молодая душа, полная энергии жизни, неудержимо рвалась за пределы этой душной кошмарной жизни, за окно, на просторы. Там в ярком воспоминании были еще свежи картины совсем недавнего, счастливого прошлого: зеленеющие нивы, родные леса и овраги, звонкий девичий смех среди ромашек и васильков и... стук в окно. Петькино лицо... Венчальная фата, церковный алтарь, больничные муки и в результате - эти муки одиночества... Все это теребило сердце Луши и никак не вмещалось в больной от постоянного недосыпания голове.

Однажды летом после получки Петр торопился домой с работы, чтобы переодеться и идти на большую пирушку. По дороге он забежал в казенку и, на ходу распечатав "жулика", выпил для смелости.

Дома его встретила Луша с больным ребенком на руках.

- Чего обнялась-то! Достань одежду и расшитую косоворотку! - раздраженно крикнул Петр на жену, швырнув в угол рабочий пиджак.

Как клещами ухватила обида сердце Луши, слезы выступили из глаз. Она шагнула к двери и замерла, повернувшись лицом к Петру. Затем прерывистым от волнения голосом сказала:

- Петя! За что ты терзаешь душу мою? Чем я провинилась, что ты совсем бросил меня и швыряешь, как половую тряпку? Где твоя любовь? Раньше двадцать пять верст бежал, чтобы вечер побыть вместе, а сейчас готов за сто верст убежать от меня. Нет больше сил у меня - это не жизнь! Измоталась я, сама себя не узнаю. Ничего я тебе доставать не буду, хватит измываться надо мною, пора приходить к какому-то концу. Мы же под венцом с тобой стояли, побойся Бога, если уж людей не стыдишься!

Все эти слова нестерпимым укором хлестнули Петра по хмельной голове, лицо и глаза налились кровью, по скулам заходили желваки. Он порывисто схватил жену за плечи и не обращая внимания на плач ребенка, притянув к себе, процедил сквозь зубы:

- Так ты што, осмелела?.. - и он с такой силой оттолкнул ее, что она спиной и затылком ударилась о стенку, а сам выбежал на улицу...

Под ногами Луши что-то пошатнулось, руки медленно опустились, в глазах побежали огненные круги, а потом все исчезло...

Проходя мимо окна Владыкиных, Никита Иванович услышал неистовый детский крик. Калитка и дверь в квартиру были распахнуты настежь. Он торопливо вбегал в открытую дверь. На половике у стола, лицом вниз, надрывался от плача завернутый в одеяльце Павлушка; на полу у стены с подвернутыми под себя ногами и бледным, как полотно, лицом без сознания лежала Луша. Никита Иванович вздрогнул от испуга, и первой его мыслью было: "Убил!" Но, овладев собой, он осторожно положил ее на постель. Луша вздохнула и застонала, в полу открывшихся глазах сверкнули невысохшие слезы.

- Где я? - сквозь зубы прошептала Луша. - Что со мной? - и опять потеряла сознание.

Потом Никита Иванович так же бережно поднял Павлушку, близко прижал к своей груди, и ребенок быстро затих. "Петька! Петька! Пропащий ты человек и другую жизнь губишь с собою!" - думал про себя Никита Иванович, внимательно смотря то на Лушу, то на Павлушку.

Через некоторое время Луша очнулась и, увидев Никиту Ивановича, облегченно вздохнула:

- Ну, слава Богу! Где он? Что случилось? - Спросил Никита Иванович, головой указав на брошенный в углу пиджак.

- Я ничего не знаю, только помню, как он взял меня за плечи и ударил о стену, - тихо прошептала Луша.

Павлушка зашевелился на руках у Никиты Ивановича и легонько "заквохтал". Луша хотела подняться и взять его к себе на кровать, но руки и голова были как бы Налиты свинцом, и она в бессилии застонала, потом через минуту с большим усилием расстегнула кофту и попросила Павлушку к себе. Никита Иванович приладил подушку и уложил крестника к Лушиной груди. На улице сгущались сумерки. Никита Иванович зажег на столе лампу и еще с полчаса посидел около Луши, потом поднялся и, пообещав прислать утром жену, тихо вышел из комнаты.

Петр возвратился домой к полуночи. Тихо перешагнул порог. На столе мигала подвернутая лампа, а из угла при свете лампады глядел образ Николая Угодника. Петр остановился у порога и прислушался: в комнате была такая тишина, что по спине его пробежала дрожь. На постели лежала Луша с ребенком. Петр тихо подошел к ним. Он внимательно вгляделся в измученное лицо жены. Волосы беспорядочно разбросаны на подушке. Бледное лицо казалось безжизненным. На щеках были видны следы высохших слез. Губы плотно сжаты, и над ними Петр заметил маленький след запекшейся крови. Сердце его дрогнуло в испуге. Уткнувшись лицом к груди, спал Павлушка. Петр услышал его прерывистое дыхание, а вслед за тем увидел мерное колебание платья жены. Тихий вздох облегчения вырвался из его груди. Чувство испуга сменилось чувством стыда. Перед ним поплыли картины его детства, мрачные, без материнской ласки. Несправедливость мачехи, бегство из дома, шулерские компании, кутежи, разгул. Затем на фоне этого мрака светлый образ Луши, простая, зовущая ее любовь. Вспомнил обоих: себя и Лушу в зеркале, искаженных плевком, и тихо прошептал:

- Да, это она тогда плюнула на зеркало, и нам было смешно, теперь плюнул я на нее, живую!

Петр поднял голову, образ Николая Угодника по-прежнему строго смотрел ему в глаза, но вот свет лампадки стал казаться ему все ярче. Петр тихо вышел на двор и сел на завалинке. Как никогда ночной мрак соответствовал его душевному мраку; Петр долго вглядывался в ночную тьму. Вдруг опять привиделся ему свет от лампады и превратился в какое-то сияющее светило. Светило было далеко на горизонте, но неудержимо манило его. В подсознании Петра мелькнуло и застыло: есть где-то и мое счастье, оно далеко-далеко... Непонятным было для него это видение, и он долго просидел в молчаливом раздумье, окруженный мраком ночи.

- Петя, ты что здесь сидишь? Иди домой, - вдруг тихо прозвучал над его головой спокойный голос жены.

Петр от неожиданности вздрогнул, быстро встал, неуверенно поглядел ей в лицо и растерянно спросил:

- Это ты, Луша? Зачем ты встала? Ложись, ложись иди! - И тихо, поддерживая жену за локоть, он провел ее в комнату. На столе стояла чашка со щами и хлеб.

- Ешь! Ты ведь, как пришел с работы, не ел еще, - проговорила она и села на кровать.

Петр молча помыл руки и, механически подчиняясь жене, стал кушать. Какой-то комок в горле мешал ему глотать, он чувствовал на себе взгляд жены. Луша действительно внимательно наблюдала за ним. Она видела его растерянность и сердцем поняла, как он мучается в душе за совершенный поступок. Ей было жаль мужа! Она дождалась, когда он окончил кушать, тихо подошла сзади и прижала его голову к груди. Нестерпимым приступом подкатило к горлу Петра какое-то удушье, он тихо освободился от ее рук и дрогнувшим голосом сказал:

- Ложись иди, - и, не раздеваясь, упал на приготовленную постель на сундуке, порывисто набросив подушку на голову.

Томительно прошел следующий день для Луши. Один лишь вопрос сверлил неотвязно ее голову: каким он придет?

Петр пришел поздно, но пришел таким, каким она его еще не знала, простым, мягким. Из полы пиджака на стол вывалил гостинцы.

- Ну, Луша, конец, видно, пришел и твоим мукам, и моей гульбе и конец насовсем. После обеда по всему заводу и поселку расклеили объявление о мобилизации. Россия объявила войну Германии и Австрии, - спокойно, но грустно сообщил Петр жене новость.

Все последующие дни у Владыкиных прошли как во сне. Луша не раз принималась причитать по Петру, но он ласково утешал ее какими-то надеждами, в какие и сам мало верил.

Надвигающаяся разлука раздирала души обоих.

- Не успели пожить-то по-людски! - вздыхая, бросал кому-то слова возмущения Петр. Теперь лишь они поняли, как нужны друг другу.

В конце июня в числе других солдаток Луша с котомкой за плечами и Павлушкой на руках провожала мужа на войну. Как формировали их по группам, как с криком рассаживали по вагонам, как среди солдатских шинелей путались женские платки и платочки - все это, как в кошмарном сне, кружилось перед глазами Луши. Она стояла, застывшая, в стороне, недалеко от Петрова вагона, и очнулась, когда в последний раз Петр подбежал и обнял ее под ругань ефрейтора. В сумерках эшелон дрогнул и, сопровождаемый женскими воплями, тронулся на Москву. Луша с Павлушкой на руках стояла у края насыпи, ветер сорвал с ее головы платок и беспорядочно теребил волосы.

Медленно, с заплаканными глазами, возвращалась она в свою опустелую комнату. С сундука свисал не застегнутый баян мужа. Так беспомощной, никому ненужной повисла и жизнь Луши.

С новобранцами занимались недолго. Разгорающийся костер войны занялся огромным кровавым заревом и требовал новых и новых жертв - пушечного мяса. Часть Владыкина после небольшой муштровки бросили на передовую. Петра не пугала фронтовая канонада. Он как-то быстро освоился с грохотом взрывов и визгом шрапнели, с окопной грязью, стонами умирающих, кровью и изуродованными телами. Одно только сильно докучало ему, к чему он не мог привыкнуть, - это голод и вши. От вшей еще кое-как находились средства: то в овраге над костром организуют прожарку, а в походах под мышки закладывали корявый обрубок, чтобы чесать неделями немытое, изъеденное вшами тело. Но от голода спасения найти было невозможно. Многие надеялись найти съестное в вещевых мешках убитых, за что под градом пуль часто расплачивались жизнью.

Петр не раз уже испытывал ужас смерти, встречаясь с ней с глазу на глаз, но чья-то незримая рука охраняла его. Иногда, в часы затишья да после аппетитно опорожненного солдатского котелка, Петр с самоосуждением вспоминал бесшабашно прожитые дни и мимолетное счастье с Лушей.

Среди солдат росло недовольство. Бесцельность войны, голод и безответственность офицеров за судьбы солдат разлагали их души и понуждали к поискам выхода. Порой от нетерпенья и обид они убивали своих офицеров, покидали фронт и убегали в леса дезертирами. В спокойное от перестрелок время они сходились в оврагах с немцами и австрийцами, братались с ними и добывали у них харчи. Однако война есть война.

Однажды, окопавшись против австрийской позиции, Петр заметил, что из-за обрыва, за мелким кустарником, рядом с тропою показалась голова австрийца. Было это далеко, и он решил припугнуть его. Взяв на мушку кустарник и темное пятно за ним, Петр спустил курок: привычный выстрел и голова скрылась. Через несколько минут в этом же месте опять показалась голова. Петр снова выстрелил, и так раз до десяти. "Что этот австриец хочет от меня? Не иначе, как какая-либо хитрость", - с тревогой думал Петр. Страх одолевал его, и он еще крепче уцепился в винтовку.

- Кончай, братец, хватит, отвоевался, - неожиданно раздалось над ним. - Мы со всех сторон окружены австрийцами, пошли под обрыв, команда уже была, - похлопав Петра по плечу, сказал подошедший сзади солдат. Петр встал, с некоторым недоверием огляделся, затем, с облегчением вздохнув, зашагал с ним по тропинке, неся свою винтовку на плече. У него вспыхнула искорка радости: "Ну, слава Богу! Может быть, удастся удрать". Идя по тропинке, Петр с любопытством подошел к краю обрыва: кто же это все-таки выглядывал? Увидев на дне оврага в беспорядке лежащих около десяти австрийцев, он в ужасе отшатнулся.

- Эка, навалял кто-то, да прямо в лоб! - толкнув ногою голову австрийца, заметил товарищ Петра.

Здесь только Петр понял, чего стоила его стрельба по кустику. В последний раз он посмотрел на затвор своей винтовки, с отвращением бросил ее в общую кучу и отошел к одному из горящих костров, вокруг которых толпились пленные.

Зальцбург был одним из промышленных австрийских городов, куда привезли русских военнопленных и среди них Владыкина. Несколько тысяч русских, украинцев, белорусов и прочего разного люда теснилось за колючей проволокой на окраине города в концлагере для военнопленных. Бесконечные гряды горных снеговых вершин Альп и Карпат отделяли их теперь от родной страны и от грохота орудийных залпов. С каждым днем жизнь военнопленных становилась тяжелее: изнурительный труд на заводе, куда гоняли их ежедневно, и голодный паек доводили людей до полного истощения. Все чаще опухшие от голода люди умирали, и их трупы выволакивали и отвозили на специальное кладбище. Великим счастьем считалось, если приходили фермеры-бауэры и на день забирали к себе кого-нибудь из пленных на земляные работы. Сами австрийцы жили тоже на карточных рационах, но у крестьян все же находилось чем-то покормить в обед пленных рабочих. Правда, такое

счастье выпадало очень немногим. И какое же было столпотворение, когда австриец выбирал одного или двух из нескольких тысяч!

Часто мучимые голодом пленные решались на самовольный выход за колючую проволоку в город, подкапывая или разрезая ее почти на глазах часового. Такие подвиги назывались "ушел на спацыр" или "на шпацир". Местное население было строго лимитировано в питании, кроме того, воровитый характер русских настраивал многих жителей против них. Лишь немногим удавалось благополучно возвратиться с печеньем, галетами и прочим выпрошенным добром.

Возвращались пленные открыто, через проходную, и почти беспрепятственно. "На шпацир" Петр ходил изредка, но всегда удачно. Трудность заключалась лишь в том, что по возвращении в зону начиналась большая борьба с самим собой. Голод неудержимо влек к принесенной добыче. Но что такое две-три пачки галет или печенья для изголодавшегося человека? И, руководствуясь остатком сознания, Петр шел на лагерный "базар", чтобы променять это лакомство на кусочек хлеба. Нередко приходилось с грустью возвращаться в барак, поскольку не находилось меновщиков. Если же и находились, то часто к тому моменту за пазухой оставалось от пачек лишь несколько штучек, остальное было постепенно вытянуто оттуда голодным нетерпением.

В праздники, по местному обыкновению, после утреннего богослужения добродетельные женщины приходили из города к проволочной ограде, и часовые разрешали им передавать передачу. Едва ли можно себе представить, что происходило там при многотысячной массе голодающих! Следует только сказать, что и те и другие чаще всего расходились после такой передачи со слезами. Таковы были будни и праздники пленных в концлагере.

В первые годы войны (1914-1916) иногда приходили посылки из Красного креста, но при их раздаче военнопленным доставалась лишь незначительная доля. Громко, во всеуслышание по баракам высказывался ропот: "Царь-батюшка с господами забыли про нас, пируют, пропивают вшивую Россию, поэтому мы и умираем здесь, никому ненужные". Однажды вечером Петр, проходя мимо большой группы военнопленных, заинтересовался: что здесь такое, о чем говорят?

В центре внимания был мужчина лет сорока с выразительным и умным лицом, судя по произношению - из деревенских, и спокойным голосом рассказывал следующее:

- К тому времени было объявлено заседание Государственной Думы, для чего в Петроград стеклось множество господ всяких званий, чинов и рангов. В том числе был приглашен от народа из нашей волости почетный гражданин Яков Григорьевич Чистяков. Ему указали по его мандату место, рядом с которым размешались губернские господа. Яков подошел, помолился про себя и, почтительно раскланявшись с окружающими, сел. Зал заседания заполнили представители русской знати: генералы, адмиралы, помещики, фабриканты и прочие знатные и великие люди в разном облачении и разного обличья; усы и усики, бороды и бородки, бакенбарды, чубы и лысины, ленты и ордена, монокли и очки, золото и драгоценности - все сверкало от изобилия света в зале.

После продолжительного шума и людского гомона, когда все заседатели заняли свои места, председательствующий колокольчиком водворил в зале полную тишину:

- Господа! - начал он, - из многих вопросов государственной важности нам прежде всего надлежит разрешить первый и самый важный: сегодня наша великая держава, кроме внешней опасности от изнурительной войны с немецкой империей и ее союзниками, стоит еще и перед внутренней нарастающей опасностью от народных волнений, происходящих по городам и селам империи. Сегодня один вопрос, требующий немедленного решения: что делать?

После этого вступления один за другим выходили знатные люди нашей империи и произносили речи. Одни предлагали сократить налоги, другие увеличить; одни - повысить жалование, другие отрицали это; некоторые требовали увеличить жандармские корпуса, полицию, привлечь армию к внутренней охране порядка, ввести более строгие законы и многое, многое другое. Два дня взволнованно гудел зал заседаний Государственной Думы, но из всех предложений не находилось ни одного достойного общего одобрения. К концу третьего дня один из почетных депутатов в губернаторском чине, сидевший позади Якова Григорьевича, встал и огласил:

- Господа! В течение этих двух с половиной дней мы слышали высказывания известных нам знаменитых особ, но ни одно из них не заслужило всеобщего одобрения. Я предлагаю дать слово представителям

непосредственно от народа и конкретно указываю на личность почетного гражданина моей губернии Якова Григорьевича Чистякова.

Весь зал обернулся в сторону Якова Григорьевича и громкими, продолжительными рукоплесканиями подтвердил предложение генерал-губернатора. Яков Григорьевич встал с каким-то свертком в руках, неторопливо вышел из рядов и поднялся на трибуну. Его простое, но выразительное лицо, окаймленное черной окладистой бородою, выражало спокойствие и невольно располагало к себе.

- Господа! Что я по сравнению со всеми вами и что могу сказать вам после высказанных многочисленных речей? Ведь я всего только простой русский мужик от сохи.

Зал повторил свое расположение оратору еще более громкими и продолжительными рукоплесканиями. В это время Яков Григорьевич достал из своего сверточка Библию и, открыв ее, что-то коротко проговорил про себя.

- Ну что же, если вы настаиваете на том, чтобы я высказался, то мы прежде внимательно послушаем, что скажет нам Господь через Свою святую Библию.

Голоса восхищения и одобрения послышались в зале в ответ на выступление Якова Григорьевича. Внятно и громко он прочитал историю Самсона: как он родился, как возрастал, как всякими путями мстил он врагам-филистимлянам за свой народ. Потом как Далида обольстила его, обманула, остригла волосы головы его, в которых была сила его, и как потом враги выкололи ему глаза и заставили Самсона крутить у них мельничные жернова. Как потом, через томительные годы, волосы у него отросли и он опять почувствовал приток непомерной силы. В это время его господа в великом множестве собрались во дворце на пир. И когда они беззаботно пировали, слепого Самсона подвели к главным столбам, на которые опирался весь дом. Самсон помолился Богу своему, чтобы Он помог отомстить врагам за слепоту его, сдвинул столбы с места; своды и стены здания рухнули на пирующих. Погибли все враги Самсона и он с ними.

На этом остановился Яков Григорьевич. Весь зал с затаенным дыханием глядел на него. Он, осмотрев всех вокруг, решительно и громко закончил:

- Самсон - это темный, необразованный, слепой русский народ; филистимляне - это вы, господа... (У-у-у - пронеслось по залу.) Это вы выкололи ему глаза, лишив его образования, и, выколов глаза, заставили крутить для вас жернова! - продолжая, говорил Яков Григорьевич. - И вы не заметили, как и откуда выросли волосы у Самсона, то есть выросла скрытая сила в народе. И он теперь рвется, подошел уже к устоям, на которых зиждется наша империя. А вы, господа, пируете с женами и детьми вашими, тогда как вверенный вам Богом народ от нищеты, эпидемий и голода изнывает, забытый вами в селах и городах, во фронтовых окопах и во вражеском плену. Выхода нет, господа! Империя обречена Богом на крушение, и в этом Бог определил вам возмездие! - закончил Яков Григорьевич. Буря рукоплесканий сопроводила его на место.

- На этом заседание было окончено, - с торжественным видом закончил рассказчик.

Все пленные настолько были захвачены услышанным, что, кажется, каждый в это время был в зале заседания Государственной Думы, а не в концлагере. С глубоким вздохом расходясь, многие повторяли:

- Да, это истинная правда!

С тех пор Петр решил, по возможности, не проходить мимо таких бесед. "Все ума-разума наберешься", - заключил он, выходя из барака. Так протекала жизнь военнопленных, без каких-либо изменений, но и в ней Петр научился понемногу находить ценного человека, полезный разговор. Все глубже он понимал, что до сих пор жизнь он проводил бессмысленно и бесцельно.

В конце 1917 года до пленных донеслись слухи, что в России произошел переворот, что вместо царя-батюшки пришли комиссары и вообще перевернулось все "вверх дном". А что такое "вверх дном" - никто не знал. Петр подолгу просиживал в кружках спорящих и слушал про новые порядки. Наконец присоединился к одному из них и даже стал читать книжки про революцию, про свободу и призывы к окончанию войны. Душа рвалась к какой-то новой правде, но вот беда - грамоты не хватало разобраться во всем этом. Всего одну зиму бегал Петр в детстве в школу в соседнее село и научился с трудом читать по складам. За три с половиной года он получил всего три письма от Луши и посылку с сухарями, варежками и домотканой холщовой парой белья, да расшитое Лушиной рукой полотенце, потом и это все оборвалось.

Однажды весь кружок, в который входил Петр, был схвачен по подозрению в бунте. Всех отвели в другой маленький лагерь и разместили в сыром подвальном помещении. Условия были ужасные, и Петр спасся от

смерти только тем, что пристроился к сапожным мастерам подмастерьем. Там за некоторое время он научился сапожному мастерству и даже подрабатывал побочно на кусок хлеба. Однако убийственная сырость и напряженный труд надломили здоровье Петра: он стал сильно кашлять и иногда даже с кровью. Но по Божьей милости приезжие начальники как-то беседовали со всеми подвальными и многих, в том числе и Петра, определили неопасными и возвратили в старый лагерь.

Новое мастерство улучшило положение Петра. Теперь он не был вынужден ходить "на шпацир", но непреодолимая тяга к жизни не давала ему покоя.

В один из зимних вечеров, под рождество Христово, накануне нового 1919 года, проходя по баракам в поисках чего-нибудь нового, Петр наткнулся на большую группу пленных и из середины ее услышал проникновенный голос:

- Я свет миру; кто последует за Мною, тот не будет ходить во тьме, но будет иметь свет жизни.

Петр остановился как вкопанный, словно молнией пронзили его эти слова. Осторожно пробираясь среди собравшихся, он протиснулся вперед, чтобы увидеть говорящего.

- Так говорит Христос! - продолжал прежний голос, как бы в ответ на внутренний вопрос Петра.

На столе, освещенном двумя свечами, Петр увидел книгу. Какой-то незнакомый человек читал из нее и пояснял слушающим. Видом говорящий был очень прост, со спокойным выражением лица, но слова его казались совершенно необыкновенными. Ничего подобного Петру до этого не приходилось слышать. Мягкий взгляд незнакомца как будто проникал в душу и наделял слушающих неизъяснимой теплотой. Петр не успевал улавливать и обдумывать смысл этих новых для него жизненно важных слов. К его глубокому сожалению, незнакомец вскоре закончил свою речь словами:

- Итак, дорогие мои, кто не хочет ходить во тьме, кто хочет иметь свет жизни - всех Иисус приглашает следовать за Ним. Кто сегодня хочет сделать первый шаг следования за Иисусом Христом, покаяться и отдать сердце Иисусу, прошу преклонить колени и молиться. Аминь.

- Господи! Я как та позорная женщина, всю жизнь блуждал во тьме, а теперь встретился с Тобою, как с ярким светом, озарившим тьму моей жизни. Не осуди меня, как не осудил ее, прости меня, великого грешника, как простил ее, - с воплем и слезами упав на колени, молился рядом с Петром пожилой военнопленный.

С таким же сокрушением, но очень коротко молился кто-то сзади него. Для Петра это было так необыкновенно. Он почувствовал, как шапка на голове невольно стала подниматься, и только тут заметил, что окружающие стоят с непокрытыми головами, Петр сорвал шапку и сунул ее за пазуху. После всех помолился сам Степан, так звали проповедника, и по-братски обнял молившихся с ним людей. Затем объявил, что следующая беседа будет через день в это же время и быстро исчез в расходившейся толпе.

Петр долго еще стоял с непокрытой головой, как парализованный, и не мог прийти в себя после всего услышанного. За всю свою скитальческую, бесшабашную жизнь он много встречал неожиданностей, но то, что увидел и услышал сегодня, было для него совершенно новым, необычным.

Так с непокрытой головой, Петр тихо побрел к своему бараку, не раздеваясь, сел на койку. Образ Степана с его глубоким, проникновенным взглядом и таким же голосом не исчезал из его воображения. "Кого же он так близко напоминает мне?" - подумал Петр и тут же вспомнил Якова Григорьевича, обличавшего своих господ в Государственной Думе. Потом все куда-то исчезло и вместо них появился Николай Угодник, грозный, с поднятой рукой. Во мгновение перед ним предстала картина: избиение Луши... запекшаяся полоска крови у нее под носом, порог калитки в июньскую ночь и... видение сияния...

- Вот оно что! - вскрикнул Петр. - Свет! Свет! Свет!.. "Я свет миру; кто последует за Мною, тот не будет ходить во тьме, но будет иметь свет жизни". Вот он - этот свет, вот оно - мое светило, тогда оно было где-то далеко на горизонте, теперь - здесь! "Я - свет миру!" - загорелось в сознании Петра огненно-красными буквами на фоне яркого света, а в кружочке этого "Я" представился ему вначале образ Николая Угодника с иконы, затем Якова Григорьевича и сменился каким-то неведомым, сияющим, как само светило, но почему-то очень похожим на Степана. Еще раз он отчетливо вспомнил: "Кто последует за Мною... будет иметь свет жизни". Затем видение быстро-быстро стало удаляться куда-то к горизонту.

- Петр, ты что сидишь? Все давно спят, уж полночь пробило в городе, - окликнул его дежурный по бараку.

Петр торопливо разделся и лег в постель с радостной ясной мыслью: пусть далеко, но я нашел, понял Его, пойду за Ним! "Будет иметь свет жизни", - звучали последние слова Христа, и с этим он заснул.

Едва дождался Петр следующего обещанного вечера и снова с жадностью ловил каждое слово Степана. Душа умилялась от проповеди, он не замечал, как впервые за всю его сознательную жизнь по смуглому лицу прокатилась слеза - слеза раскаяния.

Однако недолго длилось это наслаждение. Ранней весной Степана вместе с многими другими пленными куда-то увезли. Последний вечер он со слезами молился об остающихся и убеждал всех, слушавших Слово Божье, решиться следовать за Иисусом. Петр подошел к нему, в последний раз горячо пожал руку и сказал:

- Спасибо, братец, ты первый указал мне на свет истинный, тебя первого я увидел, как настоящего человека, к тебе первому появилась у меня любовь, любовь какая-то другая. Теперь я верю, что есть счастье и оно недалеко от меня.

После отъезда Степана Петр не находил себе места в лагере, как-то сразу все опустело для него и ничего не стало мило. Неожиданно у него зародилась и стала быстро созревать мысль о побеге. Об этом он поделился только с одним из своих товарищей, которого также звали Степаном. С большой осторожностью они начали готовиться к осуществлению своего замысла.

План у Петра был таков: когда сойдет снег с полей и земля обсохнет, они ночью разрежут проволоку ограждения и уйдут в горы. Путь они наметили по Карпатам, где встречается очень мало людей и наименьшая вероятность опасности. К середине лета они рассчитывали спуститься с гор к своей границе.

С таким решением Петр со Степаном дождались намеченной ночи, и когда часовой скрылся в отдалении, в последний раз оглянувшись на барак, щипцами быстро перекусили проволоку, проползли под оградой и скрылись в ночной тьме. К утру они были у подножья гор, а в полдень, поднявшись на хребет, в первый раз остановились и всей грудью вдохнули горный воздух. На восток, громоздясь одна за другой, убегали цепью горы, по ним лежал их неведомый, далекий путь. Внизу, под густым слоем облаков, скрылся от них город, а в нем лагерь, в котором они пробыли четыре с половиной года.

Особенно труден и опасен был путь беглецов, когда приходилось им проходить по снегам и горным крутизнам. Самым же сложным было то, что, когда кончились у них запасы пищи, им надо было спускаться вниз, к людям, чтобы пополнить их. Добывать приходилось у горцев, которые совершенно не понимали русского языка. С ними объяснялись двумя-тремя десятками слов, какие заучил Петр за пять лет. На ночлег спускались к зеленой полосе и спали по очереди у костра. За полтора месяца такого скитания оба выбились из сил, а впереди были новые и новые хребты. К середине лета путь немного облегчился тем, что сошли снега и в горах появились фрукты. Однако Степан окончательно приуныл.

- Нет, Петька, я больше не в силах. Лучше возвращаться в лагерь, чем такие мучения. Давай решать и спускаться вниз в руки людей, а не так, попадем в лапы зверей, - заявил как-то Степан Петру, - тем более, что запасы наши кончились.

Как ни уговаривал Петр Степана, как ни убеждал, что горы стали ниже и снега слабей, что, пожалуй, скоро Карпаты повернут и покажутся равнины, Степан остался непреклонен. На том и порешили: после ночлега утром, на рассвете, заварили в последний раз общий котелок, и Степан, попрощавшись с Петром, перекрестившись, скользнул по круче вниз. Где-то далеко-далеко звякнул колокол, в разрыве облаков Петр увидел внизу, среди зелени, разбросанные по лесу красные пятна крыш.

- Не выдержал! - покачав головой, с сожалением проговорил Петр. Но тут же, вспомнив его изодранную в клочья одежду, особенно штаны, и совсем развалившиеся бутсы, подумал: - Кажется, прямо на людей попадет, дай Бог к добру, все равно он не выдержал бы, горемычный.

После ухода Степана Петр разбросал головешки от костра, собрал остатки галет и зашагал навстречу солнцу.

Весь день он упорно шел вперед, местами по едва заметным звериным тропам, местами карабкаясь по снегу вверх; в руках у него была дубина с сучьями, а за плечами - опустевшая котомка с порожним котелком. За два с лишним месяца скитаний он научился искусно спускаться с круч вниз, верхом на этой дубине, лавируя и умеряя ею скорость. Поэтому он свое обмундирование сохранил в сравнительно приличном виде.

Перед ночлегом Петр заварил остатки галет с горстью недозрелых груш, поправил костер и, завернувшись в шинель, крепко уснул. Проснулся он с восходом солнца, и первой его мыслью было спуститься вниз, поискать добрых людей.

- Помоги, Господь, не выпрошу ли сухарей да несколько горстей бобов, - проговорил Петр про себя и направился вниз по косогору.

С большой осторожностью он продвигался вперед, прислушиваясь к каждому шороху. Примерно через час ему послышалось мужское пение. Казалось, что оно, временами прерываясь, приближалось к нему. По освещенной солнцем горной тропе действительно неторопливо шли два человека. По одежде Петр определил в них гуцулов, по возрасту догадался, что это отец с сыном. На плечах они несли косы, значит, шли на сенокос. "Наверное, поблизости их избушка", - подумал Петр и, подождав, спустился на тропу. После получаса ходьбы он увидел не избушку, а целое хозяйство. Под неумолкающий собачий лай Петр нерешительно подошел к плетню. Из дома вышла молодая хозяйка и, увидев незнакомца, скрылась опять за дверью. Почти тотчас из дома вышел старичок-гуцул, не торопясь подошел к Петру и что-то стал говорить по-своему. Петр, сняв шапку, поклонился и, знаками показывая то на царскую кокарду, то на пустую котомку и такой же желудок, употребляя несколько австрийских, самому ему непонятных слов, виновато улыбнулся. Старичок понятливо покачал головой, ткнул Петра в грудь, а потом куда-то на восток.

- Русс... русс... - подтвердил Петр.

Старичок отогнал собак палкой, пропустил Петра вперед и прошел следом за ним в дом. Осмелевшая молодушка хлопотливо подала Петру краюху хлеба и кружку молока, затем взяла у него котомку. Петр умоляюще посмотрел на нее, оторвал корку от краюшки и показал ей. Она улыбнулась и кивнула головой.

Через час Петр вышел из гостеприимного дома, несколько раз низко поклонился обоим своим спасителям и поспешил скрыться в ближайших кустах. Котомка его была полна сухарей, бобов и других продуктов. С великой радостью Петр поднялся опять повыше в горы и бодро зашагал на восток. Но изголодавшийся организм требовал своего, поэтому Петр часто делал привалы и развязывал свою котомку. Не прошло и десяти дней, как запасы его опять иссякли, несмотря на сильное желание растянуть их подольше, К концу подходило и терпение, а вершинам и хребтам не было видно конца.

В один из вечеров он, обессиленный, упал на землю и долго лежал, смотря на облака. Затем, собрав последние силы, Петр набрал хвороста и дров, развел огонь. Котомка была пуста. Только в углах ее он собрал горсть крошек и с глубоким вздохом высыпал их в котелок с водою.

В надвигающихся сумерках перед ним возвышался снеговой хребет, а что за ним, для Петра было загадкой. Таких хребтов он за месяцы скитаний перелез немало. Голова в изнеможении упала на грудь. Под рукою на дубине Петр нащупал кусок сыромятной кожи, с большим усилием оторвал ее и бросил в котелок. Поздно за полночь Петр с жадностью скушал все содержимое котелка, с силой пережевывая разварившуюся сыромятину.

Уснул он крепко, но проснулся с первыми лучами восходящего солнца. Отгоняя мысли о будущем и о прошлом, Петр решительно и уверенно стал карабкаться по снегу на хребет. Взбирался он без отдыха, а когда оставалось до верха не более двух-трех десятков шагов, ноги его подкосились и он упал. В глазах мутилось, казалось, вот-вот что-то в голове надорвется и лопнет. Но в этот самый момент ему на память пришли слова, какие он часто повторял: "Будет иметь свет жизни". Собрав последние силы и волоча за собою дубину, Петр ползком добрался до вершины горы.

Зрелище, открывшееся ему, настолько потрясло пленного, что он впервые за все долгие годы скитаний заплакал. В двухстах метрах от него, впереди, за снеговым обрывом, открывалась освещенная утренним солнцем равнина. Насколько охватывал глаз, далеко на горизонте она сливалась с небом. Остатки гор круто направо убегали на юг.

- Конец! Конец скитаньям моим! Вот она там, там... моя Россия! - шептал он.

Откуда только взялись силы у Петра, он торопливо приподнялся и неуклюже, то и дело спотыкаясь, поспешил к спуску. В самом начале спуска он расстелил шинель и долго отдыхал. Прямо перед ним, недалеко внизу, начиналась лесная зелень; еще дальше, за полосою лесов, где-то на горизонте синела равнина полей. Петр внимательно прислушался: снизу порывы ветерка донесли до него едва уловимые звуки жизни. Солнце во всей своей царственной красе поднималось над горизонтом все выше и выше, радостно озаряя все кругом. Никогда оно еще не было таким прекрасным, каким его Петр видел теперь.

Отдохнув, Владыкин встал, смотал по-солдатски шинель и бросил за спину. Затем еще раз оглянулся назад на пройденный путь и привычно сел верхом на свою дубину.

"Я свет миру: кто последует за Мною, будет иметь свет жизни", - опять промелькнуло в его сознании.

- Ну, Господи, благослови! - воскликнул он и скользнул вниз по крутизне, оставив за собой облако снежной пыли.

С соседней скалы испуганно взметнулся орел и, плавно описывая круги, поднялся в небо...

Глава 2

Починки - одно из сказочных глухих местечек Московской губернии. Летом деревушка из двадцати дворов терялась среди зелени лесов, лугов и оврагов. Даже приходское село Раменки, находясь всего в полутора верстах на север от Починок, могло разглядеть деревушку не иначе, как с золотоглавой каменной колокольни, возвышавшейся, как строгий страж, над буйной зеленью лесов и оврагов. Прелесть величественной природы была такова, что здесь можно было часами, вдыхая прохладу оврагов и ароматы полей и лугов, бродить не уставая. Само село, находясь на ровной возвышенности, красуясь полосками цветущего льна, гречихи и клевера, напоминало праздничное платье, подпоясанное серебристой полоской журчащего студеного ключа, бегущего из Жулихи в полноводную Цну.

Жулихой называли дремучий бор с таинственным Демидовым оврагом, барсучьими и волчьими норами. Соединяясь с Гарищем подковообразно на западе, он окаймлял починкские нивы и поля, огораживая их от афанасьевских и нестревских наделов. Городец, начиная от Раменок заросшим кладбищем, тянулся волнистою бахромою берез, лип, кленов и орешника к югу, большим полукругом отгораживал с востока починкские наделы от Кувакина и Сельникова. На юге, в полу верстовом разрыве между лесами, спускалась к приокской равнине деревня Нестрево, а посреди золотистых нив ржи, как мать, обнявшаяся с дочерьми, стояли три рябины.

Деревушка Починки ровной полоской тянулась в одну улицу вдоль густо заросшего оврага и огородными плетнями упиралась в его непроходимую чащобу. За свое узкое, но глубокое расположение овраг называли Вершки. Чего только там не росло: поверху непроходимой стеной стоял орешник, пониже, на склонах, росла черемуха, липа, рябина, в самом низу - ольха и осина. Все это переплеталось кустами малины и смородины. На самом же дне студеные родники в непроходимых зарослях осоки образовали самую настоящую трясину, так что перейти на ту сторону Вершков можно было только по кладям.

Деревенские ребята да кое-кто и среди баб рассказывали, будто при лунном сиянии кто-то из-за куста видел хороводы русалок, и даже кого-то они затаскивали к себе в воду, а в темную ночь на Ивана Купала видели якобы, как расцветал и увядал папоротник с его волшебной силой. А один раз пьяный дед Патетышка всю ночь проухал в болоте, а утром оказался на своей кровати как ни в чем не бывало. И многое другое рассказывалось. Потому в Вершках ни днем, ни тем паче вечерами детвора, проходя, долго не задерживалась, а выскакивала наверх, не переводя духа.

В самый жаркий летний день здесь было так прохладно и сумрачно, что, если бы не болотный запах, комары и сырость, можно было бы здесь часами отдыхать. Кроме того, в Вершках у каждого хозяина были свои срубы-родники ключевой студеной воды, да кое-где были поставлены баньки "по черному". Наверху, в ямах, парили, мяли и колотили лен от кострики, а в проточных местах связками лежали и мокли дубки, лыко, лукошки, ободья, окоренки, кадушки и многое другое. Здесь вечерами у плетня жених иногда часами подкарауливал свою любимую.

Примерно посередине деревни, по инициативе и с поощрения барина, был выкопан и устроен пруд, заполнявшийся водой из студеных родников. О, что это был за пруд! Жители деревни в летнюю пору наслаждались здесь в прохладной чистой воде от стара до мала. В полдень сюда заходил деревенский скот. Для детворы же этот пруд с его кувшинками и початками осоки был верхом блаженства. Здесь же, у плотины, было традиционное место для полоскания белья. Осенью на берегу собиралось все общество и бреднем вылавливали рыбное богатство; какими криками восторгов оглашался тогда берег! Караси, щуки, лини, угри и все другое на берегу делилось ведрами по едокам; все это приурочивалось к престольному празднику, и тогда народ пировал.

Через деревню проходила дорога, по которой днем проезжали вереницы подвод на базар в Раменки со всякой снедью и празднично разодетыми людьми. На ночь деревня закрывалась воротами, так как она была вся обнесена изгородью и охранялась по очереди сельчанами, которые с колотушкой в руках ходили по улице всю ночь. С вечера люди проезжали объездной дорогой. Возле нее располагались сараи и амбары, гумна для обмолота урожая, где в летнюю пору проходила вся трудовая жизнь деревни.

Бедными слыли жители Починок: малоземелье душило крестьян и понуждало зимой искать побочные заработки. Николай Егоров, Никанор, Катеринин Федька и кое-кто другие занимались изготовлением салазок, плели лапти. Петровы имели свою колесню, а кто посмекалистей, уходили к господам в город. Митька-Барабан был управляющим на службе у барина, Томский - писарем в какой-то главной управе, а часть мужиков служили у господина Бардыгина на фабрике и приходили в деревню только по деловой поре. В Починках своих хлебов едва хватало до светлого дня Пасхи.

Катерина рано осталась вдовою с четырьмя детьми - один другого меньше, но любил народ вдову за ее молчаливость, бесхитростность и богобоязненность. От зари до зари ей приходилось гнуть спину наравне с мужиками, скородить (боронить граблями) пахоту, сушить и убирать сено, жать хлеба и молотить.

Ночами она подолгу простаивала на коленях, молилась Спасителю и службы не пропускала никогда. Любила Бога Катерина, и Бог любил ее и посылал ей расположение людей. Вспахать наделы, скосить сено - общество всегда сговаривалось помочь ей. Бывало поворошит она сено, скопнит, а подъедет с телегой, деревенский люд окружит, навьет воз и благословляя проводит ее. Когда же начиналось жнивье, Катерина раньше всех была на своей полоске. Детвора копошилась вокруг нее и что есть силы старалась помогать своей мамке. После обеда, глядишь, бабы гурьбой идут со своих полей.

- Бог в помощь, Катеринушка! - крикнут ей с дороги. Катерина поднимется, разогнет спину, смахнет пот со лба и с улыбкой ответит:

- Спасибо, касатки!

С шумом и песнями навалятся бабы на ее полоску, только сверкают серпы да свясла, а к закату уже снопы стоят в крестцах, ребята еле успевают таскать из погреба кувшины с квасом. Со слезами благодарности проводит их Катерина и долго еще вслед им крестится на церковь.

На току то же самое: чей двор управится со своими снопами, идут с цепами на плечах на Катерининское гумно; да в десять, двенадцать, а то и в двадцать цепов молотят снопы, аж гумно гудит от усердия.

Но однажды не уродилась рожь на Катерининой ниве и со всеми семенами хлеба хватило только до Благовещенья. Сжалось сердце у Катерины, когда она достала совком со дна сусека последнюю муку. Долго и усердно молилась Катерина ночью под образами, утром встала, накормила семью и, запрягши Рыжего, поехала в Нестрево к Ивану Пахомовичу - благочестивому и зажиточному крестьянину.

"Вдруг да откажет", - шевельнулось в уме у Катерины, когда ухватилась за щеколду калитки. Она даже не решилась распрягать коня. Рыжий понимающе смотрел вслед смущенной хозяйке и слегка заржал, прося сена.

Иван Пахомович встретил Катерину прямо у входа, когда она толкнула дверь в избу и, перешагнув порог, робко крестясь, остановилась на месте.

- Катеринушка! Какими это путями Господь тебя послал к нам? Живы ли, здоровы ли чадушки твои? Не беда ли какая стряслась у тебя, горемычная? - с искренней добротою спросил Иван Пахомович, усаживая Катерину на лавку под образа.

- Касатик мой батюшка, как чует твое сердце, с большой нуждой приехала я к тебе, - кланяясь до пояса, ответила Катерина виновато, садясь на указанное место.

- Нет, нет, Катеринушка, ты раздевайся, дорогим, желанным гостем будешь у нас, - убедительным тоном сказал Иван Пахомович и тут же, дав распоряжение жене приготовить самовар, вышел не торопясь во двор. Заботливо он распряг коня, накрыв его дерюгой, бросил охапку сена в сани и возвратился в избу. Прошел не один час, пока они за самоваром разговорились обо всем подробно, и только после этого Иван Пахомович покровительственно спросил:

- Ну а теперь ты говори про свою нужду.

- Тяжкая нужда моя, касатик, хлеб мой кончился, кормить семью нечем и добыть не на что, - опустив голову, ответила Катерина. - Выручи ради Христа, по осени с лихвою возвращу, если Бог уродит, - продолжала она умоляюще.

- Да нешто не помогу, Катеринушка, Господь с тобою, давно бы приехала ты и не томилась. Меня Бог благословил в этом году и на бедных хватит. Посиди, сейчас, - с этими словами Иван Пахомович оделся и слышно было, как в сенях он давал распоряжение сыновьям. Потом он вошел в избу и сказал Катерине:

- Ну, благослови тебя Господь, не унывай, сердешная, с лошадкой все готово, спеши к своим птенчикам, про долг не убивайся.

После усердной молитвы Катерина вышла на крыльцо и была изумлена заботой Ивана Пахомовича. Мешки, полные позавяз, были аккуратно уложены, увязаны, покрыты дерюгой и сеном. Рыжий, увидев ее, заржал, стоя уже в упряжке. Слезы радости застилали все перед глазами Катерины. Долго стоял Иван Пахомович на крыльце, провожая ее, пока она не скрылась на краю села.

Густой щеткой поднялись весной зеленые всходы на починкских полях, дружно росли они, выколосились и стеною стояли к осени, покачивая спелым колосом. Большую милость Бог явил Катерине в этом году. У нее рожь была отменная, и люди, проходя, с радостью поздравляли ее с урожаем. Поздно она убрала свой хлеб и вконец обессилела. Слава Богу, что уже Федька стал подрастать и тянулся изо всех сил, стараясь равняться с мужиками.

Как только убрали хлеб, Катерина нагрузила телегу мешками с лихвою и тронулась к Ивану Пахомовичу - расплатиться с долгом. Сердце немного смущалось от того, что задержалась, но вспомнила его доброту и успокоилась. Так же с утра приехала она в Нестрево, на сей раз Иван Пахомович встретил ее у крыльца:

- Касатка ты моя, да ты никак с долгом приехала? - покачивая головой, он пожал руку Катерины, проводив ее в избу, а сам распряг Рыжего прямо перед воротами и, привязав к телеге, бросил ему охапку клевера.

Как и прежде, долго шла беседа у Катерины с Иваном Пахомовичем за тем же самоваром. С радостью рассказала она, как Бог ей помог собрать в этом году небывалый урожай, как общество не оставило ее в нужде при уборке, что Федька сам собирается в этом году пахать и многое другое, в чем Бог не оставил ее.

- Касатик батюшка Иван Пахомович, ты распорядился бы ссыпать хлебушек-то с телеги, буду уж я собираться к дому, - заторопилась наконец Катерина.

- Будь спокойна, Катеринушка, все как Бог велит, - ответил ей Иван Пахомович и, выйдя из-за стола, они долго с низкими поклонами перед образами молились и благодарили Бога. Затем, распрощавшись, вышли из избы, Иван Пахомович вперед, а за ним Катерина. Посмотрев на телегу и увидев, что мешки не тронуты, она испугалась и не знала, что думать.

- Батюшка! Неушто ты обиделся, что поздно приехала, почему телегу-то ребята не разгрузили? - с беспокойством спросила Катерина. Положив ей руку на плечо, Иван Пахомович спокойно, но внушительно ответил, глядя ей в глаза:

- Тебя Бог благословил в этом году, а меня в два раза больше из-за тебя. Езжай с Богом, прощаю я тебе долг твой ради Христа, нужды у тебя еще по уши.

Дрогнули коленки у Катерины, и, ухватившись за руки Ивана Пахомовича, она, не помня себя, повалилась ему в ноги, голося от радости. Но он быстро поднял ее и, еле уговорив не целовать руки, проводил до окраины деревни. От радости и такой великой добродетели Катерина совершенно не заметила, как Рыжий уже остановился у своего двора. Много прошло лет, но вдова не могла забыть этот случай.

Катеринина изба была в деревне крайней, с окном в сторону Нестрева. Зимой наметало снегу до крыши и тогда с трудом приходилось откапывать "нестревское" окно от снега. А в непроглядные зимние ночи скольким заблудшим путникам, даже с лошадьми, оно служило спасительным маяком, скромно светя всего лишь семилинейной керосиновой лампой. Зато уж и весна раньше и ласковее всех приходила на Катерининские завалинки, где детвора и куры находили себе наслаждение.

Лето 1914 года было каким-то необыкновенным: с весны засуха, но потом благословенные дожди послужили к большому урожаю как хлеба, так и остального добра. Слухи о войне и мобилизации потревожили деревню не на шутку. Катерининское сердце беспокоилось о судьбе Луши с Павлушкой. Николай Егоров давно уехал в Н. и все никак не возвращался с новостями. Но вот в одно прекрасное утро в конце августа Федька с "нестревского" окна заметил, как с рябинами поравнялась телега с "новостями". Катерине в последние дни было особенно тревожно: ночью просыпалась от тележного скрипа, а днем то и дело выглядывала в окошко.

- Мамка! Едет, едет Серая, да полон воз чего-то везет; погляди, с Николаем кто-то сидит, уж не Лушка ли? - с тревогой воскликнул Федька.

Серая медленно приближалась к Починкам, временами скрываясь в яминах среди хлебов и Жулихинского орешника. Наконец через полчаса подвода показалась на виду всей деревни. Федька с усердием и важностью откатил деревенские ворота и встал у изгороди. Катерина, торопливо поправляя на ходу платок, вышла на дорогу и из-под ладони рассматривала подводу, потом вскрикнула и устремилась вперед, причитая. С телеги на обочину с Павлушкой на руках спрыгнула Луша и плача подошла к матери.

- Сердешная ты моя, горемышная! Петьку-то взяли, наверное? Ой, горе ты горькое, извелась ты вся, сама на себя не стала похожа, - причитала Катерина, обнимая дочь.

Гурьбой девки и бабы встретили солдатку Лушу, и каждая по-своему старалась обласкать ее.

- Ну будет реветь-то, не с позором встречаем тебя, судьба, видно, такая твоя. Не одна ты, хватит и на тебя картошки-то, - грубо, но с участием уговаривал Лушу Федька, расталкивая баб и забирая Павлушку. Но тот задал такой концерт, что невольно привлек внимание всех. Успокоился же только, когда вошли в избу и бабушка сунула ему что-то в рот.

Пташкой выскочила Луша к палисаднику в объятия подружек. Больше года она не была в Починках, и ей все казалось таким милым, родным, прекрасным. С трепетом прошла она стежкой через огород к Вершкам; таким же таинственным и прохладным он встретил ее. Привычной рукой зачерпнула Луша бадейку в роднике и, поднявшись в огород, долго ласкала у шалаша ликующего пса. Каждый кустик и деревцо были такими родными. Потом прошла на гумно; с непривычки больно кололся щетинами скошенный луг. Крестьянский люд готовился к молотьбе. Мал и стар высыпали на гумна. Скирда пахучего сена так и манила к себе, воскрешая у Луши память о детских годах. За гумном, на возвышенности за оврагами, виднелись Раменки с колокольней. Радостные воспоминания всколыхнули грудь - ведь все это было таким родным и милым. Слезы почему-то выступили на глазах, Луша глубоко вздохнула и тихо пошла ко двору, успокоенная и обласканная теплотою родной деревни.

Луша быстро влилась в деревенскую жизнь, да и очень кстати была такая пара рук в хозяйстве, особенно в уборку хлебов. Немного отвыкла она уже от деревни и поэтому первые дни смертельно уставала от работы. Павлушка как-то сразу обжился. На свежем деревенском воздухе и простых харчах, да и особенно при бабушкиной заботе он расцвел.

Всю осень провела Катерина с семьею в напряженном труде и только с первым снежком очнулась от тяготы. Федор усиленно копался с салазками, готовя свой товар на базар в Н. Женщины приступали ко льну, конопле и шерсти. С чердака достали Лушин еще новый ткацкий станок, и потянулись длинные зимние вечера за тканьем холста и изготовлением дерюг.

На посиделках набивалась полная изба девок и ребят, и работа вперемежку с песнями тянулась в Катерининой избе часто далеко за полночь. Почти всегда это веселье сопровождалось пляской под гармошку. Зато и доставалось Луше по утрам выгребать лопатой шелуху от подсолнечных да тыквенных семечек, В этой компании началось детство Павлушки. Очень рано он окреп и после нового года впервые, ко всеобщему восторгу, самостоятельно протопал от лавки до станка. Первую свою годовщину он отметил тем, что вечером, развеселившись не в меру, засадил в ногу большую занозу, а потом дико заревел, когда девки гурьбой схватили его и при свете лампы ее вытащили.

К весенним капелям у Луши зародилась думка, ведь как ни есть, а она "отрезанный ломоть", и ей надо думать о себе. Время городской жизни сумело прочно врезаться ей в душу. Вспомнила она заводских женщин и мужиков, разнообразные и многолюдные городские пирушки, и потянуло ее в город на завод. Посоветовавшись с матерью, еще до полой воды, с Федькиными изделиями на возу тронулась она в город. Приурочено это было к поре, когда Павлушку надо было отнимать от груди. Без особых переживаний он расстался с матерью, так как бабушкины ласки были для него слаще всего на свете. Да и Катерина, к своему удивлению, не чаяла в нем души.

Весной, когда обсохла земля и трава изумрудным ковром расстелилась перед дворами, Павлушка целыми днями щебетал среди цыплят, утят и прочих безобидных своих сверстников.

Луша по прибытии в город, при сердечной заботе крестного Никиты Ивановича, сразу устроилась крановщицей в тех пролетах, где раньше работал Петр Владыкин. За свою сноровку, расторопность и отчасти, вероятно, и за миловидность заводское начальство установило ей хорошее жалованье, а Маревна, ее новая хозяйка, заботливо взяла ее под свою опеку, выделив переднюю угловую комнату. Быстро освоилась Луша на новом месте, да и старые Петькины друзья по вечерам не забывали ее. Павлушку она помнила по-матерински и при всяком удобном случае с починкскими гостями посылала ему гостинцы и что-нибудь из одежды. Павлушка был наряднее всех деревенских ребятишек, и Катерина в душе всегда гордилась этим.

В один из праздничных дней, разряженный в самое лучшее, он сидел на скамеечке у палисадника и уплетал присланный матерью пряник.

- Ах, какой красавчик, загляденье. И не парень, пышка на меду! Чей же ты будешь, мой ненаглядный? - как ворона, подскочила к Павлушке бабка Солоха, и как Павлушка ни отбивался, она насильно поцеловала его и сунула ему в руку маленькую лепешку. Недоверчиво и пугливо смотрел мальчик на старуху.

- Кушай, кушай, родненький! Ну что ты так боишься, откуси хоть немножко моего гостинчика, - теребила она его ручку, в которой он крепко держал ее гостинец, потом отошла оглядываясь на мальчика, Павлушка глубоко вздохнул, поднес лепешку ко рту и откусил от нее.

В это время Катерина поднималась из оврага и увидела старуху, остановившуюся около Павлика. Сердце у нее оборвалось, и тревога охватила душу.

- Брось, брось, выплюнь! - закричала она, подбегая к мальчику и, одной рукой вытаскивая изо рта откусанный кусочек, другой отняла у внучка Солохин гостинец.

Бабка Солоха жила в Сельникове, в стороне от всей деревни в полуразвалившейся избенке, совершенно одинокой. По всей округе ее называли колдуньей и, встречаясь с ней, люди подолгу крестились, творя молитвы.

Павлушка совсем не понимал, почему бабушка вырвала лепешку и растоптала ее, разразился поэтому сильным плачем. Вечером он раньше обычного лег спать в сельнике под пологом с бабушкой, и ночью спал очень тревожно. Катерина долго наблюдала за ним и ночью усердно молилась Богу, но тревога ее все больше возрастала. Проснулся мальчик на рассвете и начал болезненно хныкать. Кушать утром он не захотел, но бабушка уговорила его, накормила и отправила в палисадник с пряником в руках. Через некоторое время Павлик сильно заплакал и не переставал, пока бабушка не выбежала к нему. При виде ее он уткнулся ей в фартук и стал проситься на руки; под ногами куры доклевывали нетронутый пряник. К обеду мальчонка слег в постель и тихонько стонал. От всякой пищи он отказывался, а к вечеру неузнаваемо осунулся. Всю ночь Павлушка метался в бреду, приходя в себя, беспрерывно плакал.

Через две недели он перестал подниматься, а затем и вовсе не мог держаться на ногах. Стоны его почти не прекращались. Ночами бабушка носила его на руках, то и дело выходя из избы на улицу. Сколько всякого люду попере-бывало у Катерины; предлагали разные травы, коренья. Ходила она по знахарям, по монастырям и лекарям, но Павлушка таял с каждым днем, почернел и высох в щепку. С большим трудом удавалось разжать ему рот и влить что-либо из жидкого. Увидев сына в таком состоянии, Луша с воплем упала перед люлькой. Целыми днями она в слезах сидела у него, но мальчик ее совершенно не узнавал.

Через неделю Лушу насильно оторвали и увезли обратно в город. Павлушкин недуг вызывал сожаление у всех окружающих, так что, проходя мимо Катерининской избы, люди с сожалением посматривали на окна и, крестясь, шептали про себя: "Господи, помилуй!"

К концу весны мальчик превратился в скелетик, обтянутый кожей. Спать он совершенно перестал, вместо крика - хрипел, а потом перестал и хрипеть и лишь временами судорожно открывал рот. Люльку его переставили под образа. Однажды на рассвете Катерина прислушалась. Мальчишка не подавал никаких признаков жизни: глаза его были закрыты, не моргали, губы плотно сжаты и через большой промежуток времени открылись лишь на мгновение. Катерина упала на пол и с сильным воплем заголосила на всю избу.

- Мамка, что, умер што ли, да? - спросонья спросил Федор, но, не получив ответа, слез с полатей и, взглянув на Павлушку, перекрестился.

- Отмаялся горемычный! - Затем, наспех скрутив цигарку, прикурил и вышел. Вчера еще он вымерил, выпилил и выстрогал доски на гроб.

Через час с печалью в душе Федор зашел в избу с крышкой, чтобы ее примерить. Окошко на улицу открыто было настежь, лампада перед "Спасителем" погасла и закоптилась. На полу на коленях в сокрушении стояла Катерина и плакала. С увядшей маленькой жизнью, кажется, застывала кровь и в ее жилах.

- Мамка, будет тебе убиваться-то, ведь ты этим не вернешь его. Такова уж, видно, судьба, - вразумительно утешал Федор рыдающую мать.

- Дай-ка я крышку примерю, - добавил он. Но как только увидела Катерина в руках у Федора гробовую крышку, во весь голос закричала и повалилась на Павлушкино лукошко.

- Нет, не дам! Господь, батюшка, Ты мой Спаситель, прости Ты меня окаянную, не досмотрела я простоволосая за душенькою моею! За что Ты так наказываешь меня?! Смолоду я от нужды и горя свету белого не видела. Заступник Ты мой, батюшка, помилуй меня, несчастную. Неужели я никогда больше не обниму мое дитятко? Пресвятая богородица, матерь Божья, душа моя вырывается от горя лютого, заступись за меня,

пресвятая и непорочная! Милостивый Господи, Ты Лазаря поднял из гроба каменного, Ты вдовьему горю вышел навстречу. Поми-и-луй меня! - так с распущенными волосами, в слезах вопила Катерина над внучком, и вопли ее из открытого окна слышны были за околицей.

- Мир сердцу сокрушенному! Господь тебе в утешение! О чем ты, матушка, убиваешься? - раздался над головой Катерины ласковый голос, а на плече она почувствовала легкое прикосновение теплой руки.

Катерина поднялась над люлькой, перед нею стоял седой старичок в домотканом сермяке с посохом в руке. Лицо его ей было знакомо, потому что он, проходя через их деревню, постоянно любезно кланялся ей. Был он из дальней деревни за Раменками. Он смотрел ей прямо в глаза, и кроткий, спокойный взгляд его успокаивал ей душу.

- Родимец ты мой, это дитятко мое, первый внучек мой, занемог и вот высох, как щепка. А со вчерашнего вечера глаза не открывает, да и не дышит, видать, - сквозь слезы простонала Катерина прохожему и рассказала ему все от самого начала. Старичок все молча выслушал и пристально посмотрел в лицо мальчика. По лицу умирающего еле заметно прошла конвульсия. Медленно приоткрыв рот, он вздохнул, затем все опять замерло.

- На милость Божью будем надеяться, враг почему-то сильно возненавидел это дитя, но Господь всемогущ. Запрягай быстренько пролетку и поспеши со мною, - сказал старичок, взял руки мальчика в свои ладони и, стоя над ним, долго что-то шептал про себя, видимо, молился. Федька бросил крышку на печь, моментально выскочил из избы и через несколько минут, запыхавшийся, крикнул в открытую дверь:

- Тарантас наготове, мамка!

Лицо мальчика от мух накрыли тряпицей, и Катерина вслед за старичком вышла из избы. Рыжий, будто почуяв, что от него зависит многое, как взял от ворот рысцой, так и, не замедляя хода, потрусил по дороге. Через час они остановились у крыльца избы. Старичок велел не распрягать коня и провел Катерину в избу. Взглянув в передний угол, Катерина так и застыла на мгновение с поднятой ко лбу рукой: образов там не оказалось. Но, овладев собой, она все же усердно и долго крестилась на пустой угол. Старичок торопливо дал какие-то распоряжения своей жене, такой же милой и добродушной, как и сам, и вышел в сельник. Садясь на скамью и вытирая слезы концом платка, Катерина рассказала свое горе хозяюшке, которая успокаивала ее Божественными словами, но какими-то другими, какие она не знала. Вскоре вошел в избу хозяин и принес две бутылочки с жидкостью.

- Вот, слушай внимательно, матушка! Во-первых, разожми рот у дитяти и влей из этой черной бутылки ложкой сколько он примет. Через время опять повторяй, и так весь день и смотри, как он вздохнет, то слава Богу, дитя твое живо будет. После этого пои его из второй бутылочки. А как увидишь, что он оживает, молись Богу и опять приезжай скорее ко мне.

Катерина судорожно прижала к груди целительные бутылочки и хотела уже бежать, но старичок остановил ее:

- Матушка, жизнь-то у Бога, а не в бутылочках, поэтому поблагодарим Его. - Старичок разговаривал с Богом, как с человеком, просто, сердечно, и хотя Катерина была смущена такой молитвой без образов, однако чувствовала, что какая-то сила проходит по ее жилам, а слезы у нее лились и лились. И пока старичок молился, она ниц лежала на полу. Каким-то сладким покоем наполнилась душа ее от такой молитвы.

- Ты смущаешься, что у нас нет образов, матушка? Бог есть дух и поклоняющиеся Ему должны поклоняться в духе и истине. Иди с миром и глубокой верой в живого Бога, и будет живо дитя твое. Бог любит вас, - с такими словами Катеринины благодетели проводили ее из избы и усадили в тарантас.

Домой, как ей показалось, доехала она очень скоро, отчасти потому, что было под гору, а главное, она была удивлена чем-то невиданным и неслыханным в доме своих новых знакомых.

Дрогнуло сердце Катерины, когда она увидела, что тряпица как лежала на лице мальчика, так и лежит, но все-таки с какой-то затаенной надеждой, помолившись, она разжала его рот и влила ложку жидкости. Часть влитого полилась ручейком через края губ. "Неужели все кончено?" - горько шевельнулось в ее сознании, но, вспомнив уверенность старичка и уповая на Бога, Катерина продолжала наблюдать за лицом ребенка. Через некоторое время она заметила, что влитая жидкость исчезла. Снова и снова принималась она за свое дело, но ребенок лежал, как бездыханный.

Всю ночь в невероятном напряжении просидела бабушка над своим внучком, напряженно всматриваясь в его лицо, как бы желая взглядом вызвать в нем жизнь. К самому рассвету от крайнего переутомления она впала в

какое-то забытье и повалилась в изнеможении на койку. Вдруг, как током, пронзило ей все тело: ей почудилось, что мальчик слегка застонал. Катерина подбежала к лукошку и замерла: показалось ли ей это от переутомления? На лице ребенка не видно было никаких перемен. На улице заиграл пастуший рожок, а в ответ ему по деревне в предутренней тишине послышалось мычанье скота; за окном занималась зорька - пробуждалась жизнь. Катерина умылась на крыльце из титанца и вышла выгонять скотину в стадо. Управившись с хозяйством, она вошла и села устало на постель, голову ее непреодолимо тянуло к подушке. Но вот сердце в ней опять подпрыгнуло; ей опять почудилось, что мальчонка застонал; миг - и она нагнулась над лукошком. Ресницы у Павлушки дрогнули, глаза полуоткрылись, через прорези Катерина уловила искорку жизни, потом открылись губы, и в своей ладони она почувствовала движение детских пальчиков.

- Господи, Боже мой милостивый, да что это такое? Да неужели Господь смилостивился надо мною? Павлушенька, да неужели я еще услышу голосочек твой? - запричитала Катерина вне себя от радости. Потом она упала на колени и стала читать молитвы, какие только приходили ей на память. После первого возбуждения она вновь порывисто наклонилась над ребенком. Глаза его были открыты полностью, рот полуоткрыт, и ноздри еле заметно шевелились. Катерина вспомнила наказ старичка, открыла вторую бутылочку и, не переставая причитать, влила полную ложку в рот внучку. Легкое движение мышц на тонкой шее мальчика убедило ее, что он лекарство проглотил. Опять она накрыла мальчика от мух и сама в изнеможении упала на дерюгу. Сколько проспала - не заметила, но когда хватилась, солнце уже освещало избу яркими лучами. За окном на завалинке петух кричал свой победный клич. Катерина, подойдя к лукошку, подняла покрывало. Ребенок спал. Тихое мерное дыхание говорило о пробудившейся жизни. Слезы восторга опять навернулись на глаза Катерины, она сжала пальцы у себя на груди и, подняв глаза вверх, полушепотом проговорила:

- Неужели возвратится счастье мое? Да, возвратится оно! Бог милостив, мое счастье возвратится - счастье уже потерянной жизни!

Катерина, как и велел ей благодетель, опять поехала к нему. Возвратилась она к вечеру обрадованная, возбужденная, с новым лекарством и тут же дала его Павлушке...

Жизнь к мальчику возвращалась быстро, и Луша, как только узнала о радости выздоровления, явилась из города с полным ворохом разного добра и гостинцев. Мальчик был еще очень слаб, но Катерина с Лушей решили его поднять и обмыть. Кушать Павлушка стал с каждым днем все больше и больше. Аппетит его был так велик, что бабушка испугалась и заявила ему, что лучше кушать понемногу, но чаще. Недели через три тело Павлушки посветлело и появился даже первый румянец на щеках. Через месяц мальчика вынесли на улицу, где его сразу окружили дети соседей, но бабушка решительно запротестовала, решив никому Павлушку не показывать, пока он не станет на ноги. К разгару лета Павлик уже настолько окреп, что его впервые вывели на огород и, к восторгу Трезора, самостоятельно пустили к шалашу. Опасность была только в том, что мальчик без удержу кушал все подряд.

Однако к Павлику почему-то так и не возвращался прежний вид. Бледный, с длинной шеей, худой, как былинка, он вызывал к себе всеобщее сожаление и внимание. По характеру он стал очень раздражительным и обидчивым: чуть услышит какое слово построже - сразу в слезы. Луша решила взять его к себе в город, чтобы с переменой обстановки он мог скорее поправиться. С большим трудом, уговорами и обманом его кое-как разлучили с бабушкой. Да и связывал он ей руки и измотал порядочно, а подошла самая деловая пора в деревне. Переезду Павлушки в город отчасти послужил серьезный разговор Никиты Ивановича с Катериной.

- Катерина, ты на Лушку-то обрати внимание посерьезней. Вы зря ей руки-то развязали: мужика нет, парнишку держишь у себя, и пошла Лушка на вечеринки да на балы. Стали уже на извозчиках привозить бабу-то домой по ночам. Вся Петькина компания вьется вокруг нее. Разряжается она, как барыня: без мужика-то всякая дурь лезет в голову бабе, как бы беды не случилось какой. А Петька-то голодает, да вшей кормит у австрияка за проволокой. Мальчишку-то надо привезти, пусть занимается им мать, да сидит дома вечерами, а днем он с Маревниными девками проживет, все уж поглядят за ним.

Поэтому и решено было мальчишку отдать Луше. Павлушка медленно привыкал к матери, а когда привык, то стал неразлучен с ней. Первое время жизнь у них протекала хорошо. Рано утром Луша уходила на завод и оставляла его одного. Шурка и Клавдия, Маревнины дочери, с удовольствием умывали, одевали и кормили его утром. Потом они пускали его гулять по обширному лугу напротив дома, но вскоре Павлушка заскучал. С каждым днем он становился все капризнее.

Луша, оправившись от разлуки с Петром и болезни сына, в двадцать лет расцвела всем на диво: статная, красивая, с пышными волосами, во что бы ни была одета, хоть в рабочую гимнастерку, хоть в домашнее платье - все так же была хороша. Заводская жизнь быстро преобразила ее из деревенской простой женщины в бойкую, языкастую. Долго с сыном она усидеть дома не могла, стала брать его на завод и вечерами на пирушки.

На встречу нового 1916 года Луша разрядила Павла и пришла с ним на маскарадный вечер. Несмотря на шум и праздничную суматоху, он вскоре уснул. Его уложили в комнате отдельно, но в самый разгар пляски Павлушка внушительным криком напомнил о своем присутствии. Кто-то из разодетых кавалеров, желая не отвлекать Лушу, решил заменить ему мать, но крик раздался еще сильнее. Луша ворча пошла к сыну. Однако настроение у Павлушки не совпадало с материнским, и он не унимался. Луша решила развлечь его и вынесла на свет. Десятки самых разнообразных масок: свиных, собачьих, кошачьих и сказочных чудовищ - окружили его. Павлушка был так напуган, что в истерике забился у матери на руках. Пропал весь вечер у Луши, больше того, пропала с сыном и ее спокойная жизнь. Придя домой, она лишь к утру еле успокоила его. Павлушка после этого сильно переболел и остался на долгое время очень пугливым. Он ни за что не хотел оставаться один. Когда Луша уходила на работу, он, уцепившись за ее подол, часто с криком бежал за матерью, пока Шурка не отрывала его насильно и не запирала в комнате. Оставшись же один, Павлушка неистово ревел на весь дом. Тогда девки вбегали в комнату и ремнем били его до синяков, до хрипоты.

Однажды во время такого укрощения в дом пришли Никита Иванович с женой, отняли Павлушку у девчонок и взяли его к себе. Когда его раздели, чтобы искупать, на теле мальчика обнаружили синие полосы от ремня. На много лет у Павлика остались ненависть и чувство мщения к девочкам, особенно к Шурке. Причина пугливости Павлушки была, впрочем, уважительная: в комнате у Луши на стенах висели картины страшного суда с кипящим котлом и людьми на сковороде, и страшный медведище с разинутой пастью шел на охотника. Долго никто не понимал, что для впечатлительного мальчика это было основанием для страха.

Крестный понимал положение Луши глубже других и при первой встрече с Катериной и их новым зятем Яковом, мужем Полюшки, сказал кратко и резонно:

- Мать, Лушку надо брать в твердые руки и нужен постоянный глаз за ней. Пропадет баба и вместе с собой парня загубит. Он мешает ей, потому что голова забита другим. Что-то надо думать, но с завода придется ее убирать, ей надо быть ближе к хозяйству.

Больше недели крестный держал Павлушку у себя, пока тот совсем не успокоился. Картины со стен убрали, но как только мальчик снова увидел девчат, так кинулся с плачем к матери.

Все понимали, что должна произойти какая-то перемена. Долго родне думать не пришлось. Митька-Барабан - починкский бабий балясник, при разговоре о Луше обещал приискать для нее подходящее местечко. Через неделю оно нашлось; в соседнем городишке помещику Свешникову нужна была прислуга из деревенских. На семейном совете было срочно решено: Павлушку забирает опять Катерина, а Лушку с завода рассчитать и увезти к Свешникову. Как ни противилась Луша этому, но пришлось старшим подчиниться. Так на том кончилась вольная жизнь солдатки Луши.

С радостью Павлушка спрыгнул с телеги на деревенскую лужайку. Его приветливо встретили деревенские жители, на глазах которых он умирал и ожил. Бабушка всю заботу снова вкладывала во внучонка.

Катерининская изба заметно опустела. Поля вышла замуж за вдовца с двумя малыми детьми, а Василий уехал в город Н., там женился на самостоятельной городской женщине двумя годами старше его. К концу лета, к жатве и молотьбе, Катерина ездила в город за помощью, тогда ее дом опять наполнялся людьми, а с людьми возвращалось и веселье. Очень любил Павлушка проводить день свой среди взрослых, и хоть был слабенький, но всюду сновал между людьми, с любопытством прислушиваясь ко всяким речам, особенно к песням. С благоговением он вместе с бабушкой стоял на коленях перед иконой и всякий раз старательно и подолгу крестился, кланяясь до земли. И, конечно, усердие его удваивалось, если бабушка его хвалила. Одно только его сильно и долго смущало: за иконами всегда были напиханы всего-навсего пузырьки да сверточки. Он же думал, что там что-то необыкновенное.

Неизгладимым в памяти Павлика остался крестный ход по деревне и полям в 1918 году. С весны не выпало ни капли дождя. С утра до вечера солнце неумолимо пекло и выжигало все на лугах и полях. С жалобным мычанием и блеянием ходил по выгоревшим полянам голодный скот. Пропадали хлеба, гречиха, лен, овес. Земля трескалась и делалась каменистой. Кое-как удавалось побрызгать огородные грядки, но стали высыхать родники,

и пруд совсем обмелел. Жизнь кругом тоскливо замирала. По этому поводу священник в церкви обратился с проповедью к народу и назначили специальный молебен с крестным ходом по полям.

Павлушка проснулся в этот день раньше обычного и видел, как бабушка прибирала, готовила избу и двор к встрече священника. Кормили в этот день только малых детишек, а все остальные к пище не прикасались, были в благоговейном ожидании. Наконец среди утренней тишины раздался звон колоколов, возвестивших о начале крестного хода. Все высыпали на окраину деревни. Через полчаса из-за леса, направляясь к деревне и оглашая воздух пением молитв, показалось благоговейное шествие. На руках несли хоругви и образа, группа мужчин несла на шестах икону Казанской Божьей матери. Впереди всех шел священник с кадильницей в руке.

Не доходя до деревни, вся процессия повернула в сторону и направилась лугами к хлебам. Присоединившиеся к ней сельчане сменили несущих тяжести. Смиренно, благоговейно шествие обходило поблекшие посевы, периодически совершая молебен. У многих на глазах появились слезы умиления от совершенных молитв и проповеди священника. По полудню вся процессия, обойдя вокруг деревни, наконец вошла в нее и остановилась против часовни. Служба продолжалась, и народ, склонившись на траву, прилежно и долго молился. Зрелище было очень трогательное, дети прижимались к своим родителям, по деревне не было никакого движения. Рядом с Катериной на коленочках стоял Павлушка. Хоть и колола трава ему ноги, но он терпеливо молился со всеми вместе.

- Бабушка, Боженька ведь слышит нас. А почему так долго нет дождичка, ведь Он же все может? - теребил бабушку Павлушка с расспросами. Он так хотел увидеть Божье чудо. Катерина положила ему руку на голову и просто, с уверенностью ответила:

- Вот еще немножечко потерпим и скоро будет дождик. Склонившийся народ не поднимался на ноги. Еще усердней принялся креститься и Павлушка, подражая бабушке. Вдруг порыв ветра пронесся над толпою, поднимая пыль с дороги. В народе, нарастая, послышался шум; все повернулись в сторону Жулихи. Над лесом показалась едва заметная, темная полоса, которая, быстро расширяясь, выползала на Починки. Буря восторга пронеслась среди людей. Ко всеобщему ликованию, послышались далекие раскаты грома. В течение нескольких минут все небо заволокло тучами, и вначале крупными каплями, а затем полоса за полосою на землю низвергался ливень. Едва успели занести образа и хоругви под крышу и спрятаться под навесы. Несколько человек, однако, так и не поднялись с колен. Обратив лицо свое навстречу небесным потокам, они продолжали молиться и благодарить Бога за Его чудо. После ливня установился мелкий дождичек и шел целые сутки.

Памятной осталась эта милость Божья жителям всей округи, памятной она осталась и Павлику. Вера в Бога у него закрепилась по-детски просто, но прочно. Однако к батюшке и дьячку не было у него расположения. Павлик больше боялся их, нежели любил. Отчасти повлияло на его чувство такое зрелище: он видел, как батюшка с дьячком после молебна вышли из избы сильно пьяными, пошатываясь от хмеля. Катеринина изба была самая крайняя, и пока они дошли до нее, то наугощались допьяна. Это в детской душе никак не совмещалось со святыми чувствами к Богу и всему божественному. Еще страшнее для него, с чем он не мог мириться, была ругань дяди Феди. Федор был хоть и трудолюбивый мужик, но по натуре своей вспыльчивый, злой и приступы гнева выражал в богохульстве. Катерина не раз строго выговаривала ему:

- Федька! Пропадешь ты, если не бросишь ругаться в Бога, брось, погибнешь!

Павлушку он недолюбливал, но не обижал и не отказывался брать с собою, когда тот неотвязно просил его. Брал Федька племянника на сенокос прокатиться на возу с сеном или верхом на Рыжем на водопой, даже брал в Престольный праздник на базар в Раменки или в потребиловку. Чаще всего происходило это по ходатайству бабушки.

Так проходили детские годы Павлика под неустанной опекой Катерины, готовой за него и душу положить. Зимой он с ней спал на печи, а летом - под пологом в сельнике. Мать он видел редко, а отца знал только по рассказам бабушки. Зимой вся жизнь его протекала на лавке у "нестревского" окна; он знал раньше всех, кто едет в деревню из города или идет пешком. Часами он сидел неподвижно, прислушиваясь к вою метели в трубе и за окном. Но зато и первым он встречал весеннюю радость. Когда солнце насухо высушивало соломенную крышу и разогревало землю на завалинке, Павлушка часами вместе с курами копался в рыхлом грунте под окном. Он первый на проталинках встречал грачей и скворцов, первый выслеживал появление подснежников и фиалок. Когда же высыхала земля на полях и прямо под окном поднимались озимые, в полисаднике зеленела мальва, а в Вершках белела верба, Павлушкино наслаждение перемещалось с завалинки на деревенскую изгородь.

Одним из самых заманчивых занятий для него было - катание на деревенских воротах. Но ввиду того, что оно заканчивалось или подзатыльником или шлепками, Павлушке приходилось выжидать удобного случая. Они, к его огорчению, были очень редки. Чаще он попадал в неприятное положение, когда кто-либо за ухо приводил его к бабушке или еще хуже - к Федору; тут уж не обходилось без слез. Но к воротам с колесом и после этого тянуло с неудержимой силой. Летом Павлика интересовало так много запретных мест, что часто память подводила его на самом интересном месте и приводила к немилосердным рукам дяди Федора.

Так подошло лето 1919 года, когда в жизни Павлушки суждено было произойти многим переменам.

Глава 3

У Петра Владыкина захватило дух, когда он, едва успевая лавировать среди скалистых уступов верхом на колу, вместе с лавиною снега мчался вниз по крутой каменистой осыпи. Полоса снега уже давно осталась позади, когда Петр, замедляя свой спуск, остановился у подошвы откоса. Тут же лавина снежной осыпи настигла его и с шумом погребла под собой. На мгновение Петр как-то перестал соображать, а когда пришел в себя, почувствовал, что не может шевельнуться. Лишь изредка слышал он пробегающие над ним по снегу скатывающиеся вниз камни и снежные комья. Петр снова попробовал пошевелиться, но не было никаких сил освободиться из снежного плена. Рыхлый снег еще плотнее облегал его и тяжело сдавливал грудь, затрудняя дыхание.

"Неужели столько смертей миновал, прошел все Карпаты для того, чтобы здесь так смешно умереть в снежной могиле от собственного легкомыслия?" - мелькнуло в голове у Петра. В памяти возник образ Степана-проповедника, вспомнились слова, которые согревали его душу.

Вдруг ему послышалось лошадиное ржание и незнакомая речь. Кто-то усиленно разгребал над ним снег. Через несколько минут по его ботинкам ударили каким-то предметом, но ноги тут же опять завалило. Зато сверху отвалилась масса снега, и Петр, собрав все усилия, высвободил голову. Свежая струя воздуха ворвалась в легкие и опьянила сознание. Открыв глаза, он увидел перед собою спасающего его пожилого гуцула. В десяти шагах на дороге стояла запряженная в телегу лошадь. Гуцул, увидев моргающие глаза Петра, что-то радостно крикнул ему и еще старательнее стал работать лопаткой. Спустя еще несколько минут Петр, расталкивая снег, высвободился из своей могилы и обессилено упал на свежую траву. Все тело дрожало, и мускулы не подчинялись ему. С большим трудом незнакомец дотащил его до телеги и уложил на свежескошенное сено, что-то приговаривая по-своему.

Вскоре они остановились в хуторе. Петр, с трудом приподнимаясь на локтях, слез с телеги и, волоча ноги, при поддержке своего спасителя вошел в хату. Из оживленных разговоров в хате он догадался, что его приняли доброжелательно. Через час его усадили за стол. Хозяин предложил ему приятно пахнувший напиток, и как только Петр выпил, по его телу разошлась живительная теплота. Через три-четыре минуты он совсем ободрился и с жадностью скушал предложенный обед. После этого Петр, путая русские и немецкие слова, спросил, где он и как называется местность. Жена гуцула с удивлением посмотрела на него и ответила по-немецки. Петр понял из сказанного, что хозяйка еще в молодости воспитывалась среди немцев и понимала их речь. Так, объясняясь частично жестами, частично на разных языках, Петр узнал, что он недалеко от русско-польской границы, что война с немцами закончилась, что пленные разъезжаются по своим домам, но в России продолжается война непонятно с кем.

Хозяева оказались очень набожными людьми, но образов в избе не было. Молились они, как и Степан. Радостью забилось сердце Петра, и он в душе, как мог, поблагодарил Бога за то, что Он спас его и послал ему навстречу добрых людей. На следующий день для него натопили баню, сменили ему белье и предложили отдохнуть неделю. Петр со слезами на глазах благодарил за эту добродетель, но просил, чтобы о его пребывании никому не говорили. Хозяева успокоили его, убедив, что опасаться совершенно нечего.

Отдохнув четыре дня, Петр засобирался в дорогу. Как ни удерживали его, ранним утром он покинул гостеприимных людей с полной торбой харчей на дорогу и направился к ближайшей железнодорожной станции. На станции он встретил много подобных себе пленных. Они ехали группами, хотя многие и сами не знали определенно куда. Петр решил не сливаться с этим потоком, а пробиваться в Россию, домой, самостоятельно.

Много мук пришлось перенести ему в дороге: ехал он на вагонных площадках и крышах и даже на паровозах. С большими трудностями, грязный, голодный, с опустевшей котомкой доехал он наконец до Москвы. Еще через день он сидел в поезде, идущем в уездный город, от которого до Починок было рукой подать, - всего двадцать пять верст. На базаре Петр нашел себе попутную подводу почти до Раменок. Переночевав на постоялом дворе, рано утром они тронулись в путь.

Орошенная ночным дождем природа дышала бодрящей свежестью, а звонкое пение жаворонка над головой пробуждало к новой жизни очерствевшее от лишений сердце Петра. Возница был из дальней деревни и, не зная ничего о починковских новостях, после немногих расспросов о солдатской жизни и тяготах военнопленных замолк. Петр с удовольствием ушел в себя и почти до самых Раменок как бы весь растворился в воспоминаниях о прошедшей молодости. Не доезжая до села, он сердечно поблагодарил возницу за расположение и решил задами войти в знакомое село, с которым у него было так много связано в жизни. Ведь всего в одной версте от него находились Починки, а в них ответ на мучительные вопросы, которые теребили его истерзанное сердце все долгие годы разлуки.

Идя по улицам, он встречал сельчан и любезно здоровался, одновременно боясь быть узнанным. Однако вид его был таков, и он мог быть совершенно спокоен; кроме любопытного взгляда в спину и сожаления он ничего не встретил.

Поравнявшись с потребиловкой, Петр не удержался и шагнул к открытой двери. На пороге сидел торговец и испытывающе смотрел на него. Петр узнал в нем волостного коробейника, некогда бойкого, навязчивого торговца всякими заманчивыми вещицами. Располневший коробейник с оханьем поднялся и спросил, заходя в лавку:

- Откуда и куда путь держишь, служивый?

Петр топтался у прилавка, но горло так пересохло от волнения, и он срывающимся голосом на вопрос ответил вопросом:

- Чай не узнаешь? Петька-гармонист, Лушкин муж. Помнишь?

Толстяк всплеснул руками, выскочил из-за прилавка и, сняв с Петра бескозырку, долго тряс его руку с разными причитаниями. Затем, усадив его за прилавок и налив из кипящего самовара чаю, начал осаждать вопросами. Однако Петр, выпив стакан чаю с сахаром, закусив лепешкой из картошки, как сумел, деликатно извинился и, рассказав кое-что из прожитого, попросился в деревню.

Из рассказа торговца он узнал, что Луша у помещика в прислугах, а мальчишка чуть не умер от недуга, но теперь живет здесь, с Катериной. Изба ее по-прежнему с краю от Нестрева; в Починках все живы, кроме старика Патетышки, Лексановой старушки да деда Константина; что по округе голодновато, живут на картошке с отрубями, Полюшка с Васькой ушли от Катерины в город.

Еще сильнее заторопился Петр в деревню, но у порога лавки остановился в нерешительности. Ему хотелось купить сынишке хоть пшеничного коня, т. к. в его котомке, кроме стиранных подштанников и запасных обмоток, ничего не было. Толстяк понял его затруднение, кинулся к ларю и, схватив напудренного сахаром коня, сунул Петру:

- На-ка, сынишке-то гостинчик дашь, больно уж бедовый растет. - Петр, раскланиваясь на ходу, быстро зашагал в деревню.

И вот солнечным июньским днем Владыкин подошел к Починкам. Обойдя деревушку, он подошел с другой ее стороны прямо к избе Катерины. Проходя задами, он не чувствовал своих ног, но как только вышел на дорогу и увидел знакомую избу, ноги его будто приросли. Медленно шагая, приближался он к изгороди. В огороде Петр увидел мальчишку с всклокоченными волосами, сооружавшего из ивовых прутьев ему одному понятное и важное строительство. Излишняя влага под носом не давала Павлику покоя, поэтому левый рукав его рубашки подозрительно блестел. Вечером бабушка высказывала в адрес внучка по этой причине какое-нибудь нелестное прозвище. Сегодня мальчишку нос одолевал как никогда, и когда он поднялся от занятий, чтобы проделать обычную операцию рукавом, он заметил на дороге какого-то дядьку. На деревенских этот не был похож. На голове у прохожего был засаленный колпак с кокардой, точно такой, как у солдат, а военных гимнастерок Павлик никогда не видел. Прохожий медленно подходил и почему-то направлялся к нему. Мальчик из-под ладони взглянул на Петра и спрятался за плетень. Всего лишь на малое мгновение они встретились взглядами, но Петр безошибочно узнал в трусишке своего сына.

- Тебя как звать-то? Ты чей? Да не убегай, ведь я же не съем тебя, на-ка гостинец-то, - с волнением в голосе проговорил Петр.

Но Павлушка, что было духу, рванул через дорогу и остановился у Трезорова шалаша. Рука с протянутым пряником затряслась, Петр шагнул за плетень вслед за улепетывающим сыном. Он хотел подойти к Павлушке, но тот юркнул в шалаш, а Трезор, оскалив зубы, так зарычал, что Петру со смущенной улыбкой и со слезами на глазах пришлось отступить к калитке. Тисками сдавило душу от сознания, что родной его сынишка прячется от отца.

Когда осмелевший Павлушка решился выглянуть из своего укрытия, он, к своему удивлению, увидел, что бабушка обняла дядьку, сняла с него котомку и с плачем что-то говорила. А через короткое время толпа деревенских баб окружила их.

- Павлушка, да это же отец твой, иди скорей сюда, куда ты залез? - закричали бабы. Однако бабушке пришлось самой подойти к шалашу и вытянуть его за руку.

- Куда ты залез-то, ведь папка же твой пришел, иди скорее, нелюдь, - проворчала Катерина на внучка и легонько толкнула его к отцу.

Петр плохо осознавал, как сбежались бабы, как Катерина обняла его и, всполошившись, притащила Павлушку за руку да, подняв, передала отцу, как с Павлушкой на руках оказался он около той самой избы, где шесть лет назад получил с Лушей благословение от Катерины.

"Папка, отец..." - эти слова для мальчика были непонятны. Пристально и строго Павлик поглядел на отца. Очутившись у него на руках, взял недоверчиво пряник. Отец также оглядывал его.

Крепко обняв сына, с непокрытой головой стоял Петр Владыкин посреди дороги напротив дома. Слезы текли по немытому, изможденному лицу. Вытирали у себя слезы и бабы.

- Счастливый ты, Петька, один из нашей округи вернулся домой, как с того света, - проговорил Федор, - ну что ж, заходи в избу!

Вечером, после бани, Петр вышел на улицу к собравшемуся деревенскому люду и за полночь рассказывал про свое прошлое житье-бытье. Павлушка давно уже заснул на коленях у отца, а народ с неослабевающим волнением слушал Петра. Особенно насторожились все, когда он рассказывал про Степана-проповедника и про грешницу.

Отдыхал Петр в деревне немного. Вечерами в избе известного в округе набожного мужика собирались некоторые из деревенских и читали Евангелие, подолгу рассуждали о словах Спасителя и, крестясь, довольные расходились по домам. Загорелась душа у Петра, когда на столе перед ним оказалось Евангелие. Но увы, он был так малограмотен, что с трудом да с подсказками прочитывал строчку.

Дома было решено, пока еще хлеба не подоспели, а сено было в основном собрано, Катерина оставит Федьку одного, а с Петром да Павлушкой съездят к Луше и там вместе решат дальнейшую свою судьбу. Езды было больше сорока верст, и дорогу распределили на два дня. Так Петр стал собирать свою разбросанную семью.

Луша почти три года прослужила у помещика Свешникова и была довольна своей жизнью, хотя начало было трудным.

- Ну, что нюни-то распустила, хватит реветь-то, чай не на барщину гонят тебя, баба уж ведь, не девчонка, - так урезонивал Митя-Барабан Лушу, идя с ней от поезда на площадь к извозчикам в городе Н., куда привез он ее в кухарки к помещику. Почти целый день добирались они поездом в Н., хотя напрямик-то и было не больше двадцати пяти верст. Из Н. им надо было ехать на извозчике до поместья. Митька решил довезти Лушу до самого места и сдать с рук на руки. Хоть и дороговато было прокатиться на извозчике, но ничего не сделаешь, надо было городской фасон держать, с барином ведь дело имеет. Луша вытерла лицо и привела себя в должный порядок. Подкатили они к самому двору. Барин собирался куда-то выезжать, но, увидев Митьку и Лушу, остановился. Митька подбежал к помещику, вежливо раскланялся и выпалил тоненьким голоском:

- Вот и мы прибыли, батюшка, как раз в самую пору. Глянь, какую кралю привез я вам, говорил ведь, не обманываю, работящая баба будет, как обвыкнется.

Помещик Свешников встретил их приветливо, поблагодарил Митьку-Барабана, внимательно оглядел Лушу с головы до ног и крикнул управляющему:

- Прими-ка людей получше, накорми, размести, через час я приеду. Девушку отведи к барыне.

От смущения Луша не знала, куда глаза девать и как ей вести себя. Никогда она в такой среде не была. Недалеко монотонно тарахтел двигатель мельницы, в рабочем дворе сновали люди и подводы. На барском дворе тоже было все в движении: женщины и мужчины были заняты различными делами, с любопытством оглядываясь на приезжих.

Основное производство у помещика Свешникова было мельничное. Была у него и усадьба, и земельные угодья. Поместье находилось на окраине города в живописной местности. Управляющим у него был австриец, человек хозяйственный, рассудительный, пунктуальный. Сам Свешников был богачом средней руки, но известностью пользовался большой. Жена его не отличалась хозяйственными способностями и большую часть времени отдавала всевозможным развлечениям. Любила она подольше поспать и увлекалась нарядами.

Барин показался Луше добрым, порядочным человеком. По своему возвращению он немедленно позвал ее и ознакомил со своими условиями. В ее повседневные обязанности входила уборка многочисленных господских комнат, приготовление всевозможных печений к праздничным дням и подача кушанья господам и их гостям. Барин обещал соответственно обувать и одевать Лушу и, в зависимости от работы, платить жалованье.

На следующий день барыня отвела для нее комнату и объяснила ее обязанности. С робостью приступила Луша к уборке господского добра, не зная, как и куда расставлять бесчисленные безделушки. Руки, привычные к заводским предметам, были непослушны и грубы. Однако Луша понимала, что здесь должна протекать ее жизнь, и стала быстро осваиваться с обстановкой.

Пиры у барина были очень частые, гостей съезжалось много. Когда Луша впервые принялась за работу с тестом, то к концу дня она упала на кровать, как мертвая. Утром все было не свое, слезы лились рекой, но признать свое неумение и отказаться было стыдно. Управляющий, однако, заметил ее состояние, ласково ободрил Лушу, сказав, что барин и барыня ею очень довольны и что первые дни ей будет нелегко, затем привыкнет. Привычка была очень тяжелая, но молодость взяла свое. К тому же, и барин через некоторое время, увидев ее старание и одновременно убедившись, что труд с приготовлением пищи был для Луши чрезмерно тяжел, решил принять кухарку в помощь ей, а Луша осталась горничной.

Наконец пришло время, когда она совсем освоилась со своими обязанностями. Одного только не могла преодолеть она - отвращения к уборке комнаты барыни, которая стала за это упрекать ее в непослушании. Сильно боролась Луша с собою, но победить себя не могла. И вот однажды господа не дождались ее к завтраку, не видели ее и за уборкой. Барин в недоумении стал разыскивать ее, но нигде Луши не было. Наконец он нашел ее в своей комнате. Вещи были разбросаны, а сама она, одетая, с узлом в руках, стояла перед окном и вытирала слезы.

- Луша, что с тобой случилось? Куда ты? Почему ты плачешь? - встревожено спросил барин.

Участливый тон в голосе его еще больше тронул Лушу, и она, сотрясаемая рыданиями, закрыв лицо руками, с трудом произнесла:

- Не могу! Не могу я больше выносить этого, барин. Как лошадь, я тащила все за это время... но не могу я терпеть такого унижения... Лучше опять буду ворочать дежу с тестом. Я не могу выносить ночные горшки за барыней, убирать и стирать ее сподники, а она кричит на меня и заставляет копаться в ее безобразиях.

Барин покраснел в смущении от этой простой деревенской откровенности и, доброжелательно посмотрев на Лушу, сказал успокоительно:

- Что же ты до сих пор молчала? И стоит ли тебе реветь из-за этого, да и жизнь свою мотать по ветру? - с этими словами он подошел к Луше, взял узел из ее рук, бросил его на кровать и внушительно сказал: - Снимай пальто и берись за работу, а барыне я скажу, чтобы она не принуждала тебя, к чему не следует. И ты так больше не поступай и не срами меня своими капризами.

Луша недоверчиво посмотрела на барина, но, как только он вышел, собрала разбросанные вещи, успокоилась и приступила к делам. С этих пор положение ее в доме совсем облегчилось. Барыня хоть первые дни и дулась на нее, но вскоре почему-то подобрела, расположилась больше прежнего, даже до того, что стала делиться с ней своими секретами-романами и увлечениями.

Хозяйское общество первое время для Луши было далеким и недоступным, но балы и пирушки стали учащаться. Она привыкала обращаться между людьми нового для нее сословия, да и барыня усиленно учила ее этому. Здесь были фабриканты, купцы, помещики, старые и молодые, простые и гордые, ласковые и суровые, военные люди и служащие. Все это для Луши казалось каким-то высоким, недосягаемым, особенно их женщины,

разодетые по бесстыдному, в дорогих платьях, капризные и, по ее выражению, не барыни, а одно притворство. Когда же вся компания изрядно напивалась вина и развеселялась в танцевальных кадрилях, Луша стала, к своему ужасу, заходя в комнаты в поздние часы, замечать такие бесстыдные сцены, что убегала в свою комнатушку и до утра запиралась.

Но проходил месяц за месяцем, и она привыкла ко всему. Все больше у нее становилось свободного времени, все чаше на ум приходили веселые балы, кавалеры. К тому же барыня раздобрилась до того, что стала отдавать Луше кое-что из своего гардероба. Платья она сама перекраивала и перешивала Луше к балам. Луша так наряжалась, что трудно было различить: где барыня, где горничная. Ко всему прочему добавилось то, что ей полюбились увлекательные книжки, над которыми она, закрывшись в свою комнатушку, сидела часами, особенно в долгие зимние вечера. На балах она совсем осмелела и, празднично разодетая, сновала между гостями, угождая их прихотям. А к концу бала она и сама от предложенных выпитых рюмочек в своем воображении делалась барыней.

Минувший бал был каким-то необыкновенным. Многих старых гостей на этот раз не было. С вечера собравшиеся группками все о чем-то шептались между собой, танцевала только молодежь. И лишь после изрядно выпитого вина гости, распоясавшись, бушевали всю ночь: так господа встречали новый 1919 год.

Проснувшись после бала, Луша чувствовала себя совершенно разбитой. Эту ночь она проспала в платье, не раздеваясь. Сердце тревожно билось в груди, вспомнился ей Павлушка - худенький, зеленый, так легко бросивший ее и убежавший к бабушке. Вспомнился муж в неволе, голодный, заброшенный, далекий, а теперь и пропавший какой уже год без вести. Вспомнился и крестный Никита Иванович, по-отцовски строгий, простой и его последние слова: "Лушку надо брать в твердые руки..." После этого перед глазами промелькнули господа, их лицемерные, напыщенные, бессовестные, беззаботные лица и она среди них. Приступ стыда и глубокой вины облил лицо краской и пригнул голову к груди. "Пропадет баба!" - пронеслись в памяти слова крестного. Луша подняла голову и увидела свое отражение в зеркале. Медленно встала она с кровати и подошла к нему, пристально вглядываясь в себя, и так ей захотелось плюнуть на свое отражение.

"Да, сил у меня нет... Лушку надо брать в твердые руки, - промелькнуло опять в памяти, - а кому я нужна, где эти руки?"

Она подошла к окну. На улице бушевала метель. У подъезда торопливо суетился вокруг саней управляющий. На крыльце, провожая его, с опушенной головой стоял барин. Лошадь рванула с места, как только в сани прыгнул управляющий, и все скрылось в снежной пыли. С саней упал его сундучок, из которого пестрым ворохом вывалились какие-то вчера еще нужные ему документы, чеки, "керенки" и "катеринки". Поземка с воем подхватила и разметала их частью на дворе, часть, смешав со снежным шквалом, бросила в поле. Барин подбежал поднять один из них, но тот вырвался из его рук и взвился в небо.

Весть о революции не сразу дошла до их захолустья. Непонятными передавались из уст в уста новости, что царя-батюшку с престола куда-то сняли, что на престоле теперь комиссары в кожаной одежде, что по улицам бегают отряды людей и кого-то расстреливают, что многие богачи куда-то поубегали, городовых по улицам нет. Последнее лето мельница у барина почти не работала, потому что многие работники от барина ушли. Весь 1918 год прошел в тревоге, а осенью едва удалось потушить хозяйский амбар от поджога. Луша ничего не понимала из происходящих событий.

Управляющего известили, что якобы на фронте перемирие и происходит обмен пленными, и как его барин ни уговаривал, какие "золотые горы" ни обещал, он все же решил выбраться из захолустья в свою родную Австрию.

Пиры у господ прекратились. Луша часто видела барыню заплаканной. Она вообще никуда не показывалась; обижалась на барина, что он не соглашается бросать все и уезжать да куда подальше.

К весне барыня стала понемногу собирать вещи: мысль об отъезде не давала ей покоя. Из господской прислуги остались только те, кто привык к хозяевам, да те, кому некуда было идти. Но и они лишь бесцельно бродили по двору, особенно после того, как стало слышно, что господа собираются бросать имение.

Жизнь в поместье Свешникова замирала. Весной Луша съездила на побывку к своим в Н. и в деревню повидаться с сыном и матерью. Пошли слухи, что пленные возвращаются домой. "А вдруг Петр еще жив и найдется", - порой думала Луша, но к лету все как-то стихло. Почти пять лет, проведенные без мужа, истомили Лушу окончательно. Помогли этому последние годы на господских харчах, в довольстве, среди балов, а ей

сравнялось лишь двадцать два года. Господа стали поговаривать - не пора ли ей с кем-нибудь сойтись, да и в женихах недостатка не было. Тягостные мысли одолевали Лушу. Что делать? Годы уходят. Она пробовала заговорить об уходе от Свешниковых, но те возражали в категорической форме. Ей предложили сына взять к себе из деревни. Если же перемен никаких не будет, к концу лета выйти замуж.

В городе начался голод. Если бы не это обстоятельство, то Луша была бы тверда в своем намерении уйти от Свешниковых. Как ни мало работала мельница, все-таки хлеба было пока досыта. Луша уныло и бесцельно бродила по комнатам господского дома, не находя нигде пристанища. Кругом опустело. Наступило золотое лето, вокруг усадьбы все покрылось зеленью и огласилось птичьим пением. В прошлом она так любила по утрам пробежаться по саду до рощи, теперь ничего ей не было мило.

В один из таких летних утренних часов Луша встала раньше обычного. Она почти всю ночь не спала. С вечера снились ей какие-то кошмарные сны: то она встречалась с Петром в Починках, то опять, обнявшись, прощались с деревней. Но, догоняя их, с криком гнался Павлушка, худенький, зеленый, он цеплялся и не давал идти. Петр обиделся, бросил их и спрятался в нестревском лесу... Так промучившись всю ночь, Луша поднялась, подошла и толкнула окно. Утренняя прохлада с пением птиц и ароматом цветов из палисадника ворвалась в комнату. Солнце приятно ласкало лицо, ветерок шевелил непричесанные волосы, и какой-то необъяснимой, тихой радостью стала наполняться душа.

- Господи, Боже мой, что это такое со мною делается? - взволнованно прошептала про себя Луша, но радость овладевала ею все больше и больше.

- Ну, шевелись, старик, еще немножко. Шевелись, по-ше-ве-ливай-ся! - почудился Луше из-за окна приближающийся издалека голос матери.

Луша перекрестилась на образа: не мнится ли ей? Мельком взглянула на себя в зеркало и бросилась к окну. Устало волоча скрипящую телегу, показалась за кустами сирени знакомая рыжая лошадь.

- Бабушка, а мамка в этом доме живет? - резанул съежившееся Лушино сердце звонкий Павлушкин голос. У Луши все помутилось... Как она оказалась в объятиях Петра, как Павлушка очутился у них на закорках, она не помнила... Рыжий, стоя среди двора, теребил руки Катерины шершавыми губами и тихим ржаньем просил овса. На крыльце стояли барин с барыней и, видя чужое возвратившееся счастье, вытирали слезы.

Барин очень гостеприимно встретил Лушину семью, позвал старичка-конюха и распорядился, чтобы им приготовили флигель, в котором жил управляющий. На весь этот день он оставил их в покое.

Другим, почти неузнаваемым увидела Луша своего мужа. Она, однако, считала, что все это пройдет, забудется пережитое горе и со временем Петр опять потянется к своему баяну. В свою очередь и Петр внимательно наблюдал за женою, с тревогой замечая в ее одежде и манерах новое, непонятное для него. Далекой и чужой она показалась ему. Катерина молча наблюдала за их отношениями, но Петр при разговоре не проронил ни одного слова упрека в адрес жены. Весь вечер, а потом и всю ночь Петр с женою не спали. Беспрерывно он рассказывал ей о своем пережитом, да так и не дорассказал, когда пастуший рожок оповестил о начале утра. Завтракали поздно, а после завтрака их пригласили к себе господа, и там вновь повторялись воспоминания. В тяжелых моментах рассказа барыня вздрагивала пугливо плечами, выражая свое соболезнование Петру. Вечером перешли к деловым разговорам. Из короткого знакомства с Петром барин сделал заключение, что лучшего управляющего ему не найти. Петр много наскитался, и Свешникову казалось, напомни ему только о хозяйстве, он безоговорочно примет его. Поэтому барин с уверенностью заявил:

- Что ж, Петр Никитович, хватит тебе скитаться. Отдохни немного, да надо браться за дело. Мельница работает только на двух камнях, надо и остальные запустить. Земли у меня осталось немного, изрядно полей пришлось отдать крестьянам. Остальное хозяйство пришлось тоже сократить. Берись-ка, засучивай рукава да будем вместе дни коротать: Луша по дому, а мы по хозяйству, будешь у меня вроде управляющего. Отдам вам флигель да Серого для постоянных разъездов, жалованьем тоже не обижу. Харчи в амбарах, какие сами едим, ключи-то у тебя будут. Вот и заживете с молодой женой-то, как помещики, - с принужденной улыбкой закончил барин.

Петр долго сидел молча, слушал планы помещика. Вереницей промелькнули перед ним и московский мельник, отпустивший его с разбитым пальцем, четыре кошмарных года в непосильном труде на господ-австрияков. Но ярче всего вспомнилось, как почетный гражданин России Яков Григорьевич обличал в Государственной Думе за русский народ господ-буржуев: "Вы выкололи ему глаза" - прозвучало в памяти Петра

грозное обличение. Теперь судьбы свели их за один стол: с одной стороны - Петр Владыкин: слепой, безграмотный, но с открытым взором в будущее, с неутомимой жаждой жизни, правды, света. С другой стороны - помещик Свешников, как обесцененная "катеринка", заметенная поземкой революции в раскисшую дорожную колею. "Горе вам, богатые! ибо вы уже получили свое", - вспомнил Петр на днях прочитанные в Починках слова Спасителя из Евангелия.

- Да, барин, лучших планов в вашем положении трудно и придумать, - начал в ответ Владыкин. - Но не по мне эти планы. Я слепой, безграмотный русский мужик, не мною и не для меня твое добро наживалось. И хоть неграмотный я, но и не глупый, чтобы управлять чужим добром для чужого. Пусть управляет им тот, чье оно есть. Я своего богатства не искал, а чужого тем более мне не надо. Немного у тебя за три года нажила и жена: с каким узлом, по ее рассказам, она пришла к тебе, не больше и унесет. Ты пожил в свое удовольствие. Есть у Бога и для меня счастье, но не в твоем дворе; я увидел путь к нему, барин. Я дойду до него, а с тобой нам пришло время расстаться. Спасибо за хлеб-соль да за приют.

Утром Катерина чуть свет запрягла Рыжего и собралась назад, в Починки. Не обошлось при прощании и без слез, поскольку Павлик отныне должен был жить у родителей. За дни, пока Петр жил в Починках, он разузнал, что в городе Н. все голодают, и заводские и горожане. Лавки по городу заколочены, торговли нет, на заводе половина людей разбежалась, спасаясь от голода. Еще узнал, что люди тянутся в "хлеборобку" (Воронежская и Харьковская губернии) и что его дядя живет в станице Николаевке Воронежской губернии, хлеб ест досыта, но точного пути туда не знал. Потому и решили, что Луша с сыном еще останутся у барина, а Петр поедет в Николаевку на разведку. После же, как пришлет он письмо, к нему приедет жена с сыном.

Любезно распрощавшись с хозяевами, Петр расстался с семьей и тронулся в далекий путь. Целый месяц не было от Владыкина ни слуху, ни духу. Наконец долгожданное письмо пришло. Петр описал подробности пути, не скрыл, что дорога очень трудная и мытарств на ней немало; зато хлебом у людей здесь завалены сусеки, и чтобы Луша с сыном не медлили с отъездом. Расставанье Свешниковых с Лушей было очень тяжелым. Барин с барыней, особенно после разговора с Петром, совсем сникли и опростились донельзя. Безвыходность придавила их обоих. Дом совершенно обезлюдел; Луша из флигеля уже и не заходила туда. Все комнаты были закрыты, господа расположились только в двух, и барыня сама ухаживала за всем.

Когда настал день разлуки, барыня обняла Лушу со слезами, а барин решил сам отвезти их с сыном до станции. Шагом, не торопясь, тронулась пролетка. Позади осталось опустелое поместье. Долго старик-конюх стоял на дороге, провожая взглядом Лушу. По улицам поднялся сильный ветер и с грохотом тарахтел незакрытыми ставнями опустелых лавок и магазинов. Тут и там зияли чернотою разбитые окна опустелых господских домов, мимо которых еще недавно с завистью проходила Луша, любуясь на цветные стекла и богатые шторы.

Поезд стоял на парах, и после первого сигнала люди засуетились с посадкой. Луша зашла с Павликом в вагон и до последней минуты смотрела на барина. Вскоре, после третьего звонка, вагон дрогнул и медленно тронулся вперед. С выражением глубокой скорби на лице против Лушиного окна стоял барин и смотрел на вагон. Внезапно налетевший порыв ветра поднял в густом облаке пыли клочья грязной, затоптанной бумаги, пожелтевшие листья, мусор и с яростью бросил на одиноко стоявшего с непокрытой головой Свешникова. За окном потемнело, а когда рассеялась желтая мгла - перед взглядом Луши мелькала высокая обрешетка забора.

- Вот и все! - прошептала она, вытирая набежавшие слезы, - привыкла к ним, - добавила, садясь на лавку.

Спустя несколько лет узнала Луша о том, что вскоре после их отъезда за барином приехала черная крытая повозка. Садясь в нее со скрученными назад руками, барин с барыней не вынесли с собою и такого узелка, с каким уехала она.

Много мытарств, лишений и унижений пришлось перенести Луше с Павликом, пока они ехали до Николаевки. Гражданская война была в самом разгаре: вооруженные бандиты врывались в села, грабили население, убивали людей и жгли дома. Еще страшнее было, когда эти банды делали налеты на станционные поселки, громили эшелоны, взрывали пути. Железнодорожные дороги были забиты бесчисленными составами с военным снаряжением, красноармейцами, скотом, продуктами, цистернами и многим другим. Все эти составы, кроме поездов особого назначения, были облеплены голодными людьми. Крыши вагонов и тамбуры, платформы и цистерны - везде, где только можно было уцепиться человеку, было занято.

Пассажирских поездов было очень мало и попасть на них было почти невозможно, они также были переполнены военными. Луша с Павликом ехала всю ночь до утра, а к обеду следующего дня объявили, что поезд дальше не пойдет. Вся масса пассажиров высыпала из вагонов и разбрелась по путям и поселку. С узлом на спине и сынишкой Луша мыкалась между людьми, стараясь узнать что-нибудь о желаемом направлении, но ей встречались лишь растерянные, возбужденные, а часто обезумевшие от горя и безысходности люди. Скромные запасы продуктов у нее истощились, и ко всему прочему прибавилась теперь забота о своем пропитании с сыном. Пугливо, расширенными глазами смотрел на всю эту сутолоку Павлушка, прячась в складках маминой юбки. Ночами спали на станционном грязном полу среди кишащего многолюдья, а иногда и среди покойников.

После нескольких дней бесплодного скитания Луше удалось наконец со слезами уговорить красноармейцев в одном из вагонов эшелона, ехавших в попутном направлении, взять их с собой. Только ради мальчика в сумерках ночи втащили их в вагон, который был набит солдатами донельзя. Лушу с Павликом втиснули в полумраке куда-то в угол. Теснота, махорочный дым перехватывали дыхание, а голод не давал покоя и сна. Павлушка от усталости начал плакать, а, глядя на него, и Луша от беспомощности не могла удержать слез. Но, слава Богу, они все-таки были среди живых людей: кто-то дал ломтик жесткого солдатского хлеба, кто - вареную картошку, сухарь, а у кого-то даже оказался пряник. Так приняли попутчиков солдаты.

Ехали Луша с Павликом несколько дней, подолгу стояли на разъездах, прятались от начальства, выходили на улицу через люк в полу и то только ночью. Иногда проезжали мимо пулеметной трескотни и орудийных залпов. На станциях двери вагонов не открывали из-за голодных толп приезжих, которые с бранью и угрозами сотрясали стенки вагонов, пытаясь проникнуть вовнутрь. Так волна за волной проходили осады, пока состав не трогался. В пути солдаты понемногу отрывали от своего пайка и выделяли женщине с ребенком. Не обошлось в пути и без дерзостей и хулиганства, но Бог сохранил их от всего.

Однажды в предрассветной мгле поезд резко остановился. За стенкой вагона кто-то кричал: "Валуйки!" Впереди слышались выстрелы и, перекрывая их, раздался оглушительный взрыв, сотрясший воздух. Вслед за взрывом вспыхнуло кроваво-красное пламя и послышался народный гул. "По-жа-ар!" Луше помогли спуститься в люк под вагон. Только она выскользнула с Павликом из-под вагона, как взрыв повторился - впереди рвались цистерны с горючим и начал гореть состав, в котором ехали наши скитальцы. Бегом, волоча Павлушку за руку, она направилась в сторону поселка.

В поселке Луша увидела на одном из домов вывеску "Чайная" и зашла туда, надеясь приобрести что-нибудь съестное для Павлика. К большой своей радости, она узнала, что в чайной находится станичник с подводой из Николаевки. Оказалось, что Петр просил его, если тот случайно встретит жену с мальчиком, чтобы помог им доехать. С какой радостью они выехали из поселка - из этого страшного людского омута. И хоть сами они были закопчены, от одежды пахло махорочным смрадом, голодные и обессилевшие, но под лучами восходящего солнца и при веянии степного ветерка они всей душой возликовали. Их счастье дополнилось еще и тем, что возчик из сумки достал чистого мягкого хлеба, бутыль кислого молока и, предупредив, чтобы ели понемногу, разделил все со своими голодными пассажирами.

В станицу Луша с Павликом приехали к вечерним сумеркам и были сердечно встречены заботою Петра. Во-первых, предстояло накормить изголодавшихся жену и сына, а эта задача требовала осторожности. Многие от продолжительного голода, как только дорывались до вольной пищи, кушали досыта и в страшных мучениях умирали. Для приехавших было решено немедленно заварить кипятком муку и приготовить своего рода патоку. По-местному это называлось "кулага". "Кулаги" заварили целую кастрюлю и поставили на стол. Кушать давали понемногу, с часовым перерывом, а к нормальному питанию допустили только через сутки.

Голод так сильно измучил Лушу с Павликом, что они не верили, что когда-нибудь наедятся хлеба досыта. Петру пришлось повести жену в сени и на чердак, чтобы убедить, какое изобилие хлеба было в хате. Увидев ряды соломенных кадушек, полных пшеничной муки, Луша совсем успокоилась и стала вместе с сыном приходить в себя.

Станица Николаевка была тогда Воронежской губернии и находилась в двухстах верстах на юг от Воронежа. От ст. Валуйки надо было ехать степью верст около сорока. Слегка всхолмленная местность окружала ее, да необозримые просторы полей, засеянных пшеницей, говорили о ее богатстве. Станицу разделял надвое глубокий заросший овраг. С восточной стороны на холмах были сооружены три высоченные ветряные

мельницы, видные отовсюду. Постройки были преимущественно глинобитные и, за редким исключением, покрыты соломой. Солома же была и основным хозяйственным материалом. Ею устилали глинобитные полы в хатах и скотские дворы, топили печи и варили пищу. Из нее плелась всякая хозяйственная утварь и головные уборы жителей. Резаной соломой кормили скот. Население состояло из украинцев и, ввиду оторванности от крупных поселков, отличалось безграмотностью и нечистоплотностью. На всю станицу имелись бани всего только в двух или трех дворах. У остальных жителей они заменялись русскими печами. Понятным был и результат: если уж забиралась какая хворь в станицу, то обходила все хаты. Зато хлебные богатства были здесь так велики, что зачастую хлеб с полей и не вывозили. Искусно уложенный, он хранился в "згородах" в былые времена по семь, восемь, десять лет нетронутым. Такое же обилие было и всякого скота и живности.

Ко времени приезда Владыкиных в станицу здесь свирепствовал тиф. Хата, в которой поместили их, находилась в центре Николаевки. Единственная ее обитательница - одинокая старуха лет восьмидесяти - доживала последние дни, умирая на печи. Староста, приведший к ней Петра, объяснил, что ее сын пять лет назад пропал на войне без вести, что скотину их раздали по дворам. Урожай старухи общество сняло и поместило на ее чердаке. Петр может спокойно всем пользоваться, если он согласен присматривать за старухой и похоронить ее.

Войдя в хату, Луша первым долгом поднялась на печь посмотреть на хозяйку. С покрытой головой и под дерюгой она лежала без сознания. На следующий день, немного отдохнув после дороги, Луша решила осмотреть ее при ярком солнышке получше. Приподняв платок, она с ужасом отпрянула назад, зовя Петра. Весь платок был усыпан вшами. В седых, свалявшихся волосах они образовали гнезда и местами проели тело до крови. Немедленно было решено топить печь и греть воду. С большим трудом старушку сняли с печи и осторожно положили на пол. Большими ножницами Луша остригла ей волосы. Все белье и одежду долго прожаривали в печи. Изъеденное вшами тело тщательно обмыли горячей водой, затем старуху одели в чистое белье и уложили на покой. За все это время она изредка открывала глаза, но лишь бормотала бессвязные слова. После же бани остаток дня и всю ночь больная беспросыпно спала. Только к обеду следующего дня она впервые пришла в себя и, оглядев все изучающими глазами, расспросила Лушу о их появлении. Когда же узнала о проявленных заботах, то слезы благодарности выступили у нее на глазах. Осмотрев больную на следующий день, Луша вновь пришла в изумление, так как вши по-прежнему осыпали ее. Процедуру дезинфекции пришлось повторить несколько раз, после чего старушка быстро пошла на выздоровление. Как она была рада, обнимая Лушу и называя ее спасительницей.

Однако после того, как поднялась хозяйка, сразу же сильно заболела Луша. В первый же вечер она бредила, а в последующие дни лежала, как в огне, почти не приходя в сознание. Владыкины убежали от голода, но попали в эпидемию тифа. Всю зиму проболела Луша, и к началу весны казалось, она умирает. Со слезами молился о маме Павлушка, много бессонных ночей провел над больной Петр, пока наконец глубокий и спокойный ее сон не возвестил о начале выздоровления. Но увы, когда она очнулась, в глазах ее стояли беспросветные сумерки - Луша ослепла. Беспомощная, измученная болезнью, она часами неподвижно сидела в постели, прислушиваясь к окружающей жизни. Безутешное горе томило ее и всех: неужели она никогда не увидит Божьего света? В слезах и, как умела, в молитве просила она Бога о милости.

Когда же под окном высохла весенняя грязь и весело зазеленела травка, у больной появился непомерный аппетит. Петр не отказывал жене ни в чем. Она начала вставать с постели.

Однажды после завтрака Луша попросила вывести ее из полутемной комнаты на солнце, а когда вышла на улицу, крепко уцепившись за руку мужа, со слезами радости закричала:

- Петя! Ведь я начинаю видеть, вон бегают куры, как в тумане, вот Павлушка, вот ты!

С этих пор Лушино здоровье стало восстанавливаться очень быстро, но занемог Павлик. Свалился тоже сразу, и хотя проболел недолго, но жалко было смотреть, как отчаянно в маленьком тельце жизнь боролась со смертью. Месяц провалялся он в постели. Восстановление его здоровья было медленное и какое-то неуверенное. С началом лета возвратилась радость в семью Владыкиных: ожили все. А кругом смерть косила беспощадно. Жертвою ее оказался и дядя Петра. Сам Петр милостью Божьей, отчасти и потому, что в Австрии принимал противотифозные прививки, остался невредим и выходил всех.

В долгие зимние вечера Владыкин, разыскав Библию и ходя по хатам, стал читать ее, понемногу разъясняя, как мог, простому люду. С большим вниманием вслушивались многие в необыкновенную речь малограмотного Петра. Вначале слушателей было немного, а затем станичников набивалось полные хаты и так просиживали за

полночь. Владыкин вспоминал Степана и со всем усердием старался подражать ему. Неизъяснимый свет проникал в его душу, и все больше овладевала им жажда к Святому Писанию. Никогда в жизни он не испытывал такого наслаждения, какое имел, возвращаясь морозными звездными ночами после бесед в свой скорбный лазарет.

Так простые слова Спасителя, подобно семенам жизни, разметаемым шквалом смутного времени, проникали в далекие захолустья России. Один Бог только знает, не это ли способствовало в ближайшие годы духовному пробуждению в Песках, по соседству расположенным с Николаевкой, в южных степях Украины, в песках Казахстана, Сибирской тайге и т. д. Сколько этих невидных, доселе неизвестных, простых, полуграмотных вестников, пробужденных проповедью Степана-проповедника и других ему подобных, принесли семена истины из далекой чужбины на поля своей родины.

Наблюдая за мужем, Луша, все больше убеждалась, что в нем действительно произошла перемена. Особенно тронула ее сердце неустанная, искренняя забота Петра о ней во время болезни. И чем больше убеждалась она в его искренности, тем виновнее чувствовала себя по отношению к нему.

Старушка-хозяйка относилась к Владыкиным с большой сердечностью и служила им как своим детям, чем могла. Однажды в наступающих сумерках дверь хаты отворилась, и вошел высокий, худой солдат. Шинель его была изрядно запачкана, однако патронташ и винтовка говорили о том, что он не бродяга.

- Ванюшка! Сыночек ты мой милый, пропащий ты мой, ты ли это, мой кормилец? - с воплем кинулась старушка к вошедшему солдату. Сын крепко прижал свою мать к груди и после долгого приступа слез ответил кратко:

- Я, мама.

Когда все успокоились, солдат рассказал, что он после плена был мобилизован на гражданскую войну. Из-за безграмотности и неопределенности положения написать домой не мог. Как только их части оказались поблизости от станицы, он не выдержал и выпросил у начальства разрешения проведать старушку-мать.

Днем станичники и староста пришли разделить радость старушки и ее сына. Когда расспросы кончились, староста отозвал Владыкина во двор и предупредил:

- Петро! Вчера известили по Николаевке, что идет в наступление генерал Деникин и на днях может подойти сюда. Я советую тебе куда-нибудь выехать.

Вечером Петр с Лушей, посоветовавшись, решили возвращаться к себе в Н. Голодный 1919 год сменился 1920-м; и за прошедшее время должны были произойти перемены, считали они. Весь следующий день прошел в сборах: напекли хлеба в дорогу, да муки упаковали сколько могли; а на следующий день станичники взялись отвезти их на станцию.

Почти вся ночь прошла у Петра в прощальной беседе с людьми, а когда к утру стали расставаться, станичники в откровенных признаниях стали высказываться:

- Вначале мы не верили тебе, проходимец какой-нибудь из зеленых, думали. (Зелеными называли солдат, дезертировавших из действующей армии.) Но семья твоя, особенно беседы твои, открыли наши души к тебе. Помоги тебе Бог, Петро, мы никогда не слыхали таких простых слов как про Бога, так и про нас самих. Ты открыл нам глаза, расшевелил наши души и святой лучиной осветил нашу темноту. Теперь мы сами будем искать правду Божью, а Бог поможет нам. С Богом, сердешный, добрый путь тебе.

Утром на проводы собрались многие. Вытирая слезы, расставались люди с Владыкиными, как с родными, и долго не расходились по домам, пока подвода совсем не скрылась из виду.

Обратный путь Петра с семьей был особенно благословен Богом. По случаю они попали в вагон с раненными, который следовал до ст. Рязань, и с ними без мытарств доехали до своего города. На железной дороге бушевала все та же стихия. Женщины и мужчины с мешками, узлами и тюками по-прежнему осаждали поезда, спасаясь от голода.

Одни с узлами пожитков двигались на юг в "хлеборобку". Другие с добытым хлебом, мукою, махоркой возвращались к голодающим семьям. На вагонных крышах, площадках и даже в собачьих ящиках, несмотря на непогоду, люди перебирались от станции к станции, спасая себя и свои сокровища. Отряды вооруженных дружин стаскивали с вагонов безбилетных пассажиров, отнимали у них мешки с хлебом, иногда тащили волоком уцепившихся за них обезумевших людей. Однако ничего не останавливало этот неудержимый людской поток.

Владыкины с замиранием сердца смотрели сквозь щели в стенах вагона на эти кошмары, но возвратились в свой город в сохранности и благополучии.

Прибыли скитальцы на старую квартиру, где когда-то жила Луша, к Маревне. Жадными, голодными глазами глядели опухшие хозяева на скромные запасы, привезенные Владыкиными. В таком же положении были семьи Поли и Василия. У Поли родилась от совместного брака с Яковом дочка Лиза. Будучи хозяйственными людьми, они хоть и впроголодь, но как-то все же сводили концы с концами. Василий же явно пропадал от голода. Круглыми днями он был занят какими-то делами. Из-за беспробудной пьянки первая его жена, намучившись с ним, была вынуждена прогнать его из дома. Василий нашел себе другую жену, такую же пьяницу, как сам, хотя и добрую по натуре. В крайней нищете и грязи ютились они по сырым подвалам закрытых монастырей и купеческих домов. Жена Василия спекулировала, чем попало, сам он - где обманет, где украдет, где заработает, и что мог - тащил в свое логово.

Тесно было Владыкиным в одной комнатушке, и они решили перебраться к соседу, известному городскому конокраду. Однако и тут жить было не легче. Конокрадство в то время было одним из тяжких преступлений, и люди чаще всего расправлялись с таковыми самосудом. Обычно хозяин их скрывался в лесах и домой приходил ночами с краденными лошадьми для последующей их продажи. Прятал он их в потаенно вырытых подвалах. Страшно было Петру жить в такой близости с вором, и он решил обратиться за жильем в исполком. Там ему разрешили занять любой брошенный купцами заколоченный дом. Так Владыкины и поступили.

Проходя в один из вечеров по предместью города, Петр обратил внимание на двухэтажный домик, некогда принадлежавший многодетной семье заводского мастера. Видно было, что он построен заботливыми руками, имел при себе усадьбу и палисадник с сиренью и акацией. Единственными обитателями его, как установил при осмотре Петр, оказались старый кот и не менее старый, но патриотически настроенный черный пес. Верхнее и нижнее жилье оставлено было хозяевами в полной исправности. Более того, вся мебель, посуда и хозяйственный инвентарь в доме остались на своих местах, как будто его никто и не покидал. Из расспросов соседей выяснилось, что Иван Иванович, хозяин дома, со своей семьей уже более года как уехали в неизвестном направлении, спасаясь от голода. Заключив соответствующее соглашение в исполкоме, семья Владыкиных вместе с Полиной семьей немедленно заняли весь дом и были бесконечно рады такой находке. Единственным неудобством был грохот проходящих перед домом поездов, но это обстоятельство не слишком волновало новых хозяев. После пережитых фронтовых ужасов это было ничто. Более всего страшил неунимающийся голод.

1920 год оказался засушливым и неурожайным. К голодающему городу прибавились голодные деревни, причем, в них было еще тяжелее. Владыкины пришли в ужас при виде хлеба, привезенного из Починок Катериной и Федором, желавшими повидаться с беженцами. Это была какая-то черная масса, состоявшая из лебеды, крапивы и прочего суррогата, слегка обвалянного в ржаных отрубях, смешанных с мякиной. Правда, Павлушка и здесь удостоился особой милости от бабушки. Она завела его на кухню, вытащила тайком из-за пазухи лепешку, испеченную из картошки и обвалянную в тех же отрубях, сунула в руки с предупреждением: "Ешь скорей, никому не показывай!" Заговор хотя и не был раскрыт, однако после по их довольным лицам все заметили, что Павлушке удалось слизнуть чего-то повкуснее, чем починковский хлеб-суррогат.

В городе обстановка оставалась тяжелой: разруха положила свой страшный отпечаток и на внешний облик его. Мелкие фабрики, мастерские, лавки и магазины за редким исключением были просто заколочены. Большие же дома и предприятия были разорены и приведены в негодность. Крупные богачи куда-то исчезли бесследно, а те, что помельче, изредка появлялись в городе, да и то только в церквах. Все торговые заведения закрылись как-то сразу, и было просто удивительно, куда девалось столько всякого добра, от которого еще недавно ломились полки в магазинах у купцов. Единственное оживление было на базаре, где происходила не купля-продажа, а товарообмен. Чистый хлеб, однако, обменивался украдкой и был так дорог, что простому населению оставались доступны только жмыхи : подсолнечный, маковый, конопляный и др.

В потребиловках была сущая неразбериха: продукты кое-какие были, но с деньгами творилось невообразимое. Выпущенные "керенки" обесценивались так быстро, что люди едва успевали рассчитываться сотнями, потом миллионами и впоследствии полотнами-миллиардами. Многие люди жили в городе при закрытых ставнях день и ночь из-за грабежей. Владыкин попытался было наладить сапожное дело по ремонту обуви, но потерпел неудачу. Новую пару хромовых сапог можно было купить за краюшку хлеба, барышни освежались настоем тополевых почек, а счастливыми считались те, кто чай пили с сахарином.

Петр с Лушей и Яковом решили на работу не поступать, а добывать пропитание, как и многие другие, по хлеборобным местам. Детей оставляли с Полей, сами же втроем садились на поезд в поисках хлеба, покупая или выменивая его на личные вещи. Но и это оказалось невыносимо тяжким. Павлушка видел, как отец на ходу поезда сбрасывал мешок с добычей, спрыгивал сам, подбегал к окну дома и, вытряхнув содержимое, не заходя, спешил на станцию, чтобы прицепиться к этому же составу. Еще хуже было для матери: измученная переездами, она еле добиралась домой с мешочком какой-нибудь крупы или махорки, чтобы потом ее же на базаре обменять на хлеб. Яков однажды возвратился с пустыми руками и с печалью рассказал, что у него отняли добытый хлеб. Он не знал, как теперь дальше жить. Осенью приехала Катерина, привезла несколько мешков свежеуродившейся картошки и, посмотрев на Лушу, категорически запротестовала:

- Хватит таскаться вам, баба-то живот таво гляди сорвет, вот картошки вам, хватит на первый случай, а там - дай Бог разуму.

Петр близко к сердцу принял слова тещи и решил прекратить поездки. Он сел опять за сапожный верстак, и хоть жилось им победнее, чем Якову, зато были все дома. Больше же всего его угнетало то, что в сутолоке переездов он стал терять дорогое чувство стремления к Божьему. И прежний Петр начал в нем воскресать.

Однажды ему принесли на починку разлаженный баян. С большим старанием он взялся исправлять его и вскоре восстановил полностью. Вечером, отложив все, Петр решил баян опробовать. Отвыкшие за прошедшие годы пальцы не слушались его сначала, потом будто прорвалось. Петр овладел собою и залихватски начал играть с прежней легкостью. Луша с грустным лицом посмотрела на него, покачала головою. Как током поразил Петра этот жест. Он отбросил баян и долго сидел в раздумьи, глядя в окно, потом оделся и вышел на улицу. Не выбирая направления, он побрел к реке на огороды. Огородники выкапывали картошку и сносили ее к шалашам. Петр остановился около одного из них. Слух его привлекла незнакомая, но мелодичная песня.

- Бог в помощь, хозяин! Картошку-то копать в наше время действительно надо с песней, - проговорил Владыкин.

- Спасибо, братец, и вправду ты сказал, что только Бог в помощь. Кабы не Он, и ботвы прошлый год бы не собрали. А сегодня, слава Богу, милость Свою Он явил людям. А ты чей же, заводской чай будешь?

- Да я чей только не был, хозяин, как зовут-то вас? - спросил Петр огородника.

- Григорий Наумыч, братец. Да пойдем в шалаш, немного спину и я разогну, а то за день-то и некогда, - пригласил огородник Петра, оглянувшись на копающих картошку женщин.

- Жить вот приходится здесь, время голодное, воруют, - объяснил огородник Петру, осматривающему шалаш. Петр достал из кармана кисет и старательно стал скручивать цигарку.

- Бросал уж я вот эту дрянь-то, а в последнее время с мытарствами-то опять потянуло, - кивнув на цигарку, осуждая себя, объяснил Петр.

- Очень плохо, братец мой, - укоризненно произнес Григорий Наумович. - Бога гневишь этим. Грех эту сосульку держать в зубах.

Отвернув лежавшую на маленьком столике салфетку, он взял Евангелие и внятно прочитал: "Дела плоти известны; они суть: прелюбодеяние, блуд, нечистота, непотребство... поступающие так Царствия Божия не наследуют". Веришь этой книге? - кратко спросил он, закрывая Евангелие.

Громом прозвучали эти слова в сердце Петра, руки его затряслись, цигарка выпала под ноги. Придя в себя, он ответил:

- Григорий Наумович, батюшка, как же не верить Писанию, ведь оно Божие!

Петр вкратце рассказал собеседнику свою историю. С умиленным сердцем Григорий Наумович выслушал исповедь Петра и, радостно потрясая его руки, сказал:

- Да, братец, любит тебя Бог! Он вел тебя, вывел из многих смертей. Он, видно, и сюда тебя привел. Крепко держись за Него, не отпускайся, иначе совсем погибнешь. Нас называют молоканами , мы в городе собираемся, читаем Библию, поем, молимся. Приходи и ты, если душа тянется к Богу. Или приходи вечерами сюда ко мне, будем здесь читать вместе.

Сильно приступал Владыкин к Григорию Наумовичу, чтобы дал с собой почитать Библию, и как тот ни мялся, пришлось ему достать из-под топчана сундучок и дать просимое в руки Петра. Не помня себя от счастья, Владыкин пришел с таинственным узелком домой и радостно поделился с Лушей о происшедшем.

Кисет с табаком он истоптал там же, на огороде, остаток махорки, который лежал в печи на просушке, там же и спалил. Про баян сказал, чтобы забрали и на порог не приносили ему больше.

С неописуемой жадностью Петр стал читать Библию, иногда вместе с женою, а чаще один, так как Луша быстро утомлялась. Потом он совсем забросил работу и часами сидел, погрузившись в чтение. Как-то поздно вечером, когда в доме все стихло, Луша проснулась от шума и увидела следующую картину: Петр с сапожным ножом в руках и широко открытыми глазами быстрыми шагами ходил из комнаты в комнату, бессвязно бормоча что-то под нос. Ни слова не говоря, Луша побежала и разбудила Яшу с Полей. Втроем они остановили Петра, прося успокоиться. Он не буянил, без сопротивления отдал Якову нож и также послушно дал связать себе руки и уложить в постель. Лицо и голова горели, взгляд блуждал, но после того, как к голове приложили полотенце, смоченное холодной водой, он быстро и крепко заснул.

Всю ночь продежурила Луша около мужа. Убедившись в достоверности сна, она развязала его руки и несколько раз меняла постельное белье. Всякий раз его можно было выжимать, так потел Петр. К утру он совершенно стих, остыл и спал спокойным сном. Какая-то непонятная, сильная борьба происходила в нем. Библию Луша спрятала далеко с глаз долой и продолжала наблюдать за мужем. Петр проснулся к вечеру, расслабленный, как тряпка, но спокойный и в ясном, здравом сознании. Луша старалась ничем не напоминать ему о происшедшем. На вопрос, что с ним случилось, почему он так поздно проснулся, она ласково успокоила его.

Поздно вечером Владыкин поднялся. Яков не стерпел; тут же поспешил урезонить его:

- Тебе говорили, что от Библии с ума сходят, а ты не верил. Брось! Не за свое дело ты взялся, пусть ее попы читают!

Негромко, но спокойно и уверенно Петр ответил ему:

- Яша, Библия никого с ума не свела, а только на ум-разум многих наставила. Сумасшедшими потому становятся, что живут без Библии. Во грехах-то умного нет ничего, а что до меня, то будь спокоен, я в Библии нашел свое счастье.

На следующий день Петр попросил Библию, но, получив от жены отказ, не стал настаивать. Ночью Луша испуганно обнаружила, что мужа рядом с ней нет. Она осмотрелась и при слабом свете притушенной керосиновой лампы увидела Петра стоящим на коленях. Тихо окликнула его Луша. Петр не сразу поднялся, а когда встал и подкрутил лампу, то хоть и с заплаканными глазами, но с сияющим, каким-то новым лицом подошел к жене и сказал:

- Луша, ты не можешь понять той радости, какая у меня на сердце, того огня и света, каким горит душа моя. Я только теперь понял то, что когда-то слышал от Степана. "Придите ко Мне!" - это слова Спасителя, но я их только слышал, а не понимал. Сегодня я понял, что означает прийти к Нему, передать же тебе этого словами не могу. Прости меня, милая моя, за все. От самого начала до сего дня. Нет уже Петра такого, каким ты знала его. Это был и правда сумасшедший. И я тебя за все, за все прощаю; начнем новую жизнь. - Петр нагнулся, поцеловал жену, потом подошел к сынишке. Его растрогал худой, изможденный вид Павлушки. Он поцеловал и его.

- Что ты так смотришь на него? - испуганно спросила Луша мужа и приподнялась на локтях. Но Петр успокоил ее:

- Так, худенький очень, жалко его.

Многое изменилось после этого в семье Владыкиных. Еще одному изменению в их жизни послужило следующее событие. Однажды во время обеда старый пес во дворе громко залаял и необыкновенно завизжал. Выглянув в окно, Петр увидел группу людей. Двое из них были пожилые, остальные - молодежь. Пес приветливо махал хвостом, восторженно перебегая от одного к другому. Вошедшие, сложив узелки на землю, стояли в нерешительности, осматривая все вокруг, Владыкин заторопился по лестнице вниз. На ходу у него мелькнула мысль: "Не хозяева ли это?" Сойдя во двор, он подошел к пожилому мужчине и спросил:

- Не Иван Иванович ли вы, хозяин этого дома?

Мужчина утвердительно кивнул головой и, вытирая рукой слезы, опустился на узел. Действительно, это возвратились хозяева. Петр с искренней любезностью поднял с узла старичка, пригласил всех наверх и помог ему подняться по ступенькам. Через несколько минут им освободили самую большую комнату, и Петр распорядился, чтобы скитальцам был приготовлен обед.

Голодная, измученная скитаниями семья, в истрепанной, изношенной одежде, без всяких средств к существованию, после полутора лет мытарств возвратилась, чтобы умереть в своих стенах. Шесть девочек, один мальчик, ровесник Павлику, и родители их, еле живые, прожив все до нитки, возвратились, нигде не найдя пристанища.

Пока они приводили себя в порядок от дорожной пыли и грязи, а Луша с Полей варили два чугуна картофельного супа, Яша с Петром договорились, что Владыкины переходят вниз, а Яков с Полей завтра же переедут в город на другую квартиру.

Через час, когда все расселись за стол и каждому поставили по полной миске густого супа, Петр призвал всех, чтобы, кто как умеет, помолились. Затем с жадностью изголодавшихся Иван Иванович с женою и детьми начали кушать. За столом Петр объяснил, на каких условиях они вселились в дом. Он объявил и о намеченном завтрашнем переселении, чем постарался убедить Ивана Ивановича, чтобы они совершенно не беспокоились:

- Дом ваш, он вашим и остается! - закончил Петр.

После сытного обеда Иван Иванович и другие бессознательно бродили по двору и вокруг дома, подбирая все, что хоть сколько-нибудь напоминало съестное. Так настрадалась семья от голода.

Зайдя как-то вниз к Владыкиным, Иван Иванович в нерешительности остановился на кухне. Петр с Лушей были заняты в комнате и попросили одну минуту подождать. На шестке в печи стоял только что вытащенный чугун сваренной картошки, и запах от нее распространялся по всему дому. Луша вскоре подошла к старичку и, догадавшись о причине его появления, прежде чем тот успел что-нибудь сказать, отрезала ломоть суррогатного хлеба и дала ему в руки. Иван Иванович дрожащей рукой схватил его, намереваясь положить в карман. Луша заметила, что хлеб не помещался, так как карманы пальто были набиты вытащенной из чугуна картошкой. Старичок медленно повернулся к выходу и, спотыкаясь, вышел во двор. Глубочайшим состраданием наполнились сердца Петра и Луши, глядевших ему вслед. Интеллигентный, скромнейший человек, при нормальной жизни покрывающийся краскою стыда от малейшего опрометчивого слова, голодом был доведен до такого состояния. Ни малейшего осуждения не произнесли Владыкины на него и каждый день, чем только могли, делились с голодающими.

Недолго, однако, прожил старичок: вскоре свалился совсем и без мучений умер на глазах у своей семьи. Возвратились к семье старшие два сына, захваченные в прошлом вихрем гражданской войны, устроились инженерами на заводе. Определились и взрослые три дочери. Постепенно семья начала оживать и поправлять свое состояние. В благодарность Владыкиным за оказанную заботу и поддержку возвращенцам весь нижний этаж оставили в их пользовании на неопределенное время.

Устав от неопределенности и трудностей по добыче хлеба и пропитания, Владыкины решили искать постоянную работу. К тому времени условия на заводе стали налаживаться. Завод даже стал выделять для своих рабочих материальную поддержку. Старший мастер, как-то встретившись с Петром, пригласил его в цех. Много изменений произошло на заводе за время отсутствия Владыкина: меньше половины рабочих осталось в нем, кто погиб на фронтах Германской войны и в плену, кто не возвратился с гражданской, некоторые стали жертвою голода. Особенно поредели ряды технического персонала во время революции 1917 года. В литейном цехе старшего инженера и с ним мастеров при загрузке печей шихтой связанных бросили в расплавленный металл; из других цехов мастеров вывозили на тачках и с большой кручи бросали в отвал. Хозяин завода с главным инженером и с семьями, по слухам, уехали за границу. Павлушка часто бегал в заводской парк, где против главной конторы часами любил играть в сквере возле мраморных бюстов владельцев завода. К его удивлению, теперь он увидел эти бюсты разбитыми в траве. Отец рассказал, как рабочие веревками стянули их на землю и кувалдами разбили на куски. С поступлением Петра на завод семья приобрела оседлый образ жизни. К этому времени у Владыкиных родился сынок Илюша. Этим новым важным обстоятельством Луша была окончательно привязана к дому, и Павлик был под ее постоянным надзором.

Убедившись, что Петр поправился от душевного кризиса, Луша возвратила ему Библию, и с тех пор чтение ее стало в их семье ежедневным. Это оказало большое влияние на всю их последующую жизнь. Библия, как лучи восходящего солнца, врываясь в окна, не только осветила дотоле незаметные пылинки греховной жизни, но с каждым днем обогащала их новыми неизведанными чувствами. Так загоралось духовное утро в беспробудных сумерках затерянной судьбы Владыкиных.

Глава 4

Многоголосые колокольные перезвоны шестнадцати церквей оповещали город об утре воскресного дня. Ликующее солнце отражалось в изумрудных лепестках, орошенных ночным дождичком. Утренняя прохлада и веселое щебетанье птичек неизъяснимым праздничным благоговением наполняли душу.

Владыкины всей семьей впервые шли к Григорию Наумовичу в гости, одетые по праздничному. На Петре был его свадебный костюм, чудом сохраненный женой, Луша одела полученное от барыни платье, на руке поблескивали подаренные Свешниковыми серебряные "мозеровские" часики. Павлушка также был одет в свешниковские наряды. Когда они вошли в дом к новым своим знакомым, комната была уже полна гостей, но им немедленно освободили место.

После водворившейся тишины раздалось стройное, изумительное пение под аккомпанемент фисгармонии:

Как тропинкою лесною
К ручейку спешит олень,
Так и я стремлюсь душою
К слову жизни каждый день...

Павлушка при первых звуках пения в недоумении оглянулся, осматривая всех, и, убедившись, что поют все, подошел к фисгармонии. Незнакомые мелодия и слова привели его в восторг. Вытянув шею и раскрыв рот, он буквально поглощал каждый звук, смотря то в лицо играющей девушки, то на ее пальчики, бегающие по клавишам фисгармонии. С таким же вниманием он слушал после того, как дедушка с бородой читал и изъяснял Библию: "Господь - Пастырь мой; я ни в чем не буду нуждаться". Павлушка вспомнил починковское стадо и пастуха с длинным кнутом, которым тот стегал коров, еще раз посмотрел на дедушку и заключил: "Этот пастырь не такой, как тот; этот, должно быть, добрый". Павлик вспомнил Спасителя на иконе у бабушки, и ему показалось, что дедушка с бородой так похож на пастыря, про которого он читал, и на Спасителя. Когда дедушка закончил, то все опять запели, но не так, как первый раз, а долго, протяжно и, главное, непонятно. После сего все встали на колени и начали молиться, но опять не так, как в церкви, никто не крестился. Все это было так ново, так удивительно для Павлушки. Когда встали с молитвы, знакомые Владыкиных подошли к ним. Павлику эти люди понравились сразу, особенно девушка, которая играла на фисгармонии.

- Как вас зовут? - спросил Павлик, не отрывая глаз от фисгармонии.

- Вера, а тебя?

- Меня Павлуша.

- Я вижу, тебе очень понравилась фисгармония. Что тебе сыграть? - спросила Вера.

- Сыграйте про оленя, - попросил Павлик. Вера исполнила короткое вступление, и присутствовавшие в комнате еще раз спели "Как тропинкою лесною".

Семья Лукичева Григория Наумовича вся была из молокан. В их доме часто проходили молоканские собрания, так как трое их дочерей и хозяйка хорошо пели. Задушевно пели и остальные присутствующие из других молоканских семей.

Петр был вне себя от радости, что Господь наконец послал ему встречу с добрыми людьми. С жадностью он вслушивался в каждое слово.

Владыкины были приглашены и на следующее собрание, но уже у других. Множество людей повидали они, но знакомство с верующими было для них необычайно, и это особенно гармонировало с духовным обновлением Владыкина Петра Никитовича, как теперь впервые стали называть его новые знакомые.

Следующее собрание дополнило восторг Владыкиных тем, что они увидели новых людей, услышали, как неизвестная им старушка читала из Библии, и было исполнение новых песен.

На одном из последующих собраний предложили и Петру Никитовичу наряду с другими прочитать из Библии. Петр был вконец смущен этой неожиданностью и упорно доказывал, что он еще не умеет говорить и еле-еле по слогам читает. Однако присутствующие тепло ободрили его и убедили встать за стол.

Чего только не повидал в своей жизни Петр. Он не страшился орудийной канонады и пулеметной трескотни, не терялся в многотысячном многонациональном людском потоке в плену, в скитаниях, а здесь растерялся. Руки

дрожали, перед глазами все расплывалось. Петр открыл Библию: перед ним была бездна богатства, и что из этого выбрать? Никогда в жизни ему не приходилось проповедовать. С открытой Библией он стоял перед людьми и молчал. На мгновение ему представился Степан-проповедник, его спокойная, мягкая и убедительная речь. Пример Степана пришел ему на выручку. Петр ободрился и, взглянув на страницы открытой Библии, прочитал: "К святым, которые на земле, и к дивным Твоим - к ним все желание мое" (Пс.15:3). Слезы мешали ему дочитать последние слова, но он, превозмогая их, дополнил от себя:

- Много куда бежали мои ноги в прожитых годах. С женой вместе и один бежал я от одной компании к другой, с одной пирушки на другую. Но к ним меня тянул грех, а теперь со мной случилось, чего я сроду не видел и не испытывал. День и ночь, на работе и дома так тянет меня сюда, а вот теперь Сам Бог... как знает Он, что у меня на душе? Да какие же это слова-то родные и истинные - "к святым, к дивным Твоим, к ним все желание мое".

Так, не умеючи, простыми словами он рассказывал свои чувства, рожденные в нем любовью Божьей. Петр не стеснялся текущих по щекам слез, вытирали глаза и слушающие. Павлушка внимательно слушал отца и, когда тот закончил, сразу же оказался у него на коленках.

По окончанию собрания старичок и старушка, хозяева, попросили Петра задержаться. После сердечных приветствий все разошлись, и в доме осталась семья Владыкиных да проповедовавшая старушка с дочерью. За гостеприимным столом, познакомившись, Петр узнал много нового, что радовало и отчасти опечалило сердце его. Старушку звали Анной Андреевной Громовой, дочь ее - Зоей. По их рассказам, они и старший ее сын Максим долгие годы провели на фронтах Германской войны. Там они услышали Слово Божье и покаялись. После того, как приняли крещение, уже сами проповедовали другим, причем Анна Андреевна у солдат была поварихой, а Зоя - санитаркой. Все эти годы обе прожили неразлучно. После войны возвратились в город и теперь живут здесь. Зоя по-прежнему работает в казарме у солдат уборщицей.

Петра заинтересовало слово "крещение". Анна Андреевна охотно разъяснила словами из Евангелия, что в этом есть воля Божья, которую надо исполнять всем уверовавшим. На основании Евангелия объяснила и заблуждения православной церкви в вопросах детокрещения, священства, почитания святых, поклонения иконам и т. д. Опечалило Петра то, что их новые друзья - молокане, как оказалось, не признают некоторых заповедей Господних. Семья Громовых и хозяева этого дома не во всем разделяют убеждения молокан и собираются с ними вместе лишь потому, что не имеют других, близких им по взглядам знакомых христиан. Однако слышали они, что свои в городе должны быть.

Эта беседа сильно повлияла на Петра. Всем напряжением души он погрузился в познавание Божьей истины, ночами вставал, подолгу прилежно молился. С многими заводскими рабочими он делился своей радостью познания Иисуса Христа, распятого на Голгофе. Люди, знавшие его в прошлом, с недоверием смотрели на него, но когда в беседе убеждались в правдивости и искренности его свидетельства, то с удивлением пожимали плечами. Слухи о нем быстро стали распространяться по заводу, особенно среди мастеровых. Не стесняясь, всем, кто бы ни подходил к нему, Петр проповедовал Евангелие. И чем больше говорил он людям о Христе, тем сильнее загоралась радость в его сердце и любовь к окружающим.

- Вас можно на минутку? - отозвал его однажды строгальщик в сторону, когда Петр проходил по цеху.

- Пожалуйста, - ответил тот, глядя на него изучающим взглядом.

- Я слышал про вас. У нас в цеху рассказывали, что вы верующий в Бога. А какой вы веры? - спросил незнакомец.

Петр Никитович смутился, но затем с внутренним торжеством ответил:

- Да, я верующий в моего Господа. А какой я веры - не знаю, как сказать. Да, сам по себе, ну, какой мы все, вы-то ведь тоже, наверное, верите в Бога?

- Обязательно, - ответил мастеровой, - иначе я не подошел бы к вам. Но, по-моему, вы верите не так, как все. Все хоть и верят, в церковь ходят, но и курят, и пьют, и ругаются, воруют и всякие безобразия творят. А про вас мне рассказали, что вы все это бросили и стали другим человеком. Да и сам я был таким, как все, но когда оказался в плену, там уверовал по-настоящему и крестился вторично. Меня называют с тех пор баптистом, а вот как приехал домой, здесь никого не найду таких.

- Ну, братец, вот мы и нашли друг друга! - прервал его Петр, ухвативши за рукава промасленной куртки и радостно потрясая руку. - Я тоже ищу своих и очень рад такой встрече. Меня зовут Петром, отца Никитой, у

меня жена и двое сыновей. Живу на Ямках (так назывался поселок). Может, знаете у кого, вот мастера недавно схоронили - Ивана Ивановича.

- Конечно, знаю, - ответил собеседник, - а меня зовут Василий Иванович. Живу рядом с заводом, жена у меня Катя. Детей-то Бог не дал - больная она у меня. Очень зову вас к себе, хоть когда, в любое время.

Вечером же Василий Иванович с женою, не дожидаясь Петра Никитовича, решили сами прежде посетить его, да так вот и пришли к Владыкиным в гости. До позднего часа пробыли они в радостной беседе, в молитвах и даже по просьбе Павлушки спели "Как тропинкою лесною". Василий Иванович оказался большим любителем пения, в армии служил капельмейстером и даже привез с собой оттуда кларнет. За свою любознательность Павлик очень понравился гостю, и между ними с этого вечера завязалась большая дружба, сохранившаяся на многие годы. В жизни Павлушки это сыграло немалую роль.

С первого же вечера между Петром Никитовичем и Василием Ивановичем установились очень близкие отношения, и они условились, что пока будут ходить к молоканам на собрания, а там - Бог усмотрит.

Молоканские собрания заметно изменились по своему характеру после того, как их стали посещать новые семьи. Они хоть и оставались уважаемыми гостями, но внесли в собрания некоторое оживление. Молоканские старички инициативу собрания держали в своих руках, но были всегда дружелюбны, на проповеди гостей ставили постоянно, вместе молились, пели псалмы, а после собраний подолгу оживленно беседовали. Было у молокан немало молодежи, но из-за религиозных молоканских правил она оставалась какой-то неживой, бездеятельной. Молоканские собрания были порой многолюдными за счет приезжающих в гости из других мест, но Петр Никитович и его друзья ясно определили, что здесь чего-то не хватает, какие-то путы не дают желаемых духовных просторов, не чувствуется свободы духа, полной радости и любви.

Луша хоть и ходила иногда на собрания и рада была изменениям, происшедшим с Петром, и новому кругу знакомых, но не имела в себе того внутреннего мира, не было в ней и перемены, какую она видела в муже.

Однажды Петр Никитович, копаясь в домашних вещах, обнаружил запрятанные книги. Одна из них - "Сладострастник" с соответствующим рисунком на обложке. Взяв в руки книгу, Петр подошел к жене с вопросами:

- Луша, это твои? Откуда они у тебя? Неужели ты их читаешь?

Жена в смущении торопливо выхватила из его рук книги со словами:

- Ну, докопался. Что они тебе, мешают? Господские это еще, пусть себе лежат. А то еще к иконам придрался, а ведь это материно благословение. Стоят они, хлеба не просят, пусть стоят.

Петр не мог еще вполне понять, что обновление в жизни происходит от обновления в сердце. Ему казалось, что все вокруг него стало новым. Новое, значит, должно быть и в его доме, в жене и в новых молоканских друзьях. Однако тяжко, обидно и даже неожиданно для него было, что, несмотря на обновление в нем, вокруг все осталось прежним. Он понял, что обновление - это дар Божий, когда прочитал про Никодима, про самарянку. Так он беседовал с людьми и проповедовал на молоканских собраниях. Еще он понял, как много нужно труда, чтобы это новое вошло в людскую душу, в жизнь, в быт. Он вспоминал, как много было им пережито, пока в него самого не вошло это новое, и тогда смирился. С женой стал ласковее, не принуждал ее, с собеседниками поступал уважительнее. Время шло, пришло оно и для Луши, но в свой час...

В жаркий августовский полдень воскресного дня Павлушка сидел за столом перед раскрытой сахарницей и, воспользовавшись отсутствием мамани и папани, лакомился ее содержимым. Петр Никитович с женой ушли к Василию Ивановичу. В это воскресенье они решили собраться отдельно, без молокан, и заметно задержались. Вдруг раздался оглушительный, сотрясающий воздух взрыв. На верхнем этаже у хозяев зазвенели стекла, и что-то грохнулось на пол. Павлик опрокинулся вместе со стулом навзничь, так как перед этим раскачивался на двух задних его ножках. С пола он, как мячик, подпрыгнул и, придерживая рукой ушибленный затылок, забился в угол. В комнате сразу потемнело. Украдкой взглянув в окно, Павлик увидел, что небо покрылось темно-желтой пылью или облаками, а в воздухе неслись щепки, рогожа, куски досок, и еще что-то с визгом пролетело над домами.

У-у-у - повторился взрыв. Сердце мальчика сжалось, в глазах отобразился ужас, в голове все перепуталось. На полу валялась опрокинутая сахарница и рассыпанный сахар. Мысль о том, что теперь родители узнают про сахар, потянула его к сахарнице, но новая волна очередного взрыва отбросила его опять в угол; дом наверху

затрещал. Под окном раздался лошадиный топот: конный милиционер выгонял всех из домов. Хозяева пробежали мимо окна с криком: "Выбегай из дома!" - и скрылись за воротами.

Павлушка, как мышонок, притих в углу. В мыслях промелькнули бабушкины рассказы про страшный суд Божий, а очередной взрыв окончательно утвердил его в бабушкиной правоте. Павлик заплакал, но тихонько, не желая быть услышанным. Конечно, если бы не эта опрокинутая сахарница, то он разревелся бы изо всех силенок, а теперь он мог только хныкать.

- Павлушка, где ты? - услышал он вдруг отцовский голос. Петр, запыхавшись, вбежал в комнату, поднял с пола сахарницу и другие вещи, вылетевшие из открытого шкафа, положил все на свое место и, спокойно присев на корточки перед сыном, утешал его. Во дворе стояла Луша с выражением ужаса на лице.

- Петя, бежим скорее, весь город бежит за реку, говорят, что рвутся снаряды, что до главных еще не дошло, что газы идут на город, бежим! - потянула она мужа за рукав.

Петр остановил ее и уверенно сказал:

- Успокойся и не бойся, пойдем вон под обрыв и там ляжем. Ни от снарядов, ни от газов ноги не спасают.

Они подошли к обрыву и преклонили колена. Петр стал горячо молиться, затем все легли на расстеленную дерюгу.

Взрывы периодически сотрясали воздух, обезумевший народ сплошной лавиною бежал к плашкоутному мосту, который от перегрузки стал погружаться под воду. Люди по колено в воде переходили на другую сторону реки. Проходящие поезда были буквально облеплены спасающимся народом. Большинство домов оказались совершенно покинуты и стояли с раскрытыми настежь окнами и дверями, чем не преминули воспользоваться в некоторых случаях воры. Зрелище было ужасное.

Над обрывом, сложив руки на груди, спокойно стоял Петр. Его уже не тревожили очередные взрывы. "Что же будет тогда, когда не один город побежит вот такою лавиною и будут кричать горам и холмам: "Покройте нас от лица сидящего на престоле!" - думал он.

Кое-кто из проходящих мужчин подошел к нему, завязалась беседа. Петр, успокаивая людей, говорил: "Бежать никуда не надо, лучше спокойно лежать под обрывом, тем более, что взрывы слышны в одном направлении. Видимо, это вовсе не орудийная стрельба". Людей под обрывом становилось все больше. Конная милиция уже к сумеркам разъяснила причину взрывов: за городом по неизвестной причине рвались снарядные погреба военного завода.

Всю ночь город не спал, жители возвращались в свои покинутые дома измученные, обессилевшие. Петр убедил жену и хозяев, что нужно идти домой и отдыхать. Так и поступили. Еще несколько недель после этого слышались одиночные взрывы по ликвидации катастрофы. Для многих этот случай остался памятным. Он же на удивление содействовал духовному пробуждению в будущей общине.

- Петр Никитович, бросай свои полусапожки, какую радостную весть принес я вам! - прямо от порога послышался голос Василия Ивановича.

Владыкин не оставлял своего сапожного ремесла и некоторые вечера, а иногда и ночи, просиживал после работы на заводе над ремонтом обуви. Услышав голос гостя, он бросил работу и, сняв фартук, пригласил его в комнату.

- Слава Богу, в нашей семье прибывает! - садясь на стул, продолжал Василий Иванович. - Вчера со мною на заводе познакомился мастер одного цеха, Иван Алексеевич Власов. Это наш брат из баптистов. Он со всею семьею недавно переехал в наш город из Петрограда, купил дом, разыскивает своих по вере, вот нас Господь и свел с ним. У него вся семья верующая: дочери и сыновья. Они местные, но выезжали в Петроград, там прожили несколько лет, а теперь их потянуло на родину. Они знают много о наших братьях в Москве и в Петрограде, а на завтра приглашают к себе всех своих на собрание. От вас пойду я с этим известием к Анне Андреевне.

Посоветовавшись, тут же решили, что в это воскресенье пойдут на собрание к Власовым. Пойдут только свои и, горячо помолившись, разошлись.

С каким-то радостным предчувствием вся семья Владыкиных ожидала воскресного дня. Луша после взрывов заметно изменилась. Когда муж читал Евангелие, слушала с вниманием, вместе с ним преклоняла колени к молитве. А Павлик, как услышал, что у Власовых есть дети, фисгармония и что они умеют петь, едва мог дождаться назначенного дня. В течение недели он несколько раз спрашивал, когда наступит воскресенье.

Воскресенье наконец подошло. Оно было таким светлым, праздничным, несмотря на то, что на дворе уже была глубокая осень. Однако на душе у Владыкиных было так же, как в первое их посещение молоканского собрания.

Хозяева встретили их с искренней радостью. Надя, старшая дочь двадцати лет, подхватила Павлушку, расцеловала и, когда все прошли в просторную, светлую комнату, усадила рядом с собой. В зале сидело более десяти человек. Приглашены были также некоторые из молокан. Иван Алексеевич, встав вместе с женой, приветствовали пришедших и выразили свою радость в том, что они наконец познакомились со своими и имеют глубокую надежду, что Господь через это общение положит начало делу пробуждения в этой местности. После молитвы он пригласил всех к пению и назвал слова нового гимна "Дорогие минуты нам Бог даровал, мы увидели братьев, сестер". Надя села за фисгармонию, и они всей семьей запели этот гимн. От восторга у слушающих захватывало дух, а последние куплеты пели уже все со слезами радости на глазах.

Проповедовали по очереди: Василий Иванович, Петр Никитович, Анна Андреевна. Между проповедями дети Власовых рассказывали разные стихотворения. Когда же встала Надя, то Павлушка впитывал в свое детское, трепещущее от восторга сердечко каждое слово из ее уст. В голубом платье, с бантом в волнистых, рассыпающихся волосах, Надя в его воображении была тем ангелом, о котором ему рассказывала бабушка и которых он видел на картинках. Детское сердце его нашло наконец для себя объект любви и привязалось к нему.

Перед заключительной проповедью Иван Алексеевич со своей семьей спели еще один новый гимн: "Сидел Христос с учениками на Елеоне, а пред Ним". И этот гимн был живо воспринят. Последние его слова пели стоя все вместе: "Мое великое ученье воспримет мир; и племена произнесут с благоговеньем страдальцев первых имена".

Иван Алексеевич, открыв Библию, прочитал: "Итак, оставляя времена неведения, Бог ныне повелевает людям всем повсюду покаяться" (Деян.17:30). Проповедь его лилась спокойно, мощною рекой и, как в половодье вешние воды заливают на глазах у людей все лощины и ямины, так и слова проповеди наполняли сердца слушающих все выше и выше, кажется, к самым устам:

- Не я, а Бог повелевает тем, кто еще не покаялся - ПОКАЯТЬСЯ! - воскликнул он.

Едва только закончилась проповедь, Луша упала на колени:

- Господи, я великая грешница, негодница! Люди-то не знают, а Ты-то все видел и знаешь про меня! Мне стыдно в глаза людям поглядеть, а Тебе особенно, за то, что я натворила в жизни моей. Прости меня, батюшка, негодницу! Ведь меня только убить надо за все, что я наделала в жизни, а Ты мне велишь покаяться. Батюшка! Петя! Прости меня! Простите, люди добрые!

Вслед за ней в глубоком раскаянии молился заводской актер, а потом и его жена. Все в комнате были охвачены молитвенным умилением. Так Господь начал прилагать "первые камни", созидая церковь в этой местности. В великом восторге обнимали присутствующие раскаявшихся и приветствовали друг друга. Затем стол был накрыт скатертью, и устроен торжественный обед, во время которого хозяева с дочерьми показали книжки с нотами и цифрами, по которым поются христианские гимны, и много другого, привезенного с собой из Петрограда.

Удивительнее всего была Библия с картинками. Тут же за столом Надя учила с Павлушкой стишок:

Вот ворота пред тобою,
А за ними два пути.
Друг мой, робкою душою
Избери, каким идти!

За окном надвигались осенние сумерки, в домах зажигались огни, а гости никак не могли разойтись. Петр Никитович и многие другие впервые сегодня ощутили ту свободу, какую приносит любовь Божья, изливаясь в сердца Духом Святым.

В беседе Владыкин заявил, что он больше не может ждать и во что бы то ни стало должен принять крещение. Было решено послать Петра Никитовича в Москву, разыскать там своих братьев, креститься самому и спросить, что делать им дальше. От имени всех присутствующих составили письмо, в котором изложили все свои нужды и просьбы, включая просьбу крестить брата.

Поездка Владыкина к братьям в Москву была благодатью на благодать. По приезду он попал на богослужение, где его с любовью встретили братья: Николай Григорьевич Федосеев со своей спутницей Анной Родионовной и пресвитер общины Василий Васильевич Складин. Петра Никитовича усадили в первых рядах. Оказавшись впервые в многолюдном собрании, он пришел в неописуемый восторг. Когда же все запели "Отраду небесную для сердец нам послал Отец", ему казалось, что его кто-то ухватил под руки, поднял и не опускает. Когда же запел хор, чего Петр Никитович вообще не слыхал отродясь, его еще приподняло, кажется, куда-то выше стула. Во время всего собрания он имел такое чувство, как будто был не на земле.

Ночь на квартире брата Федосеева прошла без сна в беседах и обмене впечатлениями от пережитого. Такое множество людей были вместе и по той причине, что братья из ближайших губерний приехали по приглашению на Всероссийский съезд баптистов, состоявшемся в ноябре 1921 года, и приезд Петра совпал с этим событием.

На следующий день ему объявили, чтобы он готовился к крещению, так как переданное письмо принято братьями с большой радостью. Беседа перед крещением была краткой и состояла больше из рассказа Владыкина о том, как привел его Господь ко спасению. Крестили его в помещении, в баптистерии, при небольшом количестве верующих, но в исключительно благословенной обстановке. В душе Петра все трепетало, для него было все ново, имело печать неизведанной стройности и святости. Петр не мог объяснить разницу между православной церковью, где был он раньше, с той, в которую он теперь вступил. Это была церковь иная, живая, про которую он раньше никогда не знал. После крещения над ним молились с возложением рук, совершили вечерю Господню, а также написали маленькое ответное письмо к его оставшимся друзьям. Власова Ивана Алексеевича некоторые знали лично. Дав обильные наставления, Петра пригласили как гостя присутствовать на предстоящем съезде, на что он с радостью согласился.

Одно из разосланных письменных приглашений на съезд попало в соседние с родиной Владыкина места. Жители нескольких деревень, из которых состояла община, жили в крайней бедности, и только с принятием истины Божьей положение их стало понемногу поправляться. К тому же и прошедшие войны вконец истощили крестьян Рязанской губернии. Полученное письмо-приглашение на съезд было зачитано вслух после собрания. Все были обрадованы, что их, таких далеких, тоже вспомнили. Почти каждый подержал это письмо в руке, почти каждому хотелось побывать среди братьев в Москве. Но как заговорили про поездку, все притихли. Поезд проходил недалеко от их деревни единственный раз в день и шел до Москвы сутки. Когда узнали о том, что билет дорогой, так вот и притихли и только посматривали друг на друга и долго сидели почти до темна.

- Ну что ж, братушки! - поднялся из-за печки один старичок. - Видать, резвых нет, аль есть, да гаманец пустой. - Все с улыбкой нагнули головы. - А упускать-то такое счастье нешто можно? - продолжал он. - Я вот со своей старушкой поговорил, да и решились мы, у Бога милости много, поеду, видать, братцы, на старости лет поглядеть на братков, какие они, да и послухать. Мы кое-что из худобы продали, хотелось телку купить, вот деньги-то и приблюли. Да уж, видать, Божие-то дороже.

Все облегченно вздохнули и с молитвой благословили дедушку в дорогу. Разрядили его новым зипуном, лапти надели двойные, обмотки новые, холщевые, да и в торбу положили еще и вторую смену, харчей собрали и на подводе подвезли на станцию к поезду.

На съезд дедушка пришел не последним. Его провели на передние места, но усидеть он никак не мог, все глядел на окружающих. Когда все запели "Дорогие минуты нам Бог даровал", дедушка всплеснул руками и, ударив себя по бедрам, громко проговорил: "Не даром!"

Один за другим братья: П.В. Павлов, М.А. Тимошенко, И.П. Шилов выступали с проповедями и всякий раз дедушка, приходя во все большее изумление, хлопал себя по коленкам и восклицал: "Не даром!" По окончанию собрания певчие и все присутствующие запели: "Братья, все ликуйте, славный день настал!" После этой песни среди минутной водворившейся тишины он, не помня себя от восторга, громко воскликнул: "Недаром!"

Слышавшие эти слова гости подошли в перерыве к старцу и с улыбками, приветствуя, спросили его откуда он и, конечно, о значении восклицания "не даром!" Дедушка, прижав обе руки к груди и качая головой, рассказал, как они со старушкой решили отложить покупку телки, а вместо этого ему приехать сюда. Это их решение было не даром. Гул голосов удивления раздался среди окружающих его. Старичка привели к братьям наперед и попросили еще раз повторить рассказ о сборах сюда. Смущаясь, со сконфуженным видом и уже тихим голосом он рассказал историю своей поездки. Со слезами радости братья выслушали его и, помолившись вместе с ним, поприветствовали. Потом один из них, посоветовавшись кратко с другими, взял его за руку и сказал:

- Брат старец! Да благословит тебя Господь сохранить любовь к Богу и ревность твою до конца; мы вот решили все расходы твои сюда и обратно возместить, да еще и на телку прибавить.

С этими словами брат подал ему пакет с деньгами. У дедушки дыхание в горле остановилось. Он поднял голову и с волнением прошептал: "И тут не даром!" - да так и упал на колени, благодаря Бога.

Петр Никитович, конечно же, тоже услыхал о старце, приехавшем из родных ему мест, и радовался, что на родине его есть такие искренние христиане.

При отъезде своем он получил от братьев-служителей полезные наставления.

- С молоканами вы дружите, это близкие к Господу души, но служение вам надо совершать обязательно отдельно. По приезду вы соберитесь сами и с постом и молитвой решите, где и у кого проводить собрание, и благослови вас Господь так начинать дело Божье в ваших местах. На собраниях проповедуйте и призывайте грешников к покаянию, разучивайте псалмы, предлагайте людям возможность для личных бесед. Мы же будем иметь вас в виду и посылать к вам проповедников. Сейчас мы вам даем вот эти книжки. Здесь есть и песенник, и Евангелие, и трактаты. За все это уплатите в кассу братства. А теперь, благослови вас Господь! - так с любовью проводили братья-служители Петра Никитовича в обратный путь.

По возвращению Владыкина было так и решено: назначить пост и молитву, собраться у него в подвальном помещении (его он посвятил для собраний). Там пред Господом приняли решение: Василий Иванович будет руководить собранием и учить пению. Еще было решено, чтобы каждый, кто только может, звали на собрание соседей, родных и товарищей по заводу и всех желающих послушать про Бога.

Луша после покаяния заметно изменилась. Первое, что сделала она, это сняла с передней стены Николая Угодника. Так никто и не узнал, куда она его дела. Книжки, корсет и какие-то безделушки, относящиеся к косметике, оказались в игрушках у Павлушки и скоро совсем исчезли. Золотые сережки Луша сняла и спрятала. Затем она с большим интересом начала учить христианские гимны, так как была грамотнее Петра, могла читать и писать.

Накануне воскресенья субботним вечером, с усердием расставив скамейки к первому в их доме собранию, еще раз поправив "молнию" , Луша пошла наверх приглашать на воскресное собрание хозяев.

Наконец наступило воскресенье, и с утра стал собираться народ. Заходили робко и чинно садились по местам. Некоторые усердно крестились в угол, где вместо иконы были слова текста "А мы проповедуем Христа распятого", написанные от руки. Павлушка издалека увидел входящих Власовых, Надю... и вприпрыжку побежал ей навстречу, да так и не расставался с ней все собрание. Посетители были из разных мест: мастеровые с завода, из конторы служащие, родственники и соседи. Пришли и хозяйские девушки во главе с Екатериной Ивановной - хозяйкой дома. После короткой молитвы начали петь: "Сидел Христос с учениками на Елеоне". Люди вначале озирались друг на друга, как бы спрашивая этим: "Ты что про них думаешь? " Когда же грамотным из них стали предлагать песенники, то один за другим некоторые посмелели и запели тоже, и к концу гимна многие участвовали с усердием.

Потом стали проповедовать. Говорили и читали про блудного сына, про распятие Иисуса Христа. Мальчик и девочка из семьи Власовых очень выразительно рассказали стихотворение. Сидящий народ, слыша эти простые слова от простых людей, сердцем принимал их. Некоторые, кивая головами, вытирали слезы. Проникающее на улицу через открытые форточки пение гимнов привлекало еще слушателей, и к концу собрания в комнате уже не было места. Зашедшие с улицы, стоя на кухне, с жаждой слушали Слово Божье. В заключение опять проповедовал Иван Алексеевич по притче о десяти девах. Особенно трогательным было, как опоздавшие стучали в двери и просились войти, а Господь сказал им: "Не знаю вас" и не отворил. Со слезами умиления слушали люди этот простой призыв Божий, и когда пригласили к молитве, в числе первых раскаялся пожилой мастеровой - Плешачков.

- Господи, я тот блудный сын, пропился, промотался, прокурился до того, что задыхаюсь. Всю жизнь сгубил, и жене с детьми нет покоя от меня, прости меня, грешного.

Покаялась здесь Катя, жена Василия Ивановича, впервые от сердца молясь Богу, плакали другие. Поднявшись с колен, верующие с радостью обнимали раскаявшихся, поздравляли и давали наставления.

После собрания почти половина присутствовавших осталась для беседы. Оживленно расспрашивали о Боге, о новой вере, пытались защищать старую веру; удивлялись, глядя на пьяницу Плешачкова и бывшего гармониста Петьку.

Из хозяев заинтересовались услышанным Вера с матерью - Екатериной Ивановной. Вера, будучи красавицей внешне и молчаливой по натуре, потянулась к Наде, и с первой же встречи они подружились. А вот Павлушка почему-то приуныл, и как его девушки не ласкали, он вырвался и убежал во двор.

Никто не знал, что делалось в душе этого худенького, зеленого, любопытного мальчонки, никто не мог и представить себе, как близко принимал он все к сердцу, как все сказанное о Боге было для него небезразлично. Сидя затем на заборе и наблюдая за окружающим, он вспомнил бабушкину веру и сличал ее с отцовской.

Павлушке шел уже восьмой год, но по сообразительности в некоторых делах и особенно памятью он удивлял родных. Однажды, сидя в кругу родственников в гостях у Поли, Павлушка стал вспоминать о таких случаях, что все пришли в изумление, а кое-кому даже пришлось покраснеть, потому что были уверены, что в малом возрасте ребенок ничего не понимает. Он рассказывал о таких местах и предметах, которые другими были забыты, но в его памяти они еще жили, как вчерашние. По внешнему виду Павлик походил на умирающее дитя, но по энергии был белкой в колесе. Мальчишки его дразнили "шкелет" или "дух", девчонки - "живулинка", мать часто, рассердившись, называла "червяком". Занятия его были самые разнообразные: в полдень он носил обед к отцу на завод и часто подолгу просиживал у номерной в терпеливом ожидании его. Каждый день бегал с пятачком в лавку и покупал булочку для Илюшки, почти всегда принося ее домой пощипанной - очень было трудно удержаться. Часто подолгу был занят самым изнурительным для него делом - качать в люльке братишку, за что изредка получал остаток в горшочке молочной манной или пшенной каши. Вот кормить братишку было делом увлекательным, только почему-то редко это ему поручалось - в манных делах доверие ему оказывалось слабоватое.

Друзей у Павлушки было очень мало, особенно после того, как он стал ходить на собрание. Бабушкина вера сидела в нем почему-то непрочно. С первых же собраний Павлик убедился, что самая правильная вера отцова, и без сожаления перестал креститься на иконы. Вспоминались ему почему-то пьяные батюшка с дьячком в Починках. А от того, что собрания стали проходить в их доме, он сделался счастливым и более взрослым, чем был.

Новый 1922 год для него оказался памятным на всю жизнь. Услышанная проповедь о неразумных девах не давала ему покоя. В сумерках, когда все разошлись, он молча поужинал и полез на печку спать. Свет в доме был прикручен, и Петр с женою лежа тихо беседовали. Через некоторое время они услышали на печке детский плач. Это плакал Павлушка.

- Ты что, Павлушка, испугался что ли чего?

- Нет, - со слезами проговорил сын, тут же слез с печки, подошел к кровати и, вытирая кулачком глаза, сказал: - Я хочу покаяться, потому что Христос придет, а я непокаянный, и Он скажет: "Отойди от Меня!"

- Сыночек мой милый, - гладя его по голове, уговаривала Луша, - ты успокойся, ведь ты еще совсем маленький, ты же слышал, что Христос сказал: "Таковых есть Царство Божие", у тебя еще нет грехов, успокойся, ложись и спи, Господь придет, Он не оставит тебя.

Но слезы Павлушкины перешли в рыдание.

- Нет, есть грехи! - возразил он. - Сахар я воровал, когда утром гром гремел по городу. У Татьяны голыша украл и разбил! У Илюшки кашу ворую. Во-ру-ю! - завопил в слезах мальчик.

Видя, что уговорить сына невозможно, отцу с матерью пришлось одеваться и вставать.

- Ну что ж, если нужно каяться, то, значит, нужно, - проговорил отец и встал на колени.

Молитва Павлика была такой искренней и горячей, что Петр с Лушей не могли сдержать слез. Когда встали с колен, Павлик кинулся на шею родителям, счастливый и довольный. Но пока не спели "Как тропинкою лесною", он от них не отстал. Утром Павлик встал раньше всех и выбежал на двор. Танюшке (младшей дочери хозяев) отдал самую красивую картинку вместо голыша, а Вере с бабушкой-хозяйкой похвалился, что он теперь тоже покаялся. Покаяние Павлика не осталось бесследным, как думали о том его родители. С нетерпением он дождался собрания, но каково было его разочарование, что Надя на собрание не пришла. Ему так хотелось поделиться с ней своей радостью. Однако его так горячо поздравляли и обнимали, что он забыл о своем огорчении.

На собрание пришло так много людей, что пришлось вынести скамьи, и собравшиеся вынуждены были стоять. Набилось народу полные комнаты, но никто не роптал. Перед собранием Павлик с торжеством заявил отцу:

- Папань, у меня есть стих, я хочу рассказать!

Трепетным для него был этот момент, первый раз он будет в собрании говорить стихотворение, сердечко громко билось в груди. Наконец проповедь кончилась, и Василий Иванович объявил:

- А сейчас наш самый маленький братик Павлик расскажет нам стишок, он вчера покаялся.

Счастливый он юркнул с печи вниз к людям, но посетители так плотно стояли, что невозможно было протиснуться к столу. Ему крикнули: "Пусть скажет на печке!" Но Павлик и допустить этого не мог: как это папа проповедует у стола, а он с печки.

Тогда его подняли на руках над головами да так и передали к столу.

Павлушка встал на табуретку, посмотрел на всех и начал с предисловия бойко и громко:

- Я сейчас расскажу про два пути, из которых сегодня нам нужно найти путь Божий!

Вот ворота пред тобою,
А за ними - два пути,
Друг мой, робкою душою
Избери, каким идти...

Без запинки он рассказал все от начала до конца. Шея мальчика вытянулась непомерно длинно, глазенки горели угольками, и краска от волнения выступила на бледном лице. Счастливо закончил он словом "Аминь". "А-а-минь!" - загудел весь зал и тем же путем водворили самого молодого и счастливого в этот вечер проповедника на печку.

Собрание закончилось горячими молитвами. Самая первая раскаивалась пожилая женщина, пораженная Павлушкиным стишком, были и другие раскаяния. Громко молился Павлушка, это еще больше дополнило общую радость.

С этих пор к каждому воскресенью под руководством Нади Павлик готовил стишки. На собраниях он молился вслух с печки, а когда ему подавали сигнал к рассказу, он спускался и пробирался к столу. Без сомнений, с тех пор Павлик чувствовал себя членом церкви. При всякой беседе он хотел присутствовать. Куда бы ни шел отец на посещение, Павлик просил взять с собой и его. С уверенностью можно было сказать, что мальчик со всей искренностью детской души любил Бога, а Бог его.

С участием в собраниях у Павлика появилось большое влечение к грамоте. Кто-то принес ему старенький букварь и книгу молитв для детей православного исповедания. За самое короткое время он научился читать Евангелие крупного шрифта, что очень обрадовало отца, увидевшего в нем своего помощника-чтеца.

Особенно сильное впечатление на Павлика произвело посещение молодой общины благовестником из Петрограда - Иваном Петровичем Ивановым. Павлик впервые смог присутствовать при совершении крещения и вечери Господней. По приезду брата многими обращенными было выражено очень большое желание к принятию крещения, хотя была зимняя пора. На дворе стояли еще февральские метельные морозы. И как брат ни отговаривал, обращенные к Господу верующие убедительно просили преподать им крещение. Пришлось просьбу принять, чтобы не угасить того огня, каким загорелись сердца христиан.

В последнее воскресенье февраля с молитвой и пением, в сопровождении нескольких подвод, благоговейное шествие направилось к реке. День стоял солнечный, тихий. По мере приближения к реке народу становилось все больше и больше, а когда прибыли к специальной проруби, толпа возросла до огромных размеров. К крещению были представлены: Луша, Павлушина любимица - Надя Власова, заводской артист Брандин, Иван Петрович с женою. Прежде всего провели на льду богослужение. Все с величайшим интересом и вниманием слушали общее пение и проповедь благовестника, затем, прямо на розвальнях, крещаемые переоделись во все белое и встали на разостланной перед прорубью соломе. После краткой молитвы в прорубь по лестнице спустился креститель, погрузившись в воду по грудь. Окружающая толпа, стоя на расстоянии от проруби, пришла в величайшее изумление, с замиранием наблюдая, что будет дальше. С удивительным спокойствием и благоговением спустилась к крестителю сестра Надя. Когда после кратких вопросов она была на мгновение погружена в ледяную воду, толпа любопытных ахнула и придвинулась к проруби. Однако, поднявшись из воды, девушка с тем же невозмутимым спокойствием и благоговением, при поддержке сестер, пошла переодеваться.

Один за другим в сопровождении пения гимнов были крещены все остальные. Последним вышел из воды брат Иванов и с радостным лицом, воззрев на небо, поблагодарил Бога. Крещенные и креститель в считанные минуты были переодеты в сухую теплую одежду, затем вместе с остальными в краткой молитве прославили Господа и в накинутых тулупах уселись на розвальни.

Зрелище было потрясающим. Люди осматривали все: и прорубь, и крестителя, и крещаемых. Многие, не отставая от процессии, последовали за ней в обратный путь и пришли на собрание. Оно было настолько многолюдным, что все не смогли поместиться в комнатах и стояли толпами около открытых форточек. После краткой проповеди брат Иванов совершил молитвы с возложением рук на крещенных. Затем, объявив их членами Церкви Иисуса Христа, передал в объятия присутствующих друзей. Вслед за этим впервые была совершена вечеря Господня, и собрание верующих было провозглашено как самостоятельная Н-ская церковь Иисуса Христа.

Богослужение длилось непрерывно, до глубокого вечера. В этот день в сердечном раскаянии отдали свои сердца Господу хозяйка дома, Екатерина Ивановна, и ее двадцатилетняя дочь Вера. По окончанию собрания трудно было расставаться. Некоторые из собеседников разошлись уже близко к полуночи.

Материальная жизнь стала понемногу улучшаться. И хотя хлеба от собранного урожая было недостаточно, однако картошку ели досыта. Перед самой весенней распутицей из деревни в город приехала Катерина проведать детей.

С криком восторга ее встретили у ворот, пропуская во двор. На санях под сеном и дерюгой лежала картошка и окоренок замороженного молока - то были бабушкины гостинцы.

- Лу-ша! Да что же это такое, парня-то совсем уморили, в чем душа держится, голова-то вот-вот отвалится, зеленый, как былиночка! - со слезами причитала бабушка, обнимая внука.

Пока подводу завели в сарай, распрягли и поставили лошадь, Катерина с Павлушкой неторопливо спустились вниз и вошли на кухню. Привычным порядком, прежде чем раздеться, бабушка спустила на плечи шаль с головы, приготовилась помолиться перед иконой, но, взглянув в угол, так и обомлела с застывшей поднятой рукой и трехперстно сложенными пальцами.

- Господи, батюшка Ты мой, Спаситель, да это что же такое? А где же образа? - оглядевшись и не найдя никого, кроме Павлика, спросила она: - Боженька-то где? Где лампадка? Что это за лоскут взамен Николая Угодника? - взвыла в недоумении Катерина.

- Бабушка, а мы все покаялись, папаня с маманей уже крестились. Когда мы образа разглядели сзади, там деревяшка. Папаня сказал, это идолы, что надо молиться живому Богу. А еще у нас собрания, братья проповедуют Евангелие, поем та-ки-е песни, а у Власовых фисгармонь. Уже многие покаялись. Ты тоже покаешься, бабушка? - теребя Катерину за рукав, все сразу выпалил Павлушка в ответ.

Услышав, что внучек обозвал образа идолами, Катерина с выражением ужаса на лице высказала ему шипящим голосом:

- Не-хри-сти вы! Идолы?.. На вот тебе! - она с возмущением треснула его ладонью по затылку. Павлуша с прикушенным пальцем во рту выбежал на кухню. Слезы навернулись на глаза, и он не знал, что делать, но в это время вошла Луша.

"Кто ударит тебя по правой щеке, подставь ему и левую", - промелькнуло в голове Павлушки, и на душе как-то сразу посветлело.

После коротких разговоров Луши с Катериной, та немного успокоилась, помолилась в пустой угол и, раздевшись, села на сундучок перед люлькой, рассматривая Илюшку.

- Бабушка, я тебе сейчас хороший стишок расскажу, - робко подошел к ней внучек и, глядя в глаза, звонко, с выражением рассказал:

Дочь Самарии не знала,
Что, как бедную овцу,
Длань Христа ее искала,
Чтоб привлечь к Отцу...

Непонятное, но что-то трогательное щипнуло душу Катерины, прослушавшую Павлушкин стих. Ладонью она вытерла у него вначале под глазами, потом под носом, достала из-за пазухи душистую лепешку, сунула, как всегда, и, обняв его, притихла.

Рой мыслей взбудоражил взволнованное сердце богобоязненной, безграмотной женщины. Она то успокаивалась, то, взглянув на лоскут бумаги в углу вместо иконы, опять тревожилась. Разговор с Лушей как-то не клеился. Наконец на заводе раздался гудок, и через несколько минут на пороге появился Петр. Увидев Катерину, он обрадованно подошел к ней, обнял ее необыкновенно ласково. Катерина это почувствовала, но обиды за образа скрыть не смогла.

- Это что же ты, домолился до того, что образа поснимал? Какому же теперь Богу молишься, если Спасителя и святых угодников из избы выбросил? Ах Петька, Петька, был ты непутящий, непутящим и остался, да и жену с парнем с толку сбил. Парень-то что пробормотал, что вроде как ты с Лушкой опять куда-то схрестился, знать, в другую веру?

- Мамка, ты успокойся, мы Спасителя не выбросили, а приняли в душу. Что за жизнь была со "Спасителем" в углу и с самогонкой в кармане? И веру мы никакую не бросали - бросать-то было нечего. Теперь мы получили от Бога живую веру, Божью, - так, раздеваясь, с улыбкой, спокойно объяснял Петр Катерине.

Умывшись и переодевшись, Петр взял Библию и, показывая Катерине на золотой крест на обложке, спросил:

- Веришь, что это Божья книга, святое Писание?

- Ну конечно, верю, Петька. Не городи, чего не следует, - возразила Катерина.

Петр открыл Библию по известным ему одному закладкам и медленно, но внятно прочитал: "Часть дерева сожигает в огне, другою частию варит мясо в пищу... а также греется... А из остатков от того делает бога, идола своего, поклоняется ему, повергается перед ним, и молится ему, и говорит: "спаси меня; ибо ты бог мой" (Ис.44:16). "Бог, сотворивший мир и все, что в нем, Он, будучи Господом неба и земли, не в рукотворенных храмах живет и не требует служения рук человеческих..." (Деян.17:24-25). Прочитав, Петр закрыл Библию и начал разъяснять. Задумалась Катерина от его слов, что-то колыхнулось в ее душе, потом все утонуло в непроглядном тумане. Она глубоко вздохнула, перекрестилась и, встав, вышла во двор.

После кушанья все, кроме Луши, поехали в город к родне, поделить починкские гостинцы. До позднего вечера Петр Никитович провел время в горячих спорах с родней. Катерина немного ободрилась, почувствовав сторонников, но душа ее была все-таки чем-то потревожена. В воскресенье она молча просидела все собрание. Доверчивое и богобоязненное ее сердце не осталось равнодушным к услышанному.

Весенние разбухшие ручьи на дорогах торопили Катерину домой. Не обращая внимания на возражения Владыкиных, она на всю весну и лето увезла с собой и Павлушку. Разрывалось его сердечко надвое, когда они, переехав речку, удалялись от города. Он то с грустью прощался с уханьем паровых молотов и звуками заводских гудков, раздававшихся в утренней тишине по заречным лугам, то прижимался к своей дорогой, любимой бабушке. Порой тянуло спрыгнуть да убежать обратно. Дорогу назад он знал хорошо.

Наконец показались деревенские домики, и легкой трусцой Рыжий вбежал в первую от города деревню. Мелькнула давно известная Павлику часовенка, в окошке сверкнула лампадка. Рука у Павлуши дрогнула по привычке и замерла на лету. Сконфуженно он поглядел на бабушку; та с прежним усердием перекрестилась при виде святыни, но внучку ничего не сказала.

Большую часть пути они проехали по утреннему морозцу. Ближе к полудню полозья саней стали проваливаться в рыхлую снежную кашу. Однако к тому времени они миновали Нестрово, после которого показались и знакомые окраины Починок. Появление Раменской колокольни Павлуша встретил уже без смущения. Всю дорогу он с бабушкой делился из своей сердечной сокровищницы: то стишок расскажет, то песню споет, а она, слушая молча, лишь изредка хлестнет Рыжего вожжами по бокам да привычно проговорит нараспев:

- Но-о, Рыжий, пошеве-е-ливай!

Опять Починки, родные, желанные. После их приезда как-то очень скоро подошла Пасха, зазвонили колокола, и народ чинно, с благоговением потянулся в церковь. Все были по-праздничному одеты, и кто в руках кто на палочке через плечо, в белоснежных узелках несли святить пасху с куличами. В избе у Катерины было выскоблено, вымыто все: стены, потолки, полы. Пахло смолой и свеженатыканными по дому вербами. Катерина

чуть свет поднялась, прибрала по дому и долго в нерешительности стояла над Павлушкой: будить или не будить. Ведь еще недавно он неотвязно ходил с ней в церковь. "Пусть спит", - наконец тихо проговорила она и, перекрестясь, вышла из избы.

Из церкви люди возвращались возбужденные, со всеми христосовались. Мальчишки на подсохших местах катали крашенные яички, взрослые торопливо расставляли в воротах столы, покрытые золотистыми конопляными скатертями и, разложив на них пасхальные святыни, ждали батюшку на молебен по дворам.

К Катерининому двору священник с гурьбой прислужников пришел уже слегка отяжелевшим от "угощений". Переступая порог избы, он споткнулся, но с помощью людей поправился и, размахивая кадилом, начал молебен, произнося нараспев знакомые слова. Изба быстро наполнилась запахом ладана из кадильницы и людьми, которые вслед за священником вторили слова молебна и, крестясь, творили низкие поклоны перед образами. На шее у священника на длинной цепочке мерно раскачивался сверкающий крест.

По окончании молебна священник кропилом стал обрызгивать все окружающее "святой водой". Несколько брызг попали и на Павлушку. Он испуганно отскочил в задний угол избы и насторожился. Павлик не принимал ни малейшего участия в молебне, детское сердечко его усиленно стучало в груди в предчувствии чего-то необычного. Люди торопливо подходили целовать крест, принимая от батюшки благословение, которое тот раздавал, совершая перстами крестное знамение на лбу подходящего.

- Ты что тут забился, как бирюк? Иди к батюшке, поцелуй крест-то. - Ухватив за руку Павлушку и потянув из угла, дьячок толкнул его на середину избы.

Загородив рукою глаза, Павлик оказался прямо перед священником. Батюшка, перекрестив его, поднес к самому лицу мальчика большой блестящий крест.

- Поцелуй крест, сыночек, Господь благословит тебя, - уговаривающе произнес священник, слегка наклонясь к Павлушке.

- Нет, дедушка, это не тот крест, на котором распят был Иисус Христос, и целовать я его не буду.

- Это што, што такое завелось у тебя в избе, Катерина, антихрист што ли. Помилуй Бог, а ну-ка за уши его! - взвыл от неожиданности священник и стал шарить рукою по голове мальчика, чтобы поймать Павлушкины уши. Бабушка обхватила обоими руками голову внучонка, проговорила извинительным тоном:

- Прости, батюшка, меня Христа ради. Недоглядела за ним, как очутился в избе-то. Это ведь Петьки-гармониста, зятя моего сынишка-то. Ну а он другую какую-то веру поймал с Лушкой. Ну уж этот-то от них учитца. Не обращай внимания на него, косатик, - и с этими словами Катерина что-то сунула дьячку в руку. Охая и крестясь, вся толпа во главе с батюшкой торопливо покинула избу. Последним, заметно пошатываясь, выходил в сопровождении Катерины дьячок.

- Спаси тебя Христос, Катеринушка, ничего, не убивайся, всяк бывает. А пострел твой лютой будет, - погрозив пальцем Павлушке, пробормотал он и, перешагнув порог сеней, вышел на улицу к остальным. Толпа продолжала пасхальное шествие по деревне.

Весь праздник Павлушка испортил своей бабушке, и она бы отодрала его как полагается. Но, прежде всего, на праздник не хотелось ей этим заниматься, да и слова, какие она слышала от Петра, волновали ее. Через несколько минут они с внуком так мирно сидели на лавочке, как будто ничего не произошло.

Лето промелькнуло быстро, но радостно и шумно. К деловой летней поре в Починки приходило необычайное оживление от того, что многие мужчины с городских заработков возвращались к семьям на сенокос и к уборке хлебов. В воскресные дни, однако, никто не смел за что-либо взяться, кроме ухода за скотом. От мала до стара - все одевались в праздничную одежду и проводили эти дни в торжестве и отдыхе. После заутрени народ расходился по своим деревням, и в остаток дня на улицах слышались веселые и звонкие голоса поющих девушек и парней.

Особенный восторг люди испытывали в Престольный праздник "Ильи-пророка" в начале августа. До этого праздника никто серпа в руки не брал, каким бы спелым хлеб ни был. С утра весь народ простоит чинно в церкви на молебне, затем под звон колоколов высыпает на площадь, где гудит все от людских голосов - это традиционная сельская ярмарка. За много верст с ближайших городов и сел съезжаются на нее купцы с самыми разнообразными товарами: от иголки до скота и упряжки. Рядом, в стороне, среди ярко разукрашенных каруселей, качелей, кукольных и цирковых балаганов развлекается молодежь. Три дня веселится народ. Кто из далеких мест приехал, те прямо на возах и ночуют. Купеческие лавки допоздна стоят открытыми. Когда сумерки

вместе с вечерней прохладой спускаются на село, улицы деревни оглашаются песнями. Мужики на бревнах поют свое, бабы - свое, сидя на лужайках, а хороводы молодежи, в сопровождении гармонистов, ходят по деревне из конца в конец и тоже заливаются песнями. Мальчишки, кутаясь в поношенные отцовские сермяки, беззаботно устраиваются в коленках у старших, наслаждаясь их рассказами, и как правило, к полночи блаженно засыпают.

Быстро пролетели короткие, но горячие дни уборки урожая в Починках. После того, как зерно просушили и, провеяв, ссыпали в сусеки да из новой муки испекли первые пахучие ковриги хлеба, бабушка запрягла Рыжего, чтобы ехать к Петьке с Лушей. Павлушка с восторгом раньше бабушки прыгнул в телегу, чтобы скорее возвратиться в город. С радостью он проезжал мимо знакомых деревень, отсчитывая крайние дома в последнем селе перед городом. На этом закончилась беззаботная детская жизнь Павлушки в Починках.

Глава 5

С небольшим опозданием привела Луша своего сына в первый класс большой городской школы. В новых сапожках, полосатом пиджаке и таком же картузе Павлушка испуганно, с замиранием сердца оглядывался по сторонам. Спотыкаясь о мамины пятки, он впервые вступил в школьный коридор. Затем из рук в руки Луша передала его учительнице и исчезла за дверями.

Все пошло хорошо и увлекательно, особенно после того, как учительница при первом знакомстве попросила Павлика прочитать из букваря, что умеет, и он отчетливо и громко прочитал: "Мама мыла раму, баба мыла Шуру". Конечно, не обошлось без того, чтобы на перемене после первого урока какая-то озорница дернула его за хохолок волос, а с другой стороны такой же сорванец щипнул за ухо. Но это был его первый день в школе. Вскоре Павлушка и сам не отставал от других в проказах.

Учеба Павлика шла хорошо, особенно полюбил он свою учительницу, потому что такой ласки и нежности он еще не встречал ни от кого. К концу учебы Павлик чуть было не решил, что учительница, пожалуй, лучше бабушки. Но тут помешал один случай. Когда после весенней слякоти подсохла земля и появились первые цветочки, учительница повела класс на экскурсию. В пути один из мальчиков захныкал, и тогда учительница открыла свою сумочку и сунула ему, наверное, очень сладкую конфету, так как тот сразу замолчал. А Павлушка так и простоял с открытым ртом. Тут он сообразил, что все-таки бабушка лучше, и больше никогда в этом не сомневался.

Летом семью Владыкиных посетила скорбь. Павлушкин братишка на втором году жизни от "младенческой" скоропостижно скончался. Однако смерть ребенка была поводом к большим, благословенным похоронам, какие совершались в молодой общине впервые. Отец и мать сильно скорбели, печалились окружающие, жалко было братишку и Павлушке. Грустно смотрел он на скрипучую люльку Илюши, никому не нужную, лежавшую в чулане.

Похороны были очень многолюдные. Расстояние от дома до кладбища было не более двух верст, а шли их несколько часов. Дома было большое траурное собрание, после чего все с пением тронулись на кладбище. Впереди всех медленно шел Павлушка с крышкой от гроба на голове и ревниво не отдавал ее никому другому. Через каждые четыреста-пятьсот шагов процессия останавливалась, и вперемешку с пением гимнов произносились проповеди.

Толпа нарастала, проходящие снимали головные уборы, слушали пение и проповеди. Только после обеда пришли на большое, обнесенное красивым кирпичным забором городское кладбище. Еще до революции православное духовенство объявило, что молокан и всех, кто не состоит в православной вере, хоронить со всеми нельзя и что таким отведен специальный угол около кладбищенской угловой часовенки. С тех пор так это и осталось принятым в народе. Туда именно и направилась вся процессия. Моментально эта часть кладбища наполнилась большой массой народа, который, услышав громкое стройное пение, стекался со всего кладбища. Много было сказано проповедей, пропето гимнов, и даже Павлик рассказал маленький стишок, как ангел душу юную унес к Богу, и люди слушали с большим умилением и были очень удивлены, как такой маленький покойничек привлек внимание многих. Служение не прошло тщетно; несколько человек тут же, встав на колени прямо на траве, покаялись в своих грехах. Похороны закончились далеко за полдень.

По окончанию погребальной процессии внимание многих привлекла рядом находившаяся свежая могила. На ней к простой стойке было прикреплено подобие небольшой металлической вазы с искусно изготовленными

из фарфора цветами, обвитыми зелеными дубовыми листьями из железа. На ленте серебристой краской красиво выведены слова: "Блаженны умирающие в Господе. Страдальцу за веру Божию Даниилу Тимошенко от семьи и друзей".

Брат, обращенный из молокан, обратил внимание всех на могилу и передал историю семьи Даниила М. Тимошенко. Он рассказал, что семья в прошлом много перенесла мучений от царского правительства, что Даниил М. в большой нужде воспитывал детей, часто был оторван от семьи. Как ревностный проповедник Евангелия по Украине он в 1890 году царским правительством был сослан за убеждение в Польшу. Вместе с сыном брат Тимошенко выпускал в г. Одессе христианский журнал "Слово истины". Последние годы они здесь с местными молоканами занимались огородным делом. Рассказал о том, как Михаил, любимый и любящий сын Даниила, с молодых лет отдался на служение Господу, как он еще до революции был арестован и отправлен в далекую Сибирь, потом написал книгу "За убеждения", как после революции освобожденный по распоряжению Ленина, возвращаясь из неволи, был с ликованием и песнопениями встречаем на многих станциях верующими, мимо которых он проезжал, и что он теперь в Москве является одним из старших братьев у баптистов.

Павлушка с затаенным дыханием слушал повесть об этом мученике, то и дело поглядывая на венок и надпись. Православное духовенство категорически запретило хоронить Даниила Тимошенко на одном кладбище с православными. Он был похоронен в этом пустынном уголке. С тех пор родственники ежегодно обновляют могилку Д. М. Тимошенко. Михаил Данилович, сын его, также иногда посещает ее. У Павлика после этого сразу мелькнула мысль: вот хорошо бы увидеть этого брата, когда он приедет наведать могилу отца. Медленно, храня благоговение перед памятью об усопшем герое веры, люди расходились по домам. С тех пор этот уголок стал баптистским, и Н-ская община хоронила здесь многих своих умерших.

Похороны ребенка и многолюдные собрания внизу у Владыкиных совершенно надломили терпение взрослых сыновей хозяйки дома. Они в категорической форме заявили Петру Никитовичу о запрещении собраний и настаивали на переезде его на другую квартиру. Этому способствовали еще и те обстоятельства, что Вера, дочь хозяйки, будучи красивой по внешности, привлекала немалый круг женихов из интеллигентной среды. Однако, как ее и лаской, и угрозами ни старались склонить к согласию на сватовство - Вера как христианка категорически всем отказывала.

Собрания у Петра Никитовича прекратились. Молодая, только что сформировавшаяся церковь стала испытывать тесноту. Некоторое время собирались по домам верующих, но увы, для посторонних людей это оставалось неизвестным и поэтому собирались почти только свои.

Однажды, проходя мимо большой чайной, Петр Никитович заговорил с хозяином ее об аренде помещения для богослужения. Тот охотно согласился на следующем условии: в будничные дни и в утренние часы по воскресеньям чайную он отдавал в их распоряжение, а в воскресенье с обеда она будет служить по своему назначению.

Огромный зал вскоре заполнился слушателями. С большим успехом проходили в нем собрания. Но сатана и здесь позавидовал: как сговорившись, один за другим пьяницы врывались во время богослужения в зал, учиняли дебош, разгоняя слушателей. Перед хозяином чайной встал выбор: или отдать помещение баптистам, или пьяницам для разгула. Посчитав, что пьяницам отдать намного выгоднее, он объявил это решение верующим.

Петр Никитович, рассуждая с общиной об острой нужде в помещении, сказал, что молитвенный дом должен принадлежать церкви полностью. Решили об этом деле прилежно молиться. К общей печали добавилось еще и то, что семья Власовых неожиданно для всех объявила, что они дом продали и переезжают в Москву на постоянное жительство.

Для Павлика это была первая детская трагедия: любимое, самое дорогое существо, к кому так привязалось его детское сердечко - Надя - покидает его. Он так не печалился о смерти своего братишки, как о разлуке с Надей. Отъезд Власовых был очень торопливым и печальным. Павлушка от обиды, глядя на Надю, подумал в скорбящем своем сердечке: "Бог накажет ее за то, что она из-за жениха бросает свою общину". Такие мысли у него были не без основания. Засыпая на печке, Павлушка слышал, как Луша шепотом передала мужу, что Вера и Надя у Власовых на выданье, что женихов в Н-ской общине нет, а в Москве нашлись, как только они появились там гостями. Поэтому Власовы и решили уехать.

Второй учебный год у Павлика начался с гонений: в классе узнали, что он постоянно посещает богослужения, и пользовались всяким удобным случаем, чтобы поднять на смех его веру в Бога. Больше всего

Павлику доставалось от одного мальчика, который многих избивал до крови. Его фамилию он запомнил на всю жизнь - Смирнов. Родители устали то и дело покупать ему обувь и одежду. Поэтому отец сделал ему на обувь жестяные галоши, которыми Смирнов наносил жестокие удары. Павлик часто плакал от него и даже в молитвах жаловался Богу. Но однажды со Смирновым случилось большое несчастье.

В первые зимние дни, когда снег плотно лег на землю и дороги по городу огласились шумом юных конькобежцев, мальчишек можно было увидеть около всякого вида транспорта. Они прицеплялись к легковым и грузовым автомобилям, которые впервые стали появляться на улицах города. В одиночку прицеплялись к злым извозчикам и цепочками, по восемь-десять человек, - к добрым, залихватски отцеплялись на самом быстром ходу, сваливаясь в кучу-малу. Но страшнее всего было, когда они прицеплялись к последнему железнодорожному вагону проходящих через город поездов. Один из таких поездов заметил Павлушка, сидя на салазках перед крутояром. Большой ватагой прицепились мальчишки к последнему вагону, сверкая коньками. Сорванцу Смирнову не осталось места, и он на ходу поезда, перехватываясь руками за других мальчишек, перебрался сбоку вагона до самой его середины. Поезд заметно развивал скорость. В одном месте, где шпалы обнажились из-под снега, ребята всей ватагой поспотыкались и кубарем покатились, рассыпаясь по откосу. Смирнов хотел удержаться на ногах, но споткнулся о шпалу и во мгновение попал под колесо вагона. Павлушка видел, как он перевернулся за вагоном, вскочил, прыгая на одной ноге, ища свою вторую, затем нагнулся, схватил отрезанную поездом ногу и рухнул на землю. Моментально сбежался народ и окружил несчастного. В луже крови, лежа на боку между рельсами, прижав отрезанную ногу с коньком к груди, он тихо хныкал.

- Проклятые, нет на вас управы, оглашенные! - ругался подошедший старичок, батогом дубася по спине одного из конькобежцев, окруживших своего бедного товарища. Смирнов попытался сесть, но, потеряв сознание, повалился навзничь.

Павлушка не подходил близко. В оцепенении от ужаса смотрел он то на свои ноги, то на толпу. Ему стало так жаль несчастного Смирнова, хотя тот и обижал его, что, прибежав домой, он залез на печь и со слезами молился:

- Господи, как ему теперь больно и как плохо без ноги!

В классе после этого все притихли, со страхом и сожалением поглядывая на опустевшее место за партой. Всю зиму никто не видел Смирнова на улице. Лишь только к весне, с отрезанной выше колена ногой, он неуклюже ковылял возле своего дома.

1923 год оказался очень урожайным. Люди после долгого голода и всяких мытарств могли досыта кушать чистый хлеб. Один за другим стали открываться новые магазины и лавки, полные всякого добра. На базаре открылись целые торговые ряды; неизвестно откуда появились купцы со своими товарами. Павлушка часами с завистью смотрел на всякие лакомства, разложенные на полках лавок и магазинов. Конечно, сорок пять целковых, какие получал Петр Никитович на заводе, обеспечивали семью Владыкиных всем необходимым, однако на лакомства средств не хватало. Только по большим праздникам Луша пекла плюшки или ватрушки, да покупался с получки сытный с изюмом белый хлеб. Сахарок к чаю выдавался по кусочку, а чаще всего чай пили с сушеной свеклой или морковью. В какие-то редкие дни Павлушке доставалось иногда полакомиться вкусной баранкой. Тогда он не знал, с какой стороны лучше ее надкусывать. К воскресеньям Катерина, подолгу жившая у Владыкиных, или Луша пекли из сеяной ржаной муки пироги с капустой или с картошкой - "лопаточки", как прозвали их домашние. При большой роскоши эти пироги пекли с яблоками или вишней. Особое счастье у Павлика наступило тогда, когда приезжал кто-либо из родственников. Тогда уж непременно ему доставался кусочек привезенный гостями чайной колбасы.

В поддержании порядка в доме Луша старалась во многом подражать Катерине. Когда Павлушка жил в Починках, там была особая дисциплина. За стол садилось всегда много народу, особенно в деловую пору. На обед посреди стола ставилась большая чашка со щами. Ложки раздавались большущие, деревянные. Пока бабушка не помолится, никто не имел права дотронуться до щей. После молитвы только ложки мелькали, но мяса брать тоже никто не смел, пока бабушка не ударит ложкой по столу. У Павлушки была самая маленькая ложка, и ему всегда казалось, что он больше всех обижен, особенно, когда заглядится в окошко.

Перед наступлением нового 1924 года Петр Никитович стал часто и сильно болеть: годы, проведенные в плену, стали сказываться на его здоровье. Было решено, что ему придется с завода уходить и садиться на домашнюю сапожную работу, что, конечно, принесло Владыкиным заметное ухудшение во всем.

Морозным январским вечером Павлушка мчался на одном коньке, возвращаясь домой. Вдруг он увидел, как двери клуба с шумом распахнулись и толпа, выбегая и рассыпаясь в стороны, кричала: "Ленин умер! Ленин умер!" Известие это было встречено разными людьми по-разному. Многоголосым эхом паровозных, фабричных, заводских гудков и сирен отметил это печальное событие встревоженный город. Большие портреты Ленина, обвешанные траурной лентой, видны были и в школе, и в других местах города.

Гостивший в это время у Владыкиных Николай Георгиевич Федосеев вечером рассказал, как Василий Гурьевич Павлов перед революцией, находясь с Лениным в заключении в крепости, много беседовал с ним о Христе И Его учении, о социальных формах и судьбах русского народа, как впоследствии после революции братство баптистов получило желанную свободу, а сам Павлов встречался с Лениным в Кремле. Николай Георгиевич жил в Москве и по поручению старших братьев совершал служение благовестника по Московской губернии. В Н-ской общине он с женой Анной Родионовной были самыми желанными и любимыми, дорогими гостями. Павлуша был очарован его проповедями и пением. Многим гимнам он научился от них и всегда старался быть ближе к любимым гостям.

После отъезда семьи Власовых Павлик привязался к вновь обращенным двум семьям: Пытаеву Федоту Ипатычу с Аришей и Нестору Ипатычу с домашними, у которых он подружился со сверстниками-ребятами и часто подолгу у них находился.

Однажды в семье Нестора Ипатыча Павлику пришлось перенести огненное искушение. Придя в гости, он застал семью за обеденным столом. Павлик отказался от приглашения к обеду, взял с комода Евангелие и стал перелистывать его. Неожиданно между страницами он увидел новенький, только что выпущенный бумажный рубль. Первое, что он испытал при виде рубля, это осуждение: как это верующие люди могут закладывать в святую книгу деньги? Перевернув лист, Павлик попытался читать, но мысли одна за другой стали пробегать через мальчишескую голову: "Они, наверно, положили и забыли о нем". Павлик знал, что на рубль можно купить много-много разных румяных вкусных калачей, тянучек и ирисок. Семья так увлеклась обедом, что, как ему казалось, и забыли о его присутствии. Ничего не стоило опять отвернуть страничку и сунуть рубль в карман. Павлушка перелистнул Евангелие, опять увидел деньги. Огромной силой греховного магнита потянуло мальчика к бумажке. Он взял ее, но такое противоречие начало раздирать его душу, что с рублем в руке, застывши, он посмотрел на вспотевшее от обеда лицо Нестора. Рука дрогнула было, но молнией промелькнуло в сознании: -"А Бог?" Вспомнил он свое раскаяние, проповедь об опоздавших девах у дверей и, сунув бумажку между листов, быстро закрыл Евангелие и положил его на комод. В это время семья встала благодарить Бога за пищу, а после молитвы он услышал распоряжение Нестора Ипатыча:

- Панька, возьми вон в Евангелии рубль да сбегай-ка с Павликом в кооперацию, принеси бутылку постного масла.

Как плетью хлестнули Павлушку эти слова, он сначала побледнел, потом покраснел и что-то тяжелое придавило его к спинке стула.

- Папань, а здесь нетути никакова рубля, - перелистывая на ходу Евангелие, мальчик передал его в руки Нестора. Тот почему-то посмотрел на Павлушку и, поплевывая на пальцы, стал тщательно перелистывать страницы.

О, кто мог понять, какие мучения испытывал в это время Павлушка, встретившись взглядом с Нестором; в комнате все помутилось от набежавшей слезы. "Я не брал!" - хотел крикнуть он, но язык отнялся и горло перехватило судорогой.

- Надо лучше искать, - проговорил Нестор, закрывая Евангелие и протягивая сыну рублевую бумажку. Слеза у Павлушки быстро высохла, он, как пуля, выскочил из двери на улицу, не дожидаясь товарища. "А что, если б взял?" - бездонным кошмаром промелькнуло в его сознании и, глубоко вздохнув, он счастливо пошагал с товарищем в кооперацию, зарекаясь в душе никогда-никогда не воровать.

Вскоре семья Владыкиных увеличилась. Родившийся мальчик был назван в память об умершем Илюшки тем же именем. Этот второй Илюшка заметно сократил свободное время Павлика, да к тому же еще Владыкиным пришлось покинуть свой дорогой уголок, с которым связано было столько прекрасных, не меркнувших воспоминаний. Петру Никитовичу пришлось переселиться на другой край города и занять маленькую "избушку на курьих ножках", как они ее называли по причине ее расположения на самом краю глубокого обрыва над

речкой. Екатерина Ивановна, хозяйка, и Вера со слезами извинения проводили семью Владыкиных. Жестокость сыновей превысила все, и пришлось покинуть это дорогое гнездышко, ставшее для многих духовной родиной.

На новом месте Павлушка целыми днями был прикован к братишке. Горластый и беспокойный, он изматывал всю его душу. Так хотелось побежать на лужок с новым товарищем Костей Андреевым или почитать книжку. Петр Никитович и Луша часто и надолго уходили из дому, поэтому Павлик научился применять всякие изобретения. Костю отец в дом не разрешил пускать, так как он большой безобразник и воришка. Обычно Павлушка торопливо укачивал братика и спешил к товарищу, который так заманчиво и неотступно ждал его у окна. Костя жил вдвоем со старенькой матерью в крайней бедности в ветхой избенке, пока та не обвалилась, и им дали тогда квартиру. Матери его днем дома никогда не было, она добывала хлеб. Костя был изобретателем на всякие плохие дела и слова. Павлик же, за неимением других товарищей, привязался к Андрееву и от него стал перенимать кое-какие вольности. Часто Павлушка увлекался так, что забывал про братишку. Был случай, когда ребенок так раскричался в люльке, что выпал из нее, да хорошо, что на кровать. Посиневшим, лежащим лицом к постели, застал его Павлушка, но Бог милостив - отошел ребенок.

Другой случай был зимой. Петр Никитович с Лушей ушли к знакомым и задержались до полночи. Павлик сделал нехитрое приспособление, чтобы качать люльку, а сам зачитался да так и заснул с книжкою в руках. Когда пришли родители и стали стучать во все окна, нянька спал крепким сном. Илюшка проснулся и поднял отчаянный крик, но видя, что его крику никто не внимает, стал сильно барахтаться, раскачивая люльку, и готов был вывалиться на пол. Родители пришли в отчаяние от безрезультатного стука и, перебравшись через забор во двор, решили выставить стекло из рамы. От стуков и криков проснулись соседи. Наконец Петр Никитович выставил стекло и принялся звать сына. Всклоченный, с пустыми, ничего не понимающими глазами Павлуша медленно встал и стал ходить по комнате, растерянно озираясь на окно и кричащих родителей. Луша, увидев сына в таком состоянии, тихо сказала:

- Петя, не кричи на него, мы погубим сына, - и тихим голосом стала звать его к себе. Павлушка как будто очнулся от сна, протер глаза и спокойно ответил: "Сейчас!" - но открыв дверь, тотчас же свалился на постель и заснул.

- Петя, больше парня оставлять одного нельзя, - сказала Луша и, успокоившись, они горячо помолились над спящим сыном.

Недалеко от Владыкинского домика находилась городская тюрьма, построенная еще в Катерининские времена, обнесенная высоким каменным забором. Рядом с нею, в одной ограде, стояла тюремная церковь. Около самой тюремной стены жил брат Максим Громов. Последние собрания проходили в его доме после того, как покаялась его жена. Павлик был так рад своим новым соседям, потому что по воскресеньям после собрания они проводили все время в саду, около тюремной стены. С большим любопытством Павлик осматривал мрачное здание тюрьмы и с состраданием вглядывался в обросшие лица арестантов, одетых в серые полосатые халаты, которых можно было увидеть сквозь решетки маленьких тюремных окон. С раннего утра они, ухватившись за решетку, то пели жалобные арестантские песни, то затевали беседу с кем-либо из приходящих. Некоторые из арестантов по собственному желанию и с разрешения начальства в ночные часы с большой бочкой на телеге, запряженной лошадью, ездили по городским улицам, выгружая уборные. Нередко, изрядно подвыпив, хулиганства ради они целые кварталы награждали ужасным зловонием.

В большие праздники тюремную контору осаждали богобоязненные толпы благотворителей, которые после заутрени в ближайших церквах по христианскому обычаю приносили целые торбы и корзины калачей, баранок, пирогов и прочей снеди в горшках и кастрюлях для передачи арестантам. Арестанты же, выходя после молебна из тюремной церкви, получали эти гостинцы и расходились по своим камерам.

Тюрьму охранял часовой с винтовкой в руках. Днем и ночью он ходил мерными шагами вокруг здания. Бывали случаи, когда наиболее отчаянные из арестантов перед большими праздниками убегали из тюрьмы "на побывку домой". После же праздников, нагулявшись досыта и допьяна, с повинной головой сами возвращались в тюрьму. Начальство знало их по кличкам и по повадкам и не беспокоилось, когда при проверке обнаруживали их исчезновение, так как были уверены, что они никуда не денутся. Встречали их постоянно с внушительной бранью, с подзатыльниками и пинками и под хохот товарищей расталкивали по своим камерам. Некоторых, кто заявлялся сильно пьяным, затаскивали в арестантскую баню, где надзиратели угощали их ременной поркой, а уж затем присмиревшими заводили в камеры.

Свидетелем одной из таких прогулок "на побывку" и стал Павлушка, засидевшись допоздна в саду у Максима Федоровича Громова. Когда на сад спустились сумерки и в окнах стали зажигаться огни, Павлушка услышал шорох у тюремной стены. На его глазах один за другим, перелезая через стену, спрыгнули в малинник несколько человек. В серых арестантских халатах и таких же штанах и колпаках они, согнувшись, пробежали, как тени, через сад и во мгновение исчезли под забором в овраге. Павлушка так испугался их, что после этого и днем боялся ходить в сад.

В числе этих отчаянных беглецов был хорошо знакомый Владыкиным сельчанин-вор по кличке "Серега-рябой", вечный тюремщик, как его все называли. Общительный, всегда смеющийся человек, на воле он жил только в летнюю пору, к зиме же садился на пять-шесть месяцев в тюрьму. Иногда по освобождению он жил у Владыкиных, с вниманием и слезами слушал Слово Божье. На спине и на груди у него были выколоты большие кресты, на тесемке под рубашкой болтался костяной крестик. Он был глубоко убежден, что Спаситель во всем помогает ему; как в удачной краже, так и тогда, когда удавалось удачно удрать от преследователей. Хорошо запомнился Павлушке его образ за тюремной решеткой с большим черным Евангелием в руках. Часто по воскресеньям Петр Никитович из сада подолгу беседовал с Сергеем Рябым. Всякий раз тот со слезами раскаивался в воровстве и всякий раз клялся, что по выходе он все "завязывает", но этой серьезности хватало только на день-два по возвращении. Вскоре после того опять его видели весело улыбающегося, со скрученными назад руками, в сопровождении конных стражников, ведущих его в тюрьму. Его брат Федор, имея другую фамилию, в этой же тюрьме служил "коридорным" (надзирателем в тюрьме) и по-свойски облегчал тюремную участь Сергея. Жалко было Павлику "Рябого", и во время пребывания его на свободе, сидя у него на коленях, он рассказывал ему стишки и просил покаяться.

Почти весь 1924 год Н-ская община проскиталась по частным домам, не имея дома молитвы. Многие посетители потеряли ее из глаз, хотя так любили ходить на собрания. Наконец осенью Господь исполнил молитвы верующих. Семья Григория Наумыча обнаружила по соседству с собой большое помещение бывшей чайной. Старенькая хозяйка, очень религиозная женщина православного вероисповедания, охотно отдала переднюю часть дома под собрания за определенную плату. Дом был расположен на окраине города, вблизи железнодорожной станции, среди садов и огородов на мощенной многолюдной улице, соединяющей город с заводскими поселками.

В первый раз на новом месте верующие с ликованием в душе благодарили Бога за великую милость как к ним, так и к городским жителям. С молитвой все собравшиеся приступили к оборудованию дома. Сделали много скамеек для слушателей и для будущего хора; один брат, работавший в конструкторском бюро завода, написал тексты. На передней стене большими буквами было написано: "Мы проповедуем Христа распятого", на другой стене на фоне золотых лучей восходящего солнца ярко выделялось: "Где Дух Господень, там свобода". Были и другие тексты. На задней стене в рамке висели выписки из государственного закона об охране богослужебных помещений и из Конституции: "В целях обеспечения за гражданами свободы совести, церковь отделена от государства и школа от церкви, а свобода религиозной и антирелигиозной пропаганды признается за всеми гражданами".

На открытие молитвенного дома приехали из Москвы братья проповедники: Довгалюк и Гартвик. Верующие пригласили всех родственников и знакомых, и дом молитвы наполнился до отказа. Открылись и небеса в своем благословении, так что все сердца переполнились ликованием, хвалой и благодарностью Господу.

Павлушкиному сердечку было тесно в детской груди от восторга. Его очаровали пение и скрипка, которую братья привезли с собой, любезность и ласки гостей. Вдобавок ко всему посетила и Надя свою общину, приехав с подругами на праздник, а больше всего обрадовало Павлика покаяние Катерины, дорогой бабушки. Весь свой запас стихотворений он израсходовал на этом собрании.

До вечера люди не расходились. После утреннего собрания часть скамеек были подняты на специально приготовленные "козлы", покрыты скатертями и уставлены пищей. После молитвы началась трапеза любви. Было пропето немало новых гимнов, рассказано стихов и проповедей. Один из московских гостей, брат Довгалюк, призвал к тишине и передал случай из жизни братства:

- Пятьдесят лет назад, - начал он, - Господь посетил пробуждением нашу страну. В числе первых обращенных и посвятивших себя и свой дом на служение был многим известный брат Иван Григорьевич Рябошапка. Господь благословил его особенной мудростью и даром проповеди. Везде, где ступала нога

проповедника, он возвещал людям Евангелие Иисуса Христа. Несмотря на сопротивление духовенства, слепое преследование жителей и запреты, многие люди, порой злые ненавистники, падали на колени в искреннем раскаянии. Весть о спасении быстро стала распространяться и проникать из деревень и хуторов в города. Рябошапку вызывали для бесед разные большие люди: священники, архиереи, приставы и губернаторы, простые и знатные - и всем брат, исполненный мудрости Божьей, давал исчерпывающие ответы, на которые невозможно было возражать.

Пораженные противники умилялись, принимая Божье Слово; некоторые же приходили в ярость и преследовали брата Рябошапку. Весть о великом проповеднике переходила из одной губернии в другую, наконец она дошла и до батюшки-царя. Монарху рассказали о новой вере, какую проповедовал Рябошапка; о том, как многих он уже смутил, что нет на него никакой управы, так как никому не удается переговорить его и остановить, что он многих перекрещивает из православной веры, святые образа называет идолами и не признает никаких святых угодников. Страшнее же всего - он ни во что ставит Божью мать. Поэтому царю-батюшке пора призвать этого смутьяна к порядку, пока он не наделал какой беды. Тем паче, вера эта совсем не русская, а какая-то английская, либо германская.

Из Петрограда со специальной грамотой от самого царя был послан за Рябошапкой казенный человек, чтобы под конвоем привезти его к правителю. Как всегда, это делалось с большой поспешностью. Брата Рябошапку посыльный в сопровождении пристава застал в кругу друзей и объявил ему царскую волю, но к нему лично отнесся вежливо и обходительно. Помолившись, верующие простились с братом, предав его благодати Божьей, а затем еще остаток дня и ночь провели в усердной молитве.

Ехали к царю на перекладных без остановок, и в Петроград брата доставили очень быстро. После предварительного знакомства с царскими чинами Рябошапку привели в царский дворец, а затем в тронный зал на прием к самому монарху. Зал был обставлен роскошной мебелью, а у передней стены на возвышении стояли тронные кресла для царя и царицы, вдоль стен зала в креслах сидели служители духовенства.

Брату пришлось ждать монарха продолжительно, чему он был рад, используя это время для молитвы. Наконец все пришло в движение, двери широко распахнулись, и по дорогим коврам спокойной походкой вошел царь в сопровождении своей свиты.

Брат Рябошапка с должным почтением предстал пред лицо монарха. После кратких расспросов о его происхождении и роде занятий царь предъявил ему обвинения и дал полную возможность для ответа. На мгновение водворилась тишина, брат попросил Евангелие. Ему подали Евангелие в роскошном переплете, украшенное золотом и сверкающим бриллиантами крестом. Рябошапка спокойно взял его и, открыв Деяния Апостолов, внятно прочитал двадцать пятую и двадцать шестую главы, повествующие о беседе апостола Павла с царем Агриппой и Вереникой. Во время чтения лицо монарха стало заметно смягчаться. Брат после прочитанного привел аналогию своих обстоятельств и кратко, но убедительно изъяснил царю сущность Евангелия и причину разногласий у православной церкви с тем исповеданием, которому он посвятил себя.

- Слышу, сударь, что доказательства твои умны, и многие из обвинений, донесенных на тебя, ложны, но я хотел бы послушать оправдание твоего учения перед лицом владыки, так как ему вверено Богом и отцами церкви быть блюстителем православной веры. Смотри, от тебя зависит, оправдаешься перед ним - оправдан будешь и пред лицом моим; не сможешь - предстанешь пред судом церкви, - проговорил властным голосом монарх, кивая в сторону насторожившегося духовенства и распорядился: - Позовите владыку!

Сейчас же вновь широко распахнулась дверь, и в сопровождении священнослужителей вошел в зал владыка. Облачение его сверкало золотом и драгоценными камнями от патриаршей митры на голове до башмаков. Правой рукой он опирался на так же сверкающий драгоценностями священный посох. Остановившись перед царем, он оказал должное почтение монарху и по знаку его чинно уселся в специально принесенное за ним кресло.

- Ваше первосвященство! Вот перед нами тот самый мирянин Рябошапка, о котором донесено нам, что он присвоил себе священный сан, поносит церковное священство, разоряет православную веру и прочее. Я испытал его вслух и не нашел подтверждения в том, в чем его обвиняют, но для разбора в тонкостях богопочитания почел благоразумным представить его испытать вам. Если вы докажете вину его и у него не найдется чем оправдаться, но подтвердится все предъявленное ему, то вы будете властны судить его по всей строгости, данной Богом вам и церкви. Но ежели сей мирянин окажется так силен в слове, что у вас не найдется, что ответить ему, то придется

оправданным отпустить его, а вам понести смущение, - объявил монарх, обращаясь к владыке. Затем, взглянув на Рябошапку, дополнил: - Ну-с, сударь, вам предоставляется слово перед владыкой.

Брат Рябошапка, взглянув в глаза владыки, сделал вид, будто хочет поклониться ему, и громко спросил:

- Могу ли я вас назвать Владыкою неба и земли?

- Что вы, что вы, помилуйте, сударь, разве подобает так, - возразил владыка, предупредительно выставляя руки перед Рябошапкой. - Ангел Божий не позволил апостолу оказать такую почесть ему, я же - перстное творение, как и все человеки.

Брат выпрямился и, смело глядя на растерянного владыку, громко проговорил:

- Да будет мне позволено в таком случае спросить вас, многоуважаемый владыка, если на небе по Писанию Владыкою является предвечный триединый Бог, а на земле мы с вами знаем, что владыкою является князь мира сего дьявол, тогда кто же вас назвал и над чем поставил владыкою?

Как громовой раскат пронесся заданный вопрос по всему залу, и после этого водворилась напряженная тишина. Владыка несколько раз пытался что-то произнести, но уста его были скованы, все ниже и ниже опускалась книзу патриаршая митра. Наконец после долгого молчания послышался голос монарха:

- Что ж, блаженный отец, подобает отвечать мирянину Рябошапке?

- Ваше превосходительство, позвольте мне на час уединиться в молитве пред Царем небесным, чтобы получить ответ на заданный вопрос.

Царь объявил на час перерыв, и все, весьма возбужденные, освободили тронный зал. Рябошапке по его личной просьбе было позволено остаться на месте. Как только он остался один, то упал на колени и в молитве со слезами благодарил Бога. Брат видел и чувствовал, что заданный вопрос как обоюдоострый меч поразил ложного владыку пред лицом монарха, духовенства и царских советников и поразил непоправимо.

Через час в своем прежнем составе вошли все присутствовавшие и вскоре сам царь со свитой. Владыки не было. Монарх с едва заметной ноткой недовольства, приказал немедленно пригласить его. Посланный архиерей торопливо направился в надлежащие покои. С каждой секундой нетерпение до крайности напрягало нервы у всех, в том числе и у царя, но прошло и пять, и десять минут, а владыка не появился. Наконец в дверях царского зала показался посланный архиерей, бледный и растерянный. Срывающимся от волнения голосом он объявил царю:

- Владыка не может сегодня выйти и предстать пред ваше лицо - он в постели.

Царь вздрогнул от столь неожиданного обстоятельства и, не садясь в кресло, произнес кратко, глядя на Рябошапку:

- Сударь, ты свободен!

По неофициальным слухам вскоре стало известно, что владыку нашли у себя в покоях мертвым.

Все ахнули, и когда брат закончил рассказ, долго обсуждали его детали между собою. Поздно вечером стали расходиться из дома молитвы, радостно возбужденные от этого большого праздника, на котором и они могли присутствовать и который со своим утренним собранием, трапезой любви и вечерним собранием слился в одно служение. Много было и молоканской молодежи. Некоторые даже пожелали вступить во вновь организующийся хор.

По окончании вечернего собрания распределили служения по дням недели. Василию Ивановичу было поручено сформировать хор и начать занятия с ним. Был также намечен день крещения и принято решение просить прислать брата для совершения его.

С приобретением дома молитвы жизнь общины заметно улучшилась. Особенную радость принесло начало занятий с хором, к которым Василий Иванович приступил с большим усердием. Почти все из обращенных оказались способными к пению.

К этому времени в семье Владыкиных опять случилось горе: второй Илюшка, дожив до года, скоропостижно скончался от той же болезни, что и первый. Это событие сильно опечалило семью. Луша находила утешение в том, что с еще большей отдачей участвовала в хоровом служении.

К концу зимы обращенных еще увеличилось. Более двадцати человек с нетерпением ждали весны 1925 года. К моменту объявления о приготовлении к крещению хор уже самостоятельно громко и стройно пел на богослужениях. Крещение принесло широкую известность существованию общины в городе. Приехавший из Москвы брат Степин с большим воодушевлением и благословением совмещал проповедь и пение.

Крещение происходило в воскресенье. После краткого утреннего собрания верующие вышли из дома молитвы на луг и с пением направились к реке. По дороге сделали остановку; было сказано несколько коротких проповедей и спето несколько песен. Толпы людей, сбежавшихся туда, так и пошли к самому месту крещения, где было проведено богослужение. Когда же крещаемые переоделись в белые одежды и все стройно запели: "Кто, кто сии и кем облечены, в светлые ризы снежной белизны", то все присутствующие ощутили такой необычайный поток благословений, что несколько человек прямо на берегу раскаялись в своих грехах и даже просили, чтобы их тут же крестили. Оба берега реки были заполнены слушателями и зрителями. Чинно и благоговейно прошло все крещение. Павлушка с большой радостью обнимал и поздравлял свою дорогую бабушку Катерину. Возвращались с реки с пением гимнов, а на вечернем собрании множество людей стояли у раскрытых окон молитвенного дома, так как в помещении не оставалось места даже в проходах.

С этого времени известие о возникновении баптистской общины в городе Н. облетело окружающие города и деревни. Жители сел приглашали верующих к себе в гости, а также приглашали их приезжие верующие из соседних городов. Хороших знакомых приобрел и Павлик благодаря частому рассказыванию стихотворений в собрании. Гости просили Петра Никитовича приезжать к ним с сыночком, а некоторые просто привезти Павлика на лето на поправку. Внешний вид его у многих по-прежнему вызывал соболезнование и всякие сомнения относительно его здоровья. Высказывались разные предположения: кто считал, что он болен туберкулезом, кто - желтухой. Иные думали, что его истощают глисты или селитер. Бабушка стояла на своем, что Павлика морят голодом. Водили его по больницам, брали всякие анализы, лечили от глистов, желтухи, малокровия.

После Пасхи к Н-ской общине присоединилась пожилая женщина, главный врач туберкулезного санатория, много лет являвшаяся убежденной христианкой и хорошей проповедницей. Она убедительно просила Лушу привезти Павлика на лето к ней. В санаторном поселке было три верующих семьи, в том числе и одна многодетная. Все они присоединились к Н-ской общине, хоть и жили в двадцати пяти верстах от нее. При первой возможности Луша привезла сына прямо в дом сестры-главврача, как и условились. Она жила в прекрасном казенном особняке вдвоем с неверующим мужем - директором этого санатория. Детей у них не было.

Множество комнат особняка были обставлены дорогой мебелью, всевозможными безделушками. Сестра встретила гостей с большой любезностью и поспешила ввести в дом. Проводя их по комнатам, хозяйка объяснила значение всех предметов и порядок пользования ими. Таинственной и какой-то недоступной показалась Павлику роскошь, чужой и, как он почему-то заключил, - нехристианской. Однако взор его просиял, когда он в одной из комнат заметил сверкающее полировкой пианино. Хозяйка заключила, что это единственное, чем она может подкупить ко всему безразличное сердечко мальчика, и тут же, открывая крышку, села на стульчик с вопросом:

- Хочешь, я тебе сыграю "Мотылек", очень красивую детскую музыку великого композитора.

Павлушка дернул одним плечом и прислушался к звукам. Самым жгучим желанием мальчика было научиться играть на фисгармонии или пианино. Это было его постоянной мечтой и в последующие годы. Один только вид клавишей приводил его в волнение, но увы, мечты его безнадежно гасли в неопровержимых ответах матери: "Что ты, сынок, это только у богатых водится".

Спустя много лет, когда у Павла уже самого были дети, он как-то собрал денег на покупку фисгармонии, но появился более сильный конкурент - топливо, и деньги моментально исчезли.

Красивые звуки веселой мелодии заполнили весь дом, однако особого интереса Павлик к ней не проявил, лишь с любопытством наблюдая за прыгающими по клавиатуре пальцами хозяйки.

- Ну как, нравится? - спросила она и, не дождавшись ответа, добавила, - а вот тебе "Стрекоза".

Играла она мастерски, с увлечением, желая расположить сердце мальчика, потом, закончив, спросила:

- Что ж ты молчишь? Понравились тебе эти песенки?

- Мирские они, у нас в собрании такие не поют, - ответил Павлушка. Хозяйка всплеснула руками и с удивлением, поглядев на мать, вполголоса заявила:

- Подумать только, какой он у вас ревнитель церкви. А что же тебе сыграть? - обратилась она снова к Павлику, стараясь говорить более ласково.

- "Как тропинкою лесною к ручейку спешит олень", - ответил мальчик. Хозяйка, кивнув головой, принялась выполнять заказ. Павлушка преобразился, лицо ожило и он вначале робко, затем громче стал подпевать любимую песню.

- Молодец, Павлик, похвалила юного певца хозяйка, вставая из-за пианино. Затем, желая еще более расположить его к новой обстановке, достала кусочек ситного хлеба, густо помазала его медом, угостила мальчика и, усадив с матерью на одно кресло, спросила:

- Ну как, останешься у меня гостить? Посмотри, как у нас хорошо, кругом лес, рядом речка. Я тебя поселю в отдельную комнату, игрушек куплю, можешь сам играть на пианино.

Павлушка молчал, потом, прожевав кусочек хлеба с медом, потянул мать к себе и тихо проговорил:

- Мамань, я тут не хочу оставаться, игрушек много, а текстов нету.

Хозяйка, к своему огорчению, поняла, что дружба у нее с Павлушкой не состоится. Луша оставила сынишку у другой многодетной семьи. Однако и там он заскучал, не найдя себе товарищей.

Домой Павлика привезли через две недели таким же худеньким. Жизнь в санаторном поселке не улучшила его здоровья.

В самый разгар лета после одного из собраний в связи с приездом брата Федосеева с женою состоялась беседа, на которой ставился вопрос: кто может освободиться на месяц от всяких занятий и посвятить себя на дело благовестия. Отозвались несколько молодых сестер-певчих и три брата проповедующих. Группа насчитывала девять человек, включая самого благовестника И. Г. Федосеева и Петра Никитовича. Уступая настойчивым просьбам Павлика, Петр с согласия других участников взял и его в поездку десятым.

На прощанье церковь благословила миссионерскую группу и проводила до ближайшего села. Восемь верст решили идти пешком. По прибытию братья с местными приближенными обратились в сельсовет, где их вежливо приняли и по их просьбе предложили для собрания избу-читальню. Однако в виду ее небольшой вместимости остановились на том, что служение будет во дворе у приближенного . Председатель тут же вызвал парней, приказал оббежать всю деревню и пригласить желающих посетить собрание штунды, так многие называли тогда христиан-баптистов.

К вечеру, после ухода за скотом, набился полон двор любопытного народа. Когда верующие помолились и запели гимны, то некоторые с испугом уходили, крестясь и боясь оскверниться, Иные насторожились, ожидая момента, когда можно будет вступить в спор. Но много было и таких, кто в простоте, с умилением принимали слова истины Божьей. В заключении несколько мужчин и женщин подошли с желанием покаяться и в простой, горячей молитве исповедовали свои грехи. Были и такие, главным образом старообрядцы, которые вступали в отчаянный спор. До позднего часа не расходились люди, беседуя о Евангелии. Утром хорошо отдохнувшая группа тронулась в следующее село, где ее уже ждали. К ним присоединились несколько человек из числа покаявшихся. К воскресенью миссионерский отряд пришел в такое место, где преимущественно жили старообрядцы. Собрание проходило также во дворе. Со слезами умиления принимали люди спасительную весть и раскаивались. В числе обращенных был молодой мужчина-хуторянин по имени Николай Васильевич Кухтин. Молодые годы он прожил в Петрограде, был участником революции на стороне большевиков, начитанный, мастеровой на все руки, наследственно и по убеждению - старовер. После революции он поселился с семьей среди лесов на хуторе, завел большую пасеку и жил богато. После упорной беседы с Николаем Григорьевичем Федосеевым уже ночью он убедился в своей греховности и покаялся.

На собрание приходили и местные священник с дьяконом. Не раз они пытались нарушить ход служения, а по окончанию с бранью и угрозами подступили к братьям. Те всенародно обличали их. Не имея разумных доводов, священник и его сторонники пришли в ярость, готовясь наброситься на участников собрания: в руках замелькали ворошилки, вилы, колья, вожжи. Видя, что беседа дошла до такого напряжения, из толпы выделился председатель сельсовета. С опущенной головой он внимательно слушал весь ход богослужения и последовавшего за ним спора. Громким голосом он обратился теперь к священнику:

- Отец Фома! Ты что разбушевался? Отошла твоя власть, это тебе не 1909 год, когда ты был владыкой над всем. Хватит темнить и обманывать на род, дай людям самим разобраться. Что ты пристал к ним? Мы видим, что они ни Бога, ни веру не поносят, и власть не затрагивают. Ведут себя как люди, а от вас с дьячком прет самогоном, как из бочки. Не хочешь слушать - уходи, но людей не тронь. Не то - ответишь по закону.

Никто и не заметил, как после такого вразумления один за другим исчезли впотьмах ревнители церкви. Вслед за ними и священник, крестясь и отплевываясь, покинул двор. Этот случай еще больше расположил оставшихся сель-

чан к миссионерам, и они с дерзновением и благословенным успехом продолжали свидетельствовать о Христе.

Павлушка проснулся позже всех и увидел, что со всеми вместе он спал на сеновале. За воротами стояли наготове две запряженные телеги, а за столами рассаживались гости к завтраку. Вера, заменив ему теперь Надю Власову, звала его, спеша умыть и усадить со всеми за стол. После завтрака вся группа и несколько местных обращенных, усевшись на телеги, устланные пахучим сеном, тронулись через луга к переправе в заречные деревни, где их также давно уже ожидали. Проезжая лугами, они громко пели гимны, славя и хваля Господа. Стоило лишь нашим благовестникам остановиться у копны сена и у отдыхающих косарей напиться свежей, студеной родниковой воды, как пестревший от платков и кофточек луг пришел в движение. Со всех сторон на стройное пение стали сбегаться люди. Настоящее благословенное собрание было проведено на этом месте. Наши миссионеры проповедовали и воспевали Господа прямо с телег.

По окончанию горячей, сердечной молитвы женщины и мужчины на сенокосе убеждали тружеников Господних разделить с ними обед, но ввиду ограниченности во времени телеги тронулись дальше. Гостеприимные косари на ходу бросали нашим друзьям пироги, печеный картофель, ветчину, а кое-кто даже положил в телегу бутыль с молоком. Как родных проводили люди вестников Евангелия в дальнейший путь.

- Господь знает сколько продлится это благословение над нашим народом, друзья мои, - вытирая слезы, начал растроганный Николай Георгиевич говорить сидящим на телеге. - Поистине над Родиной нашей восходит заря, о братья и сестры, вставать нам пора! Каждый свободный день и час в нашей жизни мы должны спешить сеять семена истины Божьей в эту рыхлую, жаждущую землю, поливая ее слезами наших молитв. Во всех уголках нашей Родины мы должны разбрасывать семена Господней истины. Смотрите, с какою жаждой и простотой принимается Слово. Долго ли продлится это благоприятное время лета? Нам надо спешить, пока дьявол не закрыл уши слушающих Евангелие и не зачерствели сердца, иссушенные зноем безбожия. Не смущайтесь, что вы малограмотны, некрасноречивы, малоспособны; каждая проповедь, каждый пропетый гимн и рассказанный стих пусть будет передан с огнем души. И десятки, сотни душ придут к Господу, обретут спасение во Христе. Вы видели вчера эти вилы и дреколья , приготовленные для нас. От них умерли наши отцы, передавшие нам Евангелие. Вчера этих людей отогнали, слава Богу, завтра они могут возвратиться к нам и не с деревянными кольями, а с железными.

Пусть эти дороги, по которым мы едем теперь, будут благословенным воспоминанием для нашего поколения, которому, может быть, придется пробиваться через железные ряды гонителей, но великий и вечный лозунг благовестника: "О вы, напоминающие о Господе - не умолкайте!" не спускать к земле. Сейчас от одного Павлушкиного стиха люди каются и приходят к Богу. Придет время, сотни лучших проповедей не приведут и одной души ко Христу.

Не так давно, - продолжал Федосеев Н. Г., - в июле 1923 года в город Стокгольм на Всемирный конгресс баптистов съехалось более трех тысяч христиан из разных стран. Там были представители тридцати пяти национальностей. В числе делегатов прибыли на пароходе и христиане из России: П. В. Павлов, М. Д. Тимошенко, П. Х. Мардовин, И. С. Проханов и другие. Несколько дней лились с кафедры благословенные проповеди из уст известных мировых богословов. Участники съезда с изумлением внимали этим речам, восхищаясь красотою и смыслом изложения. Но вот на кафедру поднялся председатель Всемирного союза баптистов, доктор Рашбрук, и, обратившись к аудитории, произнес: "Братья и сестры, среди нас есть делегаты нашей недавно гонимой, терзаемой бурей, многострадальной русской церкви, мы еще ничего не слышали от них".

Буря восклицаний на разных языках наполнила зал заседаний с пожеланиями участия русского братства. Несколько братьев и сестра В. В. Павлова, обладающая красивым, сильным голосом, поднялись и пошли вперед к кафедре. Павел Васильевич Павлов после водворившейся тишины на английском языке обратился к съезду со следующими словами:

- Мы восхищены, слыша о великом пробуждении во многих частях мира, восторгаемся теми итогами, приводимыми здесь предыдущими делегатами. Опускаем свои головы, наслаждаясь потрясающими проповедями. В свою очередь, отчитываясь за наше братство, можем лишь сказать: увы, мы так бедны и нищи, что нечем похвалиться пред вами и Господом. Единственно, чтобы не остаться нам в долгу, можем пропеть распространенный в русском братстве гимн.

Множество просьб на разных языках огласило зал. Переводчики приготовились к переводу, а группа певцов, помолившись, запела:

Страшно бушует житейское море,
Сильные волны качают ладью,
В ужасе смертном, в отчаянном горе,
Боже, мой Боже, к Тебе вопию...

Робко начатая песня набирала силу, покоряя слух и воображение слушателей торжественно печальной мелодией, интонацией отчаянной решимости. Слезы катились по щекам певцов. Когда смысл гимна стал доходить до ума и сердец слушающих, в зале замелькали носовые платочки. Звонкий женский голос в сочетании с мужскими заполнили весь зал. Волнение передалось присутствующим, постигшим смысл и значение гимна.

Больше бороться уж мне не под силу,
Боже, помилуй, Тебя я молю...

Все встали, сердца многих были потрясены. На смену пению полились многоголосые, разноязыкие молитвы за христиан в России и других странах, переносимых и переносящих лютые гонения.

Федосеев, продолжая речь, воскликнул:

- Самоотверженно, не жалея своих сил и средств, даже самой жизни, будем служить нашему Господу так, чтобы при скорой встрече с Ним Он не постыдился назвать нас Своими благословенными. Может быть, через много лет, когда наш Павлик, ставши благовестником, расскажет о нас и о наших вот этих дорогах будущему поколению, оно не постыдится нас, но с благодарением Господу произнесет наши имена, - закончил с вдохновением свое краткое назидание Николай Георгиевич. Он остановил лошадей и предложил помолиться.

Подъехав к паромной переправе, наши путешественники с другого берега услышали крики и свист. Внимательно присмотревшись, Петр Никитович узнал знакомых. Оказалось, что там уже подъехали на подводах из заречных деревень встречать гостей. Любезные извозчики с сожалением распрощались со ставшими им близкими миссионерами, и паром отчалил от берега. Вновь обращенный Николай Васильевич Кухтин и двое других с ним тут же решили не возвращаться, но ехать с миссионерами дальше.

Едва только паром коснулся причала, как нетерпеливые друзья бросились приветствовать прибывших. Дальнейший путь был также благословен Господом. Так от деревни к деревне, где пешком, где на подводах, благовестники проходили, оставляя после себя благословенный евангельский посев. Нигде посещения не были бесплодны. Вновь обращенный хуторянин, будучи начитанным и хорошо знакомым со Словом Божьим, также говорил в собраниях убедительные проповеди и особенно успешно проводил беседы. Отъезжая из деревень, братья организовывали вновь обращенных в группы и даже общинки и убеждали взаимно посещать друг друга. Сестры без устали переписывали всем желающим тексты гимнов и учили пению. Новых друзей информировали о том, что через два-три месяца благовестники посетят их опять, чтобы они стремились исполнять волю Божью, а после осенней уборки на полях все соберутся в город на праздник жатвы.

Целый месяц миссионерский отряд совершал служение по селам и деревням, пока наконец, сияющие от счастья, все возвратились в город к своим, давно ожидавшим их.

Павлик перерос сам себя в своем воображении. Где-то он поймал привычку, рассказывая, по-взрослому закладывать руки в карманчики штанов. Отец, заметив это, два-три раза без слов легонько постучал тросточкой по засунутым в карман рукам, после чего эта привычка навсегда оставила юного благовестника.

Осенью Павлушка пошел в четвертый класс и был зачислен со своим прежним другом Костей в одну группу. Костя оказывал на него сильное и плохое влияние. Как ни запрещали Владыкины сыну дружить с Костей, они все равно находили места и причины для встреч. Эта дружба стала сказываться и на его поведении в собрании. Костя прежде всего был старше Павлика на три года. В каждом классе он оставался, как правило, на второй год. Петр Никитович и Луша много молились о своем сыне. Вскоре за недостойное поведение Андреева исключили из школы, и после этого его никто уже не видел. Так Господь избавил Павлушку от плохого влияния.

Много было и детской шалости в поведении Павлушки. Он нередко переставал владеть собой, так что некоторые из верующих, видя его проказы, оставались в недоумении: как может один и тот же мальчик, который только сейчас с таким усердием и явным благоговением служил Богу, одновременно оказываться во власти своего бурного и изобретательного на шалости характера? Самым большим, отрезвляющим его мерилом, однако, был страх Божий. Сознавая свою вину, Павлик был склонен к скорому раскаянию. Родители почти никогда не наказывали его физически.

В свои детские годы Павлик уже был помощником отца в сапожном деле. Отец доверил ему сучить и смолить нитки, вплетать в концы щетину, резать деревянные шпильки, чистить и мыть обувь, разбирать старую, разносить заказы. Все это Павлик выполнял безоговорочно, хотя и не всегда с охотой.

Однажды его послали отнести выполненный заказ больному соседу с условием - не брать с него никакой платы. Павлик отнес и вежливо отдал, а на вопрос об оплате сказал, что родители ничего не назначили. Сосед удивленно посмотрел на посыльного и все-таки, достав кошелек, заплатил ему должное. Искушение, как змея, заползло в детское сердечко. Как Павлик ни боролся с ним, все же, зайдя во двор, он спрятал деньги в дровах. Однако запрятанные деньги не давали мальчику покоя. Да и сколько вкусных вещей можно было накупить на них! Не удержался Павлушка и взял как-то оттуда гривенник, накупил себе ирисок. На следующее утро, как только он проснулся, Луша спросила, чьи это деньги она нашла в дровах? Как плеснул кто из кружки кипятком в лицо Павлика. Он покраснел до ушей и, опустив голову, признался, что утаил их, получив расплату за ремонт обуви от соседа. За столом мать рассказала все пришедшему с базара отцу. В глазах мальчика помутилось от набежавших слез. Отец, однако, молча продолжал кушать, потом через некоторое время спокойно проговорил:

- Что ж, очень плохо. Написано: "Воры Царствия Божия не наследуют".

Комок подкатил к горлу Павлушки, он перестал кушать, вышел из-за стола и со слезами попросил прощения у родителей. Он смог успокоиться лишь после того, как они помолились.

Начальную школу Павлик закончил на отлично. Старушка-учительница любила его за богобоязненность и способность к учебе. Сама она была из богатой купеческой семьи. Кроме того, будучи очень религиозной, часто посещала Владыкиных и любила беседовать с Петром Никитовичем. Провожая Павлика в семилетку, она долго держала его в объятиях. Затем дала в напутствие много наставлений. Вскоре после этого она умерла и была торжественно похоронена ее бывшими учениками.

В 1927 году хозяйка дома решила отдать верующим в аренду весь дом, во второй его половине поселился Петр Никитович Владыкин с семьей. Новоселье их совпало с появлением в семье дочки Даши. Петр Никитович вместе с сыном ходили в роддом, и Павлик с чувством особенной радости почти половину пути нес сестренку, крепко прижимая ее к себе, боясь где-нибудь нечаянно споткнуться.

После памятной миссионерской поездки братья-служители посетили снова все села округи. В нескольких местах они совершили крещение и вечерю Господню - хлебопреломление со всеми ранее крещенными. Многие из групп недавно уверовавших пожелали стать членами городской общины, хотя и проводили собрания у себя по селам, поэтому Н-ская церковь насчитывала около ста человек. Хор общины удвоился за счет новых, прекрасных голосов. Несколько молодых людей, девушек и юношей из молоканской молодежи, выразили большое желание участвовать в хоре, и община дала на это согласие.

Из числа вновь обращенных двое оказались исключительно одаренными певцами. Один из них - милиционер, ранее певчий православного храма, хорошо знал ноты и пел теперь в хоре басом. Второй оригинальной личностью был владелец мастерской по реставрации одежды. Он тоже молился с покаянием, но пьянство свое оставить не мог. В прошлом в православии он приглашаем был в особо торжественные дни в соборе на клирос, где его сильный бархатный баритон заставлял вибрировать ближайшие люстры и паникадила. На празднике жатвы по просьбе присутствующих он исполнил две вещи из православной литургии: "Ныне отпускаешь раба Твоего, Владыка, с миром" и "Иже херувимов". От голоса певца дрожали стекла в окнах. Далее он привел всех в восхищение исполнением одного из братских гимнов: "О отчизна дорогая!" По его словам, он здесь пел не так, как дома, где, выйдя на балкон второго этажа и изрядно подвыпивши, он пел во весь голос; тогда его слышно было по всей базарной площади и за несколько кварталов вокруг.

К великому огорчению верующих, этот незаурядный певец не хотел оставить свой прежний образ жизни. Иногда в базарные дни он, оригинальности ради, устраивал любительские погромы у горшечников, топчась на их хрупкой продукции, сокрушая все под ногами к ужасу окружающих. Однако он тут же успокаивал торговцев,

сполна расплачиваясь за причиненный убыток. После такого дебоша, как полагается, всегда появлялся милиционер. Любезно, без всяких сопротивлений, под руку с милиционером он мирно шествовал в милицию. Почти всегда, уцепившись друг за друга и за самого отца, гуськом сопровождали его всюду четверо его малых детей. В милиции по всей строгости брался за него начальник или заместитель, устыжая его и составляя очередной акт. Заливаясь горючими слезами, старый проказник со всем соглашался и раскаивался. Заканчивалось это обычно тем, что "проказник", сотрясая стекла в здании милиции, старательно исполнял "Иже херувимов" или что другое. Затем его выталкивали за дверь, и тогда с довольным видом, в сопровождении своих всегдашних попутчиков - перепуганных детей, он возвращался домой. Вскоре, после неоднократных безуспешных увещаний, нашего "героя" не стали допускать в хор, и он перестал посещать собрания. Жена его покаялась, приняла крещение, но до смерти мучилась с ним.

Молодые, одаренные благовестники из Москвы все чаще стали посещать Н-скую общину. Из них наиболее памятным остался Макаров Сережа. Он жил в Рязани, но как курсант библейских курсов в Москве бывал гостем и в Н-ской общине. Небольшого роста, постоянно в очках, он привлекал внимание многих к себе простой, мудрой беседой и красноречивыми проповедями.

Однажды Макаров ехал с группой друзей в поезде по делам благовестия. В ближайшем купе завязался отчаянный диспут между одним из братьев и безбожником, который, стоя среди вагона, утверждал, что никакого Бога нет, а если есть, пусть покажут его. Сергей Макаров молча подошел к нему спереди, посмотрел в глаза и, разглядывая, стал обходить кругом. Собеседник, в свою очередь, не отрывая взгляда, проследил за ним и грубо спросил:

- Что ты осматриваешь меня?

- Да смотрю, где у вас совесть, - сказал Макаров.

- Что ж, по-твоему, я бессовестный? - возмутился безбожник.

- Тогда я попрошу вас, покажите нам вашу совесть, - сказал Макаров.

- Брось глупость-то пороть, совесть ведь не рубашка, чтоб ее показать тебе, - вспылил собеседник.

- Если совесть не рубашка, то и Бог не пиджак, чтобы показать вам Его, как вы требуете, - уничтожающе, под рукоплескания пассажиров ответил ему Макаров. Собеседник махнул рукой и постыженный сел на свое место.

Вторым любимым и всеми уважаемым из московских гостей был брат Ванифатий Михайлович Ковальков. Его простые, подкрепленные многими интересными примерами проповеди овладевали сердцами слушателей, в том числе и сердцем Павлика, который особенно полюбил его. Уважаемым он был и в семье Владыкиных. Они совместно с Петром Никитовичем посетили многие села, совершая служение благовестия. Многим в Н-ской общине он преподал водное крещение.

Самым же памятным в жизни Павлика осталась встреча и знакомство с Михаилом Даниловичем Тимошенко. Как-то в церкви была получена телеграмма, что едет М. Д. Тимошенко и просит его встретить. Он хотел побывать на могиле своего отца и попутно посетить местную общину, так как много слышал о ней и ее благословениях.

Собравшись для обсуждения порядка действий, братья пришли в затруднение. Надлежало оповестить всех верующих и по городу, и по ближайшим деревням о приезде гостя и кому-то быть на станции к вечернему поезду, чтобы встретить брата, а времени было, как говорят, в обрез. Догадавшись о проблемах взрослых, Павлушка стал умолять отца, чтобы поручили ему встретить гостя. По рассуждении решено было показать Павлику несколько фотографий брата из журнала и доверить предстоящую встречу. Еле дождался он вечерней поры и все равно пошел на вокзал задолго до прихода поезда.

Подъезд к станции был ярко освещен большим подвесным светильником типа примуса. Извозчики запрудили экипажами и тарантасами всю станционную улицу. Павлушка от сознания своего высокого и ответственного долга не шел, а подпрыгивал, предвкушая радостную встречу. На ходу он обдумывал, как и с какой стороны подойдет к брату, поприветствует его и, может быть, даже расскажет при встрече стишок. Шмыгнув мимо экипажей, он прошел в станционный зал. Помещение было переполнено множеством отъезжающих, провожающих и встречающих.

Павлик помолился и стал обдумывать, где и как ему встать, чтобы в многолюдстве не пропустить гостя. Заключив, что лучше всего для этого подходит выходная дверь, так как все должны проходить через нее, он

занял свой наблюдательный пост. Потянулись томительные минуты, стрелки на часах почти не двигались. Смотритель зала спустил на блоке огромный светильник, залил его керосином, поправил сетку и, накачав воздуха, поднял опять к потолку, затем подмел зал, расталкивая людей. Поезда все не было. Наконец звякнул станционный колокол, извещая о прибытии долгожданного поезда, который тут же с шипеньем и грохотом проехал мимо окон вокзала и замер. Через минуту лавина людей хлынула с перрона в опустевший на короткое время зал и, возбужденная радостью встреч, направилась к выходу.

Павлушка глазами впивался в лицо каждого проходившего мимо него мужчины, но увы, мужчины эти оказывались или худые, или низкие, бледнолицые и светловолосые, но высокого, красивого, широколицего, с темными волосами он не видел. Иногда мальчик дергался к проходящему и даже выбегал вслед на улицу, но блеснувший портсигар обнаруживал его ошибку. Проходили совсем похожие, но с папиросой в зубах. Были и те, что с любопытством спрашивали, кого он ожидает, а он со смущенной улыбкой отвечал: "Не вас!" Толпа проходящих, нахлынувшая, как быстро набежавший поток, также быстро и поредела, а брата Тимошенко все не было. Наконец дверь захлопнулась, и зал почти опустел. Изредка еще проходили из числа опоздавших, но и они были чужие.

"Просмотрел!" - дрогнуло сердце Павлика, и слезы огорчения выступили у него на глазах.

- Кого ты ждешь, мальчик? Все уже прошли, иди домой, - проговорил служащий, проходя через зал. Павлик хотел было что-то ответить, но комок подступил к горлу. Вытирая слезы, он горестно размышлял, как вернется домой не исполнив поручений. Но вдруг чья-то сильная рука открыла дверь с перрона, и в зал шагнул мужчина...

- Вы брат Тимошенко? - подбежав и уцепившись обеими руками за пальто вошедшего, воскликнул Павлушка.

- Я, а чей же ты будешь, братец мой, а почему у тебя под глазами мокро? - поставив саквояж на скамью и слегка наклонясь, спросил мальчика Михаил Данилович.

- Я Владыкин Павел, меня братья и папаня послали вас встречать. А я стоял, стоял, вижу, уже нет никого и так мне было обидно, что просмотрел я вас, а тут вдруг... - Павлушка радостно улыбнулся сквозь еще невысохшие слезы и обеими руками крепко сжал протянутую ему руку брата Тимошенко.

- Да как же ты узнал меня? - спросил его Михаил Данилович.

- Я видел вас по журналам и слышал на кладбище, когда моего братишку хоронили рядом с вашим папой. Здесь проходили некоторые похожие на вас, но они или курят, или худые, белые, не такие, как вы. Ну а когда вы уже вошли, я сразу узнал вас.

- Будете брать экипаж? - прервал их вошедший извозчик, - а то я последний уезжаю.

- Нет, мы рядом живем, - поспешно ответил Павлушка вместо Михаила Даниловича.

Ходьбы было действительно шесть-восемь минут, но за это время Павлик рассказал все-все: и что у них есть большой хороший хор и его, Павлика, недавно из дискантов перевели в альты. Два раза уже собирался струнный оркестр, и он учится играть на мандолине. Летом ездили по деревням с проповедями, и за это время у них были гости из Москвы: Федосеев, Гартвик, Степин, Довгалюк, Ковальков и Сережа Макаров. А в Рязани, когда папа туда ездил по деревням с проповедями, он познакомился с Сергеем Терентьевичем Голевым, тетей Полей Ивленовной, Гаретовым. И еще скоро здесь будет большой-большой праздник жатвы, и он готовит к нему "Моление о чаше". "Вот только не было еще вас, а теперь и вы приехали", - выложил он гостю все, чем была полна его душа.

Гостил брат Тимошенко в Н-ской общине очень мало. Вечером, после продолжительной беседы с братьями, он пошел ночевать к своим родственникам-молоканам. В беседе с братьями Тимошенко много пояснял о церковном устройстве в общинах, о порядке в собраниях, о хоре, о молодежи, рассказал о новостях по всему братству, что в Петрограде, какой переименовали в Ленинград, появились евангельские и Проханов Иван Степанович руководит ими. У баптистов есть серьезные разногласия с ними, но членами их общин пренебрегать нельзя. Рассказал о Власовых, живущих под Москвою, что Надя вышла замуж. На Кавказе брата Канделаки убили разрывными пулями прямо по дороге. Председателем у баптистов Павел Васильевич Павлов. Он имеет право ходить в Кремль, ходатайствовать о своих общинах. А самое неприятное - это появился среди верующих Иванушка Колосков, молится на разных языках и пророчествует. Таких надо остерегаться. Это волки, не щадящие стада. Брат подробно рассказал о сущности их заблуждения.

На следующий день Тимошенко посетил на кладбище могилу своих родственников, а к вечеру на собрание съехалось много гостей из деревень. Богослужение было проведено в великой радости и благословении. Домой в Москву брата проводили рано утром с радостными и большими надеждами на будущее.

Вскоре после отъезда гостя во время воскресного утреннего богослужения в помещение вошли и чинно сели на свободную скамейку три посетителя. Один из них был мужчина, полный, грузный с большим животом, в дорогом костюме, лет тридцати пяти. По обе стороны от него сели молодые женщины, покрытые одинаковыми белыми косынками. Мужчина обратил на себя внимание тем, что, как-то необыкновенно расширив глаза, долго глядел в потолок, шевеля при этом губами, это же самое повторяли и его спутницы. После заключительной проповеди все склонились на колени к общей благоговейной молитве. Внезапно, прерывая одну из молитв, громко закричал нечленораздельными звуками мужчина: "Таф-тафа-ра куми..." Неистово взвизгивая, бормотали ему в такт его спутницы.

Все собрание пришло в недоумение. В нерешительности не знали, что делать, звуки становились громче выше и чаще. У мужчины на губах выступила пена. Ужасом сковало сердца присутствующих. Петр Никитович встал с колен и властно провозгласил всему собранию:

- Братья и сестры, дьявол молится, никто не говорите "Аминь".

Гости немедленно прекратили бормотанье и со всеми вместе встали. Женщины-спутницы кинулись вытирать платками обильный пот с лица мужчины. Тот, побледневший, потрясая руками в воздухе, гневным тоном стал возмущаться тем, что здесь осмелились похулить духа и прервать пророчество.

- Именем Господа Иисуса Христа успокойся ты и дух твой! - властно прервал его Владыкин, и лжепророк, как мешок, рухнул на скамейку.

Прими хвалу, благодаренье,
Сын Божий, за Твою любовь.
За грех наш Ты понес мученье,
За нас пролил святую кровь.

Стройное и громкогласное пение заглушило голоса пытающихся возражать гостей.

После заключительной молитвы и объявлений Петр Никитович немедленно пригласил гостей к себе, и они, пройдя коридор, вошли в комнату Владыкиных. За обеденным столом гости назвались: мужчина - братец Иванушка Колосков, крещенный духом и якобы исполненный многими дарами чудотворения, а обе женщины-пророчицы по повелению духа сопровождают "братца" в его миссии.

Петр Никитович объявил им очень любезно, что теперь они могут свободно изъяснять свое учение и также свободно пророчествовать, а в собрании нарушать ход богослужения нельзя. Женщины потребовали таз с чистой водой и усердно принялись мыть и вытирать ноги своему "братцу Иванушке". После этого, в присутствии всех домашних, они упали на колени и, чередуясь одним за другим, стали повторять то же, что и в собрании, только более сдержанно.

Семья Владыкиных, стоя в стороне, молча и терпеливо наблюдала за всеми их словами и движениями, пока они наконец, мокрые от пота и обессилевшие, не уселись за стол.

Петр Никитович пригласил всех к молитве и коротко просил Господа, чтобы Божья благодать сохранила его и семью его, и церковь от всякого вражьего влияния и исполнила мудрости и Духа Святого в предстоящей беседе и во все дни. Павлик внимательно слушал и наблюдал за всеми действиями "колосковцев", как их тогда называли, и вспоминал беседу брата Тимошенко, что тот своевременно и подробно предупредил их обо всем этом. Сердце мальчика почувствовало, что гости руководятся не Духом Божьим, а бесовскими духами. Видя непривычное поведение обеих женщин со своим "братцем", Павлик решил, что подлинными христианами эти люди быть не могут. Гости пытались подружиться с мальчиком, ласково с ним заговаривая, но он не смог побороть в себе чуждого к ним отношения.

Петр Никитович в спокойной и простой беседе, находя практические примеры из жизни и Библии, привел в замешательство своих собеседников. Обезоруженные, они притихли, продолжая обедать молча. Уверенность в совершенном Иисусом Христом личном спасении и ясных действиях Духа Святого и решительное обличение собеседников в том, что ими руководит чуждый дух, смирил их, и они заторопились с отъездом. Лжепророк и

его попутчицы потеряли интерес к дальнейшей беседе особенно после того, как Петр Никитович объявил им, что в собрании присутствовать они могут, но никакого участия в богослужении принимать не будут. Гости ушли, и никто их после не видел ни в своем городе, ни в окрестности.

Осенью по всему братству баптистов было объявлено, что праздники жатвы принято отмечать в воскресные дни сентября. Братья, собираясь на районных и областных совещаниях, договорились праздновать в разное время с учетом того, чтобы побывать в гостях друг у друга.

Ближайшие соседи Н-ской общины, верующие города Е., отмечали у себя праздник жатвы в середине сентября. По их приглашению половина хора и проповедующие братья Н-ской общины выехали поездом накануне праздника.

Для собраний Е-нцы арендовали большое здание чайной на главной соборной площади. Оно вмещало в себя триста-четыреста человек. Среднее межэтажное перекрытие отсутствовало и лишь только по фасаду, на верхнем этаже, была большая комната, приспособленная для приема гостей. В субботу из окружающих сел и фабричных местечек прибыло много друзей. Вечернее собрание было благословенное и радостное. После собрания далеко за полночь гости знакомились друг с другом, а молодежь проводила совместную спевку, репетировали декламации, развешивали по стенам христианские тексты и украсили несколько столов плодами нового урожая.

Праздник был многолюдный и торжественный. Приехавшие из деревень впервые увидели такое множество собравшихся верующих. Пение хоров было и раздельное, и совместное. В собрании и при последующем за ним общем чаепитии были продекламированы стихи и рассказы. Павлик впервые рассказал "Капитан Бопп" Жуковского, чем растрогал многих слушателей. Закончилось торжество поздно. Все были довольны и благодарны Господу за новые чувства, которыми Бог соединил людей в одну родную семью.

Павел расположился к проповеднику Алексею Григорьевичу, полюбил его за веселое выражение лица, хорошие, громкие проповеди. К сожалению, он плохо понимал их, и сам проповедник остался для него высоким, недоступным. В местечке Е. нашел он и друзей по сердцу, хотя грустно ему было от того, что из детей верующих родителей очень немногие ходили на собрание.

- Кто это? Чей это? Откуда это? - тихо спрашивали друг друга заходящие в собрание, увидев неподвижно сидящего в углу комнаты человека.

Мужчина лет сорока пяти, в домотканой одежде, с босыми ногами, суровым выражением лица и длинными до плеч черными волосами сидел молча, взглядом из-под густых бровей изучая каждого входящего.

В комнату с Библией в руках вошел Петр Никитович Владыкин и, оглядев всех, направился прямо к незнакомцу.

- Здравствуй, Иван Михайлович, - обратился он к нему, - ты зачем сюда пришел?

- Не могу, Петр Никитович, не нахожу покоя, пришел сюда отдохнуть душою, - встрепенувшись, поднялся незнакомец навстречу Петру Никитовичу, замогильным голосом отвечая на его вопрос.

- Да, покой ты найдешь только у Христа, и ты знаешь это. Ну что ж, если будешь сидеть смирно, то сиди, - ответил ему Петр Никитович.

Все собрание незнакомец просидел спокойно, почти без движения, только изредка вздыхая; на молитве вставал, при общем пении заметным становилось его волнение.

Иван Михайлович с ранних лет занимался черной магией и многих удивлял своим колдовством. Он был земляком Луши, т. е. жил в одной из ближайших к Починкам деревень. С Петром Никитовичем они встретились в городе, где Иван Михайлович заговорил зубную боль у проходящего солдата. Увидев это, Владыкин вступил с колдуном в беседу. В ходе разговора тот расположился к Петру Никитовичу и открылся, что сильно страдает душой, нигде не находит покоя. Поэтому, услышав, что в доме Владыкиных собираются верующие, пришел сюда. После собрания Владыкин, узнав, что Ивану Михайловичу негде переночевать, пригласил его к себе, хотя Луша с Павликом поначалу его боялись. Когда же гость, совершенно успокоенный после беседы и ужина, открылся, что здесь он отдыхает душой, то после общей молитвы они легли спать вместе с Павлушкой.

После сна за завтраком гость с радостью признался, что так спокойно проспал всю ночь, как никогда, и просился пожить у Петра Никитовича немного. Петр ничего не имел против, спросил о его самочувствии. Иван Михайлович ответил:

- Петр Никитович, у вас я как дитя, совершенно свободен, потому что чувствую здесь благодать.

Однако на следующий день он начал проявлять беспокойство и стал собираться в дорогу.

- Ты что засобирался, отдыхай-то еще, - предложил ему Петр Никитович.

- Нет, хозяин мой гонит меня отсюда, потому что он здесь бессилен; пойду, - ответил гость.

- Да ты не слушай его, живи у нас, - убеждал Петр Никитович.

- Не могу. Я не в силах. Он гонит меня. Спасибо вам, - с грустью ответил он и вышел за дверь. Через некоторое время Иван Михайлович вернулся и просил Владыкина:

- Я себе сделаю железный крест и болтами прикручу сквозь тело к спине, а ты зарой меня в колодец и оставь только трубу, может быть, избавлюсь от него.

- Нет, Иван Михайлович, только крест Иисуса Христа избавит тебя, и Его кровь омоет и освободит тебя. Покайся в своих грехах и будешь спасен.

- Не могу, хозяин не допускает, - ответил несчастный.

Вскоре он исчез бесследно, и никто из Н-ской общины его больше не видел. Неизмеримо было горе этого погибшего человека. Легче переносить любые физические истязания, нежели душевные непрекращающиеся адские муки и не иметь при этом даже надежды на избавление. Однако действия дьявола и слуг его не распространяются на то, что освящено Богом и посвящено Ему в Его собственность. Вот почему так жизненно важно освящение для всякого христианина. Самое великое счастье - обрести покой в Боге, и путь к этому открыт в покорности Христу. "Придите ко Мне, все труждающиеся и обремененные, и Я успокою вас... и найдете покой душам вашим" (Мат.11:28-29).

Годы учебы в семилетке у Павлика были переломными годами в его духовном развитии. Если до пятого класса он учился, потому что все учатся и так полагается, то с пятого Павел учился с охотой, с возрастающим интересом и жаждой к знаниям. Семилетка имела то преимущество перед остальными школами, что, будучи преобразованной из гимназии, сохранила в себе весь старый преподавательский состав и оборудование. Большие способности Бог дал Павлику в учебе. Все преподаваемое он не учил, а буквально впитывал в себя, причем, без особых напряжений и усилий. У него всегда было много вопросов к преподавателям. К записям в тетрадях он относился с особой страстью, стараясь сделать их красиво. Особенно любил художественно выполнять рисунки по физике, химии, зоологии, ботанике. С особым увлечением Павлик любил рисовать девочкам в альбомы; поэтому у него не было отбоя от них. Он помнил, конечно, при этом, что все это он получил от Бога, поэтому открыто и в собраниях, и дома всегда благодарил Бога за дарованные способности и любил Бога от всего сердца.

В школе Павлик нисколько не стыдился своего христианского звания, тем более, что у большинства учеников родители еще считали себя православными. Но, тем не менее, Павлику пришлось пережить борьбу, из которой он, слава Богу, вышел победителем. Произошло это на уроке пения. Преподаватель приступил к изучению нот, в понимании которых Павел оказался самым способным, так как изучал уже ноты в хоре в своей общине. Вскоре после того перешли к разучиванию народных и революционных песен по нотам. Тут-то и произошло столкновение. Когда преподаватель стал разучивать с классом песню, Павел сказал ему во всеуслышание:

- Я разучивать песню не буду, так как не хочу развлекать дьявола. Если хотите, я могу вам спеть христианский гимн.

Учитель был ошеломлен его ответом. На виду у всех он бледнел и краснел, не зная, как поступить с мальчиком. Затем, после некоторого молчания, отпустил его с урока. На следующий день отец расспросил сына о происшедшем на уроке, ободрил его, но предупредил, чтобы впредь он был благоразумней и объяснялся с преподавателем наедине.

Впоследствии Павлик узнал, что учитель пения был зятем регента их общины и жил с ним в одном доме. Особенно же значительным было Павлику то, что учитель пения в школе был еще и регентом в одной из православных церквей в городе и управлял церковным хором. Так Павел оказался обличителем своего преподавателя, однако тот оставил его в покое и на экзамене поставил ему отличную отметку. После этого случая Павлику пришлось встретиться с более серьезной задачей, с которой бы он не справился, если бы не помог ему Бог.

В числе его альбомных заказчиков была одноклассница, дочь купца, содержащего постоялый двор и чайную для богатых людей. Девочка, скромная в поведении, ласковая в обращении, красивая лицом, была в отношении к Павлику как-то особенно расположена. Она приносила в школу на обед разные лакомства, которые Павел мог видеть только на витринах купеческих магазинов. Всякий раз она делилась принесенным с ним.

Павел встречал многих девочек в собрании, в домах верующих, со многими был хорошо знаком, пел вместе в хору. Но такой глубокой симпатии, которую вызывала в нем купеческая дочь, он еще не испытывал. В ее альбом он вписал не один стишок из сочинений Лермонтова, Пушкина и немного своего. Все это еще более усиливало новое чувство. Павлу хотелось встретиться с ней наедине и сказать много-много такого, чего и сам не знал. Четырнадцатилетний Павлик вдруг повзрослел, притих. В классе это заметили и, к великому ужасу, тайна их сердец, не успевшая выразиться языком, оказалась крупными буквами выведенной на классной доске: "Вера + Павлик".

Павлик обнаружил эту проказу по горячему следу: выходя из класса на перемену, они с Верой оказались почти последними. Закрывая за собой стеклянную дверь, он машинально оглянулся на классную доску. За ней мелькнула косичка с голубым бантиком, а внизу пробежали к окну розовые туфельки. Павлик заподозрил неладное, рванул дверь и вбежал в класс. Классная доска, поворачиваемая вокруг своей оси, была с передней стороны исписана формулами только что окончившегося урока математики. К следующему уроку ее должны были повернуть к классу чистой стороной. Павел нетерпеливо потянул за край доски, поворачивая ее, и обнаружил предательскую надпись. За шкафом у окна кто-то хихикнул тоненьким голоском. Не оглядываясь, Павел отчаянно стирал написанное, но сухая тряпка оказалась непослушной и, к великой его досаде, следы букв упорно не исчезали. Павлик пытался плюнуть на тряпку, но от волнения у него пересохло во рту. Ему удалось стереть только первые две буквы девичьего имени. Хихиканье за шкафом повторилось сильнее. В негодовании он шагнул за шкаф и обнаружил виновника. То была девочка, которой он совсем недавно старательно вписывал в альбом стихи. Она стояла, стараясь спрятать лицо, отвернувшись к окну с опущенными глазами.

- Как тебе не стыдно! - выпалил ей в затылок Павел, сгорая багрянцем.

- Это не я, - ответила проказница, подняв на него смущенные глаза, но увы, запачканные мелом кончик носа на фоне покрасневшего лица и пальцы правой руки выдали ее с поличным. Павел порывисто взял ладонь ее руки и, молча показав ей следы мела, хотел упрекнуть за ложь, но в поднятых ее широко открытых глазах он заметил наворачивающиеся слезы. Кто-нибудь повзрослее безошибочно прочел бы в них объяснение совершенной ею шутки: это была ревность, такая же детская, как любовь, но Павлушка тогда не понял этого.

- Нос-то вытри, смеяться будут! - покровительственно, но уже беззлобно заметил Павел и быстро вышел из класса.

По окончанию учебного года с неожиданной для себя грустью Павлик подумал, что он ведь теперь целое лето не будет встречаться с Верой, а как изменить это, не мог придумать. Свои переживания он открыл школьному товарищу Виктору, и тот немедленно нашел выход: "Иди прямо в чайную; там ты наверняка увидишь ее". Но здесь Павлика ожидала еще большая неприятность.

Оказалось, что школьные дела дошли до родителей Веры. Они как-то встретились на улице с Лушей, и мать Верочки, рассказав Луше об отношениях Павлика с ее дочерью, дала знать Луше, что они совсем не ровня, что их девочка из богатой семьи, а Павлик - из бедной и такого позора они не потерпят.

Считая, что сын не поймет ее, и не зная, как поговорить с ним, Луша воспользовалась приездом из Москвы известного благовестника Николая Георгиевича Федосеева, глубоко уважаемого в их общине. Павлик любил его проповеди, пение и был очень обрадован, когда узнал, что брат Федосеев будет у них весь вечер. Как только Павлик вошел в комнату, Николай Георгиевич сейчас же позвал его к себе, обнял и по обыкновению стал расспрашивать о жизни. Однако Павлик почувствовал в тоне гостя что-то неладное, и это "неладное" кольнуло его сердце еще больнее, чем надпись на доске.

- Павлушка, мне сказали, что ты в школе полюбился с какой-то девочкой, пишешь стихи в альбом, а стихи мирские и девочка мирская, правда это?

Вопрос был таким неожиданным, что Павлик весь онемел. Он почувствовал в своем сердце угрызение совести, стыд и страх от того, что оказался в дружбе с миром. Почему он ввязался в эту дружбу? Вспомнил, как в первый раз вписал какие-то строки в альбом одноклассницы. Потом девочки одна за другою подходили со своими альбомами. Вспомнил также и то чувство, какое он пережил, увидев надпись на классной доске. Наверняка, это уже знает даже Николай Георгиевич и ждет от него ответа. Однако как молния мелькнула другая мысль: "А что же тут дурного?" Сердце вроде ободрилось, навернувшиеся было слезы высохли.

- Да, но ведь я ничего... - внезапно охрипшим голосом ответил Павел, сам не зная, что именно это "ничего" должно было означать.

- Дитя мое, - ласково начал Николай Георгиевич, - а послушай, что говорит Слово Божье: "Не любите мира, ни того, что в мире: кто любит мир, в том нет любви Отчей". Вот когда искуситель подошел к тебе в лице старого учителя пения, ты ему сразу ответил: "Я разучивать мирские песни не буду, так как не хочу развлекать дьявола". Здесь ты победил его. А когда он подошел к тебе в лице красивой девочки с модным бантом, ты те же мирские слова добровольно писал сам. Кого ты развлекаешь ими? Кроме того, ты еще юн, разум твой неокрепший, а девочка неверующая. Неужели ты Иисуса променяешь на нее? А в одном сердце двоих не поместишь. Вот мама твоя говорит, что ты в собрании и молиться перестал, и новых стихов не рассказываешь. А сколько людей в собрании с радостью и удовольствием слушали, как горячо ты рассказываешь стихи и как поешь "Твой город не здесь среди мертвой пустыни". Давай будем молиться, просить прощения у Бога, чтобы Иисус опять был тебе дороже всего.

Слезы брызнули из глаз Павлика, и в сердечной, искренней молитве он признался Господу, что искуситель обманул его, просил прощения и силы побеждать мирское. Свободно вздохнул мальчик после молитвы, и весь этот день провел в радости.

Однако потребовался еще один довод для окончательного согласия Павлика с мнением взрослых. В четверг, в базарный день, Виктор утянул Павлика на базар, а там предложил забежать в богатую чайную. Долго и сильно боролся Павлушка с этим соблазном, но не устоял. Вместе с Виктором они поднялись по лестнице на второй этаж чайной. Зрелище, представившееся Павлику, было потрясающим. Весь зал синел в табачном дыму. На возвышенности музыканты изо всех сил веселили публику. Полуобнаженные женщины кружились по залу с кавалерами в кадрили. Вдруг откуда-то, пробегая между столами, порхая, как бабочка, с рюмками напитков на подносе выбежала под такт музыки девочка в коротеньком голубом платьице. Павлик с товарищем замерли у перил лестницы как вкопанные. "Не любите мира, ни того, что в мире", - промелькнуло где-то в глубине его сознания при виде этого "содомского" зрелища. Когда порхающая бабочка подбежала к ним, Павлик к своему ужасу узнал в ней Веру.

- Вы зачем сюда пришли? Убегайте сейчас же, пока мать не увидела. Мне на днях из-за тебя такую взбучку дали. Скорее убирайтесь отсюда, я прошу вас обоих, - толкая Павлика в грудь, прошипела совсем неузнаваемая Вера.

- Мы-то сюда зашли только один раз, а ты крутишься здесь днями, - находчиво ответил товарищ Павлика.

Глядя в испуганные глаза девочки, Павел вздохнул, затем отвернулся и медленно по скрипучим ступенькам спустился вниз, на улицу.

Оркестр насмешливо провожал их бойкой музыкой, которая не по-детски, больно кольнула сердце Павлушки. Он совсем не ровня. Девочка из богатой семьи, а он - из бедной. Если Павел не постиг этого из слов матери, то сегодня он это понял сам.

Еще раз встретиться с Верой Павлу пришлось впоследствии при совершенно иных обстоятельствах. Нанесенная сердцу обида уже не мучила его. За полтора года, прошедших к тому времени, многое изменилось в городе Н. Огненный шквал разметал много знакомых Павлу семей, с детьми которых проходило его детство. К тому времени Павел уже самостоятельно зарабатывал свой хлеб на строительстве в двадцати километрах от города, помогая матери.

Приехав в родной город, Павел в праздничном костюме шел по улицам и торговым рядам, вглядываясь в знакомые витрины и вывески магазинов и лавок. Но увы, в лучшем случае, они были заколочены досками, а большинство зияло темными проемами беспорядочно распахнутых окон и дверей. Павел вспомнил, что все частные заведения были закрыты, а купцов, как было слышно по городу, увезли на "Соловки". Вспомнилась Вера: что с ней? Не боль, а скорее любопытство тревожило юношу. Павел прошел в сквер и сел на скамью, спиною к бывшей чайной. В числе редких прохожих в сторону сквера свернула девушка и торопливо пошла по тропинке. Лицо ее казалось озабоченным. Нестиранное, залатанное платье, босые ноги и бутылка, как видно, постного масла в руках - все говорило о ее крайней бедности. Когда девушка поравнялась с Павлом, он, внимательно всмотревшись в лицо ее, неожиданно для себя вполголоса проговорил:

- Неужели Вера?

Услышав свое имя, девушка умерила шаг и вопросительно подняла глаза:

- Павел? - воскликнула она.

Минута нерешительности. Перед ней сидел красивый, одетый в хороший костюм тот самый Павел из бедной семьи, который более года назад был простым мальчишкой в неглаженной косоворотке, которого она прогнала из чайной.

- Садись рядом... ты что так смотришь на меня? Что случилось с тобой? Куда ты так торопишься? - ухватив Веру за руку и сажая ее рядом с собой, выпалил Павел обескураженной девушке.

Смущенно, но настойчиво она высвободила свою руку из его ладоней. После долгого молчания, вытерев глаза кончиком старенького платка, не поднимая глаз, она стала объяснять:

- Еще в прошлом году приехала ночью какая-то машина, отца с матерью, братишек и сестренку посадили в нее, и я до сих пор ничего не знаю о них. Я гостила в тот день у своей дальней родственницы, когда к нам прибежали и рассказали об этом горе. Тетя кинулась к нашему дому, но он был закрыт. А впоследствии все из него вывезли, ни одной тряпочки я не взяла. Целый год не показывалась я на улице, и об отце с матерью боюсь до сих пор кого-либо спросить.

Живу у тети, нищенствуем. Я стираю белье и живем тем, что подадут. Тетя больная и все время ругается со мной. Бываем иногда сыты, а когда и голодные ложимся спать. На работу нигде не принимают.

Полными слез глазами Вера взглянула на Павла. Впервые за все это время встретилась она с человеком, которому могла поведать свое горе.

Павел вспомнил слова одного проповедника: "Горе вам, богатые! ибо вы уже получили свое утешение" (Лук.6:24). И "не собирайте себе сокровища на земле" (Мат.6:19). Невыразимой жалостью к Вере наполнилось его сердце. Ему так хотелось помочь ей, но кроме глубокого сочувствия и двух найденных в кармане рублей, чтобы она хоть досыта покушала, он ничего для нее сделать не мог.

Впоследствии Павел работал на заводе, куда он хотел попытаться устроить и Веру, но из этого ничего не получилось, так как с тех пор он ее нигде не встречал. Куда жизненный водоворот бросил ее - знает один Бог.

В развитии личности Павлика большую роль сыграла его любовь к книгам, а доступ к ним он получил совершенно неожиданно.

Однажды вечером, проходя вместе с товарищем по главной улице города, они через окно заметили ярко освещенную комнату публичной библиотеки. Такое множество книг на стендах и стеллажах Павел увидел впервые. К книгам оба были неравнодушны и, недолго думая, зашли в читальный зал. Их внимание привлек застекленный шкаф с ценными книгами в золотой отделке. Павел был так увлечен созерцанием книг, что не заметил, как к ним подошла бойкая девушка и спросила, не желают ли они помочь в регистрации книг. Ребята охотно согласились, более того, почувствовали себя счастливыми, когда их допустили к стопам новых, пахнущих типографской краской, книг. В конце вечера они встретились с заведующим библиотекой. Они взаимно понравились друг другу, и юные книголюбы согласились приходить помогать каждый вечер. Через неделю им присвоили звание "друга книг" и тем открыли доступ в самое сердце библиотеки - техническую комнату.

Вскоре после того им пришлось по-настоящему заниматься учетом движения книг всей библиотеки, а значит, приблизиться ко всем библиотечным сокровищам. Добросовестными и неутомимыми занятиями с книгами Павлик приобрел расположение заведующего, обеих сотрудниц и замечательного дедушки Никиты.

Дедушка Никита, работавший когда-то конструктором на заводе, относился к старой интеллигенции, а теперь, на склоне лет, был постоянным посетителем и добрым другом как читателей, так и сотрудников библиотеки.

С тех пор Павел начал просто поглощать книги одну за другой, предпочитая рекомендованные дедушкой Никитой. Дома вначале были рады, что Павлушка перестал пропадать на улице и часами сидел с книгой в руках. Однако вскоре Луша стала беспокоиться за сына, так как он просиживал за книгами до глубокой ночи. Но такого порыва, казалось, остановить уже ничто не могло.

Четырнадцать лет было Павлу, когда он со всею страстью предался чтению книг. Это помогло ему с отличием кончить семилетку (в двадцатых годах это было среднее образование), значительно продвинуться в общем развитии, а впоследствии на протяжении всей жизни, как в работе, так и в деле Божьем это сыграло немалую роль. Как-то Павел спросил Николая Георгиевича, как ему быть с книгами. Брат ответил:

- Кому-нибудь другому я бы не сказал так, а тебе скажу: "Все испытывай, хорошего держись".

Горячая, нелицемерная любовь к Богу и искренняя вера в Него помогли Павлику во множестве прочитанных книг находить драгоценные жемчужины истины. Литература помогла ему сформироваться как человеку, а Евангелие Иисуса Христа определило лицо подлинного христианина и сделалось для него мерилом во всяком познании жизни. Отец не раз намеревался забрать сына из школы и сделать помощником в своем сапожном деле, но Луша разумно возражала мужу:

- Петя, не в нашем, а в своем веке будет жить малый. Если Бог дает ему способности и разум - не мешай, пусть учится.

Глава 6

1927 год был особенно благословенным в жизни Н-ской общины. При арендованном ею доме, переоборудованном из чайной в молитвенный, имелся обширный двор, рассчитанный на несколько подвод. Он долгое время пустовал и зарос травою.

По милости Божьей церковь на этом месте получила желанный уют и простор. Вскоре помещение дома молитвы уже не могло вмещать всех желающих слушать проповедь и пение, и поэтому в теплые дни богослужения проводились при широко открытых дверях и окнах. Улица была довольно оживленная. Купеческие кареты и фаэтоны извозчиков, тарантасы и крестьянские телеги то и дело сновали к станции и обратно, а в дни отдыха толпы людей с пригородов и деревень вереницей тянулись по ней на базар. В праздничные же дни прилегающие к молитвенному дому улица и переулок были буквально запружены слушателями всякого рода. В основном это были простые крестьяне и рабочие. После того, как хор научился стройно и громко петь, пение гимнов было слышно и на соседних улицах.

Кажется, никто не помышлял о надвигающемся грозном времени преследований Церкви Божьей. Верующие радовались безграничным возможностям свободно свидетельствовать о Христе и старались максимально использовать каждый свободный вечер. Почти вся неделя была распределена занятиями. В воскресенье с утра до вечера дом не пустовал: всегда несколько подвод деревенских верующих стояло во дворе. Собрания проходили торжественно. Проповеди гостей, декламации, пение хора привлекали большое внимание посетителей. Как правило, после собрания не сразу расходились по домам. Там и сям проходили оживленные беседы с гостями, часто заканчивающиеся покаяниями. В иной группе разучивали новый гимн. Гости рассказывали о своей жизни по местам. Сестры-повара готовили трапезу для приезжих. На лужайке раздавались звуки христианского веселья молодежи. Все жило и дышало радостью. Расходились уже поздно вечером с пением. Мелодии христианских гимнов далеко были слышны на притихших, тускло освещенных улицах города.

Богослужение утром воскресного дня, а также в четверг вечером всегда имело призывной характер. По вторникам проводились занятия с хором, в пятницу вечером собрание посвящалось изучению Слова Божьего - Библии. Вечер в понедельник был занят обсуждением разных нужд церкви. В жизни общины высоко ценилось чувство гостеприимства. В воскресенье, между утренним и вечерним собраниями, верующие приглашали друг друга в гости, поэтому дух братолюбия украшал, церковь как венец.

Правда, к великой печали, были в общине и такие христиане, которые приносили больше скорби, нежели радости. К числу таковых относились сестра Зоя и ее мать-старушка. Хотя они и являлись одними из первых членов Н-ской общины, однако в характере своем имели много плотского, нехристианского. Их отличали своеволие, непримиримость, упрямство, бесчинство по отношению к служителям, гордость ума. Такой умерла старица, такой впоследствии оставалась и ее дочь, достигнув глубокой старости, ставшая чужой для всех. Бывали случаи, когда в разгар самого благословенного общения сестра Зоя высказывала либо укор, либо неуместное свое мнение, свое заключение, и тенью печали покрывалось тогда все общение. Но благодарение Господу, Христос воскрес, и сила воскресения живет в Церкви и побеждает все. Побеждала она и в жизни Н-ской общины.

Одним из ярких, оставшихся в памяти событий был праздник жатвы 1927 года. Праздник было намечено провести в воскресенье после уборки урожая с полей и садов. Письменные приглашения рассылались верующим окружающих деревень. Особое приглашение было членам общины, которые выехали в другие города. За несколько дней до воскресенья на членском собрании были распределены обязанности и дежурства. К празднику пожелали присоединиться городские молоканские семьи, а также молокане ближайших поселков. Одна из семей

привезла великолепную фисгармонию, на которой их старший сын был хорошим исполнителем. Стены и потолок искусно украсили самыми прекрасными плодами садов, лесов, полей и огородов. Было привезено много столов, скамеек; взято напрокат несколько больших, вместительных самоваров. Господь благословил эти дни и погодой: была пора чудной, золотой, теплой осени. В пятницу, накануне праздника, было молитвенное собрание с проверкой готовности. Все оказалось превосходно.

Первые гости стали подъезжать в субботу после обеда. Одна за другой, более десятка подвод плотно разместились на дворе при молитвенном доме. Остальные были помещены поблизости, во дворах у молокан. В числе первых гостей был брат Никанор - старец лет восьмидесяти. С котомкой на спине, в новых холщовых штанах и такой же косоворотке, в праздничных лаптях и белоснежных обмотках он вошел во двор, снял картуз и громко поприветствовал расположившихся гостей:

- Мир вам, братья! И я к вам.

Старичок прибыл из самой далекой деревни, пройдя пешком более сорока верст. Увязалась было за ним его старушка, немного моложе его, но из-за всяких опасностей согласилась остаться дома при условии, если дед расскажет "все как есть" и привезет приветы и гостинцы. Тепло и сердечно обняли братья деда Никанора и после того, как он снял котомку со спины и сложил ее с батожком на крыльце, прямо на дворе преклонили колени и со слезами радости благодарили Господа. После молитвы все обратили внимание, что котомка у деда зашевелилась. Когда ее открыли, там оказалась живая индюшка и огромный огурец. Это был подарок деда к празднику жатвы.

Поздно в сумерках, когда уже все стало стихать, а гости из деревень укладывались спать прямо на сене на подводах, издали вдруг послышалось красивое знакомое пение звонких голосов. Пение приближалось, и вот уже все ясно слышали:

Некогда чужие, мы теперь друзья,
Близкими мы стали кровию Христа.

Все, кто был во дворе, выбежали за ворота и смешались с приехавшей поездом группой христианской молодежи. Песню заканчивали вместе:

Громко пойте аллилуйя,
Бог нас спас и оправдал,
Наши имена навеки
В книгу жизни записал.

После песни в наступившей на мгновение тишине кто-то вдруг негромко, но восторженно, сердечно и внятно проговорил: "Какая благодать!" Все расступились, чтобы увидеть говорившего. Опираясь обеими руками на батожок, стоял в центре внимания с непокрытой головой и слезами радости на глазах дедушка Никанор. Когда первый порыв восторга и радости утих, он среди водворившейся тишины добавил:

- Имеет ли какой другой народ такую любовь, какую дал нам Отец, чтобы нам называться и быть детьми Божьими?

Вновь приехавшие гости разместились на лавках прямо в молитвенном доме, и долго еще за полночь были слышны их негромкие радостные голоса. Всю ночь прибывали гости с разных мест. Входя в дом, укладывались, где кто находил место. Проснувшись утром, приехавшие вечером увидели, что пройти к выходу из дома стало едва возможным.

Утренний колокольный звон по всему городу возвестил начало воскресного дня и разбудил всех гостей. Едва успели привести в порядок дом молитвы, как празднично одетые со всех сторон стали сходиться на торжество люди. К всеобщему ликованию, из Рязани прибыл брат Гаретов с группой верующих; из Москвы - Ковальков В.М. и Степин. Ожидалась еще большая группа гостей из соседнего города с хором, а дом был уже полон. За несколько минут до начала торжества, когда все уже было расставлено и присутствующие, нетерпеливо поглядывая в окна, приготовились пропеть в ожидании хора несколько гимнов, кто-то вдруг крикнул:

- Идут!

Из-за углового дома показались ожидаемые гости.

"Отраду небесную для сердец нам послал Отец", - ясно послышалось через распахнутые окна приближающееся родное пение. Вставши, с сияющими лицами присоединилось к пению пришедших гостей все собрание словами припева:

"Всем привет! Всем привет! Братьям, сестрам всем привет!" Чей-то многим уже знакомый голос в перерыве между куплетами сказал в изумлении: "Вот это да-а!" И затем все слилось в общий восторг. Особенно потрясены были присутствовавшие на таком празднике в первый раз. Торжество началось пением гимна: "Дорогие минуты нам Бог даровал". Краткие, волнующие молитвы вызывали слезы радости у присутствующих. Одна из них была так проста, но так понятна: "Господи! Да что же это такое?"

Короткие, яркие проповеди гостей сменялись стройным пением хоров из трех мест. Выразительные декламации, сольное и групповое пение в сопровождении фисгармонии приводили слушающих в неописуемый восторг. В довершение всего была чудесная игра скрипки с флейтой, исполнивших "Чудное озеро Геннисаретское". Четыре часа пролетели как мгновение. Так могло бы продолжаться и далее, но вот, раздвигая слушателей, к столу прошел молодой человек и, упав на колени, в сильных рыданиях стал раскаиваться. Это был известный в округе бандит Арсентий. Вдвоем с товарищем шли они случайно мимо молитвенного дома и, услышав красивое пение, остановились. Затем Слово Божье коснулось его, и он немедленно решил стать христианином. После него покаялось еще несколько человек. Кроме обращенных молились многие участники праздника, и все благодарили Бога за великое богатство благодати. По окончанию общей молитвы верующие с ликующими сердцами приветствовали раскаявшихся. Арсентий сразу оказался в кругу молодежи.

Улица была заполнена слушающими. Когда первая часть праздника пришла к концу, объявили перерыв для установки столов к общему обеду. Ответственные за приготовление остались в доме, а во дворе начались оживленные беседы христиан со слушателями, из которых большая часть видели верующих впервые, узнали правду о христианах. Многие из неверующих откровенно признавались, что о баптистах слышали только грязное и страшное. Кто-то слышал, что это развратники, другим говорили, что там одни старики и старухи и те полоумные, третьих пугали тем, что баптисты детей сжигают в огне; некоторые же слышали, что это вообще не люди, а какие-то чудовища и многое другое.

Сегодня же все присутствующие пришли в изумление, увидев множество ликующей молодежи, детишек со своими родителями, услышав красивое пение, а главное, простую братскую любовь между собой и к ним, незнакомым людям. Для многих это был совершенно новый, неземной красоты неведомый мир простых, обычных как и все людей, но людей, соединенных необыкновенным родством. А ведь весь секрет заключается в личности Иисуса Христа. Христа, не нарисованного кистью художника, не вытканного золотом на дорогой ткани, не вылитого из драгоценного металла. Христа - не иконы за тусклой лампадой, но Христа живого, воскресшего. Христа, живущего со Своим народом, с живой Церковью, прославляющей Его за великое, вечное искупление. "Но почему мы не знали о вас, какие вы есть, раньше?" - так многие из присутствующих спрашивали христиан.

Затем беседа была прервана объявлением, что всех дорогих гостей приглашают за столы. Два раза приглашать не пришлось, так как время было за полдень. Почти половина гостей сидели за столами, поставленными во дворе из-за недостатка места в доме, поэтому дальнейшее празднование разделилось на две группы. Лишь участвовавшие в служении проповедью или в чем-то ином, особо выдающемся, подходили к окну, открывающемуся во двор.

Во второй части праздника был дан полный простор всякому участию. В особое умиление всех привела сестра Люба из соседнего города. Под собственный чудный аккомпанемент на гитаре она серебристым сопрано исполнила в память молодой христианской солистки, умершей в с. Пески, песню: "Умолкли аккорды, порвалися струны, и звуков уж тех не слыхать...". После нее один за другим пели и декламировали стихи деревенские братья и сестры, вызывая общую радость всех присутствующих.

- Братья и сестры, - начал речь гость с хутора, рядом с которым встали его жена и три сестры, - мы, конечно, не можем порадовать вас пением или музыкой. Для музыки руки корявы, поем по-деревенски, А вот что могем, то могем: Бог наделил нас в этом году худобой и всяким другим добром. Вот мы и привезли на праздник жатвы из сусеков наших несколько мешков хлеба да крупицы. Сестры наткали холста и дерюги. От пчелок в подарок

кадушка меда. Раздайте Христа ради нуждающимся, как Бог велит. За ним вышел наперед пожилой брат с супругой:

- Ну а мы еще бедней старики да старушки, ткать у нас некому. Поэтому привезли яблок. Яблочки сами снимали одно к одному. А сестры положили кошелку яиц да несколько мешков кудели - доброе полотно будет. Христа ради примите от нас.

Так гости из деревенских общинок, братья и сестры, один за другим выступали с короткими обращениями, полными возами дополняя всеобщий восторг. Эта часть служения была настолько потрясающей, что из числа неверующих гостей встал мужчина и со слезами на глазах, путаясь в словах, заявил:

- Да, действительно. Я прожил свою жизнь бесцельно, бездумно. Сегодня я увидел и услышал то, чего сроду не встречал, но без чего жить нельзя. Я увидел настоящую любовь между людьми...

Недоговорив, он упал на колени в раскаянии. Молился он очень кратко, прижимая руки к груди: "Боже мой, Боже мой! Буди мне грешному!" За ним стали раскаиваться пред Богом и другие, и все собрание в доме и на улице огласилось молитвами. В слезах сокрушения молились и некоторые верующие, прожившие жизнь бесплодно.

Никто не заметил, как село солнце и начали сгущаться сумерки. Многие из приехавших с родителями детишек заснули на возах с сеном, на кроватях в жилых комнатах, у взрослых на коленях, а расходиться никому не хотелось. Когда же наконец дальние гости напомнили о своем отъезде, все встрепенулись, и после краткой заключительной проповеди и молитвы сердечно с ними попрощались. Остающимся было объявлено, что весь следующий день праздник будет продолжаться. Располагающим временем предложили оставаться праздновать до конца.

Отъезжающих гостей пошли провожать на станцию с пением. Пели, пока ожидали поезд, пели, когда гости садились в вагон, с пением провожавшие возвратились в дом молитвы. Не разъехались по домам гости из деревень и ближних городов. Оставшихся пригласили со двора в помещение, и дом опять был полон народа. Неутомимая молодежь своим служением много еще радовала сердца присутствующих, и только далеко за полночь, после горячей благодарственной молитвы, местные стали расходиться по домам, а гости располагаться на ночлег. Долго еще продолжался гул голосов разговаривающих, потом он стал переходить в шепот и наконец стих совсем. Спокойным был сон народа Божьего, напоенного благодатью.

Наутро все пробудились еще под впечатлением предыдущего дня, и перед общей молитвой брат прочитал соответствующее место: "Когда я пробуждаюсь, я все еще с Тобою" (Пс.138:18). Брат отметил, что душа жаждет присутствия Божьего, и это общение со святыми на земле во имя Господа драгоценно. Это Фавор наших дней. Но увы, оно сравнительно коротко, подобно кратким мгновениям общения Петра, Иоанна и Иакова с преображенным Христом.

Утреннее собрание, несмотря на значительно меньшее количество гостей, явилось продолжением "Фавора". Вспоминая прочитанный утром текст, присутствующие вновь почувствовали смысл слов: "Пробуждаясь, я все еще с Тобою". Таким же стройным было пение в сопровождении фисгармонии; декламации и струнный оркестр - все славило Господа.

Перерыв на обед был короче, так как сестры-хозяйки вполне освоились со своими обязанностями. Трапеза любви началась уже без обычных неловкостей, просто и естественно, как в семье. Очень многое вспоминалось из жизни братства. Большое внимание привлекло повествование Арсентия о своем ужасном прошлом. За ночь он выучил наизусть повесть об обращении одного разбойника, рассказал ее со слезами, затем, к удивлению всех, изложил целую вдохновенную проповедь.

Много простых, но мудрых примеров привели деревенские братья в проповедях и рассказах. Однако самым волнующим было выступление деда Никанора после того, как он прочитал текст из Библии: "Спасай взятых на смерть, и неужели откажешься от обреченных на убиение?" (Прит.24:11).

- Это было двенадцать лет назад, мы тогда впервые услышали Слово Божье от пленного австрияка. Он нас и окрестил обоих со старушкой моей. Верующих было мало в округе, и мы верст за двадцать ходили, чтобы повидаться со своими. Да и то тайком от сельчан, а особенно от попа да урядника. После войны пленным разрешили вернуться на родину. На прощание меня братец благословил вот этим самым словом: "Спасай взятых на смерть". Вот я как-то шел, а сам размышлял: и к чему бы мне это было сказано? Да так и не заметил, как подошел к маленькой деревушке Починки нашего же Раменского прихода. Вдруг слышу из крайней избы

раздается такой страшный бабий вопль, вроде как над умершим. Я у избы остановился, сенки были открыты, и меня какая-то сила толкнула в избу. Возле порога стоял в нерешительности парень, который держал в руках крышку гробика. Под образами, наклонившись над ребенком, голосила старая женщина. Мурашки от ужаса прошли по моему телу: я увидел детский скелет, обтянутый почерневшей кожей. В яминах глаза были открыты и не моргали, рот полуоткрыт. Когда я прикоснулся к женщине, она как бы очнулась, на минуту притихла, глотая слезы. Но потом с новой силой стала голосить и рассказывать, что вот уже год, как она мучается с парнем, что он уже весь высох, а утром перестал дышать, видно, помер. Я растерялся и стоял в нерешительности, но вдруг ясно услышал: "Спасай взятых на смерть". Поднял я с пола рыдающую женщину и приказал ей немедленно запрягать подводу.

В ту пору Бог наделил меня способностью лечить людей от разных хворей травами и кореньями. С верою и молитвою, со страхом Божьим мы со своей старушкой служим деревенскому люду. Сердцем я чувствовал, что ребенок еще жив и Бог может поднять его. Всю дорогу я говорил женщине про Бога, а она так смиренно все крестилась да слушала. Потом дал я ей лекарства, помолились да проводил ее. Так она, касатка, бутылки-то к груди прижала, как ребенка, а сама все крестится да крестится, видать, набожная была. Потом-то уж плохо я помню, но как будто приезжала она. Однако чего мне не забыть, когда я ее с молитвой-то проводил и она-то повеселела, с моей души как сто пудов свалилось. Я еще подумал: к чему бы все это? Но когда проводил и поглядел ей вслед, на сердце все те же слова, как шепчет кто: "Спасай взятых на смерть". После я проходил мимо их избы не раз, будто и мальчишка какой-то вился, да ведь разве их мало по деревне. Как-то даже хотел зайти понаведаться, да в щеколде все тычинка торчала. Вдова она была, дома-то сидеть было не для кого.

Едва дед Никанор закончил свой рассказ, к нему, вытирая кулаками слезы, из хора выбежал Павлушка и сквозь рыдания успел только проговорить:

- Дедушка! Ведь это я был, а вот и бабушка моя сидит перед тобой, она уже тоже крещенная.

На мгновение все замерли, но вот бабушка Катерина с молитвенным воплем упала на колени. Многие в собрании плакали вместе с ней слезами радости. Опираясь на батожок, стоял среди рыдающих дед Никанор. Долго с удивлением смотрел он то на Катерину, то на Павлика, стекали и из его глаз слезы и пропадали в глубоких складках морщинистого старческого лица. Когда после долгой, благодарственной молитвы все утихли и сели, он тихо пошел к своему месту, а на ходу, кивая головой, повторял:

- То-то ж оно и сказано: "Спасай взятых на смерть".

С того момента Павлушка не отходил от деда и решил даже спать ночью рядом с ним. Рассказ деда Никанора переменил саму тему праздника: все проповеди, стихи и пение продолжались на тему спасения грешников.

Давно уже остыли самовары, давно притихла суета с едой, за окном надвигались вторые сумерки, а расходиться не хотелось, пока брат Гаретов не напомнил, что и им пора собираться на поезд. Все встрепенулись, а кто-то крикнул:

- Со стен-то еще ничего не снято.

Тут последовала команда: "Снять плоды со стен и потолка!" Молодежь с радостью быстро и аккуратно исполнила это поручение. Затем Петр Никитович поручил хозяйственницам-сестрам все раздать на гостинцы отъезжающим. Без излишней суеты, с любовью все раздавалось гостям. Павлик разыскал котомку деда Никанора, а сестры положили в нее всяких продуктов, чего у него в доме не могло быть. Сверх того откуда-то появился для старушки праздничный темный сарафан, а деду положили плисовые штаны. Когда Павел с сестрами преподнесли деду переполненную котомку, он сильно отнекивался, но увидев, что гостинцы раздают всем, взял котомку из рук и горячо благодарил Бога за Его любовь и братолюбие верующих. После его молитвы все почему-то посмотрели на него, ожидая еще каких-нибудь слов, но он от волнения не смог собраться с мыслями и лишь сказал кратко:

- Вот как оно получилось у меня: а кадысь, на прошлом празднике кто-то рассказал, как из Рязанской глуши старичок попал в гости к московским братьям да все собрание проохал, что "не даром". Так получается и у меня - не даром!

Гулом восторга ответили деду за его находчивость.

Долго и крепко обнимались гости на прощание, затем, выйдя на улицу, запели: "Бог с тобой, доколе свидимся". В вечерней мгле уже расплылись силуэты удаляющихся гостей и превратились в белые, розовые,

голубенькие пятнышки, а в воздухе все еще звучало: "На Христа взирая, всем любовь являя, Бог с тобой доколе свидимся!"

Постепенно пение переключилось на знакомую родную мелодию, разобрать из которой можно было лишь одно: "У ног Христа, у ног Христа".

Оставшиеся заметно приутихли, было ощущение, будто кто вынул из горящего костра несколько головешек. Только теперь почувствовали, как утомились физически, и потому решили отправиться на ночлег пораньше. Все согласились закончить весь благословенный праздник хвалебной молитвой и пением. Так и поступили.

Расходились после молитвы медленно и неохотно. У многих на уме и на устах было одно: будет ли еще когда-нибудь такое простое, сердечное торжество любви в жизни или минувшее останется только в сладком воспоминании? Кто-то, стоя у раскрытого окна, подметил, кивая вслед ушедших гостей:

- Последнее, что мы от них ясно расслышали - это "У ног Христа, у ног Христа". Для многих, видно, оно так и будет.

На следующий день деревенские гости встали рано. В их числе был и дед Никанор. Он очень осторожно поднялся, чтобы не разбудить своего нового, верного друга, однако Павлик проснулся и, не взирая ни на какие уговоры, стал собираться вместе с ним.

- Куда же ты засобирался? - останавливал Павлика дед Никанор, - и охота тебе утренний сон перебивать?

- Дедушка, я провожу вас за речку, - тоном, не допускающим возражений, ответил ему Павлик.

Помолившись и забросив за спину дедушкину котомку, они вышли в утренний туман. Поначалу оба шли молча, потом дед Никанор попросил Павлика рассказать, как Господь избавил его от смерти. Тот передал ему то, что слышал из рассказов бабушки и что помнил сам. Так они незаметно перешли мост через реку и остановились на другом ее берегу. На фоне загорающегося неба поднялись и исчезли последние клочья тумана над землей. Они стояли, сжимая друг другу на прощание руку, и не торопились расстаться.

- Скажи мне, дедушка, на прощание самое дорогое пожелание, - волнуясь, тихо проговорил Павлик. Минуту подумав, дед ответил:

- Я скажу тебе то, что пережил я, чем начал и должен жить ты: "Спасай обреченных на смерть!"

Лучи восходящего солнца озарили счастливые лица обоих: старого проповедника, уходящего в свой путь, и молодого, за спиной у которого лежал просыпающийся город. Наконец дед, опираясь на батожок, стал медленно удаляться от Павлушки. И кто мог знать, что на этом именно месте простой деревенский проповедник, некогда спасший жизнь незнакомому мальчику, не зная того и сам, передал благословение благовестника юной возрожденной душе.

Павлик долго еще стоял на тропе без движения, пока клочья тумана, поднявшись откуда-то из лощины, не скрыли деда от его взора. Вдруг ему послышалось: "У ног Христа, у ног Христа!" Павлик быстро оглянулся, но кругом никого не было. Глубоко вздохнув, он зашагал по мосту обратно в город.

Глава 7

Наступивший 1928 год начался также радостно, как и прошедшие последние годы, но к концу весны среди народа появилась какая-то быстро усиливающаяся тревога. Первой причиной тому было то, что как-то сразу прекратился колокольный звон почти по всему городу. Звонили лишь в нескольких церквах. Потом закрылись некоторые лавки и пекарни. Хлеб стали возить по улицам в запряженных лошадьми синих будках с крупными буквами: "ЦЕРАБКОП". Вначале хлеб продавался свободно, потом появились очереди. К концу года объявили, что хлеб вскоре вообще не будет развозиться, а будет продаваться по карточкам. Слух вначале сильно взволновал людей, но, так как все пока оставалось по-прежнему, люди стали успокаиваться. Однако в начале 1929 года действительно были розданы карточки, и все продукты стали продаваться по ним.

В семье Владыкиных произошла существенная перемена. Хозяйка дома вдруг стала придираться к Петру Никитовичу и предложила им искать другую квартиру. Братья посоветовали Владыкиным найти жилье в полуразрушенных после революции строениях, сделать посильный ремонт и жить. После тщательных поисков нашелся дом в самом центре, принадлежавший в прошлом монастырю, закрытому новой властью. Необходимо было лишь найти компаньона, так как одному было непосильно его отремонтировать. Такой человек нашелся из дальнего родства Владыкиных. При рассуждении опытные братья заметили Петру Никитовичу:

- Брат дорогой, опасное содружество у тебя с неверующим. Человек он чужой, а написано: "Какое соучастие верного с неверным". Не обманись, тяжко, может быть, придется впоследствии.

Однако родственник заверил Петра Никитовича, что все будет по согласию, что он на многое претендовать не будет, всего лишь на одну комнату для жены и ребенка. Причем он дает на ремонт сразу же изрядную сумму денег.

То ли непослушание проявил Петр Никитович Духу Божьему, то ли суждено было тому быть, но после внутренней борьбы он решился на соучастие и, помолившись, приступил к ремонту. В ремонте много помогли братья плотники. Петр с Лушей приложили все усилия и уже к лету 1929 года они вселились в свой дом. Молитвенные собрания продолжались в прежнем помещении, однако церковь сильно ощутила перемену, и многие верно подумали, что на этом не остановится. Верующие почувствовали себя нежеланными квартирантами. Приходящим на собрание с детьми, гостям и особенно молодежи негде было приютиться. Проходя мимо второй половины, занимаемой в прошлом Владыкиными, они с грустью поглядывали на теперь уже чужие окна и двор. Праздник жатвы отмечали очень скромно. В городе также происходили большие перемены.

Под конец лета на виду у огромной толпы стали сбрасывать с церквей колокола. Часто они разбивались о мостовую. Тогда в толпе проносился глухой гул. Кто-то проклинал погромщиков, а кто-то во всеуслышание заявлял:

- Наконец добрались до длинногривых, давно пора!

За короткое время облик города резко изменился. Монастыри передавались на жилье и заселялись людьми. С иконостасов сдирали позолоченные и серебряные ризницы и куда-то все увозили. Многие храмы переоборудовались под склады, мастерские, учреждения. Один за другим закрывались частные магазины, лавки, мастерские и фабрики. Вскоре закрылись и торговые ряды, хотя толкучка кишела народом по-прежнему.

Осенью Петр Никитович обыкновенно заготовлял для семьи на зиму все необходимое: топливо, продукты, обувь, одежду, а с первым снегом, помолившись, прощался с ней и церковью, на три-четыре месяца уезжая по далеким общинам с целью благовестия Евангелия. Последний раз Владыкин совершил миссионерскую поездку с братом Арсентием. Духовно молодой брат вначале возрастал на радость верующим и во славу Божью, но все чаще его стали окружать сватушки да вдовушки. Братья не пресекли этого своевременно, не придали тому особого значения. Для молодого же брата, желавшего видеть во всем чистоту и святость, это было неожиданно и пагубно. Так вот и засватали "сватушки" брата и ожесточилось его сердце. Открыв все Петру Никитовичу, Арсентий покинул общину навсегда. После того Петр Никитович собирал пожилых сестер и строго обличал их за пагубное сватовство, но Арсентия вернуть не удалось.

Дочурка Владыкиных довольно скоро окрепла, шепелявила первые словечки и, как говорят, сошла с рук, то есть ковыляла своими ножками, доставляя радость семье.

В зиму 1929 года Петру Никитовичу выехать на служение не пришлось, осенью на него неожиданно не выдали продовольственной карточки. Это сразу стало ощутимо в семье, так как кроме кооперации купить продукты было негде. А на базаре все стоило неимоверно дорого. Выяснилось, что как проповедник баптистской общины он был лишен избирательных прав (лишенец). Вначале считали, что этим все ограничится, на деле же оказалось, что он и его семья лишены и средств к существованию. Чтобы компенсировать ущерб, пришлось усиленно заниматься сапожной работой. Конечно, Бог был к ним милостив, и семья голодной не была, но скорби усиливались все больше и больше.

Однажды, проходя мимо знакомой церкви на территории местного монастыря, Павлушка вздрогнул от увиденного им зрелища. У запертых железных ворот церкви с ружьем на плече стояла пожилая женщина. Сквозь решетки церковных окон на него смотрели арестованные, а внутри церкви слышались не утихающие крики и плач женщин и детей. Кто-то громко просил кусок хлеба, другие просили воды. У Павлика сердце сжалось от боли. Он взглянул на женщину с ружьем и, вспомнив рябого Сергея за тюремной решеткой, спросил просто, по-детски:

- Тетенька, кто там? Можно, я принесу им хлеба. - Он даже забыл в эту минуту, что хлеба в их семье уже давно не ели вдоволь,

- Враги это, нельзя! Убирайся прочь! - грубо ответила ему тетка с ружьем.

- И дети враги? - изумленно проговорил Павлик.

- Убирайся прочь, говорю! Ишь какой грамотный, вот брошу тебя туда, узнаешь!

Павел недоверчиво попятился от страшной тетки и на всякий случай остановился подальше. Долго он еще смотрел то на окна, то на женщину с ружьем. Крики в церкви раздавались все сильнее. Тогда Павел решил обойти церковь и посмотреть, нет ли другой двери, где не стоял бы сторож. Таковой не нашлось, но окна на другой стороне церкви были ниже. Если бы он мог встать на что-либо, то можно было бы дотянуться до решеток.

На небольшом расстоянии от церкви стояла у ворот дома кучка людей, в руках у которых были узелки и бутылки с молоком. Павлик подошел ближе к окну и, разглядев за стальными прутьями лицо женщины, спросил:

- За что вас?

Женщина с ребенком ответила ему:

- Не спрашивай, сынок, потом поймешь, лучше передай вон от бабушки узелок. Видишь, как кричит ребенок, Бог тебя не оставит.

Павлушка подбежал к указанной женщиной бабушке, выхватил у нее узелок и попросил рядом с ней стоящего пожилого мужчину:

- Дядя, подсади меня!

Мужчина, вначале робко оглянувшись, решился:

- Ну, пойдем скорей!

Подойдя к окну, он быстро помог Павлику взобраться к себе на плечи, и тот один за другим стал сквозь решетки передавать узелки от родственников арестованных. Павлик едва успевал передавать протянутое, как подносили другие. Все новые люди подбегали к ним и, тихо называя имя запертого в церкви родственника, умоляюще протягивали узелки с хлебом. Павлик проворно передал в окно все. Оттуда послышались возгласы благодарности: "Дай Бог тебе здоровья! Спаси тебя Христос! Бог тебя не забудет!"

Он едва успел спрыгнуть и отбежать вместе с пожилым мужчиной к углу улицы, как из-за церкви показалась тетка с ружьем. Вероятно, она догадалась о происшедшей передаче узникам, так как, поглядев на Павлушку, погрозила ему.

Счастливый и довольный, Павел прибежал домой с сознанием, что послужил несчастным людям.

Отец пришел домой ночью. Ожидая его, ужинать не садились. Днем за ним приезжали из ГПУ и увезли с собой. Луша ходила по дому сама не своя, в страшной тревоге за мужа. Наконец Петр Никитович пришел и стал рассказывать:

- Ну, завели меня, посадили за стол. Какой-то начальник, весь в кожаном, стал со мною так вежливо разговаривать. Вначале расспросил откуда я, из какого сословия, где и как уверовал, какая семья, потом про церковь. Тут-то я и остановился: - Нет, начальник, про церковь мы с тобой говорить не будем.

- Почему? - удивился он.

- Потому что ты не архиерей, а я не протодьякон, чтобы исповедоваться перед тобой про церковные дела, - ответил я ему.

- Молодец! Ты, видно, Петр Никитович, честный человек, а нам только такие и нужны, поэтому мы и будем с тобою говорить на откровенность, - похвалил меня начальник.

- Христиане должны быть честными, уважаемый начальник, - ответил я ему.

- Вот такое дело, Петр Никитович, как ты и сам, наверное, знаешь, сейчас к нам приезжает отовсюду много всяких шпионов. Нам стало известно, что они пролезают и в ваши общины. А хорошо ли, если к вам кто из них пролезет? - объясняет он мне.

- Сохрани Господь! Иуда-то никому не нужен, ни нам, ни вам, - ответил я ему.

- Вот-вот, ты правильно и хорошо это понимаешь. Поэтому давай мы с тобой договоримся честно и попросту, как кто из приезжих у вас появится, ты меня немедленно предупреждаешь, согласен? - спросил он.

- Как не согласиться, ведь это страшное дело - шпион, кому он нужен? - ответил я ему.

Тут он засуетился, достал из стола какой-то лист бумаги, заполнил его и подал мне, чтобы я подписал.

- А что это такое? - спросил я его.

- Да это так, тут ничего особенного нет. Вот о чем мы договорились, ты и подтверждаешь это подписью. Подписывай, не бойся, - пояснил он и сунул мне ручку.

- Э-э, нет, начальник, что ж это такое? Все время доверяли друг другу, а здесь и доверие кончилось? Верить, так верить слову, подпись здесь совсем не нужна. Ведь ты же сам сказал: "Вижу, что ты честный человек". Честные подписки не дают, начальник; вот тебе твоя ручка, - ответил я ему. Он так и подскочил.

- Так вот ты какой?! А прикидываешься простачком!

- Простой я и есть, и был, начальник, потому и не подписываюсь.

- Так вот что, - немного спохватившись, заговорил он спокойно. - Дай мне слово, что ты о нашем разговоре никому не скажешь, ни верующим своим, ни даже жене.

- Да ты что, начальник, говоришь, чтобы я утаил от церкви такое. Да я убежден, что вся церковь сейчас молится, пока я не вернусь, а ты говоришь: скрыть от церкви! - ответил я. Как он вскочил после того, да как ударит по столу:

- Ты что мне тут голову дуришь?! Ты забыл, кто я и с кем ты разговариваешь?!

- Нет, начальник, - ответил я ему спокойно, - я знаю, кто ты есть, и не забыл, но и ты знаешь, что я христианин и служитель Божий!

Долго он сидел молча и приходил в себя, потом уже спокойно сказал:

- Иди домой, следующий раз придешь сам и помни, на что ты согласился. Я посмотрю, на словах ты честный или на деле. Иди!

- Вот я и пришел. Давайте поблагодарим Господа за милость Его, - закончил Петр.

Семья Владыкиных склонилась на колени и горячо благодарила Бога за все пережитое и милость Его водительства.

Скорбные вести стали поступать одна за другой. В Каледино власти закрыли воскресную школу, где в роскошном саду, как в пансионе, воспитывались христианские дети. Туда в свое время мечтал попасть Павел. Закрыли обе христианские коммуны "Вифания" и "Вифагия", куда съездить в гости хоть на неделю считалось верхом счастья.

В середине года стало известно, что журнал "Баптист" больше издаваться не будет. Прекратились сборы средств на строительство центрального дома молитвы в Москве, были распущены библейские курсы. Скорби не замедлили посетить и Н-скую общину. Хозяйка чайной умерла, и ее дочери предложили верующим подыскать для собрания другое помещение. Ни с того ни с сего перестал ходить на собрание уважаемый проповедник Максим Федорович. Затем слышно стало, что он вступил в члены ВКП и сделался заведующим хлебного магазина.

Последняя скорбь оказалась самой тяжелой: братьев вызвали в исполком, отобрали церковную печать, на которой было четко выгравировано: "Один Господь, одна вера, одно крещение". Запретили ездить по деревням, открыто

проповедовать Слово Божье, петь на свадьбах, похоронах и не устраивать христианских шествий. Поэтому, расходясь с собрания, все думали: соберемся ли мы здесь в следующий раз?

Примерно через месяц после первой беседы в ГПУ чекисты остановили Петра Владыкина на улице и в автомашине опять увезли в комендатуру. Тот же начальник на сей раз встретил Петра Никитовича сурово и начал без предисловия:

- Ну что ж, Владыкин, где твоя совесть и христианская честь? Где твое согласие, даже простое уважение к властям? Почему ты до сих пор не являешься и не расскажешь, что делается в твоей общине?

Петру Никитовичу на сей раз даже сесть не предложили, и поэтому, как вошел он, так у порога и ответил:

- Уважаемый начальник, ты напрасно меня стыдишь и упрекаешь в том, чего я не понимаю. Зачем я к вам приходить-то должен, ведь я на работу сюда не нанимался. Да к тому же никакого такого шпиона, о ком ты мне говорил в прошлый раз, у нас не было.

- Врешь! Ты думаешь, если ты не донес, так я и не знаю? А кто из Москвы к вам приезжал, а из Рязани, а с Украины? Как же тебе верить после того? Мало ли кто еще к вам может приехать, а ты скрываешь, говоришь, что не было никого?- с криком наседал начальник.

- Позволь, позволь, - спокойно и вразумительно остановил его Владыкин. - Те, кого ты перечислил, - это мои братья во Христе, а шпионов, о которых ты мне говорил, у нас не было...

- Вон отсюда! - бледнея от злости, закричал на него чекист, - хватит мне тут разглагольствовать, вон говорю! Печать у вас взяли, капут! Объявляю, чтобы вы там больше не собирались, пока не выберете другого вместо тебя. Я понял тебя, мне больше говорить с тобой не о чем. Иди!

Петр Никитович прямо из его кабинета пришел на собрание и все, как было, рассказал собравшимся членам общины. Глубокой скорбью это известие легло на сердца, но решили служения пока продолжать.

Прошла еще неделя. В воскресенье на собрание пришли не все. Один из проповедников, старый холостяк, заявился изрядно выпившим. Извозчик, который привез его, с каким-то удовольствием вошел и заявил:

- Забирайте, вашего привез!

Беды обрушивались одна за другой. У регента и руководящего общим пением, Василия Ивановича, умерла жена. После похорон он тут же женился на молодой хористке и, торопливо покинув общину, уехал в другой город. Скамьи в собрании заметно поредели.

В семье Владыкиных положение еще больше осложнилось. Незадолго до всех последних событий Петр Никитович узнал, что без вести пропавшая его мачеха Аграфена с детьми нищенствует где-то далеко на юге. Христианский долг не давал ему покоя, и они с Лушей решили вызвать их к себе и разместить в своем доме. Когда же родня приехала, Владыкины поняли, что сделали большую непоправимую ошибку. Один из сыновей Аграфены имел жену и ребенка, оба были пьяницы, работать не хотели. Второй был холостяк - вор и пьяница, дочь - молодая женщина, но опустившаяся преступница. Сама Аграфена днями сидела на базаре, прося у прохожих милостыню. Много напряженных бесед и уговоров стоило Петру Никитовичу, пока они один за другим стали обретать человеческий образ, устраиваться на работу, приводить в порядок жилье и хоть внешне не позорить дом Владыкиных. Ко всему прочему Луша родила еще сына, которого опять решили назвать Илюшкой. Доставать же необходимое для матери и новорожденного становилась все тяжелее и тяжелее. Целыми днями безвыходно Владыкины, отец с сыном, еле зарабатывали на пропитание семье. Зарабатывали неофициально, так как иначе работать было невозможно.

Но духовного упадка в доме Владыкиных не было. Павлик понимал ответственность, ложившуюся на него по мере умножающейся нужды в семье. Побегать времени оставалось все меньше. Отец часто просил сына читать ему Библию, так как чтение давалось ему с трудом. Павел читал ее регулярно подряд, главу за главой, книгу за книгой. За чтение Библии Павлик брался после выполненной, заданной ему отцом, работы. Читал он Библию не всегда с желанием, но отказать в этом малограмотному отцу он не мог. Бывали моменты, когда Павел дочитывал последние главы пророка Малахии и думал: "Вот сейчас кончу и побегу на улицу. Вот наконец и последний стих".

- Ну все, кончил? - спросит отец.

- Да, все, - торжественно отвечал Павел.

- Что ж, открывай опять сначала. Читай, сынок, пока есть время и возможность, читай больше и внимательней. Придут дни в твоей жизни, когда пожелаешь хоть страничку прочитать из Библии, но это будет невозможно, а без нее жить нельзя. Все время не будешь с отцом и матерью. Придет время, когда чужие люди окружат тебя, злые, негодные. Будешь решать сам вопрос жизни или смерти, добра или зла, спасения или гибели. И не к кому будет обратиться за советом. Знай же, что Библия тебя всегда выручит из беды. Как в дремучем лесу, так и ты среди чужих людей можешь оказаться тогда, не зная, куда идти, что избрать. Знай, что самыми лучшими советниками твоими тогда будут мудрость Соломона, вера Авраама, верность Моисея и Самуила, чистота Иосифа, самоотверженность Павла, твердость Даниила и слова Христа. Библия тебя научит любить и страдать, жить и умирать, бороться и побеждать, а это то, из чего состоит сама жизнь. Читай ее так, чтобы она была для тебя не только умственной. Карманной и настольной Библии ты можешь и не иметь, но сердечную ты иметь обязан. Поэтому читай, пока есть время и возможность, читай для меня, для себя и для других.

Кто мог знать о том, что эти наставления отца были для Павла последними, ставшими впоследствии для него самыми значительными в его жизни? В один из летних дней 1929 года, когда семья Владыкиных, окончив ужин, готовилась ко сну, под окнами дома затормозила машина, и одновременно с остановкой мотора железным, приглушенным лязгом стукнула дверца. В дом кто-то сильно постучал металлическим предметом. Владыкин торопливо открыл дверь.

- Вот теперь и я пришел к тебе, правда, поздновато, но такая уж наша работа. Пройдем в комнату, - повелительно проговорил знакомый голос начальника ГПУ.

- Да уж кого-кого, а тебя-то я всегда жду, уважаемый начальник, - ответил ему Владыкин.

В дом вошло несколько человек. Один из них остался у двери, остальные прошли в комнату. Петр Никитович заметил, что и у ведущей во двор кухонной двери встал работник из ГПУ, который объявил Луше, что выходить на двор придется воздержаться. В комнате начальник достал документ и, зачитав его вслух, объявил, что на основании его они в доме проведут обыск. Затем, открыв портсигар и усевшись за стол, он приготовился закурить, но, увидев Павлика, распорядился:

- А ты, паренек, полезай на печь.

Павлик попятился назад и встал за кровать:

- Чего мне делать на печи, я в своем доме и хочу смотреть, - ответил он чекисту.

- Товарищ начальник, во-первых, это дом христианский и здесь не курят, так что прошу вас от курения воздержаться, а во-вторых, это сын мой, не уличный парень, и уйти он никуда не уйдет. Пусть смотрит, ему уже пятнадцать лет и все пригодится в жизни.

Начальник, однако, намерен был закурить за столом, мотивируя тем, что ему нельзя отрываться от дел, но Владыкин заявил ему настоятельно и с властью:

- Нет, нет, уважаемый, пока я здесь хозяин, а в доме, кроме нас с вами, женщина и дети. Курить здесь нельзя!

Начальник, поморщившись, согласился со сказанным и приступил к своему делу. Обыск проходил со всей тщательностью: обстукивались и осматривались стены, пол и потолок, перетрясались постели, выворачивались узлы, мешки с картофелем. Закончился обыск перед утром. Павел терпеливо следил за каждым движением обыскивающих, но когда увидел, что на стол была положена та самая Библия с золотым крестом, которую он так часто читал отцу, то вспомнил недавние его слова. Он тихо вытирал слезы. В памяти его всплыли недавние события у церкви, лица за оконной решеткой, детские крики, вопрос, заданный женщине с ребенком в окне: "За что вас?" Он посмотрел на мать. Та сидела на вздыбленной постели с братишкой у груди и вытирала слезы. Она показалась ему такой похожей на ту женщину с ребенком. Потом взглянул на начальника, как он был похож на ту тетку с ружьем. Они были как брат с сестрой и по выражению лица, и по голосу, которым тетка ему пригрозила. В его уме промелькнуло: "Откуда появились эти люди, он таких никогда раньше не видел, где они живут, почему они другие?" Все эти болезненные вопросы тяжело легли Павлику на сердце. Потом опять посмотрел он на тихо плачущую мать, на беззлобное, спокойное, родное лицо отца. "За что вас?" - опять промелькнуло у Павла в уме.

Мать сквозь слезы что-то спросила у начальника, а тот резко ответил: "Потом поймешь!"

Павлик вопросительно посмотрел на мать и почему-то ясно вспомнились слова женщины у окна: "Не спрашивай, сынок, потом поймешь!"

По окончании обыска начальник объявил, что все, сложенное на столе, забирает с собой и просил во что-нибудь завернуть.

С глубокой болью в сердце Павлик посмотрел на Библию, нотные гусли, песенники, журналы "Баптист" и другие, которые они с такой любовью не раз читали. Подойдя к начальнику, он потянул его за рукав и спросил:

- Дяденька, я не пойму, зачем это вы забираете, ведь это все наше?

- Не спрашивай, сынок, потом поймешь! - ответил ему начальник улыбаясь.

Когда все было собрано, начальник обратился к Петру Никитовичу:

- Одевайтесь, поедете с нами.

С воплем и причитанием бросилась Луша к мужу. От шума проснулись Даша с Илюшей, и крик в доме усилился. Увидев все это, начальник стал торопить Владыкина и подошел к Луше, желая успокоить ее. Она оттолкнула его и, рыдая, вновь обхватила мужа руками. После некоторого времени Петр Никитович тихо взял ее за плечи и спокойно сказал:

- Жена моя! Нам дано не только веровать во Христа, но и страдать за Него! Этого не миновать, ты лучше приготовь котомку!

Всхлипывая, переборов себя, Луша отошла от него и, наложив в котомку самое необходимое, передала мужу. Петр Никитович в это время оделся и пригласил семью к последней молитве.

Рыдания заглушили все. Помолившись, Петр Никитович обнял Павла, поцеловал Дашу с Илюшей и жену.

- Не отчаивайся, Господь вас сохранит, - промолвил он, и все направились к двери. Павел, как бы очнувшись, бросился к выходу.

- Папка-а-а... Как же?

Отца втолкнули в автомобиль, дверь захлопнулась, и машина исчезла в предутренней мгле.

В голове Павлуши все помутилось, ему хотелось что-то кричать вдогонку на всю улицу, но горло пересохло. Рядом, в соседнем доме, как ему показалось, кто-то крикнул за него: "Ка-ра-у-ул!" - но, очнувшись, он понял, что это петух оповещал раннее начало утра.

Уличный фонарь осветил лицо Павлика, под сдвинутыми бровями неподвижно глядели вслед уехавшей машине высохшие от слез глаза, губы были плотно сжаты, в душе как будто отчеканило молотком: "Не спрашивай, сынок, потом поймешь!"

Мучительно долго тянулась эта ночь в доме Владыкиных. Луша с безмятежно спящим сынишкой Илюшей на руках ходила по комнате, не находя покоя. В мыслях рисовались какие-то бездны, одна страшнее другой. Все усилия она употребляла на то, чтобы прогнать от себя эти кошмары, вспомнить, что говорит Слово Божье. На мгновение ей это удавалось, и тогда свободный вздох вырывался из груди; но, сама не замечая, она вновь оказывалась во власти тяжелых воображений. Уже рассвело, когда она, обессилев, упала на постель.

Оказавшись с тремя детьми одна, Луша осталась без средств к существованию. Павлик видел переживания матери и рад был бы ей помочь, как той женщине, оказавшейся за решеткой в церкви. Но, увы, он теперь и сам с матерью почти в таком же положении, только без решеток. Уснул он неожиданно, сразу, а когда открыл глаза, был уже день, и в комнате сидели свои, верующие. Они обсуждали, как Луше поступить, ведь она осталась без рабочих рук, а это значит - без хлеба. Выход, однако, так и не нашли, потому что каждый жил на пайке. После Петра Никитовича осталось немного сапожного материала и инструмент, но что можно было с ним делать? Были бы способные руки, они бы этим обеспечили питанием семью на два-три месяца, но рук не было. Друзья погоревали и разошлись ни с чем.

- Ну что ж, горюй не горюй, а жить-то надо. Надо чем-то накормить детские рты, да и свой. Помоги, Господи, найти выход, - сказала себе Луша, помолилась, взяла сынишку на руки и направилась к своему брату. Она решила, что Василий как-никак родственник ей да и по специальности тоже сапожник, ходы-выходы знает, поможет, как по-умному сработать товар и инструмент продать. Долго искать его не пришлось. Васька крутился возле магазина на базаре и искал возможности опохмелиться. Увидев Лушу и узнав о ее горе, он сочувственно поохал, покачал головой и, минуту подумав, похлопав по спине, успокоил:

- Ничего, не горюй, не ахти беда велика. Пойдем, покумекаем, как быть.

Луша простодушно завела его в мастерскую и принесла с чердака сверток с сапожным материалом. Сердце подсказывало ей, чтобы взяла с собой немного. Жадными глазами брат осмотрел принесенное, затем, лукаво взглянув на Лушу, сказал:

- Ну вот, а ты горевала. Сейчас будем что-нибудь придумывать.

Луша оставила Павлика в мастерской, вышла к детям. Василий коротко взглянул на племянника, о чем-то раздумывал долго, перебирал, мял, сортировал товар, потом, сунув Павлу кусок подошвы, буркнул:

- На-ка, отнеси, замочишь. Да поищи на чердаке вот такие новые колодки, - и протянул ему для образца лежавшую на столе старую.

Павел вышел, но решил в щелочку подсмотреть за дядей, на что тот не рассчитывал, так как думал, что здесь в доме считают его отзывчивым благодетелем. "Благодетель" выхватил из свертка несколько пластинок подошв, сунул их быстро за пазуху, выбежал из дома и исчез в уличной толпе. Павлик вначале не понял всего смысла дядюшкиной подлости и решил, что он ушел по каким-то необходимым делам. Но прошел час, и два, и три, а дяди все не было. Когда Луша, не застав брата в мастерской, спросила, куда он ушел, Павлик рассказал матери о том, что видел.

- Да что же ты не сказал мне сразу, ведь он теперь дорвался и понес пропивать товар.

Луша не ошиблась, "благодетель" возвратился со старыми опорками в руках, еле стоя на ногах.

- Васька! Какую надо иметь мерзкую душу, чтобы у родной сестры, когда она с детьми осталась без куска хлеба, последнюю корку отнять от рта и про-пи-ить, - с воплем обиды и горечи кинулась она навстречу брату. - И надо было мне, растере, со своим горем тянуться к тебе; да к кому я тянулась, к пропойце. Своих детей голодными по миру пустил, а сам днями у казенки стоит, чтобы утробу свою зельем залить! И нужны ему мои

дети, да что уж я сбилась с толку-то, Господи, прости Ты меня, несмышленую! - так без передышки выпалила Луша брату.

- Да Луша, да ты что, да накажи меня Господь, чтобы я родную сестру, да в таком положении... - пытался оправдаться Василий, но Луша не дала ему закончить, сунула ему руку за пазуху, но, не найдя ничего, повернула его к двери и, вытолкнув, заперла ее.

- Так-то вот, вместо Бога обратилась за помощью к пропойце мать-то твоя, сынок, - виновато проговорила Луша, - но Бог нас не оставит! - утешала она себя и сына.

В первые дни Владыкины оставлены не были, хотя собрания прекратились сразу же после ареста Петра Никитовича. Верующие помогали, кто булкой хлеба, кто бутылкой молока, кто ведерком картошки. Приносили понемногу, поскольку нужда вошла ко всем.

Поначалу о Петре Никитовиче ничего нельзя было узнать, где он. Луша ходила одна на поиски мужа, но в милиции его не нашла. Из тюрьмы ее выгнали с угрозами. Павлик тоже решил искать отца. Он стал осматривать все запертые церкви, но из церквей, где сидели люди, всех увезли, и они были пустые.

Наконец Луша встретила знакомого лавочника, которого тоже забирали, затем почему-то отпустили. Он с большой осторожностью указал дом, на котором не было вывески и о котором никто ничего не знал. Там была комендатура ГПУ, туда и решила Луша пойти вместе с сыном.

Пошли рано утром с передачей. Луша с ребенком на руках вошла в помещение и обратилась с просьбой к дежурному. Тот грубо ответил, что ничего не знает, никого тут нет, никаких передач не принимают. В коридорчике сидело несколько человек таких же просителей, как и Луша.

Как Луша ни добивалась, ей ничего вразумительного не ответили, а стали угрожать и вытолкнули из дежурного помещения. После нее взял передачу Павлушка и, войдя к дежурному, увидел там какого-то начальника.

- Дяденька, вы забрали моего папку, он сидит здесь у вас. Его посадили ни за что. Я хочу его видеть и отдать передачу, - выпалил Павлушка, глядя в глаза коменданту.

Все это получилось довольно громко и бойко и, видимо, таких посетителей здесь еще не было.

- А ну-ка убирайся отсюда, а то я тебе дам такого папку, что не захочешь, марш! - крикнул на Павлика дежурный.

- Нет, ты мне дай моего папку увидеть, иначе я отсюда никуда не уйду, - ответил Павлик, сам удивляясь неожиданной своей смелости.

Дежурный такой настойчивости не ожидал и шагнул к нему навстречу. Но Павлик вместо коридора, забежал за стол дежурки. Неизвестно, чем кончилась бы эта небывалая здесь дерзость, если б за Павлика не вступился наблюдавший за всем комендант.

- Подожди, товарищ дежурный. Ты чей такой прыткий? - с легкой усмешкой спросил он мальчика. - Как твоя фамилия?

- Мы с папкой Владыкины! - ответил ему Павел охотно.

- Ах, вот ты чей! Понятно, похож! Так ты богомолов сын, баптистский поп твой отец? - с прежней иронией спросил его начальник.

- Нет, мой отец не был попом, он проповедник Евангелия и ничего плохого не сделал, зачем вы его посадили?

Тут комендант слегка улыбнулся и, заметно подобрев, сказал дежурному:

- Этому можно разрешить, - и, обращаясь к Павлику, добавил, - ну покажи, что ты отцу принес?

Тот доверчиво развязал торбу и выложил все на стол.

- Ладно, собирай! - комендант кивнул дежурному, и тот с передачей скрылся за дверью.

- Боевой ты парень, а не боишься с отцом в тюрьму попасть? Тоже, поди, веришь? - поинтересовался комендант.

- Да, верю, вырасту и я проповедником буду; вы еще не знаете, какое это счастье быть проповедником, - сказал Павлик.

Вскоре дежурный вернулся с пустой торбой и запиской:

- На вот, забирай. Больше не приходи сюда. Отца завтра переведут в тюрьму, туда идите.

Отроду еще у Павлика не было такого счастливого дня. Радостные они с матерью возвращались домой и бессчетное количество раз перечитывали дорогие отцовские каракули. Пусть коротко, зато его рука.

Придя на следующий день к тюрьме, они увидели большую толпу родственников арестованных, пришедших с передачами. Толпа не помещалась в дежурке. Большинство стояли перед дверями. За высоким, каменным тюремным забором поодаль стояло большое серое здание тюрьмы. Сквозь окна верхнего этажа смутно виднелись лица арестантов, но тюремные решетки не позволяли распознать их. Павлик напряженно всматривался в окна в надежде хоть как-нибудь заметить лицо отца, но это оказалось невозможным. Павлик видел сквозь узкую щель огромных тюремных ворот ходящих во дворе людей.

Вдруг через эту щель он услышал голос. Павлик догадался, что это к нему, и быстро подошел. Незнакомец назвал фамилию родственников и просил найти их среди посетителей. Таковых не нашлось. Тогда Павлик, в свою очередь, назвал фамилию отца и просил подозвать его, а сам с любопытством прильнул к щели. Он увидел, как по двору один за другим по кругу прогуливались арестанты, но отца было трудно найти в общей массе. Не успел он, однако, разочароваться, как ясно услышал отцовский голос:

- Кто тут к Владыкину пришел?

- Я, я, Павлик! Мамань! Скорее иди сюда, - махнув рукой, подозвал он мать.

Через узкую щель можно было различить только маленькую часть знакомого лица. Отец попросил их отойти немного подальше, чтобы лучше разглядеть. Свидание их было очень кратким, так как вышел надзиратель, но Павлик успел протолкнуть в щелку десять рублей.

Гремя большущим ключом, надзиратель открыл внутренний замок, затем медленно, со скрипом открылись тюремные ворота. С той и другой стороны людей отогнали от них, но все равно Луша с Павликом могли в эту минуту в группе арестантов разглядеть Петра Никитовича во весь рост. Вначале он замахал радостно руками и что-то проговорил, но грохот колес по булыжной мостовой заглушил слова. Потом видно было, как отец снял с головы фуражку и подкладкой вытирал текущие из глаз слезы. Так же медленно ворота вновь закрылись, а сквозь щель между створками Павлик заметил, как арестантов со двора загоняли в корпус по своим камерам.

Вскоре приняли передачу для Петра Никитовича и принесли краткую весточку на клочке бумаги, что все хорошо, рад, получил все полностью.

Придя домой, Павлик загорелся огненным желанием написать письмо отцу, порадовать его чем-либо приятным. Он стал вспоминать все приключения, связанные с арестантами, о чем читал в книгах, но ничего похожего на Н-скую тюрьму не встречалось. Ему было очень досадно от того, что он ничего не мог придумать. Однако в следующий раз, когда Луша стала собирать передачу, Павлик быстро написал письмо, затем известным только ему одному способом свернул в тонюсенькую трубочку и, проткнув огурец, запихал письмо в его пустую сердцевину. Вечером, по возвращении матери, Павел был бесконечно счастлив, узнав, что его затея удалась.

Тень глубокой скорби все темнее сгущалась над семьей Владыкиных. С новым месяцем в кооперативных карточках им как семье лишенца вновь было отказано. Жившая в их доме родня Петра Никитовича, пользуясь его отсутствием, заявила Луше, что они в доме такие же хозяева и за занимаемые комнаты платить ничего не будут. Все реже посещали Владыкиных верующие с сочувствием, а если и приходили, то только в сумерках. Луша же, наоборот, с каждым днем делалась бодрее, крепче физически и духовно, больше времени проводила в молитвах. Никто больше не видел ее плачущей. Ее существо все больше проникалось упованием на Бога. Посещающие не столько утешали ее, сколько сами утешались ее упованием.

О Петре Никитовиче стало известно, что суда ему не будет и что должны его увезти куда-то в другое место. Куда, когда и почему - ничего не было известно, свиданий не давали. Так прошло около двух месяцев. Луша стала чаще ходить к тюрьме, прислушиваться к разговорам посетителей.

Однажды рано утром, принеся в тюрьму передачу, она на мгновение увидела мужа в открытые ворота. Он что-то прокричал ей и помахал рукой в одном направлении. Расслышать его не удалось, и ей показалось, что муж своим жестом проводил ее домой, сочувствуя ей, видя ее мытарства. Луша успокоилась и возвратилась в семью к своим бесчисленным заботам. Дома ее ожидали друзья, двое братьев, приехавших из далеких деревень, где в свое время Петр много потрудился в деле благовествования, часто надолго оставляя семью. Услышав о постигшей их скорби, они приехали утешить семью и помочь продуктами. Узнав о материальном затруднении семьи, братья были рады, что приехали вовремя, хотя пробираться им пришлось более восьмидесяти верст на

своей подводе. Увидев такое участие и искреннюю заботу, Луша не удержалась, наплакалась в сердечной искренней молитве с братьями.

Друзья после далекой дороги прилегли отдохнуть. Луше, размышлявшей о Петре, вдруг представилось, что муж взмахнул рукой, и что-то загадочное и тревожное ей в этом жесте почудилось. Тревога нарастала, и пока сынишка сладко спал в люльке, она, гонимая сомнением, не зная зачем, побежала опять к тюрьме. Войдя в дежурку, она прислушалась к разговорам среди посетителей и узнала, что в тюрьме готовится большой этап. Но когда? - Ничего понять было нельзя, да и некогда было понимать. Как молния пронзила ее мысль: "Спеши и не медли".

Еле переводя дыхание, бросилась Луша домой. На ходу хватала она и клала в торбу все, что считала нужным для мужа, временами окидывая глазами - не тяжела ли? Но торба как будто вовсе не увеличивалась. Наконец, набив мешок позавяз, она приладила его на спине и хотела идти. В это время ребенок в люльке зашевелился и заплакал. Сердце Луши разрывалось надвое, что делать? Но ни раздумывать, ни медлить было нельзя. С мешком на спине Луша торопливо взяла ребенка из люльки и, на ходу прихватив пару пеленок, выбежала на улицу.

Первое время Луша бежала, не помня себя и не чувствуя тяжести ноши. Окончательно запыхавшись, уже около тюрьмы остановилась, прислонившись к забору, перевела дух. Малыш бунтовал у груди и законно требовал свое. Бремя за спиной тянуло к земле, а сердце, казалось, выпрыгивало из груди. Облизав запекшиеся губы и подобрав волосы под косынку, Луша дала ребенку грудь. Так хотелось хоть на минутку присесть. За углом слышался удаляющийся цокот лошадиных копыт и людской кашель. По тротуару с узлом в руке торопилась женщина. Луше она показалась знакомой. Где она ее видела? У тюрьмы! - мелькнула мысль. Опоздала! - всполошилась Луша и кинулась вслед за женщиной за угол.

Посреди мостовой, построенные рядами, тяжелым мерным шагом шли арестанты, окруженные конной охраной с саблями наголо. Луша кинулась вдогонку, забыв усталость. "Ой, слава Богу, не опоздала! Но тут ли он?" - мелькнуло в уме.

Через несколько минут она догнала толпу провожающих родственников и инстинктивно у нее вырвалось из уст:

- Мой-то здесь, не видели?

Но люди шли молча, вытирая слезы. Кто-то ответил, качнув головой:

- Не знаю.

Уныло понурив головы и временами оглядываясь по сторонам, под частые понукания конвоя шагали арестанты. Обгоняя провожающих, Луша подошла к идущим впереди, намереваясь обогнать и их, но ее предупредили:

- Не пускают дальше, грозят.

Почти не слыша сказанного, она пристально вглядывалась в затылок каждого арестанта, и вдруг в самой передней шеренге увидела Петра. Растолкав толпу, Луша побежала по тротуару вперед.

- Куда?! Назад! Вернись! - послышалось у нее почти над головой.

Не обращая внимания на происходящее вокруг, она поравнялась с передней шеренгой. Услышав крики, Петр Никитович повернул голову и, увидев жену, почему-то снял фуражку.

- Петя! - крикнула Луша, намереваясь шагнуть к нему.

Конвоир на коне преградил ей дорогу, держа перед ней на уровне ее груди свою сверкающую саблю. Нагнувшись, под самой головой лошади рванулась она к мужу и, подбежав, ухватила его за руку:

- Петя! А я думала опоздала, с рязанскими засиделась, прибежала, а вас уже повели. Ну слава Богу! - выпалила она залпом.

- Стой! Вернись! Ты с ума сошла?! Выйди сейчас же! - неистово ревел конвоир и, остановив всю колонну, встал перед Владыкиными, потрясая саблей. Рысью к ним подъехал начальник с плеткой в руке и, размахивая ею перед лицом Луши, раздраженно проговорил:

- Немедленно говорю тебе, выйди отсюда! Ты что, не знаешь, куда подошла? Прочь!

Лицо у Луши побледнело, но выражало непреодолимую решимость. Спокойно и внятно она ответила:

- Я жена его и никуда от него не отойду.

Еще крепче они с мужем схватились за руки и приготовились ко всему. Как ни кричали конвойные, как ни гарцевали перед ними их кони, Владыкины не двигались с места.

- Ладно, трогай вперед! Я ей там на месте покажу! - скомандовал начальник, и толпа медленно двинулась.

Петр не ожидал такого бесстрашия от жены. В обычной жизни она не отличалась особой решительностью или способностями. Наоборот, часто приходилось ему увещевать ее, иногда обличать, порою молча терпеть. Теперь же, в час таких испытаний, когда душу раздирала скорбь и нужно было хоть единственное слово утешения, он встретил в лице жены непреклонного и стойкого соратника.

Прерывистыми, но предельно насыщенными словами утешения она ободряла мужа, идя с ним рядом. Луша даже сама удивлялась, ведь никому таких слов она никогда еще не говорила, и собственная душа ее согревалась от них. Оба они вдруг ясно поняли смысл евангельского выражения: "Я вижу небеса отверстыми". Вот почему так спокойно умирали Стефан, первохристиане на аренах цирков и все мученики Христовы: над ними были отверсты небеса. Но для кого они открываются? Многим христианам это остается загадкой.

Лучи уходящего за город солнца ярко осветили толпу арестантов, отражаясь в клинках конного конвоя. Впереди всех шли Владыкины. Оба смотрели вперед, лица их были спокойны. Петр шел с непокрытой головой, с узелком под мышкой. Луша с мешком за спиной и малышом на руках ровно шагала в ногу с мужем. Петр взглянул на нее. Слегка согбенная под двойной тяжестью, она ни звуком не пожаловалась, а только, тяжело дыша, изредка облизывала высохшие губы. Только тут Петр встрепенулся: что же он ей не поможет, ведь жене так тяжело. Взглянув на конвойного, он подумал: а можно ли? И тут же ясно в душе получил ответ: что отвоевано, то твое! Уверенно взял он ребенка из ее рук. Конвоир заметил это, но не решился возразить. Видимо, и он так заключил: что отвоевано, то твое!

Луша хотела было передать мужу о своем материальном затруднении, о делах церкви, но, взглянув на него, решила: зачем? И что это ему даст, кроме еще большей тяжести, а помочь он ничем не может; и великодушно умолчала.

Остаток пути дошли почти молча, а когда колонна свернула в сторону вокзала, Луша, бережно взяв сынишку из рук мужа, повернула ему спину с мешком. Петр быстро снял лямки с плеч жены и на ходу перебросил мешок себе.

Арестантский вагон был уже приготовлен. Подойдя к нему, колонна остановилась. Начальник обратился к Владыкину примирительным тоном:

- Ну и жена у тебя, с ней на севере не пропадешь! А потом скомандовал Луше:

- Все-таки настояла на своем, давай быстро в сторону, теперь не до тебя.

Луша обнялась с Петром и медленно, роняя слезы, отошла. Через несколько минут арестантов стали заводить в вагон, и Петр на ходу крикнул Луше:

- Хватит, иди домой, а то темнеет. Поедем, наверное, завтра.

Куда и в какое время их увезут, узнать было невозможно. Луша, пристально осмотрев вагон, заторопилась домой: ведь там семья тоже ждет ее. Ноги еле передвигались, и ребенок чуть не вываливался из рук. Домой она пришла измученная, совершенно обессилевшая. Положив дитя в люльку, Луша упала на постель и тихо зарыдала. Павлик и гости хотели было утешить ее, но старший из них тихо прошептал:

- Пусть поплачет, не будем мешать.

Когда приступ горя немного отошел, Луша села и, вытирая слезы, тихо проговорила:

- Вот и все, проводила до станции, до самого вагона.

Потом она решила посмотреть свои плечи, что-то уж сильно они горели. Из багровых полос сочилась кровь и прилипала к одежде, засыхая колючей коркой.

- Мамань, что это у тебя, - крикнул Павлик и подумал: "Не саблей ли рубанули?"

- Так вот, сынок, житейское бремя режет до кости, а не сбросишь, пока время не придет. Такая, видно, теперь наша судьба, - грустно улыбаясь, ответила Луша.

Успокоившись, все сели за стол, и Луша рассказала все по порядку. Когда же кончила, тогда только спохватилась, что с утра крошки не брала в рот, да и семья-то, наверное, не накормленная. На кухне, на столе, стояла миска недоеденной капусты и коврига деревенского хлеба.

- Ты, сестра, о нас, наверное, беспокоишься насчет еды? Мы ели! Ты сама-то, видно, кроме слезы соленой ничего не проглотила с утра.

- Сейчас-то кушать есть чего, - возразила Луша и, отодвинув заслонку, застучала ухватом по шестку, доставая из печи чугун с варевом. Через несколько минут по дому запахло вкусными щами, и семья узника мирно кушала с дорогими гостями, вспоминая страдальца Петра Никитовича.

За столом из рассказа братьев Луша наконец узнала, какие благословения Бог посылал через ее мужа, как любили его по деревням и по поселкам, сколько грешников обратилось к Господу через него. Она никогда так не думала о нем, да и впервые услышала это свидетельство. Ей стало стыдно за себя и за те обиды, которые она наносила ему, упрекая за частые разъезды. Всю жизнь она проборолась с мужем, привязывая его к дому, а он терпел, но не уступал ей. Вспомнила она, как не ценили его в своей общине, вспомнила постоянные колючки Зои с матерью, надменные придирки, разборы, претензии. Он же молча, с улыбкой все выслушивал, но в истине был непоколебимым. Ее терзало теперь, что, осуждая других, и она была для него если не репьем, как Зоя, то мучительной изжогой. Слушая братьев, Луша думала: ведь они скорее всего все знают про меня, наверное, не раз жаловался муж друзьям. Но ни тени упрека, ни осуждающего взгляда не заметила Луша на их лицах. Открытыми, добрыми глазами они глядели на нее и считали, что верной соратницей Луша была своему мужу всю жизнь, иначе как бы он так свободно и усердно служил Господу. Ни разу они не слышали от Петра жалоб на жену.

Выйдя из-за стола, помолились вместе, затем гости и дети легли спать. А Луша вышла в сарай и, плача навзрыд, раскаивалась пред Господом в обидах, нанесенных мужу.

Утром надо было бежать на станцию и узнать про Петра, но ни единым членом тела Луша не могла пошевелить. Плечи горели огнем, голова не поднималась, а руки были, как парализованные. К ее удивлению, Павлушка был уже на ногах и стоял перед матерью. Он не желал ее будить, но и хотелось ему узнать, где найти отца. Луша, увидев сына, тихо проговорила ему:

- Я, наверное, не смогу пойти, иди ты. Может, застанешь его и попрощаешься. Ищи его на багажных путях, вагон его, как дачный, только с зарешетчатыми окнами. Беги сынок, Господь с тобою.

Павлушка был рад такому доверию и вприпрыжку побежал на станцию. Там он долго бродил среди составов, но арестантского вагона не находил. Окончательно измучившись, Павел решил пойти через резервный пассажирский состав. Проходя по пустым вагонам, он вдруг почувствовал уверенность, что вот сейчас он найдет отца. Предчувствие не обмануло его, взглянув в окно вагона, Павел увидел прямо против себя на соседних путях арестантский вагон, а в зарешетчатом окне заросшие лица. Люди напоминали мертвецов. В их строгих глазах Павел без слов прочитал: "Что тебе надо?" Мальчик повис на лямке окна изнутри, и оно медленно сползло немного вниз. Забыв об осторожности, он крикнул:

- Отца!

Арестанты пожали плечами, но, видно, о чем-то поговорив между собой, махнули ему: дальше. Павлушка перескочил к следующему окну, к третьему, к четвертому и, остановившись, увидел, как к решетке, заметив его, протискивался отец. Употребив всю свою силу, Павел стянул вниз за рамку оконную раму в своем вагоне. Однако окна арестантского вагона были настолько плотны, что ни звука Павел не слышал от отца.

Разговор был безмолвный. Отец прощался с сыном и, может быть, навсегда. Оба не слышали звуков, но, кажется, все понимали. Показывал ли отец на небо, на себя, на сына, в сторону, - Павел ясно, как в букваре, читал наставления отца и понимал его.

Вдруг под окном показался винтовочный штык проходившего между обоими составами солдата. Он остановился, явно намереваясь сказать что-то грозное. Из-под сдвинутых бровей Павел посмотрел на него сверху и по-мужицки, глухо проговорил:

- Отец!

Конвоир покачал головой, но, спокойно удаляясь, буркнул:

- Нельзя!

Павел принял это как позволение, и беззвучный разговор продолжался.

Никогда бы он не понял и не принял эти наставления так глубоко в прошлом гласно, как теперь безгласно. Он понял, что отец остался верным и желает, чтобы Павел был проповедником, что он теперь в семье вместо отца, что улицей и юношескими забавами заниматься не время, чтобы любил малышей, уважал верующих, а самое главное, не забывал Бога. Павел, как умел, отвечал, и отец кивал головой.

Так они молча беседовали, пока отцовское окно не дрогнуло и тихо поползло в сторону. Павел успел увидеть его поднятые вверх глаза, и все исчезло...

Медленно он зашагал домой, неся в сердце неизведанное прежде чувство печали.

Том 2. Огненное испытание

Часть первая. В поисках смысла жизни.

Глава 1.
Отец в ссылке.

Медленно, как бы переевшая, ненасытная утроба чудовища, судорожно вздрагивая от икоты, эшелон, набитый до отказа ссыльными, содрогаясь на стыках рельс, выползал из станционной тесноты на Север. За окном пестрел знакомый город, но в глазах у Петра Владыкина, через решетки вагона, стоял образ его сына - Павлушки: худенького, с длинной шеей, с живым лицом, любопытным взглядом, пылкого. Душою Петр чувствовал и видел его таинственное будущее, но ум был полон тревог за сына - что будет с ним? Чувство глубокого осуждения томило душу Петра: кто-то другой поднял его с пола, когда он упал из рук Луши при обмороке, кто-то другой выплакал и вымолил его у Бога из гроба, взрастил и ласкал, кто-то другой вложил в его сердце любовь и страх к Богу, кто-то другой научил его петь и молиться. Но не кто-то другой, а именно его сын, в эту роковую минуту, среди окриков конвоя и многих арестантских лиц, нашел его, передал в чистом детском взгляде свою искреннюю, согревающую любовь, горячее сострадание, готовность принять участие в скорби отца и заверить о будущем. Слезы неудержимым потоком текли по лицу, но Петр их не вытирал. "Пусть видят все, я плачу не столько о сыне, сколько о себе, что не сделал для него всего, что мог", - думал он.

Петр был готов выпрыгнуть из окна и крикнуть всего одно только слово своему сыну: "Прости!"

И он воскликнул это, только Господу, в горячей, потрясающей молитве.

В сердце же Павлушки было совсем другое. Он действительно не ощущал отцовской ласки, не получал и нежности ни от кого, но глубокая вера отца, его преданность и пылкость в служении Господу, неутомимая ревность и самоотверженность, как-то по-своему, по-детски, пленила сына, и отец для него остался, если не идеалом, то неоспоримым образцом, а в нежностях и ласках у него не было особых потребностей.

Почти никогда отец не беседовал отдельно с сыном, равно и мать, но всегда, по возможности, они брали Павлика на беседы и собрания, поэтому, если Павла нельзя было назвать воспитанником отца с матерью, то можно было бы безошибочно сказать, что это был воспитанник церкви.

За окном пробегали знакомые заводские корпуса, где проходили молодые годы Владыкина, а позднее, его первое свидетельство об Иисусе. Между ними промелькнул огромный купол заводской церкви, где крестили Павлика, больница, где он родился, проходные ворота, где с довольным видом сын часто вручал отцу домашний обед в "Починской кошелке". Потом замелькали домики, и Петр, как-то неожиданно, вздрогнул: прямо перед ним пробегал обрыв, а за ним дом Князевых. Здесь, в тесном от многолюдья полуподвале, простые слова Христа недавно звучали могучим призывом. Здесь духовно родился сам Петр, его семья и община; дом показался таким родным, дорогим, близким. Во мгновение промелькнули самые волнующие события и милые, дорогие лица друзей. Но увы, через минуту все скрылось, а перед окном открылись луга, по которым, совсем недавно, большая толпа окружающих зрителей и верующих, с пением гимнов, шли на реку для совершения крещения. Потом промелькнула широкая серебристая лента реки с ее гостеприимными зелеными берегами, на которых было испытано много потрясающих благословений в проповедях, пении и прочем богослужении.

- Вернусь ли и увижу ль, когда-нибудь еще, эти незабываемые места? - мелькнуло в сознании Петра, при этом он глубоко вздохнул и отодвинулся от окна, дав место другим.

Удушливый, спертый воздух дурманил сознание. Голод и жажда совершенно обессиливали людей, а неизвестное, мрачное будущее повергало их в гнетущее уныние. Многие из ссыльных, один за другим, рукавом

не стиранной одежды, вытирали с лица неудержимо бегущие слезы, как будто чувствуя, что они никогда уже больше не вернутся в свои родные края.

Путь от Н. до Архангельска обычным поездом занимал не больше суток, но эшелон, в котором был Владыкин, проехал его более двух недель. Сутками стояли на станциях, и истомленные люди были рады, когда поезд двигался вперед, хотя впереди их не ожидало ничего утешительного.

Скудный паек, черного, непропеченного хлеба с селедкой, вызывал страшную жажду у несчастных людей, а воду раздавали кружками, только на больших остановках.

Никакой плен нельзя было сравнить с этим ужасным положением людей. И Петр, годы проведенные в плену, считал много лучшими, чем в этапе, так как там, по крайней мере, не было ограничений в воде и воздухе.

В Архангельск прибыли совершенно обессиленные; но страшнее всего было то, что среди несчастных людей вспыхнула эпидемия тифа, и прибывших ожидала жуткая смерть.

После длительного времени, в ожидании выгрузки, Владыкина и, прибывших с ним с левого берега Северной Двины, переправили в город и поместили в православный собор, отведенный как карантинное помещение в центре города. Медицинской помощи не было оказано никакой, и люди были обречены, фактически, на смерть. Огромное здание собора запиралось на замок, и сторож с винтовкой охранял его, чтобы ссыльные не могли разбежаться из него.

Голод и тиф беспощадно косили обреченных на смерть, ежедневно умирало по несколько человек. Умерших выносили не сразу, поэтому страшное зловоние наполняло помещение собора. По причине карантинного режима всякое общение с обреченными было, строжайшим образом, запрещено. Двух-трехэтажные яруса сплошных деревянных нар были полностью забиты ссыльными.

Петр Никитович Владыкин через некоторое время, помолившись, определил, что здесь могут оказаться верующие братья, кроме него, поэтому он пошел по рядам в поисках "своих". Вскоре братья, действительно, нашлись. Оказалось, что одним этапом прибыл вместе с ним арестованный из их общины - Н. В. Кухтин и еще один, из города Конотопа - брат А. Н. Хоменко.

Оказавшись втроем, братья, прежде всего, поблагодарили Господа за эту дорогую встречу. Поместились вместе, около окошка, и условились, по возможности, не разлучаться, но, поддерживая и ободряя друг друга, просить и ожидать милости от Господа. Остатки питания они объединили вместе.

Брат А. Н. Хоменко (старший из всех), будучи кротчайшим по нраву, был образцом твердости, и, хотя сильно болезненный, но духовно бодрый, с постоянной улыбкой умиления на лице. Он был сослан за то, что в Украинском союзе баптистов совершал служение благовестника, и был его членом. Много лишений перенес старец, но преданность Господу сохранил и в эту годину тягчайших испытаний. Безропотно переносил он это ужасное мучение, хотя в прошлом был состоятельным человеком.

Слабее всех чувствовал себя Николай Васильевич Кухтин. Будучи с Петром Никитовичем из одной общины, он часто вспоминал привольную жизнь на хуторе, ремесло пчеловода и сильно тосковал о семье и свободе. Находил оплошности в неблагоразумных поступках, считая, что следовало бы вести себя более разумно и остаться в семье, но смирялся, когда братья ободряли и указывали на эти страдания, как на неизбежные.

Так прошло несколько дней. Число умирающих стало возрастать, а продукты приходили к концу. Тогда братья горячо воззвали к Господу, чтобы Он указал им путь к избавлению.

- Братья! - пробудившись однажды утром проговорил Петр, - я в эту ночь почти не спал и пришел к выводу, что нам надо отсюда немедленно уходить, иначе мы здесь погибнем. Это решение пришло мне после того, как я вспомнил об Ап. Павле, который бежал из Дамаска в корзине.

- А как это осуществить? - спросили его друзья. Петр вполголоса изложил свой план:

- Пока мы еще не заболели и можем двигаться, нам надо немедленно, сегодня же, бежать через окно. В то время как сторож обойдет собор кругом, мы успеем выйти из окна, незамеченными отойти в сторонку, и спастись от гибели.

Все трое привели себя в порядок, собрали свои пожитки, покушали на дорогу и, помолившись, приготовились к выполнению намеченного плана.

Вскоре сторож мерными шагами прошел под окном и скрылся за углом здания.

- Пора, медлить нельзя! - решительно проговорил Петр Никитович и, осторожно приоткрыв высокое церковное окно, скользнул вниз, земля оказалась недалеко.

Вслед за ним вылез брат Кухтин, и при общем усилии спустили старца Хоменко. Сердце лихорадочно билось в груди от волнения и обилия свежего воздуха, но думать было некогда. Петр Никитович закрыл окно по-прежнему и скомандовал:

- Сколько есть сил, нужно добежать до угла улицы и, пока сторож выйдет из-за угла собора, нам надо скрыться из виду.

С большим трудом, ковыляя и спотыкаясь, брат Хоменко со всеми остальными побежал к намеченному углу, хотя Петру Никитовичу пришлось почти буквально волочить его за руку. За угол скрылись почти одновременно, когда сторож вышел из-за здания, идя по своему кругу и, не обратив внимание на окно, пошел дальше. Брат Хоменко попросил отдохнуть, но Владыкин неумолимо командовал дальше:

- Сколько есть сил, нам надо сейчас же отбежать отсюда на городскую окраину, так как кто-нибудь из оставшихся в соборе или из окружающих жителей мог заметить нас, предупредить сторожа - и поднимут тревогу.

Поэтому беглецы быстрыми шагами пошли по дощатым тротуарам города на его окраину и скоро потерялись среди проходящего народа.

По ширине город был очень узким, и через 4-5 кварталов братья оказались на окраине. Старец Хоменко, тяжело дыша, повалился на сухой мох, будучи не в состоянии ничего проговорить.

Только тогда все трое почувствовали, что ноги у них совершенно отказались их держать, и они очень долго отдыхали под лучами ласкового северного солнца.

Мимо них проходили люди: и вольные, и ссыльные, и многие были гораздо хуже их одетые, так что здесь они не вызывали никакого подозрения, что окончательно успокоило беглецов.

По дороге, останавливая ссыльных, они разузнали о жизни и положении, подобных себе, а к вечеру набрели на деревушку.

По всему этому северному краю, как им рассказывали, ссыльными заключенными ведает Управление Соловецких лагерей особого назначения "УСЛОН", поэтому заключенные и ссыльные назывались "услоновцами".

Жизнь тех и других была невыносимо тяжелой, с той лишь разницей, что заключенные в концлагерях жили в городе и по тайге, в спецпоселках, а многие - на островах Белого моря; ссыльные же имели возможность поселяться на квартирах в деревнях и в городе, но регулярно, в определенные дни, должны были отмечаться в спецкомендатуре.

Некоторые из ссыльных устраивались сносно - врачи и люди других редких профессий. Большинство же ссыльных были заняты в лесопромышленности: на лесоповале, сплаве леса и лесозаводах. Суровая полярная природа, непосильно тяжелые нормы выработки и крайне скудное снабжение продуктами и одеждой - изнуряло людей, и они умирали огромной массой, как от истощения, так и от несчастных случаев. Лишь немногие из них вызывали свои семьи и постепенно кое-как устраивались, спасаясь от холода, голода и болезней, а некоторые погибали целиком, семьями.

Заключенные были в еще худших условиях: они под строгим конвоем выгонялись на работу, где должны были вырабатывать нечеловеческие нормы задания, получая мизерный голодный паек. Некоторые из них решались отрубать руку или ногу, в надежде избавиться от мучительного труда, но и это не помогало.

Кроме ужасных жизненных условий по концлагерям, заключенные подвергались, так называемому "конвойному произволу". Не могущих выполнить норму и отказчиков ставили на пенек срезанного дерева и, под страхом расстрела, заставляли стоять неподвижно. Люди коченели и падали на снег, после чего их, застывших, товарищи волочили в лагерь. Некоторых, издевательски, заставляли во льду делать проруби и кружкой переливать воду из одной в другую. Других принуждали бесцельно переносить груды камней из одной кучи в другую и обратно.

Это, и многое другое, в этих отдаленных городах, вдали от родных и семей, унесло большинство заключенных в безвестные могилы.

В этих страшных жизненных условиях оказались и трое наших братьев, вдали от своих близких и родных, за одну лишь вину, что они всем сердцем возлюбили Господа и в годину испытаний не отреклись от Него. Но они были очень рады и благодарны Господу за то, что, наконец, выбрались из душного вагона, и еще больше - из объятий смерти, свирепствовавшей в соборе.

После 2-3х-дневного отдыха, они решили пойти в комендатуру, где их, без каких-либо осложнений, взяли на учет и отправили на работу.

Работа их заключалась в том, чтобы застывшие бревна, во льду, выкалывать и закатывать в штабель. Здесь Петр Никитович испытал нечто ужасное: он видел, как люди, не считаясь с собою, стараясь угодить надсмотрщику-десятнику, в обмерзшей обуви, скользя по обледенелому бревну, выворачивали его изо льда. По неосторожности, они соскальзывали в образовавшуюся прорубь и бесследно исчезали в ледяной пучине, при этом судорожно, но бесполезно хватаясь за кромки зыбкого льда. Беспомощно разводя руками, товарищи, с выражением ужаса, отбегали от опасности, и может быть, только кто, из особенно набожных, сняв шапку, перекрестит свой лоб, страшась той же участи для себя. Эти случаи были очень часты.

Следующее, что потрясло братьев: однажды, изнемогши от беспрерывного напряжения, они втроем решили встать под навесом на солнышке, перевести дух и перекусить, размоченным в воде, куском черного хлеба. Не успели они проглотить и первый кусочек, как из-за угла навеса подскочил к ним десятник, с багровым от злости лицом, и, потрясая перед ними кулаками, закричал во все горло:

- Что, греться сюда пришли, а кто за вас норму должен давать? ... На повал вас, в тайгу, там вас научат, как свободу любить-то!

На ходу, подбирая крошки ладонью и пряча их во рту, братья поспешили отойти от этого обезумевшего человека, упивавшегося кровью не одной жертвы.

По дороге у Петра Никитовича, где-то в глубине души, шевельнулась страшная мысль: "Сказал бы ты это мне тогда, когда я был, как ты, да подпоясанный кишкой со свинцовым набалдашником, я бы..." - но он сразу остановился и, силою молитвы, отогнал эту мысль.

- Господи! Будь милостив к нам и спаси нас, - едва слышно проговорил старец Хоменко.

Однако силы у друзей слабели, как говорят, не по дням, а по часам. И они в горячей молитве вознесли свои вопли к Богу.

Вскоре после того, положение их изменилось, и им суждено было расстаться. А с Кухтиным - расстаться по-серьезному...

Старца-брата Хоменко, уже совсем изнемогшего, перевели на подсобное хозяйство - ухаживать за огородными теплицами, чему он был бесконечно рад и благодарен Богу, оказавшись после таких мытарств в тепле, чистоте, а главное - в дорогой тишине, как он выразился: "Прямо из ада в рай попал".

Кухтин, какими-то неизвестными путями, переселился в другой конец города, на более легкий труд (он по профессии был первоклассный краснодеревщик).

Петру Никитовичу Бог судил перенести очень тяжелые испытания: он заболел страшной, а для большинства ссыльных смертельной болезнью - водянкой.

С работы в деревню еле-еле довели, так что он едва успел на клочке бумаги передать жене коротенькое письмо:

"Луша, я прибыл на место, но описать тебе всего не могу, страшная болезнь уложила меня в постель, не знаю, останусь ли жив", - внизу записки, едва разборчиво, был написан адрес.

Глава 2.
Студенческие годы.

До тех пор, пока Павлик своими глазами не увидел отца за решеткой арестантского вагона, пока вагон на его глазах не дрогнул, и медленно, не останавливаясь, скрылся в тесноте станционного хозяйства, ему не верилось, что он расстался с отцом и должен возвратиться домой. Теперь что-то переменилось в сознании Павлуши: появилась какая-то смутная ответственность за свою жизнь и за жизнь оставшейся семьи. Приближалось его шестнадцатилетие.

Отказ в устройстве на бирже труда опечалил его. Страшил и совет верующих, посещавших семью, чтобы Павлик поехал в Москву и, смешавшись с беспризорными, попал при облавах в дет-колонию. Единственное место, где он находил себе развлечение по вечерам, была библиотека. Однажды, придя туда и усевшись за стол, где он обычно занимался техническим оформлением книг, не замечая себя, задумался, никакое занятие в голову не лезло.

- Павлуха, ты что приуныл? - спросил его зав-библиотекой, проходя с дедом Никитой мимо мальчика. Павел ничего не ответил, но нагнувшись, спрятал свое лицо.

- Ты что молчишь? - теребил его, наклонившись, заведующий. Но Павлик опустил голову еще ниже.

Из-за книжных стеллажей на разговор обратила внимание новая заведующая, дама лет тридцати - Александра Васильевна. Подойдя с другой стороны, положив тихонько руки на плечи мальчика, ласково спросила его:

- Павлуша, что-нибудь дома случилось? Скажи мне, пожалуйста.

- Да, - тихо ответил Павлуша, едва крепясь от слез, - папку арестовали ГэПэУшники и отправили куда-то на поезде.

- Кто же у вас остался дома-то? - поинтересовалась Александра Васильевна.

- Двое детишек маленьких, братишка с сестренкой, да мы с мамкой, - ответил Павел.

- А чем же вы живете теперь? - продолжал дед Никита, - карточки-то хоть оставили?

- Карточки взяли, как папку арестовали. Ходил я на биржу, просился на работу, дядька сказал: "Лишенцы вы, на работу устраиваться бесполезно." - А чем живем не знаю, мамка где-то достает, да сухари, что от мышей остались, доедаем, - рассказал он в ответ.

Все трое долго, сочувственно смотрели на Павлушку, потом молча разошлись на свои занятия.

Мальчонка остался один и, механически перелистывая картинки в книге "Домби и сын", увидел там всякие сцены с оборванными беспризорниками. Еще больше его сердечко сдавило горе, Павел встал и направился к выходу.

- Ты куда? Посиди до конца, - сказала Александра Васильевна. Когда отпустили людей, достала свои карточки, выстригла талоны и отдав Павлушке, сказала:

- Приходи каждый вечер, обязательно, может, чем поможем.

- Не горюй, парень, завтра поеду к своим, где-нибудь устроят, - утешал дед Никита.

Придя через день, Павлик сразу встретился с дедушкой.

- Ну как твои дела? - выходя из-за стола спросил его дедушка Дутиков. - Я был у сына и племянника и говорил с ними насчет тебя. Они велели приехать тебе туда на рабочем поезде - куда-нибудь устроят. Так что утром садись на поезд да поезжай, захвати какие есть справки. Адрес его я вот тебе написал, - с такими словами участия обратился к Павлушке дедушка. Это его так ободрило, что он с большой радостью возвращался домой, чтобы утешить мать.

* * *

Утром рано встал сам и, горя нетерпением, пришел на станцию заранее, чтобы не опоздать на поезд. Указанный дом он нашел без труда, но не нашел мужества войти в него, поэтому сел на ступеньки крыльца, не представляя себе, как же ему увидеть дядю Костю.

На заводе за рощей послышался предварительный гудок. Один за одним люди торопливо проходили мимо мальчика, заглядывая ему в лицо. Несколько человек прошли и с того крыльца, где он сидел, но никакой дядя Костя к нему не подошел. Так прокричал и второй гудок, а Павлушка упорно сидел на своем месте до самого обеда.

После обеденного гудка такой же людской поток еще раз прошел мимо него, рассыпался на улице и исчез, расходясь по домам. Некоторых женщин он приметил даже с утра, по одежде, но и опять Павел сидел на крыльце, никому ненужный.

Давно уже урчало в опустелом желудке, и знакомое чувство голода ощущалось где-то внутри. То ли обида, то ли какое-то отчаяние стало сжимать душу, слезы очень близко подошли к глазам и готовы были брызнуть. В кармане путался двугривенный на обратную дорогу. Бездомный пес уже не раз останавливался против Павлика, сочувственно заглядывая ему в глаза. "Пойти обратно на станцию", - мелькнуло у него в голове. Он поднялся и шагнул от крыльца.

- Ты кого здесь ждешь, мальчик? - прогремел густой бас в спину Павла.

- Дядю Костю Дутикова, - обиженным тоном ответил Павел и с надеждою поглядел в лицо незнакомого мужчины.

- Я дядя Костя Дутиков, но ведь ты просидел бы здесь до утра и никакого дяди Кости на улице не нашел бы. Откуда ты и кто тебя послал?

- Я из города, а меня послал дедушка в этот дом, вот я и... - Тут Павел не знал что сказать, но понял, что он сделал что-то не так, опустил голову, ему так хотелось заплакать, но этого сделать ему не дали.

- Эх, парень, а на работу приехал, разве таким надо быть в людях-то? Ну-ка, давай сюда руку, - проговорил дядя Костя и, ухватив мальчика, потащил его по ступенькам вверх, завел на кухню и представил удивленным женщинам Павлика, не выпуская его из рук:

- Вы поглядите на него, с утреннего поезда сидит на крыльце и ждет на улице дядю Костю! А я утром и на обед прохожу мимо, да еще подумал, чей это мальчишка ждет? И только теперь догадался, наверное, тот, что отец говорил. - Нате-ка, да покормите как следует, - обратился он к женщинам, из которых одна была женою дяди Кости, а другая - матерью жены.

- Через часок я приду за ним, - распорядился он и торопливо вышел.

Павлика за это время не только успели накормить, но и расспросить о домашних. С удивлением выслушали от него стишок: "Вот ворота пред тобою, А за ними два пути!" Обложили его книжками с картинками, а бабушка успела даже полюбить его.

- Ну, герой, пошли! - с дружеской улыбкой, вскоре входя в комнату, поманил его дядя Костя.

В заводском лесочке их ожидал высокий полный мужчина: это был прораб строительства. По национальности немец, он показался ему очень строгим. А оглядев мальчика, встретил возгласом:

- Уж очень ты щупленький-то, как зовут-то тебя?

- Павел Владыкин я, - ответил ему мальчик.

- Ну, ничего, пойдет! На кого ж тебя послать-то: плотника, столяра, арматурщика? - спросил его прораб.

Павлику вспомнилась картина арматурного завода, куда они от школы ходили на экскурсию, а в этой картине - блестящие бронзовые краники, трубочки, вентили и он, недолго думая, ответил:

- Арматурщиком!

Карл Карлович, так звали прораба, быстро написал записку и, подав в руки Павлика, указал ему, куда идти. Дядя Костя, расставаясь, объяснил:

- Это тебя пока, а осенью я определю или к себе - в конструкторское бюро, или пошлем в училище. Вечером, как на работе оформишься, нигде не болтайся, сразу же приходи ко мне, прямо на квартиру. Там тебя устроим, где жить - слышишь?

Павлушка кивнул головой и все разошлись, кому куда нужно.

В конторе, после несложной операции, мальчика оформили учеником-арматурщиком, и как артельщик не упирался, но был вынужден взять его и отвести под навес к артели:

- Вот привел вам работника! - насмешливо объяснил он артельным рабочим, - прошу любить и жаловать.

Загорелые и покрытые ржавчиной бригадники с усмешкой презрения приняли нового члена в свою семью, а когда артельщик надел на Павлика жесткие холщовые спецштаны, да затянул пояс у самой шеи мальчика, все хором расхохотались над ним. Но слава Богу, Павлик не понял в этом хохоте едкой насмешки и презрения, просто по-детски рассмеялся с ними и он. Потом, сложив остальную спецовку и инструмент в указанный ему шкаф, запер его и встал в ожидании.

- Да ты, говорят, ученый парень-то, городской, семилетку кончил, а вот в этих грамотках-то разбираешься или нет? - спросил его артельщик.

Только тут Павел пришел в себя и понял, что это не та блестящая арматура, какую он видел на заводе. Под навесом, на большущем столе, лежали стопами ржавые хомуты, скобы, мотки проволоки и прутья, а по поляне, уложенные в штабеля, топорщились железными ребрами, связанные колонны и перемычки.

На вопрос артельщика, Павлик всмотрелся внимательно в синие страницы чертежей и, подумав, взял со стола согнутый хомут в руки, а пальцем ткнул в синий эскиз:

- Вот он! - ответил он бойко артельщику.

- А почему ты думаешь, что это он? - спросил тот испытующе.

Павлик взял деревянный метр со стола и, измерив хомут, указал соответственно размеры на эскизе.

Артель сразу примолкла, а артельщик, хлопнув Павла по плечу, одобрительно проговорил:

- Да ты смотри, какой бедовый, оказывается! Пойдет дело парень, не робей! Сегодня иди домой, а завтра, по гудку, будь как штык на работе, понял?

Павлик кивнул головой и счастливой походкой, слегка вприпрыжку, вышел на улицу. Оглянувшись назад, он заметил, как артельщики, глядя ему вслед, что-то говорили, наверное, о нем.

С этого началась трудовая жизнь Павла Владыкина. И все-таки он был бесконечно рад, что в конце месяца, если будет хорошо работать, получит свои обещанные 27 целковых. Вечером старушка отвела его в деревню, к своей знакомой, на квартиру.

Нового жильца, в прокуренной избе, встретили с недопитым стаканом водки и пачкою недорогих папирос. Непредвиденный прием привел его в недоумение, но старушка защитила мальчика, устыдив компанию подвыпивших жильцов. Однако, как только старушка вышла, к парню приступили с новой силой, склоняя его выпить.

Страхом наполнилась душа Павлика, увидевшего перед собою этот соблазн. В мыслях его ярко проплыл образ Катерины, охранявшей его с детства, деда Никанора, строгий образ проповедника Николая Георгиевича, вспомнились слова его последней проповеди: "Блажен муж, который не сидит в собрании развратителей" (Пс.1, 1)... Растерянная, вечно бегающая мать, и ее наставления. Наконец, отец за решеткой арестантского вагона...

Все они остались теперь где-то далеко, но страх Божий помог одержать великую первую победу теперь, когда он оказался среди развратителей, вдали от святого христианского влияния.

- Нет! - ответил Павел, строго поглядев на старшего из них, и рукою отодвинув прочь соблазн греха, встал и пошел к двери.

- Я никогда не буду пить это зелье, этот яд, погубивший многих!

Вслед ему компания пьяными голосами грянула песню, но захлопнувшаяся дверь за спиною паренька, оборвала ее.

Утром Павел встал со всеми. За завтраком хозяюшка объявила ему, что с него она будет брать в месяц 20 рублей за квартиру и двукратное питание, утром и вечером, а в праздники три раза.

По воскресеньям, раз в месяц после получки, он навещал семью и оставлял матери 4-5 рублей.

В артели его скоро полюбили за смышленость и исполнительность, так что жалованье ему повысили до 45 рублей. Это принесло большую радость Луше и немалую материальную поддержку, потому что ежемесячно сын стал привозить ей 18-20 рублей.

Осенью было исполнено обещание дяди Кости. Из предложенных двух вариантов Павел избрал училище и, сдавши экзамены на отлично, в составе 30 человек, юношей и девиц, поехал в г. Подольск на учебу.

Училище он полюбил из-за ласковых старых преподавателей, дружных и простых товарищей, какие окружали его, а с ним полюбил и свой закопченный заводской поселок.

После приемного экзамена Павлу объяснили, что он принят сразу во второгоднюю группу, где он с большим усердием принялся за учебу. Особенно полюбились ему практические занятия в мастерской, среди живописной природы, на берегу реки Пахры.

За выдающиеся успехи Павлик был вскоре награжден хорошим костюмом, а его изделия помещены среди экспонатов других учеников на показательном щите. Блестяще он сдал экзамены и за полугодие, в результате чего было решено: трех человек из их группы перевести в группу с повышенной программой.

Правда, голодное лето 1931 года заставило некоторых ребят, в том числе и Павла, добывать себе пропитание нечестными путями. Темными вечерами они уходили за поселок к городу и там, украдкой, выкапывали овощи, чем поддерживали себя и девушек-учениц от недоедания. Это дало повод к составлению более опасных планов, которые, к счастью, совершить им не удалось, так как здравый рассудок и сознание остановили их.

Павлик как-то сразу повзрослел и посерьезнел, особенно после того, как ему передали, что Маруся, соседняя девушка по слесарным тискам, не чает в нем души. Она была тихая, скромная и внешне приятная. Когда он однажды подошел к ней, чтобы спилить изделие в тисках, она любезно и с улыбкой согласилась, но при этом залилась ярким румянцем. С этих пор Маруся, в его глазах, стала хорошеть с каждым днем. Павлуша вспомнил недавние школьные годы и привязанность к Вере, но по сравнению с той, чувство и влечение к Марусе было совсем другое: более глубокое, сильное, волнующее. Девушка эту взаимность заметила, и хотя они на словах не объяснялись еще, но во взаимоотношениях стали заметно и сдержанно сближаться, страх Божий у Павла угасал.

* * *

Вскоре Павел был привлечен к общественной работе. Совершенно незаметно для себя, он стал самым явным активистом и, в числе значительной группы молодежи, выезжал по селам с антирелигиозной пропагандой. Правду сказать, отрицать Бога и достоверность Библии он боялся, но в беседах с деревенским православным духовенством, оказался очень опасным для них противником, доказывая обман православных обрядов. Где бы и с кем бы Павел не состязался - противники были явно удивлены, откуда парень знает так хорошо религию.

Связь с Марусей, общественное положение, успехи на работе и учебе быстро подняли его над окружающей молодой средой и создали ему авторитет.

До этого он был малозаметным подростком, а с возрастающим авторитетом Павлик заметил, как стал привлекать к себе внимание окружающих девушек, и по внешности он выглядел уже не подростком, а юношей.

Правда, надо сказать, что семена целомудрия, посеянные в детстве, делали его сдержанным и, порой, строгим к девушкам, что еще больше поднимало его в их глазах. Он избегал тех ребят, от которых слышал непозволительные отзывы о них. С сожалением относился к девушкам более свободного поведения, но не оскорблял из них никого и не презирал, поэтому и был обожаем ими.

Маруся часто тянула его к более легким развлечениям в обществе, он этого сторонился и удерживал ее, поэтому и любовь между ними была неуверенной, да и не развивалась так, как бы ей того хотелось. Она стала позволять себе любезности с другими ребятами, желая, видимо, вызвать ревность в сердце Павла. Павлик же был незнаком с такими деталями и, оставаясь в прежней строгости, сделал вывод, что это ненадежная ему подруга, и держал себя по отношению ко всем девушкам одинаково. Маруся после этого еще больше попыталась приблизиться к Павлу, виновато осуждая себя за прошлые вольности, но он по-прежнему оставался неизменным в строгости.

Однако, любовь есть любовь, и юноша стал чувствовать, как он иногда делался бессильным перед разными осадами искушений. Ему очень не хотелось безотчетно отдаваться этому чувству, но сохранить свою цельность. Для этого ему нужен был образец. Библейские же образцы ускользали от него, а силы падали. В это время, к его счастью, в поселке произошел случай, который потряс буквально всех.

Среди поселковых девушек была одна очень красивая, но к сожалению, немая. Этот недостаток настолько унижал ее перед мужчинами и в своих глазах, что она не устояла, и впоследствии была рада любому мужчине, уделившему ей хоть какое-то внимание. Внешне она следила за собой с особой строгостью, Павел долго с большой жалостью наблюдал за ней, но бессилен был ей чем-то помочь. Кроме внешности она обладала хорошей, чуткой отзывчивой душой. Родных у нее не было, она росла сиротой.

В это время, по соседству, овдовел бухгалтер завода - человек строгий, трезвый, хозяйственный. Похоронив умершую жену, он через несколько месяцев обратил внимание на немую девушку и имел с нею очень серьезное объяснение. Немая, почувствовав в нем искреннее стремление к ее спасению, оплакала свое порочное прошлое, согласилась стать его женой, дав обещание быть верной своему благодетелю. Бухгалтер со своей стороны обещал ей все простить, взяв ее позор на себя, любить и быть мужем ее до конца. По этому поводу был, у него на квартире, очень скромный семейный вечер, после чего все в поселке видели их всегда неразлучными. Немая оказалась ему верной и нежно любящей женой. Вскоре после свадьбы они оба исчезли, неизвестно куда, и возвратились лишь спустя две-три недели. К своему изумлению, жители поселка из ее уст услышали по-смешному произносимые, немногие ломанные слова. А через сравнительно короткое время, она счастливая, уже обменивалась со знакомыми немногими, но ясными, четкими словами. Оказалось, что муж ездил с ней в институт, и там ей сделали весьма несложную операцию. Через несколько месяцев, счастливую чету видели опять в поселке вместе, но уже с малюткой на руках. Этот случай послужил Павлику очень ценным образцом и помог во взаимоотношениях как с Марусей, так и с остальными девушками, утвердиться в строгости, имея к ним чистое, доброе расположение.

Глава 3.
Помощница.

Прошло два месяца с тех пор, как Луша проводила своего мужа в неведомый мученический путь, когда он скрылся от нее в тамбуре арестантского вагона. Уже зажили кровавые следы на плечах от сумы, сынишка настолько окреп, что самостоятельно сидел без подушек. А сердечная рана от скорбной разлуки с дорогим мужем ныла все сильнее и сильнее. Где он? Что с ним? Как он??? Неутолимая ни на минуту боль не давала сердцу покоя ни днем, ни ночью. Днем, среди бесконечных хлопот, Луша замечала за собою, что с мокрой тряпицей в руках, стоя над корытом, она забывалась в раздумье о Петре. Ночью, в бреду, особенно в непогоду, выбегала на голос Петра к двери.

Он не выходил из ее сердца и в самые тягостные дни ее жизни, когда семья доедала последний кусок хлеба, а завтрашний день не сулил ничего утешительного.

- А как он там? - утешая деток, думала она про мужа. Но когда милость Божия переступала порог ее кухни с краюшкой хлеба или кошелкой картошки, сердце зудело еще больнее:

- А он-то, как теперь?

Никогда она не чувствовала так близко мужа своего во всей короткой совместной жизни, как теперь. Никогда он не был таким родным, таким близким, глубоко желанным, как теперь.

Ей хотелось тот путь, от тюрьмы до станции, каким они прошли вместе два месяца тому назад, продлить куда-то дальше, туда... в тамбур арестантского вагона, нет - нет, куда-то еще дальше.

Однажды ей, в живом воображении, представилось, как они вместе, держась за руки, пробираются через топкие болота по колено в трясине, с тяжелою сумою на плечах, к теряющейся в вечернем сумраке убогой хижине - как вдруг над головой раздался знакомый уже, металлический голос конвоира:

- Стой! Вернись! Ты что, с ума сошла?

Как будто под ногами у нее что-то расступилось и она погрязла еще глубже, но Петр поддержал ее, и из глубины души вырвалось такое сердечное, решительное:

- Я жена его! И никуда от него не отойду!

- Господи, Иисусе Христе! Да что это со мною, чаво это я размечталась? - всполошилась Луша, очнувшись.

- Вла-ды-ки-на! Доплатное письмо возьмите! - со стуком в окно раздался голос почтальонши.

Сердце дрогнуло, а как увидела родные каракули мужа на конверте - руки затряслись, и она, теряясь, долго не могла сообразить, где же его распечатать. Наконец, отщипнув угол двумя пальцами, достала узкую полоску серой кулешной бумаги.

"Луша, я прибыл... страшная болезнь... на постели... останусь ли жив..." - лихорадочно сердце прочитало самое волнующее, остальное осталось даже незамеченным.

Как плеткой хлестнуло по сердцу, снизу к горлу хлынула удушливая волна отчаяния, а с нею вместе лицо обдало жаром.

- Он умирает, голодный, больной, - как молния промелькнуло в сознании. Самое первое, что приступом подкатило к ней, как к страдающей, любящей женщине - это волна рыдания; ресницы дрогнули, и она упала на подушку, но какая-то неизъяснимая, непомерная сила собрала всего внутреннего человека в упругий комок, а в сознании прозвучало: "Не время, надо спешить, спасать!"

Сердце Луши сосредоточилось над яркими конкретными мыслями: немедленно ехать, спасать от голода и смерти, туда в эти болота, в топь, какую она уже видела как в полусне.

Глаза невольно опустились на стол: остатки недоеденной картошки "в мундире", и аккуратно завернутая в полотенце четвертушка ржаного хлеба - вот все, что осталось у Луши для семьи.

К коленям, поднявшись с кроватки, ковыляя, подошла дочурка и, теребя рученькой мать, пролепетала:

- Ма-а, хе-ебца-а!

Тяжело вздохнув, Луша проворно отрезала тоненький ломтик, посыпала немного сольцей, подав малютке, взяла ее, целуя, на руки и бережно положила опять в кроватку.

- Умница ты моя, спи с Богом! А мне надо добежать к бабушке, да добыть хлебушка тебе и папе; папа-то наш больной, и тоже кушать хочеть, надо и ему хлебушка отвезти; ты ведь поделилась бы с папой хлебушком?

Малютка взглянула на свой тонюсенький ломтик, отломила кусочек и, протянув рученьку, прошепелявила:

- На, пеедай папи, а посему его так дойга нету?

Тут Луша не вытерпела, бросилась на подушку и выпалила истошно, обняв голову руками:

- Боже мой, милостивый, нет больше сил, поддержи меня!

- Мама, не пьяц, папа пиедет к нам! - пролепетала дочурка, теребя свободной рученькой плечо матери.

Это как-то подняло Лушу, она сразу взяла себя в руки и, торопливо накинув на голову полушалок, помолилась. Одевшись, с сумкою в руках, вышла на улицу. На дворе, в густых осенних сумерках, суетились запоздалые хозяйки и пугливо шарахались голодные бездомные псы.

Навстречу Луше, цокая по мостовой подковами, проехал ломовой извозчик, неторопливо везя гору, аккуратно покрытого брезентом, горячего хлеба. Волнующий запах ударил в лицо и грудь, Луша жадно вдохнула его несколько раз. Она только теперь вспомнила, что кроме 4-5 горячих картошин, без хлеба, с утра еще ничего не кушала. Опустив руку в карман, нащупала корку и вспомнила, как еще утром, обрезая ковригу, на ходу, машинально положила ее туда. Теперь, усердно разжевывая, она проглотила ее, и что-то внутри вроде успокоилось.

Вбежав в квартиру своей сестры и увидев Катерину, приехавшую из деревни на несколько дней, Луша прямо с порога проговорила:

- Мамк! Петя письмо прислал, больной и при смерти, бегу добыть чего-нибудь, да поеду к нему, надо ведь спасать; ты соберись-ка ко мне, ребята-та остались одни, а я побегу...

- Да куда ж ты на ночь побежишь-то? - Ахстись! Завтра день будеть, проходи с порога-то, садись к столу, да путем расскажи нам все, - возразила сестра Поля.

- Полюшка, ведь это вам можно ждать до завтра, а мне нельзя, ж-и-с-т-ь мужа решаеца - проститя, Христа ради, я уж побегу - ответила Луша и, повернувшись, быстро вышла.

Катерина заторопилась одеваться и, молясь про себя, тоже вышла вслед за своей горемычной дочерью.

Спотыкаясь на выбоинах мостовой, Луша торопливо подошла к хлебной лавке со двора и, дернув за ручку дверь, робко шагнула в лавку. Худенький, живой мужчина, вытирая постоянно мокрые губы, в недоумении уставился на нее.

- Максим Федорович, голубчик! Не ругай ты меня за позднее беспокойство, - виновато проговорила Луша. - Я пришла к тебе с большой просьбой, да не знаю как сказать-та: горе у меня с Петей, прислал вот письмо, больной при смерти, хочу ехать к нему, да как ехать с пустыми руками-та, а ведь у меня, сам знаешь, - живем, что Бог пошлет.

Луша протянула завмагу письмо. Он осторожно взял его и, быстро прочитав, покачал головою:

- Пет Никитыч! Пет Никитыч, какую судьбу тебе Бог судил, - скороговоркой шепелявя, проговорил Максим Федорович. - Очень хорошо, что ты пришла; это у тебя мешок что ль? - спросил он Лушу, показав ей на сверток под мышкой.

- Да, сумка-а... - ответила Луша.

- Ты иди-ка, закрой ставни у лавки, а я сейчас приготовлю, - сказал он ей.

Когда Луша возвратилась, Максим Федорович отложил уже с полок несколько румяных ковриг ржаного хлеба и белого, того самого, что Луша встретила по дороге, аппетитно провожая вслед.

- Держи мешок! - скомандовал он ей, - да ты маловато взяла-то, ведь на край света поедешь, возьми-ка, вон у меня побольше и, переменив у Луши ее сумку, старательно, ковригу за ковригой, стал втискивать хлеб.

- Хватеть, Максим Федорович! Ведь тебе отчитываца надо по талончикам, - предупредила Луша.

- Отчитаюсь, небось, перед людьми - не перед Богом, - с печалью ответил он.

Уже третий год, как Максим Федорович оставил церковь, охладел, запил, и несмотря на то, что он в это голодное время был заведующим хлебной лавкой, в душе своей мучился, тем более, что он любил Петра Никитовича и верил в его преданность Богу.

Провожая Лушу, он сунул ей пачку денег со словами: "А это тебе на дорогу, все равно пропью, пусть будет на дело Божье, может помянет меня Господь".

Луша, возвращаясь домой, ноши не чувствовала на плечах, добежала, не переводя духу, и только, когда села на лавку, заметила, что полушалок весь мокрый от пота.

Весь следующий день прошел в беготне и сборах: город-то не один раз пришлось перебежать вдоль и поперек по верующим, в поисках достаточных средств на дорогу, да надо было оповестить и семью Кухтина, чтобы с сыном уговориться ехать вместе к отцу, а к вечеру пришлось пробежать по ближним деревням за продуктами.

Уже поздним вечером Луша, уставшая, но радостная, с полной корзиной яичек, солонины и прочего добра пришла домой.

Дома, несмотря на поздний час, никто не спал, все ждали единственную кормилицу - мать; надо было утешить и уложить спать детишек, а остаток ночи Луша с Катериной провели в сборах и упаковке.

Когда было все увязано, мать с дочерью попытались поднять на плечи, но истощенным женщинам это оказалось не под силу.

- Ой, батюшки мои! Да как же ты будешь пробираца - веть на край света ехать-та... а, - заголосила Катерина.

- Мамка! Бог поможеть! - ответила Луша и повалилась, не раздеваясь, на постель.

В соседнем дворе петух оповестил зарю. За окном, у кооператива, утренними сумерками, женщины спорили в очереди за хлебом.

До Москвы Луша с сыном Кухтина добралась без особых трудностей. Провожать их пришли кое-кто из верующих. Помолились, поплакали, но утешались упованием на Господа. В Москве, на Ярославском вокзале, творилось что-то невообразимое. Подошедший поезд до Архангельска осаждала сплошная масса, нагруженных до отказа людей: с мешками, узлами, чемоданами и корзинами. Люди рвались в вагоны - все это родственники ссыльных, пробирающиеся к ним на север.

Луша с парнем стояли в стороне от этого столпотворения, не видя никакой возможности сесть в вагон.

- Теть Луш, - возбужденно указывая на окно, проговорил парень, - ты видишь окно открыто? Я сейчас полезу в него, ты передашь мне вещи, а потом и тебя втащим.

Это предприятие оказалось утешительным для путешественников. Откуда только взялась энергия: парень в одну минуту, при поддержке Луши пролез в окно, и все вещи один за другим были поданы и уложены в вагоне. Подошедший мужчина помог Луше пролезть в вагон через окно. Когда они оказались в вагоне и пришли в себя, то поняли, что это Бог надоумил их на это дело. Они погрузили все в целости и сами были устроены чудесным образом - это второе, что ободрило Лушу в далеком неведомом пути. Это сознание утешало их почти двое суток, несмотря на то, что вагон был переполнен так, что негде было ступить ноге, и люди буквально задыхались от спертого воздуха.

В Архангельск приехали утром, город их встретил густым туманом и колючим холодом, пароходные гудки как-то непривычно пугали сердце Луши.

Огромная толпа людей томилась в неведении: когда придет паром и перевезет их через реку в город, на другую сторону?

Ледяные поля загромождали реку, и пароходы с трудом преодолевали препятствия.

Наконец, недоумение рассеялось, по толпе прошел радостный гул: ""Москва" идет!" Сквозь разрывы тумана, пробиваясь через льды к причалу, медленно, то и дело гудя, приближался пароход-паром. И опять, не дождавшись трапа, огромная людская толпа хлынула для переправы, цепляясь за что возможно, карабкаясь на палубу, как будто людей гнало какое-то неотвратимое бедствие.

Еще в ожидании на берегу, к Луше с парнем подошел какой-то мужчина, и узнав, что они едут к ссыльному на Саломбалу (островной район Архангельска), весьма любезно пожелал проводить их, куда нужно, и даже помочь в розысках. Луша доверчиво отнеслась к этому, хотя провожатый и не преминул кое-что украсть - люди от голода обезумели.

После того, как выгрузились, Луша без особого труда нашла тот дом, который был указан Петром в адресе, а как подошла к нему, сердце у нее привычно сжалось в вопросе: что ждет меня здесь? Жив ли он, или умер? Успела ли? Увидит ли она его, или придется только могилу мужа облить слезами в этом суровом нелюдимом крае? Дернув звонок, они замерли в ожидании.

Утренний туман рассеялся, и над головою открылось небо, но какое-то необыкновенное, не свое родное, нежно-бирюзовое, а темное, страшное, чужое. Сердце замирало от всего этого, при виде, как по небу, вдруг зыбясь волнами, задвигались разноцветные зловещие переливы.

- Ах, Мишка, погляди, что это такое? - испуганно, порывисто проговорила Луша, указав парню на страшное, жуткое явление на небе, - как это ужасно!

Парень вспомнил из школьных уроков и где-то виданных картинок и ответил Луше не без трепета:

- Теть Луш, это, наверное, северное сиянье. Нам учительница объясняла в школе, но какое оно страшное!

В это время пожилая женщина недоверчиво открыла калитку и спросила, глядя на неожиданных гостей:

- Вам кого?

- Владыкина Петра Никитовича разыскиваю я! - ответила робко Луша.

- А вы кто ему доводитесь? - продолжала хозяйка.

- Жена! - уже смелее, но с замиранием ответила Луша.

- Жена? Какая вы молодая, а он ведь такой старый, - удивленно заметила женщина.

- Да мне-та что делается, я ведь дома живу, а он сколько уж лет скитаеца-та, да и моложе ево я немного. Да не томитя вы душу-та, жив ли он, или уже на погости? - нетерпеливо проговорила Луша.

- Да вы уж заходите в избу, что же мы у калитки разговорились-то? - с этими словами хозяйка пропустила их в комнату и усадила на лавку.

- Про Петра Никитовича я могу вам сказать, что он сильно заболел и живет где-то в деревне. Вам, конечно, его не найти, а проводить и разыскать его, послать с вами некого. Поэтому жив он или нет, я этого не знаю, да и не знаю, что вам посоветовать.

- Да что-шь сказать? Ждать мне, касатка, некогда: у меня дети остались дома малыя, а вы вот разрешитя мне вещи у вас оставить и выведитя, да покажитя хоть путь-дорогу, где его искать, - попросила Луша.

Хозяйка оказалась из верующих и охотно отозвалась на ее просьбу, поэтому они немедля собрались в путь, и Луша взяла с собою лишь только часть груза. Подведя к обрыву, хозяйка показала им, куда идти, и они торопливо спустились вниз, к переправе через реку. Небольшой пароход перевозил через рукав С. Двины на другую сторону, где в основном и ютились ссыльные. На нем они перебрались на другой берег.

Там парню долго пришлось разыскивать контору, и, наконец, он нашел, что надо.

Оказалось, что Петра Никитовича поместили в верстах 5-ти за лесом, в деревне, и дали точный адрес и номер дома, а Кухтин жил в другом конце города. На берегу парень расстался с Лушей и с тем же пароходом возвратился в город разыскивать своего отца, а она, взвалив мешок на спину, направилась в лес, куда ей указали.

По дороге ей попадались оборванные, изможденные ссыльные, работавшие в лесу. Никакая женщина в нормальное время не отважилась бы идти в неизвестную лесную чащу, в гущу этих голодных несчастных людей, да еще на ночь. Но Луше некогда было подумать о себе, одна лишь мысль все сильнее и сильнее овладевала ее душой: "Где он здесь, в этих дебрях, и жив ли?" Веревки от мешка так больно резали плечи, ноги обутые в простые мужицкие ботинки, в тоненьких чулках ныли неизвестно от чего. Зайдя в чащобу, Луша стала одного за другим спрашивать у ссыльных о нужной деревне, но люди, пожимая плечами, или совсем не знали, или, что еще хуже, показывали сбивчиво, неопределенно.

Тайга посерела от надвигающихся сумерек, дороги не было, а тропинки, от штабеля к штабелю, по неглубокому снегу только путали ее. Наконец, она решилась идти прямо по целику. Густые заросли больно царапали руки, цепляясь за одежду и платок. Ноги или проваливались сквозь тонкую пленку льда в болото, или непослушно спотыкались о корявые запорошенные валежины.

Не один уже раз приходилось больно падать на коленки, неожиданно спотыкаясь, через предательски запорошенные снегом, сучлявые бревна. Несколько раз веревку на плече приходилось сдвигать с уже натертого рубца, которая через минуту опять непокорно ложилась на прежнее место. Где-то уж близко подходило и отчаяние: "Выберусь ли, или где-нибудь здесь, на этой ужасной чужбине, может быть, невдалеке от могилы мужа, упаду и я? - пугали леденящие душу ужасные мысли. - А, может быть, еще жив? А как там малютки? Надо идти", - и она шла...

У небольшого костра грелись ссыльные. Луша подошла к ним и голосом, дрожащим от обиды и горечи, спросила их:

- Мужики, я из сил выбилась, ищу маво ссыльного мужа, он лежить больной в деревне П., может быть, вы знаетя, как выйти на эту деревню?

Зрелище было потрясающее: перед ними стояла женщина с большим мешком за спиной. Из-под сбившегося на бок полушалка, непокорно торчали в беспорядке волосы. Руки, в кровавых ссадинах, беспомощно висели, как плети. Разбросанные по неглубокому снежному следу, ярко пестрели бисеринки застывшей крови. Сквозь прилипший к чулкам снег просачивалась кровь. Умоляющий взгляд Луши, и весь ее вид привел в содрогание сидящих мужиков.

Один за другим они молча встали перед ней, как бы в каком-то благоговении, и самый старший из них глухо проговорил, глядя Луше в глаза:

- Да, голубушка, лишь немногие из наших жен способны на такой великий подвиг. Я первый раз в жизни встречаю такое! Ну что ж, Бог тебя приведет к твоему мужу, а любовь твоя поднимет с постели. Деревни этой мы не знаем, их поблизости много, мы ведь тоже, как твой муж, здесь на чужбине, а вон, на окраине леса, стоит кузница, кузнецы в ней местные, они тебе уж, наверняка, покажут.

Луша, успокоенная, пошла по указанному направлению, проваливаясь в снег.

Ссыльные мужчины долго еще стояли молча, каждый объятый своей думой, глядели, как согнутая от груза женщина, пошатываясь, пробиралась вперед.

Старший из них, взглянул на ее след, пригнулся и, встав рядом на колени, что-то бережно собрал в пригоршню. Затем, поднеся к лицу, поднял голову вслед Луше и произнес, как бы про себя, глядя на застывшие капельки крови в руке:

- Вот они где подтвердились, кровью написанные строки:

В пустыне греховной земной,
Где неправды гнетущий обман,
Я к Отчизне иду неземной
По кровавым следам христиан...

Впоследствии выяснилось, что это был брат-христианин, Белавин.

Кузнецы издали заметили, как, пробираясь через чащобу, поднимая под ногами рыхлый снег, тяжелою походкой к ним пробирается человек, к крайнему удивлению, это оказалась молодая женщина. Они вышли из кузницы на воздух.

- Бог на помощь вам, люди добрые! - переводя дыхание и слегка разогнувшись, выпалила разом Луша. Потом подошла спиной к кузне, не снимая ноши, прислонилась к стене.

- Спасибо, матушка! Да куда бредешь-то в такой поздний час? Давай, хоть мешок-то сниму с плеч, глянь, как он придавил тебя! - проговорил сочувственно кузнец и подошел к ней, чтобы помочь.

- Нет, касатик, мешка я не сыму, пока притерпелась, а сыму - уж больше не надену, видать там чаво-то липнет. Из Москвы я, к ссыльному мужу пробираюсь, да не знаю, застану ли живова-та, да вот путаюсь по чащобе-та, сил моих нет, а люди не знают деревни-та. Расскажите мне, Христа ради, как выйти на деревню П.? - спросила Луша.

- Рассказывать-то тут нечего, деревня вон, за кустами виднеется, - указав рукою, проговорил кузнец, - да ведь ты не пройдешь в нее, тут вот овражек по дороге, а в нем ручей, хоть неширокий, но глубокий, тебе не перейти его. Передохни два-три часа, если хочешь, проводим.

- Да что вы, батюшка! Нешто можно ждать! Пойду. Где не пройду - Бог поможеть. Самое страшное прошла, а уж тут-та чаво осталось, - возразила Луша.

- Ой, молодушка, страшное-то у тебя еще впереди; что ж, помоги Бог! Вот, иди по этой стежке, она к перекату идет. Не перейдешь - вернись, подождешь - поможем, - сочувственно показал ей кузнец.

Луша оторвалась от стены, пошатываясь пошла, куда ей указали, и вскоре подошла к ручью. Перейти его было нельзя, и она, пройдя вдоль по берегу, нашла самое узкое место. К ее счастью, на самом бережку лежал хороший гладкий кол, видно, уже кто-то здесь пробирался. Кол оказался настолько длинным, что его хватило с избытком на другую сторону. Какой-то радостью наполнилось ее сердце, она медленно опустилась на землю, сняла мешок с плеч и, вставши на колени, помолилась. Плечи сильно загорелись огнем. Луша решила посмотреть, что там. Сняв теплую фуфайку с плеч, рукой она нащупала, что платье прилипло к ним. Из-за нетерпимой боли оторвать его было нельзя. Разыскав тряпок, она положила их под фуфайку на плечи и, одев ее, поднялась на ноги. С очень большим напряжением, Луша, при помощи кола, перебросила мешок на ту сторону. Затем, пробивши лед, напрягла последние силы, опираясь на кол, перепрыгнула ручей сама и, нимало не задерживаясь, простонав сквозь зубы, взвалив мешок на плечи, тронулась к деревне. Расспрашивая ребятишек, Луша нашла, наконец, нужный дом. Тихо вошла она во двор, а затем толкнув одну из дверей нижнего этажа, шагнула в комнату. В ней из людей никого не было. Четыре кровати стояли вдоль стен. Тяжелый воздух ударил ей в лицо. Взгляд невольно остановился на одной из кроватей, сердце вздрогнуло от испуга. Большая груда чего-то непонятного была покрыта ее собственным одеялом, какое она, когда-то, передала мужу в тюрьму. Сбросив

осторожно мешок, она шагнула к знакомому одеялу, но в это время открылась дверь из соседней комнаты, и оттуда с испуганным видом вышла женщина - хозяйка дома.

- Тише, тише! Кто вы? Куда? Зачем? - проговорила полушепотом она, - к нему нельзя...

- Проститя меня, я увидела свое одеяло, мужа сваво ищу я, Петра Никитыча Владыкина, - не отступая от кровати, объяснила Луша и, ухватившись рукой за одеяло, наклонилась над таинственным бугром.

Она не слышала, как что-то объясняя ей, говорила хозяйка. Дрожащей рукой Луша приподняла край одеяла, а за ним отвернула угол тулупа. Перед ней лежало что-то совершенно невиданное: огромное туловище оканчивалось подобием головы. Все выглядело сплошной массой: вместо глаз, под полосками бровей, ниточкой обозначались веки, а под тем местом, где должен быть нос, виднелось маленькое круглое отверстие рта, и лишь только родимая изюминка около носа убедила Лушу, что это был ее муж.

- Петя! - сдержанно вскликнула она. Ниточки глаз дрогнули и медленно открылись узенькой щелью, в которых Луша заметила искорки жизни.

- Луша! - послышалось едва уловимое для нее. Гора чуть заметно пошевелилась, из прорезей глаз одна за другой выкатывались росинки слез, стекая вниз.

Без какой-либо помощи, одиноко, вдали от семьи и любимых, дорогих, мучимый голодом и ужасным недугом, борясь со смертью, лежал Петр Никитович Владыкин, в нетопленой комнате, с подобными себе, обреченными на смерть. Но милость Божья, в лице жены, шла с поспешностью, оставляя окровавленные следы, неся на израненных плечах подкрепление издалека, и с исцарапанными руками открывала дверь ужасной горницы, в которой уже царил запах смерти.

Жена, увидев его в таком виде, чуть не упала перед ним в отчаянии, решив, что возвращения к жизни не будет.

Петр, угадывая ее мысли, проговорил:

- Луша, ты не бойся, я не умру, выздоровлю, тебя Бог послал не напрасно, мне Он открыл, что я еще должен потрудиться для Него. Посадите меня и прислоните к стене.

Луша с хозяйкой, приложив немало усилий, приподняли его и посадив, прислонили к стене. Первое, что он умоляюще произнес:

- Луша, поесть-то у тебя найдется? Дай!

- Петя, ты успокойся, харчей я привезла много, и щас понемногу буду давать тебе, только наберись терпения, кормить я буду часто, но понемногу, пока не окрепнешь, - успокоила его жена.

С жадностью от выхватывал из рук ее пищу и уродливыми, раздутыми пальцами поспешно заталкивал в отверстие рта.

Тело его было настолько безобразно раздуто, что невозможно было надеть на него никакое белье. Большой крестьянский тулуп, подаренный ему братом, едва укрывал голое тело. Успокоенная, отчасти, жена, хоть и не без слез, но с довольством глядела на него, как он глотал пищу, убеждаясь, что недаром она перенесла столько мытарств, ища мужа.

Вечером, по просьбе Петра, хозяин охотно разрешил истопить баню, но втиснуть в нее больного Петра стоило ему с сыном и Лушей невероятно огромных усилий. На полоке при температуре, невыносимой для нормального человека, Петр пролежал около трех часов, пока внутренняя вода не стала выходить из него ручьями через распаренные поры.

Сколько было радости, когда он, получив облегчение, при содействии жены, уже без большого труда вышел из бани, но это было только начало лечения.

Оставить его в таком виде - это значит, оставить на погибель. Надо было лечить, а для этого необходимо направить в больницу. Так было и решено. После 2-3х дневного отдыха, Луша повезла мужа в город.

Много ей пришлось испытать тяжких трудностей, чтобы обезображенного, больного мужа доставить в больницу.

С раннего утра они пробирались в город с большим трудом. Из многих лодочников она нашла того, который согласился перевезти их к пароходу. Еще большие трудности пришлось встретить ей, когда пряча мужа от начальства и людей на пароходе, надо было переправляться через реку в город. Но Луша совсем пришла в отчаяние, когда уже в городе, перевозя его от больницы к больнице, получала отказ.

После неоднократного такого отказа, она села на ступеньки и горько, навзрыд, заплакала. В стороне стояла запряженная старенькая рабочая телега, где на тряпье лежал в тулупе больной муж. Видя убивающуюся в горе женщину, возчик грубо, неумело, но как можно сердечнее утешал Лушу:

- Да что ты убиваешься-то, горе ведь не самое большое у тебя, чай, ведь не в последнюю мы больницу приехали, поедем дальше, нападем на добрых людей, Бог не без милости.

Из уличной темноты, направляясь к крыльцу больницы, вышел прилично одетый мужчина и, взглянув на Лушу, спросил, слегка склонившись над нею:

- Гражданочка, о чем это вы так горько плачете, что у вас случилось?

- Да, батюшка, как же не плакать, - прерываясь между рыданиями, проговорила Луша, кивая головой на телегу, - вон мужа, еле живого, вожу от больницы к больнице, нигде не принимають, и сама, еле живая от устали, забыла уж, какой день голова на подушке не лежала.

Мужчина подошел к телеге, молча поглядел на Петра и, проходя мимо Луши, ответил ей каким-то таким голосом, какого она давно уже не слышала:

- Успокойся, перестань плакать! Пойдем и расскажи мне, что с ним?

Пройдя в небольшую комнату, Луша села на табуретку и, вытирая слезы, рассказала о муже, как смогла. Мужчина быстро написал что-то на бумаге и передал Луше со словами:

- Поезжайте в больницу №... и скажите там в приемной, что вас послали из этой больницы и просили больного немедленно принять. Если же там будут отговариваться, то подайте эту записку.

Луша, сквозь слезы, поблагодарила и, торопливо сойдя с крыльца, передала это извозчику.

- Ну вот, а ты убивалась, Господь-то, вон эдак. Поедем полегоньку туда, я знаю тут ведь все, - и ободренные надеждою, они скрылись в сумерках улицы. Легкой рысцой по досчатому настилу, лошаденка быстро подкатила их к нужной больнице.

На просьбу Луши о приеме мужа и здесь ответили, что сегодня у них неприемный день, а потому принять не могут. Тогда она подала записку, и сердце замерло в ожидании. С запиской ушли куда-то по коридорам. Через 10-15 минут в дверях появился мужчина в сопровождении прежней дежурной и очень любезным голосом спросил:

- Кто передал это письмо?

- Я, - робко ответила Луша.

- Очень приятно, прошу вас, пройдите со мной, - и провел ее в светлый просторный кабинет.

- Вы расскажите мне все подробно, ничего не скрывайте и не бойтесь: фамилию, имя вашего мужа, откуда вы, когда и за что сослан, где и когда заболел. Также скажите состав вашей семьи. Я являюсь врачом в этой больнице, - спокойно и, как показалось Луше, очень ласково, прямо не по-докторски, проговорил он.

- Мы из-под Москвы, - начала Луша, - мой муж Петр Никитович Владыкин, скрывать я от вас не буду, а скажу прямо, его арестовали за Слово Божье, так как он в церкви был руководящий. Заболел недели три назад, прямо на работе, тут, без меня. А я уж третьяво дня приехала, застала его чуть живым. Мы баптисты по вероубеждению, дома остались трое детей мал-мала, и старуха-мать, вот и все, касатик.

- Так вот, моя уважаемая, - начал врач, - вы совершенно успокойтесь, вашего мужа мы сейчас примем, и примем все меры, какие потребуются с нашей стороны, а здоровье ему пошлет Бог. Вы сейчас в зале разденьтесь и посидите, пока вас вызовут, а приемной сестре покажите вашего мужа.

Луша порывисто поднялась и, подойдя к врачу, в слезах радости хотела что-то сказать, но у нее ничего из этого не получилось, и он, успокаивая ее, вывел в зал.

Петра бережно сняли с телеги на носилки при Луше и прямо в тулупе унесли, куда следует, а она, многократно благодаря возчика, расплатилась с ним и отпустила домой.

После долгого времени, прежняя дежурная вышла к Луше с халатом в руке и очень любезно пригласила ее за собой.

Пройдя много палат, где лежало много разных больных, ее завели в светлую просторную комнату, где помещалось всего двое, в одном из них она сразу узнала Петра.

Вымытый, в белоснежном белье, укрытый легкими теплыми одеялами, в таких же беленьких шерстяных носках, он с блаженными слезами радости встретил Лушу, лежа в постели.

По разрешению врача, она набила ему полный стол продуктами.

Успокоенные и счастливые, они с радостью смотрели друг на друга, не веря в то, что так резко все изменилось, после ужаса пережитого.

- Пусть Бог воздаст тебе, дорогая моя. В смертный час Господь послал тебя, чтобы спасти меня от смерти. Теперь я уже буду жив, а ты торопись к малюткам, и обо мне не беспокойся.

Луша поцеловала его и, помолившись, вышла на улицу. Невдалеке от крыльца стояла знакомая ей лошаденка, с той же старенькой телегой.

- Я уже было отъехал, да подумал про тебя: куда же она пойдет мыкаться-то в чужом городе, на ночь глядя? Вернусь. Вот и вернулся. Куда ночевать-то поедешь? - к великому Лушиному удивлению, подойдя, сочувственно проговорил ей возчик.

Луша была поражена этой простой сердечной отзывчивостью. Ведь найми она одного из тех городских шикарных извозчиков, которые так брезгливо отказались от нее, она теперь мыкалась бы с Петром около какой-либо больницы, а деньги они выманили бы немалые. Но Бог послал ей навстречу этого простого, сердечного человека. Скоро они подъехали к дому, в котором Луша остановилась первый раз, и пока ее не впустили в избу, он не отъехал от ворот.

Довольная, не помня себя от радости, Луша возвращалась домой к детям, поминутно благодаря Бога за чудеса милости Его.

Целый месяц она не получала известий от Петра и начала было уже беспокоиться: "Уж не стряслось ли еще какое горе?" Но, к великой радости, получила однажды вечером толстый, аккуратно запечатанный и подписанный Петровым почерком, конверт.

В письме Петр сообщил большую радость о том, что врачом оказался верующий и искренний брат, и, что ухаживал он за ним, как за дитем. Лечение шло быстро и успешно, так что он уже здоров и устроился работать сапожником. По выходу из больницы, тот верующий брат пригласил его к себе домой, одел в свой костюм и хорошее пальто, обул и помог в остальном. Живет Петр теперь в 30 км. от Архангельска, на берегу реки, в поселке Рикосиха, с ним вместе живет еще одна верующая семья...

* * *

Почти год прошло с тех пор, как они расстались с мужем, и если бы не одно волнующее обстоятельство, Владыкины терпеливо бы переносили разлуку.

Однажды к Луше зашел сын Кухтина и таинственным шепотом сообщил ей следующую новость:

- Тетя Луша! Я пришел сказать тебе по секрету, ты знаешь, ведь наш папка-то дома, не прошло и полтора года. Мы решили, что он немного отдохнет и будем переезжать на юг, туда, к Кавказу. Чего же твой-то смотрит, почему не хлопочет?

Тревога и беспокойство охватили Лушу. Как бы она не писала мужу об этом событии, он почему-то умалчивал с ясным ответом, хотя подтвердил, что Кухтина, действительно, отпустили. Тогда, списавшись, Луша еще раз решила навестить мужа. На сей раз сборы были менее тревожными, да и дорога была уже проторенная. Петр подробно описал, как его разыскать, и она без особого затруднения доехала до Архангельска. На станции она (по телеграмме) была встречена мужем и, радостные, они прибыли в поселок.

Одним из первых, волновавших ее вопросов, было: "Почему Кухтин освободился досрочно, а ты еще здесь?" На это Петр Никитович ответил следующим рассказом:

- Незадолго до освобождения Кухтин пришел ко мне и после долгого раздумья спросил: "Ты как думаешь, Петр Никитович, ведь неплохо было бы, пожалуй, избавиться отсюда, а возможность такая к этому есть."

- Не знаю, вряд ли, - ответил я ему, - не затем нас с тобою сюда привезли, чтобы сразу отпустить, и без лукавства они не отпустят, да нешто мы здесь одни? - тысячи.

- А я вот как думаю, - продолжал он, - с лукавым по лукавству его, жизнь-то надо спасать; у нас с тобой семьи остались дома, а здесь не знаешь, куда они тебя завтра бросят и что сделают с тобой. Так ты что, лиходей что ли себе, неужели ты против того, чтобы возвратиться к семье? Вот я тебе скажу по секрету, я уже бумажку подписал, и мне велели собираться, на той неделе документы выдадут. На! Вот образец с моего заявления. Это я написал уже для тебя. Подпиши и вместе домой поедем, думать тут нечего!"

На небольшом клочке бумаги было написано: "Я, Владыкин Петр Никитович, осознал, что мои религиозные убеждения и действия, за которые я наказан, действительно, против нашего общества, и наказан я правильно. Поэтому, прошу простить меня и отпустить к семье, впредь этого распространять не буду". Место для подписи...

- Ну вот, теперь как ты посоветуешь, Луш, подписать мне такую бумажку или нет? - спросил он жену, глядя ей в лицо.

Луша немного задумалась, глядя на мужа, потом без колебания ответила ему:

- Ну, Петь, это уж сама последня и негодна дела-то, брось ты ее, эту бумажку-то, так делать не надо. Божья воля - что Он уж судил нам, в том Сам поможеть. Ведь это же отрекатца от Бога надо?

- Ну вот, я и ответил на это Кухтину: "Николай Васильевич! Ты постоянно хитрил да мудрил, а здесь, брат, хитрить не приходится, покажи себя прямо, как ты есть. Насчет лукавства я тебе отвечу: ведь участь ленивого раба-то больно страшная, и избавь меня от нее Господь, а насчет спасения жизни-то, не нам с тобою задумываться. Я до уверования спасал ее несколько раз, а ноги-то все в пропасти болтались, и если б не Господь, то мои кости давно бы уж сгнили где-нибудь на навозной куче, как у пса. Моя жизнь уже спасена и в руках Божьих, братец. И за семью я не беспокоюсь, Давид говорит: "Я был молод и состарился, но не видел праведника оставленным и потомков его, просящими хлеба" (Пс.36:25). Да и на наших глазах, что мы видим? Не мы семью спасаем от голода, а жена вот моя за тридевять земель приехала, да спасла меня от голода и смерти. Бумажку твою, чтобы и имени моего не значилось на ней и не осталось ни малейшего клочка - бросаю в печь, а избавления я буду ждать от Господа".

- Правильно ты ответил ему, не надо, - согласилась Луша с мужем, и тут же, склонившись на колени, оба прилежно помолились.

- Теперь вот, нас посетила глубокая скорбь, - начал Петр после молитвы. - На днях отошел в вечность дорогой наш брат Белавин, тот самый, который прошлый год видел тебя в лесу, когда ты разыскивала меня, и послал к кузнецам. Очень он растроган был, когда видел, как ты, истерзанная до крови, пробиралась по чащобе, разыскивая меня, еще больше был удивлен, что ты оказалась моей женой; так он долго после этого все вспоминал, со слезами, про тебя.

Недавно он обессилел от тяжелой болезни, и долго промучился в постели. Никто не навестил его, мы как могли помогали, но ведь уход нужен был за ним, а его не было. Он из самой Москвы, жил где-то на Гороховской по Землянке, где гостиница "Фантазия", немного в сторону. Ну вот, жена-то больная, а дети неверующие, да видать перепуганы сильно: брат-то видный проповедник был в Москве, многим известный. Беда вот случилась - бедняга так и скончался на чужих людях. Телеграмму отбил я давно, да вот поди-ты, нет никого, а похоронить бы его надо по-христиански. Лежит он в холоде, в морге, но люди говорят, больно уж там безобразно. Видно, придется хоронить без родных, надо бы нам с тобой поглядеть его.

- Да, Петь, мы люди-то простые, к мытарствам привыкшие, - заговорила Луша, - сколько мы мук перенесли до этого и ты, и я, и вместе, а они все-таки городские, понежнея, к мытарствам-то не больно привычныя, да и судьба-то нам каждому своя дана, да и свои способности: в беде узнается, чем мил человек. А потом ведь, Господь избираеть кого к чему. Вот теперь-то и на сваво погляди, на сына-то, вроде как и ни мудрящий мальчишка-то, плаксивый такой, зеленый, все ата всех болезней лечили яво, а ведь не простой он, Петя. Погляди, вон хоть в школе, хоть в церкви - любять его люди-то, больно уж способный, говорять, вострый и справедливость любить. Семья-то ведь без тебя в какой беде осталась? А он-то везде тычеца, и где какую копейку достанет, несет домой, матери.

Вот с прошлой осени кудай-то в Подольск его пристроили, да ведь нет таво месяца, чтобы-ча не приехал он, да цалковых 20 не привез, а про отца-то все время интересуеца. Молица-то он, конечно, перестал, каким-то там ахтивистом стал, покуриваеть, а Бога-то в душе видать помнить. Да вот пишет мне, што там его аж через класс переводють, и по тебе скучаеть, а свои верущи-то то и дело ево вспоминають, а мамка-то аж убиваеца за него.

Петр Никитович с жадностью слушал деревенский рассказ жены про своего сына, Павлушку, и ладонью, изредка, вытирал слезы на щеках. В его памяти врезался образ сынишки, когда тот в последнюю минуту провожал его из окна в окно рядом стоящих поездов. Никогда не переставал он молиться за него и верить, что Бог не оставит его в людском буреломе.

Поговорив, Владыкины решили с утра идти в морг и разыскать тело Белавина. Под морг было отведено большое помещение при городской больнице. Сторож открывал его приходящим по первому требованию, т. к.

многие родственники ссыльных приезжали опознавать своих и забирали для похорон. Поэтому и на сей раз он беспрепятственно открыл Владыкиным дверь и пропустил в помещение.

- П-е-т-я! Какой ужас! - ухватившись обеими руками за мужа, вскрикнула Луша при виде, действительно, ужасного зрелища. Тучи крыс со свистом бросились врассыпную при виде вошедших людей. На полу, в разных позах, беспорядочно, были разбросаны трупы умерших. Многие из них были в грязных лохмотьях, в нижнем белье, а некоторые совершенно раздетые, покрытые наспех тряпицею. Все без исключения, были обглоданы крысами: части рук, ног, спины или груди, а, нередко, и лицо было обезображено.

- Погляди, Луша, на это зрелище и подумай о нашем счастии. А ведь еще совсем недавно, если бы не милость Божья, то я лежал бы где-то между этими трупами. Так что, считай, что моей жизни уже нет, она потеряна, и лишь только чудом Божиим мы сегодня с тобой счастливы, но это счастье - уже счастье потерянной жизни.

Луша в раздумье осталась у двери, а Петр Никитович пошел между трупами искать тело умершего брата Белавина и нашел его довольно быстро.

К счастью, тело хоть и было объедено в нескольких местах, но не так много. С трудом они вынесли его из морга и, уложив на проходящую подводу, увезли на квартиру. Остаток дня провели в приготовлении и оповещении своих верующих, чтобы на следующий день можно было совершить похороны.

На похороны собралось несколько человек верующих, в числе которых был и старец А. Н. Хоменко, а также многие и из неверующих ссыльных. Все хлопоты, связанные с похоронами, взяли на себя Петр Никитович с Лушей. После сердечных трогательных проповедей, под пение христианских гимнов, тело брата Белавина было отнесено на кладбище и с благоговением предано земле, при усердии и руками своих по вере. Кто-то старательно вывел на ленте темного полотна: "И возвратится прах в землю, чем он и был, а дух возвратится к Богу, Который дал его" (Екл.12:7).

Через несколько дней после похорон приехали родственники брата Белавина, в числе которых был взрослый его сын. Родные очень скорбели, что не могли своевременно приехать и проводить своего дорогого человека в последний путь. Тем не менее, они были бесконечно благодарны Петру за его, неоценимо дорогую, заботу, проявленную в похоронах. Несколько часов они пробыли на могиле отца и со слезами высказывали много воспоминаний о нем. По просьбе Петра, сын Белавина охотно пожелал разыскать в Подольске Павлика и передать от него подарок.

Рассталась Луша с мужем очень довольная тем, что во-первых, его положение улучшилось, и даже начальство обещало перевести в город, во-вторых, что они с Петром смогли принять участие в похоронах дорогого брата Белавина.

* * *

Так подошло лето 1932 года. Владыкину подходила пора собираться домой, так как срок ссылки его подходил к концу. Однако семье Владыкиных пришлось перенести еще одно тревожное переживание за судьбу Петра.

Его, вскоре после отъезда Луши, действительно, перевели в город, но на лето дали по сапожному делу такую норму, которая была совершенно невыполнима. Директор же предупредил, что, в случае невыполнения задания, его отправят на лесозаработки, а это, по состоянию его здоровья, привело бы к неминуемой гибели. В горячей молитве Петр воззвал к Господу, чтобы Он услышал его и не оставил в этой тесноте.

В письме он поделился о создавшейся угрозе с Лушей, а та, в свою очередь, сообщила о положении отца - сыну Павлу.

Томительными казались эти дни, потому что выход был один. Задание они могли выполнить при усиленной работе всей семьи, а ей выезжать надо было почти на год. Петр сомневался в сыне: как отзовется на это он, согласится ли Павел бросить учебу и работу, да приехать сюда, чтобы разделить с отцом его участь? Но иного выхода не было. Все это сильно волновало Петра, и они с братом Хоменко горячо молились об этом Господу.

Глава 4.
Трудное решение.

Однажды, работая над сложным изделием, Павел услышал свою фамилию:

- Вла-ды-кин! На переговоры! - крикнул в двери мастерской один из товарищей.

Павел посчитал это за очередную шутку, так как ожидать ему было совершенно некого, и он, не отрываясь, продолжал работать. Но через 2-3 минуты окрик повторился:

- Ты что, не слышишь что ли? Тебя ожидают на переговоры. Павел рассерженно положил напильник, все еще не доверяя, подошел к двери с гневным бурчанием:

- В чем дело? Кому я тут понадобился?

Но выйдя на улицу, ему пришлось сильно смутиться: у бетонного барьера над рекою Пахрой, действительно, его ожидал незнакомый молодой мужчина.

- Извините, пожалуйста, тут часто свои надоедают. Вы меня вызывали?

- Да. Вы Павел Владыкин? - начал незнакомец. - Я только что приехал из Архангельска, где имел счастливый случай познакомиться с вашими родителями. Моя фамилия Белавин, живу я с семьей в Москве. Мой папа, как и ваш отец, был сослан в Архангельск, где они познакомились, но к глубокому прискорбию для нас, мой папа сильно заболел. Мы же не имели никакой возможности выехать к нему в свое время, поэтому, оказавшись почти беспомощным, мой папа скончался. Петр Никитович вместе с вашей мамой оказали очень большое участие в обстоятельствах моего отца. Они разыскали его тело в морге города, привезли его на свою квартиру и, приведя в должный вид, похоронили как близкого и своего родного человека, по-христианскому обычаю, не имея возможности дождаться нашего приезда. С большим сочувствием и утешением приняли они нас, несколько дней позднее, а так же охотно повели и указали могилу нашего папы. Я был глубоко тронут добротою и вниманием вашего отца, какую он проявил к больному папе, и после, умершего уже, похоронили как только могли, по-человечески, несмотря на свои тяжелые обстоятельства жизни. Вы счастливый, что имеете такого отца. Как бы я пожелал вам, быть достойным его, и пока он еще жив, послужить ему, чем только возможно, чтобы облегчить его тяжкую участь. Я не оказался достойным моего отца и, в тяжелое время для него, не поспешил облегчить его страдания. В детстве же, мы вместе с ним ходили на собрания, и я также, как и родители, верил в Бога. Теперь невозможно исправить ошибки, видно, мучения угрызений совести мне суждено будет унести с собою в могилу, а это ужасно. Прошу вас, не повторите такой ошибки и вы. Все, что только будет возможно с вашей стороны, сделайте, чтобы облегчить страдания вашего отца, и Бог вас не оставит. Смотрите, не ошибитесь!

Ваш папа любит вас и помнит, и вот передает вам для ваших нужд 50 рублей денег. Я очень рад, что могу послужить вашему отцу и вам этой мизерной услугой. Если чем могу послужить еще, то когда будете в Москве, заходите по этому адресу, - и он вместе с деньгами передал свой адрес. Затем извинившись, молодой мужчина попрощался и, будучи растроган собственной речью, поспешно зашагал через мост в город.

Возвратившись к тискам, Павел был поглощен мыслями о происшедшем. Он никогда не думал об отце так высоко, хотя его служение было образцом для него. Теперь он думал о нем зрелыми мыслями, и чем глубже, тем ярче обозначался образовавшийся разрыв между ним и отцом. При этом в нем он видел вполне сформировавшуюся личность, и это подтверждалось устами и расположением тех, которые знали отца и соприкасались с ним, несмотря на то, что он был человек неграмотный. О себе же Павел думать ничего не мог. Детские и отроческие годы, полные светлых, радужных воспоминаний, остались позади, а с ними вся прелесть безоблачного, раннего утра жизни. Настоящее было настолько туманным и бесформенным, что он не видел себя даже в каком-либо бледном контуре. Однако, по тем незримым силам, осаждающим его сильным приступом неизведанных страстей, Павел понял, что он уже есть, и помещен, как личность, между великими началами. Он даже позавидовал бухгалтеру, который смог своим поступком, из затхлого болота мещанской трясины, не гнушаясь тинистой грязи человеческих осуждений, подойти и великодушно вырвать едва распустившуюся лилию. Павлу так хотелось взять чистое покрывало розового отрочества и облечь им всю свою начинающуюся юность. Однако, увы, он уже вырос для этого, и единственное, что смог взять из него, это всего лишь нить, но нить золотую - страх Божий. Эту нить ему предстояло сохранить и соткать из нее золотое покрывало для своей неувядающей юности, но ведь золото добывается из грязи или высекается из скалы.

- Кто тебя вызывал, Павел? - спросила его Маруся. И когда узнала, что мужчина, облегченно вздохнула.

Теперь, видя возрастающий его авторитет, она прилагала все усилия, чтобы удержать его для себя, но с каждым разом убеждалась, что все это бесполезно, Павел неизменно оставался на своем месте, причем она

чувствовала, что он выше ее. Подняться до него она не хотела, да и не могла, и сознавала, что она раба своей стихии. Все свое женское умение употребляла, чтобы не упустить его: внешне прихорашивалась так, что невольно привлекала внимание окружающих, отмечал это и Павел, но не менялся. Объявляла себя нелюбимой им и пускалась в слезы, - он их вытирал, был в меру ласков, но не терялся. Находясь наедине с ним, она всем пылом страсти обдавала его. Он не отталкивал ее, но внушительной строгостью вовремя умерял ее пыл. С бранью она обрушивалась на него и уходила - он терпеливо переносил, с любезностью подходил к ней в следующий раз, но оставался тем, кем был.

Наконец, она решила раздвоиться: держаться Павла и, пользуясь его любовью, разделить с ним его общественное положение, а для своей стихии иметь соответствующую личность. К этому времени приурочилась и встреча Павла с сыном Белавина.

Своим вопросом Маруся привлекла внимание юноши, и он остановившись, внимательно посмотрел на нее. Словно какая-то пелена спала с его глаз. Перед ним была совершенно обыкновенная девушка, хотя при ней было все то же, что недавно он находил таким интересным, отменным, особо приятным. Ему почему-то стало ее жалко, как будто он что-то потерял в ней. Лихорадочно он стал искать в ней то, что любил, но к своему крайнему удивлению, этого не находил.

Павел испугался такого чувства и с энергией принялся за работу, посчитав, что это просто минутные тени.

Мысли возвратились к отцу. В воображении стали рисоваться картины, в которых он был одним из героев Виктора Гюго, но юноша тут же устыдился их. Что-либо реальное, нужное и неоспоримо ценное, вообразить не мог; душа рвалась ввысь, а крыльев не было. Здесь впервые понял Павел, как ему нужен советник, проводник, потому что с места он тронулся, и его влекло именно вперед. Так пришел 1932 год, а с ним и совершеннолетие.

Однажды вечером, придя в общежитие, он увидел на своей подушке письмо, а на конверте почерк матери. Вскрыв его, Павел прочитал: "Дарагой сыночек, Павлуша, мир тибе. Саапщаю во-первых строках, что мы все живы, здоровы: и я, и рибята, бабушка и все остальные, того и тибе желаем. Теперь саапщаю про отца, што он здоровьем очень слаб, а по работе ему дали невыносимое задание. Он просить, чтобы ему помогла семья. Вот я и пишу тибе об этом, потому что, чем я ему помогу, баба и есть баба. К лету надо к нему выезжать, а отца нам оставлять нельзя. Пиши ответ. Мама".

Прочитав письмо, Павел с удивлением подумал: "Неужели я настолько вырос, что во мне стали нуждаться?" Потом вспомнил слова сына Белавина:

"...сделайте все, чтобы облегчить страдания вашего отца, и Бог вас не оставит - не ошибитесь!"

- Вот она, моя дорога, видно, с этого она и будет начинаться, по ней надо и идти, а крылья вырастут, - выходя с письмом в руках, тихо, про себя, проговорил Павел. Он пожелал выйти на воздух, уединившись в сумерках, поразмышлять обо всем в тишине.

При выходе ноги его запутались в тряпке, положенной вместо коврика, и он едва не упал. Открыв уличную дверь, при свете фонаря, Павел под ногами, к изумлению, узнал старенькую Марусину юбку.

- Хм... надо же именно случиться этому, - удивился он, сердито отшвырнув тряпку ногами в сторону, потом остановился, разгадывая причину.

- Наверное, она сегодня дежурит по общежитию, мыла у себя наверху пол, захватила прихожую и бросила тряпку для ног у двери, - с этими мыслями, как бы извиняясь, он бережно поправил тряпку, как она была раньше, и вышел.

- Нет, все-таки это не случайно, хоть я и не верю в разные приметы, но бывает иногда совпадение действительности с воображаемым, - заключил он и скрылся в темноте. Ему захотелось пройти туда, где он беседовал с сыном Белавина, к реке, куда он и спустился.

Мысли об отце нахлынули на него бурным потоком. Сказать, что у него с отцом была какая-то особая дружба - нельзя. Не было и каких-либо вдохновений к подвигам. В прожитой жизни он не видел примеров, от чего можно было бы загореться такому огню. Но чувство долга непреодолимо влекло его на помощь дорогому человеку в беде. К тому же, удивительно складывались и его обстоятельства.

Производственные мастерские ученики давно покинули. Группу в 20 человек, после предварительной экзаменации по соглашению с администрацией завода, передали на производство. Там они, соответственно своих квалификаций, работали по сдельным нарядам, и Павел получал до 100 рублей в месяц, из которых он значительную часть отдавал матери.

Со второго полугодия, после новогоднего перерыва, Владыкина и нескольких других юношей, как выделяющихся в успеваемости, перевели в выпускную группу. Они готовились к выпускному экзамену, осталось только одно, это то, что по специальному распоряжению, подписанному Наркомтяжпром Орджоникидзе, Павел и 12 других юношей закреплялись за одним из машиностроительных заводов, как выдвиженцы из молодежи. Это обстоятельство дало повод ему серьезно подумать и вынести решение: или своя начинающаяся жизненная карьера, или спасение отца.

В душе началась борьба и борьба очень напряженная. Никогда еще Павел не испытывал того, что встало перед ним теперь.

Его ожидала самая светлая жизненная карьера: высокая для его возраста, почетная и денежная должность, казенная, светлая квартира, в которой он мечтал утвердить свое счастье с Марусей. С другой стороны, он должен был оставить свои мечты, и после выпуска, пренебрегая выпускными документами, бросить все и разделить с отцом, где-то в трущобах севера, скорбную участь ссыльного. Долго он стоял в мучительном раздумье, но решать надо было именно сейчас. До крайности напрягалась его юная душа. Что делать?

- Смотрите, не ошибитесь! - так живо и ясно прозвучали слова, сказанные когда-то на этом месте незнакомцем, - ваш папа любит и помнит вас...

Именно это и помогло Павлу вынести бесповоротное решение.

- Нет, только к отцу! - высказал он, рассуждая вслух сам с собою.

- Это честно, а кроме того никто другой, ведь я его сын! - закончил он уже утвердительно. - Что ж, придется попросить у директора отпуск, - ведь объяснить тайну об отце он не мог, так как значился беспризорным и не имеющим родителей. Если же не отпустит, придется оставить все и ехать так, как есть, - решил Павел. Глубоко вздохнув, он как будто свалил с плеч огромную тяжесть, и все его существо наполнила блаженная радость.

- А Маруся?.. - больно резануло в его сознании и он застыл перед новой мучительной проблемой...

Беззаботный женский хохот прорезал ночную тишину. С той стороны моста послышались торопливые шаги. Кто-то быстро приближался к нему, переходя речку.

Павел инстинктивно насторожился и подошел поближе, чтобы посмотреть, кто это? Выходя из темноты, молодая пара подошла к нему. Под кружевной белой косыночкой он отчетливо узнал лицо Маруси. В молодом человеке безошибочно узнал известного заводского ловеласа.

- Мария! Это ты?.. - как-то приглушенно прозвучал голос Павла.

Молодая пара в замешательстве на мгновение остановилась. Ловелас как-то неестественно, насмешливо прыснул губами, затем оба они, убегая, скрылись во мраке.

- Ну вот, и с Марусей решилось, - как-то с печалью в голосе, проговорил Павел и медленно побрел вслед за ними в поселок.

Экзаменационная комиссия определила Павлу самую прекрасную аттестацию, а любезный директор согласился выдать ему отпускной документ и три четверти аккордно заработанных денег с условием, что к сентябрю ему выдадут направление на новый завод и остатки денег.

Павел был очень доволен, что он сможет обрадовать мать, и наконец, при встрече утешить больного отца.

Сборы были очень недолги, так как нажитого у Павла ничего не оказалось. Товарищам он тайны своей не поведал, выйти решил из поселка рано утром.

В эти дни встреч и объяснений с Марией он не имел, да и считал, что они излишни. Происшедший ночью инцидент, сам должен был без слов определить их взаимоотношения. О Марии у него сложилось именно такое мнение: очень жаль, что в лице ее он не нашел того, что так желало его юное сердце. Жаль было и ее, так как в руках того ловеласа она будет очередной жертвой обмана и не более. Но уж если она о себе не беспокоится, то и он в будущем счастья с ней не увидит.

Со своей стороны Мария мучилась раздвоенной душой и не отдавала себе ясного отчета в том, к какому берегу прибьет ее, выбранная ею, стихия. За происшедшее она сильно переживала. Верила в чистую, честную любовь Павла, гордилась им перед остальными девушками и искала со всем усердием встреч с ним для объяснения. Но он был всегда в окружении людей и больше того, как она почувствовала, избегал этой встречи. Вечерами обходила все памятные закоулки, но Павла нигде не находила. Вместо него встретила прежнего своего кавалера, который, как счастливую находку, обнял ее, пытаясь утащить ее на танцевальную площадку. Откинув его, Мария бросила ему в лицо: "Отойди, оставь меня!" Вызвать Павла из общежития ей было, во-первых,

стыдно, во-вторых, там его она никак не могла увидеть. Только теперь она почувствовала, что Павел неудержимо ускользал от нее, и что ее игра, видимо, дорого обойдется ей, но силы в себе не находила и решила: что ж, пусть все будет, как будет.

Ранним утром с небольшим чемоданом в руке, Павел, последний раз закрыв за собою дверь общежития, направился на спуск к реке. Солнце ласково заглянуло ему в лицо, впереди в ракитнике раздавалось многоголосое щебетание пташек, смешиваясь с переливами соловьиной трели. Легкий порыв ветерка теребил, пробивающуюся из-под кепи, волнистую прядь волос. Грудь вздрогнула от натиска утренней свежести, ноги побежали сами.

- Павел, ты совсем? Куда? - прозвучало над его головой.

На железном балконе второго этажа, с распущенными волосами, в легком платьице, растерянно смотря на Павла, стояла Маруся.

- Да, Маруся, совсем... - ответил ей Павел заметно дрожащим от волнения голосом. Что-то он ей хотел еще сказать, но слов не нашлось и, махнув рукой, только крикнул;

- Будь счастлива, прощай! - затем зашагал к деревянному спуску.

Забыв о себе, Мария юркнула в дверь балкона, а через минуту-две выбежала вслед за Павлом.

- По-дож-ди! - услышал Павел за спиной ее голос.

Сжимая одной рукой грудь, босыми ногами по тропинке, бежала она за Павлом.

Павел подошел к деревянному спуску и, не останавливаясь, зашагал по ступеням вниз.

Запыхавшись, Мария подбежала к площадке и крикнула ему вслед:

- Павел, подожди, я прошу тебя! - но увидев, что он не останавливается, пробежала несколько ступенек за ним и крикнула еще:

- Стой, подожди же, ведь я... - тут она остановилась и с рыданиями упала на перила спуска.

"Порывать, так порывать один раз и совсем с тем, что здесь остается" - подумал про себя Павел. И, не оборачиваясь, еще быстрее зашагал по ступенькам вперед. Сняв кепку, он на минуту остановился около моста против мастерской и тихо промолвил:

- Здесь я вырос, и отсюда начинается моя новая дорога.

Долго еще одинокая фигура виднелась за рекой, удаляясь от поселка, он шел уверенно вперед, не оборачиваясь назад.

* * *

Спустя года полтора, Павел посетил поселок еще более возмужалым, не изменившимся в своей целости. Директору он открыл тайну своей семьи и то, что побудило его покинуть поселок и светлую жизненную карьеру, тем более, что Павел устроился гораздо лучше того, что ожидало его здесь. Это очень глубоко было воспринято директором, в коротких словах он похвалил и оценил подвиг Владыкина.

Без колебаний он достал его выпускные документы и вручил Павлу вместе с полным расчетом.

Вечером он встретился с некоторыми из оставшихся ребят и девушек, среди них была и Маруся. Не разлучаясь, они вместе провели 2-3 часа в воспоминаниях о прошлом, включая и время разлуки.

На короткое время оставшись наедине с Марией, Павел спокойно заявил ей:

- Мария! Наши с тобой жизненные пути разошлись навсегда. Мы разные люди. Я ни в чем тебя не обвиняю, ты живешь своей стихией, какую избрала сама. Все мои попытки, соединиться с тобой в одно сердце и один уклад, оказались тщетными, да и мой долг по отношению к моим домашним вынудил меня принять такое решение.

Я ни в чем не виновен перед тобой, разве только в том, что усердно удерживал тебя от многих обманчивых порывов. Расставаясь, останемся друг о друге самых добрых мнений. Пожелаю тебе допущенные ошибки принять, как очень дорогой жизненный урок, чтобы будущее свое счастье ты строила, учитывая их.

- Павел, я не могу расстаться с тобой и отпустить тебя, но я не могу и победить себя. Чтобы сохранить себя, мне нужен ты, а ты ушел, - ответила ему Мария.

- Да я ушел и ушел не потому, что испугался твоей стихии и слабостей, а потому, что я не научился еще побеждать ее, и слабею подчас все больше и больше в борьбе с собою, поэтому и не могу связать свою жизнь с чьею-то другою.

На этом они расстались.

* * *

Луша была вне себя от радости, когда вместо долгожданного письма увидела самого сына, и, глядя на чемодан, догадалась, что он решил ехать к отцу.

- Мамань, это что за лачуга? Почему ты здесь? А что случилось с нашим домом? - спросил Павел, обняв мать, и, испуганно оглядывая новое помещение, неохотно поставил чемодан на пол.

Луша из своего дома, в отсутствие сына, переехала сюда, в эти убогие каморы.

После ареста мужа родственники, занимающие значительную часть дома, стали день за днем притеснять Лушу, учиняя беспричинные скандалы. Дети мачехи Петра Никитовича учащали дома попойки с подозрительными лицами, совершенно отказавшись платить за квартиру. Начали красть и загрязнять все, как во дворе, так и в помещении. Все это нестерпимым бременем легло на плечи Луши, и без того отягченной горем, а защиты ни от кого не было. Поэтому и решила она с двумя оставшимися малышами, бросив свой огромный дом, перебраться в эти каморы.

Чтобы придать лачуге жилой вид, она приложила много труда, но оказавшись в дорогой тишине, была несказанно рада и успокоилась.

Слушая убедительные доводы матери, смирился с новой обстановкой и Павел.

По приезде сына, Луша усиленно стала готовиться к отъезду в Архангельск. Решено было выехать именно всею семьею, поэтому сборы заняли много времени. Наконец, со множеством корзин, чемоданов, узлов и узелочков Владыкины благополучно выехали, а с Москвы (при пересадке) дали Петру телеграмму.

По дороге Павлик наблюдал из окна; сердце его сжималось от нелюдимой, дикой природы. Перед Вологдой им пришлось претерпеть крушение. Под вагоном, в котором они ехали, обломилась шейка полуската, и состав остановили в тот момент, когда вагон, содрогаясь, готов был встать на дыбы. Более двух часов пришлось им ожидать ликвидации аварии, но невредимыми тронуться затем далее. Во-вторых, на подъезде к Архангельску состав медленно пробирался страшными коридорами между стенами горящей тайги. Едкий дым проникал в вагоны, душил и разъедал глаза пассажиров. Все это удручающе действовало на Павла, что он даже подумал: "Неужели в таком аду придется жить?"

Архангельск был окутан сизой дымкой. Кровавый солнечный диск висел над городом, разливая коричневую мглу на серые корпуса портовых сооружений. С реки, то и дело разрезая воздух, раздавались пароходные гудки. Лицо обдавало сыростью и запахом смолы от бесчисленных штабелей леса. Северная Двина волнами, под цвет красноватого разжиженного кваса, лизала берега, загрязненная слоями древесной коры...

Глава 5.
Смысл жизни.

Весна подходила к концу. Директор теребил Владыкина, почему он не приступает к выполнению задания, а письма от Луши все не было и не было. Петром начинало овладевать уныние: неужели опять эти страшные дебри, мокрые свинцовые бревна, тучи комаров, а после всего этого - ужасная болезнь. Такие мысли томили душу днем и ночью, так что едва хватало сил бороться с ними.

Наконец, пришедшего из города Петра, хозяйка восторженно встретила еще у калитки:

- Телеграмма вам! Семья к вам едет!

В душе у него как будто что-то оторвалось. Он торопливо зашел в избу и, не раздеваясь, взял со стола в руки телеграмму:

"Петя встречай еду семьею Луша".

Первое мгновение он обрадовался, но вспышка радости тут же угасла при мысли: "С семьею-то, с семьею, да ребятишки-то не помощники, хоть и рад им, самое главное, едет ли Павел? А этого Луша не упомянула".

Сложным чувством наполнилась душа его: и радоваться надо, ведь детишек не видел уже три года, а если Павла не будет - откуда же помощь?

С таким волнующим чувством Петр прибыл на вокзал, а там сообщили, что из-за лесного пожара поезд опаздывает. Так и пришлось ему промучиться еще два часа в томительном ожидании. Один Бог знал, какие только думы не прошли через его голову. Но вот, наконец, начальник станции выходит и оповещает на весь зал:

- Московский поезд на подходе.

Весь перрон пришел в движение. За сутки из Москвы приходил единственный поезд, и очень многие ожидали своих родных. Пришла и для Петра трепетная минута: кого же он встретит?

Колокол известил о прибытии поезда, и через 2-3 минуты, сквозь клубы пара, медленно, из-за товарных эшелонов показался долгожданный состав. Разноголосым криком во мгновение огласилась платформа, люди от нетерпения тянулись руками через головы впереди стоящих, но ругаться было некогда - все было охвачено радостью встреч.

Владыкин встал против указанного в телеграмме вагона, в стороне, и терпеливо ожидал своих. Кто-то стучал в окна и махал руками, кто-то догадался опустить окно, но около десятка лиц показалось в нем и кричали - всяк свое. Наконец, самые торопливые прошли, а за ними степенно выходили остальные. Среди них, из-за плеча юноши, мелькнула Лушина косынка. Кто-то из рук ее принял и поставил на перрон двоих детишек, а после, ловко подхватывая, уложил внизу аккуратно корзинки и узлы, и как Петр ни старался помочь, но его опережали проворные руки и спина юноши.

- А вот и отец ваш, чего же вы стоите-то, - крикнула, слезая с подножки, Луша, вынимая пальчик изо рта у растерянно стоящей дочурки.

Петр поднял голову: перед ним стоял стройный высокий юноша, волна темных волос небрежно опускалась на высокий, открытый его лоб из-под кепки, сдвинутой на затылок. Красивое смуглое лицо напоминало Петру девичий образ Луши, когда он видел ее в Вершках у плетня; для него это было так неожиданно. На мгновение он взглянул на Лушу. Она, с опущенными над детьми руками, стояла около вещей и пытливо наблюдала за этой встречей отца с сыном.

- Что не узнаешь? - улыбаясь, спросила Луша. Тут только Петр пришел в себя, протянул руки к сыну и воскликнул:

- Павел! Неужели это ты?

Тут отец с сыном крепко и горячо обнялись друг с другом.

- Ну, слава Богу! - вытирая слезы, тихонько про себя проговорила Луша и терпеливо ожидала своей очереди, довольная и счастливая.

При встрече Павел обнял отца как-то сверху вниз, но сердечно, крепко, искренне. Один только Бог знал, что в этом объятии улеглись все душевные волнения, как у отца с сыном, так и у наблюдающей со стороны Луши. Затем Петр обнял малюток и жену, и они пошли к берегу реки на переправу. Город узкой лентой, подковообразно, сгрудился на берегу Северной Двины. В ширину он был не более километра, в длину не менее 15 километров. Долго они ехали из одного конца города в другой, в скрипучем грязном вагоне трамвая по "Зеленой", так, по-народному, называлась главная улица города. Наконец, с визгом и стуком, трамвай остановился, как раз против дома, где и поселились Владыкины. Семью гостеприимно и охотно встретила хозяюшка преклонного возраста и ее взрослые сын с дочерью.

* * *

Первые дни Павел осматривал достопримечательности города, которые состояли из торгового порта и, поблизости расположенного, многолюдного рынка, городской площади, где примечательными были библиотека им. Ломоносова, православный собор и домик Петра I. Более всего привлекла внимание юноши Набережная. Там он часами любил проводить время, любуясь своеобразием морских кораблей разных стран мира.

Первое время, вечерами, он с упоением проводил время в залах ломоносовской библиотеки. В жаркие воскресные июльские дни, с малышами на "закорках", подолгу плескались в теплых отмелях Мосеева острова в Саломболе, но большая часть времени у Владыкиных проходила в напряженном труде.

Вскоре по приезде семьи отец с сыном пришли на огромный склад "Леспромхоза", где им было передано несколько сот пар валенок, которые, подшитыми, Петр должен был сдать к определенному сроку. Работали они допоздна всей семьей, что было принято обессилевшим страдальцем, как особая милость Божия.

Так Павлу пришлось оставить свою грамоту, а увлекательное занятие механизатора поменять на нудное грязное мастерство сапожника-старьевщика.

Однако, Павел за новое мастерство принялся охотно, с сознанием высокого своего долга и принял на себя самую тяжелую часть труда. Отец занимался только раскроем и подготовкой. По настоянию Павла он кончал работу рано, ввиду сильно расшатанного здоровья и, всегда утомленный, охотно ложился отдыхать. На обязанности Луши лежало все обеспечение семьи и заготовка пошивочных проваренных концов. Детвора усердно, хотя и с частыми перерывами, перематывала дратву из мотков в клубки, а Павел упорно изо дня в день, днем и ночью, занимался самой подшивкой. С самого начала он был удивлен, откуда у него появилось неутомимое усердие и энергия к труду. Спать приходилось по 3-4 часа в сутки, да и то больше днем. Долгими ночами, когда вся семья отдыхала мирным сном, Павел в тишине, молча, с желанием предавался труду.

В глубокую полночь он выходил на полчаса подышать свежим воздухом на двор, чтобы насладиться прелестью и тишиною полярной ночи, а потом опять упорно принимался за дело.

Бог явно благословил этот жертвенный приезд семьи к отцу. Гора войлочного хлама заметно таяла, а взамен ее появились аккуратно подшитые валенки. Владыкин не только своевременно сдал готовую продукцию на склад, но по трудовому соглашению почти половина продукции оставалась в уплату семьи. И так как теплая обувь была острым дефицитом в городе, то Луша без какого-либо труда сбывала ее на рынке, получая за это немалые деньги.

Ввиду того, что норма задания Владыкиным всегда выполнялась, даже с избытком, всю семью обеспечивали снабжением по лучшей категории, поэтому питались они очень хорошо, несмотря на то, что в городе еще продолжал царить голод.

Здоровье Петра стало заметно улучшаться. К концу лета они с Павлом имели возможность выезжать, побродить по тайге, собирая клюкву и грибы. А однажды посетили поселок Рикосиха: те места, которые были связаны со страшными воспоминаниями. Павел своими глазами видел места людских страданий, своими ушами слышал рассказы о минувших ужасах. Отплывая из поселка, они пригласили переехать в город Архангельск семью ссыльного брата-немца, преданного служителя церкви, и, посодействовав этому, потеснились в своих комнатах, чтобы принять их и разделить с ними один кров.

К осени работа заметно сократилась. Вечера стали свободнее, и Павел мог теперь вздохнуть душою и телом.

Посещая библиотеку, он предался усердному чтению литературы, а познакомившись с персоналом библиотеки и имея некоторый опыт работы с книгами, Павел получил доступ во все ее отделы. К своему великому удивлению, он встретил здесь ряд таких трудов, каких не находил нигде до этого. Особое впечатление на него произвел труд Рабин Дранат Тагора "Познание жизни". Он был поражен глубиной мысли автора и особенно тем, что впервые встретился с такими учеными доказательствами о существовании Бога и Божественном происхождении мироздания.

Кроме Р. Тагора, Павел познакомился с религиозным мировоззрением Л. Н. Толстого, Достоевского, Белинского, Жуковского и др. К немалому удивлению, в отделе, посвященном произведениям Ломоносова, он встретил целые томики его поэзии, в которых отражалось Богосозерцание автора.

- Неужели эти великие мировые личности были так глубоко убеждены и увлечены Богопознанием? - размышлял Павел.

С другой стороны, он удивился тому, как беспочвенны, бездоказательны и невежественны источники безбожных теорий, а самое главное, безжизненны по своему существу.

Безбожие ему представилось сорняком-удавчиком, которое питается жизнью растения, избранного им в жертву. Высыхает растение, погубленное паразитом, желтеет и гибнет с ним паразит, если семечко с него не прилипнет к другой жертве.

Этим мыслям Павел обрадовался, как дорогой находке и согласился, что смысл жизни в Богопознании, но чтобы постигать этот смысл - нужна вера: простая, но живая вера в Бога, а такой веры в себе он не находил.

Павел вспомнил свое счастливое детство, когда он, вместе со своей безграмотной бабушкой, горячо молился. Вспомнил отрочество, беззаветное, самоотверженное служение в церкви и был счастлив, живя детскою верою.

Но почему это все так скоро оборвалось? - Потому что там не было личной духовной жизни, - заключил Павел. - Я жил влиянием других, и я был тогда подобен младенцу в утробе матери, который живет неразрывной, общей жизнью с ней: когда же рождается - отрывается от жизни ее, и живет уже своей жизнью. Но родиться - это не значит, выйти из утробы матери. Чтобы начать свою жизнь, нужно вздохнуть с первым криком. Вот этого-то у меня и нет: оторваться-то - я оторвался и обстоятельства как-то вытолкнули меня, но как сделать вздох - не знаю, а без него нет и жизни, хоть я и окружен ею, как воздухом.

* * *

В семье Владыкиных особо уважаемым гостем был старичок А. Н. Хоменко. Узнав о приезде семьи к Петру, он очень привязался к ним. С Петром они сдружились с первых дней ссылки, когда смерть так страшно преследовала их. Пока Петр не переехал в город, они очень редко встречались, живя далеко друг от друга.

Теперь Александр Никитович радовался, как дитя, увидев своих по духу, и, особенно, был тронут заботой Луши о нем. Старичок очень ослаб в одиночестве и, будучи предоставлен сам себе, еле-еле обслуживал себя, как мог. Ходил необстиран, необлатан, подолгу не мыт, и кто знал - сыт он или голоден. С первых дней знакомства, семья полюбила брата Хоменко, увидев в нем кроткого, терпеливого и всегда радостного христианина. Со своею семьей, Луша обстирала его, облатала, обмыла. Приодели его в хорошую, справную одежду, помогли в питании; старичок прямо расцвел, и всегда, в радостных слезах, благодарил Бога за Его заботу.

В квартире Владыкиных, с переездом к ним брата-немца с семьею, установилось регулярное духовное общение по воскресеньям, а с осени - и в будничные дни. Маленькая церковь, из ссыльных, насчитывала тогда 7-8 человек и несколько детишек. Проповедников среди них было достаточно, но певцов очень мало, что их часто печалило.

Однажды, в воскресный день, видя как Павел одевшись, собрался в город на прогулку, брат Хоменко позвал его:

- Павлуша, я много слышал от мамы с папой, как они хвалились тобою, что ты так красиво и усердно пел в хоре, а вот у нас с пением ничего не получается: кто стар, а кто только гудит. Сегодня у нас дорогой праздник Рождества Христова, мы давно уже не слышали христианского пения, скитаясь здесь на чужбине. Если бы ты утешил нас, хоть несколько гимнов пропел с нами, какой праздник был бы, и тебя Бог не забудет. Вспомни светлое прошлое, а погулять ты всегда успеешь.

Павел, нагнув голову, остановился в раздумий. Об этом он не думал, но христианские напевы еще не перестали волновать его душу, и когда он бывал один, то пел про себя особо любимые: "Как тропинкою лесною", "Не тоскуй ты, душа дорогая" и другие. Повременив, он подумал про себя: "Уважу старичков в их тяжкой доле, пусть попоют, послушают, вспомнят добрые прошлые времена, а меня от этого не убудет", Хоть как-то и стыдно было, но он победил это чувство в себе и, подойдя к Луше, сел и принял участие в пении.

Мать запела дискантом, Павел - альтом. Этого было достаточно, чтобы остальные заняли свои места в пении. Запели именно то, что с детства так волновало Павла: "Как тропинкою лесною".

Луша с сыном запели, как-то сразу слаженно, мелодично и с чувством. Во время пения Павел и не заметил того, как мелодия и слова захватили его в этот общий поток.

Где-то в глубине души всплыли воспоминания радужного прошлого, и он опять почувствовал себя прежним 13-14 летним. У присутствующих, особенно у отца и брата Хоменко, неудержимо бежали слезы из глаз.

Все собрание Павел просидел, принимая безотказное участие в пении. Под конец запели: "Бог с тобой, доколе свидимся..." и когда пение подошло к припеву - " ...мы свидимся у ног Христа..." - перед Павлом мгновенно встала картина расставания с дедом Никанором на берегу реки и его завещание: "Спасай обреченных на смерть".

Что-то перехватило у Павла в горле, он быстро встал и ушел...

- Нет, такой неопределенности быть не должно, надо искать из этого какой-то выход, - рассуждал сам с собою Павел, ходя по Набережной. Или убедиться, доказав безошибочно, что нет никакого духовного мира, или признав его, во главе с Богом, отдать себя всецело Его Божественным идеям.

Павел попытался выправить себя на позиции той современности, где он теперь занял место. Анализируя же всех своих учителей от старших до младших, не нашел в них ни одного честного последователя современных идей. В его уме промелькнуло базисное определение материалистического выражения: "Бытие определяет сознание". При первом углублении в него, он всем своим существом содрогнулся в испуге: "Неужели современная действительность опирается на это? Это значит, человек - раб своего бытия, как моя Мария - раба своей стихии. И если бытие определяет сознание человека, то кто же определяет или, вернее, творит бытие? Но кто бы они ни были, наше бытие характеризует их, и я, хотя очень мало заглянул за кулисы этого бытия, однако вижу, как оно ужасно.

Если же бытие определяет сознание, а сознание творит бытие, то это просто бессмысленное блуждание ума по заколдованному кругу, и я в нем пока не разберусь. Мне хочется теперь немного поразмыслить об идее Богопознания, - продолжал рассуждать Павел. - За что так страдают эти люди, от которых я только что убежал? Какую цель они преследуют в своей жизни? Как они относятся к своей идее и окружающим? Страдания их ужасны. Об этом мне подтвердили, кроме их рассказов, уйма безымянных могил и личные наблюдения. Ну хорошо, в других я мог бы сомневаться, а что же я должен думать о моем отце, с которым я прожил маленькую жизнь? В чем его вина, что он страдает больше, чем злодей? За что страдают эти люди? - Ответа Павел не находил, кроме того, что он слышал в стихах, в проповедях и рассказах раньше, в собраниях. - Какую цель они преследуют в жизни?

Насколько мне известно, основная цель: их личное совершенство. И они, неоспоримо, отличительны в этом от окружающих. Второе - это духовное служение, связанное с Богосозерцанием - в этом их наслаждение. И опять-таки, в стремлении к этой цели, они никому не мешают. За что они страдают?

Третье - как они относятся к своей идее и к окружающим? На глазах всего мира они отдают в жизни самое ценное и саму жизнь за свои идеи. К другим они относятся, как к себе. Так за что же они страдают?" Разбитый этими мыслями, Павел, уже за полночь, побрел домой.

После праздника брат Хоменко неоднократно беседовал с Павлом. Рассказал ему из своих переживаний, а также некоторые эпизоды из жизни братьев в прошлые годы, особенно о страданиях, перенесенных ими. Очень полюбил Павел старичка за его простоту, искренность и мудрость; а в последней беседе Александр Никитович сказал ему очень коротко:

- Павлуша, твой папа, я и другие братья, что могли, то сделали для Господа и Его Евангелия, жертвуя своим и собою. Мы скоро должны уходить из этой жизни, а некоторые, как вот брат Белавин, уже ушли. Скажи, кто должен истину нести дальше, или она никому не нужна?

- Пока не скажу, дедушка, - ответил Павел, - но нести истину кто-то должен.

* * *

После Нового года зима оказалась особенно лютая. Луша ожидала оттепели, чтобы быстрей возвратиться с ребятами домой. Остаток валенок был уже только для себя, план был сдан полностью, и начальство осталось очень довольно работой Владыкина.

Наступающий 1933 год - был годом освобождения Петра Никитовича. Поэтому Луша торопилась уехать, чтобы к его приезду немного образить свои каморы. Провожали ее отсюда, нагруженную разными гостинцами, особенно рыбой.

Павел остался еще на месяц, чтобы ликвидировать недоделанное, и в это время оказался свидетелем ужасного события.

Идя в контору, по одной из улиц, он наблюдал, как большая толпа ссыльных копала глубокую траншею дренажного назначения. Исхудалые, по колено в торфяной жиже, на его глазах люди углублялись все ниже и ниже - до тех пор, пока самые нижние, едва заметно, копошились на дне и тройной перекидкой выбрасывали торфяную массу наверх. Выгибаясь, досчатые крепления еле сдерживали рыхлые борта траншеи.

В одно утро Павел заметил на знакомой улице, что люди кучками стояли на деревянных тротуарах и о чем-то оживленно рассуждали. Некоторые из женщин, с горьким плачем, заглядывали в траншею. Оказалось, что крепления траншей не выдержали, и, начиная с одного конца до другого, с ужасным треском, ломаясь под натиском торфяной массы, рухнули - и вместе с собой погребли очень многих несчастных землекопов: кого - на самом дне, кого - на промежуточном настиле для перекидки. Всю ночь работали подошедшие на помощь другие ссыльные, но спасли лишь немногих, так как рухнувшие траншеи превратились в бесформенные котлованы, в которых работать было почти невозможно. Матери, жены и дети некоторых погибших растерянно бегали вдоль улицы, с воплем. Их с трудом останавливали, подъехавшие какие-то начальники, и увозили от места происшествия.

Павел был так подавлен этим событием - как никогда в жизни. Придя домой и рассказав о случившемся, он стал относиться к отцу и его друзьям еще сочувственнее.

Наконец, подошло время и его сборов. В один из солнечных февральских дней Петр Никитович провожал своего сына на вокзал. Павел не скрывал того, что он так охотно покидал эти места, бесчисленно раз проклятые живыми и умирающими страдальцами, но был очень рад, что в течение этого года смог как-то облегчить тяжелую участь своего отца и быть очевидцем людских страданий.

Во много раз он теперь чувствовал себя счастливее по сравнению с тем, когда получал выпускную отличную аттестацию в Подольске. Вспоминая впечатления от первого нашумевшего кинофильма "Путевка в жизнь", Павел, расставаясь с Архангельском, сказал про себя:

- Вот здесь я получил настоящую путевку в жизнь, и если я еще ничего не успел определить для себя прочного, то во всяком случае, много уже приобрел, чтобы безошибочно определиться в будущем.

- Павлуша! - обнимая его, проговорил старец А. Н. Хоменко, - не забудь моего вопроса о будущих знаменосцах истины!

* * *

Дома с матерью Павел встретился радостно и бодро; преображенная за это время "лачуга", как он ее назвал, оказалась ему так по душе, что лучшего и не надо было желать.

По прибытии Павел заторопился со своим устройством в родном городе, заявив матери, что в Подольск у него не будет никакого возврата.

Бродя по городу, он решил зайти к своему крестному Никите Ивановичу, и был встречен им с радостным восхищением. До позднего вечера провели они в беседе. Никита Иванович был в восторге от своего крестника, не только имея в виду внешний вид, но удивлялся его умным разговорам и такой, на редкость богатой, осведомленности в разнообразных вопросах жизни.

- Хм... в пятнадцатом году тебя хоронить собрались, а ты, смотри, в какого кавалера вырос! - удивленно проговорил он. - Ну, что думаешь о дальнейшем?

Павел рассказал крестному о всем, пережитом семьею и им самим. Выразил свое желание - устроиться на работу и, если возможно - на учебу.

Никита Иванович, имея давнее расположение к семье Владыкиных, а теперь и к Павлу, зная всю подноготную его отца еще с времен ухарской молодости, обещался помочь. Через 2-3 дня Павел, действительно, был принят на тот машиностроительный завод, где 10 лет назад работали его родители.

В памяти быстро восстановилось то, что им было приобретено во время учебы, и репутация Павла росла очень быстро.

Чуткое и справедливое отношение к вверенному кругу людей, успешное и старательное выполнение, возложенных на него обязанностей, расположило к нему администрацию отдела и руководителей общественных организаций, а также выдвинуло его среди рабочей молодежи на заметное место.

В городе был подготовительный факультет, как филиал Московского Государственного Университета (МГУ-1), куда Павел был принят условно, на курс, предшествующий выпускному; вскоре он успешно освоил программу занятий.

На заводе им заинтересовалась инженерно-техническая секция (ИТС). Они приняли Павла в свои ряды, кандидатом и членом клуба ИТР, где работало несколько кружков, рассчитанных на повышение технического и общего образования среди рабочей молодежи.

В 1934 году по заводу была введена служба диспетчеризации, и Павел сразу же был поставлен помощником диспетчера отдела. Таким образом, ему открылась настолько широкая дверь в жизнь, что у него произошло головокружение от успехов, а ему не исполнилось еще и 20-ти лет.

Из рога обилия благ, Господь щедро изливал на Павла Свои благословения, хотя тот и не понимал подлинной причины всего, не видя в этом Божией десницы, открытой для него, за его отношение к отцу.

После устройства Павла, была принята на работу и Луша, по своей старой профессии, получив высокую оценку мастерства.

С нескрываемой завистью, наблюдал за ростом Павла в отделе старый мастер Куликов. Часто, когда собирались в кабинете ИТР, он рассказывал об отце Павла, когда тот, в годы молодости, был принят им на работу простым рабочим, тогда как Куликов был уже мастером. Теперь его сын, едва поднявшись из холщовых штанов, уже получает на 15 целковых больше его и сидит в кабинете. Павел уважал старичка, оказывал ему всегда должное почтение, и это не давало разгораться зависти в душе старого мастера. Изредка, в отсутствии Павла, он все-таки сознавал:

- Что ж, то что есть - не отнимешь от него, парень башковитый и не заносчивый, старательный; придраться бы захотел - да не к чему, пусть растет - не жалко, разумные люди везде нужны, только голову не сломал бы, - заканчивал он беззлобно.

Благодаря Павлу, их с Лушей прикрепили на снабжение к магазину ИТР, и материальная жизнь их заметно улучшилась. Близкие и знакомые, с завистью и восхищением, наблюдали за этой семьей, особенно, когда по городу они проходили вместе, вспоминая, как совсем недавно, они были обречены на гибель.

* * *

В жаркий июльский день Архангельск, омытый дождичком, белел чистотою дощатых тротуаров и дышал свежестью распустившейся зелени.

В приемной управления УСЛОНа, среди освобождающихся ссыльных, ожидал своей участи и Петр Никитович. Из заветных дверей один за другим выходили воры, мошенники, конокрады и другие преступники, отбывшие срок ссылки, с документами в руках. Толпой их окружали товарищи по прожитым скитаниям и, заглядывая в новые бумажки, радовались их возвращению к семьям.

- Если уж эти люди, совершившие в прошлом тяжкие преступления, отпускались к своим семьям по домам, тем паче я, не оскорбивший никого, должен получить право возвратиться к семье, - успокаивал себя Петр.

Наконец, подошла и его очередь.

- Куда едешь? - раздалось обычное, из-под козырька форменной фуражки сотрудника НКВД.

- К семье! - ответил с торжеством Петр.

Сотрудник взглянул на него казенными глазами и резанул по сердцу:

- Нельзя, выбирай другое место.

- Как нельзя? К семье нельзя? А куда же мне ехать, как не к семье? От семьи меня взяли, к семье и отправьте.

- Говорят нельзя, значит, нельзя! - поправляя гимнастерку, внушительно ответил ему работник.

Петр назвал еще 2-3 места, но в ответ получил все то же "нельзя", тогда, уже дрожащим от волнения и глубокой обиды голосом, сказал:

- В таком случае, выбирайте уж вы, - и замолчал.

- Тамбов! - ответил ему человек и, заполнив документы, выдал их на руки.

Петр отошел в сторону и коротко помолился: "Господи! Во всем Твоя да будет воля, устрой мне новый путь".

К семье он приехал после того, как устроился на новом месте.

Жена и сын встретили его очень радостно и в совместной беседе взаимно рассеяли печаль друг друга.

В Тамбове и в его окрестностях царила голодная смерть. Люди умирали повсюду: на вокзале, в домах, на улицах. Подводами, ежедневно, подбирали трупы умерших и везли на кладбище. Некоторые сами, едва переступая, шли и ползли туда же. Очередным ужасом встретил 1933 год Владыкина на новом месте.

Толпы людей ходили по голым полям и огородам в поисках чего-либо, напоминающего пищу, а многие прямо на поле умирали. Распухшие от голода и обезумевшие люди бродили от дома к дому, прося помощи. Хлеб или какие-либо другие продукты показывать было нельзя; чтобы покушать - люди прятались, или кушали ночью.

Нельзя было оставить жилище открытым. Непрошеный гость мог войти в любую минуту и смертельною схваткою наброситься на все, что напоминало пищу: на столе, на полках, в печи. От некоторых изб по деревне распространялся зловонный запах: то ли от какого-то суррогатного варева в печи, то ли от чего другого. Зная все это, комендант, контролирующий Петра Никитовича на месте высылки, призвал его и сказал наедине:

- Владыкин, тебе здесь не выжить, а семье тем более, да я и не хочу тебя к этому обязывать, можешь ездить к семье, только там - не больно разгуливай открыто, и в назначенные дни являйся на отметку.

С этим Петр Никитивич приехал домой, а семья ему определила неограниченный отдых и занятия только по дому. В беседе с сыном - он был рад за его устройство - заметил ему:

- Павел, ты замечаешь, наверное, что из всех окружающих тебя, нет второго человека, кто бы в твоем возрасте, да в подобном положении, имел бы в жизни столько преимуществ. У тебя, и в тебе открыто столько дорогого, чего люди ценой больших затрат не могут приобрести. Знай же, что всем этим тебя благословил Бог, ты не обманись, не подумай, что это обеспечила тебе твоя рука, твое уменье. Бог наделил тебя за то, мне думается, что ты в тяжкое время не оставил отца своего, и не отнесся с презрением к другим верующим, но не возомни о себе. Знай и другое, сынок: чтобы воспользоваться всем этим богатством, нужна мудрость и чистое сердце, а за этим надо обратиться к Богу - ибо все это у Него. Если ты не сделаешь этого, то не удержишь богатства твоего, и оно может развратить тебя, как развратило когда-то Соломона.

Глава 6.
Искушение.

За все девятнадцать прожитых лет, Павел ни разу не пережил так осознанно и так ощутимо, что такое успех и благополучие, как теперь. На факультете он занимался в вечерние часы, после трудового дня. За отличную успеваемость, неоднократно, был отмечен самыми ценными подарками.

Производственные успехи сделали его известным не только в технических и общественных кругах, но и среди молодежи, особенно в женской среде. А деньги, какие стали у него в приличном размере задерживаться в кармане, увы, постепенно развращали Павла.

Если он еще недавно страдал, в бесплодных мечтах, о завлекательных проходящих женщинах и девушках, считая их недоступными, потому что был не замечаем ими, то теперь многие из них как-то сразу стали удивительно близки ему и, как он выражался, "медово липкими".

Где-то, еще вчера, далеки были от него дороги, по которым ходили эти романтические существа, сегодня - почему-то эти дороги стали пересекаться прямо перед ним.

О, эта неиспорченная цветущая юность! Насколько она привлекательна для всех, в том числе и порочных людей, насколько наивно беззащитна и бессильна перед искушениями, будучи лишенной основ целомудрия.

Здесь Павел узнал, что он попал в такой водоворот, перед которым, еще только недавно, он стоял на берегу, а теперь внутренние силы ослабели, и его несло по течению. Из всего того, что 5 лет назад было так мило, дорого и свято, остался, кажется, только один вопрос, который временами теребил его душу: "Так за что же они страдают?"

Вступая в новую жизнь, Павлу представилось, что он, будучи одетым в белоснежный майский костюм, с трепетом перешагнул в зал, где был маскарад, где юность его погрузилась в таинственный поток манящей пестроты. Вереницы кофточек, платьев, туфелек, шляпок, причесок, бантиков и милых улыбок, приправленных таинственными взглядами очей и сладкими репликами - смерчем закрутились перед ним и неудержимо стали увлекать за собой.

Доверчивой душой он потянулся за всем, что казалось ему прекрасным и манящим его, что стало таким близким, а самое главное, неожиданно и загадочно, доступным.

Вскоре не преминул подвернуться и случай - вкусить первый глоток из этой неведомой чаши "сластей", но, увы, он оказался отвратительно горьким.

Однажды, на рабочем столе, Павел увидел изящный пакет на его имя. Распечатав, первое, что он ощутил - это аромат духов, исходящий от красиво отделанного пригласительного билета на закрытый вечер. Придя по адресу, Павел, к удивлению, встретил там бухгалтера своего отдела. Некрасивая, но добродушная женщина была одета во все дорогое и прекрасное. На ее руке красовались ручные часы, что тогда было исключительной редкостью. Она была на 10 лет старше Павла. При встрече она повторила приглашение устно.

Не растерявшись, Павел прошел с нею в зал и был удивлен роскошью обстановки и богатством приготовленных закусок, но так как их обоих содержание вечера не интересовало, они вскоре вышли прогуляться по берегу реки, за городом.

- Тебе, наверное, странным показалось мое приглашение? - начала разговор эта женщина и, не получив скорого ответа, продолжала. - Ты, Павел, давно понравился мне своей серьезностью, рассудительностью, ну и другим... Вот я и пожелала, как-то поближе познакомиться, да провести приятно время вместе.

После того, как двух-трехчасовая беседа их несколько сблизила, Павел без труда понял ее намерения, да она и сама не скрывала их. Она похвалилась, что живут они с матерью богато, в своем доме, что у них много всякого добра и что она имеет хороший заработок. Кроме того, Павлу она готова сделать редкие дорогие подарки: бельгийский мужской велосипед и те ручные часы, какие были на ее руке, тоже известной иностранной марки, но...

Хоть она дальше и не досказала, однако, Павел догадался сам, а именно, что она, за его счет, хотела удержать свою неудачную уходящую молодость.

Павел совершенно не ожидал этого от нее. За все проведенные часы беседы (несмотря на ее неуклюжую походку из-за уродливости ног) он снисходительно относился к ней, но последние слова просто возмутили его душу, и он ответил ей:

- Я всегда с уважением относился, как к твоему положению, так и к возрасту, но то, что я сейчас услышал от тебя, меня удивило. Ведь за все эти перечисленные богатства, мы не сможем сравнять разницы в наших годах во всю нашу жизнь. Живи своей судьбой, мною ее ты не поправишь.

Павел проводил ее до автобуса и поспешил уединиться. Ему было так обидно за эту женщину. До этого случая, в его глазах, она была несравненно дороже и порядочнее. С другой стороны, был удивлен, как смог он найти в себе мужество удержаться от какого-либо безрассудного поступка и так спокойно освободиться от нее.

На этом его увлечения не кончились, а наоборот, еще более неудержимо влекли заглянуть за, неведомый дотоле, занавес.

Почти одновременно с этим случаем, при разговоре со своей родственницей в цеху, к ним подошла молодая красивая девушка. В непринужденной беседе Павел почувствовал, что какая-то влекущая сила, исходящая от девушки, взволновала его сердце. Он поторопился распрощаться со своей родственницей, договорившись, через день прийти к ней и получить у нее, нужный ему, предмет.

Вечером, условленного дня, он застал родственницу дома, получил просимое и заторопился к выходу. Но та, к удивлению, удерживала его. Затем завела беседу о девушке, встреченной в цеху, ее достоинствах и, якобы, симпатиях к Павлу. Как током стукнуло сердце неопытного юноши, и приятное воображение привело ему на память, манящий ее образ. Перед окном послышались торопливые женские шаги, а через минуту, мило улыбаясь, вошла та, о которой шла речь. Помещение моментально наполнилось тонким ароматом духов и звонким женским смехом. Через полчаса, не более, родственница искусно сблизила молодых людей и выпроводила на прогулку.

Оказавшись вдвоем с девушкой, Павел был смущен создавшейся обстановкой, перед ним возникло сразу несколько вопросов. Он, конечно, был поражен, что без всяких усилий с его стороны, так просто познакомился с такой миловидной девушкой. Но его озадачило, во-первых - почему они обе так усердно ищут их сближения. Из прочитанной литературы и мизерного личного опыта, он испытал, что это бывает сопряжено с определенными жертвами и затратой времени. Во-вторых - Павлу хотелось убедиться: каково соответствие внешних достоинств этой девушки с ее внутренним содержанием.

Медленно прогуливаясь, Владыкин мало говорил, но внимательно вслушивался в ее высказывания, которые сводились, в основном, к тому, как очаровывались ею мужчины. "Какая пустота!" - подумал он и заключил, что

надо: или немедленно прекратить дальнейшее знакомство, или помочь девушке обогатиться внутренне. Но думая так, он поймал себя на самообмане: "Разве Маруся была хуже? Но я, расставаясь с ней, нашел мужество заявить: "Я не испугался твоей стихии.., но не научился еще побеждать ее". Более того, покидая поселок, я высказал твердое убеждение: "Здесь я вырос, и отсюда начинается моя новая дорога". Теперь же я вступаю на ту старую дорогу, а вырос я или нет, зависит от того, как я поступлю с этой девушкой".

- Павел, ты почему молчишь? Или тебе надоела моя болтовня, или я вся успела надоесть тебе, а? - заглядывая в лицо и взяв его за руку, спросила девушка.

- Да нет, конечно, - ответил он, - не то и не другое. Но мы ведь совсем не знаем друг друга. Сделанный девушкой жест, насторожил его, он понял его и, сорвав ветку сирени, подал ей, предложив прогуливаться по более людной площади.

Хотя влечение к девушке и не уменьшилось, но Владыкин резко осудил себя: "Почему я сразу, не рассуждая, согласился на прогулку с ней? Это или безрассудное заигрывание, или самая настоящая слабость. Ведь не может быть это пустым времяпрепровождением."

Павел вспомнил общину, сердечные беседы Николая Георгиевича с молодежью, из которых он особенно полюбил Евангельского Тимофея, оберегаемого строгим, святым предупреждением Апостола Павла: "Юношеских похотей убегай" (2Тим.2:22).

"Убегать - это значит, не искать и не поддаваться ни на какие контакты с женщиной", - заключил он. Когда он был в общине, то святое влияние охраняло его от этих юношеских похотей, а теперь он вырос, и христианское влияние совершенно прекратилось. Однако, в душе хотелось быть с Тимофеем, хотя у Павла с верующими было все порвано.

- Пойдем отсюда, зачем ты привел меня сюда? - озабоченно и пугливо заявила девушка.

Павел удивился ее настоянию, но уединяться ему больше не хотелось. Вечернее резкое похолодание прервало их дальнейшую прогулку, и они решили на этот раз ограничиться знакомством, перенеся прогулку на другой вечер.

Дома у Павла поднялась сильная борьба. С одной стороны, он подозревал за своей знакомой что-то недоброе, с другой - ему хотелось познакомиться с ней поближе. После упорной борьбы он все же решил избрать для себя более приличное - встретиться с ней еще раз.

Зайдя за девушкой, в условленное для вечерней прогулки время, Павел услышал, в приоткрытое окно комнаты, людскую брань. Он ясно различил голос своей знакомой, и другой - мужской, который, в ее адрес, высказывал самые непристойные слова. Павел рванулся к крыльцу с желанием вмешаться в ссору и защитить знакомую, но дверь отворилась, и она, с ребенком на руках, неожиданно вышла во двор.

- Ты зачем здесь? Убирайся немедленно! - испуганно, с неузнаваемо-искаженным выражением лица, проговорила она Павлу и, выталкивая, поспешно повлекла его к углу улицы.

За углом, в коротких словах, женщина объяснила, что это ее муж, приехал на 2-3 дня после тюрьмы, а на руках у нее - это их дочурка. Поговорив, она скрылась за углом и торопливо вошла в дом.

Павел на мгновение почувствовал, что его, как бы обдало ледяной водой из ведра, но это сменилось чувством отвращения, как будто он, нечаянно, оказался в луже нечистот. Мысленно, он решил вбежать в дом и просить прощения у того бедного арестанта, в жизнь которого он пытался вторгнуться, оскорбить, в его присутствии, эту негодницу и т. д. И уже было рванулся, но, остановившись, мгновенно повернулся и скрылся в сумерках улицы.

- О, ужас, ужас! Зачем? Почему я оказался в этой грязной луже? - сгорая огнем стыда, Павел одиноко бродил по городу до полуночи.

На следующий день родственница убедительно просила зайти к ней вечером, но он отказался. Во время разговора с ней, к ним подошел старший мастер - мужчина лет 45-ти, с крупными чертами лица и похотливым выражением глаз. В своем обществе, кроме высокого мастерства машиностроителя, он отличался еще и увлечением женщинами. Последнее время у него с Павлом, к его недоумению, отношения были натянуты.

- Тебя можно на минутку? - отозвал он Павла в сторону. - Слушай, Владыкин, ты не обижайся на то, что я хочу сказать тебе. Я смотрю на тебя и думаю: парень ты молодой, красивый, умный, пользуешься большим авторитетом. Зачем ты связался с этой бабенкой? Неужели тебе не хватает девушек? Ведь она кому только здесь голову не кружила?! Мужики не выходят из ее кладовой, спуталась с мастером и сутками ездит с ним на обкатку

машин. Мужа посадила в тюрьму, а ведь он был директором ГУМа. Родила дочь, но бросает ее дома со старухой. Да и я вот, старый дурень, связался с ней. Возами ей дрова и уголь, и всякую всячину вожу, дома, с моей старухой, из-за нее скандал. Дочь моя здесь во всю контору позорит меня. Сколько денег я ей выбросил. Вот как заколдовала она меня, не могу оторваться, пропащий я человек. Не позорь себя, я вижу, что ты парень еще неиспорченный. Брось!

- Дмитрий Васильевич! Ведь я этого совершенно ничего не знал, доверился всей душой ей, думал, что она - честная девушка. А вчера я сам увидел такой кошмар, что говорить стыдно. Я тоже скажу, такого магнита я еще не чувствовал; но нам-то уж с вами: один - стар, другой - мал, враждовать из-за нее - это позор перед людьми. По-дружески, пожав друг другу руки, они разошлись.

Поздно вечером к Павлу домой кто-то позвонил. Решив, что это мать с ночной смены, он беззаботно открыл дверь. На пороге стояла родственница и опять со своей подругой. Павел растерялся, но сейчас же им овладело чувство презрения и гнева.

Женщины приступили к нему и неотвязно упрашивали, чтобы он вышел на прогулку. Павел наотрез отказался идти, но что такое - бороться со грехом без Христа? Родственница неотвязно просила его выйти "хоть на минутку", и он, в конце концов, согласился пройтись с ними вместе.

Вначале они шли молча, потом родственница остановилась, взяла их за руки и нравоучительно заявила:

- Хватит вам дуться, оба вы молодые, красивые. Чего вам не хватает? Пока живы, здоровы, берите от жизни все, что можно, молодость бывает один раз. Я оставлю вас, помиритесь да приходите, а я самовар поставлю и буду вас ждать, - с этими словами она поспешила скрыться за кустами акации.

- Тетушка! - возбужденно крикнул Павел, шагнув вслед за ней.

- Павлуша, да ты что рвешься от меня, как от заразной? - кинулась за ним знакомка, ухватив за руку. - Ну, давай поговорим.

Освободив руку, он шел, не останавливаясь, обдумывая на ходу поступок женщин, и решил: все же зайти к родственнице, отругать ее и оставить у нее знакомку.

- Что ты нахмурился, Павел, перестань, - как-то умоляюще произнесла она, - наслушался всякой лжи, ведь люди, по зависти, чего только и наговорят, неужели ты такого низкого мнения обо мне? Неужели ты не веришь мне, а поверил тому старому дурню, с каким я видела тебя среди цеха? Ведь он уже из ума выжил. Ты ведь не знаешь, какая я несчастная. Я, действительно, выходила замуж, но мой муж, не успела я родить эту дочку, как стал изменять мне, а потом заворовался и попал в тюрьму. Да и на заводе, чем я виновата, что вокруг меня вьется это воронье, да и поливают меня грязью. А теперь я полюбила тебя, да так, как еще никого не любила. А чем я виновата? Лучше разберись сам, и не горячись.

Павел, слушая эти слова, вдруг вспомнил, читанное ему отцом из Библии: "Ибо мед источают уста чужой жены, и мягче елея речь ее; но последствия от нее горьки, как полынь, остры, как меч обоюдоострый... держи дальше от нее путь твой, и не подходи близко к дверям дома ее".

Глубокий вздох вырвался из груди его, а с ним он, кажется, выдохнул и то бурное влечение к своей знакомке, которое так захватило его и чуть не унесло своим потоком. Вытирая слезы, она продолжала:

- Ты чего так спешишь, давай лучше подольше погуляем.

"Блудница!" - мелькнуло в сознании Павла слово, которое он встречал только в Библии, но каким спасительным оно теперь было для него. Внутренние силы у него крепли, и он, коротко отвергнув ее доводы, направился к тетке.

Остаток пути они шли молча, но в мыслях Павлу опять так четко вспомнились слова Библии: "Множеством ласковых слов она увлекла его, мягкостью уст своих овладела им. Тотчас он пошел за нею, как вол идет на убой" (Прит.7:21-22).

Войдя к родственнице, они увидели, что та, действительно, суетилась вокруг стола, ожидая, когда закипит самовар.

- Ну вот, так бы и давно, - пригласила она за стол своих гостей.

- "Давно" - тетушка, неподходящее слово, правильнее было бы сказать - "так бы и с самого начала", но я не думал, что вы, пожилая, да к тому же, родственница, толкаете меня на такое страшное дело.

- Так вы что? - обратилась она уже к знакомке.

Та, с перерывами, но почти в точности, повторила весь разговор с Павлом.

Он молча слушал их беседу. Ему было стыдно, что он так неосмотрительно влип в эту грязную историю.

Павел, хотя и не считал себя верующим, но вопросы истины волновали его. Он неопровержимо заключил, что только истина может устроять жизнь и уберечь от растления.

Ни к чему, находящемуся на столе, он не прикоснулся.

"Пусть я потерял то сладкое общение с верующими, лишь бы сохранилась вера в Библию, - думал он про себя. - Так вот, что скрывается за этой вереницей кофточек, платьев, туфелек, причесок, бантиков и милых улыбок? - возбужденно думал он дальше.

"Позор, позор и позор!" - с этими мыслями Павел вышел во двор выкурить папиросу, предупредив, что время уже позднее и он немедленно должен возвратиться домой.

Бодрый, ночной воздух и отсутствие женского влияния, как-то заметно отрезвили его. Возвращаясь, через несколько минут, мимо окна, Павел увидел, как женщины усиленно готовились к ночлегу. Отворив решительно дверь, он безошибочно определил, что тетушка совсем не собирается своих гостей провожать домой; вспышка гнева охватила сердце юноши, он остановился прямо в дверях, со взглядом глубокого негодования. Слова Библии и на этот раз вспомнились, овладев его мышлением:

"Сын мой! Если будут склонять тебя грешники, не соглашайся... Дом ее ведет к смерти, и стези ее - к мертвецам; никто, из вошедших к ней не возвращается и не вступает на путь жизни" (Прит.1:10; 2:18-19).

- Ну, что ты утупился, заходи! - скомандовала родственница.

- Как заходи? - возмутился Павел. - Зачем? И, угадав их намерение, строго проговорил:

- Вот вы чем занимаетесь, позорные сводницы! Тьфу! - сплюнул к порогу Павел и, громко хлопнув дверью, поспешно вышел на улицу. Какой-то внутренний голос сильно прозвучал в душе: "Молодец! Так и надо!" Но, подумав, уже на ходу, Павел возразил сам себе: "Нет, так совсем не надо, лучше было бы - вообще не заводить этого знакомства, тем более, что, еще вначале, предчувствие говорило мне об этом".

"Убегай блуда", - учит Слово Божие. Плевками да хлопаньем дверей от греха не избавишься. Убегать - это вовсе не соприкасаться, даже мысленно; а бороться - это значит: уже соприкасаться и напрягаться, чтобы победить.

Заходя домой, Павел улыбнулся тому, что он рассуждал как христианин.

Этим, однако, все ж преследование Павла не кончилось. Порочная любовь преследовала и тянулась за ним, как тина, в заросшем пруду, за лодкой. Ласками и угрозой, мольбой и бранью, неотступно преследовала юношу эта женщина, но он после этого уже не колебался.

Павел, отчасти, хотя и понял, какая грязь скрывается за этими пестрыми масками, и был осторожнее при знакомствах, но сердце, однажды тронутое волнующим чувством любви, остановить может только Бог. Поэтому, оно искало его в другом, и вскоре нашло.

Глава 7.
Мечты юности.

Перед началом учебного года, ему был разрешен внеочередной отпуск и предложена путевка в один из прекраснейших домов отдыха Подмосковья "Хорошевский серебряный бор".

Впервые Павел испытывал такое чувство удовлетворенности на лоне чудесной природы. Первые дни он отдыхал, бродя до усталости по крутым берегам Москвы-реки, среди зарослей прибрежного кустарника или вдыхая аромат хвои, действительно серебряного бора. Часами просиживал на открытой веранде, среди дорогих скульптур бывшего княжеского владения; увлекался полетом аэропланов с близлежащего аэродрома. Питание было хоть и скромное, но такое, какого он, по правде сказать, еще не пробовал. Отдыхающих было немного, и, разбредясь по большой территории, они встречались нечасто. Через 3-4 дня он познакомился с группой фабричных ребят из Дулева, и после одинокого блуждания был рад их обществу.

Как-то, после завтрака, они решили отправиться на длительную прогулку. Правда, ежедневная трудовая повинность мешала им в этом деле, но Павел подошел к бойкой, приятной на вид, молодой девушке - культоргу Любе Орловой, и без всякого труда получил себе и товарищам освобождение от этого нежелательного, бесцельного занятия.

Выйдя на окраину поселка, они погрузились по колено в изумрудный ковер душистых трав и цветов. Легкое движение ветерка ласкало грудь и лицо. Пестрая даль нескошенного луга манила вперед, хотелось по-мальчишески бежать и бежать навстречу серебристой полоске реки. Впереди, мелькая сквозь заросли ивняка, мачтами и надпалубной постройкой, приятно оглашая ширь лугов бархатом гудка, скользил по реке Москве пассажирский пароход.

- Во-ло-дя, по-дож-ди-те нас! - раздалось позади. Сбегая по косогору, вслед уходящей ватаге ребят, размахивая цветастыми косынками, бежали две девушки.

- Вот тебе на, и тут без них не обойдешься! - с легкой досадой буркнул Павел. - Кто это? Ваши? - кивнул он в сторону бегущих девушек.

- Наши, фабричные: Катя и Маруся, - ответил парень в полосатой майке, - пусть идут.

- Мы давно заметили вас и догадались, что вы направляетесь на ту сторону, решили бежать за вами, - запыхавшись, объяснили девушки, - можно?

- Давай! Только не отставать и не жаловаться на усталь, - ответили ребята.

В голубеньком, расшитом цветами, платьице, Катя окинула всех взглядом и на мгновенье задержалась на Павле.

Темные глаза ее сверкали ласковой приветливостью, правильные черты лица были привлекательны, а сверкающие белизной зубы, убеждали о ее здоровой молодости.

Павел внимательно посмотрел на нее и осудил себя, что минуту назад так недоброжелательно высказался в ее адрес.

Подруга ее была менее привлекательна, но ее добродушие, не менее Кати, привлекало к ней.

В продолжение пути, они познакомились ближе. Катя была из одного поселка с ребятами, на год моложе Павла, только что окончила техникум и работала на фарфоровой фабрике.

Перебравшись лодкой на другую сторону, всей компанией осматривали достопримечательности монастыря и кремля в городке, а после осмотра как-то разбрелись, кто куда.

Случайно или нет, но Павел с Катей остались вдвоем и было заметно, что этим они были довольны. Остаток дня также провели вместе, дотемна.

Простое, но строгое поведение девушки, как нельзя лучше понравилось Павлу, а через несколько дней, проходящие знакомые при встрече многозначительно кивали им головами. В обществе они появлялись на малое время, вечера же проводили в приятных беседах, знакомясь друг с другом ближе.

По окончании их совместного пребывания, Павел и Катя убедились, что полюбили друг друга чистою, бескорыстною любовью, и в этом объяснились друг другу. У Кати срок путевки заканчивался на два дня раньше; и настал день, когда они должны были расстаться.

На прощание они дали слово друг другу, что не забудут один другого, обменялись адресами, обещаниями и унесли, каждый в своем сердце, чувство пламенной любви.

Остаток дня Павел провел в сладких воспоминаниях о такой мимолетной, но счастливой встрече.

"Неужели я, наконец, нашел то, чего так ждала моя душа, чего искал: свой идеал, свое счастье? - спрашивал он сам себя. - Может быть, на этом придет конец моим неудачным обманчивым увлечениям и, может быть - это та любовь, которая огородит меня от нелепых ошибок?" - так размышлял он, лелея в душе новое чувство к Кате, как дорогую находку.

Поздно вечером к нему подсела культорг Люба и, теребя, потащила его на танцы. Павел резко возразил, прежде всего потому, что ему не хотелось нарушать приятные мысли о Кате, а потом... он и танцевать-то не мог. Люба вспыхнула, но не более, как через 20 минут снова подсела к Павлу в вечерней накидке. До позднего часа она рассказывала ему о своих переживаниях, неудачах и развлечениях.

На следующий день, рассчитываясь с библиотекой, он пришел к ней за паспортом. Люба достала из ящика его паспорт и пригласила в свою комнату. После развязной, бесцельной болтовни, она положила перед Павлом объемистый альбом с фотографиями, сама же бесцеремонно прилегла на кровать. Одну за другой он перелистывал страницы альбома, с возрастающим осуждением в адрес фотографий. В самых разнообразных позах, большинство - полуобнаженной, видел Павел свою собеседницу. Не докончив просмотр, он отложил альбом в сторону, поднялся на ноги, заявив, что ему пора ехать. Взял со стола паспорт и, положив его в карман, подошел к двери.

- Куда ты? Зачем? Неужели так неотложно сегодня? - проговорила Люба, соскочив с кровати, и подбежала к Павлу. Затем, преградив собою дверь, умоляюще повторила:

- Останься! Я прошу тебя!

Павел резко отстранил ее и толкнул дверь рукою. Она оказалась запертой. Брезгливо повернув ключ, он вышел на улицу, оставив дверь распахнутой, а, выходя, проговорил вслух:

- Неужели так, бессовестно, можно опошлить самое дорогое, что есть в жизни, и самого себя? Наконец, неужели все так пошло кругом? ...Неужели, и она такая? - испуганно проговорил он на ходу, подумав о Кате.

Торопливо подхватив свой чемоданчик в палате и придя на остановку, он поспешил сесть в, ожидавший его, автобус.

По дороге, как он ни старался, не мог избавиться от той горечи, какую пережил, отравившей его душу.

* * *

Приехав, он застал отца дома, чему был очень рад. Павлу так хотелось излить свою душу, свои обиды, свои переживания. Отец, как будто угадав его мысли, предложил ему:

- Я иду на прогулку, ты не хочешь прогуляться со мной, Павел?

- Ой, папа, очень рад, а то завтра опять кутерьма и поговорить будет некогда. Пойдем!

Выйдя на окраину, Павел выложил отцу всю душу. Тот, не перебивая, молча выслушал его.

- Эх, Павел, Павел, - начал он, - как я радовался за тебя, когда, с детских лет, ты служил Господу и славил Его Имя. Как радовались с тобою и все окружающие тебя, ведь до сих пор мне, то и дело, напоминают о тебе. А теперь, душа моя так томится и плачет по тебе. Не потому только, что ты начал курить, пить вино, сквернословить - я это все знаю - хоть ты и стараешься скрывать от меня. Я скорблю потому, что грех усиленно крутит тебя, хочет втоптать в грязь самое прекрасное в тебе. Ты отчаянно борешься с ним, но не победишь его. Ты раб греха, сын мой, ибо: "Всякий, делающий грех, есть раб греха... итак, если Сын освободит вас, то истинно свободны будете". Только Христос может освободить тебя от греха, а ты... оставил Его. Ты посмотри, как Слово Божие, посеянное еще в твоем детском сердце, теперь дало тебе силы - оставить блудницу, в самый решительный момент. Тебе надо полностью принять истину, тогда ты, с нею, все победишь.

Петр Никитович замолчал, и они оба долго шли, каждый занятый своими мыслями.

- Павел, - начал отец, - я не могу скрыть от тебя о тех печалях, какие постигли наше братство:

Николай Георгиевич Федосеев впал в грех и отпал. Василий Васильевич Скалдин, ради своих сыновей, отрекся, и вот в газете статейка о нем, - сунул он сыну клочок газеты. - Филадельфийский изменил Господу и братству. Остальные видные братья и, даже сестры, разбросаны по тюрьмам, и некоторые из них уже умерли там, за истину Божью. Тебя же не знаю, когда Господь дождется? Кто понесет знамя истины дальше?

На этом они беседу закончили. Петр Никитович пошел на посещение. Сын долго смотрел ему вслед, пока его одинокая фигура не скрылась за забором.

Слова отца глубоко запечатлелись в сердце Павла; он понял: не время, праздно проводить дни. Надо, отодвинув все на задний план, найти смысл жизни и ему посвятить себя. Отрезвляющие мысли, одна за другой, осаждали юношу, и он отдался им. Неудержимою силой, пороки стали, как-то сразу, одолевать душу, хотя Павел и пытался, благоразумия ради, освободиться от них.

Полюбив Катю, он ожидал, что сможет освободиться от остальных увлечений. Но, увы! При первой встрече с очередной, какой-либо милой особой, Павел чувствовал свое полное бессилие противостоять обольщению: или проявлял дерзость, или безвольно увлекался. Не раз он, бросая недокуренную папиросу или выпивая стакан вина, объявлял их последними. Но спустя 2-3 дня, без особого сопротивления, впадал в соблазн опять, причем с большим пристрастием.

С глубоким прискорбием, он увидел то, что было в нем расцветающе прекрасно (в своей оценке и оценке окружающих) - своей же рукой, не имея силы противостоять, он ронял под ноги в грязную лужу соблазна.

Другое же, чем Павел был крайне удивлен - это природой порока. Каким неудержимо-обольстительным, ангельски прекрасным кажется он вначале. И, наоборот: каким отвратительным, или же просто пустым и бесцветным оказывается сразу же, после того как вкусишь его.

- Нет, жизнь не должна быть такой, - заключил он. - Если уж в ней есть прекрасное, то оно дано человеку, чтобы обладать им, а чтобы обладать по-настоящему, за него надо бороться, и бороться с тем, что в самом же человеке противно этому прекрасному.

Но ведь, чтобы бороться, нужна сила, и здесь Павел понял, что эту силу человек может черпать только вне себя. Но где пути к ней?

Отец сказал: "Только Христос может освободить от власти греха." Но ведь не мог же он теперь, будучи просвещенным, так поверить в Христа, как его мать, отец, бабушка, да и он с детства; они ведь неграмотные темные люди. Нет, ему нужно как-то иначе, а, может быть, есть что-то другое. А что именно? Он не находил этого ни в себе, ни в окружающей среде.

От Кати стали потоком приходить письма, и ему казалось, что та нежная и чистая любовь, какой дышали страницы, была единственной отрадой для души. Он заключил, что только чистая близость с ней, остановит его учащающиеся увлечения. Именно она представлялась, его воображению, воплощением верности, строгой беззаветной любви и благоразумия.

Побыв однажды у них в гостях, Павел был очень рад, что предположения его оправдываются. Эти краткие два дня оказались для него, как стакан студеной ключевой воды в знойный день, из которого он выпил всего один глоток.

Чистенькая, убранная комната и добродушная простая мать, скромная, но приятная обстановка, русский гостеприимный дух в семье - совершенно расположили сердце Павла к ним. Он наслаждался всей душой дорогим, желанным уютом. К сожалению, наедине с Катей побыть не пришлось. Знакомство с ее родственниками и их бытом заняло все время; спохватились они тогда, когда надо было уже идти на станцию.

О себе Павел оставил самые прекрасные впечатления у всех, кроме, может быть, тайно снедавших от зависти, сердец. Поэтому вскоре, по приезде домой, Павел сделал заключение, что чем скорее он решится на прочный и окончательный союз с Катей, тем быстрее освободится от мучительной неопределенности в жизни. Но перед этим, ему хотелось еще раз побывать с нею, глубже заглянуть в душу, полнее насладиться взаимной любовью; и этот случай не замедлил прийти.

Павел приехал к ней в такое время, когда бурно расцветающая весна их молодости сочеталась со звонкой бодрящей весной в природе. Все дышало в природе свежестью и прелестью. Этому приезду содействовало еще и письмо от Кати, в котором она сообщила, что все родственники, друзья и даже соседи, как сговорились в том, что их гулянье так долго продолжаться не может, иначе оно послужит к возникновению всяких грязных сплетен, и Павлу даже неприлично, в дальнейшем, останавливаться в доме невесты - в общем, надо уже к одному концу; да и мама настаивает на этом.

Павел вначале сильно обиделся на такое недоверие к нему и вмешательство в их отношения, и ответил готовностью - вплоть до разрыва. Но получив, облитые слезами раскаяния, строчки срочного приглашения, утих, сжалился и прибыл в гости, по-прежнему, желанным и строгим.

На этот раз, они решили все время посвятить себе.

Катя надела самое строгое платье и долго осматривала себя в зеркале. Наконец, с наступлением сумерек, они вышли на улицу. Мать ласково проводила их у порога комнаты.

Пригородная роща, принарядившись в густой, по-весеннему курчавый наряд, приветливо встретила их таинственным шелестом зеленых листьев и заманила в самую отдаленную аллею. Душою овладела, какая-то неведомая еще, сладость. Павлу хотелось утонуть в ней совсем, на всю жизнь, и не возвращаться к тому позорному маскараду, который так отравлял его душу. Рядом, он чувствовал с собой Катю. Ее теплота разливалась блаженно по всему телу и, кажется, больше того, он ощущал в себе ее существо. Тихо прохаживались они по аллее, обмениваясь изредка самыми сокровенными желаниями. Павел чувствовал, что он сейчас получает то, чего так жаждал и чего не мог получить от всех других встреч с Катей. Это состояние он хотел бы продлить надолго. Он был совершенно уверен, что при той умеренной строгости, какую он желал видеть, Катя, наконец, явилась тем дорогим и редким существом, которое он так напряженно искал.

Остановившись, он взглянул в ее глаза. Ему показалось, что Катя, в эту минуту, думала именно также. Он приготовился уже объявить ей свое признание, но она кратко и конкретно сказала:

- Павел, сколько ты думаешь так проводить нам время, изучать друг друга, томить себя разными мечтами. Ведь все равно мы оба не можем оставаться так, и самим все тяжелее будет, да и от людей терпеть всякое, не зная за что. Так длиться долго не может, да и зачем?

Он не сразу понял ее, вернее, даже не знал, что можно подумать.

"Если замужество, то это просто удивительно, что девушка так рвется к замужеству? Что она, именно, рассчитывает получить от замужества? Да, но во всяком случае - это самое честное намерение, и это решать надо только им и никому другому." Но вслед за этим, сердце защемило от другого предположения: "А вдруг в ней то же, что в остальных, с кем он встречался до нее? Выходит все они такие, и в ней я не нашел того, чего искал, и ее я должен отпустить, как тех?

Нет, тут, конечно, другое! В крайнем случае, почему я должен требовать от нее больше, чем от себя? - продолжал он рассуждать сам в себе, - может быть, как раз во мне, она должна найти опору против того же, что непосильно ей? Нет, ее любви мне не следует бояться. Она полюбила меня доверчиво, беспредельно. Я счастливее ее тем, что имею меру в этом возвышенном чувстве, ей же негде было приобрести ее, поэтому: самое бесчестное с моей стороны, воспользоваться слабостью беззащитного любимого существа и чем-то огорчить ее. Я должен, как юноша, принять, именно на себя, всю ответственность в защите нашей чистой, обоюдной любви как от внешних так и от внутренних посягательств. Она - человек чувств, я, к тому же еще, и человек - сознания. Нет, она, конечно, имеет в виду замужество, и ей не предосудительно спешить с ним - она девушка", - заключил он в себе.

- Ты устала? - спросил он ее, как будто не понимал смысла ее выражения, - может быть, присядем отдохнуть или уже лучше пойдем домой?

Катя как-то виновато посмотрела на него и, вздохнув, тихо ответила:

- Пойдем.

- Будем помогать друг другу, чтобы не поскользнуться, - сказал он ей на ходу, обходя дождевую лужу.

- Будем, - ответила Катя, с радостью поглядев в его глаза и крепко прижав его руку к себе. Она поняла, что дело не в уличной грязи.

Придя домой, они долго, за самоваром, в присутствии Катиной мамы, рассуждали о будущем. Было решено: набраться еще терпения и дождаться, пока Павел переберется в Москву для занятий в университете. Вечером, не без грусти, Катя проводила его на станцию.

Дома так же, как и в первый раз, Павел пошел с отцом на прогулку.

- Папань! Ты, наверное, знаешь про нашу связь с Катей? Мы любим друг друга и решили к Рождеству повенчаться.

Петр Никитович долго молчал после этого сообщения, но потом ответил:

- Что ж, сынок, то что вы любите - это хорошо, любите еще крепче, но насчет женитьбы ... дам тебе такой совет: подожди еще, хоть один годик, что-то мне хочется, именно так, сказать. Тебе еще 20 лет, да и у нее не так, что беда какая стряслась, потерпит.

Павел не возразил на это ни слова и решил послушаться отца.

Заметная перемена произошла в нем, после его возвращения от Кати. От своих повседневных занятий он, хотя и не отказался, но к женщинам относился очень сдержанно.

* * *

Как-то поздним вечером, к ним после работы зашла Вера Князева и, хотя несколько лет Павел ее не видел, но к своему удивлению, не нашел в ней перемены. Та же девичья свежесть и отличительная благородная красота - напомнили Павлу о совместно проведенных годах в общине и в ее доме. Только, едва заметные, полоски на лбу свидетельствовали о каком-то потрясении, пережитом ею. Среди того разгрома, какой пережила Н-ская община в связи с арестом Петра Владыкина, Вера осталась одна из немногих, преданных Господу, из числа христианской молодежи - единственным цветком в опустелом саду. На бесчисленных допросах по обвинению арестованного Владыкина и других, она, будучи неизменной христианкой, осталась неповинной ни в чьей судьбе. Из-за редкой привлекательности, ей пришлось выдержать целый поток предложений к замужеству, со стороны неверующих женихов, но оставаясь верной своему Господу, она все отвергла. До этого, будучи 22х лет, Вера полюбила

деревенского юношу-христианина. По своему развитию, будучи серым деревенским парнем, да к тому же еще неграмотным, Андрей был, далеко, не пара Вере. Ему едва исполнилось тогда 18 лет, но по внешнему виду - это был рослый и возмужалый юноша. Вера же получила хорошее воспитание в интеллигентной семье и среднетехническое образование в учебном заведении.

Полюбив Андрюшу, она приложила все усилия к тому, чтобы поднять его до своего уровня и подготовить, тем самым, себе достойного жениха. Через год юноша, действительно, преобразился.

Бесследно у него исчезло все деревенское: и вид, и речь его были неотличительны от столичного молодого человека. В общине, он нередко, служил проповедью и пением в хору. Своей покровительнице он был, на редкость, верен во всем. Во взаимоотношениях между ними хранилась христианская строгость, хотя они, нескрываемо, любили друг друга и часто бывали наедине.

Но Петр Никитович, однажды, не преминул дать Вере очень дорогое наставление, несмотря на особое к ней расположение:

- Вера, как моей родной дочери, хочу сказать тебе, что в твоей дружбе с Андрюшей не все чисто, как тебе кажется. То, что ты подняла его из мутного омута деревенской темноты и поставила на светлую дорогу, что он сейчас добрый христианин и проповедник - это, по милости Божьей, большая похвала тебе и от людей, и от Господа. А вот то, что ты готовишь его женихом для себя - это скользкий путь, и чести в этом нет для тебя. Это уже вопрос не его, а твоей судьбы, которую ты, заведомо, не испытав волю Божию, берешь в свои руки. Не обманись, дорогая моя, можешь испортить жизнь и себе, и ему, и уже не поправить ее никогда. Ты впала в очень тонкое искушение, потому что начала с плоти, плотью и окончишь. Вот если бы с самого начала избрала не ты, а он, да согласовал бы с волей Божией, не увлекаясь твоей красотой, а предав жребий Богу, то - другое дело. Ты посчитала, что своею красотою и таким жертвенным подвигом привязала его к себе на всю жизнь? Ошибаешься, Вера, - в брачном деле связывает воля Божья и Его благословение, а красота твоя и подвиги, как паутина в дремучем лесу.

- А что же теперь нам делать? - спросила Вера.

- Оставить друг друга, попросить прощения у него, а потом и, со слезами, у Господа. После того - предать Господу путь свой, и Он совершит.

- Но, ведь это невозможно, разрыв - катастрофа в жизни, в сердце. А потом, может, всю жизнь будешь осуждать себя, что свою судьбу отвергла.

- Что мы вверяем Господу, то у Него не пропадает, а что не по вере - грех, - ответил ей на это Владыкин.

- Петр Никитович, сознаю, но силы к разрыву нет. Если бы вначале мы были предупреждены - дело другое, а теперь буду полагаться на милость Божию. Мы любим друг друга.

Прошло с тех пор четыре с лишним года. Работая днем и занимаясь на вечерних курсах, Андрюша проявил очень большие способности и получил знания в объеме среднетехнических. Любовь между ними сохранилась неповрежденной. Внешне - это была цветущая привлекательная пара, дело подходило к их бракосочетанию.

В семейном совете было решено, что Андрюша переедет в Москву, устроится, с расчетом: вскоре вызвать Веру для совместной жизни. В дорогу его снабдили всем необходимым, вплоть до постели и, помолившись, проводили. Первые 2-3 недели он аккуратно высылал письма о своем благополучии, потом письма вдруг прекратились. Вначале Вера объясняла это всякими случайными недоразумениями, но, когда перерыв стал приближаться к трем неделям, ее сердце съежилось от необъяснимой тревоги, а затем полились и слезы.

Наконец, письмо пришло, но руки ее затряслись от тяжкого предчувствия и, не дочитав, она в безутешных рыданиях провела всю ночь. Андрюша изменил. По приезде, из просторной уютной квартиры у посторонних, его под благовидным предлогом пригласили "свои". У "своих" его поместили в тесную комнату, рядом с девичьей, где жила пышная хозяйская дочь. Кончился этот переезд тем, что Андрюшу "сосватали" за нее. Ссылаясь на свой преклонный возраст, родители обещали сделать его владельцем всего двухэтажного дома с большим садом, амбарами да сарайчиками. Но пока парня обвенчали - для них двоих - к его комнатушке присоединилась лишь девичья.

Через некоторое время двухэтажное поместье обрезали со всех сторон, так что к нему едва можно было подойти. Рядом выросли каменные великаны, потом дом по каким-то вынужденным обстоятельствам продали. Старички кое-как доживали в крохотной комнатушке этого обширного дома. Андрюша, по счастливому жребию,

оказался на девятнадцатом этаже двадцатипятиэтажного здания в единственной комнате с условными удобствами.

Спустя несколько месяцев после этого, Павел и увидел Веру в гостях у себя. И все-таки, она была прекрасна, смирившись под таким ужасным ударом.

Вошедшего Павла, она в первое мгновение совершенно не узнала, лишь вглядевшись, порывисто подошла и, в восторге от такой исключительной перемены, теребила его, как когда-то, когда он был еще подростком.

Трагедию Веры он знал очень хорошо, даже заезжал к Андрюше и по-свойски стыдил его, как только мог, будучи в прошлом с ним в товарищах. Павел же, еще с детства, свою любовь с "изменницы" Нади перенес на Веру и теперь хранил в своей душе к ней самые добрые чувства, от души сожалея о ее трагедии.

- Павлуша, ты проводишь меня домой? - по-прежнему покровительственно-развязным тоном попросила она Павла.

Павел сдержанно успокоил ее, обещая проводить, и усадил рядом с собой.

После короткой беседы Вера была изумлена происшедшей внутренней переменой Павла. Его спокойные рассуждения о жизни, широкая осведомленность в различных областях, а более всего, такое чуткое участие в ее личной судьбе, просто потрясли ее и, невольно подчинившись его влиянию, в ходе беседы в дальнейшем с уважением называла его Павлом.

Когда они поднялись и, одевшись, приготовились выходить, Луша взглянула на них, стоящих рядом, благосклонно с улыбкой проводила на улицу, подумав про себя: "Какая была бы прекрасная пара".

Павел взял ее за руку, выводя из темного помещения на свет. На протяжении всего длинного пути по пустырям и закоулкам, они делились о всем пережитом с самым сердечным расположением друг к другу.

Екатерина Ивановна - мать Веры, была очень и очень рада, несмотря на такой поздний час, увидеть Павла у себя, да еще со своей дочерью. Короткими словами они обменялись о пережитом отрезке жизни, в котором потеряли друг друга из вида. Павел заторопился к выходу. Провожая его до калитки, Вера попросила, чтобы Павел провожал ее и в последующие дни.

Такие прогулки они повторяли несколько раз, с желанием, и всегда в сопровождении дорогих и приятных воспоминаний.

Последний раз Павел почувствовал, что в отношениях Веры к нему появилось необычное тяготение. Шли они медленнее обычного, почти около самого дома она остановилась и, близко подойдя к нему, проговорила:

- Павел, как было бы хорошо, если бы ты вновь покаялся и стал христианином. Ведь мы могли бы быть намного ближе друг с другом. Ты не подумал об этом?

На сей раз, это возникшее влечение Веры к нему, не ошеломило Павла. Вера была больше христианка, чем девушка, и к ее проявившейся слабости он отнесся с искренним сочувствием, зная, что израненное изменой сердце, так нуждалось в ласке. Во-вторых, он почувствовал, что она не лишена жажды любви, а отсюда - могущие быть слабости, тем более, что они с детства были так близки друг к другу. Поэтому к ней тем более, он был обязан проявить максимум великодушия, но не осудить в своем сердце.

Он взял ее за обе руки и сердечно, по-дружески, ответил:

- Вера! Я много думаю о смысле жизни, думаю мучительно и о своем распутье. Полагаю, что где-то недалеко есть ему конец. Но о нашей близости я должен вот что тебе сказать: прежде всего, наши судьбы разные и, несмотря на мою искреннюю любовь к тебе с самого детства, я хочу сохранить ее такой же возвышенной, какой она была тогда. В твою судьбу я вмешиваться боюсь, хотя я и не имею той детской веры в Бога, но скажу: у твоего Бога с тобою - свои счеты, с Ним ты и решай их. Моя судьба имеет свои пути, и изменять их я не хочу.

Затем, пожав ей горячо руку, отпустил домой.

Глава 8.
Жизненно важный вопрос.

Душевная тревога у Павла нарастала не по дням, как говорят, а по часам. На факультете начались занятия, и он готовился, усвоив программу, перебираться в Москву, в МГУ-1. Приехавшая комиссия известила студентов о зачислении их на соответствующие курсы в университете. Павел был в числе первых по списку, сокурсники

переживали о будущем. Павел волновался тоже, но не об учебе (она проходила у него с неизменным успехом), чему он удивлялся часто сам. Он волновался от внутреннего духовного кризиса.

На одной из очередных лекций читалось о философии Фейербаха. Павел, воспользовавшись паузой, задал лектору такой вопрос:

- Скажите, пожалуйста, в чем смысл человеческой жизни по Фейербаху?

Лектор слегка улыбнулся и ответил Павлу:

- Это вопрос очень пространный, часть его разрешится вами на следующем курсе, а часть будет познаваться вами в самой жизни.

- Нет, может быть вам и можно без волнений отнестись к этому вопросу, ваша жизнь почти прожита, наша же - только начинается. Мы хотим в начале жизни узнать о ее смысле: и не когда-то завтра, а именно - сегодня. Это самый важный вопрос, на который вы должны ответить теперь, чтобы мы могли в начале плавания поставить наши ориентиры в нужном направлении, - возразил Павел.

- Ну что ж, давайте поговорим об этом сегодня. На этот вопрос мы можем получить много ответов.

- Нам как раз они не нужны, нам нужен всего один ответ и безошибочный, - поправил лектора Павел.

Лектор задумался над поправкой Павла и почувствовал, что ответить на вопрос не так-то легко, как он привык отвечать на многие, более конкретные вопросы.

- Я полагаю, что ответ на ваш вопрос даст нам наша современная действительность, а она строится на материалистическом мировоззрении.

- Хорошо, - поддержал Павел, - мысленно мы окинем нашим взором наиболее известные нам материалистические теории. Не находите ли вы, что все они, начиная от Спинозы, а может быть, и раньше, и, включая самую современную, т. е. марксистскую, имеют своею вершиною материальное благополучие?

- Да, конечно, и ничто другое.

- Несколько отвлекаясь, я должен обратить ваше внимание на сущность самого человека, - продолжал Павел, - ведь мы не должны отрицать того, что человек живет не единым хлебом, а - в отличие от животного мира - обладая разумом и сознанием, он живет еще и духовной жизнью, которая находится в тесной связи с материальной. Пусть материализм отрицает мистические, религиозные контуры духовного мира, но мы не можем отрицать тех невидимых влияний, которые действуют на нас извне, и какими каждый из нас воздействует на окружающих.

- Конечно, нет основания отрицать того, что человек - высшее существо, что помимо физического общения друг с другом, он еще осязает окружающее внутренне. Более того, и существующий прогресс подтверждает, что человек живет не только хлебом, - согласился лектор.

- Коли так, нам следует установить очень важную истину, что жизнь поддерживается питанием. А это значит, - сказал Павел, - если мы не накормим тело хлебом, оно умрет. Не живет и тот, кто лишает себя духовной пищи, об этом нам подтверждают тысячи самоубийств. Множество живых трупов в домах умалишенных убеждают нас в том, что духовная пища необходима.

- И с этим можно согласиться, - кивнул лектор.

- Теперь возвратимся к материалистическим теориям и представим себе высокую гору, на вершине которой красуется состояние материального благополучия. По многочисленным тропинкам поднимаются социалисты, утописты - со своей стороны, марксисты со своей и т. д.

- Я понимаю вас, - прервал Павла лектор, - но зачем нам говорить об этом, ведь вершина благополучия так высока, что мы даже ясных контуров не можем представить; будем жить более ясными целями, веря в великое будущее.

- Хм! Позвольте, а чем же мы тогда отличаемся от религиозных людей, стремящихся к Царству Небесному? И если у материализма нет единой, хотя какой-то относительной цели в далеком будущем, то все его разновидности бесцельны. Нет, цель мы не должны разрушать, но с каждой поступью оконтуривать ее яснее. Но я хочу в связи с этим задать другой вопрос: когда мы с вами по этим тропинкам доведем человечество к вершине. А это должно быть, иначе зачем блуждать с самого начала? Какой будет выглядеть тогда действительность?

Все человеческие потребности, как например: проблема питания, одежды, быта и прочее - мы будем удовлетворять буквально, как говорят, нажатием кнопки. Следовательно, физического человека мы накормим

досыта, а чем тогда будем кормить нашего внутреннего? Какую духовную пищу тогда дадим человеку? Сейчас мы питаемся, кто чем. Проблем горы: нам мешают еще лапти на ногах, лачуги, самодельные бороны, тачки, кулаки, вредители, капиталисты. Мы поглощены борьбой со всем этим, хоть ночи не спи, а тогда этих проблем не будет.

- Да ну, Владыкин, не отчаивайся! Полезут глубже в недра, на дно морей, полетят в космос, - объяснил лектор.

- О нет, в космос полетят десятки, сотни, может быть, немного больше. В лабораториях сядут Филатов, Иоффе, Эйнштейн и несколько тысяч с ними, и то вечером, вытирая лоб, пойдут искать что-либо для души, подобно академику Павлову. А с ними откроются миллиарды ртов и будут с воплем просить духовной пищи. Чем накормишь тогда человека? А ведь выше горы-то - только небо!

- Да Владыкин, вопрос вы подняли серьезный, и он не снят с повестки дня.

В коридоре звонок оповестил конец лекциям, но аудитория была поглощена этим неожиданным диспутом, и все как один остались слушать продолжение.

- Я ведь задал этот вопрос не потому, что хочу им завести вас в тупик, а потому, что я стою на распутье идей, и хочу узнать, в чем смысл человеческой жизни, безошибочно найти его и посвятить ему всего себя. Много перечитал я всего о жизни Сен-Симона, Чернышевского, Толстого, Достоевского, Белинского, Р.Тагора, Гюго, Гегеля, Энгельса, Маркса и других. Но вот нет их, нет и их последователей, кроме последнего. Да и они ничего цельного, утоляющего мою душу, не сказали мне. Знаю я единственную книгу, которая дает ответ на этот вопрос - это Библия:

"Ибо так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего единородного, дабы всякий, верующий в Него, не погиб, но имел жизнь вечную" (Иоан. 3, 16).

Человеку, нашедшему смысл жизни в учении Христа, в Нем Самом, не грозит смерть ни физическая, ни духовная; и материальное благополучие для него - не конечная вершина. Но как верить в нее? Наша современность отрицает Библию, а Библия признает нашу современность, - закончил Павел.

Долго лектор молчал после этого, но, направляясь к выходу, сказал:

- Конечно, религию отцов, со всем старым укладом жизни, мы отвергли, хотя очень для многих она была сдерживающим началом. Теперь заняты исканием новой религии, которая смогла бы не только заменить старую, но и превзойти ее. Этим именно заняты М. Горький и Луначарский.

С этими словами лектор спустился вниз, зашел в свой кабинет и, сев, затяжно закурил папиросу.

Павел нашел его там и, подсев к нему, спросил:

- Зачем же нам разрушать родительские дворцы и ютиться в землянках из-за одного того, что мы - новое поколение? Это же возвращение к диким временам (если только древне-халдейскую и египетскую культуру можно назвать дикой)? Может быть, лучше продолжать строить то, что мы начали по учению Христа? Обновить от всякого чуждого наслоения?

Лектор рукой потряс колено Павла и закончил уже вполголоса:

- Ты, возможно, и прав, но ведь надо идти против течения!

Грудь Павла распирало от торжества, когда он, покинув кабинет, вышел на улицу. Прежде всего он был просто изумлен, откуда такие мысли и слова пришли к нему во время беседы с лектором? Во-вторых, был рад, что в присутствии всей аудитории затронул такой вопрос, который, как ему казалось, был крайне важен для всей молодежи, да еще и тем, что лектора привел в замешательство.

На следующий день, в передовой статье летучей факультетской газеты Павла Владыкина выставили как классово-чуждого элемента, враждебно относящегося к современной культуре и просвещению. Автор настаивал на изгнании его из студенческой среды.

Перед занятиями его пригласили в кабинет директора и зачитали постановление райкома:

"За антисовременное мировоззрение, высказанное перед всей аудиторией, студента Павла Владыкина отчислить от факультета!"

- Владыкин, зачем тебе надо было связываться с таким делом? - наедине проговорила ему директор рабфака, - держал бы ты свое у себя в душе. А теперь мы лишились в тебе самого добросовестного, самого отличного студента. Я бы еще удержала тебя, но горком...

- Товарищ директор, вы знаете, я нигде никогда не лицемерил и всегда был тем, кто я есть. Я не был верующим и с этим вопросом обратился к преподавателю чистосердечно, как человек, оказавшийся на распутье. Вашим поступком вы помогли мне в разрешении моего жгучего вопроса. Я теперь хочу быть христианином, сознание мое уже к этому готово, нужно сделать только шаг ко Христу, а решимости нет. Прощайте! - протянул руку Павел и пошел к двери.

- Ты зайди ко мне через 3-4 дня, мы подумаем. Понял?

- Я вас понял, но вы меня не поняли. Нет, я к вам, наверное, уж больше не зайду. Прощайте!

"Вот удивительно! Еще не успел стать христианином, а гонения за Христа уже принял", - так думал про себя Павел, выходя из рабфака.

Чего только не произошло в душе Павла после этого случая: где-то подходила досада на то, что лишился такого легкого доступа в университет, попасть куда многие посчитали бы за счастье, но тут же подумал, почему лишился. Пойти туда опять можно было и теперь, найти с ними общий язык и продолжать как раньше.

Целый внутренний духовный фронт открылся у Павла в сердце.

* * *

На заводе положение его не изменилось, и все шло своим чередом. Недавно, на закрытом совещании актива, Павел выступал с речью о поднятии морального уровня заводской молодежи и был особенно отмечен парторгом Марией. Он посещал кое-кого из молодежи на дому. Но внутренние волнения не успокаивались. С отцом говорить о своем кризисе не хотелось. Как-то встретился в городе со студентом из факультета: ему велели обязательно зайти, но он не решался. Так подошли ноябрьские дни, и Павел уехал к Кате. В чемоданчик положил старенькое материнское Евангелие.

- Что случилось, Павел? - настороженно спросила Катина мама, спустя некоторое время, как он пришел, - у тебя какая-то перемена? - выпытывала она.

- Да оставь ты, мама, со своими предчувствиями, - возразила ей Катя и, обнявшись, они сели за стол.

За самоваром немного разговорились, но шила в мешке не утаишь и настроения не спрячешь, особенно тому, кто не умеет прятать.

- Клавдия Ивановна, - обратился он к Катиной маме. - Я должен вам открыть один секрет о себе, но секрет очень важный, который может отразиться на судьбе Катюши.

Обе они насторожились до крайности.

- Сам я - из религиозной семьи, с детства до 15 лет верил в Бога, молился, жил как верующий мальчик, потом, с возрастом, все оставил. Последние годы я стал современным человеком, самым передовым из молодежи, занимая в обществе первое место. Но жизненные вопросы не дают мне покоя. Возможно, что я возвращусь к Богу. Что вы на это скажете?

- Ой, Павлик, да что же тут такого? Очень хорошо, верующий-то человек, как человек, у него и совесть в душе, и страх, а неверующий - басурман басурманом. Вот мои сыновья, один - мастер, другой - директор, а дома жизни нет - дерутся да ругаются. Я и сама хожу в церковь, она у нас вон на задах, да и икона "Иверская Божья Матерь" в углу стоит. Катюшу все время водила в церковь, пока она не выросла.

Дочь молча, с любопытством наблюдала за Павлом, лицо ее ничего не выражало.

- А хотите, я вам почитаю Евангелие, я привез с собою, - наклонившись к чемодану, проговорил Павел.

- Читай, это же Божья Книга, - ответила Клавдия Ивановна, и, увидев большой крест на ней, успокоилась совсем. Открыв Деяния Апостолов, 17 главу, он начал читать: "Бог, сотворивший мир и все, что в нем, Он, будучи Господом неба и земли, не в рукотворных храмах живет и не требует служения рук человеческих... Итак, оставляя времена неведения, Бог ныне повелевает людям всем повсюду покаяться; ибо Он назначил день, в который будет праведно судить вселенную, посредством предопределенного Им Мужа, подав удостоверение всем, воскресив Его из мертвых". Прочитав, Павел разъяснил смысл истинной веры в Бога и коснулся немного заблуждений православной церкви.

- Павел, вот ты грамотный человек, видишь и разбираешься, а мы темные люди: в какой вере родились, крестились, в такой и умирать будем. Написано все хорошо и правильно, надо бы исполнять, да видишь, не все получается...

Прочитав еще несколько глав, они с Катей решили пойти погулять.

- Павел! - держась за его руку, начала Катя, - мне сказали, что больно уж много там девок вьется вокруг тебя. Скажи прямо, не скрывай, может, познакомился с другой какой. Так лучше поступить по честному.

- Нет, Катя, ты это совсем выбрось из головы и не слушай бабьих сплетен. Я хочу тебе сказать другое, о чем уже, отчасти, начал говорить дома. Я должен возвратиться к своему Богу и стать настоящим христианином. Но как нам быть с тобой? Ведь ты современная девушка, неверующая, так что же у нас с тобой получится: кто в лес - кто по дрова? Знай, что если я вновь стану христианином, у нас с тобой общего ничего не будет. Вот и давай, мы сейчас серьезно и спокойно это обсудим.

- Откуда ты знаешь, что я неверующая? Я-то верю в Бога и крестик в шкатулке у меня хранится. Конечно, я не знаю того, что ты, но расскажешь и буду знать, отставать от тебя не буду, куда ты пойдешь, туда и я за тобой. Павел, знай, что я тебе верю всем сердцем, особенно с прошлого раза, - нагнувшись, приглушенно сказала она ему.

Он крепко пожал ей руку и, успокоенный, пошел вперед, обняв ее за плечо.

Скоро они решили возвратиться домой, но придя, нашли комнату пустой, так как Клавдия Ивановна ушла в гости.

Какая-то непреодолимая тоска сдавила грудь Павла. Он попросил постелить что-либо на большущий сундук в углу, и лег. Катя села у его изголовья и слегка теребила прядь волос на его голове. Павел вначале лежал молча, а потом вздохнул и с глубоким чувством непонятной грусти, запел мелодичным тенором:

Скрывается солнце за степи,
Вдали золотится ковыль.
Колодников звонкие цепи
Взметают дорожную пыль.

Катя смотрела на него, слушала и чувствовала, что Павел о чем-то тоскует, но понять этого они оба не могли. Постепенно, к приходу Клавдии Ивановны, грусть рассеялась; и они долго беседовали о Боге, о настоящей вере. Говорил он воодушевлено, как будто возвратилось все то, что было им утрачено несколько лет назад. Женщины слушали с интересом, как нечто новое, но видно было, что это не касалось глубоко их душ. Весь следующий день провели они на прогулке, и Павел был обрадован рассудительным разговором Кати, и особенно, утешился ее обещанием в верности. Но, когда подошел вечер, и он стал собираться на станцию, все как-то приумолкли. Катя уложила все его вещи, и они, нехотя, вышли на улицу. На этот раз Клавдия Ивановна проводя их до крыльца, долго сопровождала их взглядом, пока они не скрылись за поворотом.

Моросил мелкий дождик, усугубляя тоску расставания.

В самые последние минуты Катя не выдержала, на глазах ее появились слезы.

- Что с тобой? - успокаивающе, обняв ее, спросил Павел.

- Так, - вытирая платочком кончик носа, ответила она, но слезы заблестели еще больше.

- Ох! Что-то так тоскливо, как будто мы расстаемся навек, Павел. Не увижу я тебя, наверное, больше.

Сердце вздрогнуло от удара станционного колокола, и через минуту поезд остановился перед ними. Дождь лавиною обрушился на землю. Под зонтиком, они стояли близко друг около друга, но наступила прощальная минута; раздался свисток паровоза, и вагон медленно пополз вперед.

Павел, не торопясь поднялся на подножку и смотрел на плачущую Катю.

Дождь потоками хлестал ему в лицо. Долго еще одинокая фигура стояла под проливным дождем, пока не расплылась в вечерних сумерках.

- Неужели больше не увидимся? - вздрогнул он, вспомнив ее слова и глубоко вздохнул. Павел вошел в вагон и сел. За окном мелькали последние дома поселка Дулева.

Глава 9.
Отец и сын.

Зима подошла быстро, незаметно пролетело время подготовки к ней; а душевные мучения не давали Павлу покоя до того, что все кругом стало обесцениваться. Единственное, что приносило ему утешение - это письма от Кати. Но всякий раз, припоминая ее тоскливо стоящую, одинокую фигуру при расставании, тоска овладевала им с новой силой.

Новый год он встретил в своем клубе, с сотрудниками. Со всеми выпил немного вина, потом перешли к просмотру какой-то пьесы; но он с самого начала ушел домой.

С приездом отца общения верующих немного оживились. Вечерами собирались по домам для беседы, но главным образом, старые члены - из тех, кто в самом начале составлял общину.

Придя в дом, Павел застал верующих гостей, встретивших Новый год в молитве. Среди них были и Князевы - Вера с мамой. В приятной беседе Павел провел с ними время до самого утра, даже спели вместе несколько гимнов. Все они стали как-то ближе Павлу, роднее, особенно после того, как узнали, что его отчислили с рабфака за беседу с лектором.

В последних числах января душевные муки были настолько велики, что он прямо с утра встал на лыжи и решил объехать вокруг города, чтобы рассеять назойливые мысли.

После обеда, измученный походом, он возвратился. Пообедав, упал на постель и уснул как мертвый. Встал перед вечером, бодрый, спокойный. Отец с матерью мастерили что-то на дворе. Павел умылся и взял в руки Библию. "Никто не может придти ко Мне, если то не дано будет ему от Отца Моего", - прочитал он открывшееся ему место из Евангелия от Иоанна 6, 65. Он глубоко задумался над этим выражением Христа. Ведь прийти-то к Нему - это оказывается дар Отца Небесного. И этот дар он имел с детства. Вспомнил свое детское покаяние и ревностное служение в общине. "Значит мне - дано, - рассуждал он дальше, с чувством какой-то внутренней глубокой радости. - Что же произошло? А то, что получив этот дар, я почему-то отошел от Христа. Вот почему все эти годы я не был спокоен, с одной стороны; с другой - видел, как какая-то незримая рука все же вела меня, ограждая от многих неблагоразумных поступков. Я видел это в тех способностях, какие имел в охране целомудрия при соприкосновениях с женщинами, в твердости воли. Так что же мне нужно? - спросил он сам себя. - Возвратиться к Христу, а это значит, поверить в Него и довериться Ему!" Вот что мучило его. Довериться - значит, решиться, а вот этого-то, он как раз сделать не может. Нет сил в себе. В тайнике души он чувствовал, что верил в Христа и Его истину, и именно это побудило его защищать Библию в беседе с лектором.

- Нужно довериться, решиться, отдаться, - твердил один голос.

- Нет не могу! - протестовал другой.

- Не можешь? Останешься на распутье и погибнешь, - кто-то властно твердил ему.

- Но как довериться?

Наступило критическое мгновение.

Павел вспомнил разговор с отцом, один за другим прошли перед его глазами те, кто пали, отрекшись от Бога. В этом открылась разрушительная работа дьявола.

- Такие столбы он свалил! - проговорил Павел про себя. - Так вот что ты сделал, сатана! - воскликнул он.

Вдруг он ясно вспомнил вопрос старца Хоменко при проводах на прогулке: "Кто понесет знамя истины дальше?"

Ревность против дьявола вспыхнула в юном сердце Павла: "Так разорять Церковь?! - встрепенулся он. - Довольно! Вот я должен!.." - но крылья опустились при мысли, что ему ведь надо прежде отдаться Христу, а он еще не решился.

Бедный юноша, сам того не знал, что в душе он уже был христианином.

Перелистав Библию, он нашел притчу о блудном сыне, и первое, что бросилось ему в глаза - это слова: " ...и когда он был еще далеко, увидел его отец и сжалился..." Этим выражением, на мгновение, открылась ему любовь Отца Небесного во всей спасительной красоте; сердце дрогнуло, из глаз брызнули слезы.

- Ты что, Павел? - с удивлением спросили его вошедшие родители.

- Довольно! Я больше не могу! Хочу возвратиться к моему Господу! - опускаясь на колени, воскликнул Павел.

- Боже мой! Боже мой! Прости меня, и как блудного сына прими вновь в объятия Свои! Дьявол вырвал лучших рабов Твоих из Церкви, я мал и незначителен по сравнению с ними, но вот я, прими меня. Я хочу встать на это место, где пали они, и чем могу, хочу послужить Твоей истине. Аминь.

Рядом с Павлом, в слезах радости и благодарности Господу за возвращение сына, молились Петр Никитович и Луша.

Поднявшись с молитвы, в объятиях любви Господней, поздравили сына, и втроем пропели один гимн хвалы Богу.

В этот же вечер Павел с отцом пошли посетить верующих, где он, от избытка чувств, свидетельствовал окружающим о радости спасения и до полуночи беседовал с неверующим юношей - сыном одной из христианских семей. С ним вместе ликовали и старые друзья, особенно Князевы.

Сейчас же он сообщил о своей великой радости Кате. Но, к своему удивлению, в ответе, он увидел ее такой же одинокой, тоскующей, как видел последний раз, под зонтиком.

Свободные часы на производстве он проводил где-либо в уединении, с Евангелием в руках. Ему подарили новенькое Евангелие с Псалтырем (карманного формата), в хорошем кожаном переплете. При виде резкой перемены его прежние товарищи и женское окружение пришли в недоумение: что с ним случилось?

Никто не видел его в клубе, парке, театре, где обычно встречали и желали видеть. На производстве, с окружающими его, он был еще более любезен и сдержан. Лицо светилось каким-то внутренним, необъяснимым излучением. Друзья по цигарке к своему разочарованию, узнали, что он бросил курить. С девушками он был по-прежнему любезен, но держался на неуязвимом расстоянии. Дома с упоением читал Слово Божие и подолгу молился наедине.

Однажды, пробудясь от сна, он прямо на постели обратился к родителям:

- Папа! (Он его так стал называть после покаяния). Я видел очень интересное сновидение, сильно взволновавшее меня. Во сне, предо много образовалась какая-то широкая река, которую я должен был переплыть. Хотя она и была страшная, но я спокойно погрузился в нее и поплыл. Чтобы мне не замочить одежды, я держал ее одной рукой над поверхностью воды. Плыл я долго, томительно, но вот достиг ее середины, а она становилась, как-то все шире и шире. Затем все покрылось мраком, и я стал изнемогать. Кругом я был один, и помощи просить было не у кого. Рука с вещами, от изнеможения, опускалась все ниже и ниже. Наконец, к своему глубокому прискорбию, я увидел, что одежда стала подмокать. "О, Боже, мой!" - воскликнул я и, погружаясь в пучину, приготовился уже расстаться с жизнью; но вдруг нога моя ощутила что-то твердое, наподобие бревна; встав на него, я пробежал до второго конца - и спрыгнул на берег. Предо мною открылась ровная долина, залитая лучами ликующего солнца. Женская рука подняла меня, уже одетого, на балкон богатого дома, где сверху "дождем" падало много головных уборов. Так как я был непокрыт, то, выбрав самый лучший из них, одел, и, счастливый, вошел в помещение.

- Сынок, сон твой - это утвержденный Богом жизненный план для тебя, - ответил отец. - Какие-то скорби ожидают тебя: томительные, долгие, в которых испытает тебя Господь, но избавит и введет в Церковь. Мужайся!

* * *

Со дня покаяния Павла прошло уже более двух недель.

На заводе, как будто сговорившись, товарищи из актива, то один, то другой, начали теребить его; "Павел, что с тобой случилось?"

Он радостно, но уклончиво отвечал им. Наконец, с ним встретилась парторг Мария и задала тот же вопрос.

- Мария, да что вы, то один, то другой, спрашиваете меня об одном и том же? - улыбаясь ответил Павел. - Вы соберитесь все вместе, я всем вам расскажу, что со мной случилось.

- А ты что думаешь, так оставим? Нет, вот завтра соберемся да проработаем тебя как следует, не только перед активом, но и перед массой.

- Вот-вот, это будет самое правильное, - ответил ей Павел, и они разошлись.

Мария была из одного села с Павлом. Вместе с племянником Петра окончила совпартшколу, очень хорошо знала семью Владыкиных, и к Павлу была как-то внутренне привязана. Много рассчитывала на него в будущем по партийной работе, много доверяла ответственного и радовалась его росту.

Ночь провел Павел беспокойно, просыпаясь от тяжелых сновидений. Все они предвещали ему отчаянную борьбу, тяжкие переживания, но благословенный исход.

Из дома вышел он как солдат из окопа в неотвратимую атаку. Заводской клуб гудел от многолюдья. Вошедшему Павлу по-прежнему, девушки предложили место рядом с собою, впереди. Мария объявила о начале заседания. В повестке дня после очередных производственных вопросов, в пункте "разное" стояло: "Вопрос о моральном поведении активиста П. Владыкина".

Павел почувствовал, как сотни глаз, после объявленного, были направлены на него. От смущения поползли мурашки по телу, но он тихо про себя помолился, и в душе его водворился полный покой.

После основных вопросов Мария, вставши, объявила заседанию:

- Товарищи! Нам всем известен Павел Владыкин, как передовой активист, выполняющий самые ответственные поручения по общественно-партийной линии, как примерный производственник и, наконец, как культурный молодой человек. Но последнее время произошла в нем, непонятная нам, перемена. Он стал замкнут, совершенно отстранился от общественной работы, и мы даже не стали видеть его в клубе ИТР, где он был самым активным участником. Сейчас, мы попросим его дать объяснение происшедшей перемене.

Не без волнения, Павел поднялся на сцену и подошел к столу. Но как только приготовился говорить, его сердцем овладела полная тишина.

- Дорогие друзья, юноши и девушки, и остальные производственники! Я очень рад, что имею такую дорогую возможность, побеседовать с вами о моих душевных переживаниях. Почти всем вам известен дом мой: отец, работавший в механическом цеху, мать, работающая и поныне на сборке. Сам я родился здесь, за заводским забором, в поселке. Вместе с некоторыми из вас бегал по улицам в детстве, учился в школе. А когда вырос, передо мной встал один жизненный вопрос, который не давал мне покоя и который я должен был разрешить неотложно, а именно: в чем смысл человеческой жизни? Сотрудничая в городской библиотеке, как вам многим известно, я искал разрешение моего вопроса у Фейербаха, Сен-Симона, Л. Толстого, Достоевского, Белинского, М. Горького, Энгельса, Маркса и других.

В своей речи Павел спокойно излагал мысли и, частично, те из них, какие затронул на факультете перед лектором. В зале царила напряженная тишина. По ходу рассуждений он подумал: "Если я упомяну имя Иисуса Христа, то мне не дадут сказать после того ни слова", - поэтому и решил произнести это в заключение. С большим вниманием все слушали его выступление, как новое и, действительно, нужное.

Наконец, закончив свое объяснение, Павел произнес:

- И я все-таки нашел ответ на мучивший меня вопрос. Да, нашел и успокоился всем своим существом, потому что я нашел и сам смысл жизни. Я нашел ответ, и вы думаете где? Я нашел его в забытой всеми и отвергнутой многими, в том числе и мною, в великой Книге книг. - При этом он достал из внутреннего кармана Евангелие и поднял его над головою, - в святом Е-ван-ге-ли-и! А сам смысл жизни человеческой - в Христе Иисусе!

- До-лой! Хва-тит! Замолчи! - во весь зал, раскрыв широко рот, закричала Мария (во время выступления Павла она села почему-то в рядах) и некоторые, сидящие рядом с нею, топая ногами.

- Тихо! - подняв руку над толпой, сказал Павел. - Если уж потребовали от меня объяснений, послушайте до конца. Только Христос освобождает от власти греха и открывает подлинный смысл жизни человека и жизни вечной, не перестающей. Поэтому я, оставляя вас, призываю последовать моему примеру: "Придите ко Мне, все труждающиеся и обремененные, и Я успокою вас... и научитесь от Меня... и найдете покой душам вашим", - уже, превозмогая крики, с перерывами закончил Павел.

- Выгнать его! Отнять у него билет и звание общественника! Выкладывая книжечку на стол, Павел добавил:

- Я охотно меняю вашу маленькую книжечку на великую Книгу книг - Библию. И как ревностно служил я вашей, с еще большей ревностью желаю служить Божией книге - Библии.

Под оживленные голоса и выкрики присутствующих, Павел, счастливый, покинул зал навсегда. Выходя, он за своей спиной слышал, что народ бушевал, как море:

- Правильно! Молодец! Вот это да! Все бы ребята так решили, как Павел!

На следующий день, почти с утра, в их с начальником кабинет, к Владыкину пришла Мария.

- Павел! - сев спиной к стеклянной перегородке и лицом к нему, начала она. - Я просто не верю сама себе, неужели это ты? Мы в парткоме сидели до ночи и рассуждали о тебе, а дома я почти всю ночь не спала из-за тебя. Что с тобой случилось? Когда ты и где научился таким словам? Что побудило тебя поднимать то, что выброшено эпохой, воскрешать то, что похоронено?

- Мария! Я не завербован Христом, я отдался Ему, чтобы разделить с Ним терновый Его венец. Из всех мировоззрений и учений, учение Христа я познал как самое животворное, потому что жива, и вечно жива, сама личность Христа!

- Да будет тебе говорить-то! Чем ты докажешь? - перебивая его, возразила Мария.

- Доказать? Вспоминая свое детство, я помню, когда за городом рвались снарядные погреба. С нами под обрывом стояла тогда толпа людей, спасающихся в панике - неизвестно от чего и неизвестно куда.

Вдруг раздался страшный оглушительный взрыв, сотряслась вся земля, (отец еще крикнул, чтобы разинули рты). Так вот, как подкошенная, толпа вся упала под обрыв с криком: "О, Гос-по-ди!!"

Там были толстовцы, лютеране и марксисты. Никто из них не воскликнул: "О, Лев Толстой! Лютер! - и т.д., а воскликнули: - О, Господи!"

Христианство живо, потому что жив Христос, мусульманство мертво, как мертвы мумии святых. В христианстве я нашел не красивый обряд, а саму жизнь, и жизнь вечную. За перегородкой кто-то едва заметно хихикнул, но Мария была поглощена настолько, что не заметила, как в контору, заходя на цыпочках, набилось слушателей до отказа.

Беседа длилась несколько часов. Из уст Павла лился такой поток, что его собеседница не находила ничего, чем бы она могла, не только поколебать веру Павла, но даже, хоть малейшим образом, опровергнуть его доводы. Наконец, сгорая от досады и сознания собственного бессилия, она решила просто урезонить его Евангельским сюжетом.

- Вот Христос твой мог с самарянкой беседовать и обличать ее, и признаться, что Он Мессия; и не побрезговал с ней целый час побеседовать. А ты почему-то не пришел, не открылся мне раньше, что стал баптистом. Я бы тебе, уже тогда, вихор расчесала да пристыдила, а теперь уж, я вижу поздно! - закончила она.

Павел, нагнув голову, о чем-то думал.

- Что нагнул голову? Крыть нечем? - урезонивала она его, - почему ты мне сразу не доверился, как своему Иисусу?

- Нет, Мария, - встрепенулся он, - если у меня нечем будет крыть - у Господа моего много найдется. А почему тебе не доверился, тоже отвечу. Христос разговаривал с самарянкой потому, что мог сказать ей: "У тебя было пять мужей, и тот, которого ныне имеешь - не муж тебе". Но Он еще и другое мог сказать, и сказал ей, что грехи ее прощаются, и Он дает ей воду жизни.

Я же могу сказать тебе, что у тебя было пять мужей, и тот, которого ныне имеешь - не муж тебе, но не могу сказать, что прощаются тебе грехи твои, а над водой живой ты насмехаешься. Поэтому я и не пришел к тебе.

- Ха-ха-ха-ха! Браво! - раздалось за перегородкой по всему помещению.

Мария вскочила, как ужаленная, оглянулась: увидев скопление людей, бледная, как полотно, выбежала из конторы на улицу.

Павел ликовал, празднуя победу. Неоднократно он благодарил в молитве Господа за Его мудрость, силу и знание от Него.

Весь вечер дома шла оживленная беседа, о происшедших событиях. Павел, вспоминая одну за другой детали своего сражения, делился с родителями.

- Ну, сынок, готовься к сражению! Такие подвиги - враг не прощает, но и Господь - не оставит без награды.

В усердной, горячей молитве закончили Владыкины прожитый день.

Никогда Петр Никитович так горячо не молился, как теперь, радуясь о спасении сына. В слезах, он взывал к Господу и призывал благословение над Павлом, как будто провожал его в дальнюю дорогу.

Утром, на крыльце он крепко обнял сына и долго наблюдал, пока его стройная фигура не скрылась за углом здания. Сердце Петра Никитовича больно заныло в груди, предчувствуя разлуку с сыном.

Один Бог знал, что эта разлука была действительно последней на земле.

* * *

Дзинь..нь...нь! - звякнул телефон на столе начальника отдела.

Сердце Павла сжалось... Из всех бесчисленных звонков этот был какой-то необыкновенный. Он напрягся. С кем это говорит начальник?

- Владыкин! Вас приглашает начальник отдела кадров завода, - объявил ему начальник цеха.

Павел встал, вместо тревоги на лице водворилось спокойствие. Что-то механически он пошарил по столу, осмотрел ящики и медленно подошел к двери, осматривая всех сотрудников.

- До свидания! - почему-то вырвалось у него, когда он перешагнул порог. Все притихли, провожая его взглядами.

Какой-то совершенно чужой показалась ему, еще совсем недавно родная, заводская обстановка.

- Павел! Подожди, вот чертеж новый возьми на корректировку! - крикнула ему девушка из отдела. Павел, не оборачиваясь, махнул рукой и направился в главное управление завода.

- Доложите начальнику отдела кадров, что Владыкин прибыл, - сообщил он секретарше.

Через минуту вышел начальник и тихо проговорил:

- Заходите в кабинет, вас ждет человек.

Павел взялся за ручку, потянул и смело вошел в дверь. У стола стоял худощавый пожилой мужчина с землистым цветом лица в форме работника НКВД.

- Владыкин! - отрекомендовался коротко Павел. За спиной кто-то вошел в кабинет.

- Я начальник НКВД! Именем закона - вы арестованы! Давайте сюда ваше Евангелие!

Павел взглянул назад. У двери стоял военный человек с винтовкой в руках.

Часть вторая. Ташкент.

Глава 1.
Пробуждение среди молокан.

Гавриил Федорович Кабаев и Екатерина Тимофеевна были коренными жителями большого торгового села Кабаева, оба происходили из крестьян и принадлежали к строгим молоканским семьям.

Село Кабаево было богатое, так как жители его преимущественно занимались кустарным изготовлением венских стульев.

Отец Екатерины Тимофеевны имел производство по изготовлению спецлент для шерсточесальных машин, получал от этого приличный доход и был богат.

Гавриил Федорович в детстве, в числе прочих мальчиков, работал в мастерской своего будущего тестя, рос сиротой в бедной семье вдовы Аксиньи, которая кроме Гаврюши растила еще двоих детей. Это однако не помешало их детской дружбе с Катей, а позднее, и настоящей любви. С детства они росли вместе, т.к. избы их были почти рядом. В летние жаркие дни они неразлучно копались с курами и цыплятами под огородным плетнем, вместе бегали на плотину и подолгу наблюдали за медленным круговоротом мельничного колеса, наслаждаясь прохладой водяной пыли, вылетающей из грохочущей пучины. На лугу рвали кислющий щавель и удирали от коварных непримиримых гусаков, вместе наблюдали в окно мастерской, как крутились колеса рабочих машин. Подрастая, вместе ходили в школу и на молоканские собрания, также, терпеливо вытягивая, пели со взрослыми утомительно длинные псалмы. С детства работали у Катиного отца в мастерской да так неразлучно вместе и выросли, пока оказались женихом и невестой.

Когда к ним пришла настоящая любовь, они и сами не знали, но любовь была крепкая и строгая, которая потом сохранилась до глубокой старости.

В 1900-м году их повенчали по молоканскому обычаю. Невесте тогда было 19 лет, жених на год моложе ее. Оба были очень богобоязненными и, соблюдая неуклонно молоканские предписания по исполнению закона Божия, всеусердно старались быть во всем святыми людьми.

Еще в прошлом, 19 веке, некто Ливанов Федор Васильевич в своем официальном сочинении, томе 4-ом писал следующее о Симбирских молоканах:

"В селе Кабаево, Алатырского уезда, открывшиеся 132 человека молокан на допросах показали, что икон они не признают, церковные обряды не исполняют, святые дары почитают неважными, считают, что крещение должно совершаться не водою и не через священника, а Духом Святым, и исповедь в грехах производят на всяком месте духом Богу Невидимому; посты не содержат, монашество не признают, воскресные и праздничные дни чтут.

Главными ересеначальниками и совратителями других по Алатырскому уезду и селу Кабаево были отставной унтер-офицер Михаил Иванов, крестьяне: Андрей Фиактистов и Иван Иванович Москалькин. Содействовавшие к склонению своих семейных и некоторых посторонних к принятию молоканской секты были крестьяне: Денисов, Шаргаевы, Батекин, Лейкин, Муштакин, Чеботаев, Патеваров, Щепцов...

В существе своем, молоканское учение есть ничто иное, как реформация в Восточной Церкви. ...Всех же тех молокан, коих палата назначила к переселению, удалить в Таврическую губернию, для водворения с их единомышленниками на "Молочных водах"."

Исходя из этого, по мнению многих, отсюда и название этим христианам дали - молокане.

Молоканская праведность для Екатерины Тимофеевны и Гавриила Федоровича была все во всем, ею они успокаивались при всех рассуждениях, к соблюдению ее были направлены все усилия в духовной и материальной жизни. Поэтому они были совершенно спокойны, что по отношению к Богу у них задолженности никакой нет, тем более что молокане были сильно притесняемы православным духовенством и царизмом.

Здесь, конечно, надо справедливо отметить, что среди молокан, действительно, было немало искренних и самоотверженных борцов против мертвого православия.

Православная церковь в лице молокан встретила непобедимых подвижников, людей высокого и свободного духа, поэтому вынуждена была поднимать тревогу.

Один только Бог может правильно оценить и воздать небесною наградою первым борцам из числа молокан, которые в тюрьмах и на каторгах, под розгами, и в суровых безлюдных местах, в одиночку и семьями, и целыми селами переносили гонения.

Молокане были предтечею возрождения баптистского движения. Они были гласом вопиющего в пустыне во тьме религиозного неведения и основаны на поклонении живому Богу. Поэтому о молоканах нельзя судить по тем жалким разрозненным остаткам, затерявшимися среди растленного мира, совершенно лишенным Боголюбия, какие достигли 20 века.

Не будем забывать того, что первые самоотверженные труженики и борцы за истину Божию, отдавшие свою жизнь за учение Христа, пионеры баптисткого движения, такие как: Воронин, Павлов В. Г., Тимошенко Д., Чекмарев П. И. и другие служители братства баптистов Поволжья и Кавказа были выходцами из молокан. И в этой борьбе, которую братство баптистов перенесло от мира сего до революции, молокане явились буфером, принявшим на себя первый натиск от мира. К ним именно и относилась чета Кабаевых. После свадьбы Гавриил Федорович продолжал работать в мастерской своего тестя.

* * *

Летом 1909 года к ним приехал незнакомый проповедник, кто-то его тихонько порекомендовал: "крепкий молоканин". Но откуда и чей - никто не допытывался, все были уверены, что его пригласил кто-то из своих. На собрание собрались люди разных вероисповеданий, в том числе и православные священник с дьячком, как афиняне при апостоле Павле.

- "Ибо благодатью вы спасены через веру, и сие не от вас, Божий дар: не от дел, чтобы никто не хвалился" (Еф.2:8) - громко и с какой-то утверждающей силой раздались слова из Библии, прочитанные новым проповедником.

Гавриил Федорович смотрел на него и был изумлен: такого светлого, вдохновенного лица он никогда не видел. Слова одно за другим, исходили из уст проповедника и, как гвозди, вбивались в душу. Проповедь шла о спасении через благодать, а не по делам. В тайнике души Гавриила Федоровича стало что-то зыбиться, наподобие треснувшей половой доски. Непонятная тревога овладевала сердцами присутствующих. Что это такое? Слова известные, но мысль совершенно новая. Мало-помалу, головы слушателей стали в раздумье опускаться на грудь. Только священник, озираясь по сторонам и покачивая иногда головою, возвышался как пустой колос на ниве.

После собрания, на беседу с проповедником остались священник с дьячком. Беседа была недолгая, но с такой силой, что к ликованию молокан, а Гавриила в особенности, священник был сражен и приведен в замешательство. Подавляя внутреннюю ярость, он пригласил проповедника к открытому диспуту.

Назавтра вечером изба была переполнена. Как и в прошлый раз, после благословенной проповеди гостя, священник обрушился на него с вопросами, намереваясь смутить своего противника:

- Какой вы религии?

Кирилл Сергеевич Новиков являлся благословенным служителем братства баптистов и был послан из Москвы для миссии среди молокан. Эти сведения о себе он, из благоразумия, не открывал и, будучи выходцем из молокан, так и считался молоканином. На вопрос же священника он ответил кратко:

- Я - христианин!

- Да, но христиане есть разные; вот наш уважаемый Гаврюша, тоже христианин, но называется молоканином; я - православный христианин, а ты кто? - настаивая, добивался священник.

- Я - христианин! - ответил Кирилл Сергеевич во второй и в третий раз.

Священник приготовился уже торжествовать победу и хотел что-то сказать уничтожающее, но Кирилл Сергеевич обратился к собранию и сказал:

- Как видите, на все вопросы собеседника я ответил. Теперь разрешите мне задать вопрос моему оппоненту?

- Просим! Просим! - закричали все, и священнику ничего не оставалось, как сесть и подчиниться обществу.

- Скажите, вы, действительно, являетесь священником? - спросил Новиков.

Священник взглянул на свое облачение и тоном возмущения ответил:

- Разумеется!

- Прошу вас ответить на второй мой вопрос: из Святой Библии нам известно, что существует два священства: одно по чину Аарона, другое по чину Мелхиседека. По какому чину вы священник?

Вопрос был совсем неожиданным и он, побледнев, растерялся, но еще раз, поглядев на свое облачение, бойко ответил:

- По чину Аарона!

На это Новиков прочитал из Библии, Евр.7:11: "Итак, если бы совершенство достигалось посредством левитского священства ... то какая бы еще нужда была восставать иному священнику по чину Мелхиседека, а не по чину Аарона именоваться?"

- Так вот, уважаемый, на основании прочитанного, священство по чину Ааронову отменено Христом, поэтому я вас еще раз спрашиваю, по какому же чину вы священник?

- По чину Мелхиседека - ответил тот, не задумываясь.

Кирилл Сергеевич прочитал тогда из Евр.6:20: "Куда предтечею за нас вошел Иисус, сделавшись Первосвященником навек по чину Мелхиседека." и еще: "А Сей, как пребывающий вечно, имеет и священство непреходящее" (Евр.7:24)

- Так вот, священник по чину Мелхиседека у нас един - Христос. А кто же вы?

Взрыв рукоплесканий и рев людских голосов заглушил неистово возмутившегося священника, который, как ужаленный, выскочил и выбежал на улицу. Проходя мимо молоканского настоятеля, священник громко сказал, показывая большим пальцем на Кирилла Сергеевича:

- Не радуйтесь, завтра и до вас доберется, ведь он приехал крестить ваших детей!

Собрание на третий день было необыкновенно оживленным. Кирилл Сергеевич проповедовал на тему: "Кто не родится свыше от воды и Духа, не может войти в Царствие Божие" (Иоан.3:5).

Бессчетно раз читали это место Кабаевы. Но почему они только сегодня, услышав эти же слова из других благословенных уст, пришли в смятение? Если слова вчерашней проповеди были для Гавриила Федоровича гвоздями, вонзающимися в душу, то сегодня они бьют как молот по наковальне и, кажется, сотрясают мозги.

Собрание после проповеди загудело, как улей, а молокане закружились вокруг Новикова, как пчелы вокруг "чужака".

Один за другим, взволнованными, они покидали дом Кабаевых, получив от проповедника исчерпывающие ответы на свои вопросы.

Понемногу ушли и последние, остались только одни Кабаевы с гостем. Ужинали молча, а после молитвы Гавриил Федорович сейчас же, с явным нетерпением сказал:

- Вы что у нас наделали? Что вы теперь скажете о заповедях Господних? По-вашему получается, что о них и речи нет? А что говорит Сам Христос? "Если заповеди Мои соблюдете, пребудете в любви Моей, как и Я соблюл заповеди Отца Моего и пребываю в Его любви." (Иоан.15:10) и еще: "Будьте святы, как Я свят".

- Ай, ай! - крикнула Екатерина Тимофеевна, торопливо убирая со стола посуду и остатки ужина, едва ли не бегая, от стола на кухню, - Подождите же меня. Ну подождите! Без меня не начинайте! Я тоже живой человек, и душа болит не знаю как! - умоляюще говорила она, вытирая со стола тряпкой и, наконец, усевшись с мужчинами, вздохнула. - Ну-ну, так чего же про святость-то? - нагнувшись всем существом над столом, спросила она. Кирилл Сергеевич спокойно, читая стих за стихом из кабаевской же Библии, разъяснял им о праведности Христа, о святости через веру во Христа, о благодати и делах закона.

Возражать ему было невозможно, согласиться же с его доводами, означало - отречься от личной праведности, а это уже катастрофа...

"Лишиться собственной праведности, отказаться добровольно от того, что копилось и лелеялось с детства и было дороже всего на свете? - Нет, это невозможно!" - бушевало что-то внутри. Но тогда, как же объяснить ту истину, какую излагал им гость? Ведь она неопровержима и живет с ними в их же Библии, живет рядом с их праведностью. Если раньше они о ней не говорили, потому что не знали, а теперь как быть, когда узнали? Ведь это все равно, что умереть, это же не поповские постановления отбросить! Если те проповеди вонзались, как гвозди, и били по голове, как молот, то эта беседа, как багор разрушителя - сбрасывала со старого дома бревно за бревном. Душа в отчаянной битве изнемогла до предела. Так личная праведность не хотела уступать Христу. Все чаще и чаще стали появляться паузы в беседе и, наконец, все умолкли. Все углубились в свои мысли, сна и в помине не было.

Смерть или жизнь - выбор один!

Смерть для закона и личной праведности или жизнь по вере во Христа Иисуса, - вот что стало теперь ясно Кабаевым и за них этого трудного выбора сделать никто не мог.

"Всю жизнь прожила святою молоканкой и теперь, оказывается, это никому не нужно?" - протестовала в душе Екатерина Тимофеевна.

- Да! То, что спасение - через веру во Христа - это так, иначе Он не был бы Спасителем. Ум понимает это, но душе закрыто: почему святость по закону не нужна? Открыть надо, Кирилл Сергеевич, а кто откроет? - вопрошала Екатерина Тимофеевна, и опять надолго все замолчали.

Наклонившись над столом, Новиков тихо молился, во дворе петух надрывно прокричал победу над ночью, а за окном, алою ленточкой, над лесом занималась заря и быстро румянила все небо.

Кирилл Сергеевич спокойно опустил "молнию" и загасил ее. Дом погрузился в полумрак.

- Зачем? - возразила хозяйка, не понимая, почему гость так спешит.

Кирилл Сергеевич с нежною улыбкою, покачивая головой, ответил недоумевающей собеседнице:

- Опять зачем? Неужели с лампой светлее, чем с солнцем? Неужели с законом отраднее, чем с благодатью? Очнитесь! - Конец закона - Христос!

- Катя! Катя! Ты понимаешь теперь, наше заблуждение? Ведь наша праведность - даже не горящая "молния" - а догорающая лучина в лучах солнца - Христа!

Утомленные, но с сердцами полными умиления и глубокого сознания вины пренебрежения Христом, вместе с проповедником Кабаевы склонились на колени и, перебивая друг друга, молились, заливаясь слезами раскаяния.

Когда встали с колен - все сияло светом новой жизни и нового дня. Слышно было, как с мычанием проходило стадо мимо окон, а по утреннему воздуху гулко раздавалось щелканье пастушьего кнута.

- Ой, да что ж это такое? - хватаясь от радости за грудь, воскликнула Екатерина Тимофеевна, выбегая на двор, чтобы выпустить, ревущую от нетерпения, корову и овец.

- Это радость возрожденной души, сестра, - пояснил ей Кирилл Сергеевич, приветствуя и поздравляя ее, когда она возвратилась со двора. Благословенным начатком оказался дом Кабаевых, так как в селе началось обращение, хотя и не бурно, но последовательно.

* * *

Первое время молокане не могли понять, что делалось в их общине, хотя

чувствовали, что в людях начала происходить перемена; и пока не было совершено первого крещения, противоречий особых не обнаруживалось. Но в следующий свой приезд брат Новиков крестил несколько душ,

обращенных из молокан, в том числе и Кабаевых, и совершил вечерю Господню, хоть и отдельно на дому. Это стало моментально известно, и возмущения вспыхнули с большей силой. Восстала, до ненависти, мать Екатерины Тимофеевны, а потом и родные Гавриила Федоровича.

Духовные сражения происходили повсюду, и из домов перешли в собрания, но так как нравственная сторона жизни осталась без изменения, то позиции против духовенства были едины. Порядок в собрании остался так же неизменным, собирались по-прежнему вместе, хотя нетерпимость заметно возрастала. Она особенно стала возрастать с пением гимнов из "Гуслей", потому что дети Кабаевых и других обращенных семей разделяли убеждения родителей, разучивали новые гимны и пели их. Так же участился прием новых гостей; а за Новиковым открылось, что он, оказывается, баптистский проповедник, а не молоканин.

Совместное общение стало совсем нетерпимо, поэтому к 1912 году баптистам пришлось открыть свой дом молитвы и организовать отдельную общину, где руководство было вверено Гавриилу Федоровичу Кабаеву.

Духовная жизнь совершенно изменилась: умножились покаяния, собрания приняли живую, торжественную форму - отсюда и по окружающим селам возрождались новые группы христиан, родных по Крови Иисуса Христа. Через год стало известно, что подобные общины, как в Кабаево, возникли по всему Поволжью: от Казани до Самары и далее. Оказывается, существует Волго-Камский союз баптистов, и в Кабаево ожидают дорогого гостя - благовестника, брата Лыщикова, для рукоположения Гавриила Федоровича на пресвитерское служение.

Для общины - это было первое, высокоторжественное служение. На праздник съехалось много друзей из ближних и дальних деревень: двор и улица, возле дома Гавриила Федоровича, были забиты подводами. Екатерина Тимофеевна, у которой к тому времени было пятеро детей, распорядительно ухаживала за дорогими гостями, хотя ей впервые пришлось испытать радость такого многолюдного общения.

Несмотря на возникшие противоречия, после того, как баптисты с молоканами стали собираться отдельно, взаимоотношения их улучшились, и на торжественное рукоположение пришли из молокан очень многие.

Благословенным дождем благодати Господь оросил собрание и, можно сказать, впервые люди воочию увидели разницу между сухим молоканским исповеданием, где царит буква и культ личной праведности, и действием спасительной благодати, где все насыщено дыханием Духа Святого и Его свободой. Для молодых молокан этот день был поворотным днем, когда они воочию увидели благословение Господне и сказали, как некогда израильтяне о царе Асе: "Ибо многие от Израиля перешли к нему (Асе), когда увидели, что Господь, Бог его, с ним" (2Пар.15:9).

Понятно это было и для внешних посетителей, состоящих из православных и, хотя по внешнему образу жизни люди не могли найти существенного отличия молокан от баптистов, но, возможно, в дальнейшем именно это послужило тому, что в отличие от прочих вероисповеданий, молокан стали называть "сухими баптистами".

После официального служения перешли все в дом Кабаевых, где была приготовлена братская трапеза любви.

Брат Лыщиков, после рукоположения Гавриила Федоровича, пожелал остаться еще и был в числе почетных гостей за трапезой. За столом его попросили рассказать о жизни братства вообще и, особенно, о поместном Волго-Каменском Союзе. Гость отметил, что несмотря на враждебное отношение православного духовенства (оно, пользуясь своим неоспоримым, узаконенным влиянием на административные лица, через полицию и жандармерию, причиняет много страданий как братьям проповедникам так и общинам) - братство стоит в истине. Назвал братьев-ссыльных, томящихся в тюрьмах, рассказал о преследовании семей верующих. Еще рассказал о том, как недавно, в городе Казани, архиепископ православной церкви, собрав священников и прочее старшее духовенство церквей и монастырей, поставил на обсуждение существенный вопрос: "Что нам делать с сектантами, особенно с баптистами?"

Много было высказано всяких предложений. Одни предложили отнять у них детей, а родителей посадить в тюрьму, другие сказали, что надо всех их согнать в далекие нелюдимые края; третьи - что надо старших их угнать пожизненно на каторгу или уничтожить вообще. Были и те, которые говорили, что самое правильное - это натравить на них население, и пусть сами люди расправляются с ними.

Внимательно слушал все высказывания архиепископ и в заключение заметил:

- Святые отцы. Слушая вас, я поражаюсь вашей жестокости, недальновидности и неосведомленности в церковной истории. Ведь все, что вы высказали и больше того, неоднократно применялось к верующим от самых

апостольских времен и поныне, но ни один из вас не указал, что этим где-то был достигнут желаемый успех, а самое важное: никто не назвал, кто же был их гонителем и каков конец их? Разве вы не убедились в том, что все эти меры укрепляли только дух гонимых, а руки гонителей остались несмываемо запачканными кровью страдальцев?

Все духовенство насторожилось в ожидании окончательного ответа, что скажет благочинный? На елейном лице его расплылась какая-то необыкновенная улыбка, и он тихо произнес:

- Оставьте их, перестаньте их гнать, дайте им свободу жизни и исповедания и вы увидите: как одни из них обогатятся и потухнут, а другие будут драться из-за старшинства и уничтожат друг друга.

- Да, может быть, это и так, - медленно проговорил, все время молчавший старший игумен, - но не забудьте, что для гонимых противоестественные страдания - естественны, а для гонителей перестать гнать - совершенно неестественно.

На этом собор был и закончен.

* * *

Империалистическая война 1914 года, как и всякое народное бедствие, пришла неожиданно и застала врасплох многие семьи: как дождевой ливень обрушился на непокрытый строящийся дом, так и это бедствие ворвалось во многие семьи, разорило их до обнищания. Много женщин, оставшись без хозяина-мужчины, не выдержали всех тягот вдовьего горя: уныли, опустили руки, зачахли и погибли, оставив беспомощными целые дома сирот. Хозяйства разорились дотла, дети разбрелись по миру, а избы с заколоченными окнами напоминали покойника с медными пятаками на глазах, пугая прохожих своим безлюдьем.

Такая участь постигла бы и семью Кабаевых (после того, как Гавриила Федоровича забрали на фронт), если бы Екатерина Тимофеевна, оставшаяся с шестой, новорожденной малюткой на руках, глубоко не доверилась Господу. Самому старшему "работнику" исполнилось в это время 13 лет, поэтому вся тяжесть жизненного бремени легла на ее плечи, безжалостно давя к земле. Екатерина Тимофеевна поняла: если она потеряет живое упование на Господа, то ей не выдержать этого непосильного бремени, а потому часто, в единственно свободные ночные часы, обливая слезами страницы Библии, подолгу молилась Богу. Обессиленная дневными заботами, она часто в изнеможении падала на постель, но всегда утешалась милостями Божьими, которые она получала от Него днем.

Каких-то наглядных чудес она не ощущала над собой, но часто изумлялась, как Господь в мелочах жизни, видимых только для нее одной - творил их множество. Мелкими ручейками благословение Господне стекалось в ее дом. Силы и бодрости хватало только на предстоящий день, но зато всегда, неизменно. Детки росли в послушании, хозяйство, вместо упадка, росло и упрочнялось. Утешение она находила только в Господе.

Из родни изредка, как жалкий утешитель, приходил деверь .

Однажды вечером, измученная и обессиленная, она не вытерпела и решила поделиться с ним о своей тяжкой доле. Он с умиленным лицом выслушал ее, мягко положил руки свои на ее плечи и елейно ответил:

- Катя, Катюша, хоть ты и говоришь, что совсем нет никаких сил, а я уверен, что если тебя сейчас вдоль спины хлестнуть вожжами, ох, как бы ты побежала!

Обида хлынула к самому горлу, внутри что-то заклокотало но набралась силы, стерпев, не заплакала и ничего не ответила на это бесчеловечное "утешение", хотя потом, всю жизнь Екатерина Тимофеевна знала цену "ласки" своего деверя и никогда больше не обманывалась.

От Гавриила Федоровича долго не было никаких вестей, но к зиме он прислал письмо, в котором сообщил, что на фронте почти не был, но взят немцами в плен. Из лагеря его вскоре забрал хозяин завода, и что по милости Божьей, он храним. Хозяин уважает его и ценит, там он встретил еще братьев. Это известие успокоило Екатерину Тимофеевну и как-то прибавило энергии к жизни. Четыре года, прожитых в разлуке с мужем, укрепили ее и физические, и духовные силы. Гавриил Федорович возвратился к семье в 1918 году и застал хозяйство в полном благополучии.

Жена встретила его с тихой, глубокой внутренней радостью; с криком изумления и восторга облепили его дети. В сердечной горячей молитве вся семья склонилась перед Богом, таким образом, Гавриил Федорович застал в полном порядке не только хозяйство, но и семью.

В первый год (по возвращению из плена) ему пришлось приложить много усердия, чтобы совершенно освободиться от материальной зависимости перед родственниками и жить самостоятельно; это помогло приобрести и духовную свободу.

Желание собрать рассеянных членов общины и восстановить дело Божие, в своем селе и в своей округе, овладело как Гавриилом Федоровичем так и Екатериной Тимофеевной с новой силой. Вскоре, по предложению своих друзей, он поехал в Москву, чтобы восстановить общение с братьями и узнать о состоянии всего братства.

Разыскав в Москве одного из служителей братства (у Рогожской заставы), он был приглашен остановиться у него 2-3 дня, чему Гавриил Федорович очень обрадовался. В ожидании, когда брат освободится для беседы, он сел в кресло. В это время дверь комнаты отворилась и вошел старец, украшенный густой бородой. Он, сложив дрова у печи, с доверчивой улыбкой подошел к Гаврилу Федоровичу, поприветствовался и внятно отрекомендовал себя: брат Приймаченко.

После того как растопили печь, был приготовлен и стол к обеду. За столом брат Приймаченко рассказал о недавнем событии в селе, где ему пришлось совершать крещение:

"В молодой общине собрание было очень многолюдное, несмотря на озлобление некоторых жителей. По окончании богослужения было объявлено членское собрание для приема новых членов церкви, и одновременно сообщено о том, что на следующий день будет водное крещение в проруби. Поздно вечером, когда все уже было закончено, ко мне подошла молодая сестра из числа, готовящихся к крещению.

- Дорогой брат, посоветуйте мне, что делать? - у сестры задрожал голос, а из глаз потекли слезы. - Завтра будет крещение, а мой муж - ужасный гонитель. Он часто сильно избивает меня за то, что я хожу на собрание, а сегодня заявил: "Завтра будет ваше крещение, не вздумай креститься и ты. Если же пойдешь, знай, много говорить не буду, вот этой дубиной (в руках он держал тяжелую дубовую палку) размозжу башку тебе, и сам на себя пойду заявлю. Как собаку, брошу и закопаю тебя в яму, слышишь меня?" Братец, мы с ним прожили уже много лет, он попусту не говорит, страшно мне. Не знаю что делать? Боюсь и Бога.

Я ответил не сразу: подумал, подождал, что скажет мне Господь.

- Сестра, у тебя сколько-нибудь есть веры в силу Бога, что Он может спасти тебя?

- Да, брат, Он уже не раз спасал. Если бы не Бог, то я давно была бы на том свете. Вот погляди, синяк-то, чай, и сейчас не сошел, - при этом сестра показала на своей руке черный след, запекшейся от удара крови.

- Так вот, если хочешь победить и радоваться, ты готова принять любой мой совет? Но положись только на Господа, - сказал я ей.

- Конечно, братец, лишнего-то, чай, не скажешь, сам испытал за Бога-то кары не меньше, говори! - ответила сестра.

- Сейчас придешь с собрания, ты ничего не говори ему, помолись да ложись спать. Завтра же, чуть свет, соберись, горячо помолись, разбуди мужа да скажи ему: "Вставай, запряги коня в розвальни, захвати тулуп да отвези меня на реку к проруби, я креститься буду!"

Совет она доверчиво приняла и, помолившись со мной вместе, пошла домой.

Наутро, чуть свет, поднялась, вывернула лампу, стала собираться. Кровать заскрипела.

- Ты куда это разряжаешься? - спросонья гневно спросил муж.

- Я сегодня окреститься должна, вставай, отвези меня на прорубь да тулуп не забудь захватить - после крещения согреться надо! - ответила она кротко, но решительно, а сердце в груди замерло, когда она посмотрела на мужа.

Взъерошенная голова его вдруг упала на подушку, а потом он порывисто поднялся и, взглянув на жену, горящими от злобы глазами, проговорил сквозь зубы:

- Значит, креститься надумала, баба? Ну что ж, я тебя окрещу! О-т-р-о-д-ь-е!

Молча он собрался, неторопливо толкнул дверь, и со злом хлопнул ею за собою. Жена аккуратно застелила постель и, помолившись, вышла за мужем во двор. Утренний морозец хлестнул по лицу, но лицо и сердце её горели так, что, казалось, пылали одним огнем.

Муж уже с усердием затягивал супонь у хомута и, поправив чересседельник, прошел мимо жены, злобно окинув ее взглядом, плюнул и вышел за калитку.

С полчаса он не возвращался. Роем кружились мысли в голове у жены: "Куда он девался?"

Затем послышались торопливые шаги, и муж с соседом, молча пройдя мимо нее, вошли в избу. Несколько минут она стояла в нерешительности: "Что ей делать?" Потом зашла за ними в избу.

На столе стояла выпитая бутылка из-под самогона, муж с соседом (одетые и в шапках) закусывали наспех солеными огурцами.

- Что, невтерпеж? - бросил со злом муж в лицо жене, выходя с соседом из избы.

Чем-то жутким щипнуло сердце, но с тихим шепотом: "...спаси, Господи, дитя Твое", - вышла за ним и жена.

Муж вышел из клети с двумя страшными дубинками, подошел к саням и, подняв сено, бросил их злобно туда.

- Ну садись, с-в-я-т-о-ш-а, повезем тебя, окрестим! - процедил муж.

Жена села позади на сено, которым были прикрыты дубины.

Хозяин открыл ворота, вывел лошадь, вместе с соседом на ходу прыгнул в сани.

Огонек от прикрученной лампы, еле освещая окно, быстро исчез в предутренней мгле. В сердце сестры мелькнуло: "Вернусь ли, что задумали они?"

Село почти еще спало. Легкой рысцой лошадь направилась к реке. "Ну, слава Богу! - подумала сестра, - Не завезли бы куда еще, в голове-то у них, не знаешь что".

В голове у них, действительно, было самое страшное: оба мужика решили поехать на крещение, но в самый его разгар - договорились поднять шум и дубинами переколотить как главарей штунды так и тех, кого хотят крестить, а больше всего - это жену озлобленного мужа.

Если же будет сельское общество, и им удастся возмутить его, то кого поглавнее из штунды, под шумок, оглушить и пустить под лед, чтобы и остальным неповадно было. Для смелости они выпили самогонки.

- Откуда их наперло столько? - крикнул сосед, подъезжая в числе опоздавших к толпе людей.

На берегу, действительно, было много народу: как верующих из других деревень, так и своих сельчан. Бросив лошади сена и оставив сани около других подвод, громители вышли на самый перед и, облокотившись на дубины, примолкли. Только зачинщик сказал соседу: "Смотри же, не подведи!"

- "И сказал им (Христос): идите по всему миру и проповедуйте Евангелие всей твари. Кто будет веровать и креститься, спасен будет; а кто не будет веровать, осужден будет", - громко по утреннему морозному воздуху пронеслись эти слова из уст проповедника и как гром прозвучали над головами громителей.

Муж, переменив ногу, внимательно слушал дальше, проповедник продолжал:

- Это не я говорю, а говорит нам с вами Христос. Поэтому, мы не свое придумали, как нас в этом обвиняют, и не по своему уговору пришли сюда, чтобы делать свои дела. Нет, это говорит Сам Христос. Он нас послал сюда, чтобы исполнить Его волю. Скажите, кто может ослушаться Его слов и отказаться от Его повеления? Поэтому, приступая к крещению, мы исполняем волю Христа, Божью волю.

После проповеди была совершена молитва и запели гимн "Мы у берега земного..." Во время пения крещаемые и креститель быстро переоделись и приготовились к крещению. Оно проходило в благоговении и тишине. Но когда погружали жену гонителя, сосед толкнул его в бок и буркнул:

- Пора действовать!

- Нет! Посмотрим, что будет дальше, - возразил ему товарищ.

- Да чего же дальше-то смотреть? Дальше-то уже некуда, насмотрелись и этого! Ведь всех окрестят! Ты что, или уже передумал? - теребил сосед, но муж стоял как вкопанный, переступая только с ноги на ногу.

Один за другим крещаемые выходили из ледяной воды и, быстро переодевшись, встали на берегу для благодарственной молитвы. После нее было объявлено, чтобы все шли в село на собрание, где будет продолжаться служение. Не поднимая глаз, но с тихой молитвой, сестра-жена прошла мимо страшных дубин и села в сани, робко прикрывшись тулупом. Обозы с людьми тронулись к селу. Муж внимательно следил за всем происходящим и за женою, он видел ее кроткую походку, видел, как она села в сани.

- Так ты что, сдрейфил, что ли? Зачем ты меня позвал? Про что мы уговорились? Люди-то расходятся! Что же ты молчишь? - теребил своего товарища сосед.

Муж, опираясь на дубину, медленно подошел к саням, полностью покрыл тулупом жену, бросил дубину сверху и, садясь в сани, ответил соседу:

- Поедем, посмотрим, что будет дальше!

- Да ты что, с ума что ли спятил? Раскис? Так и скажи, вояка! Тебе только воевать с бабой, и то не управился. Глупец я, что связался с тобой! - и бросив дубину в сторону, зашагал в село.

Медленно, вслед за скрывающимися подводами, тронулись и сани "грозного" мужа с женой.

"И сказал Христос, кто будет веровать и креститься, спасен будет..." - неотвязно звучала эта мысль в ушах гонителя.

Когда подъехали к собранию, сани завернули ко двору и остановились среди остальных. Оставив дубину на месте, муж вслед за женой вошел в избу, но на пороге остановился: тот же проповедник, который говорил на берегу, громко и дерзновенно проповедовал Слово Божие и здесь. Гонитель был так погружен в свои мысли, что ничего не слышал и не видел вокруг себя. Вдруг он ясно услышал, с великой силой произнесенные, слова проповедника: "...а кто не будет веровать, осужден будет".

- Господи, я осудил жену мою и этих людей на смерть и приехал с дубинами, чтобы побить их. Но я оказался сам осужден, и кем? Тобою и Словом Твоим! Прости меня, грешника! Спаси душу мою! Прости меня, Спаситель, разбойника за то, что я так бил жену. Прости меня, злодея, Батюшка, Спаситель мой! Я больше не хочу быть таким! - упав на колени прямо у порога, бил себя в грудь и раскаивался муж-гонитель. Рядом с ним, в слезах благодарности, молилась и его жена. С ними вместе рыдало все собрание, а среди пришедших началось раскаяние еще многих душ из сельчан".

После рассказа брат Приймаченко расспросил Гавриила Федоровича о его жизни и служении, и тот охотно рассказал всем о своем обращении и благословенных собраниях при брате Кирилле Сергеевиче Новикове, которого хорошо знали они оба.

Братья, выслушав Гавриила Федоровича, дали ему много обильных наставлений и советов по ведению дела Божья.

Много важного и интересного узнал Гавриил Федорович о своем братстве. Ему стало известно, что в самой Москве после революции произошло много перемен, и организовано несколько общин. У Петровских ворот служение нес молодой, исполненный мудрости и силы Божьей, брат Павел Васильевич Павлов. Он был сыном Василия Гурьевича Павлова - известного, братству баптистов, пионера христианского движения в России, перенесшего много страданий за проповедь Евангелия в царское время.

Павел Васильевич был хорошо образован и обладал несколькими иностранными языками.

Кроме него в этой же общине состоял членом известный, преданный Господу и братству баптистов, Михаил Данилович Тимошенко, который при царизме претерпел также много страданий за проповедь Евангелия.

Центральная община баптистов в Москве находилась у Рогожской заставы, где пресвитером был многоуважаемый брат Николай Васильевич Одинцов, а секретарем Павел Васильевич Иванов-Клышников. Затем с Кавказа прибыл в центральную общину, благословенный и одаренный Господом, брат Синицын.

С глубокими слезами любви провожала брата поместная церковь на Кавказе, посвящая его на великое дело служения по всей стране, отрывая от своего сердца, как материнский дар любви. Он ехал на предстоящие библейские курсы в Москве, где зачисленные считались счастливчиками из братства баптистов.

Еще Гавриил Федорович узнал, что на курсы приняты известные молодые, одаренные проповедники: брат Сергей Макаров и Вонифатий Ковальков. Возможно, что они скоро посетят их Симбирскую губернию, особенно город Алатырь.

- Меня интересуют сведения об Иване Степановиче Проханове, - обратился Гавриил Федорович к братьям, - ведь мы читаем много его проповедей, поем, сочиненные им, гимны и стихи. Объясните мне, если можно, пояснее: что за разделение произошло между ним и братством? Мы еще до революции слышали об этом.

Братья долго молчали, не решались ответить Гавриилу Федоровичу, затем заговорили оба вместе, но Приймаченко уступил.

- Дорогой брат, Гавриил Федорович, история этого разделения весьма печальная и тяжело говорить о ней, но т.к. ты пресвитер общины, то хоть кратко, но должен знать о нем.

В Петрограде, в 1908 году руководителем общины был многоуважаемый Иван Вениаминович Каргель. 15 августа этого же года, воспользовавшись отсутствием Ивана Вениаминовича, Проханов возбудил в церкви ряд догматических вопросов и при рассуждении их - мнение у членов церкви разделилось, а затем определился и раскол в общине. Возвратившись, Иван Вениаминович как ни пытался привести общину к единодушию, все же достигнуть этого ему не удалось.

Часть членов остались верными своим прежним принципам, вторая часть согласилась с доводами, изложенными Иваном Степановичем Прохановым.

Сам Иван Вениаминович был сильно потрясен этим явлением и, хотя впоследствии устранился от руководства общиной, но искренне вмещал, неделимо, в сердце своем тех и других.

Иван Степанович на этом не остановился и, определив единомышленников по ряду городов, в 1908 году в г. Екатеринославе собрал съезд из числа их; и был объявлен новый союз - Всероссийский Союз Евангельских Христиан (ВСЕХ). Председателем его был поставлен сам Иван Степанович Проханов, секретарем - В. Дубровский.

В общине евангельских христиан, в городе Петрограде, основными деятелями были Я. И. Жидков, а позднее и А. В. Карев. Официально признанному органами власти союзу были разрешены библейские курсы под руководством И. В. Каргеля, издательство журнала "Христианин", в котором приняли деятельное участие сам Проханов, Жидков, Карев, Казаков, Дубровский и другие. Кроме того, будучи субсидируемы из-за границы средствами, ВСЕХ издал очень ценную христианскую литературу: Библии разных форматов, "Гусли" простые и нотные и многое другое для удовлетворения нужд верующих.

По всей стране, наряду с баптистскими общинами, стали возникать общины ЕХ (евангельских христиан). Надо отдать должное справедливости: среди рядовых членов враждебных взаимоотношений между евангельскими христианами и баптистами так ярко не обнаруживалось, но среди руководства - всякое общение было прервано.

Я вам не буду перечислять тех пунктов, по которым определилось разногласие, в надежде, что Господь вновь соединит в одно, потому что те и другие состоят из возрожденных христиан. Перечислю только то, что установилось среди рядовых членов:

1. У евангельских христиан принято, избирая служителя церкви: дьякона, благовестника и пресвитера - не обязательно рукополагать на служение. Поэтому они могут совершать духовные требы, не будучи на то рукоположены.

2. После совершения крещения нет необходимости возлагать руки на каждого крещенного в отдельности, а достаточно помолиться крестителю (над принятыми в члены церкви) единым поднятием рук над всеми ими.

3. Позволительно совершать бракосочетание между верующей и неверующей половиной.

Это далеко не все, что создает разномыслие. Но должен сказать, что в ряде общин у евангельских христиан этих новшеств не придерживаются, и у нас с ними нет вражды. Сторонись этого и ты, но Бога бойся.

Помолившись, и, обещая посетить их места, братья отпустили Гавриила Федоровича в свои края.

По прибытии, Гавриил Федорович вновь принял пресвитерское служение. С усердием и ревностью, вместе с женой и другими братьями и сестрами, приступили к созиданию дела Божьего, как в своем селе, так и в окружности. Старшие дети из семьи Кабаевых вскоре приняли крещение, а один из сыновей, будучи совсем молодым, стал регентом и организатором хора. Совместно проводимые праздники по селам заметно оживили христиан, а Дух Божий посетил пробуждением многие места. Вскоре, из числа обращенных, было решено образовать общину в городе Алатырь. Это послужило еще большему пробуждению, т.к. Алатырская община стала центральной в этом крае, где изобиловали молокане. Поэтому 1921 год можно было назвать годом обильных благословений в этих местах.

В 1928 году, к великой радости, Алатырскую общину и село Кабаево впервые посетили молодые благовестники, слушатели библейских курсов города Москвы, братья: Ковальков и Макаров.

Много обильных благословений принесло посещение этих братьев. Они стали близкими и любимыми христианской молодежи, особенно семье Кабаевых. Как молодое вино, благодать Божья наполняла новые мехи возрожденных сердец.

Влияние молокан заметно слабело, а Дух Царствия Божия в пробужденном братстве стал крепнуть.

Как с восходом солнца тускнеют все самые ценные и почетные светильники так и заря христианства в России победоносно проникала во все "тайные щели" и несла устрояющий мир, неизвестную радость, утоляющую любовь измученному русскому народу.

Глава 2.
Наташа.

Наташа в семье Кабаевых родилась в числе последних. Шел 1921 год. Бухая незакрытыми ставнями, февральская метель сердито выражала свое негодование по поводу родившейся, выстукивая: не-к-ста-ти!!!

Когда принесли крикунью, чтобы показать Екатерине Тимофеевне, она не поднимая головы, отвернула свое измученное, постаревшее лицо в сторону, проговорила:

- Можно было бы обойтись и без тебя! Однако, вглядевшись пристально в свое чадушко и узнав в приподнятом кончике носика свое, родное, добавила уже примирительно:

- Ну, уж если родилась, то живи, и на тебя Господь пошлет кусок хлеба, даст и свою судьбу.

В стране в это время еще не унялся огненный шквал гражданской войны, и люди никак не наедались хлеба досыта. Поэтому (и без того тесной) семье Кабаевых волей - неволей пришлось раздвинуться и принять в жизнь еще одного члена.

Так и росла она: без специального к ней внимания, без особой ласки; в семье каждый был занят своим делом. Поэтому часто, подолгу в доме раздавались неуемные Наташины вопли. Кто-нибудь, проходя, сжалится да и подойдет, либо поправит чепчик, вечно сползающий на глаза, и втолкнет на ходу, выпавшую "сосу" изо рта; кто удосужит минутной ласки да прицепит над глазами завалившуюся погремушку, или просто пальцами покажет "зайчика" да на ходу толкнет скрипучую Наташину люльку. Она была рада всякому вниманию. Конечно, больше всего ножонки и ручонки выражали трепет при появлении матери, когда она, накормив мычащих, кудахтающих и всяких приходящих, склонялась, наконец, с причитаниями над люлькой дочери. Терпеливо Наташа выносила всякие процедуры: поднятия ее за ножки, потом за ручки и, наконец, погружалась в блаженное наслаждение у материнской груди.

Вот так, между рук да мимолетных улыбок, и встала Наташа на ноги; а чем дальше, тем больше находила она для себя развлечений, тем меньше требовала за собой ухода.

Когда Наташе было 5-6 лет, в семье было совсем не до нее, тем более, что росли и внуки - дети старшего сына, к которым свекровь должна быть куда внимательнее, чем к седьмой дочери.

Гавриил Федорович очень часто был в разъездах по коммерческим делам своего производства или по делам Церкви.

Екатерина Тимофеевна с раннего утра до поздней ночи "не разгибая спины", едва управлялась с многочисленным хозяйством. Своя семья, да сноха с детьми, и полон двор всякой живности - требовали к себе своевременного ухода и внимания, а ведь ничто из перечисленного не проходило мимо ее рук.

Старший сын и остальные, все дни были заняты в мастерской производством продукции. Но Наташу ничуть не огорчало, что всем было не до нее. У нее был свой, если не круг, то лабиринт самых неотложных занятий. С утра поднималась она не торопясь, и сразу попадала под наблюдение и руководство племянника Володи (четырьмя месяцами старше ее), который, с чувством возложенной на него ответственности, брал Наташу за руку, и так они начинали свой обход. Конечно, не обходилось без того, чтобы малышка-тетя где-нибудь не заупрямилась или в чем-нибудь не ослушалась бы своего покровителя. Володя, в таких случаях, тащил ее за руку на разбор дела к Екатерине Тимофеевне, где иногда по-детски, гневно выражаясь, обвинял ее перед матерью.

Самым увлекательным для них была качка меда. Тут трудно отрицать необходимость детей, а еще труднее углядеть за ними, когда, во время минутной отлучки, их ручонки оказывались в медогонке. И хотя амбар, где Гавриил Федорович качал мед, располагался так, что доступ к нему был через единственный переулок, (так как через двор сердитая корова не пропускала никого), малыши все-таки, как пчелки, узнавали и проникали туда в самый разгар медокачки.

Конечно, они заглядывали и в мастерскую, где грохотали машины и откуда пахло, не совсем приятно, машинным маслом. Но там было не так интересно, тем более, что их старались, как можно скорее, выдворить оттуда.

Другое дело, когда Наташа с Володей добирались до речки, где сквозь заросли осоки красовались на разводье, среди широченных круглых листов, белые и золотисто-желтые кувшинки.

Особым наслаждением было сидеть тогда на бережку и наблюдать за шумной жизнью ее обитателей. А еще интересней, на отмели до устали плескаться руками и ногами в теплой водичке, собирая водоросли.

В столовой Наташа всегда сидела около папы, с правой стороны, а с левой - из-под его руки выглядывал рыжий, с белыми пятнами, замечательный кот. Во время обеда Гавриил Федорович часто наделял обоих своих любимцев лакомыми кусочками со стола, за что оба выражали ему, каждый по-своему, свою признательность.

На собрание Наташу брали всегда охотно, а наиболее памятным для нее осталось хлебопреломление.

- Мама! А почему маленьким нельзя есть тот хлебушек, что разносят, и пить из чаши? А когда же я буду участвовать в преломлении? - с любопытством засыпала маму вопросами Наташа. Екатерина Тимофеевна терпеливо объясняла ей:

- А вот вырастешь большая и будешь участвовать.

Любила Наташа и пение, поэтому спевки не пропускала. Она с любопытством наблюдала, как ее старший брат разучивал на скрипке с хором новые гимны. С раннего детства у нее особенно запечатлелись гимны: "Над Родиной нашей восходит заря", "Не тоскуй душа родная, не пугайся доли злой". Их любил Гавриил Федорович и, по воскресеньям, почти всегда заказывал их исполнение. Во время молитвы Наташа думала, что она тоже молится, и потому тихонько шептала: "Господь, я бедное дитя, я слаб, где сил мне взять, служить Тебе желал бы я, не знаю, как начать?"... Но собрания часто затягивались допоздна, тогда любящему папе приходилось свою спящую доченьку уносить домой на руках.

Неизвестно почему: может быть, потому, что Наташа была последней, а, может быть, по другой причине, но папа любил и ласкал ее больше, чем остальных детей, и часто, с увлечением, занимался с ней. Когда же выпадала такая пора, и она оказывалась на коленях у отца, то подолгу просиживала у него, слушая разные увлекательные рассказы: про Моисея в корзиночке и Иосифа в разноцветной одежде, Давида, Самсона и других Божиих людей. Тогда Наташа почему-то очень любила засыпать у папы на коленях.

Известным осталось только то, что эта любовь у Гавриила Федоровича сохранилась на долгие годы: и когда уже у Наташи родились и выросли дочери, и, когда она сама достигла преклонного возраста, он, дожив до глубокой старости, по-прежнему, с нежностью и лаской обнимал ее и также ласково произносил ее имя.

Так прошли у Наташи семь безответственных и беззаботных лет. В 1928 году, неожиданно для всех, семья Кабаевых переехала в город, и там ее отдали учиться в школу.

* * *

События конца двадцатых годов ворвались во многие жизни, как ранний снежный буран на неубранное поле: неожиданно, безжалостно и для многих непредвиденно. Еще не успела сотлеть солдатская гимнастерка на огородном чучеле (как недавняя память пережитых ужасов смутных голодных годов), как вновь уже детские вопли и женские причитания послышались во многих избах. Мужья и отцы семей (неизвестно куда, почему и на сколько) расставались с детьми и женами. Недавно нажитое добро безвозвратно терялось хозяевами; веками установившиеся устои рушились, как капитальная постройка под натиском разбушевавшейся мутной водяной стихии, и исчезали под грозными волнами событий.

Лишившись насиженного гнезда, люди скитались и в одиночку, и семьями, ища какого-либо приюта вдали от своих родных мест.

Поздно ночью, в дом Кабаевых постучался близкий родственник и вразумительно предупредил:

- Гавриил Федорович! Если ты сейчас же не покинешь свой дом, завтра тебе придется расстаться с семьей и, может быть, навсегда.

Душу раздирало от этого известия, ум колебался у Гавриила Федоровича: "Что делать?"

Рядом тихо плакала жена, по комнатам безмятежно спали дети.

Он упал на колени и в горячей молитве воззвал к Господу: "Господи, что делать?" Потом встал, взял Библию в руки и, открыв первое попавшее место, прочитал: "Благоразумный видит беду, и укрывается; а неопытные идут вперед, и наказываются" (Пр. 27,12).

Когда первые лучи восходящего солнца оповестили о начале нового дня, Гавриил Федорович был далеко за пределами своего края, уезжая в поезде на восток, ища убежища.

Екатерина Тимофеевна с самыми малыми осталась в городе, старшие сыновья ликвидировали хозяйство в деревне. Так семья Кабаевых разбрелась по разным городам и поселкам страны и долго после того не могла собраться вместе.

Начались тягостные скитания: то на Урал, то на Дальний Восток, а после перебрались на юг Азии, и там остались на долгие годы.

С ними вместе скиталась и Наташа. В скитаниях приходилось ей собирать знания: 1-2 класс начала на родине, третий - на Дальнем Востоке, на Сучане, четвертый - под Ташкентом, и только в 1935 году Кабаевы переехали и обосновались в самом Ташкенте.

* * *

Ташкент в то время был для многих беженцев городом убежища: обилие фруктов и овощей, теплый климат, доступность жилья и работы - все это представляло приют для самых обездоленных. Поэтому к 1935 году сюда стекся со всех концов страны самый разнообразный люд: русские, украинцы, евреи, белорусы, немцы, жители Сибири, Урала, Поволжья, Центральной России и Оренбургских степей и т.д., и основывались не только семьями, но и целыми городами.

Здесь находило себе приют и христианство в период страшных гонений, начиная с 1929 по 1933-34 годы. Поместная община в те времена была распущена, и верующие были рассеяны по многолюдному Ташкенту и имели общение узкими семейными кружками. Служители и проповедники, будучи потрясены волной гонений, робко вглядывались в неизвестную для них обстановку, были погружены в заботы о семьях и материальные устройства. Духовно жили только воспоминаниями о героях веры, отдавших жизнь свою за дело Евангелия в прошлом десятилетии, и считали себя счастливыми, что остались целы сами, с одной стороны, с другой - тем, что были в какой-то близости с этими мужами и пользовались некоторым служением от них.

Но время шло, и молодое поколение детей верующих подрастало, мужало, зрело и искало выхода на духовные просторы.

Наташе исполнилось уже 14 лет, старшей сестре ее Любе 21 год. Она пытливо заглядывала в свое будущее, все чаще оставалась со своими мыслями, любила читать Тургенева, подражая его героиням.

Однажды Люба пришла домой с подкрашенными губами и бровями, что произвело большую тревогу в богобоязненной семье Кабаевых, но сказать об этом ей не решались. Когда же вечером пришел с работы отец, то позвал ее к себе. На столе перед ним стояла дубовая шкатулка, в ней лежали золотые часы и ложка с вытирающейся позолотой.

- Люба! - со свойственной ему мягкостью, начал он, - как ты думаешь, почему эту шкатулку не покрасили, а наоборот, закрепили ее натуральный вид?

- Так папа, зачем же ее красить, когда сам дуб так приятен, да и прочный, - ответила она.

- Правильно ты сказала, - подтвердил Гавриил Федорович, - а почему вот эту ложку, когда-то покрыли позолотой, а часы не покрыли?

Дочь подумала, лицо залилось краской от стыда и, не глядя отцу в глаза, еле слышно проговорила:

- Ложка же медная, так чтобы придать ей вид и цену - ее позолотили. А часы чем покрывать? Ведь дороже золота нет ничего. Отец, ласково положив руку на голову дочери, сказал:

- Так какими красками можно подкрасить твою девичью свежесть, которой наделил тебя Господь?

Тут же, со слезами раскаяния, она вместе с Гавриилом Федоровичем опустилась на колени, и оба усердно молились, этим и положили конец гримировке. Однако, молодость берет свое, и вскоре стало известно, что дочь полюбила юношу Андрюшу. В семье это одобрили. Юноша был сыном верующих родителей, из такой же семьи беженцев, как и Кабаевы, и даже земляк. Дружба их крепла на глазах и достигла того, что началось уже приготовление к браку. Это не скрывалось в близких кругах, все считали их счастливыми и достойными друг друга. Наташа наблюдала за ними и была рада за свою сестру, родители взаимно уважали друг друга и были довольны.

Но состояться их счастью, видно, не было суждено.

Родители жениха решили, что их сын, прежде поступит в институт, и женится только уже после окончания его. Мать жениха, даже с некоторым надмением выразилась:

- По окончании, он сорвет себе любое яблочко, а невеста уже состарится.

Такой поступок был очень оскорбительным для Любы и принес большую обиду семье Кабаевых. Но как видно, у Бога для нее были другие планы.

Люба глубоко страдала и долго, мучительно переживала эту измену, пока ее не познакомили именно с таким братом, с которым она вскоре соединила свою жизнь. Юноша, по имени Федор, был членом Ташкентской общины, полюбил ее, и после брака они зажили счастливо.

Судьба Андрея сложилась иначе. После окончания института он поехал в Подмосковье и привез себе оттуда жену Шуру: миловидную, кроткую девушку, получившую высшее образование. По приезде в Ташкент она вскоре приняла крещение. В совместной жизни родила мужу трех сыновей; но впереди ее ожидали огненные испытания.

Брак Любы, для всей семьи Кабаевых, послужил добрым предлогом к переезду из провинции в город Ташкент, сердце же Наташи уже давно переселилось туда.

В ноябрьские дни 1935 года, находясь в гостях у сестры, Наташа узнала, что в их квартире собирается на вечер христианская молодежь. С большим нетерпением она ждала желанного часа.

Вскоре комната заполнилась юношами и девушками, но когда вошла сюда Наташа, то ей показалось, что все почему-то обратили на нее внимание. Растерянно, она села на одно из многих предложенных мест, но чувство неловкости мешало ей поднять голову. Через 3-5 минут она осмелела и, избегая встречных взглядов, стала осматривать присутствующих.

По рядам еле уловимым шепотом пронеслось:

- Новенькая, из Кабаевых, сестра Любы.

Осматривая молодежь, Наташа заметила в них скромность одежды, поведения. Среди юношей она увидела интеллигентных молодых людей; оглядев их, подумала: в чем же состоит их общение, не в перешептывании же между собою? Она впервые увидела собрание из одной молодежи, для нее - это было необычным.

Юноша, которого звали Мишей Тихим (как она впоследствии узнала), обратился ко всем:

- Друзья, прежде чем прославить нам Господа на этом месте, мы в молитве, вставши, попросим благословение у Него, а после молитвы нам скажет слово Женя Комаров.

Все поднялись, и Наташа, к своему изумлению, услышала, как девушки одна за другой молились вслух Господу. Затем, после Мишиной молитвы все сели на свои места, и воцарилась тишина, во время которой она, нагнувшись, поддалась впечатлению от молитвы: "Как они молятся!"

- Мои дорогие юные друзья! - раздался мягкий; но сочный голос прямо над нею, - я прочитаю многим известное место из первого псалма: "Блажен муж, который не ходит на совет нечестивых, и не стоит на пути грешных, и не сидит в собрании развратителей; Но в законе Господа воля его, и о законе Его размышляет он день и ночь!" (Пс.1:1).

Перед Наташей стоял юноша: в приличном костюме, при галстуке, лицо его было так одухотворенно, что отражало именно того мужа, о котором он проповедовал. Ласковые глаза заставляли о нем думать самое чистое, святое, а сердечность в проповеди трогала всех присутствующих. Через несколько минут слезы умиления сияли как на лицах слушающих так и у самого проповедника. Ему было 22-23 года, и Наташа была в неописуемом восторге как от самой проповеди так и от этой чистой христианской юности. Никогда ничего подобного она не слышала и не видела. Когда проповедь закончилась, вся комната огласилась молитвенными воплями, несколько душ впервые открыли уста в сердечном раскаянии. Наташа вслушивалась в каждую молитву, стараясь уловить в них многое, непонятное для себя. Она повторяла в себе слова всех молящихся и, когда молитва закончилась, почувствовала, что именно здесь ее место, что лучше этого она ничего в мире не найдет.

И, хотя они почти все старше ее, но какие-то близкие, дорогие. О, как ей хотелось научиться таким молитвам!

Через несколько минут все успокоились и, как по команде, раздалось дружное пение:

Счастье высшее мы рано в жизни нашли,
Мы нашли Иисуса Христа.
И за Ним лишь идти мы стремимся средь тьмы.
Наше знамя - победа Христа!

- А теперь послушаем, сестра Нина расскажет нам чудесную повесть в стихах, - объявил вдохновенно другой юноша.

Со скамьи, у стены, поднялась девушка в светлом платьице, аккуратно убранными волосами на голове, и с особым выражением, неторопливо, искусно владея голосом, с нескрываемым вдохновением спокойно начала:

- Спит гордый Рим, одетый мглою... В тени разросшихся садов...

И это стихотворение произвело потрясающее впечатление на всех, особенно на Наташу. С завистью, она вслушивалась в каждую строку. А в Нине она видела именно ту, юную мученицу-христианку, которая не только умирала за имя Иисуса Христа сама, но и звала за собою других, ободряя их своею верностью.

Когда Нина закончила рассказ, то все были в слезах умиления, и более того - хотелось, выходя из этой комнаты, идти на смерть за Иисуса.

- Как же мне научиться вот так рассказывать стихи? - промелькнуло в юной, переполненной впечатлениями, голове Наташи.

Затем многие юноши, девушки вставали и рассказывали стихи, пели новые гимны, продолжая общение до поздней ночи.

Закончилось все горячими, благословенными молитвами. С сердечной радостью обнимали и целовали вновь обращенных друзей, передавая им наставления. Расставались нехотя, а расходились группами, так как никакой транспорт уже не ходил, и надо было теперь идти пешком по городу.

Счастливой и безмерно восторженной осталась Наташа после первого такого общения. Со всеми знакомясь, обнимали и ее, закрепляя дружбу разными соглашениями и обещаниями. Особенно прилепилась душа ее к девушке Ане Ковтун, с которой у нее завязалась самая тесная дружба, хотя подруга была намного старше ее.

После общения Люба с Федей рассказали ей о переживаниях юноши-проповедника Жени Комарова, отчего она пришла к еще большему изумлению,

Братом Женей Наташа была очарована, в нем она видела идеал христианской юности и чистоты. И вообще, этот ноябрьский вечер в жизни Наташи открыл совершенно новый, неведомый для нее мир.

До этого она жила никем незамеченным человеком, кроме матушки, да может быть иногда сестрицы Любы, перешептывающейся с ней о кое-каких личных впечатлениях; но замужество разлучило их. Теперь Наташа нашла свое место в жизни. Ее стали замечать, всякий раз у нее появлялись все новые и новые друзья. В ней нуждались, ее приглашали, у нее стала появляться какая-то деятельность; правда, первое время - все это вращалось вокруг фотографий да альбомов со стихотворениями. Во всяком случае, теперь на молодежных вечерах она была не просто посетительницей, а членом этого общества. Жизнь в провинции стала совершенно тесной, и как только Наташа закончила семилетку, в семье Кабаевых созрело общее решение - переехать в город.

Это решение Кабаевы безотлагательно осуществили, сразу же после Нового года, поселившись на постоянное жительство в Ташкенте. Для Наташи этот день был днем торжества, потому что начавшееся пробуждение среди молодежи увеличивалось все более и более.

Здесь следует обратить внимание на предшествующие события в жизни баптистов города Ташкента, особенно христианской молодежи. В этом большую роль сыграл, переехавший из Сибири, Женя Комаров.

Глава 3.
Женя Комаров.

Род Комаровых принадлежал к числу зажиточных в городе Кургане. Будучи коммерческими людьми, они были связаны по делам торговли со многими городами Сибири и юга Азии, но бурные события 30-х годов вынудили (как и многих в России и Сибири) весь род Комаровых перебраться на жительство в город Ташкент.

Отец Жени, как и все дядюшки его, был религиозными человеком, строго хранил семейные традиции и все обряды православного вероисповедания. Однако, это не мешало ему увлекаться дамским обществом, что привело их семью к печальному результату - жену и детей он оставил, сойдясь с другой женщиной. Мать Жени терпеливо переносила эту трагедию, обливая слезами раннее, позорное "вдовство", воспитывая троих деток, из которых Женя был самый старший.

В отличие от своего родства, он чуждался всех коммерческих дел, имея большую жажду к знаниям. Кроме того, от матушки или от кого другого из родных, молодой человек унаследовал кроткий, терпеливый характер, что в сочетании с богобоязненностью делало его особенно обаятельным юношей.

К восемнадцати годам, в его душе обнаружилось сильное Богоискание. С особым наслаждением и благоговением он относился к богослужениям, регулярно посещая православную церковь. С трепетом, он исполнял все "святыни", однако, в своей душе полного удовлетворения не находил. Его молодая душа не

удовлетворялась пышностью обрядов, стройностью литургии. Он жаждал живого общения с Богом, искал, но ни в чем Его не находил. Ему хотелось ощутить личное и непосредственное участие Господа в своей жизни.

Однажды, живя еще в Сибири, он задержался в гостях у близких, а когда заторопился домой, время склонилось уже к вечеру.

Несмотря на уговоры, Женя решился идти, рассчитывая на свою молодость и знание местности. На улице, резкие порывы ветра переходили в грозную метель. Густые сумерки застали его на полпути, в лесу. Едва он успел выйти из леса, как на него неукротимым шквалом обрушилась вьюга в чистом поле: то сбивая с ног и толкая сзади, то мелким ледяным бисером, выхлестывая слезы из глаз. Женя боролся, что было сил, поминутно нащупывая под ногами дорогу, и пока еще ноги чувствовали ее, пробивался вперед, хотя и ничего не видел. Но вскоре мощный порыв ветра сбил его с ног и бросил в сторону. Когда же он, поднявшись, встал и перевел дух, то дороги под ногами уже не нащупал. В отчаянии Женя метался из стороны в сторону, делал круги и зигзаги, но дороги не находил. С жадностью он вглядывался во тьму, защищая глаза от метели, но кругом не было видно ни зги. Долго он стоял, пытаясь услышать какие-либо звуки, но кроме завывания лютующей стихии, не слышал ничего. Затем он пошел прямо, вспомнив направление ветра, и, что было сил, по колено в снегу, решил идти до последнего. Но что такое идти без надежды и без направления? После нескольких таких шагов, порыв бури снова сбил его с ног. Тогда он, в отчаянии, поднял лицо в беспросветную мглу небес, и из глубины души его вырвался вопль:

- Боже мой, Боже! Я погибаю! Спаси меня и помилуй!

И вдруг он так близко почувствовал присутствие Бога, и Бога живого. Слова вопля были необыкновенно сильными и, как ему казалось, не его словами. Кто-то иной, из глубины недр души его, взывал и взывал, именно к своему живому Богу.

Все его существо было потрясено, как ему казалось, до основания, никогда ничего подобного он не испытывал. С трудом поднявшись на ноги, он открыл глаза. Прямо перед собою, где-то далеко-далеко, сквозь мглу метели, увидел какую-то немеркнущую точку и направился к ней. Шел он упорно, по-прежнему спотыкаясь и падая, но поднявшись, вновь видел ее впереди себя, и опять, не останавливаясь, шел вперед. Через некоторое время Женя почувствовал под ногами твердый наст дороги и, вскоре после этого прямо перед собой, в затишье, увидел темный силуэт крестьянской избы. Совершенно обессиленный, он поднялся на крыльцо, прошел сени и, нащупав рукою дверь, потянул ее на себя. Она со скрипом, но покорно отворилась. Теплотой жизни обдало лицо. На столе против окна стояла всего лишь пяти-линейная керосиновая лампа с закопченной верхушкой пузыря. Женя, не успев перешагнуть порог избы и закрыть за собою дверь, потерял сознание и снежным комом повалился на пол...

В Ташкент Комаров переехал в 1930 году, и с собой привез неутолимое влечение к Господу. После описанного события, юноша в своей душе почувствовал большое изменение, ему казалось, что он приобрел что-то ценное, великое, новое, но не мог понять, что именно. Домашняя обстановка оказалась для него чужой; чужим был и огромный город с восточной пестротой, хотя он и любил его. Душа желала чего-то родного, чем она могла насытиться, но это родное надо искать. Этим Женя и был поглощен по прибытии в город Ташкент. С особой ясностью звучали в его душе слова вопля, какими он воззвал во время пурги: "Боже мой, Боже! Я погибаю! Спаси меня и помилуй!"

Размышляя об этих словах, Женя пришел к выводу, что именно после этого в его душе произошло перерождение. Вспоминая эти слова, он получал какое-то обновление радости, но объяснить это состояние он не мог.

"О, ...как непостижимы судьбы Его и неисследимы пути Его!" (Рим. 11, 33).

С каждым человеком у Бога есть Свои встречи, и к каждому сердцу Свои пути. Петра Он достиг на озере Галилейском, Нафанаила увидел под деревом, Савла - на дороге, а разбойника - уже на кресте.

Несомненно, что у Жени встреча с Господом была в поле, в бушующем урагане.

Велик Господь и неисследимо велика, многообразна милость Его, велик Он в творении, велик в явлениях природы, в стихиях, велик и многообразен в спасении грешника.

Покаяние души человеческой - это тайна между Богом и человеком, и мы можем судить об этом только по духовным плодам помилованной души.

Вскоре после переезда в Ташкент, сердце Жени нашло свою родную стихию: в 1931 году он впервые встретился со служителем Божьим - Игнатом Прокопьевичем Седых, который с любовью пастыря окружил заботой и духовным воспитанием эту юную душу.

Игнат Прокопьевич Седых был известен братству баптистов, как самоотверженный и ревностный благовестник Евангелия. В 20-х годах он совершал служение в Восточной Сибири, по Забайкалью и Иркутской области, а после, с 30-х годов в городе Ташкенте.

Женя получил много полезного и дорогого из опыта благовестника, соприкасаясь с братом в познании истины; оказался, в дальнейшем, разумным посредником между молодежью и старыми, опытными служителями.

В 1932 году Женя усердно посещал собрания баптистов на улице Кафанова, любил слушать христианское пение и проповеди. Особенное расположение сердца он имел к проповеднику-еврею, брату Цигельбаум, который одинаково: со слезами проповедовал о Христе и в доме молитвы, и на Алайском базаре, среди своих соотечественников-евреев.

Неизгладимый след и образец к подражанию оставил для него Александр Иванович Баратов - районный благовестник по югу Азии. Огонь истины Божией в его проповедях зажигал многие сердца к ревностному служению Господу.

В течение года Женя посещал собрания на улице Кафанова, но чувствовал, что ему еще чего-то не хватало. Что он еще не то, кем должен быть; и порой эта неудовлетворенность сильно мучила его. Он чувствовал и понимал, что его состояние очень близко напоминает ему жертвенник пророка Илии с приготовленной, рассеченной жертвой, которой не хватало только огня; именно этого огня не хватало и ему, чтобы окончательно успокоиться своей душой.

Шел 1933 год. Однажды, придя, как обычно, на собрание, Женя заметил, что лица у проповедников и членов общины опечалены. Эта печаль отобразилась и в пении гимнов, и в проповедях, а особенно, в молитвах верующих. Долго быть в неведении ему не пришлось. Тут же, после собрания, последовало объяснение, что служения на этом месте прекращаются, так как дом молитвы, несмотря на то, что он является собственностью и приобретением общины баптистов г. Ташкента, отбирают. Гулом негодования и выражением горя наполнился зал, в котором так недавно еще славилось имя Божие. Один за одним люди в глубоком унынии и недоумении, нехотя и медленно, покидали помещение.

Женя со стороны наблюдал за всем этим событием в каком-то оцепенении. Внимательно он вглядывался в лица верующих и видел, что почти все они выражали глубокую скорбь и, подходя друг ко другу, делились ею. На одного он только обратил внимание и невольно удивился, а почему он?.. Это был человек преклонного возраста, с проседью в негустой бороде темно-коричневого цвета. Женя не заметил, чтобы он был печален, как остальные. Взгляд его блуждал от одного к другому. На мгновенье они встретились глазами, но юноша почему-то отвел свой взгляд от него. Это был Крыжановский, один из служителей общины. Женя осудил себя за мимолетное неприятное впечатление о служителе и углубился в себя. А в душе у него разыгрывалось такое удручающее переживание, которого он и сам не мог объяснить. Какой-то внутренний голос не давал покоя: "Вот ты не воспользовался благодатным временем, не загорелся, а теперь все закрывается, и ты опоздал". Тревога перешла в волнение. Он посмотрел на опустевший зал: у кафедры одиноко стоял Крыжановский и беспорядочно теребил бороду, а у выхода осталась группа христиан. Они о чем-то перемолвились и бодро, дружно запели:

Ободрись, не бойся!..
Хоть и темен путь мой, С неба свет горит:
- Я с тобой навеки. - Сам мне Господь говорит.
Нет, нет, никогда Он не оставит меня.
Верю Его обещанью, Он не оставит меня.

Пение, от порога опустелого дома молитвы, разлилось и наполнило все, а главное, с силой проникло в сердца скорбящих друзей, и особенно Жени.

Слезы неудержимо полились по его лицу и он подошел к поющим в тот момент, когда они, окончив пение, тут же опустились на колени для молитвы.

Пламенная молитва Жени возвышалась над всеми. Именно здесь пробился у него источник слез и источник воды живой, о котором Христос сказал самарянке, и который неиссякаемо открылся в душе этого юноши - это было его особое, духовное пробуждение.

Вскоре среди верующих стало известно, что арестовано 15 братьев, в числе которых оказались дорогие и любимые труженики: Баратов Александр Иванович, Седых Игнат Прокопьевич, Цигельбаум, Возненко, Бабченко и другие.

Сердце Жени впервые испытало глубокую скорбь, которую он не мог скрывать от окружающих. Едва успел он полюбить этих дорогих проповедников и бегло познакомиться с ними, как пришлось расставаться, и неизвестно насколько.

Проходя один из перекрестков улиц города, он направился к газетному киоску, где иногда покупал газеты, но, всмотревшись в продавца, Женя заметил, что вместо прежнего, за стеклом киоска мелькнула неприятная цветом борода Крыжановского. Сунув медяк со всеми вместе, получив газету, поспешил отойти и осмотреться, не ошибся ли? Но, увы! Нет, не ошибся! За газетным прилавком, бойко торгуя, суетился никто иной, как Крыжановский.

- Зачем он здесь и почему? - тревожно теребила мысль сердце Жени, - почему он не среди тех 15-ти проповедников, которые жизнь свою отдают теперь за дело Божие? - эта мысль мучила его до тех пор, пока среди новых друзей, ему кто-то, крадучись, в полголоса не сказал:

- Да ведь Крыжановский же предал всех братьев, и об этом уже известно всем - он предатель.

У Жени это никак не укладывалось в душе, хотя он и замечал, что сердце его не было расположено к этому человеку с самого начала. - Как же может такой человек оказаться среди служителей Божьих? - этого он долго не понимал.

Закрытие дома молитвы и аресты устрашили многих верующих, особенно из старых проповедующих, тех, которые в начале 30-х годов приехали в Азию, оставляя свои края. Но Женя уже молчать не мог.

Несмотря на закрытие собрания и прошедшие аресты, молодежь не прекращала свои общения, так что юноши и девицы собирались и по домам (по 40-50 человек), и прямо на открытой природе. На одном из таких общений молодежь приняла решение: несмотря ни на что - не умолкать и, выразив это в молитве, с глубоким чувством пропели:

За евангельскую веру,
За Христа мы постоим,
Следуя Его примеру
Все вперед, вперед за Ним!

Именно здесь Женя нашел, наконец, свое место, и душа его сливалась все больше и больше с христианской молодежью. Особенное впечатление, в кругу собравшихся друзей, произвела на него проповедь одного юноши.

Женя восхищался им, видя, что, кроме проповеди, он проявлял большую инициативу и в организации молодежных общений. Он был для Жени во многом примером для подражания, и Жене так хотелось видеть его таким до конца. Но, однако, скоро ему пришлось разочароваться, а именно: этот хороший проповедник женился, и почти с первых дней семейной жизни стал устраняться от труда, пока не умолк совсем. Женю это сильно опечалило, но огня в его душе не угасило. Перед ним, как-то вдруг, с наступлением Нового 1934 года поднялся вопрос о принятии крещения. Все его внутреннее существо загорелось жаждой - исполнить волю Божью. Его неудержимо влекло встать на смену тем, кто свою жизнь отдал за Иисуса, идя на страдания в узы. Женя верил в силу слов Иисуса Христа: " ...Я создам Церковь Мою, и врата ада не одолеют ее..."

Во исполнение слов великого своего Учителя, Женя рвался всей душой, чтобы дело Божие в городе не остановилось и, чтобы (если, по милости Божией, узники-братья возвратятся) они ободрились бы тем, что служение в истине не прекратилось.

Движимый таким желанием, после Нового года он обратился к Крыжановскому с заявлением, что желает вступить в завет с Господом, и готов принять водное крещение... Крыжановский с недоумением принял его заявление: откуда такое побуждение у юноши? В то время, как община распущена, основные проповедники сидят по тюрьмам, оставшиеся - запрятались по уголкам, а этот юноша так настоятельно просит крестить его?

Он принялся уговаривать Комарова, устрашая его опасностями, предстоящими невзгодами, ожидающими его на пути цветущей молодости, но Женя был непреклонен в своем решении и продолжал настаивать на крещении. Тогда Крыжановский сослался на то, что собрание закрыто, и вообще сейчас это не осуществимо.

Женя внимательно посмотрел в лицо старца. Его что-то озарило: он вспомнил тот момент, когда все с грустью, услышав об отнятии молитвенного дома, покидали собрание, а этот человек стоял около кафедры именно вот с этим выражением лица, какое теперь перед ним: холодное, безучастное, чужое.

Затем в глазах его, предстала пред ним группа друзей, среди которых были милые лица Баратова А.И., Седых И.П., их потрясающее пение: "Ободрись, не бойся! Сам Господь сказал..." Потом вдруг мелькнул перекресток... газетный киоск, а в нем вот эта самая борода с неприятным цветом. "Предатель!" - мелькнуло в сознании юноши то, что он со страхом отгонял от сердца. Теперь он совершенно ясно понял, что это так, что этот старец - совершенно чужой человек. Медленно опустив голову, Женя повернулся и тихо отошел от Крыжановского.

В одну из мартовских темных ночей, когда абрикосы торжественно одевались в свой бело-розовый наряд, предваряя расцветающую природу в старом городе, Женя дал обещание служить Богу в доброй совести, погружаясь в темные волны канала Бурджар, а группа дорогих и верных друзей, благоговейно, в это время пела:

Не расскажет ручей говорливый
Никому моей тайны святой,
По полям и лесам молчаливым
Пробежит он холодной струей...
Тот поток был свидетель безмолвный
Моей тайны великой, святой,
Когда чистые, светлые волны
Над моею прошли головой.

Как будто ничего не произошло в существе Жени после крещения, все осталось по-прежнему: то же общество друзей, пение гимнов, тесные общения, прогулки. Однако, только он заметил, что раньше он здесь был присутствующим критиком, всего лишь поддерживающим, хотя кажется, и вместе со всеми переживал, скорбел и радовался. Теперь же он чувствовал себя частью этого дорогого общества, и оно как-то поместилось в нем. Женя понял, что теперь на его плечи легла ответственность за жизнь друзей и, кроме того, за свои поступки по отношению к ним. Женя обнаружил в себе единую жизнь со своими друзьями, и теперь он был не безразличен к поступкам и поведению каждого брата и сестры. Более того, стал замечать то, чему он недавно не придавал значения. Он увидел, что молодежная среда далеко неоднородна. Почувствовал, что под пестрым разноцветьем бурной молодости, созревают плоды, и как необходим уход за юным, дорогим насаждением Божиим. Приглядевшись к молодежи, Женя заметил, что часть юношей, а больше девиц так заняты своею внешностью, что духовная пища им не вмещается. Он даже увидел, как группируется молодежь между собою: и те из них, кто подвержен влиянию мира - имеет свой круг и тяготение друг ко другу. Но если бы этим ограничивалось. О, нет! Они усиленно стараются влиять на остальных: внешним видом, манерами поведения, плотским рассуждением. Более того, в общениях берут инициативу в свои руки. Для них утомительно то время, которое проходит в беседах, молитвах. Заметно, как их взгляды безучастно блуждают по окружающим предметам, а в худшем случае - глаза их закрываются от непреодолимой дремоты. Стоит же только закончиться общению, когда можно "поболтать о том, о сем", похохотать над какой-либо "пустяковинкой", а еще лучше, побродить по заросшим аллеям какого-либо парка - тогда такие души неузнаваемо преображаются. Куда исчезает напускная скромность в разговоре, поведении, ограниченности во времени. Здесь, как правило, поднимается диспут между одними и другими: те из них, кого пленяет нетленная красота кроткого и молчаливого духа, образец безупречной, святой христианской молодости - находят в себе жажду пожертвовать на беззаветное, самоотверженное служение Господу; те же, кто увлечен больше тленной красотой, открыто и прямо подражают миру или, в себе самих создают собственный тип, извращая евангельские образцы святости; призывают к тому, чтобы наслаждаться молодостью и не упустить ничего из нее, живя в свое удовольствие. Они со всеми вместе могут громко и торжественно петь: "Жить для Иисуса, с Ним умирать..." Но жить для Иисуса - истолковывается в их понятии

так, чтобы, прежде всего, не потерять ее, а с Ним умирать - это представляется какой-то сладкой утопией, во всяком случае, не требующей личных жертв. Переходя от размышлений к делу, Женя стал искать себе единомышленников - друзей и, найдя таковых, он поделился своими впечатлениями с ними, выразил свой душевный протест проникновению духа мира сего в молодежную среду.

- Надо спасать молодежь от губительного влияния мира! - выразился он однажды в беседе со своими друзьями. Гордеев Федя и еще один пылкий и серьезный юноша, вполне разделили с Женей его взгляд и согласились находиться в посте с горячей молитвой, прося у Господа силы для служения среди молодежи, и ее пробуждения. Их никто не избирал на это служение, никто не объявлял какого-либо поручения в этом роде, но от самого Духа Божья они получили побуждение и добровольно отделили себя на это служение, особенно Женя.

Первые практические меры, какие они приняли, - это организовали регулярное общение молодежи, не менее двух раз в неделю; а между собою согласились - учиться проповедовать. Юноши убедились, что поддержки со стороны старцев получить не могут, так как под предлогом благоразумия, гонимые человеческим страхом, оставшиеся служители далеко запрятались в свои гнезда и духовных запросов молодежи понять не могли.

Женя, имея от природы способности к черчению, приложил все старания и по собранным материалам, запрятанной по домам литературы, изготовил чудесную обзорную карту библейских мест. Затем, познакомившись с работой и программой библейских курсов, предложил (среди ревностной части молодежи) организовать, своего рода, примитивные курсы. Намеченное было .одобрено и осуществлено, полутайные курсы по изучению Слова Божья были открыты, и известный круг молодежи с ревностью, регулярно посещал их. Так начался и протекал 1934 год. Принятые меры заметно повышали духовный уровень христианской молодежи. Если ей не удалось, вообще, освободиться от влияния мира, то, по крайней мере, та часть молодежи, которая увлекалась этим, конкретно выделилась из общей массы: произошло своего рода разделение, хотя внешне, общались все вместе. К концу года было решено объявить генеральное наступление на мирской образ поведения среди христианской молодежи и договорились - дать молодежи духовную пищу.

Для этого назначено было первое, обширное, молодежное собрание. Юные проповедники, побеждая смущение, сердечно, с благоговением, впервые открыли свои уста для свидетельства евангельской истины. Один за другим они поднимались и говорили перед молодежью, и Господь благословил их неопытные, малые способности, исполняя силою свыше. Во всех комнатах царила тишина, несмотря на то, что все они были переполнены юными слушателями. Наконец, с заключительной проповедью поднялся Женя Комаров. С благоговением, он открыл на столе Библию большого формата и прочитал:

- "Итак, бойтесь Господа, и служите Ему в чистоте и искренности; отвергните богов, которым служили отцы ваши за рекою и в Египте, а служите Господу. Если же не угодно вам служить Господу, то изберите себе ныне, кому служить, богам ли, которым служили отцы ваши, бывшие за рекою, или богам Аморре-ев, в земле которых живете; а я и дом мой будем служить Господу." (Нав.24:14-15).

Так, когда-то Иисус Навин, собрав народ, поставил ему условие, - продолжал Женя, - кому они будут служить? Несколько странно звучат эти слова, и странность эта в том, что не перед язычниками ставит этот вопрос человек Божий, а спрашивает народ Его, детей, которые произошли от Израиля - семя Авраамово, отцы которых, принимая закон Божий при Синае, клялись единогласно: "Все, что сказал Господь, исполним" (Исх.19:8). К этому времени из отцов их не осталось никого в живых, кроме Халева и самого Иисуса Навина. Куда они девались? Все они пали в пустыне, ибо за их непослушание Господь определил: "Никто из людей сих, из сего злого рода, не увидит доброй земли, которую Я клялся дать отцам вашим" (Втор.1:35). Почему этот вопрос поставил Иисус Навин перед народом, отцы которых погибли? Потому что они дети отцов своих, и отцов неверных, которые, увы, не оставили детям своим в себе образца, достойного подражания. Они так же, как и их отцы, некогда на берегах Иордана, перед вступлением в обетованную землю, ответили в его уши: "...все, что ни повелишь нам, сделаем, и куда ни пошлешь нас, пойдем; Как слушали мы Моисея, так будем слушать и тебя: только Господь, Бог твой, да будет с тобою, как Он был с Моисеем" (Нав.1:16-17).

Но Иисус Навин предвидел, что они так же, как и отцы их, будут изменять Господу и впадать в грех, что впоследствии и случилось. Не успели они отойти от Иерихона, как тридцать шесть из них пало у Гайя из-за того, что в шатре Ахана нашлось заклятое. Поэтому, мужественный вождь и воин Израиля, перед своею смертью обращается вновь к народу и, обращаясь к их разуму и сердцам, говорит: "Изберите себе ныне, кому служить, живому ли Богу или богам язычников, окружающих их?" Именно от этого избрания зависело все их будущее. Но

недолго народ Израильский прожил под благословенной охраной Божьей, и вскоре "...воспылал гнев Господен на Израиля, и предал их в руки грабителей, и грабили их..." (Суд.2:14). В чем причина? Причина в том, что после смерти Иисуса Навина народ жил беспечно, не старался передавать закон Божий своим детям, привить в сердцах их любовь к Господу и возвестить своей молодежи о милостях Божьих и великих делах Его: " ...и восстал после них другой род, который не знал Господа и дел Его, какие Он делал Израилю ... и стали служить Ваалам; Оставили Господа, Бога отцов своих..." (Суд.2:8-13).

Друзья мои! Дорогая молодежь!

Слава Господу, что сегодня мы не можем сказать об отцах наших и дедах наших, что они служили иным богам. Деды наши в лице дорогих старцев: Воронина, Капустинского, Рябошапки, Павлова и других, отдали жизнь свою на служение не иному, а живому Богу. Их узкий и тернистый путь, оглашенный кандальным звоном за Имя Иисуса, полит горючими слезами и кровью самих мучеников, их жен и детей. Истерзанные их тела покоятся ныне: либо под серыми могильными плитами в далеком Закавказье, либо в холодных могилах земли Сибирской. Равно, как и отцы некоторых сидящих здесь, наши отцы (духовные и телесные), отдали и отдают жизнь свою за истинного, живого Бога и, посланного Им, Спасителя нашего Иисуса Христа, за Его учение. Те, чьи имена сегодня в слезных молитвах возносятся непрестанно из уст матерей, жен и сирот-детей, наших дорогих братьев Тимошенко М.Д., Одинцова, Павлова П.В., Иванова-Клышникова П.В. и других, которые сегодня томятся в тех же сырых тюрьмах, где томились деды их, отцы; либо изнывают от голода и непосильного труда за колючей проволокой концлагерей.

Мы, их дети, которые слышали многократно Слово Истины Божьей из уст наших отцов, и не только слышали, но имеем в страданиях наших отцов образец их жертвенной жизни, достойный подражания. Мы ныне не знаем, возвратятся ли они к нам опять, или нет; но вот они сегодня здесь, как бы среди нас, и задают тот же древний вопрос: "Изберите ныне, кому служить?" Да, друзья мои, сегодня мы должны избрать: или путь отцов наших, или свой путь. Кому служить, и кому поклоняться: истинному живому Богу - Тому, Кому поклоняются наши отцы и за святое Имя которого отдают жизнь свою? Или идолам, которым поклоняется ныне, окружающий нас, мир?

Вы сегодня можете в недоумении сказать мне: "Брат Женя, да ведь мы же избрали, мы же - христианская молодежь, дети наших отцов-христиан, нам нечего избирать, мы с детства воспитаны в христианском духе, в евангельском учении".

О! Слава Богу, если бы это было так. Но я прошу вас, вы, со всею искренностью, вникнете в ваши мысли, ваши намерения. Проверьте желание ваших сердец. Кроме того, посмотрите на вашу одежду, ваши прически, манеры поведения, на всю вашу внешность. Чей образ вы сегодня носите: образ Небесного или образ перстного? Знаете ли вы, что ваша внешность совершенно безошибочно отражает ваше внутреннее содержание? Поэтому, кому вы сегодня подражаете, тому и поклоняетесь - образ бога вашего в облике вашем. Не относится ли сегодня, к кому-либо из сидящих здесь, святое и строгое предупреждение: " ...чтобы мы не были похотливы на злое, ...не будьте также идолопоклонниками, ...не станем блудодействовать, ...не станем искушать Христа... не ропщите, как некоторые из них роптали и погибали от истребителя. Все это происходило с ними, как образы; а описано в наставление нам, достигшим последних веков" (1Кор.10:1-11)?

Поэтому, сейчас мы должны решить со всей христианской честностью: ...изберите себе ныне, кому служить, ...отвергните богов.., которым поклоняются люди, не знающие живого Бога; и ответ на это мы дадим стоя на коленях пред Богом Вечным. Аминь.

- Аминь! - прозвучало по комнатам дома, и многие, с горячими слезами, приготовились излить свои юные души в молитве перед Богом...

- Друзья! Нас предали... - прозвучал девичий голос, - к дому идет несколько НКВДэшников, по углам стоят их машины!

Начавшийся переполох резко остановил голос какого-то юноши:

- Господи! Защити нас от врагов, ведь Ты Бог наш! Аминь.

После этого, без паники, все быстро стали выходить из помещения. На крики вошедших: "Стой! Не расходитесь!" - никто не обращал внимания. Девушки плотной гурьбой замкнули полукольцо у калитки, а тем временем (в непроглядной тьме) братья моментально разошлись через другие усадьбы...

На следующий день стало известно, что почти все благополучно разошлись по домам, и только некоторым из них пришлось почти всю ночь уходить от преследователей; да группе девушек - до полуночи перетерпеть назойливые допросы, в которых преследователям не удалось добиться желаемого. С того момента, за некоторыми из молодежи, а также за их домами была установлена слежка органами НКВД. Поэтому, среди юных друзей было принято решение: соблюдать строгую конспирацию.

Прошедший вечер оставил в юных сердцах неизгладимое впечатление и, главное, всколыхнул души от какого-то застоя. Как желанный дождь, выпадая на скошенный луг, вызывает к жизни буйную зелень, так и проповедь Жени, произнесенная впервые, оказалась благословением.

Духовной свежестью повеяло в последующих общениях от юных сердец. Как вешние воды размывают ледяные барьеры и шумными ручьями разливаются по полям, так началось бурное раскаяние среди молодежи; и виноградник Божий наполнился благоуханием. Молодежь использовала всякие предлоги для желанного общения, и Бог посылал через них пробуждение. В сердцах загорелась жажда к слышанию Слова Божия, к сердечным, горячим молитвам, служению.

Одним из таких предлогов (в начале 1935 года) послужил приезд одаренного брата, обладающего регентским искусством, из числа баптистов, Александра Андреевича Тихонова. На общении, собранном в честь приезда гостя, обратилось много юных душ, что явилось продолжением бурного пробуждения.

В числе обращенных к Господу оказались: Миша Тихий, сестры Грубовы, Катя Чердаш и девушка-немка Эмилия.

Общение проходило на окраине города в доме Грубовых, где юные сердца получили благодать на благодать, а именно: после покаяния - приезжий гость, брат Саша, научил молодежь красиво и стройно петь несколько новых гимнов. Собрание тогда состояло исключительно из одной молодежи, что придавало общению особый оттенок свободы, хотя ничему плотскому места не находилось. Далеко за полночь, заканчивая это сладкое общение, юные друзья отметили, как Господь посетил их в пробуждении. Почти все, сколько было на общении, остались переночевать, т.к. расходиться было поздно. Все были заняты одной мыслью, а именно: для того, чтобы сохранить и направлять начавшееся благословение по святому чистому пути, нужен такой руководитель, который был бы достоин и способен пасти юное наследие Божие в дни жестоких преследований.

Женя не мог уснуть. Мысли, одна за другой, не давали покоя. Ему ясно открылось, что те дорогие братья-труженики, о которых он упомянул в проповеди, а именно их отцы, сделали свое дело, которое им было вверено. Они положили прочное основание проповеди Евангелия в обширной стране. И какою бы могильной плитой ни накрыли Церковь Божию, как бы ни старались вырубить рослые кедры - насаждения Господни, воскресшая жизнь Спасителя, находящаяся в Теле Его - Церкви - непременно победит.

Женя взглянул в полумраке на пол и заметил, что он был так заполнен юными друзьями, что негде было поставить и ноги. Напоенные благословенным дождем, они беззаботно и мирно, тесно прижавшись друг к другу, в сладком сне коротали остаток ночи, кто где нашел себе местечко. В соседней комнате, также плотно разместившись, почивали сестры-девушки, аккуратно разложив на столе свою одежду.

- Вот она, эта юная поросль, - подумал Женя, - которой суждено, где-то в будущем, встать на смену своим отцам и матерям, продолжая нести свет истины, может быть, через те же тюремные коридоры, где несут его и хранят дорогие братья: Тимошенко, Одинцов, Павлов, Иванов-Клышников, Баратов и другие борцы за истину.

Именно этим юным душам надлежит осуществить в жизни, в служении, в страдании - вековое определение великого Учителя: " ...Я создам Церковь Мою, и врата ада не одолеют ее" (Матф.16:18).

Да, вот здесь, в этих тесных комнатах, она создается; здесь, на полу обнявшись, вот так, как они - спаивается Его неземной любовью. И, кто знает, может быть, очень скоро, кто-нибудь из них, за Имя Иисуса будет лежать на каменном тюремном полу или идти нелюдимой тайгой - по кровавым следам христиан. А вслед за ним, кто-либо из цветущих девиц, сменив наглаженное платьице на грубую рабочую телогрейку, с огромным мешком за спиною и с младенцем у груди, будет пробираться этой же тропинкой, чтобы разыскать своего друга среди дикого безлюдья и разделить с ним участь мученика и страдальца за веру евангельскую.

- Господи! А сегодня, пусть они мирно и беззаботно спят под Твоей охраной, - проговорил тихо про себя Женя, оканчивая свои мысли и осторожно, чтобы не толкнуть соседа, лег на половину тюфяка, также осторожно, разделив с ним подушку. Горячо и усердно молился Женя Господу, чтобы Он послал труженика Своего для христианской молодежи, внимательно вникая в то место, где Бог Моисею вверяет руководство Израилем.

Моисей считал себя совершенно недостойным и непригодным к такому великому и ответственному служению, и не понимал того, что от него требовалось только доверие и послушание - все остальное Бог брал на Себя. Находясь в общении, Женя ясно видел, что с ним происходит нечто подобное. Хотя его никто не выбирал, не поручал ему судьбу юных душ, но он чувствовал (как сам, так и все), что всякий раз, когда говорит проповедь или проводит беседу, Дух Святой наделяет такой силой, что речь его делается проникновенной, умилением дышит вся духовная атмосфера, и души слушающих проникаются к Господу особым расположением. Однако он не переставал просить, чтобы Господь послал служителя среди молодежи.

Преследования на христиан не унимались, а принимали все более изощренные формы. Но Господь посылал такую мудрость, смелость и энергию молодежи, что они, несмотря на опасность, расставляли посты, предельно облекали тайной места собраний, принимали всякие маскировки - и благословенные общения среди молодежи продолжались регулярно. Более же всего, полагались на Господа, и Он чудно хранил молодежь, и спасал от злых людей.

* * *

На одно из собраний, в числе последних, в сопровождении пожилой сестры Зиновьевой, вошел юноша. Сестра как-то виновато посмотрела на всех, несмело усадила гостя впереди и, подойдя, шепотом объявила Жене, что гостя зовут Мишей, что он неотвязно просил ее повести на общение с верующими - вот она и привела. "Вроде как бы ничего не замечаю за ним", - дернув плечами сделала она свой вывод, отходя от Жени.

Прежде чем сесть, Миша кратко помолился и скромно произнес:

- Приветствую вас именем Иисуса Христа!

Как-то несмело, некоторые ответили взаимным приветствием. Миша бегло всех осмотрел и остановил свой взор на Библии, лежавшей на столе; сидел без движения.

Был он среднего роста, довольно плотный, со стриженной головою, одетый в какую-то рабочую одежду. Большие, круглые, выразительные глаза контрастно выделялись на лице и напоминали того казака с Запорожской сечи (изображенного на картине Репина), который писал письмо турецкому султану. Бесхитростное его выражение обладало обаятельностью, а доверчивый взгляд исключал какие-либо подозрения о нем. Все, глядя на него, успокоились, но любопытного взгляда с него не спускали. Миша чувствовал это и безупречно, спокойно вел себя, как подобает в этих случаях неизвестному гостю. Внимательно он вслушивался в проповеди, рассказы, стихи; многие из гимнов пел со всеми, не нарушая стройности, и на предложенное участие в проповеди, хотя и с какими-то оговорками, но согласился. Проповедь его отличалась очень приятными особенностями, свежестью, конкретностью мысли, излиянием благодати и, почти с самого начала, подчинила себе внимание всех. Зовущая истина и любовь Божия, выраженная в проповеди, не оставили никого равнодушным. И хотя сам проповедник оставался строг к себе, владея собою; однако, на умиленных лицах слушателей появились слезы.

Проповедь закончилась как-то сразу и жажда, вызванная ею, оставила у слушателей ощущение, которое возникает после отнятого недопитого стакана с освежающим напитком.

Когда гость закончил проповедь и сел, выражение лиц у многих изменилось: присутствующие теперь как-то виновато глядели ему в лицо. У всех без исключения, гость нашел в сердцах расположение, а Женя, видимо, больше всех сгорал любопытством: "Не тот ли это, кого просит он в молитве для молодежи? Кто он? Откуда? Надолго ли?"

Тут же, после пламенной молитвы, гость, догадываясь, с каким нетерпением смотрят на него и, не желая больше томить своих новых друзей, встал и поспешил рассказать о себе:

- Друзья мои! Я называю вас так от всего сердца, потому что вижу вашу доверчивую любовь и расположение ко мне. Не смея держать вас в неведении о себе, расскажу вам: зовут меня Михаил, по фамилии Шпак. Господа я познал от ранней юности, член Церкви Иисуса Христа. За проповедь Евангелия и за отказ от оружия с целью всякого убийства человека, я до сих пор нахожусь в заключении. Недавно привезен сюда, к вам, в один из лагерей на окраине города, этапом. По прибытии, очень просил Бога, чтобы мне найти здесь друзей и родных по Духу, и мне Господь послал более, чем я предполагал: мне разрешили вольное хождение по городу. Вот я и разыскивал своих, и нашел тут же, только сестре я причинил беспокойство. Она сильно боролась,

привести меня к вам или нет, так как по ее словам, у вас сильное гонение на верующих, но мы помолились, и она решилась. Теперь я всех вас приветствую именем Господа Иисуса Христа, и по мере возможности будем знакомиться ближе!

Неудержимым потоком устремилась молодежь к Мише, и кто как мог, выражал ему свою признательность в приветствии.

Женя терпеливо ждал своей очереди последним, зато уж, как только удалось им остаться наедине, они поняли, что именно Господь свел их вместе и, как оказалось потом, на долгие, долгие годы...

Степенно, как только могли удержать себя от нахлынувших чувств, они объяснились друг с другом подробно и поняли, что нужны как друг для друга, так и для Его великого дела - именно в эту годину тяжелых переживаний Церкви. С этого момента они стали чувствовать себя друг в друге, все глубже и глубже.

Глава 4.
Миша Шпак.

Михаил Шпак родился тогда, когда бушевавшие бури гонений против сектантов, а особенно баптистов, еще не совсем утихли, и местами христиан терзали дико, не по-человечески. Отец его, Терентий Шпак был, хотя и искренне верующим, богобоязненным и не робким христианином, но порою сильно увлекался материальными заботами. Жили они зажиточно, отец имел на стороне мельницу, хозяйство и часто бывал в разъездах. Поэтому, может быть, из-за зависти, но больше всего из-за нетерпимости к штунде, многие сельчане ненавидели дом Терентия и поклялись "проклятую штунду" даже выжигать огнем. Разговоры эти вскоре обратились в жуткую действительность.

Шел 1915 год. В народе бродил вольный дух, и слухи о народных расправах стали нередкими. Однажды, когда Терентий выехал из дому по делам, а дома осталась жена с малыми детьми, в сумерках кто-то, по озорному постучал в окно Шпаков, а по дороге раздался задорный ребячий крик:

- Штунда го-р-и-т!

Жена, выглянув в окно, увидела, что действительно, багровое зарево пожара зловеще отражается на окнах соседних изб, вспышками освещая улицу. Схватив на руки четырехлетнего Мишутку, она скользнула со ступенек, обезумевшими глазами наблюдала, как огненные языки лизали карниз деревянной крыши, и пламя с шипением ползло вверх.

В воздухе запахло смолой от пересохшего теса, горящего на крыше, и едкой вонью от тлеющего старого тряпья на чердаке. Женщина успела только в отчаянии крикнуть:

- Боже мой! - судорожно сжимая одной рукою малыша у груди, другой, ухватившись за растрепанные волосы под платком.

Сбегающийся народ остановился вдали, не желая оказать какую-либо помощь.

- Боже мой! Боже мой! - прошептала про себя Мишуткина мама, выпустив его из руки, и застыла в оцепенении, глядя немигающими, широко открытыми глазами, на горящую крышу.

Но здесь совершилось, действительно, чудо Божьей милости: пламя вдруг остановилось, замерло в одном положении и медленно стало угасать.

Пристав, стоящий как бы в раздумье, со скрещенными на груди руками, вдруг обратился к народу и, грозно потрясая руками, закричал:

- Чего рты разинули, обалдели что ли? А ну, растаскивай хату!

И хату семьи Шпак, которую Бог спас от огня, люди с гиканьем стали разбрасывать по бревнам. Кто-то вытащил из избы стол и, по команде пристава, поставил в воротах, накрыв скатертью.

Он же, усевшись на скамью, с лукавым ехидством стал высказывать свои предположения, обвиняя хозяйку в умышленном поджоге дома.

Мишуткина мать, как-то неестественно, вздрогнула и медленно повалилась навзничь. Никто не поспешил поддержать ее; падая, она рукою скользнула по Мишуткиным волосенкам и тихо проговорила:

- Мишутка, молись!

Кто-то, уже впотьмах, усердно крестясь, оттащил неподвижную мать с сыном от обезумевшей толпы к огородному плетню.

Долго еще буйствовал народ, растаскивая хату "проклятой штунды", пока из-за оставшихся нескольких рядов не показалась одиноко стоящая русская печь, с пугающей пастью открытого чела.

Обгоревшие головешки от разобранной крыши, последний раз мигнули и погасли. Дым от пожарища медленно расползался по деревне. В потемках, один за другим, расходились по домам люди, искоса поглядывая на, тускло освещенную луной, женщину под плетнем, с плачущим ребенком на груди.

Между разрывами облаков выглянула луна и осветила огромную гору развалин, оставшуюся от хозяйства штундиста Шпака.

Мишуткина мать открыла на минуту глаза, в которых (в последний раз) блеснуло отражение луны. Глубоко вздохнув, она разжала кулак с торчащими Мишуткиными волосенками, потянулась и, прижав ресницами набежавшую слезу, умерла.

Кто-то из соседей, уже сонного Мишутку, оторвавши от материнской груди, перенес в хату, а покойницу накрыл скатертью, снятой со стола.

Утром следующего дня Терентий возвратился к своим развалинам и, склонившись над телом жены, тихо и долго молился. Затем, обойдя пожарище, долго стоял с непокрытой головой, смотря на остатки разграбленного имущества. Один из сельчан подвел к нему Мишутку и помог уложить на телегу тело покойной жены...

Выехав на околицу, Терентий оглянулся назад, в последний раз, и покинул село.

О, люди, люди! Придет время, ведь и ваши дома - вот так будут разграблены, и кто утешит вас тогда?

Разоренного, и совершенно разбитого горем, Терентия приютили в соседнем селе свои, верующие, но ненадолго.

После жуткой кончины спутницы, Терентия приютил Сам Господь в вечных обителях... Умер и он, оставив после себя, осиротевшего Мишутку и его сестренку...

Два-три года Миша рос среди детей, приютившей его семьи, потом кто-то из родственников распорядился перевезти его на Кубань, где на станции Крымской стояла еще отцовская мельница. Там оставили их, вдвоем со старшей сестренкой, на попечение совершенно чужих людей, назначив им на жизнь определенную сумму, какую опекуны должны были получать от сельчан, арендовавших мельницу. Но через короткое время средства, оставленные на содержание сирот, исчезли, а о новых - ничего не было известно, как и о самих арендаторах. Сиротам объявили, что кормить их не на что. Сестренка, спасая жизнь, ушла в соседний городок "в люди", а Мишутка, проводив ее непонимающими глазами, остался на милость Божию и на совесть честного народа.

Наступивший голод заставил его наниматься "на заработки" к лесорубам, которые платили ему объедками от своего обеда. Так, по пояс в снегу, мальчик лазил, зарабатывая себе корку хлеба и горсть пареных капустных кочерыжек.

К концу февраля он оборвался совсем и, тревожно рассматривая свои лохмотья, часто поглядывал на дорогу, по которой (он запомнил) еще поздней осенью прошлого года уезжали арендаторы.

В коммерческих делах он ничего, конечно, не понимал, только инстинктивно запомнил, что какой-то дядька-арендатор должен приехать и привезти для него деньги. Поэтому он каждый день с грустью смотрел на дорогу, ожидая какого-то дядьку, но увы, по дороге проезжали все те, кому он был совершенно не нужен.

Однажды у мальчика зародилась такая мысль: "Пойду я сам искать по этой дороге дядьку-арендатора". А поскольку он окружающим никому не нужен был, никто и не заметил, как он, перевязав старыми лоскутьями рваные штаны на коленях, и, сунув в драные валенки "коты" пучок свежей соломы, после обеда, на закате солнца тронулся в свой неведомый путь. Дорога была единственной. Перейдя речку, он по накатанному снегу, шмыгая "котами", уверенно двинулся вперед, в надежде, до сумерек дойти до деревни.

Встречные подводы Мишутка боязливо пропускал мимо себя, а на любопытные окрики, нахлобучив на нос шапку, отворачивался. Мальчик заметно торопился к цели. Желанная деревня, как ему казалось, была где-то вон там - за курганами; но курганы сменялись один за другим, пока не кончились; а дорога уходила дальше и потерялась совсем в надвигающихся сумерках. Скоро подошла ночь, и степь совершенно исчезла в черной мгле под беззвездным небом.

Страх охватил детское сердечко, живот щемило от голода, коленки то и дело подламывались, руки стыли, и Миша часто стал проваливаться в снег.

Уже не раз приходила мысль вернуться обратно: но от чего и к чему? Позади его не ожидало ничего, кроме голода.

Собрав остатки сил, он прошел еще немного вперед. Но не видя ничего, Мишутка сунул окоченевшие руки за пазуху, согнулся и присел на торчащий возле дороги пук сена.

Через минуту мороз клещами охватил бока мальчика и, ущипнув за обнаженные коленки, стал гнуть к земле. Вдруг, откуда-то снизу, медленно, под лохмотьями стала по телу мальчика разливаться блаженная теплота. Миша поднял голову и, расправив ручонки, приятно потянулся.

Вдруг перед его глазами, в темноте мигнул какой-то огонек, и почудилось ржанье лошади.

Миша напряженно, подставив ладонь ко лбу, вглядывался: вдаль. Впереди ему показалось что-то темное. Мальчик решил подойти к нему. "Может, деревня?" - мелькнуло в детской голове. Миша рванулся в темноту, но скрученные ноги совершенно не раздвигались. Он свалился на бок и голыми руками, опираясь на край дороги, с большим усилием встал на ноги. Потом шагнул к темному пятну и провалился в снег.

Острой кромкой царапнуло колени, и это немного оживило его. Шаг за шагом, утопая по колено в промерзшем снегу, он, шатаясь, брел вперед. Через несколько шагов, впереди стал проясняться огромный стог, а возле него, покашливая, мужики накладывали возы с сеном. Как он докарабкался до них, как молча уцепился за штаны одного из них, Миша не помнил. Но мужик, при виде бесформенного темного комка, вначале испугался и шарахнулся в сторону, но, почувствовав, что комок не отпускает его, нагнулся и, разглядев мальчишку, закричал:

- Хлопцы! Бачь, щось такэ за чудо прычепилось до мэнэ?

Когда осветили, то увидели, как окоченевшими ручонками, мальчик держался за штаны крестьянина. Лицо было спрятано под нахлобученной шапкой; сквозь зияющие дыры штанов, из ободранных коленок, сочилась полосками кровь.

- Да это никак с мельницы мальчишка-то? - крикнул кто-то, подняв шапку с Мишуткиного лица, - ах, какую даль пропорол!

Руки мальчика растерли снегом и, закутав его в тулуп, заторопились в станицу.

Так, милостью Божьей, Миша был спасен от мороза, а потом и от голодной смерти.

Оказалось, что подобравшие мальчика, были, действительно, из тех арендаторов, к которым он пошел. Они приютили сироту у себя, образили, привели его в человеческий вид. Там он и рос, пока не стал уже парнем, окреп телом и умом.

За эти годы, много ему пришлось перенести нужды и лишений, так что чашу сиротского горя Миша испил до дна. Но что самое драгоценное было в нем - это чистая, живая вера в Бога, которая не покидала его. Неизгладимыми остались у него в памяти годы раннего детства: христианские песни, рассказы о библейских героях веры, особенно, жизнь Иосифа, прекрасного Моисея в корзиночке, Иисуса Христа в ясельках, среди овечек. Вспоминались и скупые, но дорогие ласки матери. Помнил, хоть и смутно, пожарище и разгром дома, смерть матери, страшные озверелые лица сельчан. Конечно, многое с годами ушло из памяти, но вера в Бога осталась неизгладимой, она росла и крепла.

К семнадцати годам, его сильно потянуло в родные места, и он, накопив средства, переехал в город Керчь, где жила его старшая сестра. Прямо с первых дней, ему удалось напасть на след верующих, найти собрания, и он прилепился к ним всей душой.

В первые дни он был очень рад услышать христианское пение, проповеди. Все это напоминало ему старый отцовский дом, душа стала быстро оживать. Но, к великому сожалению, состояние общины было не на должной высоте, охлаждение среди христиан леденило Мишину душу. Давно уже забылись страшные гонения при царизме. Новый уклад жизни был совсем иным, да и верующих (с тех времен) осталось не так много, а сердце у Миши загоралось огнем все больше и больше. В 1929 году, на одном из собраний, его сердца коснулся Дух Святой, и он искренне и горячо покаялся. Духовное возрождение изменило Михаила до неузнаваемости. Истина Божия открылась ему во всей полноте. В нем появились дары духовные, особенно к проповеди, а огонь любви Божьей пылал в душе его ярким пламенем.

Светильником Господним горел обращенный юноша, среди охладевших христиан, а жажда - к слышанию Слова Божия - среди людей была очень велика. Находясь ли на работе, или еще где, Михаил использовал все свободное время в беседе с людьми, ищущими Господа. В собраниях он горячо проповедовал людям о спасении, через веру во Христа Иисуса, призывал к покаянию. Богослужения заметно стали оживляться, каялись грешники; от этого сердце Миши горело еще большей радостью. Но у некоторых верующих, особенно у старых братьев,

появилась духовная зависть. У них никак не укладывалось, как этот юноша, который только что покаялся, так просто и свободно себя ведет. Они хвалились своим прожитым: как раньше, они годами, после покаяния и крещения сидели на скамейке и слушали, пока им доверят первую проповедь. А этот, едва окрестился, уже стоит с Библией в руках, за кафедрой. Оскорбительно, едко урезонивали они Михаила, гонимые религиозной завистью. Их сердца не горели ангельской радостью о кающихся грешниках - к обращенным душам они относились недоверчиво: нет ли тут чего притворного? А то, что через брата Мишу души обращались к Господу, их не трогало и в расчет не принималось. Зато о своих проповедях они были самого высокого мнения, считали, что в них что-то, чуть ли не ангельское, мудрое, великое. Затягивали их по часу, а тех, кто дремал от их проповеди, обличали прямо, стоя на проповеди: "Сестра, не спи!"

Впервые, Михаилу пришлось пережить эту фарисейскую, тупую черствость. Обидой палило юное сердце, но внутренний голос призывал его к терпению. И он понял, что это его школа смирения. Вскоре эти обострения увеличились, особенно после того, как Михаил стал чаще выезжать с благовестием по тем местам, где так жаждут слышания Слова Божия, где люди ищут спасения. Этим служением особенно отличались 1931-1932 годы. Эти разъезды Миши стали для старцев совсем нетерпимыми, и они обрушились на юного благовестника всей тяжестью своего гнева, доказывая, что всякому верующему, в том числе и проповеднику, надо сидеть в своей общине; да и времена не те, чтобы разъезжать. С разных мест доходили слухи об арестах и ссылках верующих.

С таким взглядом Михаил не мирился, но, читая им Библию, доказывал, что всякий верующий обязан, получив в Иисусе спасение, проповедовать Христа распятого и другим.

Беседы принимали самый обостренный характер, но Господь наделял Михаила такой силой, что те противостоять ему не могли. Однако взаимоотношения юноши со служителями делались все напряженнее.

После этого брат решил принести эту скорбь в молитве к Богу и получил в сердце ясное свидетельство - выехать.

Так он посвятил себя на дело благовестия, выехав в 1931 году на Кавказ.

В Пятигорске и Кисловодске он нашел своих, верующих, и, посещая собрания, пламенно проповедовал Евангелие. Проповеди его послужили многим к пробуждению, и вскоре он стал уважаемым среди верующих. Но не только они обратили внимание на него, взволновались и противники. Миша, хотя и не имел еще опыта в распознании противников, все же скоро, при содействии местных друзей, обнаружил, что за ним установилась слежка. Она не осталась безрезультатной, и, как он ни старался, по-своему укрываться от нее, однажды был задержан органами власти. Здесь, в беседе с ними, Михаил ощутил на себе особое проявление Духа Святого, Господь наделял его такою мудростью и силой, что он сам приходил в изумление, а противники не могли найти за ним ничего такого, за что можно было бы его обвинить. Допросив его и отобрав документы, они отпустили юношу. Через несколько дней вызвали его вновь и опять беседовали с ним. Первый раз Михаил перенес преследование за своего Господа, и где-то в глубине души горело радостное чувство: "За моего Господа страдаю!" А больше всего, сердце наполнилось каким-то дорогим чувством удовлетворения, и он думал:

"Если уж и противники на допрос вызывают, то, наверное, я стал настоящим проповедником..." Конечно, не без того, сердце дрожало от страха, когда завели его в казенное помещение, однако, как только стали допрашивать, Миша забыл себя и прочувствовал, какую силу изливает Господь в этих случаях! Зато радостью переполнилась грудь, когда он вышел после допроса. Они пригрозили ему, однако документы возвратили. С этой радостью, он пошел прямо на собрание. Друзья, увидев его вновь среди себя, очень обрадовались, т.к. знали, где он был, и молились за него. Братья тут же предложили ему проповедь.

Через проповедь Господь излил великую Свою благодать, особенно, когда он немного, для примера, упомянул отдельные эпизоды из своих переживаний. Посещение Духа Божия было так велико, что прямо во время проповеди началось покаяние. Раскаивались охладевшие, отпавшие христиане; пробуждение приняло массовый характер. Ввиду этого, у брата Миши появилось много труда. Кроме служения в собрании, он все свободное время проводил в труде, ради Господа. Посещения и беседы по домам, беседы после собрания - все это, как правило, заходило далеко за полночь, а нередко, до рассвета. Поэтому день и ночь юноша был погружен в служение Господу. И Миша почувствовал, как он физически дошел до полного изнеможения, да и времени для личного чтения Слова Божия и уединения с Господом у него совершенно не находилось.

В сознании полного удручения, крайней немощи, он пришел однажды на собрание с некоторым опозданием и сел в рядах, прячась, чтобы посидеть и погоревать о себе.

Мысли самообвинения нахлынули на него, и он низко наклонил голову, сидя на скамейке.

- Что бы это значило? Откуда это такое? - спрашивал он сам себя, - и что теперь делать? Он пытался про себя молиться, чтобы ободриться, но голова опускалась все ниже и ниже. И надо же? В этот самый момент его заметили братья и неожиданно, когда он был погружен в свое горе, юноша услышал:

- Брат, приготовься к проповеди!

Миша растерялся и, подняв голову, хотел отказаться, но объявивший брат уже отошел от него. Миша всячески: выражением лица и жестами хотел передать брату, что он не готов, не способен, не может и не знает, что говорить - но никто его об этом не спрашивал. Допели последние слова гимна, и пресвитер объявил о его проповеди.

Совершенно растерянный, и, дрожа от волнения, он успел только про себя воскликнуть Спасителю. "Господи! Что же я буду говорить? Я совершенно опустошенный!"

Так, встав за стол, он механически открыл общую церковную Библию. Взор его упал на один из текстов, он внятно прочитал его и почувствовал, как могущественная сила благодати Божией наполнила его сердце. Уста открылись и из них полились, действительно, реки воды живой. Проповедовал от кратко, но только сказал "Аминь", как по всему помещению пронесся молитвенный вопль покаяния. Упал на колени и сам проповедник, рыдая вместе со всеми.

Да, действительно, "Дух дышит, где хочет, и голос его слышишь, а не знаешь, откуда приходит и куда уходит" (Иоан.3:8).

В это время Миша не предполагал, что его служение на этом месте было в последний раз, Господь усмотрел для него другой путь.

Придя на свою квартиру, он получил извещение из Керченского военкомата, о его допризывной подготовке. В эту ночь он мало спал, много думал о предстоящем испытании и, хотя давно положил в сердце - не брать оружие в руки, но этот вопрос еще не предстоял пред ним так конкретно, как теперь. Долго и усердно, молился Миша в эту ночь Господу, чтобы Бог послал ему мудрость в ответах, твердость в решении и силу в предстоящих скорбях, которые он ожидал. Во время молитвы он услышал тихий, но твердый голос в своей душе: "И не предавайте членов ваших греху в орудие неправды, но представьте себя Богу, как оживших из мертвых, и члены ваши Богу в орудия праведности" (Рим.6:13).

Осмотрев себя после молитвы, он вынес такое заключение: эти члены - руки, ноги, слух, зрение, голову, да и всего себя я отдал Богу - в орудия праведности, и другому отдавать их, никому не могу.

С этим решением Миша поехал в свои края, чтобы явиться на пункт.

Там, при беседе с военным комиссаром, заявил, что служить в армии готов, но взять в руки оружие, с целью убийства любого человека, он не может.

Комиссара это не очень удивило, видимо, он не раз встречался с людьми подобного убеждения, но объявил Михаилу Шпак, что беседу он проведет с ним еще раз и более серьезно, чем теперь. Следующий раз не заставил себя долго ждать, и уже вечером, когда оформление призывников было закончено, его позвали опять.

На этот раз в кабинете было несколько человек, одного из них он особенно приметил, так как тот имел выразительное лицо, красивые усики, и был пожилого возраста. Беседу вел тот же комиссар, но она сразу превратилась в сражение. В адрес юноши посыпалось множество всяких обвинений, а после бесплодных, неосновательных убеждений и доказательств, посыпались угрозы. На сердце у Михаила царила полная тишина, ни на миг он не колебался в своем уповании на Господа, отвечая кротко, но настолько веско, что после его ответов, возражать было нечего. Он даже сам удивлялся в душе, какую мудрость и силу посылал ему Господь в ответах.

Беседа задержалась до позднего часа и, уже заканчивая ее, комиссар объявил, что его дело будет передано высшему командованию.

После беседы Михаила задержал тот самый пожилой командир с усиками и пригласил на несколько минут в свой кабинет.

При разговоре Михаила Шпака с комиссаром он молчал и лишь сдержанно задавал ему некоторые вопросы, на которые Михаил охотно, с почтительностью отвечал. Этот военный служил здесь, при призывном пункте. Родом он происходил из дворянства и был потомком русского князя Волконского.

Войдя в кабинет и закрыв за собою дверь, он обратился к Михаилу со следующими словами:

- Молодой человек, хочу вам открыться в том, что ваше поведение, ответы, твердость в словах расположили меня к вам. Я впервые встречаюсь с таким случаем и не могу не заинтересоваться вами. Но находясь здесь уже значительное время, мне приходилось видеть много разных людей, быть свидетелем печальных исходов в людских судьбах. Поэтому мне от души хочется предупредить вас, если вы не измените ваш взгляд на военный вопрос, вас ожидает тяжкое последствие. Я искренне расположен к вам и говорю это не с целью переубедить вас, я рад вашей твердости, но с целью предупредить вас о могущих быть у вас, весьма тяжелых переживаниях. Я не знаю на что вы рассчитываете, оставаясь в своих убеждениях? Со своей стороны, несмотря на мое искреннее расположение к вам и определенное влияние на судьбы людей, вам я помочь ничем не могу, так как скажу по секрету, сам имею здесь минимум доверия, тем паче при решении таких сложных вопросов, как ваш. Поэтому обсудите серьезнее ваше положение и пока не поздно, обезопасьте себя.

Михаил внимательно выслушал его и ответил:

- Я очень тронут вашим расположением ко мне и тем, что вы, беседуя со мною, идете на определенный риск в отношении своей репутации. Однако, отвечу вам: мое поведение, ответы и твердость в убеждениях - это не мое, это от Господа Иисуса Христа. Ему я посвятил свою жизнь и рассчитываю на Его защиту, утешение и избавление, так как в своей маленькой жизни я не обманулся, уповая на Него. Переменять свое решение я не могу и не желаю, потому что я обещал моему Богу остаться верным до смерти, и этой присяги отменить уже никто не может. И вы убедитесь, что Бог мой, на Которого я уповаю, сохранит меня.

На этом они любезно распрощались.

Через несколько дней приехала спецкомиссия из г.Симферополя, и Михаилу Шпаку было суждено предстать пред нею.

Это было уже настоящее сражение. Убедившись, что никакие доказательства с их стороны не смогли поколебать упование юноши, члены комиссии перешли к своим разнообразным угрозам. Но Господь и на сей раз так укрепил Михаила (и физически и в мудрых исчерпывающих ответах), что после шестикратных бесед, противники пришли в ярость и предупредили его: за отказ от оружия при призыве на службу в армию - расстреляют. Протокол с заключением комиссии был передан в суд, а в нем было единодушное решение, заключение всех членов комиссии - расстрелять.

Все эти дни до суда Михаил провел в сердечной молитве и посте. Господь помог ему утвердиться в своем решении: остаться верным до конца.

В ноябре 1934 года Миша попрощался с родственниками, друзьями по вере, особенно с молодежью, и отправился на суд. Весь судебный процесс шел в духе строгих жестоких нападок. Подсудимый юноша обвинялся всеми. Обвинения сводились к измене Родине, и Миша уже приготовился должно, по-христиански выслушать и перенести решение суда.

После перерыва в зале все замерли, ожидая чтения приговора.

Суд приговорил юношу к трем годам лишения свободы.

Все: и противники, и друзья ожидали несравненно более жестокой расправы, а когда объявили лишение свободы, то не только друзья Миши, но и обвинители облегченно вздохнули и сочувствующими взглядами проводили его в спецмашину.

Через несколько часов Михаил оказался в тюрьме. Все камеры были переполнены до отказа и, войдя в одну из них, Миша, прежде всего от темноты, а потом и от людского скопления, остановился, сел прямо на полу у двери. Вследствие ли пережитых лишений с детства, или людских рассказов о тюрьмах, слышанных им раньше, эта страшная обстановка, где он оказался первый раз в жизни, его как-то не испугала.

Через несколько минут Михаил оглянулся, рассмотрел лица арестантов, рассказал коротенько о себе. Его внимание привлек старичок лет 80-ти с длинной белой бородой, и Миша свое знакомство с арестантами решил начать именно с него, поэтому, подойдя и присев рядом с ним, спросил:

- Дедушка, за что же тебя посадили?

Старичок махнул в ответ костлявой рукой, немного подумал и, шепелявя беззубым ртом, ответил:

- Да вот, шынок, што уш говорить тут, ночью вот эдак взяли из хаты, кудай-то привезли, да сказывают, будто я какого-то Кира (Кирова) убил. Вот и вся моя вина, а где он взялся той Кир, што я убил яво, доси не знаю, голубчик. - Так объяснил ему старичок и, достав из штанов дрожащей рукой грязный лоскут, вытер им глаза от набежавших слез, и умолк.

Умолк и Миша, разглядывая с глубоким сочувствием арестантов, подобных этому старику. Он жалел этот страдающий беззащитный народ, не знающий своей вины. И таких была полная камера.

Размышляя о них, он невольно подумал и молитвенно, тихо произнес про себя:

- Господи, за что же они несут такую кару?

Вдруг перед его глазами встало раннее детство. Отчасти из своей памяти, отчасти из рассказов родных вспомнил он: с каким гиканьем тогда сельчане растаскивали их обгоревшую избу, а он плакал на груди умирающей матери - и, вздохнув, подумал: "Один Бог - праведный Судья, и Он знает, зачем допускает такую кару народу..." Но все же ему было очень жаль старичка.

Недолго ему пришлось посидеть в тюрьме. Как-то зимой его вызвали с некоторыми другими, выстроили, пригнали к железнодорожным путям и набили ими вагоны. Этап, как они узнали, шел в Азию.

Вагон был до отказа набит "урками" (бандитами). Впервые в жизни Михаил оказался в таком обществе. Его последним подвели к вагону, втолкнув в людскую гущу. Глазам предстала жуткая картина: обнаженные по пояс люди разных возрастов находились в крайней тесноте, и от духоты обливались потом. Многие из них спереди и сзади были покрыты разными татуировками: от Распятого Христа в терновом венце до ужасных страшных драконов с раскрытой пастью. Все это утопало в сизом чаде махорочного дыма. Дневной свет, пробивающийся в два вагонных люка под крышей, едва достигал до противоположной стены. "Кромешный ад!" - промелькнуло в сознании Михаила.

- Господи! - воскликнул он, упав на колени рядом со своей арестантской торбой, - когда-то такой юноша, как я, воскликнул Тебе: "Если я пойду и долиною смертной тени, не убоюсь зла, потому что Ты со мною", спаси меня и сохрани в этом адском кошмаре, не дай мне убояться.

Голос молитвы его терялся в потоке самой разнообразной, отвратительной, мерзкой тюремной брани. Тусклый свет, едва достигающий пола, падал на его склонившуюся остриженную голову и он, заткнув уши пальцами, изливал душу свою пред Господом.

Сидящие рядом с ним арестанты, шарахнулись в сторону, образовав вокруг Михаила узкую полосу свободного места.

Через минуту-две выползли из темных углов страшные обитатели вагона и с любопытством стали рассматривать новоприбывшего - что он делает на полу?

- Эй ты, парень! А ну, канай сюда! - услышал над собой Михаил хриплый голос среди водворившейся тишины.

Подняв голову, он увидел у самого окна человека, вид которого вызвал у него внутреннюю дрожь. Как и все, он был обнажен до пояса, но отличался от всех. Волосатое тело его покрывала правилка (костюмный жилет - знак власти и полномочия для суда, принятый среди уголовников), из-под которой на груди виднелась вытатуированная голова змеи с раскрытой пастью. На тщательно выбритой голове лежал аккуратно свернутый, вышитый носовой платок. Одна бровь над глазом была глубоко рассечена, что придавало его лицу демоническое выражение. Негустая русая борода была аккуратно расчесана и частично прикрывала на шее хвост той змеи, что виднелась на груди.

Михаилу расчистили проход и толкнули его на верхние нары к окну, откуда позвал его "законник" - старший вор.

"Законника" в вагоне все называли кличкой "Борода". Из окна свежая струя воздуха как-то ободрила Михаила, и при свете он яснее разглядел все, окружающее его. "Борода" сидел по-воровски: с ногами подвернутыми под себя, по мусульманскому обычаю. Перед ним, к удивлению, Михаил увидел свою развязанную торбу, в которой виднелось кое-какое белье и немного продуктов. Сверху лежало уже развернутое льняное полотенце, вышитое красивыми узорами со словами: "Господь с тобой!"

Беззлобными, но проницательными глазами "Борода" посмотрел на него и коротко спросил:

- За что?

Михаил спокойно, с каким-то внутренним торжеством, посмотрел на искаженное шрамом лицо вора, подумал на мгновение: "Ведь это теперь моя семья, среди которой будет протекать вся жизнь." И с чувством христианской любви, сострадания и какого-то доверия, ответил:

- Верующий я!.. - вот меня за мои убеждения, за отказ от оружия, за проповедь Евангелия вначале хотели расстрелять, но потом, по милости Божьей, присудили к трем годам концлагерей. А тебя за что?

"Борода", как будто от неожиданности вопроса, шевельнул единственной бровью и, с легкой иронией в голосе, неохотно ответил:

- Да, ну а я совсем ни за что, - процедил он сквозь зубы, - на одной даме так безобразно была одета доха (шуба с мехом внутрь и наружу), вот я и решил за дамой поухаживать, поправить. А доха-то была тяжелая, каракулевая. Дама под ней споткнулась и на оземь. Ну, я тут, как джентльмен доху бросил да кинулся спасать даму, да видать неудачно впопыхах, да впотьмах ее шея оказалась у меня в ладони, а она, видать с перепугу, Богу душу отдала, да язык вывалился во-о-т такой. А я с перепугу, даму бросил, а доху схватил да бежать - в общем, все перепутал; вот за такую путаницу и получил десять лет.

- Ха-ха-ха-ха-ха... - раздалось по всему вагону.

- Понял? А не понял, подрастешь - поймешь, - продолжал "Борода". - Про нас ты уж брось, путного ничего не узнаешь; ты вот, расскажи лучше про себя: как ты богомольцем стал да что ты вычитал в Евангелиях? Мы ведь, кроме попов да монашек никого не видали, да и то, когда помогали им деньги считать, да учили, где их прятать!

- Ха-ха-ха-ха... - раздалось опять дружно по вагону.

Михаил понял, что если он не сумеет сейчас их внимание привлечь ко Христу, эти люди втянут его в свою трясину, и кто знает, что случится с ним. Поэтому, после очередного взрыва хохота, он поторопился и, про себя помолясь, стал им рассказывать.

Водворилась полная тишина, особенно тогда, когда "Борода" зыкнул на всех.

Михаил начал со своего скорбного детства, но заметил по их лицам, что их этим не удивишь. Видно, все они с той самой дороги, где он когда-то едва не замерз, только повернули они не в ту сторону. И, поправившись, он привлек их внимание рассказом о Христе. Только тогда Михаил почувствовал, как проповедь о Христе стала достигать их сердец. Лица арестантов стали серьезнее, сосредоточеннее. Слушая его, они изредка о чем-то перешептывались, но "Борода" и тогда одергивал их. Очень разумно, Михаил рассказал им простым языком о том, как Христос оправдал и спас блудницу от фарисейских камней, как обличил самарянку, очистил десять прокаженных, простил разбойника на кресте.

Напоследок, он рассказал им притчу о блудном сыне и, рассказывая, к своей великой радости, заметил, как головы многих из них, особенно тех, кто немного постарше, в раздумье опускались вниз, на грудь. Шутливая маска с лица "Бороды" исчезла, и он серьезным, сосредоточенным взглядом глядел куда-то в окно. Что происходило в этой неисправимой, испорченной душе, закоснелого, потерянного человека - знал только один Бог.

После рассказа Михаил умолк. Молчали и все. Немного встрепенувшись, "Борода" совершенно осмысленно, со вздохом заметил:

- Да, парень, действительно, это так. Все мы здесь блудные сыновья, только каждый по-своему. Кто-то из нас только еще вышел из отцовского дома, а кого сама жизнь вытряхнула в те самые потемки, где и ты когда-то замерзал, кто-то уже напировался досыта - но все мы вот сейчас сошлись у свиного корыта и ждем, когда заскрипит вон та дверь на роликах, и хозяин нам поставит лоханку с баландой, которую никакая свинья не будет лопать, а мы черпаком будем делить ее, да еще ждать добавки. Мы здесь, действительно, никому не нужны. Может быть, только мать с отцом (у кого они есть), вспоминают о нас и то только тогда, когда свечку зажигают перед "Николаем Угодником".

Да вот, к примеру, взять меня. Сколько раз по этой пыльной дороге, в лохмотьях, я возвращался в родительский дом. Сколько раз меня обнимала мать, обливаясь слезами, а мне не терпелось смолоду. Неделю-другую побыл дома, да опять в разгул. А ведь разгул наш, видишь сам, какой: "приласкал" какого "бобра" или даму наподобие той, что я тебе шутя рассказал - да и пируешь. А ведь раз сумел, два, а на третий или пусть на десятый, все равно "погоришь" и опять вот сюда - к "поросячьему корыту". Теперь вот года уже прошли, пришел и ум. Да уж было дело, и в отцовский дом возвращался не раз с крепкой думкой: "Хватит! Довольно терзать себя

да и мать-старушку!" И такая появлялась жажда к жизни, что я уверен, если бы тогда помогли, вот как ты рассказываешь про Христа, что блудницу спас от каменьев, глядишь - и стал бы человеком. А тут вместо Христа на пороге оказался "старший брат", как по твоей притче, "лягавый", милиционер по-вашему. Да вместо того, как Христос сказал: "И Я не осуждаю тебя; иди и впредь не греши", скомандовал: "Руки назад!" И в наручниках привел в милицию. Оказывается, в городе был грабеж. А я хоть и не был участником, но уж коль замешан был раньше в этом, так оно и пошло. Виновен, не виновен - давай сюда! А ведь у нас, парень, свое "Евангелие" - воровское, так же как и у вас: вор за вора должен жизнь положить, но не выдать. Жизнь мне, как видишь, положить не пришлось, а, спасая свою и товарища жизнь, получил вот этот шрам. До смерти обидно стало мне тогда, что вместо того, чтобы понять и помочь возвратиться к жизни - изуродовали меня. С тех пор я смертельной ненавистью ненавижу "старших братьев" и решил, что в отцовский дом мне возврата больше нет.

Ты вот счастливее меня, с твоего распутья повернул к стогу сена и не попал в руки к "старшим братьям" и, как я вижу, выбрался на светлую дорогу. Так иди по ней, парень, и не сбивайся. Нам же, видать, кипеть вместе с бесами в одном котле.

- Нет, дорогой, - прервал его Михаил, - если ты понял смысл любви Божьей в притче о "блудном сыне", то пойми ее так, как сказал Христос на кресте раскаявшемуся разбойнику. А насчет "старших братьев", у меня они есть свои и не лучше, чем твои, хотя и в других костюмах, и мне еще много придется от них претерпеть, если выйду отсюда.

- Это твое? - указал он Михаилу расческой, зажатой в руке, на его развернутую торбу и увидев, как тот утвердительно, слегка кивнул головой, продолжал:

- Забирай все, проверь и ложись вон в тот угол, - указал он все той же расческой, зажатой в руке.

- Эй ты, рыжий! Брысь на пол! - скомандовал он здоровенному парню с красными бровями, сидящему на том месте в углу, куда он приказал перейти Михаилу.

На сей раз Михаил ни слова не возразил ему, догадываясь, что этим может испортить настроение. Но впоследствии мирно договорился поместиться с ним безобидно рядом, на что весь ряд "привилегированных молодцов", охотно согласившись, немного передвинулись во главе с самим "Бородою".

Эта особая честь, оказанная Михаилу, была не последней. Во время обеда он поделился с окружающими его остатками продуктов из торбы, что расположило к парню арестантов еще больше.

После обеда "Борода" громко распорядился:

- Братцы - ворье! Давайте-ка немного покультурнее, курите в окошко, а то ведь хвоста можно откинуть (умереть), любую тварь пусти сюда - сразу подохнет. Да и лаяться кончай, не на малине чай (воровская сходка), а то уж у староротских (старых воров) и то уши вянут.

И в вагоне, действительно, немного прояснилось, так что можно было хоть разглядеть лица друг друга. От сильного утомления или, более от свежего воздуха, после традиционной этапной проверки Миша и не заметил, как упал на нары и заснул, как говорят, по-мертвецки.

Проснулся он только ночью; где-то недалеко впереди паровоз, извергая снопы искр, вздыхал на подъеме: "Ой, как тяжко! Ой, как тяжко!" А под вагоном колеса мерно выстукивали в ответ: "Все пройдет! Все пройдет! Все пройдет!"

Обнаженная до кальсон семья арестантов спала тревожным сном. Январский свежий воздух, периодически, мощной струей врывался через решетки окошек в вагон и боролся со спертым смрадом от человеческих тел.

То и дело, вперемешку с людским храпом, слышались то стоны, то бессвязные бредовые выкрики, или бессознательный скрежет зубов.

- Да тяжел арестантский сон, - подумал Михаил и тихонько, нащупав впотьмах рубаху, оделся, встал на колени и в сладкой молитве стал изливать душу свою перед Господом. Не из родной земли увозили и не от материнской ласки отнимали, да и впереди ничего хорошего не манило его, но неизвестная будущность томила его душу, а юноше шел только 24-й год.

В горячих слезах он изливал перед Богом свою душу: он молился за оставшихся друзей, особенно вновь обращенных, за эту бедную арестантскую семью, среди которой ему теперь суждено прожить годы, и годы самые цветущие, юные. Вспомнил и бедного старичка, обвиняемого в убийстве какого-то неизвестного ему Кира, и этого несчастного "Бороду", потерянного, ожесточенного на все окружающее, но у которого где-то в тайнике души нашлось доброе чувство к Михаилу. В молитве он ясно увидел то самое, настоящее, безнадежно

погибшее, для спасения которого, Сам Спаситель оставил небо и пришел, чтобы взыскать его; а теперь посылает его, Михаила, в самое пекло, чтобы этим погибшим засвидетельствовать о Христе. Молился он и о своем неведомом будущем, чтобы Господь провел его и сохранил.

Ехали они очень долго и томительно, ужасы этапного скитания изнурили все жизненные силы, однако Господь чудно сохранил Михаила. В конце февраля 1935 года их выгрузили на окраине Ташкента.

Через несколько дней из пересыльной тюрьмы их перегнали в лагерь, расположенный среди полей, где по берегам журчащих арыков изумрудным ковром пробивалась первая весенняя зелень. Белоснежными пятнами пестрели, расцветая, абрикос, алыча, черешня, и ярко-розовыми рукавами покачивался при малейшем дуновении ветерка персик.

Теплый, бодрящий воздух пьянил, обессилено склонившуюся голову, и поднимал к жизни. Михаил вдохнул полной грудью и, с затаенной улыбкой на устах, тихо произнес: "Господи, в какой благословенный край Ты привел меня!"

С первых же дней его определили на работу по механической части, и Господь послал к нему расположение начальствующих. Скоро его стали брать за зону для устранения всяких неполадок.

Затем, убедившись (после некоторого испытания) в его трезвости, честности и аккуратности в исполнении всяких поручений, разрешили ему бесконвойное (вольное) хождение по городу.

Первой его мыслью было, когда он оказался в людском круговороте на улице города: "А как отыскать своих?" И в этом Господь оказал свою милость. Без особых затруднений он у двух или трех человек спросил:

- Не знаете ли вы, где тут в городе собираются баптисты на молитву?

Один из прохожих, осмотрев его подозрительный костюм, сказал:

- Где собираются на молитву, не знаю, а про одну баптистку скажу, где живет. И указав ему дверь дома, долго смотрел ему вслед, пока Михаил не подошел туда, куда он его направил.

Миша постучал, и вскоре к нему вышла женщина средних лет. В ее открытом, но испуганном лице, он прочитал, что это христианка.

- Извините, пожалуйста, мне сказали, что в этой квартире живут верующие - баптисты, это правда? - спросил Михаил.

Женщина как-то смутилась и, закрыв за собою дверь, вышла на ступеньки. Долго, пытливо осматривала юношу, потом робко ответила:

- Да, здесь живут верующие, а вам кого?

- Да я никого вообще не знаю, - ответил Михаил, я только что недавно прибыл в этот город и так бы хотел найти "своих". А где проходит собрание, вы мне не скажете?

Женщина еще больше растерялась и так ответила:

- Да собрания у нас закрыты уже два года назад, а где собираются... я не могу вам сказать.

Михаил, увидев, что женщина сильно мучается от его вопросов, решил пощадить ее и не настаивать дальше, но все же спросил еще:

- А вы, как я вижу, христианка?

- Да! - ответила та, уже свободнее.

- В таком случае я приветствую вас, сестра, и прошу, если можно, зайдем к вам и вместе помолимся, меня зовут Миша Шпак.

Женщина тоже протянула руку и ответила:

- Приветствую, Зиновьева. Зайдите, помолимся. - И, поправляя на голове платок, она повела гостя в тесную кухню, затем вместе с ним склонилась на колени и про себя тоже молилась.

Брат непринужденно, сердечно благодарил Господа за все пережитые трудности, особенно за то, что нашел в этом городе "своих" и просил, чтобы Господь благословил его пребывание в этом городе.

Сестра молиться вслух не решилась, но после молитвы предложила гостю покушать.

Миша поблагодарил ее, но видя их материальную скудость, извинился и, пообещав зайти в следующий раз, распростившись, вышел на улицу.

Проводив его, сестра сильно мучилась в душе своей, а вдруг - это искренний брат, может, даже одинокий, и негде ему преклонить голову? Вечером, когда сошлись домашние, она с ними поделилась о неожиданном визите.

Хотя они и не советовали торопиться и открывать, где проходят общения, но она всю ночь промучилась в самоосуждении.

К вечеру следующего дня, когда Миша вновь постучал в дверь, она с радостью открыла и, впустив его, созналась:

- Брат, сильно я мучилась, что так недоверчиво приняла и скрыла от тебя наши общения, а ночью мне Бог открыл, и я решила тебя повести.

Дело в том, что у нас дом молитвы отняли, и на богослужения не собираются. Но наша молодежь тайком сходится по домам, да кое-кто из пожилых; больно уж сильно преследуют власти. Пятнадцать человек братьев посадили в тюрьму после того, как дом отобрали - вот мы и остерегаемся. А сегодня я решилась, поведу тебя сама. Пойдем! - и одевшись, они уже в сумерках пошли на общение.

Знакомство с молодежью, о которой мы уже знаем, было такое радостное, что друзья забыли про все предосторожности, и на следующий вечер прямо ватагой пришли к самой вахте лагеря. Долго и с любопытством они разглядывали через железные прутья ворот и обходили вдоль зоны, но не знали, как увидеть им Мишу Шпака. На вопросы надзирателя ответить боялись, пока, наконец, увидели проходящего в зону заключенного вольнохожденца и попросили передать о них Михаилу Шпаку.

Брат уже в сумерках вышел к друзьям и, отойдя в сторону от лагеря, они долго наслаждались в беседе, а расходясь, были очень рады, что пришли проведать и послужить узнику.

Глава 5.
Образцы.

Тут же Миша установил прочную связь со своими юными друзьями и в откровенной беседе признался, что такого количества христианской молодежи он нигде не встречал и о такой организованности ни от кого не слышал. Регулярно посещать собрания он не мог, так как был в неволе, но при всякой возможности старался со всем усердием служить Господу. За короткое время Миша успел лично познакомиться со всеми, побывать во многих домах, и был глубокоуважаемым, даже среди старцев. Юные друзья, не считаясь с опасностями, угрозами и слежками, с первых же дней знакомства посещали Мишу в лагере, что еще больше сблизило его с молодежью.

Чаще они стали встречаться с Женей, и вдвоем много беседовали об общем состоянии дела Божия и, особенно, о труде среди молодежи.

Миша имел уже некоторый опыт в служении по Церквам, т.к. ему немало пришлось перенести обид, огорчений от "своих" как на Кавказе так и в Крыму. Со многим он знакомил Женю, еще молодого христианина. В глазах Жени, а также новых своих друзей, брат Миша был на гораздо высшем духовном уровне, чем они сами. С чувством некоторой зависти и явного превосходства над собой, они смотрели на Мишу как на юного узника, самоотверженного борца, одаренного служителя Церкви и как на своего представителя от христианской молодежи, среди старших.

С Женей они спаялись в одно целое. Вместе намечали мероприятия, обсуждали меры предосторожности, и как-то почувствовали, что судьба молодежи вверена, именно им, Господом. Одно стесняло их - это то, что они не были рукоположены, а в работе с молодежью все больше и больше нарастала нужда в рукоположенных служителях. Из числа обращенных юношей уже немало было принято в Церковь; надо было крестить, совершать Вечерю Господню, а делать это было некому.

После арестов, оставшиеся служители так дрожали от страха, что боялись показаться на каких-либо общениях.

Буквально на пальцах, молодые братья считали дни, когда должны были возвратиться их братья-узники, чтобы можно было разрешить с ними все церковные вопросы, горячо молили Господа о благополучном и своевременном их освобождении.

Однажды, сидя вдвоем, Миша с Женей глубоко задумались, и Женя спросил у своего друга:

- Брат Миша, скажи мне, почему так получается? Одни братья, не считаясь с семьями, со своей жизнью, ради дела Божья, жертвуя всем, идут в тюрьмы на мучения и дело Божие считают выше всего и не оставляют

его; возьмем, к примеру, наших дорогих, благословенных служителей Господних по Оренбургским степям и Поволжью, братьев: Янченко Ефима Сидоровича и Зук-кау Андрея Петровича.

Вот Ефим Сидорович с молодых лет отдается на служение Господу. Вместе с Рябошапкой И. С., будучи помощником ему, в конце 1880-х годов совершали служение в эпоху тягчайших гонений.

Однажды, прячась от озлобленных жителей, Янченко совершал после крещения Вечерю Господню в посевах ржи. Налетевшие по доносу конные, стальными цепями безжалостно избивали христиан, а самому Ефиму Сидоровичу концом цепи выбили глаз. Но он и после этого продолжал неустанно нести служение свое, не боясь ничего. Заканчивая его, он заботился, чтобы дело Евангелия продолжалось, для чего рукополагал молодых благовестников, в числе которых был и Кирилл Сергеевич Новиков. Все они впоследствии отдали жизнь свою, неся свет истины русскому народу. Но ведь с ними же вместе Ефим Сидорович рукоположил и нашего Савелия Ивановича Глухова и еще кое-кого из "самарских беженцев", а где они? Они теперь прячутся здесь, в Ташкенте.

А Андрей Петрович? Ведь от одного только рассказа о его беседах и проповедях как среди немцев по Оренбургским степям так и среди русских, сердце загорается огнем благовестия. Хочется подражать его бесстрашию и мужеству, его жертвенной жизни. Другие же, при малейшей опасности, бросают все дело Божье и идут на всякую нечисть, лишь бы не быть гонимыми, а по домам также молятся, также поют духовные гимны, участвуют в Вечере Господней, проповедуя другим Евангелие... В упоении хвалятся тем, что уверовали от Зуккау, крестились от самого Янченко, с ним ездили в одной телеге по деревням...

- Я скажу тебе более того, - перебил его Миша, - даже осуждают тех, кто идет страдать за дело Божие.

- Да, вот именно, - согласился Женя, - но почему это так? Неужели они не боятся Бога? Ведь Господь строго за это взыщет. На что они рассчитывают?

- Женя, Женя, а ты не знаешь на что? Я тебе отвечу, - сказал ему друг. - Они знают, что все-время гонения не будут; пошлет Господь и время отрады, пошлет и свободу. Вот тогда посмотришь, как они вылезут из темных и укромных своих уголков и приползут на собрание. Да усядутся не на скамьи с рядовыми членами, а полезут в передние ряды, за кафедру; а если ты заметишь им их нечестность, они тебя унизят, как захотят, и еще прочитают тебе: "Благоразумный видит беду и укрывается, а неопытные идут вперед и наказываются", понял?

- Я понял, - ответил Женя, - но ведь это же низко, нечестно, мерзко. Ну, а как же теперь нам быть? Я вот, к примеру, не могу быть равнодушным к голодным, жаждущим душам, надо же им дать пищу, иначе они пойдут в мир питаться рожками.

Нет, я не могу быть спокоен, я пойду к ним и скажу, что это нечестно, что Бог взыщет с них, на них же сан служителей!

- К кому ты пойдешь, кто послушает тебя? - заметил Миша,

- К кому пойду? Пойду к Крыжановскому, к остальным, кто запрятался, и скажу им...

Тут Миша своею ладонью остановил его руку и проговорил:

- Пойдешь? Они посадят тебя, предадут. Ты же сам рассказывал, что ходил уже к ним, - потом, помолчав немного, добавил: - Ты помнишь, как Христос, увидев людей идущих за Ним, сжалился над ними? Женя! Я очень рад, что ты имеешь те же чувствования, что и во Христе Иисусе. Ты спрашиваешь, а как же теперь нам быть? А помнишь, что сделал Христос-Учитель, когда увидел толпы народа и сжалился? Он посмотрел на Своих учеников и сказал им: "Вы дайте им есть", а у них и нашлось-то всего две рыбки, да пять хлебов, но Учитель благословил это малое, преломил, вверил это благословенное ученикам, а те накормили этим народ.

Женя, мы не будем смотреть на них, пусть Сам Бог считается с ними, это Его рабы: верные они или неверные; а мы вот это малое, что вверил нам Господь: наши малые силы, знания и способности, и самих себя - давай тоже предадим нашему Господу, чтобы Он благословил это наше малое; и понесем раздавать жаждущим и алчущим, вовремя ли то, или не вовремя. Давай склонимся пред Господом! - и они оба, в пламенной молитве склонились пред Господом, изливая свои нужды и нужды дела Божия.

Дверь тихо скрипнула, и в нее вошли две девушки, раскрасневшиеся, видно от быстрой ходьбы. Войдя, они замерли в благоговении, ожидая конца молитвы.

- Братья, мы принесли вам радостную весть, наши дорогие узники Баратов А. И. и Седых И, П. освободились, и теперь они оба в одном месте, хотите, мы вас поведем туда? - выпалили с восторгом девушки, едва брат Миша произнес: "Аминь".

Тот и другой не знали, как выразить им свой восторг и благодарность за их подвиг. Тут же они оделись и побежали, в сопровождении сестер. Они, впрочем, не бежали, а летели, как им показалось, кривляя по лабиринтам узеньких восточных улочек - нырнули в калитку, а через минуту уже, в горячих слезных объятиях, приветствовались с дорогими узниками.

Огнем счастливого довольства сияли глаза девушек, когда они, стоя у порога, наблюдали за этой драгоценной встречей. Затем, скромно извинившись, скрылись за дверями, счастливые от сознания того, что и они чем-то служат Господу.

Первые час-два прошли в рассказах узников о тех страданиях, какие им пришлось перенести от самого момента ареста до освобождения.

Брат Александр Иванович и брат Игнат Прокопьевич спокойно рассказывали друзьям о самых важных моментах, о тех великих чудесах Божиих, какие они испытывали на себе в период заключения. Брат Женя, молча и внимательно следил за тем и другим, и заметил, как они измучены пережитыми скорбями, как заметно изменились они во внешности, особенно брат Седых.

После их рассказа, Женя Комаров обрисовал состояние дела Божья в городе, о своих радостях, опасностях и дивных благословениях Божиих. В разговоре познакомил братьев с Мишей и не скрыл от них ничего, рассказывая как о своей дружбе с ним, так и о печалях.

Во время рассказа Жени, взор брата Баратова заметно просиял. Он был искренне рад тому, что их страдания не были забыты, несмотря на то, что служители после их ареста попрятались, но пламя любви Божией загорелось в сердцах юных, и дело Божие не остановилось. В такой взаимной радостной беседе время подошло уже к полуночи, а Мише надо было еще возвращаться на свои нары.

После того, как оживленная часть беседы стала иссякать, и в разговоре появились некоторые паузы, Женя решился не откладывать, а именно теперь, объявить братьям свою созревшую нужду в деле Божием:

- Братья! Мы видим, как вы измучены от пережитых скорбей и тягостной разлуки с семьями, с родными. Вы вышли из раскаленной печи, и вам, конечно нужен хоть малый отдых, мы это сознаем и до глубины души рады вашему возвращению, и искренно желаем вам отдохнуть от всего пережитого. Но что делать? Вот несколько юных душ томятся уже долгое время, ожидая крещения, а крестить некому. Оставшиеся служители либо разъехались, либо от страха не решаются исполнить волю Божию. Да уж неизвестно, как давно многие из нас не участвовали в Вечере Господней. Не будем скрывать того, что мы ждем вашего возвращения. Что вы можете нам сказать на это?

Игнат Прокопьевич посмотрел на брата Баратова и откровенно попросту сказал:

- Дорогой Александр Иванович! Ты знаешь мои прежние скитания, знаешь, что я имею семью, и семья заждалась меня, что вот уже столько времени я не могу приласкать моих деток, а у тебя детей нет. Может быть, ты отважишься совершить это служение?

Баратов Александр Иванович, хоть и был женат, но детей не имел. Женою его была скромная, преданная Господу сестра - дочь почтенного труженика Божия, всеми уважаемого служителя, брата Дрепина. С молодых лет эта чета посвятила себя на служение Господу и искренно, нежно любя друг друга, не имея детей, служила Ему со страхом, самоотверженно, не считаясь с плотью и кровью.

Когда Игнат Прокопьевич обратился к Баратову с такими словами, он долго ничего не мог сказать на это. Голова его медленно опускалась на грудь, из глаз выкатились крупные слезы, и один только Бог мог понять, что делалось в душе этого самоотверженного слуги Его.

Но потом, подняв голову, он тихо произнес:

- Друзья мои, поймите меня и не осудите! Боюсь! Но будем молиться Богу. Ведь решиться на это, значит, сегодня же надо опять собирать арестантскую торбу и идти туда, откуда я только что вышел на днях, и теперь уже приготовиться навсегда. Будем молиться - к этому может приготовить только Дух Божий.

Через неделю, не более, когда друзья встретились на собрании, брат Баратов оставил Женю и некоторых других после собрания и решительно заявил:

- Где эта молодежь? Я готов исполнить волю Божию и крестить их, и служить среди молодежи! Господь открыл мне, что трудиться мне в Его винограднике осталось немного, день отшествия моего очень близок.

Пусть сам сатана будет препятствовать мне в служении, но я пойду, при содействии Господнем, буду проповедовать.

На первый случай, к крещению было приготовлено пять человек, наиболее ревностных: Миша Тихий, Лида и Катя Грубовы, Надя Чердаш и еще один юноша, хороший друг Жени.

Со всеми предосторожностями было приготовлено место для крещения. Высокое чувство благоговения наполняло сердца как крещаемых так и самого крестителя. Дух Божий исполнил брата Баратова особой силой. Он, конечно, не знал, что совершал сие служение на земле в последний раз. Не знал и того, что погружая крещаемых в мутные воды реки, он прилагал к Церкви тех, кому впоследствии предстояло нести вперед знамя истины, заменяя почивших борцов. Во время крещения, стоя в воде, он с особым чувством запел:

О, Образ совершенный Любви и чистоты!
Спаситель, Царь Смиренный,
Пример мой вечный - Ты!
На лик в венце терновом Хочу душой взирать;
Хочу делами, словом Тебе лишь подражать...

Глава 6.
Гонения.

Комарову Жене шел 24 год. Покаяние его и принятие в члены Церкви на домашних не произвело особого впечатления, так как в характере его не произошло резких изменений. По-прежнему, он оставался добр и ласков как с домашними, так и со всеми родными. Тем более, что один его дядя со своей женой, еще до переезда в Ташкент были членами Церкви. Только к своей маме Женя относился с еще большей лаской. Отец уже был чужим человеком для них, хотя часто заходил к семье, но это только увеличивало страдания матери.

В семье их с мамой было четверо, и материально они жили, сравнительно в достатке. Для матери Женя старался жить так, чтобы все было ей в утешение. Однако после крещения, когда юноша сблизился с молодежью, он все реже и реже оставался вечерами дома и приходил всегда далеко за полночь, а нередко и ночевал у людей. Мама его вначале сильно беспокоилась, заметив в нем такую перемену. Женя пытался объяснить ей, но когда бы он ни приходил, мама ждала его и не спала. Тогда он стал приглашать друзей к себе, и мама, увидев юношей и девиц-христианок, вскоре полюбила их, и сердце ее стало успокаиваться. Но однажды, когда он с группой сестер-девушек ушел вечером на общение и, задержавшись, домой пришел только после работы следующего дня, мама, приготовив ему покушать, и, садясь рядом с ним на стул, сказала:

- Сыночек мой, Женя! Болит душа моя о тебе, сколько ребят вокруг тебя, а девушек еще больше, хоть я и люблю всех их (они такие ласковые, умные и скромные) и я ничего подозревать не могу, но скажу тебе: искуситель-то хитрый, он ведь губит не только падших, а много погубил и опозорил таких прекрасных, которые и сами не заметили, как попали в его сети. Я вот гляжу на тебя, забегался ты совсем и в лице-то изменился, осунулся. Сынок, пора тебе видно жениться, хватит уже хороводиться, невест много: девушки одна краше другой, выбери себе по душе, да и благослови вас Господь.

Женя смиренно выслушал совет матери и, подумав, ответил:

- Мама! Я правда не думал еще об этом, да и думать не хочется. А почему не хочется? Я как посмотрю на других: как поженились - то как куры на нашестах, сидят в своих кутках и не видно их нигде; мне же хочется еще быть свободным и любить всех их, посмотри, какие они все хорошие да ласковые!

- Сыночек! - возразила мать, - всех любить не будешь, да и они не дадут, а запутаешься в этих делах - горя себе наживешь, вместо радости.

Разговор между сыном и матерью окончился ни на чем, но мысль о женитьбе все-таки засела в голове. Если раньше он не обращал внимания на сестер, как на девушек, то теперь почему-то стал обращать.

Находясь в общении, он присматривался ко всем, но почти все из них были такие милые, цветущие и, если какая сестра не выделялась лицом, то выделялась чем-то другим, и ему казалось, что все они как ангелы, что все они и к нему так ласковы, так приветливы, что ему хотелось любить их всех-всех. Он одинаково уважал всех, проводил личные беседы с девушками; беседовать приходилось немало. Но вскоре взгляд его стал меняться.

После общений почти всегда необходимо было провожать девушек до дома; и часто, оставаясь наедине, он чувствовал себя несвободным. А, когда провожал кого-либо из других сестер, то прежняя сестра (заметно было)

оставалась в обиде. Это он испытал не раз, и ему было так обидно, что будучи высокого мнения о сестрах, он, в действительности же, обнаруживал в них плотское, мелочное. "А, что же там может открыться после брака? - подумал он и решил, - нет, не буду жениться, буду хранить сердце свое таким, чтобы оно вмещало всех, буду любить всех одинаково и для всех жертвовать собой". Этими мыслями он решил поделиться со своим другом Мишей.

Миша со всем усердием посещал общения и с каждым разом становился все более желанным. Проповеди его всегда были пламенными: и касались не только чувств, но - глубоко оседали в душе, запечатлеваясь в памяти и пробуждая к жизни, труду, борьбе.

Однажды, они остались вдвоем, чему были очень рады, потому что о многом хотелось поделиться.

Последнее время Женя стал замечать, что и Мишу окружало много девушек. Часто он проводил беседы с кем-либо из них, но чувствовал в общениях Миши с сестрами, какую-то святую христианскую строгость.

- Миша, - начал с ним друг, оставшись наедине, - я замечаю, что как тебе, так и мне все чаще приходится общаться с сестрами, и стал видеть, что некоторые из них неравнодушно смотрят на юношей, в том числе и на нас...

- Гм... не некоторые, а большинство! - поправил его Миша.

- Тем более, вижу, что ты это замечаешь. Не следует ли нам более конкретно определить наши взаимоотношения с сестрами? Давай мы останемся так, будем безбрачными!

Миша, храня улыбку на лице, немного подумал и ответил своему другу:

- Боюсь, брат мой, что ты скоро женишься! Я вот что хочу сказать тебе на это: жениться не грех, и любви бояться не надо - и то, и другое нам позволено Господом. Надо бояться - оказаться рабом плотской любви, а брачной жизнью - прикрывать буйство страстей и похотей. В период нашей юности важно сохранить чистоту сердца, а чистота сердца зависит от чистоты мыслей: то и другое вырабатывается в борьбе со страстями и похотями, восстающими на нашу душу. Нам очень важен взгляд на девушку-христианку, ибо от этого взгляда складывается и наше отношение к ней.

Брат Женя, не обманывайся; глядя на сестер, никогда не ошибайся, и знай, что они во плоти. А вот встречаться или оставаться с сестрой-девицей наедине - надо избегать. Очень немногие могут обуздывать себя. Они могут любить, ради этой любви и жизнью жертвовать, но им не дано быть главою семьи, и не им принадлежит превосходство духа. Стыдливость у девушки, ответственность в охране целомудрия, скромность в поведении - это ненадежное орудие против греха и падения. Главное - страх Божий, а он исходит от любви к Господу - вот гарантия всему. На нашей ответственности, как и на ответственности всех юношей-христиан, лежит великий долг: самим ходить в страхе Божьем и любви Его, и развивать это в наших девушках-сестрах: невеста ли она твоя, или хороший друг-сотрудник. Мы должны усвоить сами и научить их, что всякие отношения, кроме евангельских - плотские, поощрять их - значит посягать на чистоту сердец молодежи. Нельзя содействовать личным увлечениям, они и без того кипучи. Слово Божье учит: "Юношеских похотей убегай". Женщина имеет свое место в жизни.

Можешь себе представить: если бы наши сестры были лишены женской любви, нежности, ласки - это значит, что мы были бы лишены вот этого уюта, где мы сидим с тобой, а человечество было бы лишено того, что мы находим в нем прекрасным. Сколько диких, буйных характеров мужей укрощаются ни чем другим, как нежностью, лаской и терпением жен. Но все это дивно, когда подчинено действию Духа Божия, тогда и приобретает вид подлинного, святого благородства.

Мы не должны быть безрассудно требовательны к одежде, обуви и внешнему виду наших сестер - во всем этом тоже отображается женщина, причем девица, особо. Мы видим, что библейские символы берутся от наряда невесты или девушки. Но недопустимо нашим сестрам носить одежду, которая служит к разжиганию похотей - это наряд блудницы (Пр. 7,10). Поэтому, пришло время, друг мой, обратись к Богу, чтобы Он послал тебе навстречу твою Ревекку, и женись.

Вскоре после этого разговора, Женя так ли поступил, или иначе, но чаще стал задерживаться в семье Грубовых, у которых были девушки: Лида и Катя. И та, и другая - христианки; Лида - более ласковая, нежная и женственная, Катя, хотя и старше сестры, но бойчее ее в разговоре и в поведении. Вначале домашние не могли угадать, кого именно из двоих избрал Женя; им очень хотелось, чтобы он избрал старшую дочь, но к их сожалению, Женя полюбил Лиду. И эта любовь была взаимной.

Родители Лиды были очень рады принять в семью такого зятя. Но следуя древним традициям и подбирая библейские факты (женитьбу Иакова на дочерях Лавана), возразили ему, сказав, что они должны отдать прежде не Лиду, а старшую их дочь Катю; к тому же она была их любимицей. После вразумительных, но бесплодных бесед, дело перешло к огорчениям: Женя не мог изменить Лиде и жениться на нелюбимой, а родители, поступая по своим традициям, настаивали на браке со старшей дочерью.

Дело было передано на обсуждение некоторых старцев, которые, в угоду родителям, не разрешили Жене брак с Лидой. Поскольку же он не подчинился, то вынесли церковное наказание - лишить участия в служении. Женя кротко переносил это, пока старцев, вынесших такое решение, не убедили в несправедливости, и решение отменили; а брата Женю с сестрой Лидой в конце 1935 года сочетали.

* * *

Под милостивой охраной Божьей, из числа молодежи многие приняли крещение, поэтому жизнь и деятельность их была образцово организована. Регулярно, и на высоком уровне находилось материальное служение: очень охотно производили среди нуждающихся ремонт жилых помещений, очень большую помощь оказывали в строительстве жилья. И это служение сохранилось потом на долгие годы.

Женя и двое его друзей регулярно посещали дома верующих, где жила молодежь, и вникали во все семейные вопросы, наблюдая, таким образом, за жизнью молодежи по домам.

Отраднее всего было то, что двое почтенных старцев: Дубинин и Дрепин - доброохотно посвятили себя воспитанию молодежи.

Молодежь же, несмотря на преследования, горела огнем любви Господней, а Дух Божий продолжал дело пробуждения.

Юные друзья принимали все меры предосторожности: расставляли сторожей у перекрестков и калиток, предусматривали запасные выходы, привлекали к этому служению не только молодых, но и стариц. И дело Божие продолжало совершаться.

Отдельные мелкие кружки верующих, услышав о благословенных молодежных вечерах, один за другим присоединялись к общему движению; общения стали принимать более массовый характер.

Но усилились и преследования молодежи: начались допросы, расследования. Так, один из работников НКВД вызвал девушку Надю Чердаш и подверг ее мучительному допросу. Девушка растерялась и не знала как себя вести, но, однако, сведений о жизни христианской молодежи не дала. Все же в разговоре сотрудник НКВД, искусно лавируя, сумел добиться того, что Надя назвала всего только два имени: имя Юры Лысенко и Жени Комарова. Но, придя домой, стала усердно молиться Господу, чтобы Он исправил ее промах и защитил братьев.

На следующий день Юру неожиданно вызвали из дома сотрудники НКВД и, после всяческих усилий, принудили его привести их на молодежное общение. Юноша не мог устоять, и как-то механически, направился с ними туда, где было общение. Но, придя в тот район города, так заблудился, что с большим трудом они выбрались в известное место, где преследователи невольно оставили его. Оставшись один, он, хотя и был поздний час, решил опять поискать своих друзей. На сей раз, он нашел их совсем легко, но в такое время, когда все уже приготовились расходиться. Войдя, он рассказал, как он с НКВДэшниками заблудились и, выбившись из сил, еле нашли известную остановку.

* * *

Приближался Новый 1936 год. Юные друзья пожелали встретить его с особенным молитвенным усердием.

К тому времени в кругу молодежи стал частым посетителем молодой брат Юрий Петрович Чекмарев.

За свою преданность Господу, любовь к делу Божьему, одаренность в проповеди и святую строгую жизнь - молодежь очень скоро его полюбила, старцы-служители почитали его. К тому же, Юрий Петрович был сыном известного благословенного служителя в русском братстве баптистов - Петра Ивановича Чекмарева, проживавшего в то время в городе Фергане.

По инициативе Юрия Петровича была составлена программа новогодней молитвы и не только молодежь, но и многие другие охотно посещали вечера участия в молитвах.

Всем служением в новогоднюю неделю руководил Юрий Петрович. Некоторые из новичков, такие, как например, Наташа Кабаева, были в неописуемом восторге, видя, как молодежь по своей инициативе и доброй воле участвовала в служении. И это в истории братства было, действительно, чем-то новым.

Действие Духа Святого среди христианской молодежи было настолько ощутимо, что его безошибочно можно было назвать победоносным наступлением христианской весны.

Юрий Петрович к этому времени вообще переехал в город Ташкент на постоянное жительство и посвятил себя всецело служению Господу.

В результате частого общения с молодежью, в сердце у Наташи появилось какое-то новое чувство, какое она не испытывала еще никогда. С раннего детства она знала Библию, слышала многие проповеди, пела гимны и дома молилась с мамой - все это было совершенно обычным явлением. Наташа верила в Бога, имела страх Божий, но одновременно не прочь была заглянуть в мирские увеселения и чувствовала, как они все сильней завлекали ее, хотя она жила в христианской семье, боролась с собой. Но после знакомства с христианской молодежью, она обнаружила в душе беспокойство; а Слово Божье, касаясь ее сердца, стало казаться для нее совершенно новым. На ее глазах раскаивались девушки и юноши, и она была свидетельницей тех перемен, которые происходили с ними. Видя на их лицах радость и духовное сияние, ее душу все более и более охватывало неизведанное томление. Наступили такие минуты, когда она вот-вот готова была покаяться; но нужен был какой-то толчок, какое-то усилие извне, чтобы вывести из оцепенения томящее состояние ее сердца. Понять этого никто не мог, а у самой не было сил к решению. Окружающие видели ее веселое лицо, постоянно живое и деятельное общение со всеми, и никто не думал, что она переживает кризис мук духовного рождения. Некоторые, может быть, и думали, но видя ее участие в декламациях, в пении и тесную дружбу с молодежью, просто не решались сказать ей о необходимости покаяния. Другие же, считая ее уже своею, стеснялись огорчить призывом к покаянию, а это плохо. Если бы Господь открыл служителям и членам церкви, родителям и самой христианской молодежи: как много таких девиц и юношей, которые по внешнему виду, не отличаясь в поведении от обращенной молодежи, а оставаясь в муках рождения, к сожалению, вдруг резко меняли свое отношение к Церкви и уходили в мир, а секрет один: никто не нанял их в виноградник Божий (Матф.20:7). Не будут ли они страшными обвинителями в день суда Божия для тех, кто подобно священнику и левиту, прошли мимо жертвы, израненной грехом, не оказавшись добрым самарянином для погибающего грешника! Еще хуже, когда мы, загораясь неразумной ревностью, побуждаем к вступлению в церковь, к принятию крещения наших сыновей и дочерей, и близких друзей, не убедившись в их покаянии и рождении свыше, и многих, тем самым, делаем духовными уродами, лишенными Царствия Небесного и вечного спасения. В лучшем случае, очень редкие из них, уже к закату дней обнаруживают эту страшную ошибку и, раскаиваясь, рождаются духовно, а другие умирают членами общины, крещенными, но никогда не испытавшими радости спасения, т. к. они не были наставлены на начатках учения Господня, не были обращены и рождены свыше.

Но слава Богу, с Наташей не получилось так. Светлый праздник Воскресения Христова - Пасха, весною 1936 года, - был в ее жизни тем драгоценным днем, когда она победила в себе муки духовного оцепенения. С раннего утра окружающая природа и утреннее пасхальное собрание дышали благословенной радостью. Собрание было переполнено. Казалось: каждый пропетый гимн, каждое рассказанное стихотворение, произнесенная проповедь - дышали небесной прелестью и будили сердце к новой воскресной жизни. Слезы умиления сверкали на многих глазах, изумрудными каплями катились они и из глаз Наташи. Последняя проповедь Юрия Петровича Чекмарева своим призывом завершила чашу благословения тем, что во время ее, началось громкое раскаяние.

Сердце Наташи напряглось до крайнего предела, какая-то сила подхватила ее и подняла.

- Наташенька! Когда же ты отдашь свое сердце Иисусу, когда могильная плита рухнет, и радость воскресения озарит душу? Пришло и твое время. Покайся!

Открыв залитые слезами глаза, она увидела перед собою ласковое лицо Дины, приехавшей недавно из Ленинграда; затем новый поток слез затуманил все перед нею: духовному взору представился Сам воскресший Христос, и уже как будто не Дина, а именно Он, Сам лично обращался к ней: "Наташенька, когда же ты..?" Ноги подкосились, в голове что-то дрогнуло и прорвалось с криком:

- Господи! Спаситель мой, прости меня - грешницу, я.., - и все утонуло в потоке раскаяния. Рыдания потрясали душу, а тихий, необъяснимый покой стал тут же овладевать всем существом Наташи. Она не

почувствовала, когда и как закончила молитву; только придя в себя, увидела, что все стоят на ногах - и не ее прежние друзья, а какие-то ангелы, и с улыбкою радости смотрят на нее. Еще не успокоилась грудь от рыданий, а та же девушка Дина, обнимая Наташу, что-то сказала окружающим, и все утонуло в пении торжественного гимна:

Радостную песнь воспойте в небесах!
Найдена пропавшая овца;
Странник удаленный, мертвый во грехах,
Жив теперь в обители Отца.
Слава! Слава, пойте небеса!
Вторьте все земные голоса! ...

Наташа была не на земле, нет-нет! А именно на небесах, окруженная ангелами.

После пения все утонуло в восторженных приветственных объятиях. Дина, ее подружка Аня К. и остальные девушки сердечно поздравляли ее с радостью покаяния. После них, вытирая глаза, крепко пожал ей руку Женя, Юрий Петрович и другие.

Собрание кончилось далеко за полдень, но Наташа была вне времени и пространства. В таком блаженнейшем состоянии вышла она под руки с подружками на улицу; необыкновенно, по-весеннему сияло солнце, и природа дышала ароматами расцветающих садов.

- Неужели так будет всегда? - пронеслось в голове у Наташи. - Почему я раньше не могла отдать сердце Иисусу? Какое блаженство! - Ей даже было немного обидно, почему не радуются с ней так мама и папа, когда им сообщили о покаянии Наташи. Хотя Гавриил Федорович и Екатерина Тимофеевна были, конечно, очень рады.

* * *

Весь 1936 год проходил в безоблачной радости. Круг христианской молодежи умножался и возрастал духовно, много рассеянных христиан, услышав о пробуждении, примыкали к молодежи, и вскоре молодежные общения превратились в обычные богослужения.

Дерзая в служении пред Господом, молодежь решила собрать более обширное собрание, а для этого места не находилось уже ни в каких домах, поэтому и наметили собрание провести под открытым небом: горячо молились, чтобы Бог благословил это намерение и сохранил от опасностей.

Перед этим Женя встретился с Мишей, обсудили тщательно все организационные детали, но о своем участии брат Миша выразил некоторое смущение. Ведь на нем лежала как бы двойная ответственность за свое участие. Кроме общей опасности, ему еще грозило определение срока заключения в лагере, так как начальству уже доносились слухи о его деятельности. Женя посмотрел ему в глаза и, положив руку на плечо, ободрил:

- Не бойся, брат! Бог сохранит нас, вот убедишься; кроме того расставлены кругом наши посты, все проверено. Пойдем!

И они пошли. Господь поистине был с ними - собрание прошло благословенно, в полном благополучии и сохранности, были и обращения новых душ к Господу.

Брат Баратов, имея душу благовестника и радуясь о пробуждении молодежи, болел о всей Церкви, которая была в то время разрознена, поэтому по его инициативе усердно стали посещать собрания и прочие верующие.

Приближался конец года. В один из вечеров, в самом начале ноября месяца, у Жениного дядюшки с тетей собрался самый узкий круг друзей: Баратов А. И., Седых И. П., Кабаевы - Гавриил Федорович и Екатерина Тимофеевна, Женя и некоторые другие.

В самом начале была совершена Вечеря Господня, затем много высказано назиданий, пожеланий. Характер вечера определился так, как будто кого-то отправляли в далекий и ответственный путь. В этот вечер были все наполнены наслаждением любви. Когда время подошло к полуночи, брат Баратов особенно торжественно запел:

Радость, радость непрестанно,
Будем радостны всегда.

Луч отрады, Богом данный,
Не погаснет никогда...

Дружно подхватили это пение присутствующие и закончили со слезами радости на глазах. Какой-то особый восторг восхитил сердца присутствующих и как бы переместил к самому престолу Бога и Агнца.

Все предчувствовали надвигающиеся страдания, но никто не решался высказать это вслух. Наконец, возвысив голос, Женя промолвил:

- Друзья! Не будем скрывать, все мы чувствуем приближение страданий, так что же? Они ведь определены для нас Самим Богом. Страдать - так страдать, только, чтобы было за что!

И юное наследие Христа бодро, уверенно пошло навстречу огненным стихиям, следуя за своим Учителем.

Окрыленная благословениями последних дней, молодежь решила в ноябрьские праздники (с 7 по 8 ноября) организовать обширное общение христианской молодежи; только намеченных к участию было до 75 человек. Для этого общения было избрано место в доме Ковтун: в живописном предместий, отделенном от города большими огородами, урюковыми рощами, среди полей, засеянных хлопчатником. Огромное хозяйственное поместье было иллюминировано разноцветными огнями, двор тщательно убран, выметен и полит. По стенам, пестрым нарядом, под самым потолком были развешаны полотна с текстами Священного Писания. Сестры-девицы - хозяйственницы, все расставили по местам; предусмотрены были и меры безопасности от гонителей. На праздник был приглашен брат Баратов А. И.

Наконец, назначенный день и час подошел. Все места были быстро заполнены званными. Имеющие поручения, заняли свои посты; зажглись цветастые огни иллюминаций, и все притихли в ожидании брата Баратова и Жени. Легкий шелест шепота проходил по рядам, смешиваясь с порывами ветра в ветвях деревьев и редким плесканием, пробегающего рядом арыка.

Наконец, в дверях показался Женя. От лица его веяло грустью. Из-за спины выглядывали озабоченные друзья. Все насторожились, глядя на него. Женя неторопливо прошел к столу, на минуту склонил голову вниз и, окинув всех присутствующих влажными глазами, дрожащим от волнения голосом проговорил:

- Друзья! Мы лишились дорогого, любимого друга и брата, неутомимого, самоотверженного борца за истину Божью, друга христианской молодежи - брата Александра Ивановича Баратова. В ночь с 5 на 6 ноября он арестован органами НКВД, принесем его в наших молитвах к Господу.

Многоголосый вопль вырвался из юных сердец, и все утонуло в молитвенном рыдании к Господу, а над склоненными юными головами, во свете яркой иллюминации, горели слова:

"Будь тверд и мужествен, не страшись и не ужасайся; ибо с тобою Господь, Бог твой, везде, куда ни пойдешь" (Нав.1:9).

Здесь, в пламенной молитве, юноши и девицы просили Господа, чтобы Он сохранил брата-страдальца остаться верным Ему до смерти. Здесь же умоляли Господа, чтобы Он, из среды склонившихся, воздвиг должную замену, способную встать на место ушедшего брата и посвятить себя на служение Господу.

Так началось это памятное общение, в котором вместе с разноцветной иллюминацией, светились огнем любви Господней юные сердца.

- Друзья мои! - начал после молитвы Женя, - не исключена возможность, что противники набросятся в этот вечер на нас, здесь, что будем делать?

Монолитной стеной собравшиеся встали и, в ответ на вопрос брата, единогласно воскликнули:

- Будем продолжать!

В строгом, святом благоговении начался и прошел этот вечер, в полном благополучии, под могущественной охраной Господа.

Ранним утром лучи восходящего солнца озарили строгие, благоговейные лица, склонившихся в молитве юношей и девиц.

- Жив Господь, и жива душа наша! - воскликнули они, встречая утренний рассвет нового дня.

* * *

С особой яростью обрушились гонители на молодежь, слежка усилилась небывало, агенты НКВД гонялись, как говорят, прямо по пятам. А жить хотелось, хотелось гореть и не угасать.

Эти дни Женя особенно сблизился с домом Кабаевых. Начавшиеся преследования не устрашили христианскую молодежь, но, напротив, сплотили между собою еще теснее; и она, хотя и отдельными группами, но продолжала общаться.

Так, в светлый день Рождества Христова, небольшая группа молодежи при участии Миши, Жени, одного юноши из немцев и других, собрались в пустующей лютеранской кирхе и с восторженным сердцем прославили там Рожденного Христа молитвами и громким пением. Вскоре друзей известили, что на улице появляются подозрительные лица. Разошлись спокойно и беспрепятственно, так как предупреждения оказались правильными. Однако, почти все они были подвержены беспрерывной слежке.

Мишу Шпака лагерное начальство, вдруг (ни с того, ни с сего) немедленно этапировало в лагерь, расположенный в городе Андижане; и он оказался под наблюдением особо коварного начальника. Но наш Господь велик и всемогущ -Миша и оттуда получал частые командировки в Ташкент, во время которых он продолжал иметь дорогое общение с верующими.

Так начался Новый 1937 год, который ознаменовался годом небывалых страданий, а для многих - кровавым, огненным крещением в смерть.

С начала 1937 года между верующими участились слухи о хлопотах к открытию молитвенного дома: кто-то, якобы, ходил к властям, и будто уже дано согласие на это. Оставалось найти само помещение. Постоянное перемещение богослужений стало все более затруднительным, потому что для многолюдных собраний, не так-то много находилось помещений. Поэтому все стали говорить о приобретении постоянного дома молитвы. Нашлась и семья богобоязненных, простых, но преданных Господу, мужа с женою, которые согласились оказать приют Церкви.

Брат Иванов и его спутница жили в отдаленном поселке от города, в селе Куйлюк. Не будучи одаренным проповедником, он с женою оказал гостеприимное радушие верующим.

Удивило многих и расположение властей к просьбе верующих, поданной через братьев. И, хотя официального документа на открытие молитвенного дома не выдали, но после некоторого совещания между собою, устно разрешили совершать богослужения в указанном доме. Братья настороженно приняли такое разрешение, решив воспользоваться и этим, сколько позволит Господь.

Несмотря на отдаленность, собрание было очень многолюдным. Многие, приняв это - как официальное открытие молитвенного дома и организацию общины, спешили присоединиться к Церкви. Вскоре был выбран пресвитером общины, всем известный брат, Трифон Петрович Румянцев; а после этого, ко всеобщему восторгу, было объявлено и крещение вновь обращенных. В числе, представленных к крещению, была и Наташа, ее подруга Аня Ковтун, юноша Яша Недостоев и другие. Крещение было назначено вблизи от дома молитвы, в ледяных водах реки Чир-Чика.

После долгих лет скитаний и разрозненной жизни, вследствие гонений, конца 20-х годов, многие впервые собрались на этот торжественный праздник, вновь ожившей Ташкентской общины. Казалось, ликованию не было границ. Могучим, многоголосым пением огласились берега каменистой бурливой реки, растекшейся на многие рукава, на 5-6 километровой поймы. Может быть, за всю свою историю она не видела у себя столько необычайных посетителей, не слышала такого пения, и своими ледяными волнами впервые омывала тех, кто заключил с Господом вечный новый завет, обещая следовать за Ним, куда бы Он ни повел. Оставляя ее берега, вскоре, некоторые, своими страданиями, открыли новую страницу лютых гонений за Имя Иисуса.

Немного порадовались христиане дорогой, желанной свободе, при которой воспрянули духом и старцы, и дети. Открытый дом у брата Иванова оказался просто ловушкой. Не больше, как через полтора-два месяца, лучшие из юношей-христиан вместе со своими отцами пошли на многолетние страдания за Слово Божие, а некоторые и на смерть.

Община была разгромлена и "закрыта", дом конфискован, сам брат Иванов был осужден на 10-летнее страдание в концлагерях.

Гонения 1937 года были рассчитаны на полное истребление верующих. Многие христиане (каждый день и каждый час) ждали своей скорбной участи, услышав об аресте своих близких и любимых. Кабаевы только успевали принимать горестные вести о тех, кого, только вчера, обнимали с приветом. Арестован был Миша

Тихий с отцом, которого впервые Наташа увидела в кругу молодежи, когда он руководил общением. После этого прибежала Аня Ковтун, рассказывая в слезах, как взяли и увели ее брата с отцом. В этот же вечер сообщили еще большую скорбь: арестовали Яшу Недостоева, с которым вместе принимали крещение и, которого она, сказать по секрету, успела почему-то полюбить. Но тяжелее всего было известие, что утром следующего дня арестовали (уважаемого всем домом Кабаевых) - Женю Комарова. Его арестовали 1 апреля 1937 года. С ним вместе были арестованы: старец Дубинин, старый пресвитер Ташкентской церкви, старец Феофанов и другие.

* * *

Осиротевшая жена Иванова осталась без крова, и долго впоследствии скиталась по домам верующих с сумою; она едва набирала картошки и хлеба, чтобы чем-либо поддержать своего голодающего мужа-друга, находящегося за колючей проволокой. За эти 10 лет один только Бог знает, где она находила покой своей одинокой, воспаленной от скорби и болей, поседевшей голове, и отдых измученному, вовремя не обмытому, едва покрытому, часто голодному телу.

Желания ее были очень скромны: в слезных горячих молитвах к Богу она просила лишь о том, чтобы остаться до конца верной Господу и мужу, и если возможно, похоронить его своими руками. Десять лет от нее никто не слышал стонов и жалоб, хотя были случаи, когда после дневного скитания "по своим", она со слезами открывала свою сумочку, почти пустой.

Но Господь желания ее исполнил: по прошествии десяти лет, в 1947 году, она сама, хотя и с большими трудностями, привела своего мужа в убогую каморку. Как смогла обласкала, обмыла, переодела его, а через несколько дней после сего, действительно, с тихой слезной молитвой, у себя на руках, проводила его в вечные обители - он умер. "Иные замучены были, не принявши освобождения, - звучало в ее сердце, - я счастливее их", - утешалась она.

20 лет спустя, она, сгорбленная к земле, опираясь на "батожок", никогда не дерзала оставлять собрания, и пешком ходила на свой памятный Куйлюк, в числе других, чтобы молитвами послужить Богу в собрании. Когда двухтысячная масса верующих людей большого города, потрясаемая разделениями, блуждала в поисках более выгодных условий для служения Господу, ее, уповающее на Господа, сердце не ошиблось - она избрала гонимую церковь, которая впоследствии проводила ее в последний путь.

Господь освободил ее в последние годы жизни от бездомных скитаний: старицу приютила семья верующих, где она, стараясь быть не в тягость людям, своими руками добывала себе хлеб. Уверенной в спасении и своем Спасителе, она отошла в вечность, оставив самую светлую память о себе.

Глава 7.
В узах.

Хотя и тяжела была арестантская жизнь, да еще такого бездомного отшельника, как Михаил, но он совершенно не чувствовал себя одиноким.

Прежде всего, к величайшему своему восторгу, по приезде в лагерь, ему пришлось много потрудиться среди того погибшего ворья, с каким он ехал в этапе. Некоторые из них решили впоследствии "завязать", как они выражаются, и пожелали работать в мастерской, где Михаил был среди них инструктором. Другие были непримиримы к труду и администрации и, как говорят, "не вылазили из карцера", а когда их выпускали на короткое время, они днями просиживали в бараках, опьяненные анашой или чефиром (вываренный чай), играя в карты.

Михаил для всех был желанным и глубокоуважаемым. Как только он появлялся в зоне, так обязательно к нему кто-либо из "урок" подходил побеседовать, и он внимательно вслушивался в их грязные истории, давая беспристрастные добрые советы, поэтому все в зоне любили его. Изредка, в первые недели по прибытии, он встречался с "Бородой" и подолгу беседовал с ним о Господе и Его учении. Как в вагоне, так и здесь "Борода" был на положении "законника". Обложенный подушками, хорошо одетый, в своей неизменной правилке он постоянно сидел в кругу своих друзей. Беседы с Михаилом проводил охотно, всегда угощая его чаем и редкими пряностями. Знает один Бог, как чудно лучи истины Божией проникали в самые отдаленные уголки его мрачной

души, где на самом дне зачиналась какая-то новая жизнь. Подолгу он просиживал в раздумье, распустив своих друзей.

Как-то Михаил принес "Бороде" маленькое Евангелие, и он с большой жаждой читал его и был заметно рад, находя в нем подтверждение того, о чем рассказывал Шпак.

Однажды Михаилу сообщили, что в зоне готовят этап на штрафную, и "Борода" искал его попрощаться. Он бросил все и вбежал в барак в самый момент, когда надзиратель выводил "Бороду". На минуту они остановились в тамбуре:

- Ну, Миша, наши пути расходятся, меня угоняют на "штрафняк", а там, видно, дальше. Спасибо тебе, голубчик, - протянул он руку и, слегка опустив голову, добавил, - ты тронул мою душу... Михаил заметил, как единственная бровь его вздрогнула, и он, резко повернувшись, вышел из барака.

Как неисправимого рецидивиста, его увозили из лагеря в другие, более строгого режима, места, где он дни и ночи коротал под замком с подобными себе. При виде администрации "Борода" приходил в ярость, поэтому, если и вынуждены были с ним о чем-то говорить, то на руки ему одевали наручники.

Проводив его, Михаил не раз усердно молился о нем Богу.

К концу года Шпаку передали лист серой бумаги, а на нем карандашом было написано:

"Братец мой, Миша! Спешу порадовать тебя, потому что ты стал для меня первым и последним, единственным родным человеком. Твой Бог - стал моим Богом, и твой Спаситель - моим Спасителем. В моей угасающей груди загорелась небывалая радость. На днях я испытал, что значит, Отец Небесный обнимает блудного сына. Я умираю, дорогой мой, от чахотки, и пишу тебе из тюремной больницы, но умираю христианином. На обломке моей потерянной жизни - явилась новая, лучезарная, вечная. Спасибо тебе, за Его Слово, спасибо Богу нашему, что Он бросил тебя тогда в наш "кромешный ад" на колесах. На днях я обнимусь с моим братом-разбойником у нашего Христа. Подписываю тебе письмо не старым именем "Борода" - с ним я все покончил и навсегда. Тебе, единственному, я открываю свое имя, каким, обнимая меня, называла мать - Анатолий".

Прочитав, Михаил засунул письмо за пазуху и, рыдая от радости и благодарности Богу, повалился на покрытую золотыми листьями землю:

- Боже мой! Боже мой! Вот что значит: теряя жизнь для себя - находить ее в других. О, как велико это счастье, счастье потерянной жизни для себя, когда видишь нарождающуюся новую жизнь в других.

Вспоминая детали своих встреч с "Бородой", ему осталась памятной его ненависть к администрации и теперь, когда он, еще в расцвете сил, умирал от чахотки, это особенно тронуло Михаила.

Прогуливаясь по зоне лагеря, или на работе он нередко встречался с администрацией. Первое время относился он к ней почтительно, беззлобно, но после умершего Анатолия, Миша заметил, что стал стараться обходить их. Особенно, какое-то холодное чувство у него появилось при виде заместителя начальника среднеазиатских лагерей НКВД. Чрезмерно строгий вид его и суровое обращение с лагерным персоналом, напоминало Михаилу о враждебном отношении к ним Анатолия. Это чувство у Михаила стало расти все более и более, что он в молитве вынужден был просить у Бога:

- Господи, укрепи меня и пошли мне любовь к врагам моим, так как я чувствую, что она у меня иссякает.

К удивлению Михаила, в это время он (по своей работе) стал непосредственно сталкиваться с тем грозным, большим начальником. Между прочим, при личном обращении, Михаилу он показался не таким уж грозным, а скорее конкретным и даже, в некотором роде, справедливым.

Однажды к Шпаку, в один из свободных вечеров с испуганным лицом забежал дневальный из штаба и сказал:

- Шпак, тебя зачем-то срочно вызывает зам. начальника САЗЛАГа - полковник в кабинет.

У Михаила роем пронеслись мысли в голове: "Не донесли ли ему о моих беседах с ребятами в зоне, а, может быть, еще хуже, уж не доказал ли кто о моих общениях с юными друзьями в городе?" С этими мыслями он, помолившись, вошел в кабинет.

- Шпак, возьми инструмент по точной механике, пойдешь со мною за зону, - взглянув на Михаила, приказал ему полковник.

- Гражданин начальник, мой ящик стоит на вахте, и я готов идти в любую минуту, - ответил ему несколько смущенный юноша.

Выйдя за вахту, они сели в автомашину и через несколько минут остановились в городе перед воротами.

В глубине двора стоял, красиво отделанный, особняк.

В прихожей их встретила дама (лет около сорока) и приветливо пригласила в комнату.

Михаил, при виде богатой обстановки, растерялся и, топчась на месте, не знал, как себя вести.

- Ты что топчешься на месте? Раздевайся, проходи в комнату! - скомандовал ему полковник.

- Гражданин начальник, да ведь... - начал было Миша, смотря на свою телогрейку, да на лагерные буцы.

- А ну-ка, раздевайся! И брось это... - потянув Михаила за пуговицу, принудил его хозяин.

Шпак разделся и, как-то украдкой, ища куда ступить, прошел в комнату в сопровождении дамы.

Полковник остановился посреди зала и, обращаясь к Михаилу, заявил:

- Прежде всего я тебе здесь не "гражданин начальник", а ... (он назвал свое имя); и позволь мне, приказать тебе: чувствуй себя здесь как дома, совершенно свободно, познакомься с женой моей и садись.

Жена полковника просто, сердечно протянула руку юноше, назвала свое имя и тоже попросила не смущаться.

Юноша осторожно пожал ей руку и ответил:

- Спасибо, но вы меня извините, вы же знаете мое положение, зовут меня Михаил Шпак.

- Миша, - усаживаясь в кресло, обратился к нему полковник, я знаю всю твою подноготную, смерть матери и смерть отца, и твою жизнь. Ведь "дело" твое у нас, а в нем - и все подробности о тебе, да и лично, я знаю кое-чего. Здесь ты будь совершенно свободен, но знай, как себя вести за стенами моего дома! Понял? С этими словами начальник повернулся к столику и, сняв покрывало, завел патефон. По просторному залу разлилась чудесная мелодия:

Коль славен наш Господь в Сионе,
Не может изъяснить язык;
Велик Он в небесах на троне,
В былинках на земле велик...

Михаил недоумевающе глядел то на сосредоточенное лицо полковника, то на улыбающееся лицо хозяйки, которая с радостью ходила из кухни в зал, обставляя стол всякими яствами. Чудная мелодия гимна сменилась, не менее трогательным, пением:

Страшно бушует житейское море,
Сильные волны качают ладью...

После исполнения гимнов по залу, четко и громко, послышалась проповедь И.С. Проханова. По окончании проповеди полковник, видя, что на столе уже все расставлено, и жена сидела в ожидании команды, обратился к Михаилу:

- Молись и будем кушать!

Михаил в сердечной, горячей молитве благодарил Бога за это, совершенно неожиданное для него, чудо, за весь пройденный путь и, попросив благословения на пищу, закончил словом - Аминь.

- Аминь, - ответили ему муж и жена.

В разговоре Шпак не дерзнул просить - открыть ему тайну неожиданного поведения полковника с женою, а они, в свою очередь, умалчивали тоже. Но беседу Миши и его свидетельство о Господе они оба слушали очень внимательно. Уже к полночи, заканчивая, полковник спросил его об отношении к нему лагерной администрации. Михаил не жаловался ни на что. Единственное, о чем он упомянул, было то, что начальник лагеря беспричинно и вероломно отнял у него больше полгода зачетов.

- Хорошо, иди и не беспокойся, я все просмотрю и устрою, - ответил он Михаилу и, любезно попрощавшись, проводил его до ворот усадьбы.

При расставании полковник тихо сказал:

- Запрячьте вашу литературу.

Михаил немедленно поспешил передать всем своим друзьям, чтобы как можно тщательнее, припрятали христианскую литературу, так как ее было мало, и она была очень дорога. Предупреждение оказалось, действительно, своевременным, поскольку, вскоре после принятых мер, дома многих христиан были подвергнуты бесцеремонному и тщательному обыску. Те же, кто халатно отнесся к предупреждению, лишились Библий, "Гуслей", журналов "Баптист" и всего того, что напоминало о Боге. Страшным ураганом пронеслось это горе, но Бог оказал милость и утешал детей Своих в скорбях.

Одновременно с этим ухудшилось и положение Михаила в лагере. Вначале он заметил за собою усиленное наблюдение, а вскоре, к большой печали молодежи, его неожиданно, самым экстренным порядком, перевезли в другой город Узбекистана.

Разлука в первые дни скорбью раздирала души как самого Михаила так и его оставшихся друзей. Ташкент остался где-то далеко позади, до него надо было ехать больше двенадцати часов, и друзья, взаимно, решили молиться Богу, чтобы Он устроил жизнь Михаила на новом месте.

По прибытии на новое место, арестанты особенно расположились к нему, так как многие из них были раньше переброшены сюда, и привезли о Михаиле добрую славу; а после того, как он стал заниматься и работать среди них, они вообще полюбили его.

Но с другой стороны, Михаила возненавидел начальник цеха и стал сильно притеснять его. Причина этого ему так и не стала известна. Однако, неожиданно Михаилу открылась возможность частых поездок в Ташкент, в командировки.

И как раз тогда, когда друзья сильно горевали о разлуке с ним, вдруг - он вновь появляется среди них. Очень обрадованы были друзья, увидев в этом, великую и могучую десницу Божию.

Тем не менее, положение Михаила Шпака на новом месте резко и заметно ухудшилось. Начальник искал массу предлогов, чтобы отягчить его положение. При этом он не скупился на самые низкие и гнусные подлости, фальсифицируя работу Михаила, как диверсионную.

Но Господь был оправданием для брата, и ни в одном из обвинений, начальнику не удалось достичь своей цели. Это привело его к еще большей ярости, и он однажды открыто заявил Михаилу, что своей цели достигнет, имея в виду, что брату осталось до освобождения всего несколько месяцев.

Всякими подлогами и ложными уликами начальник добился того, что за подозрение во вредительстве, Михаилу Шпаку нужно было предстать перед открытым общественным товарищеским судом колонии. Михаил почувствовал в этом не менее, как смертельную угрозу. В молитве и посте обратился к Богу, и Господь утешил его во сне, что это злодеяние не осуществится.

Между прочим, сам начальник колонии вел самый гнусный образ жизни. Кроме разврата и абсолютной бездеятельности, он пьянствовал и, прямо на глазах у многих, воровал все, что было мало-мальски ценным в колонии.

За день до разбирательства, к Шпаку подошли некоторые из его воспитанников-преступников и осведомились у него, почему он такой удрученный (и надо отдать должное, Михаил уже, действительно, не рассчитывал на избавление). Услышав о создавшемся положении у их глубокоуважаемого инструктора, которого все они, не скрывая, почитали, и, узнав о подлом намерении начальника, все колонисты решили прийти в клуб и встать на защиту, любимого ими человека.

Пришел назначенный день и час, колонистский зал был полон заключенными. Начальник, увидев такое множество людей, заранее предвкушал итог своего гнусного предприятия. Открыв заседание, он приступил к обвинению Михаила Шпака, предъявив много таких ложных фактов, за которые, по его словам, действительно, человек заслуживал самого сурового приговора.

После окончания выступления, перешли к обсуждению: с мест стали подниматься один за другим колонисты, разоблачая ложные обвинения в адрес Шпака, приводя примеры добросовестного отношения Михаила и, наконец, прямо в глаза начальнику, высказывали о его гнусных, и даже преступных, делах.

Услышав такой поток обвинений, он попытался остановить высказывания, но этого сделать было невозможно. Колонисты высказывали открытое негодование, и атмосфера настолько накалилась, что неизвестно, чем бы все это кончилось, если бы сам Михаил, поднявшись, не попросил слова.

Через минуту в зале водворилась тишина. Михаил спокойно и последовательно стал разоблачать клеветнические доводы своего обвинителя и, заканчивая речь, полностью раскрыл всю подлую затею

начальника. Не успел он сесть на место, как все присутствующие в зале, подняли оглушительный крик, требуя расправы над клеветником. Некоторые, подойдя к нему, заявили во всеуслышание:

- Если только мы увидим, что Шпаку будет угрожать опасность, то всю колонию подожгем и пустим по ветру, - а начальника заверили, что сегодня же "голову снимут с его плеч".

Бледному, как полотно, ему еле удалось выскочить в запасную дверь и скрыться от разбушевавшейся людской стихии.

Михаил опять водворил тишину и объяснил:

- Хлопцы! Я благодарю вас за справедливую поддержку, за вашу такую решительность и смелость, но вы не дело делаете. Я вас прошу немедленно успокоиться, выбросить из головы ваше решение. Ведь вы этим погубите и себя, и меня, а клеветник отделается, может, только выговором да переводом в другое место. Будьте уверены, ход нашего совещания дойдет, завтра же, до высшего начальства, и здесь начнется действительное расследование. Поэтому, спокойно разойдитесь по баракам. Я заверяю вас, что мне ничего не угрожает, а клеветник сейчас ищет, куда ему скрыться.

Так, действительно, и получилось. На следующий день начальник встретился с Михаилом в одном уголке колонии, с совершенно растерянным видом, прося у него извинения за то, что обвинял его, якобы, по непроверенным сведениям. Но остановить дело уже было нельзя. На второй или третий день приехало начальство из управления и подвергли все тщательной проверке. Начальник с поникшей головой ходил по колонии, ожидая своей участи.

Майским утром, Михаил прогуливался по озелененным дорожкам колонии и вдыхал свежий аромат бурно расцветающей природы. Он еще не пришел в себя от радости избавления. Некоторые колонисты, пробегая мимо него, с видом гордого торжества, подбадривали его и радовались сами, что сумели защитить своего друга, так он был им близок.

- Ш-п-а-к! - раздался сильный голос со стороны штаба колонии. - Зайди сюда!

Михаил, озабоченный, зашел в кабинет начальника спецчасти и, услышав приглашение, сел на стул:

- Михаил Терентьевич Шпак, 1911 года рождения! Вам пришло восстановление незаконно отнятых зачетов, более чем за полгода. При учете их, срок лишения свободы у вас истекает сегодняшним днем. Распишитесь за объявление. Идите, собирайте свои вещи, и после обеда получайте полный расчет и документы. Вы освобождаетесь! Поняли?..

Что он ответил ему - он не помнил, не помнил и как вышел из кабинета; и пришел в себя только тогда, когда один из колонистов спросил, зачем его вызывали, не хотят ли они опять угробить его? Но Михаил успокоил его. И через полчаса, не более, вся колония узнала о его освобождении. Здесь он только вспомнил обещание полковника и, войдя в свой уединенный уголок, с благодарственной молитвой, упал на колени пред Господом.

В мае 1937 года Михаил, к великой радости своих друзей, по освобождении из лагеря прибыл в город Ташкент на постоянное жительство.

Глава 8.
Падения.

Прошедшие аресты с начала 1937 года, принесли тяжелые страдания Телу Иисуса Христа - Его Церкви. По своей жестокости и обширности, эти гонения превзошли все ранее пережитые. Братство баптистов России еще не переживало, чего-либо подобного, за всю историю. Многие семьи остались без мужей и отцов; а в некоторых городах арестовывались сразу отцы с сыновьями, или еще страшнее - от семьи забирали сразу отца и мать, а сироты, в лучшем случае, оставались на руках дряхлых старичков, в худшем - разбирались по людям, или сдавались в приюты.

Ташкентская община, после таких арестов, оказалась парализованной. Ведь были арестованы среди многих других братьев: уважаемый пресвитер общины, брат Феофанов и любимец молодежи Комаров Женя. Но несмотря на это жизнь в общине продолжалась, и осиротевшая молодежь, хотя и приуныла, но сохранила в себе живой огонь Божией любви. Общения молодежи проходили в глубочайшей тайне, а про общие собрания не было и речи - их не было. Преследования верующих настолько увеличились, что к некоторым из христиан было потеряно доверие, и их остерегались наравне с работниками НКВД.

Часто, встречаясь друг с другом, в трамвае или других местах, верующие не знали, радоваться этой встрече или нет, поскольку не знали настоящего "содержания" члена церкви или, боясь, привести за собою "хвоста" - работника НКВД. Из-за конспирации, часто, разрозненные члены церкви добирались на места общений разными путями, не зная, что едут в одно место. А сердце горело и, несмотря на угрозы, влекло к сладкому, дорогому духовному общению.

Противники либо мешали тому, чтобы собраться верующим, либо, не обнаружив место общения, после собрания выслеживали их и прилагали все усилия, чтобы определить их место жительства, и установить слежку.

Многие семьи верующих, где был кто-то арестован, оказались в крайней нужде, а организовать помощь сразу было очень трудно из-за преследования. А самое главное, что у большинства верующих, был подавлен дух самопожертвования в помощь своим братьям. Страх, как мороз, овладевал душами, леденя их сердца.

В это время Михаил Шпак оказался среди друзей. Его появление и служение было, как чаша холодной воды жаждущим душам.

Работать он устроился в одной из организаций города и, не желая обременять кого-либо из своих, и без того уже стесненных, ночевал прямо в мастерской, а главное, он этим избавился от слежки работников НКВД.

Бывали случаи, когда приходилось убегать от преследователей, выпрыгивая на ходу из транспорта, или после отчаянной погони, длившейся до утра, скрываться где придется; а утром надо было быть на работе, чтобы заработать себе насущное пропитание. Вечером опять надо было искать "черные" выходы, чтобы побывать где-то на общении и ободрить христиан. Иногда противники заставали прямо на квартире, и лишь только чудом Божьим приходилось укрываться от них, прячась, тут же на глазах, в кукурузных грядках. А сердце горело, и влекло от подвига к подвигу.

Материальное положение было крайне бедственным. Спать Михаилу приходилось на своем рабочем топчане, и все его богатство заключалось в телогрейке, в какой он вышел из заключения. Заработанных денег едва хватало на скудное питание, которое часто ограничивалось хлебом и солью, да кружкой студеной воды из водопровода. Большинство ночей приходилось не досыпать, негде помыться, не во что переодеться, и негде преклонить голову. Таков был первый год его жизни после освобождения. Физические силы стали истощаться, что сильно отразилось на его здоровье. Бывали случаи, когда днями Миша одиноко отсиживался на своем досчатом топчане, в болезни, а посетить его было некому, да и пройти к нему нельзя, т. к. жил он в охраняемой рабочей зоне.

К 1938 году здоровье его сильно пошатнулось, но самоотверженного служения среди христианской молодежи он не оставлял, часто посещая верующих по домам. Никто не знал, в каких условиях проходила его личная жизнь, если только можно было назвать ее, личной.

В то время он близко подружился с семьей Кабаевых и нередко находил себе утешение в их доме. По влечению Духа Святого, они объединились в тесный молитвенный кружок, куда входили: сам Миша, Гавриил Федорович и Екатерина Тимофеевна Кабаевы, Наташа и ее близкие подруги: Аня Ковтун и молодая жена Жени - Лида, проводившая его в узы.

Гавриилу Федоровичу всегда давалось там предпочтение, что он ценил, и старался оправдать доверие и оказанное уважение. Свой молитвенный кружок они посещали с усердием и постоянством, особенно Наташа. Будучи молодым членом церкви, она была рада видеть друзей в своем доме и считала за высокую честь - дружить с Мишей и Лидой - женой Жени Комарова. Она часто сопровождала Мишу на общения. Однажды, подойдя к дому верующего юноши, вместо его самого, им открыла калитку мать. Лицо ее выражало глубокую скорбь, с пришедшими она обошлась нарочито сухо и, открыв калитку, громко объявила им что-то, совсем не относящееся к их взаимным интересам, хотя была особенно любящей сестрой, и в них, конечно, узнала своих друзей. Обратной стороной ладони она придерживала повязку на голове, а на ладони ее руки Наташа прочитала слова, написанные чернильным карандашом: "У нас НКВД". Тут только друзья заметили, как на крыльце, прячась за дверью, действительно, стоял человек. Увидев его, Миша с Наташей поторопились уйти. Отойдя от дома, Михаил заметил:

- Как велика любовь Божия у этой христианки в эти минуты, когда пришли оторвать от ее сердца любящее дитя, она не только не растерялась, но и побеспокоилась о безопасности своих друзей.

* * *

- Миша! Я хочу поговорить с тобою наедине, - взяв за рукав, остановила однажды Михаила Шпака Екатерина Тимофеевна. - Жалко мне смотреть на тебя: не обшитый ты, не обстиранный, сыт ли ты, или еще крошки во рту с утра не было, никто тебя не видит, а нужен ты всем и для всех желанный. Не пора ли тебе подумать о женитьбе, душа моя вопит за тебя, жалко как сына и друга. Сестер-то в нашей церкви, погляди, как много, да одна краше другой. Присмотри любую, помолитесь, да и благослови Бог, хоть пристанище будешь иметь свое.

- Да, сестра Екатерина Тимофеевна, совершенно правильно - ответил ей Михаил, - все это так, но вот что смущает меня: время очень лютое, скорбью земля переполнена, а тем паче, у христиан. Я только вышел из тюрьмы, а она опять по пятам гоняется за мной. Вы же знаете, Господа я не оставлю, а значит и проповедовать не перестану; стало быть и о женитьбе, что думать, коли в любой час и минуту схватят и опять бросят в тюрьму.

А на девушек я смотрю так: все они такие милые, цветущие да нежные. Ну, возьми какую из них, а завтра нужда изомнет ее в комок да и выбросит на жизненную свалку, да помилуй Бог, и туда, за проволоку, попадет кто-нибудь. Сколько я их видел там, страшно и подумать, в кого превращается женщина в тюрьме.

- Миша, да что это ты говоришь? - остановила его Екатерина Тимофеевна. - Ты же проповедуешь другое, призываешь к самоотвержению всех, независимо от пола. Выбрось это из головы. Что ж, Господь дал сестрам красоту, ласку и нежность - для пустоцвета, что ли? Или для потехи и прихоти развратников, да самолюбования? Ты посмотри, как красавица Авигея оставила свои хоромы, да пошла скитаться с Давидом, сделавшись его женою. И в плен попадала, и по пещерам скиталась. С радостью она пошла с ним, чтобы создать уют и утешать Давида в его безотрадных скитаниях. И ради чего? Она верила и видела, - "что войны Господа ведет господин мой", а еще верила, что "...душа господина моего будет завязана в узле жизни у Господа, Бога твоего" (1Цар.25:28-31).

Чего другого должна желать христианка-девушка, как не того, чтобы всем, чем Господь наделил ее, внешне и внутренне - все отдать и всем служить другу своему, служителю Божию, ведущему войны Господни, если это тот, кого назначил ей Бог, в ее судьбе. А насчет хрупкости и нежности, ты не бойся, а скажи откровенно: в ужасах переносимых тобою, сколько великанов рухнуло, как соломинка? И не Господь ли, сохранил тебя от гибели там, где - не чета тебе - сотлели безвозвратно?

Да и я, нежной, хрупкой вступила в семейную жизнь, а сколько горя пришлось хлебнуть с кучей детей, когда мужа в плен взяли?! Да вот не раздавила жизнь, а с Божьей помощью, все перенесла.

Миша, для Бога ведь все равно, кого укреплять: великана или хрупкую женщину. Вот Асса воззвал к Господу и сказал: "Господи, не в твоей ли силе помочь сильному или бессильному?" (2Пар.14:11). Конечно, пусть избавит тебя Господь от какой-либо модницы, у которой одно на уме: пожить в свое удовольствие - легко, красиво, пышно, и без горя. От таких беги подальше, как бы умны и хороши они не были. Да и так скажу, что только один Бог, может избавить от такой женщины; они в мире есть, есть и среди христиан, и спрятаны как сеть в траве, а впадает в эту сеть какой-нибудь неразумный юноша или, кто кривит душой пред Богом. Вот, давай, мы помолимся, и Господь пошлет тебе подругу жизни, только уж доверься Ему всецело, сам не мудри, - они преклонили колени и горячо помолились Богу о судьбе Михаила.

После этой беседы сердце юноши, конечно, стронулось. До этого ему казалось, что в брачном вопросе нет особой сложности, да и не раз давал советы другим, а как самому пришлось, вплотную, подойти к этому, то и растерялся. Как поглядел Миша на сестер, да увидел: все они хороши, все вроде ревностны, друг от друга не отстают. Да и приглядывался к некоторым, а как подойти - робость берет. Ну, а уж уединяться с какой-то сестрой, и проводить специально время, заключил он, ему, как проповеднику, совсем не подобает; а душа коль тронулась - не остановится.

Наконец, к одной сестре он почувствовал особое расположение, ее звали Татьяной. По характеру своему кроткая, молчаливая, приятная внешностью, исполнительная. Правда, грамоты большой не имела, ютилась с родными в тесной избенке, но любила пение и Слово Божие. В один из свободных майских дней, Михаил с молодежью собрались прославить Бога в степи, среди цветов, была там и Татьяна. Во время перерыва, в разговоре с ней, Михаил спросил ее, как она смотрит на союз с братом? Та ответила ему как-то просто:

- Да, знаете, брат, когда нареченный Богом подойдет, то там и смотреть будет нечего, Сам Бог все усмотрит и даст свидетельство в сердце.

Миша удивился такой простой вере в молчаливой девушке, но объявить себя этим нареченным, его что-то удержало. Видно суждено Господом было, в этом вопросе ему иметь серьезное искушение.

Вскоре после этого разговора с Таней, состоялось очень радостное молодежное общение, которое прошло спокойно, и в котором Миша обратил внимание на одну сестру - Дину.

Дина очень вдохновенно и выразительно рассказала стихотворение и, сев за пианино, с группой друзей, красиво пропела христианский гимн. Вечером, по дороге, Миша разговорился с ней подробнее, и выпало ему как раз, в числе других девушек, проводить ее домой. Время было еще не совсем позднее, и Дина вместе с мамой, которая вышла открыть калитку, пригласили Михаила в дом.

Первый раз он оказался в доме сестры Дины, В большом, просторном доме она жила одна с мамой. Из беседы ему стало известно, что семья Дины не так давно переехала из большого города. Родные были люди зажиточные, имели в том городе свое доходное занятие, но жизненный шквал вырвал их из насиженного гнезда и перебросил в далекую Азию.

Здесь отец Дины умер, оставив им некоторое состояние, и теперь они с матерью остались вдвоем. Мать Дины была по-своему религиозная, могла хорошо держать семью в руках, но дочери не запрещала ходить в собрание баптистов,

Пышная внешность Дины, рассудительность в беседе, грамотность, любовь к музыке и тактичность в поведении заметно привлекли внимание Миши.

Беседа у них задержалась до позднего часа, и Михаил поторопился на квартиру.

Вопрос женитьбы у Михаила встал в самой конкретной форме; приближалось лето, и его обитание в мастерской стало просто нестерпимо. Но сердце его очень серьезно раздвоилось, теперь уже между сестрами Таней и Диной. С такой больной душой он пришел однажды к Кабаевым и рассказал свой секрет Екатерине Тимофеевне.

- Ой, Миша! Как бы ты не начал мудрить да не нажил бы себе беды. Запутаешься, брат, и от горя намаешься, - заметила ему старушка.

В этот вечер он решил, что надо идти делать предложение, но кому?

В посте и молитве он провел весь день, но тяжелое раздумье томило его душу. Сердце раздваивалось, и он долго, с поникшей головой, молча сидел у Кабаевых. Потом зашел за занавеску и в молитве к Богу, со смущенным сердцем, дал себе такой зарок:

- Вот, приду на трамвайную остановку и, если первым подойдет третий номер - поеду к Татьяне, а если второй номер - поеду к Дине.

С этим решением Михаил попрощался и вышел за калитку. Прошел два-три шага, и в его сердце как будто что-то оборвалось, из-за угла выехал трамвай и по форме его он догадался, что это третий номер. Где-то в тайнике души промелькнула обстановка у Дины, ее пышный вид, пальцы бегающие по клавишам пианино... И он вначале было рванулся, чтобы согласно зароку, добежать на "тройку" и ехать к Татьяне, но преимущества Дины понудили его переменить решение.

Медленно он брел по тротуару, пропуская бегущих на трамвай, рассчитывая, что тот сейчас тронется. Однако, трамвай с третьим номером предательски не двигался и дождался, пока он тихим ходом подошел к нему. Через минуту, медленно, не закрывая дверей, он проехал мимо Михаила.

Прошло после этого еще несколько трамваев, но "двойки", как он рассчитывал, не было. Сердце у Михаила сильно взволновалось от загадочной задержки, но потом вдруг замерло, и голова медленно опустилась на грудь, как у человека в чем-то провинившегося. Не торопясь, мимо него прошел опять третий номер и, дрогнув, остановился.

Михаил отошел немного назад, уступая дорогу проходящим людям, и стоял, как вкопанный. Подгоняя "тройку", второй номер, сигналя, просил для себя место на остановке. Юноша, с глубоким вздохом, вошел в него и сел на сиденье.

Сильные мысли, как набат о бедствии, раздирали душу: "Это ты, кто так строг был все годы к себе и к своим близким, в таком решительном и ответственном деле, по-мальчишечьи, легкомысленно разыграл лотерею, да еще и нечестно? Это ты так решаешь жизненно важный вопрос? А где Бог твой?" Но Михаил чувствовал, что почва под ногами поколебалась, и он предался течению.

Вдруг вагон сильно вздрогнул, резко замедлив ход, наклонился на бок и с грохотом остановился почти поперек пути. "Сошел с рельс!" - раздалось в толпе, и люди через несколько минут, убедившись, что "здесь толку не будет", один за другим покинули трамвай. Проходя мимо, все с удивлением глядели на Михаила Шпака, а он, совершенно раздавленный своим поступком, сидел, не зная, что ему делать. Потом, как бы немного ободрившись, решил:

- Осталось последнее, теперь, я уже так или иначе, пойду любым путем к Дине и, придя, сразу сделаю ей предложение. Если она откажет мне или ответит неопределенностью, то я тут же попрощаюсь и поеду к Татьяне, ведь она мне ясно ответила: "Сам Бог все усмотрит и даст свидетельство."

А если Дина согласится?.. Нет, она не должна согласиться, ведь она такая серьезная сестра, рассудительная... нет, нет, - и облегченно вздохнув, Миша вскоре оказался у ее калитки.

Едва он ухватился за ручку, калитка открылась, и перед ним оказалась сама Дина.

- Мама! Мама! Посмотри, кто к нам пришел! - с торжеством воскликнула Дина и, не отнимая руки от приветствия, провела его в дом. В дверях она добавила: - А мы только что вспоминали и вас... - но тут она несколько смутилась, слегка покраснела и, склонив голову немного, тихо закончила - садитесь.

Не торопясь, вошла мама Дины и, поздоровавшись, села против Миши по другую сторону стола. Сбоку села Дина.

Решимость и уверенность в своих предложениях Михаила не покидали, и он тоном, каким всегда беседовал с людьми, непринужденно, глядя, то на Дину, то на ее маму, заявил:

- Сестра Дина и Мария Никифоровна, я пришел к вам по очень важному вопросу, поэтому встав, попросим благословения у Бога на нашу беседу.

После краткой молитвы Миша также открыто, посмотрев на старушку-мать, а затем на Дину, сказал:

- Мои дорогие, Мария Никифоровна и сестра Дина, моя скитальческая, одинокая жизнь сильно изнурила меня, поэтому я просил у Господа, чтобы Он определил мне подругу жизни, чтобы мы вместе с ней могли разделить жизненное поприще, и служить Ему. Вот я и пришел сюда сегодня, чтобы сделать вам, сестра Дина, предложение - разделить со мною жизнь в брачном союзе, а вы Мария Никифоровна, чтобы благословили нас на это.

Мать Дины долго, молча, смотрела в глаза Михаилу, потом перевела взгляд на дочь и ответила:

- Пусть решает она, ей жить!

Дина мельком взглянула на мать и, нагнув голову, долго-долго молчала. Водворившаяся тишина, привела к раздумью и Михаила. Прежняя уверенность в отказе Дины с каждой минутой исчезала, уста его сковало, и он молча ожидал, но не того, на что рассчитывал. Какой-то далекий, внутренний голос напомнил ему: "Не шути, юноша, жизнью не шути!"

- Ну, чего молчишь, решай, тебе жить! - обратилась мать к дочери.

Дина подняла голову и, посмотрев на Мишу, светящимися от счастья глазами, и опять наклонившись, тихо сказала:

- Я согласна!

В июне месяце 1938 года их, в узком кругу друзей, торжественно повенчали.

Молодая жена Михаила с первых дней окружала своего мужа большой заботой и вниманием. Неузнаваемо его преобразила внешне и благословила на служение, постоянно сопровождая его, даже в самых опасных местах. Друзья радостно поздравляли их, и особенно дом Кабаевых, только Екатерина Тимофеевна, как-то проницательно глядя ему в глаза, спросила:

- Миша, что-то я замечаю, что в твоих глазах неполная радость, пред Богом у тебя все в порядке?

Миша, хотя и неубедительно, но старался успокоить своего старого друга.

Женитьба Шпака не отразилась на его служении, он с прежней ревностью и самоотвержением продолжал труд благовестника и в такое время, когда дети Божий были совершенно разрознены. И как бы противники не ухищрялись в гонениях, у христиан накапливался опыт служения. В этих условиях, общения не прекращались.

Михаилу приходилось посещать не одну группу, и везде он был желанным, дорогим. Кажется, с каждым годом он обогащался мудростью от Господа: и в житейских вопросах, и в деле Божьем.

Постоянно он был окружен людьми: христиане с самыми разнообразными вопросами обращались к нему и получали исчерпывающие ответы. С радующимися он радовался, с плачущими - плакал. Проповедующие старцы

и оставшиеся служители, по-прежнему прятались в своих домах и появляться в общениях боялись. Но дело Божие не останавливалось.

* * *

К 1944 году противники христиан усилили свою работу и решили любой ценой проникнуть в христианскую среду. С этой целью участились случаи вербовки верующих органами НКВД.

Жертвою такой вербовки оказался муж Любы Кабаевой - Гордеев Федор.

Однажды, он не явился в обычное время с работы, и семья, в сильном волнении, прождала его до полуночи. Только после полуночи, он пришел измученный, угрюмый и неузнаваемый.

После настоятельных вопросов жены и Екатерины Тимофеевны, Федор в слезах признался, что его вызывали и увезли к себе сотрудники НКВД, долго настоятельно требовали от него, чтобы он доносил им все о жизни и служении христиан, как в общем, так и об отдельных личностях. Вначале, добивались путем заманчивых обещаний в улучшении материальной жизни, а когда это не помогло, перешли к методу угроз. Когда же и это им не удалось, тогда перевели его в какую-то комнату, откуда, как ему показалось, доносился плач его детей. Тогда один из сотрудников НКВД предупредил, что если он не даст подписку - доносить им о верующих, то он больше не увидит своих детей и, сказав это, он на долгое время оставил его одного.

Один Бог знает, какой ужас был в его душе, и он поколебался. Поэтому, когда его спросили еще раз после того, он согласился.

Но они на этом не остановились, а сейчас же потребовали дать им подписку, поэтому, если он не устоял в первом, то не смог устоять и во втором. И дал подписку.

Теперь совесть не дает ему покоя, что и жизни он не рад.

Федор, желая рассеяться от тяжкого осуждения, решил заняться больше хозяйственными делами, а на общения ходил очень редко, чтобы не быть предателем своих родных и друзей.

Но когда его вновь привезли на беседу, и он попытался отговориться тем, что не ходит на общения, сотрудник НКВД ударил по столу кулаком и закричал на него:

- Врешь! А братьям во Христе врать нельзя. Если уж ты Бога не побоялся, и дал нам подписку, так бойся меня, и смотри, служи честно. Зачем говоришь неправду? У Ковтунов был? Был. У Грубовых гостя встречали? Встречали. Да и сам ты проповедовал? Проповедовал. Ведь мы все знаем, Гордеев, вот твоя подписка. В Евангелии как написано? "Не говорите лжи друг другу", а ты что делаешь? Выходит, ты и Бога не боишься и от нас хочешь увильнуть. Гордеев! Ведь здесь не частная лавочка, а государственный аппарат, и нам ты должен отвечать только точно. Ты говоришь, что на общение не ходишь, а это почему? Ты обязан ходить, и обязан, как пред Богом твоим, так и пред нами, потому что ты и власти должен быть покорен. Иди! И смотри, если в следующий раз так поступишь - будет хуже только для тебя. Не забудь - пожалей своих детей.

Выходя, он на одно мгновение увидел, как в соседний кабинет завели знакомого верующего - тихого, скромного брата Щербакова.

Федор вышел на улицу, но ноги совсем отказались передвигаться и держать его. Еле дошел он до ближайшей скамейки. Упав на нее, зажал руками лицо, и рыданья потрясли все его тело. Страх от высказанных ему предупреждений, звучал еще в ушах, но страх перед Богом был сильнее этого. К тому же, он вспомнил, как видел в коридоре брата Щербакова и сразу заключил: "Так вот кто рассказал про общения у Грубовых. Неужели такой брат и оказался предателем? А я думал..."

Жаром, как из горящего горна, обдало лицо Федора и он, наклонившись к земле, долго горько и безутешно плакал.

- Федя, ты что здесь плачешь? На тебе лица нет! Что случилось? - проговорил над его головой брат Щербаков и, глядя ему в глаза, сел с ним рядом.

Видно было, что Федор был сильно потрясен и, вытерев лицо, с недоверием спросил у Щербакова:

- Ты, брат, идешь откуда-то как с праздника, или в гостях где побывал?

Открытое лицо Щербакова, действительно, выражало какую-то внутреннюю радость и сияло кроткой улыбкой. Светлыми очами он посмотрел на Федора и ответил:

- Да, Федя, ты угадал, был я, действительно, в гостях, но не у друзей, а у врагов народа Божия, вон там, в сером доме. На допрос вызывают, вот уже второй раз, да слава Богу, Господь дал силу победить и такой бой!

Прошлый раз все требовали от меня, чтобы я им предавал братьев верующих: где собираются, кто проповедует, особенно кто бывает из приезжих, кто руководит собраниями? Ну я им отказал наотрез, сказав, что я лучше свою жизнь отдам за братьев, чем их буду предавать в ваши руки. Они говорят: "Так ты же должен подчиняться власти по Евангелию!" "Э, нет, начальник, тут не путайте, - ответил я ему, - всякая власть установлена над чем-либо определенным и кем-то. Вот над порядками в стране, установлены вы - народом этой страны, а над Церковью Божией - вас никто не ставил властвовать, эта власть принадлежит только Христу, так как Он жизнь Свою за Нее положил и засвидетельствовал, что Ему дана всякая власть от Отца Небесного. Так вот, Ему мы, как верховной власти, и подчиняемся; поэтому братьев надо любить, а не предавать, грешников надо спасать, а не губить".

Ну вот, от меня они в прошлый раз ничего не добились, пригрозили и выгнали. А сегодня вызвали опять, да и опять про то же самое: "Кто был у Грубовых? Какой гость приезжал?" Спрашивали и про тебя. Спрашивали, кто руководит собраниями, у кого собираются? Про Мишу спрашивали - где работает, да какая семья? И вот, я им твердо заявил, что предавать братьев не могу и на их вопросы ничего не ответил.

Они меня предупредили в последний раз, если я не соглашусь предавать верующих, то пригрозили расправиться со мною. А мне Бог послал такую радость и мудрость в ответах, что я от них, как на крыльях вылетел. Вот спешу об этом друзьям рассказать, кого смогу увидеть.

Федор посмотрел на брата и в смущении сказал ему:

- Брат, прости меня, я подумал про тебя, что ты предаешь братьев, так как видел тебя там. А оказалось совсем другое, ты-то, вот, смотри, как смело им ответил, а я ведь... подписку дал - не устоял.

Щербаков еще посидел немного с Федором, наставил его на добром слове, ободрил Словом Божьим, и они расстались.

Через несколько дней Федор услышал, что Щербакова арестовали, и после этого о нем ничего более не было известно.

Душевные мучения у Федора дошли до крайнего предела и привели его в отчаяние. В молитве с домашними он просил у Бога:

- Господи, у меня совершенно нет сил противостоять страху, а предателем я жить не хочу. Помоги мне, и выведи меня из моего бедственного положения, любой ценой, какую Ты находишь наилучшею для меня. Будь милостив ко мне, прости меня и спаси.

На очередной вызов он не пошел, а на следующий день после того, несколько успокоенный, обнял деток своих, жену и поехал утром на работу...

Вечером, запыхавшись, Наташа прибежала с работы и прямо с порога объявила:

- Мама! Люба... мне только что передали девочки! Наш Федя раненый, при смерти лежит в городской больнице, в хирургическом отделении. Рассказали, что когда он ехал в трамвае, раздался случайный выстрел из оружия на дороге, пуля попала прямо по трамваю, в результате чего двоих ранило, их сейчас же увезли в больницу. Один умер на операционном столе, а Федор лежит в тяжелом состоянии.

В доме Кабаевых все всполошились и тут же, помолившись, поехали в больницу.

После операции он лежал в сознании, на слезы жены, родных и друзей отвечал со спокойной уверенностью в могущество Божие, и утешал других упованием на Него.

Во внутреннем человеке его произошла великая перемена, в своей судьбе он видел промысел Божий и смирился.

Федор страдал сильно от физической боли, но сдерживал себя. Родные попеременно дежурили у него, прилагая все усердие, чтобы облегчить его страдания.

Спустя несколько дней, у него появилось как бы облегчение в состоянии здоровья, и очень многие, при посещении, беседовали с ним. У всех он со слезами, в смирении просил прощения, многим говорил о своих искренних намерениях, по выздоровлении - пламенно служить Господу; но увы, для него эти посещения друзей были последними здесь, на земле. Каждая вспышка бодрости была милостью от Господа как для самого Федора так и для его друзей и родных. Ранним утром, на рассвете следующего дня, на руках Наташи, Федор тихо, с блаженным упованием на своего Господа, отошел в вечность.

Известие о смерти Гордеева Федора молниеносно разошлось по всем верующим, и у его гроба собрались даже те, кто годами не был в христианском общении. Тело его, приготовленное к погребению, без слов свидетельствовало окружающим о тех великих истинах, которые невозможно высказать словами.

Кто-то из близких Федора сказал:

- За всю свою жизнь он не сказал так много, как сказал своею смертью!

Все эти дни проходили многолюдные собрания. Исключительно благословенными были похороны Феди. Смерть его послужила великим толчком к пробуждению, как охладевших христиан, и в особенности детей верующих родителей, так и грешников из мира.

Христианское пробуждение с того времени началось неудержимой лавиной, и Сам Господь, очевидно, руководил этим.

Как и в прошлые времена, покаяние началось с молодежи, хотя посещали собрания и прочие верующие. Не было такого собрания, чтобы на нем не обратилось несколько душ к Господу, а проповедующих, по-прежнему, было мало.

Михаил и теперь самоотверженно, служил Господу среди верующих, но нужда в проповедниках так возросла, что он один уже не мог удовлетворять потребности в доме Божием.

На общениях начали проповедовать юноши и девицы, некоторые из пожилых сестер, и во всех случаях, Господь благословлял собрания покаяниями.

Глава 9.
Компромиссы.

Последние дни в поведении Михаила Шпака стали замечаться некоторые странности; на каждое собрание он опаздывал и первое время утомительное ожидание стало печалить друзей, и порой вводить в неловкое положение. Но Михаил не вразумлялся, и опоздания его с каждым разом делались более затяжными. Тогда молодые братья и сестры, из числа участвующих в служении, вынесли между собой такое решение: не ожидать больше Михаила, а в строго назначенное время, горячо помолившись Богу, начинать и, несмотря на неопытность, совершать служение.

К общему ликованию, Господь так благословил простые проповеди, декламации и пение молодежи, что покаяний не уменьшилось, а увеличилось.

Однажды Шпак пришел к середине собрания и, к своему изумлению увидел, как проповедь сестры-девушки была прервана бурным покаянием присутствующих, и молитвы покаяния длились так долго, что после них ничего не оставалось, как закончить приветственными поздравлениями и пением гимнов.

Михаил на сей раз остался пристыженным, что ему не нашлось места в служении.

Когда, напоенные благодатью Божьей, все разошлись с общения, друзья обратились к брату с такими словами:

- Миша, ты знаешь как мы любим тебя; как почитали и до сих пор почитаем за образец самоотверженного служения Господу. Но мы сильно встревожены твоими опозданиями, которые участились за последнее время, и с любовью хотим обличить тебя - не одних только нас ты огорчаешь этим, но и Господа. Может быть, ты думаешь, что ради тебя и через тебя, Господь изливает благословения в нашем городе и, если не будет тебя, то не будет и Божьих благословений? Друг наш дорогой, мы не отрицаем, что все мы - плоды твоих бессонных ночей. Мы венец твой, если не по покаянию и возрождению, то по воспитанию, но Бог из-за самомнения, может лишить тебя Своей благодати, а благословение Свое будет изливать через самых малых и немощных, свидетелем чего ты был сегодня. Поэтому откройся нам и, если это так, то мы вместе будем просить милости для тебя.

Брат Михаил глубоко задумался над этим. Высказанное обличение было правильно и своевременно, но как-то смущало, что высказала это все (от лица друзей) девушка, которой исполнилось всего только двадцать три года, которая с пятнадцати лет, как птенец, бегала вокруг него и с раскрытым ртом, всегда ловила каждое слово, исходящее из его уст. Но он это плотское чувство победил в себе, удивляясь, как в этих юных душах созревал внутренний их человек. Миша был уже готов ответить ей, но вместо него вступилась жена:

- Сестра, ведь ты не знаешь ничего, а спешишь с замечанием, не знаешь, почему мы опоздали. Мы заходили к больной сестре и там задержались.

- Дина, - поправила ее сестра в ответ, - ты старше меня и духовно, и по годам. Я готова извиниться перед братом за свою поспешность и необдуманность, но учитывая те негодования, какие возбуждаются среди друзей из-за Мишиного опоздания, я бы на твоем месте, постаралась мужа-служителя отпустить вовремя на собрание, а самой, можно было бы и задержаться с больной. Кроме того, ведь речь идет не о сегодняшнем опоздании, а о системе, которая появилась у нашего брата за последние 2-3 месяца.

Михаил, видя, что разговор принимает не совсем правильный оборот, резко вмешался:

- Дина, ты помолчи. Сестра заметила правильно мне и тебя поправила очень разумно!

Затем, обратившись ко всем, заявил:

- Дорогая сестра и друзья мои, хотя, действительно, я опаздывал часто по той причине, что задерживался где-то на посещении, но, однако, боюсь Бога и откроюсь вам, действительно это так, мысли и искушения были такие: меня ли благословляет Господь или Свое дело? Поэтому молитесь Господу, пусть он помилует меня.

Беседа закончилась трогательной молитвой, в которой юные друзья молились об охране Миши от всяких искушений и о прощении его, за его поступки. Молился и сам Михаил.

* * *

Пробуждение расширилось так, что по домам, в частных беседах, верующие начали говорить об общем объединенном собрании; к тому же, преследования, как-то заметно, стали утихать. Заметив это, Михаил Шпак с друзьями принялись усердно и поспешно проводить беседы с верующими об открытии молитвенного дома, на что многие охотно согласились, и даже стали предоставлять свои дома для собраний.

С каждым разом собрания стали все больше расширяться, так что в малых домах становилось уже тесно и не все помещались. Один за другим стали посещать собрания и служители, оставшиеся от арестов, пресвитера, диаконы и проповедники, которые из-за страха гонений, все эти годы сидели дома и нигде не появлялись.

Христиане, увидев многих, с кем несколько лет были разлучены, особенно старых проповедников, были по-детски, искренне рады. Михаил Шпак был так рад, увидев, что многие служители, даже неизвестные ему, стали посещать собрания и охотно принимать участие в служении. Дело в том, что некоторые из них, приехали издалека в Ташкент, убегая от преследований в тех местах, где они жили раньше. По прибытии же сюда, увидев, что и здесь арестовывают братьев, посчитали благоразумным сидеть тихо в своих домах и ожидать более свободного времени.

В это время, к весне 1944 года, в Ташкент приехал некто, Патковский Филипп Григорьевич. Отец его и сам он (в братстве баптистов) были известны как служители церкви по Сибири. В свое время братство их уважало, а о Филиппе Григорьевиче слышали, с прискорбием, что в числе страдальцев за веру евангельскую, и он был арестован со всеми братьями. Но как он оказался на воле, это было никому неизвестно.

По приезде, он без труда установил связь со служителями и, собравши их вместе, обратился к ним:

- Братья, сообщаю вам большую радость, какую послал нам Господь: после некоторых испытаний скорбями, правительство разрешило открывать собрания, которые были ранее закрыты. Только придется подать заявление властям и пройти регистрацию по установленной форме. Прежняя же регистрация, у кого была с 20-х годов - недействительна. Вот с этой радостью, я и приехал к вам, и собрал вас сюда для обсуждения. Давайте, теперь поблагодарим Господа за дарованную свободу и обсудим условия регистрации.

- Брат, а ты откуда? А кто тебя послал к нам? ...А что с союзом? - послышались с разных сторон, в беспорядке, вопросы.

- Братья, - возвысил голос старец Гавриил Федорович Кабаев, - дело очень серьезное, и надо подходить к нему спокойно, и беседовать в почтительности друг ко другу. Степенно будем задавать вопросы брату-гостю, а он нам будет отвечать. Ряд вопросов ему уже задали, послушаем ответ на них. Я только осмелюсь, со своей стороны, поправить немного нашего дорогого гостя.

- Брат, - обратился он к нему, - вы предлагаете нам помолиться и поблагодарить Бога за дарованную нам свободу, но мы пока свободы никакой не видим; вашего дела, какое вы нам предлагаете, мы не знаем, а молиться за это совещание, мы уже молились, так что будем продолжать.

- Отвечаю вам, братья, на ваши такие возбужденные вопросы, - продолжал Патковский. - Я из братьев-баптистов, как известно здесь некоторым из вас, был арестован вместе с нашими братьями, по милости Божьей,

освобожден и в Новосибирской церкви совершаю служение пресвитера. Отвечаю насчет союза. Союз - есть на сегодняшний день и находится в Москве, на Покровке, в Мало-Вузовском переулке. Работают в нем наши многоуважаемые братья: Орлов, Жидков, Карев и другие - вот, по их рекомендации, я и послан к вам, сюда... Ну, еще что вас интересует? - спросил гость братьев после некоторой паузы, но все сидели молча, посматривая друг на друга. Затем, из присутствующих поднялся один из старших пресвитеров, который в годы рассеяния тайно совершал служение среди молодежи, и ответил:

- Уважаемый Филипп Григорьевич, мы не верим той свободе, о которой ты говоришь, что ее послал нам Господь. Если бы ее, действительно, послал Господь, то Он не отламывал бы для нас крохи, как мы в узах делились крошками нищенской, голодной, арестантской пайки. Он бы со свободой возвратил и наших узников-братьев: Одинцова, Тимошенко, Иванова-Клышникова, Баратова, Куксенко и других. Он бы так же восстановил и закрытый наш союз, и журнал "Баптист", и не требовал бы от нас какой-то загадочной регистрации, о которой ты стесняешься нам говорить. Мы не верим, что эта свобода от Господа, она от тех, которые без вести отобрали наших дорогих братьев-сибиряков: Ананьина, Федора Пимоновича Куксенко и других, а освободили тебя с Каревым по своей милости, а не по милости Божьей. Поэтому, не верим и тебе, да и союза нашего никогда не было в Мало-Вузовском переулке, сколько я помню, там всегда была протестантская кирха (церковь).

- Братья, - обратился он к присутствующим, - нам тут, не о чем совещаться, помолимся и будем расходиться!

На этом все разошлись, оставив Патковского Ф. Г. в смущении.

Михаил задержался во дворе на несколько минут и незамеченный никем, наблюдал, как в тени дувала (глиняный забор) к Патковскому подбежала какая-то личность и, остановив его, елейным голосом, сожалея о провале, заметила ему:

- Поторопился ты, братец! Ведь ты пойми, что здесь собрались почти все из тех баптистов, которые боятся и устав баптистский нарушать и сидеть за него не больно захотели, все они разбежались со своих краев. К ним нужен другой подход - подождите немного.

Как Михаил не вспоминал, все же не мог вспомнить, чья это продажная душа таким голосочком владеет? "А ведь он был среди нас. Да вот, их не узнаешь сразу, но сохрани нас Господь от них", - подумал Шпак и зашагал домой.

Общие собрания продолжались и расширялись все больше. На одном из них проповедовал пожилой брат, с крупными чертами лица и аккуратно подстриженной бородкой. Проповедь его была выразительна, не лишена красноречия; голос мягкий, а главное - она сопровождалась слезами умиления. Многие первый раз видели и слышали его на собрании и, когда после собрания, поприветствовавшись, разошлись по всему дому и, образовав группы, знакомились друг со другом, проповедующий брат отрекомендовал себя - Умелов Павел Иванович. Со своей семьей и родством он, как и многие другие, переехал из России и уже несколько лет, как обосновался в Азии. Но по причине все той же, как он выразился, "осторожности", на общениях в прошлом не бывал. Ранее он был рукоположен на служение в церкви, и с первого же собрания расположил к себе своею общительностью.

Михаил Шпак, видя, как с каждым собранием появляются все новые проповедники и служители, старше его годами, по их разговорам, имеющие немалый опыт служения, смело, непринужденно становятся на проповедь - стал уступать им, с некоторым оттенком горечи, и даже пропускать собрания. Друзья опять обличили его и предупредили, чтобы он ни в коем случае не оставлял дела Божия, тем паче, что назревал вопрос об официальном открытии собрания и организации общины. И теперь, когда христиане выходят на простор, оставить ли их в распоряжении тех, которых они не видели все эти пережитые годы?

Создавалась очень тяжелая обстановка, в которой не следовало Михаилу выпускать из рук инициативу, а по строгим евангельским принципам подходить к организационным вопросам. Но это было очень трудно, прежде всего потому, что Шпак не был рукоположен, тогда как пришли более десятка рукоположенных братьев: пресвитеров, благовестников, диаконов. Во-вторых, на собраниях стало открываться, что часть названных служителей, якобы, в эти годы находились во главе молитвенных кружков-групп.

Михаил понял, что время подходит решительное и напряженное, и оставлять собраний никак нельзя, поэтому ободрился и, при поддержке друзей, старался инициативу держать в своих руках.

К лету, на расширенном совещании верующих, определилось, что община решила основаться на постоянное время у брата Иванова по улице Гордеева.

Брат определил для собрания две большие комнаты, а в теплое время - двор. Все были очень рады такому положению, и решили приступить к формированию общины.

К тому времени окончательно вышли из своих убежищ и стали регулярно посещать собрания рукоположенные служители: Глухов Савелий Иванович, Умелов Павел Иванович, Громов Иван Яковлевич.

Названные братья, в открытый дом молитвы пришли со своими семьями и многочисленной родней. В общей своей массе, они представляли собою ничто иное, как общину, почти целиком переехавшую из России, со своим хором и проповедующими. От прежней Ташкентской общины, которая была распущена И лет назад, осталось очень немного, главным образом, дети и родственники некогда арестованных братьев, отдавших свою жизнь за Господа в узах.

Первые собрания в открытом доме молитвы (на улице Гордеева) были настолько радостными и благословенными, что после богослужения, как правило, до полуночи почти никто не расходился. Здесь проходила самая кипучая жизнь и деятельность общины. Молодежь, вырвавшаяся на духовный простор, по-весеннему, бурно расцветала. По окончании собрания, разделялись группами по всему дому молитвы: в одной группе кто-то из братьев проводил назидательную беседу, в другой - молодежь разучивала новый гимн, в третьей - беседовали с приближенной душой. Откуда-то из угла послышался голос:

- Братья и сестры, вот эта юная душа хочет отдать свое сердце Господу!

И тогда, со всего дома, присутствующие сходились к тому месту, с сияющими лицами приветствовали вновь обращенного юношу и, поздравив, пели ему: "Радостную песнь воспойте в небесах! Найдена пропавшая овца..."

В другом углу, группа верующих старичков и старушек, опираясь на свои посохи, с умилением наблюдали за кипучей жизнью молодежи и вообще христиан, тоже не желая покидать дом молитвы. И лишь к полуночи, когда хозяин предупредительно угасил одну из лампочек, восторженные посетители нехотя, один за другим, покидали помещение.

Долго еще, по пустынной, тускло освещенной улице, раздаются прощальные голоса приветов, угасала мелодия вновь разученного гимна, да четкой дробью рассыпался стук каблуков запоздалых подружек, догоняющих своих друзей.

- Эх, молодость! Христианская молодость! Как ты прекрасна, орошенная дождем благословений Божьих. Как счастлив тот, кто в душе умеет не растрачивать тебя! - кивая головой, говорил вслед, обгоняющим его девушкам, старичок своей старушке, осторожно ведя ее под руку.

На членском общем собрании было принято решение: восстанавливать членство будущей общины только через искреннее, чистосердечное очищение с исповеданием, допущенных в прошлом грехов и согрешений.

Решение было принято единодушно, с радостным сознанием, что без этого желаемых благословений не будет. Так оно и проходило среди простых рядовых членов. Но, когда Седых И. П. и Михаил Шпак стали напоминать старцам-служителям о том, что они беспечно оставили дело Божье в годы гонений, то тут наткнулись на странное упорство. Почти никто из них не считал себя виновным и, наперебой, показывали свои преимущества в том, что они лично были знакомы с, известными братству, великими тружениками, что кого-то из них, рукополагал и крестил даже сам Янченко.

В беседе с одним из них, Михаил Шпак, при очищении, не утерпел и заметил;

- Дорогой брат, Янченко мы знаем, знаем и других, кого вы называли, и что они в тяжкое время не оставили дела Божья и овечек Господних не бросили на расхищение, но пошли на страдания за них, подверглись расхищению имущества, и там свою жизнь положили за Имя Иисуса. О вас же мы знаем, что вы тоже подверглись гонению, и сбежали с тех мест, но не за свидетельство Иисусово, а за свое имение. Да и сюда приехали - не рассеянных чад Божиих собирать воедино, а разводить в парниках огурцы с помидорами. И тогда, когда милостью Божией и усердием других, уже наше поколение стало обращаться к Господу без вас, вы, гонимые страхом, отказались их крестить. Теперь объявляете, что вы чисты, не имеете греха и вам незачем проходить очищение, потому что с двоюродным братом в чулане совершали молитвенные подвиги, собравшись впятером в кружок.

- Брат Михаил, - перебил его обличенный служитель, - тебе не подобало бы так говорить, ты еще молод и малоопытен... - (по рядам послышались голоса возмущения).

Видя такую обстановку, поднялся на ноги брат Умелов и, перебивая обиженного служителя, заявил:

- Савелий Иванович! Чем хвалишься? Тебя правильно брат обличил, всем нам надо глубоко раскаяться, мы пришли с тобой к готовому, и хвалиться нам нечем!

- Ну, раз так, то я ничего не имею, раскаиваться, так будем раскаиваться, - умиленным голосом проговорил обличенный, - как все, так и я, - договорил он, садясь, но тут же, поднявшись, объявил:

- Братья и сестры! Простите, кто что на меня имеет. Брат Миша, прости ради Христа, если имеешь что против меня, - и тут же, преклонив колени, стал молиться.

Михаил и многие другие поняли, что здесь бесполезно доказывать что-либо. Лишь сам Господь может достигнуть эти сердца. Да, но с ними придется вместе в одной церкви трудиться, и что из этого выйдет?

* * *

Когда весь основной состав верующих прошли очищение, вновь было собрано членское собрание. На сей раз стоял вопрос об избрании пресвитера церкви, из числа прошедших очищение. При обсуждении было выдвинуто две кандидатуры: Михаил Шпак и Глухов Савелий Иванович. На следующее собрание был назначен пост и молитва, розданы своего рода бюллетени, а в назначенное время, после краткой проповеди и горячих молитв, приступили к сбору листков и подсчету голосов. Избранная комиссия по итогам голосования, заседала очень долго. Впоследствии было объявлено, что голосование придется повторить, потому что комиссия считает, что было мало проведено бесед и разъяснений.

Многие догадались, что здесь не все чисто, а вскоре членам стало известно, что большинство голосов было за Михаила Шпака, но Глухов, узнав об этом, возмутился, и вместе со своими сторонниками и земляками решили хорошенько побеседовать с членами, по домам.

Следующее собрание было очень напряженным. В сердцах людей заронилась тревога, особенно среди молодежи, но листки были собраны вновь, и опять комиссия заседала очень долго. Сидя на скамье, Михаил про себя молился Богу, чтобы сохранить полное спокойствие и приготовиться к любым результатам.

Сидя, он слегка уловил, как из комнаты, где заседала комиссия, раздался (несколько выделяясь из всех) елейный знакомый голос, но чей это голос и, где он до этого его слышал, никак не мог вспомнить. В памяти скользнуло что-то знакомое и он, видимо, через минуты две вспомнил бы, но в это время дверь комнаты открылась и, подойдя к столу, председатель комиссии взволнованным голосом объявил:

- Решением комиссии, пресвитером общины избран брат Глухов С. И.

Все собрание загудело как пчелиный улей. Один из друзей Михаила Шпака, подойдя к нему, заметил, кивая головой:

- Эх, брат, брат! Разве это избрание пресвитера? Какие темные души вьются вокруг святого дела! А где открытое обсуждение кандидатур? Где честность? Почему в избрании пресвитера выдумали эту жеребьевку, и чего тут общего с апостольским избранием? Ведь там, Варсава и Матфий были одинаково известны апостолам, одинаково вращались среди них, в присутствии Самого Господа. А тут: один - годами отдавал жизнь за дело Божье, терпя лишения, опасности, вынашивая каждую овечку у своей груди. Другой же - мизинца не оцарапал и, чуть ли не с важностью апостола, пришел сюда несколько дней назад, когда уже на столе стоял букет роз. Да что же это такое? Что же будет дальше?

- Друг мой, - остановил его Михаил, - ты прежде всего успокойся, и знай, что над делом Божьим наблюдает Сам Господь. Потом, ты вспомни, при Патковском Ф. Г., какую оценку дал брат-старец этой свободе. Ты же видишь, на каких принципах организовывается эта община. Вот, для этой общины и должен быть соответствующий пастырь.

Разве не сам Израиль избрал для себя Саула, и не из-за высокой мудрости и преданности Господу, а потому, что он был на голову выше их и представительней по виду, а Давиду - избраннику Божию и помазаннику на царя, что пришлось перенести, пока он сел на свой престол?

Есть мое место в Доме Божьем, и в свое время поставит меня на него Господь, но когда и, что придется пережить, один Бог об этом знает, а домогаться славы, не есть слава. - С этими словами они вышли на улицу, и Михаил повернул к себе домой. Впереди он увидел Глухова и хотел обогнать, но тот остановил его:

- Михаил Терентьевич, проводи меня немного!

- Проводить не смогу, нам не по пути, а что хотите сказать, готов выслушать.

- Да, вот что, - продолжал Глухов, - ты, наверное, в недоумении от итогов избрания и, возможно, уже готовился быть пресвитером, и был уверен в результатах голосования? Ты не ошибся, как в том, так и во втором случае, большинство голосов было за тебя. Но вот пришлось это служение принять мне. Надо было тебе быть поблагоразумнее да повоздержанней. Не огорчайся!

- Брат, - ответил ему Михаил, - мой жребий в руках Божьих, и его переменить никто не может, а место мое в гонимой церкви Иисуса Христа, и на него охотников не очень много. А относительно вас, скажу, что, видно, пришло ваше время, и вам тоже пора занять свое место среди христиан.

На этом они, любезно раскланявшись, разошлись, каждый в свою сторону. К этому времени, в члены общины был принят Сыч Фома Лукич. Когда и при каких обстоятельствах он принимался, многие не знали, удивились все только тогда, когда он был уже избран среди служителей председателем ревизионной комиссии.

На совещании среди служителей, при обсуждении вопроса о регистрации общины, одним из первых выступил Сыч. Встав за стол перед братьями, он прижал сцепленные пальцы рук близко к груди и, слегка наклонив мясистую голову, елейно проговорил:

- Братья, не вдаваясь в подробности тех условий, какие поставлены нам к регистрации, мы должны, прежде всего, спросить: кем эти условия поставлены? Они поставлены властями, кроме того, они согласованы с нашими старшими братьями. Если эти условия поставлены властями, то нам, никаким обсуждениям подвергать их не следует, а возблагодарить за это Господа и принять.

Михаилу Шпаку, услышавшему этот елейный голосок, сразу припомнился случай при приезде Патковского. Оказывается, этот Сыч, в потемках тогда оговорил его, что он поторопился.

Вскоре было объявлено, что предложение было принято абсолютным большинством, за исключением троих воздержавшихся.

Слава Богу за то, что Он, неизменно, Тот же: каким был с народом Своим в первые дни христианства, таким же Он остается и в последние дни. Друзей предупредили, что о внутренних делах восстанавливающейся общины, многое известно властям и, особенно, надо остерегаться Сыча Ф. Л. Известным стало даже и то, кто воздержался при голосовании в принятии регистрации, и, что несмотря на открытие молитвенного дома, некоторые верующие, помимо него, собираются по домам. Таким оказался Михаил Шпак с большой группой молодежи: они продолжали иметь молитвенное общение, и даже материальные средства использовали, с молитвой, по своему усмотрению, благотворя, главным образом, семьям узников и остро нуждающимся.

Часто на совещаниях проповедующих или на членских собраниях, Михаил дерзновенно отстаивал евангельские принципы в служении Господу и свободу благовествования, на которую, изредка, почему-то покушалось избранное руководство и, в частности, Сыч Фома Лукич.

Фома Лукич в общине старался держаться несколько, как говорят, в тени. Проповеди говорил искусно, если не со слезами, то таким елейным голосом, на что никто другой способен не был, и многие относили его проповеди к числу назидательных, безукоризненных. В поведении он был сдержан, при беседе очень внимателен и даже, немного приторно любезен, ко всем окружающим был исключительно наблюдателен.

Однажды, когда пресвитер в беседе с молодежью, вызвал ее на легкий, массовый смех, Сыч терпеливо дождался конца беседы, потом, перед молитвою, степенно заявил развеселившейся молодежи:

- Юноши и девицы! Это хорошо, что вы так доверчиво приняли разумные советы нашего дорогого брата, старца-пресвитера, но должен вам напомнить, что христианам позволена только святая улыбка, но не смех, которому вы здесь дали место.

Все эти, и подобные этому, моменты многих держали в недоумении, как можно допустить мысль о неблагонадежности такого старого, благочестивого служителя? Тем не менее, у верующих распространилось убеждение, что до своего обращения и присоединения к общине баптистов, Сыч Ф. Л. служил в органах ЧК.

Несмотря на открытые богослужения и постоянный дом молитвы, Михаил Шпак чувствовал, что над ним таинственно, без видимых фактов, нависла серьезная угроза, его душа ныла от предчувствия надвигающейся скорби.

В январе 1945 года Шпак Михаил Терентьевич был неожиданно арестован. Дина - жена его была сильно встревожена. Собрания она посещала по-прежнему, но в своих отношениях к верующим, особенно близким друзьям Михаила, подчеркивала очень ясно: "Вот Мишу-то посадили, а вы гуляете свободно, будто и нужды вам нет". В ее отношениях к осуждающим было подчеркнутое недовольство, и всех она в душе обвиняла, хотя

словами этого не высказывала. И, несмотря на то, что ее посещали, много утешали, пытались даже, неоднократно, оказывать материальную помощь - она все отклоняла и оставалась неизменной. Тогда, кто-то из близких друзей заявил ей прямо:

- Что ж, Дина, когда ты была в девушках, да и с Мишей вместе так ревностно и убедительно утешала других скорбящих, вдохновляла к терпению и упованию на Господа; а теперь, когда коснулось горе тебя, никто и слов-то к тебе не подберет, да и все виноваты оказались перед тобой. А ведь, ты не знаешь того, как мы сами глубоко скорбим об утрате, и уверены, что во всем этом видна рука предателя.

Смотри, не погуби себя и детей. От тебя зависит многое: или ты останешься, уповающей на Бога, женой и матерью - к утешению своего мужа, или будешь пораженной дьяволом и вместе с противниками - отягчать судьбу своего и нашего друга.

* * *

Оказавшись в тюремной камере, Михаил сразу встал на колени и долго, усердно молился Господу, прося Его о том, чтобы Он открыл, почему теперь, когда так много уже отвоевано для Церкви, он неожиданно оторван от друзей.

На допросы его почему-то не вызывали, у следователя он был всего один раз. Тот задавал ему много вопросов: о христианской молодежи, семьях узников, известных ему, и о них самих, о теперешней общине и регистрации ее, собирались ли по домам, кроме дома молитвы. Спрашивал характеристики отдельных верующих, из числа молодежи и служителей, но Шпак отвечал так, что следователь, явно, не получал от него желаемого. Наконец, он пришел в ярость и неожиданно резко спросил:

- А как у тебя с военным вопросом, ты теперь готов взять оружие в руки или, по-прежнему, ссылаясь на свои религиозные убеждения, отказываешься?

- Начальник, - начал Михаил, - мне уже тридцать с лишним лет и я имею четверых детей, призыв мой давно отошел, а если он подойдет ко мне, то мы об этом будем говорить в военкомате. Измениться же я - не изменился, и не намерен; как был христианином, так и желаю им остаться.

- Христианин, христианин... - вот я покажу тебе, какой ты христианин, и какой настоящий есть христианин... аферист ты, а не христианин... и я разоблачу-у-у тебя, - стуча кулаком по столу, закончил следователь.

Через несколько минут Михаила отвели в тюрьму, он был очень рад, что может подытожить и обсудить, нахлынувшие на него мысли.

Когда он пришел в камеру, мысли беспорядочным хаосом, как вода из спущенной плотины, хлынули на него.

- Почему он задавал эти вопросы? Откуда ему известны подробности об узниках и их семьях? Кто передал ему наши разговоры о регистрации, о Патковском, о выступлении братьев? Почему он знает о молодежных общениях по домам? Наконец, почему, так бесчестно, Глухов С. И. оказался пресвитером, и Сыч о чем-то так упорно настаивал на комиссии по итогам избрания. Где же справедливость? И как можно после всего этого, обливаясь слезами, стоять за кафедрой и проповедовать людям о правде, о грехе, о суде, о Распятом Христе? Десять лет я прожил в этом городе, забывая о себе. Часто голодный, немытый, в дырявой обуви, а иногда, совершенно босой, бессонными ночами, пробираясь темными закоулками и прижимая к груди святую Библию, нес ее из дома в дом. Часами лежал в сырых арыках, мозглою зимой, прячась от преследователей, чтобы после поспешить утешить мою скорбящую семью, деля с детьми нелупленую картошку; или посетить круг юных друзей, убеждая их, твердо держаться прямого пути Божья. Жертвуя всем, что так дорого человеку в его молодости, я всегда, усердно старался хранить не оскверненными святые чувства. Я служил моему Господу, имея в награду: молитву кающегося грешника и ласковый взгляд моих дорогих друзей. А в итоге?.. Те, которые жили в свое удовольствие, рассаживали помидоры в парниках, днями бойко торговали на Алайском базаре, а ночами с женами считали барыши, не считая за грех, выпить в полдень с пьяницами кружку пива и закусить пахучей лепешкой; сегодня они, при первом признаке христианской свободы, сидят на возвышенном месте вокруг кафедры и ублажают себя мелодиями хорового пения, и почетом раболепствующих слепцов.

А я? Сижу здесь в подвале; в каждом крике, доносящемся ко мне с улицы, брежу плачем осиротевших детишек или зовом, растерявшейся от горя, жены. И жду... а чего жду? Того, чего в прошлый раз, мои враги не

сумели сделать - погибели моей, смерти; да, дай только Бог, смерти благородной, не позорной. Почему же Господь сказал, что врата ада не одолеют Его Церкви? Какая же разница между символическими, образными вратами и вот этими, Глуховскими и Сычевскими, которые так явно владеют над Церковью, и куда они ее заведут?

Едкой обидой заслонило все сознание Михаила, и быстро-быстро она стала овладевать всем его существом.

С поникшей головой и опущенными руками, он сидел, погруженный в свои думы, в камере-одиночке, и, когда уже совсем обессилел в борьбе с мыслями, с глубоким вздохом возопил:

- Господи, ведь я потерялся! Что ждет меня, и кто поддержит? Мне очень тяжко!

Вдруг, будто с улицы, с того маленького клочка голубого неба, которое он увидел в окошко, блеснул то ли голос, то ли сильная мысль: "Истина сильна не в формах и не в организации, и ее ни в какую оболочку заключить нельзя. Она непобедима сама в себе, в духе, а проявляется, где хочет и, когда хочет".

Михаил, как-то вдруг ободрился, и уже про себя, тихо подумал: "Так я неправильно понимал о церкви? О ней надо понимать двояко: видеть ее неосязаемое лицо, т. е. дух Церкви, в ее вселенском представлении; и осязаемые ее формы, т. е. Церковь, облеченную в плоть. Вот, ее-то, в течение истории, одолевали врата ада не раз, но как только удавалось кое-каким деятелям одолеть ее, Дух Христа оставлял Церковь, и там оставалась одна форма, а жизнь переходила в другие формы, и это ясно изображено в посланиях семи церквам, помещенных в Откровении Иоанна Богослова.

Вот, почему брат-старец ответил тогда Патковскому, что он привез свободу, не по милости Божией. Патковский привез тогда, искусно скроенный безбожниками, мундир для церкви; и хорошо, что Господь удержал меня от руководства", - успокаивал себя Михаил. Однако, обида на старцев за их бесчестность, да и на друзей, что они не смогли тогда защитить его кандидатуру - что-то надломила у него в самом внутреннем существе.

Больше месяца Михаил был в ожидании своей судьбы и, наконец, его вызвали к следователю.

Войдя в кабинет, справа он, неожиданно для себя, увидел Сыча Ф. Л.

- Милый братец! - протягивая обе руки, он потянулся к нему (по разрешению следователя). - Как давно я не видел тебя, как скорбит д-у-ш-а моя по тебе, - причитая, с умиленным лицом, обнял Сыч Михаила. - Ну, как ты тут?

- Так... ну хватит... садитесь, товарищ Сыч, - металлическим голосом прервал его следователь, - время коротко, начнем беседу.

- Михаил Терентьевич, как я вижу, вы хорошо знакомы с Фомой Лукичем. Что вы скажете о нем, как вы его знаете, и не были ли вы с ним до вашего ареста в ссоре? - Каким-то неприятным и тревожным чувством обдало душу Михаила от такого необычайного приветствия, но, взяв себя в руки, он ничего не подозревая, ответил:

- Да, я знаю его немного, как проповедника и как служителя в нашей общине. Ссор у нас с ним не было.

Следователь заполнил после этих слов еще какие-то бумаги и затем продолжал:

- Вот, Фома Лукич, ваш брат по вере - Шпак, мотивируя своим религиозным убеждением, и, особенно, званием христианина-баптиста, отказывается брать оружие и служить в Армии, доказывая нам, что христианин не должен убивать человека, ни при каких обстоятельствах. Я, конечно, очень уважаю убеждения всякого человека, тем паче, христианина. Мои родители были православными, и сам я, когда-то был крещен, готов и теперь учесть это, при следствии по делу Шпака. Но все же решил убедиться, действительно ли, это вытекает из вероучения евангельских христиан-баптистов, или Михаил Шпак просто прикрывается этим? Поэтому я и пригласил вас, уважаемый Фома Лукич, как рукоположенного пресвитера баптистского вероучения, имеющего авторитет и опыт в этом деле, что, как видите, и сам Шпак признает в своем показании. Ответьте нам, как должен христианин-баптист понимать этот вопрос, и знайте, что по вашему ответу будет решаться судьба Шпака.

- Очень рад, - начал Сыч, - разъяснить, или вернее, изложить здесь точку зрения баптистов по данному вопросу, в надежде, что это поможет моему дорогому брату в определении его судьбы. Слово Божье нам ясно говорит: "Ибо начальник есть Божий слуга, тебе на добро. Если же делаешь зло, бойся, ибо он не напрасно носит меч: он Божий слуга, отмститель в наказание делающему злое". Из этих слов мы видим, как Писание утверждает, что мы не можем отрицать применение оружия в необходимых целях, против злоумышленников-людей, и христианин, тем более, должен выполнять это с честью и охотно.

- Братец, милый, - обратился он к Михаилу, - я хочу разъяснить тебе, что ты неправильно понимаешь этот вопрос, и то, что кесарево, мы должны отдать кесарю. Поэтому, ты измени свои понятия, и не бойся, в этом - нет греха: если возьмешь оружие в руки и со всеми пойдешь воевать на фронт.

Я расскажу тебе, к тому же: в одном месте, группа верующих людей собралась помолиться. В это время на них напала целая банда злодеев, вооруженная до зубов. Верующие, несмотря на то, что в доме было оружие для защиты, имея вот такие убеждения, как у тебя, решили помолиться Богу и умереть от рук грабителей, но не защищать себя с оружием в руках. Грабители уже были близко к цели и доламывали дверь, как кто-то из сельчан, доложил о бедствии в управление и, прибывшие на помощь вооруженные люди, спасли тех несчастных, хотя в схватке пришлось некоторых бандитов лишить жизни.

Видишь, братец милый, к чему могут привести такие понятия? - закончил Сыч.

- Понял, Шпак, что сказал тебе твой брат по вере? - с торжеством в голосе, проговорил ему следователь, - что ответишь ему?

- Фома Лукич! - начал Михаил Шпак, - я имею, чем возразить тебе и желаю это сделать охотно, но не могу этого сделать здесь и сейчас, так как считаю преступлением - судиться с братом моим не в Церкви, а перед внешними, т. е. в кабинете следователя. Тебя же я спрошу: какое чувство заставило тебя прийти в этот кабинет следователя, в такое время, когда обо мне решается вопрос жизни или смерти, и своим разъяснением подписать мне приговор к смерти? Я же, тебе отвечу - предательство!

- Милый брат! - кинулся к нему Сыч. Михаил руками отстранил его и возразил:

- Брат-то ты брат, но какой? Каин был тоже брат Авелю, да еще старший!

Следователь немедленно прекратил очную ставку Сыча со Шпаком и, проводив того, обратился к Михаилу:

- Ну, я говорил тебе, что аферист ты, а не христианин. Ты слышал, что разъяснил рукоположенный пресвитер баптистской церкви, а ты кто? - Самозванец! И приготовься отвечать за свою аферу, по всей строгости закона.

Через несколько дней после этого, военный трибунал приговорил Михаила Шпака к расстрелу, но высший орган заменил десятью годами лишения свободы.

* * *

Вскоре после суда, на открытом членском собрании было объявлено, что решение о регистрации общины, принятое на совете служителей еще в прошлом году, теперь осуществляется, и община зарегистрирована на условиях, о которых нам сейчас доложит брат Фома Лукич.

- Милые братья и сестрицы, - начал умиленно Сыч. - Вот мы с братьями, избранными вами на днях, посетили уполномоченного в горисполкоме, где по милости Божией, как видите, получили письменное разрешение на проведение наших собраний. Мое сердце было переполнено радостью, и я от души, и от имени всех вас, отблагодарил уполномоченного, ну и, конечно, был благодарен Господу. Принимая этот документ, я любезно обратился к уполномоченному: "Вы простите меня, пожалуйста, я очень любопытный человек, и хочу вас спросить, что нам теперь разрешено и чего мы должны воздерживаться?" Он ответил мне в присутствии братьев: "Теперь вы можете свободно молиться, проповедовать, петь только в стенах молитвенного дома. В других местах, включая дома ваши, этого делать нельзя. Разъезжать по другим общинам не разрешается. Не разрешается проповедовать и у вас людям приезжим из других общин, разве только при наличии соответствующего разрешения от нас. Ну вот пока и все, потом, что будет нового, позовем вас и сообщим дополнительно..."

"Простите меня, пожалуйста, - продолжал я, - я еще не кончил, хочу спросить вас о двух вопросах: во-первых, как нам быть с молодежью? У нас есть немало молодых, которые просят преподать им крещение, но некоторым из них, еще нет 18 лет, а кому есть, но еще связаны со школой и прочее, можно ли нам их крестить? Второй вопрос: мы как христиане, по нашему вероубежде-нию, имеем материальное служение, и у нас, в результате добровольного пожертвования, накапливается много средств. Как нам поступать с ними?"

На это, вот что ответил мне уполномоченный, братья и сестры:

"Молодежь - это наше будущее, и мы должны ее в коммунистическом духе воспитывать. Вы не должны приобщать ее к своей вере, тем более крестить. Зачем забивать им головы верой в Бога? Состарятся, потом пусть

решают, верить или не верить в Бога? Насчет средств, уже было сказано ранее - все средства, поступающие от ваших сборов, строго регистрируются вами и сдаются в Госбанк, на специально открытый счет. Периодически, вы ставите нас в известность о расходовании их, так как расходовать их, вы имеете право в установленном порядке". Вот об этом я вас ставлю в известность, братья и сестры, - закончил Сыч.

После объявления Фомы Лукича, по всему дому прошел шум, но трудно было разобрать, кто, в частности, что выражал. Шум был прерван благодарственной молитвой Сыча.

Многие верующие поняли, что эта свобода обманчива и приведет впоследствии к глубокой горечи, так как пожилые хорошо помнили жизнь церквей до 1930 года, но пришлось смиряться, а большинство все приняли, не рассуждая.

По прошествии некоторого времени, в начале 1946 года в церковном совете общины, поднялись братья: Кабаев Гавриил Федорович и Седых, и заявили: "Братья, мы в совете церкви быть не можем, выведите нас".

* * *

Девять лет назад Михаил покинул этот лагерь, в котором было перенесено так много скорбей и радостей, теперь вновь его ноги ступили на эту территорию. Здесь почти все неузнаваемо изменилось. Он обошел всю зону, подолгу всматриваясь в те места и предметы, которые остались не изменившимися с тех пор, когда он жил здесь, и сердце его защемило от того тягостного чувства, которое может быть известно только тюремщику, возвратившемуся в свою старую камеру.

Первые дни его пребывания были особенно тяжкими, так как усиленно наблюдали, чтобы никто с воли не мог установить с ним связь. Но все же ему стало известно, что в общине объявлена регистрация, а с нею объявлены определенные условия, противоречащие Писанию. Услышав о том, что друзьям запретили собираться, что в собрании почему-то перестали открыто молиться об узниках и их семьях, что братья-старцы: Игнат Прокопьевич и Гавриил Федорович покинули совет - мучительная грусть сдавила ему грудь и железными клещами все больше сжимала сердце. Он почувствовал себя совершенно одиноким и в часы раздумья, голова его опускалась все ниже и ниже.

- Ну ладно, противники, от них, кроме скорби, нечего ожидать, но друзья мои, куда девались друзья, где они? Неужели так трудно передать хоть весточку и ею ободрить того, кто годами жил в утешение всем им? Неужели так быстро все переменилось? Неужели так скоро забыты благословенные вечера, где пили от потока благодати Божьей и, не взирая на коварство гонителей и постоянные опасности, близко льнули любовью друг ко другу? Тогда он был нужен всем. Теперь он забыт всеми, и единственный друг его - жена, с каждым посещением, к той груде камней, под которой он изнемогает, всякий раз подбрасывает новые глыбы и сама непосильной тяжестью ложится на них.

Да, это так, все потеряно. И то, что он созидал годами, со слезами, стало, как разгороженный шалаш, в опустелом осеннем огороде.

- Оставили? Ну и Бог с ними! - из глубины души вырвалось у Михаила, - забыли все, и я...

- Шпак, Ш-па-к! - осматривая кусты газонов, проходил торопливо надзиратель и, увидев Михаила, взял его с многозначительным видом за руку и, толкая к вахте, таинственно проговорил:

- Какая-то девушка с молодым человеком стоят за зоной, и просят тебя на свидание. Иди!

Через железные прутья ворот, Михаил заметил стройного, прилично одетого юношу, со строгими, привлекательными чертами лица. Рядом с ним стояла, по-весеннему сияющая, Наташа, с открытым, приветливым лицом.

Пройдя вахту лагеря, Михаил неторопливо направился к аллейке, где его ожидали друзья. Наташа нетерпеливо подбежала к другу-страдальцу и, взяв за руки, взволнованно выпалила, глядя ему в глаза:

- Миша... как я рада... привет тебе от друзей и даже от... Жени... Ты понимаешь какая радость!.. Ну, я не знаю, как объяснить тебе... - и, указав головою на юношу-незнакомца, проговорила: Познакомься, это наш... это мой... ну...

Михаил, глядя на зардевшееся лицо Наташи, понял и причину ее волнения, и кем для нее был этот юноша.

- Приветствую узника в Господе! Будем знакомы, Павел Владыкин! - четким, лирическим тенором отрекомендовал себя незнакомец и, крепко обняв, поприветствовал Михаила Шпака.

Часть третья. Огненные испытания.

Глава 1.
Павел в узах.

Зима 1935 года с ее метелями, обильными снегопадами, беспорядочно наметенными сугробами, т. е. русская зима, подходила к концу. По тесным посеревшим улицам города Н. озабоченно сновали, с сумками и корзинами в руках, прохожие. Недавно открытая свободная продажа продуктов, и отмена карточек возбудила чувства людей, и они, недоверчиво заглядывали в открытые витрины магазинов и ларьков - довольные выходили оттуда, то и дело, счастливо осматривая свои корзиночки, полные снеди, спеша обрадовать своих близких и родных, с которыми еще недавно спорили в очередях, стоя за насущным.

С безоблачного неба светило солнце и весело отражалось в позолоте облупленных куполов уцелевших церквей, дружелюбно заглядывая через кисейные занавески окон в комнаты домов, предвещая приближение звонкой весны.

Против двери серого здания районного отделения милиции резко остановилась легковая автомашина. В узкие ее дверцы торопливо вышел начальник НКВД, вслед за ним, в сопровождении солдата, на обочину тротуара вступил юноша, и тут же все трое скрылись в дверях милиции.

- Ну вот, Владыкин, вместо твоего заводского кабинета, придется тебе теперь познакомиться с кабинетом начальника милиции, - с довольным видом заявил Павлу начальник НКВД, заводя его в кабинет. - Сегодня у меня не будет времени беседовать с тобой, заполню на тебя установочные данные и все, жить-то тебе, придется здесь пока. - И, уставив свои бесцветные глаза в лицо Павла, добавил: - в других-то кабинетах ты бойко проповедовал, посмотрим, как будешь вести себя здесь.

На протяжении всего пути, с того момента, как его вывели из отдела кадров, посадили в легковую машину и привезли сюда, Павел молчал, хотя его и спрашивали о чем-то.

В первые минуты сердце сдавило неприятной тревогой, но после краткой молитвы, им овладел покой.

Начальник привычной рукой заполнил страницы установочными данными и, уже мягче попрощавшись с Павлом, вышел. Вслед за ним вошел в кабинет милиционер и, посмотрев на Павла, сказал:

- Молоденький еще, а уже успел чего-то напроказить. Ну пойдем, голубчик, не захотел спать у мамы на кровати, у меня тут есть для таких - перина на дубовом пуху.

Проведя его по тускло освещенному, узкому коридору, открыл ключом дверь и скомандовал:

- Заходи!

Павла не смутил металлический звон замка и скрип тяжелой, обитой железом двери, на огромных крючьях, все это не отличалось от своей, домашней. Когда же, за его спиной, эта дверь захлопнулась и закрылась чужой рукой, сердце почему-то непривычно дрогнуло. В лицо ударило зловонием от незакрытой параши, водочным перегаром и едким запахом никотина от прокуренных стен, потолка и окурков, разбросанных по полу камеры. В полумраке, на каменных нарах бредил пьяный человек, перепачканный в собственной блевотине, издававший бессвязное мычание.

Ужасом охватило юную душу Павла от всего того, с чем встретился он первый раз в своей жизни, перешагнув порог камеры. Долго он стоял у двери, не решаясь сделать и шагу вперед. Несколько раз ощупывал себя в сомнении: не сон ли это? Но это была та жуткая действительность, которой стали заполняться страницы его чистой неиспорченной юности, в которой ему суждено было бороться за жизнь, и формироваться как духовно так и физически.

Спустя несколько минут, когда первая волна отчаяния прошла, Павел шагнул в середину камеры и попробовал молиться, но чувство, не испытанного ранее удручения,, сковало его душу так, что он тихо произнес только несколько слов:

- Боже мой, Боже мой, что же со мной будет дальше? Укрепи меня! Я не знаю, что мне делать?! - брезгливо опустившись на нары, сел. Успокоение медленно стало овладевать его душой, и он, уже внимательнее, стал осматривать камеру.

Первым делом, Павел поднял крышку с пола и накрыл зловонную парашу, поднялся на нары и открыл под потолком форточку единственного окна. Свежей струей воздуха обдало его испуганное лицо, а с нею влился в сердце тусклый свет утешения. Камера медленно стала освежаться от удушья.

В другом углу Павел заметил обшарпанный остаток метлы. Взяв его в руки, он решил смести мусор с нар и окурки, смердящие на полу, но когда дошел до человека, подумал, что здесь нужна вода, чтобы смыть нечистоты, наляпанные вокруг нечистого пьяницы.

С веником в руке, он подошел к двери, постучал в нее, чтобы попросить воды у милиционера. На стук его долго никто не отзывался, наконец, в двери что-то царапнуло, и прямо перед ним открылась кормушка . Павел объяснил о невменяемости пьяного и попросил воды. Не выслушав объяснения, милиционер залпом ответил:

- Ты что, не знаешь? Уборка камер делается утром, на оправке (время утреннего туалета у арестантов). Нет воды! - и захлопнул перед носом Павла кормушку.

Павел собрал окурки на лист грязной бумаги и бросил в парашу, потом сел на нары и решил обдумать свое положение, но никакие мысли в голову не шли. Так, опустив голову, он слушал биение собственного сердца. Через несколько минут послышалось в двери щелканье замка. Вошел прежний милиционер, оглядел пьяного человека, сплюнул на пол и сказал Владыкину:

- Переходи в другую камеру, утром он сам за собой уберет, ж-и-в-о-т-н-о-е!

В другой камере, хотя накурено было не меньше, но кругом было прибрано, и на нарах сидели несколько человек, увлекшихся какой-то игрой, слепленной из пайки хлеба.

Войдя, Павел облегченно вздохнул и, отвечая на многочисленные вопросы арестантов, заметно оживился. Весь остаток дня он провел с людьми в беседе, а ночью, несмотря на голые нары, крепко спал до утра. Утром, после оправки и традиционной раздачи пайки (черного хлеба с селедкой), арестанты приступили к завтраку. Павел же ни к чему не мог прикоснуться. Никак не мог привыкнуть к новому образу жизни, прожив здесь два дня. Ему казалось, что все это, просто шутка, что противники, убедившись в беспомощности своих попыток, отпустят домой. "Да и вообще, это ведь безумие - двадцатилетнего парня, ни за что бросить в этот кошмар", - так рассуждал он, сидя в углу на нарах.

- Вла-ды-кин, выходи! - открыв камеру, крикнул милиционер.

Проведя через двор, Павла подвели к кабинету начальника милиции.

- Заходи! - крикнул ему тот же милиционер. Павел открыл дверь. В кабинете стояла с заплаканными глазами мать и, увидев сына, бросилась к нему навстречу.

- Павлуша, сыночек мой, как ты осунулся на лицо-то, чай, били што ль?

Павел от неожиданности растерялся, и, обнимая мать, на ходу спешил успокоить ее:

- Да нет, мамань, никто и пальцем не тронул, пока слава Богу, а Господь-то! Просто... сильно волновался, - но, взглянув на стоящего рядом начальника, подумал; "Зачем я при нем буду открывать свою душу". И уже вслух закончил, - за тебя переволновался.

- Ну, вот что, Владыкины, оставайтесь здесь, беседуйте. Это вот, ты забирай с собой, долго придется тебе здесь жить, - указал он Павлу на вещи, лежащие на столе, - а мне некогда, я пойду. Потом приду и закончу с вами, - с этими словами он вышел из кабинета, и мать с сыном остались вдвоем.

- Ну, как ты тут, сыночек мой, не оробел? - спросила Луша сына.

- Нет, мама. Конечно, сразу-то, все как будто замерло, я даже ничего сообразить не мог. Как ни говори, а ведь сроду я не видел того, что здесь пришлось встретить, но Господь утешил. Ведь не за преступление я здесь, видно, Господь определил мне такую судьбу. А как дома-то? - спросил Павел.

- Ой, не говори, - начала Луша, - ведь, тут же, как тебя взяли, через час-два приехали за мной, прямо на завод, привезли домой и дома все переискали до ниточки, больно уж книги-то твои пересматривали. Чевой-то там взяли с собой, я уж, теперь-то, и не помню чего, да ладно, э-э-эх! - махнула мать рукой.

- Ну, что ж, сыночек, коль по Божьему пути решился итить, то уж не сворачивай. С отцом, матерью век не проживешь, а с Богом-то - везде рай. Вон, погляди на Иосифа, какие мытарства принял мальчик, а все перенес, да и напоследок был правой рукой царя. И братья его бросили, продали, и женщина-то, посмотри, как на него обозлилась, да и в тюрьму бросили парня-то, а вот Бог был с ним. А мне, думаешь, легко тебя от груди-то материнской оторвать? Я сама готова за тебя в камеру-то пойтить, да вот, сынок, каждому свой крест Спаситель дает. Ведь, не напрасно, Спаситель сказал-то всем нам: Кто душу свою погубеть ради Меня и Евангелия, тот

соблюдеть ее. Держись, сынок! Бог ни за что не оставить тебя. Будь верен до смерти. А ты послушал-ба, что народ-то про тебя говорить, ведь гудут, как пчелы, все слова-то, какие ты в клубе говорил, про Христа вспоминають. Держись, сынок, трудно тебе придется, но истины не оставляй! Молись, и ничего не бойся!

Так, без единой слезы, мать утешала сына своего, благословляя его на страдания. А когда они наговорились, то преклонили колени и горячо помолились Богу. В молитве Луша благодарила Бога за то, что Он призвал Павла к покаянию и, обняв сына, прижала его голову к груди, произнося над ним материнское благословение.

Когда начальник вошел в кабинет, они уже стояли на ногах, и Павел складывал свои пожитки в котомку. Он был поражен тем, что мать без слез прощалась с сыном и, ободряя его, наставляла, чтобы он не стыдился своих уз, но с радостью переносил их, за имя Христа. Так началась скитальческая жизнь юноши Владыкина, который, всего полмесяца назад, решился отдать сердце и всю свою юность Господу, раскаявшись осознанно, сердечно.

Вскоре, после свидания с матерью, за Павлом пришли, чтобы перевести его в городскую тюрьму. Тюремный работник объяснил юноше, что надо идти по улице, не останавливаясь, не уклоняясь ни направо, ни налево, и, взяв в руку револьвер, приказал идти вперед.

Вначале Павел смутился, но тут же сердце наполнилось радостью, легкая улыбка не сходила с его уст. Открытым взглядом он смотрел на все окружающее. Каждое здание, угол улицы, знакомый садик - все напоминало ему отроческие годы. Здесь проходила его молодая, расцветающая весна жизни. Встречные знакомые удивленно смотрели на него и долго потом, провожая взглядом, каждый по-своему, выражали свое сочувствие. Из-за угла, уже сворачивая к тюрьме, неожиданно выскользнула знакомая девушка, которая в конторе оформляла Павлу технические документы. Увидев его, она в первый момент хотела что-то крикнуть, но, заметив сзади Павла, в нескольких шагах, конвоира с обнаженным револьвером в руке, замерла и, спохватившись, испуганно отошла в сторону. Павел заключил тогда, какой ужас внушает он своим видом, в таком положении, многим встречным людям и, особенно, знакомым. Еще он понял, как велика любовь матери к нему, которая, не только не постыдилась его положения, но, кажется, никогда в жизни так горячо не обнимала, как здесь, и на прощание напомнила, чтобы он не стыдился своих уз. Наконец, вот, последняя улочка, по которой он недавно, еще около двух лет назад, бегал в школу и на собрания. Здесь: каждая тумба на тротуаре, каждая лавка у ворот, сиреневый куст, величественное здание храма, серебристая ленточка, мелькнувшей на повороте, реки - все привычное, как в горнице родительского дома - вдруг стало чужим, недоступным. Даже, по-весеннему, сияющее солнце не радовало, а теребило болью юную душу.

Вот и ворота тюрьмы: те же самые, у которых он шесть лет назад, подростком, в щелочку просовывал отцу деньги; обнявшись с матерью, они тогда приветствовали своего дорогого узника.

Павел робко перешагнул порог комендатуры и пошел в указанный ему, за барьером, угол. Здесь, когда-то они с матерью, передавали отцу горшок с пахучей отварной картошкой.

В комендатуре юношу раздели донага, тщательно обшарили все, до последней тряпицы, и, записав что-то в книгу, одев в свое же, домашнее, толкнули в тюремный двор. За просторной, твердо утоптанной и выметенной площадью, перед его глазами предстало огромное, серое здание двухэтажной тюрьмы. Из-за оконных решеток замелькали платочки, до локтя обнаженные женские руки, серые мрачные лица арестантов.

- Откуда, эй, парень?.. За что?.. Сколько дали?.. - слышалось из-за решеток верхнего и нижнего этажей.

- Приветик... мой милый... к нам его!!! - надрываясь, кричала снизу, из-за решетки, молодая полуобнаженная женщина, махая, безобразно испещренными татуировкой, голыми руками. С отвращением, Павел отвернул лицо свое от этого зрелища, стоя в ожидании, перед закрытой дверью.

Из-за угла, в серой шинели, с винтовкой на плече вышел тюремный стражник, обходивший мерными шагами здание тюрьмы.

За крышами дворовых построек возвышалось большое здание тюремной церкви. Стены ее пестрели безобразными пятнами отшелушившейся штукатурки, из которых мышиными норами чернели рассыпающиеся кирпичи. Из зияющих пробоин в церковном куполе, то и дело сновали сизаки (голуби) и вороны; над куполом, слегка наклонившись, одиноко торчал крест, с надломленной перекладиной. Немного правее церкви, располагался ассенизаторский двор, откуда временами доносилось его специфическое зловоние.

Душа Павла, как-то съежилась, и он, немного вобрав голову в плечи, шагнул через порог открывающейся тюремной двери. Теперь он понял, что его арестовали не ошибочно, на свободу рассчитывать нечего; здесь будет

протекать его жизнь - в этом страшном помещении. Через минуту-две, его завели в камеру, где с первых шагов, он облегченно вздохнул.

Камера была, хотя и тесная, но высокая, с большим окном, загороженным тюремной решеткой. По трем стенам были расположены одинарные сплошные нары, которые от множества обитателей, блестели, как полированные. У одной стены стоял стол с бачком воды, скамья; в углу - тюремная параша, тщательно закрытая крышкой.

Арестанты приветливо встретили Павла. Один из них, подошел, снял с его плеч торбу и, положив на нары, сказал:

- Ну, здорово, паренек! Вот, будет твое место, ложись, ничего не бойся, в нашей камере тебя никто не обидит.

Павел с улыбкой осмотрел всех в камере и, растерянно поздоровавшись, поднялся, на указанное ему место, преклонил колени и стал молиться. Вначале арестанты не обращали на него внимания, были заняты каждый своим разговором, но вскоре, глядя друг на друга и на молящегося юношу, приумолкли.

Павел с большим усилием подавил в себе волнение, и дух молитвы овладел им. Молился он недолго, но со всем усердием, прося Господа научить его, как вести себя среди этого общества, и укрепить против тех мыслей и чувств, какие он испытывал впервые; чтобы Бог дал ему мудрость в ответах, которые ему надлежало дать, начальству и судьям, в ближайшее время, чтобы Господь утешил и сохранил мать с отцом, оставшихся на воле.

После молитвы он стал беседовать с товарищами по камере, знакомясь с ними, и удивляя всех разумными, осмысленными рассуждениями: о жизни, и особенно о Христе, и Его великом Евангельском учении. Люди слушали с большим вниманием, но их удивляло не само учение Христа, а то, что такой молодой юноша, по их выражению, так крепко верит в Бога. В камере он приобрел всеобщее расположение. Поэтому тюремная брань да беспрерывное курение стали, заметно, сокращаться.

* * *

Через несколько дней Павла вызвали к следователю. По дороге он пытался представить себе предстоящую беседу; в сознании его пробежали, один за другим, предполагаемые вопросы, угрозы и даже побои, о которых, частично, он слышал от других, особенно, от своих новых камерников. Он почувствовал, что сердце его расслабло, а когда подошел к кабинету следователя, совсем растерялся.

- Ну как, Владыкин, ты за эти дни подумал о своем будущем? Ты представляешь, куда заведет тебя твой Иисус? - надменно спросил его следователь.

Павел посмотрел вокруг себя: в кабинете сидело несколько человек и, как мечами, пронизывали его своими взглядами, изучая все его движения. Один из них был в форме НКВД, другие - в приличных гражданских костюмах: пожилые и совсем еще молодые.

- Как, Владыкин!? Неужели ты веришь в какого-то Иисусика? Такой молодой! Откуда ты раскопал эти стариковские глупости? - обратился к Павлу, самый пожилой из них.

- Уважаемый начальник, - начал Павел, - вы такой пожилой, видимо, старый член ВКП(б), было бы вам приятно, если бы я вашего вождя - Ленина, унизил сейчас так, как вы, насмешливо, уничижаете передо мной Иисуса Христа - Господа моего? Разве вас так учил Ленин поступать, в атеистической пропаганде, с верующими людьми? Я ведь был немного атеистом и хорошо помню партийную установку Ильича, по отношению к верующим - это, во-первых.

Во-вторых, вы назвали истину Божью и учение Христа стариковской глупостью! Стоило же вам из-за этой, как вы говорите, глупости, на виду многотысячной массы заводских рабочих, жителей города, арестовывать какого-то двадцатилетнего мальчишку, оставить свои кабинеты и приехать сюда, на беседу со мною? А прибыли, как я вижу, издалека. За глупостью так не гоняются.

- Отвечаю и вам, гражданин начальник, - обратился после этого Павел к своему следователю, - мы все думаем о своем будущем: и верующие, и безбожники, с той только разницей, что верующие думают о том, что им уже приготовлено Христом, живут Им, и оно охраняется для них, могуществом Божьим. Даже смерть является приобретением этой будущности. Для безбожника же, смерть - это бездонная яма, покрытая мраком абсолютной неизвестности. А насчет того, что меня "Иисус заведет", отвечу вам так: пока, мой Иисус, просветив

Своей истиной, вывел меня из тьмы греха и порока. А вот вы-то, куда меня завели, когда привезли с завода?! Подумайте над этим сами; и это - за имя Иисуса.

- Владыкин! - спросил Павла, следующий из присутствующих в кабинете, - вот в разговоре с нашим товарищем, говоря о Ленине, вы выразились - "ваш вождь", а разве Ленин не является и вашим вождем?

Павел с улыбкой посмотрел на допрашивающего и ответил:

- Уважаемый начальник, вы прекрасно знаете моего Вождя Спасения и спрашиваете с единственной целью - на моем ответе построить политическое обвинение мне, но я не боюсь этого, и потому на ваш вопрос отвечаю вопросом: - Может ли, на путях в Небесное Царство и на путях земного благополучия, быть один и тот же вождь? Конечно, нет! Так вот, я себе избрал уже Вождем - Иисуса Христа!

- Ой, Владыкин, - возразил еще один из собеседников, - я уверен, подрастешь ты - поумнеешь, одумаешься, оставишь своего Вождя и изберешь настоящего, а? Не может случиться так?

- Может... - ответил Павел.

Все настороженно посмотрели на него в ожидании разъяснения непредвиденного ответа.

- ... Если этот настоящий вождь, - продолжал Павел, - и родится так, как Христос, от девы, и совершит пред людьми столько же чудес, сколько совершил Христос, и полюбит падшего, погибшего человека, и умрет за него, воскреснет и вознесется, как Христос - тогда я, оказавшись в беде, воскликну уже не "О, Господь мой!", а назову тогда имя другого, избранного мною вождя, лучшего, чем Иисус Христос.

- Владыкин! - начал пожилой сотрудник, в форме работника НКВД, - я вот, наблюдая за тобой, скажу тебе, совершенно откровенно, ты умный малый, не по годам развит, с производства имеешь хорошую характеристику, уверен, что честный, а ... преступник! И преступник против своего развития, против грамотности, против своего светлого будущего. А почему? Вот почему: я знаю христианскую идеологию, ведь ваша идея такая же, как и у нас - материалистов: честный труд, честность в браке, трезвость, осуждение эксплуататоров, отзывчивость к своим ближним и многое другое? Зачем тебе нужна эта мистика, вера в духовное? Зачем подвергать себя таким неприятностям? Разве, ты не можешь быть полезным, передовым? Да ты уже являешься таким, ведь пойми, по сути мы делаем одно - преобразование старого общества. Нам ведь очень немногое нужно, чтобы быть с тобой совершенно одно. Брось ты это духовное, эту мистику, ведь ты же наш, современный человек! Вот почему, ты преступник против себя! Я от души тебе говорю и готов обнять тебя.

- Да, начальник, это так, - начал Павел, - вижу, что говорите от души, но душа-то у вас безбожная, потому и клонит против Бога. А относительно моей преступности, расскажу вам один пример из жизни: два человека, молодой и старый, взялись работать на одном огороде - сажать картошку, но грядки у них разные, и семена разные. И вот, один из них, старший, заспорил с другим и стал доказывать молодому, что его семена лучше, а потому, у молодого вырастет только ботва. Молодой же, ответил ему очень коротко: "Осенью посмотрим!" Старший рассердился, и давай его дубасить тяпкой по спине, а когда сбежался народ, то он, пользуясь старшинством, еще и обвинил молодого. Так, какова у него честность?

Начальник улыбнулся, но ничего не ответил.

- Так вот, и вы: привели меня под дулом револьвера, а хотите доказать этим правдивость своих идей, да и меня еще склоняете, быть вашим учеником. Вы победите меня так, как победил меня Христос, тогда я сделаюсь вашим учеником. А поскольку, вы на это неспособны, я все время буду казаться, в ваших глазах, преступником.

Один за другим, обвинители покидали кабинет, пока Владыкин не остался со следователем наедине. Павел чувствовал, какая неимоверно великая сила руководит им при ответах обвинителям, что эта сила: выше его разума, больше его способностей и, главное, она неисчерпаема. Он восхищался, прислушиваясь к собственным ответам, вспомнив, с каким удрученным настроением, опустошенным, он ухватился за ручку двери, входя к следователю. Следователь, как бы механически, вытащил из ящика револьвер и, направив дуло на Владыкина, небрежно положил его рядом с собой, справа. Потом, копаясь в бумагах, проговорил:

- Владыкин, на тебя поступило такое свидетельское показание, что, якобы, ты, рассуждая с одним человеком о "П"- образных опорах для электросети, выразился: что случись, какая неустойка с большевиками, вот, на этих перекладинах, ты их будешь вешать, - Что скажешь ты на это?

- Гражданин начальник, вот на это, вы оказались способны, собирать такую грязную ложь. Ну, допустим, что такую несулепицу, и сказал я про вас. А вы что, вот с этим вашим револьвером, который сейчас наставили на

меня, испугались двадцатилетнего парнишки? Да, кроме того, всего три недели назад, Владыкин выступал в клубе о воспитании молодежи в духе коммунистического самосознания.

- Ну, Владыкин, хватит на сегодня. Иди отдыхай. За прямоту и безбоязненность, ты мне нравишься, ну... ладно, посмотрим!

Когда вывели его, и повели обратно в тюрьму теми же знакомыми улицами, душа Павла была полна великой радости. Вспоминались детали разговора, и грудь переполнялась жаждой хвалы и благодарности Богу за эти явные чудеса, какие он ощущал на себе. Он готов был здесь же, прямо на тротуаре, упасть на колени в молитве к Богу.

Идя дорогой, он не замечал ничего вокруг себя, приступы восторга были так велики, что, временами наворачивающиеся слезы, заслоняли глаза.

Ему вспоминались картины из произведения Сенкевича "Камо грядеши?" и другие рассказы о том, как в древние времена мученики-христиане умирали на кострах, от ярости диких зверей на аренах цирка, в подземельях "святой инквизиции".

Вспоминая, он удивлялся, откуда эти простые люди черпали силу, чтобы так мужественно и стойко умирать за Христа? Тогда у него закрадывались сомнения: может быть, это только литературный вымысел? Как можно, с улыбкой на лице встречать свою смерть? Теперь он это испытывал на себе, как велико чувство радости в страданиях, когда Бог дает Духа Святого, и как могучи и правдивы слова Христа: "И не вы будете говорить, но Дух Отца вашего будет говорить в вас" (Матф.10:20).

Павел видел, как прохожие испуганно отходили в стороны, при виде обнаженного револьвера в руке конвоира, сопровождавшего его, а он приветливо, с улыбкой смотрел на них, с ясным сознанием в душе: "Какая великая честь - страдать за Христа!"

С таким высоким чувством, он, совершенно того не замечая, возвратился в тюрьму и вошел в свою камеру. В камере его встретили те же, безнадежные лица арестантов. Глубокую скорбь выражали они. Ему хотелось всем свидетельствовать о Своем Спасителе. В свою очередь, и арестанты, увидев на лице юноши такую радость, невольно заинтересовались его настроением. Павел был очень счастлив вдохновенно повторить все вопросы и ответы, какие ему пришлось давать в кабинете следователя. Пересказывая это в камере, он еще раз испытывал необыкновенную радость.

Арестанты с большим участием выслушали его, загоревшись при этом его настроением, давали разумные советы, как вести себя в дальнейшем, а в результате, почти все определили - отпустят.

Среди них был один пожилой мужчина, все время внимательно слушавший Павла. Он редко вступал в разговор, и, подмечая ошибки юноши, давал внушительные советы. Никто в камере не знал ничего о его жизни и причине ареста. Из тех кратких слов, которые слышали от него: что он много видел в жизни тюремных камер и, что на сегодняшний день у него нет ни близких, ни родных, о чем свидетельствовала его одежда и весь внешний вид, ему дали кличку - "Бродяга".

Когда все арестанты, после слов Павла, вынесли единое мнение, что его отпустят, этот незнакомец коротко, но внушительно сказал:

- Скорее, нас всех распустят отсюда, чем этого невинного юношу; для наших хозяевов он опаснее всего. Мы ведь, как сорняк на дороге: не вырвешь летом, осенью он сам засохнет. В этом же молодом человеке, сокрыта сила какой-то жизни. Он, как виноградная лоза: ее осенью обрежешь, весной она пустит новые, сильные побеги, выкорчуешь - она, от остатков корня, пустит побеги еще сильнее.

Потом, подойдя к Павлу, он положил ему на плечо свою могучую руку и сказал:

- Не отпустят тебя, парень, не затем взяли. Много придется пострадать тебе, много предстоит борьбы впереди, если ты не оставишь свою идею. Перенесешь - счастлив будешь сам, и многим другим путь к счастью укажешь, не перенесешь - опозоришься на всю жизнь.

Счастье есть в жизни, но оно так не дается, нужно много потерять, чтобы достичь его, и им жить. Ты встал на правильную дорогу, смотри же, не сбивайся с нее. Если уж ты, в этой постылой тюрьме сумел загореться таким огнем, то не бойся: какая бы тьма не встретила тебя, свет твой будет с тобой. Иди и свети! - "Бродяга" умолк и отошел от Павла.

Его лицо, испещренное глубокими морщинами, свидетельствовало о какой-то большой жизненной катастрофе, перенесенной им. Видно было, что когда-то человеческие страсти безраздельно справляли свою

тризну в его душе, а теперь столкнули в эту бездну, и он остался одиноким, покинутым всеми, в старых опорках на ногах и с мучительными воспоминаниями о безвозвратном прошлом.

В камере все умолкли, умолк и Павел. За тюремной решеткой виднелся прогулочный двор, по которому гуськом, друг за другом, шлепая по оттаявшей на солнце земле, прогуливались арестанты; за ним - те самые, железные ворота, в которые он когда-то просовывал деньги отцу и обменивался с ним краткими словами.

Надвигались сумерки. Воспоминания об отце перенесли Павла к тем жутким временам, когда семья расставалась с ним: свидания, арестантские вагоны, архангельская тайга. Теперь он и сам за этой решеткой: ходит по тюремному двору и жадно вглядывается в лица арестантов, проходящих перед ним; с какой-то затаенной надеждой смотрит на дверь комендатуры и на выходящих оттуда надзирателей.

Ему кажется, вот-вот, в камеру войдет тюремное начальство и объявит ему, что его посадили ошибочно. Но проходят часы за часами, а мечты его не сбываются. При воспоминании об отце, свободе, тот огонь радости стал заметно затухать, а на смену ему, холодным ужасом, в душу стала заползать тревога. Надежда на светлое освобождение стала исчезать вместе с лучами заходящего солнца.

Вскоре, в опустелом тюремном дворе раздался звон колокола и семья арестантов, ложась на нары, постепенно засыпала тревожным сном. По коридорам, мерно постукивая каблуками сапог, ходил надзиратель. Через час-полтора умолкали и его шаги. Так началась тюремная жизнь Павла.

После некоторого перерыва, следователь опять вызвал его. Снова Павел пережил такое же удрученное состояние, как и в первый раз, входя в здание НКВД.

Его особенно пугали слова одного из прошлых "собеседников": "...подрастешь, поумнеешь, одумаешься..." Он сравнил это с тем, как в тюрьме радостное настроение сменилось скорбными воспоминаниями об отце. А если опять этот человек сейчас в кабинете, что я буду отвечать? Очень не хотелось заходить туда и вступать в беседу с ними. Но вдруг, в коридоре появился его следователь и, подойдя к кабинету, завел его на допрос.

Павел, несколько облегченно, вздохнул. Он (в его лице) думал увидеть какое-то покровительство, тем более, что никого другого в этот раз не было. Но следователь сегодня был злее, чем в прошлый раз, и сразу же обрушился на него с угрозами и вымышленными обвинениями. Сердце, как-то на мгновение, в испуге дрогнуло, но тут же влилась прежняя энергия; забыв себя, он с тем же огнем и вдохновением, какие ощущал в прошлый раз, вступил, действительно, в бой. После двух-трех вопросов, заданных по ходу следствия, следователь пришел просто в ярость: стучал кулаком по столу, перебрасывал папки с места на место, выбегал из кабинета и снова заходил в него, высказывал много всяких угроз, но Павел твердо отвергал всю вымышленную ложь и тихо молился Богу, внутренне оставаясь спокойным. Надо отдать должное "Бродяге": он (в камере) многими практическими советами подкрепил его, и теперь эти советы, данные вовремя, были так кстати.

Потом следователь спросил его, где он услышал об учении Иисуса Христа, и от кого научился и принял эту веру?

Павел ответил, что он с детства верил и любил Бога, ходил с бабушкой в православный храм, а потом с родителями в собрание баптистов.

После того следователь потребовал от Павла, чтобы он назвал фамилии, известных ему, баптистов в общине.

Юноша, ничего плохого не подозревая, хотя и не хотелось ему называть фамилии своих братьев, но решив, что в этом нет ничего предосудительного, назвал несколько из них.

Спустя несколько лет, Павлу стало известно, что всего-навсего безвинно названные им фамилии, послужили данными к составлению документа, на основании которого, после его ареста, арестовали и других верующих.

Записав названные фамилии в протоколе допроса, следователь посмотрел на Павла с довольным видом, переменив тон разговора со скандального на ласковый, принес и поставил юноше стакан чаю с пряностями, и стал угощать его. После этого потребовал от него рассказать: кто, из названных им, чем занимался в общине, где жил и работал.

У Павла началась борьба в душе, никогда он этого чувства еще не испытывал в себе. Одна мысль успокаивала его и говорила: "Зачем тебе идти на скандал со следователем? Расскажи, что знаешь, и будет все спокойно, ведь они все открыто служили в собрании, все об этом знали, и неправды в этом никакой нет." А другая, сильная мысль, волновала душу юноши: "А что греховного сделал Иуда, когда он, как и в прошлые разы,

подошел к Христу, назвал Его Учителем и поцеловал, но он оказался предателем. Нельзя, нет! - боролась юная душа.

- Ну, что же ты умолк, голубчик? - спросил следователь, - фамилии назвал, а кто чем занимался, не хочешь сказать, молчишь. Боишься быть предателем? Да ведь, мы же все знаем.

Павел взглянул в его глаза и заметил, как в них сверкал какой-то страшный огонек, но этот огонек вызвал его дух к борьбе, он попытался уклониться:

- Я тогда был еще маленький и ничего не знал, а теперь собраний нет никаких.

- Ну-ну, Владыкин, это уже на тебя не похоже. Прошлый раз ты здесь, по-профессорски, рассуждал и выступал, а теперь хочешь представиться безвинным юнцом. Знаем, что собраний в прежнем доме нет, но ведь баптисты собираются по домам и отец твой там бывает, ну, про отца нам известно, а остальные? Кто бывает, у кого? Будь честен на словах и в жизни. Скажи, кто где бывает? - спросил следователь.

У Павла вдруг созрело решение: идти на все, но христиан не предавать. Он смело посмотрел в землистое лицо следователя и решительно ответил:

- Нет, не скажу!

- Так ты ч-т-о-о! - взревел следователь, - это ведь не с барышней в любви объясняться, ты в кабинете советского следователя!

С этими словами он соскочил со стула, наклонился над юношей и, поднеся руки к его лицу, что-то намерился сделать, но дверь вдруг неожиданно открылась, и его позвали к телефону.

Возвратился он быстро, но уже несколько иным и, близко наклонив лицо свое к Павлу, пристально посмотрел на него. Если бы кто-нибудь мог в это время глядеть на них, то увидел бы, как две противоположные силы, невидимо, боролись одна с другой. Лицо одного из них - посеревшее, как безводная почва, с лихорадочным блеском уходящей жизни в глазах, под преждевременно поседевшими, редкими, непричесанными клочками волос - отражало разрушительную силу смерти. Строгие, привлекательные черты другого, смуглого лица - в стремительном взгляде темных очей - отражали скрытую мощь развивающейся жизни.

- Так, ты мне ответишь на вопрос? - после безмолвной борьбы взглядов, вновь спросил следователь Павла, медленно садясь в свое кресло.

- Да, конечно, - ответил юноша. - Я вот смотрю на вас и думаю, как может честный большевик измельчать до таких бесчестных поступков, какие вы проявляете по отношению ко мне? Ведь, вы же знаете, что только правосудием утверждается любой престол, тем более, отвоеванный народной кровью у самодержавия. Вы бесчестно оторвали меня от учебы, отчислив с факультета за Иисуса. Вы бросили меня в эти тюремные застенки и здесь, не находя повода к обвинению, бесчестно приписываете мне самые грязные небылицы.

Отцы мои, я вас так называю, что вы делаете? Если вы не смогли убедить меня в современной морали вашей действительностью, то какова же сила вашей морали? Когда я два года наблюдал за страданием моего безвинного отца и его единоверцев, то многим был озадачен, в какой-то мере допуская, что это ошибки частных лиц. Но когда я, теперь уже сам, испытываю эту жестокую несправедливость к человеку, как верить вам?

Следователь, постепенно овладевая собою, ответил Павлу:

- Владыкин, я не карьерист и не проходимец, как ты можешь обо мне подумать. Я член партии большевиков и им был еще до революции. За свою идею, я в царских тюрьмах здоровьем заплатил и, как видишь, получил чахотку. Поэтому, уж если вспылил, ты не принимай близко к сердцу, мне ведь было, где нервы растрепать. Ты же еще молод и многого не знаешь; поживешь - другими глазами на многое будешь смотреть.

- Да, - ответил ему Павел, - я, конечно, многого не знаю и многому еще не научился, но различать подлость от честности, как в своих поступках, так и в поступках других - могу. А вот этого понять никак не могу: тюрьмы остались прежними и чахотка в них та же. Как же вы, испытав на себе всю тяжесть несправедливости прошлого - бросили туда же меня, только лишь за имя Иисуса Христа?

Следователь примирительно улыбнулся на вопрос Владыкина, подошел к нему и, похлопав по плечу, вышел из кабинета со словами:

- Ладно, Владыкин, больше вызывать на следствие не буду, видно, что мы не договоримся с тобой ни о чем, будем заканчивать. Сейчас, если желаешь, к тебе могут войти товарищи из производства, я их вызвал по твоему делу.

Оставшись один, Павел усердно и коротко помолился Богу. В молитве он сердечно благодарил Его за такую смелость, твердость духа, мудрость в ответах, и особенно за то, что Господь удалил всякий страх перед его обвинителем.

Через несколько минут в кабинет следователя завели начальника производственного отдела и парторга. При встрече они были несколько напуганы, но когда увидели, что Павел обошелся с ними очень любезно, смятение их рассеялось.

Они были удивлены, что он был естественен и жизнерадостен. Лицо его, вместо печали и отчаяния, выражало бодрость и полное спокойствие. Убедившись, что Павел имеет к ним прежнее расположение, откровенно признались ему (следователя в кабинете не было), что им много досталось, по партийной линии за него, что они получили выговор за то, что не смогли на него, в свое время, повлиять и позволили ему выступать со своим убеждением в клубе. Виновато они объяснили ему, что их вызвали сюда в качестве свидетелей против него, но они откровенно заявили следователю, что против совести сказать ничего не могут. Склонности к религии они в нем раньше не замечали и то, о чем слышали в клубе, для них было совершенной неожиданностью.

Начальник отдела попытался в беседе повлиять на Владыкина и заявил ему, соболезнуя:

- Павел, мне, наверное, больше всех досталось за тебя и, когда было можно, я сделал все, что смог, два года назад, приняв тебя под свою ответственность. Да и теперь, чистосердечно скажу тебе, имею к тебе самое искреннее расположение, ты прекрасный парень, мне жалко тебя, пропадешь ты. Оставь ты свою идею и возвращайся опять в отдел, будем опять вместе работать. Да и крестный твой, Никита Иванович, услыхав о тебе перед смертью, просил передать: "Увидишь Павла, скажи ему так: "Не обдумав дела, не суй свою голову в пекло за него..."."

Павел, посмотрев на начальника, ответил ему:

- Иван Григорьевич! Ведь ты, как говорят, с пеленок знаешь меня, отца моего, мать знаешь и честность Никиты Ивановича. Как же ты в выступлениях на заводе, в газетной статье, да и здесь в протоколе подписал, что я, будучи пережитком капитализма, классовым врагом, чуждым элементом, прокрался в ваш коллектив? А теперь меня убеждаешь в своем чистосердечии и искренности! Вот цена твоему чистосердечию. Ну, предположим, я отрекусь от своей идеи, как ты говоришь, и возвращусь обратно. Что ты тогда будешь обо мне говорить? Как же плевки-то ты будешь вытирать? И главное, кем мы окажемся с тобой, в глазах народа?

Вот, крестный, Никита Иванович, добрая память о нем, он мудрее тебя. Он нигде не плюнул на парня, а только сказал: "Не обдумав дела, не суй свою голову за него в пекло, а коли убедишься в правоте, иди лучше с правдой - в огне не сгоришь!" Вот это отцовский совет. Тебе, случаем, не следователь поручил убедить меня, а? - закончил, с дружеской улыбкой, Павел.

- Ладно, Павел, - глубоко вздохнув, после минутного молчания, продолжал начальник, - кто знает, может быть, в жизни уже мы больше не увидимся. Не имей зла на меня, парень, не сам я - заставили. Любил я тебя, люблю и сейчас: ты счастливее меня, а почему, поймешь после...

В эту минуту вошел в кабинет следователь с конвоиром, чтобы отвести Владыкина опять в тюрьму.

Оба заводских товарища Павла подошли к нему, чтобы попрощаться и, расставаясь, еле сдерживали слезы на глазах. Следователь вышел с ними и о чем-то долго беседовал отдельно...

Глава 2.
За имя Христа.

Владыкин не знал, что в то время, когда его обратно уводили в тюрьму, в другую дверь, на допрос привели его мать - Лушу.

- Ну, Владыкина, - начал следователь, - мы пригласили тебя допросить по делу твоего сына, Павла Петровича. Показания ты должна давать честно, правдиво, ничего не утаивать, от этого будет зависеть судьба сына, будем судить его или нет, поняла?

- Я все поняла, начальник, поняла еще, когда мужа забирали, а теперь и дитя отняли. Я вам на все скажу только одно - я его мать, вот вам и весь допрос, - вытирая слезы, ответила Луша и умолкла.

Следователь сразу насторожился, несколько других присутствующих работников с удивлением посмотрели на Владыкину.

- Как, ты отказываешься подписать протокол и дать показания? Да ты знаешь, что за это бывает? - вскипел следователь.

- Да, только и остался черед за мной, отца с сыном уж отняли, еще двоя маленьких остались дома, а подумали вы сами, за что? - ответила Луша, вытирая ладонью глаза и опять нагнув голову.

- Так, ты совсем отказываешься нам отвечать? - уже более спокойно, спросил ее следователь.

- Я вам ответила, я его мать... вот вам и весь мой сказ. Следователь отодвинул бумагу в сторону и, расхаживая по кабинету, не без волнения, спросил Лушу:

- Лукерья Ивановна, а сколько вы классов кончили?

- Полторы зимы ходила в церковно-приходскую школу, а после Рождества мать моя бросила букварь в закутку (пространство между печью и стеной для скота), да сказала: "Хватеть! Буквы научилась различать и все, вон Полюшку пестать некому", - пояснила Луша.

- Гм... неграмотная баба, а как ты сумела воспитать такого сыночка, что к нему и подступиться не знаешь с какой стороны? - с возмущением, обратился опять следователь к Луше.

- А что, он обругал вас или гордо ответил, или что сделал не так, чем он провинился-та? - спросила Луша с тревогой о сыне.

- Да нет, он не гордо отвечает, он вежливый и сделать ничего не сделал; но не успеешь задать ему вопрос, у него уже на все ответ готов, да ответит так, что и добавить нечего. Как ты сумела воспитать такого? - опять приступил к Луше следователь.

- Н-а-ч-а-л-ь-н-е-к! В ваших школах он учился, по вашим театрам околачивался, ваши книги по всем ночам читал, так что вы его все хвалили да подымали все выше и выше; вы что ко мне, неграмотной бабе, привязались? Вы его воспитали, а не я - вы с ним и разговаривайте!

Следователь от такой неожиданной смелости, вначале, как-то оторопел, потом, взглянув на Лушу, с гневом выпалил:

- Хватит тут, нам нравоучений. Уходи домой! Яблоко от яблони далеко не падает: какая мать - такой и сыночек.

На этом все попытки к обвинению Павла Владыкина были закончены.

* * *

Через несколько дней его опять вызвал следователь и объявил ему:

- Следствие по твоему делу, Владыкин, закончено. Из-за недостатка доказательств твоей виновности, суд в производство дело твое не принимает, но, учитывая твое влияние на окружающую среду, особенно молодежь, и опасность твоих несовременных идей, на волю тебя мы не отпустим. Мы загоним тебя туда, куда "Макар телят не гонял" (на край света), и выбьем из твоей головы этот опиум. Мы не отпустим тебя оттуда, пока ты не расстанешься со своим Иисусом. Понял?

- Начальник, - ответил Павел, - я скажу вам на это: "Много замыслов в сердце человека, но состоится только определенное Господом", - так говорит святая Библия в Прит.19:21. Простите меня, если я, за это время, чем огорчил вас, кроме защиты истины. Один раз мы еще с вами увидимся: но уже не на моем суде, а на вашем - перед судом Божьим, если вы тоже не покаетесь и не станете христианином.

С высоким подъемом духа Павел возвращался в тюрьму, в это время он чувствовал себя, как Давид после сражения с Голиафом. Ему казалось, что он не шел, а летел на могучих крыльях и только, когда подошел к тюремным воротам, очнулся, как бы от сна. Ведь борьба только началась, но как и где ей будет суждено продолжаться, с какими противниками, препятствиями и опасностями придется встретиться? Где и какой ее конец? Все эти вопросы, как-то вдруг, предстали перед Павлом и, переступая порог камеры, он увидел не толпы ликующих девиц (как встречали Давида идущего со сражения), а те же серые лица арестантов, среди которых началась его тюремная жизнь.

Из камеры кое-кого забрали и поместили новых людей. В частности, перевели его советника "Бродягу", с которым он любил делиться о тюремной жизни. То, что следствие закончилось, его несколько опечалило тем,

что ему не придется иметь сражений, в которых он благодушествовал, свидетельствуя своим обвинителям о Боге. Но рад был тому, что уже прекратились эти допросы, на которых из него выматывали душу бесчестными уликами или расспросами о верующих.

На второй или третий день его перевели с нижнего этажа наверх, как и всех, у кого оканчивалось следствие. Этому он был очень рад, потому что снизу, кроме тюремного двора, ворот и прочих тюремных построек ничего не было видно. Все это тюремное, жуткое, щемящее душу, так скоро надоело. Арестанты, конвоиры - все кружилось перед глазами, как заведенная машина, и от всего веяло горечью какого-то удушья.

Первое, что его обрадовало в новой камере - встреча с "Бродягой", с которым они встретились, как родные. Второе - в просторной камере, вместо сплошных нар, были расставлены железные кровати, отдельно для каждого арестанта. И третье, что особенно ободрило душу Павла - это обширный вид на окрестности города, открывающийся из двух светлых окон.

После первых же, коротких слов знакомства с новыми арестантами, Павел прилепился к окну и, ухватившись за тюремные решетки, жадно вдыхал свежий воздух, наслаждаясь зрелищем вольной жизни, которая была теперь в 4-х метрах за высокой тюремной стеной, и так заманчиво открывалась его взору.

Прямо под окном, он увидел дом Громова Максима Федоровича, где (в детстве) так много проходило первых собраний. Вон, тот таинственный сад, из которого он когда-то наблюдал, как арестанты перелезали через тюремный забор и, прячась в кустах малинника, убегали к семьям "на побывку". Может быть, из этого самого окна, когда-то в детстве, он видел, как "Рябой Серега" разговаривал с отцом, а вон, около той яблоньки, он робко прижимался к отцу и никак не мог разглядеть лицо того самого "Рябого".

За садом, под крутым обрывом, серебристой полоской тающего льда красовалась речка, там, когда-то в летние дни, он первый раз научился плавать, ловить уклеек и плотву.

Немного выше по течению, над крутым обрывом, как ласточкино гнездо, синел домишко, в котором было пережито столько волнующих моментов бурного детства. Дальше, за просторами огородов и заливных лугов, тянулось пригородное село, посреди которого возвышался храм, с высокой колокольней. Из прочих, шестидесяти колоколен города, она отличалась особенно бархатным звоном.

Все существо Павла рванулось к тем широким просторам, облитым сияньем весеннего солнца.

С шумом, отрываясь от карнизов, падали на землю сосульки, облитые весенними каплями. По-весеннему каркали вороны, шарахаясь в сторону от проезжих розвальней, нагруженных празднично-голубыми кубиками выколотого льда. С криком разбойничали голодные стаи воробьев по размякшим дорогам. На припеках весеннее солнце причудливо ноздрило, наметенные зимою, сугробы. Всюду виделось первое дыхание весны.

Сегодня Павлу исполнилось 21 год. В детские годы, в этот день, бабушка Катерина непременно, бывало, испечет из сеянки пахучую лепешку, помажет конопляным маслом или сметаной и, выждав, когда все лишние свидетели разойдутся из избы, украдкой сунет Павлушке в руку гостинец.

Да, любила она его, любила, как свою душу; а теперь, знает ли она, что ее "озорник", вместо жилистой бабушкиной руки, обнимает эту холодную, тюремную решетку, которая так безжалостно разлучила его с ней и, может быть, теперь уже, на все земные дни. Голова беспомощно упала на протянутую к решетке руку, и ресницы часто-часто заморгали...

- Ты что, оглох, что ли? Никак не дозовутся тебя, - толкнув в плечо Владыкина, подошел к нему "Бродяга". - На свидание вызывают.

Павел, очнувшись, посмотрел на открытую дверь камеры и торопливо вышел в коридор за надзирателем. В дежурке раздавался взволнованный, многоголосый говор людей, пахло вареной картошкой, жареным луком, ванилью от пышек и овчиной от деревенских полушубков.

- Родимец, ты мой! Дитятко, ты мое! - услышал Павел знакомый, волнующий голос Катерины и, не успев с улицы ничего разглядеть, он неожиданно запутался головой в распахнутой бабушкиной шубе.

После первого приступа нахлынувших чувств, при такой неожиданной для Павла встрече, всем усилием он взял себя в руки, и как только мог, поспешил утешить бабушку и мать. С пальцем во рту, непонимающими глазенками, рассматривала его сестренка, стоя между коленок Луши.

На первое свидание к Павлу пришла мать с сестренкой и Катерина. Больше месяца они не видели лица друг друга, а теперь, увидев, от избытка чувств не знали, с чего начинать и о чем говорить. Их посадили за длинным столом. А Катерине, по особому расположению надзора, разрешили сидеть рядом с внуком.

На столе стояла махотка с горячей вареной картошкой, обложенной солеными огурцами, и целая стопка тех самых лепешек, о которых Павел, всего несколько минут назад, мечтал у тюремного окна.

"Как велика милость Божья ко мне и Его любовь! - подумал Павел, глядя на бабушку с мамой и гостинец, - как она могуче проникает, даже в эти тюремные потемки!" Дома он не придавал бы значения: ни махотке с картошкой, ни лепешкам, а здесь - все это было необычайно дорого. Павел не мог удержаться и, отвернувшись на мгновение, вытер ладонью набежавшую слезу.

- Ну вот, сыночек, - начала Луша, - я уж, первая, тебе все выложу, что на душе, а потом бабушка. После твоего ареста, по всему заводу, все позорили тебя, у-у-х как страшно слушать, а люди-та все понимають, да мне все рассказывут, да многи, так полюбили-то тебя, по городу-то мне проходу не дають. Откуда только узнали, что я мать-то твоя? Да все подходють, да утешають, а уж слова-то твои все друг дружке пересказывуть. Ведь, всех поразило, как такой молодой, грамотнай, а сам, такой божественнай парень-то! А в газетах-то позорють, как толька им вздумаеца, ну ничего, сынок! Крепись, Бог правду Сам защитить!

Ну, меня из цеха тут же выгнали, как толькя тебя арестовали. А то хвалили, хвалили, как передовую, редкую мастерицу, а тут бац, да и вон, с завода-то! Я, было, уборщицей просилась. Ведь, жить-то нада?! Да, куда там, и близко к заводу не подпускають. Ну вот, хожу по богатым людям да стираю на них. А хлеб-та сейчас без карточек дають. Слава Богу!

А вот тебе твоя симпатья, Райка, с какой тебя гулять-то провожала тетка - гостинец передала, - продолжала Луша, передавая какой-то сверток сыну.

- Мама, - остановил ее Павел, - я ее гостинец не приму, блудница она, и пусть с мужем своим мирится, к греху возврата нет.

- Ну, а цыганка-то твоя (Катя) шлет уж какое письмо, да я в них ничего не разберусь, да и не распечатыву. По правде сказать, я сюда взять побоялась. Федор (так они условились называть отца) рад за тебя, все слава Богу. Верущи-то все услышали про тебя, да так зашевелились, каюца и не бояца уж собираца-то. А уж следователь-то, меня за тебя, все и так, и сяк, а я ему одно - я мать ему и все, а после, как Бог дал ума ответить, что он аж глаза вытаращил. Да и выгнал меня домой. Ну, а вот, вчерась, помягчел, дал свиданье, ну и вот, ведь, говорить, что судить-то тебя не будуть, может, отпустять. Ну, наврят, уж больно они на тебя обозлились, жалуюца, что, мол, сказать нам ничего не даеть: мы ему слово, а он десять в ответ. Ну, я радуюсь за тебя, сыночек, не унывай, будь тверд и мужествен до конца, Бог не оставить тебя!

- Да ты что, старая, - вмешался надзиратель, внимательно слушая Лушу, - сын в тюрьму попал, а ты, как на свадьбе радуешься, с ума сошла ты, что ли?

- Бабка, - обратился он к Катерине, - постыди хоть ты ее, я догадываюсь, ты мать ее. Парня надо на добрый путь направить, ведь ни за что он пропадет, а он, как я вижу, совсем неиспорченный. Молиться, мы все молимся, а это что ж за вера такая, что за нее в тюрьму сажают? Вразуми ты ее, ты старый человек, дай и парню ума, я вижу, как он любит тебя, да и ты слезы льешь по нему.

- Касатик, батюшка! Я уж, больно темная, старуха-то, - начала Катерина в ответ надзирателю, - да и не знаю, как тебе ответить-та. Я плачу не от жалости, родимец, от горя-то я уж все слезы выплакала; я плачу от радости, что мой внучек так любеть Бога-то, что жысть свою не щадить, и такую кару принял за Спасителя. Вот, когда он по вашим театрам шатался, я громко молилась Богу за него, я ведь, с пеленок его от смерти на коленях у Бога вымолила. Своею грудью в морозы отогревала, а теперь, когда он на Божий путь встал, я успокоилась. Бог сохранит его везде. А насчет тюрьмы, я тебе скажу, касатек, да и сам ты, чай, знаешь - нешто тут только разбойники сидять? Ой, родимец ты мой, сколько в ней сидело и царей, и великих князей, енералов, святых людей; в ней сидели ведь и Апостолы Господни, да и Сам-то Спаситель, батюшка, рядом с разбойником на кресте висел; вот то-то и оно, родимец, а что за внучека маво, он на истинам пути, и Господь сохранить его.

- Да так-то, конечно, так, это все верно, бабушка, - согласился надзиратель, - но жалко паренька-то, больно уж молодой.

- Да, а что, касатек, толку-то, вот, от нас-то, что вот, я на старость-то, чем я Богу-то служу? А он молодой, всем Богу послужить можеть.

Павел был настолько рад услышать и увидеть такое свидетельство со стороны матери и бабушки, что для него и дежурка, и люди в ней - все казались родными, милыми.

В детстве он слышал проповеди М. Д. Тимошенко, Степина и других великих проповедников, но как ему казалось, они не смогли бы принести того утешения и ободрения, какие он услышал из этих уст, неграмотных, простых, матери и бабушки.

Наговорились они досыта, с радостью он кушал, еще горячую, картошку с солеными огурцами, и, утешенные взаимно, расстались нехотя, когда им объявили о конце свидания.

Катерина встала, и уже без слез, обняв голову внука, сказала ему:

- Ну, дитятко мое, двадцать годов назад я вымолила тебя у Бога, на руках своих носила, за ручки потом водила, теперь я уж не услежу за тобой и не угонюсь, но зарок я Богу дала о тебе, все время молиться за тебя, пока Бог не приведет тебя опять на порог, в избу ко мне. Спаси тебя Христос! - С этими словами она поцеловала его стриженный лоб и проводила до двери дежурки.

Луша поцеловала сына, уже на ходу крикнула:

- Только молись, сынок!

У самой двери сестренка, путаясь в ногах, как-то необыкновенно уцепилась за руку и никак не отпускала Павла, пока надзиратель, уже решительно, приказал ей идти к матери. Павел только в последнее мгновение, когда отпустил ее, почувствовал в руках какой-то комочек. Только в камере он разглядел, что эта была "пятерка" денег.

- Паля! Паля!.. - услышал он приглушенный голосок сестренки, входя в дверь тюрьмы, и отчаянный стук в железные ворота.

- Ты смотри, она отчаянней меня, - проговорил Павел, вспоминая свое детство, когда приходил к отцу к воротам тюрьмы.

Возбужденный от радости, он вошел в камеру, раздал гостинцы арестантам. "Бродягу", как совершенно безродного, Павел накормил досыта, рассказав все подробности свидания. Видя такую привязанность к себе, "Бродяга" в свою очередь располагался к Павлу с каждым разом все больше, посвящая его в особенности тюремной жизни.

Однажды, в обычном порядке, Владыкину передали передачу, оставив все с сумкой, надзиратель приказал коротенько написать матери ответ. Павел все выложил на стол, тщательно осмотрел обшитую материей сумку и, написав ответ, решил поставить ее к дверям камеры. По пути его внезапно остановил "Бродяга" и, потянув к себе, сказал:

- А ну-ка, дай мне на ревизию, я вижу, что ты еще никак не привыкнешь к тюремным порядкам. С этими словами он внимательно посмотрел на дверь камеры, потом тщательно стал осматривать сумку, ощупывая ее обшивку. Ему показалось подозрительным, почему новая сумка оказалась обшитой тряпкой.

На глазах Павла он слегка подпорол внизу кончик обшивки, покопавшись пальцем под днищем, торжественно вытащил сверток, обернутый в тряпочку, и отдал ему. Сверточек был величиною почти в половину спичечной коробки.

Развернув его, Павел не удержался и вскрикнул от удивления: перед ним на ладони было миниатюрное Евангелие от Иоанна.

- Ну вот, парень, а ты бы отдал его обратно, видишь, мать-то у тебя, хотя и неграмотная, но смотри какая предусмотрительная, - ответил ему "Бродяга". - Да ты посмотри, нет ли там еще чего?

Павел, теперь уже сам, подорвал тряпку еще больше, просунул руку и обшарил под ней днище; рука что-то опять нащупала и, вынимая, он увидел, как блеснула красным цветом свернутая "тридцатка" (30 рублей).

"Бродяга" быстро взял сумку из рук Павла и, торопливо работая иголкой с ниткой, восстановил обшивку сумки, довольно заметив:

- Вот, парень, а ты бы сдал все обратно, да хорошо еще, если надзор без осмотра возвратил бы матери, а то, обнаружив, пользовался бы сам. Тут же, как никак, тридцать рублей тебе на много хватит.

Вот так, милый, приучайся к тюремной жизни, - с этими словами он все восстановил по-старому и, положив записку, кинул сумку к двери как раз в тот момент, когда надзиратель пришел за ответом.

Счастью Павла не было границ. Ведь Евангелие, Евангелие теперь в его руках! Именно его он просил у Бога. Оно так дорого, особенно в жизни арестанта. Но он не знал, каким путем Бог пошлет его. И оно пришло, действительно, вовремя. У Павла к этому времени наступал какой-то кризис, тоска все чаще и смелее стала заглядывать в окно его души, но периодически Господь чудесами Своими ободрял его.

Особенно ясным стало для юноши, что в каком бы раздумье он не оказался, стоило только ему начать беседовать с кем-либо о Боге, как в душу вливалась бодрость и радость, и он совершенно преображался.

В один из дней их погнали в баню, и там, когда уже Павел оделся и приготовился к выходу, ему, в сумерках, сунули конверт с письмом. От неожиданности он даже растерялся, а когда пришел в себя, то уже никого не мог заметить. Кто его сунул, ему осталось неизвестным.

Придя в камеру и распечатав его, он сразу затрепетал: на аккуратно свернутом листке Павел узнал почерк Катюши.

"Павел! Совершенно не знаю что думать: пишу пятое письмо, а ответа никакого нет от тебя. Заболел ли ты? Случилось ли что с тобой? А может, решил вообще порвать со мной? Пойми меня, душа мечется в думах, и я не знаю, что делать! Поехать к тебе, но ведь - это для девушки позор. Неужели нельзя прислать, хоть маленькую записочку? Прошу тебя, или, может быть, домашних твоих, сообщите хоть два-три слова, что с тобой?

Люблю по-прежнему, целую, твоя Катя."

Никогда он не испытывал еще подобного состояния. Душу охватила такая грусть и отчаяние, что он их ничем не мог унять. Павел пытался молиться, но молитва не изгоняла тоски, читал Евангелие, но тут же забывал, о чем читал. Беседовать ни с кем не хотелось.

Грусть совершенно овладела им, и он, как прилип к тюремной решетке, так и не заметил, как прозвонил тюремный "отбой".

Очнулся он лишь тогда, когда в двери камеры щелкнул замок, и, отворив ее, надзиратель молча, жестом руки поманил его к себе, на выход.

Недоумевая, он смотрел на незнакомое лицо.

- Садись! - проговорил ему надзиратель, усаживая на табуретку рядом с собой в своем уголке. - Ты не знаешь меня?

- Нет, я не вас знаю, - ответил Павел.

- Я брат "Сергея Рябого", Василий, работаю здесь надзирателем еще с тех пор, когда он был жив и сидел здесь. Мать твоя просила помочь тебе, чем могу, поэтому, если что надо, скажи или напиши, я все передам. Сегодняшнее письмо я тебе передал, но смотри, будь осторожен. Я помню, как много твои родители сделали добра моему Сергею, теперь я рад отплатить тебе за него.

Обрадованный этой неожиданной встречей и таким знакомством, Павел возвратился в камеру и стал на колени.

В ночной тишине юноша изливал свое переживание пред Господом. Он сердечно молил помочь ему - победить эту, разрывающую душу, тоску о Кате, жаловался Богу, что он совершенно растерялся от этого гнетущего чувства.

Во время молитвы, Павел на минуту как бы забылся от всего, и ясная, сильная мысль озарила его душу:

"Кто любит отца и мать более, нежели Меня, не достоин Меня; и кто любит сына или дочь более, нежели Меня, не достоин Меня; И кто не берет креста своего и следует за Мною, тот не достоин Меня. Сберегший душу свою потеряет ее; а потерявший душу свою ради Меня сбережет ее" (Матф.10:37-39).

Тихим, но мощным потоком эти слова разлились, как лекарство по всему внутреннему существу Павла и принесли с собою всеутоляющий, действительный покой его мятущейся душе.

После молитвы он заснул спокойным, крепким сном.

При разговоре с Василием он готов был еще вчера, тут же написать ответ Кате, утешить ее признанием в своей любви, объяснить свое положение и убедить, чтобы она не оставляла его, но терпеливо переносила разлуку; что даже эта, неожиданная услуга Василия вовремя послана от Бога.

Пробудившись утром, Павел почувствовал, как мужество и тихая, святая уверенность от слов Спасителя, какие он вчера почувствовал в молитве, возвратились к нему и овладели всем его существом. "Только Его я должен и хочу любить всем сердцем и больше всего".

После утренней, камерной суеты с подъемом, оправкой и завтраком, Павел с нетерпением прильнул опять к тюремной решетке.

"Ничего я ей не напишу, кроме краткого объяснения, - подумал Павел про Катю, - она не должна быть дороже моего Спасителя, - а там пусть думает, как ей поступить".

За окном, бегущими ручьями и щебетанием птиц, звенела желанная весна. Колокольные перезвоны торопили, празднично одетых людей, к заутрене. С вербами в руках они, почтительно раскланиваясь проходящим, цветастой гурьбой толпились на церковной паперти, обласканные яркими утренними лучами играющего апрельского солнышка.

В открытое окошко Павла обдало весенней, бодрящей свежестью, и приятно пьянило голову.

Звонкой стайкой запоздалые девушки вынырнули из-под обрыва и с вербочками в руках, перебегая речку по льду, спешили в церковь.

У Павла что-то щипнуло в груди, когда он, завистливо, проводил их глазами до самой паперти.

Вспомнилось отрочество, стройное хоровое пение на собраниях, вечеря любви на праздниках - и так всколыхнуло душу; а теперь он здесь. Тоска злодейски, откуда-то издалека, начала медленно глодать душу.

Павел встрепенулся, вспомнил слова Спасителя, пришедшие на память в молитве и, зажмурив глаза, тихо, но сердечно воззвал к Господу:

- Господи, ведь Ты Сам сказал, потерявший душу свою ради Меня, сбережет ее, да еще получит во сто крат более.

Вот, я здесь решаюсь отдать Тебе самое дорогое в моей жизни: юность, первую любовь к девушке, жажду к учебе и знаниям. Но не только поэтому отдаюсь Тебе, пусть я ничего здесь не получу. Отдаюсь потому, что прежде и больше всего люблю Тебя. Господи, помоги мне не обмануться. Я всецело доверяюсь Тебе, хочу быть верным и послушным во всем, но желаю быть счастливым, грамотным и образованным. Мою любовь к девушке я жертвую ради Тебя, но хочу получить больше. Дай мне испытать это счастье - счастье потерянной жизни, ради Тебя и Твоего Евангелия. Аминь.

Долго, после молитвы, он наблюдал в окно, будучи совершенно отключенным от камерного шума, а во внутренней тишине так четко звучали слова Спасителя: "Не бойся, только веруй!"

Приступы грусти с тех пор не одолевали его: они подходили, но какой-то мощный барьер ограждал сердце юноши от них. И стоило Павлу вспомнить ту молитву посвящения, как все искушения отступали.

* * *

Прошли пасхальные дни. В камере всюду видны были причудливо разукрашенные куличи, белели пирамидами "пасхи" и пестрели, в разные цвета раскрашенные, яички. Все это наносили арестантам родственники или просто богомольные благодетели, но грусть на лицах оставалась неизменной.

Как и все арестанты, Павел от своей пасхальной передачи поделился с "Бродягой". Кучка всяких лакомств лежала у его изголовья, аккуратно сложенная на холщовом полотенце. "Бродяга" перед пасхой выстирал свою гимнастерку, аккуратно выбрил, тюремным способом, лицо и, подвязав под шеей постиранный, старенький, расшитый всякими узорами, носовой платок, сидел довольный, слушая рассказы Владыкина о смерти и воскресении Христа. Потом, глубоко вздохнув, он наклонился близко к Павлу и вполголоса начал:

- Так вот, и у меня случилось, как у Спасителя, Владыкин. Когда-то, не сосчитать сколько, толпилось вокруг меня всякого люду, ждали подачки, каждое слово ловили, пересказывали друг другу, делая всякие выводы из него. Простой люд "снопами" валился в ноги с почтением, когда я проходил или проезжал мимо них на пролетке. А теперь, вот видишь, как Христа раздели, оплевали и венок надели колючий, да не за что прицепить - голова от горя полысела. Потом и распяли ироды - злодеи-комиссары, как фарисеи Христа. У-у-ух! Чума народная! Нет на них погибели! Вот, чего Господь смотрит? Посмотри, сколько погубили разного, честного люду, да и теперь еще губят. А сами, вон, по улицам расхаживают в хромовых сапогах да в хромовых галифе. Вчера лапти только сняли, а теперь житья от них нет. Я уж, тебе откроюсь, парень, только язык-то за зубами держи, вижу ты справедливый малый.

Большое богатство я имел при царе, жил, конечно, в свое удовольствие, целая конюшня выездных была (лошади для выезда). Жена, что ни бал - новое платье, а балы-то были каждую неделю. Красавица она у меня была, как и сам я, из дворянского рода. Деньгам счету не знал. Ну, известно дело, и попивал изрядно, да что говорить, вся жизнь была - сплошной бал. И нищих не забывал, особенно на праздники медяков горстями раздавал, да и золотой кому-нибудь для потехи подкину, на "ура". Эх, братец, забава была! Как кинешь им золотой, ведь свалка целая, только лапти сверкают, а лохмотья трещат, пока золотой, вместе с грязью, у кого-

либо в руке окажется. А теперь вот, сам бродягой стал и куску черного хлеба рад. Ох, парень! Жизни такой не рад, а смерть-то не больно приходит. Вот и скитаюсь под чужими фамилиями, и Бог один знает, будет ли конец жизни такой, или нет?

А вот, на тебя смотрю и не понимаю, комиссары у тебя жизнь отнимают совсем ни за что, да ты, вроде, и человек-то ихний, а я вижу, никакого зла не имеешь к ним. Если даже кто-нибудь из них окажется здесь, думаю, что ты и с ними поделишься, как со мной. Душегубы они, парень, я бы своею рукою давил их здесь, и ты дави, где сможешь.

Павел молча выслушал его и, когда тот замолк, ответил ему:

- Ну вот, "Батя" (так звали "Бродягу" в камере), ты рассказал про свою жизнь, в какой ты роскоши провел ее, а рядом с тобой жил такой же, как ты, русский человек, был рад твоему пятаку, однако, ты не просто делился с ним, как Христос с голодной толпой, тем же хлебом, который ел Сам и народ кормил. Ты вот, с твоей милости, потеху устраивал над бедным народом, а когда-нибудь думал над тем, что ты живешь и пируешь потому, что голодают они? Ты живешь их потом и кровью. Ты и Господом недоволен, что Он не мстит за тебя комиссарам, что они теперь гуляют по улицам в хромовых штанах и сапогах, а ты вот, прячешься от них?! А почему ты забыл, когда в сафьяновых сапожках, в шелку, в бархате разгуливал с женою по этим же улицам, а они в сермягах да в лаптях прятались от тебя? Разве ты заработал себе это богатство и почет, каким обладал? Нет, Бог, когда-то вверил его твоим отцам, а потом и тебе, чтобы ты разумно пользовался богатством и распределял его между такими же людьми, как и ты, благодаря Бога. Ты же проматывал его и потешался над бедным народом, потому Бог и отдал тебя в руки тех, над кем ты потешался, чтобы ты узнал, что ты такой же человек, как и они, а богатство твое пустил по ветру. Ты не обижайся на меня, что я так прямо говорю тебе. Я не радуюсь, что тебя лишили твоего богатства, но рад, что Бог привел тебя сюда, чтобы тебе показать, что есть Бог, который справедливо судит. Ты хвалишься своим милосердием, но русскому народу были нужны не твои медяки и хоромы, а твоя любовь к нему и честность. Ты меня призываешь душить их? Несправедливому миру нужен не твой или мой кулак душегуба, а справедливость и любовь Божья. Вот, я и посвятил себя правде Божьей и Его любви. А что такое, мои противники? Это люди; сегодня они мне делают зло от души, завтра, от той же души сделают добро, смотря под чьим влиянием они окажутся. Христос сказал: "Мужайтесь, Я победил мир!" Чем победил? - Любовью. И христианин может победить зло любовью,

- Да, это так, но сколько вас с такой идеей любви? Маленькая горсточка! - прервал Павла "Бродяга".

- Пусть горсточка, - ответил Павел, - а сколько нужно соли, чтобы кастрюлю мяса сохранить от разложения? Только горсточку! Так что ты успокойся, судьбы людей в твоих руках уже не будут, душить противников ты не сможешь. У самого петля уже на шее, и ее остается только затянуть. Хватит, пожил для себя, поживи хоть немного для Бога и для других. Ведь только в этом подлинный смысл жизни.

На этом их беседа закончилась. "Бродяга" совершенно не думал, что такой молодой паренек выскажет ему, так смело и правдиво, всю правду о жизни. С тех пор он к Павлу стал относиться без чувства превосходства и много-много думал о его религии, о своей прошлой и настоящей жизни. Вскоре его забрали на этап, объявив ему три года лагерей по статье 630 (без определенных занятий). Где и как закончилась его жизнь, знает один Бог, но Владыкин был рад, что смог несколько слов сказать ему о Боге.

Глава 3.
На Дальний Восток.

Вскоре и Павлу принесли маленький клочок бумаги, в котором было сказано, что следствие его велось по статье 58/10 УК РСФСР, но за недостаточностью материала, он суду не подлежит. Однако, органы НКВД располагают данными, по которым Владыкин П. П. признан по своим религиозным убеждениям опасным для общества. Поэтому особое совещание при НКВД лишает его свободы на 5 лет с содержанием в отдаленных лагерях НКВД.

Когда объявили об этом в камере, то все арестанты пришли в изумление. 5 лет лишения свободы мальчику, которому здесь исполнилось 21 год, за его убеждения, это было потрясающе! Причем - без суда и каких-либо улик!

Вскоре Владыкину объявили собираться в этап. Сообщение об этом было так экстренно, что он не успел предупредить своих домашних, и, когда их выстроили на тюремном дворе, просчитали и скомандовали: "шагом марш", в раскрытых воротах, среди толпящихся родственников, Павел не увидел ни одного знакомого лица. Идя по мостовой, юноша увидел по бокам и впереди себя конный конвой с обнаженными саблями и вспомнил с содроганием в сердце: пять лет назад по этой мостовой прошли рядом, под злобные окрики конвоя, его отец и мать, с арестантской сумой на спине и братишкой на руках. Тот же Господь, который ободрял и укреплял их, шел незримо рядом, теперь и с Павлом Владыкиным. Он чувствовал Его близость и, когда проходил городскую заставу, тихо произнес, прощаясь с городом: "Ты изгоняешь меня, обрекая на погибель, но пройдут годы, Господь мой, на Которого я уповаю, возвратит меня, и я вновь вступлю своими ногами в тебя с победою и еще буду проповедовать в домах твоих о моем Иисусе".

Медленно, под окрики конвоя, они рядами (по пять человек) двигались, удаляясь от городской заставы .

Там за заставой, среди благоухания в серебре по-весеннему расцветающих садов, оживал город. Позади остались парки с знакомыми аллеями, родные улицы, где каждый дом с детства отличался своей особенностью; школы, в которых проходило звонкое, полное различных приключений, детство; родная семья; где-то там дальше - родные Починки с милой бабушкой Катериной...

- Нет, об этом теперь нельзя, - встрепенулся Павел.

Конвой остановил колонну арестантов. Облако удушливой пыли надвигалось сзади и плыло вместе с колонной, поэтому, кто был помоложе, перебегал вперед, а больные и старые задыхались от пыли, сгибаясь под тяжестью арестантских пожитков в мешках.

Когда они вышли на простор огородов, ветерок отогнал от несчастных клубы пыли, и весеннее солнце, спеша за холмы, последними лучами ласкало задумчивые лица арестантов.

Точно так и в такое же время, проходили здесь отец с матерью и, может быть, даже кто-либо из этих конвоиров сопровождал их. От этого сознания бодростью наполнилось сердце у Павла и он, отбросив воспоминания об оставшемся позади родном городе, сосредоточенно шагал впереди, представляя, что он может идти по следам своих родных. На всем протяжении от тюрьмы до станции, Павел, как ни вглядывался в лица прохожих, не встретил ни одного знакомого. Грустно стало ему от этого, и тогда он понял, как дорого в такие минуты увидеть, хоть издали, близкого, родного человека.

На вокзале их ожидал специальный вагон, такой, в каком он видел когда-то отца. Погрузка их длилась недолго, а через два-три часа, уже в надвигающихся сумерках, Павла увозили из родного города. Сквозь решетки окна вагона он видел, как пробегали знакомые корпуса завода, серым пятном промелькнул наклонившийся домик, где по словам матери, он родился. Медленно проплывал перед глазами могучий весенний разлив полноводной реки, шуршащей причудливыми глыбами, беспорядочно громоздившихся льдин. Потом все сразу исчезло за темной стеной мелькающих сосен. Павел отвернулся от окна и с глубокой молитвой проводил, оставшийся за окном, город.

* * *

Рано утром Павла Владыкина и всех его товарищей выгрузили и построили в колонну около вагона на товарном дворе железнодорожной станции города Рязани.

Редкие прохожие, при виде колонны арестантов, испуганно прижимались к забору. Какая-то старушка, с кошелкой в руках, несколько раз набожно перекрестилась, боязливо поглядев на проходящую толпу.

Вскоре их подвели к огромному зданию с полукруглой аркой в середине, и он впервые увидел, что все окна у него непривычно, как у слепого человека, закрыты козырьками, обращенными вверх. "Это тюрьма" - промелькнуло в сознании Павла.

На стук конвойного моментально открылось смотровое окошечко и, вслед за ним, со скрежетом, медленно отворились тюремные железные ворота, пропуская арестантов, но тут же, с грохотом, закрылись вслед за ними. С другого конца туннелеобразной арки выход был закрыт такими же огромными воротами, но из железных прутьев. Сквозь них Павел, не без легкой дрожи, увидел через просторный двор огромное, угрюмое здание крепости-тюрьмы в несколько этажей.

По углам его были расположены массивные круглые башни с маленькими окошками, уходящими вглубь узкими щелями, в которых едва могла поместиться голова человека. Кто-то из арестантов, будучи уже знаком с расположением крепости, объяснил, что в этих башнях содержатся или осужденные на смерть, или приговоренные к одиночному тюремному заключению.

Павел отвернулся от этих ужасных башен, заключив, что еще насмотрится на все это за свои годы.

Вскоре их разделили по разным камерам и он догадался, что не здесь будет место его постоянного обитания. Некоторые легли на деревянном полу и беззаботно уснули, но Павел от волнения не мог спать.

Для него все было совершенно ново! Он стоял одиноко в стороне и изучал обитателей камеры. За массивной железной решеткой виднелись глухие стенки одного из козырьков, какие он видел снаружи.

К нему подошли, весьма почтенного вида, старичок со старушкой, по-старинному, прилично одетые, и, узнав, за что арестовали Павла, со слезами на глазах, доверчиво рассказали о своем горе. Оказалось, что у соседа, где они жили, сгорел дом, а их обвинили в умышленном поджоге, так как они жили в частых ссорах с ним, хотя, по их словам, они до старости никогда ни с кем не были в тяжбе. Теперь же злой сосед, по зависти показал на них, представив ложных свидетелей, и их, несмотря на горючие слезы и заверения в невиновности, осудили: старичка на 5 лет, а старушку на год. Павел смотрел на них с горьким сожалением и сказал, что утешение они найдут только в Боге. Господь допустил это, чтобы они в свои годы, покаявшись, жили уже не для себя, а посвятили их Господу. С умилением они слушали эти необыкновенные слова и признали, что, действительно, ничего для Бога не делали, и теперь, если Он даст милость им еще выйти из этих ужасных мест, то оба посвятят свою жизнь для Него. К сожалению, вскоре вошло тюремное начальство и развело их по разным местам.

Павла, неожиданно для него, с немногими другими арестантами завели в здание крепости, в подвал. Из широкого сводчатого коридора направо и налево видно было много больших дверей. К одной из них подвели его и, открыв ее огромным ключом, втолкнули в большую камеру.

Камера состояла из двух отделений, разграниченных между собою огромными столбами. Потолки сводами опускались к полу. Под густым настилом соломы нащупывались неровные каменные плиты. Через небольшие два окна вверху, еле заметной полосой синело утреннее небо. Арестанты свободно разместились на полу. Из разговора с ними Павел заключил, что все они, сравнительно, молодые и, что здесь долго не задержатся.

Павел был очень рад такому предположению, потому что, откровенно говоря, он страшился, думая, что здесь пройдут все его годы; и такую тюрьму он видел в картинах художников, такой и представлял ее из тех немногих рассказов, какие доходили до него.

Осмотревшись, он облюбовал место рядом с подобным себе юношей, узнав в нем своего земляка. В городе Павел ранее видел и знал его, как одаренного пионервожатого, редкого активиста и был крайне удивлен, что парень занимался карманными кражами, и по сути был воришкой. Общественная работа была для него ширмой.

Павлу быстро надоели его рассказы о мерзких преступлениях, и он, поднявшись, стал прислушиваться к людским речам. Большинство бредило рассказами о бывшей амнистии в 1927 году. Описывали Надежду Константиновну Крупскую, складывая всякие легенды о ее милосердии, и успокаивали себя возможностью скорого повторения такой же амнистии, по неизвестно какому поводу.

Вскоре дверь камеры открылась, и в коридоре со всех сторон арестанты окружили кадушки с тюремной баландой. Шел обед. За истекшие два с половиной месяца, Павлу уже пришлось основательно познакомиться с тюремной пищей, и с молитвой, он доверчиво кушал, что давали, за все благодаря Бога. Но то, что он увидел здесь, превзошло все, виденное им раньше. По виду и запаху, жижа в кадушке вызывала отвращение.

Однако, Павел набрал миску и, отойдя в уголок, помолился Богу:

- Господи, святым пророкам Твоим приходилось встречать еще худшее, освяти эту пищу, чтобы принять ее без осуждения и не на вред... - так, смиряя свою плоть, Павел принимал первые уроки в великой школе жизни.

На прогулке все окружающее, что он мог увидеть со двора, леденило душу при одной мысли: неужели суждено мне годы провести в этих ужасных стенах? Особенно его внимание привлекла высокая тюремная стена необыкновенной толщины с острыми шпилями, торчащими поверх ее.

Из тюремных окон неудержимо вырывалась наружу многообразная пошлость тюремной жизни, истерично соревнуясь между собой.

Взрыв сквернословии возрастал, преимущественно, тогда, когда на тюремном дворе появлялись заключенные женщины. Павел был крайне удивлен, видя, как могут низко пасть женщины, изощряясь в отвратительных выражениях, отвечая на реплики арестантов.

"Вертеп, - промелькнуло в сознании Владыкина, - и проникнет ли когда-нибудь луч истины и любви Божией в глубину этих подонков?"

Через 2-3 дня, когда Павел уже окончательно решил, что его жизнь будет протекать здесь, его неожиданно, в числе других вызвали на этап с вещами. После несложной тюремной процедуры с перекличками и обысками, их выстроили в небольшую колонну и, проведя по городу не более километра, привели к высокому зданию. Это была исправительно-трудовая колония.

Павла завели на самый верхний этаж и поместили в просторную, с высоким потолком и большими светлыми окнами, многолюдную камеру. За редкими железными решетками окна, внизу расстилался город. Перед домом сновали по тротуару жители, а несколько дальше, за крышами складов, двигались железнодорожные составы по сортировочным путям.

Вначале эта близкая свобода обрадовала юного узника, и он никак не мог оторваться от окна, но вскоре сердце неудержимо потянулось к ней, так что ему пришлось насильно оторвать себя от напрасных мечтаний.

Многолюдный корпус гудел от людского шума. Двери шести больших комнат круглые сутки были открыты в общий коридор, который, в свою очередь, был разделен массивными решетчатыми перегородками с другими, подобными же секциями. Такая "свобода" очень обрадовала Павла, но он предчувствовал, что это место временное. С утра их выгоняли в соседний рабочий корпус, где арестанты занимались изготовлением мебели. Путь к нему проходил мимо окон женских камер на первом этаже. Павлу и здесь, к его удивлению, пришлось встретить то, чего он никогда не видел и не слышал.

Полуобнаженные, молодые женщины с бесстыдством висли на решетках окон и с упоением переговаривались с проходящими мужиками, изощряясь в выражениях на тюремном жаргоне о самых интимных вещах. При виде всего этого, Павел, проходя, думал: "О Боже, Боже! Во что превратились эти миловидные существа, некогда стыдливые, нежные, потерявшие совесть Твою, целомудрие Твое, здравомыслие от Тебя? С какой безраздельностью овладел ими грех! Вот что значит, лишиться страха Божия, лишиться истины Твоей, которая является солью. Это то погибшее, которое можешь спасти только Ты!"

Через несколько дней предположение Павла оправдалось, весь корпус оживился в подготовке к этапу. По комнатам пролетело предположение, что этап будет очень далеким, но точно никто не знал: одни говорили - на Соловки, другие утверждали, что на Колыму, а кто-то слышал, что на Сахалин. Но большинство решили, что увозят их далеко на Восток или в далекую суровую Сибирь. Любое из этих предположений пугало юное сердце Павла. Наконец, после обеда их вывели во двор, неоднократно перекликали, осматривали и, выстроив в колонну, под собачий лай и окрики конвоя, повели к эшелону, стоящему невдалеке от колонии.

На товарном дворе стоял, специально оборудованный, состав. Окна "телячьих вагонов", из которых он был преимущественно сформирован, заделывались широкими стальными полосами. Вдоль вагона тянулись провода телефонной связи и электрического освещения. Весь состав и площадка для погрузки были окружены густой цепью конвоя. Борзые сторожевые псы неудержимо рвались из рук конвоиров к толпе арестантов. Большая часть вагонов была уже заполнена заключенными, поэтому, когда подвели колонну, где находился Владыкин, из-за решеток послышались всякие неистовые мужские и женские крики. После тщательного обыска вещей и самих людей, началась посадка, которая, как правило, сопровождалась часто драками между заключенными в вагонах из-за места. Павла втолкнули в вагон в числе последних. Вагон был набит людьми до отказа. Только по особому настоянию двоих пожилых людей с верхних нар, которые почему-то отличили его от остальных, Владыкина поместили внизу, против примитивного "туалета". Свет туда не проникал даже днем, и все приходилось делать наощупь.

Наверху у окна, с той и другой стороны, расположился привилегированный состав из отборного "ворья". Самым последним был введен молодой мужчина с редкой бородкой, в нарядно расшитой косоворотке, в жилетке без пиджака, в шляпе, едва прикрывающей затылок. Зашел он неторопливо, важно, внимательно осмотрев присутствующих, небрежно бросил к окну, наверх, узел в цветастом новом платке, затем надтреснутым голосом крикнул:

- Здорово, "ворье"! - затем с иронией добавил, - откуда это вас столько набилось, это от всех вас я должен здесь задыхаться, да еще и отвечать за каждого? А ну-ка, кто здесь незаконно поселился? Вот ты, - ткнул он несгибающимся пальцем одного юнца в стриженную голову, - зачем ты сюда попал, отца с матерью не захотел слушать?

- Ха-ха-ха-ха! - раздалось со всех сторон. Парень нагнул еще ниже голову и что-то пробормотал про себя.

- Что, - продолжал весельчак, подперев руками бока, - люблю блатную жизнь, а воровать боюсь? - Опять взрыв хохота раздался в вагоне.

Потом человек с редкой бородкой уставился серыми кошачьими глазами на сидящего наверху, у окна и двумя пальцами, аккуратно положив шляпу на нары, мотнув головою, скомандовал ему:

- Эй, ты, не стыдно, что занял чужое место? Оторвись оттуда, проверь вон билет у "хромовой тужурки"!

Парень с легкой улыбкой, без возражения уступил место "Бате" (как его называли "урки") и бесцеремонно, подойдя по нарам к еврею в хромовой тужурке, хотел сбросить того с нар и занять его место. Но еврей с такой быстротой ударил его в грудь, что тот, отскочив обратно к окну, от неожиданности замер. Весь вагон затих в ожидании дальнейшего.

- Ты что? - взревел "Батя", багровея от ярости, - роскошно жить хочешь? - торопливо сняв с ноги хромовый сапог и отдав потерпевшему, скомандовал: на-ка, объясни ему наши порядки, да поусердней!

Но тут рядом с евреем поднялся огромный мужчина и, разжав "пудовые" кулаки на мохнатых руках, заявил густым басом:

- Если еще раз, кто из вас подойдет в этот угол, то до конца этапа из-под нар не вылезет!

Скандал, может быть, и перешел бы в драку, так как "урки" с разных сторон стали сползаться к "бате", но дюжий мужик во мгновение спрыгнул на пол, вывернул массивную доску с нар и, как легким перышком, взмахнул ею над головой обидчиков.

Павел, при виде этого зрелища, зажмурил глаза, стал усердно молиться Богу о предотвращении побоища.

После минутного напряжения "Батя", с досадой и дрожащим от волнения голосом, пригрозил, что на месте, по прибытии, он расправится с осмелевшими мужиками, но все-таки смолк, а с ним и вся его компания. Все расселись по местам, но этот случай надломил тот порядок в вагоне, какой пытался установить "Батя" со своими товарищами.

Павел не знал, как ему относиться к этому наглому и потерянному "ворью", и в молитве просил у Господа мудрости, а также, чтобы сердцем ему не прилепиться ни к какой из всех тех мерзостей, какие видит и слышит он. Чтобы, если будет угодно воле Его, он мог бы из этого огня выйти не опаленным.

После обеда эшелон тронулся, как бы выползая из вагонной тесноты, удушливой гари и угольной пыли на простор полей и перелесья. Владыкин попросил потесниться у окна, чтобы проститься с родными местами. Из окна повеяло теплым майским воздухом и нежным ароматом, распускающейся зелени. На косогорах мелькали цветастым бисером одуванчики, колокольчики и незабудки, разбросанные по бархату изумрудной зелени. Все это стало бесценно дорогим, прелестным, но увы, недоступным. С завистью Павел наблюдал в окно за бегающими детьми по лужайкам, или за девушками на косогорах, сочувственно машущих пучками цветов. Вот когда открывается подлинная цена свободы! О, чем можно оценить ее? И все это он добровольно пожертвовал за Иисуса и Его доброе учение.

Сознание этого, каким-то драгоценным утешением успокоило юное сердце, разогнало страх перед будущим, и даже эта ужасная тюрьма на колесах не была уже такой отвратительной, какой она показалась в первые часы.

Вскоре, размалеванная татуировками компания "урок"-жуликов, заинтересовалась его приговором, и Павел охотно стал рассказывать, благоразумно свидетельствуя им о Господе. Весть о Христе свежей струей рассеивала ту враждебную атмосферу, которая накаливалась при вспыхнувшей драке. Владыкин разумно чередовал беседу с повестью об Иосифе, рассказ об отроках в раскаленной печи с героическими подвигами первых христиан на аренах. Суровые лица слушателей заметно изменялись по ходу рассказа и приобретали те выражения, какими Павел представлял героев. Беседу прервали известием, что поезд приближается к городу Н. Павел прильнул к окошку и выразил мелькнувшую мысль:

- Эх, хоть бы маленькую записочку передать матери, ведь они так теперь переживают, не зная ничего обо мне.

- Да ты что, парень, - вмешался сочувственно "Батя", - пиши скорей, а на станции сбросишь!

- Да у меня нет на чем писать, и чем писать, - растерянно ответил юноша.

- Эй, вы! - крикнул "Батя", - у кого есть карандаш с бумагой? Дай-те парню, он же мимо дома проезжает.

Еврей быстро достал конверт с бумагой и охотно протянул Павлу; кто-то снизу подал огрызок химического карандаша с оговоркой: "Смотри не потеряй, в вагоне это дороже золота".

Павел нагнулся, быстро набросал на клочке бумаги:

"Мама, папа, бабушка, поздравляю с прошедшей Пасхой, Христос воскрес! Меня внезапно отправили из тюрьмы. Никого из Вас не видел. Мама, вели нас по той же дороге, какой Вы с папой шли. Меня увезли в Рязанскую крепость, а теперь увозят куда-то далеко, говорят, на Восток. Бросаю Вам письмо из окна вагона. Будьте спокойны, Господь со мной.

Ваш сын Павел".

Владыкин заклеил конверт, когда уже подъезжали к станции, и, прильнув к окну, приготовился выбросить его за решетку.

- Ты куда же бросаешь? - схватив руку Павла, крикнул "Батя", - псу под хвост, а не мамке. Дай сюда!

Выдернув из рук письмо, он крикнул, возвратив его Павлу:

- Пиши адрес на конверте!

Отломив от своей пайки хлеба небольшой кусок, "Батя" быстро-быстро стал мять его в кулаке и, расплющив его в лепешку, завернул в нее конверт трубочкой до половины. Затем, высунув локоть за решетку вагона, крикнул, стоящей на перроне, женщине:

- Ма-ма-ша! Опусти в ящик! - и одновременно, что есть силы, выбросил комок хлеба с письмом под ноги людям.

Прильнув к самому краю окна, Павел увидел, как брошенный комок подпрыгнул, при ударе о каменные плиты платформы, и около стенки здания завертелся юлой, мелькая свободным концом конверта. Женщина, которой крикнул "Батя", испуганно оглянулась на крутящийся комок, но все же подошла и, озираясь, робко подняла его.

Спустя много лет, Луша при воспоминании о прошлом, напомнила Павлу, как со слезами радости, они приняли тогда конверт из рук почтенной женщины и благодарили Бога за Его чудеса.

В Москву приехали ночью. Через несколько минут после того, как колеса вагонов остановились, раздался оглушительный стук. Кто-то впотьмах, разразился страшной руганью, потирая ушибленный затылок.

Оказывается, как пояснили Владыкину, на всех остановках конвой, предупреждая возможные побеги через пропиленные стенки и пол вагона, вооружившись деревянными колотушками на длинных ручках, изо всех сил обстукивают стены и полы вагонов. Это - одна из кошмарных действительностей этапа, которую бедные арестанты могут пережить за ночь три-четыре раза, порой с перепугу, сквозь сон, не зная, что случилось.

Вслед за этим событием, дверь вагона, вдруг заскрежетав на роликах, открылась, и в узкую щель с фонарем в руках вбежало несколько конвоиров.

- На проверку! Перебегай! Налево! Быстро! - крикнул старший из них и рукоятками колотушек "подбадривая" заспанных, перегнали всех в одну сторону вагона.

Из открытой дверной полосы в середину вагона торчало несколько винтовочных дул; рядом скулила на поводу у конвоира борзая собака.

Осмотрев и обстукав освобожденную половину вагона, тот же надрывный голос скомандовал:

- Перебегать гуськом! Быстро! Без последнего! - и, ударяя рукояткой колотушки по спине, старший торопливо производил счет арестантов, при этом последнему удар доставался вдвойне сильнее.

Хорошо при этом, если конвоир механически не просчитался, если же он нечаянно ошибся в просчете, вся процедура повторялась сначала до тех пор, пока полуграмотный "старшой" не убедится в наличии всех заключенных.

Обратной команды давать не было необходимости: как только конвой выпрыгивал из вагона, арестанты через минуту уже засыпали снова.

Утром всем раздавали по пайке хлеба и, по банке на двоих, рыбных консервов, причем консервы были закрыты. Поднялся крик требований, чтобы конвоир принес, чем открывать банки, но на крик никто не обращал внимания. В вагоне между тем, банки три были открыты и наполовину съедены.

Вдруг появился в открытой двери "старшой" и потребовал, чтобы все банки перед ним были выложены, но трех из них не оказалось.

Минут через 10-15, вагон был оцеплен усиленным конвоем, всех арестантов выгнали на улицу и подвергли тщательному обыску и их, и вагон. Предмета, которым были открыты консервные банки, не обнаружили.

В Москве подцепили еще несколько вагонов и образовали специальный состав. Ночью он, освещенный множеством прожекторов, спереди и сзади, проезжая, внушал людям какой-то ужас. Направление его было вначале на север, потом со станции Буй - прямо на восток.

Владыкину каждый день приносил какие-либо, непредвиденные для него, злоключения. Пока их путь проходил по центральным областям России, кое-какой режим еще сохранялся в раздаче пищи, воды и т. д. По мере же продвижения на Восток, конвой стал поступать все более и более беспорядочней, как видно по чьему-то произволу. Полуголодный паек сокращался, и к пайке хлеба, иногда, добавлялся всего лишь кусок соленой рыбы или просто селедки.

Голодный народ мучительно страдал от жажды, так как вода выдавалась на больших станциях и ограниченно. Ежедневно давался и сахар, но его полагалась совсем мизерная доля, немного больше половины пол-литровой кружки на весь вагон, и он, как правило, исчезал тут же, в дверях.

Ведро мутной горячей жидкости, под названием "чай", в первую очередь было достоянием "высшего общества" - жуликов, и лишь мутные подонки от него, доставались остальным, и то это измерялось глотками. Горячая пища полагалась ежедневно, но увы, стала исчезать и она.

Начиная от Вятки и Перми, в окошках мелькали сплошные лагерные зоны, обнесенные колючей проволокой, вольное население встречалось все реже. Голод усиливался, а с ним и духота в вагоне. От испарения и ополосков пол покрылся липкой массой, но несмотря на это, его как-то подчищали огрызком метлы, и люди ложились на него, спасаясь от жары.

На больших станциях, в порядке особой милости, охрана разрешала бесконвойной обслуге, на собранные деньги покупать в городе хлеба, сахару и махорки, хотя при погрузке в вагоны, с целью пресечения картежной игры, деньги у заключенных отнимались.

Павел почувствовал, что сильно истощал, до головокружения: голод и постоянная жажда изнурили его. Он решил достать из своих "похоронок" 30 рублей, но к великому ужасу, их там не оказалось. Когда и кто украл, узнать было, конечно, невозможно, несмотря на то, что, как казалось ему, он так тщательно их запрятал.

Над купленными продуктами творилось нечто невообразимое: при раздаче, в полуоткрытой двери толпилось столько арестантов, что за каждым предметом тянулось несколько рук.

В результате Павел с завистью наблюдал, как ватага разбойников во главе с "Батей" поедали хлеб, колбасу и конфеты, купленные на чьи-то средства, среди них, конечно, была и его тридцатка. По особому расположению, остатками "Батя" угостил и его.

Наевшись, "урки" стали искать всевозможные развлечения: кто изготовлял, по всем правилам тюремного искусства, карты из обычной газетной бумаги, кто выкалывал татуировку на теле. "Батины" же телохранители с большим старанием наводили бритву из какого-то металлического обломка: к концу дня, некоторые из них, искусно побрились.

Надзор, увидев такую "культуру", среди прочих обросших арестантов, при первой же длительной стоянке, опять оцепил вагон и, раздевая догола, тщательно все перевернул, но, кроме чистых консервных банок, ничего не нашли. Тогда начальник конвоя, не добившись ничего, разгневавшись, наложил штрафной карантин на весь вагон.

Для "ворья", которое все это затеяло умышленно, с целью развлечения, - это было неощутимо, они находили, чем набить утробу; но простой народ переносил ужасные страдания от голода, духоты и жажды. Бессмысленный произвол конвоя обрушился, главным образом, на этих безвинных, простых людей, которые совсем не знали всех этих тюремных фокусов.

Павел молился и терпел. Мизерную пайку он делил на три равные части и хранил при себе, в носовом платочке. Он удивлялся преступной тюремной находчивости в словах и делах уголовников и со всеми людьми, молча, безропотно страдал. Где-то у него еще хранилась сестренкина "пятерка", но он убедился, что обнаруживать ее теперь совершенно бессмысленно.

Наконец, произвол дошел до высшей степени. Состав ранним утром прибыл в город Свердловск и остановился между бесчисленными рядами товарных вагонов. Время зашло уже далеко за полдень: от раскаленных крыш вагонов все задыхались в нестерпимой духоте, запасы все кончились, но кроме дикой конвойной оргии в проверке и обстукивания вагонов, им, еще со вчерашнего дня, не дали ни глотка воды, ни крошки хлеба.

В вагоне усилился людской гул, вскоре, где-то поблизости, раздался истошный крик заключенных женщин: они весь состав этапников призывали к протесту против произвола.

Как по команде, по всем вагонам раздался беспорядочный стук в стенки и полы, и мощный людской рев:

- Хле-ба-а-а! Воды-ы-ы! Прокурора-а-а!

Перекидной мост через железнодорожные пути был моментально забит вольными прохожими и, как видно, среди них тоже началось волнение.

Озлобленный и раздраженный конвой вначале угрожал винтовками в окна, потом, видя бесполезность этого, растерявшись, не знал что делать.

Наконец, кто-то из "начальников" нашел выход: состав вздрогнул, двинулся назад, затем вперед и маневрируя, остановился на отдаленных путях, вдали от людского потока.

Перед сумерками, наконец, появились перед вагонами круглые краюхи печеного хлеба, кадушки с "баландой" и бочки с водой. Под озлобленную брань арестантов, пищу и воду торопливо раздавали по вагонам, а вскоре после того, чинно расхаживая, появился и сам прокурор.

Все жалобы были терпеливо выслушаны, записаны в какой-то книжечке, объяснены уважительными причинами, но произвол после Свердловска участился еще больше. Голод настиг и "урок". На больших Сибирских станциях, в опорожненные бочки стали набивать сорочки, брюки, хромовые сапоги и, совершенно за бесценок, обменивать на краюшку черного хлеба и пачку махорки.

Однако, все это было достоянием "урок", и на получение покупок жутко было смотреть, так как дело доходило до кровавых побоищ - люди зверели.

Еврей и его товарищ среди всех этих ужасов, держались обособленно, удерживая за собой отвоеванную независимость.

Покупок они не делали, почти всегда имели в какой-то посуде запас воды, к арестантской пайке понемногу добавляли черных сухарей. Многие, а последние дни, и воры, с завистью смотрели на них. Но поступок с местом, вначале этапа, сдерживал всех завистников и обеспечивал им неприкосновенность.

Свое время, в основном, Павел проводил в беседах с евреем и его товарищем. Еврей, говоря вполголоса, неоднократно клялся истребить "урок" при первой возможности, видя их наглость перед беззащитными мужиками. Но Павел, по данной от Бога мудрости, всякий раз рассеивал эту злобу, доказывая, что в прошлой жизни, сам еврей поступал не лучше, расхищая народное добро. Иногда проходили целые часы в рассказах о тюремных лагерных произволах. Не приукрашивая, арестанты рассказывали об ужасных, диких произволах на Соловках, Беломоро-Балтийском канале (Медвежьегорск), Вишере, Темниках, Маринке, Воркуте. Все это подтверждалось изуродованными руками, ногами, отсутствием конечностей, страшными шрамами на лицах, головах, одними и теми же событиями и фамилиями палачей, и разных свидетелей.

Павел внимательно слушал, верил всему и молитвенно готовился все это встретить.

Часто ему удавалось внимание арестантов переключить на библейские рассказы, и слушатели, вздыхая от мрачных воспоминаний, охотно отдыхали душою, вникая, каждый по-своему, в слова Христа и справедливые подвиги пророков. Люди после этого делались заметно дружелюбнее, а кошмар их зловонной тюрьмы на колесах - более терпимым.

Особенно влияло на всех описание страданий Христа, которого Павел, при содействии Духа Святого, так ярко изображал в рассказах. Один еврей, становился в это время пасмурным или вообще старался не слушать Павла.

Но этапные мучения довели арестантов до изнеможения, и тогда, каждый по-своему, предавался переживаемым мукам.

Прошел уже целый месяц в этих кошмарных условиях. В дополнение к страданиям от голода и духоты - людей поедали вши. За истекший месяц арестантов гоняли в городе Перми и Иркутске в душ. При этом, в

последний раз арестантов еле довели от бани обратно к вагонам. Обессиленные, они падали под своими мешками прожаренного (дезинфекция) "тряпья".

С каждым днем беседы сокращались; бледные, истощенные арестанты предпочитали лучше лежать молча, каждый на своем месте. Тридцать шесть человек в первые дни, едва укладывались в вагоне, теперь они лежали свободно.

По пути проехали Урал, за ним - Сибирь, Забайкалье, наконец, причудливо извиваясь между поросших лесом сопок, эшелон мчался по серпантинам Дальнего Востока все дальше и дальше. Позади остались Чита, Сковородино, где-то на юге, в сизой дымке тянулась легендарная Маньчжурия. Менялся облик природы, построек, не отступал только зной. Дальневосточное солнце не уступало Московскому, поэтому арестанты высыхали от пота только по ночам. Шел июнь месяц, а мучениям, казалось, не было конца.

Однажды, людям показалось, что они необыкновенно долго стоят.

Под вагоном не слышно было мучительного, однообразного стука колес, вагоны не сотрясались от душераздирающего грома конвойных колотушек.

Кто-то спросонья дерзнул спросить у конвоиров под окном: "Какой город?"

Тот неожиданно любезно ответил:

- Облучье! Приехали!

Как по команде, в одну минуту все поднялись и ринулись к окнам, наваливаясь друг на друга.

Мимо вагона то и дело проходили мужчины и женщины, приветливо отвечая на всякие вопросы. За железнодорожными путями, живописными ярусами поднимался вверх поселок и, сливаясь с подножьем, опоясывал узорною каймой, чопорно нарядившиеся в зелень сопки.

Неторопливо в утренней прохладе пробуждалась жизнь.

- Ну что, братцы, приморило вас в дороге? - шутливо заметил какой-то совсем другой конвоир, отодвигая дверь и запирая ее на крайнюю "сережку". - Ничего, не унывайте, здесь у нас оживете, - закончил он, проходя далее.

Свежая струя воздуха ворвалась в открытую щель двери, а с нею ласковые лучи утреннего солнца.

Как-то беззлобно, совсем по-другому, раздали арестантам вначале воду, а потом утреннюю двойную порцию хлеба и по несколько штук селедок-ивасей, с объяснением, что рацион выдается на день, до следующего утра, т. е. до места. Все повеселели, услышав, что, действительно, их этапным кошмарам пришел конец.

После завтрака перед вагонами появились столы, а на них стопами - папки-дела на каждого арестанта.

Заключенные вызывались из вагонов с вещами по фамилиям. Они, поочередно, проходили мимо столов, где их по каким-то признакам распределяли на колонны.

Павел как-то сразу, неожиданно оторвался от своих товарищей и с совершенно другими был отправлен в вагон-баню. Оттуда их привели в большой пульмановский вагон с ярким белым клеймом "БАМ" (Байкало-Амурская Магистраль), который до вечера наполнялся новыми арестантами.

Уже в сумерках, под оглушительное гиканье, в вагон втолкнули несколько женщин. Одна из них, прямо в присутствии конвоя, потребовала отделить для них угол, что было моментально выполнено.

Вслед за тем, прилично одетая молодая девушка, как потом выяснилось, тоже заключенная, объявила, что пища до места раздаваться не будет и, если кто сохранил деньги, она может купить продукты. Павел доверился этому и, в числе очень немногих, отдал свою пятерку. Не более, чем через полчаса, девушка принесла продукты и безо всякой сутолоки, в открытую дверь раздала каждому, кто что сказал.

Впервые за два месяца Павел с жадностью набросился на пищу, но, вспомнив, что это может повредить, привести к смертельным последствиям, взял себя в руки и оставшееся стал заворачивать в тряпку.

Голодными глазами посмотрела на него одна из вошедших девушек и он, протягивая кусок хлеба с колбасой, спросил:

- Вы, наверное, сильно голодны? Возьмите, покушайте! Девушка, протянув руку, слегка охрипшим голосом, ответила:

- Да у меня всего была полна сумка, помогли в этапе.

Павел заметил на ее руке вытатуированное чье-то имя, но она, догадавшись, прикрыла рукавом. Угощение его моментально исчезло.

Вагон закрыли, предупредив, что теперь откроют только на месте, и он погрузился в полумрак.

Знакомка Павла лежала, повернувшись к нему лицом, и что-то начала рассказывать, но в это время, снизу, один из арестантов потряс ее за ногу и на блатном жаргоне пригласил ее вниз, обещая накормить.

Она быстро поднялась и приготовилась спуститься, но та женщина, которая потребовала угол для себя, резко остановила ее.

Владыкин был проникнут глубокой искренней жалостью, видя ее погибающую молодость. Он убедился, как грех сделал ее безвольной, но заметил и то, что во время их беседы о Марии Магдалине и ее любви к Учителю, по ее лицу текли обильные слезы. Глубокой полночью, в конце беседы, девушка надтреснутым голосом произнесла:

- Я, конечно, знаю начало и причину моего падения, но только впервые узнала о том, что есть счастье и для потерянной жизни. О, как бы и я хотела встретиться с Великим Учителем!

Утром проснулись от стука в стенки вагона и беззлобного окрика в открытую дверь:

- А ну, мужички, кончай ночевать! Приехали на заработок, а не спать! Выпрыгивай с вещами!

Павел, как-то недоверчиво, посмотрел на широко открытую дверь, и, в числе первых, спрыгнул со своим мешком.

К его удивлению, он не видел привычного наряда конвойных с собаками, не слышал никаких окриков. На запасном пути стоял одинокий вагон. Прямо под ногами, от невысокой насыпи раскинулась заболоченная широкая равнина, за которой подковообразной стеной стояла дальневосточная тайга. Далеко за волнистой гладью лесов и загадочной синевой, бугрилась сопками манящая даль.

Заболоченная зеленая ширь пестрела яркими граммофончиками сурамок и желтизной золотистых лилий.

Утренняя свежесть, насыщенная влагой, врывалась в грудную клетку с такой силой, что люди, отравленные смрадом этапного вагона, вздохнув, расслабленными падали на насыпь. Истощенные голодом, изнуренные духотой и жаждой, бледные как мертвецы, они вызывали к себе сожаление.

В конце вагона, в легком цветастом платьице, молча наблюдая за толпою арестантов, стояла молодая красивая женщина.

Павел подошел ближе и посмотрел ей в лицо: миловидное выражение его, едва заметно, было рассечено глубокими штрихами суровости. Ей было не более двадцати пяти лет.

Это была Зинаида Каплина, начальница первой фаланги (лагеря), куда прибыли арестанты на постоянное жительство.

Рядом с нею стоял мужчина лет тридцати пяти с суровым, но похотливым выражением лица, изъеденного глубокими язвами черной оспы. Как вскоре выяснилось, он был оперуполномоченный в лагере или просто, по выражению лагерников, - "опером". Тот и другой были заключенными, пользующимися особыми привилегиями, которые на данной территории ничем не отличали их от вольных. Кроме того, по каким-то особым положениям, они находились между собою в супружеском сожительстве.

- Ну, что ж, ребята, - начала начальница густым властным тоном, - вы прибыли на разъезд "Известковый", на фалангу № 1, где я являюсь начальницей.

Я знаю и сочувствую вам, что вы сейчас изрядно приморены и еле держитесь на ногах, это и немудрено после полуторамесячного этапа. Фаланга находится в двух километрах отсюда и мы тихонько пойдем до нее пешком, специальных извозчиков на этот счет у нас нет. Наши лошади возят землю, выполняют план. По дороге будем отдыхать. - С этими словами она с опером пошла впереди, а все остальные, навьючив мешки на спину, шатаясь, тронулись за ними. Сзади всех, на расстоянии, замыкал шествие конвой с винтовкой.

Глава 4.
В лагере № 1.

Павел был бесконечно рад, оказавшись на такой, условной, свободе. Медленно, едва волочась, они двигались по насыпи, пока не дошли до поворота дороги и, увидев под каменистой насыпью излучину кристальной таежной речки, попросились отдохнуть.

Владыкин, как малое дитя, плескался в прозрачной холодной воде и полными жадными глотками пил студеную воду.

Вытерев лицо платочком, он тихо произнес про себя:

- О, Господи, если бы это место было моим потоком Хораф, куда Ты повелел когда-то Илие скрыться на время. Как был бы я счастлив, на этих камнях склонять мою голову, падая на колени пред Тобой.

Хотя Павел молил Господа тихим шепотом, но Он услышал его и, действительно, это место вскоре стало подлинным местом "Хораф", где (впоследствии) юноша изливал свою душу пред Господом. Здесь молитвенный вопль Павла сливался в одну мелодию с говорливой струей потока, и поэтому на этом месте он мог вслух молиться Богу.

Вскоре их привели к брезентовым палаткам, раскинутым среди кочкового болота, где они свободно расположились на новых тесовых вагонках .

К их встрече был уже приготовлен обед, который принесли в цинковых тазиках для мытья, с расчетом: на 10 человек один тазик.

Павел занял на время котелочек и, отмерив для себя содержимое, вышел на воздух, чтобы, помолившись, покушать.

В котелке была жижа, напоминающая торфяную темную массу. Он посмотрел на своих голодных товарищей и заметил, как они с матерщиной и отвращением, один за другим выливали содержимое за палатку.

Павел, тем не менее, решил испробовать ее сам и, откусив немного хлеба, хлебнул через край (за неимением ложки) полученной жижи. Рот и пищевод был отравлен каким-то ядом, от которого пекло не поймешь чем - солью или горечью. Он кинулся к бачку с водой и еле застал там несколько глотков воды, чтобы ополоснуть рот и смочить пищевод.

Перемешав содержимое палочкой, он убедился, что жижа состояла из разваренной соленой рыбы неизвестной породы, со всеми ее внутренностями. По помещению палатки распространилось от нее зловоние, так как полученные тазики почти все остались нетронутыми.

В палатку вошла начальница и злобно крикнула:

- Это что еще такое?

Один из раздраженных "урок" осмелился по блатному выразить ей свое негодование. Павел просто не верил своим ушам, когда услышал, как из уст такой, на вид миловидной женщины, вылетела самая изощренная тюремная брань, которую он не слышал даже в этапе.

Содрогаясь от злости, начальница упрекала людей за то, что они не ели отвратительную жижу, а облили траву вокруг палатки, и угрожала, что всех накормит еще худшим, а кого-то она за это уже посадила в крикушник .

Люди с ужасом слушали все это, стараясь просто молчать.

Таким оказался первый день в лагере для Павла Владыкина.

* * *

Первая фаланга представляла собой один из многочисленных лагерей БАМлага НКВД и специализировалась, главным образом, на земляных работах по приготовлению земляного полотна для второго, вновь строящегося железнодорожного пути, протяжением более 2000 километров.

Эта железнодорожная магистраль в России имела большое значение, т.к. соединяла Восточную Сибирь с Дальним Востоком, и после КВЖД (железнодорожная магистраль от Читы до Владивостока принадлежала СССР, но проходила по территории Маньчжурии) стояла на первом месте по своей важности.

Но т. к. в начале 30-х годов КВЖД была продана Японии, БАМагистраль стала единственной нитью, связывающей Дальний Восток с Россией.

Сотни тысяч заключенных были свезены сюда и размещены от Читы до Уссурийска для расширения и благоустройства как железнодорожного пути так и прилегающих к нему населенных пунктов.

Поселочек, в котором находилась первая фаланга, был расположен у подошвы невысокой известковой сопки, на берегу извилистой речушки. Железная дорога, проходя через него, разделяла жилые постройки от хозяйственных и от примитивного известкового завода.

Кроме трех бараков, где размещались заключенные, стояло несколько домиков, в которых жила администрация с семьями и была контора фаланги. Тайга подходила к поселку вплотную. Он не был охраняем и огорожен. Вольные и заключенные передвигались свободно.

В двух-трехстах метрах от поселка располагался барак военизированной охраны (ВОХР), состоящей из заключенных. Весь производственный и административный персонал состоял, за редким исключением, также из заключенных и, в преобладающем большинстве, перевезенных со строительства Беломоро-Балтийского канала. Среди поселка висел буфер, звоном которого осуществлялся распорядок дня по фаланге.

На следующий день Павел проснулся рано утром от людского шума. Среди полуобнаженных арестантов, начальница ходила вместе с опером и властным тоном-окриком оповещала о лагерном подъеме, так как "новички", измученные этапом, очень неохотно поднимались с нар.

Напротив себя по проходу, Павел увидел наверху пожилого мужчину, завернутого в лохмотья, видно, что он был болен и не мог подняться вместе со всеми.

Каплина остановилась против него и, теребя его за обнаженные ноги, закричала:

- Это что еще такое, на курорт что ли приехал, как фамилия? Больной с трудом сел на нары и объяснил ей свое состояние.

- У меня нет больных, жаловаться надо было в Облучье на комиссии! - закричала начальница и, ухватившись за кальсоны больного, тащила его на пол, - В-с-та-ва-й, го-во-рю! - настаивала Каплина.

Больной неуклюже свалился на пол и, присев, заплакал от ушибов.

Павел не мог дальше наблюдать, как Каплина осыпала больного самой отборной бранью, и поторопился к выходу.

- Ну, как это так? - недоумевал Владыкин в своих мыслях, - чтобы такая миловидная женщина, могла так низко пасть?

После завтрака всех этапников собрали вместе, и та же начальница объявила:

- Сейчас вы находитесь на карантинном положении, отсюда тех, кто окажется пригодным, мы будем переводить в поселок. Там получите обмундирование и постели. Питаться будете в столовой, жить в хороших деревянных бараках. Карантинные дни вы будете ходить на работу под ослабленным конвоем, а когда перейдете в поселок, будете жить без конвоя. Остальное вам разъяснит оперуполномоченный.

"Опер" коротко разъяснил условия режима:

- Ребята, отношение к вам будет зависеть от вашего поведения как на работе так и в поселке. Сейчас вы без разрешения конвоя отойти никуда не можете: ни на работе, ни из палатки. В поселке у нас все заключенные живут свободно, на работу и с работы ходят без конвоя. В свободное время можно гулять по тайге, по дороге, купаться в речке, но дальше километра от дороги отходить строго воспрещается. Везде по тайге расставлены вооруженные "секреты", и нарушение запретной зоны рассматривается, как побег.

Услышав об этих условиях, Павел обрадовался, но было очень утомительно ожидать, пока переведут в поселок.

После завтрака их повели на работу, более трех километров по полотну железной дороги, но во всем теле была такая слабость, что они еле добрели до места. Расстановившись на месте, многие приступили к труду. Павел взялся гонять тачку, нагружая ее меньше половины, но и от этого кружилась голова, дрожали ноги и руки.

В обед, в походной кухне привезли пищу. На сей раз она была приготовлена "по-человечески" и показалась такой вкусной, что многие с удовольствием подходили, когда крикнули:

- За до-бав-ко-й!

Когда вечером их привели обратно, сладок был и сон.

Вскоре, неожиданно, Павла привели в поселок и поместили в одном из бараков. Боязливо он осматривал всю территорию, ему казалось, что вот кто-то крикнет или, хуже того, выстрелит, но старые бригадники заверили, что он может совершенно безбоязненно идти, куда угодно.

Первой его мыслью (как только он оказался в поселке) было - скорее сообщить о себе своим родным, ну и, конечно, Кате. Тут же, несмотря на боль во всем теле от непривычного труда, Павел написал письма и торжественно опустил их в самодельный почтовый ящик.

На следующий день по переселении (это было воскресенье), после проверки и завтрака, все разбрелись кто куда.

Павел, убедившись, что люди свободно с котелками и сумками разбредаются из поселка, с затаенным желанием двинулся по линии к своему "Хорафу". Как только он стал удаляться от поселка, его душу охватила такая радость, что он громко запел:

Не тоскуй ты, душа дорогая,
Не печалься, но радостна будь.
Жизнь, поверь мне, настанет другая,
Любит нас наш Господь, не забудь!..

Слезы, неудержимым потоком, брызнули из глаз, когда он спустился к речке, на то самое место, где четыре дня назад, он молил Господа об этом месте.

Убедившись, что он один, Павел упал на колени и, пав ниц к самой земле, предался молитвенному наслаждению.

Впервые за всю свою короткую жизнь он молился так пламенно, сердечно, глубоко. Павел не заметил, сколько он пробыл в молитве: час, два или более. Молитва так овладела им, что он даже забыл себя. Павел, хотя и не слышал человеческого голоса, но с такой силой и убедительностью услышал его в самом своем существе: "Хочешь остаться цел, невредим, жив - молись! Здесь ты не нужен никому. Не хочешь погибнуть одиноким - молись!

Предстоящий твой путь очень длинен и суров. Хочешь пройти его до конца - молись! Пойми и усвой, если не сможешь утвердиться в молитве - погибнешь! Всегда и везде - молись!!!"

Это его потрясло, и с этого момента Павел решил молиться, любой ценой. Поднявшись из-под насыпи наверх, он почувствовал себя в тот момент на могучих орлиных крыльях. Он не видел, а скорее ощущал, как откуда-то сверху ниспадал поток света, от чего яркое солнышко показалось ему потускневшим, как при затмении. С маленьким букетиком цветов, он медленно направился к поселку.

Таким чудесным показался ему этот дикий, но величественный край, что он, окинув все взглядом, с торжеством в сердце, запел:

...И солнце неясно горит,
И в поле все мертво кругом;
Но раем пустыня глядит,
Когда я в союзе с Христом...

Павел почувствовал, что сзади его кто-то догоняет и, обернувшись, увидел Каплину и "опера". Поздоровавшись, он уступил им дорогу. Они оба внимательно осмотрели юношу с головы до ног, а "опер", в дополнение к этому, спросил:

- Из новых? Как фамилия?

Павел ответил, но видно, они куда-то спешили и, обгоняя его, быстро прошли мимо, чему он был очень рад.

Сначала юноша, видя такую природу впервые, не мог нарадоваться, и усталость не одолевала его. Но норма в труде увеличивалась, а питание было очень скудное; силы Павла стали заметно слабеть. Окружающие его мужики были, преимущественно, крестьяне или рабочие, в физическом труде закаленные, работали ловко, оканчивали ее раньше, а остаток дня - либо заходили в лес, по грибы и ягоды, либо в деревню к вольным, чтобы что-либо приработать к лагерному пайку.

Павел был, прежде всего, молод, совершенно непривыкший к земляной работе, поэтому чаще отдыхал и кончал работу в числе последних. В свободные минуты, во время "перекуров" он уходил далеко в кусты и, падая на колени, изливал свою душу пред Богом; жаловался на свое духовное одиночество, просил избавления от тяжкого труда, а больше всего, чтобы Господь ободрял его.

Изо всех сил он старался поскорее выполнить норму, чтобы было время - отдохнуть душою в молитве. Получая такую возможность, Павел выходил на линию, которая тянулась несколько километров прямой лентой, и, убедившись, что он один, запевал свои любимые, дорогие гимны, в которых растворялась его душа, так как они выражали подлинное его состояние:

Страшно бушует житейское море...
И уже часто, на коленях, заканчивал:
Сжалься над мною, спаси и помилуй,

С первых дней жизни я страшно борюсь.
Больше бороться уж мне не под силу,
Боже, мой Боже! Тебе я молюсь!

После такой молитвы и пения, душа его всегда ободрялась, а с нею и плоть.

Вскоре Павел получил два письма: от матери и от Кати.

Письмо матери отображало искреннюю радость и было полно всяких слов утешения. Она напоминала о верности Даниила и трех отроков, о богобоязненности Иосифа, о мужестве и уповании Давида. Сообщила о благополучии отца и о том, что они с бабушкой выслали огромную посылку с продуктами, обувью, одеждою. Мать ободряла его и напоминала, что они за него постоянно молятся.

С трепетом, Павел развернул письмо и от Кати.

В нем она выражала свою глубокую скорбь о разлуке, спрашивала, сколько ей нужно ждать его, заверяла его в своей верности и прежней любви.

Павел, хотя и был снедаем любопытством: получит ли он письмо от невесты, но удивился, когда, после его прочтения, в своем сердце ощутил небывалое спокойствие, здравую рассудительность и христианские мысли. Он понял совершенно ясно - это результат именно того молитвенного усилия, на какое побуждает его Дух Святой, и, помолившись, ответил Кате:

"Катя! Очень рад твоей весточке, в которой ты прислала мне, в мое одиночество теплоту своей любви и заверение в верности. Но я, бескорыстно любя тебя, обращаюсь к твоему благоразумию и рассудительности. Ориентировочный срок моей неволе определен в 5 лет. Сейчас ты молода, пригожа, богата здоровьем, через пять лет ты уже будешь в разряде "засиделых дев", что так страшит матерей, и самих невест. Хорошо, если я через 5 лет возвращусь здоровым, полноценным... да и возвращусь ли вообще. А если нет или вернусь калекой, то я тогда буду нужен, в лучшем случае, одной матери, и связывать свою судьбу с тобой я не решусь, если ты даже и согласишься. Расставаясь, мы сохранили наши взаимоотношения совершенно чистыми перед Богом и людьми, поэтому я решаюсь великодушно освободить тебя от обещания и оставить между нами чистую, добрую память друг о друге. Кроме того, я теперь христианин и возвратиться на волю желаю только преданным Богу. А если это так, то наша духовная разнородность все равно не даст нам право на союз. Бога же я люблю, несомненно, больше тебя и своей матери, и отца, и изменить Ему не могу.

Павел".

Ответ на это письмо пришел удивительно быстро, он был короток и прост:

"Павел, целую тебя по-прежнему! Я удивляюсь, почему ты в такое время отталкиваешь меня, а не ободряешь? Пойми мое состояние и помоги мне быть верной тебе, и твоему Богу до конца. Я решаюсь ждать.

Твоя Катя".

Вместе с ответным письмом она выслала свою фотокарточку и, как она когда-то заверяла, самую любимую.

Получив такой ответ, Павел почувствовал, что дело с Катей не окончилось так, как он предполагал (лучше переболеть, но отрубить раз и навсегда) и что, если Бог не поможет, то любовь к ней будет непосильным грузом.

Он понял, что с Катей ему следовало бы великодушно порвать сразу же после покаяния, когда любовь к Господу вспыхнула в нем единым, неделимым, святым чувством. Но он тогда смалодушествовал и, колеблемый нерешительностью, оставил для нее маленькое место. С этим грузом пошел в страдания, совершенно не подозревая того, что это будет для него снежным комом, который человек закатывает на гору. Этот вопрос теперь остался для него неразрешенным - он любил ее.

Подошло воскресенье. Прямо перед фалангой возвышалась сопка, на которой карьерная разработка по добыче известняка срезала, когда-то поросший растительностью, склон. Оставшиеся деревья: пихты, сосны, кедры - зеленой щетиной торчали по краям, поднимаясь к таинственной вершине.

Вот на эту вершину Павлу и захотелось подняться. Дело это оказалось, хотя и нелегким, но очень заманчивым, тем более, что такое восхождение для него было впервые в жизни.

Хотя подвиг для ослабленного юноши был мучительно велик, но великолепие, которое открылось перед ним на вершине, вознаградило его полностью. Безмолвно, с возрастающим восхищением, он осматривал необъятные просторы дальневосточной тайги. Сопки во всем своем многообразии - по величине и причудливой

конфигурации - вырисовывались одна за другой и, будучи покрыты разнолесьем и зияющими плешинами от гарищ, напоминали огромную ярмарку природы с ее восхитительной, величественной пестротой.

Павел, стоя на коленях, не мог оторваться от этого зрелища, осматривая все перед собой. Легкий ветерок, шурша в густых пучках темно-зеленой хвои кедрача, не нарушал той таинственной тишины, в которой перекликалась живая природа, только ей одной понятным языком.

- Ку-ку!!! - резко раздалось над головой Павла. Он, испуганно вздрогнув, прижался к стволу дерева и с улыбкой взглянул вслед улетающей шалунье-кукушке.

Потом поднялся на ноги, и из груди его вырвалось:

Великий Бог, когда на мир смотрю я,
На все, что Ты создал рукой Творца,
На всех существ, кому Свой свет даруя
Питаешь Ты любовию Отца.
Тогда поет мой дух, Господь, Тебе:
Как Ты велик, как Ты велик!

Под ногами у него пестрела, мелкими кубиками на фоне зелени, постройка фаланги. Он и минуты не задержался на ней взглядом, но преклонив колена, погрузился в молитву.

После молитвы, в мысленном воображении, он представил себе собрание христиан, каким видел его в последний раз - на празднике жатвы в ранней юности - и, припоминая, стал петь один гимн за другим. Потом вслух рассуждал о Слове Божием. В заключительной молитве Павел просил у Господа, чтобы Он послал кого-либо из верующих, хоть православного, самого маленького, так тяжко было ему одному.

С горы он спустился таким окрыленным, радостным, напоенным благодатью Божией, при этом вспомнил и Моисея, пророков Божиих и Самого Христа с Апостолами, и их восторг: "Равви! Хорошо нам здесь быть..."

Так не хотелось Павлу уходить в поселок и опускаться в этот омут всякой нечистоты и растления.

Заключенные женщины находились здесь же, среди мужчин. Некоторые вступали в фиктивные, кратковременные "браки", здесь же, открыто при всех располагались своей "семьей", в лучшем случае, отгородив свои нары простынями. Но неожиданные этапы разлучали такие "семьи", не считаясь с их чувствами и условиями. Тогда в знак протеста, какая-либо из половин, бритвами резали себе вены или другие части тела. Все это так удручало Павла, что он с глубоким воплем молил Бога, чтобы Он сохранил его среди этого Содома.

Однажды ему рано удалось выполнить норму, и он спешил, уйдя из забоя (место работы), уединиться в молитве пред Господом.

Проходя по высокой насыпи, он откуда-то снизу услышал крик:

- Эй, Магда! Вон, твой братец идет!

Снизу, из группы этапников, каким полтора месяца назад был сам Павел, поднялся среднего роста мужчина: стройный, одетый в монашескую рясу, в шляпе, с кротким красивым лицом - и, торопливо забравшись по откосу на полотно, спросил Владыкина:

- Простите, вы верующий?

- Да, я христианин и за имя моего Господа нахожусь здесь, - ответил Павел.

- Ой, как я счастлив, братец! - порывисто ухватившись обеими руками, он, не вдаваясь в подробности, обнял Павла.

Владыкин пригласил его сесть, и они, усевшись рядом на бровку , с упоением предались беседе.

- Я служитель православной церкви, - начал торопливо собеседник, - духовное имя мое - брат Касьян, так как я 14 лет прожил в монастыре и достиг там сана иеромонаха. В свое время закончил духовную семинарию и при наличии монастырского сана, посвящен в сан епископа. Последнее мое подвизание в сане епископа было по Московской области, за что я и осужден на три года. В миру, я значусь - Павел Магда.

После высказанного, он с таким восторгом ухватился за руку Владыкина и потряс ее, что тот невольно расположился к Магде, и в свою очередь ответил:

- Ну, брат мой, я о себе могу сказать очень мало: Бога я любил с детства, но осмысленно отдал сердце Господу только в конце января этого года. Образования духовного я никакого не имею. После покаяния, через

две недели, от меня потребовали пред народом в заводском клубе объяснения. Вот там я выступил и засвидетельствовал о Христе, как я сам Его принял. Судить меня не стали, не было материала, но, признав опасным, просто без суда, дали мне 5 лет, оторвали от родительского дома и привезли сюда.

Встреча была для обоих хоть и неожиданной, но весьма желанной, и, условившись встретиться в поселке, они расстались.

Когда Павел увидел Магду в поселке и внимательно пригляделся к нему, то заметил, насколько глубоки были страдания епископа и что они несравненно больше, чем у него самого, несмотря на то, что Магда бодрился, старался быть веселым, чему отчасти, первое время способствовала и их встреча.

Обесчещен он был прежде всего тем, что его остригли, как и всех, а также обрили бороду и усы, удостоверяющие в известной мере, его священство. Единственное, что ему удалось сохранить из доказательств своего духовного сана - это облаченье и колпак на голове, с чем он не расставался даже на работе.

Уединившись, они приступили к беседе и более подробному знакомству друг с другом.

- Ну ты, братец, к какому вероисповеданию относишься? - спросил Магда Владыкина.

- Да я еще не успел себя определить, просто... христианин, - ответил Павел. - Имею в душе радость спасения и свидетельство Духа Святого, что грехи мне Христос простил, что я рожден свыше от воды и Духа, являюсь дитем Божьим и, хотя еще не крещен по вере в воде, но уверен, что имею жизнь вечную.

- А ты разве не крещен младенцем? - спросил его Магда.

- Да крещен-то я крещен, так как в православии родился, но ведь я этого не знаю, поэтому оно меня и не касается, и я им не интересуюсь, - ответил Владыкин.

- Да как же оно тебя не касается? - удивился Магда, - ведь крестили-то тебя лично, да и в церковной книге ты записан.

- Ну хорошо, братец, скажи мне, пожалуйста, кому это крещение было нужно? Оно ни мне не нужно, потому что в то время кроме груди матери, ничего не было нужно, да и ее я тянул не сознательно; оно не нужно было и Богу, так как Сам Он крестился уже тридцати лет, да и других крестил (с учениками) только взрослыми. Воля Божья ясна: ведь Он прямо сказал, что вначале идите научите, и кто только будет веровать, потом креститься - тот спасен будет. Вон смотри, весь поселок крещен по вашему-то обряду, и Зинаида Каплина крещена, а спроси их: спасены они или нет? Конечно, нет. Значит, оно бесполезно. Почему? Потому что люди не верят живою спасительною верою в Бога.

Теперь, ты говорил насчет церковной записи. Скажи мне, эта книга, в которую вы записали мое имя, попадет на небо или нет?

- Братец мой, - стал разъяснять Магда, - коль тебя церковь крестила, то ты уже христианин и имя твое должно быть записано именно в церковной книге, а уж насчет неба, кто удостоится туда войти?! Это же книга церковная, она нужна и для всяких земных справок; да и перед святыми угодниками, перед Божией матерью и Самим Спасителем ты уже считаешься, как христианин, потому что крещен и в книге записан.

- Вот, брат мой, - прервал его Владыкин, - смотри, как все это запутано. Церковная ваша книга, она Богу не нужна совсем, да и у вас их отняли и отдали либо в милицию, либо еще куда. Христос сказал ученикам: "Радуйтесь, что ваши имена записаны на небесах", и еще написано: "Кто не был записан в книге жизни, тот был брошен в озеро огненное". Важно, в какой книге быть записанным. Все это - никому ненужный, пустой обряд, в том числе, и крещение дитяти - только заблуждение.

- Как так? - возразил Магда, - ты и семь таинств православной церкви не признаешь, в таком случае?

- Давай, поговорим о них, - согласился Павел, - Перечислим, прежде всего, их и затем остановимся на каком-либо. Магда с вдохновением начал перечислять:

- Первое таинство - это святое, водное крещение, которое совершается над человеком тут же, по его рождении.

Второе таинство - это миропомазание. Оно осуществляется над крещенным, путем помазания его святым елеем и служит символом, изливаемой на него благодати, Святого Духа.

Третье - это евхаристия, т. е. таинство тела и крови Господа нашего Иисуса Христа и, которой мы причащаемся через святую просвиру и вино. При ней существо хлеба и вина претворяется в существо Тела и Крови Христовой действием Духа Святого и молитвою священника, так что оно приносит пользу как живому человеку так и умирающему.

Четвертое - это таинство священства. Когда православный христианин, будучи соответственно научен, рукополагается на сие служение. В православной церкви семь ступеней священства: вратарь, чтец и певец, заклинатель, священоносец, иподиакон, диакон и священник.

Пятым таинством является святое покаяние, в котором, через разрешение от архиерея или иерея, подается отпущение грехов, совершенных человеком после святого крещения, т.е. при его исповеди.

Шестое - это таинство бракосочетания, которое совершается только над крещенными в православной церкви.

И седьмым таинством является елеосвящение. Это, когда над разными недужными и больными совершается помазание их святым елеем, во оставление грехов и исцеление от всяких болезней и недугов.

- Скажи, - спросил его Владыкин, - а на каком основании установлены эти таинства: на заповедях ли Божьих, или к этому есть и другие приложения?

- Конечно, на Слове Господнем, - ответил Магда, - на Божественном Слове, которое Он открывает в православной церкви через святых отцов. Вот как, например, о семи таинствах я тебе говорю из Творения (сочинение, учение Д. Ростовского), иже во святых, отца нашего святого, Димитрия Ростовского.

- Что же приносит крещение, - спросил Павел, - по вероучению Д. Ростовского?

Магда ответил ему:

- При крещении человек получает великую благодать. Крещением он очищается от прародительского греха, и оно дает прощение остальных грехов, совершенных до крещения, ибо по крещении, человек становится сыном Божьим и наследником благодати.

Павел внимательно все это выслушал, потом, обращаясь к Магде, заявил:

- Вот ты не обижайся на то, что я тебе выскажу, дорогой мой, братец: Евангелие нам говорит совершенно ясно, что от греха очищает нас только Кровь Иисуса Христа; а вы, со своим Димитрием Ростовским, смотрите, сколько других путей нашли к отпущению грехов, лишь бы не искреннее покаяние и омытие Кровью Христовой. Подогретая, душистая водичка в купели очищает, просвирка и глоток вина при причастии очищает живых и умирающих, архиереи и иереи отпускают грешникам грехи, масло из растения - и то очищает грех. Какое страшное заблуждение пренебрежения живой веры в Кровь Иисуса Христа, пролитой на кресте

- Теперь скажи мне, - продолжал Павел, - откуда вы установили свое третье священство (не по чину Аарона, оно упразднено Христом, и не по чину Мелхиседека, т. к. оно принадлежит только Христу) и вверяете его людям грешным, не имеющим жизни вечной, спасения во Христе Иисусе, давая им право отпускать грехи других людей? В какое страшное заблуждение ввели вы людей и заблуждаетесь сами! А с иконопоклонением, что вы сделали? Вместо того, чтобы людей научить истинному богопочитанию, в духе поклонения Богу живому, вы научили их поклоняться мертвому дереву и мертвому кресту. Разве таких поклонников ищет Господь Себе? Таковых и искать не надо, они вон, пьяными валяются у пивнушек, с крестом на шее. Кому такие поклонники нужны? А это вы, сделали их такими.

- Как дереву? - возмутился Магда, - Сам Спаситель оставил на плащанице Своей образ нерукотворенный и послал Царю Авгарю; а медному змею, разве не поклонялись израильтяне при укусе змей? Ведь он же был прообразом Самого Христа распятого на дереве. А херувимам разве не поклонялись евреи, когда их поставил Моисей над ковчегом?

- Брат мой, - прервал его Павел, - тебе ли это говорить, человеку промолившемуся 14 лет в монастыре и окончившему высшее духовное заведение? И ты мне - по сравнению с тобой - полуграмотному, говоришь эту ложь. Разве ты забыл, что царь Езекия истребил медного змея из-за того, что евреи начали поклоняться ему, сделав из него бога Нехуштан? Разве ты забыл, что действительный святой Ангел Господен запретил Апостолу поклоняться ему? А ты говоришь, что Моисей евреям велел кланяться на золотых херувимов - это неправда, в Библии нет этого.

- Ну, и ты мне говоришь тоже неправду, - раздраженно прервал его Магда, - ты говоришь, что не учился нигде религии, а сам лучше меня знаешь все, не лги, где ты учился?

Владыкин немного успокоился и, глядя в лицо собеседнику, с улыбкой ответил:

- Нет, брат мой, я тебе сказал правду, что я нигде не учился религии, я только вот теперь, поступил на первый курс великой академии Христа - здесь, в неволе. Библию я читал отцу с детства, а саму истину - мне открыл Господь через Духа Святого после моего покаяния с первых же дней, как Он и сказал в Евангелии.

* * *

С этого времени они близко подружились друг с другом, но в споры Магда уже не вступал, так как чувствовал, что во Владыкине говорит мудрость Божья.

И действительно, Павел ощущал в себе великую силу Божью, особенно, когда вступал с кем-нибудь в беседу. Причиной же этому была молитва, к которой он стремился со всяким постоянством.

Однажды, по своему обыкновению, он поднялся рано, подошел к реке и, умывшись, погрузился в молитву. В конце молитвы Павел почувствовал, интуитивно, что он не один: кто-то был рядом, хотя он и не слышал, чтобы кто-то подходил к нему.

Подняв голову, он увидел рядом с собою человека, совершенно ему незнакомого. Темное, как земля, худое, изможденное лицо его было искажено выражением лютой злобы. Наклонившись к Павлу, он с каким-то шипением и страшным скрежетом процедил сквозь зубы, подняв кулаки:

- Молишься?

Павел не просто ответил, а скорее, с силой, вырвалось из уст его:

- Да, молюсь!!!

- У-у-у-у-х! - неистово проскрежетал незнакомец и, резко повернувшись, исчез за постройкой.

Как ни пытался Павел припомнить, но не мог вспомнить такого лица. Не видел он его и после того нигде, поэтому и заключил Павел, что это искушал его диавол, чтобы устрашить, а потому рад был защите Божьей.

С каждым днем материальная жизнь у Владыкина ухудшалась, а скудное питание усиливало голод. Теперь уже у Павла не было молитв без слез.

Как-то сообщили ему, что на его имя поступила большая посылка, но ее завезли на соседнюю фалангу, это еще больше усиливало страдание голода. Павел не раз соблазнялся, видя, как за кухней повара выбрасывали рыбные головки и остатки пищи, ему хотелось подобрать их и дополнительно сварить себе что-либо, но внутренний голос не допускал такого унижения, и он, молча, терпел. Лагерной пищи едва хватало, чтобы дойти шесть-восемь километров до места работы, а работал он уже из последних сил. Ладони рук, от постоянной работы железным ломом, огрубели, стали тверже, чем на пятке, и из трещин сочилась кровь. Сухожилия на пальцах так застыли, что они, сжатые в комок, уже не разжимались по своей воле; мучительной болью стало сводить ноги в коленях. Но Павел неизменно посещал свой "Хораф" и изливал там душу свою пред Богом.

Однажды он, прямо против своего барака, увидел Каплину, стоящую на бровке полотна.

Юноша принял это, как случай от Господа, и уверенно подошел к ней, чтобы попросить содействия в перевозке посылки с соседней фаланги. Он очень вежливо рассказал ей, что уже месяц, как его посылка лежит по соседству, он совершенно обессилел и просит дать распоряжение о ее доставке.

Но, то ли неприглядный вид его, то ли из других каких побуждений, начальница сверкнула на него злобными глазами и, пыхнув из ноздрей синим дымом папироски, обрушила на Павла весь свой запас мерзкого тюремного жаргона.

Он, нагнув голову, терпеливо перенес ее злобный приступ и лишь коротко ответил на это:

- Простите, если я вас этим обидел.

Каплина грозно смерила его взглядом с ног до головы и, резко повернувшись, ушла в поселок.

Что повлияло на нее, знает один Сердцеведец Бог, но на следующий день, к вечеру, кладовщик позвал юношу в каптерку и, любезно советуя брать с посылки понемногу, выдал огромный чемодан. Чемодан был битком набит продуктами. Здесь стояла четверть топленого масла, лежали большие куски ветчины, комья сахара (все это было пересыпано сладкими сдобными сушками), носки, рубаха и другое. На крышке чернильным карандашом виднелась надпись: "г. Архангельск, Соломбала, Кузнечиха, Владыкину Петру Никитовичу".

Павел догадался, что этот чемодан - когда-то служил предметом спасения от голодной смерти еще его отцу, теперь, щедрой милостью Божьей, он открыл свои богатства перед голодающим сыном.

Прежде всего, он побежал в кусты отблагодарить Бога за помощь, в бедственное для него время; затем с Магдой провели вечер, угощаясь гостинцами, и были оба рады. Хотя между ними возникало много противоречий в вопросах вероучений, но они были довольны, что у них находится и много единого в духовных вопросах.

Первые приступы голода юноша, конечно, утолил полученной помощью, но физическое изнурение и слабость не покидали его. Через несколько дней Павел почувствовал себя немного бодрее, но тут настало другое переживание: прошло уже больше месяца, а от Кати он не получил ни одной весточки.

Много молился он об этом Господу, много передумал разных вариантов случайностей, но пришел, наконец, к одному заключению, что невеста ему изменила, и этим Бог развязал его с тем непосильным грузом, с каким он вошел в долгий, страдальческий путь. В один из дней Павел сел и написал своей невесте:

"Катя, прошло уже полтора месяца, как никакой весточки я от тебя не получаю и при всех вариантах, пришел к заключению, что, несмотря на твои заверения и обещания - ты мне изменила. Если бы ты это сделала в самом начале (хотя и больно бы мне было), то мы расстались бы с тобою друзьями, при самых добрых мнениях друг о друге. Теперь я должен тебе сказать, по справедливости: в тяжелое время ты оставляешь друга твоего и оставляешь бесчестно, в тяжелое время жизни ты будешь оставлена сама.

Возвращаю твои письма и фото, и со всей решительностью тебе заявляю, что между нами все покончено и навсегда. Павел."

В молитве он все это излил перед Господом, и Бог утешил его в этом переживании.

Лето подходило к концу и Павел усиленно молил Бога, чтобы Он избавил его от изнурительного труда.

Утром, на одном из разводов, Павел решил подойти к вольному прорабу с просьбой: не смог бы он предоставить ему труд полегче. Прораб побеседовал с ним и, убедившись в его грамотности и знании арматурного дела, поставил на монтаж железобетонного моста. Павел был очень рад этому, лишь бы отдохнуть от каторжной тачки.

На месте выяснилось, что прораб Петров оказался земляком Павлу, с Рязанской губернии, но сильным противником в вопросах веры в Бога. Яростно он нападал на юношу в беседе, стыдил и разубеждал его, пугая, и даже, с оттенком грубости, обзывал его, но на деле относился сочувственно, тем более, что Павел терпеливо опровергал его нападки, по работе оказывал ему большую помощь. Но, увы! Как только мост был сделан, его вновь отправили на "тачку".

Хотя Павел и отдохнул от нее, но после трех-четырех дней, прежняя слабость стала одолевать его. Усиленно, в посте и в молитве, он молил Бога об улучшении положения и был услышан.

В начале осени они расстались с Магдой, так как его взяли в управление на конторскую работу. Павлу эта разлука была очень тяжела.

Однажды, сидя в забое, он вместе со всеми отдыхал. Его, как систематически невыполняющего норму, поставили отдельно.

- В-л-а-д-ы-к-и-н! - услышал он вдруг издали голос нарядчика , -давай, бросай все, пойдем со мною, хватит гробиться в забое, поедешь в управление.

Павел совершенно ничего не понимал, но по дороге нарядчик объяснил ему:

- На фалангу пришел запрос из управления на чертежника Парулева, но сам знаешь, он ведь любовник Нинки Логвиной (Логвина Н.А. была начальницей соседней фаланги), а она, вместо него, договорилась с нашей Зинкой отправить тебя. Повезло тебе, парень, в городе, на штабной фаланге будешь жить. Только смотри, сам не подкачай.

Каплина в поселке расспросила его:

- Ты, парень, в чертежах-то чего понимаешь? С землемерием знаком немного?

- Нет, астролябию видел только в книге, в школе, а чертежи знаю только машиностроительные, - прямо ответил Павел.

- Да ты не будь простофилей, - начала Каплина, хотя и грубо, но как-то особенно покровительственно, беззлобно, так, как когда-то журила его бабка Катерина. - Вот тебе твой пакет с документами, иди, получишь себе денег на дорогу и паек, я тебе выписала, да шагай на станцию, на поезд. Билет не вздумай покупать, кондуктор с опером подойдут с проверкой, скажи, что БАМовец, и пакет покажи. В конторе, когда приедешь, не вздумай отвечать, как мне ответил - не знаю, не видел, то да се. Пойми, ты теперь лагерник, смело всем отвечай: "Умею, знаю, сделаю", и берись за все, хоть инженером поставят, понял?

Затем, пыхнув папироской, к полной растерянности Павла, подала руку на прощание и, проводив до переезда, крикнула ему в спину: "С Богом!"

Как-то недоверчиво встретил Павел эту неожиданную перемену в своей жизни. Как туманом подернуло перед ним его действительность. Выйдя на полотно железнодорожного пути со своим "традиционным" чемоданом, он неуверенно зашагал к станции, с опущенной головой. Ему почему-то казалось, что произошла ошибка, что вот-вот в спину грохнет трескучий голос Зинаиды Каплиной: "Ты куда? Вернись!" или, еще хуже того, из зарослей кустов, за рукавом болотной гущи раздастся выстрел оперативника из "секрета", и его, посчитав за беглеца, подстрелят, как облинялого весеннего зайчишку. В таком раздумье, он отошел 100-150 шагов от фаланги. Затем ботинки его застучали по бетону нового моста и он, как-то вздрогнув от неожиданности, остановился, оглянувшись назад. Павел нагнулся, с трудом разжал слипшуюся, почерневшую ладонь и поставил чемодан на краешек бетона. Здесь он месяц назад вязал арматуру на мостовом перекрытии, здесь он не раз смахивал навернувшуюся слезу в молитве. Позади не было никого, никто на него не кричал. Свежий, по-осеннему, ветерок приятно охлаждал, пылающее от волнения лицо, и обдавал знакомым запахом болотной прели. Далеко за фалангой, скальными выступами, сопка прижимала полотно пути к знакомой бахроме кустарника и Павлушкиному журчащему "Хорафу". Зеленой, побуревшей по-осеннему щетиной, торчала вершина знакомой сопки, которая, как строгий часовой, охраняла притулившийся у подножия поселок.

До слуха Владыкина донеслась гневная брань нарядчика и Зинаиды Каплиной, с которой она провожала в карцер, не вышедшего на работу заключенного, заболевшего, сверх положенного лимита. Потом умолкло и это. Слышно было, как мерно бухали, опрокидываясь в вагон тачки с глыбами обожженного камня на известь, и торопливо по трапу, сквозь облако известковой пыли, пробегали заключенные грузчики.

Во дворе у корейца Ли - директора известкового заведения, петух прокричал какую-то послеобеденную команду, чем оповестил проходящего наблюдателя, что здесь все в порядке; жизнь идет своим чередом.

Между постройками мелькнуло цветастое платье начальницы Зинаиды. Павел, при виде ее, вышел из раздумья о кошмаре, оставшемся позади, и задумался о ней. Ему было известно, как и всем лагерникам, что Зинаида Каплина, как и другие ее подруги-начальницы, была заключенной, что в первом отделении БАМлага на "Красной Заре" она окончила годичные курсы начальников, что сидит она за растрату, что в Москве ее ожидает муж и детки; здесь же она сошлась с рябым "опером" (тоже заключенным, и тоже окончившим, специальные на то, курсы). В голове у Павла никак это не укладывалось: как могла такая молодая, красивая женщина оказаться способной к таким диким, нечеловеческим поступкам - избивать больного человека, сквернословить неслыханной тюремной бранью, глумиться над обессилевшим, голодным заключенным. Вспомнил последние, только что высказанные слова участия: грубые, но с искоркой людской доброты. Эту искорку доброты ему так хотелось разжечь у нее в пламя. Ведь была же она доброй, нежной, любящей девушкой, женой, матерью. "Что делает порок, грех! Как способен он самое чистое, самое прекрасное превратить в мерзкое, ужасное, пагубное, и человек безвольно отдается этому, как бы не замечая. Да еще неизвестно, чем кончится эта жизнь, где и кто будет свидетелем ее последних дней, и какими они будут?" - при этих размышлениях Павлу представился самый ужасный конец Зинаиды Каплиной. А ведь, совсем недавно, он сам был близок к такому падению, как она. Но могущественная десница Спасителя остановила его в самое критическое время, вырвала из плена греха и страстей, когда оставался один шаг к потере целомудрия. Несомненно, что этому содействовали молитвы отца, матери, бабушки Катерины, наставления и особая любовь старичка Хоменко и всей церкви. А вот ее, видно, не охраняла ничья молитва, тогда как Христос умер и за нее. В сердце Павла вдруг вспыхнула к ней большая-большая жалость и чувство, неизведанной еще, но чистой, спасающей любви, какую он, читая Евангелие, видел у Христа к той поруганной женщине, которую привели к Нему фарисеи, с камнями в руках. Павел, как-то моментально, перевел взгляд свой на старую протоку, которая превратилась (с годами) из чистого, журчащего ручья в эту, покрытую ржавчиной, болотную трясину, от которой пахло прелью. Недалеко от этого болота стоял барак, в котором жила Зинаида Каплина. Ах, какое наглядное поучительное сравнение! Когда-то совсем недавно, жизнь Зинаиды Каплиной, возможно, протекала, как этот чистый, прозрачный мой "Хораф", где я на берегу часами находил наслаждение в молитвенном общении с Господом, а теперь он превратился в отвратительное, ржавое болото, на берегу которого она и поселилась. Уста Павла дрогнули и зашевелились в тихой молитве:

- Господи, милостью Твоей, я покидаю эти страшные места и верю, что в моих скитаниях, Ты еще пошлешь мне дорогой живительный "Хораф", из которого я мог бы черпать, как из реки воды живой. Но эта страшная женщина, с ее несчастными подчиненными, остается в этом смердящем болоте. За нее, видно, некому было молиться, поэтому она так страшно погибает и губит других. Она много обижала меня, но за доброту, которую

она оказала мне в последний час, я прошу Тебя, окажи ей милость, чтобы она не погибла, хоть в последние дни своей жизни, в этой греховной трясине. Мне ее искренне жаль, а Ты умирал за нее. Аминь.

После молитвы, Павел в веселом настроении и уверенно, с отцовским чемоданом в руке, зашагал вперед, навстречу своей неизвестной будущности. Оделся он по-праздничному: поверх своей синей косоворотки на нем был надет черный костюм, которым его премировали еще на факультете, на коленях брюк он аккуратно пришил заплатки.

По дороге он, молитвенно, прощался с каждым знакомым кустиком, приметной выработкой; с каждым местом, где в прошлом молился. С нескрываемой завистью провожали его в забоях арестанты, мимо которых он проходил. На станцию Кимкан он пришел за несколько минут до прихода поезда и, несмотря на немалое скопление народа, все же чувствовал себя одиноким, чужим. Такими же глазами, как ему казалось, смотрели на него и местные жители, так как они всех своих знали в лицо. Каким-то странным чувством была наполнена его душа: он не был под конвоем, как и все пассажиры, но и та "свобода", с которой он ехал, не прибавила, ни на иоту, радости в его душе.

Он вздохнул немного облегченно толико после обхода, когда оперативник проверил его пакет. Затем вошел в вагон и сел с народом.

Глава 5.
Вознаграждение.

В город Облучье Павел прибыл к концу дня и увидел многих, подобных себе, приезжих. Совершенно без радости, проходил по улицам поселка, разыскивая свою штабную фалангу. В лагере был, по его выражению, идеальный порядок, и его без затруднения определили, согласно его документам, которые он передал в пакете. В бараке Павла поместили, к его удивлению, рядом с юношей, сверстником его - Сережей, который работал чертежником в том же отделе, куда направлялся и он. В простом знакомстве и оживленной беседе оказалось, что его уже давно ожидает начальство, ожидают также сотрудники. Сережа отрекомендовал себя профессионалом вором-карманником - сыном добрых родителей, из интеллигенции, даже неудачным студентом одного из технических училищ города Луганска. В отдел его привезли (из штрафного каменного карьера) месяцем раньше, но на работе он себя зарекомендовал мастером-чертежником. Сережа был до крайности удивлен, узнав, что Владыкин, будучи таким молодым и грамотным, оказался в заключении за веру в Бога, но вместе с тем, не скрывал своего расположения к нему. За вечер Павел успел познакомиться со всеми порядками и условиями на новом месте и был бесконечно рад тому, что он здесь может свободно выходить из зоны лагеря и на природе находить уединение, для молитвы Богу.

Утром, следующего дня, Сережа торжественно представил Павла в отдел секретарю, где его приняли, как-то необычайно приветливо, просто, не по-арестантски. Секрет этого он узнал тут же, от своего товарища. Оказывается, во всем управлении вольнонаемных было всего 4-5 человек, а весь остальной состав был из заключенных и делился на инженерно-технических работников (ИТР), старших технических работников (СТР) и младших технических работников (МТР). Вольными были Аристокесян - начальник, два начальника топографического отдела, куда поступил Владыкин, и начальник спецотдела.

Главным инженером планово-технического отдела был Туполев. Он и все его подчиненные - инженеры управления, были заключенными и обвинялись все, за редким исключением, по ст. 58/10 за так называемую "контрреволюционную агитацию".

К великому удивлению Павел, не веря своим глазам, вскоре убедился, что весь мужской и женский персонал управления состоял из заключенных, так как всех их, прекрасно одетых, увидел он в лагерной, отдельной столовой.

При проверке определилось, что Владыкин, действительно, не был знаком с топографическими чертежами, но сотрудники сразу расположились к нему и решили; в самое ближайшее время научить его этому искусству, а перед начальниками отдела - выручить, делая наиболее ответственную работу за него. Вскоре и начальство полюбило новичка за способности, особенно в вычислительном деле. Оказавшись в таких хороших условиях, Павел ежедневно, в искренней, чистосердечной молитве, благодарил Бога, что Он чудом избавил его от гибели и того тягостного труда, где он был вначале. Хорошее питание вскоре утолило голод, а легкий труд распрямил его

скрюченные, потрескавшиеся ладони. Но увы, искушения усиливались все больше, стала осложняться и внутренняя, духовная борьба. Тело отдохнуло от изнурительного труда, не стало больше того унижения, какое он испытывал прежде. Встретив в управлении свою бывшую начальницу - Зинаиду Каплину, Павел был поражен ее любезностью к нему и тем, что она даже справилась о нем у начальника отдела.

Женщины находились в одном лагере с мужчинами, располагаясь только с другой стороны бараков, и Павел вскоре стал замечать, как разврат искусно процветал среди этого обреченного, интеллигентного общества. Сети самых грязных интриг спутывали и бесчестили высокообразованных, одаренных людей, а на воле их ожидали разоренные, разбросанные, порой проживающие в крайней бедности, жены, мужья, дети.

Павел внимательно приглядывался к ним, в надежде встретить кого-либо из сестер, но увы, ему попадались только, разодетые в самые обольстительные одежды, рабыни страстей и похотей, превосходящие своим видом местное население.

Ему вспомнились (из истории) жены декабристов, их самоотверженные подвиги, нравственная стойкость, несмотря на то, что обстоятельства жизни тех каторжан мало чем отличались от настоящих. Но как не похожи эти современные жены и дочери, из таких же интеллигентных семей, оказавшиеся в заключении, на тех своих соотечественниц, которые 100 лет назад, так свято и самоотверженно, разделяли скорбную участь своих мужей, проходивших по этим местам.

Княгиня Волконская, оставив роскошь и блеск дворца, богатство и нежную ласку родителей, удобства жизни, помолившись и предав себя воле Божьей, тронулась в далекий, неведомый путь, чтобы там, в тех ужасных условиях, которые она совершенно не представляла, пожертвовать собою и утешить, обреченного на тяжкие муки, своего любимого и любящего супруга. И она нашла его как Ангел-хранитель, с Божьей помощью, в недрах подземелья. Спустилась туда, куда не проникал ни единый луч света, там обняла его и, вдохновленная свыше, своею чистою любовью, осветила его мрачное подземелье, куда не дерзала до нее спуститься ни одна женщина. Да, она опустилась к нему в тот кошмар, заживо погребенных, отверженных на погибель людей, но она не опустилась в своей нравственной чистоте, не потеряла благородства души.

Может быть, не одно платье сменила она из своего княжеского гардероба по пути, скитаясь по сибирским ночлежкам и постоялым дворам тех времен. Но одеяние супружеской верности, чистоты и преданности, сохранила в белоснежной чистоте и, опустившись в подземелье, обняла своего измученного друга-мужа, покрытого грязью и копотью. Она не только сама не опустилась, но и его извлекла из того подземного кошмара и возвратила к жизни. Верным и благодарным ей на всю жизнь, остался и сам князь Волконский.

Но совершенно другими были эти современные "князья" и "княгини", "графы" и "графини", каких увидел Павел. Не говоря уже о Зинаиде Каплиной, которую взяли в Москве из благородной семьи. Павел, стоя в стороне, в конце дня с ужасом наблюдал за всеми этими "высокими" особами, к домам которых на воле он не смел бы даже приблизиться. А теперь он видел, как низки и мерзки они, видел их подноготную, потому что лежал с ними на одних нарах и сидел за одним арестантским столом.

Вскоре Владыкину пришлось быть свидетелем одной ужасной трагедии.

Однажды утром, всеми уважаемого их начальника - Николая Васильевича Мацкого на своем обычном месте не оказалось. По селектору (вид телефонной связи) кто-то крикнул, что жена Мацкого на станции бросилась под поезд.

Все сотрудники, конечно, опрометью выбежали к месту происшествия, так как знали, что она только что на днях приехала к нему на свидание.

В конце станционной платформы, на брезенте лежало изуродованное, окровавленное тело женщины. Размозженные части туловища были накрыты, голова, грудь и ноги, немного выше колен, сохранились почти неповрежденными. Платье, хотя и было местами запачкано кровью и мазутом, но говорило о том, что покойница оделась так, совсем не для того, чтобы бросаться под поезд. Волосы на голове были аккуратно причесаны и, естественным пучком, собраны под темной сеточкой. Даме можно было дать не более 48 лет. Красивое, строгое выражение лица, отражало благородство души, а заметные морщины и редкая проседь в волосах, свидетельствовали о ее глубоких переживаниях. Плотно закрытые глаза и губы, равно и спокойное выражение лица, как бы отвечали всем недоумевающим зрителям:

- А я иначе поступить не могла.

Никто, конечно, и не винил ее, скорее, осуждали самого Мацкого Н.В., который стоял несколько вдали, одиноко, облокотившись на спинку станционного кресла, гладко выбритый, по обыкновению, прилизанный сверху, с безучастным выражением лица.

Мацкий принадлежал к дореволюционной знати. За принадлежность к старой армии отбывал срок заключения на строительстве Беломорско-Балтийского канала. Оставшаяся на воле жена, была лишена всех привилегий, какие имели семьи офицеров царской армии, да и того прожиточного минимума, каким пользовались, окружающие ее, жители. Однако, с достоинством она хранила супружескую верность своему страдающему мужу. После тех мучительных лет, он со многими другими заключенными был освобожден и согласился, добровольно, работать в должности инженера в системе БАМлага, завербовавшись сюда.

На новом месте он быстро забыл пережитые мытарства, а с ними и супружескую честь. Оказавшись в легкодоступном обществе заключенных "знатных особ" женского пола, он забыл о своей многострадальной жене и не поспешил утешить ее, а по старым традициям некоторых офицеров царской армии, запутался в любовных интригах с подобными себе, потерявшими честь, "знатными дамами". Тогда жена, помимо его желания, приехала сюда, на далекую чужбину и, пылая к нему пламенной, чистой любовью, рассчитывала спасти и выручить его из вертепа нравственного падения. Найти его она, конечно, нашла - по-прежнему, любезного, выхоленного, прилизанного, с теми же горящими глазами, но уже без души и чести. Она оцепенела от ужаса и увидела себя в безвыходном, отчаянном положении. Своей чуткой душой она поняла, что он безнадежно пал. Оставаться с ним здесь - это значило, принять на себя весь его позор, без всякой надежды на его спасение. Вырвать его, из этого лабиринта интриг, она не смогла бы, так как он категорически отказался от выезда, а любила она его, по-прежнему, сильно, жертвенно.

Между ними не было ни ссоры, ни каких-либо разгоряченных разговоров. Строгими глазами она долго смотрела на него, затем, вытерев их от скупых росинок набежавших слез, коротко объявила о своем отъезде обратно. Для Мацкого это решение было неожиданным, но он не возразил ни слова. Всю ночь жена его, не раздеваясь, просидела в кресле. Она попыталась обдумать свое отчаянное положение, но, однако, чувствовала, что с потерей мужа, она потеряла смысл жизни. Шквалом потрясли ее рыдания, но также, порывисто, она овладела собой.

На память ей приходили молитвы, какими молились бабушка и мама, а в свое время, учили и ее. Душа ее из бездны отчаяния хваталась и за те дорогие слова молитв, какими она нередко утешала себя в годы разлуки с мужем. Успокаивали они ее и теперь, но так мало. Она только теперь поняла глубину своей ошибки - что в муже сосредоточила смысл своей жизни; на самом же деле, смыслом жизни должно быть, что-то за пределами этого переменчивого бытия, неизменное, вечное, но выхода из ошибки она не находила. Почти молча, они пришли утром на вокзал, муж любезно купил для нее самое лучшее место в поезде, также любезно уложил ее чемодан и привел к нужному вагону, но она, молча, неподвижно стояла на перроне и не входила в вагон, не вошла и после третьего звонка. Мацкий растерянно теребил ее за плечо. Когда окна вагона медленно поплыли перед ее глазами, она судорожно вздрогнула и, умоляюще, кому-то крикнула: "Прости!.."

После этого случая, Владыкин не мог без осуждения смотреть как на своих начальников так и на разодетых современных "княгинь".

Новые его условия, хотя (в материальном) и принесли много облегчения, но он лишился самого дорогого - уединения у потока "Хораф". Павел использовал все случаи, чтобы быть наедине с Богом, а это, чаще всего, удавалось тогда, когда по исполнении поручений, ему предоставлялась возможность бродить по тайге, в сопках. Одиночество сильно удручало его, и, как он ни вглядывался в лица мужчин и женщин среди вольных и заключенных - своих не находил.

Вскоре Владыкин овладел знаниями чертежника-вычислителя и в отделе был уважаемым всеми, особенно линейными топографами, которым он любил помогать.

Прошло несколько месяцев после того, как он написал последнее письмо Кате, и сердечная рана от ее измены заживала, хотя по-прежнему, ни одного письма от нее не было. А Луша, так своевременно, с материнской чуткостью и любовью христианки-матери, утешала Павла своими малограмотными, но благословенными письмами. Они, в эти тягостные дни одиночества, служили ему чашею холодной воды, как истомленному жаждой путнику. Мать напоминала ему о богобоязненности Иосифа, святой храбрости Давида, верности Даниила, непреклонном уповании Иисуса Навина и Халева, и юном узнике Тимофее, сопровождавшем

всюду Апостола Павла. Один Бог только знает, каким дорогим подкреплением служили эти малограмотные строки, полные материнской заботы и любви.

Так после золотой осени наступила зима с ее трескучими морозами. Скоро, по-осеннему златоглавые вершины дальневосточных сопок и таинственные, взъерошенные буреломом, таежные пади, покрылись белоснежным покровом. Подходила годовщина бездомного скитания в неволе. Как и все, Павел тщательно подсчитывал зачеты; в воображении - часто рисовал свое будущее, по-своему, а иногда даже видел себя с отцовским чемоданом и улыбающимся, на пороге родного крыльца. Но у Бога были о нем Свои планы.

В начале зимы Павла позвали в комнату начальника, где сидел линейный топограф Ермак, по общей, заглазной кличке: "Борода". Ермак был вольнонаемный инженер-изыскатель, который свои старо холостяцкие 40 лет и предательские морщинки решил спрятать под густой бородой и нестрижеными запорожскими усами.

Неожиданно для Павла начальник объявил, что он направляется на разъезд Лагар-Аул, в распоряжение того самого Ермака. Вопреки своему обыкновению, Ермак любезно, шутливо объяснил Павлу его будущие обязанности и условия, распорядившись о немедленных сборах.

Владыкин не дерзал выяснить причину такого экстренного перевода, но в душе своей чувствовал что-то неладное. С печалью и неохотой он распрощался в отделе и, в сопровождении Сережи, собрав в лагере пожитки в чемодан, сел на поезд. Сережа, хотя и не знал ничего, но успокаивал его тем, что на перегоне он будет чувствовать себя "хозяином" и, при желании, от Ермака может даже почерпнуть знания.

На новой 35-й фаланге его встретили, как обычно. Утром, по приходу, Ермак, который жил в вольном поселке, завел его в просторную комнату и, с лагерной бранью и шутками, отвоевал Павлу постоянное место. С такой же бранью, Ермак принялся устраивать своего помощника и на кухне, в каптерке и в комнате для ночлега, хотя для этого не было совершенно никакой необходимости. На вопрос Владыкина, почему он так со всеми скандалит, Ермак ответил:

- Все они, без исключения, негодяи, и иначе их ничем не проймешь. - Поэтому, где бы он не проходил, везде был скандал и шум.

На самом деле, все было не так и, когда он ушел на перегон, оставив задание Павлу, тот сам обошел все места, и люди, убедившись, что он - резкая противоположность Ермаку, были рады, что теперь могут избежать этого скандального человека.

В течение короткого времени, Павел очень хорошо устроился с вещами в каптерке, на кухне с питанием, и ему отвели очень спокойный уголок для ночлега. С бранью, возвратился скоро с перегона в контору Ермак. Павел молился и просил Бога, чтобы Он смягчил сердце и расположил начальника, а в работе и в разговоре усердно старался угодить ему во всем, и Господь помог Павлу. Все чертежи и расчеты выполнял он успешно и хорошо, но чувствовал, что Ермак внимательно присматривается ко всем его движениям.

Вскоре он поинтересовался, за что Павел осужден, и, узнав, что не за какие-либо преступления, а за исповедание святой Евангельской веры, заметно успокоился, меньше стал сквернословить, но был до крайности удивлен, что такой молодой, грамотный, современный юноша мог так глубоко верить в Бога. Бесед Ермак избегал и никаких подробностей о себе Павлу не рассказывал. Спиртных напитков он не употреблял, не курил, но был, до смешного, жаден. Жил впроголодь и одевался так же, как заключенные, если не хуже. На все свидетельства о Боге, какие высказывал Павел, он отмалчивался. В самые ближайшие дни пришел, особенно расположенный к Павлу, и сказал:

- Павел, я теперь верю, что ты христианин, замечаю в тебе необыкновенные способности и легкость, с какой ты все воспринимаешь; и почему-то вчера у меня возникло неодолимое желание - научить тебя топографическому делу. Математику ты знаешь и владеешь ею хорошо, ты очень скоро познаешь основы топографии, а дальше, жизнь подскажет тебе. Мне кажется, что геодезия и топография тебе в жизни очень могут пригодиться.

Павел никогда не думал об этом, и геодезия была для него далекой, совершенно недосягаемой, да и ненужной наукой. Теперь же он задумался: почему этот взбалмошный, скандальный, но вместе с тем, оригинальный человек, так настоятельно навязывает ему это дело? Он решил, в усердной молитве, обратиться к Господу и испытать Его волю.

- Господи, если это от Тебя, если Ты мне послал этого человека навстречу, то Ты пошли мне желание, способности к познанию этой науки и взаимное расположение друг к другу. Я желал учиться, но, за Имя Твое и

истину Твою, меня люди лишили этого права. Ты же знаешь обо мне наперед, моя судьба в Твоих руках. Только прошу Тебя, чтобы знания никогда не надломили меня, и дело Царствия Твоего было для меня всегда прежде всего и дороже всего.

После молитвы Павел почувствовал, что это воля Божья, и объявил Ермаку свое полное согласие на это предложение. С тех пор он стал брать Владыкина с собою на полевые работы и терпеливо приучать к работе с геодезическими инструментами, а также развивать, наглядными примерами, пространственное мышление.

Сверх всякого ожидания, Павел первое же задание выполнил отлично, что придало им обоим, учителю и ученику, еще большую энергию в занятиях; а работы было непочатый край. Перед праздником Рождества Христова Ермак так расположился к Павлу, что привел его в поселок Лагар-Аул на свою квартиру и заявил, что отныне все вычислительные занятия они будут делать только здесь. От появления на фалангу совсем отказался и заявил:

- С теми хамами у меня все кончено, не хочу больше видеть и слышать их.

Так Павел впервые, спустя долгие месяцы, да, пожалуй и годы, перешагнул порог простой, крестьянской избы, похожей на ту, где проходили его детские годы.

Изба (капитальной стеной) была разделена на две части: передняя - более свободная горница, а задняя, в которой стояла русская печь, одновременно служила кухней. Павла с Ермаком приветливо встретили на кухне хозяева, весьма почтенные, благочестивые старичок со старушкой. Дед Архип в 75 лет работал еще плотником на железной дороге, а бабушка Мария, годом моложе его, хозяйничала по дому и, несмотря на свои старческие годы, оба были довольно крепки и бодры.

В натопленной избе аппетитно пахло свежими щами и благовонным маслом от горящей большой лампады. С искренним добродушием старички пригласили вошедших к столу, от чего отказаться было невозможно, и Павел, хлебая деревянной ложкой щи со сметаной, с трудом удерживал слезы, вспоминая свою милую, дорогую бабушку.

Здесь все было, как в Починках: чапельник с ухватом возле печи, румяная припеченная картошка, красовавшаяся со сковороды на шестке и полосатые варежки в печурках. Даже отважные русаки (тараканы), с огромными усищами, торчали из потрескавшихся бревен, только хлеб на столе не ржаной, и сама бабушка Мария меньше родной бабушки Катерины и не такая бойкая, как та.

Сердце Павла как-то встрепенулось от всего этого и так расположилось к старичкам. Так хотелось с ними запеть какой-либо гимн, тем паче, что дедушка-хозяин был вылитый дед Никанор. Чем-то родным обняло душу Павла, и он, украдкой отвернувшись к окну, смахнул ладонью слезу. Даже "Николай Угодник" и "Спаситель" показались теми же, за которых Павел от Катерины, в свое время, получил подзатыльник.

Эта немая минутная сцена не осталась незамеченной Ермаком, и Павел на его лице увидел, едва заметную, улыбку.

Владыкин занимался с чертежами неотрывно, долго, пока "молния" стала медленно меркнуть от недостатка керосина. На фалангу он шел не торопясь, предаваясь дорогим воспоминаниям детства, в тихой морозной полночи. Не доходя до поселка, Павел зашел в выработку и, преклонив колени, долго молился, пока промчавшийся пассажирский поезд не прервал его сладкое общение с Богом.

* * *

Лагерь весь спал, в комнате было душно от натопленного, на его месте спала, разметавшись, молодая девушка. Павел вначале, испуганно как-то отскочил от нар и остановился в недоумении. Потом, присмотревшись сквозь тусклый свет, различил на обнаженных ее руках и груди татуировку и догадался, что в их комнате расположились на ночлег лагерные арестанты, выступавшие вчера на сцене.

Павел аккуратно накрыл, упавшим одеялом, девушку и, закрыв за собой плотно дверь, поторопился в контору, где, подстелив меховой полушубок, разместился на своем столе.

В его воображении мысленно промелькнул образ разметавшейся девушки на его постели, но он сменился образом "Спасителя" у деда Архипа с Марией, таинственной улыбкой Ермака и все исчезло...

Утром он проснулся поздно, через приоткрытую дверь доносился беспорядочный гомон и смех, потом хрипловатый женский голос, с бесстыдством, декламировал один из лагерных порнографических стихотворений, в стиле Есенина.

Павел резко распахнул дверь и вошел в комнату. Рассказчицей оказалась та самая девушка, которая спала на его постели. Это была одна из артисток походной группы. При появлении Владыкина девушка взглянула на него и остановилась на полуслове. Ей было не более 20 лет. Одетая в прекрасное платье, она была на редкость красива. Глядя на ее миловидное лицо, было совершенно невозможно поверить, что такое милое, юное создание способно открывать свои уста для такого сквернословия, какое услышал Павел.

Наконец, виновница, заметив, что этот красивый юноша осматривает ее осуждающе, приготовившись что-то ей сказать, решила опередить его и, будучи уверенной в действии своего дерзкого очарования, решила смутить его:

- Вы, видно, в недоумении, как я смогла занять ваше место в этой комнате? - все тем же хрипловатым голосом, откашливаясь, спросила она Владыкина. - Но...

Павел не дал ей закончить и, пристально глядя на нее, прервал:

- Нет, я не от этого в недоумении. Я рад послужить этим, любому нуждающемуся. Я в крайнем недоумении от того, что вы заняли место в жизни самого потерянного, мерзкого, отвратительного существа, какое я когда-либо видел в жизни, между тем, как Бог наделил вас самым прекрасным и бесценно дорогим. Вы об этом думали когда-нибудь?

Слова были сказаны с такой силой, с такой серьезностью и, по-видимому, такие, каких ни виновница, ни присутствующие никогда не слышали. В комнате воцарилось напряженное молчание.

- Простите меня, - тихо проговорила артистка и, низко нагнув голову, покрылась румянцем.

Павел спокойно одевшись, вышел на улицу; из оставшихся в комнате, никто не спешил заговорить.

По дороге к деду Архипу он зашел опять на вчерашнее место и сердечно молился за это юное, погибающее существо.

Впоследствии Владыкин, в числе лагерных артистов, не встречал той девушки, а от кого-то он слышал мельком, что она оставила свое пагубное ремесло, устроилась работать на очень скромную работу и по окончании срока заключения, возвратилась к родителям.

* * *

На работе Павел с каждым днем преуспевал все больше, и настал тот день, когда Ермак всю работу доверил ему полностью.

К новогодним праздникам он совершенно все оставил Павлу и, предупредив старичков, что юноша остается один, уехал в управление. Оставшись, Павел аккуратно посещал старичков, усердно работал над чертежами, а на производстве полностью заменял своего учителя.

На праздник Рождества Христова Павел пришел на 2-3 часа позднее, так как решил молитвой и знакомым песнопением отметить светлый день, на снегу в тайге.

Безлюдная тайга да светлые Ангелы были свидетелями того торжественного праздника, каким, по вдохновению Духа Святого, Павел почтил в своем одиночестве Рождение Господа. С таким ликующим сердцем он пришел в Лагар-Аул.

Дед Архип со старушкой, приветливо, по-праздничному, встретили юношу и принялись угощать всем, что в большом изобилии настряпали к Рождеству. Церкви поблизости не было нигде, идти было некуда, к Владыкину они очень расположились, но все как-то не решались его ни о чем спросить. Павел от угощения не отказался, но, встав перед столом, усердно, долго вслух молился, благодаря Бога за все пережитое, за родителей и за рожденного Сына Божья. Дед Архип с Марией внимательно все, молча выслушали, почти без разговора кушали стряпню и ничем не перебивали Павла, который подробно рассказывал им о Рождестве Христовом все, что запомнилось ему с детства до отрочества. Вспомнил и рассказал встречу прошлого праздника и Нового года, о своем покаянии, а потом и о своем аресте. После совместной молитвы они зашли в горницу и, все-таки, дед решился:

- Павел, я тебе решился открыться, по-стариковски, во всем. Вот мы с бабкой, как первый раз увидели тебя, так нет нам покоя. Все думаем да говорим про тебя, как остаемся одни. А почему? - Потому что мы таких людей, отродясь не видали, молодой, а такой божественный, да и мы ведь Спасителя не забываем, и Матерь Божию, и угодников чтим, а душа все какая-то пустая, голодная. Тебя мы видим всегда радостного, всем довольного, и ничего ты без молитвы не делаешь, а молишься не по-нашему. Терпенья нет, все спросить хотим, да вот нашего бородатого инженера стесняемся, уж больно он похабный, хотя нас-то он стесняется и стыдится немного. А вот ты - совсем другой человек, хотя и молодой. Так вот, теперь расскажи ты нам, что это за вера твоя такая, а, может, и мы чего не так делаем?

- Дедушка, - начал Павел, - я много бы вам пояснил, да Евангелия-то у меня нет, все поотнимали дома, когда нас арестовали, но уж на память, как помню, так и расскажу.

Вот Сам Господь, что сказал самарянке: "Бог есть дух и поклоняющиеся Ему должны поклоняться в духе и истине, и таких поклонников Бог ищет Себе". Вы слышали про это?

- Знаю, слышал, не только слышал, но и сам читал, сколько раз, да и задумывался, - ответил дед.

- Ведь, когда человек молится в духе и истине Богу, то у него и сердце горит, - продолжал Павел, - а когда - перед образами, горит только фитилек в лампаде, а сердце, сам говоришь, пустое.

- Истинно так, касатик, - ответил дед, - у меня у самого бывало, но очень редко. Бывало, как уйду по путям подкладки да стыка проверять, посмотришь, что кругом нет никого, а темь одна, да так Спасителю помолишься, своими словами, что душа огнем загорится, по полотну не идешь, а летишь. Но ведь, больно редко это бывало. А почему это так, а? Вот ведь образа у нас старинные-старинные, почернели от годов, одни медные ризницы блестят. Да уж какие молитвы не творишь только, поклоны хлобыщешь, а душа-то все пустая.

- Дедушка, а секрет-то знаешь в чем? Почему душа пустая? - продолжал Павел, - потому что образа пустые или деревянные, а как к живому Богу обратишься, так и душа загорится. А почему душа так редко загорается, потому что в Евангелии написано, что грешников Бог не слышит, а только временами дает знать о Себе. Самарянка, будучи обличаема во грехе, доверилась Христу, и Он не осудил ее за то, что у нее было пять мужей, но помиловал, да целые реки воды потекли из души ее так, что она ведерки свои побросала, да с огнем в душе, по-простецки, побежала в город проповедовать Христа. Так вот, дедушка, и вам раскаяться надо во всем перед живым Господом Богом, тогда и душа загорится. Сам Бог ее зажжет и никто уж потом не потушит, - закончил Павел.

- Дитятко, ты мое, касатик, какие слова-то ты говоришь, ведь от одних только их душа загорается, - с умилением и восторгом открылся дед Архип.

- Да слова-то, ведь, это не мои, - пояснил Павел, - вот и душа от них загорается. А если бы само Евангелие вы почитали, еще больше загорелись бы.

Дед Архип посмотрел на свою бабку и, торопливо поднявшись, проговорил:

- Погоди, щас я тебе секрет открою, - с этими словами он начал что-то шарить на подоконнике. Старуха сидела у двери горницы и концами платка вытирала слезы на глазах.

- В машинке! Ты ключ что ли ищешь? - спросила она умиленно деда.

- Да, - заторопился Архип и, вытащив большущий ключ, сунул его в скважину сундука. От поворота ключа в замке что-то мелодично звякнуло, и крышка, дрогнув, приподнялась. Дед Архип медленно открыл сундук и, опустив руку на дно, вытащил небольшой сверток, потом перекрестился и, развернув, подал Павлу.

- На-ка, ты видать про эту книгу говоришь? Блюдем ее дороже глаз, люди-то, ведь сам знаешь, какие пошли.

Павел с трепетом принял книгу из рук Архипа. На крышке был оттеснен золотой крест, это было почти совсем новое Евангелие с псалтырем, но пожелтевшее от давности.

Павел, с Евангелием в руках, опустился на колени, поблагодарил Бога и потом сев, начал читать: вначале про самарянку и Никодима, потом Деяния Апостолов 17:22-31. Читал он медленно и внятно, с воодушевлением и, как мог, с любовью, терпеливо, объяснял старичкам непонятное. За окном смеркалось, и бабушка зажгла "молнию". Чтение продолжалось.

С величайшим вниманием дед Архип и Мария вслушивались в каждое слово. Когда же Павел дошел до 30-го стиха, он на минуту остановился и прочитал с особым ударением: "Итак, оставляя времена неведения, Бог ныне повелевает всем людям повсюду покаяться!.."

Дед ухватился рукою за грудь и, прерывая Павла, спросил:

- Так что же теперь делать-то, а, сынок?

- Если веришь в Слово Божье, то надо упасть на колени и покаяться, дедушка, - ответил Павел.

Без малейшего замедления дед Архип опустился на колени и, припавши до пола, со слезами и воплем стал просить прощение у Бога, не глядя на образа.

Долго еще, без слов, он лежал на полу, поднявшись, обнял Павла и крепко-крепко поцеловал его.

Потом взял Евангелие в руки и, протянув его Павлу, сказал:

- На, возьми его. У меня оно пролежало без пользы многие годы, в твоих руках - это принесло мне спасение, с первого же разу. Пусть оно многим слепым еще откроет глаза, ты за него несешь такие муки.

Потом он обнял свою старушку, да так вот, оба, стояли они и плакали от нахлынувшей радости.

- Сыночек наш дорогой, Павел, мы тебя сегодня в лагерь не отпустим, ты останешься ночевать у нас, а я пойду сейчас сам и уговорю начальника. Мы не можем тебя отпустить, ты стал для нас самым дорогим человеком, да и день-то сегодня какой - Рождество Христово! Будем праздновать его всю ночь.

- Нет, брат мой, Архип, - поправил Павел, - будем праздновать его весь остаток жизни, а в лагерь не пойдешь ни ты, ни я.

- С Рождеством Христовым!

- "Слава в вышних Богу и на земле мир, в человеках благоволение!" - поприветствовал их Павел, и стали готовиться к столу.

Рано утром Владыкин, по морозцу, сходил на фалангу и, убедившись в благополучии своей табельной отметки, возвратился вновь в поселок. Старушка истопила печь, убралась по дому, и оба они с Архипом, по-праздничному одетые, сидели в передней за столом, беседуя о Господе. С радостью они встретили Павла, хотя и не виделись всего 4-5 часов, и тут же, после приветствия, стали продолжать беседу.

- Утром ты ушел, - начал дед, - а моя, старушка-то, как заплачет по тебе. Я спросил ее: "Марья, что с тобой?" "Да как же, - говорит она, - ушел Павел ведь от нас, а придет или нет опять, неизвестно, а ведь чую я, что Бог его послал к нам, как Ангела Своего." - Ну и опять в слезы, хоть в пору мне, вдогонку за тобой бежать. А теперь вот ты возвратился, и мы рады тебе, не знаю как.

- Бабушка, о чем же ты так встревожилась-то? - спросил ее Владыкин.

- Да, и сама не знаю что, - ответила бабушка Марья, - но как ушел ты утром от нас, внутри-то у меня, как оборвалось что. Архип-то вчерась ослобонился после исповеди-то, да гляди, как младенец стал, не узнать его, а я осталась, никак не изменилась, на душе, как сто пудов лежит, да все как шепчет кто: "опоздала, опоздала". Теперь вот, как увидела тебя и легче стало, а все равно не знаю, что делать.

- Бабушка, а мы сейчас узнаем, что тебе делать, - ответил ей Павел и, достав из кармана Евангелие, прочитал: "Приидите ко Мне, все труждающиеся и обремененные, и Я успокою вас; Возьмите иго Мое на себя и научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем, и найдете покой душам вашим; Ибо иго Мое благо и бремя Мое легко" (Матф.11:28-30).

- Вот видишь, Христос зовет тебя к Себе, чтобы дать полный покой душе твоей. Тебе тоже, как Архипу вчера, надо решиться и прийти ко Христу. Хочешь?

- Да как же не хочу, родимец, душа-то вся изныла, - ответила ему Мария, - а не знаю, как.

- А так же вот, встань на колени, да от всей души у Бога попроси прощения ото всех грехов, и скажи, что хочешь получить от Него мир душе и радость, - объяснил ей Павел попросту.

Старушка встала после этих слов среди комнаты и, не глядя на образа, упала на колени, раскаиваясь пред Богом в горячих слезах.

В комнате было тихо-тихо, огонек у лампады вдруг замигал и погас, с ним, в полумраке, погасло отражение ризницы на иконах, но на смену этого, загорелся новый свет жизни в сердцах деда Архипа и бабушки Марьи. Как дети они стояли среди избы и слезы радости текли по их старческим, но просветлевшим лицам. Счастливые, они молча слушали, как Павел с вдохновением пел:

О, дивный день! О, дивный час,
Когда Спаситель в первый раз
С душой моей в завет вступил
И мир мне в сердце подарил.

Дивный день, дивный день,
Когда Господь меня простил.
С тех пор Христос всегда со мной
И водит Сам меня рукой.
Дивный день, дивный день,
Когда Господь меня простил!..

Ангельской, небесной радостью наполнилась горница деда Архипа и Марьи. Никому ненужными висели: потухшая лампадка в углу и, покрытые полумраком, образа.

- Павел, - начал дед Архип, - пятьдесят пять лет тому назад, когда мы стояли с Марией под венцом, мы не имели такой радости, какой горят наши души теперь. Бог нам послал ее через тебя. Пусть Господь тебя Сам наградит за то, что ты не посчитался с родными твоими и с самим собою, но в арестантском вагоне, издалека, привез нам наше счастье, счастье попусту прожитой, потерянной, никому ненужной жизни - счастье жизни, обновленной Господом. А я тебе, на радость, открою еще один секрет, - с этими словами дед опять полез в сундук и со дна достал большой сверток. Со свертком в руках, машинально взглянув на потухшую лампаду, и со словами: "Господи, благослови", - он выложил на стол большую, в дорогом переплете, Библию с картинками.

- Вот какое богатство у нас есть еще, - добавил Архип, - та, что маленькая, мы дарим тебе, а сами будем жить с этой, большой.

Мария с радостным, довольным видом смотрела то на Архипа, открывшего их совместный дорогой секрет, то на Павла, который, по-детски, с ненасытимостью, принялся рассматривать Библию с картинками.

С этих пор Павел ежедневно проводил беседы у Архипа в избе, объясняя им пути Господни, и часто оставался на ночлег.

Ермак не приезжал и неделю, и вторую. По селектору он справлялся о благополучии, давал нужные распоряжения, а Павел и старички были рады каждому, проведенному вместе, вечеру за чтением Библии.

Но недолго продлилась эта радость. Однажды, в обычное время, Павел не пришел, хотя и обещал. Проходил час, другой, дедушка взволнованно выходил к калитке, но Мария встречала его печальным, Павла не было.

В обед, когда "кукушка" над столом прокуковала 12, Мария с волнением в голосе сказала деду:

- Архип, пойди на пути, может, кого увидишь с лагеря, да спроси, не случилась ли, какая беда с Павлом, что-то душа болит.

Глава 6.
Содом.

Павел встал немного позже обычного, помолился и, приведя свои дела в порядок, приготовился уже идти в поселок, но в комнату забежал нарядчик и попросил его к начальнику. Тревога щипнула сердце Владыкина, когда он услышал это. В кабинете, у стены, сидел в солдатской шинели работник военизированной охраны (ВОХР) с винтовкой в руке, перед начальником лежало письмо и разорванный конверт.

- Владыкин, пришло указание передать тебя в распоряжение бойца ВОХР, - заявил начальник, - а это вот тебе, записка от Ермака. Павел с волнением прочитал:

- Все чертежи и расчеты собери в папку и отдай прорабу, а что в поселке, пусть останется как есть. Тебя вызвали в распоряжение третьей части (отдел НКВД).

Как-то растерянно, от такого неожиданного оборота, Павел спросил:

- Куда ехать-то?

- Собирайся, там будет видно, - металлическим голосом, вставая с винтовкой в руках, ответил ему боец из ВОХРа.

Павел ничего не знал, для него стало ясно только одно, что старичков он сегодня больше не увидит, а, может быть, и никогда.

Под конвоем, он собрал чертежи и сдал в конторе, свернул пожитки, сдал постель, получил аттестат. Затем, с чемоданом в руке, распрощался с товарищами, и они пошли на станцию Лагар-Аул.

На все вопросы Павла: "Куда? За что? Почему?" - он получал один ответ: "Там увидишь"...

Тревогой забилось сердце, когда подходили они к поселку: "Увижу ли? Хоть в последний раз, крикнуть какое слово прощания", - на ходу, молил он Господа. Когда дошли до переезда, то, неожиданно, из-за будки вышел дед Архип, растерянно снял шапку с головы и, приглушенным от скорби голосом, спросил:

- Павел, что случилось, куда?

- Не знаю, дедушка, - ответил Павел на ходу, - не говорят. Молитесь и не унывайте!

Долго, пока не скрылись они за станционными постройками, Владыкин, оглядываясь, видел, как дед Архип, стоя с непокрытой головой, провожал их.

На станции ждать им пришлось недолго, с первым попавшим поездом они сели в пустой товарный вагон, переехали длинный туннель и на разъезде "Ударный" слезли. Как топором отрубило то, дорогое прошлое, и оно осталось как во сне.

Когда въезжали в туннель, Павлу представилось, что они погружаются в утробу какого-то адского чудовища, и тревожные мысли томили душу: "За что, и что будет дальше?"

Как извивающееся, пятнистое тело огромного удава, петляла железнодорожная ветка проездными путями к 16-й фаланге по каменистым осыпям и бурелому Соколовской пади, пестрея поверху набросанными шпалами, прячась в густых зарослях хвойника, и, местами, прижимаясь к обрывистому подножию сопок.

Отмеряя глазами пикеты , Павел к концу дня с конвоиром, подошли к поселку. Ровно накатанными штабелями леса, издали, он напоминал огромную круглую голову чудовища с разинутой пастью, из которой красной лентой выползали нагруженные составы с лесоматериалами.

Шестнадцатая фаланга, из многочисленного состава лагерей, 12-го отделения была штрафной - лесной, в которую свозились преступники мужского и женского пола, большинство из них охранялись и в поселке, и на работе. Охраняемые заключенные работали, главным образом, на распилке древесины и погрузках на транспорт. На лесоповале и вывозке леса работали заключенные без конвоя.

- Эх, какой красавец! Что, попался на штрафную? Здесь тебе хвост-то пообщиплем, иш "урка", с пушистым хвостом. На чем погорел-то? - как буря, набросился на Владыкина начальник фаланги Кутасевич, принимая пакет из рук конвоира.

- Вы извините меня, но я ничего не понимаю, о чем вы меня спросили, - спокойно ответил ему Павел.

- Но, но... не рисуйся здесь мне девицей невинной: не по-ни-ма-ю! - передразнил его начальник, - за что посадили-то? Или и этого не понимаешь?

- Нет, это как раз я очень хорошо понимаю, - ответил ему Владыкин, - посадили меня за Господа моего Иисуса Христа и Его святое учение. Впрочем, пакет-то в ваших руках, там, наверное, все написано, читайте сами.

В это время он, действительно, из прочих документов нашел пояснение и начал читать про себя. По мере знакомства с предписанием, выражение лица его, из злого, стало заметно меняться и он, не дочитав его до конца, подняв голову, внимательно осмотрел Владыкина, затем кратко, но официально ответил конвоиру:

- Ты, парень, свободен, вот тебе, твоя сопроводиловка, хочешь, можешь ехать с лесом в Облучье, а хочешь - ночуй в охране.

Когда они остались вдвоем, Кутасевич дочитал предписание до конца и, уже совершенно другим тоном, спросил Павла:

- Так я не пойму, тебя, Владыкин, священник ты не священник, еще молодой, студент не студент, за что посадили-то тебя, объясни, как оно есть.

- Я, начальник, христианин, - начал Павел, - был когда-то студентом, на заводе работал инженерно-техническим работником, но признал Христа, как Сына Божия, покаялся и поверил Ему от чистого сердца. На заводе от меня потребовали, чтобы я рассказал обо всем этом, что я и сделал. Вот, на третий день после того, меня арестовали и без всякого суда привезли сюда, к вам. А уж, почему на штрафную попал - я не знаю. Работал я до этого честно, на 35-й фаланге.

- Ну, а уж об этом, я тебе скажу, - ответил Кутасевич, - это я знаю, но не могу понять, почему так? Из Москвы на тебя в управление пришло обычное указание, содержать в лагерях, на особо тяжелых физических, кубатурных работах, под охраной, среди штрафного контингента. Вот поэтому тебя из конторы и прислали сюда, ко мне, но я не вижу у тебя никакой вины, чтобы тебе быть среди "урок". У меня ведь, на штрафной, кто? Бандиты, убийцы, лагерные убийцы, падшие преступники, в общем - безнадежно погибшие люди. Есть у меня и

целая бригада мужиков, есть и конторщики. К штрафным я тебя не пошлю, а вот мне нужен хороший помощник, грамотный, чтобы он мог писать наряды рабочим. Пойдешь?

- Я очень благодарю вас, за расположение ко мне, - ответил Павел, - но наряды я писать не могу, не пойду.

- Почему?

- Потому что, если я в нарядах рабочим опишу, как оно есть, они и пайки хлеба не получат. Надо делать всякую хитрую приписку, - ответил Павел, - а я этого делать не могу, потому что я, христианин.

- Вот и хорошо, прекрасно! - воскликнул начальник, - мне только честных людей и надо, а остальное я сам соображу.

- Нет, начальник, - заметил Павел, - сейчас, в беседе, вам честность нравится, а когда будет на деле, вы убедитесь, что она вам не подойдет.

- Нет-нет, не бойся, я поддержу, иди. Вот тебе записка нарядчику и в бухгалтерию, - окончил он и проводил Павла в контору.

Как и бывает в таких случаях, Владыкин был объектом внимания окружающих. Изучали его всесторонне: изнутри и извне, и каждый, по-своему, определял с ним свои взаимоотношения.

Объект работы растянулся вверх по Соколовской пади километров до двадцати, поэтому ему с раннего утра надо было, на попутных подводах, ехать в самый отдаленный угол и оттуда начинать свой трудовой обход.

На конечном пункте, он познакомился с пожилым мастером-лесорубом, они понравились друг другу и первые дни проводили в дружеских беседах. Мастер охотно стал Павла знакомить, как новичка, с особенностями того быта, в котором он оказался.

- Ну, первое, с чем я тебя познакомлю, парень, - начал лесоруб, - это берегись, и берегись женщин, хотя это для тебя покажется странным. Но я, глядя на тебя, не ошибусь, если скажу, что таких женщин ты еще не встречал, потому что я старый арестант, и то не знал того, что увидел здесь. Здесь их много, около ста человек, и одна страшней другой, но не по внешности, а по испорченности. Закон здесь неписаный, но дик и суров, а суд один - топор на шею или нож в бок. Недавно судили трех женщин, выездным судом, и добавили по три года каждой, за изнасилование пожилого вольного путевого обходчика, еле живым и, отчасти, посиневшим вытащили его из избушки на стрелке. Правда, он любил шутить с женщинами, вот и дошутился. Голова людская здесь дешевле кочана капусты: рубят ее за то, что изменил, рубят за то, что не угодил ворам, рубят тому, кого проиграют в карты. Вернее же всего - не связывайся ни с кем, и лучше пострадать на рубль, чем расплачиваться, сам не зная за что, жизнью. Если же не ручаешься за себя, насчет женщин, лучше найди одну, и чем злее из них, тем тебе будет спокойнее. Она тебя и обстирает и обошьет, да десятерым за тебя голову отрубит, только корми ее, да смотри в оба: как застанет с другой (хоть на дороге), тогда парень, берегись. В общем, берегись их как огня, обходи за версту и не прикасайся, как к самой страшной заразе - позор и смерть. Оплюют тебя - легче плевок вытереть и остаться целым. Бойся оказаться и предателем, как свяжешься с этим - от ножа и топора не уйти. Лучше потерпеть обиду, чем за какую-то тряпку губить себя. Я вот смотрю на тебя, и мне просто страшно, как уцелеешь ты в этом аду: молодой, красивый, энергичный. Как мухи облепят тебя, малый. Кружевами обвешают тебя от носового платочка до вышитой шелковой рубахи. Смотри, не соблазнись, ничем не отделаешься тогда. Я слышал, что нормировщиком принял тебя Кутасевич? Конечно, это дело твое, но знай, наряды рабочих - деньги, а деньги - это зло, и оно теперь в твоих руках. Ожидай сразу же "лапы" (подкуп, подарок), тебе преподнесут его, как говорят, на "серебряном подносе", но знай, прикоснешься к нему - со смертью будешь иметь сделку, холуем (слугою) самого демона станешь, откажешься - непокоренным царем будешь, но царем в арестантской робе. Здесь страшно не начальство, с ним ты встречаешься раз в месяц, страшно рабство пороку, от которого не спасешься и на краю света, оно как шкура негра, ее не отмоешь и от нее не избавишься. Ты вчера появился только в конторе Кутасевича, сегодня о тебе знает вся "Соколовка", и теперь ждут, чьей добычей ты будешь.

Терпеливо, Владыкин выслушал все эти поучения, вникая в каждое слово лесоруба и, к своему великому удивлению, наблюдая, как в сердце его на все слова предупреждения, четко, как вехи по непроторенной тропе, чья-то рука расставила слова утешения из Библии, какую отец заставлял его читать в ранней юности.

Когда вышел он из таежного барака на дорогу, в свой первый обход, с вершины сугроба пурга хлестнула ему в лицо ледяной пылью. От неожиданности Павел остановился, мохнатой варежкой, какой наделил его, от любви, дед Архип, обмахнул лицо и шагнул дальше. "Если я пойду и долиною смертной тени, не убоюсь зла,

потому что Ты со мною" (Пс. 22,4). Спасительной теплотою от этих слов наполнилась душа юного скитальца. С этим он пошел вперед.

Первым его желанием было найти такое местечко, где бы он мог упасть на колени и сладко-сладко помолиться, вскоре, таким местом оказался небольшой деревянный штабель, заметенный наполовину снегом. Обойдя его, он нашел чудное затишье и немедленно упал на колени.

Все эти наставления лесоруба и сама будущность представились Павлу тем берегом Чермного моря, пенящиеся волны которого привели в робость народ Израильский и Моисея.

Позади смерть надвигалась стеною медных египетских колесниц, впереди - клокочущая пучина.

- Что у тебя в руке? - услышал Моисей ободряющий голос Иеговы, тот самый, какой он слышал из несгорающего куста. В руке Моисея был посох, на котором было сосредоточено могущество Иеговы. Им повелел Бог Моисею ударить по пенящимся волнам, и морская стихия расступилась.

Здесь, под сугробом на коленях, Владыкин ясно понял, что единственным средством к победе в его страшном будущем, является молитва веры. Голос Духа Святого, сквозь грозное завывание метели, напомнил ему в самой критической форме: "Не сможешь овладеть постоянной, горячей молитвой - не пройдешь. Это твой посох!"

От штабеля к штабелю, от костра к костру переходил Павел по объектам лесоповала, знакомясь с людьми и условиями труда, в которых работали заключенные и предусмотрительно учитывал все, заполняя наряды, по которым оплачивался труд.

Усталым, он брел после обеда в поселок по ледяной дороге, наблюдая, как со скрипом скользили огромные десятикубовые возы круглого леса, которые с храпом тащили коренастые лошади, потрясая заиндевевшими гривами, под надрывное понукивание возчиков. Такой представилась ему судьба всех заключенных, его товарищей и его собственная.

На одном из разъездов, где ледянка (искусственная ледяная дорого) расширилась, Павел заметил целую группу женщин, плотно разместившихся вокруг костра. Не замедляя ход, он решил пройти мимо этой компании, хотя ноги гудели от большого перехода по бездорожью.

- Эй ты, парень! Уж не сквозняком ли хошь? Так у нас не бывает, канай сюда, перекурим! - раздалось несколько голосов от костра.

Владыкин на мгновение растерялся, но посчитал неудобным пройти мимо и, остановившись около костра, поздоровался:

- Здравствуйте, девушки!

- Здравствуй, здравствуй, но этим не откупишься, садись-ка рядышком, да хоть папиросской угости для первого знакомства, - с этими словами одна из круга поднялась, давая место Павлу, но он сдержанно поблагодарил, в папироске отказал и, не садясь, стал над этим местом, где ему уступили.

- Ну, закури, мы тебя угостим, - протянув небрежно коробку с дорогими папиросами, предложила ему девушка, сидящая перед ним, закусив деланно золотым зубом мундштук своей папироски. - Да садись рядом, что боишься-то? Нос не откусим, если сам не подставишь.

- Ха-ха-ха! - раздалось дружно у костра.

- Ты смотри, не улыбнется женишок-то, знать никто из нас ему не понравился, зато шапка мне его полюбилась. Сторгуемся что ли, парень? Жалеть не будешь... - дерзко смахнув шапку с головы Владыкина, подтрунивала над ним, отбежав в сторону та, что уступила ему место.

Хохот готов был разразиться еще сильнее, но Павел его сдержанно прервал:

- Папироску твою я не возьму, потому что я не курящий и без того тяжко. Полюбиться вы мне все полюбились, но не как девушки, а как дочери своего Отца, который любит всех вас и Ему дорога каждая из вас, потому что Он заплатил за всех дорогую цену.

От этих слов у костра стало сразу тихо. Слова были, хотя и непонятны, но такие, от которых головы женские опустились.

- Какому там отцу, мы дороги? - начала после короткого молчания соседка с золотым зубом, - у нас нет отцов, а если и есть у кого, то он сидит, в лучшем случае, где-нибудь у такого же костра. У всех у нас один отец сейчас - Кутасевич, который каждый день, чуть свет, как бездомных собачонок выбросит нас, по счету, в рваных валенках, за ворота, а в обед пришлет - вот этот "птенчик" (пайка хлеба), наполовину с землицей, - кивнула она

на пригорелый ломоть арестантского хлеба между угольками. - Если же и нужны бываем кому, так вот такому женишку, как ты, раз в месяц, после лагерной получки, и то на 3-4 дня, пока в тумбочке сахарок с маслицем лежит. Вот и вся любовь, а ты говоришь, кто-то заплатил за нас цену, кому-то мы дорого достались. Прокурору что ли, мы дороги? Он вот нам сунул на всю катушку (10 лет), да и пустил вот по миру скитаться.

- Нет, девушки, - начал Павел, - всем перечисленным вы, конечно, ненужны и недороги. Но есть у вас Отец, и Ему вы очень дороги - Небесный Отец. Который так возлюбил мир, т. е. нас вот здесь, потерянных, что отдал Сына Своего Единородного, дабы всякий верующий в Него не погиб, но имел жизнь вечную. Того Сына - Иисуса Христа - Который пришел взыскать и спасти погибшее. И этот Отец не выбросил вас, как Кутасевич на мороз, в худых валенках. Отец Небесный, чтобы пустить вас в мир, снабдил вас самым драгоценным, чего не оценишь всеми богатствами земли.

Прежде всего, Он вас обеспечил материнской лаской при рождении, которой нет цены. Еще Он вас наделил руками, ногами, глазами, речью, здоровьем, совестью, честью и разумом, чему также нет цены. И прежде, чем винить Кутасевича (я его не оправдываю, он за все несправедливое ответит в свое время), вы вот, лучше подумайте, почему вы оказались здесь, на "разводе", у Кутасевича? Не потому ли, что вы бесчестно относились ко всему, чем наделил каждую из вас Бог? А ну-ка, без всякого прокурора, мы честно проверим себя сейчас, что каждая из вас сделала с материнской лаской? Все ли оценили, или есть из вас та, которая плюнула матери в лицо, когда она первый раз запрещала сделать что-либо против совести?

Что вы сделали вашими руками, все ли доброе? Куда вы бегали своими ногами, может, вам стыдно было и матери признаться? Что вы сделали с вашей девичьей честью? Когда и где вы расстались с вашей совестью впервые? За сколько вы теперь продаете вашу миловидность, которой нет цены? И, наконец, теперь сами расцените, если все это вы сами промотали, а не кто-то за вас, то куда девать такую девушку, которая оплевала родную мать, и забыла ее, потеряла совесть, сама променяла по дешевке девичью честь на бесчестие, где ей лучшее место, чем вот здесь, у Кутасевича, и какое лучшее блюдо придумать для вас, чем эта землистая пайка?! Теперь согласны вы, что самое правильное для вас название - погибшие?

И все-таки есть Тот, Кому вы нужны и такие - погибшие, и не для жалкого, последнего удовольствия, а чтобы взыскать и вытащить вас из этого омута погибели - Христос, ваш Спаситель.

Давно уже "бесстыдница", украдкой, надела сзади шапку на голову Павла, давно догорали головешки в костре, а золотозубая красавица спрятала вытатуированную руку в рукавицу.

- Есть Тот, Кто вас любит, - заканчивал Павел, - и любит чистой, жгучей, бескорыстной любовью - ваш Отец Небесный. И пока еще жизнь ваша не догорела, как этот костер, вам надо покаяться и возвратиться к Нему, как блудным дочерям. Он поможет вернуться вам к вашим забытым матерям, - с этими словами, тихо простившись, Павел вышел на дорогу. За ним поднялись женщины и молча, погруженные, каждая в свои думы, возвращались в лагерь.

В жарко натопленном бараке, Владыкину отвели место на верхних нарах. Из конторы он приходил поздно, когда бригадники после тяжелого трудового дня спали уже крепким сном.

По условиям режима, одна из лампочек в бараке горела всю ночь. Павлу так хотелось прильнуть душою к Богу в молитве, но ни времени, ни места для этого не находилось, кроме его нар и этих драгоценных ночных часов. Внутренний голос твердил одно: "Хочешь уцелеть - молись! Молись не ради порядка, а чтобы жить".

Ложась на нары, он кратко просил Бога, чтобы ему проснуться для молитвы, ночью.

Ночью, действительно, он проснулся, как от толчка, и первой его мыслью было - молиться, но сон так крепко держал его на подушке, что потребовалось величайшее усилие, чтобы призвать имя Иисуса и немедленно подняться. При свете лампочки Павел видел, как разметались арестанты от жары, что все спали крепким сном. Пришлось победить первое смущение, чтобы открыто, при свете встать на колени, второе - в первых словах помолиться за бодрость в теле и силу молитвы. Стоило это очень больших усилий, но выбор - "жизнь или смерть" - пал на жизнь, и он начал молиться. Владыкин не заметил, как овладел им дух молитвы, он только ощущал, как могучим, сладким потоком она изливалась из глубины души. В молитве возникали такие желания, какие, при размышлениях, не приходили на ум. Совершенно новым смыслом открывались, уже известные, места из Слова Божья. Он, буквально, был увлечен молитвенным потоком, и только по истечении полутора-двух часов Павел благодарил Бога за молитву и просил крепкого здорового сна на короткий остаток ночи. Утром, совершенно бодрым, он встал со всеми вместе. Так протекала жизнь Владыкина.

С работой он быстро освоился, и начальник был им доволен. Но вот подошел конец трудового месяца, и какие только не применял Павел льготы, коэффициенты и прочее, нормы выработки были настолько велики, что начисленная зарплата едва достигала 50% задания.

Кутасевич вызвал Владыкина и грозно приказал, чтобы все наряды переделать и начислить не менее 130% выработки, так как этого требовала не столько компенсация питания рабочим, сколько требование высоких показателей к объявленному стахановскому движению.

- Гражданин начальник, я не могу написать лжи в нарядах и предупреждал вас об этом раньше, - объяснил Павел.

- Ты что, мне тут справедливость прибыл доказывать? - закричал разъяренный Кутасевич, - выбирай сам: или обеспечь рабочих стахановскими показателями, или завтра иди сам на лесоповал.

Грозное испытание постигло юного Павла: или грех, или по пояс в снегу давать невыполнимую норму, с которой он был уже знаком. Павел хорошо видел, как могучие, коренастые мужики к концу дня еле добирались, обессиленными, до барака. Это им он, при всех льготах, еле начислил 50%.

Павел отошел с ворохом нарядов к окну и, глядя на убегающую "ледянку" в тайгу, тихо помолился:

- Господи, спаси меня. Благодарю Тебя, что боюсь греха я больше смерти.

Решительно положив охапку нарядов, нетронутыми на стол начальнику, он вышел.

* * *

Страдания Владыкина увеличивались, но так последовательно, что постепенно укреплялись и его силы и он их, мужественно, переносил. Если бы его постигло сразу то, с чем он встретился теперь, это было бы для него невыносимо. Поэтому и написано в 1 Кор.10:13 " ...верен Бог, Который не попустит вам быть искушаемыми сверх сил, но при искушении даст и облегчение, так - чтобы вы могли перенести".

С обеда можно было заметить, что на фаланге начинается выдача денег заключенным. На этот раз, в связи с объявлением по всей стране стахановского движения, изменилась и система оплаты труда заключенным так, что некоторым бригадам начисляли зарплату больше, чем рабочим на воле. Один за другим, люди из ночных смен, с довольными лицами, выбегали из конторы, осматривая на ходу пачки денег, зажатые в мозолистые кулаки и торопливо шли в лагерный ларек, где у маленького окошка заключенный люд гудел пчелиным роем. С жадностью, они накладывали в подушечные наволочки, которые обычно служили сумками у заключенных, пряники, сливочное масло, консервы, конфеты, сахар, колбасу и прочее и, счастливые, подняв торбы над головами, вырывались из беспорядочно скопившейся толпы.

В толпе шныряли карманники, создавая искусственную суматоху, чтобы, под шумок, вытащить, запрятанные наспех, деньги у "работяг".

В стороне от толпы, кучками, стояли приукрашенные женщины - лагерницы, беззаботно хохоча и уминая полными ртами гостинцы, полученные от мужиков.

Самим им на ларек рассчитывать не приходилось, так как заработки их были так мизерны, что лучшим из них, хватало только на губную помаду и два-три моточка мулине. Поэтому им ничего не оставалось делать, как пользоваться благосклонностью мужиков.

Первые дни после получки весь барак гудел свадебными пирушками. На тумбочках сверкали белизной расшитые салфетки. Постели были заправлены вышитыми наволочками, пододеяльниками и кружевными подзорами. Барачная плита была битком забита кастрюлями и сковородками. Женщины переселялись на эти дни в мужские бараки и суетливо "законно" вступали в свои права. Лагерная кухня, на это время, пустела почти наполовину, отчего для всех изголодавшихся "доходяг" наступали тоже праздничные дни. Им, вместо выпрошенной добавки, наливали полные котелки арестантской баланды, самого неопределенного содержания.

Начальство обо всем этом прекрасно знало и никаких мер к пресечению открытого разврата не принимало. Прежде всего потому, что в эти дни на производстве была самая высокая 200% производительность и образцовая трудовая дисциплина.

Во-вторых, сами они, все без исключения, были замешаны в преступной связи с женщинами, и никакими мерами остановить этого было невозможно.

Без всякой тревоги, недостающих людей в мужском бараке, при ночной проверке, они находили в женском, а женщин, в нужном количестве, насчитывали в мужском.

В третьих, многие из несчастных арестантов уже долгие годы, только в эти несколько коротких дней забывались от участи бездомных бродяг краткодневным "семейным" уютом, и никто не считал это развратом. Бывали случаи, что от такого "брака" иная женщина имела к концу срока двоих, троих детей от разных отцов. Находились и мужчины безродные, годы скитавшиеся по лагерям, которые, освобождаясь, брали добровольно обоюдное позорное прошлое на себя и оставались на месте, обзаведясь настоящей семьей.

Вечером, придя с лесоповала усталым, измученным в свой барак, Павел застал его неузнаваемым. Как наводнением, он стал наполняться принаряженными женщинами.

Некоторые из них за сытным ужином восстанавливали, порванные в прошлом месяце, семейные связи, другие сходились вновь, но то и другое для Владыкина было совершенно новым. Сердце сжалось в предчувствии чего-то страшного. Но куда от этого уйти? За барак? Там лютовал мороз, от которого он уже так настрадался в течение дня и прожитой недели, по пояс в снегу, раскряжевывая со всеми лес.

Он был в числе тех, кого "праздник" не коснулся, в его пустой тумбочке стояла кружка и засаленная походная торба с котелком. Из кухни он принес удивительно полный котелок густого супа, который он, кстати, очень любил и, взяв с общего стола, из никем почти нетронутой горы хлеба, свою паечку, сердечно поблагодарил Бога, что сегодня и он может досыта накушаться, что и у него сегодня праздник.

Соседняя "семейная пара" принесла со своего "праздничного" стола несколько пряников с конфетами и угостили Павла. Это возбудило в нем какое-то сложное чувство, при котором он уже не с таким осуждением смотрел на этих, окружающих его, "семейных".

С жадностью, он принялся за ужин, и через короткое время, почти двухлитровый котелок его опустел, настолько истощал организм Павла.

В бараке все гудело от многолюдья, и куда бы Павел ни поглядел, он всюду видел семейные пары, решавшие свои интимные отношения. Очень редко, в единичном случае, кое-кто из них по углам завесили свое "купе" одеялами, остальные же, совершенно открыто обменивались любезностями.

- Боже мой, какой ужас! А что будет к ночи? Это же вертеп! Содом и Гоморра! - простонал Павел и вышел из барака, чтобы, хоть сколько-то помолиться Богу. Но мороз клещами сжимал, распаренное в бараке тело, и в коротких словах, попросив у Бога милости и охраны от внутренних искушений - возвратился в барак.

Раздевшись, он улегся на своей верхней постели в надежде, что глубокой ночью, когда эта свадебная кутерьма успокоится, он сможет сердечно помолиться.

Приятной теплотой обдало все его тело:
Твой город не здесь, среди мертвой пустыни,
Где царство греховных страстей,
Где грязнут сердца омраченных неверьем
В объятьях лукавых сетей...
...О, нет! Ты лишь странник здесь в Город Небесный...

На этом юный скиталец заснул.

Уже десять дней, как он снят Кутасевичем на общие работы за то, что отказался заниматься припиской в нарядах. И теперь, изнывая от непосильного труда, он со всеми работягами пилил вековые сосны в тайге. А часто, по ночам, вместо драгоценного арестантского отдыха, их выгоняли на экстренную погрузку 2-х метровых дровяных тюлек (отрезки бревен, кряжи) в вагоны. За что, по гуманности Кутасевича, их обычный развод задерживали на 2-3 часа позже.

Ночью Павел проснулся. Духота в бараке стояла больше обычного. От кислого неприятного запаха и жары голова была налита свинцом. Он окинул глазами барак и... о, Боже! В нем почти никто не спал. Несмотря на то, что горел свет, "семейные пары" проводили ночь, кто как считал удобным. А ведь это были отцы, оторванные от семей, и матери - от своих детей. Владыкин, с ужасом, посмотрел на это зрелище и произнес про себя: "Кто виноват в этом, и знает ли виновник, что он некогда будет привлечен к ответу?" Затем, Павел решительно

поднявшись на колени, покрылся одеялом, закрыл пальцами уши и, припавши к подушке ниц, с воплем воззвал к Богу:

- Боже мой! Умилосердись надо мной. Ты опускался в ров львиный к Даниилу. Ты ходил среди юношей в раскаленной печи. Ты Лота вывел из Содома, в котором он поселился добровольно, меня же в этот Содом бросили насильно. Ты знаешь, что я такого ужаса не мог себе и предположить, я ведь еще юноша, мне только исполняется 22 года. Спустись ко мне, в мой страшный Содом и выведи, как вывел Лота. Защити и сохрани меня, чтобы из всего виденного мной здесь, ничто не отложилось в сердце к погибели моей души. Сохрани меня от похоти плоти и похоти очей, чтобы, если, когда-нибудь благоугодно воле Твоей вывести меня отсюда, я вышел не опаленным этим чуждым, губительным огнем похотей. Спаси меня! Ведь Ты видишь, что дьявол поверг меня сюда, чтобы погубить тело и душу... - так усердно Павел молился долго, пока молитвенный поток овладел им совершенно, и чувство брезгливости, страха и обреченности не сменилось неописуемым блаженством.

Когда он перестал молиться, и открыл глаза, то зрелище было подобно тому, какое он видел в Библии на картинке, после потопа. Печь затухла. Было сравнительно прохладно, и разметанные тела спящих кое-как были прикрыты. В бараке стояла тишина. Все спали, как после безумной попойки.

Павел вышел во двор и закрыл за собой дверь. На безлунном небе ярко мерцали звезды. Как-то по особенному, вокруг царила тишина, как ему казалось, после страшной битвы; лишь, где-то за поселком, мерно тарахтел движок электростанции. Войдя в барак, Павел лег на свое место и почувствовал, что душа его испытывает блаженство, покой и глубокую, тихую радость. И это не покой падших, побежденных стихией, какими казались ему обитатели барака, а покой победителя. До самой глубокой ночи он тоже не спал, как и его несчастные товарищи, но не предавался греху, как они, а стоя на коленях, в отчаянной битве, один, но укрепляем Господом, побеждал грех.

Павел Владыкин только теперь ясно понял, зачем Господь допустил его в этот Содом. Он понял, что здесь ему должно положить основание победы над грехом на все дни, чтобы уже в остальное время пользоваться плодами этой победы, а она ему, при его расцветающей молодости, была очень нужна. Это был генеральный бой с грехом, где Павел, при содействии Духа Божья, одержал победу.

Сладостный покой разлился по всему его существу, с этим блаженным миром он забылся и уснул.

Очень скоро тумбочки у "работяг" от масла и сахара опустели, опустел и барак, а арестантской пайки не хватало, чтобы жить, хотя бы впроголодь.

Все "семейные" разошлись по своим баракам, и жизнь стала протекать своим чередом, каждому было до себя. Однако, Владыкин, насмотревшись на все прошедшее, страшился даже подумать: неужели через месяц все повторится? Но, по милости Божьей, повториться этому не было суждено. С первыми весенними капелями, он получил (от Бога во сне) откровение об избавлении его из этого места и потому молился, чтобы ему был показан выход.

Один из конторских заключенных, уезжая в управление, предложил ему написать заявление, в прежний свой топографический отдел, и обещал его передать по назначению. Это оказалось не безрезультатным. В марте 1936 года на Владыкина пришел из управления соответствующий запрос, и Кутасевич, не имея к нему каких-либо личных претензий, отпустил его совсем. К тому времени, бабушка Катерина с Лушей послали своему дорогому узнику большую посылку. Ее, в день отъезда, так нераспечатанной и вручили Павлу, прямо в санях. Поэтому, под теплыми ласковыми лучами, на пахучем сене, да еще с посылкой в руках, он выезжал в Облучье с сердцем, переполненным ликованием.

Глава 7.
Не тщетно!

Сережа встретил его, как самого дорогого человека, даже признался, что в жизни ни к кому не был так привязан, как к Павлу. Это он, получив весточку от Владыкина, употребил все свои связи и старания, и отхлопотал ему выезд из этого ада. До письма, никто из круга его знакомых, даже не знали, куда он исчез, в том числе и Ермак.

Вечером, торжество дополнилось тем, что встретили Магду, который тоже переехал в Облучье и с великим усердием разыскивал Владыкина, но найти его не мог. Вечер был посвящен дню рождения Павла, которому исполнилось 22 года. Много нового сообщили ему; что Магда работает на одной из фаланг бухгалтером и непременно ожидает его к себе в гости; Ермак усердно разыскивал его и выражал при этом самые лучшие признания, какие он вообще не был способен высказать ни о ком; что Зинаида Каплина заболела вдруг скоротечной чахоткой, высохла, как щепка, и никому ненужной умирает, одиноко, в особняке, здесь же в Облучье. И, наконец, из опасения, чтобы третий отдел его опять не снял с работы, решили Павла устроить статистиком управления, а не в топографический отдел. Все это было очень и очень дорого для него, он сидел со своими друзьями, наслаждаясь Катерининой посылкой, и ему не верилось, что происходит это наяву, а не во сне. Его же интересовало больше всего известие о судьбе деда Архипа с Марьей, но никто ему о них сообщить ничего не мог. Ермак работал где-то в другом месте и очень редко бывал в Облучье, а Павел и сам еще не знал, какие могут быть возможности, попасть в Лагар-Аул.

Чудесами Божьими, Евангелие, подаренное Архипом, осталось при Павле целым и он хранил его, как зеницу ока, лишь изредка, украдкой, читая драгоценные страницы.

На новой работе он очень скоро освоился, понравился новому начальству, имея о себе, и до этого, хорошую характеристику. Посредством селекторной связи со всеми фалангами управления, постепенно стал заочно знакомиться с людьми по всей территории, которая была протяженностью, более ста километров. Здесь он узнал точное местонахождение Каплиной, загоревшись при этом большим желанием посетить ее теперь, когда она стала совершенно никому не нужной. Это желание Павел излил пред Господом в молитве, и в самый ближайший воскресный день направился к ней на фалангу.

Фаланга оказалась совсем недалеко, против управления, через мост, на той стороне речки. Проходя мост, Павел еще раз помолился о предстоящей встрече и, расспросив о ее доме, подошел к нему. С улицы дом выглядел необитаемым. За полуоткрытыми ставнями виднелись окна, до самого верха, тщательно завешанные занавесями. Узкая полоска оттаявшей земли, среди осевших, почерневших сугробов, говорила о том, что проходящих по ней очень немного, но следят за ней аккуратно. Поднявшись на выскобленное крыльцо, Павел деликатно постучал.

На стук вышли не скоро и, не открывая двери, спросили:

- Вам кого?

- Мне желательно увидеть Зинаиду Каплину. Она здесь находится? - спросил Павел.

За дверью послышался прежний голос:

- Она очень больна и принимать никого не может.

- Я это знаю, но хочу непременно увидеть ее и уверен, что она меня примет, - настаивал Павел.

Что-то щелкнуло и в открытой двери он увидел пожилую, весьма благочестивого вида, женщину:

- Я просто не знаю, что вам ответить, она совершенно никого не принимает. А, впрочем, как мне доложить о вас?

- Я - Владыкин Павел, - ответил юноша.

Дверь тихо закрылась, но очень скоро там послышались торопливые шаги, и та же женщина, но уже с радостью, открыла и приветливо сказала:

- Вы знаете, как только Зинаида услышала вашу фамилию, моментально вся просияла, поднялась на подушки и приказала немедленно вас впустить. Я вот при ней сколько месяцев, она никого не хочет видеть. Вы не брат ей, случайно? Входя в дверь, Павел с улыбкой ответил:

- Дай Бог, оказаться братом.

Просторная большая комната была погружена в полумрак. Серые, свисающие до пола занавеси, отсутствие излишней мебели и тишина, при входе напомнили Владыкину, что здесь готовятся к переходу в иной мир.

Исхудалое, до неузнаваемости, лицо умирающей, при виде вошедшего юноши, озарилось вдруг каким-то светом, а лихорадочно сверкающие глаза, придающие ему необыкновенное умиление, говорили о том душевном состоянии, какое посетило больную.

- Павлуша, это ты? И все-таки пришел! А я почему-то ждала тебя, и даже сказала себе: "Не умру, пока не увижу этого необыкновенного юношу". Ты прости, что я так просто отношусь к тебе. Еще прошу тебя, ты не

называй меня больше начальницей, для меня это имя стало таким постылым, таким отвратительным, зови - Зинаидой, если я еще достойна этого, в твоем понимании, - проговорила больная, тяжело дыша.

- Ой, что вы, Зинаида Алексеевна, ведь с тех пор, как я расстался с вами и, остановившись у моста, помолился о вас...

- Нет, нет, ты не вспоминай мне, пожалуйста, этого ужасного, если можно, - умоляюще обратилась к нему Зинаида Алексеевна, прерывая его на полуслове.

- Ну, хорошо, - согласился Павел. - Я недавно возвратился с 16-й фаланги от Кутасевича в Облучье, но как только узнал, что вы тяжело заболели, мое сердце не находило покоя. Мне представилось почему-то, что вы совершенно одинокая, забытая и никому ненужная, как всякий человек, который в этих условиях заболевает. Вот я и решил: пойду, понесу ей хоть несколько слов утешения, каким научит меня Бог мой, да оставлю вот этот гостинец, - указал он на большую банку меда, смешанного с маслом. - Это мне бабушка с мамой прислали, оно очень полезно для вас теперь.

Из глаз Зинаиды Алексеевны неудержимо хлынули слезы, а за ними вслед вырвалось рыдание, которое потрясло ее исхудалое, обвисшее тело.

Павел с прислугой (по лагерному - дневальной) кинулись ее успокаивать, но она, судорожно взяв их за руки, проговорила:

- Не останавливайте меня, я хочу рыдать, я должна рыдать! Мне не хватало именно этих слов, какими ты всколыхнул мою проклятую душу, погибшую. Не мешайте мне рыдать!

Прислуга очень боялась того, чтобы эти волнения и рыдания не вызвали того губительного кашля, при котором больная выбрасывала очень много сгустков крови, но Бог благословил и ее слезы.

- Ты не побрезгуешь мною? - спросила Павла Зинаида Алексеевна, остановившись сразу от рыданий, - если нет, садись ко мне поближе.

Павел сел совсем рядом с ней на кровать и приготовился слушать.

- Павлуша, я не вспомнила бы тебя, если бы не один неожиданный случай. Ведь таких, как ты, за мои ужасные годы прошли тысячи, а сколько их я загубила - сама и не учту. Однако, мне осталось удивительным, когда я облаяла тебя за посылку, и ты, так обиженно, с извинением, отошел от меня, мое сердце, как ножом кто полоснул. Я сразу же распорядилась, тебе ее доставить. И еще, когда провожала в Облучье, мне гордость и бесы не позволяли как-то отнестись к тебе ласковее, но на переезде, посмотрев тебе вслед, подумала: "Что это за человек, и почему он у меня не выходит из головы?" Но потом, конечно, из головы ты вышел и я забыла совсем, как и многих других. Зимой я почувствовала, что я сильно заболела. Вначале я скрывала, потом всем стало известно, что у меня скоротечная чахотка. И можешь себе представить, я почти сразу оказалась никому ненужной. Мой муж, в кавычках, рябой Борисов, сейчас же оставил меня. Домашним в Москву я сообщила, что к ним я больше не вернусь, и они прокляли меня. Вот такой злой и разбитой, я однажды шла по путям. Около Лагар-Аула меня встретил знакомый старичок. Почтительно поздоровался и, как-то умоляюще, спросил:

- Уважаемая дамочка, мне сдается, что вы работаете начальницей над заключенными, и мое сердце к вам как-то расположилось спросить, не скажете ли вы мне про одного юношу, зовут его Павлом. Мы с бабкой истосковались по нем, его куда-то охранник увез, и след простыл, а он для нас стал дороже всего на свете. Может быть, вы знаете такого и скажете, куда его увезли? Зовут меня Архипом, работаю на путях, живем с бабкой вон в этой избе.

- А почему он так полюбился вам, дедушка? - спросила я его.

- Да, - говорит дедушка, - мы таких людей, отродясь не слыхали, он нам как рассказал про Бога, наши сердца как огнем загорелись, мы помолодели и душой. А ведь, никому ненужные были, доживали свой век пропащими, заброшенными людьми, а он нас к жизни вернул. Вот мы ищем его, хоть бы вот сальца передать, медку, да валенки были на нем плохие, а морозы-то, чай, вон впереди.

Я сразу догадалась, что речь шла о тебе, но злющая была, сам знаешь какая, да и ответила деду: "Не знаю". Я, действительно, не знала, куда и за что тебя отправили, но без труда могла бы узнать и помочь, просимое дедом, передать, да гордость не позволяла. Однако, взгляд деда был такой умоляющий, какой-то необыкновенный, он пронзил мою душу; да и о тебе, как напомнил, так и не выходишь ты из ума моего с дедом Архипом.

Вскоре, я слегла совсем, и только тогда я убедилась, что никому не нужна; единственный человек, кто как мать заботится обо мне - это тетя Юля. Я знаю, что она любит меня, но эта любовь мучает меня, потому что я недостойна ее. Вот здесь, на этой постели, я убедилась, какая я мерзкая, падшая, погибшая. Людям я запретила заходить сюда ко мне, потому что я знаю, что все они лицемеры и ждут только моей кончины, чтобы занять вот этот особняк, который закрепили за мной до смерти.

Но последние дни не давали мне покоя мои мысли: "Неужели на свете нет ни одной души чистой, святой?" Мне бы хотелось только взглянуть на нее и умереть. Я недостойна жизни, даже самой презренной, и знаю, что на свете никому-никому не нужна, я безнадежно погибшая, но душа захотела увидеть перед смертью что-то чистое. Поэтому, стала многих перебирать в своей памяти, и передо мной явился ты, Павлуша. Я увидела тебя, как наяву, именно такого обиженного, но сияющего-сияющего. Мне только хотелось взглянуть на тебя еще раз и тогда умереть. С тех пор я поверила, что ты придешь ко мне, и ждала. При этом была совершенно уверена, что никому не нужна, погибшая я, и погибшая навеки. Я не имела права ожидать к себе никого и никаких сострадании, но душа, все равно, почему-то ждала. И когда ты мне сейчас сказал, с каким чувством ты шел ко мне, во мне перевернуло всю внутренность: "Неужели я нужна оказалась кому-нибудь, падшая, умирающая, погибшая?" А теперь я смотрю на тебя и верю - нужна, но кому и зачем не знаю.

- Зинаида Алексеевна, есть Тот, Кому ты еще нужна и даже теперь, в эти последние твои дни, часы, и Он пришел к тебе сюда. Но не я, не я, а в лице моем тебя сейчас посетил Иисус Христос, твой Спаситель. Только Ему одному ты теперь нужна, а почему? Потому что ты - погибшее существо. Сын же Божий пришел взыскать и спасти погибшее. И пришел Он к тебе сейчас, чтобы тебя спасти и с любовью принять в свои вечные обители. Веришь ли этому?

- Верю! - с жадностью ответила она, потрясая головой и, повергнувшись на колени, с сильным воплем воскликнула.

- Спаситель мой, прости меня погибшую! Тебе, первому в жизни, я произношу это слово: "П р о с т и!" - с этими словами она медленно, задыхаясь от кашля, повалилась на подушку.

Тетушка Юля подбежала к ней с полотенцем, и Павел, переходя в соседнюю комнату, заметил, как сгустки крови хлынули из горла, умирающей Зинаиды Алексеевны.

- Господи! Благослови эту бедную душу, дай ей с потерей этой земной жизни обрести у Тебя жизнь вечную, - молился за нее Павел в соседней комнате.

Через несколько минут его опять пригласили к Зинаиде Алексеевне. Она со спокойным, сияющим от радости, лицом встретила Павла, но подняться от подушки уже не могла.

- Спасибо тебе, Павлуша, за великую новую радость, какой загорелась моя душа, чтобы гореть вечно. Спасибо, что привел сюда твоего и моего Спасителя. Наклонись ко мне, я хочу поцеловать тебя, расставаясь, как брата, - спокойно проговорила она, - я умираю, но не твоим палачем, а твоей сестрой-христианкой.

- Брат мой, Павел, разреши мне, по-матерински обнять тебя, как сестре, и поблагодарить, что по молитве, Господь послал тебя сюда, чтобы нам поиметь удел наш в нашей новой сестре Зине, - неожиданно для Павла, обратилась к нему прислуга - дневальная Зинаиды Каплиной. - Я, узница в Господе, из Н-ской общины и заканчиваю мой пятый год скитания.

Так, в слезах благодарности Господу, за великие Его чудеса, склонились Павел с сестрой Юлей на колени.

А выходя с крыльца, ему послышалось, как будто кто-то крикнул вдогонку: "Спасай обреченных на смерть!"

Несколько дней спустя, Павел опять зашел в этот особняк. Его встретили новые люди и сказали, что Зинаиду Алексеевну Каплину, как спящую невесту, похоронили два дня назад, а тетушка Юля, в одном из соседних поселков, ждет освобождения.

Павел, возвращаясь с некоторой грустью, встретился с Магдой. Тот был каким-то новым, праздничным, совсем не таким, каким Павел помнил его на первой фаланге. При встрече Магда пригласил его к себе в гости, на день рождения. По этому случаю, собрались к нему еще и его новые друзья: Хаим Михайлович и Евгений. Стол был накрыт очень редкими кушаньями, каких Павел не встречал и на воле. За столом прислуживала молоденькая, смазливая девушка, из заключенных, которой на вид было не более 19-20 лет. Магда любезно доложил Павлу, что гостинцы на столе из посылки, полученной из-за рубежа, а новые товарищи - прекрасные люди и его сослуживцы, из одной конторы.

Когда уже все приготовились к обеду, Хаим из-под стола достал бутылку дорогого вина и разлил его всем по стаканам, предложив поскорее выпить, пока не нагрянул сюда кто-нибудь из начальства.

Владыкин возразил:

- Нет, прежде всего, я хочу перед едой помолиться Богу, а во-вторых, я никаких подобных напитков не пью, ни при каких обстоятельствах.

Как-то растерянно, непривычно все подчинились Павлу и встали.

- В таком случае, мы, к отвергнутому стакану вина, пригласим нашу девушку, - распорядился, после молитвы, другой товарищ Магды - Евгений.

- И к этому, я не дал бы согласия, - ответил Павел, - так как мне кажется, что к этому обеду она не имеет никакого отношения.

Магда, как-то смущенно, наблюдал за начавшейся полемикой и больше всего за поведением Павла.

Вино, конечно, выпили, а через 10-15 минут, когда языки немного поразвязались, Хаим с легкой иронией обратился к Павлу:

- Хочу я тебя спросить, Павел. Из рассказов Магды нам известно, что ты из духовных лиц, чуть ли не священник, да и много еще интересного он рассказал нам о тебе. Таких людей, конечно, очень мало. Но, ведь и он - священник, да и, как догадываюсь, постарше тебя и, пожалуй, пообразованней. Мы его очень уважаем, это прекрасный человек и всесторонне развит, но не чуждается окружающего общества. Он знает прекрасно литургию и священную историю, но он знает и мирскую науку. Он красиво молится, но и с удовольствием выпивает с нами по рюмочке вина. Он вызывает к себе благоговение, как священник, но будучи обаятельным мужчиной, как никто, на семейном балу очаровывает дам своею беседою и умением вальсировать под музыку. Мы просто сгораем от зависти к нему.

Ты же, совершенно другой человек, хотя и верим, что тоже духовник, и видим, что страдаешь за это. Ты, скорее, располагаешь к себе прямотой, строгостью, правдивостью, но не обаятельностью.

Мы же все люди грешные, нечистые и больше гоняемся за рюмочкой да за юбочкой, поэтому для нас самый подходящий такой, как Магда. Он и про Спасителя напомнит и рюмочкой чокнется. Вот это наш священник, а ты какой-то другой человек: и стакан даже не взял в руки, и девушке не позволил сесть с нами. Почему это так?

- Хаим Михайлович, - ответил ему Павел, - как грешники разные, так и священники разные. Есть грешник, который сознает свои грехи, но любит их и находит в них удовольствие, ему и священник нужен такой, который и литургию служит красиво, и во грехе находит удовольствие. Есть же грешник, который погибает от греха, видит это, ему и священник нужен - не обаятельный и танцор, а такой, который приведет его ко спасению. Больной, умирающей женщине, нужен врач, а не любовник. Утопающему нужен спаситель, а не танцор. Погибающему грешнику и грешнице нужен слуга Христов, а не обаятельный кавалер в архиерейской рясе. Израненному путнику (из Иерусалима в Иерихон) нужны были не надменный священник с левитом, а милосердный самарянин.

Отсюда и вывод: как нам с Магдой, выпить рюмку или не выпить - это дело нашей христианской чести пред Богом. А судить нас, какие мы священники - это ваше дело, и Самого Бога.

После таких рассуждений, беседа за столом заметно сократилась, и вскоре гости разошлись, оставив Магду и Владыкина наедине.

- Ну, что же, братец, - начал Павел, - рад я был встретить тебя, потому что соскучился, но не рад услышать о тебе такое свидетельство от твоих друзей.

- Конечно, - ответил Магда, - ты не подумай, что я только и хожу по балетам и балам, да ищу, где выпить рюмочку-другую вина, но скрывать не буду: Хаим встретил свою жену на свиданье и пригласил нас на семейный вечер, а к тому еще и дам, из более высшего круга, ну вот плоть и почувствовала волю. Да после двух лет скитания и захотелось немного развлечься, забыться, повеселиться. Конечно, там греха никакого не было, но и святого в том ничего нет. А вот, как ты сегодня, так сказал о священнике и грешнике погибшем - тут мне, брат, оправданья нет никакого. Я ведь, Павел, никогда не слышал таких мудрых слов и никогда не думал о действительном назначении священника, скажу тебе, как перед Богом: слова твои так глубоко осудили меня, что я первый раз в жизни испытал такое, сейчас. А что же будет, перед судом Божьим?

- Ты четырнадцать лет, по твоим словам, провел в монастырских стенах, - опять начал Владыкин, - и считаешь, что все эти годы были для тебя школой Божьей. Ты устоял на людском суде, перед прокурором и

судьею, и теперь не стыдишься своей мантии и насмешек в свой адрес; а за этот вечер, в кругу уважаемых тебя, не сохранил честь твоего священства. К чему оказались все эти 14 лет выучки, коль не устоял перед рюмочкой и дамочкой. Вот здесь, твой настоящий экзамен на священника, а не в духовной семинарии, и ты его не сдал. Вот цена твоего, действительного, священства.

- Да, Павел, - ответил Магда, - я благодарю Бога и тебя, что сегодня мне открылось, какой я великий грешник. Здесь, где так велико людское горе, где самое низкое дно бездны человеческого падения, где так обнажена вся сущность греховной природы человека, я не оказался на высоте своего сана.

Дьявол поманил меня не прелестью всего мира, а только рюмочкой винца, да поношенной, искусственной миловидностью чужих жен, и я поклонился ему.

Да, я пал, но что делать? Возвращусь, исповедаюсь перед владыкой, может, наложу схиму на себя опять в келье, да и восстановят меня в сане.

- Нет, брат мой, - продолжал Павел, - мало того, что ты признал себя несостоятельным; вся твоя школа монастырская на песке и священство твое, как облинялая ряса, что на тебе. Ты углубись в себя, ведь тебя тянет туда, где ты провалился на экзамене, и к тем же кельям, и к тому же владыке, который так же грешен, как и все грешники. К тому же, священство и не по чину Ааронову, и не по чину Мелхиседека, а по человеческому чину. Тебе совсем надо отвергнуть эту школу, этот храм, это священство. Ведь, говоря фарисеям в земные дни, Христос сказал, указав на величественное здание храма Соломона, к которому они так были привязаны: "Се, оставляется вам дом ваш пуст" (Матф. 23, 38). А ведь, совсем недавно, Он назвал этот храм: "Дом Мой", выгоняя из него торгашей и спекулянтов, которые торговали и торгуют поныне, Его именем, Его Святостью.

Мой дорогой, дом-то этот пуст, потому что вы изгнали Христа из него, своими уставами, своим священством. Поэтому его Христос и называет - "ваш дом", а не "Мой дом", и он пуст, потому что оставляется. Если ты хочешь быть священником Бога живого, - продолжал Павел, - и служить в живой церкви, ты отвергни все это пустое, лицемерное, покайся, пока Бог близок к тебе и начни все сначала, с первой ступени, здесь, в этой дорогой академии Христа, куда повел тебя Он. Начни с первого класса Его великой школы - "Блаженны нищие духом, ибо их есть Царство Небесное" (Матф. 5, 3), а ты пробежал прямо на самую высшую - гонимых за правду, и пробежал по гнилым ступеням своей правды, своей кротости, лицемерных слез, ложной чистоты, человеческой милости при отпущении грехов, своего благочестия и миротворства - вот почему и сорвался сверху, да и пал.

- Да, Павел, ты истину говоришь, и возражать этому я не могу ничем. Я буду молиться за тебя Богу, как за Ангела моего, я хочу целовать твои руки и арестантские рубища, в которых ты пришел ко мне. Я недостоин ни тебя, ни звания священника, но отречься от своей иерархии и личного священства не могу, так как я - плоть от плоти этой и кость от ее кости. Буду нести крест до конца, может быть, Бог помилует меня. Все понимаю, что это так, но исполнить всего, не в силах.

- Да, крест нес и Симон Киринеянин, - заканчивая, ответил Павел, - но умереть-то на нем не захотел. Таких крестоносцев до Голгофы много, а смертников, сораспятых со Христом - мало. А целовать мои руки я дать не могу, и Ангелом твоим не буду, ибо я - грешник, помилованный Господом, и сам постоянно ищу, как целовать, через молитвы, раны Христа и Его священные ризы. До свидания, и послушай голос Божий - покайся!

Крепко обняв Павла, Магда, со слезами, проводил его до барака.

Глава 8.
Но Бог был с ним.

Прошло несколько дней после этих событий, и Павел во сне, получил от Бога откровение, что ему опять предстоит пострадать, к чему он стал готовиться, в горячих молитвах.

Утром, в один из апрельских дней, как обычно позвонили по телефону, но Владыкин почувствовал, что этот звонок необыкновенный. К трубке подошел один из сотрудников и, взглянув на Павла, ответил: "Здесь".

Не более, чем через 15 минут, вошел боец ВОХР с винтовкой и, остановившись около двери, осмотрел всех присутствующих.

- Вы, Владыкина ищете? - спросил Павел, подойдя к нему, - Это я... Я готов, идемте!

Процедура оформления в третьей части (особый отдел НКВД при лагерном управлении) была недолгой. Молча посмотрели сотрудницы на приведенного Владыкина, молча писались какие-то бумажки и

запечатывались в особый пакет; и после коротких распоряжений, выданных сопровождающему охраннику, Павла вывели на улицу. Без удивления, понял он, что это тоже по распоряжению Москвы, по какому его, без объяснений и бесед, когда-то сняли с работы от Ермака и бросили в "содомовский" кошмар к Кутасевичу.

Проторенной тропой, поднимаясь вверх между кустов орешника к зарослям дикого винограда, охранник привел его к высокому забору, за которым едва виднелась крыша одноэтажного здания центральной тюрьмы.

Оглянувшись назад, через просветы между стволами кедров и пихты, Павел заметил, как внизу, под ними остался поселок, управление, штабная фаланга.

Сердце опять испуганно съежилось перед неизвестностью, предчувствуя встречу с какими-то еще неизведанными ужасами.

После долгого ожидания, послышалось знакомое пощелкивание ключа в замке, и массивная калитка, со скрипом отворившись, приняла вошедших, пугая вереницей дощатых "козырьков" на окнах и подслеповатым видом мрачных, узких полосок от подвальных окон, откуда доносились приглушенные стоны.

При входе в здание тюрьмы, сильное беспокойство охватило душу Владыкина за судьбу Евангелия, которое хранилось в его чемодане, так как при обыске его непременно отнимут.

Коротко, но сердечно, помолился Богу Павел и все свои волнения предал Ему.

Конвоир с ключником о чем-то тихо говорили, рассматривая письмо, приложенное к пакету.

- Ну, парень, - обратился к нему ключник, - чтобы нам не возиться с обыском, возьми с собой только самое необходимое и, если есть - кружку с ложкой, а остальное оставь все в коридоре.

Через пять минут его завели в просторную, но безлюдную комнату, предупредив, что до распоряжения начальства, ему придется быть здесь.

Первое, что сделал Павел, оставшись наедине - это упал на колени, со слезами, излил душу свою пред Богом, в молитве. Потом, обрадованный тишиной одиночества, лег на верхние нары и крепко заснул.

Сколько он проспал, было неизвестно, но проснулся от непонятного и сильного ощущения: все его тело было как бы ошпарено кипятком. Вскочив, он осмотрел себя, подняв рубаху и, к своему удивлению, увидел, что его тело и рубаха были покрыты множеством клопов, от больших, в горошину, до мизерных, едва заметных глазом. Воспаленное тело зудело и не хотело никак успокоиться, хотя он тщательно все вытряхнул, раздевшись донага.

От раздавленных насекомых камера наполнилась отвратительным запахом, а побеленные стены камеры покрылись великим множеством их.

Только тут Павел заметил, как стены и потолок были густо-густо запачканы кровавыми пятнами, от раздавленных клопов. Пока он сидел на нарах и раздумывал, то, сразу на ногах и на теле, почувствовал новые ожоги от укусов. Рука инстинктивно потянулась давить "противников", но сознание остановило, убедив в том, что от этого положение еще ухудшится. Выход только один - ходить по камере, к нему он и прибегнул, но, к ужасу, заметил, как клопы искусно, дождем падали на него с потолка. Позднее, он заключил, что эта камера не иначе, как своего рода камера пыток, потому что от укусов вся нервная система пришла в крайнее возбуждение, а чувство беспомощности толкало к отчаянию. Казалось, яркий свет от лампочки содействовал разбойничьему нападению насекомых, а избавиться от него было нельзя. На стук и вызовы никто не отвечал, кругом царила тишина.

К полночи, совсем измученный, Павел решил выломать доску из нар. Сделав это, он положил ее на концы противоположных нар, тщательно вытряхнув все белье, в изнеможении, лег на свое жесткое и узенькое ложе спиною и моментально заснул.

Проснулся от двойной боли в костях, во всех членах и от, известного уже, чувства ошпаренного кипятком.

- О, Боже мой! - воскликнул он в отчаянии. - Каким же будет ад, о котором говорится в Библии!

Но пока он сидел, опершись руками и рассуждая так, в той и другой руке ощутил несколько мучительных ожогов.

Армия маленьких "кровопийцев" упорно и беспощадно, терзая его тело, осаждала Павла. Всякое терпение кончилось, и юноша был готов зареветь, что есть силы, но в это время послышалось щелканье замка, и камера открылась.

- Ну, натерпелся, наверное, парень? - спросил его сочувственно новый ключник. - Иди на прогулку с людьми из угловой камеры, а после перейдешь к ним.

Свежий, бодрящий, утренний воздух врывался в грудь глубокими вздохами; восходящее солнце озарило тюремный двор и заманчиво освещало высохшие проталины у стены тюрьмы. Голова закружилась, и Павел, в каком-то подсознании, увидел Магду с его товарищами и услышал ласковый голос.

Магда что-то спросил, а Павел ответил, но все это, куда-то исчезло, и он, свернувшись "калачиком" на подостланной телогрейке, быстро заснул. По окончании тюремной прогулки, его едва разбудили, и он, проснувшись, пришел в крайнее удивление, увидев Магду, Хаима Михайловича и других.

Когда он оказался со своими товарищами в другой камере, то не знал, как выразить радость избавления из клопиного ада и, совершенно неожиданную для него, встречу с Магдой. В беседе выяснилось, что под такое спецуказание из Москвы попали, кроме Владыкина, Магда и его друзья. Это очень ободрило Павла, теперь он, хотя не один, будет переживать тот кошмар, который готовился для них.

В камере было более 10-ти человек и, преимущественно, из интеллигенции. С утра до ночи читались научные лекции на самые увлекательные темы, и арестанты забывали, подчас, свое тягостное положение. Много бесед провел с обитателями камеры Павел, особенно с Магдой. Это сблизило всех людей до того, что прекратилось всякое сквернословие и непристойное поведение. По выражению некоторых, согласились бы так прожить до конца срока.

Но через неделю этому пришел конец.

На дворе разразилась пурга с обильным снегопадом, дороги перемело глубокими сугробами, тайга вновь покрылась белым саваном. Казалось, что зима возвращалась, во всей своей власти. В это время на тюремном дворе формировался этап, около 50 человек, на штрафную и, как поговаривали арестанты, на самую страшную. Из камеры, где находились Магда с Владыкиным, в этап вызвали только их двоих, остальные ожидали другого направления.

Арестантов окружило много охранников с собаками, их повели беспорядочной толпой, по колени в снегу, к железной дороге. Павел с Магдой шли рядом, поддерживая друг друга, окружающие их, были самые отъявленные преступники, каких Владыкин еще не встречал в своей жизни.

Когда проводили их мимо штрафной фаланги, на углу поселка стояла группа из высшего начальствующего состава управления, в числе которых был старший оперуполномоченный по уголовным делам, некто Лазня. Этап остановился и сгрудился против начальства. Потом, внутри самого круга, произошла стихийная возня, но нельзя было ничего понять, а через несколько минут все утихло. В это время Лазня, со стоящими впереди ворами, вступил в разговор:

- Ну что, хлопцы, дожились? Не терпится вам, штрафняка заработали? Как живете?

- Твоими молитвами, начальничек, - ответили ему, с едкой иронией, воры.

- Может быть, просьба какая есть у кого, а? Чего хотите? - продолжал Лазня, улыбаясь.

- Да, у всех у нас одно желание, "отец родной" - в гробу тебя увидеть поскорей.

- Ха-ха-ха-ха! - раздалось от шеренги воров. Лазня что-то сказал в ответ, и все начальники зашагали в лагерь, но разразившийся хохот заглушил его слова, и арестантов погнали дальше.

У самой железной дороги, перед баней, этап остановился, чтобы обмыться перед посадкой в вагон. Заводя в баню, их пересчитали.

Вдруг, среди конвоя, произошло замешательство. Заключенных выгнали обратно, пересчитывая вновь и вновь, но увы, одного арестанта не оказалось, самого лихого.

Несколько человек из конвоя с собаками кинулись по следу обратно, но беглеца не нашли. Спустя несколько дней, Магда тихонько рассказал Павлу, что в то время, когда они по пути разговаривали с начальством, воры обнаружили под ногами ямину, уложили в нее своего товарища, засыпали снегом и, во время сутолоки искусственной возни, затоптали это место.

Павел был поражен смелостью, находчивостью и такой спаянностью преступников.

Наконец, после многих проверок и прочей этапной суеты, их стали сажать в вагоны. При посадке, Павел попросил помочь ему. Десяток рук протянулось, когда он подавал чемодан, и тот мгновенно исчез в людской массе, но ему самому не протянулась ни одна рука. Он вскарабкался при помощи конвойного, и пока разыскал чемодан, который был уже открыт, единственно уцелевшей в нем ценностью, было Евангелие.

Павел был очень рад и благодарил Бога, что Святая Книга сохранилась здесь. Об остальных вещах, которые выслали ему бабушка Катерина и мать, он и не спрашивал, так как знал, что все это совершенно бесполезно, хотя

также было дорого ему. В вагоне стало жутко от тех оргий, какие учиняли преступники, и хорошо, что наступившая ночь, водворила тишину.

Когда начался рассвет, они уже были на разъезде "Есауловка", где располагалась штрафная фаланга.

Каким-то страшным предчувствием обдало душу Владыкина, когда повели их к вахте (пропускное строение), но еще более жуткое чувство сдавило грудь, когда завели в один из бараков.

Павел с Магдой приютились рядом, под верхними нарами и, при благословении Божьем, ночь проспали мирным сном.

Лагерь был окружен высоким частоколом и по углам охранялся с вышек стрелками ВОХР.

Людей в бараках было мало, и лежали они на разных лохмотьях, потому что постельные принадлежности ворье, либо забирало себе, либо, отобрав, продавало за зоной лагеря.

На стенах барака, едва заметными, остались не смытые пятна крови. Один, из ранее находящихся здесь, рассказал о недавно происходивших ужасах:

Во-первых, начальство поместило с этапа в барак "воров-изменников", которых по лагерному называли собачьим именем. От этого между "законными ворами" и "изменниками ворами" открылась смертельная битва, в результате ее - несколько изрубленных человеческих тел едва удалось вынести за зону лагеря.

Во-вторых, сюда же, за какую-то провинность, поместили дежурного телефониста, работающего у оперуполномоченного. При входе, его тут же, зарубили топором и запрятали под полом барака. Обнаружен он был в результате того, что трупный запах распространился за зоной лагеря. Из начальства в зону никто не заходил, кроме цыгана-прораба, который играл роль посредника между начальством лагеря и ворами. Продукты приносили на вахту и сами повара; приходя из зоны, уносили их на кухню. Все те, кто не относился к ворам, на кухне пользовались, буквально, отбросами и тем, что воры не употребляли. На работу выходила незначительная часть обитателей лагеря, и только тогда люди могли скушать то, что варилось на месте. Часто заключенных выносили из зоны, крайне истощенными, в санитарную часть, где большинство из них умирало. Воры же устраивали свою жизнь приличной, отнимая у "работяг" все жизненно-необходимое. Кроме того, только им одним известными путями, выходя за зону, грабили проходящие поезда и жили "предельно весело".

Третий случай несколько утихомирил "законников" и изменил характер жизни в лагере.

Один из заместителей начальника управления прибыл сюда с тем, чтобы навести некоторый порядок у "законников". Подойдя к частоколу, через его щели он вступил в переговоры с кучкой воров. В это время один из них изловчился и, поднявшись на плечи товарища, с силой метнул топор в начальника. Удар оказался удивительно метким и роковым для того. С рассеченной головою, он бездыханным повалился на землю.

По этому случаю, всякое движение из зоны было прекращено, и вызванная военная часть окружила зону, проникли в ее середину, выстрелами из оружия уложив всех, буквально, лицом вниз. Несколько самых отъявленных воров, связанными выволокли из зоны, отвезли за километр 6т лагеря, в еще более ужасное место, под названием "Скалы".

В это время Павел с Магдой и оказались здесь, в штрафной зоне.

Все эти ужасы настолько потрясли их обоих, что они не могли уснуть, и Павел согласился первый подежурить.

Когда все стихло, он прямо на нарах склонился на колени и, никогда еще так усердно, так пламенно не молился Богу, как теперь. Поднявшись с молитвы, Павел заметил, как кто-то, выйдя из "воровской" кабинки, внимательно наблюдал за ним.

Утром Магда с Павлом решили выйти из зоны на работу с немногими "работягами", а когда Павел пошел умываться, один из воровской компании остановил его, с расспросами: кто он, за что арестован, и почему он ночью плакал на коленях.

Павел, с каким-то торжествующим чувством, ответил ему на все интересующие вопросы. Убедившись, что он, действительно, верующий, собеседник авторитетно заявил ему:

- Ты, малый, можешь со своим товарищем быть совершенно спокоен. На работу вам нет нужды ходить, пайку свою вы получите полностью; не хватит - скажете нам, а на кухне кушайте досыта. Если есть деньги, не прячьте их и покупайте в ларьке, что хотите.

Услышав это, Павел был поражен таким расположением этих отверженных, погибших людей - человекоубийц, а еще больше был изумлен библейским стихом, отчетливо промелькнувшим в его сознании:

"Имя Господа - крепкая башня: убегает в нее праведник, и безопасен" (Прит. 18, 10).

Он поблагодарил незнакомца за расположение и поспешил к умывальнику, чтобы набежавшие слезы, смыть холодной водой. Возвратившись в барак, они вместе с Магдой склонились на колени и благодарили Бога, в живой молитве.

Поднявшись, Павел с улыбкой заметил своему другу:

- Так вот, братец, за 14 лет-то в монастыре, наверное, ни разу так сладко ты не молился, как сейчас, да и милости-то Божьи не ценил тогда, как теперь, когда получаешь их из рук этих грабителей.

- Да, Павел, ты совершенно прав, что заметил это, - крепко обнимая его, ответил Магда.

- То-то, воры научат молиться живому Богу, хоть и сами не молятся, - закончил Павел, выходя из барака на работу.

На работу они все же вышли и были очень рады, когда оказались на природе. Яркое, горячее, весеннее солнце прямо на глазах поедало остатки, выпавшего за ночь, снега. На припеках, зелень буйствовала распускающимся разнотравьем. Говорливый шум ручейков веселил душу, а нежный весенний ветерок ласкал лицо и колыхал, освободившуюся от всякого томления, грудь. И если бы не конвойный, то бежал бы и бежал, по-детски, вприпрыжку, по пробивающейся зелени.

К вечеру, придя в барак, они увидели, что на их месте, беспорядочно скрученными, лежали две постели, и тот же незнакомец передал, чтобы они расстилали и спали на них.

Однако, недолго пришлось быть Павлу вместе с Магдой. Через два-три дня, Владыкина увидел тот самый топограф, который рекомендовал его когда-то в управление. Увидев юношу, он убедил начальника отпустить ему Павла, и тот опять оказался без конвоя, свободно расхаживающим по всей территории. Он часто заходил на объект к Магде и утешал его, читая ему Евангелие. Вечерами, когда Павел возвращался в зону на ночлег, Магда, утрудившись, обычно уже крепко спал.

Так прошло более 2-х недель. Однажды Владыкина к топографу не пустили, а приказали им с Магдой собрать свои вещи в ожидании этапа. И как его благодетель ни пытался взять его обратно, начальник категорически отказал.

Уже выходя с вахты, под строгим конвоем, они слышали, как кто-то им вдогонку крикнул, что их отправляют в "Скалы".

От одного только этого слова, как током пронзило все существо обоих скитальцев.

"Скалы" - это место, где собрано самое ужасное, самое отвратительное, погибшее из погибших. "Но, за что бросают туда, совершенно невинных людей? - промелькнуло в сознании Павла, - Если, вообще, лишение свободы - тюрьма, то штрафная фаланга за частоколом - это тюрьма в тюрьме; чем же являются тогда эти "Скалы" на штрафной фаланге?"

Душа онемела от ожидания, какого-то ужасного, неведомого будущего. Извилистою тропою, среди камней, их завели в узкое ущелье, расположенное между дикими обрывистыми скалами. На дне ущелья, шириною не более 50-60 метров, между скал, на ровной площадке у берега ручья, за густой сетью колючей проволоки, одиноко стоял барак с массивными решетками на окнах. Ни малейшего звука жизни не доносилось сюда от фаланги, ни, даже, от проходящих поездов. В узкой полосе, над головою виднелся, где-то высоко-высоко, голубой клочок неба, откуда один раз в год заглядывало солнце. Все ущелье было погружено в полумрак.

Павел не помнил, как их завели за проволоку, как втолкнули в открывшуюся дверь барака.

Очнулся он только от задорного смеха, раздавшегося из полумрака с нар:

- Эй, парень, иди-ка сюда! А ну-ка, давай молебен служи за упокой души нашей, да и твоей с нами. Господи по-ми-л-у-й!

- Ты, бес, замри! - раздался в защиту львиный бас от окна, с верхних нар.

После этого, старший вор подозвал к себе Павла и с большим интересом слушал объяснения его о вере в Бога, о личном покаянии и тех страданиях, какие он переносил за веру в Бога. Особенно, "законник" был удивлен, когда услышал, что многие требования воровского закона: самопожертвование для другого, ненависть к предательству, общность в пище и вещах, интернациональность и другое - истекают из закона Божьего и имеются в христианстве.

После беседы, вор распорядился поместить Павла с Магдой на противоположной стороне, наверху. Молились оба открыто, совершенно свободно и были удивлены тем, что им здесь не угрожала никакая

опасность, вопреки тому, о чем они так много наслышались. Конечно, во взаимоотношениях между преступниками было что-то дьявольское, и они так ярко напоминали Павлу тех львов, среди которых был во рву пророк Даниил. Все, положенное им из пайка, они получали полностью; много бесед на библейские темы провел Владыкин среди этих, безнадежно падших, людей, которых ничего в жизни уже не интересовало.

Через несколько дней, как-то неожиданно, Павла и многих других с ним вызвали на этап. Он был, конечно, очень рад, потому что думал, что здесь, в "Скалах", ему придется прожить все годы заключения. Однако преступники, давно живущие здесь, пояснили, что отсюда в хорошие места не посылают, но развозят людей в штрафные лагеря, еще страшнее, чем "Есауловка". А часто увозят и в наручниках - значит расстрел.

Так или иначе, но у Павла с Магдой настала минута расставания.

- Ну, брат мой, Павел, - со слезами на глазах обнимал его Магда, - у меня нет слов на языке, чтобы выразить достойную хвалу Богу, за нашу встречу с тобой. Ты впервые помог мне прочитать здесь страницы живого, неписаного Евангелия. По нашему, православному Евангелию, получается, что вроде я для тебя был Павлом, а ты - Тимофеем, но по тому Евангелию, которое исповедуешь ты, по живому, спасающему Евангелию Господа Иисуса Христа, отчетливо вижу, что я далеко недостоин считать себя Тимофеем для тебя, хотя ты, никогда, ни в чем не посягал на место Ап. Павла. Я теперь хорошо понял, как велико блаженство нищего духом, как счастлив тот, кто просто, как евангельский Тимофей, с детской душой, поднялся на первую ступень блаженства, но увы, для меня - это мучительно, недоступно.

- Да, брат мой, ты напоминаешь мне сейчас Никодима, для которого встать на первую ступень блаженства, значило, все равно, что вновь войти в утробу матери и родиться. Это же делает Дух Божий, которого вы, к сожалению, знаете только, как намалеванного голубя.

Вот уже пришел за нами конвой, и я скажу тебе напоследок - решайся! Сними с себя эту облинялую рясу, а облекись в праведность Христа. Ты оставайся Никодимом, но иди ко Христу не ночью, как тот, а днем, верою, поправ стыд и страх. Я расстаюсь с тобой, но не хочу расставаться, как Димас с Ап. Павлом. Бог тебе во спасение!

Сами не зная того, Павел с Магдой расставались навсегда. Один только Бог знает, что стало с душою иеромонаха Касьяна - Магды, но исповедание живого Евангелия, которым озарил его юноша Владыкин, тщетным, конечно, не осталось.

К вечеру Павла загрузили в большой вагон вместе с другими заключенными, прибывшими из лагеря. Ложась спать, Павел почувствовал на сердце тихую радость. В глубокую полночь эшелон, мерно отстукивая на стыках рельс, тронулся в неведомом направлении.

Проснулись они от людского говора за стенами вагона. В открытую дверь ласково заглянуло солнце и дохнуло свежестью майского утра. Выйдя из вагона, Владыкин к удивлению заметил, что их высадили на разъезде "Известковый", на том самом месте, где год назад приняла Зинаида Алексеевна, но повели их, в совершенно противоположную сторону. Вели их долго, не торопясь, по тайге, рядом с полотном железной дороги. За ними тянулись "грабарки" (вид телеги), нагруженные инвентарем, инструментом, оборудованием, продуктами и прочими необходимостями.

Через час-полтора весь отряд остановился на живописной окраине леса среди густой травы. Одиноко стоящий барак и небольшие постройки рядом с ним, напоминали о том, что здесь когда-то ютились заключенные.

Из аккуратно построенного домика, вышел незнакомый человек в форме и подошел к этапникам, которые в различных позах расположились отдыхать на траве.

- Здравствуйте, ребята! Я буду ваш новый начальник фаланги, и я же являюсь здесь начальником военизированной охраны. Вы прибыли в расположение бывшей венерической колонии, но не смущайтесь, больных отсюда давно вывезли и осталось только, не совсем приятное, название. Поэтому объявляю вам: сейчас, после отдыха занимайте этот барак, кто где пожелает, места там хватит на всех. Здесь будет ваше место, постоянное жительство и работа.

Отдохнув, Павел первый подошел к двери барака и открыл ее, но входить никто не решался. С чувством брезгливости и опасения арестанты изучали барак, заглядывая внутрь: кто в окна, кто в двери.

"Не убоишься ужасов в ночи, стрелы, летящей днем, язвы, ходящей во мраке, заразы, опустошающей в полдень", - мелькнуло в сознании Павла обетование Божье, какое он часто читал в Псалме 90. Смело вошел он в

барак и, облюбовав наилучшее место, коротенько помолившись, сел на нары. Вслед за ним и остальные, нарезав хвои в лесу, расстилали ее по нарам, недоверчиво располагаясь в "заразном" бараке. К концу дня территория барака была обтянута колючей проволокой по деревянным столбам и, покинутый некогда лагерь, огласился новой жизнью. Вечером, впотьмах, долго рассказывали всякие легенды о причине ранее опустелого лагеря и легенды, одна другой страшнее, но к полночи смирились, по безвыходности, и самые брезгливые, засыпая крепким сном.

Владыкин сдружился с двумя другими товарищами, и во второй день они заслужили доверие начальства так, что им разрешили продвижение от барака до железнодорожного полотна без конвоя. На склоне дня мимо них проходили рабочие топографического отдела.

Павел, увидев их, немедленно подошел и спросил, с какой они фаланги и кто у них топограф. К его великой радости из отряда ответили:

- Мы из первой фаланги, а топограф у нас "Борода" Ермак. Знаешь? А что тебя интересует?

- Я очень хорошо знаю Ермака, - ответил им Павел, - и если вас не затруднит, то передайте ему от меня маленькую записочку.

Рабочие согласились, присели на рельсы закурить в ожидании. Павел быстро написал:

"Федор Алексеевич! Привет вам от Павла. Меня на днях перевели на 4-ю венерическую фалангу, хотя и совершенно здоров. Если найдете время, рад буду увидеть вас. Работаю на ПК-7 (седьмой пикет по дорожной терминологии).

1 июня 1936 г. Владыкин".

Забилось сердце у Павла, когда он на следующий день, рано утром вышел из барака с мыслью, пожелает ли прийти Ермак к нему и когда? Какое-то внутреннее предчувствие побудило ожидать Ермака именно теперь и - о, чудо! Буквально через 5-10 минут, из-за откоса показалось восходящее солнце и осветило развевающуюся бороду и знакомое лицо Ермака, выходящего из леса.

Подходя к колючей проволоке, он на ходу предупредил Павла о какой-то осторожности и немедленно зашел в дом начальника. Появился он оттуда, когда Павел с товарищами проходил на работу, догнав его среди кустарника на тропе.

- Очень рад увидеть тебя, - начал он, потрясая руку Павла, - не надеялся уже. Думал, что потерял тебя совсем, - тут он разразился бранью в адрес тех, кто по неизвестной причине так преследовали Павла.

- Ну, ладно, я с начальником договорился о тебе. Он поставил такие условия: в течение 10-ти дней, чтобы у тебя была выработка не ниже 150%, тогда подпишет на тебя постановление о расконвоировании, переведет из зоны в бесконвойный барак, а оттуда на любую фалангу... понял? - возбужденно объяснил Ермак. - Поэтому ты поднажми, как можешь в эти дни, а я ровно через 10 дней, вечером, приду за тобой.

С этими словами он так же быстро исчез, как и появился.

Это условие приняло все звено, где работал Владыкин, и, получив разрешение с рассветом выходить на работу, они по холоду напрягали всю энергию к выполнению поставленных условий. Павел удивился тому, какую силу и энергию дал ему Бог. Ведь год назад, недалеко отсюда, он изнемогал от непосильного труда.

После обеда они шли на отдых, выполнив по обмеру задание на 200%. И все-таки, долго еще для него оставалось загадкой, почему эта практически невыполнимая норма, стала для них возможной и перевыполнимой.

Десятый день показался Павлу очень длинным, руки к концу дня еле удерживали тачку, а ноги от напряжения были сами не свои. Обессиленным, он повалился на нары, едва добравшись до барака и даже не заметил, как уснул.

- "Борода" пришел! - крикнул, забегая в барак, товарищ Павла. В окно он увидел, как в дверях у начальника скрылся Ермак.

Вскоре, когда все рабочие пришли в барак, со списком в руке зашел нарядчик и огласил фамилии тех, кого за перевыполнение заданий переводят на бесконвойку за зону. Владыкин был в числе первых.

Не успел Павел войти в новый барак и разложить свои вещи, как Ермак с пакетом в руке и в сопровождении нарядчика пришел за Владыкиным.

Не помня себя от радости, он еле поспевал за Ермаком, покидая поселок с его страшным названием - "венерический".

Как только они скрылись из виду, Ермак властно взял из рук Павла его традиционный отцовский чемодан и не отдал, пока не привел на первую фалангу.

С каким неописуемым восторгом и трепетом, спустя почти год, Владыкин опять проходил мимо журчащего "Хорафа" и, как вкопанный, остановился на том месте, где его обругала вначале Каплина за посылку, а вскоре после того, проводила в Облучье.

- О, как велик Господь! - тихо проговорил Павел, - ее уже больше нет, начальницы Каплиной с ее ужасной бранью. Есть сестра-христианка, Зинаида Алексеевна, омытая кровью Христа, прославляющая на небесах у трона своего Спасителя, с новым сердцем и новыми устами.

- Ты о ком размечтался? - спросил его Ермак, возвратившись за ним почти от самого дома.

- О счастье одной потерянной жизни, с какой я в прошлом году встречался здесь, -- ответил ему Павел, вытирая набежавшие слезы.

Недоумевающего Владыкина Ермак завел в аккуратно отделанный дом на берегу реки и, поставив чемодан посреди одной из комнат, объяснил:

- Это моя комната, а это будет твой топчан , здесь будет наша с тобой квартира. В этом доме живет вольнонаемный состав: начальник строительства, нормировщик, но я договорился с начальником фаланги, и он разрешил тебе поселиться со мной.

Первым делом, сложив свои пожитки, Павел вышел к тому ручью, где когда-то дьявол разъярился на него за молитву, и, в слезах благодарности, молился Богу за чудо избавления.

Потом набил матрац пахучим сеном и устроил постель. К вечеру Павел с Ермаком отметили новоселье богатым ужином с чаепитием и потом, уже лежа в постели, далеко за полночь, рассказывали друг другу о своих переживаниях.

Прежде всего, Ермак рассказал о том, как дед Архип с Марией тосковали о нем и долго не могли утешиться. Но как он ни пытался узнать причину такого расположения, старички ему не открывали тайну своих душ. Да и сам Ермак, хотя и уехал вскоре от них, не переставая, пытался разыскивать Владыкина. Когда же рабочие сообщили ему и передали записку, то он готов был в этот же вечер бежать, чтобы увидеть Павла, но надвигающиеся сумерки остановили его. Так, радостными и довольными, они оба не заметили, как уснули.

В первые дни жизнь Павла протекала в благословенной тишине, которую послал ему Господь после ужасов пережитого. Он уже обрекал себя на долгие годы обитания, как у Кутасевича, так и на "Есауловке", и в "Скалах", и даже когда изнывал в клоповнике, думая, что там ему будет суждено умереть мученической смертью. Так планировали враги его, но Бог, могущественною десницей, нарушил планы ненавистников и вел по Своей стезе, Своей рукой.

Линейные работы везде пришли к концу, и по некоторым перегонам новой дороги уже двигались поезда. Поэтому Павел, почти без отрыва, занимался составлением и вычерчиванием исполнительных чертежей. И был рад отдохнуть телом и душой, часто выходя и подолгу простаивая в молитве, на берегу потока. Особенно любил он, склонившись над чертежами, потихоньку петь дорогие христианские гимны, которые звучали в его душе и открывались все новым и новым смыслом.

Даже во всем доме царила тогда тишина: начальник строительства бывал очень редко дома и помалу, да, и к тому же, в Облучье, ожидал приезда своей молодой жены. Сосед по комнате - Костя, вообще, забегал только на час-два и потом днями где-то пропадал. Дневальный - дядя Ваня от безделья спал целыми днями и ночами в большой прихожей, шевеля спросонья, своими большими прокуренными усами; Ермак же, излив в первые дни весь свой запас проклятий в адрес "всех на свете" и скромных любезностей к Павлу, притих.

Изредка, он уклончиво отвечал Владыкину на вопросы житейского и библейского характера.

Однажды, приятно позавтракав и, как обычно расположившись за столом один против другого за работой, Павел с особым чувством запел потихоньку свой "гимн утешения":

Не тоскуй ты, душа дорогая,
Не печалься, но радостна будь..,

- как вдруг против себя он услышал приятное мелодичное вступление лирического тенора:

Жизнь, поверь мне, настанет другая,
Любит нас наш Господь, не забудь.

Павел поднял голову и, к великому своему удивлению, увидел, что, не отрывая глаз от бумаг, с ним пел Ермак, безошибочно произнося слова гимна.

...В мире волны бушуют, как море,
Ветер страшно и грозно шумит,
Но взгляни, как с любовью во взоре
На тебя Твой Спаситель глядит...

- заканчивали они, уже любовно глядя друг на друга.

Павлу казалось, что в неземной мелодии утопало все кругом. Слезы умиления не капали, а тоненькими ручейками стекали по лицам их обоих.

Павел, ничего не решившись спрашивать у Ермака по окончании пения, тут же запел другой гимн:

Страшно бушует житейское море...

Присоединяясь к пению Павла словами:

Сильные волны качают ладью...

- подхватил Ермак так же спокойно, сердечно, как будто они вместе спевались много раз. Едва успев закончить этот гимн, Ермак предложил и тут же запел другой:

Дорогие минуты нам Бог даровал,
Мы увидели братьев, сестер...

- и оборвавшись на этом, он, потрясая головою, упал на стол. Павел продолжал уже один, внушительно и сильно:

А Иисус, дорогой, с нами быть обещал,
Дадим Ему в сердце простор!

При последних словах все тело Ермака сотрясалось от глубокого душевного сокрушения.

- Федор Алексеевич, - начал Павел, - расскажите мне, почему эти гимны так объединили нас, в одном чувстве? Вы кто?

- Не спрашивай меня об этом, - ответил ему тихо Ермак, - ты не знаешь, какую мучительную боль вызывают в моей душе воспоминания о моем прошлом.

Через несколько минут он вновь, как улитка, спрятался в причудливую "скорлупу", неразгаданной Павлом, жизни.

Была ли это вспышка к пробуждению, или схватка падшего духа с душой, истосковавшейся по чистому, святому общению с Богом - для Владыкина осталось тайной. Он уверен был только в том, что Ермак был когда-то христианином, но ожесточился, преткнувшись поступками бесчестных христиан и теперь не мог победить себя и подняться.

О! Это ужасное, ожесточенное, не прощающее сердце! Как многих оно привело к неотвратимой, сознательной погибели, при которой тоскующая по Богу душа гибнет в цепях ожесточенного духа, подчиненная закону тройственной природы человека.

Вот почему Библия так строго предупреждает человека: "берегите дух ваш" (Мал.2:15).

Ермак, после того случая, все реже и реже находился наедине с Павлом; последнего ожидали новые, жгучие искушения.

В самый разгар лета начальник торопливо забежал в дом и дал распоряжение дяде Ване: вымыть, прибрать комнаты и приготовить все к встрече жены, а сам в запряженной пролетке поехал за ней на разъезд. Через 2-3 часа все обитатели дома собрались в прихожей комнате встретить новую хозяйку. С модным баульчиком в руке, торопливо вошла в дом молодая дама и, остановившись, несколько смущенно, осмотрела всех. Бледное ее лицо и несколько великоватый нос не отличали ее чем-то особым от обычных женщин в ее, 23-х летнем возрасте. Тонкий запах духов, пришедший с нею, говорил о том, что она аккуратно следит за собою и не желает так скоро расставаться с молодостью.

- Люба, - отрекомендовала она себя, подходя сначала к Владыкину и протянув руку, освобожденную из тонкой дамской перчатки, поздоровалась со всеми. Затем прошла в свои комнаты вслед за мужем, осматривая внимательно окружающую обстановку.

Первые дни молодой хозяйки не было видно нигде, и все обитатели отнесли это за счет скромности, усматривая в этом высокую нравственность. Так подумал Владыкин, и с радостью заключил, что, наконец, он, в ее лице, встретил в этих местах образцовую жену и идеальную женщину. Но, увы! Вскоре ему пришлось в этом разочароваться.

Поднявшись утром, Павел, по обыкновению, сел на лавочку против крыльца подышать утренней прохладой. Вскоре вышла и Люба в роскошном кимоно и, усевшись рядом с ним, вступила в беседу, внимательно осматривая юношу.

Беседа затянулась и Павел, почувствовав, что драгоценное время, отведенное им на чтение Евангелия, уходит на пустые разговоры, встал, готовясь оставить свою собеседницу.

- Вы уходите, Павел? - спросила она, и ему показалось, как-то необыкновенно, - а у меня есть к вам, немного нескромная, просьба. Дело в том, что мой муж Володя уехал на работу и на несколько дней, а я здесь ничего не знаю. Мне же хотелось бы пойти на разъезд, в поселок. Одна я боюсь, поэтому он мне, в качестве проводника, рекомендовал вас. Вы проводите меня в поселок?

Протестом ответило сердце Павла на ее желание, но будучи подневольным, он сказал ей, что такая возможность может быть только после обеда.

Люба долгое время жила в Маньчжурии, в городе Харбине, так как родители ее и муж были служащие КВЖД (Китайско-восточная железная дорога, принадлежавшая до 1933 года СССР).

Жизнь в Харбине отложила на нее некоторый отпечаток, и она старалась придавать себе вид великосветской дамы. По причине длительных разлук с мужем, она позволяла себе некоторые вольности, поэтому, глядя на нее, можно было заметить, как бушующие страсти руководили всем ее существом. К назначенному времени она вышла в прихожую комнату благоухающая, разодетая, в полупрозрачном платье.

Павел, увидев ее, поколебался в своем прежнем обещании, данном ей, и почувствовал, что дьявол на этом месте готовит ему сильное искушение.

Воспользовавшись некоторым молчанием, он стал про себя усердно молиться, чтобы Бог сохранил его, даже от какой-либо лукавой мысли. Шли они вначале на почтительном расстоянии друг от друга, но потом, увлекшись рассказом о своей жизни в Маньчжурии, Люба перешла на его тропинку. При этом Павел не допускал мысли, чтобы у жены такого большого начальника и у такой видной дамы могли появиться вольные мысли, чем и успокаивал себя.

В поселке она обошла все магазинчики, подробно изучая в них товары.

К вечеру, проходя мимо клуба и услышав звуки вальса, она как-то вся оживилась и настоятельно склоняла Павла зайти и повеселиться. Павел отказал ей в этом в самой категорической форме. Она пыталась удивляться, шутить, умолять и, наконец, выразить обиду, но юноша остался непоколебимым. К его счастью, их выручил подошедший командир охраны и охотно разделил с ней компанию. Отходя, Люба просила Владыкина подождать ее возвращения. Павел был очень рад оказаться наедине и поспешил немедленно к молитве, прося у Бога сил, чтобы ему не впасть в искушение с этой женщиной.

Более часа пробыла Люба в клубе и вышла оттуда возбужденная, сияющая. По дороге она пыталась передать свое возбуждение Павлу, но тот больше молчал.

Надвигались легкие, вечерние сумерки, притихла и она, но, подойдя совсем вплотную к Павлу, стала вдруг жаловаться на скуку и на некоторые неудачи в семейной жизни. Павел молчал.

Потом на нее напало какое-то детство, и ей захотелось идти по рельсам. Под предлогом потери равновесия, она не один раз отваживалась, без разрешения, удерживаться рукой за плечо Павла.

Павел почувствовал, как губительный огонь стал быстро распространяться по всему телу.

"Господи, спаси меня!" - с глубокой верой произнес он про себя и, отпрянув от женщины, решительно высказал ей:

- Любовь Григорьевна, я осмелюсь вам напомнить, что вы являетесь женой вашего мужа, а я арестант. И еще: никогда не забывайте, что среда, в которой вы теперь поселились, способна самый невинный поступок извратить до низкой подлости. Поэтому будьте благоразумны и строги к себе.

- Павлик, - вполголоса начала она, остановившись и пристально взглянув в глаза Владыкина, - ты не по годам серьезен и просто удивляешь меня. Неужели ты чужд ласки, а когда же увлекаться, как не теперь? Да и что может человека делать таким счастливым, как не увлечение молодости?

В это время они проходили мимо каменистой осыпи близ потока, который для Павла служил местом "Хораф". Он взглянул на говорливые, поблескивающие струи его и, воспрянув духом, ответил:

- Я вынужден вам заявить со всей решимостью: я нищий материально, арестант, но, по милости Божьей - не нищий духом. Зачем мне пользоваться жалкими крохами с чужого стола любострастия и валяться затем жалким рабом под ним, тогда как, я верю, что есть у моего Бога назначенное для меня время, когда я буду сидеть за столом господином, на благословенном пиру, у чистой любви.

- Вот э-т-о-г-о я еще никогда не встречала, - приглушенно проговорила она и, молча, пошла рядом с Павлом своей тропинкой.

Весь следующий день Любовь Григорьевна не показывалась, сидя в своей комнате. Павел воскресный день провел, по своему обыкновению, в посте и молитве, на лоне природы. К концу дня он набрел в тайге на заросли спелого, вкусного дикого инжира (смоковница) и набрал его полную большую сумку. По дороге он благодарил Бога за все Его милости и просил, возвращаясь в свою комнату, сохранить его во всякой целости.

Вечером, за ужином, он угостил инжиром дядю Ваню и, проходящую в это время, Любу. Она была какая-то притихшая, слегка обиженная, плодов взяла из миски всего несколько штук, ради вежливости, и тут же скрылась у себя. Зато Владыкин, как говорят, навалился на инжир и ел его с какой-то ненасытимостью, пока не почувствовал что-то неприятное в желудке.

Ермак уже несколько дней жил в Облучье и, как стало известно, нашел себе там невесту, из евреек, что по управлению распространилось ошеломляющей новостью.

Ночью Павел проснулся от резкой боли в животе и тошноты. Расстройство желудка давало себя знать в сильной мере. До утра он провалялся в постели: понос и рвота, чередуясь, не давали ему покоя. На короткое время, перед утром, он забылся, а проснувшись, почувствовал в теле большую температуру.

В поселке в то время свирепствовала дизентерия и заключенных, одного за другим, увозили в санчасть. Оттуда живыми и здоровыми возвращались немногие.

Ужас смерти холодом дохнул в сознание Владыкина, когда он убедился, что тоже заболел дизентерией, видимо, от плодов. Весь следующий день он не выходил на прогулку, а к вечеру, окончательно обессиленным, слег.

Посоветовавшись с дядей Ваней, решили о болезни никому не говорить, а лечиться своими средствами. Малейшая известность - и его, принудительно, отправят в санчасть.

Всю ночь Павел провел в молитве к Богу, лежа в постели. Но пути Божий удивительны. Утром в дверь кто-то постучал, на слабый голос позволения в комнату вошла Люба.

- Павел, что с тобой? - с тревогой в голосе спросила она, садясь рядом с кроватью на табурет. - Ты мне скажи и не бойся. Утром, уходя в деревню, дядя Ваня мне сказал, что ты опасно заболел. Скажи, не скрывай - у тебя дизентерия?

Павел молча и болезненно глядел на нее, в раздумье. Она взяла его побледневшую обвисшую руку и сейчас же, решительно заявила:

- Да у тебя же - страшная температура! Несомненно, ты заболел дизентерией. Я сейчас же пойду на селектор и вызову врача, - рванулась она к двери.

С трудом Павел приподнял руку и умоляюще проговорил ей:

- Любовь Григорьевна, я вас прошу, не говорите никому. Вызвать врача - это смерть для заключенного. Я лучше бы хотел умереть здесь, чем в том кошмаре. В смысле опасности - все равно уж, я лежу в этой постели. Я верю... - и он умолк, закрыв глаза.

Люба остановилась в открытой двери, наблюдая за ним. Осунувшееся лицо Павла, хотя и отражало следы страданий, но и теперь было красивым, впечатляющим, спокойным. В душе ее происходила какая-то борьба. Тихонько прикрыв дверь, она торопливо вошла в свою комнату и вскоре вышла оттуда со стаканом воды и малюсеньким пакетом в руке.

Спустя немного времени, юноша вышел из своего болезненного забытья и открыл глаза. Перед ним стояла Любовь Григорьевна и, как ему показалось, смотрела на него глазами сострадания.

- Ты очнулся, Павел? - спросила она и присела рядом с ним. Послушай, что я тебе скажу. Я принесла тебе вот это лекарство, оно имеет в себе цену жизни. В Харбине мы приобрели его за большие деньги. В нашей семье оно хранится в секрете, их всего несколько штук, применяется оно в исключительных случаях, когда всякое лечение бесполезно. За каждую "горошинку" я должна буду отчитаться перед мужем и перед домашними. Я очень много беру на себя, но иначе не могу, меня неудержимо влечет поделиться с тобой. Отдавая тебе, я лишаю кого-то из своих кровных помощи при безнадежных исходах: мужа, отца, мать, себя... На, проглоти и запей!

При этом она помогла приподняться, подала горошину и стакан с водой. Павел приподнялся и беспомощно повис у нее на руках. Люба бережно положила его на прежнее место и тихонько вышла.

Минут через 15-20, приоткрыв дверь, она увидела, что Павел спокойно спал. Несколько раз после этого, в течение дня, она наблюдала за ним, а тот продолжал спать.

- Слава Богу, пошел на выздоровление, - проговорила она вместе с дядей Ваней вечером, посмотрев на него в последний раз.

Павел проснулся только утром и сразу почувствовал себя совершенно здоровым, только по-прежнему обессилевшим. С аппетитом он позавтракал и вышел посидеть на лавочке, подышать свежим воздухом.

Приехал муж Любы, и она почти не выходила из своих комнат, а когда на минуту вышла, Павел сказал ей:

- Слава Богу, и вам спасибо, я выздоравливаю.

Приехал и Ермак, но дядя Ваня и Владыкин не посчитали нужным извещать его о минувшей опасности и отговорились общими словами.

Здоровье Владыкина стало быстро восстанавливаться, и они уже сидели с Ермаком опять вместе, причем тот открыл ему свой секрет. Ермак, действительно, на 45-том году своей жизни решил жениться, невестой является еврейка из управления, очень скромная, серьезная женщина, 35-ти лет, в прошлом незамужняя. Ермак поделился своими планами на будущее, дал задание Павлу и пошел на перегон сделать необходимый обмер.

В условленное время он не явился, к вечеру следующего дня Владыкину передали от него записку:

"Павел, сообщаю тебе неприятную новость. По возвращении в поселок я неудачно спрыгнул на ходу с поезда. Меня увезли в больницу, в бедренной кости обнаружена продольная трещина. Всю работу и отчетность я передал на тебя. Продукты мои все используй. Приеду, в лучшем случае, не раньше, чем через месяц.

Будь здоров, уважающий тебя Ермак".

Через два-три дня после этого, Владыкин получил официальное удостоверение на производство работ и, тем самым, на свободное передвижение по всей 100-километровой дистанции пути. Вскоре и начальник строительства уехал, оставив предположение, что он с женой переедет в управление, в город.

Проводив мужа, Люба часто выходила из комнат и подолгу просиживала за беседами в прихожей.

Однажды после обеда к Павлу зашел дядя Ваня и передал, что хозяйка посылает его в деревню за картошкой, а Владыкина просит зайти к ней, так как она больная лежит в постели (при этом он, как-то лукаво, улыбнулся).

Павел, услышав это сообщение, без всяких предубеждений поднялся, чтобы узнать о происшедшем, но у самой двери остановился и настороженно подумал: "Дома никого нет, в их комнаты он не заходил даже при муже, тем более сейчас, когда во всем доме они остались вдвоем". Тут же в сознании мелькнуло подозрение: "Ведь она совсем недавно была здорова, почему так экстренно заболела и далеко отправила своего дневального дядю Ваню? Нет! Что-то не то - это сеть! Надо быть на страже". Он сел за стол, мысли не давали покоя: "А я,

разве не экстренно заболел, и она, как женщина, не погнушалась мной, заразным заключенным. Вдруг и она теперь заразилась от меня и заболела?"

Возникшие мысли озадачили его: с одной стороны, он почти не сомневался в ее нормальном здоровье, но с другой - не коварные ли планы у нее? Однако, горячо помолившись, выполняя долг вежливости, он решил пойти к ней. Во время молитвы, ему четко предстали слова Христа: "Молитесь же так... и не введи нас во искушение, но избавь нас от лукавого..."

Любовь Григорьевна, действительно, лежала в постели с какой-то книгой в руках.

- Что с вами, уж не заразились ли вы от меня? - с искренней тревогой спросил ее Павел, остановившись в ногах кровати.

- Садись здесь, - указала она ему, почти повелительно, на постель, рядом с собой.

- Скажите, что с вами? - повторил Павел. - Чем я могу вам помочь? Может быть, позвонить и вызвать мужа?

В комнате водворилась на минуту напряженная тишина.

Владыкин окончательно убедился в лукавстве женщины и мысленно представил себе Иосифа, когда он, в отсутствие домашних, вынужденно оказался наедине с женой Потифара и, что ему пришлось пережить, но Бог был с ним.

Павел осудил себя за то, что вошел сюда. Он имел полное основание отказать дяде Ване, когда тот передавал просьбу Любови Григорьевны. Осудив себя, он понял, как еще он малоопытен, как ему надо все тщательно продумывать.

Любовь Григорьевна после короткой паузы, проговорила:

- Какой ты глупенький, Павлуша... Во всяком случае, я жизнь твою спасла, а ты боишься даже приблизиться ко мне...

Павел сразу как-то ободрился упованием на Господа и ответил без колебания:

- Если бы я знал, что за вашу пилюлю вы потребуете такую страшную цену, то выбросил бы ее без колебания в окно - лучше умереть. Я не боюсь подойти к вам, хотя кроме вашего мужа, в вашей спальне никто не должен быть, но боюсь Бога и... не вы мне спасли жизнь, она в руках Иисуса. Вы же, наоборот, ищете погубить ее и так дешево, да и своей жизнью не дорожите.

Любовь Григорьевна, я вам заявляю решительно: если вы не остановитесь в своих прихотях, то я вынужден буду предупредить вашего мужа, для вашего же спасения. И как бы странно это вам не показалось, однако, скажу вам: вы ищете моей любви? Я уже люблю вас, но как погибшую грешницу, а не как женщину.

При этих словах Любовь Григорьевна, как-то неестественно, вздохнула, широкими глазами взглянула на Павла и, вскрикнув: "Ах!" - беспомощно рыдая, упала лицом на подушку.

Павел быстро вышел от нее из дому, и, придя на место молитвы к потоку, опустился на колени:

- Господи! Тебе, могущему соблюсти от падения... Единому, премудрому Богу, Спасителю нашему через Иисуса Христа, Господа нашего, слава и величие, сила и власть... во все века. Аминь. Только Ты спас меня от этой вечной гибели, Сердцеведец мой, Ты видишь, как дьявол ищет погибели души моей, и знаешь, что я совершенно не виновен в коварстве этой несчастной женщины. Помилуй меня и спаси в дальнейших путях.

После молитвы, на сердце у Павла была особенная тишина и радость, а слова Евангелия долго потом не выходили из сознания: "Противостаньте ему (дьяволу) твердою верою и убежит от вас".

Любовь Григорьевну с тех пор почти никто не видел, а если она и появлялась, то, не вступая ни с кем в разговор, проходила мимо, особенно, уклоняясь от встреч с Владыкиным.

Через неделю после этого возвратился начальник строительства, торопливо зашел в дом и слышно было, как в их комнатах проходили сборы. Начальник то и дело выходил к дяде Ване с распоряжениями, а потом подошла к крыльцу подвода, в которую были погружены все вещи отъезжающей семьи.

Любовь Григорьевна вышла последней и, не поднимая черной вуали от лица, сдержанно попрощалась на ходу с Владыкиным и дневальным дядей Ваней.

Владыкин как-то облегченно вздохнул, когда повозка с отъезжающими скрылась за поворотом.

Глубокой осенью, Павел был с отчетом в управлении. Неизменный дружок его, Сережа, передал ему, что Любовь Григорьевна, заходя в отдел со своим мужем очень просила, что если когда-нибудь Владыкин Павел будет в городе, чтобы обязательно зашел к ним в гости, и рассказала, как найти их дом.

Павел, возвращаясь после своих дел, решил зайти по приглашению.

На стук в дверь к нему вышла открывать сама Любовь Григорьевна.

- Ах, Павел! - воскликнула она растерянно, пропуская его в дом, - Как это неожиданно! Очень рада видеть тебя, садись к столу... Познакомься, с близким другом моего мужа.

Среди комнаты, со смущенным видом, стоял Мацкий и, увидев Владыкина, ответил:

- Что же нам знакомиться, это же работник моего отдела.

И оба вместе стали угощать Владыкина всякими пряностями со стола. Павел заметил на столе две рюмки с недопитым вином и понял, что его посещение совсем не в пору.

Павел отказался от всякого угощения, что привело Любу и Мацкого в большое смущение. Николай Алексеевич заторопился и, извиняясь, ушел.

После напряженного молчания, Любовь Григорьевна, как-то робко, спросила Павла:

- Ты хорошо знаешь Мацкого? ... Ты не подумай, чего-нибудь плохого о нем...

- Любовь Григорьевна, о нем-то мне нечего думать, это уже законченный развратник, а вот о вас с болью в душе сказал бы - безумная! Ваша жизнь еще только начинается, и вы совершенно не думаете о вашем будущем.

В моих глазах и, поныне неизгладимым, осталось зрелище - раздавленное поездом тело красавицы-жены Мацкого. Это он бросил ее туда своим развратным образом жизни! Знаете ли вы это? И знаете ли вы, что можете быть следующей?!

Люба, обличаемая совестью, заслонив собою стол, заторопилась убрать с него рюмки. Зацепив рукавом кимоно тарелку с колбасой, уронила ее на пол. Когда же стала собирать из-под стола, вдруг остановилась, поднялась и, вытирая обратной стороной ладони слезы, сказала:

- Павел, как ты счастлив. Я помню, как ты мне сказал: "Зачем мне подбирать жалкие крохи со стола?" Ты в будущем видел себя господином, а я вот подбираю крохи у рабов под этим проклятым столом любострастия. Но что мне делать? Я подняться уже не могу. Володя (муж) любит меня, а я - грязная раба моих увлечений.

- Один Христос только может освободить тебя от этого рабства, и вот тебе мой совет, - ответил ей Павел, - крепко закрой дверь сердца твоего и дома твоего от своих друзей в кавычках. Со слезами, попроси прощения у мужа, потом у Господа, и Бог поднимет тебя. Не сделаешь так - погибнешь!

- Сделаю! - решительно ответила она после некоторого молчания, - спасибо тебе, что и тогда ты отрезвил меня, на 1-й фаланге.

После этих слов она, покраснев, упала на подушки и зарыдала.

- До свидания, - заторопился Павел, выходя от нее. С тех пор Павлу ничего не было известно об этой чете. Только Мацкий как-то спросил его:

- Что вы сделали с Любовью Григорьевной? После вашего посещения она стала совершенно неузнаваемой.

- Слава Богу, Николай Алексеевич, что она не стала, следующей по очереди, жертвой после вашей несчастной жены.

Мацкий, опустив голову, умолк, но впоследствии невзлюбил Владыкина.

После отъезда Любови Григорьевны с мужем, дядя Ваня с Павлом остались на малое время вдвоем. Но вскоре, с ухарским видом и с шумом, посетила их новая начальница. Бесцеремонно, она обошла все комнаты и заявила, что на днях имеет намерение здесь поселиться.

Павел любезно пригласил ее к столу в прихожей, на что она согласилась, без малейшего колебания.

За столом выяснилось, что она тоже заключенная, но имеет большие связи с начальством и намекнула, что всех, кто благосклонен к ней, может устроить всесторонне. В беседе с Павлом она, заметно, помягчела и узнав, что им распоряжается управление, а не фаланга, благосклонно согласилась оставить его на месте, а сама, с завтрашнего дня, займет большую комнату, следующую за той, где живет Владыкин.

- Ну, Павел, держись! - заметил дядя Ваня, проводив начальницу из дома. - Я увидел во время вашего разговора, что ты понравился ей. Видишь, как она переменилась к тебе? Это же, известная по всей округе... - здесь он назвал ее, по лагерному.

Владыкин почувствовал, что его благоденствию в этом домике подошел конец, и впереди его ожидают какие-то новые испытания...

Долго, до самой темноты, он молился у своего "Хорафа" Господу и возвратился спокойный, уверенный в своем Искупителе.

Весь следующий день прошел в оборудовании комнаты для начальницы: мылись стены и пол, устилалась пышная постель, расставлялись цветы по окнам, а в углу водружена была густая елка до потолка и почему-то разукрашена, хотя на дворе стояла еще осень. К вечеру, когда уже было все убрано, пришла хозяйка и перебрав свой небогатый гардероб, разоделась, как на свадьбу. Дядя Ваня суетился у плиты, выполняя властные приказания новой "госпожи", как он ее называл.

Павел пришел в комнату густыми сумерками и приготовился ложиться спать.

- Где ты, Павел, загулялся до сих пор? - бесцеремонно заявила Мария (так звали начальницу), распахнув дверь. - А я жду тебя, новоселье справлять. Давай, заходи, все готово. Только вот, винишка нет, ну ничего, пойдет и так, повеселиться, найдем чем.

- Да, что вы, что вы, товарищ начальник, - начал было Павел.

- Что? - поглядев на него, с иронией перебила она. - Во-первых, зови меня дома - Муся, в крайнем случае Мария Ивановна; во-вторых, не ломайся, как красная девица. Пошли! - и, ухватив Павла за руку, повлекла его за собой.

Владыкин, хотя и не успел проявить сопротивления, ввиду такого стремительного действия с ее стороны, но, перешагнув порог, резко остановился у двери, почувствовав отвращение и, вместе с тем, приступ гнева. Он вспомнил наставления лесоруба на Соколовской пади и безошибочно определил, что его начальница никто иная, как одна из тех потерянных у костра, да еще и наделена определенной властью.

Отняв с силой руку и строго поглядев ей в глаза, Павел властно заявил:

- Мария Ивановна, во-первых, ни вы, ни я - не красная девица, а днем ли, ночью ли, на улице или в помещении, вы для меня - начальник лагеря. Во-вторых, сейчас уже полночь, и ни о каком веселии у нас и речи не может быть. В третьих, я для вас не кавалер и развлекать вас не могу, я заключенный, который год назад здесь умирал от изнурения и голода, лишь один Бог спас меня и не для того, чтобы оказаться вашим жалким любовником. Наконец, больше и убедительнее всего, это то, что я боюсь Бога и люблю Его. Ваша пирушка, какую вы затеяли, конечно, очень обольстительная, но она ведет к гибели, так как Слово Божие говорит: "Возмездие за грех - смерть".

Широко открытыми глазами Мария глядела на Павла и было заметно, как вначале у нее опустились руки, потом и сама она села на стул, закрыв лицо руками, через минуту она резко поднялась и что-то хотела сказать Владыкину, но его уже в комнате не было, он всю ночь провел у своего потока.

Не встречались они и на следующий день. Мария увидела его только утром через день, по-прежнему сосредоточенного, доброго, строгого и, проходя мимо, как-то примирительно заявила:

- Ну, вот что! Хоть и размазня ты, но все же безвредный и, надеюсь, поумнеешь. Жить тебе со мною рядом не подходит, мы просто друг другу мешаем. Я тебе облюбовала хорошее местечко, будешь жить там припеваючи, да и в гости если к тебе приду - я думаю не откажешь. - При последних словах она, как-то лукаво, улыбнулась. - Пойдем, я покажу тебе.

Павел сложил свою работу и пошел за ней. В трехстах метрах от поселка, по осушенному болоту, почти у самой речки стояла избушка, аккуратно сложенная из длинного шпальника. Войдя в нее, они увидели, как мужчина и женщина (заключенные) скоблили и мыли все, готовя ее для жилья. У входа (справа) стояла вполне исправная, русская печка, под единственным, небольшим окном стоял простой, но прочный стол и широкая деревянная лавка.

- Ну, как? - спросила начальница Владыкина, остановившись посреди избенки. - Хочешь - обклеят тебе все обоями, а будешь себя хорошо вести, "ришелье" на окно повешу и подзор кружевной, и наволочки, и покрывало. Понял?

- Нет, нет, - умоляюще попросил Павел, - ничего мне не надо. Прошу вас, оставьте все, как есть. Единственное - это разрешите, я все из прежней комнаты перенесу сюда.

Когда он все перенес и переселился в избушку, радости его не было границ. Первый день он испытал блаженство тишины после таких глубоких потрясений от искушений и наслаждался одиночеством, благодаря Бога за избавление. Вскоре здесь застал его снег, а избушка оказалась такой уютной и теплой, что о лучшем Павел и мечтать не мог. Но грех не так скоро и охотно отступает от души, и ему надо было еще противостоять твердой верой христианина.

Возвращаясь как-то с работы в свою избушку, его с рабочими на дороге догнала Мария и объявила о своем желании посмотреть, как он устроился. Отпустив лошадь с санями, она зашла в избушку. Павел со своим помощником приготовили обед и угостили начальницу.

Обед прошел в оживленной беседе, и опять Мария осыпала его своей болтовней с бесконечными приключениями. От начальницы Павел уловил запах водочного перегара и был очень рад, что в избушке с ним был и его помощник. Однако, Павел просчитался, надеясь иметь защиту в его лице. Начальница дала ему задание и бесцеремонно выпроводила в поселок. Оставшись наедине, она приготовившись прилечь на кровать, обратилась к Владыкину:

- Ну, как?.. Помоги мне снять сапоги-то!

Павел удивился не столько нескромному поведению этой распущенной женщины, сколько настойчивости дьявола и был рад тому, что Бог, через молитву, укрепил его.

Не глядя на нее, он решительно заявил:

- Мария Ивановна, вот этого я, при любом насилии надо мною, вам сделать не могу, и не потому, что ваша внешность отталкивает меня, нет, вы достаточно привлекательны для того, чтобы мужчина посчитал за удовольствие, поухаживать за вами. А я не только мужчина, но и, прежде всего, христианин и считаю эту область для себя запретной. На ваш вопрос: "Ну, как?" - отвечу вам, что в ришелье и кружевном покрывале совершенно не имею нужды, очень рад мешочному покрывалу и такой же занавеске. По части моего поведения и, особенно, по отношению к вам, лучшим быть не смогу, да и вас я этим не унижаю.

- Ах, вот что!.. Посмотрим! - с гордостью воскликнула она и, поднявшись, вышла, громко хлопнув дверью.

Через несколько минут Павлу послышалось, что за дверями что-то зашуршало и сразу же смолкло. Он подумал, что это его помощник и, облегченно вздохнув, лег отдыхать.

Помощник, однако, пришел не ранее, как через полчаса и, войдя, сразу сообщил:

- Ну, ты проводил ее, видно, не с тем, зачем она пришла к тебе, и молодец ты. Ведь ты знаешь, Павел, этим решалась твоя судьба: за вами с чердака и у дома была слежка, и если бы ты соблазнился, то дорого заплатил бы за это. Смотри, будь осторожен с ней, многие за нее поплатились.

Павел объяснил ему, как все было, а в заключение добавил:

- Вот посмотри, как сладок грех, но как дорога цена расплаты за него.

Вечером Павлова помощника вызвали в поселок, а, придя через полчаса, он с печалью заявил:

- Ты понимаешь, эта негодяйка вызвала меня и объявила, чтобы мы оба, немедленно, переселились в поселок, в барак со всеми заключенными. Это она тебе мстит.

Павел, сейчас же одевшись, пошел на селектор и, связавшись с управлением, сообщил о ее распоряжении, прося защиты у высшей администрации.

Начальник отдела попросил к трубке командира охраны лагеря и что-то ему сказал.

- Владыкин, успокойся, иди. Никто тебя не тронет, а начальницу вашу я саму переселю, так как она, будучи заключенной, незаконно поселилась в доме вольнонаемных, - успокоил Павла командир.

Когда тревога миновала, Павел, в молитве, благодарил Бога за Его помощь, что в течение этого года он столько перенес угроз и от всех их, избавил его Господь.

Почти две недели Владыкин с помощником отдыхали спокойно от всяких злоключений, но дьявол не успокоился.

В один из солнечных дней, перед обедом, к Владыкину зашла пожилая женщина из заключенных, дневальная начальницы и сообщила ему:

- Меня Мария Ивановна послала к вам, чтобы вы захватили какую-то книгу для чтения и принесли ей сами. Она лежит в постели больная, а меня вот послала в деревню купить овощей.

Сердце Павла опять заныло в предчувствии предстоящей борьбы. Он обратился к Господу с просьбой:

- Бог мой, грех опять гонится за мной. Почему он не отступает? Ведь в Слове Твоем написано: "Противостаньте ему твердою верою и он убежит от вас". Я не могу сказать, что в этом вопросе не имею твердой веры. Но почему грех не бежит от меня, а, наоборот, преследует меня?

Укажи мне, в чем причина? Ведь не может быть, чтобы Слово Твое было неверно. Дай мне силы противостоять твердой верой...

Еще, когда он молился, Дух Святой обратил его внимание на слово "противостать". Противостать - это значит, прежде всего, абсолютное отсутствие всего, что может быть общего с объектом греха, никакого повода, никакого соприкосновения. Лишить противника всякой надежды, всяких видов на общность в грехе.

Рассуждая таким образом, его взгляд остановился на той книге, которую просила начальница и какую они читали с ней одновременно. Это было произведение В. Гюго: "Собор парижской богоматери".

Жаром обдало лицо Павла при мысли, что именно это было поводом к преследованию. Чтение у него оборвалось на самом интересном месте, однако, тут же, в молитве, он вынес решение: немедленно, не дочитав ее, отдать библиотекарю.

Дневальной Владыкин ответил, что заходить к начальнице он не будет, а книгу пусть возьмет у библиотекаря.

Марию Ивановну несколько дней назад принудили переселиться в барак к заключенным, в специально отведенную для нее секцию. Это, в известной мере, смирило ее и ограничило в некоторых вольностях, но пыл ее не умерило.

Немедленно Владыкин попросил своего паренька отнести книгу культоргу, предупредив, что ей заинтересована начальница и, оставшись наедине, сейчас же встал на колени. В молитве к Господу он просил прощения за то, что подавал такой, казалось бы, невинный повод блуднице, что не строго наблюдал за путями своими, а имел, хотя и далекий, контакт с ней через книгу. Да и вообще, осудил себя за увлечение книгой, под предлогом, извлечь из нее много полезного. Он понял, что та школа, в которую поместил его Господь, несравненно выше той, что давал В. Гюго; даже раскаялся в том, что, давая какое-то предпочтение писателю-человеку, унижал этим своего Великого Учителя.

С молитвы он встал совершенно успокоенным и уверенным в Господе, хотя и высказал Богу, что начальница будет мстить ему и может быть, не меньше, чем жена Потифара (Быт.39:7-18).

Через несколько дней он, встретившись с ней около поселка, поздоровался, как полагается, но она, глянув на него злыми глазами, бросила на ходу:

- Что, богомол, отъелся, умником стал? От моих рук не уйдешь. Забыл, что я тебя поселила в особняке? Теперь я тебе так подстрою, что через неделю ты у меня будешь тонкий, звонкий и прозрачный. Сгною! Посмотрю, как тебе поможет твой Иисус!

Павел, выслушав все это, действительно приготовился к расправе над собой, но Бог был с ним.

Через несколько дней, в экстренном порядке, начальницу увезли со всеми ее пожитками, неизвестно куда, и Павел больше ничего о ней не слыхал.

С тех пор, как Павел получил удостоверение и право свободного передвижения по дистанции, он не переставал думать о том, как ему посетить брата Архипа с Марией, но ни времени, ни возможности к этому не представлялось. Теперь же он почувствовал, что путь к посещению Лагар-Аула открыт, и он без промедления направился туда. Надо было пройти около 30 километров мимо тех мест, с которыми были связаны жгучие переживания.

Прежде всего, прошел он то место, где встретился с Магдой и откуда его вызвали впервые на штабную, где он с Ермаком приобретал свои технические навыки.

Также мимо 35-й фаланги, откуда его, впервые, охранник с винтовкой конвоировал на штрафную, к Кутасевичу. Уже к вечеру он, не без трепета, подошел к тому переезду, где открывался вид на Лагар-Аул. Не раз он останавливался на памятных местах; как Авраам по пути ставил жертвенники, так и Павел Владыкин отмечал свои этапы благодарственной молитвой Богу. Ему почему-то казалось, что эти места он проходит в последний раз.

Подходя к будке на переезде, он приготовился, как год назад, идя под конвоем, встретить здесь деда Архипа. Но на сей раз его не оказалось, и он, с тревогой в душе, среди заметенных снегом избенок, глазами стал разыскивать свою, заветную.

Живы ли? Сохранился ли тот огонек радости, какой зажег Господь (год назад) в этих сердцах старичков?

Как-то ссутулившись, словно из-под нахлобученной шапки неровно наметенного снега на крыше, бесцветно, по-стариковски, выглядывала на дорогу избушка заиндевевшими, наполовину занесенными окошками. Павел медленно и как-то неуверенно подходил к калитке. Неожиданно, у самой избы, из-за сугроба,

он увидел бабушку Марию, такую же ссутулившуюся, как сама хижина, с деревянной лопатой в руках (видно, вышла она откидать снег от окон).

Сердце Павла, увидев вокруг такую запущенность, съежилось от мысли: "Наверное, деда Архипа нет", - и он, легонько взяв бабушку за рукав мужицкого пиджака, взволнованно сказал:

- Приветствую, бабушка Мария!

- Ох, да кто же это такой? - рассматривая его из-под руки, удивилась бабушка. - Павлуша! Да никак ты? Желанный ты, родненький ты наш, похоронили ведь мы уж тебя, родимец. Да откуда это тебя Бог послал? Дай, я хоть обниму тебя да поцелую, - выпустив лопату из рук под ноги, потянулась она, с причитаниями, к Павлу.

Как только первый приступ слез и причитаний затих, Павел спросил:

- Дедушки-то дома нет, что ли? Архипа-то?

- Нет, касатик. Извелась вот вся от горя-то, да от слез. Уж больше месяцу, как уехал на свою родину: да ни слуху ни духу. Да что же мы на улице-то? Чай, в хату пойдем, - с трудом толкнула она заметенную калитку.

- Бабушка, ты иди, самовар ставь, а я покидаю тут снежку, ведь к вам ни пройти и ни подъехать, а скоро совсем заметет, - уговаривал ее Павел, поддерживая за руку.

- То-то и оно, касатик, вот уж я и вышла, да какой из меня работник, от ветра шатает. Эх! - махнула рукой, заходя в избу. Павел, скинув телогрейку, со всем усердием стал расчищать снег вокруг избы и во дворе и, окончив, встал у ворот, вытирая пот. Вся куртка на нем была мокрая.

- Павлуша, да, дитятко, ты мое! Да ты что это понаделал? Всей артелью не одолеешь того, что ты переворочал. Пойдем, самовар уж вскипел - на стол поставишь его, мне не под силу, - теребила его бабушка Мария за промокший рукав куртки.

Войдя в избу, они долго и усердно молились, стоя на коленях, обливаясь слезами радости и горя.

- Бабушка, а что это лампадка-то опять горит под образами? Неужели опять стала молиться им? - спросил ее Владыкин, указывая на образа.

- Эх, касатик, как Архипа-то проводила, тоска заела, да ужи не соображу чего делать-то, - ответила она Павлу.

До позднего вечера они просидели в беседе, рассказывая друг другу о пережитом.

Из слов бабушки Марии он узнал, что Архип, с мешком за спиной, обошел много лагерей, расположенных близ дороги, и везде разыскивал Павла, чтобы повидать его и передать гостинцы, но о 16-й фаланге ему никто не сказал, а она была в нескольких километрах от дороги. Многим он, разыскивая Павла, рассказывал, как Господь переделал их жизнь и дал увидеть небесный свет и небесную радость. Многим, по-своему, говорил о Христе и прощении грехов. Не найдя Владыкина, решил поехать на далекую родину и там рассказать родным и близким о Христе.

Павел успокоил бабушку, рассказав ей, что это очень далеко: в один конец и то больше двух недель уйдет. Потом вместе нашли адрес и написали письмо родным, чтоб они поторопили деда и, наконец, прочитав утешение из Евангелия, легли спать.

Утром, когда Павел проснулся, на улице было уже светло. Бабушка Мария, успокоенная, ходила по избе в новом сарафане, не осмеливаясь, преждевременно, разбудить своего дорогого гостя. Стол был накрыт по-праздничному. В углу вместо лампады торчало только закопченное кольцо, образа были завешены холстиной.

Умывшись, Павел с бабушкой вдвоем, с радостным сердцем, праздновали третий день Рождества Христова, вспоминая о прошедшем.

После обеда, со слезами радости, успокоенная бабушка Мария проводила Павла до дороги и долго стояла, глядя на него, пока он не скрылся за будкой.

Через несколько лет Владыкин узнал, что дед Архип разыскал на родине общину, которая помогла ему переехать вместе с бабушкой с Дальнего Востока. Там они оба приняли крещение, а через год после того, почти в один день, отошли в вечность. Хоронили их вместе в одной могиле, многие из присутствующих, с удивлением глядя на них, восклицали: "Как молодые!"

Глава 9.
Круговорот.

Павел возвращался домой неохотно и с каким-то, непонятным ему, тревожным чувством. К избушке подходил уже ночью и немало стоило усердия, чтобы достучаться до своего помощника, который крепко спал на русской печи.

- Селекторограмма вон на столе тебе лежит, сегодня вечером передали, - заспанным голосом проговорил парень и тут же, пока Павел разделся и сел за стол, уже беззаботно захрапел.

На четвертушке листка было написано: "Владыкину П. П. немедленно по получении настоящей, с рабочими чертежами и текущей документацией явиться в управление. Кроме того, сняться с личного учета и довольствия, взять свои вещи, остальное оставить сторожу.

Облучье. ТГО. Мацкий".

Сердце как-то сжалось в предчувствии новой, очередной скорби, новых мытарств. С грустью он осмотрел свою избушку и беззаботно спящего паренька, так жалко ему было оставлять тишину и уют, в которых он прожил последние месяцы.

Не для покоя в мире этом
Христова Церковь избрана,
Ей Богом и Святым заветом
Здесь только битва суждена...

- пробежали в его памяти слова гимна, когда он опустился для молитвы на колени. Молился Павел долго, пока не выплакал душу. Затем лег на постель и крепко заснул спокойным сном.

Утром собрался он очень скоро, отцовский чемодан вмещал все его пожитки. Бесчувственно, по казенному, провожали его с фаланги заключенные товарищи, хотя с некоторыми из них было много общих переживаний. Каждый из них не знал завтрашнего дня, и любого также могли перебросить в другие условия, о которых он ничего не знал. Его не спросят, желает он этого или не желает, не скажут и причины, а если что-либо ответят на вопрос взволнованной души, то в лучшем случае, это будет ядом коварного обмана, в худшем - злобной репликой. Жить же надо в любых условиях и, часто, отчаянно бороться за жизнь.

К обеду Павел вышел с чемоданом в руке на полотно дороги и, оглянувшись на поселок, попрощался тихо про себя, вторично оставляя его.

Город и управление встретили Владыкина, как ему показалось, совершенно безучастно. Прежних сотрудников в отделе почти никого не было. Сережа освободился из заключения, оставив ему в маленькой записочке свои самые сердечные признания в расположении и наилучшие пожелания в судьбе. В отделе холодно приняли от него документацию и сообщили, чтобы он опять явился в распоряжение 3-го отдела. Поэтому, попрощавшись с одним из близких и сочувствующих ему товарищей, Павел вышел.

На крыльце он встретил очень знакомого человека, одетого с ног до головы во все хромовое. Это был еврей, с которым он когда-то в одном вагоне прибыл из России сюда, на Дальний Восток. Глаза его, налитые кровью, как-то растерянно глядели на Павла, между тем, он с радостью, торопливо подошел к нему и выпалил залпом:

- Владыкин, Павел! Как я рад видеть тебя. Я часто думал о тебе с тех пор, как нас разлучили, но нигде не встречал, а я вот уже еду домой, рассчитался.

- Я тоже рад увидеть старого знакомого и, особенно, слышать, что вы уже освободились, - ответил ему Павел, - но как вам так быстро это удалось, и почему глаза у вас такие странные?

- Это пройдет, - махнув рукой, ответил ему еврей, - да, ведь я попал в оперотдел и вот вылавливал по тайге воришек-беглецов, таких негодяев, какие нас мучили в вагоне.

- Ну и что? - спросил Владыкин.

- Ну и вот, за каждого живого или мертвого, кого я доставлял из побега, я получал денежные вознаграждения, большие зачеты к своему сроку. Даже наградили вот этим хромовым костюмом. А пострелял-то я их много, вот и еду домой.

Владыкину так страшно было смотреть на этого человека, с глазами налитыми кровью, что он, даже не пожав ему руку, отпрянул от него.

- Дорогой мой, - ответил ему Павел, - из глаз-то кровь, может, и уйдет, но людская - всю жизнь будет преследовать тебя, особенно кровь тех, кого ты застрелил безвинно, будет вечно терзать твою душу.

- А, брось ты мне свои жалости, - махнув рукой, ответил ему еврей, - это не люди, это мразь, их давить надо на каждом шагу...

Владыкин не мог дальше с ним разговаривать и, расставаясь, покачал вслед ему головой и подумал; "О, какая это ужасная личность, это же ходячая смерть в хромовом костюме".

Придя в 3-ий отдел, он заявил о себе, как ему было приказано и, буквально, через 10-15 минут оказался в руках у конвоира, а поскольку день кончился, Владыкина распорядились до утра отправить в центральную тюрьму.

Почти год назад он был в этом ужасном месте и, как вспомнил о клоповнике, то дрожь пробежала по его телу: "Неужели опять бросят туда?" Но на сей раз опасения оказались напрасными. Завели его в небольшую камеру, где трое арестантов уже спали. Павел был крайне утомлен от тягостных переживаний и от сознания, что прошлую ночь он сладко спал в своей чудесной избушке, а в эту ночь, не имея за собой никакой вины, должен ложиться на тюремном накатнике из жердей.

- О, Иисус мой! - со вздохом промолвил он и, не желая ни с кем вступать в разговор, помолившись, уснул.

Утром в 3-м отделе, после 2-х часового ожидания, один из начальников, с пакетом в руке, вывел его во двор.

Из-за сопки по безоблачному небу торжественно поднималось сияющее солнце и заливало своим блеском всю долину.

Под ногами искрился, вспышенный ночным морозцем снег, на карнизах окон щебетали, обласканные солнцем, воробушки. Сизая дымка от мастерских и депо недвижимым облаком повисла над поселком внизу долины.

На душе Павла рассеивалась грусть.

- Ну, Владыкин, - взяв его за плечо, обратился к нему начальник спецчасти, - почему сняли мы тебя с работы, сам знаешь, от нас не зависит. Сейчас мы направляем тебя на Кожевничиху. Она считается у нас вся штрафная, из 3-х фаланг там, найдешь себе подходящую. Отправляем мы тебя одного, без конвоя, так как знаем тебя и верим тебе. Вот в этом конверте все документы на тебя. Он запечатан сургучом, таким ты отдашь его по назначению. Дорогу я тебе покажу, вон видишь: от железнодорожного моста пошла она под сопками. Она одна, по ней ты километров через 12-15 дойдешь до центральной фаланги, а там тебя устроят.

Так, вручив пакет, проводили Владыкина на одну из штрафных фаланг. Когда он вышел на указанную дорогу, то улыбнулся от мысли, посетившей его: "Мой Господь Сам на Себе нес крест, на котором Ему надлежало быть распятым, а мне вручили пакет, в котором находятся все документы и предписания о моих предстоящих мытарствах".

Так, размышляя о Господе, он шел по дороге и не заметил, как город остался позади.

Дорога повернула влево и круто пошла на высокую горную террасу. Павел, не останавливаясь, через час-полтора поднялся наверх и, усевшись на большой пень, осмотрел пройденный путь.

С воспоминаниями о недавно пережитом, уныние холодной змеей заползало в душу Павла. Вереницей потянулись, чередуясь, образы и обстоятельства; ужасы этапного вагона и трудности, лишения на 1-й фаланге, радость избавления, встреча с Ермаком, милые лица деда Архипа с Марией, кошмары ада Кутасевича, проводы Зинаиды Алексеевны в небесную отчизну, леденящие душу, страхи по штрафным фалангам и тюрьмам, покровительство Ермака, отдых, опять 1-я фаланга и опять мучения, опять скитания.

Затем мысли переменились и вернулись к золотому детству, к бабушке Катерине с Починками, к дорогой, родной Н-ской общине. Учеба, соблазны, покаяние и... Тут юное сердце Павла нестерпимо сжалось в болезненный комок и из глаз неудержимо полились слезы. Он поднялся и, торопливо шагая по дороге, стал искать место, где можно было бы помолиться.

Наконец, ему понравилось невдалеке от дороги, вывороченное бурей дерево, корни которого беспомощно торчали вверх, наполовину занесенные снегом. Павел, не считаясь с глубоким снегом, добрался до него и, к удивлению, в затишье нашел, как будто специально приготовленную кем-то, подстилку из соломы. Владыкин упал на колени, и из души его вырвался молитвенный вопль:

- Боже мой, Боже мой! Ведь мне только 22 года, прошли лучшие годы детства и утро юности, позади остался путь жгучих страданий, а что впереди? Хотя я много получил и благословенной радости от Тебя, от многих ужасов Ты избавил меня, но предстоящие муки страшат меня, и если Ты не ободришь меня, я не пойду.

Рассей мрак моих скорбей, ведь я за Твою истину несу эти лишения и хочу их нести торжественно, с радостью. Помоги мне!

Так, одиноко, вдали от близких и родных, без сочувствия и привета, боролась юная душа за жизнь вечную с вечной смертью.

За коряжиной послышался людской кашель и топот. Владыкин выглянул, не выдавая себя, и увидел толпу в 40-50 человек, идущую по дороге. Конвойная охрана шла спереди и сзади, поэтому не трудно было догадаться, что этап шел на Кожевничиху. Зрелище было потрясающее: впереди, браво выступая, шло несколько рядов молодчиков, одетых в телогрейки, обшитые всякими модными опушками, в меховых шапках, в валенках с залихватскими отворотами. Развязная брань, оживленная их речь и беспорядочная толкотня между собой, говорили о том, что для них этот этап был увеселительной прогулкой и что печаль, вообще, им чужда. Небольшие их пожитки несли другие, по лагерному "шестерки" и старались также во всем подражать своим главарям. Позади этой шумной ватаги брели, составляющие полный контраст с молодчиками, остальные. Одетые в лохмотья и в кордах на ногах, сгорбленные под тяжестью огромных нош, еле брели, с удрученным видом, те, кого здесь называют "работяги" и "доходяги". Истощенные, обессиленные они еле влачили ноги, наспех обернутые клочьями дырявых портянок, спотыкаясь и не оборачиваясь на злобные окрики конвоя, засунув окоченелые руки в тесные рукава изодранных и прогоревших бушлатов. Многие, спотыкаясь, теряли равновесие и падали в придорожные сугробы. Из-за них весь этап то и дело останавливался, от чего нескончаемая, громкая брань слышалась далеко в морозном воздухе.

Один из них, был особенно изнемогший, его фигура представляла какую-то бесформенную массу лохмотьев с головы до ног. На все окрики и понукания он был совершенно глух. Потеряв, видно, терпение, молодчик из передних рядов быстро подошел к нему и с яростной бранью сильно ударил его ногой в зад. "Доходяга", как мешок, повалился на дорогу, не успев вытащить рук из рукавов бушлата и, лежа на снегу, беззвучно заплакал, не пытаясь даже подняться. Никто не проронил ни единого слова сострадания или защиты.

Подошедшая подвода подобрала несчастного, а возчик накинул ворох сена на полуобнаженные икры его ног.

Владыкин, наблюдая за медленно удаляющимся этапом, со вздохом произнес:

- Боже мой! Сколько есть несчастных, страдающих, гораздо больше меня, бесцельно, беспомощно. Ведь я много счастливее их!

Ободрившись этой мыслью, он вновь упал на колени и уже сердечно, горячо благодарил Бога за все Его милости к нему.

После молитвы он поторопился выйти на дорогу и быстро зашагал по ней, чтобы согреться.

В поселок он пришел в то время, когда рабочие, возвращаясь из тайги, расходились по баракам.

Едва поравнявшись с конторой, Павел, к своему удивлению, встретился с тем самым прорабом-земляком, который когда-то на 1-й фаланге взял его на строительство моста:

- Ты откуда появился сюда и зачем? - спросил его Петров. Павел, несколько смутившись от властного тона, ответил ему:

- Здравствуйте! - и вытащив из-за пазухи пакет, спросил: - Гражданин начальник, а кому я должен отдать этот пакет?

Петров, взяв пакет, немедленно распечатал его и, бегло прочитав предписание, строго ответил Павлу:

- Здравствуйте-то, здравствуйте, да за что же ты, дурная голова, попал сюда на штрафную? Я тебе сколько раз говорил: брось ты свою непутевую веру, заведет тебя твой Бог туда, откуда и свету белого не увидишь. Такой молодой, жил бы да жил себе с мамкой, учился бы, да в люди вышел. Начальником-то тут я, да ты-то зачем мне тут нужен? Ведь ты же знаешь, каких людей посылают сюда и за что?

- Уважаемый гражданин начальник, - сказал Павел, - если уж вы, образованный, не оставляете своих убеждений, которые привели вас сюда осваивать Восток, и которые не дают вам ничего утешительного ни теперь, ни в будущем, тем паче, как мне бросать свою веру, которая выводит меня из тех мест, куда посылают меня злые люди; веру, которая вселяет в меня радость и здесь, которую исповедывали тысячелетиями самые лучшие, самые великие и честные люди.

- Ну, ладно, Владыкин, - сказал ему Петров, - я хоть и ругаю тебя, но ты не обращай внимания на это, тут и свой человек в собаку превратится, а не то, что мы, грешные. Тебя я полюбил еще на первой, только жалко мне

твоей молодости. Так и кажется, что затопчут здесь тебя в грязь, но я вижу, что есть в тебе, действительно, какая-то сила. Что ж, не унывай и дальше, пока здесь - в обиду тебя не дам. А сейчас, иди вон в тот барак, - указал он на дом мастеров, - и скажи там дневальному, чтоб он тебя на полный учет взял, и что ты в моем распоряжении. Понял? Иди, отдыхай, пока позову, - распорядился Петров и зашел в контору.

В бараке было очень тепло, чему юноша обрадовался, так как сильно промерз от усилившегося мороза.

На объяснения Павла дневальный ответил:

- Что ж, хорошо. Здесь у нас спокойно. Живет само начальство. Выбирай себе любую койку из свободных, постель возьмешь в каптерке. Харчи я из кухни приношу три раза в день. Хлеб вон, на столе, бери и кушай, сколько хочешь. Деньги есть - в ларьке покупай, чего душа желает.

Павел покушал и уснул крепким сном. Проснулся утром после того, как все ушли на работу. Его никто не вызывал.

Вечером он увидел на ходу Петрова, и тот на вопрос Павла о работе, махнув рукой, сказал:

- Отдыхай!

На следующий день Владыкин встал рано и сам пришел на развод к конюшне, но и там Петров, увидев его, сказал:

- Сейчас мне некогда. Отдыхай!

На третий день юноша не вытерпел и, подойдя к начальнику, заявил:

- Иван Васильевич! Я больше без дела не могу. Вы не сердитесь и не ругайте меня, но я христианин и зря кушать хлеб не могу. Дайте мне любую работу.

Петров сплюнул с досады и велел подойти к нему после обеда.

На сей раз, увидев Владыкина, посадил его рядом с собою в легкие сани и повез на плотбище .

По дороге он рассказал ему, что в обязанности Павла входит: пересчитать весь свезенный лесоматериал по сортам и диаметру, а затем дать отчет о запасе, имеющегося здесь леса.

Владыкин с большой радостью и усердием принялся за эту работу, ежедневно выходя со всеми вместе на объект. По истечении недели он представил Петрову аккуратный отчет о всем наличии леса по сортам и размерам, так что начальник пришел в изумление от его успеха и аккуратности. После этого его поставили специальным наблюдателем за исправностью профиля ледяной дороги, по которой вывозился лесоматериал с горного плотбища. Здесь Павлу пришлось увидеть, невиданные доселе, ужасы.

Финские сани нагружались по 8-12 кубометров круглого леса. Здоровые, породистые лошади-битюги, сдерживая такие огромные возы, спускали их сверху по зеркальной ледяной дороге к центральному складу на станцию. Во избежание неудачного спуска, между возами должна быть выдержана дистанция не менее одного километра. Но безответственный, бесшабашный характер возчиков, из заключенных, часто приводил к страшным катастрофам. Свидетелем одной из них оказался Павел.

Однажды, едва только проводили 12-ти кубовый воз, вслед за ним, не дальше чем через 200 метров, пустили второй, несколько меньший объемом. Возчик, гордясь каким-то воображаемым опытом, не потрудился с самого начала тормозить и очень скоро заметил, что он неудержимо нагонял предыдущий воз. Бедное животное, предчувствуя беду, изо всех сил упираясь подковами в лед, старалось сдерживать сани. Но, увы, сила инерции была так велика, что лошадь сорвалась и побежала, гонимая возом. Возчик совершенно растерялся и, истерично крича, бросал под сани ветки, бушлат. Специальные дежурные, услышав крики, сыпали на дорогу заранее приготовленный песок, но все было бесполезно.

Несчастное животное, увидев, невдалеке от себя впереди идущий воз, на бегу пыталось выпрыгнуть из колеи, но безжалостные оглобли и высокие ледяные борта дороги неотвратимо, с нарастающей быстротой, влекли его к гибели. Через несколько секунд задний воз с большой скоростью нагнал впереди идущий и наехал на него. Раздался ужасный треск от столкнувшихся бревен, по воздуху разлетелись брызги крови и куски мяса погибшего животного.

Этот случай так потряс Павла, что он больше не мог работать на этом месте, и Петров перевел его на ночную работу по благоустройству дороги. Здесь он успокоился, имея возможность, и в ночные часы бывать наедине с Богом.

Апрельское солнце вступало в свои права. В низине, на дороге появились лужи, на припеках - проталины. Работа вскоре остановилась, и начальник заявил Павлу:

- Владыкин, сколько было в моих возможностях, я оберегал и устраивал твою жизнь. Теперь настало время расстаться. Людей я всех отправил, скоро

уезжаю и сам. Последнее, что я могу тебе сделать доброго - это на месяц направить тебя на станцию. Там будешь жить и проводить общую инвентаризацию. Расставаясь, скажу тебе по секрету: я все время наблюдал за тобой, со стороны. Мне казалось, что ты просто играешь роль богомольца, но теперь убедился, что у тебя, действительно, есть Бог, но твой Бог для меня загадочный. Глядя на тебя, я пока что понял очень немногое, а именно: понял смысл слова "безбожник"; что и сам, и окружающие меня - безбожники. И это, немногое, заставляет меня задуматься о многом и пересмотреть свою жизнь. Еще я понял, что молчаливая жизнь настоящего богомольца может быть сильнее самой громкой, красноречивой проповеди.

Прощай, прокладывай свою дорогу дальше, по ней пойдут другие, но... не сдавайся!

Когда они расстались, Павел, шагая на новое место, был глубоко погружен в воспоминания о пережитом. Как тоскливо было у него на душе, когда он шел сюда, в Кожевничиху, как он тогда приуныл. Как ему не хотелось идти в эту неведомую пропасть!

Вспомнился и этап оборванцев, и гибель лошадей на ледянке, и признание начальника Петрова.

- Боже мой, как я виноват и близорук - забыл наказ деда Никанора: "Спасай обреченных на смерть". Побоялся этой пропасти, а ведь именно здесь, укрыл меня Господь и преподал дорогие уроки. Ведь Петров - это тот же конь, который сорвался на свою погибель, и как счастлив я, что Ты помог мне удержать его, остановить его на безбожном пути. Не знаю кто, где и когда приведет его к тихой пристани Твоих повелений? Ты знаешь это.

Так Павел шел вперед по растаявшей ледянке, рассуждая о путях Божьих.

На новом месте он прожил ровно месяц. За это время он опять сообщил о себе, оставшимся немногим сотрудникам в управление, и к концу марта 1937 года, получив наряд-запрос, вновь собрался в Облучье.

За неимением подходящего пассажирского поезда, Владыкин решил присоединиться к людям на тормозной площадке товарного вагона, уверенный, что никто не имеет права снять его отсюда. Вместе с ним ехал парень-заключенный и двое вольных: муж с женою.

Сердцем Владыкина овладело какое-то веселье, первое время он предался ему, но потом задумался и заключил про себя, что это веселье какое-то ненормальное. В глубине души он имел тихое побуждение к молитве, но с этим голосом, почему-то Павел не посчитался. Через некоторое время поезд тихо подъехал к станции.

На ходу поезда к ним вспрыгнули двое мужчин и, представившись - один инспектором, другой - оперуполномоченным, стали обвинять всех пассажиров за незаконный проезд на тормозной площадке.

Когда очередь дошла до Владыкина, тот с уверенностью ответил инспектору:

- Что ж, я строю эту дорогу почти бесплатно, да еще и не имею право ездить по ней? Какая же тут справедливость? Инспектор ответил ему:

- Если бы вы ехали на пассажирском поезде, ваше право могло бы обсуждаться, а поскольку вы на товарном, то вы виновны. Строите вы эту дорогу или нет, пусть разберется ваше начальство, а пока сойдем и пройдемте в участок.

Павел почувствовал, что ответил инспектору с оттенком гордости, и этим впал в искушение. Сердце его как-то дрогнуло и замерло. Казалось, что опасность незначительна, но уверенность его поколебалась.

У дверей оперпункта, вольных инспектор увел с собой, а Владыкина с другим парнем завели в помещение и заперли на замок.

Через несколько минут их стали опрашивать, затем обыскали и, когда при обыске Павла, Евангелие оказалось в руках оперуполномоченного, в голове у него как-то помутилось.

- А это что за молитвенник? Да еще и пятно крови на страницах? - проговорил обыскивающий, указав на пятно раздавленного клопа. - Ладно, разберемся!

Владыкин понял, что значит, разберемся, и глядя на Евангелие, подумал: "Все, пропало".

Второго парня, обыскав и не найдя при нем ничего, отпустили на свою фалангу, а Павлу объявили, что завтра утром передадут в 3-ю часть.

Голодный и внутренне совершенно разбитый, он провел ночь почти без сна. С утра и до самого обеда просидел Павел под охраной в ожидании допроса, мучимый голодом и томлением. Он попросил у Господа

прощение, что вместо надежды на Него, понадеялся на совершенно пустое, и этим впал в искушение. Никогда он не чувствовал себя таким удрученным и беспомощным, и в молитве вопиял только о прощении.

После обеда его завели в кабинет начальника 3-го отдела Ходько, который очень любезно усадил его на стул рядом со своим столом и, внимательно осмотрев молодого человека, спросил:

- Так это ваша фамилия - Владыкин? А я почему-то представлял вас более зрелым, судя по материалам вашего личного дела. Ну, это не так важно. Я бы хотел с вами побеседовать о ваших убеждениях, причем, откровенно и непринужденно. Что вы на это скажете?

- Я охотно готов дать отчет о своем уповании любому, тем более, вам, - ответил ему Павел.

- Первое, о чем я вас хочу спросить: кто и при каких обстоятельствах убедил вас или внушил, а, может быть, принудил принять веру в Бога?

- Никто меня не убедил, не внушил и, тем более, не принудил к тому, о чем вы говорите, - ответил ему Владыкин.

- Ну как же так? Вы же верите в Бога?

- Да, теперь уже, пожалуй, не просто верю, - ответил ему Павел, - а живу моим Господом. Меня несколько удивляет ваш вопрос, почему меня кто-то должен обязательно принудить или внушить. Вы разве не знаете ничего о других видах взаимоотношений между разумными людьми, более свободных, чем вы назвали? И попутно спрошу, кто вас принудил первый раз в жизни взять в рот материнскую грудь?

- Хм, мне кажется это не относится к теме нашего разговора, - ответил Ходько, - но я отвечу вам: ведь я же плоть от плоти ее, девять месяцев мы с ней жили общей жизнью, потому, заложенные во мне инстинкты, и принудили меня взять материнскую грудь.

- Вот так, как нас с вами впервые потянуло к материнскому молоку, потому что в нем жизнь для нашего тела, так всякого здравомыслящего человека, появившегося в мир, будет влечь к Богу, так как Бог есть жизнь, и только в Нем сокрыты все источники жизни материальной и духовной.

Я искал Бога для того, чтобы жить и нашел Его, и живу Им. А средство, каким я нашел Его - это Библия.

Отвечу вам, как я искал Бога: я искал правду в жизни, чистую бескорыстную любовь. Искал, наконец, в чем заключается смысл жизни человеческой. В людях я этого не нашел и в людских идеалах не нашел.

Библия указала мне на Христа, Богочеловека, в Нем я нашел то, что искала моя душа.

- Так что же, человек неверующий в Бога, не живой, что ли? - спросил Ходько.

- Так говорит Слово Божие, так оно и есть: "В Нем (в Христе) была жизнь, и жизнь была свет человеков" (Иоан.1:4), и еще: "Имеющий Сына (Божия) имеет жизнь; не имеющий Сына Бо-жия не имеет жизни" (1Иоан.5:12). То, что вы имеете в виду, это не жизнь, а существование в теле.

Человеком вне Бога руководят следующие инстинкты: прелюбодеяние, блуд, нечистота, непотребство, идолослужение, волшебство, вражда, ссоры, зависть, гнев, распри, разногласия, ереси, ненависть, убийство, пьянство, бесчинство. Вот все эти дела - нежизненны, человек, в ком это есть, духовно мертв. Эти его дела никому из разумных, честных людей не нужны, они даже и государству никакому не нужны.

А вот вам, другой человек, в котором есть любовь, радость, мир, долготерпение, благость, милосердие, вера, кротость, воздержание. Такой человек всем нужен, потому что поступки его жизненны. Но таким может быть только тот, кто знает Бога и имеет Его в себе.

Так, час за часом, они сидели за оживленной беседой, пока за окном стемнело, а отдел опустел.

- Конечно, Владыкин, это верно, что люди честные, воздержанные, миролюбивые и т. д. всем нужны, - ответил Ходько, продолжая беседу, - но они могут быть и неверующими, и так именно, мы воспитываем и будем воспитывать. И для этого у нас прилагаются колоссальные усилия и средства, чтобы воспитать полноценного хорошего человека: здесь и образование, литература, кино, театры и т. д. Ну, а уж насчет веры в Бога - это же фанатизм, пережитки прошлого, с этим надо порывать, тем более такому молодому, грамотному, как ты. Не занимался бы ты этим, сюда бы не попал, ведь ты очень ценный и нужный нам человек. Ты, конечно, не пойми меня превратно, тебя посадили не за веру в Бога, а за то, что ты против наших культурных мероприятий идешь, ты же не посещаешь кино, театры и прочие подобные места, а это для нашей молодежи вредно, аморально. Ты же был видным и передовым юношей.

- Вы знаете, - начал Владыкин, - мне просто неудобно слышать от вас, старого образованного большевика, что вы в беседе с верующим человеком апеллируете избитыми аргументами, которыми пользуются по селам

полуграмотные парни. Вам-то уж, надо логичнее рассуждать, и у вас к этому, казалось бы, есть все возможности. Но, коли вы уж это затронули, я обязан вам ответить.

Вот будем говорить о преступниках: ворах, бандитах, грабителях, куда вы меня поместили. Уж их-то я знаю больше вас, потому что вы только следствие ведете, а я с ними одну баланду хлебаю, сплю с ними на одних нарах. День и ночь они читают романы и пересказывают их друг другу, немало из них грамотных людей. Как только в клуб привезли ящик с кинопленками, они первые с гиканьем бегут занимать места.

Теперь укажите мне хоть двух, трех из них, кто оставил пьянство, грабеж, разврат в результате того, что они прочитали какой-то роман или посмотрели какое-либо кино? Нет у вас таких.

А я могу указать вам тысячи тех, кто через чтение Библии, посещение богослужений сразу же оставили свои гнусные дела.

Второе, посмотрите в моем следственном материале, есть ли хоть один случай, когда я кого-либо насильно вывел из театра в силу моих убеждений, обругал или избил за прочитанный роман; кого, стоя у дверей кинотеатра, уводил обратно, используя свои убеждения? Таких фактов нет, и сам я осуждаю такие поступки. Только за то одно, что у меня христианский взгляд на все эти зрелища, что я не все книжки в библиотеке подряд читаю, а по выбору; за то, что меня принудили публично выступить в защиту моих убеждений - я с двадцати лет оторван от родительского дома и стою перед вами в этих арестантских рубищах. Вот это, действительно, фанатизм, дикий, средневековый. Сколько раз вы подписывали на этого мальчишку предписание, чтобы содержать в заключении среди насильников, бандитов, воров, скотоложников, на штрафных, да еще венерических колониях.

За что? За то, что я люблю моего Иисуса, соблюдаю Его заповеди. А сейчас, за что я стою перед вами? Со мной вместе сняли вора и других с вагона поезда, они при мне были отпущены по своим местам. А только за то, что в моем чемодане обнаружили Евангелие Иисуса Христа на чистейшем русском языке, я вторые сутки сижу без пищи, а теперь вот, и стою перед вами.

- Как, разве вас нигде не кормили? - удивленно воскликнул начальник.

- А где же меня будут кормить? Режим ваших карцеров вы знаете, и здесь, у вас, я сижу уже половину суток, да учтите, что за окном уже полночь, - ответил ему Владыкин.

- Вот уж за это прошу, извините меня, пожалуйста. Это моя невнимательность, и мы сейчас что-нибудь сделаем.

Начальник взял телефонную трубку, чтобы поискать возможность, чем-либо покормить Владыкина, но отовсюду получал только отказ. Тогда он позвонил к себе на квартиру, оттуда принесли тарелку кислой капусты и пару блинов.

Владыкин, с молитвою, здесь же в кабинете, подкрепился и приготовился к дальнейшей беседе.

- Вы, конечно, уже сильно устали, но у меня есть еще несколько вопросов, - сказал начальник. - А как вы смотрите на службу в армии? Ведь вы же знаете, что некоторые из ваших единоверцев не берут оружие в руки.

- Я смотрю на это, как учит Слово Божье и как гласит циркуляр, подписанный Лениным, - ответил Павел.

- Да, но вы сами рассудите, - возразил начальник, - если все будут верующие и на страну нападут враги, кто будет ее защищать?

Павел взглянул на собеседника и заметил на его лице легкую улыбку самодовольствия и уверенности, что он поставил своего собеседника в тупик, но Павел и на это ответил:

- Когда будет такое положение, то и вы будете верующим и вас этот вопрос не затруднит, а, наоборот, будете сожалеть, что до сих пор жили атеистом. Хочется мне еще привести вам наглядный пример, - продолжал Владыкин, - когда вы меня, беззащитного христианина, бросили в толпу головорезов, на штрафную. Вы тогда думали: посмотрим, что с ним случится? А вот я цел и невредим, и никто из них меня пальцем не тронул. Правда, они у меня взяли чемодан и вытащили из него брюки и сапоги, но и здесь они поступили по-евангельски. Ведь это у меня было лишнее, а поскольку я не решался сам отдать, они помогли. Потом же, узнав, что я христианин, они возместили большим.

Много других, главным образом, социальных вопросов задавал начальник своему собеседнику, и Павел изумлялся тому, как Дух Божий научил его ответам. Радостью переполнилось его сердце, несмотря на то, что он провел две бессонные ночи и два дня, почти не принимая пищи.

За окном уже наступило утро и погасли ночные огни, а собеседники не чувствовали никакой усталости.

- Должен тебе признаться, что я от души расположен к тебе, несмотря на то, что между нами 30 лет разницы и такая противоположность идей.

Я большевик, до революции много пострадал за марксистские идеи, много встречал противников, со многими сражался с превосходящим успехом, но никогда не думал, чтобы в религии можно было найти что-то осмысленное. Беседа с тобой принесла мне неоценимые уроки. Я скажу тебе откровенно, находясь в наших рядах, ты был бы очень ценным человеком. Я почему-то до сих пор еще верю, что ты будешь нашим товарищем. Твоими похождениями по штрафным я займусь, здесь какое-то недоразумение. Конечно, всех религиозников нельзя мерить на одну колодку, и часто, за формуляром, мы не знаем подлинной души человека.

Ты должен быть коммунистом. Но скажи мне теперь и ты откровенно: что могло бы тебя разубедить - оставить твоего Христа?

- Ответ несложен, начальник, - сказал ему Владыкин, - если бы вы были справедливее Христа, любили бы всех, более Христа, и научились побеждать людей, как побеждает Он.

Ходько улыбаясь, долго сидел молча, обдумывая ответ, потом встал и объявил Владыкину:

- От души благодарю за беседу, ты расположил меня. Сейчас, тебя в сопровождении бойца ВОХР, доставят на фалангу. Выбирай сам, куда желаешь, кроме штабной. Больше трогать не будем. Ты просил возвратить Евангелие? - тут он остановился, подумал, потом с улыбкой заявил:

- Евангелие возвратить не могу, ты его знаешь наизусть, а я с ним мало знаком, так что не обижайся.

Наступал рабочий день и начальник, распрощавшись с Владыкиным и передав его в распоряжение конвоира, приступил к своим обычным занятиям.

Они пришли на одну фалангу, но там ему порекомендовали не оставаться, и Павел пошел на другую, которая была рядом со штабной.

В рекомендованной фаланге, его охотно приняли для работы статистом. Старший сотрудник, в чье распоряжение он прибыл, знал Павла раньше и сейчас же дал указание двум женщинам, привести в порядок отдельную комнату для двоих, для совместного нахождения в ней и для работы.

Население фаланги состояло наполовину из женщин, и новый товарищ, в ожидании приготовления комнаты, повел знакомить Владыкина с поселком. Войдя в женскую половину, несмотря на то, что все были предупреждены, Павел встретил там такое бесстыдство, что сейчас же, они с товарищем были вынуждены выйти.

После обеда было решено отпраздновать новоселье, для чего Павел, со своей стороны, внес известную долю на устройство чаепития.

Войдя в комнату, они нашли ее неузнаваемой: вымытые полы были покрыты одеялами, над своими кроватями, на стенах были также прибиты шерстяные одеяла. Везде, куда ни посмотришь, были развешаны занавесочки, скатерти, покрывала и расшитые дорожки.

На столе все было приготовлено для чаепития, а за столом сидели две разнаряженные хозяйки.

Товарищ Владыкина, увидев недоумевающее его лицо, улыбаясь, спросил:

- Ты что Павел, так удивленно смотришь на все, здесь нет ничего необыкновенного. Из жизни нельзя вычеркнуть и одного дня. Есть возможность, будем жить по-людски. Нам здесь с тобою придется прожить, может быть, не один месяц, поэтому устраиваться надо так, чтобы не было скучно. Девочкам мы понравились, видишь, как они тут все разделали? Теперь дело за нами.

- Это моя любовь, - обнял он, рядом сидящую девушку, - а это ее подруга, мы оба рекомендуем ее тебе, - указал он на девушку, сидящую на, приготовленной Павлу, кровати. - Поэтому к нашему новоселью мы присоединим и вашу свадьбу. Понял?

- Понять-то я понял, тут нет никакой двусмыслицы, а вот расплачиваться, как за это придется? - ответил Павел.

- Перед кем расплачиваться? Здесь холостых нет никого, все женатые, да и не один раз, - ответил товарищ Владыкина.

- Нет, есть еще Судья Всевидящий, имя Ему - Бог, а у тебя на груди Его крест выколот. Так что напрасно, мои любезные, вы мне такую кровать застелили. На ней, как заснешь, так и не проснешься навеки. Чайку мы попьем, только прежде, я помолюсь за обед, потом будем кушать, а я вам расскажу, что такое грех и какая расплата за него, - ответил Павел этим любострастникам, чем привел их в недоумение.

- Саша! К селектору! - крикнул из соседней комнаты дежурный.

Сотрудник Павла выбежал на вызов и минут через пять, вернувшись с бледным лицом, обратился к Павлу:

- Павел, звонили из 3-й части, чтоб я немедленно, с вещами, доставил тебя к ним. В чем дело?

И опять Владыкин собрал свой чемодан и, помолившись, направился к выходу, навстречу новым лишениям.

- О, человек, человек! Какой ты великий, но как дешево твое слово, - произнес Павел, подходя к 3-й части, вспомнив беседу с Ходько. - Если уж такому довериться нельзя, кому же можно верить? Как счастлив я, что, совершенно безошибочно, доверился моему Господу! О, если бы судьбы людей были бы только в руках таких, как этот начальник. Но слава Богу, что всеми нами еще управляет Он Сам, - думал Павел, заходя в дверь отдела.

Сотрудники 3-й части уже знали юношу-скитальца лично и, увидев его, сочувственно отозвались:

- Ну что, Владыкин, опять тебе предстоят этапы, скитания. Опять предписание в центральную тюрьму, а оттуда - сам знаешь... Крепись, не унывай.

В центральной тюрьме пробыл он почти неделю, вместе с Хаимом Михайловичем и Евгением. Из их сообщений ему стало известно, что Магда освободился и очень сожалел, что не мог на прощание увидеть его.

Через неделю их, в составе более 50-ти человек, перевезли на станцию Кундур, опять на штрафную фалангу для работы в балластном карьере.

На сей раз, контингент людей был совершенно другой. Бараки были разделены на комнаты-камеры, в которых помещалось по 10-15 человек. Камеры закрывались под замок, а когда выводили на работу, то собирали в общую толпу и под охраной несколько километров гнали в карьер.

Новый вид мытарств встретил Владыкина на этом месте. Заключенные должны были снизу набрасывать балласт на железнодорожную платформу. Опять нечеловеческая норма, и подгонялы-десятники, злобными окриками, принуждали обессилевших людей нагружать вереницы платформ.

Инженеры, техники, врачи, учителя, бухгалтера, начальники предприятий - люди, совершенно неприспособленные к такому изнурительному труду, под конец обессилевшие, буквально падали. Не только с балластом, но и пустую лопату не в силах были поднять над головой. Наиболее ослабших, бригадиры и десятники, сами будучи из заключенных, били палками и уводили в карцер.

Знакомое уже чувство голода леденило душу Павла. Он тянулся изо всех сил, лишь бы не оказаться вместе с обессилевшими в карцере и не лишиться, единственно доступного, весеннего солнца и воздуха.

В одну из ночей он, с сильным воплем, молился Богу об избавлении от этого мучения и перед утром, во сне, получил откровение, что ему предстоит далекий путь.

Глава 10.
Поведу тебя вперед!

Бывшие друзья Магды, по знакомству, устроились в контору на более легкую работу и однажды сообщили, что готовится большой и далекий этап.

Исполнение этого слуха не замедлило и, в один из дней, им объявили собираться с вещами. Измученные люди были рады, что их больше не погонят на эту мучительную каторгу, хотя, может быть, впереди их ожидало не лучшее.

Перед окнами бараков, на запасном пути, стояли вагоны, приготовленные к этапу, а после завтрака началась погрузка в них людей.

Владыкину удалось занять место около окошка, и он наблюдал, как вскоре, их небольшой эшелон тронулся на Восток, оставляя позади те места, с которыми были связаны жгучие переживания Павла.

- Может быть, уже никогда моя нога не наступит на эту землю, - подумал Павел, проезжая Облучье, Ударный, Лагар-Аул, Первую фалангу, Известковый... Не один раз эта земля была полита моими слезами, а сколько людской крови пролито в этих дебрях!...

Он благодарил Бога, что оставляет эти места непобежденным. Многие беды прошли над его головой, но от всех их избавил Господь. От этих рассуждений, и будущее уже не так страшило его.

Рано утром они проезжали станцию Волочаевку, и он был рад в душе, что их не оставили здесь, куда многих заключенных перегоняли на строительство города Комсомольск-на-Амуре и железной дороги, ведущей к нему.

Вскоре показалась широкая речная гладь Амура. На протяжении всего пути, Павел наблюдал из окна вагона за толпами арестантов с суровыми лицами, внимательно присматривался к лагерным постройкам, поселкам, мелькающими за окном вагона.

О, эти мрачные места земли! Свидетелями какого ужасного людского горя сделались вы! И заглянет ли когда в эти места луч радости, любви и мира?

Кому будет суждено принести сюда факел евангелизации, о которой Сам Спаситель сказал: "И будет проповедано Евангелие... во всех концах земли"?

Мною же сюда принесены очень скромные крупицы Слова Божия и немногие, не менее скромные, молитвы за мой бедный, погибший народ. Неужели, когда-то у престола Отца Небесного и Сына Его, кто-то подойдет и скажет мне: "А я та самая былиночка, выросшая от семени, посеянного тобою, в этом нелюдимом суровом краю"?

Позади остался Хабаровск. В пути стало известно, что их везут во Владивосток, а в одно майское утро проснулись они, находясь уже в нем, на 2-й речке.

После утомительного ожидания, в раскаленном от зноя вагоне, к вечеру их, наконец, выгрузили и большой колонной повели, под усиленным конвоем, в пересыльный городок под скалами.

Карантинное отделение, куда их привели с самого начала, действительно, располагалось под высокими обрывистыми скалами и своим видом внушало чувство страха.

На самой вершине скальной сопки располагался форт , охраняемый днем и ночью вооруженными матросами.

В глубине скального обрыва, на площадке было установлено несколько больших брезентовых палаток. Все карантинное отделение было обнесено рядами колючей проволоки.

Разместившись в одной из палаток, Павел подошел к собравшейся группе заключенных, где новичкам, один из обслуги этой зоны, рассказывал о событиях, происшедших на днях, в этом карантинном пункте.

Прибывший неделю назад этап, где преобладали "урки", запротестовал против пищи. Этапникам привезли совершенно негодный, сырой хлеб и тюремное варево, в котором несколько человек нашли в испорченном мясе червей. На протест, пришедшее начальство, при участии медицинского работника, ответило угрозой и бранью, принуждало кушать негодную пищу. Заключенные, в ответ на этот произвол, бросили пайки хлеба на землю и на них опрокинули бочку с испорченной пищей.

Администрация пересылки вообще лишила протестующих питания, после чего заключенные подняли бунт, оглашая всю окрестность неистовыми криками. В ответ на это, администрация пересылки обратилась для подавления за помощью к подразделению, охраняющему форт на горе.

Матросы, узнав по какой причине заключенные протестовали, отказались принять в этом участие. Тогда приехали несколько машин из городской пожарной службы, мощными струями воды они смешали все с грязью, после чего отчаянные вопли протестующих были заглушены. Наиболее выделяющиеся бунтовщики были связаны по рукам и ногам и упрятаны под замок, а остальные отведены и распределены по пересылке.

Пересыльный городок был расположен на склоне сопки и разбит на несколько секторов. По свидетельству обслуги, он вмещал несколько десятков тысяч заключенных. Прибывших вновь, обслуга обрадовала тем, что корабль уже на рейде, и им не придется здесь долго валяться, как некоторым, по несколько месяцев.

После санитарной и прочей обработки, Павла и его товарищей завели в городок на распределительный двор, чему он был очень рад.

По распределении ему указали номер дома и комнаты, где ему надлежало поместиться. Войдя в указанную комнату, Павел пришел в недоумение при виде ее обитателей. За столом сидела группа хорошо одетых людей во главе с командиром дивизии (генералом) и, за скромно сервированным столом, кушали богатый, по определению Павла, обед.

Все друзья комдива были одеты в прекрасные костюмы, приятно выглядели по внешнему виду. Соседняя с ними группа была меньше и тоже состояла из прилично одетых людей. Незнакомая их речь подтверждала, что это иностранцы, Павел не решился пройти дальше, считая, что, по недоразумению, он

вошел совсем в другое общество, во всяком случае, не из числа арестантов.

Видя смущение Владыкина, одетого и обутого по-арестантски, комдив почел нужным объяснить юноше обстоятельно и, взглянув на него, сказал:

- Проходите, молодой человек. Я вижу, что вы смущаетесь, здесь все мы одного сословия - зеки (заключенные). Ищите себе место, какое полюбится, да и располагайтесь на нем, как дома. За что посадили-то?

Павел неторопливо прошел мимо них, поставил чемодан на свободные нары и ответил комдиву:

- Христианин я, за вероисповедание посадили.

- Вот вас только среди нас не хватает, - с возбуждением заметил ему, сидящий рядом с комдивом мужчина и, указав рукой на присутствующих, стал перечислять: - Вот это режиссер из театра им. Мейерхольда, это секретарь обкома партии, это профессор медицины, это директор металлургического комбината, мой сосед - командир дивизии, а я - прокурор одной из областей нашей великой "Империи". С нами иностранцы: это наш дорогой товарищ Лантыш - член Коминтерна, венгерец, и по-русски не понимает ни слова. Рядом с ним - секретарь подпольной коммунистической партии Польши, его соседи - секретари подпольных комсомольских организаций из Литвы и Латвии. Присаживайтесь-ка, в нашу компанию, да расскажите нам что-нибудь из своей сферы. У нас заведен такой порядок: ежедневно, каждый из нас, по своей линии читает нам лекции, как в институте. Но мы уже надоели друг другу, а вы нам, видно, скажете что-то новое и оживите наш букет.

- Да, уж только не читайте нам, свои молебствия, - возразил режиссер, - это уже в нашу эпоху отмершее, как осенний лист. Я даже от души удивлен, почему вы оказались среди этой отжившей горсточки богомольцев.

- Ну-ну, я с этим не согласен, - осадил режиссера профессор. - Прежде всего, вы очень узко мыслите о религии, а потом, нам совсем небезынтересно, как сложились религиозные убеждения этого, действительно, юного представителя нашей эпохи. Просим вас!

Владыкин за стол не сел, но, подойдя ближе к ученой компании, помолившись про себя, неторопливо стал отвечать:

- Прежде всего, я осмелюсь ответить на вашу реплику, относительно веры в Бога, ну, и соболезнования, относительно моего идейного положения. Театральное искусство мне до некоторой степени знакомо, сам когда-то любил участвовать в драматическом кружке. Но согласитесь со мной, что сама история народного искусства по своей популярности очень коротка, не насчитывает и столетья. И то, в своих истоках, она служила не более, как предметом развлечения горсточки бесшабашных господ-весельчаков.

Истинная вера в Бога не имеет равной себе истории. Тысячелетия Библия служила самым сильным, самым распространенным и действительным моральным кодексом для народов всех племен, источником мудрости и утешения для малых и великих, сдерживающим началом для дитяти и старца, могущественным рычагом всякого благого, в том числе и научного прогресса, солью человеческого общества. А вы так дерзко, и я бы сказал, необдуманно, пытаетесь отнести ее в ворох народных пережитков. Ошибаетесь вы и в том, что поспешили отнести меня к горсточке отживших богомольцев. Я принадлежу к неисчислимому, величайшему обществу, имеющему совершеннейшую организацию, неиссякаемые материальные и духовные ресурсы, наидревнейшую историю, уходящую в вечность. Я принадлежу к народу Божьему, искупленному Кровью Иисуса Христа.

А теперь попрошу вас, беспристрастно посмотреть на себя и без обиды прослушать о всех вас, собравшихся здесь, характеристику в оценке Слова Божья:

"Ибо всякая плоть - как трава, и всякая слава человеческая - как цвет на траве, засохла трава, и цвет ее опал; Но Слово Господне пребывает в век. А это есть то Слово, которое вам проповедано" (1Пет.1:24-25).

- Ловко! Вот это удар. Браво! - рукоплеща ответу, воскликнул комдив.

- Вот это да! Такого я еще не встречал. Метко, справедливо, исчерпывающе, - степенно завершил директор комбината.

- Молодец, юноша! Одним махом смел нас в кучу отжившего, выброшенного историей хвороста; осталось только поджечь, но это уже сделают другие.

- Не я молодец, - возразил Владыкин, - я не свое сказал вам, я сказал вам слова Евангелия.

Павлу очень бы хотелось продолжить беседу с этими великими людьми, но дверь в комнату неожиданно отворилась, и нарядчик по учету громко выкрикнул:

- Владыкин! С вещами на двор.

Проводив Павла, все долго молчали, потом комдив, вздохнув, сказал:

- Действительно, есть чудеса. Ты посмотри на него, пролетел над нами, как метеор ночью. Осветил нам все. Да, наше положение отчаянное, все мы имеем самое меньшее 10 лет сроку заключения, и нам рассчитывать совершенно не на что. Веру в Бога мы не имеем, вера в нашу действительность окончилась этими железными

тюремными нарами. А вы заметили, он вышел от нас, как на свадьбу - сияющим, потому что он верит, и этим все побеждает, - окончил комдив, понурив голову.

- Вчера еще мы говорили, что мы боги, - добавил секретарь обкома, - сегодня деревенский пастух счастливее нас.

По лабиринту, состоящему из проходов между секторами, разделенными друг от друга колючей проволокой, Владыкина завели в один из них, где и определили ему пребывание до особого распоряжения. В четырех брезентовых бараках людей было набито битком. В одном из них Павел, найдя себе место, положил вещи и вышел. Все пространство вокруг гудело от многолюдья. Люди были заняты кто чем: кто стирал и штопал белье, кто сновал в толпе и разыскивал "своих", кто просто - бесцельно бродил, снедаемый скукой. Некоторые прогуливались, группами и в одиночку, или, сидя в кружке, беседовали между собой.

У одного из бараков сидел сапожник, обслуживая своим ремеслом остро нуждающихся. Воришки тоже находили себе занятия, приглядываясь к чемоданам и мешкам, чтобы в удобный момент сделать свое темное дело.

Владыкин долго любовался сверкающей морской гладью бухты "Золотой Рог", рассматривая, как морские корабли и катера бороздили, вспенивая серебристую ее поверхность. Среди бухты стояло на якоре большое судно, выпуская из жерла трубы едва заметную струйку дыма.

- Что, на "Джурму" любуешься? Не придется ли нам, молодой человек, поплавать на ней, а? - спросил Павла незнакомец, тихо подойдя к нему сзади.

- Да, вы угадали. Вон на тот корабль, что стоит среди бухты, смотрю. Я первый раз вижу море вообще, да и корабли большие не видел никогда, - ответил Павел.

- Вы, случайно, не из верующих будете? - глядя в лицо Владыкину, допытывался подошедший собеседник.

- А вы почему так угадали? Да, я христианин-баптист, - ответил Павел.

- В таком случае, приветствую вас, дорогой брат, именем Господа Иисуса Христа, - горячо целуя, обнял его собеседник, - Вы из какой же общины?

- Да я крещения не успел принять еще, только что покаялся и тут же арестовали. А теперь Бог один знает, как оно будет впереди.

Пока они, стоя у ограждения, разговаривали, к ним подошли еще двое мужчин, которых собеседник Павла отрекомендовал братьями. С великой радостью, после двухлетнего одиночества обнимал Владыкин братьев. Вспоминая юношеские годы, когда он до 15 лет был в общине, Павел заметил, что любовь и влечение к верующим у него стали намного сильнее, глубже. Какими родными, дорогими были для него сейчас эти, совершенно новые люди.

После краткого знакомства, Павла обрадовали тем, что в зоне есть еще братья, что один из сапожников верующий; есть верующие и в других зонах, но туда пройти очень рискованно - можно заблудиться в секторах; в женских секторах есть сестры.

Затем решили; все вместе собраться в бараке и устроить братскую трапезу любви (что немедленно было выполнено).

Когда собрались братья за трапезой, среди покрытых сединою старцев и возмужалых присутствующих, Павел оказался самым юным. После общих расспросов, он молча слушал, как один за другим высказывались в беседе братья, поддерживая и ободряя друг друга.

Каждый рассказывал историю своего заключения, и никто не проявил при этом ни малейшего уныния, сожаления или страха перед грозящими скорбями.

Были здесь украинцы, белорусы, русские, немцы. Их почтительное отношение друг ко другу и готовность поделиться всем, кто чем богат, произвели очень сильное впечатление на Владыкина, хотя он и видел это в 1933 году, в Архангельске. Но тогда он был посторонним наблюдателем, сейчас же, Павел чувствовал себя частью этой братской семьи. Он стал перебирать в памяти, что у него есть в чемодане, чем можно поделиться с братьями. Вспомнил, что из вещей сохранились лишь новые арестантские штаны и синяя сатиновая рубаха-косоворотка. Некоторые из братьев были одеты в старые латанные брюки и потрепанные рубахи. Павел предупредил, что он отлучится на несколько минут и, выйдя, стал осматривать содержимое чемодана. Не раздумывая, он отложил рубаху и брюки, с намерением отдать их нуждающимся братьям. Когда уже приготовился идти, то развернул вещи, чтобы осмотреть их. Брюки он уже определил, кому отдать, а вот когда

дело дошло до рубахи, то какие-то мысли вдруг сильно стали осаждать его: "Ведь эта рубаха - единственная, подаренная бабушкой Катериной, одевал он ее по праздникам, брат же изотрет ее на нарах моментально, а он все равно получит новую, как прибудет в какой-то лагерь". Так подумав, Павел отложил рубаху обратно, но когда возвратился к братьям и отдал брюки неимеющему, то посмотрев на брата в старенькой, плохой рубахе, с болью в сердце подумал, осудив себя: "Я еще не таков, как учит Христос. Мне нужно учиться самому великому: возлюби ближнего, как самого себя". И тут же, победив себя, отдал и рубаху, снова сходив за ней к своему чемодану.

Наблюдая за братьями, он видел, как они великодушно, по-детски, делились друг с другом самым жизненно ценным: и словом, и делом - и душа его отдыхала от всех пережитых кошмаров. Родные взгляды, родные слова, чуткость, нежность и сами они, одетые в засаленные арестантские куртки - пленяли его, и он смотрел и смотрел на них, чувствуя себя таким маленьким и бедным.

Некоторые из них отбыли в заключении уже 5-8 лет. Они казались ему теми укорененными, могучими дубами веры, над которыми прошли многие лютые ураганы. Немногословная, простая, краткая, но исполненная мудрых слов речь, отлагалась где-то глубоко в тайнике души Павла. Ему хотелось подражать им, но чувствовал, что это невозможно, пока все эти истины не будут пережиты самим. Трогательнее всего было то, что братья считали его равным себе, ничем не унижали, никто не сказал обычного в таких случаях: "Ты еще молод". Со слезами восторга слушали они, как Владыкин рассказывал им о себе, своем детстве, юношестве, своих переживаниях.

Одного только Павел не мог понять: почему старшие братья в общении одинаково приветствовали и духовно общались, и с пятидесятниками, и лютеранами - он согласиться с этим не мог.

На следующий день к Владыкину подошли двое из братского кружка и, умиленными голосами, заговорили:

- Дорогой братец Павел, когда мы тебя вчера увидели и услышали, то восторжествовали от радости, определив в тебе сильного мужа, и дух провещевал нам, что тебя непременно надо довести до глубины совершенства.

- Очень жажду этого, - ответил Павел, - и верю, что Господь ведет меня Своим путем к духовному совершенству.

- О, ал-ли-луй-я! Талифа куми... - воскликнул собеседник, ухватив с силою за руки Владыкина.

- Брат Павел, - начал вкрадчиво второй собеседник, - я слышал вчера о том, как вы жаждете крещения и сожалеете, что не успели до уз принять его. Но то крещение, о котором вы томитесь - это Иоанново, оно не приводит к совершенству - это только начатки веры. Вам нужно крещение д-у-х-о-м! Тогда вы обретете всякие духовные дары: пророчество, языки...

- Подождите, подождите, - решительно возразил Павел, - вы же вздор какой-то мне наговорили. Прежде всего: "Талифа куми" - это слово, сказанное Христом умершей девушке (Марк.5). Какое оно имеет отношение к нашей беседе? Во-вторых, Иоанна Крестителя уже нет в живых 19 веков, и то покаяние, к которому он призывал евреев, уже давно упразднено Духом Святым и покаянием пред Самим Христом. Вы из трясунов, наверное, или, как иначе они называют себя - пятидесятники?

- Да, - ответил собеседник, - мы духовные.

- В таком случае, как же вы приветствуете меня и моих братьев, если в нас нет того же Духа, что в вас и об этом вы сами говорите? - спросил их Павел. - Вот что, уважаемые, выбирайте одно из двух: или дух, который в вас - обманщик и лицемер и вам все равно кого целовать, или вы не имеете никакого духа, но жалкие, обманутые люди.

Немного выждав, Павел добавил:

- Мне так стыдно за вас, как вы оказались в такое тяжелое время в этой братской семье? Почему вы подошли ко мне наедине, без братьев? Шкура на вас овечья, но зубы у вас - волчьи. Не братья вы мои, - сказав это, Павел взволнованный отошел от своих собеседников и поделился об этом уже со всеми братьями, они же ответили ему:

- Мы знаем их, брат Павел, но как-то неудобно оттолкнуть их, ведь среди этого моря людей так мало верующих, что рад хоть кому, лишь бы верил в Бога. Хем более, что мы все "транзитные" - сегодня здесь, а завтра - кто куда.

Павел не возразил на это ни слова, но подумал про себя, что все-таки, меру общения надо определять строго и на этом успокоился.

Так оно и получилось. На следующий день рано утром весь городок по сигналу пришел в движение. Через час на обширной площадке собралась в беспорядке 4-5 тысячная толпа заключенных. Братья успели только вместе помолиться и стали расставаться, не зная, смогут ли они увидеться опять, или нет.

На высокую трибуну поднялось несколько человек и, добившись относительной тишины, объявили, что все, названные ими, должны подойти к трибуне, а потом к столам - соответственно начальных букв своих фамилий.

По толпе пронеслось глухое людское рокотание: "Братцы, этап на Колыму, погрузка на "Джурму". Спасайся, кто как может!.." и многое другое.

В толпе произошло какое-то замешательство. Некоторые из смельчаков заранее стали разбегаться по секторам, несмотря на то, что по проходам стояла охрана. Глашатай громким голосом стал выкрикивать фамилии заключенных, в толпе началось движение.

К обеду, утомленные от солнца и напряжения, люди стали ложиться на землю. Некоторые доедали свою дневную норму сухого пайка, выданного рано утром при подъеме (кусок хлеба и рыбы). К вечеру жажда и утомление совсем свалили людей, так что они засыпали на земле. Их, с бранью, расталкивали и помещали ближе к трибуне.

Фамилию Владыкина назвали, уже при начинающихся сумерках.

Павел, хотя и ожидал, но невольно вздрогнул. Что-то, как ножом, отрезало страшное прошлое, но и неведомое будущее волновало его не меньше. От одного стола к другому, он проходил ближе к выходу. За одним - надо было давать все сведения о себе, за другим - примитивный медицинский осмотр, напоследок - обыск вещей и самого заключенного. Когда вывели его за ворота в колонну, то было уже темно.

К бухте вели их по тускло освещенным улицам, под лай и визг сторожевых собак. На причале, с подчеркнутой строгостью, объяснили, что малейшая попытка уклонения в сторону, считается побегом, и в виновника будут стрелять без предупреждения.

Как скот, заключенные лавиной спускались по широким сходням-трапу, в темное отверстие люка на дно баркаса, и также, в темноте, в сопровождении ужасной брани и толкотни, размещались кто где мог.

К счастью, Павлу удалось, где-то в стороне, найти место для своего чемодана и сесть на него. Напрягая все силы, он взывал к Богу и вспомнил, как Иона, оказавшись еще в худшем положении во чреве кита, тоже молился. Но утомление взяло верх и, как он ни крепился, однако, с трудом раздвинув соседей, лег на чемодан и уснул.

Проснулся он от крика и толкотни окружающих. В отверстие люка Павел увидел, освещенный многочисленными огнями, борт огромного океанского корабля.

Свежий морской воздух и сутолока ободрили его окончательно и, выждав возможность, он, не торопясь, по зыбкому трапу стал подниматься вверх, на палубу корабля.

На палубе ему захотелось остановиться и вволю подышать свежим воздухом, но увы, окрик человека с винтовкой понудил его идти за своими товарищами. На корабле было освещено, как днем; всюду слышались звуки напряженной жизни, хотя было уже за полночь. Так же гуськом, друг за другом, заключенные спускались по крутому, извилистому трапу, куда-то глубоко вниз, на самое дно корабля, в нижние грузовые твиндеки.

Когда Павел спустился на металлическое дно твиндека, он долго искал себе место и с большим трудом нашел его на 2-ом этаже сплошных трехэтажных нар. Люди, измученные мытарствами такого необыкновенного этапа, падали в изнеможении на нары и тут же засыпали. Таким же изнемогшим, упал на нары и Павел, подстелив под себя единственно ценную вещь, какой показалась ему на этот раз телогрейка.

Все огромное помещение твиндека освещалось круглые сутки электричеством, и человек, поднявшись на палубу в ночное время, невольно удивлялся неожиданному густому мраку.

На поворотной площадке трапа, на уровне потолка нижнего твиндека, была поставлена огромная бочка - параша, главным образом для больных и старых людей.

Проснулся Павел от толчка обслуги, который по спискам выдавал специальные жетоны на паек и воду. Первой его мыслью было узнать - плывут они или стоят, а также хотелось подняться наверх и посмотреть, что там происходит. Соседом его оказался один из тех пятидесятников, с которыми у него было такое неудачное знакомство. Звали его - Иван Михайлович. Оказывается, он уже поднимался наверх, и теперь сообщил Владыкину, что они давно уже плывут в открытом море, что наверху яркий день и происходит выдача питания и

воды, а также туалет (то ли утренний, то ли дневной), но для этого придется постоять 1,5-2 часа в очереди на трапе.

Павел прислушался к звукам и убедился, что действительно, чувствовалось еле уловимое содрогание - это работал винт корабля.

Взяв котелок и сумку, Владыкин встал в очередь, которая начиналась в проходе между нарами. После долгого, утомительного ожидания он, наконец, подошел к отверстию люка, где холодный морской воздух периодически прорывался вниз, побеждая поток спертого, удушливого, зловонного воздуха, поднимавшегося из глубины твиндека, от 700-800 его обитателей. Металлический пол (от испарений и сотен проходящих ног) был покрыт слоем липкой грязи, которая появлялась вскоре, после уборки. Несмолкаемый днем и ночью, гул множества голосов причинял многим заключенным нестерпимую головную боль и, в совокупности с морской болезнью, даже при малой качке, укладывал людей на нары.

Беспомощные, они страдали от рвоты, не имея возможности ухаживать за собой, чем дополняли к общей духоте, едкое зловоние. Только тех, кто терял сознание, выносили наверх и клали на брезент, под охраной. Выпускали наверх по счету: ровно столько, сколько возвращалось вниз.

Павел, поднявшись на ступеньки палубы, в ожидании приходящего, с жадностью глотал холодный воздух.

Затем, под окрики, он прошел по палубе, где по жетонам получил на девять дней ржаных сухарей и несколько кусков соленой рыбы. Рядом стоял матрос и раздавал, по норме, опресненную воду для питья. Тут же, свисая над бортом корабля, помещался временный, дощатый туалет, чему заключенные были особенно рады, имея при этом единственную возможность - лишних несколько минут побыть на воздухе.

Наверху, когда Павел осмотрел все кругом, был полдень, хотя солнца не было видно. Корабль шел полным ходом по безбрежной поверхности волнующейся, темной бездны Японского моря, и, несмотря на конец мая, резкий ветер леденил его, едва прикрытое тело, так что распаренные от духоты заключенные, добровольно, через 3-5 минут, проведенных наверху, торопились в свое удушье.

На четвертый или пятый день многие сильно заболели и, обессилевшие, лежали без движения на нарах. Их выносили куда-то наверх. Ночью Владыкин слышал несколько корабельных гудков, а старые арестанты объяснили, что этим отмечается погребение умерших. Закутав в полотно, с грузом у ног, их опускают на доске за борт, в морскую пучину. Все это было для Павла ново и как-то жутко, особенно, когда он ночью насчитывал этих гудков немало.

Чувство страха стало овладевать его душою так сильно, что он, с воплем, стал просить у Бога утешения и был рад, получив его.

Пройдя однажды по железному полу, он услышал, как ему показалось, знакомую мелодию. Несколько мужских голосов, в сопровождении флейты, пели гимн: "Ближе, Господь, к Тебе". Павел, остановившись, прислушался и определил, что звуки исходят снизу из-под нар. Он опустился на пол и, к своему изумлению, увидел, как несколько человек пели на немецком языке.

По окончании пения, он немедленно познакомился с поющими. Это были немцы-менониты. После нескольких слов, на ломаном русском языке, он почувствовал в них своих братьев.

Окружающий кошмар так приблизил их к Господу и друг ко другу, что они за все время не коснулись тех разномыслии, какие разделяли их. А дорогие, сердечные беседы среди адской обстановки, силою Духа Святого, доставляли им подлинное, духовное наслаждение. Павел приходил на свое место только для сна и личных молитв, в которых он благодарил Бога, за Его милости к нему.

На восьмой день плавания, от усилившейся штормовой погоды, многие были прикованы к нарам, но некоторые из уголовников, страдая от безделья, искали каких-либо приключений.

Однажды, возвращаясь с очередной "прогулки" наверху, Павел почувствовал, что смрад из люка был сильнее обычного, а когда опустился вниз - содрогнулся от ужаса. Несколько молодчиков (из блатных) решили устроить себе забаву, опрокинув бочку-парашу с ее содержимым, отчего все полилось вниз, к ужасу находящихся там.

На ликвидацию этого безобразия пришло много обслуги, и после 2-3 часов большого труда, все было убрано. Однако, бандиты в этом не остановились. В полночь в помещении твиндека раздался неистовый женский крик, на который прибежали многие из охраны. Вскоре выяснилось, что какими-то неизвестными связями, блатным удалось определить, что в одном месте, над потолком, с той стороны находились заключенные

женщины. Блатные прорезали массивные доски, разделяющие верхний твиндек от нижнего и, при содействии таких же потерянных женщин, пытались приступить к гнусному насилию. Все мужское население пришло в крайнее возмущение и не успокоилось до тех пор, пока всех основных участников не выловили и не увели от них.

К утру девятого дня Павел почувствовал, что обстановка стала крайне невыносимой. Огромные массы несчастных заключенных, истощенные от голода, жажды и особенностей морского плавания, совершенно беспомощные, брошенные на произвол судьбы, стали умирать на нарах, в большом количестве.

Эта ночь для Владыкина была ночью особенного бдения, он почти всю ее провел на коленях.

После краткого сна, он услышал, что корабль приближается к бухте; проплыли уже какой-то остров, и поэтому многим, особенно ослабевшим, разрешили лечь на палубе. К счастью, и Владыкину со своими пожитками удалось пристроиться среди ослабевших.

Перед его глазами открывалась, потрясающая душу, панорама сурового крайнего севера.

В календаре значилось начало июня. Через разрывы темных туч выглядывало солнце. Как на ладони открывался вид на бухту Нагаево. Вся она была забита большими полями ломаного льда, сквозь который корабль медленно пробивался вперед. Все окружающие сопки почти до половины были покрыты снегом. При виде этой нелюдимой природы сердце Владыкина сжалось.

От берега бухты, прячась за перевалом, по крутому замшелому откосу вверх, темными кубиками разнообразных форм и размеров, громоздясь друг на друга черными призраками бараков и хижин, начинался город Магадан.

- Боже мой, Боже мой, - тихо воззвал Павел в молитве, глядя на чужое свинцовое небо, - что ждет меня здесь? Возвращусь ли я когда-нибудь из этих ужасных мест, или в этой вечной мерзлоте мои кости дождутся Твоего пришествия? Ты ведешь меня на великий, неравный бой с этой суровой природой и, видимо, с такими же людьми. Неужели я увижу когда-нибудь, своими глазами, день своего избавления из этих мест, как вижу день вступления? Каким и когда он будет? Что мне придется здесь пережить - не знаю, только прошу, сохрани веру в Тебя... - так он молился, не замечая ни времени, ни того, что делалось вокруг.

- Владыкин! - донеслось до него с берега.

Очнувшись, он увидел, как бесконечный людской поток от порта протянулся черной лентой до города.

В одну из этих шеренг выкликнули и его фамилию.

Павел, с трепетом, сделал свой первый шаг с корабля в суровую неизвестность...

Приложение

Переживания Н. П. Храпова - счастье его потерянной жизни - ярко отображаются впоследствии в его поэзии. Предлагаем вашему вниманию два из его стихотворений:

Буря.

Он превращает бурю в тишину, и волны умолкают.
Пс 106, 29

Буря лохмотьями серыми дробится...
Мокрою пылью лицо обдает...
Воет, лютует и яростно злобится,
Грудью о скалы высокие бьет...
Мглой беспросветною небо лазурное
Ты закрывала не раз предо мной,
И под ногами громады ажурные
Стелишь коварно могучей рукой,..
Знаю тебя я! Волною холодною
Многих в пучину с собой унесла,

Многих, лютуя, в утробу голодную
Знатных, великих и сильных свела.
Я не герой и не стану хвалиться,
Но под ногами моими - Скала!
Не перестану с тобою я биться,
Как бы ты зла и грозна не была!
Если и дрогну я сердцем порою -
Непобедим подо мною Утес!
Силен Он бурю любую к покою
Властно призвать; Его Имя - Христос!
С этим Утесом в одном монолите
Слит я, не страшен седой океан;
И над собою, в небесном зените,
Вижу я чудный, святой Ханаан.
Да, я устал от всего пережитого...
Стой же! Уймись! Хоть на долю минут -
Мне бы забыться... Да сердца разбитого
Раны забыться никак не дают.
Ты нанесла их своими таранами,
Силясь меня навсегда погубить,
Но не иначе, как этими ранами,
Мог я подобным Распятому быть!
Смолоду знаю, стихия, тебя я,
Битва с тобою дана мне в удел!
Вся ты от лютости стала седая,
Да уж и я-то с тобой поседел.

Свой крест.

Изнывая от боли пылающих ран,
Часто я под крестом воздыхаю:
То пугает пророческий путь христиан,
То на нем устаю, унываю.
И тогда ободряющий голос
Христа Веет свежестью Тивериады,
Вновь зовет за Собою и тяжесть креста
Облегчает словами отрады:
"Кто за Мною идет и свой крест не несет,
Недостоин Меня и спасенья,
Не узрит тот обитель небесных красот,
Не постигнет святого ученья."
Не страшись, если волей благого Отца
Суждено тебе узкой тропою,
Под ударом бичей, под шипами венца
Тяжкий крест свой нести за собою.
Не рука лиходея, не случай слепой
Обрекли для тебя это бремя -
По любви бесконечной, по воле святой
Ему есть свой предел, свое время.
Он рассчитан с любовью, с заботой Отца,

И по росту тебе и по силам,
Чтобы смог ты его донести до конца,
Может быть, и до самой могилы.
Чтоб блаженным ты был, свято, праведно жил,
Благодатью святой наслаждался,
Перед лютой бедой не робел, не тужил,
Добрым подвигом впредь подвизался.
Чтобы образ святой и подобье Его
Среди шумной толпы суетливой
В существе отражалось, в сознаньи твоем,
Должен крест ты нести терпеливо.
Не завидуй чужому, упал - не ропщи,
И не сетуй на тяжкую долю;
Утешенье в горячей молитве ищи,
Прославляй неизменную волю.
Чрез пучину страстей в лучезарную даль
Служит крест для тебя переходом,
Там забудешь навеки тоску и печаль -
В Царстве Божием, с Божьим народом.
Не один ты - согбенных под тяжестью ран,
Крестоносцев - великое племя!
Вереницы идут за Христом христиан
В это злое, последнее время!
Кто изныл под крестом, кто в борении устал -
Видят всех Его светлые очи,
Видят тех, кто от зноя томится, кто пал,
В непроглядной, мучительной ночи.
Но, мужайся, великое племя Христа!
Не гасите священное пламя!
Поднимите под тяжестью мук и креста
Еще выше победное знамя!

Том 3. Жизнь в смерти

Глава 1.
Последние годы отца.

"Они победили его кровию Агнца... и не возлюбили души своей даже до смерти".
Отк.12:11

Глубокая скорбь охватила отцовское сердце Петра Никитовича, когда он расстался с сыном на каменных ступеньках крыльца. И, хотя Павел уже давно скрылся за углом здания, отцу все казалось, что он вот-вот покажется еще. Опять он увидит блеск новой жизни, в необыкновенно выразительных глазах сына, опять услышит голос, тоже какой-то отличительный, овладевающий сердцем, но увы, из-за угла суетливо выходили совсем другие люди.

Отец медленно, вытирая ладонью с лица набежавшие слезы, возвратился в комнату. К вечеру тяжелое предчувствие начало томить душу Петра Никитовича: он то ожидал возвращения Павла с завода, то совсем терял надежду, пока, наконец, не раздался звонок, но звонок был чужой, не такой, как звонят свои. С тревогой в душе он нащупал, впотьмах, крючок и открыл дверь на улицу. Сердце сжалось при виде постороннего мужчины:

- Извините, пожалуйста, вы не отец Павла? - спросил незнакомец. И, не дождавшись ответа, озираясь по сторонам, как-то приглушенно продолжил:

- Я его ближайший сотрудник. И потому посчитал своим долгом предупредить вас. Павла с утра вызвали в отдел кадров, и до конца дня мы его не видели, видимо, его арестовали. Простите, за такое печальное известие, но мы его все так полюбили, особенно после выступления в клубе... - Сотрудник, как-то неловко, замолчал и, отвернувшись, пошел от крыльца.
Петр Никитович, с опущенными руками, долго еще стоял на ступеньках, глядя вслед ушедшему человеку, потом, подняв глаза к небу, тихо проговорил:
- Господи! Сохрани дитя мое среди ужасов...
Войдя в комнату, он упал на колени и долго, усердно молился о судьбе сына.
Ночью с завода пришла Луша и, со слезами на глазах, подтвердила известие об аресте сына.
После бессонно проведенной ночи, ранним утром Петр Никитович, по обоюдному решению, заторопился покинуть семью, чтобы уехать из дому, опасаясь посещения сотрудников НКВД. Вскоре, действительно, дом Владыкиных был подвержен самому тщательному обыску органами НКВД, при котором была изъята, кроме Библии, почти вся остальная литература, какую Павел так усердно старался приобретать.
Впоследствии ничего из отобранного не было возвращено, о чем Владыкины глубоко скорбели, в том числе и сам Павел, уже находившийся в то время в тюрьме.
Когда Петр Никитович приехал в г. Тамбов, где отбывал вольную высылку, начальник милиции объявил ему, что срок его ограничения в этом, 1935 году, истек.
Владыкин-отец, получив новый документ, спешил возвратиться к своей семье. Поэтому, окончив все свои дела, он рассчитался и, простившись со всеми, приехал домой.
Луша с радостью опять встретила мужа, тем более, что ее сердце мучительно скорбело об арестованном сыне. Но увы, несмотря на все страдания Владыкиных, после шести лет скитания, поселиться и жить с семьей Петру Никитовичу было отказано. Поэтому ему пришлось остановиться на жительство в селе, в тридцати километрах от своих домашних.
На новом месте была небольшая община, члены которой были очень рады устройству среди них брата (тем более, что все очень хорошо знали его до 1929 года) и приняли, как самого дорогого и почитаемого, всеми любимого брата. Но Петра Никитовича влекло в свою Н-скую общину, которая уже больше шести лет была разрознена и, как стадо овечек, лишенных пастыря, переносила много трудностей и лишений.
Петр Никитович прописался в деревне, но убедившись, что после обыска его семью оставили на какое-то время в покое, проживал дома с женой и детьми. Его неотъемлемым желанием было - вновь собрать рассеянную общину. Василий Иванович Ефимов, самый близкий сотрудник Владыкина в прошлом, женившись на молодой сестре, вскоре после ареста Петра Никитовича, бросил общину и выехал в большой город. Его примеру последовала и семья Кухтина. Из оставшихся, многие были сильно напуганы арестом Павла. Но Петр Никитович, доверив дальнейшую судьбу в руки Божьи и поговорив с Лушей, решил собирать общину и начинать богослужения. С большими трудностями пришлось восстанавливать общину; помещений для собрания никто не решался предоставлять, регент покинул хор и уехал в город, не было и основных проповедников, а из молодежи осталась только Вера Князева. Однако, с верою и огнем в душе, Владыкины стали приглашать всех верующих к себе.
Первое собрание было особенно благословенным. Вспоминая первые дни возникновения общины, когда собирались в подвале у Князевых, запели свою старинную, любимую: "Сидел Христос с учениками".
Встрепенулись тогда души у всех и просветлели лица, а когда пели слова:
Не ужасайтесь, не ропщите
В то время, дети вы Мои,
Мученья твердо вы сносите
Во имя правды и любви...
- то у всех из глаз полились слезы умиления. Проповедь Петра Никитовича вызвала у многих глубокое раскаяние, особенно ободрились: Вера Князева с мамой - Екатериной Ивановной, да и все братья, и сестры. Здесь же, в молитве, многие посвятили себя на служение проповедью и другие служения. А один из братьев взял на себя труд - собрать рассеянные остатки хора и руководить им. Петр Никитович принял на себя пресвитерское служение, и вскоре был рукоположен в Москве. Церковь заметно ободрилась, собрания проводились, преимущественно, у Владыкиных. На собраниях, после восстановления хорового пения, наблюдалось заметное

оживление, а на смену Павлушке, каким его верующие помнили в детстве, со стишками вставала Даша - сестренка Павла и Илюша - маленький братик.
Радость, весенними ручейками, стала вливаться в сердца членов общины.
Письма юного узника Павла вдохновляли не только поместную церковь г. Н., но и другие соседние группы.
Так мирно прошли 1935 и 1936 годы, хотя все братство в это время переживало великие скорби, лишившись верных служителей Союза ЕХБ. Недолго пришлось порадоваться и Н-ской общине. Петр Никитович изредка посещал свою деревенскую общину, где был прописан.
Однажды брат-старец, пресвитер (во время посещения Владыкина) предупредил его, с искренней любовью:
- Милый брат, Петр Никитович, все мы искренне любим тебя, сознаем тяжесть твоих лишений, радуемся и благодарим Бога, что страдания не сломили стойкости твоего духа. Но сострадая тебе и учитывая твой пройденный путь скорбей, я предупреждаю тебя: за тобой следят из НКВД. Поэтому будь осторожен и осмотрителен, когда приезжаешь к нам в село, а также у себя дома. Может быть, даже, вообще, подождал бы открыто появляться и проповедовать, некоторых из нас спрашивают о тебе.
Владыкин на это ответил ему:
- Брат, ведь я дал обещание служить Господу не только в свободных условиях, но всегда и везде. Когда я был шулером - не боялся, что смерть по пятам ходила за мной, теперь же - я слуга Божий и делаю то, к чему Он призывает меня. Молчать я не могу, но за предупреждение ваше, благодарю Бога и вас, и постараюсь все тщательнее обдумывать.
По приезде (у себя, в Н-ской церкви) предупредили его о том же, а Вера Князева передала, что ее вызывали в НКВД и усиленно расспрашивали о нем.
После этого все вместе решили, что Петру Никитовичу пока следует пожить в селе. Луша тоже поехала с ним туда. В один из базарных дней, они пошли в ближайший районный центр - продать на рынке свою продукцию от сапожного ремесла, каким занимались на дому. В конце дня к ним подошли верующие друзья, под видом покупателей, и предупредили:
- Брат, мы здесь с утра наблюдаем за вами, и все сердце изболелось, вы посмотрите, как за вами следят вон там, из-за возов, два человека: один - из наших, местных НКВД-шников, другой - чей-то чужой, в кожаной тужурке. - Берегитесь!
Петр Никитович с женой, не торопясь, собрали вещи, тщательно, стараясь спрятаться в толпе, пришли на вокзал, чтобы уехать в город, в надежде избавиться от своих преследователей. На перроне была очень большая толпа, и они посчитали, что сели незамеченными, но при отправлении поезда Луша увидела преследователей, торопившихся сесть в поезд.
- Ну, Петя, - сказала тихо Луша, - мы думали, что нас никто не заметил, а враги-то наши бегут за нами, наверное, будут искать тебя по вагонам. Как быть?
Сердце Петра Никитовича непривычно съежилось, как от смертельной опасности. Оставалось только - на ходу спрыгнуть с поезда, что для него не составляло трудности, но он утешил жену Господом и, тихо помолившись, попросил ее:
- Луша! Уже смеркается, ты шубу распахни, а я пересяду за тебя, по другую сторону, да пригнусь, пусть сохранит Господь. Едва только они успели приготовиться, как, резко открыв дверь вагона, вошли те двое, и слышно было, как в первом отделении вагона (вагоны были разделены на 4 отделения) раздался резкий крик:
- Владыкин!!!
Петр за Лушей пригнулся, низко-низко, между мешками. Вошедшие, расталкивая вокруг пассажиров, с величайшим трудом протискивались по вагону, до отказа переполненного людьми и мешками. Владыкины остались незамеченными. При подъезде к городу, они спрыгнули на ходу и поспешили скрыться между домами. Домой зашли задним входом, через двор.
По приезде друзья сообщили, что слежка за многими домами настолько тщательная, что на собрание сойтись невозможно. Но несмотря на это верующие собирались на темных окраинах, в душных комнатушках. Петр Никитович ободрял народ Божий во всех этих переживаниях. И, хотя в тесноте, под страхом, но, собираясь вместе за чтением Слова Божья и горячими молитвами, христиане оживлялись. Дороги были эти общения, на них каждая строка пропетого гимна врезалась в души, каждая проповедь была, как бальзам на скорбящее сердце,

каждая молитва, как глоток свежего воздуха, среди смрада и удушья. Прекратились тяжбы друг с другом, обиды, споры; напротив, каждый христианин теперь в другом видел близкого, дорогого, родного, желанного человека. Петру Никитовичу посоветовали: меньше ходить по городу, а лучше посещать верующих по деревням. К Владыкиным заходили очень редко, разве что, в случае крайней необходимости.
Вера Князева очень любила Петра Никитовича, но остерегаясь слежки, условилась встречаться с ним на городском базаре. При свидании девушка рассказывала, как надоедливо и часто вызывают ее в НКВД на допросы, усиленно вымогают от нее какие-либо сведения о жизни общины и, особенно, о нем. Претерпевая на допросах то заманчиво обольстительные посулы, то, леденящие душу, угрозы, сестра вообще перестала отвечать на их вопросы. А потом перестала к ним ходить, поэтому они впоследствии стали подстерегать ее на улицах и площадях.
Скорби сгустились над домом Владыкиных. Из присылаемых Павлом писем было ясно, что он тоже переносил огненные испытания, причем обстоятельства сына были отличительными от тех, что пережил отец. Сердце разрывалось между скорбями своего дома и скорбями сына. Луша прилагала все усердие, чтобы в письмах утешить Павла, но и скитающегося мужа встречала на пороге дома, как чудо милости Господней.
Наконец, Петру Никитовичу и по селам появляться стало почти невозможно. Обнаруживались предатели - не только из неверующих сельчан, но и среди своих. Не раз уже приходилось спасаться от преследователей: и подводами в глухую темную ночь, и пешком, утопая по колено в снегу, блуждать по лесам, и отлеживаться долгое время в сараях с сеном. А сердце, после каждой минувшей опасности, снова рвалось нести дальше евангельскую весть, не знающим о ней.
Возвратившись однажды, после такой напряженной миссии, Владыкин с гнетущим сердцем подумал:
- Как же будет дальше?
Ему вспомнилась прошлая греховная жизнь с ее рискованными подвигами, но он вспомнил о ней с отвращением. Тогда никто его не преследовал, он сам был способен на все самое несправедливое, жестокое и не только был способен, но и творил много злых дел.
Но вот, уже около восьми лет, он со своей семьей переносит всякие мытарства за проповедь Евангелия, в борьбе против греха и тьмы. Неужели он больше не сможет, с Евангелием в руках, посетить столь знакомые деревни и гостеприимные избы, где его всегда встречали с нелицемерной любовью, как вестника Божия? Неужели пришли те страшные времена, о которых предвещал брат Федосеев Н. Г. на сенокосах с телеги? А что же дальше? Неужели на этих улицах дорогого города никогда уже никто не услышит христианского пения? Неужели теперь - все это до пришествия Христа?
Так, с глубоким волнением, размышляя, он смотрел через дворовое окно на город, напоенный запахом весны. Апрельская слякоть неудержимо рвалась через порог дома на выскобленные половицы кухни. В двери, по-хозяйски, заклацала Луша запором и, войдя в дом, сбросила целый ворох высохшего белоснежного белья. Вместе с ней в комнату ворвалась бодрящая весенняя свежесть, но жена была чем-то взволнована.
- Петя! С самого утра на углу нашей улицы сидит человек, не НКВД-шник ли? Он то походит, то сядет газету читать. Я за ним из-за других домов наблюдала, давно сидит. Может быть, приглядеть, как спрятаться тебе, или уйти совсем?
- Эх, Луша, если уж час наш с тобой пришел, то куда мы уйдем от него? Да и зачем уходить? Бог ведь Тот же: и вчера, и сегодня. Нам с тобой уж теперь не передумывать; а коль пошли за Господом, то оборачиваться назад не будем, - ответил жене Петр Никитович.
- Да, конечно, это так, да плоть-то страдать за Господа никак не хочет, но Его святая воля, - вздохнув, закончила Луша, выражаясь, уже совсем, по-городскому.
Потом, немного помолчав, Владыкин со вздохом проговорил:
- Я в эту ночь сон видел очень короткий: смотрю и вижу, вдруг подходит ко мне старый НКВД-шник и крепко приветствует меня, как своего. Да, Луша, сомневаться тут не приходится, видно, час скорби настал.
- Ой, Петя! - сказала Луша, - забыла, я ведь тоже сон видела, подожди, подожди, дай Бог памяти! - Ага, вспомнила: вижу мост плашкотный через речку, наш вот мост, а ты бежишь по нему от какого-то человека. Смотрю, а враг-то твой, в белой рубахе, но опоясан черным поясом. Я смотрю, а сердце так заныло; вижу он нагоняет, нагоняет тебя, да как размахнется, да как ударит изо всех сил ножом в спину, а ты-то и повалился, прямо на землю.

- Ну, что ж? Давай помолимся, моя дорогая, - пригласил жену к молитве Владыкин. Упав на колени, он усердно молился, что если уж на то Божья воля, то укрепил бы Он его в страданиях и его остающуюся семью. Молился, чтобы Павел, сын его, остался верен Господу до конца и чтобы, если они когда встретятся, то эта встреча была бы благословенной для них и славой для Господа.
Молилась и Луша: если она и останется одна, чтобы закончить ей поприще верной христианкой и детей привести ко Христу.
- Ну, а теперь я попробую выйти, - сказал Петр Никитович, - и если нет никого, то дай Бог пути, а уж если есть, то все равно не миновать их рук, пойду к ним навстречу!
- Нет, Петя! Выйду я, да посмотрю, все вроде как баба, зайду в магазин, потом скажу тебе, как там дело, - убедила его жена и скрылась за дверью.
Возвратилась она очень быстро, но возвратилась какой-то бодрой, он даже подумал, что опасность миновала.
- Ну, Петя! Кругом расставлена слежка: не только на одном углу, но и дальше видела - дежурят с велосипедами, поэтому выходить тебе совсем нельзя.
- Луша! Ты не осуди меня, я хочу попросить тебя, сходи на базар, купи грибочков, так хочется грибков покушать, - попросил ее Петр Никитович.
Жена, за совместную жизнь, не раз такие желания исполняла, да и сама любила грибы, но эта просьба мужа была необыкновенной. С тревогой она посмотрела на мужа, его просьба показалась ей - просьбой умирающего, а в сознании мелькнуло, как искра: может быть, это последний раз здесь, на земле, я ухаживаю за мужем. Она быстро оделась и вышла, заперев за собой дверь.
- Вот самые лучшие и последние вынесла я грибы, возьми, касатка! Нужда заставила! - Уговаривала Лушу первая торговка, какую она встретила.
Луша аккуратно набрала кастрюльку грибов, расплатилась и заторопилась домой. Проходя мимо угла, она опять увидела человека, стоящего с газетой в руке. При виде ее, сотрудник НКВД отвернулся и несколько шагов прошел в противоположную сторону. Луша подумала: "Ведь он сейчас остановится и обернется, дай я пойду и посмотрю ему в лицо, что же это за люди?"
Ее предположения оправдались, человек обернулся назад в этот же момент, когда она подошла вплотную. Серые, бесцветные глаза человека уставились прямо на нее и своим взглядом пронизывали душу. Ей почему-то показалось, что на нее смотрит сама смерть, хотя мужчина был одет в самое обычное.
Поправив кастрюльку, Луша хотела ему сказать что-то доброе, вразумительное, хотела даже пристыдить его: что, мол, вы тут выслеживаете совсем безвинного человека, который ни словом, ни делом никому не сделал зла, но в его взгляде прочла, что все это будет бесполезным, - они ведь знают, что делают. Она прошла мимо него и мимо своего дома, решив обойти весь квартал и, пробираясь дворами, зайти сзади и оглядеть все - нельзя ли спасти мужа от этих рук? От целой своры псов пришлось ей отбиваться, чтобы чужими дворами пробраться к себе. Подойдя к своему забору, Луша облегченно вздохнула, увидев, что вокруг двора никого не видно. В голове созрел план избавления мужа, и она с большим усилием оторвала несколько досок от забора (чтобы пропустить через щель мужа), и слегка приколотила их обратно. Но бедное, любящее сердце ее не знало: в том, что ей в жизни приходилось делать впервые, ее враги имели уже многолетний опыт. Не видела она, что в сарае соседа, прилегающего к их забору, сидела засада из трех человек, а из дворовых окон окружающих домов соседи также украдкой, сочувственно, наблюдали за всем происходящим. Луша, по-своему убедившись, что ее никто не видит, с большим трудом (будучи беременной на последнем месяце) перелезла через забор в свой двор. Когда она вошла в дом, от уличной двери раздался сильный звонок.
- Ну, Петя! Это за твоей душой, - взволнованно сказала Луша, растерянно ставя кастрюлю с грибами на стол.
Петр Никитович слегка побледнел от напряжения, но упование на Господа и уверенность в том, что он ни в чем не виновен, ободрили его и возвратили ему спокойствие. Положив руки на плечи жены, он сказал:
- Дорогая моя, да утешит тебя Господь! Мы сделали для Него, что смогли, и не нами начинается мученический путь христиан, мы его уже заканчиваем. Затем, крепко обняв жену, он возопил к Господу:
- Боже мой! Обниму ли я ее так когда-нибудь еще, здесь, на земле? Если нет, то Ты обними ее Своими благословениями. Будь милостив к ней, если она когда-нибудь от непосильной ноши упадет. И если уж пришел конец моим скитаниям и служению моему, то пусть Твои благословения вдвое, втрое почиют на сыне моем.

Сохрани дом мой на многие годы, и даже тогда, когда кругом его будут бедствия. Будь милостив и к малюткам моим, и к тому дитяти, которое должно родиться. А теперь, как хочешь Ты. Аминь.
- Ну, Петя! - С уверенностью и мужеством проговорила Луша, целуя его, - Я пойду и буду с ними разговаривать, а ты иди и спасайся: около уборной отбито несколько досок, во дворе нет никого. Петр Никитович обнял Дашу с Илюшей и вышел во двор. С улицы непрерывно дергали звонок и сильно стучали в дверь, обитую железом. Луша, не снимая крючка с двери, заговорила с теми, кто за дверью:
- Кто там так безобразничает? Кого вам надо?
- Открывайте! Это из РайНКВД, - послышался раздраженный голос снаружи.
- У меня НКВД делать нечего, - ответила Луша, - Я одна и никому не открою, идите вон рядом, там, то и дело, грабят да убивают, а у меня не пугайте детей!
- Открывайте, вам говорят! Иначе будем ломать двери, с вами же не шутят, а говорят вам, что пришли к вам из НКВД, - еще настойчивей послышалось извне.
- Я никого из НКВД не звала, - продолжала объяснять Луша, - да и не удостоилась ничем вашего посещения, поэтому отвечаю вам, хотите ломайте дверь, но я вам сама не от-кро-ю!..
Она хотела им еще что-то другое сказать, но услышала со двора шум, а с ним - в прихожую ворвалась целая толпа людей, грубо открывая дверь. В толпе она увидела своего мужа. Двое неизвестных ей мужчин крепко за руки держали Петра Никитовича Владыкина, а один из них, поднял крючок и впустил тех, кто стучал с улицы. Вводя Владыкина в дом, один из вошедших, видно главный, пытался успокоить плачущих детей и Лушу:
- Да вы не пугайтесь, пожалуйста, и не плачьте, ничего страшного нет. Вот посмотрим сейчас, что у вас есть, и мужа вашего тотчас отпустим. Зачем шум поднимать?
В открытые дворовые окна было ясно слышно, как Луша, с плачем, отвечала им:
- Зачем вы врете мне и детям моим? Не для того вы день и ночь сторожили и гонялись за мужем по пятам, чтобы отпустить его, и теперь уцепились за него, как за бандита какого. Отпустите руки-то. Уж теперь, куда он убежит от вас? Ведь вас полон дом нашло.
Владыкина действительно отпустили и даже посадили на стул, сами же принялись делать обыск.
- Эх вы, люди-люди, до чего дьявол довел вас! Подкарауливаете бедного, неграмотного человека, среди бела дня врываетесь в его дом, чтобы схватить его и отнять вот от этих малюток. Да еще оправдываетесь: "Мы за Бога не арестовываем".
А за что же вы арестовываете? Вон, смотрите: лежит топор, колун, лом, вот всякие ножи торчат на полке - за них вы не ухватились, а уцепились вот за Библию, чтобы отнять ее у нас...
- Слушай! Хватит тебе, Владыкина, - раздраженно ответил ей старший из вошедших, - а то ты наговоришь на свою голову, и тебе придется пойти с мужем.
- Да что вы мне рот-то закрываете, вы уже самое страшное сделали, отняли отца у детей, а теперь только осталось отнять еще и мать, - не успокаиваясь, отвечала им Луша.
Провожая мужа, Луша чувствовала, что видит его в последний раз и, собирая с ним в дорогу вещи, никак не могла сосредоточиться, из рук ее все валилось.
В последний раз Петр Никитович, как-то тоже растерянно, обнял всех, поцеловал и, подталкиваемый конвоирующими, вытирая слезы, вышел из дому. Луша, обняв детишек, как прикованная, стояла на той самой каменной ступеньке, на какой отец провожал сына в последний раз, и не сводила глаз с той страшной толпы, в какой виднелась полосатая куртка мужа.
Соседи, сочувственно, окружили плачущую Лушу и наперебой рассказывали, как по всем углам были расставлены НКВД-шники на велосипедах, а в сарайчике сидела та самая засада, которая схватила Владыкина, когда он пролезал через забор.
Кругом все дышало свежестью зелени: но ни веселое щебетание пташек, ни игривые солнечные блики в прохладных дождевых лужах, и ничто другое, чем так прекрасен цветущий май - не могло облегчить скорбь души "вдовы" Владыкиной, какой она, неотвратимо, себя чувствовала. В довершение ко всему этому, в самом конце мая, Луша среди ночи, одна-одинешенька, пошла в роддом, за последним ребенком.
Родилась дочурка, отличающаяся, от всех ее детей, крикливостью и чернотой волосенок. Из роддома вышла раньше положенного, так как отлеживаться было не от кого. Дочь назвала Маргаритой.

Шел июнь 1937 года... Первой мыслью, по возвращению домой, было: "Как судьба мужа?" Поэтому, обмыв детишек и немного приведя в порядок дом, чувствуя непомерную слабость во всем теле, Луша, утром следующего дня, побежала в милицию. Но все ее поиски были тщетны, также как и восемь лет назад; ни в НКВД, ни в милиции никто не сказал ей, где находится ее муж.
Уже вечером, обессилевшая, она опять пришла в милицию, села на скамейку в коридоре, ребенка положила на колени, а сама тихо заплакала от обиды, усталости и бесчеловечного отношения. Со двора зашел в коридор дежурный милиционер и, увидев ее, плачущую, спросил:
- Что у вас случилось, дамочка? О чем плачете? Начальства-то ведь нет никого.
- Да, вот весь день с утра разыскиваю мужа, уже побывала и в НКВД, и в тюрьме, и здесь, в милиции, и нигде толку не добьюсь. Владыкин Петр Никитович его звать, - объяснила Луша милиционеру и сказала, какой он из себя. Милиционер сочувственно посмотрел на ребенка, на кабинет начальника и, присев с ней рядом, тихонько объяснил:
- Никто тебе и не скажет про него. Здесь он, в милиции, в особой камере, но он числится за начальником НКВД, только смотри, не проболтайся. Человек-то уж больно хороший, все молится и молится, я еще раньше знал его, да и сына вашего знаю, бедовый до слов-то, начальство с ним, помню, не управлялось. Вот твой сейчас в этой же камере сидит, где был сын. Да, и тебя я теперь припоминаю, ты из-за сына спорила здесь, у начальника в кабинете.
Ну вот что, касатка, сегодня уже поздно, все камеры на ночном замке. Ты завтра приходи, утром пораньше; я перед сменой буду выводить их во двор, на оправку. Ты вот встанешь здесь, за дверью, и увидишь, как он проходить будет, ну и перекинешься двумя-тремя словами. А, так-то, ты ведь попусту бьешься, не покажут тебе его.
- Спасибо тебе, касатик, пусть Бог воздаст тебе за твою доброту, так я и сделаю, как ты говоришь. А теперь вот, когда его забирали из дому, он, больно, просил грибочков покушать. Ну, вот грибочков я принесла, но налетели на него НКВД-шники, как шмели, он и глотка не успел от грибочков проглотить, может, теперь можно передать ему, а то я вот, весь день с узелком таскаюсь. Смерть одна, как руки гудят от тяжести.
Милиционер аккуратно взял узелок с передачей и очень скоро, передав содержимое, возвратил домашнюю посуду.
- Сказал я ему, - шепнул милиционер, чтоб завтра утром доглядел вас за дверью, только смо-три! ...Ни-к-ому!..
Луша так была рада, что и усталь забыла, и, возвращаясь домой, погруженная в свои мысли, не замечала, как гремела крышка на кастрюле...
Утром, чуть свет, Луша была на ногах, наготовила еды для семьи и, придя к назначенному часу в милицию, встала в указанном месте. Милиционер уже начал свое дело с первыми камерами и, увидев ее, кивнул головой. Луша через верхнее стекло двери увидела, как по коридору из полумрака медленно шел к выходу арестант. Своего мужа она узнала по полосатой куртке, измятой, пожелтевшей от камерной грязи. Осунувшееся, обросшее лицо его отражало спокойствие и такое блаженство, какого она у него не видела никогда.
- Покажи дочурку, да как назвала? - приостановившись перед полуоткрытой дверью, проговорил Владыкин.
- Маргариткой... Да, на! Хоть поцелуй! - забыв все предосторожности, Луша вышла из-за двери и сунула свой драгоценный сверток в руки мужа.
Петр Никитович, взяв на руки дочь, сосредоточенно заглянул ей в лицо и, подняв глаза к небу, проговорил:
- Боже мой, Боже мой, и это я отдаю Тебе, в жертву. Будь милостив к ней!
Затем, уже обращаясь к жене, скороговоркой сказал:
- Следствия и суда не было и не будет, только склоняли отречься, но Бог сохранил меня... Здесь Брандин (артист) и остальные... Пусть Вера остерегается...
Милиционер понудил его идти, и Луша, растерявшись, не успела даже обнять его, только крикнула в спину:
- Ну, а когда же ждать?
Пройдя несколько шагов по двору, Петр Никитович еще раз оглянулся и, подняв к небу глаза и правую руку, ответил:
- ...У ног Христа!

В тот же день Луша узнала, что кроме ее мужа, арестовали в эти дни еще четырех братьев, в числе которых был и регент. Ни передач, ни свиданий не было разрешено никому. Не было даже известно, где они находились, и какова их судьба.
Спустя два месяца, на одну из настоятельных просьб Луши начальник НКВД ответил:
- Они осуждены, без права переписки, до особого распоряжения.
После ареста мужа Луша еще утешалась редкими письмами от Павла с Колымы, но с начала 1938 года и эта связь прервалась, и осталась она совершенно одинокой, всеми забытой, раздавленной горем, окруженная тремя малыми детьми.
Прошло более года, и в ответ на многие прошения, жалобы, ей ответили: "Ваш муж умер от воспаления легких".
Петр Никитович Владыкин, как верный свидетель Божий, окончил жизнь в неволе, прославив Бога мученической смертью. Один только Бог знает, где находится его безымянная могила.
В 1956 году семье Владыкиных было извещено, что Владыкин Петр Никитович, посмертно, реабилитирован.

Глава 2.
Первые годы Павла на Колыме.

"...В черной мгле сокрыт путь суровый мой
Но вдали горит огонек живой..."

Мрачное предчувствие охватило душу Павла Владыкина, когда он, в порту, с борта теплохода "Джурия" вступил в колонну заключенных. Холодом веяло от сопок, еще покрытых снегом, хотя уже начался июнь месяц. Жадно лизали волны залива песчаные берега бухты Нагаево, засоренные водорослями и оголенными остатками древесины. Прижимаясь к скальным обрывам, по крутому каменистому берегу поднималась извилистой лентой дорога от порта к городу Магадан. По ней, нескончаемой вереницей считанных колонн, двигались заключенные в город, на пересылку. За перевалами, пестрея разнообразием рубленых бараков, складов и избушек, спускался вниз город, изрезанный траншеями и рвами, извилистым лабиринтом узких загрязненных улиц.
Кое-где, исполинами, возвышались основы строящихся каменных зданий и заводских корпусов. Широкой лентой, между котлованами и заборами, спускалось посреди города Колымское шоссе и, поднимаясь на окраине вверх, убегало в тайгу.
Еле волоча отцовский чемодан, Павел прибыл изнемогшим, наконец, на пересылку. Пребывание их здесь было краткодневным. В бане всем выдали лагерное обмундирование, при этом многие, обманным путем, лишились ценной домашней одежды. Одни, изможденные голодом, отдавали ее за булку хлеба, другие - оставляли и, обманутые, больше не возвращались к своим вещам.
Наконец, настал этапный день, и целую колонну (до 200-х человек) вывели, обрадовав тем, что их повезут на автомашинах. Разместившись в них, люди облегченно вздохнули и тронулись в путь. С самой пересылки уже было известно, что этап направляют в одно из отдаленных управлений. Однако, прибыв в поселок Атку, людей, хотя и покормили горячим обедом, но предупредили, что дальше проезд невозможен, и им придется идти пешком. Так делалось, прежде всего, потому, чтобы люди в Магадане не бунтовали и не прятались от этапа; притом, передвижение летом было, действительно, местами затруднительным, а местами, вообще, невозможным, так как трасса еще не была окончательно отделана.
Больше недели колонна передвигалась вперед, местами - на автомашинах, а, большей частью, пешком. Правда, дорога была людная, уже проделанная. На привалах был организован и отдых, и питание, так что сердце Павла стало несколько успокаиваться от тяжелого предчувствия.
Вскоре этап прибыл в поселок Хаттынах, где было Северное Управление Приисков. Оттуда заключенных должны были направлять по приискам. После дневного отдыха на долю Владыкина выпало - пробираться на прииск Штурмовой (по слухам - это было самое ужасное место).
Подняв людей рано утром, конвой сурово предупредил, чтобы никакой лишней тяжести с собой не брали: дорога будет очень тяжелая и дальняя, для проезда непригодная. Кто не послушает, пусть пеняет на себя. Из беседы с местными заключенными стало известно, что, по причине отдаленности от Магадана, здесь много совершается беззаконий. Конвой допускает страшный произвол, так как никакие жалобы никуда отсюда не доходят.
По выходе конвой, действительно, предупредил, что малейшее отклонение от дороги будет рассматриваться как побег, и им дано право применять оружие. Первые 6-8 километров люди двигались еще, в каком-то

относительном порядке, но стоило им только свернуть в горы, немного отдохнуть, как физические силы стали буквально оставлять людей. С большим трудом этапники поднимались на ноги и двигались дальше. Спустя некоторое время, усталость стала совершенно одолевать путников, особенно тех, кто сразу не решился расстаться с личными вещами, но теперь все равно были вынуждены их бросать. Поэтому по краям дороги, попадались: брошенные ватные одеяла, зимняя одежда, даже валенки и пустые деревянные чемоданы. Но надорванные силы людей уже не восстанавливались. То и дело такие, изнемогшие, приостанавливались, рассчитывая потихоньку брести сзади.
Конвой с ожесточением набрасывался на них, угоняя их вперед, а некоторых, из несчастных, подгоняли борзые псы, сопровождавшие этап. Из-за отстающих, передние ряды то и дело останавливали, что приводило к раздражению и самих заключенных.
На глазах Павла один из отстающих, в изнеможении, опустился на землю. Конвоиры вначале проклинали его за то, что он долгое время не мог расстаться с огромным, почти пустым чемоданом, потом, оставшееся тряпье его, отдали другим, а его, не сумев поднять, стали избивать ногами.
Несчастный, вначале умолял сжалиться над ним, но не получив никакого сочувствия от них, обхватил голову руками и, упав на землю, притих. Убедившись окончательно в том, что человек, действительно, обессилел, колонна оставила его (избитого и окровавленного) и двинулась вперед.
Владыкин и рядом идущие с ним были озабочены судьбой брошенного человека, предполагая, что он, отдохнув, как-нибудь возвратится назад, но один из старых арестантов, расчесывая густую бороду, объяснил:
- Хм, как бы не так, воз-вра-тит-ся! А вы не знаете того, что после нас идут оперативники с собаками - это уж их добыча.
- Ну, и что же? - продолжал Владыкин, - они убедятся, что человек изнемог, поднимут его и возвратят, ведь человек-то не виноват...
- Э, парень! Какой ты наивный, поднять-то поднимут, но не возвратят. Вот послушай, если далеко не уйдем, то услышишь выстрел - вот это и будет избавление несчастному, а оперативнику - награда за то, что выловил беглеца. Если бы не так, то здесь полколонны сели бы на дорогу.
Павел вспомнил свой разговор в Облучье с евреем в кожаном костюме и с ужасом представил себе положение оставшегося. Не прошло и часа, как позади, где-то в отдалении, действительно, раздался выстрел и гулким эхом рассыпался по ущелью. Многие этапники оглянулись назад, может быть, догадываясь о случившемся.
"Не отягчайте себя заботами житейскими...", - вспомнились Владыкину слова Христа.
"Вот так и путь христианина, - опустив голову, думал про себя Павел, - сколько путников в Небесную страну не дошли до конца, придавленные заботами житейскими".
Пройдя несколько шагов, как по команде, почти половина этапников, в отчаянии, опустилась на землю, а кто-то из них крикнул:
- Стреляйте лучше здесь всех, чем поодиночке! Старший, из конвоя, подошел к людям и спокойным тоном объяснил:
- Хлопцы, не больше, как через километр мы выйдем на перевал, там отдохнем и пообедаем, а оттуда дорога будет лучше и пойдет вниз. Ночевать нам здесь нет смысла, лучше, пользуясь луной и короткой ночью, будем идти вперед, отдохнем на месте.
Люди, поверив его словам, помогая друг другу, поднялись и тронулись вперед. Действительно, не дальше, как через километр, они пришли на перевал, где посеревший ноздристый снег, оставшийся еще от лютой зимы, стоял стеною. Солнце закатилось за сопки и прощальными, бледно-зелеными лучами медленно гладило полярное небо. Долина, отчетливо вырисовываясь при последних лучах, теперь медленно погружалась в ночной полумрак. Один за другим, в одиночку и кучками, вспыхивали электрические огоньки. Прямо под перевалом начинались поселки и на десяток километров растягивались вниз, по долине ключа Штурмовой: Энергичный, Верхне-Штурмовой, Средне-Штурмовой и Нижне-Штурмовой.
Этапники расположились на просохшей полянке, в стороне от тракта, и, ежась от вечерней прохлады, кутались в то, что у кого сохранилось. Вскоре запылал костер из сухого, обгорелого сланника, к нему подошли вьюченные лошади: с флягами супа и мешками хлеба. На перевале отдыхали долго, пока люди не покушали и, ободрившись, не приготовились к дальнейшему походу. Шли всю ночь, которая, фактически, была светлая и ото дня отличалась только тишиной. Но эта тишина Павлу Владыкину казалась страшной.

Налево от трассы, по дну долины, располагалось жилье и немногие технические сооружения. Громоздясь одна над другой, посреди долины возвышались горы переработанной земли, гальки. Между ними, подобно легендарным слонам с опущенными хоботами, стояли промприборы , белея свежей древесиной, упираясь 20-30-ти метровыми колодами в изрытую землю. Причудливой ребристой лентой тянулись сплотки , поддерживаемые снизу всякими замысловатыми сплетениями плотничьих сооружений, доставляя потоки речной воды на промприбор, для промывки золотоносной породы песков.
На глубине 1-2-5-ти метров от поверхности долины располагались огромные котлованы-забои, где на самом дне добывался золотоносный грунт и тачками, вручную, доставлялся на промприборы.
Рано утром этап пришел к прииску Средне-Штурмовой, где для Павла Владыкина начались новые страницы страдальческой жизни. Зона лагеря была неохраняемая и только местами обозначалась колючей проволокой, натянутой на жидкие невысокие стойки.
Новичков остановили около столовой, посреди лагеря. Ударом о кусок подвешенной рельсы было извещено о выводе заключенных на работу. Павел, увидев загорелые здоровые лица рабочих-забойщиков, несколько успокоился, заключив, что голод не коснулся этого поселка. Вскоре их разместили, по несколько человек, по баракам. Соседом с ним, по нарам, оказался человек, который по каким-то мотивам не вышел на работу. При знакомстве он назвал себя "Серегой", что как-то не соответствовало его жиденькой бородке и, сравнительно, зрелому возрасту. К удивлению Владыкина, сосед отбывал заключение за воровство, но в лагере, как он выразился, ему навязали политическую статью.
Серега очень скупо, с некоторым надмением познакомил Павла с жизнью и условиями заключенных. Из разговора выяснилось, что голодных на прииске нет, хотя пайки и не хватает. В лагере можно свободно покупать повидло, кетовую икру, соленую рыбу, а, кто выполняет норму более 130%, получает еще дополнительно "красную тачку", т.е. дополнительные продукты.
Кроме того, зарплата у забойщиков очень высокая, и у них на сберкнижках хранятся большие суммы; что нормы выполнимы без особого труда, только надо иметь общий язык с "сотским", т.е. десятником и бригадиром. Рабочий день для заключенных был определен в 10 часов, а в воскресенье каждый имеет право гулять по горам, в окрестностях лагеря и ходить в гости на соседние прииски.
Первым долгом (после устройства в бараке) Владыкин написал письмо матери с описанием всех подробностей, затем на припрятанные деньги купил в ларьке доступное пропитание, а в остаток дня - осматривал расположение поселка и окружающую природу. Далеко на востоке он особенно долго смотрел на перевал, откуда они прибыли. "Будет ли когда-нибудь тот день в моей жизни, когда я еще раз перейду его с тем, чтобы оставить эти мрачные места?" - подумал он.
Пришедшие вечером рабочие совершенно безучастно отнеслись к Павлу, развлекаясь, кто как мог, в своей компании. Многие были заняты картежной игрой, проигрывая огромные суммы денег. Никого из знакомых он не встретил. По лагерю всюду сновали люди, занятые какими-то своими делами, казалось, что пережитые ими лишения, вытравили из души все то, что определяло в них человека.
Поздно вечером бригадир (со своими помощниками) принес в барак ворох продуктов - "красную тачку". Владыкин полуголодными глазами глядел на то, как бригадники разбирали со стола свои порции - сливочного масла, сгущенного молока, сахара, мясных консервов, белого хлеба - и прятали в свои тумбочки. Ни один из них не догадался, хотя крошкою из всего этого, поделиться с Павлом, он был совершенно чужим для окружающих. Бригадир, только после дележки, остановился на ходу против него и, поглядев пьяными глазами, объявил:
- Ты, парень, завтра на развод выйдешь вот с этим звеном, - указал он рукой на соседа. - Питание у нас в бригаде стахановское, поэтому жми, чтобы не отставать, 140% дай как штык, хоть душу вон, а сейчас я тебя записал в список на спирт, но пить тебе его вредно, понял?! - повелительно проговорил он и, под хохот бригадников, вышел из барака.
Выйдя на работу, Павел был удивлен, что в забое было большое скопление людей, и все они спешили, обгоняя друг друга, выполнить данное им задание. В числе других получил его и Владыкин. "Сотский" Попов сделал какое-то измерение, ногою указал начало разработки, и "вперед - хоть до зоны", - иронически заметил он.
Вереницей, друг за другом, люди торопливо гнали огромные тачки с золотоносным грунтом на эстакаду, а там, с шумом опрокинув в вагонетки, бегом спешили в забой обратно. Среди них был и Павел. Напрягая все силы, он

старался дойти до намеченного ему места, чтобы пораньше кончить свою норму, с явным перевыполнением. Он знал маркшейдерское искусство в замере грунтов, знал и "лукавые" проделки десятников (сотских).
В конце дня Попов, залихватски, замерил его выработку и, с деланным недоумением, заметил, что Владыкин не выполнил и 100%. Очень досадно было Павлу перетерпеть этот наглый обман, с каким он встретился с первого же дня. Крикнув бригадира, он сделал замер до первичного ориентира, а затем до конца выработки - данные промера не совпали с записями в книжке Попова, и тот удивился, что его "тайны" известны кому-то еще.
- 152% - торжественно объявил Павел, наспех подсчитав выработку.
- Эге, парень, ты видно много знаешь, но мелко плаваешь, здесь из тебя душок мы выбьем, приморить тебя надо, пр-и-м-о-рить, - процедил сквозь зубы "сотский" Попов и, метнув на Владыкина взгляд "молнией", перешел к соседнему забою.
- Васек! Здесь не надо... все в порядке, я сам промерил, - остановил Попова бригадир и со злобой зыкнул на Павла:
- А ты, напрасно, тачку опрокинул, премудрый пескарь, 40% еще мне вынь да положь, иначе я из тебя душок выбью. Не дашь - солдата вызову, с "доходягами" до ночи будешь торчать в забое. Павел покорился несправедливому приказанию и принялся работать дальше, но вскоре к нему подошел сосед по забою и с участием объяснил Владыкину:
- Ты брось, парень, тачку свою, неужели ты не понимаешь, что горбом здесь ничего не заработаешь; здесь две силы, которыми все кругом двигается и сама жизнь: туфта и блат. Туфта - это приписка, обман, с чем ты сегодня столкнулся, а блат - это знакомство, но бесчестное. Тут заведенное колесо: сколько в зоне остается блатных и при них личных дневальных, сколько в каждой бригаде картежников - они же добычу делят с бригадиром, десятником и прорабом. А мы, "стахановцы", думаешь и в самом деле ежедневно даем 140%? Да мы давно бы кровью истекли, как вон, рядом в забое, некоторые глупцы. За все это расплачиваются ку-би-ки, вот те самые, что у тебя сегодня Попов оторвал. Кубики - это все: деньги, красная тачка, спирт, стахановский и рекордный паек, а самое главное - за-че-ты, понял? А где их добыть? Вон видишь этих "доходяг", что ветки с сопки спускают? Раньше - это были богатыри, давали натурой 150-200%, а теперь - сактированы, потому что из их 200% оставляли им 80-100%, а потом и того меньше.
Да, и нас вот возьми, начисляют нам на получку, по 1500-2000 рублей, а себе мы оставляем, самое лучшее, 400-500, остальное - идет все на блат, да на туфту.
Вся эта жуткая правда тучей остановилась над головой юноши, и Павел лучше приготовился к грому и молнии, чем быть участником в этих мерзких делах. В ближайшее воскресенье он решил поискать братьев и, не найдя их в своем лагере, после обеда пошел на Верхний. В первом же бараке ему дали адрес одного человека в лагерной кубогрейке. Павел пошел туда. Его встретил невысокий пожилой мужчина, с редкой рыженькой бородкой.
- Мир вам! - приветствовал Павел.
- С миром, брат, - ответил ему кубогрей; освободив ведро из титана, он поставил его на топчан и потянулся к Павлу с приветствием.
- Я со Среднего, - объяснил Павел, - на днях нас пригнали этапом, я не нашел у себя никого из "наших" и решил придти сюда. Сегодня Воскресение, и хотелось бы, хоть немного, побыть вместе, давно уже не видел "своих". Зовут меня Павел Владыкин, я еще не крещен, но Господь помиловал меня.
- Очень приятно, брат милый, какой ты еще юный, сохранил бы Господь, в сердце твоем, упование на Него, ох, как многие здесь не выдерживают, гибнут душою и телом. Но ты надейся на Бога, Он поможет и сохранит. Меня зовут Иваном Петровичем Платоновым, я из Ленинграда, был там в общине, изредка проповедовал, малограмотный я. Дома остались жена и детки, а сам - вот здесь. Нас здесь четверо: братья собираются у меня, мне ведь здесь отойти нельзя ни днем ни ночью, грею кипяток на весь лагерь. Вот мы иногда соберемся, побеседуем, помолимся, а иногда и попоем, да уж, больно, начальство ненавистное - гоняют, а если так вот застанут - вместе за молитвой - то и в карцер посадят. Меня уже сколько раз хотели снять, да не найдут добросовестного на мое место.
Братья, наверное, уже где-нибудь сидят, я сейчас подброшу в титан, да и отведу тебя.
Павел так был рад, что нашел своих братьев, а когда сошлись вместе, да поприветствовались друзья, душа как-то совсем ожила. Долго и сердечно молились они вместе и потом особенно, с глубоким чувством пропели: "Не тоскуй ты, душа дорогая..."

В беседе братья познакомили его с другими братьями, рассказали ему, что на Нижне-Штурмовом, до самого освобождения работал поваром на лагерной кухне, многим известный, брат Иоган Галустьянц, что брат Иоган часто посещал их, ободрял и много делился толкованием из Откровения Иоанна Богослова, рассказывал о том, сколько жутких моментов пережил он от блатных, когда те требовали от него, чтобы он неограниченно снабжал их самыми ценными продуктами с кухни, как он в ответ на это, под ножом убийц, проповедовал им Христа распятого, а в котелки наливал только то, что было положено; как они впоследствии, провожая его на "материк" домой, обнимали как родного отца, благодаря за добрые, спасительные слова и его твердость в вере.
С ним вместе был также на прииске очень грамотный брат - Володя Шичалин, который также много посещал здесь братьев, по приискам, и даже сестер, пока их не убрали на женские лагеря. Но и он совсем недавно освободился, и с первым пароходом уехал домой.
Кроме того Павла научили, где и кого разыскивать на его прииске. Уже вечером, с великой радостью, он возвращался на свой прииск с решением - до конца быть верным Господу.
Но тучи над его головой сгущались все темнее и темнее. Он не имел ничего дополнительного к своему пайку, и его силы быстро таяли. Со стахановского питания его вскоре перевели на ударное, а через месяц ему "еле-еле", по выражению бригадира, отхлопотали производственное. Практически - это просто голодный паек, при непосильном изнурительном труде.
В дополнение ко всему прочему, получил он письмо от Луши, матери своей, и как он понял, письмо предсмертное. Писала под диктовку матери, видимо, медсестра. Оно было коротко, но потрясающе: "Павлуша, отца взяли и от него "ни слуху ни духу". Я лежу при смерти, страшно и описывать, из меня выкачали 10 литров гнойной жидкости. Ребята остались одни, бабушка совсем не показывается из Починок, Федька пропал без вести, жена его умерла, остался полон дом сирот. Может быть, хоть тебя, Бог возвратит к детям. Господь с тобою. Мама".
Голодный, изнемогающий от ужасного труда, Владыкин почувствовал себя совершенно одиноким. Как-то раз, накладывая в тачку породу, Павел пошатнулся и упал вместе с ней. Бригадир, проходя, увидел это, зверем взревел, потрясая кулаками над Владыкиным:
- Что, до-вел се-бя? Теперь червяком ползаешь по земле, ух гад... Убирайся из моей бригады, ищи смерти сам себе, не вводи меня в грех, в-ста-вай, го-во-рю! - глумился над несчастным, обезумевший человек.
Павел, пошатываясь, подошел к ручью, обмыл липкую глину, затем возвратился к опрокинутой тачке и застыл, не зная, что делать. Из нависших темных туч холодными струями низвергался дождь и, как плетью, хлестал заключенных. Промокшая спецовка леденила исхудалую грудь и спину.
Павел осмотрелся кругом, ища какое-либо убежище: но бедные арестанты, спрятавшись либо под опрокинутыми тачками, либо накинув на голову и плечи, единственный пиджак-робу - предоставили себя буйству стихии.
Павлу казалось, что дождь проходил полыньей и остановился над ним, размывая глину в опрокинутой тачке. Он попытался поднять ноги и ступить на деревянный трап, но глинистая масса так цепко ухватилась за его башмак, что силы для этого не нашлось. Под струями дождя, блистающими точками, сверкали крупицы золота как в забое так и в выпавшем из тачки грунте.
Павел с отвращением посмотрел на это сокровище и тихо сказал:
- Вот она какова, цена этого проклятого, презренного металла!
Едва дождевые струи немного стали утихать, из-под эстакады, в парусовом плаще, выбежал "сотский" Попов и прокричал на весь забой:
- Что стоите, дождичка испугались? Не сахарные, не размокнете, видите, дорожка пустая, пески, пес-ки на ко-ло-ду!
И бедные люди, как бы очнувшись, спотыкаясь и скользя, потянули тачки с породой опять на эстакаду. Павел видел, что бригадир, оставив его, подошел к Попову и что-то ему сказал. Увидев теперь десятника у эстакады, он решился пойти к нему и заявить, что в забое больше работать не может, будь что будет.
- Десятник, что хотите со мной делайте, но больше в забое я работать не могу, - заявил Владыкин, подойдя к нему.
- А куда я такого красавца дену, к себе, за пазуху, что ли возьму? Мамочки нет здесь, ра-бо-тать нуж-но! - бросил ему Попов на ходу и пошел к эстакаде.
Потом, пройдя несколько шагов, остановился и, с каким-то лукавым огоньком, бросил Владыкину:

- Впрочем, подожди, есть для тебя работа, но смотри, если и там не удержишься, то сам палкой буду гнать тебя до самого изолятора. Иди сюда! - скомандовал он ему, - вот видишь, как вагонетки идут на гору из-под эстакады? Вот этой муфтой, наклепанной на стальном тросе, они цепляются за рожки, приваренные к вагонетке. Трос часто полощется, и муфта выскакивает из рожков, а вагонетка катится вниз и, ударившись в нагоняющую, делает аварию. Ты будешь здесь дежурным, как увидишь, что вагонетка сорвалась, лови ее на следующую муфту и провожай опять в гору.
Павел вначале был очень рад, но потом понял, что его поставили на такое место, где он, рано или поздно, должен будет погибнуть при катастрофе. Однако, не видя никакого иного выхода, согласился и встал на дорожку в указанном месте. Работа ему очень понравилась, особенно, когда канат по каким-либо причинам останавливался. Тогда он, поднявшись на возвышенное место, подолгу наблюдал за трассой, по которой его привели летом на прииск. Днем и ночью, почти беспрерывно, двигались по ней изможденные этапники с перевала и распределялись по приискам. Вспоминая пережитые им моменты, Павел, во многих из этапников, видел себя. Многие из них останавливались и на Среднем. Вечером, после работы, он со страхом всматривался в прибывших, желая увидеть кого-нибудь из верующих, но перед ним проходили: профессора, инженеры, врачи, директора предприятий, артисты и режиссеры, высший и средний ком.состав из армии и флота - можно сказать, самый цвет интеллигенции; верующих в этой среде не попадалось. Все эти несчастные заключенные были в крайне отчаянном положении. Истощенные мучительным этапом, они бродили по прииску, чтобы обменять дорогостоящие предметы: обувь, одежду, костюм на булку землистого, не пропеченного хлеба, кусочек сахара или сливочного масла, но увы - это почти не удавалось.
Голод молниеносно распространялся по всей долине Штурмового, начиная от Верхнего, кончая Нижним. И это объяснялось, главным образом тем, что запасы питания были израсходованы очень быстро, по причине притока людей (на которых продукты не были рассчитаны). Скоро норма питания была доведена до голодной, т.е. едва хватало по 300, потом и по 200 граммов суррогатного хлеба на человека.
Обезумевшие от голода, люди набрасывались на дневального, несущего хлеб из каптерки в бригаду, и расхищали его открыто, среди дня. Однажды Владыкин был свидетелем потрясающего события:
Отряд заключенных, охраняя дневального, доставлял в барак утренние пайки хлеба. Выскочив из-за угла, голодный, оборванный, грязный человек, расталкивая людей, подбежал к дневальному, схватил две пайки хлеба и, закрыв голову телогрейкой, упал на землю, с жадностью, поглощая добытое. Весь охранный отряд, из пяти человек, набросился на несчастного и, избивая его ногами, пытались отнять похищенное, однако, это им не удалось. Избиваемый, окровавленными руками, защищал лицо, поедая остатки, частью уже, раскрошенного хлеба. Отнятая же охраной часть была настолько перепачкана землей, что они с отвращением бросили ее обратно, оборванцу, на землю, и это было им, моментально, съедено.

* * *

Наконец, как-то быстро подошла зима с ее лютыми морозами и, по-разбойничьи, буйной пургой. К концу декабря морозы доходили до 70-ти градусов. Палатки-бараки почти не отапливались, так как бревна, заложенные в печки-бочки, едва обогревали себя, и оборванный люд, навалившись кучами, почти лежали на них. Заиндевелый парусиновый потолок и стены леденили душу голодных, застывших, оборванных людей. Не перестающая многодневная пурга прекращала всякое движение в поселке.
С большим трудом и побоями удавалось выгнать людей из барака, чтобы с ближайших сопок набрать дров, в первую очередь, для пекарни, бани-прачечной, столовой-кухни и начальству. Но еще труднее, под строгим конвоем, люди должны были доставлять дрова в забой, чтобы отогревать золотоносные грунты. Началось массовое обмораживание людей. С обезображенными, до неузнаваемости, лицами, без медицинской помощи, они лишались пальцев на руках и ногах, бродили кругом, ища, где бы заработать кусочек хлебушка и пару, тройку замерзшего картофеля.
В середине зимы, наконец, была открыта трасса и автомашины, нагруженные разным грузом, потянулись на прииски. Норма питания, хотя и стала выдаваться полностью, но истощенным людям это уже не помогало. Смертность стала увеличиваться до того, что ежедневно умирало по 5-10 человек. Окоченелых людей подбирали на сопках и волоком тащили в лагерь, некоторых подбирали, не дошедшими до бараков, у штабелей мха, на завалинках.

Владыкин был особенно потрясен, когда однажды, невдалеке от него, утром, с бранью, поднимали заключенного на работу (люди тогда спали, совершенно не раздеваясь), но он, лежа навзничь на нарах, с вчерашней пайкой хлеба на груди, не поднимался. Осмотрев его внимательно, обнаружили, что он мертв, а сжатый в кулаке хлеб выступал между пальцами как глина. Ужасом смерти веяло отовсюду.
Обессилевших, оборванных людей начали выбирать из бригад и поместили в одно место - огромную палатку, обложенную мхом. От этого их положение ухудшилось еще больше. Дух Павла Владыкина упал окончательно. Давно уже у него не было тех согревающих молитв, не было и места, подобного "Хорафу". Смерть медленно, но наступательно овладевала его душою и телом. Павел, что было силы, боролся с нею: иногда, добыв беремя дров, менял их на кусочек хлеба или котелок супа. Но уже неоднократно, физически более крепкие заключенные отнимали у него их, лишая его последнего источника спасения от голода. Мышление совершенно остановилось, все внимание было занято одним: хлеб, хлеб и хлеб... Вместо молитвы, Павел возносил только вопль к своему Господу:
- Боже мой, Боже мой, избавь меня от этих страшных мучений, пошли мне скорее смерть...
А шел ему всего-навсего 24-й год. В долгие зимние вечера он ходил в единственно рубленный барак и часами наблюдал там за людьми, в надежде найти "своих". Барак всегда был хорошо натоплен, и Павел, отогреваясь, видел, какими беспомощными погибали люди из "цвета" интеллигенции, совершенно не способные добыть где-либо пропитание. В прошлом: научные работники, мастера искусства и прочие великие люди - здесь превращались, более чем в детей. Украдкой, пряча от товарищей под полой бушлата котелок, в который удалось где-то поднять головку рыбы или горсть картофельных очистков, кто-нибудь из них протискивался к горячей печи, чтобы поставить его там.
Его сосед, с завистью, смотрел на него, но не имея ничего подобного, довольствовался лишь тем, что разбавлял водой остатки супа с хлебом, добавив соли, и кипятил их на той же печи. Люди пухли от голода, отравлялись съестными отбросами и погибали без стона, и единого взгляда сожаления со стороны начальства.
В один из солнечных, воскресных дней Павел с трудом поднялся на сопку, чтобы набрать дров для обмена на хлебушек.
Утомившись от тщетных поисков, он уже решил возвратиться в лагерь, как в стороне от набитой тропы, за бугром, услышал знакомое пение. Подойдя ближе, Владыкин увидел, как вокруг небольшого костра, расположившись на обогретых кустах стланника, с выражением глубокой скорби на почерневших от мороза лицах, мелодично, с чувством пели четыре человека:
Страшно бушует житейское море,
Сильные волны качают ладью;
В ужасе смертном, в отчаянном горе:
"Боже мой, Боже!" К Тебе вопию.
На мгновение, посмотрев на них, он узнал, что один из них, работал плотником, другой - столяром, остальные были не знакомы ему. Без слов, он опустился на колени между двумя из них, перед костром; глаза, полные обильных слез, поднял к небу и, хотя прерывистым, дрожащим голосом, но не нарушая стройности пения и благоговения, запел вместе с ними:
Сжалься над мною, спаси и помилуй!.
С первых дней жизни я страшно борюсь.
Больше бороться уж мне не под силу,
"Боже, помилуй!" - Тебе я молюсь...
Павел с таким чувством пел этот гимн с братьями, что подобного наслаждения он не испытывал никогда. Глядя на небо, ему верилось, что с ними вместе в эти минуты пели небесные Ангелы, а где-то еще выше их, стоя перед престолом Бога и Агнца, внимали их песне сонмы святых старцев в белоснежных одеждах, уже прошедшие этот же путь страданий.
Да, это было, действительно, воскресное собрание, но совсем не такое, в каких он участвовал когда-то в родном городе, но собрание, где бесчисленные сонмы небожителей соединились с этой горсточкой изможденных отшельников. Интересно было услышать, что эти же чувства высказывали Павлу и остальные четверо братьев. В эти мгновения их сокрушенные сердца посетил Дух Святой с такой силой, что один из них воскликнул:

- Братья! Может ли быть, еще большее блаженство, чем то, что мы, отверженные, приговоренные к смерти, испытываем здесь? Ведь Сам Господь и Его святые Ангелы с нами, и не к нам ли относятся слова утешения: "Ибо очи Господа обозревают всю землю, чтобы поддерживать тех, чье сердце вполне предано Ему" (2Пар.16:9). Это Те очи, которые видели умирающего Стефана, Апостола Иоанна на острове Патмос, первомучеников, терзаемых львами, наших дедов и отцов, умерших в пытках. Это очи Того, Кто Ангелу Филадельфийской церкви сказал: "Знаю твои дела... ты не много имеешь силы, и сохранил слово Мое, и не отрекся имени Моего... держи, что имеешь" (Отк.3:7-11). А что мы имеем, потеряв на земле все, это нам показал Господь с вами здесь, в эти минуты.

Предлагаю, братья, стоя вокруг костра спеть еще гимн:

Непобедимое нам дано знамя,
Среди гонений его вознесем.
Бог нас в удел приобрел Себе вечный
И нам победу дарует Христом.
Вслед за Иисусом, в бой без смущенья,
Радостно с пеньем пойдем!
Вслед за Иисусом, без отступленья,
Мы победим с Христом!...

Так, согретые любовью Божьей, страдальцы воспрянули духом и, со слезами радости, кинулись друг другу на шеи, приветствуясь после пропетого гимна.

А кругом царила смерть.

Молча, низко опустив головы, группа арестантов, проходя мимо, тащила на большом куске стланника скорченного, застывшего человека.

То был режиссер одного государственного театра Ленинграда. Он, глядя на других, хотел наломать дров, чтобы добыть за них кусок хлеба, но, присев отдохнуть - смертельно застыл.

Подобно этому, другая группа волочила сани, в которых лежали двое арестантов, потерявших речь и рассудок.

Братья, увидев несчастных, поблагодарили Господа, что Он еще сохранил их и, открыв свои торбы, решили порадоваться за трапезой любви. Кто-то, из-за пазухи, достал сохранившуюся от утра пайку хлеба, брат (плотник) достал в тряпице целую селедку, брат белорус (столяр) рассказал, как он около пекарни, на дороге заметил рассыпанную муку и смел ее в мешочек вместе со снегом. Собрав все в большой котелок, узники вскипятили на костре и, с благодарностью Господу, скушали, как самую богатую трапезу любви.

На этом воскресное собрание узников было закончено. Завершающая молитва была очень краткой и напоминала вопль к своему Искупителю - чтобы всем им остаться верными до конца.

Это воскресное общение в мученической жизни Павла было яркой вспышкой; и пока он шел по горе, душа его горела надеждой, но как увидел поселок, погруженный в синюю дымку, сердце его затосковало по-прежнему, так как впереди царила смерть. Молитва была очень короткой:

"Господи, как хорошо у Тебя и с Тобою, и как уже не хочется, и нет сил, жить здесь, на земле. Я не знаю, что ожидает меня впереди, ведь у меня все, что составляет жизнь, что в ней ценно - все потеряно. Не знаю, что мне еще можно и придется потерять? Из всей моей жизни, всех надежд - потеряно все, остались только арестантские рубища, которые едва согревают тело, и последний вздох.

Среди этих мучений я просил бы у Тебя одного: сохрани нелицемерную веру во мне до этого последнего вздоха, веру в Тебя, в Твое милосердие и сострадание, в Твою любовь. Аминь".

* * *

Работа на дорожке подходила к концу, реже двигались вагонетки, аварий почти не было. Грунта подавалось в колоду все меньше и меньше, мороз сковывал все так, что люди не в силах были отогревать забои, хотя сюда были брошены все людские и конные резервы, истощилась окончательно сила и у Владыкина. В обеденный перерыв он, покушав, вышел из душного помещения тепляка .

Как никогда, во всем существе ощущалась огромная потребность в отдыхе, так что невольно, наклонившись грудью на перила, у него как-то все опустилось: голова поникла на грудь, руки повисли за перилами, ноги еле держали тело. Уже долгие месяцы он не имел никакой возможности отдыхать. Холод и голод, днем и ночью, не

давали покоя. В холодном бараке Павел ни разу не мог раздеться, поэтому ночами лежал в каком-то сонном бреду, страдая, ко всему прочему, от мучительного зуда в немытом теле. Так хотелось: где-то в тепле, хоть раз, раздевшись выспаться, потянув все члены, но увы - это было неосуществимой мечтой.
По дорожке снизу тянулись на прибор полугруженные вагонетки, затем остановились и они, на время съема золота с промывочной колоды. Специальные люди, под охраной вооруженного человека, засуетились над этой самой ответственной операцией. Доступ воды прекратился, и съемщики, звено за звеном, поднимали решетки со дна колоды, под которыми на сукне, по длине всей колоды в 20-25 метров, поблескивали мелкие крупицы золота, а часто - мелкие куски-самородки, всякой причудливой формы.
Все это аккуратно скручивалось и погружалось в большое металлическое корыто-зумф, частью залитое водой. Затем сукно тщательно промывалось и, освобождаясь от металла, складывалось обратно в колоду. Содержимое зумфа мелкими дозами, вручную, промывалось лотками, и отмытое золото ссыпалось в своего рода металлическую жаровню, подогреваемую медленным огнем, где оно освобождалось от влаги.
Затем, уже просохшее, золото ссыпалось в мешочки для доставления его в золотую кассу управления. Павел со скорбью смотрел на всю эту операцию и затем - на аккуратно сложенные мешочки. Глубокий, мучительный вздох вырвался у него из груди:
- Сколько тысяч жизней занято добычей этого металла, а сколько этих жизней уже отдано в жертву за него?! Сколько крови пролито за него, а сколько еще прольется, когда его увезут дальше, если увезут?! Сколько жизней людских будет еще продаваться и покупаться за него! И как счастлив тот человек, то человеческое общество, которое свободно от него.
Каким-то ужасом повеяло на Владыкина от этой жаровни с золотом, и, хотя так не хотелось двигаться с места, но он отвернулся от съемщиков. Когда они уже погружали все на лошадь, он медленно побрел вниз по дорожке. Внизу, почти у самой эстакады, он заметил, как канат дрогнул, и вагонетки со скрипом поползли вверх; работа, после перерыва, началась своим чередом.
Увидев оставленный людьми костер, Павел хотел было уже свернуть к нему и хоть немного, сидя отдохнуть, но вдруг услышал привычный, тревожный, металлический скрежет и, обернувшись, посмотрел вверх по дорожке. Одна из груженых вагонеток сошла с рельс и, забурившись в землю, опрокинулась в сторону, следующая за ней - отцепилась от муфты и с нарастающей быстротой катилась вниз.
Жаром обдало лицо Павла - ухватившись за канат, он пытался поймать вагонетку на следующую муфту, но канат от удара подскочил вверх, а, остановившаяся на мгновение, вагонетка покатилась опять вниз. Павел растерялся, собрал последние силы, бросился навстречу ей, и, совершенно бессмысленно упершись руками, пытался сдержать, хоть сколько-нибудь, груженую махину собой, забыв, что сзади наверх поднималась следующая, такая же груженая вагонетка. Инстинктивно, он оглянулся назад в тот самый момент, когда нижний вагон подошел сзади, вплотную к нему. Павел едва успел несколько наклониться в сторону, как раздался грохот и скрежет металла от столкнувшихся вагонеток. Передняя, сойдя с рельс, поднялась задом на дыбы, и он, от ужасной боли в ноге, потерял сознание...
Когда Владыкин очнулся, первое, что он увидел, это склонившееся озлобленное лицо "сотского" Попова и рядом с ним, такое же лицо, бывшего своего бригадира.
- Ну что, очухался, гад... посмотри, что наделал, я го-во-рил тебе...
Обе вагонетки, опрокинутыми, валялись на боку, между ними, с окровавленной ногой, на земле и в грязи, лежал навзничь Павел. Толпа арестантов сбежалась посмотреть на несчастного. Кто-то из них, сняв шапку, перекрестился и сочувственно проговорил:
- Отмаялся, горемычный...
- Да ты что крестишься, как за упокой, он еще глазами лупает, - возразил другой.
Но тут подошла гробарка и, расталкивая толпу, Попов закричал:
- Что рты поразевали, по-ду-ма-ешь важное происшествие, рас-хо-дись по за-бо-ям! Пускай дорожку!
В момент катастрофы дорожка была выключена. Затем, бесцеремонно оттащив Владыкина немного в сторону, кто-то сдернул с потерпевшей ноги валенок и закрутил до колен, испачканную в грязи, штанину. Павел заметил на кальсонах запекшееся, кровавое пятно ниже колена и вновь потерял сознание...

Пришел он в себя, когда повозка остановилась, в больничном городке прииска Нижний Штурмовой. Первое, что он почувствовал, - сильную боль в ноге. При попытке пошевельнуть ею, он застонал от нестерпимой боли, но с радостью заключил, что нога цела.
- Слава Богу! Слава Богу! - тихо прошептал он про себя, - не только сам, но и нога цела, а остальное Господь усмотрит.
При врачебном осмотре оказалось, что каким-то чудом, несмотря на то, что Павел попал между столкнувшимися вагонетками, нога была действительно цела, не переломана, только какой-то металлической частью пробило ее до самой кости, образовав глубокую рану.
За долгое-долгое время Павла впервые обмыли, одели в чистое белье, сделали перевязку и уложили в просторной, натопленной комнате, на мягкую постель. Несмотря на ноющую боль в ноге, Павел моментально заснул крепким, блаженным сном, да так, что его еле-еле добудились, только утром. Он был так счастлив, что после пережитых мытарств, от радости не находил слов благодарности Богу за то, что Он, хотя и ценою таких потрясений, дал ему эти дни настоящего отдыха, а слезы лились и лились из глаз ручьем.
Первое время он днями и ночами спал, передвигаясь на костылях только за самым необходимым. И, хотя боль не унималась, но врач успокоил его тем, что рана чистая, опасность никакая не угрожает, выздоровление придет быстро.
Павел был этому рад, но как страшно было думать, что придется возвращаться на прежнее место! Питание было, хотя и сказочно-отличным, по выражению Владыкина, но что это для истощенного человека? Тем не менее, он почувствовал, что силы к нему ежедневно прибывают.
По прошествии 2 недель костыль от него убрали (как он ни умолял его оставить); с трудом, ему пришлось достать просто палку, при помощи которой едва можно было пробираться по комнате. На последнем врачебном осмотре ему было объявлено, что держать его больше не могут, выписывают как выздоровевшего, и как снисхождение к нему, его на подводе отправят на Средний.
С болью, опираясь на палку, Владыкин прибыл на прежний прииск, только зачислен был в другую бригаду на земляные работы. Новый бригадир с большим вниманием отнесся к нему, но предложил сходить в санчасть. Там, с бранью, его выгнали из приемной, признав совершенно здоровым, обозвали филоном, отказав во всякой помощи.
Но Господь послал расположение не только бригадира, но и нового мастера, и первые две недели Павел был устроен на легкой работе, где достаточно окреп, чтобы ходить уже совершенно свободно.
Положение же заключенных ухудшалось все больше и больше. Рабочий день продлился до 12 часов, люди менялись прямо в забое, лютые морозы сменялись рокочущей снежной вьюгой, вся жизнь проходила в непроглядной темноте, так как световой день длился 2-3 часа. Долгое время солнце не показывалось совсем, только было видно, как оно пряталось где-то за вершинами гор.
В довершение всего, начальником лагеря был прислан особо злой человек, ненавидящий заключенных всеми силами души и, соответственно, цвету волос, именовался среди заключенных просто "Рыжий". По его указанию, перед выходом была установлена трибуна, куда рано утром сгонялось все население лагеря и, как правило, на стуже или под завывание метели, заключенные по часу и более ожидали его прихода, не имея права отойти ни на шаг. По приходу его (а он всегда был изрядно пьян), по полчаса или даже по часу, все еще должны были выслушивать выступление, где он с упоением высказывал всевозможные обвинения в адрес заключенных, клеймя их позором и запугивая еще большими карами в будущем.
Речь сводилась всегда к тому, что каждый из заключенных должен считать себя счастливым и благодарным администрации лагерей за то, что имеет в своем распоряжении труд, этот паек и эти рубища на плечах. Бывали случаи, когда кто-нибудь из отчаянных заключенных не выносил этих моральных пыток на 40-50-градусном морозе и выкрикивал просьбу об окончании речи. За такое оскорбление человек исчезал совсем или на долгое время.
После такой выдержки люди, застывшими, приходили в забой, где категорически запрещалось разжигать огонь, так что единственным спасением была работа.
Павел тянулся, что было силы, но когда силы совершенно оставили его, он приготовился в отчаянии умирать, но и к этому не находил путей. Из той интеллигенции, какую он видел в начале зимы, в живых не осталось почти никого. Наиболее выносливым оказалось простонародье, но и из него - один за другим погибали от истощения.

Некоторые заключенные пытались отрубить себе пальцы на руках или ногах, лишь бы воспользоваться краткодневным освобождением от этого каторжного труда, другие искусственно обмораживали себе конечности, но и тех и других, разоблачали, судили за членовредительство и без всякой помощи выгоняли, опять-таки, на работу.
Однажды после очередного, морального издевательства "Рыжего" с трибуны, на разводе, Павел, придя в забой впал окончательно в глубокое отчаяние и, обхватив голову руками, упал на мерзлую землю и горько, безутешно зарыдал:
- Боже мой, Боже мой, зачем Ты оставил меня? Неужели не будет конца этим мучениям?...
- Эй, парень! Ты чего, замерзаешь что ли здесь? А ну-ка, иди к костру, отогрейся, - услышал над собой Павел голос бригадира. Подняв с мерзлой земли Владыкина, он подвел его к костру и распорядился, чтобы ему дали место.
- ...Ну вот, может быть, теперь будет полегче, - заканчивал какой-то рассказ десятник, поправляя дровишки в догорающем костре.
- Так что не унывай, - толкнул он в бок Владыкина, - слышал?... "Рыжий"-то наш, того... концы отдал!
Павел, не имея чувства злорадства, не радовался вместе со всеми, услышав о гибели начальника, но просто заинтересовался, тем более, что сегодня утром, глядя на него, на трибуне, он подумал: "Неужели человек может быть таким ужасным?"
- А что случилось? - спросил он десятника.
- Как, что случилось, разве ты не знаешь? Видишь, дорожка не работает, начальство сбегается со всех сторон смотреть на "Рыжего", - пояснил десятник.
В это время, рядом стоящий заключенный, перебивая его, рассказал Павлу:
- Прямо с развода "Рыжий" побежал наверх, над забоями по шурфам, чтобы посмотреть: сколько взорвали за ночь грунта, сколько приготовили новых шурфов ко взрыву, как двигаются короба с грунтом, работают ли в забое люди? Шурфовщики-же вычистили шурфы и, оставив инструменты на дне, ушли в бараки на отдых. Выгруженная порода около шурфа, как правило, всегда мокрая, пополам с грязью примерзла, а снежок все припорошил.
"Рыжий", сгоряча, побежал по кочкам грунта мимо шурфов, да не заметил, как в одном месте прыгнул на обледенелую скользкую груду, да и юркнул прямо в шурф. Ну, а шурф был около семи метров глубиной, а на дне лом торчал в бурке. Ну, работяги пришли, глянули вниз, а там "Рыжий". Тут, пока добежали на вахту, пока пришел дежурный - человека вытащили, а у него лом прошел насквозь (снизу через внутренности), да и торчит с полметра около подбородка, кровищи-то - все дно залило. А тут подняли его, положили на землю да чуют, от него спиртом за версту прет, да и в кармане еще фляжка со спиртом. Вот и лежал он с ломом, пока комиссия пришла.
Вот парень, как в жизни бывает, - подмигнув, закончил рассказчик, - в общем, все шито-крыто, а от "Рыжего" избавились, царство ему небесное.
- Да, друг, - глубоко вздохнув, ответил Владыкин, - на земле-то мы все свидетели, как он царствовал, а уж в небесном царстве - он царствовать не будет, да и не хотел.
- Вообще, как все это ужасно, - продолжал собеседник, - ужасна была его жизнь и еще ужасней смерть, потому что там не было и мгновения для последнего итога. Вот положение разбойника на кресте (на Голгофе) кажется очень близкое, но несравнимо лучшее. Его жизнь была ужасная, ужасен и конец - смерть на кресте, но, прежде всего, рядом со Христом он получил время для раскаяния и мир с Богом. Для него сама смерть была не ужасом, а приобретением вечного блаженства, причем неожиданно, по милости Божьей.
Если бы Пилат смог помиловать его, снять с креста, вылечить и возвратить к жизни, то призраки, убитых им людей, не дали бы ему спокойно жить на земле. Да и проклятия родных и близких, им убитых - преследовали бы его до гроба. А теперь всякий, читая историю о разбойнике, проникается умилением, состраданием; а многие начинают видеть себя в нем и в последние минуты жизни находят мир с Богом.
- Так это, действительно, так - подтвердил Владыкин, - и у многих, подобно разбойнику, последние дни и часы бывают бесконечно блаженнее, чем вся прожитая жизнь, но все дело в том, что эти последние минуты не во власти человека, а во власти Божьей. А вы, откуда знаете так Евангелие, вы не брат ли?

- Да, я уж теперь затрудняюсь сказать тебе, брат или не брат, - начал пояснять сосед - был проповедником, много благословлял Господь в жизни и в деле служения, а теперь вот, дали 10 лет заключения за Слово Божие.
Три года назад нас перегнали сюда с Беломоро-Балтийского канала, по зачетам уже собирался домой, а теперь вот зачеты у всех сняли, поэтому и осталось немного меньше половины. Была жена, дети, старица-мать, но, вот, уже какой год ничего не получаю от них; да и сам здесь дошел окончательно до истощения от холода и голода, все, видно, уже пропало, жду смерти от Господа. Вот и стыжусь назвать себя братом, голова совсем застыла, ничего не соображу, на уме одно: хлеб, хлеб да хлеб, да и молитвы уж нет. Так вот выйдешь другой раз, на небо посмотришь, заплачешь; а потом опять смотришь, где бы чего найти. А чего искать-то? Ведь таких, которые теряют, нет, а кто ищет - таких тысячи снуют. Бывает, когда-нибудь картошки мерзлой заработаешь, повар разрешит взять котелок, а ты еще и за пазуху захватишь. А тут как-то бригадир остановил, чтобы хлеб на бригаду принести, хлеб-то я принес да с каждой пайки крошки-то старательно сметал, все, думаю, лишнюю горсть наберу да в котелке сварю с супом. Вот совесть-то, брат, и осуждает за все это, а голодную утробу - не прокормишь, да и в лагере таких называют крохоборами.
А тут еще вот одно дело было...
- Ты подожди, брат, открывать мне все, - прервал его Владыкин, - я ведь переживаю, подобное тебе, сам - это прежде всего, а потом - ведь я еще не крещенный, но вот, что хочу сказать тебе. Где те, которые могут осуждать нас, пусть станут рядом с нами и покажут, как быть. Да и Бог не осудит нас, как не осудил Иова, как не пренебрег блудным сыном. Э, брат! Пусть это останется тайной между Богом и нами, лишь бы не было сознательного греха. Вот чего надо бояться: ожесточенного сердца против Бога, а при голоде - не брать в рот скверного, гнилого, непотребного.
Ожесточенным сердцем навеки овладевает дьявол, а скверная, гнилая пища на всю жизнь губит здоровье. Неправда, Бог пошлет облегчение! Тогда мы вылезем из наших могил, и Бог обрадует нас, снимет с нас эти рубища - если не здесь, то у престола Своего. Будем верить и ждать, а пока мы ведь не люди - мертвецы, каждый в своей могиле, и кто может понять нас?!
С этими словами Владыкин поднялся и, пошатываясь, направился к своему коробу. Зимой торфа, т.е. пустые, не золотоносные слои, достигали мощности 5-7 метров. Их взрывали аммонитом; и заключенные, вручную или канатом, в примитивных деревянных коробах, этот грунт вывозили за пределы эксплуатируемых площадей, в отвалы. Брат догнал его и тихонько дал совет:
- Ты, брат, знаешь, что? Я хочу открыть тебе один секрет. Последние дни я спасаюсь от голода, хочу и тебе подсказать, как это делать. Вот там, за забоями, наверху - показал он Павлу рукою поверх забоя, - идет рабочая дорога на Нижний-Штурмовой, по ней очень малое движение. Километрах в 3-4-х отсюда, в начале поселка, находятся: кухня, столовая, общежитие каких-то стахановцев. Там повара и дневальные часто дают работу таким, как мы, голодным, и очень хорошо за это кормят. Вот ты, наведайся-ка туда да, Бог даст, и не погибнешь с голоду.
Павел сердечно поблагодарил нового знакомого брата за его совет и сегодня же решил сделать разведку. После обеда, проработав 2-3 часа, он сложил инструмент, поднявшись наверх, нашел указанную дорогу и, пока было еще светло, тронулся в поисках заработка. После долгого, утомительного пути он, действительно, увидел кухню. Робко остановился у двери, не смея зайти внутрь. Вскоре вышел повар и, увидев Владыкина, охотно отвел его в сарай, где он, с подобным себе, принялся за распиловку дров.
С невероятными усилиями, то и дело отдыхая, еле двигая пилой, они распилили заданное им, раскололи и сложили в кучу.
Повар отвел их в отдельную комнатушку и каждому из них поставил по большой миске густого, горячего супа. Павел, с жадностью, поглощал содержимое, не помня, когда он в последний раз обедал досыта, и удивлялся, что повар так просто, охотно, сочувственно отнесся к этим измученным людям. На дорогу он дал им еще по булке хлеба и, пригласив на следующий день, ласково проводил, каждого в свою сторону. Кругом было темно, луны еще не было, и Владыкин, крепко прижимая под бушлатом булку хлеба к груди, чувствовал себя счастливее всех на свете.
Идя по дороге, он решил эту булку разделить на несколько раз, так как почувствовал, что супом наелся досыта, но, пройдя не более километра, вновь почувствовал, давно знакомое, чувство голода. Безвольно, он отломил изрядный кусок и с жадностью, на ходу принялся уминать, едва разжевывая.

Когда подошел к лагерю - за пазухой осталась только половина. Незаметно он скользнул через ворота и, зайдя в барак, так, с хлебушком под головой, и улегся спать. Пробудившись ночью, он почувствовал себя совершенно голодным и немедленно принялся доедать свой сокровенный запас. Сосед по нарам, поднявшись, сел рядом с ним и с завистью глядел, как Владыкин, откусывая от хлеба, отправлял в рот кусок за куском.
У Павла, глядя на соседа, мелькнула тревожная мысль: "Ведь он, наверное, сейчас попросит?.". Но слов и не нужно было, его, горящие от голода, глаза говорили выразительнее слов. Ужасная борьба открылась в душе Павла; помраченный от голода разум настойчиво диктовал: "Отвернись, закройся, съешь скорей", а христианское сердце, объединившись с жалобным взглядом соседа, умоляло: "Раздели с голодным хлеб твой". Большим усилием воли, он разломил пополам свое сокровище и поделился с голодным соседом.
Не успел Владыкин отвернуться от одного, испытывая чувство радости, как двое других поднялись и с тем же, светящимся от голода, огоньком смотрели на оставшееся у Павла в руке. Он, заметив это, встал, чтобы выйти куда-нибудь из барака, но и тут какая-то сила остановила его, а внутренний голос ясно прозвучал: "Просящему у тебя, дай!..." (Матф. 5, 42).
Против всякого сознания, Павел разломил оставшийся хлеб пополам и отдал голодающим людям; затем лег и, успокоившись, поразмыслил: "Зачем Господь допустил для меня такое огненное искушение? Не иначе, как впереди ожидает меня что-то потрясающее, и Бог (через эти поступки) обеспечивает право на благословение и спасение. Господь ничего не требует напрасно". С этими мыслями он заснул блаженным сном...

* * *

После гибели "Рыжего" мучения на разводе прекратились. Люди беспрепятственно, спокойно расходились по своим забоям, совершая труд по силам. Некоторое облегчение почувствовал и Павел, тем более, что он ежедневно подрабатывал себе на пропитание. Так, однажды, идя поздно вечером со своего заработка сытым, с краюшкой хлеба за пазухой, он подумал; "Вот, наверное, этим Господь и улучшает мое положение, хоть один раз в день, я могу покушать досыта".
Подходя к лагерю, он со счастливым сознанием пощупал сокровище на своей груди и про себя решил: "Этим хлебом я делиться ни с кем не буду, скушаю его сам, пусть люди добывают себе сами". Но бедный юноша не знал, что таким заключением навлек на себя тяжелое испытание и, что именно в эти дни, проходили экзамены его христианской духовной зрелости.
- Эй, мужичок, зайди сюда! - крикнули ему с вахты, когда он проходил ворота. - Это что у тебя такое? - распахнув бушлат и забирая хлеб, спросил дежурный... И не дождавшись объяснения, сразу вынес решение:
- Подрабатываешь?.. Бегаешь из забоя на Нижний?... Надо в забое добывать себе 150-200, тогда будешь есть хлеб с маслицем и спать в теплом бараке, а коль не хочешь, придется пожить "птенчиком" (штрафная порция).
Списав все установочные данные, Владыкина отвели в полуподвальное помещение - погребец, служащий на прииске карцером. Карцер был набит до отказа заключенными, половина из них состояли из подобных ему, кто осмеливался добывать себе пропитание, а часть из урок-воров, пойманных за разные преступления.
Единственная маленькая печурка догорала последними поленцами дров от суточной нормы, и бедные люди, сгрудившись на земляном полу, должны были впотьмах и холоде коротать ночь, пока не решится их судьба.
Для Владыкина эта ночь была не просто бессонной, а ночью, в которой все моральные и физические муки собрались вместе. Прежде всего его душу мучило то заключение, какое он вынес, идя с булкой за пазухой: "Этим хлебом я делиться ни с кем не буду..."
Кроме того, оставшись около заиндевевшей стенки карцера, через два-три часа он так замерз, что не владея собой, колотился мелкой дрожью всем телом, а сквозь зубы все сильнее раздавалось, своего рода, бессмысленное завывание.
Один из привилегированных, около печки, воров, подходя к параше, заметил его и, растолкав товарищей, усадил Павла около печки на сене, да еще и угостил его кружкою суррогатного кофе. Вскоре бедняга отогрелся и, не помня себя, крепко заснул. Проснулся уже, когда дежурный, открыв дверь, тормошил полузастывших людей и силою выволакивал их из карцера. Через полчаса, не позже, конвоир с винтовкой на плечах вывел их за зону лагеря и, беспорядочной ватагой, направил вверх по дороге, на сопку. Там, в 3-х километрах от прииска, закрытый со всех сторон от людских взоров, располагался штрафной лагерь заключенных под названием "Свистопляс".

Сколько находился здесь Владыкин, до этого случая, ничего не знал о существовании этого таинственного местечка. Теперь со всеми вместе завели его в охраняемую зону лагеря, которая состояла из двух бараков и рубленного деревянного сарая - карцера, в углу зоны. Все остальные постройки: кухня, кладовые, медицинский пункт и контора - находились за зоной.
Всех их подвели к карцеру и, объяснив условия содержания, водворив в помещение, закрыли под замок. Условия были следующими: все, кроме следственных заключенных, утром выгонялись на работу, где обеспечивались питанием, одеждой и обувью, а те, которые после 2-х недельного срока от работы не отказывались, переводились из карцера в бараки. Население "Свистопляса" состояло, главным образом, из уголовных преступников, которые на приисках совершали кражи, убийства и систематически не выходили на работу. Всем им проводилось следствие и суд, на котором некоторым увеличивались сроки лишения свободы, а иных приговаривали к смертной казни - расстрелу.
Жутью сдавило сердце Владыкина, когда утром их вывели во двор. Карцер был срублен из бревен, а два ряда двухэтажных нар и полы были из грубо обтесанного накатника. После предварительной уборки помещения, прогулки и умывания, их вновь закрыли под замок, затем вскоре принесли штрафную норму хлеба и соленой рыбы. Во время раздачи Павел увидел вдруг, как из-под нар с трудом, на локтях вылез человек. В обросшем, немытом лице он с трудом узнал командира звена подводных лодок, с кем он когда-то познакомился, еще на прииске. Несчастный, каким-то безумным взглядом окинул окружающих, лежа на полу, протянул руку за пайкой хлеба и приглушенным могильным голосом попросил, чтобы кто-то сменил ему хлеб на папироску. Кто-то безвозмездно бросил ему горящий окурок, и он скрылся опять под нары.
Сосед по нарам объяснил Павлу, что его бросили сюда за то, что он систематически, месяцами не выполнял норму, а впоследствии совсем не мог выходить на работу. Под нары его поместили из-за того, что он не в силах ухаживать за собой.
Владыкин вспомнил, каким цветущим, одетым в форму, он видел его, полного надежд, что сумеет доказать свою правоту и невиновность и, освободившись, отомстить злодеям. Теперь - это был человек, буквально, смешанный с грязью, беспомощный - такой глубины падения Павел еще не видел.
Со многими другими Павел вышел на работу, и сколько было сил, нагружал и вывозил тачки с мороженым грунтом. К своему удивлению, и сверх всякого ожидания, он не слышал никаких окриков и даже (он ожидал, что уголовники будут бить его) - было все наоборот. Урка-бригадир подошел к нему от костра и коротко заявил:
- Ты, парень, не надрывайся, здесь никому не нужны твои подвиги, устал - иди вон, погрейся, отдохни. Пока будешь выходить на работу - пайка тебе обеспечена.
Действительно, в обед, как прокричал гудок, все пришли на кухню и каждый, стоя в очереди, получил приличную норму хлеба и котелок густого супа. Почти то же самое повторилось и вечером, по окончании работы. Но, войдя в зону, Владыкин увидел у ворот, как двое мужчин на носилках понесли человека. Павел без труда в несчастном узнал того самого командира (как он когда-то рекомендовал себя). Мертвой хваткой, он держал на груди нетронутую пайку хлеба. Немигающие глаза безразлично, недвижимо смотрели в небо. Без единого движения он, вытянувшись, лежал на носилках. Редкие конвульсии пробегали по губам полуоткрытого рта.
Грязная, порванная тельняшка на исхудалой груди была единственным свидетелем его прошлой принадлежности к морской службе. Выкатившаяся слеза была последним прощальным знаком этого человека, отходившего от земного берега. За ворота вынесли его, уже бездыханным трупом...
Павел много видел смертей, все они глубоко волновали его, после каждой из них, он ожидал свою, но при виде этой - он поднял глаза к небу и произнес:
- Боже, какая это ужасная смерть!...

* * *

Сверх всякого ожидания, Владыкина с, немногими другими, через неделю, прямо с работы перевели в теплый просторный барак с одинарными нарами, и представление, о легендарном некогда "Свистоплясе", у него готово было измениться. "Чем же он так ужасен? - спрашивал себя в уме Павел. - Здесь все так спокойно, даже не мучает так голод и изнурение, я готов был бы и до конца отбывать здесь срок".

Поздним вечером, перед самым отбоем, была особенная тишина. Звезды ярко мерцали на небе, в прозрачном морозном воздухе не слышно было никаких звуков. Единственно, где-то в стороне, монотонно "тарахтел" трактор. Рядом с Павлом около двери барака, куда он вышел перед сном подышать, остановился с папиросой в зубах, один из знакомых ему уголовников. Вдруг где-то вдали послышался то ли треск сухого дерева, то ли нечто, вроде приглушенного выстрела. Загадочный звук стал периодически повторяться, иногда он казался каким-то сдвоенным. Павел невольно повернул голову в сторону, услышанных им, звуков. Они исходили сверху, оттуда, где "тарахтел" трактор.
- Слышишь, парень? - мотнув головой в сторону звуков, спросил его, вышедший из барака, человек, - кто-то Богу душу свою отдает - добавил он. И, глядя на недоумевающего Владыкина, пояснил: - Ну, на луну полетел, понял?
- А что это такое? - ничего не поняв, ответил ему Павел.
- Хм. Неужели ты до сих пор не знаешь? - продолжал тот и, не дождавшись ответа, стал разъяснять:
- Вон там - слышишь, наверху над забоями, на склоне сопки у шурфов работает трактор? Это же нашего брата расстреливают да спускают в шурфы, а трактор работает, чтобы не так были слышны выстрелы. Теперь, понял?
Владыкин отшатнулся от рассказчика и не поверил, видя на его лице, какую-то странную улыбку, но в бараке (он только теперь обратил внимание) понял, почему некоторых людей утром, при подъеме не оказывалось на местах. Только сейчас дошло до его сознания, почему кажущееся спокойствие на "Свистоплясе" было странным - здесь были врата смерти. Невольно при этом он подумал и о себе: "Зачем я здесь, и каков будет мой выход отсюда?"
Впервые, после долгого перерыва, Павел на этом месте совершал молитву к Господу. В ней он просил, не столько о благом исходе из этих мест, сколько о том, чтобы Бог приготовил его к дальнейшему - встретить все безропотно и не погибнуть духовно. Остальные дни жизни, на этом месте, проходили крайне тревожно. Вместе со всеми он жил напряженным ожиданием, чего-то неведомого для себя.
В один из солнечных, воскресных дней февраля на "Свистопляс" прибыл какой-то большой начальник, и их, вопреки обыкновению, на работу не выгнали. Вызывая заключенных по фамилии, он, с папками личных дел в руках, знакомился с каждым из них в отдельности и, по ему одному известным соображениям, отобрал бригаду, не менее 50 человек. Окончив знакомство, он объявил, что все вызванные заключенные, решением комиссии амнистированы от наложенного на них наказания и сейчас, немедленно, будут направлены на прииск Верхне-Штурмовой, где должны будут оправдать такое к ним расположение администрации, честным трудом на земляных работах. В случае дальнейшего уклонения от труда, каждого из них будут рассматривать, как контрреволюционного саботажника, и подвергнут самому суровому наказанию.
Владыкин оказался в числе амнистированных, и только здесь узнал, что за его дополнительные заработки по добыче хлеба, он был приговорен на полгода штрафного лагеря "Свистопляс". Теперь же, получив амнистию, был очень рад тому, что на Верхнем он встретится с дедушкой Иваном Петровичем Платоновым, в надежде, что после этого жизнь пойдет на улучшение.
Верхний, как ему показалось, встретил их несколько теплее. К концу дня, при наступлении первых сумерек, их выпустили в зону. Заходя, он первым долгом направился к кипятилке. У входа в кубогрейку стоял брат Платонов и, скрестив руки на груди, привычно, по-прежнему теребил рыжую бородку. С радостной улыбкой, таким, каким впервые видел его Павел почти полгода назад, он встретил его:
- Ах, Павлуша! - потянулся он с приветом к юному страдальцу...

Глава 3.
Долина смертной тени.

"Объяли меня муки смертные, и потоки беззакония устрашили меня".
Пс.17:5
Жизнь на Верхнем была несколько уютней; и по тому, что здесь было меньше "доходяг", можно было судить, что тут не царил так страх смерти, как на Среднем. Брат Платонов, с некоторым оттенком грусти, но добродушно, встретив Владыкина, угостил его (чем был богат) и познакомил с обстоятельствами.
В лагере он остался один из братьев. Двоих взяли на другие прииски, один скончался от болезни, а еще одного брата взяли, совершенно неизвестно куда.

Павел, по прибытии, получил место в бараке, но решил поселиться с Платоновым; однако, на третью же ночь надзор, с бранью, разлучил их, категорически запретив Владыкину, даже заходить в кубогрейку. Это очень удручило Павла, так как в старце он имел и отца, и доброго наставника.
Случилось, что вместе с прибытием Владыкина, усилились голод и морозы, каких не бывало, как говорили местные люди. Неокрепшие силы быстро и заметно оставляли Павла; несмотря на то, что брат Платонов ежедневно давал ему дополнительно что-либо из пропитания, Павел изнемогал телом и окончательно пал духом. Прошедшая комиссия, по обследованию заключенных, определила ему 2-ю категорию инвалидности. По внешнему виду, он напоминал, скорее музейную мумию древних фараонов, нежели человека, особенно в сонном состоянии. Почерневшее (до землистого цвета) лицо напоминало маску, с неизменным выражением глубокой скорби. Даже глаза, глубоко ввалившиеся во впадины, светились догорающими угольками и, прикрытые во время сна веками, напоминали высохшие вишенки. Когда сгоняли их в баню, что случалось очень редко, он, к своему удивлению, мог почти охватить себя (по талии) пальцами, таких же костлявых, рук. А в сутолоке, когда случалось, что нечаянно, слегка толкали локтями такие же обнаженные товарищи - это вызывало, мучительную до слез, боль.
Горячая вода выдавалась по металлическим бляхам, только по одному тазику на человека, а поэтому вся банная процедура в холодном, едва обогретом помещении, превращалась в ужасную пытку. Банные муки дополнялись еще тем, что все их арестантские лохмотья вместе с одеялами (у кого они уцелели) час-полтора прожаривались в спецкамерах, а голые люди, корчась от холода, все это время ожидали их в тяжких томлениях.
Бывали случаи, когда некоторых обессилевших заключенных, в полусознательном состоянии, одевали товарищи и волокли в барак.
Владыкина, несмотря на крайнее изнеможение, с облегченного труда перевели в забой на земляные работы, где он, с подобными себе, от темна до темна на 40-45-градусном морозе должен был нагружать конные грабарки разрыхленным, отогретым грунтом. Обессиленные люди, несмотря на ругань и побои бригадиров и десятников, бросали все и уходили к кострам, которыми отогревали забои, чтобы отдохнуть и расправить, окоченевшие части тела.
Окутанные сизой дымкой костров, забои напоминали Владыкину тот ад, о котором ему в детстве рассказывала бабушка Катерина. В отличие от своих товарищей, он, что было силы, сколько мог копался в забое, и лишь изредка, когда лопата непроизвольно выпадала из рук, подходил к огню на несколько минут, чтобы перевести дух. Осматривая огромный котлован, он сделал про себя со вздохом заключение: "Действительно - это долина смертной тени, причем, не в сравнении, а в реальной действительности".
Вспоминал он и о тех людях, которые совсем недавно были здесь, рядом, но куда-то бесследно исчезли. Очень часто в лагере вывешивали большие списки (по 50, 80,100 и более человек), в которых извещалось, что упомянутые люди, за систематическое невыполнение норм выработки, особой комиссией обвинялись в умышленном, контрреволюционном саботаже и были расстреляны. С ужасом, среди них Павел находил фамилии, известных ему товарищей, которых он не видел больше никогда. Заключенные, проходя мимо, в страхе сторонились этих объявлений, думая о том, что завтра могут быть помещены здесь и их фамилии.
Но заметив это, администрация стала утром, на разводе, оглашать списки вслух. Вчера в их бараке, к удивлению всех, утром, при подъеме, обнаружили, что целая группа ученых людей отсутствовала, и даже постели их оставались неубранными. Кто-то вполголоса объявил, что их вызывали ночью на вахту, откуда они не возвратились.
На глазах Павла, заключенные моментально расхитили оставшиеся вещи, а из-за нескольких кусков сахара затеяли драку.
Стоя у костра, Павел ужаснулся от всех этих жутких переживаний и пошел опять в забой, чтобы в работе, хоть немного, забыться. Вдруг по забоям прокатилось как эхо:
- Гаранин! Гаранин!
Подняв голову от грунта, Павел, прежде всего, увидел, что все заключенные, как по команде, разбежались от костров к месту работы и, кто как мог, начали копошиться над грунтом.
Невдалеке от него, наверху, на краю 5-ти метрового обрыва, заложив руки за спину, в форме работника НКВД, стоял без движения тот самый Гаранин, который наводил такой ужас на заключенных. Много разных рассказов ходило среди заключенных, обитающих на Колыме, о полковнике Гаранине, и все они сводились к кровавым

расправам; самый достоверный факт этого: на каком бы прииске он ни побывал - сотни людей там были расстреляны.
Павел взглянул на него, стараясь, по возможности, разглядеть черты его лица. Он увидел, что оно отражало холодное надмение и глубокое презрение к этим сотням, обреченных им на смерть людей, которые, кутаясь в арестантские лохмотья, копошились под его ногами. Угодливо увивался вокруг него прораб, из таких же заключенных, готовый выполнить любое его приказание.
При виде этого палача, сердце Владыкина пришло в тревожное волнение, предчувствуя в появлении этого начальника, что-то недоброе. Что было сил, Павел перевел взгляд свой на свинцовое небо и тихо промолвил:
- Боже мой, Боже мой, утешь меня! Смертным холодом повеяло на душу мою, при виде этого большого человека!
Набросав последние кучи грунта в короб, он остановился, опираясь на лопату, и четкая мысль из 36-го Псалма, на мгновение, озарила его душу: "Видел я нечестивца грозного, расширявшегося, подобно укоренившемуся, многоветвистому дереву; но он прошел, и вот, нет его; ищу его, и не нахожу".
Как-то невольно, Владыкин повернулся на место, где стоял Гаранин и, к своему удивлению, обнаружил, что грозного начальника там не было. Но сердце Павла не переставало волноваться, в предчувствии чего-то недоброго. Часа через два, уже перед обедом, нарядчик, подойдя к Владыкину, приказал все оставить в забое и немедленно явиться в контору лагеря. Сердце дрогнуло от этого распоряжения, и Павел медленно побрел из забоя. В конторе ему приказали: немедленно сдать все казенные вещи и явиться к проходной вахте. Отдав вещи в каптерку, он, с отцовским чемоданом в руке, решил зайти попрощаться с дорогим старичком Платоновым, но, встретившись с ним у порога кипятилки, был удивлен его скорбным тревожным взглядом.
- Что случилось, Павел? - спросил его старец, - уж не вызвали ли тебя в этап, с этими людьми? - проговорил он, указав головою на толпу, стоящую за зоной лагеря.
- Не знаю, Иван Петрович, куда и зачем, но приказали лагерные вещи сдать, что я уже и сделал, а теперь пришел попрощаться с вами. Какое-то тяжелое предчувствие томит мою душу; вы помолились бы обо мне.
Брат Платонов, полными слез глазами, поглядел на Павла, торопливо достал из-за пазухи большой кусок сахара и три рубля денег, сунул в руки Владыкина и, прерывающимся от волнения голосом, сказал:
- Дитя мое, это мой неприкосновенный запас, я его все время хранил под сердцем, теперь отдаю его тебе, пусть моя искренняя любовь, в этом скромном подарке, может быть, в самые отчаянные минуты твоего страшного, неведомого пути, согреет твою душу. Останься христианином - до конца.
Старец крепко прижал остриженную голову Павла к своей груди и, роняя над ним слезы, благословил его короткой, горячей молитвой. Юноша от волнения не мог выразить ни слова, рыдания душили его, хотя он и пытался еще что-то сказать.
В это время раздался голос надзирателя, приближавшегося к кипятилке:
- Вла-ды-кин!
Павел, впопыхах, сунул комок сахара и три рубля денег в самодельный карман, пришитый тоже против сердца и, механически открыв чемодан, прочитал отцовскую надпись на нем.
- Он мне, наверное, уже больше не понадобится, дедушка, я его оставлю вам.
Надзиратель, с бранью, вытолкнул Владыкина на улицу и, подталкивая его сзади, повел к карцеру, уже набитому до отказа, подобными ему.
- Пока подождешь, здесь! - сказал он, закрывая на замок дверь за ним. Через огромные щели карцера были видны заключенные, проходившие из забоя на обед в зону.
- Куда?... За что?... Когда?... - слышались вопросы проходящих товарищей, но ответы были очень немногие и самые неопределенные. Сквозь щели, проходящие делились с арестантами махоркой - единственно доступной ценностью.
После обеда, когда рабочие прошли из лагеря в забой, надзиратель, выкрикнув по списку арестованных, вывел их через вахту за зону и, присоединив к ранее выведенным, приказал строиться в колонну. В ответ на команду из толпы послышались недоуменные выкрики:
- А мы вещи оставили в бараке!...
- Моя сумка тоже лежит в каптерке!... - А как же с чемоданами, ведь мы же их не донесем?...
Конвоирующий, дождавшись, когда все умолкли, ответил коротко и резко:

- Оставить все на месте... никому ничего не нужно будет. Вперед! Ма-р-р-р-ш!
Сторожевые псы, по бокам и сзади, подняли неистовый лай и шеренга недоумевающих арестантов, подчиняясь команде, медленно двинулась вперед.
Проходя мимо зоны, Павел увидел за колючей проволокой одинокую фигуру Платонова, стоящего на углу кипятилки. Дорогой старец, вытирая ладонью набегающие слезы, с непокрытой головой, привычно теребя рыжую бородку, провожал Павла в какую-то жуткую неизвестность; все остальные (сорок три человека) проходили никому не нужными, каждый, как мог, утешал свое сердце, раздираемое смертельной тоской, боязливо озираясь на окружающий строгий конвой. Люди медленно, молча брели по той самой дороге, где около полугода назад, Владыкин впервые вступил в эту ужасную долину. На ходу люди, приглушенными голосами, делились своими догадками, делая выводы, что их ведут на расстрел:
- Вот, сейчас, будет отходить дорога в распадок, и нас поведут туда...
- Нет, но ты же пойми, ведь нам ничего не объявили: что, за что и куда...
- Эх ты фраер, а ты думаешь, что тем, кого ухлопали в шурфах, что-то объявляли? Вот посмотри, сейчас будет поворот на "Свистопляс", а там тебе все сразу и заявят, и объявят.
Но миновали поворот и направо, и налево, а колонну гнали все дальше по трассе. Километра через три им встретилась грузовая автомашина, на которой было семь человек из знакомых преступников - воров. Их вчера, в составе более ста человек, также вот вечером, отправили в этот же путь. Проезжая мимо, они успели крикнуть проходящим;
- Братцы! Дело "хана", вас ведут на Нижний... в расход... на луну... Нас осталось (от вчерашних) только семь...
Хотя и не все поняли эти блатные выражения, но догадались, что вчерашних людей расстреляли, за исключением этих семерых.
Павел шел в передней шеренге и видел, что люди, один за другим, после сказанной вести, обессилевшими опускались на землю. Идущий рядом с ним еврей, бросил мешок под откос и, рыдая, упал Владыкину на плечо. Никакой уговор конвоя, ни угроза и собачий лай - не помогали. Обреченные сели на дорогу и, почти все как один, положив голову на колени, обхватили их руками, как бы приготовившись к побоям.
Конвою пришлось добежать до близлежащего телефона-селектора и вызвать машину. С большим трудом заключенных погрузили на автомашину и повезли дальше; на месте остались несколько, никому не нужных котомок и чемоданов.
Владыкин очнулся от раздумья после того, как они оказались в какой-то пустынной зоне, с немногими постройками, но усиленно охраняемой бойцами ВОХР. Вглядываясь внимательно в окружающие предметы и здания, он узнал в них что-то знакомое, а через минуту вспомнил - это та самая больничная зона, куда он когда-то был привезен с пробитой ногой. Огонек радостной надежды вспыхнул в его душе при этой мысли: "Ну вот, видимо, не на расстрел, а на медицинскую комиссию нас привезли сюда".
Но увы, бедный мученик ошибся. По указанию того же Гаранина, медицинская зона была превращена в распределительный пункт для смертников; и теперь, на этом месте, сотни и тысячи измученных человеческих душ возвращались не к жизни, а обрекались на смерть. Отсюда, приговоренных к смерти, уводили малыми группами, а некоторых выволакивали и, под усиленной охраной, через заднюю, незаметную калитку (через которую уже никто из них не возвращался) доставляли в уединенное место - на расстрел.
Прибывший этап (в количестве 44 человек), в котором находился Владыкин, посадили среди двора на землю. В стороне, у облупленного барака, Павел увидел большую группу людей, более 50-ти человек. Все они сидели в беспорядке на земле, спрятав головы между колен и напоминали стадо овец, согнанное на бойню, из которого мясники отбирали мелкие партии на убой.
Против этапа, в котором находился Владыкин, на завалинке одного здания, в стороне от всех, сидел молодой парень: в расшитой модной косоворотке, в галифе, обутый в хромовые сапожки. Это был вор-законник, известный на ближайших приисках, по кличке "Монах" - отъявленный убийца. Из этапа кто-то крикнул ему:
- Куда "Монах", путь держишь?
С грустной улыбкой, поглядев на этапников, он ответил спросившему:
- Отсюда один этап - на луну!

Из отрывистого, короткого разговора с ним, стало известно, что люди, сидящие около барака, определены на расстрел, и из них - больше половины уже отведено отсюда. Он же, как при жизни ненавидел людское общество, так и теперь - в эти последние часы, получил "привилегию" - умереть отдельно.
Павел внимательно смотрел ему в лицо; к своему великому удивлению, увидел, что оно не было лишено красоты, и даже благородства. "Монах" был, действительно, из интеллигентной семьи, но с отроческих лет, тайно от родителей, имел связь с преступниками. Теперь, к 23-25 годам, он достиг степени квалифицированного вора и убийцы. Было страшно наблюдать, как под маской милого, благородного лица, предсмертными муками терзалась, безнадежно погибшая, душа человека, закоснелого в преступлениях. Как пленительно-заманчиво влек его грех сделать первый шаг из родительского дома, тайно от тех, кто нежно прижимал его к груди; какими слезами обливалась мать, когда ее милый мальчик первый раз спал не в своей уютной кровати, а проводил ночь на оплеванном полу, в отделении милиции.
"И чего ему только не хватало в родительском доме?!" - вопила она, ломая руки, узнав, что он задержан в милиции за участие в гнусном преступлении. А не хватало ему одного: мать и отец не воспитали в нем любви к Богу, не показали этой любви в себе; этим самым, и его сделали беззащитным от греха. Грех поразил самое драгоценное ядро жизни - юную душу. Теперь он одиноко, никому не нужный, метался в агониях смерти: выкуривая одну папиросу за другой, без устали, нервно ходил взад-вперед перед чужим, ненавистным окном. Густой ковер папиросных окурков валялся под его ногами, и он, с внутренней досадой, давил их ногами. Этот окурок когда-то сопровождал его, когда он, украдкой, впервые убегал из дома, гордостью он был тогда в его зубах. Эти окурки теперь, единственным утешением сопровождают его к ужасной могиле. Ничтожными, раздавленными (подобно этим окуркам) были, загубленные им, человеческие жизни, но теперь и его жизнь - оказалась не дороже раздавленного окурка... "Возмездие за грех - смерть", - вот тот непреложный вековой закон, который неотвратимым оказался и для главаря преступников - "Монаха".
С чувством глубокого сожаления смотрел Владыкин на погибшего юношу, и в душе страдал, не меньше его, от сознания, что в эти последние минуты его жизни, он бессилен чем-либо помочь ему. Грозным предупреждением неба прозвучали слова Библии: "Ищите Господа, когда можно найти Его; призывайте Его, когда Он близко" (Ис.55:6).
Переведя свой взгляд от "Монаха", Павел вначале посмотрел на толпу людей около барака, потом и на ту, среди которой он находился сам, и был удивлен разницей, какую заметил. Обреченные люди, по-прежнему, сидели без движений, понурив головы, потому что не имели уже никакой надежды на жизнь. Между ними царила могильная тишина. Толпа, среди которой сидел Павел, наоборот, внимательно, с величайшим напряжением, глядели на заветную дверь, где решались их судьбы, досаждая друг другу догадками.
Владыкин взглянул в том же направлении и увидел, как из двери вышел коренастый человек, в форме работника НКВД, прошел 3-4 шага к народу и остановился, со сложенными назад руками, медленно оглядывая каждого из этапников. Это был полковник Гаранин.
Павел, на малое время, встретился с ним глазами. Никогда в жизни он не испытывал такого леденящего ужаса, каким сковало его душу при этом. Ему в глаза смотрела смерть и, как ему показалось, в этом немом поединке решался не только исход его будущего, но и вечности. Руки его безвольно стали опускаться вниз и в это мгновение, под арестантской курткой нащупали кусок сахара, подаренный дедушкой Платоновым. Мгновенно мысли перенеслись к последним минутам расставания, мелькнул любящий образ милого старца и последние его напутственные слова: "Дитя мое... пусть моя искренняя любовь в этом скромном подарке, может быть, в самые отчаянные минуты... согреет твою душу". В сознании Владыкина сверкнул радостный огонек надежды и согревающим потоком разлился по всей груди. С этим чувством он, глядя в глаза страшного начальника, тихо произнес про себя:
- О, как счастлив я, что не раздавленные окурки, а согревающая любовь Божья и искренняя любовь дорогого брата сопровождают меня в эти критические минуты жизни. Как счастлив я, что в годы раннего детства, в годы цветущей юности - эта любовь нашла меня и стала моим дорогим проводником до сего места.
Павел видел, как в глазах начальника, тот страшный, леденящий душу, взгляд угас и он, повернувшись, возвратился в свой кабинет. Через 15-20 минут, из канцелярии вышел один из сотрудников, в такой же форме, как Гаранин, и, остановившись против прибывшего этапа, стал вычитывать фамилии заключенных. Как из-под земли, появился человек с винтовкой. Владыкин, как в тумане, видел, что вызываемые товарищи, умоляюще,

доказывали начальнику свою невиновность, несправедливость предъявленных обвинений. Это не производило на него никакого впечатления. Одному за другим, он приказывал отходить и садиться около часового с винтовкой. Четвертым был вызван Владыкин.
Пристально взглянув ему в лицо, начальник спросил очень коротко:
- За что осужден?
- За веру в Иисуса! - ответил он.
- Садись с ними, - кивнул начальник, указав на троих, сидящих около часового, и возвратился опять в канцелярию.
Каким-то необъяснимым трепетом были наполнены сердца всех обреченных людей. Что означал этот вызов? Чего ожидать вызванным, и почему не вызвали остальных сорок человек? - Все эти вопросы лихорадочно облетали присутствующих, но никто, в том числе и стоящий часовой, ничего не могли ответить, лишь в недоумении пожимали плечами.
Одиноко, по-прежнему, маячила фигура "Монаха" под окном, понуро, без движения, сидели приговоренные около барака, и одна за другою, начали опускаться головы, пришедших этапников. Прошел час и более. Парализующая тоска расслабила людей до того, что они, несмотря на окрики часовых, в изнеможении, ложились на землю. Павел видел, как некоторые из заключенных тихо плакали, томимые предчувствием чего-то страшного.
При виде всего этого, сердце Владыкина как-то оцепенело, и он понял, как жизненно важна в эти минуты молитва веры, но ее уже давно не было. Он окинул взглядом всех окружающих и почувствовал, что дух обреченности и тень смерти овладевали всем его существом, что в предстоящей судьбе, он приговорен к одной участи со всеми этими обреченными, что та теплота, согревавшая его часа полтора назад - угасла, как последняя вспышка жизни. Какая-то страшная бездна открылась перед ним. Голова резко упала между колен, как у многих, и волна рыдания подкатила к самому горлу... "Все погибло", - подумал он и ухватил себя за горло, чтобы удержать рыдания.
- Иванов... Петров... Сидоров... - услышал он над своей головой. Павел совершенно не слышал, как подошел тот же начальник и по большому списку стал вызывать фамилии, оставшихся 40 человек.
- А это, кто такие? - спросил он часового, указывая рукою на четверых, сидящих у его ног.
Часовой взял под козырек и четко ответил:
- Товарищ начальник, это те, кого вы полтора часа назад вызывали, посадив отдельно.
- Так ты что, хочешь, чтобы и они остались с этими? - указал он на остальных сорок человек. - Марш отсюда, с ними!
Часовой, порывисто и растерянно, слегка ударил прикладом винтовки Владыкина, понуждая тем самым, всех четверых, как можно скорее, выйти за зону. Павел и его трое товарищей почти не помнили себя, когда за их спиною закрылись ворота этого страшного распределителя. В нерешительности они стояли перед часовым, не зная, что им делать.
- Да, что вы утупились? Скорее, обратно на прииск, - крикнул на них часовой.
Но, увы - ноги (у всех четверых) отказались их держать, и они, один за другим, повалились на землю, силы совершенно оставили их. Часовой, уже любезно, упрашивал их: идти потихоньку обратно, убеждая их, что все страшное позади, что они остались счастливчиками из счастливчиков - но все это было бесполезно. Владыкин и его товарищи, даже при всем усердии, не могли подняться на ноги. Употребив все, часовой вынужден был взять, рядом стоящую, автомашину и с большим усилием усадил в нее ослабевших людей.
Когда машина тронулась, Павел, на мгновение, посмотрел на зону и увидел, что оставшиеся товарищи, после вызова по списку, переходили и садились к тем обреченным, около барака.
Ужас затмил глаза, и так, не поднимая головы, они вскоре доехали до своего прежнего прииска Верхнего. Часовой, проводив их, пошел в свое расположение. Появление на вахте Владыкина и его товарищей вызвало недоумение у надзора.
- Как и почему вы здесь? Как вы возвратились? Кто вас отпустил? - испуганно осыпал их вопросами вахтер.
В это время раздался звонок, и надзиратель, по ходу телефонного разговора, заметно менялся в лице.
-- Так...ну теперь, понятно, - продолжал он, - да вы знаете, где вы были? Вы ведь были уже - на том свете. Да вы знаете, как вы должны теперь работать, чтобы опять не угодить туда?

Он разговаривал так, как будто все происшедшее над несчастными, в том числе и их возвращение, зависело от него. Однако, не получив ни единого ответа от измученных людей, распорядился:
- Ну, вот вам записка, получайте ваши вещи обратно, ужинайте и ложитесь спать, завтра на работу как штык, понятно?
Как только Павел перешагнул вахту, на него напало такое безразличие ко всему, как будто в нем все опустилось, даже окружающее подернулось какой-то туманной кисеей. Один вопрос мучительно теребил его сознание: "Почему они (четверо) остались живы, а остальные сорок - причислены к обреченным около барака?"
Пошатываясь, он еле добрел до кипятилки и усердно постучал, пока ему не открыли дверь.
- Павлуша, дитя мое! - воскликнул Иван Петрович, увидев Владыкина, - ты возвратился?! Да ведь, знаешь ли ты, что одной ногой был уже в могиле? Я так молился за тебя, да, ты что молчишь-то?...
Павел, оказавшись в натопленном помещении и увидев дорогое, милое лицо старца Платонова, слегка улыбнулся, попытался что-то сказать, но, покачнувшись, повалился навзничь на нары. Через распахнутые полы арестантского пиджака, из кармашка на груди, вывалился и упал рядом, еще совсем нетронутый кусок сахара, из сомкнутых, почерневших глаз выкатились две маленькие росинки.
Склонившись на колени у его ног, старичок Платонов горячо поблагодарил Бога, что Он - великим чудом - сохранил жизнь измученного юноши-христианина, уже бывшего в объятиях смерти.
Утром, еще сонного Владыкина, подняли со всем лагерем и вывели на развод. В холодном, прозрачном, утреннем воздухе нарядчик отчетливо произносил перед стоящей толпой фамилии оставшихся сорока товарищей Владыкина.
- ...Все вышеназванные заключенные, за совершение контрреволюционного саботажа на прииске Верхне-Штурмовой, расстреляны! - закончил он объявление.
Павла как будто кто-то ударил по самым мозгам, и тот же неотвязный вопрос и теперь мучительно осаждал его: "Почему они (четверо) остались в живых, а те расстреляны?!"
К счастью Владыкина, он попал в другую бригаду, где к нему отнеслись с особым снисхождением. С опущенной головой, совершенно без движения, он, безразлично глядя на окружающих, сидел у огня, не отвечая никому на вопросы. Павел пытался связать в уме какие-то события прошлого, но все обрывалось бессвязными звеньями, а вопрос все еще мучительно звучал в душе: "Почему я остался жив, а они умерли?!"
Обедом, в числе самых последних, он брел в лагерь. Войдя в зону и находясь уже за проволокой, Павел услышал, как кто-то выкрикивал его фамилию и имя. Как в полусне, он поднял глаза и на трассе увидел старичка Платонова, с котомкой за плечами и в новых арестантских ботинках.
После развода Ивана Петровича Платонова срочно вызвали в контору лагеря и объявили освобождение из заключения, причем приказали: немедленно сдать все и кубогрейку, чтобы сейчас же идти в Управление на Нижний, где их ожидала машина для доставки в город Магадан, и на корабль.
Павел взглянул на кипятилку. В открытой двери ее, сквозь клубы пара, он увидел совершенно другого, чужого человека. Бессознательно, он подошел к колючей проволоке ограждения, судорожно ухватился за нее, увидев дорогого старца на той стороне.
- Дедушка! ...Ты ...меня ...оставляешь?... - и, безутешно заливаясь слезами, повис руками на ограждении.
Медленно рассеивался туман из головы Павла, а с ним проходило и гнетущее безволие. Вскоре его перевели еще дальше, в совсем маленький поселок, который был не охраняем. Там он выполнял более облегченный труд и получал, значительно, лучшее питание. Организм пошел на поправку. На смену жутким морозам и метелям, очень резко, по-полярному подошла ласковая весна. Люди стали отогреваться и вылезать из прокуренных помещений на свежий воздух.
Обстоятельства Владыкина так же быстро менялись, одно за другим, в сторону улучшений, но духовное состояние было, как в параличе. Его поместили дежурным мотористом на подъемную лебедку, а затем на электростанцию - дежурным при распределительном щите. Так как-то и прошло, среди этих перемещений, коротенькое северное лето с его звонкими ручьями и чудесными белыми ночами, а в душе устойчиво держалось холодное безразличие.
С весны в лагере произошли заметные изменения. Всем осужденным в 1937 году как партийно-административным лицам так и интеллигенции, несмотря на большие сроки, приходило либо очень значительное сокращение срока, либо полная реабилитация. Но увы, прошедшая зима почти всех их унесла в

могилу, и лишь немногие из них, счастливчиками, возвращались на автомашинах, по той же ужасной трассе, обратно на родину.
О полковнике Гаранине по всей Колыме распространился слух, будто он оказался врагом народа и, что многие видели его (арестованным) в магаданской тюрьме - "Доме Гаськова".
Так это было или не так, но очевидным оставалось только то, что страшного начальника, в форме НКВД, по фамилии Гаранин, больше не видел никто и нигде.
Владыкина в начале осени вдруг почему-то, в составе небольшой группы заключенных, перевели с Верхнего на Средний. Здесь взволновала его встреча со старыми бригадниками, из которых уцелело от лютой зимы, не более 4-5 человек. Один из них с великим удивлением долго удостоверялся в том, что перед ними, действительно, Павел; затем заявил ему, что в одном из страшных списков, видел его фамилию в числе расстрелянных. Владыкин, в свою очередь, был изумлен, увидев его, так как слышал своими ушами, что он был оглашен, также в числе расстрелянных. Во всяком случае, хотя эта встреча и напомнила о миновавших ужасах, однако, и порадовала их взаимно до глубины души.
С переходом на Средний, жизнь Владыкина стала изменяться в худшую сторону. Голод, как неотвязный спутник, по-прежнему изнурял людей. Из верующих братьев в лагере никого не находилось, поэтому духовное охлаждение Павла сковывало его все больше и больше, хотя он и мучился, сознавая это и прилагал все усилия, чтобы подняться до прежней высоты, но все было тщетно. Определен он был, как прежде, на земляные работы по разработке "песков" и был зачислен в звено, подобных себе, "доходяг". Мизерное питание не восполняло даже энергии, необходимой для прихода к месту работы, и люди, придя из лагеря в забой, долго отдыхали, накапливая силы.
По роду занятий, звено Владыкина должно было "пески", вывезенные из шахты в отвал, тачкой возить на промывку. Работу учитывать было очень трудно, поэтому сам учет был на милость десятника, а десятником оказался тот самый Попов, который когда-то был так бесчеловечен к Павлу.
Однажды, нагружая тачку грунтом, Владыкин заметил, как с лопаты соскользнуло что-то блестящее обратно в кучу. Павел бросил все и, разгребая щебенку, схватил увиденный им комок, спрятал его за пазуху и поспешил уединиться за отвалами. Рассмотрев, поднятый им, тяжелый комок, он убедился, что это самородок золота, по весу около пятисот граммов. Все, виденное им раньше золото, вызывало у Павла отвращение или, в лучшем случае, равнодушие, но когда золото оказалось в его руках, он ощутил в себе совершенно новое, не испытанное до сих пор, чувство. Глаза загорелись каким-то огоньком, и мысли с лихорадочной быстротой пробегали в голове: "О, сколько бы хлеба я имел на него, сахара и других продуктов!"
Владыкин впервые в жизни, к своему удивлению, установил, какая дьявольская сила излучалась от этого металла, но увы, как и через кого он мог воспользоваться самородком?
По существующему положению, за присвоение золота в самородке или в россыпи, закон гласил одно - расстрел, в чем многие убеждались, и об этом им неоднократно твердило начальство при беседах. Поэтому, люди боялись его как огня, часто обшаривая карманы с сомнением: "Не подбросил ли кто?" За найденные самородки весом более 40 граммов, золотая касса оплачивала по обычному рублю - за грамм чистого золота. (Булка хлеба в продаже стоила 100 рублей и ее очень трудно было достать.) Человек, поднявший золото, должен был на виду у всех, немедленно сдать его десятнику или прорабу. Тот, в присутствии нашедшего и свидетелей, должен положить самородок на лист чистой бумаги и очертить его карандашом в двух положениях, с надписью на листе фамилии нашедшего. Затем в лаборатории определялся чистый вес золота (без примеси кварца), и бухгалтерия впоследствии выплачивала нашедшему (по документу) обычными денежными знаками. Когда-то на 10% суммы выдавались дефицитные продукты, но голод это поощрение упразднил. Было еще одно условие: оплачивались только те самородки, которые поднимались не из отвалов или шахтных выработок, а непосредственно, при ручной разработке грунта, из целика.
Владыкин все это знал. Он знал, что добытый им самородок, совершенно безвозмездно, он должен был вместе с грунтом бросить просто в тачку, и второе: если даже он подлежал оплате, то она распределялась на всех членов звена, с которыми он работал.
Все эти обстоятельства привели его к глубокому раздумью. Перед ним был выбор: бросить этот комок в тачку или решиться на грех - утаить от двоих товарищей и сделать вид, что поднял из целика. Во время раздумья голод, казалось еще сильнее, мучил его. Ведь четыре или пять булок хлеба он мог бы достать на этот самородок.

В результате мучительной борьбы - совести с голодом - из глаз покатились слезы. Он не мог на сей раз вынести какого-то решения, а, пугливо озираясь кругом, решил пока зарыть самородок в землю. Ни днем ни ночью у него не было покоя, а голод со страшной силой склонял его ко греху. Где-то в тайнике души тихий голос напомнил ему: "Если и сдашь, все равно не попользуешься, крепись!"
- Боже мой, Боже мой! Нет сил во мне победить это искушение, - воскликнул Павел на третий день мучительной борьбы.
С утра Владыкин оставил свое звено и, укрывшись за отвалом, долго сидел с опущенной головой, но так и не решил, что ему делать. Сознание, хотя и слабо, но неотвязно напоминало ему: "Молись!" И он, подняв глаза к небу, пытался молиться, но молитва вначале превратилась в какие-то бессвязные обрывки, как ему казалось, вопля души, а вскоре и совсем умолкла. Бедный юноша был измучен внутренней борьбой. Им овладевало ужасное убеждение, что связь с Господом у него совершенно прекратилась, а с ней - и всякая внутренняя опора. Нужна была помощь извне, но отупевшее от голода сознание привело Павла Владыкина к мрачному, мучительному выводу, а затем и глубокому унынию: "Наверное, уже не осталось у меня на земле никого, кто молился бы за меня Богу".
В этот момент, яркой вспышкой промелькнули в памяти молитвы матери Луши, а также слезы на морщинистом лице дорогой, милой бабушки Катерины, которую он видел в последний раз на свидании в тюрьме. "Видно, нет уже их больше на земле, нет и молитв за меня, а кому еще я могу быть нужен?" - роняя слезы, думал про себя Павел, накрыв голову засаленной, обтрепанной полой арестантского бушлата.
Он понял в этот момент с необыкновенной ясностью, как велика важность молитвы за других; что христианин, какой бы он ни был, не может устоять, без поддержки извне; понял, почему в этом нуждался Апостол Павел и другие, почему и Сам Христос, в решительный час в Гефсимании, позвал с Собою учеников и просил молиться. Владыкин, конечно, ничего не знал о своих домашних и милой бабушке Катерине, но он не ошибся, почувствовав себя в это время, совершенно одиноким.
Холод подкрался к его голодному телу через обтрепанные части одежды, он вздрогнул - это вывело его из гнетущего раздумья. Холодом щипнуло что-то около сердца у груди. Он протянул руку и нащупал в кармане, поднятый им, самородок, от которого как-то особенно кололо холодными иглами, как от промерзшей ледышки, и Павел переложил его в другой карман. После долгого раздумья, тихо поплелся к работающим в забое людям...
- Бригадир! Поставь меня отдельно на задирку - проговорил он, - мы только ругаемся друг с другом, - кивнул он, указав на остальных рабочих своего звена, которые в это время, действительно, сидя дремали у догорающего костра. Бригадир, имея некоторое расположение к Владыкину, отвел его в конец разработки и поставил на отмеченное место, по его желанию.
Хмурое осеннее небо временами сеяло холодными дождевыми брызгами, переходящими в снег.
Чтобы отогреться, Павел усердно отковыривал ломом, комок за комком, липкую глинистую массу и нагружал ею тачку. Тяжелый самородок в кармане бушлата то и дело при работе больно ударял его по костлявым бедрам, как бы напоминая о себе, но Владыкин не решался освободиться от него. Наконец, после долгой, мучительной борьбы, он вытащил самородок из кармана и бросил в ямку с грязной жижей. Самородок быстро затянуло грязью, так что его с трудом можно было нащупать ломом.
- Десятник! Подойди сюда, самородок нашелся, - прерывистым голосом окликнул Павел, проходящего мимо человека. Совесть при этом взволновала тощие запасы крови, и он почувствовал прилив ее в верхушках ушей, на костлявых впадинах почерневшего лица появились темные пятна, но они смешались с неумытой грязью от высохших слез.
- Где? - спросил подошедший десятник и, увидев знакомый блеск металла среди грязи, распорядился:
- Что ж, я что ли полезу за ним? Подними, вытри, да подай мне в руки сухим.
Павел достал золото, обмыл в бегущем ручейке, вытер полою бушлата, затем ладонью руки и подал десятнику.
- Эк, какой красавец, - промолвил тот, затем, подбросив вверх, добавил, - с полкило чистым потянет, в доброе время, почитай, жизнь была бы обеспечена, а теперь, что ты на него добудешь? Да ничего! - и, с безразличным видом, осмотрев самородок, очертил его карандашом на листе чистой бумаги, написал коряво и безграмотно - Владыкен Средний.

Долго еще после того, как отошел десятник, угрызения совести мучили Павла, но постепенно голос их утих, лишь только приступы голода временами рисовали ему радужные картины: "Вот если бы скорее мне оплатили, и я тут же, на те деньги, купил бы три-четыре, а то и пять румяных кирпичиков хлеба..."
Месяца через два, в конторе лагеря Владыкину объявили, что самородок весил 456 граммов, за что выплатили ему 456 рублей. Но воспользоваться ими он не смог.
В это время рассчитывался освобождающийся парень - земляк Владыкина, воришка. Он, выманив у него эти деньги, пообещал принести пять или шесть булок хлеба, но через день бесследно исчез. Павел остался обманутым.

* * *

Подошедшие лютые морозы прекратили всякое движение в поселке. Температура доходила до минус 60-65° С. Изуродованные от обмораживания, заключенные толпились около бочек-печей, прижимаясь друг ко другу, тщетно старались согреться, но этим только загораживали скудное тепло, мешая ему распространиться по бараку. Смертность новою волною уносила обреченных, несчастных людей в могилу.
Приближалась весна, а с нею и промывочный сезон, но в лагере, один за другим, заколачивались от безлюдья бараки. Это обстоятельство, видно, сильно взволновало высшее начальство, так как людские резервы резко таяли. По этой причине, однажды, когда мороз на дворе снизился до 50°С, всех до единого уцелевших заключенных выстроили на территории лагеря. Люди корчились, дрожа от холода. Перед ними, осматривая эту толпу, прошла группа начальников. Все они были одеты в полушубки с огромными папахами на головах и были не знакомы никому из заключенных. После осмотра, один из них поднялся на переносную трубину и зычным, но не ругательским голосом, объявил:
- Ну что, мужички, приморили вас? Да и морозец, видно, немало потешился над вами, но ничего, постараемся привести вас в человеческий вид. Сейчас вы разойдетесь по баракам и приготовитесь в баню; отмоем, оденем и откормим вас. Первую неделю на работу вас выводить не будут, вторую будете работать на четверть нормы, третью - на полнормы, а через три недели - полную норму выработки. Понятно?
Ни одна душа не ответила ему на его высказывание, потому что люди не верили словам. Спустя несколько минут, люди стали кричать, чтобы их отпустили с мороза по баракам, просьба их была удовлетворена, и они вмиг исчезли в них.
Но, действительно, в лагере началось какое-то преобразование. Прежде всего, сменилось основное лагерное начальство. В столовой, где на полу и потолках торчали обледенелые сосульки, начались какие-то работы. По лагерю от кухни распространялся такой волнующий запах, какого люди не помнили уже несколько лет. Большой толпой арестованных привели в баню, которая была жарко натоплена; тут они услышали объявление:
- Братцы! Все как один, сдайте свои лохмотья, безо всякой прожарки. Горячей воды неограниченно, отмывайтесь дочиста, всем побриться и после бани получить полностью новое обмундирование. В барак возвращаться организованно.
Действительно, обовшивевшие и немытые люди, озлобленные лютыми морозами, на этот раз вдоволь отмылись горячей водой, и все были переодеты в новое обмундирование с головы до ног. Совершенно не узнавая друг друга, часа через два, они побрели в свои бараки. Придя в барак, они застали его также неузнаваемым: он был жарко натоплен, нары застланы новыми шерстяными одеялами, полы тщательно вымыты, и сам барак ярко освещен электролампочками. Дневальный барака объявил всем, чтобы никто по лагерю не бродил, а все терпеливо ожидали команду на обед и, что по обещанию начальства, из столовой голодным никто не выйдет.
Голодные люди, хотя и старались выполнить это распоряжение, но все же от нетерпения некоторые выходили посмотреть, что делается в столовой. Столовая, хотя и закрыта была, но по раздававшемуся стуку внутри и развешанным занавесям на оттаявших окнах, можно было заключить, что там действительно происходит какое-то преобразование. Сигнал к обеду задержался далеко за полдень, поэтому, несмотря на никакие уговоры и вразумления, толпа любопытных и голодных у дверей росла очень быстро. Когда же раздался сигнал к обеду, то со всех бараков голодные толпы заключенных ринулись к таинственным дверям столовой. Наконец, было объявлено, что допускать в столовую будут по-фамильно, по бригадам, но от этого толпа не убавилась.
Владыкина вызвали, к счастью, в числе первых и, когда он вошел в помещение, то был действительно изумлен происшедшей переменой.

Натопленное помещение блестело белизною занавесок и клеенок на столах, обслуга также была одета в белоснежные халаты. Горы, аккуратно нарезанного, хлеба были расставлены по всем столам.
Когда вошедшие разместились за столами, соответственно установленных табличек, один, из приехавших начальников, объявил:
- Объясняю всем, слушайте внимательно! Мы знаем, что все вы голодны и истощены, но я заверяю вас, что голодным отсюда никто не уйдет. Прежде всего, хлеба можете кушать, сколько хотите, без нормы. Обед будет состоять из пяти блюд, прошу кушать спокойно, кто не насытится, может попросить повторения первого блюда.
Но все эти объяснения для голодной массы были бесполезны. Пока началась раздача первого блюда, хлеб на столах был съеден почти полностью. Распорядитель успокоил людей и объявил, что хлеб немедленно будет на столах, в прежнем количестве. Заключенные, многие со слезами на глазах, впервые, за последние два-три года, спокойно и в тепле кушали пищу. Почти все присутствующие попросили повторения первого блюда, что было сделано беспрепятственно. Наконец, люди, убедившись в правдивости объявленного, спокойно закончили обед, сытыми и довольными, но некоторые решили заполнить карманы остатками хлеба. Увидев это, распорядитель объявил:
- Кто остался голодным, прошу встать! Поднялось около двух десятков человек, их посадили за отдельный стол и повторили обед; остальные вышли, с трудом веря происходящему. Так, партия за партией, были накормлены все заключенные. Уже поздно вечером было объявлено, что в том же порядке, все должны явиться на ужин, который будет состоять из трех блюд.
Откармливание заключенных, таким образом, длилось шесть дней, а на седьмой - начальство опять собрало людей, заверило, что питание сохранится, но теперь уже необходимо выходить на работу. По объявлении этого положения все начальники уехали, а с их отъездом жизнь заключенных стала резко ухудшаться. Не прошло и месяца, как все возвратилось к прежнему, с той лишь разницей, что морозы сменились теплыми весенними днями, но с приходом тепла у людей ослабели и силы. Во всяком случае, Владыкин никакими откормками из числа "доходяг" не вышел, таким застало его лето 1939 года.
Ладони, от постоянной работы с ломом над твердыми и вязкими породами - огрубели, застыв в согнутом положении. Они трескались, кровоточили и непрерывно ныли от боли. Подолгу, бесцельно бродил он по территории прииска, как и многие другие, ища чем бы насытить свое исхудалое, голодное тело, но ничего не находил. Один только Бог знал его нечестный поступок с поднятым самородком, но этот поступок окончательно подорвал в нем духовные силы, и жизнь его протекала, как у судна без руля. Но Господу было угодно провести его именно этим путем, чтобы в существе своем Павел понял, что есть человек сам по себе, вдали от Бога, если даже он обладает самыми очевидными преимуществами перед другими.
Именно таким: обессилевшим, никчемным, беззащитным повис над клокочущей бездной Павел Владыкин, с единственным ясным сознанием, что не сам он держится над пучиной, а Кто-то держит его - и в этом он чувствовал только милость Божию. Касался ли он этой пучины только отчасти, или порой погружался в нее до какого-то предела, во всяком случае, чувствовал неотвратимую, могучую десницу Божию над собой, и это, в минуты крайнего отчаяния, в известной мере, успокаивало его.
Понял также отчетливо, что такое - быть в Божьих руках, но от самого себя зависит, как пользоваться этим благом, будучи, во всех случаях, в повиновении у Господа.

* * *

В один из летних вечеров, когда горячее солнце, спустившись по небосклону вниз, пробегало по горизонту, игриво прячась за причудливыми вершинами сопок, чтобы после полуночи подняться вновь для дневного своего пути, Владыкин, сидя на нарах, ремонтировал свои арестантские рубища. В барак вошел мужчина средних лет, прилично одетый и громко назвал его фамилию. Павел насторожился и не спешил ответить ему, колеблясь в догадках: к худу или к добру разыскивает его этот человек? Лицо его показалось Павлу знакомым, и он напряженно вспоминал, кто же это, но вспомнил в тот момент, когда
того уже подвел дневальный; это был маркшейдер приисков, который в год прибытия Павла, отказал ему в приеме на работу.

- Владыкин! Ты что же молчишь? Я ищу тебя везде, кричу твою фамилию, а ты смотришь на меня и молчишь? По документам значится, что ты специалист по горному делу, так это? - и, не дав ему ответить, продолжал, - Пойдем в контору, там познакомимся. Да ты, чего так боишься?
Павел, действительно, стоял молча на месте, отчасти потому, что не успевал сообразить всего, а больше от недоумения: "Кому и зачем я понадобился, когда, кажется, со мной в этой жизни уже все покончено?" Наконец, выйдя с маркшейдером из барака, он ответил ему у крыльца:
- Да вы, знаете, я привык за последние годы к тому, что фамилии товарищей называют не к добру, и теперь не знаю, кто вы и зачем я вам понадобился?
- Ах, вот оно что! Да, это правильно, я не учел! Но, Владыкин, Гаранинские времена прошли, и разыскиваю я тебя, как специалиста по горному делу, маркшейдер я над всеми этими приисками, понял? - пояснил ему собеседник.
- Теперь-то я понял, уважаемый начальник, но ведь я ни к чему не способен, - ответил ему Владыкин, - руки мои изуродованы и не только владеть прибором, но и карандаша держать неспособны, а главное - я все забыл; и прошлое мое покрыто каким-то туманом; да и посмотрите на меня, на кого я похож?
- Э, парень! Не тебе чета - ожили, а у тебя еще язык во рту шевелится, пошли, это не твоя забота, - взяв за рукав, потянул его за собой маркшейдер.
Приведя Владыкина в контору прииска, он объявил во всеуслышанье:
- Хлопцы, вот я привел к вам работника - это будет наш сотрудник, о нем все согласовано в управлении. Сейчас он приморен, как видите; приоденьте его, кормите досыта. Никаких заданий ему пока не даю, пусть отдыхает и делает то, что захочет сам. Тяжелой работы ему делать нельзя, чтобы он мог возвратиться к нормальному состоянию. Я сам буду приходить и наблюдать за ним.
Павел, действительно, ничего не мог сообразить: почему и как - все это изменилось вокруг него. Его никто ни к чему не принуждал, кушал и отдыхал он - по потребности. С большим увлечением, подолгу сидел под окном и аккуратно вытесывал колышки для разбивки, а в промежутках, сидел над тазиком и отпаривал ладони рук в теплой воде.
Вскоре пальцы на руках стали разгибаться, кожа меняться, а через неделю начала возвращаться чувствительность в пальцах. Наблюдая за работой товарищей, Павел стал в памяти восстанавливать профессиональные приемы. Постепенно он начал тренироваться в работе с приборами и был удивлен тем, что может вычерчивать несложные схемы и чертежи. Товарищи очень добродушно относились к нему и сочувствовали при неудачах, только бородатый "Серега", с которым он познакомился два с половиной года назад, прибыв впервые с этапом на Средний, встречал каждый его промах с едкой усмешкой.
Но знания и навык в работе к Владыкину возвращались так быстро, что, к удивлению окружающих, не более, как через три недели начальник, после краткой беседы, вверил ему самую ответственную часть - полный контроль разработки. К этому времени Владыкин изменился и по внешнему виду. Выпрямилась его согнутая от холода и голода фигура. На смену арестантским лохмотьям, на нем появилась теперь вполне приличная обувь и одежда; не возвратился только орлиный взгляд к небу. В духовной его жизни по-прежнему царило, угнетающее душу, одиночество и уныние. Молитва отсутствовала.
Наконец, наступил день, когда он в сопровождении рабочих, придя на выработанную площадь, уверенно установил прибор для определения объема выработанной массы. Первым, кто подошел к нему, с той же заискивающей миной на лице и пригнутой фигурой врожденного льстеца, был его старый знакомый, "сотский" Попов.
- Владыкин, при-ве-тик! Да ты, никак... Да ты, что это?... С "хитрым глазом" (нивелир) теперь?... Уж, не нас ли проверять? - прерываясь и подбирая слова, потянулся он к Владыкину.
- Нет, Попов, я пришел проверять не тебя, пусть Бог тебя проверяет, а замерить сколько выработано на этом месте грунта, - ответил ему Павел, еле подавляя в себе отвращение к протянутым рукам. Он вспомнил: сколько эти руки избивали голодных, обессилевших людей, сколько людей они обрекли на уничтожение, подавая сведения об умышленном саботаже, а теперь - они тянутся к нему с приветом. Владыкин уже приготовился высказать ему все о всех его подлостях, какие он творил, будучи негодным, потерянным человеком. Даже приготовился ответить ему, что теперь он пришел замерять именно его работу и, что от этого зависит жизнь Попова, так как завышенные объемы выработки наказывались строгим судом.

Но Павел испугался сам себя, чувствуя, как растет в его душе негодование к этому человеку - ведь этого чувства к врагам у него раньше не было. Он вспомнил, только что произнесенные механически, как ему казалось, слова: "Пусть Бог тебя проверяет". Это, пожалуй, все что осталось у Павла от его духовного богатства, но и это малое нисколько не умерило его.
- Садись, Попов, - сказал ему Павел, указывая на опрокинутую тачку, - ты помнишь как два с половиной года назад ты определил меня на погибель, послав дежурить на мехдорожку, а ведь это за то, что я перемерил после тебя свой забой, доказав твою неправоту; теперь же все повернулось наоборот. А ты тогда, наверное, не подумал об этом?
- Э, Владыкин, да, ты брось вспоминать, что уже давным-давно забыто, - возразил ему Попов, одновременно доставая из кармана плоскую бутылку со спиртом, - вот разопьем, это за доброе здоровье, да и подружимся, брось!
Но Владыкин категорически отказался от спирта, а Попов, виновато спрятав голову в плечи, отошел в будку и наблюдал за Павлом, сможет ли он обнаружить его хитрости, какие он применял к предыдущим маркшейдерам. К удивлению и разочарованию Попова, Владыкин с такой быстротой и умением проделывал контроль, что все его хитрые приемы оказались не только смешными, но и совершенно излишними. Вскоре после этого, Попов, употребив все свои связи, посчитал самым благоразумным перейти на более дальнюю работу, со Среднего на Верхний.

* * *

Владыкин к осени привел в образцовый порядок всю техдокументацию и упорядочил само производство технического контроля над выработками, что подняло его на должную высоту в глазах начальника отдела при управлении. Обнаружив у Павла такие способности, управление к концу осени отдало распоряжение перевести его на прииск Верхний, где техконтроль был на очень низком уровне, а приближался инспекторский годовой контроль над всеми выработками по приискам горного управления.
Переводя Владыкина на Верхне-Штурмовой, начальство поместило его в особо-привелигированные условия за зоной лагеря, и буквально на следующий день, проходя выработки, Павел вновь встретился с "сотским" Поповым. На этот раз, при встрече с ним, сердце Павла было полно глубокого сожаления к этому бедному, несчастному человеку, который спился окончательно. Через несколько дней после их встречи Попова нашли мертвым в одном из забоев. Обследование установило, что он умер от чрезмерно выпитой дозы спирта.
Это известие сильно потрясло Владыкина. Сознание вины перед погибшим человеком осуждало его, и он ходил целый день, не вникая в свою работу. Ему припомнились и Зинаида Каплина, и заключенные девушки у костра, и дед Архип с Марией, и другие, кому он с таким вдохновением проповедовал о спасении через Христа Распятого. Вспомнил и наказ деда Никанора - спасать обреченных на смерть. А теперь от того огня, каким горела душа Павла, осталась только искра сожаления к этому, погибшему навеки, человеку. Душу мучило угрызение совести, но сил не находилось, подняться опять до прежнего уровня. Он знал, что нужно молиться, но дух молитвы уходил все дальше и дальше. "О, как страшно угасить дух молитвы; что может вновь возжечь его? - Только какая-то сила вне самого себя, а это может быть только по милости Божьей, при Его вмешательстве", - думал Павел, оплакивая свое состояние.
При этих рассуждениях Павлу ясно открылось, что на человеке Божием лежит неотвратимая ответственность за все погибшие души, с какими он соприкасается в жизни. За них христианин даст отчет в свое время Господу, независимо от того, в каком состоянии он был сам; поэтому он обязан всегда бодрствовать, прежде всего, за личное спасение, чтобы быть способным спасать других. Писание так говорит: "Вникай в себя и в учение, занимайся сим постоянно; ибо, так поступая, и себя спасешь и слушающих тебя" (1Тим.4:16).

* * *

Однажды, поздно вечером, бледный от волнения, зашел начальник прииска к Владыкину и заявил:
- Ну, Павел, я пришел к тебе с очень серьезным разговором. С нашего управления на Нижнем мне сообщили, что по приискам начала работать инспекторская комиссия по контролю выработки. Все ли у нас в порядке? Я пошел к прорабам в производственный отдел и, к своему ужасу, что же обнаружил? Вместо фактических выработок - заверительные записки на несколько тысяч кубометров грунта, проведенных авансом и, что в последующее

время прорабство обязуется аванс покрыть. Но до сих пор еще не покрыто ни единого кубометра, и если комиссия это обнаружит, то это петля на шею, и мне - в первую очередь.
Поэтому прошу тебя, подумай, что делать? Ведь пострадают не только прорабы и десятники, но и очень многие забойщики, это кроме суда, еще и на два-три месяца на голодный паек придется сажать людей. Ты осмотри все, вникни и скажи, можно ли как-то спасти положение?
Павел, оставшись наедине, далеко за полночь просматривал всю техдокументацию, изыскивая возможности к предотвращению надвигающейся опасности. Такая возможность оказалось, но?... Ведь это же колоссальный труд, который потребует нескольких дней и почти бессонных ночей, а самое главное - опять же нечестность. Душу охватила мучительная тревога - как быть? Перед самым утром, не раздеваясь, он повалился на койку и заснул, но с общим подъемом поднялся и вышел на крыльцо. Мысли, одна за другой, осаждали, воспаленную от бессонницы, голову: "Да зачем мне выгораживать этих пьяниц, злодеев, сотских да десятских, они на моих глазах избивали и загубили сотни измученных, несчастных людей?...
Так-то это так, но ведь к этому их понуждали непосильные нормы, спущенные свыше, а спирт - это единственная их награда за их, как они выражаются, "собачью должность".
...Вот, к примеру, Попов. Какой почет и богатство нажил он? Вместе с работягами замерзал и промокал, жил по-собачьи, и по-собачьи умер - это же обманутые люди, погонщики рабов из рабов.
Нет! - протестовало что-то в душе Владыкина, - как не виноваты? У них же был разум, а почему они не хотели страдать и умирать вместе со своим народом, с которым ели и жили, но губили невинных, спасая свою душеньку. Вот Моисей лучше захотел страдать со своим народом, нежели иметь преступное временное наслаждение. Нет, пойду к начальнику и скажу, что выхода нет, придется готовиться всем вам на суд, что пришло и ваше возмездие".
С таким решением Владыкин уже приготовился идти к начальнику, но в это время начался развод и, увидев, как сотни его товарищей в арестантских рубищах шли в забой, Павел остановился и задумался: "Сотские-то сотские, но ведь и эти несчастные пострадают, а я ведь вчера вышел из этих же рядов. Сегодня они, полуголодные, идут с надеждой что-то заработать, а если я не сделаю того, чего просил начальник прииска, то завтра их голодными выгонят в забой, и некоторые из них останутся без надежды возвратиться вечером на свои арестантские нары. Нет! Ради них я должен сделать, что могу, хотя бы это стоило большой жертвы: сегодня их судьбы и судьбы моих мучителей оказались в моих руках. Сейчас решения моего сердца ожидают не только люди, но и Господь. О, это экзамен для меня непомерно ответственный, а я увы, утратил дух молитвы. Что может быть отчаяннее для христианина, как не это положение?"
В памяти Владыкина предстала картина Гаранинского распределителя: кучка людей на площади, ожидающих решения их судьбы и он среди тех обреченных на истребление; человекоубийца "Монах", мучимый агонией смерти, и прильнувшие к земле люди, приговоренные к расстрелу...
Тогда их судьба решалась полковником Гараниным, сегодня судьба таких же людей и сотских, и подобных "Монаху", оказалась в руках Владыкина.
Павел содрогнулся от такого открытия, а еще больше от вопроса, который промелькнул в его сознании: "Если ты, сожалея о жертвах гаранинского произвола, желал тогда освободить их от нависшей над ними погибели, то какой приговор произнесешь над теми, кто сейчас прошел перед твоими глазами?"
Как волна прибоя, решение к спасению людей подняло Павла на ноги. "Да, но тот план спасения создавшегося положения, какой созрел у тебя в голове, есть грех укрывательства, - как гром раздалось в его сознании угрызение совести. - Ведь ты объявил себя христианином, вступая на этот путь страданий, не сгибаясь, все эти мученические годы пронес знамя любви Христа, а теперь, раз за разом, не опускаешь ли ты его все ниже и ниже?"
Душевные мучения клещами сжимали горло Владыкина, колени согнулись, и он, опускаясь, сел на ступени крыльца. "Что же делать?" - едва не сорвалось с его уст. Но как волны прибоя после своего приступа возвращаются с берега в море так и бурные мысли отступили от сердца Павла.
- Ну, как дела, Владыкин, что надумал? Есть ли выход из нашего положения?... - выйдя из-за угла, подошел к крыльцу начальник прииска, в тревоге осыпая Павла вопросами.
- Да вот об этом сам думаю, всю ночь не спал, - ответил ему Владыкин, - выход есть, но потребуется минимум неделя.

- Э нет, дорогой, какая тут неделя, уже на Нижнем идет проверка, - возразил ему начальник.
- Ну, а тогда придется не спать ни днем ни ночью, тут уже не знаю, насколько хватит меня, - ответил ему Владыкин.
- Может быть, спиртик поможет, Павел?
- Ну что вы, гражданин начальник, спиртик помогает только скорее попасть в могилу да в тюрьму, да на мерзкие дела идти, - возразил ему Павел. С этими словами Владыкин поднялся, зашел в комнату и погрузился в работу. Занимался он неотрывно, упорно. Отвлекался только пообедать или перевести дух за кружкой чая. Перед обедом с каким-то узлом зашел к нему прораб:
- Как успехи твои, Павлуша? Мне начальник шепнул, что ты решился выручить нас из беды! Получается чего или нет? Я вот тут собрал тебе кое-что, вижу ты бедновато выглядишь! На-ка, погляди! - развязав большущий узел, он начал раскладывать на койке брюки, сорочку, пальто и другие вещи.
- Нет-нет, дружище! Бывает, что людские судьбы возами золота не окупишь. Я не продаюсь и не покупаюсь, - подойдя, резко возразил ему Владыкин. Единственное, что мне нужно от тебя, хоть теперь оставь меня в покое. С этими словами Павел, отвернувшись, продолжал работать.
- Ну, уж это ты напрасно, я от всей души пришел поделиться с тобой - ведь это же не ворованное, а свое, - обидчиво объяснил прораб.
- Откуда оно у тебя, свое? С плеч какого-нибудь профессора снял, за один-два дня отдыха от забоя, или за пайку хлеба у голодающего, - с гневом, поправил его Владыкин. - Ты подошел бы ко мне с одеждой, когда я в лохмотьях замерзал в забое, а ты, небось, с палкой подходил тогда, последнее дыхание выбить. Иди и подумай теперь о себе и своей судьбе, да о судьбе своих товарищей.
Слова, высказанные Павлом, настолько соответствовали действительности, что посетитель, немедленно собрав свои пожитки, поспешил выйти из комнаты. Так, вдвоем с сотрудником, Владыкин днем - без перерыва, а ночью - без сна распутывали техническую документацию.
Только начальник прииска с тревогой наведывался и справлялся о ходе работы и, видимо, в душе не надеялся на положительный исход. Наконец, рано утром, после двух бессонных ночей и предельно напряженных дней, Павел, окончив работу, вышел и направился к дому, где жил начальник прииска с семьей, чтобы обрадовать его благополучным разрешением образовавшейся неувязки. То ли и он не спал, наблюдая в окно, то ли случайно, но Владыкин увидел его, как он сам шел к нему навстречу и, с тревогой в голосе, спросил:
- Что случилось, Павел, ты ко мне?
- Да, к вам, успокоить вас - все закончено и приведено в полное соответствие, - еле выговаривая слова от переутомления, ответил Владыкин.
- Да что ты? Неужели?... Павел! Наверное, есть Бог... Да ты понимаешь... - тискал он огромными ручищами щуплую фигуру юноши, обмякшую от изнеможения. - Ведь и жена моя, бедная, не спала все эти дни. Ты же понимаешь, я и не подозревал о том подвохе, какой подготовило мне прорабство, да и не попадал я никогда в такой переплет. Меня просто это не касалось: я же механик, ну, а сюда перевели вот - начальством. Ведь ты понимаешь, сколько бы за эту туфту присудили, а, может быть, даже расстреляли; за расхождение в замере больше 4-5% - суд, сыше 7% - расстрел. Вон, на соседнем прииске, пять человек отдали под суд. А ведь меня (только что) предупредили по селектору, что комиссия сегодня едет к нам, ну я к тебе... а ты сам идешь навстречу. Правда, Павел, есть Бог! - взволнованно, топчась на месте, проговорил начальник.
- Да, начальник, Бог есть всегда, да мы вспоминаем Его, когда грянет беда, - ответил понурив голову Владыкин.
- Это верно, парень... Ну ладно, идем ко мне, жена сейчас покормит тебя, да ты, наверное, ляжешь спать, ведь мерить будут без тебя...
Завтрак был действительно "генеральский", на столе было и то, что Павел видел только на картинках, но утомление было настолько велико, что Владыкин, едва проглотив попавшееся под руку и запив горячим чаем, отказался совсем бодрствовать. Пошатываясь, он еле добрел до своей койки и, упав на нее, немедленно заснул крепким сном. Перед обедом его разбудили...
Незнакомец, отрекомендовавший себя инспектором, предварительно частично осмотрев документацию, вежливо попросил Владыкина пройти с ним на место выработки с инструментом. По задаваемым им вопросам, Павел определил в нем опытного мастера своего дела.

В котловане инспектор осмотрел рейки и сам прибор, предложил Владыкину встать за инструмент, от чего Павел в смущении пытался отказаться, но инспектор, настояв на своем, взял рейку и, вместо рабочего, сам прошел по местности. Честность в работе Владыкина, его быстрота ему очень понравились. Вычислив отметки, он сличил их по каталогу и, не обнаружив расхождений, поручил Павлу докончить замер до конца и представить данные в управление. Затем, высказав несколько лестных комплиментов в адрес Владыкина, пожал ему руку и также вежливо распрощался. Переданные результаты замера оказались в норме, о чем в этот же вечер объявил начальник прииска, но все это - Павла нисколько не обрадовало. В душе что-то опускалось все ниже и ниже. Он знал: раз он сделал эту уступку - впереди где-то, его будет ожидать печальный конец. "Не устою!" - таким выводом закончил он свои мысли. "Уже не устоял!" - ответило что-то в его душе.

* * *

Шел 1940 год. Огненный солнечный сегмент над сопками, обдавая багрянцем свинцовое полярное небо, извещал о том, что полярная ночь кончилась, и на дворе стоит февраль.
- Павел Петрович Владыкин? - однажды, вопросительно улыбаясь, обратился к нему вошедший начальник УРЧ (учетно-распределительная часть) в лагере. Я пришел поздравить тебя с окончанием срока, завтра тебя вызывают в управление, на освобождение.
Первый раз, на двадцать шестом году жизни, Владыкин услышал, как назвали его Павлом Петровичем, даже хотелось в это время посмотреть на себя. Он удивился, что объявление не произвело на него никакого впечатления, и, когда начальник вышел, Павел высказал свое удивление, сидящему рядом, товарищу:
- Вот, интересно, где и когда это бывало, чтобы арестант, услышав об освобождении, не радовался?
- Так-то это так, Павел, и это потому, что ты знаешь, что тебя домой не пустят, но подумай, а если бы тебе сейчас объявили, что тебе срок продляется лет на десять, что бы ты на это сказал?
- Да ну, что ты говоришь, это же нестерпимое горе, убийство, - ответил Павел.
- Да, это ужасно, но ты знаешь сколько людей, подобных тебе, вместо освобождения испытали такое нестерпимое горе? Так вот, иди и благодари Бога, хоть за такую свободу: лучше плохая свобода, чем прекрасная тюрьма, - сказал ему сотрудник.
На следующий день, после обеда, Владыкина вызвал к себе начальник управления местными лагерями:
- Как фамилия? - сухо спросил он Павла и, когда тот ответил ему полностью установочные данные, начальник внимательно просмотрел каждую бумажку в деле.
- Да, парень, много ты пережил всего, а больше горького; счастливый ты, уцелел просто чудом, видно, мать усердно за тебя Богу молилась, - с иронией сказал он. - Ну что ж, из Москвы пришло на тебя постановление... освободить по отбытии срока, поздравляю!
Как ни был Павел равнодушен к этому вчера, сегодня, при объявлении, сердце его дрогнуло, и он смог через пересохшее горло ответить тихо-тихо, протянув взаимно руку, - "спасибо".
- Я прошу вас, отправьте меня домой, ведь я пять лет не видел матери, да и теперь не знаю, жива ли? - попросил Павел.
- А вот этого я сделать не могу, не в моей власти. Оформляйся через контору прииска и спецчасть на любую работу, но, до особого распоряжения, будешь оставаться пока на прииске и работать, как работал.
- Но ведь я же...
- Владыкин! Разговоры наши бесполезны, да и времени у меня нет. Иди в спецчасть, там тебе все расскажут, - прервал его начальник и позвонил, для приема следующего.
Выйдя из конторы, Павел тихо побрел на свой прииск по той самой дороге, где когда-то он впервые шел этапом в ужасный гаранинский распределитель и обратно. Поравнявшись с придорожной приисковой кузницей, он услышал оттуда фамилию:
- Владыкин! Зайди сюда.
Павел долго вглядывался в искривленное лицо кузнеца, наконец, узнав в нем одного из четырех оставленных от расстрела, спросил:
- Что это с тобой, дружище? Здорово!
- Да вот с тех пор парализовало, руки отошли, а лицо так и осталось, - пояснил ему товарищ. А с теми двумя ты слышал, что случилось?

-Нет!
- Э, братец мой! Парень молодой заболел чахоткой и умер, а тот пожилой, четвертый, помнишь, все плакал? - Сошел, брат, с ума.
Воспоминание ужасного прошлого обожгло душу и так возмутило дух Павла, что он заторопился распрощаться с товарищем по несчастью, сообщив ему о своем освобождении.
- Ты счастливчик, сынок, - потрясая руку на прощанье, провожал его кузнец, - благодари Бога, ты один из нас уцелел невредимым. Спаси тебя Христос, прощай!

Глава 4.
"Твоя жизнь принадлежит Мне".

"...не бойся, ибо Я искупил тебя, назвал тебя по имени твоему; ты - Мой".
Ис.43:1
По освобождении в жизни Владыкина не произошло никаких существенных изменений, разве только то, что теперь, посещая управление и другие поселки, он мог не бояться неприятных объяснений с работниками охраны и оперуполномоченными. Те же угрюмые сопки, поросшие дикорастущим стлаником, томили душу однообразием; и даже в самые теплые, летние дни, когда север на короткое время покрывался пестрым ковром благоухающих трав и цветов, на нем несмываемо лежала печать - чужбина.
Правда, иногда, поднявшись на сопку и спугнув стайку любопытных куропаток или хлопотливого полосатого бурундука, Павел, лениво развалившись на мягком, причудливо-узорном мшистом ковре, да с наслаждением, забывшись под звуки голосов ожившей от лютой зимы природы, от души скажет: "Господи, как здесь хорошо!" Но стоит только взор перевести сверху вниз, как снова увидит долину, покрытую сизой кисеей фабричного и бытового чада, а под ней ту же природу, подобно распластанному, обезображенному богатырю с выпущенными и распотрошенными внутренностями. Тогда Павел пытался себя убедить, что это совсем не изуродованное существо, это та самая, кормящая родина-мать, у которой, подобно обнаженной груди, открыты те несметные сокровища, какими питается человек. Да! О, если бы это было так, если бы эта мать могла после всего стыдливо прикрыть свою грудь и радоваться расцветающей жизни. Но увы, это не так: сокровище-то взято, но взамен его - остались реки пролитой людской крови и слез, да, захороненные в вечной мерзлоте, тысячи человеческих тел. Конечно, тела эти зарыты землею и скованы вечной мерзлотой, как трупы древних мамонтов; кровь и слезы смыты; добытое золото давно переплавлено в горниле и хранится либо в государственных сокровищницах, либо в карманах, на пальцах рук, на груди, во рту и в разных изделиях у людей. Многое из него, может, опять возвратилось в землю и пропало, или как-то иначе перемещалось в людском океане; осталась только - вовек не упраздненной - цена этого золота. Она, с Божественной точностью, учтена Им и хранится в Его сокровищнице.
"...Золото ваше и серебро изоржавело и ржавчина их будет свидетельством против вас и съест плоть вашу, как огонь: вы собрали себе сокровище на последние дни. Вот, плата, удержанная вами у работников, пожавших поля ваши, вопиет, и вопли жнецов дошли до слуха Господа Саваофа. Вы роскошествовали на земле и наслаждались; напитали сердца ваши, как бы на день заклания. Вы осудили, убили праведника: он не противился вам" (Иак.5:3-6).

* * *

Никакие развлечения, ни кое-какая перемена в жизни Павла Владыкина, не радовали его, напротив - самая настоящая тоска овладела им. Ведь, когда у него был какой-то срок, он имел основание ждать его окончания, а теперь это ожидание становилось совершенно нестерпимо и переходило в душевную пытку.
Бесперспективность брачного вопроса и семейных проблем дополняли еще больше страдания, увеличивающейся армии людей, ожидающих "особого распоряжения". Те единицы женщин, пугливо, изредка перебегающие из одного дома в другой, были мизерной редкостью и усиленно охранялись, вынужденно создаваемыми условиями. Все это наталкивало Владыкина на одну и ту же мысль - скорей домой.
Перед ним во всю ширь распахнулись производственные и бытовые перспективы, но он отказывался от них категорически. Сменился уже и жизненный уровень заключенных на более выносимый, но неизменными остались те дорожки и места, на которых он, так незабываемо, был мучим страхом смерти. На том же месте стояли "Свистопляс" - штрафной лагерь и склон горы, откуда не возвращались обратно его товарищи. Только

однажды, уединившись от людей, он погрузился в очень глубокое раздумье: "Почему последнее время, особенно перед освобождением, так часто совсем неверующие, посторонние люди и даже начальники напоминали мне о Боге? А у меня, к стыду моему, не находилось силы и слов свидетельствовать им о Нем, как я в недалеком прошлом с упоением свидетельствовал, даже ночами. Почему нет силы подняться духовно или, уйдя на гору, стать на колени и молиться? И дальше: почему Господь поставил такие мучительные препятствия к моему возвращению домой? Неужели не достаточно тех перенесенных страданий, слез и лишений, проведенных в крайнем холоде и голоде? Правда, Господь изменил мои обстоятельства, удалил от меня голод, крайнюю нужду и, может быть, изменил навсегда, но не изменил мое окружение. Ведь пять лет назад я доверил Ему всю мою жизнь, неужели она должна проходить здесь, до конца?"
На этом размышления как бы остановились и готовы были перейти к рассуждению: "Почему, Господи?" - выдавил он из груди.
В этот момент, вдруг, в его мыслях произошла какая-то перемена. Павел умолк, и сильное течение мыслей нахлынуло на него откуда-то, как ему казалось, извне: "И вывел меня северными воротами, ...и вот, вода течет ...тот муж ...в руке держал шнур и отмерил... и повел меня по воде; воды было по лодыжку. И еще отмерил... и повел меня... воды было по колено. И еще отмерил... и повел меня; воды было по поясницу; и еще отмерил... и уже тут был такой поток, через который я не мог идти... И сказал мне: видел, сын человеческий? И повел меня обратно к берегу..." (Иез.47:2-6) - вспомнил он слова Библии.
Павел сидел нагнув голову и, опершись руками о землю, произнес, покачивая головой:
- Понял, Господи! Хотя нет молитвы, нет огня, нет другого выхода, кроме этого страшного потока, но есть Ты - веди дальше!
- Ты хочешь домой? - продолжала та же мысль, - но прав ли Я буду, отпустив тебя таким? Ведь Я пока в тебе разрушаю все ветхое. Нужен ли ты самому себе такой разрушенный, несобранный? Непригоден ты и Мне. Посмотри на себя и ответь: к чему принесенные жертвы и такой великий жизненный путь, не пройденный до конца? Смирись! И дай Мне назвать тебя Своим. Ты боишься остаться здесь на всю жизнь? Но ведь ты отдал ее Мне навсегда и убедился, что она несколько раз была потеряна, что она не твоя. Я хочу показать тебе счастье необычайное, счастье вне человеческих расчетов и чувствований, счастье вечное и именно твое, но это счастье может быть только достоянием потерянной жизни и потерянной ради Господа. Не мешай Мне!
Еще ниже опускалась голова Павла от этих мыслей, а они были такой силы, что он усомнился: не говорит ли ему эти слова Некто вслух?

* * *

После этого настроение его изменилось. Павел значительно успокоился, убедившись, что Господь не оставил его, однако дальнейшая жизнь на этом месте для него стала нетерпимой, и он стал ожидать перемен. Появились слухи, что многих людей собираются перевести еще дальше в горы, и он, якобы, тоже назначен управлением как опытный специалист. Это или что-то другое помогло созреть решению Владыкина - непременно покинуть эту страшную долину ключа Штурмового. О своем решении он доложил начальнику отдела и получил отказ с угрозой, но несмотря ни на что, Павел оставил работу и через несколько дней пришел в управление прииска с просьбой о получении какого-либо документа. Получив документ, он собрался в неведомый для него путь. Одно озадачило его, ведь без специального пропуска с этой территории он переезжать никуда не мог. Но в душе Владыкина появилось непреодолимое желание к выезду и уверенность в благополучном переезде. К вечеру он благополучно прибыл в Северное управление и без труда разыскал одного из товарищей, с которым когда-то вместе прибыл пароходом на Колыму.
Из беседы с новыми людьми стало известно, что выехать на родину нет никакой возможности, и все попытки к тому бесполезны. Наряду с этим, Владыкину посоветовали пробираться в совхозы, где люди заняты только сельскохозяйственными работами. Преимущество жизни в совхозах было в том, что там было доступным питание свежими овощами и молочными продуктами. На прииске же питание не только строго нормировано, но состояло, в основном, из концентратов, а овощи были только в сушеном виде.
Было принято решение - пробираться в совхоз Эльген.
Павлу не пришлось долго раздумывать. Утром, на следующий день, ему передали, что в Магадан направляется с каким-то грузом автомашина, и несколько вольных мужчин и женщин сидят около гаража, в ожидании ее

отправки. Собирая пожитки, буквально на ходу, он выбежал, чтобы присоединиться к этой компании и подошел в тот момент, когда пассажиры уже разместились на машине, а шофер делал последний осмотр.
- Землячок, - обратился к нему Владыкин, - разреши доехать с тобой до Левого берега (поселок на Колыме), на Эльген пробираюсь, работать по агрономии.
Шофер поднял голову: перед ним стоял юноша в приличном костюме с значком парашютиста на груди и небольшим чемоданом в руке. Внешний вид его и те немногие слова, с какими он обратился к шоферу, не позволяли никак подозревать, что это "вчерашний" заключенный, какие во множестве сновали кругом, провожая завистливым взглядом машину в Магадан.
- Ну что ж, везти не мне придется - мотору, а разрешение тебе будут давать оперативники на постах по трассе, мне все равно, садись! - ответил ему шофер и уже, когда Павел поднялся наверх, добавил вдогонку: - Не жениться ли парень надумал, что-то молодоват ты в агрономы.
В совхозе Эльген в большом количестве жили и работали заключенные женщины, поэтому ко всем, кто туда пробирался в индивидуальном порядке, принято было выражать недоверие.
Владыкин не ответил на последний вопрос, так как, приняв его за вольнонаемного, сидящие женщины наперебой начали укорять шофера, по их выражению, мерившего всех на один аршин. Все три поста автомашина проехала беспрепятственно, так как пассажиры, в глазах оперативников, не вызывали подозрений, тем более, что трое или четверо из них, сверху показали паспорта.
На Левом берегу Павел слез и, расплатившись с шофером, поспешил к другим подъехавшим машинам, искать попутчиков. К его радости, попутная машина действительно нашлась, и Владыкин, не рассмотрев в ночных сумерках хозяина, попросил довезти его до совхоза, а шофером оказался капитан военизированной охраны. Поняв это, Павел сильно смутился, решив, что все его предприятие провалилось, и что, проверив его далеко не убедительные документы, его возвратят обратно на прииск. Но капитан, взглянув на аккуратный, незаурядный его вид да румянец, вызванный волнением, спросил не без любопытства:
- А вы что, в командировку или, может быть, к нам в дивизион? Мы давно ожидаем пополнения.
- Нет, товарищ капитан, я хочу устроиться агрономом и не на Эльгене, а дальше на Мылге, - ответил Павел.
- Да зачем вам такое захолустье, наш старший агроном Морозик забегался один, и он с радостью примет вас. У него, хотя и есть там старик - заключенный, но ведь не сравнить его же с молодым. Да и нам, в коллективе, нужно пополнение, - возразил собеседник. Впрочем, поговорим по дороге, я везу человека к себе, и сейчас заеду в лагерь часа на 4 отдохнуть, не спал всю ночь. Вам придется подождать здесь, в ожидалке, а потом мы поедем, я повезу вас до самого Эльгена.
Владыкин был очень рад, видя, что капитан посчитал его за своего и так расположился к нему. Точно в назначенное время они тронулись в путь; капитан сел в кабину, а Павлу отдал свой тулуп, который ему так пригодился, хотя и был июль месяц. Трасса проходила по тем колымским прижимам, о которых складывались самые страшные рассказы. И действительно, узкое полотно автотрассы по обрывистым, порой нависшим скалам над бурлящей рекой Колымой, поднималось на высоту более, чем 200 метров, и извивалось крутыми поворотами-серпантинами, и, по рассказам очевидцев, немало смельчаков провожало в ледяную пучину, совершенно бесследно.
Полярная летняя ночь не пощадила и Владыкина, так как и без того зияющие обрывы напрягали все нервы, а ночью они были еще выразительнее и таинственнее. А когда автомашина выбегала на вершины перевалов и стремительно опускалась вниз на крутых поворотах, Владыкин впервые ощутил, что это такое, когда у человека непроизвольно захватывает дыхание. "Это, действительно, дорога в ад - думал он. - И зачем нужно мне было ехать в такую пропасть?" - сожалел Павел, поминутно, судорожно хватаясь за упакованные веревки. Но для шофера, который проезжал, может быть, сотый раз, все эти виражи были отрезвляющими, разгоняющими дремоту.
Спустившись с последней крутизны в долину, путешественники услышали вдалеке удары в рельсу - в лагере шел развод.
Сквозь разрывы тумана Владыкин увидел, как, рассыпаясь цветастым бисером, от разнообразия в одежде и головных уборах, заключенные женщины из многолюдной толпы рассеивались по зеленеющей огородной глади. В воздухе огородная свежесть боролась с болотной прелью, встревоженной лучами восходящего солнца. Утренняя тишина нарушалась отдаленной девичьей стрекотней и воинственным комариным дзиньканьем.

Автомашина остановилась в полукилометре от поселка против охранного дивизиона, и капитан убедительно предложил Владыкину отдохнуть в их гостиной комнате после тревожной ночи. Но Павел, изыскивая всевозможные предлоги, искренне поблагодарив капитана ВОХР за оказанное расположение, рвался, как можно скорее, распрощаться.
Оставшись наедине с пробуждающейся природой, Павел трепетал от восторга при виде зеленеющих просторов, чего глаза его не видели уже многие годы. Владыкину казалось, что он не на Колыме, а где-то недалеко от своих родных Починок, что вот-вот на дорогу выбежит его сестренка, а за нею бабушка Катерина, по которой так соскучилась его душа. Из-за изгороди, совсем такой же, какую он видел на Починских задах, виднелись такие родные, свеженаметанные стога с пахучим сеном. Подле них, на прибрежном лугу, пестрело разномастное стадо коров с телятами.
Расплываясь в блаженной улыбке, при виде всего этого, Павел был уже готов признать, что это почти Починки, но тут все сменилось зловещим частоколом с натянутой поверху колючей проволокой, в котором он безошибочно узнал лагерь заключенных. К счастью, частокол скоро закончился типовым зданием кухни-столовой, на крыльце которой в белоснежном колпаке стоял мужчина-повар. Владыкин оказал на него самое доброе впечатление, и он, по искреннему расположению, любезно пригласил его в свою комнату, убедив, что самое правильное, если он в ожидании рабочего дня, после бессонной дороги, приляжет уснуть, что Павел сделал без малейшего сопротивления.
Проснулся юноша от громкого женского смеха, донесшегося из коридора в полуоткрытую дверь комнаты. Повар охотно рассказал ему о распорядке жизни в совхозе, расположении немногих административных и общественных зданий, предупредил о могущих возникнуть неприятных встречах и, не в силах удержать гостя для завтрака, вышел на крыльцо проводить его. Павел почему-то торопился. Выйдя на крыльцо, он был поражен совершенно неожиданным зрелищем. Гурьба за гурьбою, от лагерной вахты двигались навстречу ему женщины. В передней толпе шли развязной походкой, разодетые в самые модные шелковые дорогостоящие платья, буквально, красавицы. На мгновение юноша принял их за какое-то посольство из высшего круга, о чем читал только в романах. Но как глубоко было его разочарование, когда он услышал самую отборную лагерную остроту, какой они с хохотом обменивались с поваром.
Видя удивленное лицо Павла, повар пояснил, улыбаясь:
- Что, не видел еще таких? Здесь не то увидишь, - любовницы на добычу пошли. Вечером на пролетках их, еле живых спьяну, в лагерь свозить будут.
Владыкин не мог скрыть отвращения от такой неожиданной встречи и отвернулся. Но тут же увидел следующую толпу женщин. Эти, в противоположность первым, одеты были очень скромно, пожилые на вид, шли почти молча, и каждая из них имела небольшой сверток в руке.
- А это, парень, уже другие. Это бабы ученые, они идут на работу в контору, в больницу, в интернат. Тут из семей Зиновьева, Блюхера, Тухачевского, артистки... ну, сам знаешь, одним словом - враги! Они уж тут многие годы.
Для Владыкина это было такой неожиданностью, как будто он переселился совершенно в другой мир. Он заторопился, распрощался с поваром и направился в контору совхоза. В подъезде, на ступеньках его встретил худощавый пожилой мужчина с небольшой, редкой рыжей бородкой, в одежде заключенного. К нему Павел и обратился:
- Простите, пожалуйста, где и как я могу увидеть землеустроителя Морозова?
- Комната его здесь, - ответил старичок, - а сам пошел в обход, вы его немного не застали.
В нерешительности Владыкин резко повернулся и, шагнув по ступенькам вверх, уже на ходу решил зайти в кабинет и поговорить с сотрудниками. Но, зайдя в кабинет с табличкой "Землеустроитель", застал там только девушку.
- А вы, что хотели? - спросил Владыкина все тот же старичок с рыженькой бородкой, - заходя следом за ним.
- Я работал на приисках маркшейдером, но решил горное дело оставить и перебраться в совхоз "Мылга", предложить свои услуги по землеустройству, - пояснил Павел, - а сейчас зашел узнать, не устроюсь ли здесь.
Собеседник внимательно осмотрел юношу и, как ему показалось, конкретно и авторитетно заявил:
- Ах, вот что? Тогда вам придется подождать Морозова до вечера, но с уверенностью скажу, что ваши знания здесь не применимы.

Такой ответ показался Владыкину сухим, но, догадавшись, что старичок, видимо, занимал это место, куда хотел устроиться Павел, поспешил покинуть контору. Спустя несколько лет, Павел Владыкин узнал, что старичок с рыженькой бородкой был никто иной, как Яков Иванович Жидков - председатель Всесоюзного Совета Евангельских Христиан-Баптистов, отбывающий в то время заключение в лагере совхоза "Эльген".
Плотно пообедав в столовой, Владыкин тронулся дальше в поисках совхоза "Мылга". Сообщение с "Мылгой", в основном, поддерживалось зимой, так как на протяжении всего расстояния, в 30 километрах от "Эльгена", путь пролегал или по мшистому болоту, или по торфянистой пойме реки Мылга.
К концу дня Павел, совершенно обессилевшим, свалился в избушке лесника, не дойдя до совхоза километров 4-5. В поселок вошел утром, в начале рабочего дня, и из-за вопроса о трудоустройстве был встречен весьма недружелюбно. Единственно, пожалуй, кто обратил на него внимание - это заключенные женщины, работающие на опытных участках, но он прилагал все старания, чтобы не вступать с ними в разговор.
Павла, в этих малолюдных местах, обрадовала девственная природа с ее роскошной растительностью и беспрепятственный доступ к сельскохозяйственным продуктам. Впервые, за многие годы, Владыкин, зайдя в столовую, с жадностью и наслаждением пил стакан за стаканом вкусное натуральное молоко.
Получив отказ, он, не отчаиваясь, направился в рекомендованный ему якутский районный центр, который на карте значился как город Таскан, хотя совхоз "Мылга" пленил его и уютом и сказочной девственной прелестью природы. На протяжении полутора километров, которые отделяли Таскан от совхоза, Павел, до восхищения, любовался разнообразием цветов, густо переплетенными зарослями ивняка, ольшаника, кедрача, черемухи, или пробирался, утопая по грудь, в кустах жимолости, голубицы и малинника. Так что в поселок вошел он только к обеду.
Таскан являлся административным центром района, того же названия. Население состояло наполовину из оставленных (по освобождении) до "особого распоряжения". Из построек - на переднем плане стоял клуб-театр, затем интернат, здание райисполкома, три строящихся двухэтажных дома, библиотека и десяток двухквартирных домов. Все постройки были деревянные, не старые. Рядом с домами располагались типичные якутские прокопченные юрты без окон, с которыми местные жители упорно не расставались. Тунгусы не мирились ни с какой постройкой и продолжали вести кочевой образ жизни. Их можно было видеть только тогда, когда они приезжали с пушниной для сдачи ее государству, и то поселялись со своими семьями в кожаных чумах за поселком, в тайге.
В помещение райисполкома Павел зашел в момент, когда уборщица, колокольчиком, объявила начало обеденного перерыва. На вопрос о найме на работу, председатель-якут отправил его к секретарю, в руках которого, по его словам, была сосредоточена вся советская власть.
Секретарь выходил на обед за сотрудниками последним; увидев его, Павел нашел в нем что-то особенно знакомое и близкое.
- Тетушка! - обратился он к уборщице, - вашего секретаря фамилия, случайно, не Андреев?
- Андреев.
- А зовут не Костя? - продолжал Павел.
- Нет, не Костя, - возразила она, - а Константин Иванович, чай, он мне не товарищ, а советская власть.
Владыкин сел на террасе и, в ожидании, предался воспоминанию о прошлом. Пятнадцать лет прошло с тех пор, как они расстались с Костей.
Вспомнил убогую их хатенку и бедную вдову, заклепщицу - мать его, которая едва сводила концы с концами. Вспомнил, как отец строго-настрого запретил пускать Костю в дом и даже дружить с ним, из-за его воровитости и хулиганского поведения; как его ежегодно оставляли в каждом классе на второй год и, наконец, за непристойное поведение совсем убрали куда-то из школы. Но помнил он его как добродушного товарища. Теперь они встретились, совершенно на разных поприщах, и, хотя Павел с ним еще не разговаривал, но почувствовал, что в поселке Костя - незаурядная личность.
Секретарь после обеда немного задержался, а когда пришел, все уже были на местах.
- Можно к вам? - наклонившись над его столом, с улыбкой спросил Владыкин.
- Можно, - как и в детстве, в нос, проговорил тот, - а в чем дело, что нужно вам?
Владыкин вежливо попросил его выйти на террасу. Тот, нехотя, как-то испытывающе посмотрел в лицо, но вышел.

- Андреев? Костя? Из Подмосковья? - улыбаясь, продолжал спрашивать Павел старого дружка.
- Да, а вы кто? Я что-то никак не вспомню.
- А ты припомни школьные годы...
- Па-вел! - вскрикнул Костя, тиская его в объятиях. Забежав на минутку в отдел, Андреев подхватил Владыкина и торопливо, на ходу, рассказал коротко о своей судьбе:
- Я ведь здесь с 1932 года, как говорят, - с боем пробивались сюда, в эту глушь... Ну, сказать по правде, кое-как закончил семилетку, сам знаешь. Умерла мать, и как-то сразу ума прибавилось. Приняли меня в совпартшколу, потом направили в Москву в институт. Там научили, вот, говорить по-якутски и по-тунгузски, да и направили по партийной линии сюда, на освоение края. В институте познакомился с одной девушкой, поженились, да обоих нас - и сюда. Она у меня сейчас зав. библиотекой, вот, познакомься, - открыв дверь, завел он Павла. Их встретила щуплая, пожилая женщина низенького роста, с умными выразительными глазами на землистом лице.
После краткого знакомства и взаимных воспоминаний о прожитом прошлом, Андреев, узнав, что Владыкин ищет работу, предложил ему несколько самых выгодных вакантных мест, но Павел просил его о том, чтобы тот посодействовал устройству в совхозе. Оказалось, что главная администрация совхоза были однокурсниками Кости, и они безо всяких затруднений приняли его на работу в совхоз.
Владыкину всесторонне понравилось здесь: и уютная, чистенькая комната в общежитии, и любезность сотрудников и сотрудниц, и доступное прекрасное питание. Но на второй же день то томительное чувство, какое волновало душу на прииске, с каким-то новым приступом, подошло и здесь. Его нравственная неиспорченность, сочетаясь с впечатлительной внешностью, не могли остаться не замеченными женским окружением. В противоположность приискам, здесь мужчина был редким исключением. Заключенные женщины, которых здесь было не менее двухсот человек, всюду передвигались свободно, и поэтому, естественно, что под личиной тихой, уютной обстановки на лоне девственной природы, царил неукротимый разврат. Известие о прибытии нового юноши в поселок в тот же день облетело все население. На второй же день Владыкин заметил, как ему на глаза одна за другой стали, как бы случайно, попадаться принаряженные заключенные девушки. Одни любезно подметали пол в комнате и поправляли койку, другие заботливо осведомлялись, не нужно ли что постирать, третьи - просто подсаживались рядом, под предлогом послушать приисковые новости.
Владыкин выждал момент и поспешил укрыться за поселком, на берегу реки. В тишине, предавшись размышлению, он углубился в себя.
- Хм, не напрасно спросил меня шофер еще на месте: "Не жениться ли, парень надумал?" Видно, опытный был мужичок-то!
Конечно, Павел, живя на прииске, из рассказов мужчин не раз слышал о наличии женщин в совхозах, но вот это или иное что побудило его приехать сюда? Долго сидел он, размышляя об этом, и нашел, что двадцатишестилетнему юноше, не имеющему никаких перспектив впереди, утолив первые приступы голода, конечно, такое желание вполне естественно.
- Да, но ведь - это следующий грех, навстречу которому я сделал сам, добровольно, первый шаг, - думал он. - Я сам прибыл сюда, в этот вертеп. Неужели для того Господь сохранил мою юность от многих смертей, чтобы я добровольно прожигал ее здесь, на этом пиру любострастия? Но уж, если я не остановился, когда первый раз полез на машину, то здесь удержаться невозможно. Ах! Почему так поздно пришло ко мне это благоразумие? "Причина все та же, - как будто кто-то сказал ему в ответ, - человек, нарушивший общение с Богом, будет блуждать". О, теперь только милость Божья может вырвать меня из этого вертепа!
- Ой, простите, пожалуйста, не заметила! - услышал Павел по другую сторону куста звонкий девичий голос. Перед ним стояла совершенно обнаженная девица, впопыхах едва прикрывая наготу, делая вид, что она пришла купаться.
- Ну, начинается! - резко поднявшись на ноги, проговорил Павел и моментально скрылся за углом здания. - Что ж, что ищет человек, то и найдет, - с досадой осудил он себя. - А теперь, куда же ты бежишь и зачем? Кого обмануть хочешь - дьявола? - беспощадно продолжал бичевать себя он, садясь на скамейку.
Через несколько минут та же девица подойдя к Владыкину почти вплотную, села рядом с ним, продолжая извиняться:
- Вы простите, пожалуйста, ...мне так стыдно ...я, как дурочка, даже не огляделась...

- Девушка, - резко возразил ей Павел, - иди своей дорогой. Если бы тебе было стыдно, ты месяц обходила бы меня за километр, и не дурочка ты, дурочка не сообразит так разыграть.
- Ха-ха-ха! - подскочила собеседница со скамейки и, не торопясь, пошла от Владыкина.
- Да, грех таков, он не отстанет, если не умертвить его, - заключил Павел и, поднявшись, скрылся в здании.
Много осад претерпел Владыкин, одна за другой они обрушивались на него, и один Бог только знает, что происходило в его душе. Некоторые из сотрудниц убеждали, видя его положение:
- Павел, ты найди себе какую-то одну... она за тебя сотне других глаза выцарапает, и ты спокоен будешь, а так не устоять тебе.
До самой зимы, он в свободные вечера уходил к Косте и за книгами проводил время, но увы, их с женою скоро отозвали в Магадан, и они распрощались насовсем. Вскоре, к своему глубокому сожалению, Павел получил известие, что оказывается, они оба с женою долгое время болели чахоткой, а в эту зиму, один за другим, умерли.
Владыкин, лишившись единственно близких людей, стал чувствовать, что внутренние силы покидают его совсем. Он уже приглядывался ко многим женщинам, надеясь встретить среди них христианок, но все было тщетно. Наконец, одна из девиц понравилась ему своею отличительной скромностью, и он, заключив, что она христианка, познакомился с ней ближе. Но увы - это была ошибка, а сердце, как к магниту, уже успело прилепиться. Правда, по великой милости Божьей появилась существенная преграда, которая помешала развиться любви между ними. Девушка тяжело заболела, была положена в больницу, и Павел довольствовался только тем, что посещал ее там.
Однажды, когда он пришел к своей знакомке, в прихожей его отозвала к себе медсестра-старушка.
- Я давно наблюдаю за вами, молодой человек, вы не такой, как все, поэтому решаюсь спросить вас: вам знакомы фамилии Павлова, Одинцова, Тимошенко, Иванова-Клышникова?
Павел внимательно посмотрел ей в глаза и, заметив в ней что-то родное, близкое, ответил с некоторым оттенком грусти:
- Да, вы не ошиблись, я их знаю - это герои веры Божьей, но все они арестованы.
- Милый юноша, я знаю нечто большее, что некоторых из них уже нет в живых, они в страданиях умерли за Истину Божью, - ответила ему старушка. - Я очень рада встретить тебя, догадывалась, что ты христианин, но дитя мое, почему ты посещаешь эту больную и так любезен с ней? Ведь это мирская женщина. Ты что, сложил оружие?
Владыкин низко опустил голову и долго, пораженный этим коротким вопросом, не мог поднять ее. Наконец, тяжело вздохнув, ответил:
- Я не могу назвать вас сестрою (в полном смысле этого слова) в данный период, но дерзну назвать вас матерью. Нет, я не решаюсь сказать, что я сложил оружие, но правильнее сказать - опустил.
Павел коротенько рассказал старице свою историю и, особенно, случай последних своих переживаний. Заканчивая рассказ, он подчеркнул:
- Мне многое Бог открыл, многим благословил, но одного не могу понять: я впадаю в ошибку за ошибкой, страдаю, хочу выровняться, сражаться, как прежде, но увы - падаю без сил и делаю очередную ошибку. В душе я просто вопию, почему Бог оставил меня? У меня нет молитв и, при всех моих усилиях, они не загораются. Я утопаю, но какая-то Рука еще держит меня. Я обрушиваюсь против искушений, но они подходят с другой стороны и уязвляют меня, В чем причина? Не знаю!
- Ты вступил в завет с Господом через крещение? - спросила его старица.
- Нет, я после покаяния был сразу арестован.
- Вот в чем причина, дитя мое, - ответила она, - силу для победы дает только Новый Завет, после того, как мы делаемся в нем участниками, прежде всего - через святое водное крещение, а затем и наше участие в Нем достойной жизнью. Скажи, солдату - без присяги - военачальник может доверить оружие? - Нет! Тем паче, воину Иисуса Христа. Твоими подвигами и последними твоими промахами Бог показывает тебе, как велика Любовь Его, могущество Его, но обладать всем этим может христианин, вступивший в завет с Ним. Это для того, чтобы ты практически знал, что такое завет с Богом, и мог людям проповедовать действительно ощутимое действие Нового Завета - Евангелия. А пока: ободрись, проси, ищи, жди и не падай!
- Очень благодарю вас за это, мать моя, видно Бог свел нас с вами в самое критическое для меня время, но у меня есть еще вопрос, который постоянно волнует меня, не сможете ли вы ответить на него? Если Бог, до вступления

в Завет с Ним, не вполне доверяет мне (и я это чувствую в последнее время), то как же Он смотрит на меня, видя мои нарушения? Ведь я совсем не то, что был после покаяния.
Старица, действительно, с нежностью матери, вытирая с глаз слезы участия к Павлу, после высказанного, ответила:
- Как смотрит на тебя Бог? Как учитель на школьников. Пока ты за школьной партой, от сделанных тобою ошибок страдает только тетрадь, которую учитель перечеркивает, но когда будешь работать инженером на заводе, там ошибаться нельзя, так как от этого уже будет страдать известный круг людей и производство. А между школой и производством есть экзамен. Этот экзамен у тебя еще где-то впереди, а сейчас - школа.
Теперь я хочу познакомить тебя с нашими обстоятельствами. Здесь, в лагере, со мною вместе было несколько девушек-христианок, все они из разных мест, но осуждены за одно дело - за верность своему Господу. Бодро и мужественно переносили они разные мучения и издевательства. Но мы, несмотря на преследования, имели постоянное, молитвенное общение между собою. Особенно сильным нападкам подвергались они за то, что, ни за какую цену, не склонялись к греховному сожительству с мужчинами. Из них, особенно выделялась сестра Татьяна, мы ее зовем просто Танюшкой, мы за нее горячо молились. Это простая деревенская девушка, малограмотная, маленькая, худенькая. Единственная ее вина, что она до смерти предана Господу, безраздельно любит Его, и если бы не желание ее к пению духовных гимнов, то от нее и голос трудно было бы услышать. На нее дьявол обрушился, со всей яростью, через лагерное начальство за то, что никому, ни за какие средства не удалось склонить ее не только ко греху, а даже к простой беседе наедине с мужчиной.
Однажды, после неудачных попыток, в самые лютые морозы ее выводили на зону пилить дрова. Она безотказно бралась за всякую работу, но распиловка дров была явно для нее непосильна. Не только пилить, а просто поднять пилу она была совершенно бессильна. К ней же ставили, в напарницы, отъявленных преступниц, с прожженной совестью, и те, нередко, сбивали ее на снег и немилосердно избивали ногами. Вот что случилось в один, из особенно морозных дней:
Встав за козлы, Танюшка, что было сил, протащила несколько раз метровую пилу, но стала задыхаться и, ухватившись рукой за грудь, повалилась на снег без сознания. Целый поток отборной лагерной брани обрушился на нее от напарницы. Не замедлили после этого и пинки, и даже палочные удары. Бедное испуганное тельце ее, едва прикрытое лохмотьями, беспомощно содрогалось от каждого удара...
- В чем дело? Что случилось? - раздался густой мужской бас неожиданно, над козлами.
Никто не заметил, как из густого облака морозной пыли, остановив розвальни на брань, весь в инее, подошел заместитель начальника управления местных лагерей.
Увидев его, от соседних козел смелою походкой подошла молодая женщина и бойким голосом обратилась к начальнику:
- Гражданин начальник, прошу вас, выслушайте меня, я расскажу вам всю правду. До каких пор можно терпеть издевательства?
Эту девушку за то, что она верующая, и, по своим убеждениям, категорически отказывается от сожительства с мужчинами, но наоборот стыдит их, ее под разными предлогами сажали в карцер, морили на штрафном. Мало того, ее выгнали вот сюда, на дрова. Но вы посмотрите на нее, какая из нее пильщица? Пила чуть не выше ее головы. А вот эти оторвы , с кем ее умышленно поставили, буквально издеваются над ней. Я вчера видела ее в бане, она скелет скелетом, да вся в синяках. Вот и сейчас мороз дух захватывает, а ее выгнали на дрова, она задохнулась да упала, эта негодница еще и бьет ее, да вот, посмотрите - палка еще в ее руке. Мы бы, бабы, и защитили Танюшку, но где там - рта не разинешь. Они хоть в лагере, хоть на работе командуют больше начальства, всю власть им отдали. У меня нет сил больше молчать, заступитесь вы хоть за нее. Вы вот разденьте ее, и я не вру, вы увидите - она вся в синяках.
Танюшка в это время застонала, зашевелилась и попыталась приподняться на локти, но тут же, беспомощно, опять упала на снег. Около головы ярко обозначилось несколько капелек застывшей крови.
- Да, она сама... - начала было говорить напарница Танюшки, дико озираясь кругом.
- Молчать! - крикнул на нее начальник, - руки назад! Марш к саням! - скомандовал он ей, указав головой на розвальни. При этом, бережно подняв Танюшку со снега, хотел отнести ее на руках к саням, но она, очнувшись, умоляюще произнесла:

- Простите меня, я... оплошала... я сама дойду... - посчитав, что ее в наказание ведут в карцер, она, пошатываясь, направилась к лошади.
Но начальник, обхватив ее за спину, повел сам и, уложив на сено, накрыл тулупом.
- А ты! - крикнул он, приподняв кнут на напарницу - на вахту! ...перед лошадью! Бегом!...
В лагере, обследовав Танюшку и убедившись в синяках, начальник собрал всю администрацию, долго упрекал за произвол и распущенность, не оставив без наказания никого. Танюшку приказал поместить под особый медицинский надзор, с длительным отдыхом и усиленным питанием, по выздоровлении же - поставить ее только на легкие хозяйственные работы, в тепле, а в следующий приезд, доложить о ее состоянии, с очной явкой.
Сестра-старушка долго молчала при воспоминании о Танюшке, сосредоточенно глядя в окно, потом обратилась к Владыкину:
- А теперь, я с печалью должна сообщить тебе: те девушки-сестры после долгой и упорной борьбы за чистоту и святость, за свою девичью честь и верность Господу, одна за другой стали оставлять упование свое и лучше захотели иметь временное наслаждение, нежели страдать с народом Божьим. Их испугала будущность, основанная на доверии Господу, и они сами решили устроить ее для себя. Им жалко стало, что их внешность увядает здесь, и не дождались быть украшением учению Господа Иисуса Христа, а решили сами украсить себя. Одна за другой, понаходили себе женихов, за зоной. В день освобождения они не захотели отблагодарить Бога и идти за Ним тою же тропою, а пошли за зоной - к мирским женихам. Теперь, в лучшем случае, приходят ко мне, избитые пьяницами-мужьями, обливая слезами свои судьбы, а некоторые из них остались с постыженной головою да с двумя, тремя детьми на руках. Мужья их бросили и прожигают свою жизнь с развратницами, каких видишь и ты. Остались: вот, мученица Танюшка, невидная, невзрачная, да я - старая старуха. Вот и ты, молодой, полный сил и энергии, а оружие тоже опустил. Поэтому, ответственность за чистоту и верность учению Господа Иисуса Христа и легла на плечи худенькой, изможденной, невзрачной Танюшки да старухи, скрюченной немощами. Ты об этом подумал или нет?
Подавляя слезы, Павел внимательно слушал все рассказанное, а в конце попросил:
- Мать, расскажите мне о пути, пройденном вами, до сего дня.
- Расскажу. Я была также молода и не лишена миловидности при моем воспитании и образовании, какими наделил меня Господь и мои добрые, милые родители. Они принадлежали к Петербургской знати. Господа я познала вместе с ними, когда дорогие наши вестники святого Евангелия, Пашков и Корф, царским правительством были высланы за пределы России.
Всем юным сердцем я прилепилась тогда к моему Господу и посвятила себя на служение Евангелию, а также, обладая иностранными языками, стала сотрудницей Божьих слуг. На богослужениях я переводила проповеди знаменитых богословов на русский язык, присутствовала на съездах, где были нашими гостями: Павлов, Иванов, братья Мазаевы и Балихин, Рябошапка, Проханов и другие, восполняя духовные и материальные их нужды. Вместе с моими дорогими подругами-сестрами (Шалье и Крузе) трудилась над распространением христианской литературы среди русских, переводя ее с иностранных языков.
От самого начала и до конца участвовала в работе христианского студенческого кружка в Петербурге; сопровождала в миссионерских поездках братьев; служила в бытовых нуждах; сотрудничала с дорогими моими отцами и братьями Марцинковским, Каргелем, Прохановым, Чекмаревым, книгоношей Деляковым и многими другими. Одним была матерью, другим - сестрой. С ними вместе и мерзла и мокла; одних спасала от голода, с другими - голодала; вместе радовалась, вместе и плакала и, наконец, вместе пошла страдать. Тебе, наверное, хочется узнать, имя мое? Я догадываюсь и отвечаю: для тебя я - мать.
Некоторых, из перечисленных мною, ты еще, может быть, встретишь, о некоторых услышишь, у них так же, как и у всех нас, наряду с подвигами веры, были и ошибки, промахи. Когда поднимет тебя Господь и укрепит, ты возьми от них самое чистое, святое и неси его дальше, а с ошибками и немощами поступи, как Господь.
Если кто-нибудь из них, при знакомстве с тобой, узнает и спросит обо мне, ответь им, что как я жила, так и умерла, оставшись для них матерью и сестрой. Время моего отшествия настало, дай я тебя поцелую как сына - такого, какой ты есть - и... до свидания!...
- Павлуша, ты ко мне? - ласково взяв его руки, тихо проговорила ему знакомка.
Павел взглянул на старицу: седые, как лунь, волосы ее были гладко причесаны и по-старинному прикрыты сзади чепцом, глаза плотно закрыты, уста тихо шевелились в молитве.

- Нет... я... потом... объясню... - растерянно ответил юноша, не зная, как скрыть крайнее смущение, и вышел на улицу. Клубы ворвавшегося пара скрыли Павла от знакомой.
- Скажи мне, дитя мое, ты живешь с ним? - спросила старица после некоторой паузы, оставшись наедине с больной знакомкой Владыкина.
- Нет, мать, позвольте мне называть вас так, как называл он, - ответила больная. - Но он зажег во мне такую любовь, какой я никогда не знала. Вот он ушел, а я не страдаю, потому что он оставил мне нечто несравненно лучшее, чем сам, мне только хочется, чтобы это, нечто лучшее, было моей душой ощутимо на всяком месте. Это нечто очень похоже, как я представляю, на вашего Спасителя, о котором он мне много говорил.
- А ты хочешь, дитя мое, узнать Его, получить и постоянно ощущать?
- О да, конечно, ведь дни мои уже сочтены, но где и как найти Его? - ответила больная.
- Идти никуда не надо. Вот здесь, на этом месте, я сейчас преклоню колени, а от тебя нужно всего только несколько слов, но от глубины души и с верою: Спаситель мой, прости меня, - научила старица.
- Прости меня! ...Павлушин Спаситель... и мой!...
Проснулась она в полночь. Неизъяснимым счастьем горели ее глаза, всю ночь в сладком видении, она как малое дитя пробыла в объятиях Спасителя. На душе было так легко-легко; хотелось вскочить и бежать, рассказывая о полученной радости. Она рванулась, подпираясь локтями, но, едва приподнявшись над подушкой, упала в полном бессилии, потрясаемая приступом надрывного кашля. Девушка умирала от скоротечной чахотки, но умирала счастливой, не одинокой.

* * *

Несколько дней Владыкин не показывался в поселке нигде, несмотря на то, что ласковое весеннее солнце так манило на приятное свидание с ним и со всей оживающей природой. В конторе он молчал на все реплики и комплименты в его адрес, а в общежитии закрывался и впускал только товарищей. В конце недели, придя с завтрака, в своей комнате он застал Танюшку, она с усердием скоблила и мыла пол и окна, так как приближалась Пасха. По распоряжению начальства, ей вменили в обязанность содержать чистоту в общежитии и в одной из контор совхоза. Владыкин, войдя, тихо прошел и лег на свою койку, стараясь ничем не помешать девушке в уборке. Вся картина пережитых Танюшкиных страданий предстала пред ним вновь так, как ему передала одна из конторских сотрудниц, бывшая в тот момент ее защитницей. Девушка не заметила, как зашел и лег на койку Павел и, продолжая уборку окон, тихо запела:

Не тоскуй ты, душа дорогая,
Не печалься, но радостна будь;
Жизнь, поверь мне, настанет другая,
Любит нас наш Господь, не забудь.
Не печалься в тяжелые годы,
Пусть не ропщут на бремя уста,
В жизни часто бывают невзгоды,
Но надейся на милость Христа...

- закончила она этими словами пение...
- Ох! Смотри-кось, вы когда же вошли, а я и не слышу, - спохватилась она, увидев Павла.
- Пой, пой, Танюшка, - ответил он ей, увидев ее смущение. Затем уже тихим голосом добавил: - когда-то и я это пел, пел громко, со слезами, с вдохновением пел для себя и для других, а теперь умолк; но песнь все равно не умолкает, хоть слабеньким голосочком, но поется. Пой, не переставай, - закончил он шепотом, глядя в ее кроткие, по-девичьи стыдливые, глаза.
- Да вы чего-то, кажись, говорите мне, я замечаю по губам, а я ведь ничего не слышу. Мне вот по ушам-то очень больно стегали, с этих пор я только говорить умею, а уж слышать-то не слышу. Ой, да что ж я, забылась ведь...
С этими словами она просто, без смущения, достала из-за пазухи записочку и подала Павлу со словами:
- Умерла моя мать-то вчера, да просила передать тебе записочку, а я ведь неграмотная, не знаю, чего тута, читай!
"Дитя мое! Я закончила свое течение... Иду к моему Искупителю... Ты единственный, кому я открываю свою сокровенную тайну, какую хранила от девичьих лет до старости - иметь сына. Но во всю жизнь не могла представить себе его образа и встретить такого. Сознаюсь, что только при встрече с тобой, мое воображение

было полностью удовлетворено, особенно, когда ты, неожиданно для себя и меня, назвал меня матерью. Пусть другая мать родила тебя, пусть другие воспитывали, я встретила тебя, еще обложенного повивальными нечистотами (Иез.16:6), но сознаюсь, что ты именно тот, кого мне так хотелось иметь сыном, пусть даже сыном старости моей. Я не родила тебя, но всю жизнь вынашивала в сердце моем и в желаниях моих, именно такой образ. Не буду, умирая, ревновать, но буду очень рада, если взгляды многих матерей успокоятся на тебе, и многие окажутся, утешенными тобой. Пусть это - будет одним из назначений твоих от Бога.
Отходя к Господу, именно этими словами, я благословляю тебя. Обрадую тебя: в тот памятный вечер, неожиданно для себя и не сознавая того сам, но, как видно, предначертанием Отца Небесного, ты приобрел сразу духовную мать и сестру. Твоя любимая ... умерла христианкой. Танюшка остается одна. Пусть она собою напомнит тебе, что наивысшее счастье Бог открывает в потерянной ради Него жизни. Мать".
- Чего? - спросила Татьяна, видя, как крупные слезы катились из глаз Павла, - то-то и я вчерась обплакалась вся по ней, когда ее на погост-то повезли.
Владыкин не выдержал, положил письмо на стол и неудержно зарыдал, упав на колени.
Танечка вначале растерялась, потом поняла, что в этом вертепе они оба остались осиротевшими: она и этот, совершенно неизвестный ей, юноша. Глядя на него, безутешно рыдающего, она поняла, что в умершей старице они оба имели дорогого, близкого человека. Бессознательно, в сердце Татьяны появилось какое-то, непонятное для нее, чувство родства, какого она не имела ни к кому из окружающих. Осторожно положив свою исхудалую руку на голову Владыкина, она так же просто, но сочувственно сказала:
- Ну, чего уж там, хватит убиваться-то, ее теперь не воротишь, надо вот так жить, как она. Чай, и тебе в письме это же заказала. А кто она тебе?
- Мать!
Потом спохватившись, что она не слышит, приподнял с уха платок и громко повторил:
- Так же как и тебе - мать!
Широко открытыми глазами Татьяна взглянула на Павла и сердечно-сердечно ответила, понятное ей одной:
- То-то, вот, и оно... одно сказать - осиротели!
Вскоре в Таскан к одной, из оставленных сожителем-мужем, сестер, приехал (с одного из приисков) неизвестный мужчина. Он оказался законным ее мужем и отбывал заключение вместе с женой за проповедь Евангелия. Сестре же, умышленно, в 1938 году сообщили, что ее муж расстрелян Гараниным.
Встреча была душераздирающей: сестра обнаружив двойное свое преступление, рыдала безутешно, оплакивая свой грех. Ни муж, ни сбежавшиеся соседки-подруги утешить ее не могли, пока она не выплакала все сама. Почти на глазах у всех, примирились, в слезах излили свое обоюдное горе пред Господом и согласились жить вместе. К тому времени уголовное дело Татьяны было пересмотрено и ее, освободив, выпустили за зону так же, как и многих, до "особого распоряжения".
Муж с женою немедленно взяли ее к себе, и она, согретая взаимной любовью, до конца своих дней была им сестрой, матерью и другом. Провожая ее в Таскан, Владыкин сказал ей в дорогу:
- О, сколько могучих голосов при первом натиске скорби умолкло, и в самое лютое время остался только твой слабенький, тихий голосок, но его не заглушили ни северная пурга с ее жуткими морозами, ни дикий произвол и угнетение. Ты пела сердечно, с огнем в душе, и побуждала петь других! О ты, напоминающая о Боге - не умолкай!

* * *

После весеннего паводка, когда тайга обсохла и оживилась щебетаньем возвратившихся пернатых хозяев, а луга покрылись благоухающим цветастым ковром, Владыкин, в числе других многих сотрудников, по добровольному ходатайству покидал совхоз "Мылгу", двигаясь в Магадан. Там они рассчитывали приложить все старания, чтобы выехать домой. Но Бог решил иначе.
1941 год принес народу много самых разнообразных предположений и, почти всем, какое-то тревожное чувство. Владыкина и остальных сотрудников в Магадане не порадовали никакими приятными, желанными обещаниями, а просто приказали немедленно выезжать в тайгу и устраиваться на работу. Павла оформили и проводили, с немногими другими, в Тенькинское управление. Хмурое дождливое небо первыми раскатами грома поторопило их из Магадана в другие, неизведанные для путешественников, края.

Глава 5.
Страдания Жени Комарова.

"...И встречаю я всюду крови след,
Кто-то шел, скорбя, средь борьбы и бед..."

Могильной тишиной встретило Женю Комарова подземелье тюрьмы НКВД в центре города. Свинцовым холодом веяло от казенных серых лиц администрации при предварительном опросе, при тщательном обыске, во время которого, казалось Жене, вместе с одеждой выворачивали и душу. До этого он слышал разные рассказы о всевозможных принудительных мерах, применяемых к человеку и на допросах, и в камерах. Женя знал, что некоторые из этих рассказов преувеличивали действительность, но по отношению к себе, он ожидал всего. Поэтому, идя по подземным лабиринтам тюремных коридоров, устланных толстыми мягкими дорожками, он готовился за каждым поворотом к тем или иным неожиданностям. Вся команда конвоирующего надзирателя была ограничена шипящими звуками - "тщ-щ-щ" и, предельно выразительной, его мимикой.

На одном из поворотов надзиратель, заглянув за угол, властно повернул Женю лицом к стене и шепотом, строго, приказал закрыть глаза. У Комарова внутри все съежилось от ожидания чего-то страшного, особенно, когда позади него прошуршали чьи-то торопливые шаги. Но через минуту-две все миновало, и его понудили идти опять вперед. Неожиданно надзиратель остановился против железной двери с блестящим номером 14, предварительно заглянув в "волчок"; из целого набора ключей выбрал один, медленным движением открыл камеру и, указав Комарову на голую железную койку, тут же захлопнул дверь за его спиной.

Женя подошел к койке, сложил все вывороченные, распотрошенные после обыска, вещицы и встал на колени:

- Мой Бог! Ты знаешь, что за мою любовь к Тебе, за Твои святые заветы я оказался в этом мрачном подземелье. Благослови все шаги моего следования за Тобой по этой долине слез от самых первых, которыми я переступил этот порог, до последних, если будет воле Твоей угодно, когда-либо вывести меня отсюда. Сохрани меня здесь, а также семью и друзей, оставшихся на воле. Будь Блюстителем, Наставником и Вождем моим до конца. Прошу, дай мне, моими страданиями не отягчить страданий других. Благодарю Тебя за эту участь - участь гонимого за Имя Твое и Истину Твою. Аминь.

Без малейшей тени печали он, встав с молитвы, обратился ко всем заключенным, как-то даже торжественно:

- Друзья мои, арестанты! Я всех вас приветствую и прошу без предубеждения принять меня в свою семью!

При этом он обошел всех, всем пожал пожелтевшие руки и, заметно было, как посеревшие лица, на малое время повеселели.

- Я знаю, - продолжал Женя, - что всех интересует, кто я и за какую вину оказался здесь, поэтому объясняю: зовут меня Евгений Михайлович Комаров, а лучше всего - Женя, так как мне всего 25 лет. Я являюсь жителем этого города. По вероисповеданию отношусь к христианам-баптистам. За что оказался здесь? Не знаю! Но предполагаю, что за проповедь Евангелия Господа моего Иисуса Христа.

К Жене, после его краткого объяснения, подошел молодой мужчина, по фамилии Кугель. Работал он редактором одной из восточных газет и, садясь рядом с Комаровым, сказал:

- Глядя на ваше вдохновенное лицо, вашу молодость, вашу непоколебимую целеустремленность, я невольно вспомнил мои молодые годы, когда я, подобно вам, также вдохновенно отдал всего себя тем идеям и целям, какие совершенно честно старался воплотить в себе и, через вверенную мне партией печать, - все это отобразить. Служа партии и народу, я безраздельно посвятил себя идеям Ленина, Маркса, Энгельса. Я порой забывал о себе и своих обязанностях по отношению к семье и родителям. Я был уверен в правоте дела, выполняемого мной, верил окружающим меня товарищам-сотрудникам... Но, что в результате получилось? Я и до сих пор не могу прийти в себя! Я стал врагом народа, я... вы понимаете... я враг своего народа! Да где? Когда я им стал? Вчера еще имя мое было среди почетных, вчера еще - награды, премии, а сегодня - ужас... Я самый великий преступник. Я уже погребен... Меня топчут люди... Во что же верить? Где же правда? Ведь все теперь, буквально все, потеряно. К чему мне жить? Я хуже животного... Вы понимаете, мне даже теперь не хочется смотреть на себя, умыть лица своего. Все, все погибло! О, ужас! - воплем отчаяния, обхватив голову руками, Кугель встал, чтобы отойти к своей кровати.

В это время, не поднимаясь с постели, подняв голову, к Кугелю обратился некто Белковский - научный сотрудник одного из институтов: пожилой, с благородным смелым выражением лица, тоже из числа обреченных.

- Что ты раскис, как баба? Идеалист тоже! Когда тебя превозносили, летал над головами выше всех, а теперь, когда пришло время испытать твои убеждения - ты раскис до такого отчаяния, что от твоей идеи остался только пшик... Надо приходить сюда вот так, как этот юноша. Где же жизненность твоих убеждений? На чем они были основаны?
Затем, поднявшись, немного помолчав, он подошел к Жене и с искренним расположением сказал:
- Да, молодой человек, я вижу, что у тебя хороший, благородный задаток, только все это надо обосновать научно, и я думаю, что это сможешь ты в дальнейшем сделать!
Приход Жени положил начало многим беседам в последующие дни и внес большое оживление в арестантскую среду: большинство из них заметно посветлели, ободрились; и это, в известной степени, отразилось на их поведении при допросах.
Видимо, это как-то дошло до верхних этажей, до тех, кто вел следствие, так как Комарова вскоре перевели в другую камеру.
Следствие Комарова началось не сразу. Это был один из методов, применяемый ко многим арестованным. Первые дни он воспринимал это, как особую милость, и с удовольствием изучал поведение своих товарищей. Видел моральные страдания людей от разочарования в своих, как им казалось, незыблемых убеждениях. Они нестерпимо страдали от ложных, предательских показаний близких, любимых и даже родных, и, главное - от сознания своей невиновности: хотелось кричать, доказывать правоту, но на следствие никто не вызывал неделями и месяцами.
Несчастные требовали вызова. Писали, жаловались, рвались на верхние этажи для объяснений, в полной уверенности, что они здесь совершенно случайно. Пришлось это пережить и Жене, и узнать, почему эти невинные, по их убеждениям, жертвы, наконец, дождавшись следствия, с первого же раза, приходя от следователя, в безутешных рыданиях падали на кровати. Наконец, пришло время и Комарова. Несмотря на то, что он впервые оказался под следствием, да и в тюрьме НКВД, он, как ему казалось, не растерялся. К своему удивлению, эта необычайная обстановка была воспринята им, как очередной выезд в те исследовательские экспедиции по таинственным лабиринтам азиатских горных ущелий, куда он так часто выезжал, только с какой-то несоизмеримо возвышенной целью и величайшей ответственностью.
При первых встречах следователь оказался очень любезным и, к удивлению Жени, хорошо осведомлен о жизни, характере и деятельности его товарищей по службе и даже о некоторых из близких друзей. Заботливо осведомился о здоровье Комарова и его благополучии в камере, и Женя охотно на все ответил. Ему даже казалось, что вот пройдет неделя, две; одна или две такие любезные беседы, какие он провел с удовольствием, и он после этого, счастливый, с сердцем, переполненным дорогих впечатлений, возвратится к своей семье. Но увы, настроение следователя при последующих разговорах изменилось, как глубокой осенью тихие солнечные дни меняются на хмурую, колючую непогодь - это уже были допросы.
Дело в том, что следователь после вдохновенных высказываний Комарова о своем уповании и христианском мировоззрении - за чашкой душистого чая, вдруг резко перешел к конкретным расспросам о молодежных общениях и фамилиям друзей. При этом сердце Жени болезненно кольнуло, когда он услышал фамилии Миши Шпака и Баратова. Женя растерялся, умолк и был поражен, откуда было известно следователю все, до мельчайших подробностей, о некоторых молодежных общениях. Преобразилось и лицо следователя. Из открытого, светлого, приветливого - оно превратилось в неподвижное, мрачное, с глубокой стрелкой между бровями, из-под которых вспыхивали молнии гнева.
Такой переменой Женя был просто ошеломлен и растерянно, с болью в груди, подтвердил следователю некоторые детали, одного из молодежных общений. Когда же речь дошла до фамилий дорогих друзей, он поник головой и не мог вымолвить ни слова - язык онемел. Вместе с требованиями следователя, какой-то внутренний голос убеждал его: "Коль уже подтвердил обстоятельства общения, должен назвать и фамилии".
Закрыв лицо руками, Женя про себя в отчаянии выдохнул: "Господи, да ведь это же предательство!..."
Телефонный звонок нарушил напряженную тишину. Следователь раздраженно ответил кому-то в трубку, выругался от досады, но вынужден был следствие перенести на следующий день. Это было, безусловно, вмешательством Господа. Женя сердечно поблагодарил Его за такую милость (по возвращении в камеру) и просил Бога вразумить его, и укрепить в борьбе.

Следствие после этого превратилось в настоящее сражение. Комарова водили на допрос, главным образом, ночами, используя воспаленное состояние организма от принудительного лишения сна, но удивительное действие Духа Святого преобразило Женю.
На смену растерянности и наивности в понимании происходящего, пришла от Господа твердость духа, ясность ума, решительность в поступках, мудрость в ответах.
Следствие затянулось на продолжительное время. У Жени рассеялось представление о скором и триумфальном возвращении в семью. Вскоре он безошибочно понял, что ему предстоит генеральное сражение за, исповедуемую им, Истину Божью, и не в этом коротком периоде следствия, а в многолетних скитаниях среди отверженных, разложившихся в грехах людей, по тернистой, кровавой тропе христиан-страдальцев. Чувство великой ответственности не только за личную нравственную чистоту, но и за непоколебимость общего дела Царствия Божья в своей стране, с каждым днем ложилось на его плечи все больше и больше.
После каждого допроса он, с торжеством в душе, как на крыльях, с верхних этажей спускался в душную камеру тюремного подвала. Дух Божий со всей ясностью открывал ему, что та великая вековая победа евангельской истины, как во всем мире, так и в нашей стране, слагается из личных побед каждого христианина и христианки, в том числе и побед, одерживаемых им.
Это сознание придавало ему большую твердость в уповании и вселяло радость в душу, помогало переносить те насилия, какие применялись к нему в ходе допросов. Почти всегда он делился со своими товарищами-арестантами, рассказывая о победах мудрости Божией на следствии. Арестанты с большим вниманием слушали его и получали, в свою очередь, тоже ободрение, так что лица многих прояснились. Некоторые, подражая ему, даже молились, каждый соответственно своему вероисповеданию.
Наконец, после нескольких месяцев, хотя и с чувством неудовольствия, следователь объявил Комарову, что следствие по его делу закончено, но суда не будет, и судьбу его будет решать особое совещание при НКВД.
Вскоре после этого Женю неожиданно перевели в общегородскую тюрьму. При расставании арестанты обнимали его, как самого близкого, дорогого человека, а некоторые не могли удержать слез.
Условия в городской тюрьме были совершенно иными, иной был и состав людей. Огромная камера, утопая в полумраке густого табачного дыма, гудела от многолюдья. От едкого испарения и беспрерывного, беспорядочного движения арестантов по камере, бетонный пол был покрыт какой-то слизью, что дополняло и без того ее кошмарный вид.
Однако, несмотря на многоголосый гомон, когда завели Женю Комарова, в камере воцарилась на мгновение тишина.
- А ну, парень... эй ты... канай сюда...давай сюда сидор - прорвались вдруг с разных сторон надрывные, неприятные Жене, слова. Мешок с пожитками он, действительно, подал в чьи-то протянутые руки, а сам, найдя сухой от грязи уголок, склонился на колени для молитвы. Молился он горячо, вдохновенно, тихо про себя, прося у Господа силы и христианского терпения для всего, что встретится в этом вертепе, как он мысленно назвал его.
Возле окна, на мягкой подстилке, сидела группа молодых парней, внимательно наблюдавших за Женей, и после молитвы они позвали его к себе, расспрашивая о всем, что их интересовало. Женя, присаживаясь, видел, что от его мешка осталась только сумка с продуктами, но сделал вид, что не замечает грабежа, спокойно сел и последовательно, кратко рассказал о себе.
Узнав, что Комаров верующий, собеседник не преминул задать ему самые разнообразные вопросы, пытаясь подчас, нелепыми анекдотами засвидетельствовать и о своей причастности к религии. У большинства из них пестрели на теле вытатуированные распятия Спасителя или краткие слова молитвы. После нескольких разъяснений уголовники убедились, что Женя, действительно, верующий, и беседа уже приобрела серьезный характер.
Через некоторое время открылась дверь камеры и в нее занесли большую деревянную кадушку, почти до краев наполненную тюремной баландой, от которой мгновенно по всей камере распространился специфический запах, свидетельствующий о сомнительном качестве принесенного. После обеда Женя (из уцелевшей сумки) достал вкусные сдобные коржики, сухофрукты и другие пряности, и, оглядев окружающих, стал жменями раздавать гостинцы. Это особенно понравилось уголовникам, наблюдавшим, как он щедро и добродушно раздавал.
- Ты брось, малый, всех не оделишь, - остановил его густым басом, один из близ сидящих арестантов, с длинными синими шрамами на животе.

Женя, однако, оставив сумку открытой, любезно проговорил, глядя на окружающих:
- Братцы! Ну, в таком случае, кто сильно соскучился по домашней стряпне - берите к чаю... угощайтесь! - Сам же отошел к одному из арестантов, который боязливо выглядывал из темного угла под нарами, вытирая пот грязными клочьями вышитой подушечной наволочки. Лицо его, как понял Женя, было интеллигентное, но в кровавых подтеках.
Подойдя, Комаров протянул ему горсть с коржиками, предлагая ему полакомиться. Человек, увидев его неподдельное участие, несколько нерешительно, пододвинулся из мрака к свету и заговорил:
- Я слышал ваш разговор с этим отребьем и был поражен, как это вы, такой интеллигентный человек, можете с подобными извергами беседовать, да еще на такие гуманные темы, как богопознание. Вы видите, что они сделали со мной? Я астроном по образованию и роду моих занятий. Мерзкие и продажные людишки поспособствовали мне, совершенно невинному, оказаться среди этих подонков.
Вчера, когда завели меня в эту камеру, как сегодня вас, они, увидев на мне хорошую сорочку и френч, потребовали, чтобы я все это отдал. Ну я, конечно, был крайне возмущен: как это, в советской тюрьме, человек может оказаться совершенно беззащитным пред лицом этого отребья? Но подумал, что если я, будучи совершенно невиновным, оказался беззащитным на втором этаже в НКВД перед лицом тех "высокогуманных людей", то тем более, этим извергам был уже готов отдать сорочку и успокоиться. Но вдруг этим бандитам понравилась еще единственная драгоценная память о моей любимой девушке - вот эта, вышитая ее руками, наволочка.
Тут я не выдержал и бросился отнимать ее. Так они всей бандой набросились на меня, отняли у меня, буквально все, избили до крови, загнали пинками сюда, и я теперь даже выйти из моего логова не имею права. От ее драгоценного подарка, каким я вытирал слезы из глаз, остались в моих руках только вот эти грязные клочья, остальное я подобрал с пола и вынужден был бросить.
- Слушай, парень! - позвали Комарова уголовники, - вот твои вещи: все ли цело - проверь. Забирай все и ложись на это место, - указал, невдалеке от себя Жене, арестант со шрамом на животе.
Женя удивился, узнав, что все вещи до одной возвратились и лежали рядом с сумкой, в мешке, продукты же в сумке, кроме розданных им самим, также остались нетронутыми.
На астронома (этот арестант со шрамами) набросился с сильной бранью:
- Видишь, бес? Вот человек, как и ты ученый, но он человеком пришел в камеру, не кинулся за своими тряпками, ему и место, как человеку дали, а ты на воле ходил в накрахмаленных воротничках и здесь хочешь чисто ходить... Брысь, под нары! Чтобы никто не видел твоей суррогатной морды, или сейчас парашу наденут тебе на голову!
Женя, услышав поток этой тюремной брани, в душе проникся искренней жалостью к астроному и стал терпеливо, но так разумно и естественно заступаться за него перед озлобившимися арестантами, что ярость их постепенно утихла, а к вечеру они успокоились совсем.
Вечером Женя совершенно вызволил несчастного из его логова и долго беседовал с ним, сидя на его стороне.
- Я очень тронут вашим участием. Для меня совершенно не понятен ваш внутренний мир, - уже успокоившись, сказал ему астроном. - Как это вы, сами невинно переживая такое горе, оказываетесь способным сострадать чужому? Да, я смотрю на вас, у вас и тени печали нет на лице.
- Мой дорогой, - ответил ему Женя, - этот внутренний мир не мой, его мне дал Тот, кто умирая в муках, прибитый ко кресту, думал о ближних своих, стоящих при кресте и о врагах, глумящихся над Ним. Его имя - Христос. Этот внутренний мир Он может дать и вам, если вы верою примете Его в свое сердце. "Мир мой даю вам", - сказал Он Своим друзьям. Я очень желал бы, чтобы и вы получили этот мир.
- Дорогой юноша, я в восторге от вас, - ответил Комарову астроном. - Я приметил ваше одухотворенное лицо, как только вы вошли в камеру, от души завидую вам, вы счастливы, но я несчастен, непоправимо несчастен. Ведь я в жизни совершенно разочаровался.
Сколько невероятных усилий я приложил, чтобы достигнуть моего положения ученого. К тому же я думал, что в союзе с моей дорогой любимой девушкой-невестой, достигну, вообще, вершины счастья в жизни. Но увы, на сегодня у меня все, абсолютно все потеряно, и я не вижу ни малейшего выхода, даже в каких-то далеких перспективах. Думал ли я, когда-нибудь о том, как близко к самому счастливому человеку на земле, живет самое глубокое, безысходное горе. О, ужас!...

Я остался с моим тягчайшим горем, совершенно один! Я хотел бы верить в Бога, как верите вы. Ведь рассматривая звездные миры, я видел следы Его величия; но что мне до того, если я не познал Его, как моего Бога. И, если Он где-то есть, почему Он меня не любит и не откроется мне так, как открылся вам?
- Потому что Он не был нужен вам, - ответил ему Женя. - На Его месте были вы сами, вы себя поместили в центре вашей жизни, а вторым объектом, занявшим вас, была ваша невеста. Весь ваш духовный мир был сосредоточен на ней. А теперь вы убедитесь, что вне Бога - не может быть счастья на земле. Весь ваш карточный, иллюзионный домик рассыпался при малейшем дуновении ветерка.
- Да, да это так, к моему глубокому несчастью! Я сознаю это! Но мне больно от того, что если есть Бог, почему Он не любит меня, ведь я абсолютно одинок. Если бы я хоть от кого-нибудь увидел участие, хоть маленький луч любви, чтобы я в нем увидел Бога...
В таком страшном отчаянии оказался этот бедный ученый человек.
Их беседу с Комаровым прервал тюремный обход. Вскоре вся камера погрузилась в глубокий сон, и только из темного угла раздавались глубокие вздохи, страдающего бессонницей, человека.
Утром, после туалета и завтрака, все обитатели камеры вышли на прогулочный двор. В углу двора, не поднимая глаз, в подавленном жалком состоянии топтался астроном: одинокий, жалкий, раздавленный. Вдруг двери прогулочного двора открылись, и надзиратель, назвав фамилию астронома, увел его со двора.
Женя с тревогой подумал о судьбе этого человека, и мысли о нем не покидали его до самого конца прогулки.
При возвращении в корпус, Комаров оказался перед дверью камеры первым. Переступив порог камеры, он оказался в объятиях ликующего астронома:
- Евгений Михайлович!... Вы понимаете... вы знаете..., - волнуясь, он с плиткою шоколада стоял перед Комаровым. - Дорогой мой, да, действительно, есть Бог! И именно такой, о каком вы мне говорили, и я теперь сам, понимаете, сам верю - е-с-ть Б-о-г! - восклицал астроном, поднимая плитку шоколада над головой. Ведь вы помните... меня вызвали в комендатуру и, передав вот эту шоколадку, сообщили, что меня разыскала моя невеста и передала ее с горячим приветом. Нет, теперь я не один, есть еще и она, а главное - это то, что Бог, действительно, есть, и Он любит меня, теперь в Него верю и я.
Женя был рад и счастлив от сознания, что, несмотря на адскую обстановку, ему удалось передать маленькую веру в Бога этому жалкому человеку. Он молча слушал, как преображенный его собеседник, без умолку изливал свои чувства. Комаров даже помечтал: "Ах, как был бы я счастлив, если бы этот человек вообще покаялся и оказался братом по вере". Но увы, мечте этой не дано было осуществиться. Окошко в двери открылось, и Комарова неожиданно вызвали с вещами. Он быстро, на ходу собрал все в охапку и успел лишь пожать руки своим кратковременным друзьям.
Женю Комарова перевели в соседний корпус и поместили в светлую, уютную камеру, в которой было всего шесть человек, по-первому впечатлению, степенных, да и к тому же пожилых.
Однако, новый контингент в отличие от тех, с кем он встречался до этого, разочаровал его. Несмотря на свою степенность, эти люди были совершенно бездушны. Они и здесь были поглощены теми коммерциями, которые привели их в заключение. Они наперебой засыпали Комарова эпизодами из их неудавшихся авантюр. Каждый навязывал свое дело, убеждал в своей невиновности, требовал оправдательных аргументов и разочаровывался, даже обижался, когда собеседник понимал его, как-то иначе.
Христианской принадлежностью Жени никто из них не заинтересовался. В самое короткое время Женя убедился, что все эти коммерсанты, совершенно чужды евангельской истины - состояние их душ совершенно их не волновало, да и вообще, имели ли они душу - ту, которая стареет от потери любви, веры в Бога и человека, потери сострадания, не говоря уже о наличии внутреннего, духовного мира. Все их жизнепонимание определялось одним мерилом - выгодой, а понятие о счастье сводилось к убеждению - в удаче тех или иных комбинаций. Единственно, что их интересовало при знакомстве с Женей: где он живет, род занятий и знание уголовного кодекса в криминале - растрата, хищение, мошенничество. Один за другим, они, носясь по камере как "курица с яйцом", подбегали к Комарову со своими вариантами защитительных речей, касающихся их коммерческих авантюр, представляя его в роли адвоката, но Женя, терпеливо выслушав их, отпускал ни с чем.
И хотя в камере не слышно было ни единого слова тюремной брани, в обращении друг с другом говорили только на "вы", пол камеры охранялся от всякой соринки, а дым от папиросы выпускался строго в форточку окна, тем не менее, Женя задыхался от моральной затхлости своих новых знакомых.

Впрочем, его заинтересовал один из арестантов, который в отличие от остальных, был совершенно не разговорчив; упорно погрузившись сам в себя, он лишь редкими, глубокими вздохами напоминал о своем присутствии. Женя заключил, наблюдая за ним, что, видимо, это единственный человек, в ком он может обнаружить живую душу и коснуться ее христианскими словами утешения.
Человек не оттолкнул его при знакомстве и в кратких словах объяснил Комарову, что его хищение превышало сумму одного миллиона рублей, что растрата доказана документами, и он не имеет никакой надежды на смягчение наказания и ожидает единственного приговора - расстрела.
Женя с предельной доступностью объяснил ему о Всемогуществе Бога и спросил: есть ли у него самоосуждение за совершенное преступление? И если допустить на мгновение вариант - о снисхождении к его вине, чем бы он занимался после этого? Несчастный человек, не задумываясь, ответил:
- Единственно, в чем я виноват непростительно - это в том, что доверился людям, и не сумел обдумать всего до конца сам.
И, если бы он когда-либо вновь оказался на воле, то тех роковых ошибок не допустил бы, и пожизненно обеспечил бы себя безбедным существованием.
Комаров, убедившись, что и этому человеку он совершенно не нужен, сел у окна, молчаливо наблюдая за движением, происходящим под окном, на тюремном дворе.
Мысленно Женя обнимал каждого из своих друзей, вспоминал детали пройденного пути, убеждаясь в том, что Господь дивно руководил всеми обстоятельствами. По мере рассуждения о друзьях, каждый из них становился в его воображении гораздо милее, чем это было на воле. По отношению к некоторым он чувствовал себя виноватым за то, что мало уделял им внимания. И конечно, о ком бы он ни вспоминал, в конечном итоге - все воспоминания приводили его к своей дорогой семье. Ведь всего год с немногим, как они повенчались с Лидой, и малютка-дочь родилась без него. Какой она будет? Каким в ее воображении будет представлен отец? Какой сохранится их взаимная любовь с Лидой, когда им вновь представится встреча?
Все эти мысли о семье так овладели им, что он не в силах был оторваться от них, а с ними - медленно в душу заползали робость, людской страх и сомнения всякого рода. Грязной клокочущей пучиной рисовалась будущность, а сам он среди нее - из непреклонного мореходца, стоящего у штурвала корабля - превращался в одного из бедствующих, по картине Айвазовского.
Женя понял, что предаваться мыслям о семье - это только до боли ранить свою душу и, что, действительно, "никакой воин не связывает себя делами житейскими, чтобы угодить военачальнику".
Женя помолился Богу, и в роли такого евангельского воина ему представился Александр Иванович Баратов. Как он теперь? Какова его судьба? Почему он сказал, что больше ему на волю не возвратиться?
Чем больше Женя размышлял о нем, тем больше душа его оживала, в ней проходили картины подвигов веры, живыми становились библейские герои: Давид, Иосиф, Самсон, Иеремия и другие. Ему хотелось теперь оказаться рядом с Александром Ивановичем, как некогда Тимофей был с Павлом - также горячо обнять его, как совсем еще недавно обнимал на молодежных вечерах, воспринять от дорогого старшего брата наставления и, хотя бы часть того огня, каким горел Александр Иванович Баратов, подражать той самоотверженности, какую в нем видели друзья и враги.
К полудню на тюремном дворе движение людей усилилось. Комаров вглядывался в лицо каждого проходящего арестанта, в надежде встретить кого-либо из своих. Но увы, пропустив с величайшим напряжением множество людей через свое сознание, тщательно вглядываясь в каждого, уже осудил себя за бесплодные мечтания и, горько улыбнувшись, приготовился было отойти от окна, но, уже в последнее мгновение, увидел, как из корпуса вывели группу людей - и сердце его обдало огненной болью - в первых рядах были братья: Баратов Александр и Мороков.
Порывисто ухватившись за решетку окна, до боли втиснув лицо между прутьями, Женя крикнул:
- Александр Иванович! Я... Комаров... тоже здесь... на втором... в 30-й... А вы где?... Как у вас?...
Александр Иванович что-то крикнул в ответ и указал рукою на угол двора, где был туалет, но камерный шум помешал расслышать и, кроме того, открывая камеру, надзиратель громко объявил:
- На прогулку!

Едва выйдя во двор, Комаров вместе с уголовниками соседней камеры кинулся к туалету, несмотря на окрики надзора. Вбежал он туда в тот самый момент, когда Баратова (в числе 15 человек) надзиратель торопил обратно в корпус, не разрешая никаких переговоров.
Несмотря ни на что, Женя подбежал к Баратову, горячо обнял его, осыпая вопросами:
- Как ваше дело?... Был ли суд?... Где вы? В общине многих взяли после вас, и я уже...
- Не разговаривать! - послышался грозный окрик надзирателя, торопившего своих на выход.
Все пятнадцать арестованных относились к самым большим преступникам, содержались в отдельной камере, без права какого-либо общения с окружающими. Среди них были братья: Мороков и Баратов. Несмотря на то, что их сразу, по выходе из туалета, повели, Женя успел крикнуть Баратову:
- Александр Иванович! Куда вас?
Взгляд брата был спокоен, непоколебимая уверенность отражалась во всех его движениях, но какое-то неизъяснимое чувство подсказало Комарову, что Баратов был в крайнем напряжении. На вопрос Жени он остановился и, подняв руку, показал в небо. Но Женя не сразу понял этот жест. Провожая Баратова глазами, он подумал, что брат направляет его мысли и духовный взор к небесам, приняв это за очень короткую, но выразительную, безмолвную проповедь.
Когда же их группу повели к корпусу, Комаров увидел, что их заводили в подвал - тогда только он понял, что Александр Иванович жестом руки ответил на его вопрос.
Баратов Александр Иванович был приговорен к расстрелу со всей той группой, какую с ним видел Комаров, и эта, мимолетная их встреча, была на земле последней.
Молитвенный вздох вырвался из груди Жени, провожавшего дорогого слугу Божия на смерть. Минутная робость и страх за участь брата рассеялись, и в грудь влился поток новых волнующих чувств, с неизведанной силой овладевших душой юноши; и тут же четко определились в решимость - знамя Евангельской истины принять из рук, обреченного на смерть, брата и, подняв его высоко над собою, нести дальше тем путем, каким определит Господь.
От сознания этого высокого и великого долга, сердце Комарова Жени загорелось огнем благовестия. Он понял, что дух подлинной евангельской Пятидесятницы почил на нем, именно здесь. И он, в эти роковые минуты, со всей решимостью заявил Господу - о готовности встать в ряды вестников истины на место, уходящего в вечность друга; здесь он, действительно, был крещен Духом Святым. Им овладело чувство великого счастья, и Бог открыл ему, что оно перешло в него из другого, любящего сердца Александра Ивановича. Это было счастье потерянной жизни ради Христа и Его Евангелия - в этом непобедимость евангельской истины.
Женя был настолько поглощен этим духовным переживанием, что совершенно забыл о происходящем вокруг, слезы умиления, теплыми струйками пробегая по лицу, падали на грудь, исчезая в складках одежды. Глядя на подвальную решетку, куда скрылись братья, он только произнес:
- Иди, брат, к своему концу, иди с радостной уверенностью, что здесь, на тюремном дворе, на смену твоей уходящей жизни вступила другая жизнь, полная свежести и огня. Дай Бог, чтобы поднятый тобою к небу палец, не исчез из духовных очей грядущего поколения. Я не знаю, какими дверями будет проходить мой жизненный путь, только дай Бог, чтобы днем или ночью, в радости или в горе, в труде и борьбе, до конца моих дней - я видел твой, поднятый к небу палец, и знал бы, куда мне надо идти.
В таком блаженном, духовном созерцании прошел у юноши этот прогулочный час, как одна минута. Придя в камеру, Женя еще долго находился под впечатлением этой необыкновенной встречи и разлуки с братом.

* * *

Через несколько дней Комарова вызвали в тюремную канцелярию и объявили, что его уголовное дело рассмотрено особым совещанием при НКВД, и он без суда, обвиняемый в контрреволюционной религиозной деятельности, приговорен к лишению свободы сроком на пять лет отбытия в лагерях заключенных.
Началось напряженное ожидание судьбы: когда и куда отправят в этап. Муки терзания души заключенного от мучительных допросов сменились томлением от неизвестности будущего. Много усердных молитв приносил Комаров к Господу о том, чтобы Он усмотрел его будущее, и, получив от Него ясный ответ, успокоился: "Ибо только Я знаю намерения, какие имею о вас, говорит Господь, намерения во благо, а не на зло, чтобы дать вам будущность и надежду" (Иер.29:11).

Мощным потоком, осенняя прохлада вливалась сверху через окно камеры, но казалось, что она нисколько не освежала той духоты, какой были заполнены многолюдные камеры. Жене посчастливилось поместиться прямо под окном, и он с жадностью вдыхал свежий воздух, особенно ночами. Хотя за свою судьбу он был спокоен, однако размышления, об оставшихся на воле друзьях, не давали покоя: "Где и как там, Миша Шпак, дорогая молодежь, Наташа и другие? Как дорогие милые старцы - любимцы молодежи, а особенно семья Кабаевых - Гавриил Федорович и Екатерина Тимофеевна?" Все это сильно волновало его душу, и только усердные молитвы приносили некоторое успокоение.
Наконец, настал день, когда и его с вещами вызвали на тюремный "вокзал", где он увидел много подобных себе, собранных со всех корпусов, для отправки на пересыльную тюрьму. Это обрадовало Женю, потому что тюремная духота и однообразие истощили физические и духовные силы.
"Черный ворон" был набит арестантами до такой степени, что Женя, впервые в жизни, испытал на себе грубость конвоя и суть бесчеловечности и жестокости безбожного сердца. В каком-то полусознательном состоянии, буквально мокрых с головы до ног, их разгрузили на дворе пересыльной тюрьмы, и после мучительных процедур распределения, санобработки, медицинского осмотра и личного обыска каждого, уже поздно вечером завели, наконец, в одно из огромных помещений.
Единственная лампочка за решеткой, находясь высоко под потолком, едва освещала камеру. Гнетущий полумрак вместе с людским гомоном и табачным чадом был точным подобием того, что в народе называют - адом.
Войдя в середину, Комаров остановился в нерешительности, стараясь что-либо разглядеть и собраться с мыслями: что делать, где приютиться в этом кошмаре.
- Женя! Женя! - послышался ему знакомый старческий голос, - иди сюда!
Из полумрака, под нижними нарами, протянулись к нему руки, а вслед за тем милые родные лица ташкентских братьев: Феофанова - пресвитера церкви
и Ковтуна, в доме которого почти все годы христианская молодежь находила приют. Мгновение - и он оказался в радостных объятиях братьев, не зная, что и сказать от необычайного волнения.
Что значит, в таком ужасном вертепе, встретить дорогого, любимого человека?! Братья потеснились и поместили его между собою и, несмотря на поздний час, делились впечатлениями пережитого.
Братья были арестованы, как слуги Божий, под тем же предлогом, что и Комаров, и приговорены к той же участи. В совместной молитве они просили Бога, чтобы им, если угодно Ему, быть неразлучно вместе на протяжении предстоящего пути. Почти всю ночь, в радостном волнении, они утешали друг друга обетованиями Божьими, а Женя рассказал им о своей встрече с Александром Ивановичем Баратовым, о его руке, поднятой вверх. Братья это поняли так же, как и Женя, вместе поскорбев о дорогом благовестнике Евангелия. Много, в свою очередь, делились воспоминаниями о подвигах веры и пережитых скорбях первых вестников Евангелия в России: Кальвейта, Ворошина, Рябошапки, Павлова и других братьев Союза баптистов.
Кроме того им было известно, что на пересылке находится старичок, который всем говорит о Боге, и они предполагали, что это брат Мазаев, об аресте которого было слышно давно. Следующий день был также проведен в дорогих беседах, так что узники, наслаждаясь общением, забыли о своей кошмарной обстановке и были счастливы благословениями, какие изливал на них Господь, в этой тесноте.
Однажды днем, проходя по коридору на прогулку и заглядывая в камеры, Женя в одной из них увидел старца, голова и густая борода которого, были украшены почетной сединой. Спокойными и проникновенными словами он свидетельствовал окружающим о могуществе, великолепии Божьем и Его любви к людям и Своему творению.
В камере царила абсолютная тишина; с нижних и верхних нар, наклонившись к нему обнаженными по пояс, разукрашенными разнообразными татуировками телами, слушали его речь преступники.
Женя, протиснувшись к передним рядам и прислушавшись к словам старца почувствовал, каким живительным потоком его речь изливалась на окружающих. Женя не видел Мазаева никогда и не знал, кто это, но духом почувствовал, что это служитель Божий, близкий и родной. Глядя на старца и обезображенные тела его слушателей - представил себе Даниила, окруженного львами, на дне глубокого рва.
С волнением он ожидал, когда старец закончит свою речь; дождавшись, порывисто схватил его руки и сказал:
- Брат! Позвольте мне от глубины души поприветствовать вас именем Того Иисуса Христа, о Котором вы сейчас возвещали! Я тоже христианин, зовут меня Женя Комаров.

- Милый юноша! - ответил старец, - откуда Господь послал тебя сюда?
Женя еще несколько раз крепко поцеловал брата и рассказал:
- Я здешний, член ташкентской церкви, приговорен за моего Господа и Его свидетельство на пять лет лишения свободы. На воле остались жена и дочурка, а здесь, со мною в камере, есть еще наши братья: Феофанов - пресвитер и проповедник, брат Ковтун.
- О, слава Господу! - воскликнул старец, вытирая слезы радостного волнения. Я очень рад, наконец, увидеть моих родных, да еще такого юного прекрасного брата, как ангела Господня среди раскаленной печи. Дай, я еще раз тебя поцелую, дитя мое.
Затем, продолжая, сказал Жене:
- А меня зовут Гавриил Иванович Мазаев, баптист я с молодых лет.
Прерывая их разговор, к старцу подошел один из татуированных и тоном, не допускающим возражений, сказал:
- Батя! Давай-ка, закругляйся, да пора перехватить немного, уж скоро обед. - С этими словами он поднял Мазаева и подвел к нарам, где в кругу подобных ему, на шелковом покрывале был поставлен чай и всякие восточные пряности.
С тех пор, как Гавриил Иванович пришел в эту камеру, ему оказали особое расположение урки-воры, а один из них был неотступным его покровителем и усердно ухаживал за ним. В это время Мазаеву было 79 лет.
Когда он сел на нары к завтраку, окружившие его преступники с искренним расположением угощали его гостинцами, но Гавриил Иванович попросил своих покровителей и о Жене:
- Детки! Если вы уважаете меня, то уважьте и этого юношу, потому что это мой самый близкий и дорогой брат!
После этих слов урки пригласили к своему столу и Комарова, и особенно расположились к нему, когда он рассказывал им историю своей жизни и причину ареста. После чаепития Женя обратился к Мазаеву и сказал:
- Брат Гавриил Иванович! В одной из соседних камер нахожусь я с братьями-служителями, в этих местах наши встречи очень кратковременны и дороги. Поэтому я предлагаю вам перейти в нашу камеру, так как один Бог знает, сколько нам придется быть вместе, а это очень дорого, особенно для меня.
Мазаев с радостью согласился на предложение Жени, но тут ревностно загорелись сердца его татуированных покровителей, они обиделись и запротестовали. Гавриилу Ивановичу пришлось им убедительно разъяснить причину такого переселения, и те неохотно, но заручившись обещаниями дедушки Мазаева посещать их, сами собрали его пожитки.
С радостными восклицаниями братья приняли Гавриила Ивановича в свою семью. Его приход внес большое ободрение всем, особенно Жене. Весь день прошел в оживленной беседе между собой и заключенными. Осмотревшись и отдохнув в дорогом общении, брат Мазаев почувствовал в сердце побуждение к проповеди и попросил братьев помолиться за него, затем встал среди камеры и начал проповедовать.
Слово Божие от начала до конца проповеди лилось благословенным потоком и оживляло сердца многих, безнадежно опустившихся людей. На лицах преступников и отверженных, потерявших веру в человеколюбие и надежду на что-то светлое в будущем, появилось умиление, суровые складки ожесточения, может быть, впервые за долгое время, расправлялись, отражая искорки доверия и любви.
Брат Мазаев проповедовал о любви Божьей, пренебрегая которой, люди сами себя обрекли на медленную гибель и потеряли смысл жизни. В камере все затихло, и глубокие вздохи слушателей свидетельствовали о том, как людские сердца, истомленные жаждой справедливости и угнетенные пустотой потерянной жизни, оживали.
Проходящие по коридору останавливались, особенно, заключенные женщины и, удивленные необыкновенными словами, задерживались у двери. Среди них была еще юная девушка, которую, как впоследствии выяснилось, осудили за подозрение в шпионаже, потому что она при продаже мороженого перемолвилась с иностранцами на их языке. Тюремная среда, мучительный следственный период и суровый приговор обвинителей повлиял на нее так, что она была на грани падения, потеряв всякую надежду на будущее. Ее приятная внешность ускоряла этот страшный исход, особенно когда она оказалась на пересылке, получив некоторую свободу в передвижении. Проповедь Г.И. Мазаева остановила ее. "Ибо Сын Человеческий пришел взыскать и спасти погибшее", - услышала она слова из уст старца. При этом жестом руки, как ей показалось, он указал, именно на нее. Слова проповеди были для нее такой неожиданностью, что она ловила их, и расширенными глазами смотрела на проповедника, боясь пропустить, хоть одно слово.

В детстве она слышала о Христе, но имела самое искаженное понятие о Нем, как о чем-то далеком, недосягаемом. Теперь она впервые услышала о Нем, как о Сыне Человеческом. Это определение приблизило Христа к ней; она узнала о Нем, что Он сделался достоянием падших, погибших людей. Тот ужасный, нависший над нею, сгустившийся безнадежностью, мрак вдруг рассеялся. Она увидела смысл жизни. Слезы брызнули из ее глаз, и она всеми силами души потянулась навстречу евангельскому призыву. Тут же, в этом людском водовороте, отойдя немного в сторону, она в коротких словах, при участии братьев, обратилась ко Христу, как к своему Спасителю, и верою в Него получила мир с Богом.
К сожалению, ее скоро отправили на этап, и братья больше не имели возможности видеть ее. Только по отдельным слухам было известно, что приняв Христа как своего Спасителя, она оставалась хранимой Им, и верной, рассказывая о Нем очень немногое, то, что познала сама, а именно: что Он - Сын Человеческий, пришедший взыскать и спасти погибшее.
После этой проповеди братья рассуждали, и Женя, наблюдавший за всем происшедшим, сказал своим друзьям:
- Братья, какою ценою или какими связями можно было бы проникнуть проповеднику сюда, в эту гущу погибших, отверженных осужденных, чтобы сказать здесь проповедь о любви Божьей? Никакой!
- Да, брат! - ответил ему Феофанов, - с одной стороны, вроде бы никакой, но ведь цена дороже золота внесена; ценой свободы, а для некоторых из нас, ценой жизни. Сегодня мы здесь, и среди нас наш дорогой брат Гавриил Иванович.
- Так-так, братья, но эту же цену внес наш Отец Небесный и Сам Агнец Божий, чтобы спасти род человеческий и нас с вами. И это сделала любовь Божия к погибшему, - дополнил в общей беседе брат Мазаев.
- А что же нас побудило оставить наши дома, деток, свободу и прийти сюда, принеся Слово о потерянной любви этим несчастным? Разве не любовь Его? Вы посмотрите, как слова любви возвратили юную душу к борьбе за жизнь. Как свирепые лица этих погибших воров и разбойников просияли от дыхания любви Божьей, а что Дух Божий говорит через Евангелие от Иоанна? -"Ибо так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего единородного, дабы всякий, верующий в Него, не погиб, но имел жизнь вечную" (Иоан.3:16).
Этот же Апостол обращает наше внимание на величие любви Божьей: "Смотрите, какую любовь дал нам Отец, чтобы нам называться и быть детьми Божиими" (1Иоан.3:1). А какой смысл в этих словах? Тот - что Христос отдал для нас не только богатства Свои, богатства неба, но и Самого Себя. Без Него Самого не было бы той полноты любви и ничто не могло бы покорить сердце погибшего грешника.
Вы слышали, что сказала эта погибшая юная душа? Она слышала о Божественности Христа, она пользовалась Его великими милостями, но сердце ее было мертво, пока Христос не предстал перед ней как Сын Человеческий т.е. Бог снизошел до ее уровня. Не этот ли принцип великой любви Он оставляет и нам?
"Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих" (Иоан.15:13).
Вот эту жертву потребовал от нас Господь, и только наша жертвенная жизнь может породить другую жизнь, спасая грешника от гибели.
Все это с упованием слушал Женя Комаров, находясь среди дорогих братьев, и любовь новой, и новой волной вливалась в его юное сердце. Никто не знал, что через самое короткое время, некоторым из них, суждено будет здесь положить свою жизнь, а юной душе Жени - формироваться для благовестия на предстоящие годы.
Десять дней Гавриил Иванович Мазаев пробыл вместе с братьями, но эти дни были до того насыщены благословением для них, что годы, проведенные в богословских школах, не могли бы их обогатить так, как на пересылке. Никто из них, в том числе и Мазаев, не жаловались на тесноту, на недуги, до конца они были бодры и жизнерадостны.
Гавриил Иванович много делился с братьями о пережитом и с восторгом заявил: "Если еще Бог даст выйти на свободу, то издам календарь для пробуждения мусульман".
Рассказывал, как в беседе с ним, следователь обрушивался на него с угрозами, но убедившись, что он человек с великой прожитой жизнью, и тем более, отданной в жертву Богу, и он запугать его ничем не сможет, решил упрекнуть его:
- Гавриил Иванович! Неужели вы, прожив восемь десятков лет, не убедились в вашем самообмане, ведь все ваши доводы и само исповедание вашей веры не что иное, как глупость и только глупость?!
Старец, посмотрев на следователя, протянул свою руку, едва не касаясь его лба и внушительно ответил:
- Вот, где глупость, а тюремные рубища - ее следствие, уважаемый начальник.

Ответ был исчерпывающим и прекратил всякие разговоры. Очевидцы свидетельствовали, что в жесте руки Мазаева была большая сила.
По прошествии десяти дней, Гавриила Ивановича вызвали на этап. Расставаясь с братьями, он близко прижал к груди Женю Комарова и сказал очень коротко:
- Теперь уж... у ног Христа...
Поздней осенью 1937 года Женя получил, облитое слезами, письмо от друзей, из которого узнал, что Мазаева Гавриила Ивановича из Ташкента перевезли в Кустанайский тюремный изолятор, где он, сразу по прибытии, на 80-м году жизни, отошел в вечность - верным слугой Божьим, с не умолкающими устами.

* * *

Вскоре после того, как проводили Мазаева Г.И., сформировался большой этап в далекие края, и братьям пришлось распрощаться, предавая друг друга благодати Божьей. Смертельная тоска сжимала юную грудь Жени Комарова, оставшегося одиноким среди удушливого многолюдья. Упорный слух о том, что их везут на Колыму, овладел всеми в этапном вагоне, и арестанты почувствовали себя, заживо погребенными. Будущность рисовалась мрачной, безнадежной. На долгих остановках - сибирская метель, завывая внезапными порывами, потрясала вагон и, врываясь в узкое, оконное отверстие снежными хлопьями, леденила душу.
Заключенные кутались от холода во все, что имели. В основном, эти жители юга не имели представления о сибирских холодах и были в легкой одежонке. Все трудились вокруг маленькой печурки, которая наделяла несчастных больше копотью, нежели теплом. Единственной надеждой была этапная баланда, которая раздавалась раз в сутки, условно по возможности, и то, почти всегда доходила до арестантов не горячей, а едва теплой. Поэтому к концу месячного этапа люди, изнуренные холодом и голодом, почерневшие от копоти и вагонной грязи, представляли собой какие-то существа из преисподней.
Когда прибыли в порт Находка, при разгрузке из вагонов - люди уже почти не реагировали на окрики конвоя, подталкивания и новую обстановку. С большими усилиями приходилось обслуге пересыльных бараков - раздеть, обмыть и разместить опустившихся людей по просторным, теплым баракам. Горячая пища и вольный кипяток, хотя и медленно, но оживили этапников. Ожидать пришлось недолго, через 2-3 дня уже стало всем известно, что этап идет на Колыму, и что погрузка на океанское судно "Кулу" уже началась.
Хотя Женя и родился в Сибири, однако, когда, не по своей воле, пришлось покидать теплый, гостеприимный Ташкент, в многолюдий дальнего этапа и пережить все его ужасы, его душой стало овладевать уныние. Внимательно он всматривался, на тысячной пересылке во всех окружающих, в надежде встретить "своего", но среди моря людей родного не находилось. Не встретил он никого и на судне. Скорбь на душе Жени была так велика, что ни величественная панорама Японского моря, ни ледяные безбрежные просторы Охотского моря, ни мерное движение судна, прокладывающего себе путь к неведомым берегам, не отвлекали его от тяжелых дум. Все чаще теребили его душу мысли о малютке-дочурке и любимой, еще совсем юной, жене.
Он напрягал все внутренние силы, чтобы не раздражать себя мыслями о семье. Тогда, на смену этому, приходили на память оставшиеся юные друзья, что не меньше волновало его.
Наконец, он вспоминал блаженные краткие дни, проведенные с братьями Феофановым, Ковтуном, дорогого незабвенного старца Мазаева, проповедывающего среди преступников о любви Божьей, брата Баратова с поднятым пальцем к небу, и какой-то живительный поток мира Божьего разливался по всей его груди.
Однажды, проходя по палубе, Женя на мгновение задержался на корме корабля. Раздвигая ледяные поля и подминая их под себя, судно узкой полосой протискивалось к намеченной гавани. За кормой бурлила темная полоса морской воды, перемешанная с дробленым льдом, и тут же, невдалеке, затягивалось все опять белоснежной шубой, беспорядочно торчащих торосов . Едва заметный след от прошедшего судна скрывался невдалеке, за морозной завесой снежной мги .
Таким представлялся предстоящий жизненный путь Жене Комарову.
По мере продвижения на север, толщина льда увеличивалась, и продвижение судна заметно уменьшалось. В один из пасмурных декабрьских дней, показались угрюмые берега бухты, а через несколько часов судно причалило к обледенелым пирсам северного порта Нагаево. Женя безучастно смотрел на все происходящее: как разгружалось судно, как выкрикивали фамилии заключенных, как они выстраивались в колонны и угонялись в город под конвоем. При лунном сиянии, колонна за колонной, арестанты двигались проторенной дорогой: от

порта в город Магадан - на пересылку. Он оказался в числе последних, и то ли от бессонной ночи, то ли от пережитых этапных мытарств, но еле брел где-то позади, то и дело подгоняемый окриками конвойных. На пересылке все кишело от вновь прибывших тысяч арестантов. Едва нарядчик завел их в барак, Комаров упал на первые попавшие свободные нары, уложив свои вещи под голову. На пересылке в Магадан, Женя не успел даже осмотреться и что-либо понять, как его фамилию вновь выкрикнули для приготовления дальнейшего этапирования в тайгу. Из рассказов местной заключенной обслуги ему стало известно, что тысячи тысяч прошли через этот город в течение 1937 года. Людей развозят в разные места, в основном, на золотые прииски, причем, самые отдаленные находятся на расстоянии до 1000 километров, и людей туда гонят пешком, по безлюдной тайге, месяцами. Бывали случаи, когда такие этапы погибали вместе с конвойными, от лютых морозов и скудного питания. Те, кто назначался в поселки - поблизости к Магадану, считались счастливчиками, хотя и там смерть настигала их неумолимо.
Жене очень хотелось узнать что-либо о верующих, и он, уже в последний день, присматриваясь к обслуге, у одного старичка спросил о своих братьях. Тот ответил:
- Да видишь, сынок, тут ведь много проходит всякого люду, ну, конечно, и попы проходили, к примеру, на днях с вашего же парохода угнали на Атку двух баптистских попов: один с бородою, другой был моложе.
У Жени вспыхнуло горячее желание оказаться в поселке Атка, в надежде встретиться с братьями, так как, судя по описанию дневального, один был Николай Феофанович Феофанов. Он стал горячо молить Бога о желанной встрече.
Утром ему стало известно, что он попал в этап на рудник Бутыгичаг и что им очень посчастливилось, так как попутные машины, вместо пешего этапа до Атки, довезут их всего за несколько часов. "А там, как Бог усмотрит", - подумал Евгений.
Выехали они перед обедом, и первые 80-100 километров проехали по укатанной грунтовой дороге, хоть и в тесноте, но утешало их, что не пешком. Дальнейший путь был очень тяжелым. Местами трасса была еще не отсыпана, и машины шли по едва подмерзшим болотам; а еще хуже, когда полотно было отсыпано, но поверхность не укатана, тогда на кочках и буграх у людей, кажется, вытряхивались все внутренности.
В Атку приехали вечером и лишь, благодаря лунной ночи, без трудностей разместились в пересыльном лагере. Женя не хотел терпеть до утра и убедительно просил лагерного нарядчика узнать, прибыл ли сюда этапом Феофанов. Оказалось, что нарядчик был очень расположен к верующим и подтвердил, что он здесь, охотно отозвавшись, проводить Комарова к нему...
Барак утопал в полумраке от тускло светящихся лампочек. В уголке между нарами, склонившись на колени, молились два человека. По густой бороде, в одном из них Женя безошибочно узнал дорогого Николая Феофанофича Феофанова, вторым оказался ташкентский проповедник, брат Ковтун.
Тихо поблагодарив нарядчика, Женя склонился на колени рядом с братьями и слушал их молитву, заливаясь слезами. Едва брат Феофанов успел сказать "Аминь", как Женя, не удерживая рыданий, стал молиться с братьями, а брат Феофанов повторно благодарил Бога за чудо Его милости.
После молитвы они долго, обнявшись, безмолвно сидели вместе и едва могли унять чувства безмерной радости. Пользуясь ослабленным лагерным режимом, друзья до глубокой полночи делились переживаниями пройденного этапа. Феофанов рассказывал, что дорога на рудник Бутыгичаг проходит через Атку, но по безлюдной тайге и через многие перевалы. Он тоже был назначен в эти ужасные места, но по старости и состоянию здоровья его никакой конвой не берет с собой. Брат Ковтун утратил по дороге глаз, и вот они вместе здесь отсиживаются, ожидая своей дальнейшей судьбы.
Несколько дней, проведенных вместе, пролетели как мгновение. Комарова ожидал дальнейший путь.
Брат Феофанов перед разлукой сказал:
- Братья мои, до этого места и дня в душе моей жила еще надежда, что я встречусь с моими братьями и поживу сколько-то времени на этой земле, а теперь я имею ясное свидетельство, что наше расставание на земле последнее. Сейчас я попрощаюсь с вами, а когда Бог приведет вам возвратиться к своим родным и друзьям, то передайте всем, что Феофанов, пресвитер ташкентской церкви, до конца был верен своему Искупителю. И последней моей молитвой будет молитва за мое дорогое русское братство, за мою дорогую церковь, моих друзей и мою семью, чтобы все они не опускали, кровью писанного, знамени Истины Христовой и не дерзнули передать его в чужие руки.

Пусть грядущий род примет его и самоотверженно понесет дальше.
Я рад обнять тебя, дорогой мой брат Женя, здесь, на арестантских нарах, и молить Господа, чтобы священный огонь, какой донесли до вас седые старцы, зажег ваши сердца к славе Божьей. Не забывайте вековой наказ, трижды произнесенный Богом, священнослужителям в глубокой древности:
"Огонь непрестанно пусть горит на жертвеннике и не угасает" (Лев.6:9,12,13).
Окончив свою краткую речь, брат отвернул свои арестантские рубища, в складках их достал последние 9 рублей и, разделив их, по три рубля каждому, закончил:
- Это последнее, чем я от души желаю послужить дорогим моим ближним, возьмите это во имя Господа Иисуса Христа, и пусть это мизерно-малое не оскудеет у вас на протяжении всего вашего скитальческого пути.
Сказав это, он пригласил к молитве, а молясь, благословил братьев на предстоящее будущее.
Комарова вызвали на этап в колонну более трехсот человек. Братья вышли проводить Женю в его неведомую даль. Выходя из поселка, Женя неоднократно оглядывался, наблюдая за братьями.
Долго еще, на фоне побеленного барака, он видел, как они стояли вдвоем, и могучая фигура Ковтуна была ему видна до тех пор, пока колонна не скрылась за первым перевалом.
Комаров шел позади колонны, так как чувствовал себя физически очень слабым. Дорога, проторенная по тайге, едва позволяла идти вдвоем и часто пересекалась наметенными сугробами, и более того, в оголенных от растительности местах, на сравнительно больших пространствах, была заметена вообще, так что приходилось вязнуть по колено в снегу.
Был декабрь месяц, и мороз крепчал с каждым днем. По предположению конвоя, им предстояло идти, в лучшем случае, месяц, а то и больше. В начале пути люди не представляли себе всех трудностей, шли изрядно нагруженные вещами, хотя в распоряжении конвоя было несколько санных повозок. Но часть из них была занята продуктами, а часть предназначалась для совсем изнемогших, больных и вещей заключенных. Поэтому, по мере продвижения вперед, по дороге стали попадаться брошенные вещи, громоздкие чемоданы, а в одном из них торчали сапожные колодки. Люди неохотно расставались с предметами обихода, хотя их и предупреждали об этом.
Кругом, громоздясь одна над другою, были видны сопки, до половины поросшие либо стлаником, либо лиственницей. Нигде, на протяжении всего пути, не было видно ни малейшего признака жилья. Широкая долина, в которой был расположен поселок Атка, давно осталась позади, и теперь люди двигались по распадкам, которые сужались до едва проходимых ущелий. Шли от темна до темна, а нередко и при лунном свете. Привалы для отдыха вначале были частыми, но потом люди уже привыкли к переходам, да и мороз подгонял, поэтому стали отдыхать реже. Ночевать приходилось большей частью у костров, в затишье, но изредка по дороге попадались, временно срубленные, бараки-зимовья, где заключенные могли, хотя в немного относительном тепле, привести себя в порядок: просушить и подремонтировать обувь и одежду, досыта напиться кипятку, протянуть измученные от усталости ноги и руки, перевязать, растертые от ходьбы и ноши, части тела.
Жутью сковало душу Жени Комарова, при виде этого нелюдимого края. Куда гонят их? Сколько тысяч людских ног прошли этой заснеженной тропой? А многие из них, уже не пройдут здесь обратно!
Все эти мысли до слез раздирали его душу, и он, выйдя за барак, в кустарнике выплакал все это в молитве Господу:
- Господи! Ведь - это только первые слезы, а сколько их и какие они будут впереди? Я верю, что они у Тебя сохранятся, в Твоих сосудах, но как они пока мучительно-горьки в моих глазах.
Дальнейший путь становился все тяжелее, тем более, что он проходил по узким распадкам, куда совсем не проникало солнце, а морозный ветер иглами пронизывал легкую, не зимнюю одежонку.
На пятнадцатый день пути, горы с одной стороны стали пологими, дорога пошла по мшистой, безлесной террасе и заметно на спуск. Путники почувствовали некоторое облегчение, но кто-то из возчиков заметил:
- Не больно радуйтесь, братцы, вот Ударный (название пади) пройдем, начнется горе-Мяунджа. - Так он назвал узкую, густо поросшую долину реки Мяунджи.
Действительно, не более чем через три часа пути, горы сблизились так, что проход между высоченными скалами был шириною не более восьмидесяти-ста метров. Дальнейший путь их проходил среди бурелома, по густой непроходимой тайге, местами, спускаясь на речной лед. В зимнее время, по свидетельству возчиков, сюда ни на

минуту не проникает солнце. До конца дня они двигались по переметенной извилистой тропе, в гнетущем полумраке, понукаемые конвоем.
Последние силы покидали Женю и его товарищей. "Что скрыл Господь в этом полумраке от людских взоров, и оживут ли когда-либо эти мрачные места? Какую тайну хранят недра этой долины смертной тени", - думал про себя Женя, поднимая временами голову вверх, осматривая седые вершины диких, молчаливых сопок.
Проводники ободряли их тем, что скоро впереди откроется широкая долина красавицы-реки Армани, а в ее истоке - знаменитое Солнечное озеро. От одного только обещающего названия Женя ободрился, ожидая чего-то приятного. Наконец, уже на склоне дня, между деревьями, действительно, появилось просветление.
Тайга оборвалась сразу стеной, и люди, выходя из ущелья, почувствовали, что они как бы вышли за тюремные ворота. Впереди открывалась широкая долина, освещенная лучами заходящего солнца. Между кустарниками на снегу ярко отпечатались самые разнообразные следы: зайца, лисицы, росомахи, полярной куропатки. А рядом, среди обнаженных скал, то и дело из снега выбегали белоснежные, с черным венчиком на хвосте - соболята, и со свистом, пугливо скрывались в своей родной стихии.
На большом пространстве подледная вода, выжимаемая большими морозами, выступала сверху, заливая все кругом, образуя, так называемые, наледи. К весне, в некоторых местах, наледи, наслаиваясь, достигали 3-5 метров толщины. А иногда, поверх льда, последняя вода образовывала самое настоящее русло и протекала широкой полосою, извиваясь от одного берега к другому. На такую наледь вышли обессилевшие люди. Густой туман недвижимо висел над ледяной пустыней, так что заключенным было трудно продвигаться вперед, отыскивая сухие места на льду.
После непродолжительного отдыха этап двинулся вперед, в надежде заночевать где-то на берегу, ожидаемого Солнечного озера, которое в длину было до шести километров, в ширину не более двух. Оно служило истоком для двух больших речек Армани и Бахапчи. Первая из них, убегая на восток, впадала в Охотское море. Вторая, не менее полноводная, вбирала в себя множество притоков и, могучим потоком, на западе впадала в реку Колыму.
Голодные, изнемогшие люди едва добрались до западной окраины озера. На привале, к их счастью, находился зимовье-барак, вмещавший не более пятнадцати человек, а рядом с ним был сарай-конюшня.
В зимовье разместился конвой и обслуга из заключенных, среди которых оказался и Женя Комаров. После ночного отдыха, на следующий день он немедленно вышел к озеру и убедился, насколько оно соответствовало своему названию. Вся озерная гладь была покрыта льдом; солнце, алмазными брызгами; отражалось в бесчисленных снежинках и прозрачном воздухе. Черными точками на берегу рассеялись некоторые заключенные, вылавливая через пробитые луночки во льду красноперую мальву.
Несчастным был отведен целый день отдыха, как людям, так и лошадям. Сердце Жени наполнилось радостью и благодарностью Господу за то, что Он среди этого мрачного пути послал просветление и возможность отдохнуть телом и душою. Долго он рассматривал таинственное великолепие крайнего севера, размышляя над тем, для кого Господь создал все это? Кто в этом безлюдье может оценить красоту и величие Божьего творения, а оценив, прославить Самого Творца? Но не находя на это ответа, он, уединившись, предался молитве.
Женя не знал, что после него пройдут этим путем немало страдальцев Иисуса, которые также оценят творческое величие Бога, воспрянут при этом душой и прославят Его. Красота была, действительно, неподражаема!
Кроме несчастных этапников здесь, на перегонах, останавливались якуты-оленеводы со своими тысячными стадами оленей; семьями посещали эти места, как священные, охотники-тунгусы, да и просто отдельно проходящие. Среди безлюдного дикого края - это было единственное место, где проходил человек.
Покидая на следующий день Солнечное озеро, Женя с тревогой в душе подумал: "Будет ли мое возвращение проходить этими же местами, или его не будет, вообще?"
Привал на берегу Солнечного озера совпал у Комарова со встречей Нового 1938 года. Оставляя избушку, он написал на стене: "Предай Господу путь твой, и уповай на Него, и Он совершит. - Ж. Комаров".
На Бутыгичаг они прибыли через три недели, причем, от всего этапа - в триста человек - осталось около пятидесяти человек. Многие из них были с обмороженными лицами, руками и ногами и, безусловно, были нетрудоспособными. Более половины людей нашли себе могилу в вечной мерзлоте. Но это никого из администрации рудника не беспокоило.

Зима 1937-1938 годов была на всей территории Колымы необыкновенно чудовищной, так как для десятков, сотен тысяч заключенных была могилой, причем, для большинства - братской.
В то время судьбы заключенных были вверены легендарной личности - полковнику Гаранину. Сотни тысяч несчастных человеческих жизней были загублены по воле этого ужасного человека, его помощников и заместителей. Они погибли в этот год от голода, мороза, непосильного труда, а более всего - от массового расстрела. Голодный мизерный паек и непомерно завышенные нормы выработки доводили людей до полного, а часто - невосполнимого истощения. Эту чашу пришлось полностью испить и дорогому брату Жене Комарову.

* * *

По прибытии на рудник, несмотря на ослабленное здоровье с одной стороны, и наличие грамотности - с другой стороны, его со всеми вместе определили на общие тяжелые земляные работы. И без того истощенный организм, не получил никакой поддержки, а систематическое невыполнение нормы-задания определило для него, так называемую, штрафную пайку. Это значит: 200-300 граммов суррогатного хлеба в сутки и в день - один черпак горячей пищи, состоящей из жиденького супа.
От таких штрафных паек некоторые из обессилевших людей умирали прямо на ходу; другие - изъеденные вшами, еле двигались, лишенные человеческого облика. Таких людей администрация лагеря, через соответствующую комиссию, оформляла как контрреволюционных саботажников и массами расстреливала где-нибудь здесь же, невдалеке от поселка.
Женя, в числе обессилевших, с обезображенным, обмороженным лицом, в лохмотьях, умирал от голода, не имея никакой надежды на возвращение к жизни. Медицинская комиссия его списала с общих работ, как временно нетрудоспособного, а среди лагерников он оказался в армии "доходяг". Более того, его в бараке поместили на верхние нары, куда, без посторонней помощи, он не мог ни подняться, ни сойти вниз. Его духовная жизнь, при совершенно ограниченном сознании, сводилась только к мучительным, беззвучным стонам. Наконец, отчаяние овладело им так, что он однажды ночью, едва слышно, произнес в молитве к Богу:
- Боже мой, Боже мой, зачем Ты оставил меня!
Так, с застывшей слезой, он и уснул, но молитва его была услышана.
Утром, на следующий день, при помощи дневального его сняли с верхних нар и, по чьему-то указанию, привели на медицинскую комиссию. Осматривающий врач внимательно поглядел на него и удивился:
- Мне совершенно непонятно, чем может жить такой человек, у которого совершенно отсутствуют условия для жизни? Мне известно о скрытой жизненной энергии, которая удерживается в отдельных органах человеческого организма, но здесь, все резервы давно исчерпаны, в чем же может скрываться жизнь?
На все задаваемые вопросы, Женя был совершенно бессилен произнести какой-либо ответ, даже шепотом. Не моргающими, безразличными глазами он смотрел на врача. Вчерашняя молитва, к своему Богу, была его последними словами.
- Зачислите этого человека на двадцать дней У. П. (усиленное питание), обеспечьте его особым наблюдением и полным отдыхом, по окончании этого предоставьте мне его еще раз, - распорядился врач.
Сознание к Жене возвращалось очень медленно, медицинская обслуга с удивлением наблюдала за ним, выражая явное сомнение:
- Неужели он оживет?
Но он ожил, потому что его Бог был с ним. После какого-то кризисного момента, он быстро пошел на поправку и на десятый день, поднявшись с постели, уверенно подошел к дневальному с вопросом:
- Скажите, мне, случайно, не пришло ли письмецо от семьи?
Письма не было. Уже долгое время он не получал никакого известия ни от жены, ни от друзей. С возвращением к жизни у Жени возвращались и духовные чувства, и любовь к жене, и малютке.
По окончании 20 дней его привели к врачу, тот посмотрел на него и шутливо спросил:
- Ну как, "доходяга", ожил?
- Ожил, гражданин доктор! Слава Богу! - ответил ему Женя, - спасибо и вам.
- Ну вот, парень, - продолжал доктор. - Бог-то Бог, да сам не будь плох.
- Так-то так, доктор, но теперь, я хоть и не доктор, но скажу: как бы ни был плох, лишь бы был со мною Бог, - уверенно ответил Комаров.

- Молодец, мужик! Сохранишь эту веру, вера сохранит тебя, а теперь тебе придется понемногу работать. Последнее, чем я могу тебе помочь - это пристроить тебя на работу куда-нибудь, где полегче, а возможности у меня для тебя только две, выбирай одну из них: или ассенизатором по лагерю, или дежурить в мертвецкой.
- Я очень вам благодарен за такую заботу обо мне, - немного подумав, ответил Женя, - и считаю, что ассенизатором для меня, будет более подходяще.
На этом они расстались. Комаров, с запиской от врача, пошел к начальству, на вахту. Получив необходимый инвентарь, Женя обратился к Богу в молитве:
- Господи, этот труд, что определили для меня в этом месте, среди людей считается унизительным, но я от души благодарю Тебя, так как верю, что Ты, на этом месте, благословишь меня. Мне же - всякое унижение необходимо - от этого ни один христианин не имел ущерба.
Работу свою он производил ночью, чему был очень рад, так как имел возможность в ночной тишине размышлять над многими Словами Священного Писания. Относясь добросовестно к своим обязанностям, Женя за короткое время привел лагерную зону в соответствующий порядок, чем администрация была очень довольна и оказывала ему все большее расположение.
Но лютые морозы, однажды уже поразившие тело Комарова, продолжали поражать с большим успехом, и он по-прежнему ходил с опухшим, обезображенным лицом, а труд его был нелегок, так как он все нечистоты из лагеря вывозил на себе, впрягаясь в специальную повозку. Скудный паек, каким он мог довольствоваться, держал его все время впроголодь. Правда, Бог не без милости; и однажды, когда он проезжал ворота лагеря, вахтер-солдат проникся состраданием к нему:
- Эй, мужик, зайди сюда! Я вижу, ты уж очень стараешься, сколько я ни видел до тебя, на твоем месте никто так не старался. Брось, что ты надрываешь себя, все равно спасибо тебе никто не скажет.
- Гражданин надзиратель, я христианин, и на любом месте, где бы я ни оказался, должен быть христианином. Работаю я не перед людьми и не жду их похвалы, работаю перед Богом моим; не прославлю ли Его на этом месте.
- Ну, такого я еще не слышал, хотя и сам из православной семьи. Впрочем, ладно, я позвал тебя не за тем; на-ка, вот тебе краюшку хлеба и миску супа, ешь!
Комаров с жадностью скушал все, предложенное ему, остаток хлеба положил за пазуху и, благодаря вахтера, поспешил из дежурки. Провожая его, солдат сказал вдогонку:
- Когда я дежурю, ты всегда заходи, я ведь знаю, какой голод у вас.
Но однажды Жене пришлось пережить большое испытание. Его добросовестность очень понравилась одному человеку за зоной лагеря, в расположении Военизированной охраны (ВОХР); тот работал на кухне поваром и хозяйственником. По натуре своей - это был человек злой и очень ненавидел заключенных; даже было известно, что когда он водил этапы, то немало избивал заключенных "доходяг". Увидев обезображенного Комарова, он, хотя с пренебрежением, но дал указание, чтобы тот привел в порядок хозяйство и туалеты.
Женя на сей раз, хотя и был голоден, но распоряжение повара Нудного (такой была его фамилия) выполнил аккуратно и добросовестно. Закончив работу, он подумал: "Пойду попрошу чего-либо покушать, ведь у них много остается для свиней". Тем более, ему показалось, что повар не должен бы отказать. Не заходя на кухню, Женя робко постучал в дверь, и, когда повар Нудный вышел, он попросил:
- Гражданин повар, то, что вы приказали мне - я выполнил, можете посмотреть.
Нудный на мгновение окинул все кругом и грубо ответил:
- Ну, выполнил и выполнил, подумаешь, великий подвиг! На то ты и ассенизатор, - и, не докончив последних слов, захлопнул дверь перед носом Жени.
Женя или не понял тона, с каким к нему отнесся повар, или голод превышал сознание, но, спустя несколько минут, опять постучался. Нудный, распахнув дверь, озлобленно крикнул ему в лицо:
- Что такое? Чего надо? Марш, в зону!
Женя, посчитав, что повар просто не может понять его, тихо попросил:
- Вы знаете... я очень голоден и прошу вас, нет ли, хоть каких-либо остатков, покушать?
- Ах, покушать! Я тебя сейчас накормлю, ненасытная утроба, - взревел Нудный и быстро зашагал куда-то за угол здания.

Через несколько минут Женя увидел, как из-за угла, едва сдерживая огромную овчарку, с каким-то дьявольским огоньком в глазах, подбежал повар.
- Фасе! - крикнул он животному.
Комаров инстинктивно закрыл рукою глаза, слегка нагнулся, приготовившись к смерти, произнес вслух:
- Господи, будь милостив ко мне!
На его глазах был не один такой случай, когда эти животные, повинуясь своим повелителям, терзали человека до смерти, но... - о, чудо! С Женей не случилось того. Овчарка осторожно обнюхала свою жертву, возвратилась к Нудному и села у его ног. Тот крикнул ей что-то еще и, не получив желаемого, сильно хлыстнул ее поводком. Собака взвизгнула и, опустившись к ногам повара, легла совсем.
В бешенстве, Нудный ударил в лицо Комарова кулаком, сбив на землю. Женя на минуту притих, свернувшись в комок, но убедившись, что никакой экзекуции над ним не повторяется, с трудом поднялся на ноги. Из рассеченной губы сочилась кровь, и он, аккуратно смахнув ее ладонью, виновато произнес:
- Простите меня, если я вас так огорчил.
Пошатываясь, Женя тихо побрел к себе в лагерь, еле волоча свою повозку. Овчарка, поднявшись, тихо скулила вслед уходящему человеку. Нудный, как вкопанный, без движения стоял на месте, пока ворота лагеря не закрылись за Комаровым.

* * *

Голод в лагере увеличивался все больше, людей стали хоронить уже по несколько человек в день. Ужас объял сердце Жени. Однажды весной, по ночным заморозкам, привезя свой груз на отвал за зону, он упал на колени и с сильным воплем воззвал к Господу:
- Боже мой! Я окончательно изнемог от голода и от всех ужасов этой долины смертной тени. Я уже пресыщен презрением, горестью и мучениями. Будь милостив ко мне, или прерви мою жизнь, чтобы, найдя место среди трущоб, я успокоился от мытарств, или пошли мне избавление, как Ты послал Илье, в Сарепте...
Так, под лунным сиянием, низко склонившись к земле, изливал свою душу пред Господом Женя. Сбоку от себя он услышал шаги и, продолжая стоять на коленях, поднял голову от земли. Прямо перед собой увидел Нудного. Сердце как-то необыкновенно дрогнуло и мысль молниеносно потрясла его: "Вот и смерть пришла за мной".
- Что у тебя случилось, Комаров, или в семье что? Почему ты плачешь? - тоном какого-то близкого участия спросил его тот. Затем, наклонившись, бережно поднял его с колен и, глядя в глаза, волнуясь, произнес:
- Ты, наверно... да ладно, пойдем... Я накормлю тебя... - при этом, взяв тележку Комарова, поволок ее за собой.
- Что вы! Что вы! - отобрал Женя из его рук веревку.
Шли они молча, и Комаров никак не мог сообразить, действительно ли повар ведет его покормить, или опять его ожидает какое-то коварство. Заведя Комарова в комнату при кухне, Нудный распорядился:
- Ты не бойся меня больше, раздевайся, садись за стол, я буду кормить тебя досыта.
При этих словах он, действительно, поднял крышку с большущей миски, наполненной до краев горячим густым супом с мясом, и добавил:
- Хлеба я дам тебе немного, потому что ты ведь голодный и можешь испортить себя.
Женя молча, с жадностью кушал предложенное, а обидчик также молча, с каким-то умилением, смотрел ему в лицо. Один только Бог знал, какая большая борьба произошла в душе этого жестокого человека.
Отрезав от краюхи почти половину, Нудный наставительно сказал Жене, передавая хлеб:
- Ты сегодня не ешь его, а завтра можешь, и каждый день вечером приходи сюда, ко мне, не стесняйся!
- Спасибо! Пусть Бог воздаст вам, - ответил Женя и, ободрившись, заторопился к выходу.
После этого Комаров, действительно, заходил всегда к Нудному и стал замечать, что кроме него повар подкармливал и других, заводя их, под всяким предлогом, к себе в комнату.
Так Бог спасал Комарова Женю от голодной смерти, пока обстоятельства его не изменились. По лагерю, истощенных до крайности людей, смерть косила беспощадно. Особенно содействовала этому весенняя оттепель. Женя с глубокой скорбью смотрел на "доходяг" в грязных лохмотьях, бессознательно бродивших по территории лагеря, подбиравших все, что напоминало съестное, помня, что он относится к ним же, и только по милости Божьей, может отражать первые приступы голода. За пазухой у него всегда был лишний кусок хлеба, а в котелке, под замком, либо вчерашний суп, либо каша.

Из числа "доходяг", он обратил особое внимание на врача Горелик. Изможденное серое лицо его выражало глубокую скорбь, а широко раскрытые глаза неестественно горели от голода, напоминая что-то близкое к безумию. Через прожженные ватные штаны местами виднелись пятна синего тела, а на груди и спине из засаленного бушлата торчали клочья ваты. Единственным его имуществом была миска с алюминиевой ложкой в грязной торбе, которая находилась подмышкой, так как руки от холода были втиснуты в рукава. В таком положении он и передвигался, и ложился спать, и даже, когда спотыкался, падая на землю.
Женя подошел к нему как раз в тот момент, когда он неуклюже поднимался, со втиснутыми руками в рукава, из канавы, в какую попал по неосторожности.
- Эх, дружище, видно, дошел ты окончательно, коли ноги не держат, - помогая подняться, сочувственно сказал он Горелику. - Кто ты и откуда?
Напрягаясь мыслями, бедняга посмотрел на Комарова и, каким-то загробным голосом, ответил:
- Сам я теперь... не знаю... кто... Был когда-то врачом-терапевтом... Горелик, фамилия моя... А откуда... тоже затрудняюсь сказать... сказал бы с того света, да, видно, там нет таких...
- Да, дружище, таких, как мы с тобой, - ответил Женя - пожалуй, можно найти только здесь, на этом свете, если его можно назвать светом. Пойдем, я тебя покормлю немного.
Горелик, идя сзади, что-то пытался сказать, но у него не нашлось силы, чтобы одновременно идти и разговаривать. Комаров, приведя его в барак, приветливо усадил и, подогрев содержимое своего котелка на печи, угощал гостя с такой же предосторожностью, как когда-то предупреждал его Нудный.
Кушал тот с жадностью, медленно, долго, не отрываясь.
- Видно, Бог тебя послал, братец, ведь я не помню, когда кушал досыта последний раз. А это еще, что такое? - удивленно спросил он, увидев, что Женя протягивал ему еще целую пайку хлеба.
- А это возьми в барак с собою, перед сном еще покушаешь. Горелик, умоляюще посмотрел на своего благодетеля, и ответил:
- Отнимут, братец, в бараке такие как я, отнимут, нельзя.
Тогда Женя налил ему кружку кипятка, и тот, раскрошив хлеб в миске и размешав в кипятке, с не меньшей жадностью скушал и это. Долго еще Комаров, пользуясь расположением повара Нудного, помогал и другим, спасая их от голодной смерти.

* * *

К концу весны положение, оставшихся в живых, заключенных немного улучшилось, хотя их насчитывалось гораздо меньше. Люди, отогревшись на солнце, сбросили лохмотья, немного повеселели, отмылись от барачной копоти; а своего знакомца-врача Горелика, Женя почему-то нигде не встречал больше. При расспросах ему ответили, что его куда-то вызвали, и он больше не вернулся.
"Не расстреляли бы, а может взяли в санчасть или еще куда?" - думал Женя.
Дней через двадцать, утром, закончив свою работу, Женя шел в барак на отдых; у самой двери, в больничном халате и колпаке на голове, встретил его Горелик.
- Здорово, Комаров! Ты все еще со своей тележкой возишься? - обняв его с радостью, приветствовал оживший "доходяга".
Горелика, действительно, взяли в санчасть: отмыли, переодели, предоставили усиленное питание и, поместив в отдельную комнату, назначили дежурным врачом. После нескольких дней он заметно преобразился, сам не веря такой резкой перемене: на местах обморожения остались только пятна, стан выпрямился, голос окреп; а ожив, он сразу вспомнил о Жене.
- Бросай-ка ты, братец, свое грязное дело, я пришел за тобой, хочу забрать тебя в санчасть, - с улыбкой объявил он Комарову.
- Дело это не грязное, если оно в честных руках, - ответил Комаров, - оно мне жизнь спасло от голода, и я благодарю Бога, что Он это дело послал мне. Прежде всего, на него завистников нет и от людей не зависишь, да и за зону выход есть. А вспомните прошедшую зиму, сколько знатных унес голод и холод в могилу?
- Да-да, друг мой, и я согласен с тобою, что это не иначе, как Бог тебе послал. Ну, всему свое время, а теперь идем туда, где почище. Ты в медицине что-либо смыслишь? - спросил Горелик своего приятеля.

- Да, пожалуй, единственное: если человек простыл, то ему пятки надо мазать горчицей, - ответил ему Женя, и оба рассмеялись над таким заключением, радуясь тому, что они не среди замороженных мертвецов, какими всю зиму была завалена мертвецкая.
По настоянию врача Горелика, Женю Комарова приняли в санчасть медбратом, а оказавшись там, он, по его же настоянию, стал изучать латынь, надеясь на повышение. Ему очень понравилось это занятие, так как всеми силами души Женя хотел чем-либо помочь несчастным заключенным и делал это, не щадя себя, с неутомимой энергией. Женя изумлялся от души, как Бог давал ему необычайные способности и знания, богатейшую память, а вскоре осведомленность и удачу в составлении рецептов.
В очень короткое время: оказание первой помощи, самые сложные перевязки и определение диагноза болезней - стало для него не только обычным делом, но и увлекательным. Явный успех в его новой работе - в служении больным - казалось, был в его любезном, соболезнующем характере. Для врача он был незаменимым сотрудником, а скоро, даже и советником. Правда, Женя к тому времени много перечитал медицинской литературы, которая имелась в широком выборе.
Однажды, уже поздно вечером, в сопровождении двух бойцов ВОХРа, в тяжелом состоянии принесли в санчасть повара Нудного. При осмотре врачами определилось, что ему предстоит опасная и сложная операция. При виде его, у Комарова появились к нему такие чувства сострадания, что он принял все, зависящие от него меры, чтобы облегчить его муки. Операция длилась более трех часов, в течение которых Женя не отходил от хирургического стола, выполняя все требования врача.
Бледного, без сознания, больного перенесли в палату, и Женя почти не отходил от него.
Когда Нудный очнулся, Комаров любезно пожал ему руку и успокоил:
- Жив, дорогой! Ну и будешь жить, теперь поправляйся.
С нежностью и большим вниманием он ухаживал за ним: то переворачивая его, то поправляя подушки, пока тот заметно окреп и мог разговаривать. Всякий раз, наклоняясь над ним, Женя с любовью и участием спрашивал его о состоянии здоровья и ободрял.
Однажды, уже перед сном, Комаров с прежней лаской подошел к Нудному, чтобы пожелать ему спокойной ночи. Он не спал и, слегка приподнявшись на локтях, прилег на подушке повыше.
Женя увидел, как струйками из его глаз по лицу стекали слезы, и он, вытирая их, внимательно глядел в лицо Комарова.
- Что такое? Случилось что-то? - с беспокойством спросил он больного.
Нудный взял его руки и, пожимая, как только мог, прерывистым голосом произнес:
- Прости меня... Женя... за то, что я... натравил тогда на тебя собаку... ведь я мучаюсь до сих пор.
Комаров не знал, как ответить на эту необычайную исповедь, закоснелого в злодеяниях, человека. В сознании отчетливо пробежали слова Павла: "Не будь побежден злом, но побеждай зло добром" (Рим.12:21).
Вскоре повар Нудный после больницы был переведен куда-то в другое место. Женя не знал, как впоследствии сложилась судьба этого человека, но был твердо уверен, что жестокость, проявленная им, была последней в жизни Нудного. Несомненно, что этот грех был побежден и сломлен в нем до конца.
Так месяц за месяцем, шли и годы. Женя был счастлив, что среди тысяч смертей, Бог сохранил его, обогатил знаниями, опытностью и устойчивостью в характере христианина.
Однажды в санчасть с "материка" прибыл опытный врач - хирург. К своим обязанностям он приступал осторожно, с заключенными больными был официален, и видел в каждом из них, прежде всего, преступника, потому что был предупрежден особым отделом. Затем начал подбирать для работы соответствующий медперсонал, но так как выбор был ограничен, то ему, по рекомендации, пришлось принять к себе заключенного Комарова.
Женя с первых же дней произвел на хирурга очень хорошее впечатление, поэтому он заключил, что и среди преступников могут быть хорошие люди, только их надо изучить.
Вскоре хирург узнал, что Комаров - христианин, но это не изменило его предубеждения, хотя во всех поступках Жени, он не находил ничего искусственного или притворного. Что-то мешало довериться ему, и нужен был какой-то толчок. Однажды произошло одно событие, которое, коренным образом, изменило взгляды хирурга на людей вообще, и в частности, на Комарова.

В больницу привезли тяжелобольного, которому предстояло произвести очень сложную операцию, и он немедленно приступил к ней. Комаров, прислуживая ему, готовил хирургические инструменты и в ходе операции ловко, своевременно подавал их хирургу.
К концу операции врач, видимо от долгого напряжения, заметно нервничал. То и дело в кабинете слышалась краткая команда: "Пинцет... ланцет... тампон" - и т.д. В один из ответственных моментов ланцет оказался недостаточно острым, хирург, резко поднявшись над больным, осуждающе взглянул на Комарова и раздраженно, со всей силой, метнул ланцет на пол.
Женя вздрогнул, слегка издал какой-то шипящий звук, вроде: "Прошу прощения...", но немедленно подал врачу другой инструмент, застыв неподвижно на своем месте.
Операция вскоре была удачно закончена; хирург усталым, но довольным тоном, отдал последнее распоряжение:
- Слава Богу, удачно... можно наложить швы...
Намереваясь отойти от операционного стола, он машинально посмотрел под ноги, но остановился, взглянув на бледное лицо Комарова. Брошенный с силой ланцет, пробил тряпочный тапок Жени и, глубоко вонзившись в ногу, торчал, поблескивая никелированной рукояткой. Весь остаток операции Женя, преодолевая боль, оставался на своем посту, не подавая вида.
- Прости, парень... обработай спиртом... а следующий раз... - хирург, не договорив, махнул рукой и быстро скрылся у себя в кабинете.
Женя осторожно извлек острие из ноги, быстро сделал себе перевязку и, как ни в чем не бывало, отправил оперированного в палату.
Случай этот буквально потряс вольного хирурга. В его глазах, личность Комарова стала совсем другой; как будто какая-то пелена спала с его глаз, с предубеждением глядевших на заключенных.
- Ну, Женя, ты мне теперь доказал, что христианин не только честный, но и необыкновенный человек, - признался ему врач, зайдя к нему в тот же день. - Через тебя мне открылось, хотя и очень смутное, но правдивое представление о действительном Христе, чего я раньше не имел.
Впоследствии Комаров сделался для хирурга не только глубоко уважаемым, но близким, дорогим другом и братом.

* * *

Годы Отечественной войны 1941-1945 годы были тяжелыми не только на фронтах, но и за тысячи километров, особенно для арестантов-колымчан. Усилился режим содержания, а с ним возвратился и губительный его спутник - голод. Если до этого заключенные, живя в неохраняемых зонах, могли к своему голодному пайку добыть что-то на пропитание, то теперь, за колючей проволокой, они не могли этого сделать, поэтому умирали от страшного истощения.
В это время у Жени закончился срок заключения, но не кончились его скитания. Его вызвали в кабинет начальника лагеря:
- Ну что, Комаров, - обратился тот к нему - надоело уже, наверное, за проволокой торчать? Срок твой кончился, дальнейших предписаний нет, поэтому в зоне мы тебя держать не можем. Вот, распишись на этой бумажке, и поздравляю тебя с освобождением, - протянув руку, объявил ему начальник.
- Так что, теперь можно домой, к семье? - настороженно спросил его Женя.
- Нет, домой мы возвратить тебя не можем, собирай свои вещи и выходи, будешь жить теперь за зоной лагеря до особого распоряжения.
- Спасибо, начальник, за поздравление, но такое освобождение радости мне не принесло, потому что ваше "до особого распоряжения", как я понимаю, не что иное, как пожизненная высылка, - ответил Комаров начальнику лагеря и, расписавшись, вышел за дверь.
Холодной тоской сдавило грудь Жени. Ведь, когда ему дали пять лет, он еще чего-то ждал, а теперь, чего ждать?... Тем более, что, фактически, в его жизни ничего не переменилось. Также он продолжал работать в санчасти, находя единственное утешение, в уходе за больными. К его счастью, у него восстановилась переписка с женой, из нее он узнавал очень многое.

Лида, жена его, сильно тоскует о нем, а дочка растет, совсем не зная отца. От многих друзей нет никаких известий, в числе их Феофанов Н.Ф., Сапожников Ф.П. и другие. Молодые братья, взятые с их отцами, все отбывают свои сроки.
Яша Недостоев томится в Тайшете, переписывается с Наташей (как жених с невестой) и ждет, когда Бог позволит им соединиться для совместной жизни. Молодежь по-прежнему имеет постоянные общения, горячо молится, ожидая возвращения своих дорогих узников. Служители-старики, гонимые страхом, прячутся по домам и не показываются. Наташа постоянно помнит о нем и передает самый горячий привет.
Эти письма - единственное, что согревало его душу, вселяя надежду на светлое будущее. Однако летом, в июле 1942 года, суждено было произойти существенным переменам, которые изменили русло, течение однообразной, страдальческой жизни Комарова.
Женю вызвали в контору и объявили, что его перевозят в управление, в поселок Усть-Омчуг.

Глава 6.
Новые скитания Павла по Колыме.

"Но послал горе, и помилует по великой благости Своей"
Плач.3:32
Переселение с прииска в совхоз Мылгу, а потом - в Теньку, как могучими шлюзовыми воротами, отделило течение жизни Владыкина от всех ужасов пережитого. Путь в Теньку лежал через трехкратные перевалы, после которых, в какой-то мере, менялся и облик природы, и планировка изредка встречающихся поселков.
Долины речушек были шире, дороги - прямее, постройки - аккуратнее, тайга - гуще, даже народ казался Павлу добродушнее, ласковее. Поселок Усть-Омчуг - центр горного управления, уютно расположился на берегу реки Детрин, в тени могучих лиственниц, тополей и немногих других лиственных пород, на сухой мшистой невысокой террасе у подножия сопки, которая оканчивалась узким пологим отрогом, густо покрытым брусничным ковром и заманчивыми темно-зелеными кустами стланника-кедрача.
Стаи воробьев, кокетливые сойки и кедровики шумливо встречали несчастных приезжих при повороте от трассы в поселок. Немногие, по плану расположенные, постройки свидетельствовали о том, что основатели поселка были люди разумные, в меру культурные, не лишенные эстетического чувства. Управление, больница и несколько двухэтажных домов полукругом располагались на невысокой террасе живописной поймы реки Детрин, в устье ключа Омчуг.
Население едва превышало пятьсот человек, в числе которых было не более тридцати детей.
Сердце Владыкина как-то сразу прилепилось к этому уюту, но поселок не сразу оказал ему приют. Заведующий кадрами, немного старше Павла, любезно принял его, но и так же любезно поторопился усадить на автомашину, отъезжающую в самый отдаленный прииск "Пионер", сунув в руку сопроводительную бумажку.
Двое суток пробирался Владыкин в назначенное место: и автомашиной, и по бездорожью на тракторе; днем - изнывая от духоты, ночью - замерзая от холода. Наконец, сани остановились перед двумя брезентовыми палатками, при въезде к которым на фанере чем-то черным безграмотно было выведено: "приеск Пиянер". В одной из палаток все было забито инструментом, одеждой, мешками и ящиками с продуктами. В другой: с одного конца - канцелярские столы, на другом - сплошной дощатый настил, застланный тюфяками. Из разговора, с живущими здесь, Владыкин понял, что жизнь на этом прииске еще только начинается и, буквально - с колышков, а он был любезно причислен, действительно, к пионерам прииска "Пионер". Неожиданно для себя, в назначении он был рекомендован как нормировщик.
Павел в беседе с (исполняющим обязанности) начальником прииска, убедил его, что никакого понятия о его новом назначении не имеет и тот, хотя и неохотно, но вынужден был отпустить парня обратно, с тем же трактором. По возвращении в Усть-Омчуг, Владыкин взмолился перед улыбающимся начальником кадров, чтобы тот не посылал его вообще на прииск. После этого он был направлен в геологоразведочное управление, расположенное по трассе, на берегу реки Иганджи.
К удивлению Павла, его там приняли как своего: гостеприимно, радушно и немедленно отдали в распоряжение одного из начальников разведывательного района, расположенного в пяти километрах от Усть-Омчуга.
Совершенно иной мир открылся перед Павлом, когда он увидел себя в кругу образованных людей: и пожилых, и более молодых мужчин и женщин. Здесь были геологи, гидрогеологи, геофизики, географы, землеустроители - в

общем, все, относящиеся, к первопроходцам, чьей обязанностью было: делать первые шаги, (отвоевывая в безлюдном крае очаги для новой жизни. Очень любезно, породному приняли его на новом месте, поместили в уютной комнате вместе с заведующим складами и в тот же день познакомили со старым землеустроителем, с которым суждено ему было работать первое время.
Жизненные условия по сравнению с Мылгою, тем паче, с прииском, были несравненно лучше в том отношении, что окружающее общество состояло преимущественно из образованных, вольнонаемных людей, не искушенных в тюремных пошлостях, от которых Владыкин утомился, до отвращения. По роду занятий он был связан с длительными многодневными переходами по тайге. Таежные тропы, по которым ему приходилось передвигаться от одного участка к другому, проходили по самой разнообразной местности: то, пересекая горные студеные речки, извивались между раскидистыми кустами ивняка и стланика, то прятались в болотистых зарослях, в чащобе карликовой березки или прямолинейной полоской рассекали высокие террасы, покрытые густым ковром ягеля и оленьего мха. Проходя ими, Павел испытывал особое наслаждение, оставаясь наедине с собою, погружаясь в созерцание не запретных прелестей северного края. Когда же тропа круто поднималась из долины и, рассыпаясь веером, терялась на вершинах сопок, вместе с нею и сознание направлялось к чему-то возвышенному, чистому, великому. Грудь распирало от невольных вздохов, от величественной панорамы, открывающейся перед его пытливым взором. Павлу всегда хотелось вскрикнуть, вздохнув полной грудью чистый, горный воздух: "Как прекрасен мир, сотворенный Богом!"
В этих случаях Павел любил подолгу просиживать на вершине горы, совершенно безмолвно. Он познал тогда, что это единственное место, где он обязан (да и хотелось ему) только слушать и слушать, что Бог говорил ему через внутренний голос. Из таких походов он возвращался всегда восторженным, тихим, покоренным.

* * *

В один из солнечных тихих дней начальник разведки, возвратившись поспешно из Усть-Омчуга, распорядился собрать на площади перед конторой все население и, поднявшись на крыльцо, объявил:
- Товарищи! Нашу страну, наш народ, а значит наших отцов, матерей, жен и детей постигло тяжелое испытание. Сейчас по радио в управление передано, что немецкие полчища без объявления войны накинулись на наши города, имеются огромные жертвы. Поэтому нам надо подготовиться, так как нас будут ожидать великие трудности. От нас потребуется удвоенная, утроенная энергия в изыскании новых эффективных ресурсов, особенно олова, золота и прочих драгоценных металлов. Все отпуска и увольнения на "материк" временно прекращаются. Всякое снабжение берется под строгий контроль.
После сказанных коротких слов, головы слушающих невольно опустились, так как почти у всех на материке остались семьи. Тревогою охватило сердца колымчан и за свою судьбу, ведь они отрезаны очень большим расстоянием от страны. При передаче последних известий замирала вся жизнь в поселке, и все впивались в каждое слово, произнесенное диктором по радио. Невольно вскрикивали те, для которых упоминаемые, охваченные войной, населенные пункты, были родными.
В жизни Владыкина изменилось то, что в самый разгар зимы, разведрайон переселился далеко в глубину тайги, к более перспективным участкам, где жизнь людей была совершенно оторвана от внешнего мира. Зима 1941-1942 годов была особенно лютой. Разведрайон переселился в долину реки Бахапча и расположился на месте, ранее построенного, якутского поселения - поселка Бахапчи, состоящего из трех якутских юрт. Здесь были выстроены жилые и служебные помещения: склады, радиостанция, конюшни.
Владыкин изредка посещал свою контору, а в основном жил и работал еще дальше в горах, на ключе, в бараке. Заключенные и "директивники" жили вместе, с тем лишь различием, что одни питались по аттестату, другие - по списку, с последующим удержанием из зарплаты.
Мяунджа - это самое отдаленное место в разведрайоне, расположенное в узкой мрачной долине, но оно оказалось богато колоссальными запасами оловянной руды, там были сосредоточены основные силы по определению запасов и велась интенсивная подготовка к эксплуатации. Барак, в котором поместился Владыкин, был расположен на бойком таежном тракте, по которому с 1932 года по день открытия автотрассы, в течение шести-семи лет, прошли многолюдные этапы арестантов на рудник Бутыгичаг, Ваканка и на самый отдаленный прииск Ветреный. Следы этих этапов размыты дождями и паводками и заросли буйной зеленью.

По словам старых таежников, вся дорога от Атки через Малтан, Ударный, Мяунджу, Холоткан, Солнечное озеро, Армань и Бахапчу до Бутычага отмечена людскими могилами, а кое-где почерневшими затесками на деревьях (свидетельствующими о том, что здесь находится тело усопшего страдальца).
Учитывая все это, Владыкин, проходя этими тропами теперь, спустя несколько лет, с благоговением останавливался над каждым, позеленевшим от плесени, ботинком, осколком бутылки или заржавевшей консервной банкой, перед затеской на дереве с предположением: "А, может быть, это принадлежало кому-то из моих братьев?"
Особенно Павел восхищался розовой гладью Солнечного озера, пройдя в летнюю пору десятки километров по топким мхам или галечнику, опускаясь, в часы вечернего заката, на берегу для отдыха. В одном из таких походов он оказался один, и ночлег застал его на берегу озера. Робко, с котомкой за спиной, он подошел к избушке, дерновая крыша которой пестрела ромашкой и голубенькими колокольчиками. Выдернув тычинку из пробойчика, Павел зашел внутрь.
Прокуренная до половины копотью, избушка встретила его запахом свеже-накошенного сена. На столе лежали (аккуратно сложенные) сумочка сухарей, банка крупы и такая же банка соли. На стене висела, наполовину залитая маслом, коптилка. В углу, на нарах, были сложены мелко нарезанные дровишки и рядом с ними - пук бересты с огнивом.
Павел был от глубины души обрадован такой простой заботой таежников, какую обязан был проявлять каждый ночлежник, покидая избушку, имея в виду дождливую погоду, а зимой - бураны.
Владыкин из таких запасов ничего не тронул. Только наспех разжег печурку и поставил на нее общественный и прокопченный чайник с водой. Сам же долго в тишине любовался жизнью, кишащей под водой и на поверхности озера. Отражая солнечные лучи почти круглые сутки, оно, по достоинству, было названо Солнечным.
Утром, покидая избушку, он рассмотрел, что все стены были испещрены надписями. Читая некоторые из них, он обратил внимание на аккуратно выведенную карандашом надпись, близко над столом: "Предай Господу путь твой и уповай на Него, и Он совершит. - Ж. Комаров". Сердце Павла затрепетало от волнения. Несколько раз, усердно всматриваясь в каждую букву, он прочитал это родное место из Библии.
- Кто это? Где он? Может быть, уже давно лежит мертвым под одной из затесок на дереве? Во всяком случае - это христианин, и он проходил этим путем.
Этот случай оставался памятным, дорогим. Где бы Владыкин не блуждал, по каким бы тропам не ступала его нога среди обрывистых скал или болотной топи, или если терялся среди непроходимых таежных зарослей - живым утешением была для него надпись на стене: "Предай Господу путь твой ...и Он совершит".
В середине лета Павел, под горой Маячной, соорудил аккуратную землянку, с расчетом на трех человек, и занят был контролем шурфовочных работ, и землемерной съемкой разведочных линий. Раз в месяц к ним приходил вьючный транспорт, доставлял продукты для всех рабочих, новости, распоряжения от начальника разведрайона. Однообразная жизнь наскучила Павлу до предела, тем более, что он всю прошедшую зиму провел в работе. Уж не до родного дома, а хоть бы как-то выбраться в Усть-Омчуг, и то - это считалось для Владыкина и его товарищей большим счастьем. Люди дичали, порой приходили в отчаяние, а с ними и Павел. Уже пять лет у Павла была потеряна всякая связь с родными. Он был уверен в том, что родителей нет в живых, а остальная родня рассеяна по стране. На все письма и запросы еще в 1937 году, он не получил никакого ответа.
В конце лета с транспортом пришел неизвестный человек и, обратившись к Павлу, спросил его:
- Вы Павел Петрович Владыкин? - и получив подтверждение, подал конверт. В нем значилось, что Бубликов Александр Лазаревич назначается начальником партии по Бахапчинскому разведрайону. Владыкин Павел Петрович передается в его распоряжение с новым назначением: техник второго разряда.
Павел был рад разделить таежные, гнетущие будни с новым человеком. Бубликов оканчивал когда-то Межевой институт в одном из городов России, долго работал по землеустройству на материке, а теперь, в самом начале войны, был откомандирован на освоение края. На материке осталась жена и двое детей. Владыкину он показался очень простым, хорошо знающим свое дело.
Первые полмесяца у них прошли в увлекательных рассказах: один из них все подробно изложил о жизни в России и начале войны, другой - о всей жизни на Колыме, не скрывая и пережитых ужасов. Работа шла согласованно, тем более, что у Павла пробудилось сильное влечение к техническим знаниям. С очередным транспортом Бубликову пришла целая пачка писем с фотографиями, и Павел с нескрываемой завистью

наблюдал, как его коллега наслаждался их чтением. Владыкин очень внимательно всматривался в незнакомые лица детей и жены товарища, невольно, переносясь мысленно к своим домашним. "Ну уж, если мамы с бабушкой нет, то братишка и сестренки, где-нибудь да есть. Да, где их разыщешь?!" - заканчивал он свои размышления.
- Павел, - обратился к нему Бубликов, - почему ты живешь дикарем, бобылем? Неужели у тебя на материке нет ни души, с кем бы ты мог переписываться?
- Да, может быть, и есть кто-нибудь, но матери уже с 1937 года нет в живых, ребята разбрелись, а других адресов никаких не помню, ведь уже прошло семь с лишним лет.
При этом он подробно рассказал о своих последних связях до 1937 года.
- Да ты брось, пожалуйста, до чего ты опустился, мне и то жалко смотреть на тебя, А ну-ка, вспоминай какой-нибудь адрес да пиши сейчас же телеграмму, с этим же транспортом и отправим, - настаивал Бубликов.
Владыкин напряг все усилия и смутно вспомнил адрес тети, затем нехотя, с улыбкой недоверия, написал: "Тетя Поля прошу сообщить жив ли кто из ребят где живут Владыкин".
С недоверием, но чтобы коллега не стыдил его, Павел передал записку с транспортом, повторяя в душе: "Все равно бесполезно, кому я нужен?" - и, не имея уверенности, вскоре забыл о телеграмме.
Совместная жизнь Владыкина с Бубликовым протекала во взаимном уважении и доверии, они просто полюбили друг друга. Это во многом повлияло на дальнейшую судьбу и репутацию Владыкина перед производственным начальством. Коллега заметил у Павла незаурядные способности в познании новой профессии и особенно в черчении, отмечая это перед начальником разведки и в управлении.
Владыкин со все возрастающим успехом стал производить вычислительные и чертежные работы. Это не замедлило отразиться на его должностном повышении.
Однажды, самостоятельно производя работы высоко на террасе, над землянкой, он увидел появление транспорта. Жажда к новостям побуждала его спуститься вниз. Но увлечение новой работой превозмогло.
- Павел!!! - услышал он через некоторое время снизу, - танцуй! Тебе телеграмма, - махая рукой, позвал его Бубликов.
- Откуда там телеграмма, от брянского медведя, что ли? Опять Лазаревич трунит надо мною, - пробурчал Павел и отошел к прибору.
- Ты что, не веришь, что ли? - размахивая бумажкой, манил его вновь коллега.
Владыкин загорелся любопытством и вмиг спустился вниз. На развернутом бланке он прежде всего заметил штамп родного города, затем подпись - тетя Поля. И только после этого впился в содержание: "Все живы здоровы живут старом месте Поясни кто Владыкин".
- Ничего не понимаю, - недоумевающе развел он руками после прочитанного, - ну, хорошо, конечно, что хоть тетя живет на старом месте, но почему она не сообщила о домашних ничего? - глядя на Лазаревича, проговорил Павел вслух. - Ведь не может же быть, что "все живы и здоровы" относится к домашним? Почти шесть лет, как я считаю мать и бабушку умершими, потому что от них не было никакого слуху, а тут - живы, здоровы. Это или путаница, или меня искусно разыграли, - продолжал он. Но все же решил оставить работу и, сев за стол, быстро написал:
"Телеграмму я получил, спасибо тетя Поля, но я ничего не понял из нее: кто живы, здоровы? Ведь в 1937 году я получил письмо от матери, она умирала, и писали за нее другие. Может, вы все живы, здоровы - это хорошо, я рад этому, но что с ребятами? Где они? Может быть, они нашлись? Прошу пояснить подробнее. Если ребята живы, то вот я высылаю им 700 рублей денег. Получение уведомите. Еще в телеграмме спрашиваешь - кто Владыкин? Да, кто же еще может быть? Конечно, я, Павел. Если можно, прошу пояснить. Павел Владыкин".
Запечатав письмо в конверт, он отсчитал 700 рублей денег и отдал все это, с просьбой: отправить по адресу. Потом, отойдя к Лазаревичу, проговорил:
- Не пойму, в чем дело?...
- Не поймешь? ...А я тебе объясню, что могло быть. Вот я плыл сюда и слышал в народе разговор, что бывает на корабле такая беда приспичит, не один тюк с письмами за бортом окажется. Так могло и быть. Мать писала, может быть, не одно письмо, да оно плавает где-то в море, а ты к тому же, покапризничал немного, вот вы и разошлись. Такое же могло и с твоими письмами случиться. Теперь вот и ты, человек как человек - своих имеешь на материке, да скажи спасибо, что тебя "дубиной" заставили писать.

* * *

Очень скоро наслаждение природой кончилось, и сентябрьские паводки известили о конце лета и тепла. Лазаревич около двух недель пробыл в Усть-Омчуге с отчетом и на техническом совете. Павел с нетерпением ожидал его со всякими новостями, а особенно из дому. Набил и наловил дичи, наготовил сухих дров и с отличием выполнил задание. Но коллега возвратился с тревогой. Из последних сообщений было известно, что немец подошел к Сталинграду, где жила семья Бубликова. Письма от семьи он получил, полные тревог. Пытался упросить начальство о зачислении его добровольцем на Сталинградский фронт, но всем добровольцам было объявлено, что никакого выезда не будет, все кадры забронированы до конца войны, пожертвования приняты, а некоторых людей даже вернули с дороги. Не привез он весточки и Павлу. Так они, отягченные грустными думами, долго сидели и глядели, как в печке, весело потрескивая, горели дрова.
- Ну, ничего, Павел, есть и радостное, - вздохнув, прервал молчание Лазаревич. - В течение месяца сворачиваем всю работу, и по первому снежку перебираемся прямо в Усть-Омчуг, так что новый 1943 год будем праздновать не здесь, в землянке или в Бахапче, а в городе. Начальство в управлении зачислило нас обоих в свои штаты, понравился ты им и особенно твоя работа.
Для Владыкина это было не меньшей радостью, чем, если бы дали выезд на материк. Ведь это было давнейшей его мечтой - попасть в отдел управления и повышать свои знания в кругу ученых и крупных специалистов, а там, может, встретить кого из "своих", так как духовно он остыл совершенно. Как тина, засасывал его греховный быт среди окружающих обездоленных, безнадежно погибших, людей. С тревогой он заключил: если Господь не пошлет ему помощь извне, то последние искорки веры, страха Божьего и сокрушения о своем духовном убожестве погаснут, а с ними - все его будущее.
В начале октября сильные заморозки сковали землю, а первые, нерешительные снегопады устлали отшельникам дорожку белой скатертью. Погрузив вещи на розвальни в обоз, они на самодельных лыжах покидали Мянджу, а с нею и землянку. Путь лежал через Солнечное озеро, куда Владыкин, как в свою родную избушку, привел коллегу. Тонким слоем льда уже сковало озерную гладь. Лишь со стороны сторожки, хрусталем сверкали ледяные осколки от прорубей, свидетельствуя о том, что кто-то до них успел полакомиться сладкой красноперой мальвой. Натопленная сторожка и, не заметенные снегом, следы говорили о том, что гости покинули ее не раньше, как сегодня утром.
Подходя, Павел с благоговением повторил слова, прочитанные здесь: "Предай Господу путь твой, и уповай на Него, и Он совершит. - Ж. Комаров". Войдя и зажегши коптилку, он поспешил, нагнувшись над столом, прочитать дорогую надпись, но увы, какая-то дерзкая рука выскоблила ее. Огонек ревности вспыхнул в его сердце, он нащупал огрызок карандаша в кармане и, воспроизводя в памяти выскобленное, ярким, чертежным почерком восстановил надпись: "Предай Господу путь твой, и уповай на Него, и Он совершит. - Ж. Комаров". Набросав дровишек в печурку, они с приятным чувством осматривали сторожку. На окне, к великой своей радости, обнаружили более половины котелка сваренной ухи - это было для них праздником. Когда запоздалый обоз подъехал к сторожке, наши друзья уже беззаботно спали, растянувшись на сене.
На рассвете путники тронулись в дальний путь, пополнив по традиции, все жизненные средства в сторожке. Покидая ее, Павел с вдохновением прочитал еще раз: "Предай Господу путь твой, и уповай на Него, и Он совершит. - Ж. Комаров". "О, сколько усилий, излишних забот и средств тратит человек, не желающий предать свой путь Господу и, в результате, гибнет, блуждая по ложным тропинкам", - с облегченным сердцем думал Павел, закрывая дверь сторожки.
- Господи! Помоги мне найти, заметенный жизненной бурей, потерянный Твой след, - воскликнул он и, опершись на палки, скользнул на лыжах за обозом.

* * *

В Усть-Омчуге приняли их очень радушно, разместили в рубленом бараке с товарищами по отделу. Добродушно пожимая руку, познакомился с Владыкиным и начальник отдела Николай Сергеевич, когда они явились в управление - и тут же, указав на стол для занятий, снабдил Павла всем необходимым для работы.
Отдел был полностью укомплектован мужчинами и женщинами, которые, как Павлу казалось, были погружены в свои занятия, они как будто и не заметили пришедшего пополнения; но, знакомясь с обстановкой, он заметил, что их тщательно изучают новые коллеги. Некоторые из мужчин, с которыми Павел встречался в разведрайоне

или полевых партиях, подошли и любезно поздравили его с новым назначением. Все это было для него совершенно ново, так радовало душу, что он, наконец, после долгих и тяжких мытарств попал "в люди". Смутно ему вспоминались краткие дни, проведенные семь лет назад на Дальнем Востоке, в Облучье, но там были люди совершенно другие, лагерники.
Здесь же, он был очень доволен, что попал в это ученое общество. Одни - любезно знакомили его с новыми приемами работ, другие - охотно, с уважением исправляли ошибки, третьи - ободряли перед предстоящими трудностями, подчеркивая способности Павла. С первых же дней он почувствовал себя неотъемлемой частью веселой семьи. В перерывах, когда начальство уходило "наверх", все общество принималось любовно подтрунивать над стыдливыми холостяками, или все замирали, слушая, душу захватывающие, таежные эпизоды загорелых полевиков. Часто в такие разговоры невольно втягивалось и начальство, подчеркивая, что и они чем-то богаты. Или всем обществом обрушивались на, закутившего от неудачи, женопоклонника.
Бывали случаи, когда приходили коллеги и из других отделов, и понурив головы слушали печальные новости, постигшие того или иного сотрудника, утратившего близких и родных на фронтах войны. Особенно приятно было видеть, как кто-либо из сотрудников делился дорогими гостинцами: или полученными с материка, что было значительно реже, или дарами тайги - в виде копченых или вяленых хариузов, форели или белорыбицы. Снабжение было строго лимитировано, и холостяки-одиночки жили, почти впроголодь.
Как-то, перед новым 1943 годом, в отдел "сверху" (начальник управления с заместителями находились на верхнем этаже) Николай Сергеевич привел нового сотрудника. Это был мужчина, в одних годах с Владыкиным. Его изможденное лицо и выцветшая арестантская куртка говорили о том, что он не совсем здоров и только что вышел из лагерной зоны. Но кроткое выражение глаз и бархатный приятный баритон, каким он непринужденно владел, невольно располагали к себе, даже при первом соприкосновении с ним. Со всеми он был в меру любезен, прост в обращении, ненавязчив. Как и всем, ему тоже было отведено соответствующее место и выдано надлежащее пособие для работы.
При ознакомлении с материалами и в беседе с Николаем Сергеевичем, по некоторым вопросам он дал свою оценку и замечания, что начальником было охотно принято.
Из этого Владыкин и сотрудники заключили, что новичок - мастер своего дела, и это подтвердилось в этот же день. Знакомиться с ним пока никто не решался, а он не спешил объявить себя. Только Николай Сергеевич в обращении с ним, назвал его Евгений Михайлович. Из-за тесноты в отделе, Владыкин и некоторые из сотрудников были помещены для работы по месту жительства. Ввиду этого, знакомство с новичком отодвинулось на какое-то время. Но однажды, зайдя в отдел, Павел попал к раздаче писем с материка. В числе первых, он с жадностью набросился на кучу, сложенной на столе, корреспонденции, но увы: перебросав все, он ничего не нашел в свой адрес. Потрясенный разочарованием, Владыкин подошел к Лазаревичу и с огорчением высказал ему:
- Я же говорил вам, что это была очередная шутка, распространенная здесь, никаких родных, никаких телеграмм... - все это какой-то весельчак умело подделал, а теперь наслаждается страданием моей встревоженной души... Изверги и больше никто...
- Да подожди ты, проклинать всех направо и налево - ведь это же не из Москвы в Ленинград, а в Магадан, да еще в наше захолустье, - уговаривал его Лазаревич, - письма неделями лежат в ожидании парохода, потом океан, сортировки - туды да сюды... не торопись, получишь! Ишь, как загорелся!
- Да, что загорелся... конечно, загорелся, но ждать-то чего? Ведь уже почти полгода...
- Ну, как хочешь! - махнув рукой ответил ему Лазаревич, - тут своего горя не обдумаешь; живи, как знаешь.
Получив задание, Владыкин подошел к двери, намереваясь возвратиться в общежитие. В это время дверь отворилась, и с маленькой стопкой запоздалых писем вошла сотрудница.
- Комаров Евгений Михайлович! - огласила она во всеуслышание. От окна, быстро поднявшись, торопливо подошел новичок и, приняв пачку писем, с радостью отблагодарил улыбающуюся женщину.
- С самого Бутыгичаги ходят за вами, смотрите накопилось сколько, хоть бы поделились с обиженными, - смеясь, указала она на Владыкина.
Павел, услышав фамилию - Комаров, без труда вспомнил Солнечное озеро и надпись на стене - Комаров Ж. В это время новичок взглянул непроизвольно на Павла и тут же погрузился в чтение писем.
"Неужели это он?" - думал Павел, выходя на улицу.

Возвратясь в комнату, он был глубоко взволнован по двум причинам: прежде всего потому, что до сих пор не получил из дому никакой весточки. Во-вторых, новичок был не кто иной, как тот самый Женя Комаров, который сделал в сторожке надпись: "Предай Господу путь твой, и уповай на Него, и Он совершит".
Все это так растревожило, утомленное от бурных переживаний, сердце Владыкина, что как он ни старался, но работать не мог. Радостные мысли о Комарове, с одной стороны, и обида на отсутствие писем, с другой, затуманили его сознание, и он не заметил, как за окном раздался гудок на обед. Похрустывая снегом, сотрудники пробежали на обед.
- Владыкин! Тебе письмо лежит в отделе, - проходя по коридору, постучал ему в дверь Лазаревич.
- Если письмо мне, так почему же вы не захватили его, - открыв дверь, с недоверием возразил Павел.
- Опять не веришь, - уже раздраженно ответил ему коллега. - Ну, так понимаешь ты или нет? На штампе стоит город Н. а в обратном адресе Владыкина Лукерья - это что, брянский медведь, что ли? А не взял я потому, чтобы ты сам сбегал.
Услышав это, Павел впопыхах набросил на себя одежду и, не помня себя от волнения, выбежал в управление. Но одна из сотрудниц, зная переживания Владыкина, захватила его письмо и, еще у дверей общежития, торжественно вручила Павлу.
- На, Фома неверующий!
При первом взгляде на конверт, руки Павла затряслись так, что едва удержали письмо. Материнским почерком, карандашом было написано: "Павлу Петровичу Владыкину". Нахлынувшее чувство потрясло сына-отшельника и бросило на подушку. Ободрившись после первого рыдания, Павел, открыв конверт, прочитал: "Сыночек мой, прасти меня... Как получили ат тибя письмо не перестаю плакать. В слезах вся прибегла и Полюшка, вся трясетца...
Лушь! Пасматри, никак Панька-то прапаций нашелся. Только он ли? Может Петя?... Вот и деньги-то 700 рублей прислал. Я как увидела все это, так до сих пор все из рук валитца... Саапщитыли эта или отец. Ребята все живы, рады, рады не знаю как... Илюшка да девки-то все рвутца, мамк дай адрес напишем, а я гаварю пагадитя егазитца-та еще не знаем сами кто, можеть и об отце обманули, что умер. А бабка как услыхала, так волосы на себе рветь. Неужели жив?... Как все равно с ума сошла, плачеть и плачеть, да и мы-та все слезами извелись. Сыночек, ты уж прасти миня, за глупость. Если эта ты, то пришли приметы тваи на голове. Храни тибя Господь. Мать".
Владыкин, ободрившись от приступа радости, тут же написал матери ответ. В письме он вразумлял ее, что это сын Павел, что про отца он ничего не знает. "Да и посуди сама, мама, - написал он, - кому ты нужна, старуха, чтобы тебе выслал кто-то семьсот рублей денег". Да и приметы, какие были с детства, описал и тут же выслал еще тысячу рублей. В заключении дописал: "Поцелуйте и утешьте бабушку, пусть молится и ждет".
К удивлению Павла, с последним пароходом пришел ответ:
"Сыночек ты мой милай, нинагляднай ты мой... Сердце мое выпрыгиваеть из грудей... Данеушто жив, ты, гаремышнай мой... Как глупенька бегаю по соседям с письмом-та тваим... Все диву даютця, услышав пра тибя... Верущи-та все зашивилились... Все мы с нитирпеньем ждем тибя. А рибяты целай пакет тебе шлють... Бабку-та в Пачинки увезли, больна, голат у нас... Как услыхала про тибя, так ат иконы-та не отходеть, знать на ты-щи поклонав бьеть Иверской Божьей матери да Николаю угоднику. Сыночек, все мы ожили, хоть головы-га подняли. А втаро-го-та про каво думали, про отца. Хоть и сапщили мине, что умер, а сердце-та все ждет. Господь с табой... ждем. Мать".
Так после шести лет у Владыкина, к общему ликованию, восстановилась переписка с родными. С Лушиным письмом Павел получил целый пакет и от ребят. Старшая сестренка в первом же письме описала все подробно, а с письмом выслали и фотокарточки.

Глава 7.
Знакомство Комарова с Владыкиным.

"Друг любит во всякое время и, как брат, явится во время несчастия".
Прит.17:17
Отдел, куда по прибытии поместили Комарова, состоял преимущественно из пожилых изыскателей, у которых кроме официального образования имелся еще большой опыт жизни, проведенной в суровых таежных условиях.

Эти условия тесно сплотили их в какую-то своеобразную, большую семью, в которой человек к человеку был ближе, отзывчивее, жертвуя друг для друга всем, а нередко - и самим собой. Женщин в поселке было очень мало, и все они в основном работали в отделе изыскания вместе с мужьями. В быту, большинство из них, охотно уделяли внимание хозяйственным проблемам одиноких мужчин, получая в награду почтение и часто любезное вознаграждение из даров тайги.
Комаров был поражен, увидев здесь после ужасов пережитого такое общество, какое он встретил, пожалуй, впервые. Его душа, изголодавшаяся по добрым человеческим отношениям, растворилась в коллективе, отвечая взаимностью на малейшую к нему любезность.
За короткое время он стал близким для всех. Высокое мастерство чертежника подняло его на голову выше своих сотрудников, а кроткий характер еще больше расположил всех к нему, как к человеку. Одна только личность осталась для него неразгаданной - это был молодой человек, скромно одетый в вольное. Сидел он через несколько столов впереди и занят был математическими вычислениями, и оформлением проектов.
Незнакомец, несомненно, был частью этого общества, уважаем им, в меру любезен, но не растворялся в нем. Некоторое время Женя присматривался и наблюдал за ним. Строгий его профиль привлекал внимание Комарова и почему-то вызывал расположение. Стройная высокая фигура могла бы позволить Жене думать о нем, что тяжесть жизни еще не касалась его плеч, но глубоко врезанные морщины на лице говорили о том, что над каждой из них немало поработал Великий Ваятель. В разговоре он был скромен, в обращении очень прост, но тактичен, во всем чувствовалось присутствие огонька, хорошо владел собой. В обеденный перерыв он постоянно уходил за поселок, на берег речки.
После того, как Евгений Михайлович все осмотрел, со всеми познакомился и определил свои отношения с каждым, он решил в обеденный перерыв познакомиться с молодым человеком, который привлек его внимание.
- Извините меня, пожалуйста, - начал Комаров, подойдя к нему у речки, - только с вами мы остались не знакомы. А я к этому имею очень большое желание. Меня зовут Евгений Михайлович, да можно просто - Женя. Фамилия моя Комаров, из Ташкента я, баптист. Скажите мне, пожалуйста, а вы случайно не из верующих, и не знакома ли вам фамилия Тимошенко? Вот имя и отчество я забыл...
- Я напомню вам, - выручил юноша, - Михаил Данилович! Знакома, брат Женя, не только фамилия, но и жизнь его отчасти, и кончина его отца Даниила Мартыновича - это служители братства баптистов. Я, тоже христианин, баптист. Зовут меня Павел Владыкин. Приветствую вас, брат!
И они оба упали друг другу в объятия.
- Евгений Михайлович! Я... - начал Владыкин.
- Ну-ну, да ты что? Павел! Брат ты мой! - обнимая его, возразил Комаров, когда они объяснились в обеденный перерыв на берегу речки. - Да, какой же я тебе Евгений Михайлович? Впредь, пока мы живы на этой земле, я тебе просто Женя и, уже в крайнем случае - Евгений.
- Ну, ладно, я очень рад и благодарю тебя... Как хорошо, что ты подошел, а я как раз думал: "Как же подойти к нему?" Да ты понимаешь, как это нужно?!
- И важно, - подтвердил Женя.
- Да-да. А как это радостно!
- И чудно, - опять добавил он.
Так несколько раз они, перебивая и дополняя друг друга, торжественно обменивались любезностями.
- Ну, давай-ка, хоть спокойно познакомимся друг с другом, -спохватился Владыкин. - Так ты откуда, говоришь, сам?
- Из Ташкента, вот уже пять лет.
- Так вот, - продолжал Павел, - ведь я уже загорелся тобой давно, с Солнечного озера, знаешь такое?
- Ну, еще бы не знать... А-а-а! Ты, наверное, увидел там...
- Не просто увидел, Женя, а был потрясен. Ведь этот стих: "Предай Господу путь твой, и уповай на Него, и Он совершит", как ангел-хранитель утешал меня и двигал по моим тропинкам в минуты отчаяния. Спустя долгое время, его кто-то соскоблил, так я чертежным почерком восстановил его, подумав: "Пусть кто-нибудь еще осчастливлен будет этим напоминанием". Ну, а теперь расскажи коротенько, как и когда ты оказался там, на озере?

- Ох, Павел, Павел - это целая история, какую я бы назвал: "Путь мой лежал долиной смертной тени". Солнечное озеро - это чуть ли не единственное, светлое звено из всей цепи.
Здесь Женя на минуту остановился, вздохнул и неторопливо изложил весь свой этапный путь от Атки до Бутыгичага. По мере того, как он в рассказе упоминал долины ключей и речек; Малтан, Ударный, Мяунджа, Армань, Холодкан, Бохапча и другие - взгляд Владыкина становился все серьезнее, а голова опускалась все ниже и ниже.
- Вы что-то, молодые люди, я вижу, заговорились! - остановил их, подходя, начальник отдела Николай Сергеевич. - Обед ведь давно кончился, - с улыбкой обняв обоих, сообщил он.
- Простите, Николай Сергеевич, задержались. Обед-то, может быть, и кончился, а жизнь-то наша только начинается. Ведь мы не люди вот с ним, - кивнул Владыкин на Женю, отвечая начальнику, - а несколько раз - смертники. Мы ведь из могилы прибыли сюда к вам, причем - каждый из своей, а здесь вот встретились.
- Так вы что, братья, что ли? - спросил их Николай Сергеевич, внимательно сличая их лица.
- Да, братья, да еще какие, - ответил Женя, подходя уже к двери отдела.
После работы они вместе наспех поужинали и до глубокой ночи просидели на берегу Детрина, пока не замерзли, рассказывая друг другу о пройденных путях.
- Павел! - поднявшись на ноги по окончании беседы, обратился Женя к своему собеседнику, - я хочу тебе в заключение объявить два признания: во-первых, я первый раз в жизни встретился с тобой, но именно такой образ искал в людях, чтобы найденного от души назвать другом. Теперь же я могу, наконец, тебя обнять и назвать так?
- Да! - ответил Павел. Они крепко обнялись и поцеловали друг друга.
- Во-вторых, так, как пять лет назад, свободно, с чистой совестью называл христиан братьями и сестрами, сегодня назвать тебя или кого-то другого этим именем не могу. Палящий зной пережитых ужасов иссушил мой источник и, в лучшем случае, там остался скудный, заиленный родничок, - закончил Женя, испытывающе глядя в глаза своему другу.
- Женя! - обратился к нему Павел, - пусть постыдятся назвать нас с тобой братьями ташкентские, киевские, ленинградские, московские христиане, может, мы во многом не достойны их и не похожи на них, но зато с открытой душой назову тебя братом и другом - я и подобные нам в этой печи, так как мы равно достойны друг друга. А насчет источника - я верю, что Тот, Кто оказался другом самарянке, расчистит тину и в наших родниках. И верь, что из них еще потекут реки воды живой, а тогда обнимут нас, как родных, и ташкентские и другие.
Женя, я хочу запомнить это место в пойме Детрина и, когда Господь оживит нас, сделать его, как Авраам - жертвенником для молитв.
- Павел! - добавил Комаров, - а я хочу сейчас преклонить колени на этом месте и сказать всего несколько слов, что мы, несомненно, можем сделать перед Господом: Боже, будь милостив ко мне, грешнику! Аминь! (Лук.18:13).
- Аминь! - закончили они вместе.

* * *

Работая в отделе, Комаров очень скоро приобрел к себе всеобщее расположение мягкостью своего характера и высоким мастерством в отделке карт. Будучи осведомленным во многих жизненных вопросах, он был и замечательным собеседником как для молодых так и для пожилых мужчин и женщин.
С каждым разом и Владыкин располагался к нему все больше и больше. Однажды Женя увидел, как из клуба, по окончании демонстрации кинофильма, с толпой сотрудников вышел и Павел. Встретив его, Комаров спросил:
- Ты что, разве позволяешь себе развлечения подобного рода?
- Изредка, да. Сегодня шел фильм, очень близкий к библейскому сюжету, даже имена, персонажи и изречения были библейского содержания. Я жду твоего мнения, брат Женя. Что, если бы у нас демонстрировались христианские фильмы? Я думаю, что нравственность у молодежи не была бы на таком низком уровне, да и наша, христианская молодежь, нагляднее представляла бы себе эпоху библейских и евангельских времен.
А вот у православных и католиков, смотри, как картинно обставлено богослужение и богослужебные помещения. Прихожанин, в каком бы он ни был настроении, невольно, войдя в храм, поддается влиянию всей религиозной атмосферы, забывая мирскую суету. Может быть, и нам следовало бы быть более

примирительными к кино? Ведь в домах наших, мы тоже с удовольствием вешаем картины евангельского сюжета и с изображением самого Христа Спасителя.
- Павел! - начал Комаров, отвечая другу, - на первый взгляд, оно получается, вроде и так. Как бы было хорошо и наглядно - представить себе учеников Спасителя, Его Самого, творящего чудеса, молящегося в Гефсимании, умирающего на кресте и т.д. Но скажи мне, прежде всего, сделало ли это все, католика и православного, новой тварью? Ведь он и остался не более как, в лучшем случае, благочестивым прихожанином. Распятие Христа переселилось ли у кого из них со стены в сердце? Я уверен, что идея изображения Бога в трех лицах и библейских сюжетов, возникшая в уме отцов католической и православной церквей, была самой доброй и направлена к тому, чтобы помочь прихожанину через эти изображения, нагляднее представить себе Библию и Самого Бога.
Но это закрыло путь для человека к внутреннему, духовному Богосозерцанию, которое открывается человеку Духом Святым, через веру. Ты ведь сам убедился, что такое глубоко религиозный человек без Духа Святого в сердце, но обставленный библейскими изображениями; и наоборот, кто есть возрожденный христианин? В чье сердце верой вселился Христос, но живущий в пустыне, безо всяких изображений. Да и дьяволу очень выгодно, когда человек помещает Христа в самый передний уголок дома или храма, или даже на золотой цепочке на груди - лишь бы не в сердце, не в быту и не в своей жизни.
В чем же секрет? Почему несовместимо человеку одновременно поклоняться изображению Бога и Самому Богу в духе и истине? Потому, что поклонение живому Богу достигается и осуществляется живой верой, а поклонение изображению Бога осуществляется человеческим разумом и порождает только суеверие. Ведь ты же, согласись, - продолжал Комаров, - что православный и католик, пока любое изображение не примет в сердце как святыню, он ему поклоняться не будет. А объявив святыней, они отдают ему свое сердце. Ревность же Божья не позволяет поклоняться никакому одухотворенному или неодухотворенному, даже ангелу Божьему, носящему на себе образ Бога живого. Любой же предмет, живой или мертвый, которому мы отдаем свое сердце, языком Божьим, называется идолом. Теперь понимаешь, в чем опасность того, если мы в систему нашего служения и жизни введем кинофильмы библейского сюжета? Они в самое короткое время подменят собой Библию. Христианин, а особенно молодой, вскоре охотнее просидит за кинофильмом два часа, нежели за Библией один час. А затем уж, как следствие, дети наши, безусловно, охотнее просидят за кинофильмом четыре часа, нежели в собрании два часа. И получится, брат мой, что игра артиста в кинофильме вытеснит и подменит дыхание Духа Божьего, а это и есть духовный блуд - идолопоклонство. Кроме того, не забывай библейский пример - медного змея. Как легко народ Божий перешел от взгляда живой веры, через которого получал исцеление от укусов, к идолопоклонству и суеверию. Медный змей оставался одним и тем же. Он служил прообразом Христа, взявшего на Себя грехи всего мира, и распятого на кресте. Им позволено было с верой взглянуть на причину их страдания и смерти, пригвожденную на древе - в этом был акт милосердия Божьего.
Они же вскоре стали поклоняться ему, обожествив самого змея. Так будет и с кино. Понял?
Павел с восхищением выслушал Комарова и ответил ему:
- Женя! Я очень рад, что понимаю это совершенно так же, как ты изложил.
- А что же ты, испытываешь меня, что ли? - с улыбкой, добродушно спросил его Комаров.
- Как хочешь, суди, - ответил Павел, - но пойми правильно, как радостно на душе, когда видишь друга-единомышленника. Ведь нам эти истины суждено будет нести в народ, а для этого следует убедиться, не может ли это быть только моим личным мнением и не назовет ли кто это узостью.
- О нет, брат мой, именно так это было открыто дедам и отцам нашим, седым старцам, которые стоят у истоков истинно духовного Богопоклонения в нашей стране: Павлову В.Г., Мазаеву Г.И.

* * *

С наступлением весны в отделе начались оживленные приготовления к полевым работам, а это значит - опять таежные звериные тропы и заоблачные горные вершины.
Владыкина назначили помощником к одному опытному инженеру и они, распрощавшись с Усть-Омчугом, выехали в тот район, куда его отправили в 1940 году, на открытие прииска "Пионер".
Комарова, по состоянию здоровья и крайней нужде в его способностях, оставили пока в отделе. Расставшись, они условились с Павлом, помнить друг друга и переписываться.

Отряд, где был Владыкин, расположился в пяти километрах за прииском "Пионер", на остроге, изредка поросшим стлаником и оленьим мхом. По дороге они с удивлением наблюдали, как долина р. Омчаг, три года назад бывшая пустынной, теперь была застроена несколькими приисками и изрядно покрыта отвалами отработанного грунта. По соседству с одним из приисков около трассы, среди рощицы молодой лиственницы, расположился разведрайон, который был передан в распоряжение прежнего начальника, у которого с первых дней работал Владыкин. Узнав в путешественниках своих старых коллег, начальник убедил их остановиться у него на обед и любезно угостил всем самым лучшим из своих запасов.
Оказалось, что причиной этого, было прибавление в его семье - новорожденного сына.
Павел, воспользовавшись этим случаем, сердечно отблагодарил начальника, что тот посодействовал его переселению в Усть-Омчуг, и он (в ответ) поздравил его с новым назначением по служебной части.
На новом месте отряд устраивался около трех недель, обследуя окружающую местность и устанавливая связь с жизненными объектами, ожидая, кстати, пока обсохнут горы и долины, чтобы приступить к работе. Павел, закончив приготовления, стал сильно тревожиться, не получая никаких сведений от Комарова и домашних. Но однажды вечером в их расположении остановилась знакомая автомашина с новым оборудованием и людьми. К его великой радости, среди них оказался Женя Комаров, и они, охотно согласившись на совместное жительство, разгрузились и оказались рядом. Как милость от Бога, приняли оба эту встречу. И хотя род занятий их был разный, но они изредка, уже поздними вечерами, находили время предаваться воспоминаниям и беседам. За все лето они один раз отделились от отряда Владыкина, с целью: приблизиться к объектам своей работы. Но нападение разбойников их так напугало, что они немедленно возвратились под защиту прежнего дружеского соседства. Возвращение с полевых работ было уже поздней осенью, и их к этому торопило не столько окончание плана задания, сколько ранние заморозки и обильный снегопад.
По возвращении в поселок Усть-Омчуг скитальцам пришлось выдержать настоящий бой за вселение в зимнюю квартиру. Дело в том, что изыскатели, уезжая на лето в тайгу, многие комнаты оставляли пустыми. Пользуясь этим, оставшиеся жители, заимев широкий выбор жилой площади, на основании частных соглашений с теми или иными влиятельными лицами управления, располагались в комнатах. Зимой же они, учитывая, что возвращающиеся из тайги люди, в большинстве состоят из "директивников", т.е. людей, которых многие вольнонаемные рассматривали как неравноправных, с запачканной репутацией; бывших заключенных, пренебрежительно обрекали на нечеловеческие условия. Обиженные, в свою очередь, доказывая юридическое полноправие, добивались иногда своих прав, применяя физическую силу. Такой бой, правда без физического воздействия, пришлось применять и жителям того общежития, куда по праву поселились Павел и Женя. Арбитрам пришлось тревожить и привлекать работников управления в Магадане по телефону, но зато уж место было закреплено прочно. Так Владыкин и Комаров, оказавшись вместе, были бесконечно этому рады. Вместе они делили радости и горести, боролись с недостатками полуголодного существования, утешая друг друга. Но духовная жизнь по-прежнему оставалась на низком уровне. Нужно было духовное пробуждение, а для этого особое посещение Божье. Господь же почему-то медлил. Часто с понурой головой сидели они, особенно, когда Комаров вспоминал о пробуждении в Ташкенте, а Владыкин о днях раннего детства и юношества. Оба они были подобны расслабленному в Вифезде, ожидавшему посещения Господня, в лице Ангела Божьего.
Вскоре в поселке нашелся еще один брат, из числа "директивников" - некто Михаил Михайлович Горелов, а с ним еще двое. У всех духовное состояние немногим отличалось от других. Изредка Михаил Михайлович посещал друзей, но беседы проходили, главным образом, вокруг воспоминаний пережитого. Чего-то не хватало, чтобы объединить страдальцев в живое общение, и все ждали Ангела Вифезды. Так наступил 1944 год, а после безрадостной его встречи, время шло как-то особенно быстро.

* * *

Скоро апрельское солнце поманило отшельников на лоно природы. Наступило пасхальное утро. Все согласились: где-нибудь у костра собраться и воспоминанием почтить праздник Пасхи. Собрались, но в ожидании инициатора все, с грустью глядя друг другу в глаза, долго сидели молча.
- Что ж, друзья, ведь в этот день наши семьи, наверное, все, по своим возможностям, соберутся: споют, детки расскажут стишки, а старичок прочитает что-нибудь из Библии, - с грустью, начал Комаров.

- Да, Женя, у кого-нибудь, может быть, и соберутся, а я вот, уже какой год без вести потерял семью, немец угнал к себе. Так вот соберутся ли где они, или, похоже - как и мы - разбросаны по чужбине и пасут чужих свиней, а то и кости в сырой земле гниют, - со вздохом ответил Михаил Михайлович.
- У меня точно такое же положение, - вставил пожилой, коренастый мужчина с густой, поседевшей бородой.
- А у меня, пожалуй, не лучше вашего, если не хуже, - добавил высокий молодой брат, - соседская девочка сообщила как-то, в первые дни войны, что с самолета упала бомба прямо на дом, и на его месте оказалась только большая яма, а уж, что там осталось - не знаю ничего.
В костре начали прогорать дрова и разваливаться в стороны. Женя взял одну из головней, собрал все в кучу и, подумав немного, проговорил:
- Что ж, братья, собрались, видно, мы сюда подавленные, каждый своим горем, и наподобие этого костра, прогорая каждый в своем огне, развалимся, как эти поленья, и затухнем. В сердцах многих наших близких и родных мы, как видно, заживо погребенные. Может, кто-нибудь из них, взглянув на нас в этот час, не нашел бы в сердце своем ничего, кроме осуждения, мы ведь и достойны этого, так как почти все проповедники. Но ведь жив Искупитель наш, и сегодня весь мир отмечает это. Он не осудил Иоанна Крестителя, но ободрил его, не осудил Илью под можжевеловым кустом, но пробудил его, напоил и накормил. Братья! Неужели милость Божья отвернулась от нас? Нет! Этому, мы свидетели сегодня. Что ж, если мы не можем сейчас поделиться проповедью, не может никто из нас горячо помолиться, но есть одно дело, которое мы можем сейчас сделать. Мы можем встать и спеть, известный нам гимн: "Страшно бушует..." и споем его, как можно сердечнее.
Нестройно и невпопад, но действительно сердечно, все, вставши, запели:
Страшно бушует житейское море,
Сильные волны качают ладью;
В ужасе смертном, в отчаянном горе:
"Боже мой, Боже! К Тебе вопию".
С первых же слов слезы показались на глазах отшельников-братьев и, "поправляясь на ходу", они уже стройно заканчивали, потрясаемые чувством умиления:
Сжалься над мною, спаси и помилуй!
С первых дней жизни я страшно борюсь,
Больше бороться уж мне не под силу:
"Боже, помилуй!" - Тебе я молюсь!
К пристани тихой Твоих повелений
Путь мой направь и меня успокой,
И из пучины житейских волнений
К берегу выведи, Боже благой!
Потрясаемый рыданиями, Женя упал на колени и стал молиться:
- Боже! Будь милостив ко мне, грешнику! Будь милостив к братьям моим, ведь Ты знаешь, из какого пекла мы вышли. Ты знаешь, что сотни и тысячи искали и ищут погибели души нашей, и только Ты Один можешь и хочешь поднять и ободрить нас. Пошли нам Ангела, как посылал в Вифезду, но еще дороже - приди и подними нас Сам. Аминь!
- Аминь! - дружно и громко повторили все братья, изливая в слезах душу свою, стоя на коленях вместе с Женей.
- Братья! - вытирая с глаз слезы, вставши, обратился Комаров к своим друзьям, - давайте, по-братски поцелуем друг друга и поздравим с Пасхой: - Христос воскрес!
- Воистину воскрес!!! - отозвались ему окружающие и горячо поцеловали друг друга.
- А теперь я вам спою один стишок, как сумею, как раз к этому случаю; недавно я весь в слезах сочинил его, - и он запел уверенно, с вдохновением:
Птички Божьи, домой собирайтесь,
Вам к отлету настала пора -
С перышек грязь очищайте,
Чтобы легче лететь в небеса.
Припев: Нам домой, нам домой в небеса,
Ведь там наша родина с вами, друзья,

С перышек грязь очищайте,
Чтобы легче лететь в небеса.
Птички Божьи, домой собирайтесь,
Вам к отлету настала пора.
На тимпанах и гуслях играйте,
Чтоб прославилось имя Христа.
Птички Божьи, домой собирайтесь,
Вам к отлету настала пора,
Над равниной земной возвышайтесь,
Чтобы видеть ясней небеса.

Уже со слезами, все вместе с Женей заканчивали дорогим припевом, этот подарок неба - гимн, как они тут же объявили друг перед другом. С этих пор, расходясь с волнующим чувством от пасхального костра, они, если еще не ожили как должно, но несомненно, чувствовали себя родными.

Сразу же после праздника, Комаров с Владыкиным разъехались, на сей раз - в противоположные стороны, но на душе было одно: "Когда и как, Господь посетит нас пробуждением?"

* * *

Женя в письме семье, как только мог, подробно описал обстановку проведенного праздника и кратко познакомил их со своими братьями.

Лида - жена Комарова, с дочкой, жили вместе с Марией Никифоровной - его матерью, в городе Ташкенте. Шел уже седьмой год их разлуки. С христианским постоянством она писала мужу-страдальцу письма, полные нежной любви и ласки. Письма накапливались в порту Находка и приходили, начиная с июня месяца, пачками. Никто, из окружающих Женю, не пользовался таким вниманием со стороны жен, и все, просто с нескрываемой завистью, осматривали каждый, каллиграфически подписанный, конверт милому другу. Многолетняя разлука до крайности истощила обоих. Дочка росла, совершенно не зная отца, а широко оповещать, о таких отверженных людях было страшно, поэтому семьи, молча, терпеливо несли в своих сердцах всю тяжесть опороченной репутации своих мужей, отцов и сыновей.

Восстановление письменной связи с дорогим, любимым мужем заметно ободрило Лиду, окрылило надеждой, удвоило, утроило энергию. Каждая весточка от Жени была праздником в семье Комаровых. Даже полуграмотная, старенькая Мария Никифоровна - пока с письмом от сына не обойдет всех родных и знакомых - не ляжет спать.

В душе Лиды загорелось трепетное ожидание возвращения мужа домой, усилились молитвы друзей об этом. Некоторые же жены и матери, жили и ходили в постоянной скорби, убедившись в безвозвратной разлуке со своими любимыми, дорогими узниками. К числу их относились: Баратова Поля, семья Феофанова, Сапожникова и многие другие, чьи имена, с благоговением, хранятся в сердцах народа Божьего. Золотой нитью вотканы их имена в неветшающее знамя Евангельской Истины, как верных ее борцов, закрепивших достоверность Евангелия Христова, своей мученической смертью.

Отъезжая в тайгу, Комаров обратился через Николая Сергеевича к начальнику управления с убедительной просьбой: послать вызов и разрешение на приезд жены с дочерью. Имея к нему особое расположение, Николай Сергеевич сам, лично обошел все соответствующие инстанции и с многими положительными резолюциями отправил все документы в Магадан. Вскоре из центрального управления пришел ответ, что заявление с ходатайством отправлено в Москву, о чем, с самой ближайшей фельдсвязью, уведомили и самого Комарова в тайге.

Получив такую радостную весточку, Женя лишился покоя и краткими молитвенными воплями взывал к Богу, чтобы Он послал ему какой-нибудь толчок, через который было бы положено начало к пробуждению, хотя пасхальный костер, уже по истине, был началом его. Бог услышал его вопль, и просимый толчок не замедлил прийти.

В одном из маршрутов, чтобы сократить время, Комаров с одним рабочим решили пройти в нужное место по прижимам (обрыв над рекой). Тропа, по которой они решили идти, изгибаясь, пролегала на высоте 10-11 метров над горной обмелевшей речкой, течение которой подмыло нависшую скалу. Смельчаки с рюкзаками на плечах

прошли до половины, а дальше продвижение стало уже настолько затруднительным, что им пришлось двигаться на коленях, цепляясь за уступы скал.
Они собрались уже было праздновать победу, но тропа резко скрылась за уступом, и, к их ужасу, они оказались перед маленьким обрывом - тропа была размыта водой. В трех-пяти метрах, она опять, сразу же расширялась до вполне проходимых размеров и, сбегая вниз, пряталась в зеленом цветастом приволье.
Отчаяние расслабило все тело Жени, когда он оказался в безвыходном положении. Ни подняться на ноги, ни повернуть назад - было невозможно. Товарищ, увидев Комарова в отчаянном положении, растерялся и с большим риском, развернувшись, как можно скорее, возвратился назад. У Жени оставался один выход: дотянуться руками до скального уступа на другой стороне промоины и, подтянув себя, спастись. Ухватиться за выступ ему удалось, но руки ослабели, и он, ударяясь о выступы скал, рухнул по обрыву вниз...
Очнулся он на той заманчивой лужайке, которую видел впереди, но не мог от боли пошевелить ни одним членом тела. К счастью, его товарищи, которые не отважились идти за ними, а пошли в обход, успели на той стороне речки поравняться с ним и остановились в ужасе, при виде его отчаянного положения. При падении у него осталось все цело, но он сильно ушибся и долго был без сознания. Упал он на песчаную отмель противоположной стороны речки, где вода покрывала дно не более, как на 10-15 сантиметров.
Пока он пришел в себя, товарищи успели соорудить конные носилки и, не теряя ни одной минуты, двое из них повезли его через горные перевалы к автотрассе. Самая острая боль в теле и в костях появилась, когда он уже лежал на больничной койке.

* * *

Владыкин на лето расположился с отрядом в пойме знаменитой реки Армань, которая отличалась от многих других густой роскошной растительностью, изобилием рыбы и всякой живности: медведей, зайцев, глухарей, куропаток и рябчиков.
До паводка Павел с упоением принимался за работу, не сходя с лыж с утра до ночи. Этим он отчасти хотел обработать объекты, которые будут недоступны летом, а больше всего утолить тоску по родине и утерянной первой радости. Пасхальный костер всколыхнул его душу до самой глубины. Все дни, не умолкая, звучали в его душе слова Жениной песни:
Нам домой, нам домой, в небеса,
Ведь там наша родина с вами, друзья.
С перышек грязь очищайте,
Чтобы легче лететь в небеса.
И земная, и небесная родина звали его с неудержимой силой к себе. Палатки располагались у самой автотрассы, поэтому от всякой проезжающей мимо автомашины, Павел ожидал для себя какой-либо новости.
Однажды, ранним утром, он пробудился от треска, напоминающего отдаленные орудийные залпы. Павел выскочил из палатки на берег и увидел разгадку взрывов, с восхищением наблюдая за ледоходом на Армани. Толстый лед, от мощного напора подледной воды, трескался с большим шумом и, громоздясь огромными льдинами, на всю тайгу оглашал победоносное наступление весны.
- Господи, как бы я хотел, чтобы с пробуждением весны, совпало мое духовное пробуждение! - воскликнул он.
В работе Владыкина наступил перерыв до тех пор: пока обсохнут долины рек и таежные тропы, реки войдут в свое русло, и изыскателям откроется путь к переходам. Павел занимался подготовкой. В свободное время он выходил на обогретые места, предаваясь воспоминаниям о пережитом. Как-то раз при этом его мысли остановились на Кате. Он понял, что это просто искушение, и, может быть, даже от праздности. Улыбнувшись, он попытался отогнать эти мысли, но как резко они обрывались, так бурно и стремительно овладевали им вновь. Почти десять лет отделяло его от того, как он последний раз уезжал от нее. Но ведь тогда ему было двадцать лет, а теперь шел тридцать первый.
То ли гнетущее одиночество, то ли голос изголодавшейся души по ласке и теплому любовному взгляду, но мысль, неотвязчиво осаждая, привела его к решению: "К прошлому, конечно, возврата нет; будущее не рисовало никакого, хотя бы самого смутного, контура в этом вопросе. Дай-ка, я, просто из любопытства, пошлю телеграфный запрос на начальника милиции о судьбе Кати", - подумал он и, взяв затем клочок бумаги, написал:

"Прошу Вас сообщите о судьбе Рылеевой Екатерины ее семьи расстались восемь лет назад Магадан Усть-Омчуг Полевая Партия Владыкин".
Прочитав написанное, Владыкину стало стыдно за легкомыслие и малодушие, внутренний голос настойчиво твердил: "Не заигрывай с огнем, он спалит тебя".
Поднялась большая борьба в душе, и, в один из приступов осуждения, Павел резко поднялся от стола, схватил текст телеграммы, порвал ее пополам и, выйдя из палатки, бросил на землю. Набежавший ветер подхватил клочья и бросил в близлежащий куст. Но внутренний голос заметил ему: "О нет, таким методом не борятся с искушением, чего не порвал в сердце - на бумаге рвать бесполезно". "Да почему я не порвал? - мысленно возразил себе Павел, - не только порвал, но и "схоронил", да годами жил свободным после того".
"Может быть, порвал, может, схоронил, - продолжал тот же голос, - но разве ты не знаешь? Когда замирает духовное, то плотское оживает"
Эти мысли вначале вспыхнули, как когда-то победоносный энтузиазм остриженного Самсона. Павел решительно шагнул от куста, где трепыхались клочья порванной телеграммы, метнул ногой на них немного мелкого щебня и, отойдя на вершину холмика, сел, облегченно вздохнув и глядя, как под холмом мутная вода весеннего паводка уносила к морю плиты поломанного льда.
- Вот так бы и меня... - проговорил он, глядя на шумный весенний разлив. Мысли одна за другой, как обломки льда, проплывали перед ним: его покаяние и с ним - образ отца с матерью... свидетельство на заводе... арест... сражение в кабинете следователя... тюрьма и ее обитатели... милые лица деда Архипа с Марией... журчащий "Хораф" возле первой фаланги, потом Каплина Зинаида, ее покаяние и смерть. После нее, почему-то расталкивая все эти образы, вклинились одна за другой блудницы, и мысль, как на прочном якоре, остановилась на Кате: смуглый овал ее лица, взаимные признания в любви, их решения, затем - почему-то грязная лужа, мимо которой он обвел ее, проливной дождик, и она, стоящая на перроне, потом разрыв...
- Да, а все-таки - это была первая взрослая любовь, - заключил Владыкин и, глубоко вздохнув, поднялся и возвратился к палатке. По дороге он взглянул на куст, под ним, прижатый щебнем, трепыхался клочок порванной телеграммы.
Павел достал его, стряхнул от пыли, бережно расправил, войдя в палатку, и положил на стол. Без промедления, он на новом листе восстановил содержание. На сей раз запечатал конверт, с просьбой в отдел: немедленно отправить его по адресу. Затем прошелся несколько раз по палатке и, глядя на конверт, ощутил в душе опять какую-то смутную тревогу.
- Да, видно, Господь совсем оставил меня, я безволен.
В это время на трассе остановилась автомашина, а через несколько минут в палатку, с обычной своей добродушной улыбкой, вошел начальник отдела.
- Ну, вот, Павел Петрович, я к вам в гости, - начал он, садясь на кровать.
Николай Сергеевич, по своему обыкновению, делал свой инспекторский объезд всех отрядов. Раздевшись, он передал Владыкину письмо от Луши с детьми и объемистый конверт от Жени из больницы. Начальник, за чашкой чая, передал все волнующие новости, и особенно подробно, рассказал о несчастном случае с Комаровым, и принес свое искреннее соболезнование. Но тут же радостно добавил, что Москва приняла ходатайство отсюда, на выезд Лиды - жены Жени с дочкой, для их совместной жизни на Колыме.
Остаток дня Николай Сергеевич проверял состояние отряда и подготовительные работы. Вечером, окончив официальные переговоры, начальник начал с Владыкиным беседу:
- Павел Петрович, я знаю, что вы с Евгением Михайловичем - верующие люди, и потому проникнут к вам самым глубоким уважением. Сам я - из религиозной православной семьи, по-своему, верю в Бога и теперь. Отец мой, находясь в кругу работников искусств, принадлежал к обществу русских художников и больше всего писал на церковные темы, хотя несколько полотен с готовыми пейзажами, он подарил и в русскую сокровищницу. Скончался он накануне революции 1917 года, передав нам любовь к русскому народу и к народным религиозным традициям.
Образование я получил еще в царское время, в Москве в Межевом институте и, будучи, в какой-то степени, просвещенным человеком, охотно читал тогда Библию, а некоторые ее главы и по несколько раз. Позднее знакомился и с трудами Дарвина, и, должен вам признаться, они на меня произвели определенное впечатление, да и более того, в некотором роде, смутили. Вот я и хотел коснуться в беседе одного волнующего вопроса.

Осматривая животный мир, даже рыб и пресмыкающихся как с внешней стороны так и под анатомическим ножом, невольно приходишь в смущение. Ведь, действительно, в человеке собрано все то, что и в окружающем его, мире живых организмов. Поэтому, невольно начинаешь приходить к заключению, что человек - продукт эволюционного зоологического преобразования; те же глаза, руки, ноги, уши, внутренности - мы встречаем в животном мире, с некоторыми особенностями. Я, конечно, не согласен с тем, что лошади, коровы, обезьяны, где-то согласившись, воссоздали из себя и над собой образ царя природы - человека, а без совета, тем более, невозможно сделать даже простейшей операции по удалению аппендицита.
Скорее, что по образу человека, созданы все ранее оговоренные органы животных. И почему появление видов должно идти от низшего к человеку? Разве среда, если уж ее признать способной к творческим актам, не может взять от человека соответствующие органы и создать виды способные жить в ней?
- Николай Сергеевич, вы простите меня, - начал Павел, - коль уж вы назвались человеком верующим и некогда читавшим Библию, то осмелюсь поправить вас: вы делаете одну очень грубую ошибку, отчего и блуждаете в ваших теориях. Не человек собрал в себе все образы животных, и не сам он свой образ, в отдельных органах, передал животному миру - это заблуждение - как то, так и другое. Но "сказал Бог: сотворим человека по образу Нашему, по подобию Нашему; и да владычествуют они над рыбами морскими и над птицами небесными, и над скотом, и над всею землею, и над всеми гадами, пресмыкающимися по земле. И сотворил Бог человека по образу Своему, по образу Божию сотворил его; мужчину и женщину сотворил их" (Быт.1:26-27).
Когда Бог все это творил, или пусть, как-то это оказалось сотворенным, мы с вами не видели и видеть не могли, будучи отдаленными от этого акта многими тысячелетиями. Но вот к тому, что человек владычествует над всем животным миром, мы к Библии должны приложить наше "Аминь". А для осуществления этого владычества должны быть как у человека так и в животном мире одни и те же органы с соответствующими изменениями, т.е. глаза, уши, рот и т.д.
Я не отрицаю, что какие-то преобразования, если их можно назвать эволюционными, имеют место в истории земли. Например, человек оброс львиными волосами, как Навуходоносор - царь Халдейский, вооружился когтями, как у стервятника и питался травой. Или же наоборот: ослица отважилась на то, чтобы обличить пророка Валаама, но и то и другое было от Того, Кто сотворил и осла, и человека от самого начала, какими они и были, т.е. от Бога.
И я уверяю вас, что если бы вы полностью доверялись Библии, то никогда и ни в чем не блуждали бы.
- Да, Павел Петрович, это здорово, вы просто одним мазком поправили ту величественную картину мироздания, какую я пытался в своем представлении намалевать превратно. Действительно, как по-детски просто, в Библии все это великое, - ответил начальник.
- Ой, да что вы, что вы! - отговорился Владыкин, - не я мазком поправил картину мироздания. Я вам лишь напомнил о Библии, которая ставит в жизни все на место, когда мы доверяем ей.
Восторженный начальник, поднявшись рано утром, расстался с Владыкиным, чтобы ехать дальше в расположение другого отряда. Вчерашняя беседа произвела большое оживление и в душе Павла. Случай с телеграммой Кате привел его в такое отчаянное настроение, к такому постыжению, обнаружил в нем такое безволие, что он потерял всякую надежду на примирение с Богом. Но беседа с начальником вызвала в нем и недоумение, и надежду на восстановление.
Откуда в нем вдруг пробился такой источник в защиту библейской истины? Значит Бог еще не оставил его? В то время, когда он посчитал, что связь с Богом у него совершенно потеряна, в нем вдруг поднялась та же ревность по Богу, как и в те годы, когда он парил на высоте. Павел вспомнил гимн, который часто пел ему отец:
Было время: я ликуя,
Шел на Божий дела.
Говорил я: "Все могу я,
Предо мной падет скала!"
Как он теперь соответствовал его состоянию!
Возвратившись, с большим вниманием он прочитал письмо, привезенное ему от домашних и от друга Жени. Оставшись наедине, он долго размышлял о случившемся и был потрясен несчастным случаем, происшедшим с Женей, видя в этом вмешательство Божье. Под влиянием прочитанного, он вышел на ту же горку, где сидел вчера. Было бодрое, сияющее утро воскресного дня. Благоухала распускающаяся хвоя лиственницы. В памяти

воскресали праздничные воскресные собрания... потом праздник жатвы и дед Никанор... откуда-то донеслись, в воспоминании, слова прощального гимна с гостями и дедом Никанором: "...мы встретимся у ног Христа, у ног Христа".
Сердце судорожно сжалось при вопросе: "А встретишься ли ты с ним, у ног Христа?"
Павел не мог больше держаться - упал на колени под куст головой и, голосом пробуждающегося раба, возопил к Богу:
- Господи! Доколе, я буду изнывать в таком унижении? Спаси и вытащи меня из моей топи уныния - ведь я погибаю, а враг души моей глумится надо мной. Подними и поставь вновь перед лицом Своим. Доколе я буду сетовать, как сетовали некогда евреи у берега Чермного моря? Вложи в руку мою, потерянный жезл упования на Тебя, чтобы я, простерши его, мог уверенно идти вперед по дну моей бездны... (Исх.14:9-22).
Долго лежал Павел, прильнувши к земле, изливая свою душу перед Богом.
Женя, после описания своей катастрофы, писал о том же другу своему: "...довольно, Павел, нам лежать на нашей истрепанной подстилке, как расслабленный у Овечьих ворот, и ждать возмущения воды (Иоан.5:2-9). Пора нам, услышав зов Спасителя, довериться и встать, если мы, действительно, хотим быть здоровыми".
Встав после молитвы, Павел почувствовал в душе большое облегчение. Затем, изучая свое состояние, сделал вывод: "Да, я тот же расслабленный, но, услышав голос Иисуса, боюсь решиться встать, а вдруг, да не поднимусь? Если бы Спаситель и руку Свою еще подал, я был бы смелее, - но, походив между кустами, добавил к своим мыслям, - если бы тот расслабленный поступил так, то он огорчил бы этим Иисуса, да так и умер бы на своей подстилке, не получив исцеления. Вот я радуюсь, чувствуя Иисуса рядом, но чего-то не хватает..."
Не желая расставаться с этим пробуждением, Павел решил запеть любимые свои гимны: "Как тропинкою лесною", "Не тоскуй ты, душа дорогая", "Страшно бушует житейское море", "Отраду небесную для сердец", но закончил словами любимого отцовского гимна:
...Безутешный и унылый,
Я упал на берегу...
Беден я, во мне нет силы,
Ничего я не могу!
Но меня достигло слово:
"Я к тебе так близок был
С силой к помощи готовой,
Но о Мне ты позабыл.
Встань, возьми Меня за руку:
Много-много силы в ней;
И твой труд, рассеяв муку,
Я свершу рукой Своей".
И принял я зов, и смело
Взялся за руку Христа.
С Ним пошел на то же дело,
На бесплодные места.
И - о чудо! Зреет колос,
Вырос дом на берегу...
И воспел мой громкий голос:
"Все я с Господом могу!"
Тронулась душа Павла. Со всей подробностью он описал в письме свои переживания, беседу с начальником и выразил полное согласие и единодушие с решением Жени: "...довольно Павел". И теперь всегда, в свободное от работы время, он поднимался на памятный "Холм пробуждения", как он его назвал, пел и, в кратком вопле, просил Бога оживить его душу.
В конце лета, придя из тайги, на своей постели Павел увидел объемистый пакет. Почерк на конверте возбудил любопытство: "От кого это?" Затем, взглянув на штамп, пришел в волнение от неприятного предчувствия - письмо было от Кати.

"Павел, мой милый, любимый, дорогой..." - так начиналось оно и все (по содержанию) состояло из признания в любви. Из него Владыкину стало известно, что начальник милиции телеграмму вручил лично ей. В письме она описала, что в 1936 году ее насильно выдали замуж за нелюбимого, который вскоре, оставив ее с двумя детьми, сошелся с другой. Осталась она хорошо материально обеспеченной, и теперь само счастье возвратилось к ней. В письме она выражает желание - выехать к Павлу, хоть на край света, и от него просит единственное: только согласие и адрес, как его найти. Между листами были вложены фотографии двух детей и ее.
Павел вспомнил, как он, во время беседы с Николаем Сергеевичем, вторично осудил себя за телеграмму, хотел взять ее обратно, но утром, простившись с начальником, забыл про нее. Теперь совесть прежним голосом осуждала его: "Не заигрывай с огнем, он опалит тебя".
Начавшееся пробуждение Павла во многом укрепило его дух в борьбе с искушениями. Совершенно чужим, глядело с фотокарточки лицо его прежней невесты; в его сердце с возрастающей силой нарастало раскаяние за совершенный глупый поступок. Он, встав, вышел из палатки и, придя на "Холм пробуждения", исповедал свою вину перед Богом и бывшей невестой. Затем, возвратясь, коротко ответил на письмо:
"Екатерина Григорьевна, я убедительно прошу Вас, простите, что своим неразумным поступком, я воскресил в Вашем сердце прежнее чувство, хотя я не искал, так как прошлое считаю, похороненным навсегда. Вы ошибаетесь. Единственное, что я хотел: храня добрую память о Вас, как приятном для меня человеке, через милицию узнать - живы ли Вы? На вашу просьбу и признание я отвечаю, что к прошлому возврата больше нет, хотя я, спустя столько лет, остаюсь холостяком. Вы никогда не можете быть моей женой, если бы Вы даже были одиноки. Наши пути совершенно противоположны. Единственное, что предложу Вам: взаимно сохранить добрую память и обо мне; и никакой переписки мы с Вами поддерживать не можем. Самым лучшим мужем для Вас может быть только тот, с кем Вы сошлись в 1936 году (если бы Вы с ним помирились), а также самым любящим отцом Ваших деток.
Обратного адреса Вам не даю, фотографии с письмом возвращаю обратно. Прощаю Вас, простите и Вы меня. Павел".

* * *

Осенью первым, кого встретил Владыкин, возвращаясь в Усть-Омчуг, был Комаров. Встретились они родными и несколько духовно обновленными. С первых же слов Женя порадовал друга тем, что Москва разрешила приезд жены с дочерью, что дома уже начались отчаянные сборы, что сестра Наташа (их близкий друг и подруга Лиды) приветствует всех братьев-узников, принимает самое деятельное участие в сборах и проводах, и наказала Лиде: как можно скорее, возвратить дорогого, уважаемого Женю обратно в Ташкент.
Это было очень важным событием в отделе. Все без исключения пожелали радостной встречи Комарову с женой и ожидали ее.
Не остался в обиде и Владыкин. За отличные успехи в выполнении проекта и плана исследовательских работ, Павла откомандировали в Магадан, на курсы усовершенствования, чему он был очень рад, надеясь все-таки, оттуда выехать на материк. По сравнению с 1937 годом, Магадан был неузнаваем, и Павел, по прибытии, с большим желанием, до усталости бродил по его улочкам, наблюдая за городской жизнью, которую покинул почти десять лет назад. Начавшаяся зима показалась для него удивительно мягкой; ни лютых морозов, ни убийственной пурги не было и в помине. Весь ноябрь месяц бухту Нагаево бороздили океанские теплоходы, местные катера и разные суда военного флота, оставляя за собой длинные гряды дробленного льда.
Подолгу, с наслаждением Павел наблюдал за всем происходящим вокруг, что, в какой-то мере, помогало ему забыться от пережитого, да и от диких пейзажей тайги.
Но, когда он заглянул во внутреннюю жизнь города, сердце невольно защемила тоска. При знакомстве с людьми, он встречал очень много подобных себе, которые уже долгие годы, ожидая "особого распоряжения", с тоской глядели на бухту, убегающую узким чулком в просторы Охотского моря.
Где-то там безвестно, томясь неопределенностью, жили дети, родственники, разбросанные порой на тысячи километров друг от друга. А еще дальше - лилась людская кровь на фронтах изнурительной, ужасной войны. Многие, потеряв всякую надежду на возвращение, прожигали свою жизнь по принципу: бери от жизни все, что можешь.

К удивлению Владыкина, к такому разряду относились люди, занимавшие в прошлом, высокое положение в жизни. Особенно, жены ответственных некогда, работников; но, пожизненно разлученные с мужьями, изнеженные в прошлом роскошью, здесь (никому не нужными) прожигали остатки лет, собирая крохи под чужим столом любострастия.
Павел с глубоким сожалением наблюдал за этими жертвами греха и, видя эти, раздавленные эпохой, личности, ужасался, находя в этом - проявление гнева Божия. Человек, оставив Бога, терял и себя. Еще более, он был потрясен, однажды, страшной картиной на улице Магадана: колонна за колонной, охраняемые усиленным конвоем, двигались, под завывание метели, кутаясь в легкие одежонки, подростки - мальчики и девочки. Павел с сожалением глядел на них со стороны, не зная их подлинной вины, но был уверен, что многие из них этой вины не знали. Он вспомнил свои первые шаги по этим же улицам и в этих же колоннах, и подумал: "А куда их поведут дальше?" Слезы сострадания выступили у него на глазах, и он тихо произнес, взглянув в темное небо: - Господи! Сжалься над ними; они не знают, что январь 1945 года (для многих из них) будет последним январем в жизни.

Глава 8.
Судьба Наташи Кабаевой.

"...се, раба Господня; да будет мне по слову Твоему"
Лук.1:38.
Могучим грозным шквалом волна арестов 1937 года обрушилась на Ташкентскую, едва сформировавшуюся, общину христиан и увлекла в пучину страданий вначале отцов, а вслед за ними и сыновей. Стойкость, верность и нелицемерная христианская любовь юных друзей была подвержена самому суровому испытанию. И, слава Богу, многие из них оказались в этих скорбях верными, преданными Богу, прежде всего, а также чуткими, сострадательными и братолюбивыми друг ко другу.
Ковтун отец и сын, Комаров Женя, Тихий Миша с отцом, Лысенко отец и сын Юрий, оба брата Недостаевы: Давид и Яша - все оказались на далекой чужбине и, оторванные от родных и любимых друзей, утешались только редкими письмами. Разлука, до нестерпимой боли, раздирала души друзей, и оставшиеся на воле проявляли подлинное мужество, отвагу и бесстрашие, чтобы, оказывая сочувствие, утешать дорогих узников, с христианским постоянством, письмами и посылками.
В числе таковых оказалась и шестнадцатилетняя девушка Наташа Кабаева. Горячистой Божьей любовью, она через письма и открытки зажигала сердца страдальцев непоколебимым упованием на Господа. Господь же, со Своей стороны, наделял ее в этом служении ревностью, неутомимой энергией и здоровьем. Близкими сотрудниками ее были: Лида - жена Комарова, а также, любезные и достопочтенные, папа с мамой - Гавриил Федорович и Екатерина Тимофеевна.
До глубокой ночи, при тусклом освещении, при вдохновении старенькой мамы, Наташа часто просиживала за письмами. Из всех переписок, наиболее регулярной установилась у нее связь с Недостаевым Яшей. Еще на воле, до заключения, Яша наблюдал, как в ее, еще почти детском, сердечке формировалась и созревала чистая, бескорыстная любовь к Богу и к своим друзьям. Первой она бежала навстречу людскому горю и последней оставляла душу после того, как ей было оказано должное участие.
Теперь же, когда самые дорогие и любимые друзья оказались в страданиях, ее любовь мужала и крепла, как говорят, не по дням, а по часам.
Одного она не могла заметить, где и на каком году разлуки (через переписку с Яшей) у них открылась личная любовь. Он признался, что полюбил ее еще с первой встречи, но не открывал это из-за молодости Наташи. Теперь же объявил ей о своей любви и желании соединить в будущем их жизни воедино, и вместе служить Богу; просил терпеливо ожидать его возвращения. Наташа скромно согласилась, встретив в этом желанную взаимность.
Доверившись Господу, в дальнейшем, считая себя связанными обещаниями, они взаимно утешали и ободряли друг друга.
Однажды Яша сообщил, что им разрешены свидания с родными. Наташа известила об этом родителей и, со своей стороны, изъявила готовность и искреннее желание посетить своего брата и друга, чтобы послужить ему любовью, если бы даже пришлось перенести из-за этого лишения.

Старички долго думали об этом, но, наконец, Екатерина Тимофеевна сказала дочери:
- Наташа, послушай, что я тебе скажу. Прежде всего, тебе просто неприлично, как девушке, это делать, а потом, вот что еще, милая моя: если уж упование на Господа его не ободряет, то ты не вольешь ему бодрости и силы собой. Придет время, может, тебе придется ехать и еще дальше, но женой, спутницей, тогда - это будет великой честью для тебя. А сейчас, при известных обстоятельствах, может оказаться бесчестием. Пусть терпит; а мы, усиленной молитвой, поможем ему больше, чем жертвой.
Наташа в смирении приняла все это от родителей, выслушав их, и стала ожидать, хотя ожидание длилось уже седьмой год.

* * *

В доме Комаровых происходили необычайные волнения. Однажды вечером, прямо с работы, забежала к Кабаевым, с письмом от Жени, Лида и прочитала из него, что он сейчас работает по своей специальности, окружен замечательными людьми, обстановка, по сравнению с ужасным Бутыгичагом, неузнаваемо изменилась, и начальство выслало в Москву ходатайство с Колымы, о разрешении ее выезда туда. Теперь Женя сообщает ей, на ее усмотрение. В выезде Жени сюда, к семье, ему категорически отказано. Он пишет, чтобы она выслала свое решение, так как, в случае ее приезда, Женя мог бы заранее хлопотать там о комнате.
- Вот, я пришла к вам за советом, что мне делать? - закончила она.
- Ой, Лида, ты вопрос задаешь какой! Его решать придется только тебе, - ответила ей Екатерина Тимофеевна. - Скажу я тебе только, что женой, рано или поздно, оказывается почти каждая девушка, а другом является не каждая жена. Любой сестре-христианке до замужества один шаг, а чтобы стать верным другом, нужна жизнь кипучая, жизнь в смерти, которая подошла к тебе теперь вплотную, а у Жени она - на дне могилы. Конечно, нам всем очень тяжело, смерть "черным вороном" вьется над каждым из нас, мы все находимся сейчас, как бы на кладбище, но не все - в самой могиле, как наши дорогие друзья.
Чтобы смерть победить, Христос сошел в могилу и победил ее бессмертием. Чтобы победить ее, нам всем нужно быть облеченными в бессмертие, т.е. быть облеченными Христом.
Вот, до могилы ты была хорошей спутницей или женой, а чтобы стать другом, нужно спуститься к нему, в его могилу, а там - вместе жить и умереть. И это не порыв, моя дорогая, не романтический подвиг, это, именно, и есть жизнь - жизнь в смерти. Поэтому, Лида, решайся сама и, правильнее сказать, не на свидание с мужем, а, если нужно, и умереть там. Судя по его письмам, там так же, как и на фронте - царство смерти. Там, сама себя узнаешь, кто ты ему: просто жена или жена-спутница, сестра и друг. А теперь, вот уж, слово за тобой.
- Поеду, Екатерина Тимофеевна, а там посмотрим на месте, - ответила Лида.
- Нет, голубушка, смотри здесь, а не там. А если хочешь, то скажу: смотреть надо было, когда ты решалась на бракосочетание, тогда надо было решаться на жизнь и смерть сразу, потому что христианский брак - это сочетание обоих супругов в жизни и смерти, на все ваши земные дни. В брачный день - начало вашего сочетания, а конец его - в вечности. Там, твое имя будет уже не жена, а сонаследница благодатной жизни, и место твое не рядом, под руку с мужем, как здесь на земле, а в его венце жизни, если только сама, вместо всего этого, не окажешься его терновым венцом здесь, на земле.
- Мама, - вмешалась Наташа в разговор, - а почему ты мне не высказала всего этого, когда я готова была ехать к Яше на тот же край света?
- Наташа, прежде всего, вдохновение приходит от Бога, а кроме того, ты - это не Лида Комарова, и Яша - не Женя.
Долгое время Лиды не было видно в кругу друзей, она была в это время занята предварительными сборами в дальний свой путь.

* * *

Зима 1944 года началась слякотью, то и дело моросил мелкий дождичек, переходящий, как обычно, в мокрый липкий снег. Кутаясь в поношенное коротенькое пальтишко, осторожно обходя лужи, Наташа торопилась с завода домой. Тревожные мысли, в неприятном сочетании с мозглой сырой погодой, леденили душу и легким ознобом, то и дело, пробегали по спине. Уже более двух месяцев от Яши не было никаких вестей. Однако, под влиянием маминой прошедшей беседы с Лидой, сердце Наташи наполнилось до краев решимостью на самые отчаянные подвиги, в деле оказания помощи страдальцам. Она даже и не замечала, что, окрыленная этой

мыслью, обгоняла уже не одного прохожего. Но сомнения о Яшиной судьбе не оставляли юную борющуюся душу и, подползая холодной змеей, пугали еще чем-то неизведанным, страшным.
Вот уже много дней, возвращаясь с работы, она находила пустой свою заветную полочку на этажерке. И теперь, когда приближалась к дому, мрачное предчувствие, острой болью, царапнуло душу: "Неужели и сегодня нет?" Шаги замедлились. С печальной улыбкой, она заметила, что уже не обгоняет прохожих, но плетется, погруженная в свои догадки, сзади какой-то старушки... Вот и заветная калитка...
- Мама, есть чего мне? - нетерпеливо спросила она, входя в комнату.
- Там положила, - указав рукой, ответила мать дочери и вышла во двор.
Знакомая подпись на конверте утешила Наташу. Она порывисто вскрыв конверт, быстро пробежала глазами по строчкам короткого письма, но через минуту руки безвольно опустились на колени, губы задрожали, и из глаз покатились крупные слезы.
- Ната! Что случилось? - заходя, с тревогой спросила ее Екатерина Тимофеевна.
Наташа, закрыв лицо руками, упала на подушку. Беззвучно и частыми порывами рыдала она, страдая от еще неизведанного ею, чувства измены. На столе лежало развернутое Яшино письмо, в котором Екатерина Тимофеевна прочитала:
"Наташа, прости, прости меня за долгое молчание и еще более, прости за мое печальное признание. Я сильно заболел. За мною в болезни ухаживала одна девушка, в результате чего, я ей многим оказался обязанным, и у меня невольно возникло в душе колебание: по освобождении из заключения, кто должен оказаться моей женой - ты или другая?
Недостаев Яша".
Яд измены, вначале как бы парализовал на мгновение волю и ум Наташи, но вслед за тем, все существо собралось в решительном порыве:
- Ах, вот как!
Она сразу села и ответила:
"Яша, признание твое получила, приняла как от Бога, фото твои высылаю, письма уничтожаю. Прости меня и ты. Наташа".
Вскоре она получила от него еще короткое письмецо:
"Наташа, прости меня еще раз. Я постараюсь восстановиться перед тобой и перед Богом, но того, что случилось у меня, поправить уже невозможно..."
Это письмо Наташа оставила без ответа. От измены она страдала мучительно и долго, раздираемая внутренним возмущением: "Ведь все, самое ценное, в моей жизни я отдала на общий алтарь борьбы за истину: цветущую юность, драгоценное время, начаток сил, дни и ночи и, наконец, привязанность и семь лет ожидания?! Я плакала с ним, сострадая его печалям, радовалась его малейшим успехам и благополучию, кажется, что уже жила с ним одной жизнью, а теперь... Я получаю, за все это, самое бесчестное, безжалостное отвержение в то время, когда я готова на любой жертвенный подвиг. Мне легче было бы получить злой удар в спину или унизительную пощечину, нежели такой обман за мое многолетнее ожидание и самую чистую, бескомпромиссную любовь".
- Что может быть еще позорнее, еще больнее, и какие страдания могут быть еще мучительнее, чем страдания отверженной любви? - Так, не замечая никого вокруг, уже вслух разговаривала Наташа, изнемогая от сердечной боли.
- Натулька,.. есть страдания несравненно более глубокие, чем твои, - заговорил, незаметно вошедший, Гавриил Федорович - отец Наташи, нежно положив свою руку на ее голову. - Это страдания публично осмеянного, оплеванного, отверженного своими, мучимого от раздираемых ран, распятого на кресте, нашего с тобою, Спасителя Христа. Там, отверженная Любовь страдала на глазах тех, кто был исцелен ею от проказы, поднят с одра болезни, спасен от неминуемой гибели; страдала над головами, отвергнувших ее. И этими преступниками оказались мы с тобой, но Он простил нам и продолжает прощать еще и теперь.
Ты теперь посмотри на Него, на Его отвергнутую любовь, а Яшу оставь и, поверь мне, что это не случайно. Господь ничего не делает без того, чтобы не приготовить тебе нечто лучшее. У тебя есть твое счастье, приготовленное Самим Господом, и ты можешь получить его тогда, когда посчитаешь, что для тебя уже все потеряно, только доверься Ему.
Давай, будем молиться Иисусу и изложим Ему наши страдания.

Наташа ни разу в жизни своей так горячо и сильно не молилась, как теперь. С ней вместе, склонясь на колени, разделяли ее горе отец и мать. Никогда она не чувствовала так близость Божью, как после этой молитвы. То чувство отчаяния, которое душило ее - отступило. Безвыходность, представлявшаяся ей тупиком - раздвинулась. Тоска, охватившая ее, если не оставила совсем, то отступила, а рядом с собой она почувствовала незримое присутствие Спасителя и прошла, как бы очищение и крещение огнем, через эту личную скорбь, которая только приблизила к Господу и приготовила к серьезному служению Ему.
Наташа еще больше отдалась служению, посещая с друзьями скорбящие семьи, но при всем этом, страдала молчаливо и почти одиноко. Ведь у каждого из друзей было, по-своему, тяжкое горе, и у кого его не было? На вид она заметно изменилась, стала совсем худенькой, часто задумчивой. Однако Господь сильно любил ее.
Вскоре, придя домой после работы, она застала у себя, сияющую от радости, Лиду. Держа в руке конверт, Лида объявила, что из Москвы ей пришло разрешение на выезд к мужу, Комарову Евгению Михайловичу, для постоянного жительства.
Наташа, услышав это, бросилась ее обнимать, поздравлять; она была очень рада за своих близких друзей. Весь этот вечер прошел в планах по всестороннему приготовлению. Известие об отъезде Лиды к Жене облетело всех верующих. Это была единственная из жен страдальцев, которая отважилась разделить с мужем его тяжкую участь. В глазах друзей, она представлялась в разных образах. Для Наташи - она была, по меньшей мере, княгиней, женой декабриста Волконского.
После того, как к отъезду было все готово, многие собрались на вокзале проводить их с дочкой в этот далекий, неведомый путь. Наташа и многие друзья, с искренними слезами, прощались с ней, не имея надежды, увидеть ее вновь. Кто-то из друзей ее поездку назвал - посольством в преисподнюю. Все имели самое страшное представление о тех отдаленных местах, куда надлежало ей ехать. У Лиды не было ни страха, ни смущения, и образ ее остался надолго в глазах Наташи, как образ дорогой, старшей подруги, достойной подражания.

* * *

Шурша льдинами, теплоход "Кулу", густым раскатистым басом, торжественно известил Магадан и прибрежную окрестность о своем благополучном прибытии. Людская лавина встречающих неудержимо хлынула к обледенелому борту океанской громады, а навстречу хлынул такой же поток, сходящих на берег людей, разливающийся по территории порта.
Среди царящего людского гомона, Комаров своими ушами различил родное, волнующее, отличающееся от тысячи окружающих:
- Женя! - и одновременно с ним писклявое детское - папа!
- Ой, да откуда же ты меня узнала, малютка, моя милая, - снял Женя со сходней дочку, удивляясь тому, что впечатление от фотографии, она смогла перенести на живого папу. Встреча была настолько трогательной, что обнявшиеся Комаровы и не замечали, как людской поток колыхал их из стороны в сторону.
Из-за недостатка транспорта значительная часть людей двинулась из порта в город пешком. В числе их, оказалась и счастливая семья Комаровых.
Поздно вечером Женя (совершенно случайно) встретился в одном из переулков с Павлом. Весь разговор был посвящен рассказу о встрече и описанию дочки с женой. Но так как путешественники, отдыхая с дороги, уже спали, то знакомство с семьей друга они перенесли до более благоприятных условий, т.е. в Усть-Омчуг.
По прибытии в поселок, Комаровых поселили в одной из комнат двухэтажного дома и, учитывая то, что у них есть дитя, по соседству с кухней. Перед окном сверкала, снежной скатертью, пойма реки Детрин, пестрея редкой порослью кустарника и вывороченными корягами. Сердце Лиды съежилось при виде дикой природы, но в присутствии мужа все тонуло в ощущении, еще неизведанного счастья.
- Женя, ты понимаешь, - с каким-то особым вдохновением заявила она, стоя в обнимку с ним перед окном, - мне кажется, что я не была так счастлива под венчальной фатой, как теперь, в этой убогой полупустой комнатушке и бедной душегрейке на плечах. Почему это, а?
- Милая моя, ты не забывай, что пять-шесть лет тому назад, моя жизнь для тебя, родных и друзей была безнадежно потеряна, а с ней умирала и твоя. Ведь то, что мы ощущаем теперь, это не брачное счастье, а счастье потерянной и вновь подаренной, Богом, жизни. Моя жизнь, уже несколько раз, не моя - это жизнь, вырванная

могучей рукой Спасителя у смерти. Поэтому первое, что мы сейчас у чемоданов сделаем - это упадем на колени и будем благодарить нашего Искупителя за обновленное счастье.
Склонясь, они молились долго, сердечно, пока в дверь кто-то не постучался. Отворив, они увидели улыбающегося Николая Сергеевича с их дочуркой на руках, которая успела обойти многих сотрудников. Толпа друзей заполнила комнатку до отказа. Все искренне, горячо поздравляли Комарова и знакомились с семьей. А вечером все решили: устроить складчину и отметить новоселье их семьи - чаепитием.
Через месяц возвратился из Магадана Павел и, приведя себя в порядок, вечером постучался в комнату Жени. Все были в сборе; семья сидела за ужином.
- О, Павел, - подняв от радости руки кверху, встретил его Женя, - как раз кстати, - уступая ему место, усаживал он своего друга.
Лида суетливо пошла к окну за табуреткой и, возвратясь, подала руку для приветствия. В это краткое мгновение Павел осмотрел ее с головы до ног, и что-то с силой всколыхнуло его душу. Перед ним была женщина, скромная одежда которой, простота в движениях и одухотворенное лицо так контрастно отделяли ее от тех, с кем он последнее время встречался, что Павел, взяв протянутую ему руку, с трепетом в душе произнес, скорее признательно, чем вопросительно:
- Сестра!?
- Да, я сестра, - торжественно подтвердила Лида, а вас я могу назвать своим братом?
Павел, потупив взор, ничего не ответил на ее вопрос. Но, подняв голову, он на столике увидел книгу. "Библия", - промелькнуло в его сознании. Да, это была та самая Библия, которую он не держал в руках долгие годы. Не садясь, он, извинившись, шагнул к столу и, взяв книгу в руки, поспешно открыл ее.
- "Встал и пошел к отцу своему, - открылось ему место из Евангелия Луки 15:20-23. - И когда он был еще далеко, увидел его отец его и сжалился; и побежав, пал ему на шею и целовал его. Сын же сказал ему: отче! я согрешил против неба и пред тобою, и уже недостоин называться сыном твоим. А отец сказал рабам своим: принесите лучшую одежду и оденьте его, и дайте перстень на руку его и обувь на ноги; и приведите откормленного теленка и заколите: станем есть и веселиться..."
Владыкин закрыл Библию и, упав на колени, зарыдал:
- Господи! Вот чего мне не хватало! Тебя, милующего Отца моего небесного. Только святая, дивная Библия могла явить мне Тебя. Прости меня, Отче! Я много согрешил против неба и пред Тобою, а Ты, через служение сестры, вышел ко мне, на эту жуткую дорогу вторично, как когда-то в годы моей юности, - изливал Павел душу в раскаянии. - Прости и возврати мне радость спасения моего. Аминь.
- Аминь!!! - подтвердили Женя с Лидой и подошли к Павлу.
- Вот теперь, ты меня можешь назвать братом, - со вздохом, облегченно сказал Владыкин Лиде, горячо пожимая ее руку. - Спасибо тебе, ты как сестра пришла к нам и принесла с собой святую Библию.
В радостных объятьях "душил" Женя своего друга, поздравляя с обновлением, но признался ему:
- Ты счастлив, Павел, что так доверчиво встретил Библию с первого же раза, а я вот, не мог так.
- Женя, я поясню тебе, почему это так: ты оказался между двумя самыми дорогими и любимыми личностями - женой и Христом; ...а у меня Он один.
- Ой, Павел! - задумавшись, ответил Женя, - ты затронул такой вопрос, который, действительно, со всей ясностью мной, пожалуй, еще не решен.
- Ну хорошо, друзья мои, "станем есть и веселиться", - подходя к столу, повторил Павел слова, из прочитанного стиха.
За чаем Лида охотно рассказывала о жизни на "материке" и особенно о тех событиях, которые произошли в Ташкенте после ареста мужа.
Из рассказа Павел составил себе яркое представление о тех бедствиях, голоде; утратах родственников и друзей вследствие арестов, а затем уже, и войны; о тесноте - по причине прибытия эвакуированных людей и предприятий.
С особенным напряжением Павел слушал, как после многочисленных скитаний по убогим углам, церковь успокоилась в определенном доме молитвы, но ценой компромиссов, за счет духовной свободы. Осуждал в душе лукавые извороты Сыча Фомы Лукича, трусость и жажду к первенству, старцев: Глухова Савелия Ивановича, Умелова П.И., Громова И.Я. С ревностью, осудил деятельность Патковского Филиппа Григорьевича, за

отступление от позиций святых принципов братства баптистов. Но загорелся самоотверженностью при рассказе о Михаиле Шпаке: хотелось встать рядом с ним на суде и сражаться с толпой фарисеев. Сердце Павла особенно "выпрыгивало" из груди во время рассказа о бодрствующей, подвизающейся христианской молодежи. Впервые в жизни он слышал об организованной молодежи, ее стойкости, самоотверженности и бесстрашии. В эти дни и ему хотелось быть там, в ее рядах: с Библией в руках, ободрять ее в минуты уныния, вдохновлять в случаях безвольного молчания, обличать за неуместные и несвоевременные увлечения, дышать с ней одним воздухом, вместе петь и молиться.
Шестнадцать лет назад он последний раз сидел в собрании, пел в хору рядом с матерью - Лушей, декламировал стихи за одним столом с отцом...
После ужина все перешли за стол в комнату, и Лида, продолжая свое повествование, показала фотографию ташкентской молодежи и хора. Павел долго, жадными глазами, с восхищением, осматривал это, невиданное им ранее, общество молодежи и был удивлен тем, что снимок сделан перед отъездом Лиды на Колыму. Открыв Библию, Женя прочитал из 132 Псалма: "Как хорошо и как приятно жить братьям вместе! Это как драгоценный елей на голове, ...ибо там заповедал Господь благословение и жизнь навеки".
После чтения все склонились на колени и долго изливали перед Господом свои изболевшие сердца в молитве. Окончив молитву, Павел до полуночи списывал из Библии тексты в записную книжку. Затем, распрощавшись, вышел к пойме реки Детрин на то место, которое они с Женей назвали "Жертвенником". Огромное дерево, вывороченное ураганом, лежало стволом на земле, а, поднятыми вверх корнями, напоминало шалаш садовника. Пурга намела кругом такие сугробы, что под коряжиной царило полное затишье. Павел, зайдя туда, вспомнил, как два года назад они, по-братски обнялись на этом месте с Женей и назвали его молитвенным жертвенником, однако сюда больше не заходили. Теперь же Владыкин так рад был этому уединению, что, оттоптав ногами снег, склонился на колени в горячей молитве. Именно теперь, здесь, он ощутил ту близость к Господу, которую, когда-то так незаметно, утратил. Огонь в его груди разгорался, не подобно таежному костру, а вспыхнул ярким светильником, как в скинии Моисеевой. Душа была полна блаженства, так что в ней не было места другим желаниям, как только: "Жить для Иисуса, с Ним умирать..."
Он возвратился в комнату далеко за полночь и, ложась спать, любовно прижимал к груди книжечку со списанными местами из Библии; она в эти часы стала для него самым дорогим сокровищем.
Вечером, после занятий, Павел решил зайти в кочегарку, где дежурил брат Михаил Михайлович и, увидев его грустного, спросил:
- Брат, что-нибудь случилось? Почему ты так печален?
- А что могло бы случиться такого, чтобы мне быть таким сияющим, как ты? - вопросом на вопрос ответил ему брат.
- Как, что могло бы случиться? Библия прибыла в наши трущобы, гусли, журналы и сестра-свидетельница от церкви... Да что ты, брат? - тормошил его Владыкин.
- Я рад за тебя, Павел, что ты так загорелся, но ты пока один из нас. Случилось-то с тобой, а не с нами. Я просто остаюсь пока таким, каким ты видел меня раньше, потому что со мной ничего не случилось; тебе же, конечно, теперь все будет казаться новым... Ведь, это не в нашей силе, один Бог только может оживить...
- Это так, - согласился Владыкин, - но, как спросил Иисус расслабленного?
- Как? - скорбно улыбаясь, спросил брат.
- "Хочешь ли быть здоров?..."А ты, Михаил Михайлович, хочешь быть здоров? Неужели, брат, твоя рана неисцелима? Разве ты не видишь, что Иисус посетил и нашу "Вифезду"?
- Эх, Павел, тебе легко рассуждать, ты все нашел: и родных и Господа, а я вот все потерял - и семью и близость Божью.
- Но ты "хочешь быть здоров?" - спрашивает тебя Господь, - настаивал Павел.
- Кто же здоровым не хочет быть? - ответил брат.
- Так вставай же! Пойдем вон на Детрин, помолимся, и я уверяю тебя, что, безо всякого сомнения, Бог ответит тебе - и семью возвратит, и тебя оживит. Ну что же, изнывать здесь от горя?!
Оба неторопливо покинули кочегарку и пошли к речке. Придя на место, Павел сразу же опустился на снег, с молитвой:

- Господи, я благодарю Тебя, что Ты воскрес для спасения и оправдания многих погибших, тем более, Ты милостив к детям Твоим, которые так изнемогают под бременем жизни. Помилуй и оживи моего брата Михаила Михайловича, как оживил меня. Он очень тоскует по детям и семье своей, помоги ему, яви Себя. Ты потерянных ослов возвратил Саулу, неужели семья страдальца не дороже их? Соверши чудо милости Твоей. Аминь.
Слушая молитву Павла, Михаил Михайлович залился слезами и трогательно раскаивался перед Господом за маловерие и охлаждение. Молился и о семье.
После молитвы он встал успокоенным и, по совету Павла, сейчас же пошел на почту и отослал телеграфный розыск о семье. Через день, ранним утром воскресного дня, неузнаваемый от радости, он обнял всех друзей, сообщив им, что получил ответную телеграмму, в которой говорилось, что семья возвратилась вся полностью на свое место и ждет возвращения еще старшей дочери... В это воскресенье было решено: выйти в тайгу за поселок и, разжегши костер, провести первое настоящее собрание, с пением и проповедями... У костра собралось семь человек. Краткой молитвой начал общение Женя, после чего, все восторженно запели:
Братья, все ликуйте:
Славный день настал,
Сестры, торжествуйте:
Бог нам радость дал...
Впервые нелюдимая тайга огласилась звонким торжественным напевом:
Громко пойте: аллилуйя!
Бог нас спас и оправдал,
Наши имена навеки
В книгу жизни записал...
- За-пи-сал!!! - раскатилось эхом по долине.
Первым с проповедью встал Михаил Михайлович, говоря о милости Божьей. Проповедовал с вдохновением, плакал сам, плакали все остальные. Казалось, что огонь в сердцах и огонь в костре слились в одно пламя, которое возносилось в небо фимиамом молитв и песнопений. Братская семья, заживо погребенных отшельников, оживала под лучами любви Божьей. Кратко, пламенно проповедовал Владыкин. После него Лида спела:
О любовь! Как могу о Тебе все сказать?
Бренный разум сраженный молчит...
Ты, Любовь, заставляешь томиться, страдать
И гореть в Твоих чувствах святых,
И не страшно в любви даже жизнь всю отдать
За друзей и за милых своих...
- Могла ли я думать, что, где-то в снегах, за тысячу километров, встречу таких друзей, за которых не страшно и жизнь всю отдать? - закончила Лида.
После такого необычного служения, Женя кратко пригласил всех к благодарственной молитве. Когда закончили собрание молитвой, последнее пламя в костре, мигнув, погасло.
Каждое воскресенье после этого, друзья собирались на это место, радуясь тому, что они теперь не оторваны от дорогого братства, а, уже и письменными связями, соединены с ним.

* * *

В один из вечеров Лида, беседуя с Павлом, сказала ему:
- Павел, я очень рада и благословенным собраниям, проходящим среди нас, и встрече со всеми вами, и пробуждению среди вас; но вот смотрю на вас всех, особенно на тебя, и удивляюсь, а как же вы могли так охладеть, что даже не молились вместе и не имели общения? Неужели мой приезд послужил началом вашего оживления? Это же просто стыдно! А мы там ждем вас, как великанов веры, ведь Господь не напрасно поместил вас в это горнило испытания. Я даже не знаю, какого были бы мнения о вас верующие, встретив вас, действительно, расслабленными. Ведь вы все - проповедники, и мой муж в том числе, а я вот, его до сих пор не узнаю: он же совсем не такой, каким был до уз. Конечно, пусть Бог простит меня, я, может быть, и дерзко говорю, но ведь ты-то уж, свой. Не понимаю, как можно так меняться?...

- Лида, дорогая сестра моя, - начал Павел, - слова твои истинны и не требуют никаких исправлений. Ведь я годы сам ужасно мучился, чувствуя, как опускаюсь все ниже. Я так терзался душой о своей скудости. Молил Бога, чтобы Он за любую жертву оживил меня, но один Он только знает, что все мои усилия были тщетными, вот до этого случая, когда я увидел Библию, а в ней и Бога - Отца. Но ведь, сестра милая, и мучения были ужасны, мы же малые единицы, кто остались, чудом Божьим, живы, ты пойми это. Вот до этих переживаний я, может быть, так же, вместе с тобой, осудил бы, подобных мне, но теперь боюсь, боюсь. Потому что сам был осужден на смерть не раз, но вот, видишь - оживил Господь - слава Ему!
- А что же, нам там тоже было нелегко днями и ночами лить слезы о вас!
Владыкин заметил, что Лида как-то не в настроении или что другое у нее, но глаза ее горели не тем огоньком, какой он видел в первый раз.
- Лида, сестра моя, ведь я и сейчас готов на любую жертву или казнь за мое охлаждение, лишь бы Он помиловал, но Господь ничего с меня не взял, а упал на шею мне, как я прочитал у евангелиста Луки, снял с меня духовные лохмотья да одел в одежду веселья. Да, неужели я должен теперь сетовать, как в прошлом. Помилуй и ты нас, сестра дорогая, - умолял ее Павел.
- Да, я-то ничего, но... да, ладно, я уж, видно, надоела тебе со своими обличениями, - остановилась она.
Павел посмотрел на нее с какой-то затаенной грустью, потом, помолчав, сказал:
- Лида, я хотел воздержаться, но не могу, побуждает меня Дух Святой сказать тебе, ты побольше молись Богу, потому что я боюсь за тебя, чтобы там, где поднялся я и братья мои - не упала ты, помилуй Бог - и не поднимешься.
- Что же, я разве не молюсь? Молюсь... да, ладно, хватит уж нам... давай, поговорим о чем-либо другом, - спохватилась она. В это время вошел Женя, раздевшись, присел рядом и спросил:
- О чем это вы тут, так оживленно беседовали, что ваши лица такие серьезные?
- Да вот, хочу поговорить с Павлом, до каких это пор он бобылем будет жить, хватит уже скитаться, а, Павел? - заговорила Лида.
- Ты о чем это, жена моя, - спросил ее Комаров, - не пойму!?
- Женя, да как ты не поймешь, парню уже тридцать один год, пора искать подругу жизни, - ответила она.
- О, да-да, - хлопая Павла по плечу, согласился с женой друг.
- Ну, что ты молчишь? - наступала на него Лида, уже дружеским тоном.
- Сестра Лида, я ведь очень внимательно слушаю вас и глубоко тронут вашей, действительно, дружеской заботой обо мне, но вот мне пришли на память слова Христа из Евангелия от Матфея 6:33: "Ищите же прежде Царства Божия и правды Его, и это все приложится вам". Я хочу подольше побыть в общении с Библией, списать побольше себе в книжку, окрепнуть духовно так, чтобы Господь, прежде всего, подготовил меня ко всем этим вопросам. Хочу прежде всего искать не невесту, а Царство Божье, насчет же невесты, Сам Христос сказал, что приложится. За совет ваш благодарю, буду молиться об этом Богу, чтобы получить мне ее, как Божье приложение. - На этом они разошлись.
Павел, уходя, попросил на несколько дней Библию с собой. До апреля месяца Владыкин погрузился в Слово Божье и в себя. Каждый вечер он посещал свой "Жертвенник" под корягой и усердно молился до полного духовного насыщения. По воскресеньям, со всяким постоянством, все собирались у костра на собрание, но к апрелю число участников уменьшилось, в связи с подготовкой к экспедициям на лето. Посещал Владыкин иногда по вечерам и Женю, но бывал там недолго, так как большее наслаждение находил в молитве на своем "Жертвеннике".
К концу марта ему стало известно, что и ему, и Жене подошло также время сборов в тайгу. Помолившись, он, с бодрым настроением, в один из вечеров пришел к Комаровым, раньше обычного.
- Мир дому вашему! Ну вот, друзья мои, теперь я зашел к вам специально по тому вопросу, какого вы коснулись зимой - о невесте.
- Ну-ну-ну! Давай! Пора поговорить и об этом, - обрадовано поддержал его Женя, - а то разъедемся и опять до "белых мух" (до снегопада).
- Так-так, Павлуша, - ласково назвала его Лида, - так вот, я с тем же вопросом: до каких пор ты будешь вот так, бродить один; девушек полно - выбирай, на какую глаза глядят, надо же ведь к одному концу; ты что надумал, скажи?

- Да, что же я тебе скажу, сестра? - ответил Павел. - Здесь ведь только дикие олени, да вот те, кого сама здесь видишь. Из кого выбирать?
- Ого! Да почему же не из кого? На-ка, вот, выбирай! - положила она перед ним прежнее фото, с ташкентской молодежью. Любая рада будет такому жениху, о любой, мы тебе с Женей, и характеристику дадим.
- Ой, Лида-Лида, да кого же здесь, я выберу и по какому принципу? Жить-то ведь придется не с фотографией, а с живой душой. Ты вот, карточку отложи, а давай, обратимся к Богу при решении этого вопроса, ведь решаться будет жизненная судьба двух христиан и на все земные дни. Пусть он вразумит нас и научит, как поступать.
Все трое преклонили колени, и Павел, заканчивая, усердно просил, чтобы Сам Бог послал ему навстречу такую невесту, чтобы она была, прежде всего, искренней сотрудницей в деле Божьем, другом и любящей, верной женой.
- Ну вот, я вам и скажу мой выбор, - продолжал Павел после молитвы, - а вы, из известных вам, мне порекомендуйте.
Прежде всего, чтобы она была членом церкви и не номинальным, а деятельной участницей в деле Божьем. Чтобы родители ее были оба верующие и верные Господу. Чтобы она была кроткой по нраву. Очень желательно, чтобы была грамотная, а внешне - не модница. Ну, что еще? Не урод: с руками и ногами, ну, и не очень безобразная, немного моложе меня годами.
- Ишь ты! А кому же, косые да безрукие? - со смехом спросила Лида.
- А слепым да косым, да безруким Господь пошлет, соответственно им, и верю, что не обидит.
Женя с Лидой переглянулись и после некоторого молчания заявили:
- Ну что ж, друг наш, есть у нас такая и близкий друг наш. Отец - служитель церкви, мать - преданная Господу, очень духовная сестра, оба - выходцы из молокан. Сама она: с шестнадцати лет член церкви, неутомимая труженица среди молодежи, немного моложе тебя. Насчет внешности: как тебе сказать, фото ее у нас нет, ну, не красавица и не урод; во общем, девушка как девушка, все они смолоду одинаковые. Грамотная, а насчет, модницы? Война, друг, сейчас всех остригла под гребенку. Да, к свадьбе, наверное, платье у каждой девушки есть, а там наживете. Зовут ее Наташа, фамилия Кабаева.
Долго все трое сидели молча, потом Павел первым нарушил молчание:
- Ну что же, предадим все это Господу, как ты написал в избушке на Солнечном озере: "Предай Господу путь твой и Он совершит", а я согласен с этим выбором, хотя и лица ее не знаю. Хочу довериться Господу и вам.
Разговор этот они так же, преклонив колени, закончили молитвой. Встав с колен, Владыкин заявил:
- Я прошу вас, со своей стороны, отошлите ей рекомендательную телеграмму, а я сейчас же напишу письмо.
К составлению телеграммы приступили так же все трое и, в результате, остановились на следующем тексте: "Наташа знакомлю тебя моим братом Павлом Владыкиным рекомендую тебе лично телеграфируй твое мнение Лида".
Когда Павел пришел к себе в комнату, то, со своей стороны, написал очень краткое, конкретное письмо Наташе. В нем он сообщил о себе, сделал ей предложение. Еще предупредил, что он вышлет на нее вызов, но просил, чтобы не пугалась этого, так как оформление его будет долго. В случае же, если между ними соглашение к браку не состоится, то этот вызов ее ни к чему не обязывает.
Отправив все это и предав Господу исход, Павел погрузился в заботы по приготовлению в тайгу. Еще усерднее он стал молиться Господу, теперь уже о своей судьбе, которая, как темная ночь, была сокрыта от него.
Через несколько дней, когда все уже было готово к отъезду, к нему вошел ликующий Женя и объявил, что его (Женю) на это лето оставляют в поселке, а Павлу пришла телеграмма от Наташи. Он с волнением прочитал ее...

* * *

В январе домашние Комарова получили телеграмму из Магадана (за подписью Жени с Лидой) о их радостной, благополучной встрече; потом письмо с некоторыми подробностями, которые больше касались родных. Там же Лида сообщила, что теперь, всвязи с закрытием навигации, переписка будет прекращена до лета. Описывая коротенько быт и общество тех мест, где жил Комаров, Лида обрадовала сердца близких друзей и даже вселила надежду на возможную встречу. Наташа больше всех была рада их встрече и, всеми силами воображения, старалась войти в их обстановку.

Наступление весны, как-то особенно, действовало на Наташу. Круг друзей заметно увеличивался, за счет обращения детей верующих родителей, всех возрастов, и труда среди молодежи было так много, что у Наташи ни одного свободного вечера не было. К апрелю, когда Ташкент благоухал пробуждающейся жизнью, сердце Наташи рвалось туда, к друзьям в неведомые края, где протекала жизнь скорбящих: Лиды, Жени и других. Сердечная рана, нанесенная изменой Яши, заметно зажила, но в ее воображении рисовались какие-то обстоятельства, неудержимо зовущие на подвиги труда и борьбы.
Так, по обыкновению, возвратясь однажды с работы, она застала старичков в саду, а на ее заветной полочке на этажерке лежала завернутая телеграмма: "Наташа знакомлю тебя моим братом Павлом Владыкиным рекомендую тебе лично телеграфируй свое мнение Лида".
Сердце просто окаменело от неожиданности. Руки не хотели опускать этот клочок бумаги. Так она и выбежала во двор. Навстречу ей, как-то особенно вглядываясь в ее глаза, шли Гавриил Федорович и Екатерина Тимофеевна.
- Мама... это что такое? - растерянно спросила Наташа родителей.
- Наташенька, это простая бумажка, но вот что она принесла в наш дом, мы и сами не знаем. Будем молить нашего Господа, чтобы Он помиловал нас, еще от какого-либо горя. А что за человек, этот Павел Владыкин, ты не знаешь?
- Откуда мне знать, папа. Я только сейчас прочитала о нем, не знаю, кто он.
Семейная беседа состояла из различных предположений, как о личности Павла, так и о его связях с Комаровыми. Мама почти насильно пыталась накормить возбужденную дочь. Сегодня мамина тамалыга была намного аппетитнее, чем в прошлый раз, так как Екатерина Тимофеевна подсдобила ее лучше обычного. Наташа изо всех сил старалась держать себя спокойно, но после нескольких глотков, в горле от волнения все пересохло. Незаметно для нее, ложка в руке повисла, а задумчивый взгляд в окно говорил о том, что она была уже далеко-далеко на Севере.
- Ната, да ты что?... Возьми себя, пожалуйста, в руки, кушать-то ведь, все равно надо, - легонько подтолкнув сзади, уговаривала ее мать.
Наташа, выйдя из раздумья, взглянула на маму и заторопилась закончить обед...
- Наташенька, я тебе вполне сочувствую и, вспоминая свои молодые годы, хочу рассказать тебе... - начал было Гавриил Федорович, подойдя от верстака со стамеской в руках.
- Папа, ты пойми меня правильно, - остановила его Наташа, - я ведь ни одного слова не услышу из твоего рассказа. Разреши мне, побыть одной.
И Наташа поспешила уединиться: и думала, думала... Ведь Лида знает о ее обещании Яше Недостаеву, о том, что она связана словом, а о том, что она, после всего пережитого, свободна, - Лида не знает. Почему же она пишет: "рекомендую тебе лично". Это не иначе, как воля Божья.
Хотя и мал был клочок, присланной телеграммы от Лиды, но принес озабоченность всем домашним; а в последующие дни домом Кабаевых овладел настоящий переполох.
Как ни пытались сдерживать себя родители Наташи и сама она, но телеграмма не давала им покоя. Да кто он, этот Владыкин?... Какой он?... Откуда, и что ему надо?... И что это там, Лида надумала?...
Эти вопросы занимали и всех домашних, и каждого из них в отдельности. Но Наташу он обязывал к ответу. Сказать "нет", а если - это от Господа? Если это судьба от Него? Сказать "да" - настолько страшно, что камень придавил сердце и не дает дышать, и свободно вздохнуть.
Жених неизвестный, да за тридцать земель, морей и океанов! И ехать одной туда?! А вдруг ничего не состоится? Какой позор!
Но отвечать надо, а что?! И после многих молитв и поста, когда в ее сердце созрело твердое решение, что если это от Господа, то Он все совершит Сам, Наташа ответила: "Мое мнение как будет угодно Отцу Наташа".
После полученной телеграммы Наташа, как никогда, спешила с работы домой, в ожидании дальнейших подробностей. И слава Богу, объяснение не заставило себя долго ждать. Вот и калитка, Наташа нетерпеливо дернула звонок; сестра Люба открыла калитку, молча, но как-то загадочно, посмотрела на Наташу и сердечно обняла ее, что та поняла все... На своих кроватях лежали молча Гавриил Федорович и Екатерина Тимофеевна, на этажерке лежало письмо, подписанное незнакомым почерком. Наташа порывисто вскрыла и прочитала:
"Сестра Наташа, мир Вам!

Как христианское семейство, я всех Вас и Ваших друзей приветствую именем Господа нашего Иисуса Христа, Ваш брат в Господе, Павел Владыкин.
С Вами меня обстоятельно познакомили: друг мой и брат Женя с Лидой, которые, по их свидетельству, в очень близких отношениях с Вами. Через некоторое время, после прибытия сюда Лиды, мои дорогие друзья пожелали принять близкое участие в моем личном вопросе, и мы вместе сделали заключение, что после многих лет одинокого скитания, мне необходимо уже просить Господа, чтобы Он послал мне спутницу жизни. Сообщаю о себе. Я из христианской семьи. За любовь к моему Господу и Его свидетельство, вот уже 10 лет, нахожусь в неволе. Мне более тридцати лет. Господь сохранил меня до этого часа, поэтому дальнейшую мою жизнь я хочу посвятить, полностью Ему, на служение. Одинокая жизнь для меня стала весьма тяжкой, а конец скитаниям моим сокрыт у Бога. Поэтому и пишу, сестра Наташа, без каких-либо обиняков, это предложение - разделить со мной мою скитальческую жизнь с тем, чтобы идти за Ним, уже вдвоем, куда бы Он ни повел. Пусть Вас не удивит, что я сделал через начальство запрос на Ваш выезд сюда. Этот запрос будет ходить по инстанциям очень долгое время, в течение которого мы можем, не торопясь, испытать волю Божью. И если Вы не решитесь на мое предложение, то можете отказаться; вызов, который я посылаю, Вас ни к чему не обязывает.
Не скрою от Вас и моих обстоятельств. К Вам выехать мне не разрешается. Путь мой, на какой зову Вас спутницей, сестра Наташа - суров был в своем прошлом, как и у нашего друга, которому Господь оказал милость, в лице его жены - Лиды. А каким он будет у меня впереди - не знаю!
Март 1945 года. Павел Владыкин".
Читая письмо, Наташа не слышала, как вошла в комнату Люба, как поднялись и сели на кровати папа с мамой, как они молча, внимательно изучали каждое движение ее лица и терпеливо ожидали, пока она дочитает письмо. Чувство любопытства, при чтении первых строчек, у Наташи заметно быстро исчезло, голова медленно склонилась на грудь, руки с письмом опустились книзу. После некоторого молчания, из плотно сомкнутых ресниц Наташи показались росинки слез, и она, глубоко вздохнув, сказала:
- Боже мой, Боже мой! Неужели... это... моя… судьба?!
Как-то ярко вдруг предстала ей, по-своему, картина того самого Крайнего Севера, о котором писали ей Женя с Лидой. Он уже не представлялся ей таким безлюдным, далеким, с его поросшими, замшелыми топями и воющей метелью, каким он укладывался в ее девичьем воображении, еще вчера. Нет, сейчас она там увидела и себя, но не легкой, прозрачной, в голубеньком платьице, с узорной сумочкой в руке, а с тяжелой ношей на спине, исцарапанными руками держащуюся за упругое плечо неведомого друга, который зовет ее в эти дебри. "Нет, это не предложение, окутанное какой-то розовой романтикой, - мелькнуло в сознании, - хотя это тоже зов, но это неотвратимый жизненный план, и никто за меня его не решит". Медленно и зычно стучало в груди Наташи, подстегнутое этой весточкой, сердце.
- Ну что, Наташенька, скажешь? - спросил Гавриил Федорович дочь после долгого молчания.
- Папа, - взглянув в его лицо, тихо проговорила Наташа, - от меня ведь требуется ответить, это значит, добровольно лечь на этот жертвенник, с которого не встают. Поэтому из всех вопросов, которые, как рой, взметнулись в моей голове, и какие еще будут возникать впереди - самый существенный: я ли удостоилась этой великой чести - разделить участь страдальца за имя Иисуса, или кто другая? Замечательные есть сестры в общине, пусть приедет и увидит, красивые и одаренные.
Гавриил Федорович, глядя на дочь, был крайне удивлен мудростью и глубиной ее ответа - не от Господа ли это?
С письмом в руке Наташа вышла в сад, забилась в самый отдаленный уголок, и один Господь знал, что переживало девичье сердце в эти часы. Несколько дней она молчаливо уклонялась от всех разговоров о ее судьбе и горячо молилась Господу. Наконец, ответила Павлу, что путь неведомый страшит, но хочется сказать, как некогда сказала Мария: "Се раба Господня", а для простой переписки нет ни сил, ни желания, и очень рада, что Павел прямо, конкретно высказал свое предложение.
На Наташину телеграмму ответ пришел очень скоро, но он еще дополнил общее замешательство: "Рад взаимности высылаю вызов Подробности письмом Павел".
- Какой взаимности? Почему взаимности?... - недоумевали домашние, глядя на эти короткие слова.
- Ната, ты что, разве дала ему свое согласие, почему он так пишет? - тревожно спросила Екатерина Тимофеевна.

- Мама, ничего кроме той телеграммы я не отвечала, а письмо мое он еще не получил; а почему он так пишет, я тоже не знаю. Остается думать, что он имеет уверенность в этом вопросе от Господа, - с легкой улыбкой, спокойно ответила Наташа.

* * *

Письма от Павла стали поступать регулярно, и в сердце Наташи зародилось, и росло к Павлу такое чувство, какого она не испытывала никогда, и это была не просто любовь. Каждое письмо от него было не только желанным, но утоляющим душу, потому что почти все письма были духовного содержания, всегда с какой-то новой мыслью, и полнее отражали его духовное лицо.
Хотя (за отсутствием фото) они долго не знали лица друг друга, но тем не менее, в сердцах взаимно носили именно такой образ, который впоследствии не принес разочарования. В кругу родственников и друзей в это время, с возрастающей силой, происходила оживленная полемика. С самого начала мнения о Павле Владыкине раздвоились. Одни высказывали либо недоверие, либо, в лучшем случае, считали, что без личного знакомства неприлично, даже просто непозволительно Наташе давать согласие на брак с неизвестным женихом. Другие, ссылаясь на письма, утверждали, что это действительно искренний христианин, достойный самого глубокого признания и доверия, и надо решаться.
Так или иначе, но вопрос о брачном союзе захватил большой круг близких и родных и больше всего, конечно, саму невесту. Много размышляла она о предложении, много слышала всяких эпизодов от окружающих, но после мучительных дней и бессонных ночей Господь помог вынести ей окончательное определение. От брачного союза с Павлом она не рассчитывала получить какое-то иллюзорное счастье, хотя, как и от всех девушек, скорбная сторона от нее была сокрыта, но Наташа ясно поняла, что в результате благословенного бракосочетания через обоюдный согласованный труд и святую победоносную борьбу, может быть, даже через перенесение лютых скорбей, свое блаженство они найдут только в венце жизни, на небесах.
Только после этого заключения, ее сердцем овладел покой. В кругу друзей и домашних борьба за расположение к неизвестному брату-узнику продолжала захватывать сердца все новыми вариантами, но сторонников за брачный союз Наташи с Павлом становилось заметно больше.
Последним решающим мнением, в определении судьбы Наташи, был поединок между Гавриилом Федоровичем и Екатериной Тимофеевной:
- Гаврюша! До каких же пор мы будем томиться сами и мучить Наташино сердечко, она уж вся извелась, сама на себя стала не похожа, надо решать: или отказ, или давать согласие. Я вот мучаюсь от одной мысли: невест полна община, почему этот жребий пал на наш дом? - разводя руками, рассуждала Екатерина Тимофеевна. - Почему ты так спокоен, ведь судьба же дочери решается?! Ну, как это, отдавать свое самое любимое дитя? Да еще, видишь, что он пишет, сам не приеду, а отправлять туда. А куда это - туда, понимаешь, т-у-д-а! За тридевять земель; где и когда это было видано?
Гавриил Федорович кротко, с улыбкой подошел к жене, положил руку на плечо и, глядя в глаза, ответил ей:
- Катя, Катя, ты так беспокоишься напрасно, подумай лучше, как мать-христианка: а если этот жребий от Бога, ведь это же, может быть? Да и должно быть, ведь Наташенька столько перенесла томления. Я вот так рассуждаю: если этот жребий выпал на наш дом, то он наш, и никому другому мы его передать не должны - сладкий он или горький. Теперь я хочу еще спросить тебя: почему же мы все мучаемся, доказываем, тревожимся, не спим ночами, все решаем Наташину судьбу, а сама Наташа слушает все это и молчит себе, да и ночами спит спокойно. Главное, нам услышать ее мнение.
Екатерина Тимофеевна, как будто очнулась от сна, взглянула на дочь и, с каким-то удивлением, спросила:
- Да и правда... ведь подумать только надо, Ната, что же ты молчишь? Мы за тебя изболелись, а ты все молчишь. Скажи же, как ты сама?...
- Мама, - посмотрев на мать, ответила дочь, - ведь меня никто не спрашивает, а уж если надо, то, конечно, отвечу. - При этом Наташа взяла Библию и, открыв книгу Бытия, нашла 24 главу, и внятно прочитала:
- "...И отвечали Лаван и Вафуил, и сказали: от Господа пришло это дело; мы не можем сказать тебе вопреки ни худого ни доброго. Вот Ревекка пред тобою; возьми и пойди; ... Они сказали: призовем девицу и спросим, что она скажет. И призвали Ревекку, и сказали ей: пойдешь ли с этим человеком? Она сказала: пойду... и благословили Ревекку..." (ст.50-60).

- Папа и мама, я хочу довериться Господу, как Ревекка, - закрывая Библию, ответила родителям дочь.
- Ну, вот и все, - опустив руки и голову, спокойно закончила Екатерина Тимофеевна, - а мы столько мучились... Давайте, принесем наше решение в молитве Господу и будем собирать ее в дорогу, как Лаван с Вафуилом.
А Наташа вязала, вышивала, шила свое "приданное". Остаток времени был занят сборами дочери в неведомые края.
Среди родных и друзей все споры утихли, остались только отдельные люди, которые еще не решились одобрить решение Кабаевых, но и они сносили в дом разные вещи в подарок будущей семье и покорно собирали Наташу в дорогу. В беседах же о предстоящем, сердца всех сжимались перед неизвестностью, страшила и даль, и жених - Павел Владыкин, который никому не был лично известен.
Уже осенью, в письме Наташа получила любительскую фотокарточку жениха, и роем опять загудело все общество, высказывая свои предположения. В результате, и последние противники склонились в расположении к Павлу, а Екатерина Тимофеевна, долго вглядываясь в черты будущего зятя, нашла в них что-то близкое, родное и со вздохом заключила:
- Много эти глаза пролили слез.
В доме Кабаевых все приготовления уже были сделаны, и теперь всех озадачило, почему до сих пор не приходит вызов. Просили Павла повторить вызов в самом срочном порядке, что им было сделано. Начальство оказалось так расположено к Владыкину, что приняли самое близкое участие в вызове невесты, и с первыми октябрьскими заморозками Павел получил из управления сообщение, что выезд Наталии Гаврииловны Кабаевой к будущему мужу разрешен. Оформляется уведомление по ее местожительству.
Екатерина Тимофеевна, в своей многолетней христианской практике, много получала от Господа - силою веры и молитвы, и решила в сердце молиться Богу, чтобы Он, по Своей великой милости и могуществу, открыл путь сюда Павлу, так как для Него нет ничего невозможного.
Около двух месяцев не получала Наташа писем от Павла и сама не писала ничего, кроме односложных телеграмм: "Вызова нет жду Наташа". Один только Бог знал, какими мыслями томилось ее сердце, когда она всякий раз отходила от пустой своей полочки, не имея никаких известий от Павла. Наконец, в один из вечеров, она получила долгожданную весточку и с замиранием сердца прочитала. Письмо было очень краткое. В нем Владыкин объяснил, что, по не зависящим от него обстоятельствам, задержался с письмами. Павел утешал ее и призывал к терпению и полному доверию Господу.
Наташа успокоилась и с терпением ожидала от Господа благого разрешения ее вопроса. Во всех этих переживаниях она видела, что Сам Бог готовит ее к неизвестной, загадочной, но желанной будущности. Однако дни проходили за днями, а вызова все еще не было. Павел сообщил, что он хлопочет о своем выезде на материк для бракосочетания; и его заявление прошло несколько инстанций: одни ходатайствовали о нем, другие - отказывали. Шла борьба, нервы напрягались. Не один раз накладывала на себя пост и Наташа, и близкие, которые жили с ней, кажется, одной жизнью, но кругом царило молчание.
Прошел Новый год. Холода и непогода делали вечера еще более затяжными, томительными. Наконец, после долгих дней, январское солнце, как-то особенно ласково, выглянуло сквозь разрывы свинцовых туч, раздвинуло их и обогрело землю. У калитки задорно залаяла собачонка. Наташа "пружинкой" подскочила со стула и выбежала к воротам.
Почтальон любезно улыбнулся и после росписи вручил, в дрожащие руки Наташи, пакет и телеграмму. Тут же, у калитки, она нетерпеливо прочитала телеграмму, которая была предельно коротка: "Получаю выезд Ехать или нет телеграфируй Павел". Следом вскрыла и пакет, в нем, аккуратно сложенным, она увидела тот самый документ, который так трепетно ждала целую весну, лето и зиму - это было разрешение на выезд к Павлу.
С бумагами в руках она вошла в дом, и тут же, все вместе, еще раз прочитали и телеграмму, и все содержимое пакета; и так как все домашние были в сборе, то склонились все на колени и в горячей молитве благодарили Бога, что Он силен делать невозможное; и Екатерина Тимофеевна открыла свой секрет, что она сразу же начала просить Бога, чтобы Он разрешил Павлу, приехать самому за невестой.
После молитвы все окружили Екатерину Тимофеевну. Всем было понятно, каким близким, дорогим человеком и другом она оказалась во всем переживаемом; и дивились чуду милости Божьей, и силе молитвы мамы.

Но вот прошел уже январь. Теплым, по-весеннему ласковым, дуновением ветерка, февраль звал всех из душных помещений на просторы полей и лугов. Изумрудом, обмытым желанным дождичком, пробивалась кое-где травка.
Тревога обволакивала душу Наташи, как темные тучи на голубом небе. Как Павел? Что с его выездом сюда? Февральские дни, особенно вечера, как-то вдруг, заметно замедлились в своем беге. К середине месяца все кругом потускнело, холодной изморозью окутался город. Липкая уличная слякоть затрудняла всякое движение. Казалось, что зима возвращалась вновь, посмеиваясь над преждевременным весенним настроением людей. Вечера наступали раньше и тянулись томительно долго.
Настроение Наташи почему-то так соответствовало переменчивой погоде, но она усердно молилась и верой старалась пробиваться сквозь тучи томления к желанному радостному будущему.
К встрече Павла готовились так же и в доме Комаровых, с волнением, так как считали, что благоразумнее всего ему остановиться там, у них. Но увы, никаких вестей от него не поступало и туда. Наконец, от утомительного ожидания Наташа совсем притихла, притихли и родители. Сегодня особенно весь день шел дождь и, хотя к вечеру несколько утих, но огромные грязные лужи местами разливались через всю улицу. Не особенно охотно Люба (сестра Наташи) собралась на вечернее собрание, одна из всей семьи, желая одновременно узнать через друзей, нет ли каких вестей от Владыкина.
Гавриил Федорович проводил старшую дочь за калитку.
- Люба, не задерживайся после собрания и принеси нам радостную весть, - заботливо, по-отцовски, проговорил он, провожая ее.
Свет в доме горел тускло; и все предались размышлениям, лежа каждый на своей кровати. Наташа ничего не хотела делать, да при таком свете ничего сделать и нельзя. Все тихо, мирно разговаривали... Одна собачонка беспокойно охраняла двор, то и дело поднимая лай и предупреждая прохожих, что двор не беспризорен. На сей раз она заливалась необычно, с азартом и, почти не переставая. Екатерина Тимофеевна обратила на это внимание:
- Гаврюша, - окликнула она мужа, - Гаврюша! Выйди на улицу, почему-то все собаки на улице лают, не блудит ли кто?
Екатерина Тимофеевна, хотя и старалась меньше всех говорить о Павле, в душе почему-то, заочно, имела к нему расположение и беспокоилась, как мама, прислушиваясь ко всем звукам за калиткой.
Гавриил Федорович ответил:
- Ведь не стучат к нам, так зачем выходить зря? Через некоторое время она опять посылает:
- Гаврюша, выйди, не успокаивается собака и наша, и дальние все лают.
Муж вышел, но вскоре возвратился, уверяя, что никого нет. Однако тревога на улице была ненапрасной.

Глава 9.
Перемена судьбы Владыкина.

"Предай Господу путь твой, и уповай на Него, и Он совершит"
Пс.36:5
Неохотно, на сей раз, собирался в тайгу Павел. В семейном уюте у Комаровых он вдохнул маленькую частицу свободы, с которой он расстался десять лет назад. После полученной телеграммы от Наташи, ему уже обрисовался в какой-то степени ее контур, а тут опять тайга с ее одиночеством и превратностями, от чего он так сильно утомился. Но теперь, когда общение с Господом у него восстановилось, то и мысли о тайге перестали его страшить. На дорогу ему открылось утешительное место из Писания: "Терпение нужно вам, чтобы, исполнивши волю Божию, получить обещанное" (Евр.10:36).
При расставании Женя обещал: делать все возможное, чтобы всю корреспонденцию от Наташи, немедленно переправлять в тайгу через специального курьера, молиться за него и писать письма.
Расставшись с Женей, Владыкин вышел на улицу. Оттепель ласково пахнула в лицо весенней свежестью, а внутренний мир вызвал у него на лице блаженную улыбку.
Отряд день и ночь на автомашинах пробирался через крутые перевалы в тайгу к месту работ. Для отдыха остановились на перевалочной базе, расположенной на берегу реки Колымы. Застывшие от ночных заморозков, люди торопливо разгрузили автомашины и оказались в тепле; после горячего чая, крепко уснули.

На крутом берегу другой стороны реки Колымы располагался лагерь, где содержались, преимущественно, заключенные женщины.
Расставаясь с Комаровым, Павел узнал от него, что в этом лагере отбывали срок христианки-сестры, девушки, заключенные за свидетельство Иисусово. Их было несколько человек. Среди них была одна старица, которая по-матерински наблюдала за ними, заботясь о их духовной и телесной целостности.
Скорбная участь была у сестер: в лютые морозы их ежедневно этапом гоняли пешком по несколько километров в тайгу на лесоразработки. На их обязанности лежало: очищать площадь от обрубленных сучьев, поваленной древесины.
По колено в снегу, они собирали ветви и сучья в кучи, сжигая их.
Но заданные нормы людьми не выполнялись, несмотря на озлобленные окрики и угрозы администрации. И без того ограниченное питание, превращалось в голодный паек. Однако, мучительный голод сестры переносили терпеливо, веря, что это за имя Иисуса.
Господь укреплял их и часто посылал поддержку, совершенно неожиданно, и это ободряло их дух - стойко и непреклонно переносить лишения. Но дьявол не оставался в покое. Зная, что мучения голода склоняют человека на самый отчаянный поступок, мужское общество, которое жило в относительном достатке, склоняли женщин за продукты питания, а часто, за женскую одежду, к греховной близости. Многие заключенные женщины не выдерживали мучений голода и решались на грех. Не обошло это и сестер, тем более, что скромный их образ жизни, с особой силой разжигал развратников, особенно из администрации. Много невероятных усилий и отчаянной борьбы пришлось выдержать сестрам-христианкам за христианскую и девичью честь, и остаться чистыми и неповинными как перед Богом так и перед людьми.
Некоторым из них, за христианскую стойкость, в отместку за свое поражение и неудачи склонить их ко греху, приходилось днями отсиживать в карцерах, перенося голод и холод, терпеть совершенно бездоказательные обвинения, но Господь хранил их везде и давал торжествовать победе.
Много усердного труда прилагала сестра-старица, постоянно наставляя молодых сестер к святой жизни, к упорной борьбе со грехом. Все они сердечно, в слезах, благодарили Господа, что Он, ради спасения их, послал в узы дорогую старицу как мать-христианку. Знали об этом и те развратники, на пути которых она стояла как верный страж, и поэтому ненавидели ее. Грозили даже расправиться с ней или поместить в еще худшие условия, но Бог разрушал все их коварные замыслы, и сестра-старица оставалась на своем месте.
Часто, в воскресенье и праздничные дни, весь лагерь, как нарочно, выгоняли на работу. Христианки-сестры с особой решимостью противостояли тогда этому явному беззаконию и на работу в праздничные дни не выходили. За это, с жестокостью и бранью, набрасывалась на них администрация, и в наказание сажали всех в холодный карцер. Во всех этих случаях сестра-старушка не отставала от них, защищала, доказывая несправедливость, затем вместе с ними садилась в холодные, заиндевевшие застенки лагерной тюрьмы. Вдвое, втрое тяжелее было старому человеку переносить ужасный карцерный режим. Но как были рады молодые сестры присутствию старушки, видя в этом бесподобный подвиг христианской любви матери-христианки. И они победили все с Богом...

* * *

В один из воскресных дней снарядили конный обоз, чтобы все имущество изыскательной партии, погрузив на розвальни, направить вниз по реке Колыме к постоянному месту работ на летний период. Ответственность за весь обоз, за отсутствием начальника, была возложена на Павла Владыкина.
Хмурое утро встретило путешественников жалобным завыванием метели, когда они, покинув базу, выехали на переметенную сугробами, таежную дорогу. Павел в обозе шел последним. Когда они выехали на широкую пойму реки Колымы, метель ясно донесла до них монотонные удары железа о железо. В женском лагере звонили развод на работу. Облака снежной пыли, поднимаемые метелью, пролетали вихрем перед его лицом, загораживая неясные очертания лагеря, который, в утренней мгле, едва отличался мигающими огоньками. Павел, поглядев с особым трепетом в его сторону, подумал: "Где-то вон там, мои дорогие сестры, храня воскресный день и христианскую честь, под завывание этой лютой метели, может, молятся, брошенные в застенки карцера". Всем существом он рванулся в сторону темной полоски, каким виделся поселок. Ему так хотелось пробраться

туда, на холодный накатник сучлявых нар, едва прикрытый сеном, и крикнуть, от взметнувшихся чувств, всего лишь краткое, но согревающее слово родного, великого Учителя: "...ободритесь; это Я, не бойтесь" (Мат.14:27).
Очнувшись, Павел обнаружил, что обоз ушел вперед, и он, догоняя его, молитвенно переместился туда, за колючую проволоку лагеря, где в этот воскресный день сестры-христианки вместе со старушкой, наверное, в карцере, стоят на коленях и молятся. Ему легко было представить эту картину, потому что за десять лет бездомного скитания по лагерям и суровой тайге, он сам много пережил этих ужасов на себе.
Владыкину так ярко представился образ христианки Танюшки в совхозе Мылга: худенькой, закутанной в лохмотья, избитой обезумевшей преступницей, но верной, непобежденной, облеченной в небесную красоту царственного величия Христа.
Сердце Павла дрогнуло, и он запел в унисон рыдающей метели:
Когда одолеют тебя испытанья,
Когда в непосильной устанешь борьбе,
И каплю за каплей из чаши страданья
Пить будешь, упреки бросая судьбе;
Не падай, крепись и судьбу не злословь,
Есть вера, надежда, любовь.
Ветер, снежными хлопьями, хлестал в лицо Владыкина, слезы ручейком лились из глаз, и он их не вытирал. На ходу, в молитве Павел просил Господа, чтобы Он его рыдающую душу, соединил в этот час с сердцами скорбящих христианок-сестер на "Дусканье", с такими, как узница Танюшка, и многими другими. Чтобы то умиление и тот потрясающий восторг, каким наполнялась его душа, Господь Духом Святым передал в сердца многих остальных скитальцев, как он сам. Чтобы эта дорога, политая слезами, по какой он шел навстречу урагану, не страшила и впредь никого из христиан. С такой ясностью представились ему в это время слова Спасителя: "Се, Я с вами до скончания века".
Обоз пробирался вперед с большими трудностями: сани то раскатывались по зеркальной ледяной глади реки и, сбивая при этом животных, болезненно подсекали их ноги железными шипами подвод, то вязли в рыхло наметенном снегу. Еще страшнее, когда лошади с возами проваливались на 20-30 см в предательски запорошенные, надледные ручьи, протекающие поверх льда. И, хотя все это для таежников не было странным приключением, но к концу дня изматывало людей и лошадей до предела.
- Таков вот и христианский путь, - сказал Павел в молитве, опускаясь на отдых.
Рано утром обоз двинулся дальше. После обеда, на следующий день, Владыкин достал маршрутную карту и, определив свое место нахождения, пришел просто в восторг от открывающейся панорамы.
Налево - высокая 25-ти метровая терраса, монолитной стальной грудью, преграждала течение реки Колымы. От этого места русло реки круто поворачивало вправо, и в летнюю пору, ворчливо, с шипением проносясь по порогам всей своей мощью, река устремлялась в двухсотметровую скалу, образуя отвесные прижимы, едва переходимые, в период самого низкого уровня реки.
- Здесь! - скупо проговорил Владыкин, указав головой, старшему вознице, на высокую скальную террасу.
- Стой! Стой! Ст-о-й!! - раздалось по обозу от задней подводы до передней.
Владыкин неторопливо обошел обоз со старшим возчиком, поднявшись наверх, облюбовал место для базы партии, указал направление для объезда обозу и, встав на самом краю скального обрыва, снял шапку, молчаливо созерцая великолепие дикой суровой природы. Затем, глубоко вздохнув, помолился:
- Господи, на этом месте, в предстоящие месяцы должна будет проходить моя жизнь, с этой малой горсточкой людей. Здесь мне придется разрешать многие вопросы моей духовной и материальной жизни. Дай мне везде и во всем ощущать Твое незримое присутствие, а в нем Твой совет, Твое попечение, Твою охрану как надо мной так и над моими сотрудниками. Аминь.
После краткой молитвы Павел подошел к распряженному обозу, объявил часовой отдых и дальнейший план работы: до сумерек надлежало поставить палатку для ночлега людей и временное укрытие для лошадей. Больше недели, Владыкин со своими товарищами с увлечением работали по устройству базы партии. В самом живописном месте были поставлены две палатки для людей. Срублена из бревен временная конюшня для 4-5 лошадей, а также поставлен из массивных бревен склад - лабаз для продуктов и ценностей, с секретным запором. Внизу, у реки таежники соорудили палатку-баню, а в низком обрыве - примитивную печь для выпечки хлеба.

Следующий воскресный день Павел провел в посте и молитве, благодаря Бога за устройство. Затем определил, в стороне от базы, среди густой заросли, "беседку" для молитвы, которая оправдала свое назначение в течение всего пребывания здесь. Так, день за днем, незаметно, за устройством жизни пролетело время. Первое тепло, кажется, из всей тайги первым пришло на базу. В течение двух дней совершенно сошел притоптанный снег, и в расположении базы обнаружилось много нор. Оказывается, до поселения таежников - людей, здесь безраздельно хозяйничали суслики. С гневным посвистыванием, старые маленькие хозяева угрожающе выскакивали один за другим из своих норок, пока вскоре не примирились с людьми совсем, подкупленные золотистым зерном и другими остатками пищи. Впоследствии, при звуках самодельной балалайки, все они выскакивали из нор и оказывались неутомимыми слушателями, хотя и самыми беспокойными. Со временем, обитатели базы без затруднения переловили все сусликовое хозяйство, любезно повесив каждому бирку с присвоенным именем, с чем они прожили все лето. А лето здесь подошло, как-то без весны, совершенно неожиданно.
В конце мая, без обычной ледоломной канонады, в одну ночь тихо поломался лед, а утром, поднявшись, Павел услышал необычное, ворчливое клокотанье красавицы-реки Колымы, вызванное неугомонной борьбой с невозмутимо красующейся гранитной грудью высокого обрыва, на котором поселились люди. Почти одновременно лиственница покрылась мелкими зелеными пучками благоухающей хвои, а через два-три дня после этого, к берегу, под восторженные крики приветствия, причалил кунгас с дефицитным грузом и начальником партии.
Жизнь на базе несколько изменилась, и все приняло деловой характер. К походам стали готовить лошадей и людской отряд. Самое дорогое было то, что начальник привез письма и телеграмму. На одном из конвертов Павел увидел, совершенно незнакомый для него, почерк. Не без внутреннего трепета, он вскрыл его и убедился, что это письмо от Наташи. Впервые в жизни он читал письмо от девушки-христианки, поэтому, от начала до конца, он подверг тщательному анализу все письмо.
Из прочитанного, он определил, прежде всего, что письмо сестрой было написано не впервые, но и не без волнения. Сестра Наташа представилась ему достаточно грамотной и, что самое важное, не поверхностной, самостоятельной в доводах, излагаемых в письме, в тех жизненных вопросах, которые в таких случаях возникают прежде всего.
В письме Наташа сообщала о той жизненной полемике (относительно его предложения) между родственниками и друзьями, о тех впечатлениях, какие сложились у нее о северном крае. Относительно предложения Павла, она не сообщила чего-то обещающего, но между строк ясно обозначилось полное доверие Господу и покорность Его воле. Закончила письмо, готовностью переписываться дальше и просила усердно молиться, чтобы Сам Бог определил их будущность. Извинилась за то, что не смогла прислать своей фотографии (так как ее не оказалось), но сама попросила фотокарточку от Павла.
Письмом Павел остался очень доволен, так как оно помогло составить положительное представление о Наташе. Перечитал он его неоднократно и заключил вслух:
- Прежде всего, безошибочно - это сестра.
Второе письмо было от мамы, в котором она выражала свое томительное ожидание его возвращения. Но трогательнее всего было то, что бабушка Катерина, услышав о его благополучии, заливается слезами и не хочет утешиться, пока не увидит его самого. Все это стало наводить Павла на мысль:
- Может быть, Господь будет открывать путь к моему возвращению из этих дебрей.
Но такое желание как-то сразу затухало при сознании, что там идет еще война - мечта о возвращении неосуществима, так как выезд был закрыт для всех.
Женя в письме сообщил, что ответа на вызов Владыкина, пока нет никакого и советовал написать заявление повторно. Из всего прочитанного Павел заключил, что нужно с терпением ожидать решения судьбы от Господа, а, главное, все усилия прилагать к непрерывному общению с Богом.
Находясь на базе, он ежедневно, рано утром, 1-2 часа молился в своей "беседке", откуда уходил всегда исполненным духовной силы и энергии. Воскресные и другие праздничные дни с раннего утра до позднего часа проводил в посте. С базы уходил вглубь тайги и, оставаясь наедине, проводил настоящее служение Богу: пел, молился, вслух рассуждал о Слове Божьем, причем эти рассуждения приобретали форму проповеди.
Перед началом походов в тайгу, Павел с начальником партии побывал в гостях у геологоразведчиков, в 12-ти километрах от базы, где находилась стационарная радиостанция. К большой радости, через эту радиостанцию, в

течение всего лета, он обменивался радиограммами с Наташей и с кем желал. Поэтому, находясь в глухой тайге, Павел не был оторван от друзей и, приходя с таежных походов, на базе всегда находил весточку от близких. Жизнь, находящегося в походах Владыкина, приобретала образ библейских патриархов. Дикая суровая природа была для него поистине наглядным пособием к изучению величия и могущества Божьего. По роду занятий, им приходилось проводить работы на вершинах гор, причем самых высоких, порой покрытых вечными снегами. Почти всегда Павел, после выполненного задания, оставался на вершине горы один. Тогда часами, в заоблачной высоте, он громко молился Богу и с наслаждением, во всю мощь легких, пел гимны хвалы Создателю и Творцу. Единственными свидетелями его общения с Богом были горные орлы, а изредка горные туры-бараны, наблюдавшие за ним с соседних вершин.

Такие духовные общения всегда сопровождались откровениями тайн Божьих из Библии и наполняли душу таким сладостным чувством, что с горы он не сходил, а как бы слетал на невидимых крыльях. Сотни горных вершин, густо поросших холмов и зарослей на берегу горных потоков служили Павлу Владыкину теми жертвенниками, на которых он служил Господу. Печатного Слова Божьего у него не было. Единственно, чем он располагал, это самодельный блокнотик, в котором было списано несколько мест из Библии и христианские гимны. Но зато, из всего переписанного, не осталось ни одного стиха, на который Павел не произнес бы на своих жертвенниках проповедь, сопровождающуюся слезами. Только дикие скалы, в некоторых случаях, отвечали ему многоголосым раскатом - А-м-и-н-ь!

Всегда, когда Дух Божий посещал его с особой силой, он просил Господа, чтобы от этого обилия, Бог посылал бы потоки благословений в собрания христиан, о которых он только предполагал.

* * *

В конце одного из таежных походов, в 30-ти километрах от базы, рабочие из другой разведывательной партии сообщили ему, что 15 дней назад было объявлено об окончании Великой Отечественной войны. Все как один, после этого были заняты одним жгучим вопросом: что будет с ними дальше? По 10-12-15 лет люди прожили в этих дебрях, оторванные от родных. Не обошел этот вопрос и Владыкина. Возвращаясь на базу, Павел зашел по пути на радиостанцию. Там его ожидали телеграммы от Наташи и Жени, а на базе - письма. Его маршрут длился больше месяца, поэтому в телеграммах выражалась тревога о прекращении известий от него. Письмо Наташи было особым, исчерпывающим. В нем она сообщала, что все, сомневающиеся в Павле, сказали, наконец, свое расположение к нему, среди них и мама, Екатерина Тимофеевна. А сама Наташа, хоть скупо, конкретно, но просто, сердечно согласилась на брачный союз с Павлом, и что это согласие было скреплено там, в кругу родных и друзей, молитвой.

Как водная стихия, всякие мысли и варианты вскружили голову юноши, но все они разбивались об одну проблему, когда и каким будет конец его скитаниям по этим дебрям? Почувствовав, что вместо восторга, от согласия Наташи, подходит отчаяние перед горами неразрешимых проблем, Павел встал, ушел в свою "беседку" и упал там на колени. Молитвы не было, был крик истомленной души, но ответ был немедленным. Им овладел удивительный покой, после произнесенных слов из Псалма: "Предай Господу путь твой, и уповай на Него, и Он совершит". Затем вопрос брачного союза, как-то отодвинулся на задний план, а предстал вопрос о святом водном крещении. Ведь прошло уже десять лет со дня его покаяния, это были годы жгучих испытаний, в которых испытывал его Сам Бог, а когда же крещение? За истекший период он ни разу не чувствовал побуждения к крещению и не встречал ни одного служителя Божьего, понуждавшего его к этому, и могущего крестить.

Все эти мысли овладели им тут же, и он, стоя на коленях, убедился, что это голос Духа Святого, и горячо выразил свое желание в молитве. После молитвы мысль о крещении овладела всем его существом. Господь ясно открыл ему смысл крещения, возможность его, и желание к этому превратилось у него в жажду.

Непоколебимой верой наполнилось его сердце, и Павел стал не просто просить, а ждать крестителя. Он ждал его каждый день, выходя и посматривая на таежную тропу, ждал в каждом редком прохожем, кто появлялся в расположении базы, ждал в нелюдимой тайге на звериных тропах. И когда какой-то дерзкий голос изнутри насмешливо теребил его: "Откуда тебе придет креститель, в этом безлюдье, с неба что ли?" - Павел знал, что это не от Бога и отвечал кротко, без малейшего сомнения: "Господи, это не мое дело - Твое, но я его не перестану ждать". Никакого другого призвания и желания он не видел в себе и не хотел видеть, кроме того, чтобы быть подлинным христианином. В этом он видел свое счастье, и само имя Христианин звучало в его душе так

пленительно, высоко. Но христианином мог быть только человек, крестившийся во Христа Иисуса. "Все вы, во Христа крестившиеся, во Христа облеклись" (Гал.3:27). И это не просто обычай, но священный ритуал, совершаемый над телом человека, это прежде всего, погружение во Христа глубокой верой, и это должно быть насущной потребностью всякого, обращенного ко Христу.

* * *

Так прошло лето 1945 года. Каждый день, каждое переживание в жизни Владыкина открывало новую страницу в великой Книге познания Бога и познания жизни. Духовные силы Павла крепли ощутимо от усиленного общения с Богом, и он чувствовал, что Бог готовит его, в этой пустыне, на какое-то, неведомое для него, служение. Еще он понял, что все его дела, с Божественной последовательностью, устраивались.

В служебном деле Павел видел чудеса Божьего благословения, и он не просто изучал предмет своих занятий, а получал все это как дар от Бога. В течение лета Павел, от старшего своего начальника из управления, получил задание по выполнению программы, наравне со своим дипломированным начальником, и успешно выполнил его, раньше назначенного срока. Это, в известной мере, послужило большим преимуществом в определении его дальнейшей судьбы.

Во время инспектирования производимых работ, Павел получил не только отличную оценку и повышение в должности, но сам инспектирующий начальник из управления, узнав о союзе Владыкина с Наташей, отозвался приложить все свои связи и старания, к немедленному оформлению повторного вызова Наташи на Колыму. И это было выполнено им так верно и быстро, что, к удивлению всех сотрудников и самого Павла, по возвращении партии в поселок Усть-Омчуг, т.е. к началу Колымской зимы, из Москвы Владыкину было сообщено об официальном разрешении выезда Кабаевой Наталии Гаврииловны на территорию Крайнего Севера, для постоянного жительства.

После всех этих событий, ожидание Павла становилось с каждым днем более томительным. Наташины телеграммы были почти однообразны: "Вызова жду" "Вызова нет".

Таежные походы в партии подходили к концу. После первых сентябрьских паводков и заморозков, вся тайга позолотилась, а в течение недели - ее золотой убор был уже на земле; наступила тихая, золотая осень. Появились первые вереницы перелетных птиц. Павел невольно вспомнил слова Жениного гимна, и грусть стала сжимать грудь:

Птички Божьи, домой собирайтесь,
Вам к отлету настала пора...

Слезы в молитве стали обильнее, горячее. В числе последних доставок корреспонденции, Павлу пришло письмо от Наташи, которое вызвало волнение в душе больше, чем от первого письма. Прежде всего, из развернутой четвертушки выпало маленькое фото паспортного формата. Это была Наташа. Павел вышел из палатки на берег обрыва и впился в каждый квадратный миллиметр лица любимой девушки-сестры: широко открытые глаза под естественными, крупными витками, незатейливо причесанных прядей волос, нависших над бровями, и женский овал, подчеркнутый слегка расширенными ноздрями - подкупали неподдельным простодушием и притягательной добротой всякого, кто в женщине искал, прежде всего, сердечного, бескорыстного друга. По крайней мере, глядя в такое лицо человека, который способен верить другому, снимается при встрече всякая настороженность.

Это как раз соответствовало запросу души Владыкина. Хотя он и не искал, но оно пришло, как кем-то приготовленное. После тщательного изучения фотографии, Владыкин проверил свое сердце. Образ Наташи не отличался какой-то особенностью, как об этом сказали ему Женя с Лидой весной, но, с другой стороны, он отражал то ее внутреннее состояние, которое помогло Павлу дополнить представление, полученное от переписки с ней. Более же всего, Павел благодарил Бога, что при определении спутницы жизни, его интересовал больше внутренний, духовный облик Наташи, а не внешний. Бог же дал - и то и другое.

После осмотра фотографии, он вынес определение, которое потом не менялось в течение всей жизни: "Такой именно, она и должна быть". Павел почувствовал, как с его души спало какое-то напряжение, потому что до этого, где-то в подсознании, у него все же стоял вопрос: "А какая она?"

На утро следующего дня вся тайга была одета мощным снеговым покровом. Это послужило сигналом к сборам и возвращению в поселок, а крестителя по-прежнему не было.

Остаток имущества и дефицитный груз были приготовлены во вьюках для четырех имеющихся лошадей, а остальное было спущено в кунгас, по реке вниз, и сдано на временное хранение, на склад при радиостанции. Последний раз Владыкин отослал Наташе письмо.
Возвращавшимся людям и животным был дан последний день для отдыха. Этот день Владыкин провел в самых отрадных воспоминаниях. Выйдя на возвышенное место, он оглядел, последний раз, ту дикую природу, которая восхитительным зрелищем встретила его, и величественно провожала. На ближнем горизонте, серебряным ожерельем, сверкала заоблачная цепь Анначика. На одной из ее вершин, в течение четырех часов, Павел наслаждался единением с Господом в молитве, славословии и пении. Вспомнилось Павлу живописное озеро Джек Лондон, расположенное за грядой Анначик, на большой высоте и, окруженное многочисленными озерцами, самой причудливой формы. Вспомнился малиновый золотистый закат на берегу озера и, потрясающая душу, молитва за дорогое братство, разметанное ураганом гонений, с 1928 года по этим диким дебрям, может быть, для того, чтобы кровью мучеников полить эти звериные тропы и вознести им свои молитвы. Где-то здесь, по этим суровым окраинам, прошли их отцы. Ему думалось, что эти горы и долины, которые служили ему жертвенниками, являлись тем великим алтарем, на который легло братство христиан-баптистов недалеких прошлых времен. Здесь же, на этом жертвеннике, он положил вместе с Женей Комаровым и другими своими современниками, а, может быть, и с отцами, и себя. Здесь, на этих суровых окраинах земли, несмотря на лед, уже сковавший реки, он хотел бы закрепить свою жертвенную жизнь для Бога через крещение, вступление в завет с Ним.
Расставаясь утром с утесом, Павел подумал: "А не могут ли быть эти скитания последними по этим местам? Ведь есть у Бога и милость, буду просить и ждать".

* * *

Усть-Омчуг встретил таежников по-праздничному. Безоблачное небо отражало золотистые лучи заката, а сотрудники при встрече, радостно поздравляли с возвращением. Владыкин переступил порог Жениной квартиры, когда все уже были в сборе.
- Павел, наконец-то, дождались мы тебя, - протягивая руки и обнимая, приветствовал Женя своего друга. - Это настоящий таежник, - добавил он, рассматривая темно-коричневый овал лица и кисти его рук. - Ну, первым делом, я сообщу тебе, друг мой, брат мой, усталый, страдающий брат, что креститель здесь, и все ждем тебя. Одного уже крестили десять дней назад. Как ты на это дело смотришь?
Павел, вместо ответа, тут же опустился на колени и в молитве благодарил Бога за такой чудный, своевременный ответ. Из молитвы Женя с Лидой определили, как томительно, но с постоянством Владыкин ожидал крестителя, узнали также и о прочих переживаниях друга. Далеко за полночь просидели друзья за беседой, два раза готовили чай и обменивались взаимно всеми новостями. В результате беседы, тут же было написано заявление о выезде Владыкина на "материк" для бракосочетания и свидания с родными. Лида из последнего письма прочитала, что не только дом Кабаевых, но и все ташкентские друзья заняты судьбой Владыкина с Наташей.
- Ну, ладно, - сказал Павел, - а теперь, давайте поговорим о крещении.
- А что о нем говорить, Павел, - ответил Женя, - у нас уже все решено. Завтра восьмое ноября, все отдыхают; соберемся прямо с утра на собрание, нас уже восемь человек, утвердим твое членство; креститель-старец ждет тебя; а остальное уже от тебя зависит, ведь река вся закована льдом, что ты скажешь?
- Женя, Женя, что ты спрашиваешь меня, - ответил Павел, - лишь бы сердце не было сковано льдом...
Считаю себя счастливым, что имею возможность креститься во льдах Крайнего Севера. Ведь я был свидетелем первого крещения в 1922 году, в проруби, и участником его была моя мать - Лукерья Ивановна Владыкина, друг-то твой - из этого поколения. Видно, Самим Богом, предназначены для нашего поколения: огонь да лед.
Утро следующего дня было на диво прекрасным, тихим, теплым, солнечным. Маленькая комнатушка Комаровых наполнилась до отказа христианами-отшельниками. Призвав к молитве, собрание начал проводить брат Михаил Михайлович, прочитав из 1Пет.2:5: "И сами, как живые камни, устрояйте из себя дом духовный, священство святое, чтобы приносить духовные жертвы, благоприятные Богу Иисусом Христом".
- Братья и сестры, нам выпала великая и благая честь не только веровать во Христа Иисуса, но и страдать за Него. Более того, страдать с благовестием, сражаясь за истину Божью, причем в сражениях не терять борцов, а приобретать; и в этом мы видим чудо Божьего водительства. Прочитанное место напоминает нам о том, что на

нашей обязанности и ответственности, как на Церкви Иисуса Христа, живой и непобедимой, - устроять дом духовный, независимо от обстоятельств и времени. Вот и в этот час, устрояя дом Божий, мы собрались засвидетельствовать перед небом и друг перед другом, что несмотря на ужасы пережитого, к Церкви Иисуса Христа прилагается новый живой камень в лице нашего достойного брата-юноши, Павла Петровича Владыкина; поэтому помолимся еще раз и вынесем наше решение о нем. Аминь.
Все, с умилением, опустились на колени. После молитвы Михайл Михайлович предложил задавать вопросы Павлу, но все опустив головы, в раздумье, молчали. Вопросов не находилось; путь брата был всем известен и ясен.
- Попросим выйти, брат Павел.
Когда Владыкин вышел, поднялся Женя Комаров и, окинув всех взглядом, сказал:
- Братья и сестры, в чем мы можем испытать того, кого Сам Бог испытывал в течение 10 лет? ...Я предлагаю утвердить его, приняв в члены Церкви Иисуса Христа, - закончил он, со слезами на глазах.
Все единодушно подтвердили это вставанием; и тут же поручили Михаилу Михайловичу сопровождать его и служить при крещении. Пригласив Павла, объявили ему решение, и благодарственной молитвой закончили это дорогое собрание.
Пробираясь между зарослей, трое братьев вышли на широкую пойму реки Детрин и, подойдя к ее руслу, остановились вдали от поселка. Михаил Михайлович с пешней в руке прошел на середину и, сделав несколько ударов, пробил лед. Вскоре, откалывая кусок за куском, брат выдолбил во льду прорубь и предупредил братьев, что можно начинать. Здесь же, на льду, крещаемый и креститель приготовились, и встали на краткую молитву. После молитвы Михаил Михайлович помог опуститься в прорубь старцу-крестителю, а вслед за ним и Владыкину.
Быстрое течение рвануло обоих в сторону, но, крепко уцепившись друг за друга, братья выправились и спокойно приготовились к погружению. В коротких словах, Павел торжественно дал обещание: служить Богу в доброй совести, засвидетельствовав свою веру во Христа Иисуса как Сына Божьего.
Ледяная пучина на мгновение покрыла его. Как кипятком ошпарило все тело, дыхание сковало. На мгновение, в сознании Павла мелькнуло: "Действительно, это крещение в смерть, это ледяная могила..." Первый вздох он сделал, когда брат Михаил Михайлович поднял его наверх. Вслед за ним брат поднял старца-крестителя.
На противоположной стороне два охотника, стоя на лыжах, были изумлены, не понимая, что люди делают.
Так было совершено долгожданное крещение Павла Владыкина. Возвращались в поселок не обходом через тайгу, а напрямик, утопая по колено в снегу. В комнате все были в сборе; после благодарственной молитвы, поздравив Павла, провели несколько часов за торжественной трапезой любви.

* * *

Огонь Духа Святого, каким загорелся внутренний человек Владыкина, невольно зажигал и сердца, окружающих его, друзей. Вновь, по воскресным дням, проводили собрания в тайге у костра. Но увы, измученный многолетними скитаниями, народ рвался душой и телом к семьям, тем более, что вся страна, по окончании войны, кажется, объединилась в одном вопросе: "Что теперь будет впереди?" Один за другим, начали убывать и братья. У костра собирались уже 4-5 человек, а начавшиеся морозы, удерживали и сестру Лиду в квартире.
Наконец, однажды к костру пришел только Павел: собрал головешки в кучу и, привычным жестом руки, зажег сухие щепки. Пламя, под действием сильного холода и тумана, разгоралось неохотно, термометр показывал 56 градусов мороза, но старанием Владыкина, костер вскоре запылал, разливая вокруг себя жизненную теплоту. Опустившись на колени, он долго усердно молился за все страждущее братство, за своих друзей, за свою будущую судьбу. Таким разметанным костром представилось, его духовному взору, родное братство христиан: которое кому-то, вот так же надлежало собрать в кучу; кому-то зажечь огнем ревности; кому-то подкладывать дрова в этот костер - а кругом, вот такая же, ледяная мга и сковывающий душу минус. Но кому?
Он стал в уме перебирать своих здешних друзей. От души Павел всех их любил вместе с сестрой Лидой, все они приняли участие в его судьбе, но у костра их не оказалось. Измученные многолетними скитаниями, они тянулись теперь всеми силами души к какому-то уюту. Стоящим на коленях Павлом, овладевало все большее желание: не осудить их, а, по возможности, собрать к общему, Божьему огню.

Напоенный благодатью, Павел вышел в пойму реки и, пробираясь через сугробы к поселку, невольно остановился у одной из коряжин, она ему показалась знакомой. Приглядевшись пристальней, он определил, что эта та самая, которая в прошлую зиму служила ему прибежищем, местом молитв; только прошедшие паводки нанесли еще больше кореньев вокруг нее. Павел был очень рад: расчистил место, более удобным сделал подход и решил в дальнейшем не покидать его. Выйдя из-под коряги, он взглянул на солнце. Оно было окружено каким-то радужным кольцом. - Будет пурга, - заключил он и неторопливо зашагал к дому.
Все эти переживания понудили Павла к усиленной молитве с неоднократными постами, после чего он совершенно доверился Богу и успокоился. Вариант с выездом, однако, повторился в третий раз и уже где-то в верхах, причем без участия самого Владыкина, но, и как в предыдущих случаях, в выезде было отказано. К середине декабря Павел расстался с мыслью о выезде, вещи приготовил к распаковке.

Глава 10.
Брак Павла с Наташей.

"Двоим лучше, нежели одному; потому что у них есть доброе вознаграждение в труде их"
Еккл.4:9

В конце ноября Владыкину сообщили, что начальником управления подписано его заявление с ходатайством о выезде на "материк". Все сотрудники и друзья поздравляли его с небывалым чудом, и многие содействовали его сборам. Учитывая послевоенные материальные затруднения в Ташкенте, Лида с Женей снабдили Павла мукой, сахаром, жирами и другими продуктами. Сам он заказал сапожнику две пары женских туфель, причем одну для Наташи. Наконец, когда все уже было собрано и упаковано, Павел пошел узнать о времени и порядке оформления отъезда, но увы, в высшей инстанции, на заявлении Владыкина было написано - отказать.
Это известие сильно встревожило самого Павла и ошеломило сотрудников. Все были уверены, что выезд будет разрешен и готовились к проводам. Еще усерднее стал молиться Павел Господу, понимая, что это искушение.
Через несколько дней из главного управления приехало несколько начальников. В числе многих дел к рассмотрению, местное начальство представило повторное ходатайство о выезде Владыкина. Работник главного управления лично познакомился с Павлом и заверил, что его выезд будет разрешен, без каких-либо затруднений.
Через несколько дней (после их отъезда) в отделе было получено сообщение, что Владыкин может ожидать на днях сигнал к оформлению. Опять все всполошились, причем круг, сочувствующих Павлу, значительно увеличился. Однако и здесь ожидание оказалось тщетным - более компетентные лица в выезде отказали.
Все эти переживания понудили Павла к усиленной молитве с неоднократными постами, после чего он совершенно доверился Богу и успокоился. Вариант с выездом, однако, повторился в третий раз и уже где-то в верхах, причем без участия самого Владыкина, но, и как в предыдущих случаях, в выезде было отказано. К середине декабря Павел расстался с мыслью о выезде, вещи приготовил к распаковке.

* * *

Утро в отделе началось как обычно, все были заняты своим делом. Только Женя, внимательно посмотрев на друга, подошел и утешил:
- Крепись, Павел, и не унывай, все от Бога, и Он непременно все устроит ко благу.
Не успел он дойти до своего места, как в отдел позвонили и попросили Владыкина прийти в отдел кадров. Все, в ожидании, насторожились. Павел вышел.
- Ну, товарищ Владыкин, видно, не напрасно ты веришь в Бога. Ты поверь, ведь и мы-то все за тебя изболелись, - заявил ему зав. кадрами, - думали, что все уже потеряно, ведь самые "большие" отказали, а тут, вот тебе на - какой-то сотрудник предложил вариант, мимо всех этих высоких людей... Вот тебе обходная, вот удостоверение на 6 месяцев отпуска, мчись, оформляйся... Завтра, с вольными отпускниками, выезжай в порт...
...Корабль уже ожидает вас; и поздравляю тебя... Ну, в общем, вези жену молодую, да смелую... - пожимая крепко руку, выпроводил его зав. кадрами из кабинета.
В отдел Владыкин вошел улыбающийся, сильно возбужденный, с обходным листом в руке.
- Ну, друзья мои, за сочувствие всем спасибо, завтра отъезжаю... - проговорил он на ходу, затем бессмысленно посмотрел на свой стол и торопливо выбежал на оформление, но тут же возвратился... забыл на столе обходной лист.

- Павел, успокойся! Трудностей впереди еще очень много, - остановил его Женя. - Прежде всего, дай я тебя поцелую, да и сотрудники поздравят тебя; все мы вместе с тобой переживаем.
Владыкин сконфуженно улыбнулся и всем подал с благодарностью руку. Вечером, когда было уже все оформлено, Владыкин отправил краткое письмо матери (с извещением о возможной скорой встрече) и телеграмму Наташе: "Получаю выезд Ехать или нет Павел".
Расставаясь, Женя с Лидой очень много рассказывали ему о своих ташкентских друзьях, молодых и старых, и просили, по возможности, встретиться с каждым из них: с братом Павлом Ковтуном, который расстался с Женей в Атке, когда старец Феофанов разделил между ними последние девять рублей; с дорогим, незабвенным старцем Седых Игнатием Прокофьевичем, который был так близко к христианской молодежи. Просили особенно: посетить и утешить вдову - жену брата Баратова, сестру Полю. Кроме них, Женя отрекомендовал как опытных проповедников и умудренных в Слове Божьем: Павла Ивановича Умелова, Иону Яковлевича Громова; предупредили, между прочим, и о Сыче Фоме Лукиче, как редком льстеце, с елейным голосом, но лукавым сердцем. Наконец, с особым вниманием и подробностями, Женя рассказал о своем дорогом друге и сотруднике - Мише Шпаке. Перед этим все братья-страдальцы, по инициативе Комарова и Владыкина, собрали большую сумму денег и с молитвой вручили для передачи его семье, а, если возможно, и самому узнику. Просили встретиться и передать сердечное приветствие с пожеланием - быть верным до конца.

* * *

В Магадане пришлось прожить целую неделю, там Владыкин встретил немало затруднений, особенно с пропуском, так как эта проблема обернулась выбором между невестой и матерью, живущих на разных концах материка. Но и здесь Господь явил чудо Своей милости через молитву веры Павла. В посте пребывать приходилось почти через день. Наконец, как бы раздвинулись все стены, и в конце декабря океанское судно, на котором находился Владыкин, оповестило окрестности Магадана мощным басом о своем отправлении, отчалив от пирса Нагаевского порта, в сопровождении мощного ледокола, прокладывающего ему путь через ледяную торосистую пустыню в Охотское море. За кормой медленно тускнели очертания сопок, окаймляющих бухту Нагаево, а там, за перевалами, осталась, окутанная смертной тенью, Колыма. В последний час перед посадкой сотрудники сообщили по телефону, что в тайге мороз в 61 градус. Ровно десять лет назад, сердце Владыкина сжималось до предела, при виде нелюдимой природы, таяло от угрожающей догадки: "Возвращусь ли я, когда-нибудь из этих ужасных мест?... Что ждет меня здесь?..."
Теперь он стоял спиной к пройденному. Все ужасы пережитого остались позади, впереди расстилались бескрайние просторы, взъерошенные сверкающими на солнце торосами, а грудь не сжимало, но распирало от ожидания светлого, счастливого будущего. Все было по-праздничному прекрасно, особенно, когда ледяная пустыня Охотского моря сменилась черными языками разводья. Прекрасен был рокот океанского прибоя у Курильских островов, синяя легкая зыбь Тихого океана, кашалоты, бороздящие слегка взволнованный горизонт, и стаи уточек, безмятежно проплывающих за бортом, и полчище косматых медуз, безжалостно отгоняемых волной. Все это, как-то сказочно, через 4-5 дней сменило лютую колымскую стужу. Павел почти беспрерывно перебегал с правого борта на левый, любуясь новыми картинами, благодарил Бога и радовался, как дитя. Он ясно понимал, что все это была награда от Господа за многие лютые беды, и ликовал, убеждаясь воочию, что такое у Господа: "Вечером водворяется плач, а наутро радость".
К порту Находка причалили утром; и здесь все было по-праздничному. Со всей массой Владыкин влился в базарную сутолоку, торопливо покупая и кушая все, чего глаза не видели более 10 лет. С наслаждением Павел разглядывал домашних гусей, уток, кур, баранов и козлов, русские крестьянские хатенки и, что особенно интересно - железнодорожное хозяйство: вагоны, паровозы. Только теперь ему открылось значение, какое вкладывали колымчане в слово "материк", таким образом, совершенно отличая жизненные условия Колымы, от жизни населенных районов страны.

* * *

- Илюшка! Илюшка! Ктой-то стучица, - торопила Луша младшего сына.
"Юлой" мальчонка выскочил за дверь, оставив за собой клочок морозного облака, и тут же вбежал обратно с конвертом заказного письма, прыгая на одной ноге, дразня мать. Луша догадалась, что весточка от Павла, и, как ожидалось - очень важная.

- Ну, будеть тебе, баловень, давай сюда! - потянулась мать к сынишке за письмом.
"Мама, целую тебя, бабушку и ребят. Всех вас приветствую именем драгоценного Господа Иисуса Христа. Я сообщаю вам великую радость, какую может нам послать только Господь, воскрешающий мертвых. Мне разрешило начальство, по каким-то неизвестным правилам, выехать на шесть месяцев к вам, чтобы повидаться. Я об этом много молился и верил; и вот Бог дал. На днях я выезжаю, но когда приеду к вам - неизвестно, так как нас отделяет более десяти тысяч километров, пробираться придется и машиной, и морями, и поездом. Должен тебе сообщить и еще новость. Ты ведь знаешь, что мне уже больше тридцати лет, и я просил у Господа спутницу жизни. Он мне ее послал. Христианка, 24 года, родители тоже верующие, познакомились письменно, с многими добрыми свидетельствами. Полюбили друг друга по вере, карточками обменялись только сейчас. Она из Ташкента, звать Наташа, и я по дороге должен заехать к ним - для бракосочетания, а потом уже, Бог даст - увидимся с тобой.
Бабушке, пожалуй, пока не говорите, для нее неопределенное время ждать непосильно. Целую всех вас, ждите. Верьте.
Твой сын, Павел".
Один Бог только знает, что в это время пережило сердце вдовы и матери Луши. Несколько лет сын был мертв для нее, но ожил и нашелся, был мучительно недосягаем, а теперь, он едет...
- О, Господи, Боже мой милостивый. Ты знаешь все... - с этими словами она повалилась на постель и предалась на волю тех чувств, какие могут быть только у матери-христианки. Ведь радости был - океан, а сердце-то - немного больше кружки.
Сбежались все домашние, письмо переходило из рук в руки. Потом начался совет, как все приводить в порядок и как встречать Павла. Всем он представлялся каким-то большим и почему-то строгим. Поэтому все, наиболее провинившиеся, заметно притихли. Целую неделю в доме была генеральная уборка: белилось, клеилось, чистилось, скоблилось, перестанавливалось.
О приезде Павла немедленно разнеслось среди родных и верующих, и дом Владыкиных вновь оживал. Однако время шло, а Павел с приездом почему-то все медлил. Мучительной тоской начало сжимать грудь Луши: "Уж не случилось ли чего опять?"

* * *

После недельного ожидания и отдыха по окончании плавания, получив вещи, колымчане стали разъезжаться по необъятным просторам страны. Павел не мог оторваться от окна вагона, поглощая взглядом, пробегающие незнакомые пейзажи Дальнего Востока, Забайкалья, Сибири. Особенно затрепетало его сердце, когда проезжали город Биробиджан. Как бы отвечая ударам его замирающего сердца, поезд мерно отстукивал колесами на стыках, медленно проезжая мимо тех мест, где в многочисленных схватках жизни со смертью, несколько лет проходила, жутким маршем, его молодость.
Ритм движения поезда будил воспоминания прошлого. Вот город Известковый на замшелом болоте, как серый призрак, выбежал из небытия. Здесь (в 1935 году) сделал он с арестантской сумкой первые шаги по дороге испытания. Через 10-15 минут, цокая буферами, еле-еле продвигаясь на крутом повороте, поезд проходил мимо потока "Хораф".
Теперь он, скованный льдом, покоился под ворохами, наметанных пургой, сугробов, но Владыкин разглядел бы его и ночью. Здесь находил он ключ к не разрешенным проблемам жизни, здесь вдохновлялся на новые подвиги, будучи поверженным в прах от изнеможения. Познавая свое ничтожество, в рыданиях, сливаясь с говорливыми струями потока, он поднимался до великого, недосягаемого; изливал в горести душу перед Творцом и слушал неизреченные слова Его, переполняющие восторгом сердце.
...Но вот и первая фаланга - грозная арена жизни. Подернутые морозным бельмом стекла и прогнившая местами крыша, на бывшем доме начальника засвидетельствовали, что он необитаем, как и ряд других построек. Вдали от дороги, через минуту, пробежал в окне остов русской печи среди большой груды развалин. Павел догадался, что это все, что осталось от избушки. Через час промелькнул, наполовину заметенный снегом, Лагар-Аул, а с ним не похороненные образы Архипа с Марией, теперь уже давно почивших. Неузнаваемо чужой, открылась вдруг перед Владыкиным за туннелем, обновленная панорама города Облучье. Выйдя на перрон, он долго вглядывался в окружающее, но увы, прожитое десятилетие все изменило так, что кроме окружающих сопок, все было иным.

Неизгладимыми остались только образы Зинаиды с бабушкой Юлей и вереницы тех, кто были невольными преподавателями в суровой школе жизни: Мацкий, Магда, начальник Ходько, Любовь Григорьевна и другие.
За окном, давно уже позади, осталась дальневосточная тайга с ее вздыбленными горными пейзажами, с причудливыми извилинами серпантинов между сопок. Проплыли необозримые просторы Забайкалья и само озеро Байкал, хранящее таинственное молчание под ледяным покровом. Вновь завыли сибирские метели, обдавая стекла вагонов снежной пылью, одна только мысль утешала Павла, что все это, вскоре, должно смениться ласковой теплотой юга.
В Новосибирск приехали рано; утро встретило стужей. Павлу два-три часа пришлось потратить на вокзале, в многолюдье, для оформления дальнейшего проезда в город Ташкент; но здесь, по милости Божьей (то, что люди привыкли часто называть случайностью), он получил, просто от Господа, номер в очереди, чтобы взять билет до самого Ташкента, но через трое суток. Огромное помещение вокзала было забито передвигающимися людьми, но что ему до того? Он ехал к невесте, а потом к дорогой бабушке и семье. Выйдя в город, Владыкин подумал: "Ведь есть же где-то и "свои", но как найти?" Помолившись Господу, Павел пошел с уверенностью, изучая каждого прохожего, ожидая, что Бог пошлет ему желаемое навстречу. По дороге он увидел православный храм. Жажда услышать и увидеть, что-либо напоминающее о Боге, побудила его зайти туда. Он рассуждал: "Ведь здесь же люди молятся и некоторые - от искреннего сердца".
Войдя внутрь, он увидел небольшую толпу, среди которых выделялись три молодых пары; шло венчание. Павел отошел в сторонку и, склонив колени, долго прилежно молился, забыв об окружающем. По окончании молитвы он заметил, что многие со вниманием и удивлением глядели на него. Воспользовавшись этим, Павел подошел и спросил, не знает ли кто, где живет кто-либо из евангельских баптистов. Ему ответили, что дом молитвы находится на улице Журинской, но днем он там никого не застанет. Тогда к Владыкину подошел подросток и изъявил желание проводить его к своей соседке, которая, по его словам, была баптисткой. Так, спустя одиннадцать лет, Павел перешагнул порог незнакомого ему дома и, увидев женщину, окруженную детьми, с трепетом в душе произнес: "Мир вам!"
С открытой душой и радостным взором хозяйка ответила на его приветствие, вопросительно ожидая дальнейших объяснений. Павел в нескольких словах рассказал о себе, что он с Крайнего Севера, где многие годы пробыл в страданиях за свидетельство Иисусово. Этого было достаточно, чтобы хозяюшка, с восторгом, вторично поприветствовала брата и, предприняв кое-какие хозяйственные приготовления, побежала пригласить своих по вере, из живущих по соседству. Через час в комнате собралось еще шесть человек из молодых и пожилых сестер. Дух Святой так коснулся сердец всех присутствующих и самого Павла, что все, в неописуемом восторге, слушая молодого гостя, умилялись и просидели до вечера. Юноша, впервые проповедуя, почувствовал, как Господь исполнял его силой и мудростью. Это была его первая проповедь, которую он сам посчитал, особой. После молитвы условились сделать перерыв, а позднее собралось на это место почти в два раза больше людей. Из беседы стало известно, что в доме молитвы собрание очень многолюдное, но детей вообще не допускают, не разрешают молодежи декламаций, проповедовать приезжим гостям, молиться за узников, петь многое из старых гимнов. Пресвитером общины поставлен недавно, досрочно освобожденный из заключения, брат Филипп Григорьевич Патковский, а помощником его Артур Осипович Мицкевич. В общине многие видят отступление, а поэтому, кроме собрания, отдельные группы верующих, в том числе молодежь, собираются в удобное им, свободное время по домам. Среди верующих заметно возмущение.
Владыкин был очень удивлен, услышав об этом неслыханном явлении, ничего подобного раньше (в своих общинах) он не знал. Для него понятие об общине - это что-то близкое, родное, святое, связанное с той дорогой любовью, память о которой в нем сохранилась с детских лет. Вечером, на следующий день, когда его привели в собрание, он действительно почувствовал себя очень неловко; несмотря на то, что в собрании он уже не был семнадцать лет, сердце не получило никакого утешения. Пение было очень знакомое, волнующее, поистине родное, но проповеди сухие, безжизненные, молитв очень мало - и какие-то не свои, как он выразился о них. Мучительно волновал душу один вопрос: чего, во всем этом, не хватает? С воплем, он вопросил об этом Господа и тут же получил ответ - огня.
Во время молитвы Павел почувствовал побуждение молиться: Он благодарил Бога за пережитые скорби, славил Господа за милость, молясь о гонимом братстве, об оставшихся на Севере друзьях, о скором пришествии и о готовности к Его встрече. Молитвенный поток, разгораясь, захватил многие сердца, полились слезы.

После молитвы, по окончании собрания Павел призвал всех ко вниманию и передал приветствие от узников Севера. Все стали расходиться, проходя мимо Владыкина, и он чувствовал, что многие глядят на него с отчуждением. Сначала он стоял одиноко, но потом вокруг него образовался маленький кружок, который быстро стал увеличиваться. От кафедры отделился пожилой мужчина и, подойдя к Владыкину, заявил официальным тоном:
- Брат, вы, я вижу, здесь новый человек, и к вам пришлось снизойти; но впредь знайте: молиться за узников можете дома, прежде всего, потому, что не разрешено, так как мы живем в свободной стране, и если и есть какие узники, то это по их неразумию. Негоже молиться и о пришествии, многие понимают это фанатично, как пишет ап. Павел, как будто уже наступил день Господень. Каждый это имеет в сердце своем, кому как открыто, зачем в людях возбуждать к этому особые чувства? Еще объясню вам, насчет привета: здесь принято свое приветствие писать на записке и передавать на кафедру, там прочитают и передадут привет, как полагается. А теперь я хочу вас поприветствовать, как брата, сочувствуя вашим переживаниям, и спросить: какое у вас впечатление о нашем собрании, может чего не хватает в нем; нам разрешили проводить его недавно, после большого перерыва.
Владыкин пристально взглянул в глаза подошедшего, подал ему руку (без целования) и коротко ответил:
- Брат-то, вы брат, но не мне; а не хватает в вашем собрании бича, каким Христос выгнал из храма торгующих...
- Ну... это уж вы напрасно... - начал было в оправдание этот человек, но ему не дали договорить, взяв Павла дружески под руки, "свои" вывели на улицу. Там он почувствовал себя, действительно, в кругу друзей, с которыми провел остаток времени в сладостном духовном общении и получил подробное объяснение о состоянии церкви.
В день отъезда новые друзья Павла, с глубоким признанием искренней любви, посадили его в вагон и тут же телеграфировали (по его просьбе) в Ташкент на адрес Наташи о его отъезде, с просьбой встретить его. Весь путь, от Новосибирска на юг, Павел провел с возрастающим настроением, свидетельствуя окружающим о Господе. Холода, с каждым днем заметнее, уступали ласковому теплу. Проезжая Чимкент, на разъездах, Павел, радуясь по-детски со многими пассажирами, срывал одуванчики и прочие первые подснежные цветочки. Когда же поезд стал приближаться к станции Арысь, где дорога поворачивала в сторону Европы, Павлом вдруг овладело мучительное беспокойство: "Куда я еду? Дома ждет старушка-мать уже десять лет, а здесь, кому я нужен? Что сказали бы добрые люди, если б узнали, что я вместо родной матери, еду к совершенно неизвестным мне людям? Честно ли это? Нет! Вот сейчас поезд остановится; я должен немедленно сойти и ехать в Европу, к матери..." Мысли так мучительно раздирали душу, что он просто растерялся: "А что же будет с Наташей и ташкентскими друзьями? Ведь я перед Богом и перед людьми дал ей слово жениха; сколько молитв, сколько переживаний, телеграмм; наконец, весь багаж идет на Ташкент; что же делать? Боже мой!" Мысли, чередуясь, одна за другой, так потрясали его, что он вышел из раздумья только тогда, когда поезд тронулся на Ташкент. Последующие три-четыре часа прошли в удивительной тишине, но внутри у него как будто все замерло. В сумерках, мириадами огней, приближался Ташкент: загадочный, неведомый, как и сама будущность. Весь вагон всполошился в сборах, а затем все замерли и приготовились к встречам. Стоя перед открытым окном, "сгорал" в догадках и Павел: "Встретят ли?"
Наконец, поезд, плавно подъехав к перрону, остановился. Лавиной, людской поток хлынул к подошедшему поезду; люди обнимались, целовались; мелькали разнообразием: платочки, шляпки, зонтики, сумки, баульчики, чемоданы, узлы. Затем медленным потоком людская лавина растеклась по широкому перрону и двинулась к выходу. Павел в первые минуты так же напряженно вглядывался в каждое лицо, но увы, все они были к нему безучастны и чужды. Выходил Павел из вагона самым последним, с огромной ношей подарков в чемодане и узлах, когда у вагона уже не было никого.
"Никому ты не нужен!" - "ножом" резанула мысль съежившееся сердце.
Павел долго одиноко стоял около вагона с грудой вещей, пока прошли и запоздалые пассажиры. Затем пошел с большими затруднениями по перрону, лелея в душе надежду: может быть, бегают, ищут... Но когда весь перрон опустел, он, с легкой досадой, молчаливо добрался до склада и почти все сдал на хранение.
С небольшим чемоданом в руке, он долго стоял на углу площади в нерешительности: что делать? Куда идти? Затем помолился и принял решение: искать невесту, ехать прямо к ней.
Прохожие любезно указали ему нужный транспорт, а моросящий дождик поторопил его войти в трамвай. Выйдя на указанной ему остановке, он скрылся в глубине темной улицы, разыскивая нужный номер дома; но увы, дома

ему почти не попадались; вдоль всей улицы тянулись глиняные заборы (дувалы), а когда он доходил до калитки, то на его стук, кроме собачьего лая, никто не отзывался. Бесконечной однообразной лентой тянулись вдоль узенького тротуара дувалы. Редкие прохожие испуганно обходили его с ответом: "Не знаю". Наконец, одна женщина, проходя мимо, возвратила его назад и указала ему на калитку домкома (ответственного по домовому комитету), но после долгого стука ему сообщили, что домкома нет. Владыкин возвратился вновь к исходному углу и, отсчитывая калитки, остановился у предполагаемой. Не дождавшись никого на стук, он резко ударил в дверь и вошел во двор. В сопровождении лающего пса, Павел прошел в жилище и застал всю семью за ужином. Все смотрели на него с недоумением, переговариваясь на незнакомом ему наречии.
На заданный вопрос, после некоторого молчания, хозяин ответил, что он нужного номера не знает, не знает и того, под каким номером живут и они.
Прошел час, другой, Павел израсходовал весь коробок спичек, выпрошенный им, у кого-то из прохожих, спрашивал у всех, к кому мог достучаться, но ответа не мог добиться. Не один раз ударялся об низкие потолки калиток, спотыкался в лужах о булыжники, проваливался по колено в заиленные, грязные арыки.
По истечении четырех часов бесплодного искания по неосвещенной улице, Владыкин стал отчаиваться; но решил поискать еще на другой стороне улицы и, к счастью, достучался к русским, которые подсказали, где искать. Уже поздним вечером он уверенно постучал, по его подсчетам, в нужную калитку, но и здесь, кроме собачьего лая, ему никто не отвечал.
- Да, дорого достается мне моя невеста, - думал он и приготовился уже, в отчаянии, перелезать через забор. - Ну что же, Иакову еще дороже досталась невеста, но он не отступал, - утешал он себя, решив еще раз достучаться каблуками сапога. Наконец, через щель в калитку, он заметил, как сверкнул огонек, и кто-то, хлопнув дверью, вышел на его стук.
- Сейчас, сейчас, - торопливо подойдя, ответили стучащему. - Кто здесь? - спросил Гавриил Федорович, отодвинув "глазок" в калитке, (за его спиной показалась Наташа, стараясь разглядеть незнакомца). - А вы откуда?
- Я, издалека! - услышал он в ответ четкий, незнакомый голос. Тут все стало понятно. Открыв калитку, Гавриил Федорович протянул руки к вошедшему.
- Издалека мы ждем... мы ждем издалека, - объявил старец.
Целый поток возмущений готов был хлынуть с уст Владыкина, но, когда он увидел недоумевающие лица Наташи с отцом, с одной стороны - и себя, перепачканного грязью, по ту сторону калитки... промолвил:
- Ждем? А я часа четыре лазил по вашей улице. Пока вас разыскал, всю грязь по улице измерил, спасибо, вот сосед ваш, указал вашу калитку. - Павел, улыбаясь, подал Наташе руку. Так они и подошли к дому. Павел решительно перешагнул порог, открывшейся перед ним двери.
Перед удивленными глазами Кабаевых стоял стройный, высокий юноша: в меховой шапке северянина, с чемоданом в руке, в сапогах, до колен обляпанных грязью, с радостным, вдохновенным лицом.
На какое-то мгновение водворилась тишина. Екатерина Тимофеевна и Наташа, хотя и не обменялись ни единым словом, но в сердце единодушно заключили, что именно таким его ожидали, и именно таким должен быть он - Павел Владыкин.
В доме Наташа порывисто освободила гостя от чемодана и взволнованно сказала:
- Павел, да что же ты не предупредил нас телеграммой, сколько ты промучился. Нас, стоит трудов, разыскать в темноте, да в грязи...
- Как? - начал он удивленно, - ведь я же из Новосибирска дал телеграмму... теперь все понятно, а я чего, чего только не передумал, - виновато заявил он, опустив голову.
- Мы ничего не знаем кроме того, что ты выбыл из порта Нагаево, ну, а телеграмма придет, раз ты ее дал, - тихо закончила Наташа.
Гавриил Федорович, встав рядом с Екатериной Тимофеевной, сказал:
- Павел, я, прежде всего, спрошу тебя: в нашей общине очень много девушек-христианок, и ты совершенно свободен в выборе; вопрос этот очень важный, поэтому, как нам встречать тебя, как желанного гостя или как? Ты волен осмотреться и тогда уж решать свой вопрос...
- Гавриил Федорович, - ответил Павел ему, - я приехал не выбирать невесту, а ехал к невесте! Так, Наташа? - спросил он, взяв обе ее руки в свои.

- Так!... - тихо ответила она.
Все склонились на колени, и каждый из них молился, выплакивая свою душу перед Господом: за все пережитое - от самого знакомства до этих минут счастливого свидания. После родительской молитвы Гавриила Федоровича все встали, и Павел с Наташей поцеловались, поцеловались и с родителями.
- Ну, и я вот пришла, к самому счастливому началу, и я поцелую вас, - возвратясь с собрания, объявила Павлу с Наташей Люба. - А-а ведь там все спрашивают, друзья в ожидании истомились все. Вот он какой, Павел Владыкин... - продолжая разглядывать, держала жениха за руку Люба.
Пока гость умывался и переодевался, накрыли гостеприимный стол, изобилующий самыми удивительными яствами, какие Павел только изредка видел в ранние годы и даже не помнил где. Здесь были грецкие орехи, мед, свежий виноград, яблоки, сохраненные к встрече Павла, и другие азиатские гостинцы. Была уже полночь, когда все сели за стол.
До рассвета семья Кабаевых праздновала эту желанную, Богом данную, встречу с Павлом, обмениваясь многочисленными рассказами из пережитого. Наташа сидела рядом со своим долгожданным другом, как приклеенная, не желая отрываться от него ни на минуту; да ее уж и так никто не трогал. Все, глядя на эту счастливую пару, думали: надолго ли они будут вот так, рядом? Очень уж судьбы их не обыкновенны...
В окне задребезжало стекло от проходящего первого трамвая; собачонка у ворот лаем оповестила о раннем прохожем; а в доме Кабаевых, кроме малых Любиных деток, еще никто и не думал спать. Однако в беседе наступила длительная и вполне естественная пауза: все, слегка опустив головы, предались размышлениям о высказанном и выслушанном, и о предстоящем. Переплетались, судьбы, сформировавшиеся - каждая на своем жизненном поприще. Теперь они встретились здесь, на этом ташкентском перекрестке. Каждый с восхищением вспоминал о своем пережитом.
Сердце Павла съежилось при воспоминании о волнующих, пережитых этапах пройденного пути, и с восхищением теперь замирало перед этим, совершенно непредвиденным, фактом: их судьбы, невидимой, могущественной Рукой, вплетаются одна в другую, образуя чудесный, единый, узорный, брачный венец. Павел улыбнулся при этом определении венчания; а ведь как удачно мудрость Божия, преломляясь в людских судьбах, назвала брачный союз - венчанием. Действительно, в брачной жизни суждено сплетаться в единый венец двум, совершенно самостоятельным, жизням, в который затем будут вплетаться своими судьбами и детки, а нередко, родители и даже родственники. Для кого-то - этот венец будет венцом радости и неведомым желанным счастьем, а у кого-то - он может на всю жизнь быть терновым венцом.
Владыкин, сохраняя таинственную улыбку (которую вызвали, еще совсем недавние, глубокие волнения), с любовью взглянул на Наташу. Подъезжал ли к городу, бродил ли по улице в поисках и, наконец, переступая порог Наташиного дома, он сильно был встревожен вопросом: а как он примет ее, совсем неизвестную - внутренне, сформировавшийся Владыкин? Какой она уложится в его сердце по первому впечатлению? Не вызовет ли она, где-то в глубине души, хоть искру разочарования? А искра впоследствии, не разожжет ли пламя? Если Наташей, при ожидании, могло руководить только любопытство, то для Павла первое впечатление - это определение, решающее все их будущее.
Мгновенный крик молитвы веры раздался у него в глубине души к Господу, когда он подходил к порогу дома: "Господи, если Ты в целом благословляешь наш союз, то несомненно заложил в наши сердца и это, весьма важное, взаимное расположение друг ко другу". Поэтому он совершенно успокоился, а улыбался теперь от радости, что Господь, при первом взгляде на невесту, благословил его чувством взаимного расположения. У родителей Наташи Павел тоже сразу вызвал самое искреннее расположение, так как для обоих оказался очень приятным собеседником; а Екатерина Тимофеевна безошибочно определила в нем близкого друга, что потом утвердилось на всю жизнь; их необыкновенно сблизил единый взгляд на Слово Божье. Гавриил Федорович нашел в своем будущем зяте единомышленника по многим самым основным вопросам как общего домостроительства Церкви Божьей так и, в частности, жизни поместной Ташкентской общины.
В беседе он пояснил Павлу, что вот уже несколько лет (из-за некоторых отступлений), как он оставил совет служителей общины; трудится понемногу среди молодежи; сама община ободрилась духовно и, вопреки требованиям отступников, старается жить по Евангелию.
Спать им пришлось недолго, Наташа, вместо отдыха, сбегала на завод и, предупредив о приезде жениха, получила освобождение от работы.

Утром, после завтрака, все, во главе с Гавриилом Федоровичем, направились на вокзал получить багаж; по дороге Павел с Наташей приступили к самым необходимым объяснениям:
- Павел, - обратилась она к нему, - я должна предупредить тебя, что с детства у меня зрение неполноценное, это, хотя и не удручает меня, но все же порок; а второе, это ты заметил сам, по нашим семейным разговорам, мы не русские, что ты скажешь на это?
- Насчет национальности, меня предупредили Женя с Лидой, и это было бы важным, если бы ваша национальность составляла существенное отличие, в быту и характере, от русской. Я предпочитаю (сохраняя искреннее расположение к любой нации) хранить неделимые отношения в церкви друг ко другу; но в семейной жизни национальные особенности могут порождать много противоречий, поэтому за лучшее посчитал бы: каждому держаться своей национальности, если к этому не будет особой воли Божьей, как это было у Моисея с Сапфирой, Иосифа и других праведников Божьих.
Ну а, в частности, твоей национальности: она если и осталась, то только в воспоминании о ваших далеких предках, поэтому я совершенно свободен.
Насчет зрения, Наташенька, Господь о нас, видимо, позаботился заранее, моего хватит на двоих для дальних кругозоров, а на ближние кругозоры и твоего достаточно.
- А как ты смотришь на мою многолетнюю связь в прошлом, с Яшей Недостаевым, это не смущает тебя? - продолжала Наташа.
- Об этом я много думал, находясь в тайге, и вник во все подробности, о каких мне рассказала Лида Комарова, - ответил в, Павел, - и скажу следующее: если бы твоя связь началась в более зрелом возрасте и в течение ряда лет поддерживалась бы непосредственным общением с Яшей, и если бы причиной разрыва была не его измена, а какие-то другие обстоятельства, принудившие вас к этому, независимо от ваших чувств, я в категорической форме отказался бы от союза с тобой, потому что в твоем сердце я мог бы быть, в лучшем случае, гостем. Но измена одной стороны, у потерпевшей стороны, искореняет любовь без остатка. Кроме того, твоя любовь к Яше началась в незрелом возрасте, в шестнадцать лет и, не имея непосредственного общения, была платонической, беспочвенной, неукоренившейся; и я верю, что от нее у тебя не осталось и следа.
- Да, Павел, это так, но я признаюсь, что так глубоко думать не могла; это не только интересно, но и очень важно. В таком случае, - продолжала Наташа, - что ты скажешь тогда о нашем союзе с тобой? Ведь мы обменялись нашими чувствами только в переписке, не видя друг друга?
Павел, подумав, ответил:
- Ну, что скажу тебе на это? Тебя я действительно люблю, верю и в твою любовь; но нашу любовь мы получили от Бога как дар по вере и молитве, и что в ней самое ценное - она не делает нас взаимно рабами, это любовь не слепая, мы можем даже и теперь видеть недостатки друг друга. Наташа, ты разве не видишь и не радуешься тому, что мы не ослеплены друг другом, но любим совершенно умеренно?
- Вижу и радуюсь, - ответила она, - и надеюсь, что именно такая любовь, может быть до конца перспективной, глубокой и обеспечивающей полное единодушие по всем вопросам духовной и материальной жизни.
- Ну, а теперь у меня будет несколько слов к тебе, - обратился Павел к Наташе. - Прежде всего, милая моя, ты себе ясно ли представляешь, с кем собираешься соединить свою судьбу? От юности я дал обет: служить моему Господу безраздельно - другой цели, как до конца быть верным Ему, у меня нет и хочу, чтобы и не было. Я желаю, чтобы Божий принцип в моем хождении перед Ним исполнялся буквально, практически; "Ищите же прежде Царства Божия и правды Его, и это все приложится вам" (Матф.6:33).
Больше десяти лет я уже прожил в неволе, теперь тебе предстоит жить со мной в неволе, а будущность... - сокрыта у Бога. Ты себе ясно представляешь, с кем тебе предстоит разделить жизненное поприще?
- Да, я готова, и еще от ранних лет желала этого, если на то воля Бога, быть женой проповедника, - подумав, кротко ответила она.
Остаток пути они шли молча, обдумывая все высказанное, при этом оба чувствовали, что Господь, действительно, так издавна, готовил их, каждого друг для друга, в благословение.

* * *

Вечером Павел и Наташа, с трепетом в душе, приготовились и пошли в собрание. Когда вошли в помещение дома молитвы, первое, что ощутил Павел (в противоположность новосибирскому дому молитвы), что он, действительно, вступил в родную семью.
Им оказали самое искреннее почтение. Павла любезно усадили среди служителей Церкви, на самом видном месте. Наташа заняла свое место в хору. Владыкин чувствовал, да и замечал, что внимание нескольких сотен глаз было устремлено на них с Наташей; от такого теплого приема, то и дело выступали у него слезы. Наконец, дано было место за кафедрой и ему.
Павел очень кратко рассказал о себе; затем о встрече и совместной жизни с Комаровым Евгением Михайловичем; о праздновании Пасхи у костра, в кругу узников и, передав привет от изгнанников, предложил, по их просьбе, спеть: "Когда одолеют тебя испытанья..."
Павел в слезах, стоя за кафедрой, пел этот гимн, как когда-то по дороге, проходя мимо женского лагеря "Дусканья". С ним, рыдая, пели все собравшиеся.
По окончании собрания множество христиан подходили, с особым чувством, поприветствовать его. Здесь, на этом месте, Павел Владыкин, как бы символически, представлял собою в целом страдающее братство. Матери, в лице его, прижимали к груди, каждая своего сына-скитальца; вдовы, обливая скорбными слезами плечи Павла, обнимали как своего, навсегда в земных днях потерянного, мужа.
Христианская молодежь, в свою очередь, сомкнувшись в три-четыре кольца вокруг Павла с Наташей, до полуночи громогласно пела самые дорогие, избранные гимны. В числе последних, размыкая кольцо друзей, безмолвно подошла (вся в слезах) и упала на грудь Павла, мать Жени Комарова. Здесь все смолкло, благоговея перед этой трогательной встречей, пока старушку не увели близкие родственники. Здесь же, юные друзья Наташи, девушки и юноши, заключили союз христианской дружбы с Павлом Владыкиным. Расходились уже после полуночи, оглашая торжественными звуками пустынные улицы уснувшего города.

* * *

В приготовлении к браку принимали участие очень много родственников и друзей, так что тесная избушка Кабаевых, днем, а особенно вечерами, часто была переполнена до отказа. Когда уже все самые нужные приготовления к браку были сделаны, Павел с Наташей получили возможность побывать на свидании с Михаилом Шпаком и были рады, когда им об этом объявили. Владыкин проникся особым чувством благоговения к узнику после того, как они, пройдя по лабиринтам узеньких улиц восточной столицы, оказались на окраине и увидели за высоким глинобитным забором, обтянутым поверх колючей проволокой, скученно громоздившиеся разнообразные постройки вокруг двухэтажного здания. Владыкин без труда определил, что это колония заключенных, в которой давно томится в неволе, узник Михаил Шпак.
Наташа имела самое искреннее, глубокое расположение к Михаилу, как к старшему брату в Господе, неутомимому и бескомпромиссному проповеднику Евангелия. Это расположение она сумела, за эти короткие дни, передать (в рассказах о нем) и Павлу. Но сказала и о своей тревоге: что в последнее время Михаил заметно изменился, притих, при встречах не выражал той пылкой ревности и неутомимой жажды к распространению Евангелия. Объяснялось ли это утомительным, неоднократным пребыванием в страданиях, в неволе, или тем бесчестным отношением к нему, со стороны старцев-служителей на воле (особенно перед его арестом), или же в свою меру колючими, холодными упреками жены Дины, сопровождавшимися постоянным недовольством на верующих - сказать было трудно, но некоторые из друзей опасались, не могло ли произойти в нем, какого-то духовного надлома.
Наташа приготовила к свиданию самое лучшее из гостинцев (по имеющимся возможностям), а Павел горел желанием обнять Михаила, как узника в Господе (будучи сам изгнанником) и как сотрудника в деле Божьем.
После некоторых оформлений и недолгого ожидания Михаил, в сопровождении конвоира, показался наконец, сначала - за железными прутьями лагерных ворот, а потом и в открытой двери.
При встрече Павел отрекомендовал себя и, горячо обняв, трижды приветствовал узника. Михаил, догадавшись о взаимоотношениях Наташи с Павлом, поздравил их, в свою очередь, с будущим браком. На лице и в настроении Михаила Павел заметил, действительно, оттенок то ли обиды, то ли утомления, и, не дождавшись с его стороны, обычных в этих случаях, расспросов, начал сам:

- Брат Михаил, меня с вами заочно познакомили самые близкие друзья: Женя Комаров с Лидой; и еще там, на Крайнем Севере, все мы (узники) прониклись к вам самым искренним расположением.
Провожая меня сюда, все друзья передавали вам самое сердечное приветствие. Кроме того, по расположению и нашему достатку, мы, желая проявить любовь на деле к вам и вашему дому, собрали средства. Здесь, по прибытии, дом Кабаевых и многие другие заверили нас в самом искреннем расположении к вам. Вот только многих смущает, почему у вас изменилось с некоторых пор настроение? Считаю, что я об этом имею право у вас спросить, так как и сам, еще до сих пор, несу скорби за моего Господа.
На заданный вопрос Михаил не ответил ничего определенного, уверяя, что его внутреннее упование осталось незыблемым.
- Брат Михаил, я буду звать тебя на ты, и опять хочу коснуться твоего состояния - оно у тебя опасное. Ты можешь лишиться тех благословений, какие получил от Господа, после перенесения столь великих скорбей.
Я слышал, что перед арестом ты избирался на пресвитерское служение, но бесчестные служители, хитростью и лукавством, подменили твою кандидатуру, что некоторые из них предали тебя, отягчив тяжесть твоих уз. Смотри, брат мой, не ожесточай своего сердца, хотя они и достойны осуждения; суд им придет в свое время. Но знай, что в ожесточенном сердце, благодать не может пребывать. Ожесточение - это один из горьких корней, который возникнув, лишает человека благодати. Обиды у нас, конечно, будут возникать, потому что нас многие обижают, но им никак нельзя давать место в сердце; и силой Божьей: через молитву и добрые помыслы - мы должны хранить сердце свое чистым. "Старайтесь иметь мир со всеми и святость... чтобы кто не лишился благодати Божией; чтобы какой горький корень, возникнув, не причинил вреда..." (Евр. 12,14-15). Я не призываю тебя сотрудничать с лукавыми людьми, Слово Божье учит удаляться таковых, но не ожесточай сердца своего, чтобы не потерять свой венец. Задача злодея (какой бы он ни был): ядом зла отравить душу; но любовь учит нас: не воздавать злом за зло. То, что ты не отомстил обидчику - правильно и по-христиански, но это не все, надо и обидчивость отвергнуть, распять. Она - проводник злых помыслов. Если от нее не избавишься, она завтра приведет тебя к падению.
Брат, смотри, береги дух свой и не допусти, чтобы он был пораженным; пораженный дух - ничем не исправишь. Человек долгие годы может испытывать в себе жгучие обиды и молчаливо переносить их, потому что у него нет возможности - воздать за них. Но как только он избавится от обидчиков, то те обиды, какие у него накопились, он может изливать и на своих близких. Смотри, глубоко вникни в себя, и "не будь побежден злом, но побеждай зло добром" (Рим.12:21).
Принял или не принял Михаил Шпак это строгое предупреждение от своего нового друга - осталось неизвестным. Любезно отблагодарил он Павла за посещение; из передачи взял немногое, мотивируя тем, что дети его, может быть, в худшем состоянии, чем он. Конвоир поторопил их с окончанием свидания, и они, кратко помолившись, расстались. Обнимая узника, Павел задал ему вопрос:
- Брат Миша, ты уверен, что та община, в которую ты избирался пресвитером и не прошел, организовалась по воле и планам Божьим?...
Шпак внимательно посмотрел на Павла, удивившись этой, высказанной ему, мысли; и они на этом вынуждены были расстаться.
При посещении семьи Шпак, Павел убедился: какой обидой было наполнено сердце Дины - жены Михаила на всех верующих; она произвела на него отталкивающее впечатление, и здесь он понял, что на узника, в определенной мере, влияла его жена, в которой он не имел - ни спутницы, ни сотрудницы, ни христианки-матери детям.

* * *

В свадебных приготовлениях Павел с Наташей принимали очень малое участие и предоставили все это родственникам, сами же все вечера проводили в сладком христианском общении с молодежью. Из рассказов Жени он знал, как много скорбей и какие подвиги веры были в самые тяжелые годы гонений на христиан. Поэтому Павел пожелал уделить, как можно больше внимания молодежи. Ему так хотелось своим служением среди них, хоть в малой мере, возместить те утраты, какие они имели, проводив лучших из своей среды на страдание. В разных частях города они собирались на молодежное общение, проводя беседы на самые насущные вопросы жизни, а так же с упоением слушали рассказы из жизни страдальцев отцов, братьев, друзей, среди

которых проходила жизнь Владыкина; и юные сердца загорались готовностью на новые подвиги проповеди Евангелия. Многие из них, в лице Павла, увидели того, кто вынашивался в их сердцах, кого желали видеть, постоянно молясь за узников, и поэтому тянулись всей душой к нему.
Павел, со своей стороны, был рад увидеть естественный облик христианской молодежи, рожденной в бурях и (как поколение отцов) отдавшей жизнь за Господа. Здесь он нашел свое место, свою стихию; и так просто, непринужденно, по сердечному влечению, оказался своим для всех их. Еще был очень рад, что из этой среды, из этого поколения Господь избрал для него друга. Особенно отрадно было видеть, что Наташа была таким нужным, близким, дорогим другом среди своих друзей. Павел не видел среди них старших братьев, но понял, что их образ, их дух остался и жил среди молодежи, хотя они уже долгие годы томятся за колючей проволокой. В этом вопросе они с Наташей оказались единодушными и в будущем пожелали жить не для себя, а для Господа и для своих ближних.
Подошел день бракосочетания. Перед этим, находясь среди своих юных друзей, Павел сказал, что никакого свадебного пира они устраивать не желают, потому что это акт узкого, семейного характера; на вечер будут приглашены очень немногие, главным образом, родственники и те из друзей, какие были особенно близки к семье Кабаевых. Со всеми остальными он желает расширить и крепить дружбу на поприще жертвенного служения Богу как в церкви так и среди, погибающего во грехах, мира. Зато всех-всех убедительно просил прийти в дом молитвы на бракосочетание, чтобы ощутить руки всех друзей в благословении над ними.
Бракосочетание происходило в один из первых мартовских дней, в воскресенье, после богослужебного собрания. Весеннее солнце ласково рассыпало свои золотистые лучи как на брачущихся так и на всех присутствующих. Легкое веяние теплого весеннего ветерка приятно охлаждало лицо и все тело Павла, возбужденное предстоящим событием - ведь такое совершается один раз в жизни, хотя друзья и недруги считали эту жизнь неоднократно потерянной.
Наряд невесты был предельно скромен и отделял ее от остальных сестер-подружек, только фатой. Павел не выделялся от братьев и сверстников ничем. Кто-то, перед самым бракосочетанием, приколол к их груди по маленькому пучку свежих полевых фиалок.
Весь двор и помещение были переполнены людьми; сотни глаз устремились на жениха с невестой; но самым важным было для Павла с Наташей, что много любящих сердец в это время бились в унисон с их сердцами. Все понимали, что этот брак - необычен, так как после бракосочетания, им надлежало отбыть в суровые северные края, расстаться с родными и близкими на неизвестное время; и многие, конечно, после брачных наставлений, с замиранием души молились с ними, с родителями, с сочитывающим их, пресвитером. Дружное, громкое - "Аминь" известило всех, что в жизни этих людей произошло великое, решающее на все земные дни, обоюдное сочетание: в одну жизнь, одни цели, одни желания.
- Брак между братом Павлом Владыкиным и сестрой Наташей Владыкиной объявляется заключенным, по воле Божьей, - огласилось пресвитером во всеуслышание, и долго их поднятые руки, охваченные рукой пресвитера, возвышались над головами всех присутствующих.
Христианское пение едва пересилило голоса приветственного возбуждения, которым гудело все собрание...
До дома невесты Павел с Наташей прошли через город пешком, под руку, во всем свадебном наряде. Все окружающее - не только прохожие люди, но и природа, как им казалось, отмечало их союз свадебным приветом. Дома Гавриил Федорович и Екатерина Тимофеевна встретили их у порога краткими наставлениями, добрыми пожеланиями, сердечной молитвой, горячими родительскими объятиями.
В горницу новобрачные вошли первыми и увидели расставленные столы, заставленные приготовленными блюдами. Когда все разместились, отец Наташи попросил у Бога благословения, после чего начался свадебный пир. Все торжество проходило чинно, спокойно и чувствовалось, что здесь царил дух христианского добродушия. Правда, один из гостей попытался склонить новобрачных к исполнению обычаев, заимствованных от язычества: начал вдруг кривляться, вызывать всех ко смеху, клонить Павла с Наташей к принужденным объятиям, поцелуям - и в этой затее никак не унимался. Видя, что новобрачные не отвечают его требованиям, попытался даже выразить свою обиду. Тогда Павел поднялся и заявил:
- Дорогие друзья, родственники, почтенные отцы, я вынужден объяснить всем, что в этот, может быть, единственный день в нашей жизни, мы пригласили вас, чтобы вы благословили и проводили нас на неведомое для нас поприще. То, что требуют от нас некоторые из вас - это бессмысленный обычай, которого мы выполнить

не можем, так как не хотим вас развлекать. Вы - наши друзья-христиане, и мы пригласили вас, проводить нас, по-христиански, в наше будущее, а не по-язычески.
Эти простые слова восстановили подлинно христианскую атмосферу, в которой отдохнул душой и Павел, и насладились общей любовью все присутствующие.
Когда окончился свадебный вечер, все заключили - своевременно.
Комнатка, в которую пришли новобрачные с родителями, была такая тесная, что в ней едва разместились четыре человека. Гавриил Федорович, обратившись к Павлу, сказал:
- Павел, я должен признаться тебе, что все наши мечты о Наташе, сводились к тому, что она для нас будет - дитя нашей старости, в нашей семье она последняя. Нам очень тяжело расставаться с вами, и если бы мы не полюбили тебя, мы на эту жертву не пошли бы. А теперь скажу: воспитав дочь для себя, отдаем ее в утешение тебе - одинокому скитальцу.
- Ну, а у меня свое, - вставила Екатерина Тимофеевна, - Я, преодолев одно невозможное (это то, что она с верой вымолила у Господа Павла), буду теперь преодолевать другое и, может быть, еще более невозможное. Мое сердце, Павел, откроюсь тебе, нашло в тебе друга. Я не хочу и не буду расставаться с вами. Провожая вас на Север, я оставляю дверь открытой, буду ждать вашего немедленного возвращения. Бог ничего не берет от нас малого, чтобы не наградить нас впереди большим; и почему я, другом моей старости, не могу получить тебя от Бога?
- Мама, я очень рад и глубоко тронут твоим искренним расположением ко мне, верю, что и на этот раз, руками веры, ты можешь вырвать нас из ледяной пустыни, но что тебе принесет дружба с таким отшельником и "вечным арестантом", как я? Все равно ты не удержишь меня при себе, ведь ты же знаешь, что я сам, не свой.
- Дитя мое, я и теперь радуюсь, довольствуясь полученными обрывками наших встреч; а впереди буду счастлива, может быть, подбирая крохи твоего внимания, какие могут помещаться в арестантском конверте.
- Мама, - прослезился Павел, - верь! Получишь и стол, полный нашего обоюдного благословения, от Бога; и как я счастлив, идя в открытый бой, иметь у себя в тылу такого дорогого, надежного друга - подвижника веры.
На этом трогательная их беседа была закончена родительской молитвой. Оставшись наедине, Павел осмотрел их убогую комнатушку, взял руку жены в свою и сказал:
- Наташа, жена моя, Бог свидетель, как я рад, после многолетних бездомных скитаний в одиночестве, получить от Господа как дар - тебя, наших дорогих старичков и, особенно, маму - таких друзей, каких не найдешь и во многих дворцах. Благодарен Господу и за этот маленький укромный уголок - ведь это первое, что мы имеем право, назвать своим. На этом месте, мы сейчас, первый раз в нашей обоюдной жизни, будем совершать совместную молитву. Здесь, в этом убогом уголке, суждено зарождаться нашему обоюдному счастью, счастью потерянной жизни, жизни, не раз погребенной в сердцах друзей и врагов - жизни в смерти.

Глава 11.
Владыкин на родине, 11 лет спустя.

"Сердце знает горе души своей, и в радость его не вмещается чужой"
Прит.14:10
Большое горе постигло вдову Владыкину после ареста мужа. Все знакомые сторонились ее, как заразную больную. Никто не знал: когда она спала, день и ночь добывая пропитание детям, как собирала грязное белье у "богатых" (как она выражалась) стирала да штопала на них, зарабатывая жалкие крохи. Первый же год, после ареста мужа, неоднократно бегала по тюрьмам да милициям, в надежде напасть на его след. Но все было напрасно; и вскоре ее силою стали отправлять домой. Всякая связь с верующими так же была потеряна из-за страха. Лишь изредка, встретившись где-либо в городе с подобными себе, подолгу изливали горе друг другу да делились, чем Бог пошлет. А тут надорвалась под тяжестью изнурительного труда, простудилась и слегла в постель. Болезнь, по свидетельству врача, была смертельной, и бабка Катерина, разрываясь между Лушиными да Федешкиными сиротами, из больницы привезла ее умирать домой.
Дети подняли страшный вопль, оставаясь без средств, около умирающей матери. В это время у них с Павлом и оборвалась всякая переписка, так как они от него не получали ни единого ответа, а писать было тоже некому; ребята хоть и учились в школе, но голод вынуждал детей, на самых низких и грязных работах, добывать пропитание и себе, и больной матери.

Господь же не оставил бедную вдову без помощи. Тогда, когда плачущие дети приготовились расставаться с матерью, которая была без сознания, кто-то о их горе сообщил старому городскому врачу. Он, увидев Лушу в безнадежном состоянии, осмотрел внимательно ее и с уверенностью заявил: "Бог даст, жива будет". И сам, проделав несколько сложных процедур с больной, лично привез лекарство и приступил к неотступному лечению. Луша, под неустанной заботой врача, стала быстро оживать и поправляться, а через десять дней поднялась на ноги.
Война 1941 года ворвалась в жизнь вдовы лютой вьюгой в раскрытые ворота. Ужасом сковало душу Луши, когда она своими ушами услышала отдаленные раскаты орудийных выстрелов. Как-то весной 1942 года, к вечеру, с узелком, держа в руках самого младшего внука, навестила свою горемычную дочь бабушка Катерина. С первой колхозной подводой (после половодья) она приехала из Починок в город, погоревать вместе с Лушей. После смерти снохи Катерина осталась с четырьмя внучатами, из которых самой старшей едва исполнилось двенадцать лет. Ее бы не придавило так горе от дважды вдовьей доли, если бы смерть снохи, да война не застали ее двор и сусеки пустыми, а занимать было не у кого. Единственной поддержкой остались несколько мешков картофеля да три-четыре ведра капусты в кадушке.
- Господь с тобой, горюшка ты мое. Бог на помощь! - поприветствовала Катерина Лушу, заходя в дверь и увидев, как та перебирала картофель на полу.
- Ох, Лушка, как жить-то будем, одна беда чище другой? - выкладывая на стол картофельные лепешки, испеченные с отрубями пополам, проговорила Катерина, вытирая концами платка слезы.
Луша, хотя и была занята теми же мыслями, но, увидев плачущую мать, ободрилась и ответила ей:
- Да что ж теперь, поделаешь-то, мамка, войну-то и японскую перенесли, германскую да революцию, а эта-то - не первый снег на голову, Бог не без милости.
- Ой, Лушка, горе-то больно велико, и мужиков-то мы порастеряли, дворы-то пустые, да и в сусеках-то только мышиный помет, - заголосила Екатерина.
- Мамка, а Господь-то разве не видеть. Он же ведь Батюшка, Отец вдов и сирот, как Сарепскую вдову прокормил - прокормити нас, - умыв руки от картофеля, утешала Луша свою мать. - Вот как-то, надысь, я упала перед Ним с детьми на колени да наплакалась досыта. Уж об чем только не молилась: и Павла вспомнила, и Федьку, да и ребята-то со мной. И что же ты думаешь - вот чудо-то - ребят-то приняли на бойню, огород сторожить; да дилехтор-то так расположился - и костей по ведру приносят, а другой раз - и кишок, и картошки. Давай-ка, лучше помолимся, ведь Бог-то не без милости.
С этими словами, обе вдовы склонились на колени и усердно, долго молились.
После молитвы Луша таинственным голосом объявила матери:
- Мамк, а я ведь одежу-то Павликову, всю как есть, берегу, а вдруг его Господь приведет когда к дому...
Вечером в дверь постучались. Вошли ребята с работы и с собою привели девочку.
- Мамань, мы шли с работы, видим, вот эта девочка стоит и плачет. Спросили ее, она нам говорит, что мать недавно умерла, немец подходит почти к их деревне, отец взял ее да в город пришел с ней. А здесь, велел посидеть на скамейке, а сам ушел знакомых разыскивать, да, видно, задержался; а она пошла, куда глаза глядят - вот мы ее и подобрали, зовут ее Оля.
Оля умными голубыми глазами осмотрела окружающих и рассказала, что с отцом они остались вдвоем, и он, спасаясь от голода и разорения, решил поселиться в городе; ей шел пятнадцатый год, и она с радостью покинула свою деревню, а здесь родных нет.
С первых же слов, все домашние полюбили Олю и решили оставить ее у себя; дети же согласились свой скудный паек разделить с ней, пока и она не будет способной заработать себе на жизнь. В этот же вечер, не встретив нигде отца Оли, в том районе, где приблизительно он оставил ее, они заявили о случившемся в милицию. Луше, хотя и страшно было принимать лишний рот в дом, но, доверившись Господу, приняла ее как дочь. Катерина, в беседе и молитвах с дочерью, подкрепившись упованием на Господа, возвратилась в деревню, где председатель колхоза, расположившись к ней, дал ей посильное занятие и обеспечил прожиточным минимумом. Вскоре отец Оли нашелся, извинился за свой поступок, объяснив это недоразумением; рад был добродушию, оказанному сиротке-дочке и согласился на временное ее пребывание в семье Владыкиных. Оля быстро привыкла к новой семье и, будучи исключительно кроткой, послушной девочкой, оказалась дорогой помощницей Луше по хозяйству и в приобретении средств. Родственники и окружающие были крайне удивлены тем, что семья вдовы

Луши в такое страшное, голодное время, не испытывает такой вопиющей нужды и голода, какую испытывают семьи окружающих людей, несмотря на многие видимые преимущества.
Не оставлена была в деревне и Катерина с сиротами. Бог посылал им пропитание на каждый день.
Отец Оли так же вскоре устроился на работу и жил на квартире у своих знакомых. Он все чаще и чаще стал посещать Лушину семью, а ознакомившись, настоятельно стал убеждать Лушу сойтись для семейной жизни. Строгим и внушительным отказом ответила вдова отцу Оли, храня строгую святую память о муже, но он неотвязно убеждал и настаивал на своем. Кроме того, вдовец прилагал много усердия в восстановлении разрушенного Лушиного хозяйства: к концу 1942 года перевез из деревни свое хозяйство и, под предлогом возмещения за содержание Оли, привел все у Луши в надлежащий порядок.
Родные и соседи советовали Луше сойтись со вдовцом, считая ее счастливой, из множества вдов. И в душе у нее открылась большая борьба. Пять лет она уже не имела никакого известия от мужа и была уверена, что его нет в живых, но вспомнив (подобную же) разлуку с 1914 по 1919 год, приходила в трепет. Да к тому же, как христианка, она знала, что с мирским человеком у нее ничего не могло быть общего - это грех. Но искушения с возрастающей силой одолевали ее, и она поняла свою глубокую ошибку, которая привела к этой борьбе. Горячо, со слезами, она изливала свою терзающуюся душу в молитве перед Господом. Внутренний голос неумолимо указывал ей на вину, что она с первого раза не противостала той рассчитанной добродетели, какую оказывал вдове Олин отец. Она не раз делала вывод, что эта добродетель затягивает ее в грех, и уже раскаивалась, почему тогда, сразу, не противостала соблазну; теперь же она чувствовала, что внутренние силы покидают ее, и в сознании она уже согласилась сойтись с этим человеком, но голос внутреннего человека продолжал протестовать. Последние усилия она употребила в молитве, вопия к Богу:
- Господи, прости Ты меня, горемычную, защити дом мой от этого человека, иначе я погибну!
Но, уже с добровольно допущенным однажды грехом, бороться было трудно. Вдовец, под предлогом позднего времени, стал часто оставаться на ночлег, а впоследствии перешел насовсем.
В это время пришла первая телеграмма от Павла, а затем и письмо.
Сердце вдовы Луши замерло от участи сына, заживо погребенного, но получив весть от него, она воскликнула во всеуслышание:
"Жив сын мой, жив Господь, жива и душа моя!" Не помня себя от радости, с рыданиями упала она на колени, благодаря Бога за чудо милости Его.
Обстановка в доме вдовы совершенно изменилась. Гнетущие тучи безнадежности рассеялись под лучами светлой надежды на желанную встречу с дорогим сыном. В это время Илюша со старшей сестренкой писали письмо за письмом, описывая со всей подробностью, прожитую без Павла жизнь. С увлечением, Даша напоминала о годах раннего детства, прожитых совместно со старшим братом, признавалась в своей детской любви к нему.
Взаимностью отвечал на это и Павел, отчего, какою-то непомерной силой, загорелось ее сердце сестринской любовью, так же и у остальных детей, при получении писем. Луша ревниво требовала, чтобы письма в доме читались вслух и все без исключения, что дочь старалась выполнить в точности, за исключением одного, которое было написано только ей. В доме началось томительное ожидание сына, друга, брата и... судьи. В таком томительном ожидании прошли почти два года. Единственно, что заставляло мириться с мучительным ожиданием, это, не зависящее ни от кого, обстоятельство военного времени.
Повесил голову только отец Оли. По письмам от Павла он чувствовал, что это непобедимый его соперник, и что его намерение безнадежно разрушено. И всякий раз, когда он слышал о нем, убеждался, что никакой возможности удержаться в этой семье у него нет, поэтому и решил предаться пьянству, что еще больше отдалило его от семьи.
Оля, напротив, изучая Павла по ранним фотографиям и последним письмам, надеялась встретить в его лице близкого, дорогого друга; но этой семейной тайны долгое время открыть брату никто не решался. Наконец, уже значительно позднее, решили вложить в письмо, каждый свою фотокарточку, а Даша описала каждого из них.
Конец войны был встречен Лушиной семьей всеобщим ликованием, и тут же все отослали письмо, с одним и тем же желанием: "Павел! Скорей домой!" - как будто это была самая первая и важная проблема в стране.
Конкретного ответа пришлось ждать до самой зимы. До этого Павел боялся огорчить домашних не разумным сообщением и обмануть их надежды, так как знал, насколько болезненно было напряжено сердце матери, и как

страдала душа бабушки Катерины. Уже перед Рождеством, Луша получила коротенькое письмецо: "Мама, после многих разрешений и отказов, постов и молитв, слез радости и огорчений, по милости и вмешательству Божию, я сегодня уже собираюсь на выезд. Возвращаюсь здоровым дитем Божьим и твоим сыном. Целую бабушку и всех вас. Ждите! Павел".
По прочтении письма, все вскрикнули, а Луша залилась слезами; детвора как-то стихла, и попеременно выходили на улицу взглянуть, не идет ли Павел? Вздохнула и Луша от поминутных понуканий и судилищ между детьми. Даше и Оле исполнилось по 18 лет. Илюша собирался отмечать свои 16 лет. Даже беспокойная Рита меньше кружилась под ногами, с пальцем во рту и букварем под мышкой, прячась по углам комнаты. Бедные, они совершенно не представляли, что от них до Павла пролегал путь по морям и океанам, через разные горы и долины, по меньшей мере, более десяти тысяч километров. Дни сменялись неделями, а недели месяцами; у крыш повисли мартовские сосульки; по дорогам и полям появились проталины; а Павла все не было. Уже какой раз, Даша усердно, в семейном кругу, по вечерам, перечитывая Павловы письма, заканчивала: "Целую бабушку и всех вас. Ждите! Павел".

* * *

Вокзал. На перроне, под нахлобученным над окнами здания навесом, царило оживление. Разодетые по-весеннему, с букетами первых цветов, в разные концы суетливо бегали и отъезжающие, и провожающие. В стороне от потока стоял Павел Владыкин, с ним - Гавриил Федорович и Наташа с подругами.
- Ты что улыбаешься, Павел? - спросила его жена.
- Да ведь, надо же быть такому совпадению, - ответил он, - ровно месяц назад, на этом самом месте, я стоял одиноким, никому не нужным, незаметным. Таким чужим, нелюдимым, смотрел на меня, как-то подозрительно, этот же самый Ташкент, вот этими окнами из-под навеса, - указал он на здание вокзала, - а теперь он, смотрите, какой, наш Ташкент: сияющий, цветастый, жизнерадостный; да и люди, смотрите, как они любопытно осматривают нас, будто мы им свои, не хватает только рукопожатий и поцелуев.
- Павел, - улыбаясь, ответил ему тесть. - Ташкент был тогда наш, но не твой; ты смотрел тогда на него подозрительно, и он на тебя так же; у тебя на душе было пасмурно, и он на тебя брызгал дождем. А теперь - стоило в твоем сердце проглянуть солнцу радости, как все стало родным, приветливым, тем более, что с тобою также стоят те, кто обнимут тебя и поцелуют.
После первых двух послесвадебных недель, Владыкин поторопился ехать в Россию, чтобы утешить родную мать. При всем их старании, пропуска (на выезд Наташи вместе с ним) выхлопотать не удалось; и как бы тягостно ни было, но вынуждены были провожать Павла одного. Пусть эта разлука была кратковременной, без каких-либо угрожающих последствий, но она была вынужденной, нежеланной, весьма тягостной для Павла с Наташей, и выглядела каким-то тягостным предзнаменованием будущего.
Когда позвонил сигнал отправления, Наташа обняла мужа и отпуская, вытирала первые слезы расставания. Павел, стоя в тамбуре вагона, с чувством глубокой скорби глядел на первые слезы жены и думал: "А сколько их будет впереди!" Конечно, разлука была нежеланной, но он верил, что в их жизни случайностей быть не может, и Бог несомненно знает все; поэтому смирился; ободрились и провожающие. На третьи сутки путешествия пустынные пейзажи казахстанской степи сменились лесами, русскими селами, городами. Павел, впервые спокойно, сидя у окна, с наслаждением изучал русскую природу; тихая радость овладела его сердцем. Все его мысли были поглощены предстоящей встречей с матерью, родственниками и с дорогой, любимой бабушкой Катериной.
Как-то неожиданно, в окне замелькали окраины города Рязани, а через несколько минут сердце вздрогнуло от внезапной картины: рядом с вагоном выросла вдруг высокая тюремная стена, а за ней знакомое очертание двух тюремных башен, известных ему, как башни смертников. Зрелище медленно прошло перед глазами Павла, так что он успел разглядеть, кроме башен, и само здание тюрьмы, в мрачное подземелье которой, его завели 11 лет назад. В памяти невольно предстали картины прошлого: первые дни, когда он, так робко, входил за порог тюрьмы; потом состязание со следователем; камерные будни; свидание с матерью и бабушкой.
Теперь, 11 лет спустя, он возвращался мужем, с редкой проседью на висках.

Павел неторопливо стал собираться на выход, а грудь от волнения гудела колоколом. Гостинцами был набит чемодан и всякие сумки. Всю тяжесть Павел сдал на склад и с легкой ношей зашел в здание вокзала, чтобы привести себя в порядок.
Остановившись перед большим зеркалом, он невольно посмотрел на себя.
Павел не помнил, когда он так внимательно осматривал себя в зеркале, как теперь. Он заметил удивительное сочетание: на фоне сохранившейся, кажется, совсем не тронутой молодости - искусно вотканные, серебряные нити из ответственной, строгой зрелости. Во всем этом он видел следы чудес, совершенных могучей десницей Спасителя, под охраной Которого он прошел эти 11 лет.
В город он пожелал пройти пешком и по дороге вглядывался в лицо каждого прохожего, надеясь встретить кого-нибудь из знакомых, но увы, ему встречались совершенно новые лица.
Вступая на окраину, Павел остановился: перед ним, сбоку, лежала груда ржавого металла, некогда служившая противотанковым сооружением. Прямо уходила в город улица, по которой много лет назад прошли, под обнаженными саблями, отец с матерью, а позднее, и сам он, под усиленный истошный лай охранных псов - все осталось по-прежнему...
Город встретил его фанерными заплатками разбитых окон, побуревшими кирпичными ребрами облупленной штукатурки зданий, неубранными, беспорядочно наваленными, почерневшими сугробами и оглушительным победоносным шумом наступающей весны, криком вороньих полчищ. Павел, глядя на город, слегка покачал головой и подумал: "Эх ты, старина, одиннадцать лет назад ты провожал меня собачьим лаем, обрекая на гибель, но вот мы опять встретились здесь, на этой окраине. Оба вышли мы из смертельного боя за жизнь, за будущее. Ты угрожал мне погибелью, но сам вышел перебинтованным и едва живым. Я же, милостью Божией, возвращаюсь победителем, цел и невредим, и хочу примирения с тобой, потому что ты родной мне, и я тебе не враг".
С улыбкой, под впечатлением этих бурных мыслей, Павел бодро зашагал по знакомым улицам родного города.
Вот и заветная дверь, и каменные истертые ступеньки, на которых одиннадцать лет назад, отец обнял его последний раз.
Сердце, не таявшее перед смертями, теперь сжалось в комок. Дрожащей рукой Владыкин ухватился за железную скобу и потянул к себе. Дверь послушно, со скрипом, отворилась, и он, войдя в неосвещенное помещение, закрыл ее за собой. Пройдя (по старой интуиции) в темноте, он привычно открыл дверь в жилое помещение, затем еще одну дверь и оказался в знакомых стенах родного дома; вся семья, как никогда, была вместе. Лукерья Ивановна сидела у стола с клубком ниток. Илюша чесал подбородок кота, сидя на лавке, Оля с Дашей любовно о чем-то перешептывались на своей кровати в углу. Рита теребила девушек, добиваясь от них отличных отметок, за какие-то, ей одной понятные, каракули.
В первое мгновение Владыкин никого не узнал. Первое, что мелькнуло в сознании Павла: "Ведь это моя семья, - а при взгляде на старушку, - а это она... - мать".
В горле застрял комок, он ничего не мог сказать. Его о чем-то спросили, он что-то ответил, затем комок подкатил сильнее, брызнули слезы; в комнате кто-то крикнул:
- Ма! Да это же, Павел!!!
Луша неистово вскрикнула и, обхватив шею Павла руками, забилась в рыданиях...
Истеричные крики матери превратились в сплошной вопль, сын бережно приподнял ее со стула, аккуратно подвел к кровати и уложил в постель; потом сел рядом с ней, успокаивая:
- Мама, да до каких же пор, мы будем убиваться от горя; сам Бог подарил нам эту встречу, в этот ли день нам плакать? - "Сей день сотворил Господь для нас, возрадуемся и возвеселимся в оный" - так написано, хватит плакать - будем радоваться...
Луша как-то сразу остановилась, приподнялась на подушке локтями и, поправив платок, начала успокаиваться. Домашние, все со слезами, окружили Павла, душили в объятиях. Успокоив всех, Павел призвал к молитве. Встав на колени, Луша долго, в слезах, изливала душу свою перед Господом. Павел закончил семейные слезы сердечной горячей хвалой и благодарностью Богу.
Так же бережно, сын, по ее просьбе, пересадил мать на печку, так как она, от этой волнующей встречи, оказалась не способной к передвижению.

- Ну вот, девки, хозяйничайте теперь вы сами, я ничего делать не могу, ставьте самовар, собирайте на стол, а я вам все буду говорить, - распорядилась Луша с печи, едва переводя дыхание.
Павел все осматривал, и все для него было неузнаваемо новым как внутри самого жилища так и во дворе; совершенно новыми были и люди, кроме Луши, которая показалась сыну, преждевременно постаревшей. Он никак не мог представить ее такой; расстались они, когда Луша, всегда покрытая косыночкой, была еще сравнительно молодой, в расцвете лет, с румянцем на щеках, со следами еще не увядшей, деревенской красоты. Теперь - это была ссутулившаяся женщина, покрытая сединой; пережитое горе глубокими морщинами избороздило ее лицо.
С большим трудом, при поддержке сына, она уселась за стол и все-таки процедуру угощения взяла на себя, никому не уступая.
Илюша оказался пареньком крепкого телосложения и всеми силами души лепился к старшему брату, не столько по каким-то пробуждающимся чувствам, сколько по убеждению. У Даши неподдельное чувство к Павлу скорее переместилось, как бы без десятилетней паузы, чем возродилось. Она, как-то искренне, всем существом своим повисла на нем, соединяя в душе свои чувства, одновременно как к отцу так и к старшему брату.
Рита глядела на эту сцену, скорее полудикими глазами, и более увлекалась гостинцами, нежели что-то соображала, о совершенно незнакомом ей Павле.
Оля скромно сидела несколько поодаль, не смея ничем напомнить о себе, и ждала к себе внимания, в числе последних. Отец Оли, за неимением места за столом, сидел на скамейке у окна, молчаливо наблюдая за чужим счастьем, возвратившейся потерянной жизни. После первого приступа излияния чувств, Павел повернулся к нему, сознавая, как тяжело этому человеку, при виде чужого семейного торжества.
- Что ж, Павел Петрович, - сказал он, - я рад вашей встрече, но ведь скрывать тут нечего - это счастье чужое, и я здесь более, чем посторонний. До вашего приезда у меня еще мелькали отдельные искорки надежды, иметь какое-то место в этом доме; а теперь я убедился, что вы собою заполнили все; и если я сегодня еще здесь просто посторонний человек, то завтра я буду не желаемым, чужим. Я на эти дни уйду, а когда у вас все уляжется, мы спокойно побеседуем о моем положении.
- Уважаемый... (Павел назвал его по имени и отчеству), я ничем не хотел бы омрачить вашего, измученного своим горем, сердца; но Библия говорит правдиво, неопровержимо: "Сердце знает горе души своей, и в радость его не вмешается чужой" (Прит.14:10). Я не могу удерживать вас от вашего решения.
Весь день семья Владыкиных, с затаенным вниманием, слушала рассказы Павла, и слезы на глазах почти не высыхали. Рассказала о своей жизни и Луша, останавливаясь на самом важном. К вечеру, дети решили побежать к родственникам и сообщить о приезде Павла; а мать с сыном остались наедине.
Луша кратко рассказала о своем горестном положении, когда осталась без мужа, и о том, как в их семье оказались Оля со своим отцом. Павел, внимательно выслушав, ответил ей:
- Мама, я не осуждаю тебя ни в чем, тем более, что ты не искала тех обстоятельств, какие у вас сложились на сегодняшний день, но все мы без исключения убедились, что этот человек в нашей семье совершенно чужой, а теперь и не желаемый. Ты сделала ошибку; сделала бы ее кто другая, оказавшись на твоем месте, я не знаю. По крайней мере, из известных мне женщин, я не знаю другую, которая пережила бы столько великих, безнадежных утрат. Скажу тебе только, как сын, как христианин, и как матери-христианке: ты не сможешь спокойно закончить свою жизнь и сберечь семью от раздоров, при этом положении. Тебе надо покаяться и отпустить этого человека с миром. Об Оле, пусть Господь усмотрит Сам; ты не смогла этого сделать до сего дня; мой приезд принесет полную развязку.
После этих слов они оба склонились на колени, и Луша, в горячих слезах, исповедывала пред Господом все свои грехи. Павел молился с ней и просил у Бога милости для многострадальной матери, а особенно, о благополучной развязке с этим посторонним человеком.
Отец Оли вскоре, в присутствии всей семьи, признал, что он, действительно, под давлением горя пытался прилепиться к семье Владыкиных, но теперь убедился, что это совершенно невозможно; поэтому, мирно распрощавшись, он покинул дом навсегда. Оля прилепилась душой к семье так сильно, что не смогла расстаться, и осталась как дочь.

* * *

На следующий день Павел с детьми оставили Лушу одну и пошли с утра путешествовать по городу. Много интересного он рассказывал брату и сестренкам из прошлой жизни, останавливаясь по ходу у тех мест, с которыми были связаны его воспоминания.

Представление о городе у детей изменилось: он стал еще роднее, еще ближе. Долго они уже ходили по улицам, крепко обнявшись под руки, только Илюша, оставляя за собой, по-детски условную, солидность, при общем согласии, шел обособленно, изредка дополняя своими комментариями, высказываемые впечатления. Прохожие с восхищением оглядывались на эту счастливую группу, узнавая через кого-либо из детей, что это семья Владыкиных.

Павел был очень рад, обняв детей, читать в их глазах неподдельную радость, сменившую печать сиротского горя. Далеко по улице раздавалось радостное щебетание Риты, ведь сегодня она проходила мимо лотков и киосков не с обычной, разъедающей завистью, а с карманами, полными гостинцев.

Возвратясь домой после обеда, Павел пожелал беседовать с детьми о Боге. Читая отдельные места из Библии, он указывал на ужасные последствия греха, с одной стороны, и с другой - на благость, милосердие, любовь Божию. Рассказывал о Христе, Его любви и сострадании к грешникам, и о том, как Он добровольно, вместо грешников, умер на кресте. В заключение, напомнил о жизни и страдании отца Петра Никитовича, его предполагаемой кончине.

Слезы умиления давно уже текли из глаз детей; плакал с ними и Павел, и мать. В результате, Даша поднялась и спросила, что нужно, чтобы примириться с Богом и встретиться впоследствии с папой. Павел указал на покаяние. Все, как один, после этого упали на колени, и вначале Даша, а затем Оля и Илюша, в искренней молитве, раскаивались перед Господом, отдавая свои сердца во власть Христу. Заканчивала молитву мать. Она изнемогала в слезах радостной хвалы и благодарности Господу, за такое посещение их семьи; с трудом ее, плачущую, подняли и усадили на стул. Глядя на нее, все заметили, что за эти дни она помолодела на несколько лет.

В доме Владыкиных произошли коренные изменения. Совершенно новые отношения появились между домашними, а дети пожелали сразу же разыскать верующих, чтобы посещать собрания. Это осуществилось на следующий день. Н-ская община, раздираемая разномыслиями, ябедами, личными обидами, фактически не собиралась на богослужение; сходились только по двое-трое, едва в состоянии утешить, израненные сердца друг друга.

Вечером, предварительно предупредив, Павел и Луша с детьми пришли на собрание, созванное специально, в связи с его приездом. Собралось немного более десяти человек, но когда увидели семью Владыкиных и Павла - пришли в изумление. Большинство были из старых членов церкви, кому Павел был известен со времен его ареста, а некоторым - еще с ранней юности.

После того, как брат старец призвал к молитве, и началось пение гимнов, Дух Святой так потряс сердца, что никто не оставался равнодушным, особенно, увидев, как дети Луши со всеми славили Бога. Раскаяния начались во время проповеди Павла, да так, что ему пришлось ее сократить, и дать простор молитвам. В числе первых заявила о своем покаянии Луша, с нею вместе благодарили Бога за пробуждение Даша, Оля и Илюша; раскаиваться стали другие старые члены общины, в том числе и один из проповедников, который знал Павла еще с детства. До позднего часа, пробудившиеся христиане, услаждали сердца радостью обновления Святым Духом. Дети Владыкиных с упоением пели один гимн за другим, делаясь любимцами пробуждающейся церкви. Здесь Павел узнал о печальном состоянии подруги юности - Веры Князевой и согласился немедленно посетить их дом. Расходились уже к полуночи; и условились сходиться регулярно, в назначенные дни, с желанием оповестить и других.

На следующее утро Владыкин решил безотлагательно посетить дом Князевых. Подходя к нему, он не мог удержать себя от глубокого волнения, увидев знакомый палисадник, а за ним - окна нижнего этажа, где двадцать четыре года назад зарождалась Н-ская община. Во мгновение вспомнились ему многолюдные собрания, простые, проникновенные слова проповедей и пение гимнов, его первое детское раскаяние и первое стихотворение, которое с вдохновением он рассказывал: "Вот ворота пред тобою..."; первое крещение в проруби матери и других обращенных; подзатыльник, полученный за имя Иисуса от любимой дорогой бабушки... Что здесь теперь?

С этим вопросом в душе, он медленно поднимался по скрипучим ступенькам на второй этаж... Поблекшими от старости и слез глазами, встретила его у порога Екатерина Ивановна - мать Веры Князевой. Долго всматривалась она в изменившееся до неузнаваемости, лицо вошедшего, пока, наконец, положив ему руки на плечи, старческим голосом, с изумлением произнесла:
- Пав-лу-шень-ка! Дитятко ты, наше... сердцем учуяла, что это ты, а моей-то, горемычной, еще нет, - бесслезно, но с тревогой намекнула она Владыкину о Вере.
Допоздна просидели они за старинным самоваром, наслаждаясь обоюдными воспоминаниями. Один лишь Бог знал, что эта беседа Павла с Екатериной Ивановной была одна из последних. Расставаясь, она просила совершить Вечерю Господню. Павел пообещал ей это, надеясь вскоре встретиться с благовестником Федосеевым и еще раз посетить ее.

* * *

Утром кто-то позвонил. Владыкин только что поднялся. Заботливая материнская рука собирала на стол завтрак. Даша торопливо вышла на звонок; и слышно было, как она кого-то, предупредительно, проводила в калитку:
- Сюда... сюда... Осторожней, не ударьтесь.
В открытую дверь вошел Николай Георгиевич Федосеев и, как говорят, безо всяких предисловий, положив руки на плечи Павла, крепко обнимая, с глубоким волнением причитывал старческим голосом:
- О, Петр Никитович... дорогой мой, Петр Никитович... друг мой, Петр Никитович... мог ли я думать, когда-либо обнять тебя, да такого молодца!...
- Николай Георгиевич, да это же Павлуша, сын Петра Никитовича. Ведь Петра Никитовича-то... - поспешили его поправить окружающие и, вошедшие с ним, сестры.
- Знаю, знаю, милые мои, что это Павлуша, но первое почтение я желаю излить моему дорогому Петру Никитовичу, именно на сыне его, так как вижу его и чувствую, что он заменил своего отца с превосходством... А теперь, вот, и Павлушку моего буду обнимать, - предварительно оторвавшись и оглядев его с ног до головы, долго прижимал к груди. Слезы радости "бисеринками" стекали у старца по лицу и терялись в редкой бородке "клинышком".
После первого приступа приветственного восторга, брат Федосеев рассказал, как вчера вечером он получил телеграмму отсюда, о приезде Павла и бросив все, самым ранним поездом поспешил на встречу, да по дороге захватил, вот, двух сестер.
Долго, в пламенных молитвах, изливали свои сердца старый благовестник Николай Георгиевич и бывший с длинной шеей Павлушка, выросший на далекой чужбине - в возмужавшего Павла.
Павел с изумлением смотрел на дорогого служителя - друга своего детства (как он считал его), вспоминая те незабываемые времена, когда они в 20-х годах, в составе миссионерского отряда, под руководством Николая Георгиевича переезжали от деревни к деревне, проповедуя людям Евангелие. Вспомнил его пророческие слова о гонениях за проповедь Евангелия и о себе, как о будущем проповеднике. Теперь это был старичок, изможденный скорбью и недугами, у которого в жизни не осталось ничего, кроме верной, многострадальной, неразлучной его спутницы и сотрудницы, старушки-жены Анны Родионовны, и неутомимой жажды нести Евангелие грешному миру.
Брат Федосеев посмотрел на Владыкина, как бы угадывая его мысли, и опустил голову.
- Павлуша, - прервал молчание Николай Георгиевич, - Бог провел меня через тяжкое горнило испытаний. Я был арестован и, на "Лубянке" в Москве, подвержен мучительному следствию. Органы безжалостно терзали мою душу на допросах. В минуты особых мучений мне предлагали отречься от Бога, но я категорически отказался и решил лучше умереть, но не оставлять Бога. Однажды, на допросе, меня сильно ударили по уху, потекла кровь - лопнула барабанная перепонка, и я с тех пор оглох на одно ухо.
Но это так обрадовало меня, что Бог удостоил меня принести дорогую жертву; успокоился и следователь. Вскоре обрекли меня на несколько лет лишения свободы. Чудом Божьим, хоть и полуживым, я возвратился к семье, по отбытии срока. Жене и детям я объявил, что моей жизни больше нет, а та, которая мне оставлена - уже не моя. Меня пригласили в канцелярию ВСЕХБ, где брат Карев А. В. и брат Малин П. И. предложили сотрудничать с ними. Из беседы я узнал, что той свободы к благовествованию, как было в союзе баптистов, в котором я находился - нет; и я, с грустью распрощавшись с ними, в посте и молитве, посвятил остаток моих дней

проповеди Евангелия. Общины разорены, служителей нет - они умерли в лагерях, на ссылках. Десятилетие христиане не причащались; годами, покаявшись, оставались некрещеными и не пользующимися правами членов церкви. По побуждению Духа Святого я посещаю те места, куда годами не проникают благовестники: проповедую, совершаю служение, потому что люди раскаиваются во грехах и желают вступить в церковь, как помилованные Богом.
После беседы они склонились на колени и, со слезами на глазах, благодарили Бога. Поднявшись с молитвы, Николай Георгиевич, старческим голосом, вдохновенно запел:
Среди всех в жизни перемен,
Хотя б пришлось скорбеть,
Но Божьей милостью блажен,
Не перестану петь:
Как я рад, я искуплен
Как я рад, я искуплен
Драгоценной кровью Христа.
Драгоценной кровью Христа.
В тот же вечер, неутомимо переходя от дома к дому верующих, старичок Федосеев вместе с Павлом зашли к старушке Е.И. Князевой с хлебопреломлением, затем и к другим, приглашая всех на собрание. Собрание было необыкновенно многолюдным, и в нем некоторые души, раскаявшись, получили мир с Богом. В течение двух дней оба друга, молодой и старый, посещали верующих по домам: совершая молитвы над больными, охладевших призывали к покаянию и имели в деле служения очевидный успех. Затем расстались, условившись встретиться несколькими днями позже. Великая благодать сопровождала их.
Вскоре после этого, в дополнение к общей радости, и, в частности, для Екатерины Ивановны, возвратилась из десятилетнего заключения ее многострадальная дочь Вера.

* * *

- Ну, а теперь я не могу успокоиться, - заявил Павел, - пока не увижу дорогой моей, милой бабушки Катерины, не отру слез ее и не послужу ей на старости лет в утешение.
Сопровождать его отозвалась тетушка. Бабушка Катерина, по словам приходящих в город сельчан, жила в своих Починках с внучатами-сиротами и, как передали, умирала с голоду.
Ранним утром Павел с тетушкой, нагруженные гостинцами, отправились пешком в намеченный путь. Крепкий, морозный утренник прочно сковал ноздреватый, от мартовской оттепели, дорожный наст. С рассветом путники вышли за город, вскоре, пройдя реку по льду и выйдя на противоположную сторону, на Починскую дорогу, остановились передохнуть. Павел вспомнил, как двадцать лет назад, на этом месте, они расставались с дедушкой Никанором. Его уже давно нет, он отошел в вечность с непоколебимым упованием на своего Господа, но его образ ярко запечатлелся в душе Павла. Воспоминания о стареньком деревенском проповеднике взволновали душу Павла, вместе с морозцем, румяня его лицо. При расставании, на этом месте, дед Никанор благословил Павла словами, которые были священным девизом во все его годы: "Спасай, обреченных на смерть". Эти слова побудили деда Никанора зайти в убогую Починскую избу, когда Павел умирал на глазах бабушки Катерины. Павел принял эти слова священного девиза проповедника, пронес их в своей душе через годы испытаний, а теперь, волей Божьей, он оказался на этой самой дороге, а где-то впереди, умирала от голода его милая, дорогая бабушка Катерина. Умирала в той самой избе, где тридцать лет назад спасала от смерти его - Павла. Слова священного девиза набатом гудели в его груди: "Спасай, обреченных на смерть!"
- Пойдем, тетушка, нам надо торопиться, - проговорил Владыкин и шагнул на ту дорогу, куда ушел когда-то дед Никанор.
По дороге они взаимно вспоминали давно прожитые годы, так же встречали и провожали приметные здания, перелески, речушки, колокольни, с детства волновавшие набожную душу Павлушки. Со всем этим воскресал образ дорогой бабушки Катерины, с которой не раз, пешком и на подводе, они пробирались в родные Починки. Тетушка стала выражать горькую обиду на всех родственников, в том числе и на Лушу за то, что оставили мать на голодную смерть. Она вспомнила, как Катерина в голодные двадцатые годы на подводе или, согнутая под тяжестью ноши, пешком шла в город, чем-нибудь набить голодные рты неблагодарных детей и малых внучат;

как спешила навстречу Лушкиному вдовьему горю, до дна испив эту горькую чашу сама, от молодости. Теперь она, никому не нужной, жила в заброшенной деревушке и умирала в сиротской избенке вместе с голодающими малолетними внучатами.
Так они оба шли, вытирая слезы из глаз, а рассуждения торопили их: "Застанут ли в живых?" - молча думали они оба, каждый про себя, и, не отдыхая, таким образом, прошли двадцать пять километров. Как-то неожиданно, пройдя Нестрево околицей, оба увидели впереди заветную колокольню.
- Раменки уже! Павлуша! - удивленно вскрикнула тетушка, - а вот и Починки, - на ходу поправляя ношу, показала она на ленивые струйки дыма над крышами деревушки.
- Починки, родные Починки!... - ответил Павел с дрожью в голосе, рассматривая из-под ладони, ссутулившиеся избенки... - шестнадцать лет.., - тихо отметил он годы разлуки. "Жива ли?" - щипнула тревожная мысль сердце Павла, когда он ухватился за скобу двери...
- Здравствуйте... горемычные!... - громко поприветствовал Павел, перешагнув порог, - Мир дому вашему!
На слова приветствия никто не отозвался. Угрюмо глядели на вошедших: закопченный образ "Спасителя", Николая угодника, и Казанской Божией матери, с правого угла избы. Рядом на стене мерно постукивали ходики, с подвешенным к гире костылем от бороны. Направо, из угла, сидя на рваной дерюге, едва покрывающей старую солому, прижимаясь друг ко другу, закутанные в лохмотья, поблескивая дикими глазенками, молча рассматривали вошедших, три подростка. В избе пахло копотью.
- Те-туш-ка!... - ответила слабым голосом молодая женщина, поднимаясь с лавки.
С большим трудом Павел в женщине, скорее догадался, чем узнал, старшую двоюродную сестренку.
- А это кто? - спросила она, вглядываясь в лицо Павла.
- Узнавай, - ответила ей тетушка.
Слева на печи зашевелилась над подушкой копна, побуревших от копоти, седых волос. Непонимающими, безразличными, помутневшими глазами поглядела на всех внизу бабка Катерина и, без сил, опять опустила голову на подушку.
Владыкин, передав ношу с плеч в руки тетушки, поднялся на скамье к Катерине.
- Бабушка, неужели ты меня не узнаешь? - взволнованно спросил он, не в силах удержать слезы.
- Касатик, я ведь ослепла, а кто ты, родимец?...
В избе воцарилась напряженная тишина. Не терпя, сестренка хотела вскрикнуть, но тетка удержала ее. Павел взял высохшие, костлявые руки Катерины в свои ладони, согрел их и, нагнувшись к ее лицу, громко произнес:
- Да я же, Павел!
- Павел? Мой Павлуша?... Постой... постой... - спохватилась она, потом упала на руки Павла лицом и заголосила:
- Родимец, ты м-о-й, пропащий м-о-й, Пав-лу-ша!!! Неужели ты?... Спаситель ты мой, Батюшка... Светитель, отче Микола, матерь Божия, желанница моя, - причитывала она, не отнимая руки от Павла. - Внучек мой милай, дождалась я тебя, ненагляднай ты мой. Ведь день и ночь молюсь по тебе Казанской Божией матери... Спасителю зарок дала: "Не умру, Господи, пока не увижу радимаво маво Павлушеньку". А теперь вот дождалась, касатик. Милай ты мой, ненагляднай мой, спаси ты меня, ведь умираю я здесь с голоду. Ведь я же все дни святые чту, вот весь сарафан пиридырявила по праздникам, а теперь уж силушки нет. А, надысь, постирала на себя, да как повесила на плетне, так и висить все. Ослепла я, радимец мой, вот ведь, и тебя-то не вижу, с печи уж не слезаю какой день. Спаси ты меня, Христа ради, увези отсюда, умираю я с голоду. У меня ведь и картошки есть полмешка, и очистки, и отруби, и похаронно все есть в сундуке. Ключ-то блюду у себя. Намедни, Полюшка приезжала, вытащила деньги-то, все блюла их к похаронам. Спаси меня, касатик, - вопила бабушка Катерина.
- Бабушка, - начал он, - прежде всего, ты успокойся, я пришел тебя взять отсюда, ты здесь не останешься. Я принес с собой продуктов, и сейчас будем кормить тебя досыта. А вот, ты ответь мне, ты что же на иконы-то крестишься? Ты же крестилась по вере и член церкви, что же случилось? Что же ты всех святых вспоминаешь?
- Радимец ты мой, забыла все, осталось в голове, что смолоду помнилось, да ведь милостив Господь, день и ночь молюсь Ему.
После того, как все немного улеглось, Павел распорядился ставить самовар; затем сняли бабушку с печи на кровать; он приказал привести ее в порядок. Все в доме, голодными глазами, глядели на своего покровителя. Павел же пошел в деревню достать молока. Выйдя за калитку, Владыкин остановился, внимательно осматривая

свою убогую деревушку. Его удивило, что на улице не было видно ни единой души, как будто все вымерло. Ко многим дворам даже не было видно подъездов, а виднелись только узенькие тропинки.
Пройдя по деревне от одного края до другого, Павел увидел, что ряд домов стояли с забитыми окнами. В одной из избенок он заметил присутствие жизни и, постучав, решил зайти. Его встретил, благочестивого вида, старичок, в котором он едва узнал давнего соседа Никифора. Дедушка недоверчиво осматривал незнакомца, но когда внимательно изучил, то, к своему удивлению, убедился, что это Катеринин Павлушка.
- Эка, какой вымахал-то, голубчик. Чай, на вольных харчах что ли, где рос? - спросил он добродушно Владыкина.
- Дед Никифор, уж где рос, сам знаешь, по соседству, а как вырос на чужих хлебах, страшно вспомнить, - ответил ему Павел, садясь на лавку под образами. - Ты вот, скажи мне, я никак не приду в себя: что же с Починками-то случилось? Куда народ девался? Дворы заброшены, да и на улице никого не видать.
- Да какого народа, ищешь-то? - спросил его Никифор, - мужики на войне остались; молодежь по городам разбежалась от голода; четверо подростков, из них и ваш наперсток - вот и работники, они вон на коровах навоз вывозят. Пять баб еще в колхозном амбаре мешки штопают, да вот твоя бабка Катерина умирает. А нас-то, что считать, нас хоть и осталось трое стариков, и тех только на погост осталось вывезти. Ты вот, бабку-то, хоть вывез бы - похоронить некому.
И действительно, Катерининская изба была обречена на вымирание. После того, как в 1937 пропал Федор, сноха извелась от тяжкого непосильного труда и в самый разгар войны, в 1942 году, умерла от чахотки, оставив четырех сирот. Все это непосильным бременем легло на плечи Катерины и, если не пригнуло, то надломило ее. Самая старшая из сирот, в шестнадцать лет вышла замуж за такого же заброшенного парня, и единственным богатством у них, к свадьбе, был матрац из новой дерюги да такое же дерюжное покрывало. Все это отдала им Катерина из своих запасов.
Четырнадцатилетний внучек был единственным работником в семье. Получая ежедневно черпак молотых картофельных очисток и совок отрубей на всю семью, они ожидали скорее смерти, нежели каких-либо светлых перемен.
Посещение Павла было неожиданным и застало Катерину на краю могилы. У Никифора он выпросил за деньги молока, чтобы, на первый случай, можно было как-то поддержать ее и голодающих сирот. Возвратясь в избу, он застал бабушку переодетой. Немедленно стали собирать на стол, чтобы накормить голодающих. Когда было уже все готово, и самовар поставлен на стол, Павел пригласил к молитве и сердечно поблагодарил Бога, что мог своей дорогой бабушке и сиротам, послужить добродетелью в это жуткое время. Молил Господа, чтобы Он оказал милость этому дому, в котором проходило его детство. Слушая его молитву, все были в слезах. Потом Павел раздал каждому по большой порции хлеба, рыбы, вареного картофеля. Тетушка кормила бабушку отдельно: белым хлебом и молоком, понемногу, но часто, с перерывами. Не владея собой, она с жадностью поглощала все, чем ее кормили. После еды, голодающие запивали досыта сладким чаем.
Перед сном все были опять досыта накормлены. Утром раньше всех поднялась Катерина и, не в силах сдержать себя, с воплем упала на грудь спящего Павла. Принятая ею пища, восстанавливала в ней жизненные силы; и с рассветом она увидела, что зрение понемногу возвращается к ней. Первого, хоть и тускло, среди спящих на полу, она увидела своего Павлушку. Всю ночь она не спала от радостного волнения. Сознание так же, как и зрение, у нее медленно восстанавливалось; и теперь, когда она не только слышала, ощупывала, но и увидела своего дорогого любимца, то припала к нему на солому и не поднялась до тех пор, пока не выплакала первый приступ нахлынувших чувств.
Днем Павел сходил в соседнее село и разыскал там председателя сельсовета, с которым более часа провел в дружеской беседе, рассуждая о дальнейшей судьбе Катерины и сиротах. Председатель был несколько старше годами Павла и, припомнив его детские годы, расположился к нему. С радостью, охотно отозвался он переправить бабушку Катерину в город на быке, за отсутствием лошадей; но она была так слаба, что решено было, еще два дня подкрепить ее питанием. По возвращении, Павел оставил немного денег на поддержание остающихся сирот и, распрощавшись с ними, заторопился в город. Катерина, услышав, что Павел уходит, ухватилась за его руки и никак не хотела отпускать от себя, умоляя, чтобы он взял ее с собою. Стоило много труда Павлу и всем остальным уверить ее, что через два дня она тоже будет отправлена в город.
Покидая Починки, Павел не мог удержаться от слез, при виде вымирающей деревушки.

- Увижу ли, когда-нибудь еще, это родное гнездышко, где суждено было много лет назад, среди простого русского народа, цвести моему богобоязненному веселому детству?

* * *

- Павел! Павлуша! Пав-лу-шень-ка!!! - Обнимая и прижимая к груди его голову, причитала Анна Родионовна, жена Федосеева, встретив в назначенное время Владыкина у себя, в Москве. Да, можно ли было когда ожидать, чтобы я еще раз в жизни могла обнять этого долгошеего зеленого мальчика, теперь ставшим таким стройным мужчиной. Ведь двадцать с лишним лет прошло с тех пор, когда ты, стоя на телеге, так бойко, с чувством рассказывал:
На корабле купеческом "Медуза",
Который плыл из Лондона в Бостон,
Был капитаном Боб, моряк искусный...
- Милый мой мальчик, где же ты с тех пор и на каких кораблях плавал эти годы? - В ожидании Николая Георгиевича они начали рассказывать друг другу, о прожитых ими годах.
Анна Родионовна, будучи милой, дорогой женщиной-христианкой, с молодых лет, соединив свою судьбу с благовестником
Федосеевым, относилась к тем редким труженицам, которые в передовых рядах с братьями, пионерами-евангелистами, прокладывали путь истине среди темного, русского народа. Неразлучно, рука об руку с мужем, она шла по полям благовестил, оставляя за собой светлый след ласковой, нежной, христианской добродетели. Ее чуткое сердце было надежным компасом и барометром для мужа от всех превратностей, ее мягкие, быстрые руки много исправляли его промахов и шероховатостей, допущенных им от ревности, не по рассуждению. Она вся была воплощением умеренности и терпения, в которых утопала вспыльчивость и, периодически, гневливость ее друга.
Поэтому их совместное служение в благовестии было плодотворным украшением учению Иисуса Христа, а сами они, всегда и для всех, были желанными и своевременными гостями и друзьями.
Наслаждаясь драгоценным свиданием, Анна Родионовна и Павел запели любимый гимн Петра Никитовича Владыкина:
О Боже, Боже! Дай мне силы!
За ближних душу полагать.
И в сердце вечно, до могилы
Врагам обиды все прощать...
Придя домой, Николай Георгиевич был от души рад увидеть у себя Павла и, особенно рад, что застал их за пением любимого гимна Петра Никитовича.

* * *

После праздничного обеда Федосеев пожелал провести Владыкина в канцелярию ВСЕХБ, чтобы познакомить с президиумом, на что Павел охотно согласился. Пройдя на Мало-Вузовский переулок и войдя в помещение молитвенного дома, Павел удивился не только необычному стилю протестантского богослужебного помещения, но и той обширности, о которой он имел представление только по снимкам. Справа, из канцелярии вышел мужчина с приятным выражением лица и, увидев Николая Георгиевича, подошел, горячо поприветствовал его. Федосеев, указав Павлу на подошедшего, отрекомендовал:
- Это брат, Александр Васильевич Карев, теперь служитель братства ВСЕХБ, а это, брат, - указал он на Владыкина, - сын моего дорогого друга, соработника на ниве Божьей, ныне умершего в узах, верного служителя Господня. Павел Петрович долгие годы провел за свидетельство Иисусово на Колыме и теперь, только на короткое время, здесь среди нас, потом опять должен возвратиться туда...
Карев крепко обнял Павла и тут же привел обоих в канцелярию. Проходя мимо приемной, Николай Георгиевич остановил Павла и познакомил его с пожилой, скромно одетой женщиной:
- А вот, наша многострадальная труженица - Шура Мозгова, она здесь работает секретарем.
Сестра очень любезно пожала руку Павла, узнав, что это сын Петра Никитовича.

- Ну-ну, прошу вас, милые гости, будем знакомиться. Брат, Павел Петрович, прошу приветствовать - это брат Малин Петр Иванович, а это брат Моторин Иван Иудович, - отрекомендовал он, сидящих за столом работников ВСЕХБ.
Павла попросили: коротко познакомить присутствующих с бытом колымчан, с условиями жизни и с теми из "своих", кого он там встречал.
- А не знаете ли вы, там, нашего дорогого старца, Кеше Альберта Ивановича? - спросил Павла Карев после того, как он со всеми познакомился. - Он в самом Магадане и занимается музыкой во Дворце культуры.
- Нет, брат, я с дворцами не знаком, равно и со служащими в них, - ответил ему Владыкин.
В это время вошел пожилой человек с реденькой, небольшой бородкой. Павлу его лицо показалось знакомым.
- Яков Иванович! - обратился Карев к вошедшему, - у нас сегодня редкий гость. Познакомьтесь - это с Колымы брат, Павел Петрович Владыкин.
- Вот как, - удивился Жидков, - если с Колымы, то нам есть о чем вспомнить. Приветствую вас, - подошел он к Павлу. - Очень рад вас видеть. Расскажите, брат дорогой, какими путями вы оказались на Колыме, а после Колымы - здесь, мне знакомы те суровые места.
- А где вы там были? Кстати, мне ваше лицо почему-то знакомо, - спросил Жидкова Павел.
- Я жил некоторое время в совхозе Эльген, вы слышали про такой? - спросил Жидков Владыкина.
Павел внимательно всмотрелся в лицо собеседника, подумал, потом с удивлением заметил:
- Эльген? ...Подождите, а это не вы там работали в 1940 году, в кабинете агронома Морозик?
- Да, я действительно у него работал, но откуда вам это известно? - удивился Яков Иванович Жидков.
- Мне это известно потому, что летом в 1940 году, когда я вошел в кабинет в поисках работы, вы разочаровали меня тем, что для меня в то время работы в совхозе не нашлось, - ответил ему с улыбкой Павел.
- Милый брат, - обнял Владыкина Яков Иванович, - вот, ведь какие, пути-то Господни, а, действительно, это было так; но ведь вы выглядели тогда совсем мальчиком, потому и принял я вас за энтузиаста-комсомольца.
При этой встрече у всех на глазах появились слезы, в том числе и у сестры Шуры, которая в открытую дверь наблюдала за всем происходящим, а Жидков, продолжая беседу, попросил Павла:
- Брат, Павел Петрович, немного расскажите, как вы оказались там?
Павел, после короткой паузы, рассказал присутствующим историю своего покаяния, свидетельство о Христе в заводском клубе и о последующем за этим, аресте. Яков Иванович, вытирая слезы, еще раз поприветствовал Владыкина, сел и о чем-то задумался.
- Брат, Владыкин, - обратился к Павлу Моторин, а вы не могли бы вашу жизнь описать в мемуарах и частями выслать нам сюда?
- А зачем? - спросил его Павел.
- Как, зачем? - удивился собеседник, но, подумав немного, продолжил, - просто, чтобы все это хранилось, до первой возможности к публикации.
- Обещать не могу, - ответил Владыкин, - по двум причинам. Прежде всего, жизнь моя еще в самом расцвете и будет продолжаться, а кроме того - архив у вас может быть не надежным.
Моторин умолк.
- Павел Петрович, - продолжал Карев, - а я очень желал бы с вами больше сблизиться; да и просьба у меня к вам будет: я напишу письмо, а вы разыщите в Магадане по адресу, брата Кеше А. И., и передайте его ему. Я уверен, что он и для вас окажется дорогим другом, ведь - это милый брат.
- Я очень буду рад выполнить вашу просьбу, - ответил Владыкин.
- Ну, братья, у меня ведь не все, - вступил в разговор Федосеев, - я привел к вам брата, с определенной целью: брат Павел уже испытанный и верный служитель Господа, а на Крайнем Севере много живет, подобных ему, разбросанных христиан, не имеющих возможности возвратиться обратно. Я предлагаю рукоположить брата Владыкина и поручить служение на Севере; ведь - это же чудо послал нам Господь.
Все замолкли, размышляя, а Яков Иванович, подумав, ответил:
- Сейчас, братья, мы разрешить этого не сможем, посоветуемся, а послезавтра брат Владыкин придет к нам, и мы ему ответим.

- Да, наверное, братья, вам не следует затруднять себя этим предложением; я ведь не безработный, блуждающий священник, как это было у Михи, на горе Ефремовой (Суд.17:1), но раб Иисуса Христа, имею от Него служение и связан с Ним договором.
- Нет-нет, братья, - как бы спохватившись, заметил Жидков, - мы не будем говорить об этом, тем более, что у брата Владыкина уже есть свое жизненное назначение.
- Да, Яков Иванович, это так, но у меня есть очень важный вопрос и к вам, - начал Павел и, получив разрешение, продолжал, - вот, Александр Васильевич и вы, Яков Иванович, известны мне еще с ранних лет, как руководители Прохановского союза Евангельских христиан и были арестованы, как служители этого союза. Вас из заключения освободили досрочно, какими-то особыми путями доставили прямо сюда, в Москву; а почему с вами вместе не освободили меня? Меня арестовали мальчиком, за имя Иисуса Христа, я еще не принадлежал ни к какой церкви; мой срок кончился шесть лет назад, а на волю еще не выпускают ни меня, ни братьев, которые там со мною.
- Э, брат, зачем нам с вами говорить об этом, - возразил Жидков, - ведь каждому из нас Бог назначил свои пути и свои испытания.
- Да, Яков Иванович, - согласился с ним Владыкин, - я чувствую, что наши пути с вами, видимо, разные, но кто их нам назначил, увидим дальше.
На этом их беседа была закончена. Выходя из канцелярии, Павел заметил своему другу Федосееву:
- Брат, что-то они скрывают и, хотя их досрочно освободили из тюрьмы, но они не свободны. - Потом, помолчав, добавил, - больше того - написано: "Кто кем побежден, тот тому и раб", а ведь двум господам служить невозможно. Люди, ведь, эти большие, значит, и дела делают немалые, но можно ли то и другое, назвать Божьим?
Конечно, бывает, что сам не раб Христов, а выполняет дело Божье - это восхищает всех; но ужасно, когда раб Божий, а дело делает не Божье. Мне почему-то так хочется обнять их, по-братски: ведь на одних тюремных нарах лежали с Жидковым, одну тюремную баланду хлебали, только в разные двери из тюрьмы мы выходили; как во всем этом разобраться, брат? - озабоченно спросил Владыкин Федосеева, - видно, Бог только откроет, сам не поймешь... Ну, куда ты меня поведешь дальше?
- Поведу, Павлушенька, поведу, - ответил ему Николай Георгиевич. - По таежным тропам ты исходил очень много и, видно, научился не блудить, а теперь, вот, по этим тропам надо учиться ходить и тоже не блудить; а это тропа - благовестника, и проходит она тоже по горам, а нередко, и по долинам. Бог ведь очень высоко ценит ноги благовестника и называет их прекрасными не потому, что они имеют красивые мускульные сплетения или изящны по форме, как у женщин, и обуты в модную обувь - нет. Он называет прекрасными те ноги, которые обуты в готовность благовествовать мир, проповедывать спасение (Ефес.6:15; Ис.52:7).
А теперь я поведу тебя к тем благовестникам, о которых тебе было известно еще с ранних лет; а ты уж сам определяй, как они начали свой путь, и где оказались теперь. Сейчас мы едем к Власовым.
Когда Федосеев назвал фамилию Власовых, сердце Павла всколыхнулось самыми приятными воспоминаниями о давно прошедших временах, когда в их доме началось духовное рождение Н-ской общины: первые живые проповеди Алексея Ивановича, гостеприимство Евдокии Васильевны, стройное христианское пение всей семьи Власовых и, наконец, очаровавшие его детское сердце, декламации Нади, которая, в те годы, была для него идеалом небесной чистоты и красоты.
- Ну вот, мы и подошли, - остановил Павла Николай Георгиевич, в одном из дачных поселков Подмосковья, и, толкнув калитку, они оба вошли в обширную усадьбу Власовых. Первое, что бросилось в глаза вошедшим - беспорядочно разбросанные предметы домашнего обихода. Весеннее солнце, под побуревшим ноздреватым снегом, местами поблескивало в мутных лужицах, а, наспех брошенные зимой, пузырьки, баночки и прочие не нужные вещицы торчали теперь бородавками на осевшем снегу, по всей территории сада и дворика.
Узенькая тропинка, ведущая от калитки к крыльцу, раскисла и, обнаруживая на себе следы редких прохожих, пугливо предупреждала о том, что жителям дома не было особой нужды выходить на улицу.
На стук в дверь никто не вышел. Немного подождав, гости, не без усилия, отворили скрипучую, перекосившуюся дверь и, осторожно проходя прохожую, вошли в помещение, которое когда-то, видимо, служило жителям гостиной. Теперь здесь царил такой беспорядок, что невозможно было судить о назначении комнаты. По полу были разбросаны вещи самого разнообразного назначения, но большинство из них были явно

не пригодны к употреблению: грязные миски, бутылки с разбитыми горлышками, ржавые кастрюли - все это, вперемешку с опорками изношенной обуви и тряпьем, лежало по углам комнаты, на немытом полу.
На столе стояла неубранной самая примитивная посуда с остатками пищи. Окна, частью были забиты фанерой или картоном, а уцелевшие - занавешены, пожелтевшими от времени, газетами. На стене висел, потемневший от времени и пыли, текст с надписью: "А я и дом мой будем служить Господу" Взглянув на него, Владыкин вспомнил совсем иную гостиную. 24 года назад она была украшена букетом цветущих роз, стены белели серебристыми обоями, текст сверкал, а на полочках и тумбочках белели кружевные салфетки. Тогда он, впервые в этой семье, услышал, чарующие душу, христианские мелодии.
Если бы не знакомый текст, то Павел не подумал бы, что здесь живут Власовы. В доме не обнаруживалось никаких признаков жизни.
После 2-3 минутного молчания, гости сняли шапки и Владыкин громко проговорил:
- Мир дому сему.
В одной из комнат послышалось движение и, в открывшейся двери, появилась женщина средних лет, с измученным лицом, в сильно изношенном платье и с мелкими перышками на не причесанной голове.
Несмотря на то, что Владыкин, за истекшие годы, видел мужчин и женщин в самых разнообразных обстоятельствах, и научился не смущаться при виде всяких сцен, но то, что он видел теперь, потрясло его душу с особой силой. На его глазах невольно появились слезы, протянув руки вперед, он медленно подошел и дрожащим голосом произнес:
- На-дя!... Неужели это ты?!
- Павлуша!... - все, что могла она произнести, склонив голову и, с плачем, падая ему на грудь.
После первого приступа нахлынувших чувств, Надежда Алексеевна Власова, подняв голову, подошла и к Федосееву:
- Николай Георгиевич... простите меня, я уж просто перестала управлять собой и не подошла сразу поприветствовать вас. Братья, да вы все знаете, знаете, что оба вы так дороги и близки нашему дому, еще с дней юности. Мне очень стыдно видеть вас у себя при таком ужасном хаосе, но... подождите минутку...
При этих словах она, собирая рукой поседевшие волосы, быстро зашла опять в комнату. В это время из прихожей вошел в комнату Алексей Иванович, а вслед за ним, с испуганным видом, старушка - жена его, Евдокия Васильевна.
- Дорогие вы наши, - с причитаниями, обходя мужа, подошла старушка к братьям, - да, как это Бог послал вас к нам, да в такое время, когда мы уже совсем приготовились умирать. Ну, можно ли было подумать, что я встречу вас когда-нибудь, а у нас и посадить вас негде и совершенно нечем угостить. Ведь мы от голода пухнуть стали...
- Мать, да будет тебе уж, слезы-то лить, - вмешался Алексей Иванович - голод, голод, да кто теперь не терпит голод? Мы хоть в лохмотьях, но еще на людей похожи...
И действительно, было трудно представить или предположить Алексея Ивановича с женой (всегда аккуратных, сдержанных, прилично, по столичному, одетых) такими растерянными, беспомощными и в крайней нищете, как теперь.
В комнату вошла Надежда Алексеевна, одевшаяся немного приличней. Павел принялся вместе с ней приводить все в относительный порядок. Разбросанные вещи были сложены в одну кучу и покрыты; стол прибрали и накрыли стиранной мешковиной; расшатанную мебель наскоро закрепили, расставили по местам; поставили самовар; и Павел, успокаивая своих старых друзей, разложил к чаю все, что у него было придержано в чемодане, на такой случай. Через час все сидели за столом и, после сердечной, слезной молитвы, вспоминали ужасы пережитого.
- Господи, да, как это было дойти до такого нищенства? - вытирая слезы, причитала Надя.
- Ну-ну, ты уж немного успокойся, - остановил ее Владыкин, - нищие ходят по улице и просят милостыню, - а вы, просто обедневшие, каких теперь миллионы.
- Павлушенька!... Да только и осталось идти с корзинкой, нищие-то, хоть что-нибудь выпросят, а мы уж какой день голодаем, да, мы-то что, - заголосила опять Надя, - детей совсем нечем кормить. Вот еще вчера сварили какие-то сметки да крошки, да без соли раздали по две-три ложки каждому, и тому рады; остатками еще сегодня детей покормила и в школу проводила, а сами еще и крошки не имели во рту.

Папу, вот, гоним на завод, где работал до старости, там, хоть что-то дают рабочим, а он ослаб и идти не может, говорит, лучше умру у себя, в чулане... О-о-х! За что Бог нам такую кару послал, не знаю. Вот, видите, вместо обеда, чем мы угощаем вас, милые, дорогие наши гости. А это уж самое последнее постыдство - в нашем-то доме, нас гости угощают.
Слушая, Владыкин молча разделил свои припасы, каждому по порции, и видно было, как Алексей Иванович с Евдокией Васильевной с жадностью накинулись на угощение.
- Братья, милые, ведь вы послушайте, какое горе мы пережили за эти годы, - продолжала Надя. После нашего переезда, кажется, все было так прекрасно. Я вскоре вышла замуж, мой муж был инженером и уважаемым проповедником, на нас все смотрели, как на счастливую пару. Папа занимал на заводе самую почетную должность, его часто на извозчике, а вскоре даже на автомашине, привозили домой. Вера с Алешей (брат с сестренкой) учились в институтах, получали стипендии, а часто и зарабатывали от частной практики; в саду и огороде все благоухало и цвело - в общем, счастье в дом лилось ручьями, и многие нам завидовали. Мы с мамой знали только хозяйство и с радостью служили нашим домашним. По воскресным дням и праздникам ходили на собрания и принимали к себе гостей, удивляя их достатком и порядком в нашем хозяйстве. Но увы, так неожиданно, непрошеным разорителем ворвалось к нам горе и, как через разрушенную плотину, прорвалось наше счастье, мгновенно оставив нас.
Во-первых, в 1937 году арестовали моего мужа, и вот уже 9 лет он, едва живым, коротает свои дни на Дальнем Востоке, в неволе. Оставшись с двумя детками, я оказалась никому не нужной, и от темна до темна, на самых черных работах, была вынуждена добывать кусок хлеба. Папа заболел и едва закончил свое трудовое поприще, уж совсем на не завидной должности. Лешу постиг какой-то удар, в результате чего, он стал умственно не полноценным и лег бременем на наши плечи. Сестра заболела чахоткой и, бросив учебу, еле дожив до средних лет, умерла. Отечественная война окончательно разорила наш дом, и мы остались безо всякой надежды, хоть на самое скудное будущее. Через год должен возвратиться из заключения муж, но увы, боюсь, что он никого из нас не застанет в живых, - при этих словах она закрыла лицо ладонями и зарыдала сильно, неудержимо.
Старческим, глухим голосом Алексей Иванович, кивнув головой в сторону дочери, заметил:
- Вот, сколько раз говорил ей: ты распустила себя, что ты сделаешь своими слезами, неужели Бог совсем покинул нас, неужели не осталось никакой надежды на спасение, а где же наше упование?
- Действительно, так, - вмешался Владыкин, - ты возьми себя в руки, подкрепись пищей и слушай; я хочу сказать тебе от чистого сердца, по-дружески, хотя, может быть, и горько, но слушай. Ты сказала: "За что карает нас Бог?" А неужели ты до сих пор не разобралась, за что Бог весь ваш дом подверг такому тяжкому испытанию? Вы были первыми вестниками живого Слова Божьего в нашем городе. Ваши песни, стихи и проповеди вашего папы вдохнули жизнь в сердца грешников. Ваш дом послужил началом возрождения дела Божия в нашей местности. Но, послужив к возрождению и спасению грешников, вы этих, едва народившихся птенчиков, безжалостно бросили беспомощными, и ради чего? Ради своих прихотей, ради плоти, по своим житейским расчетам. Вы кинулись искать, прежде всего, не Царствия Божьего и правды Его, а все остальное, кроме Него. В результате, вы потеряли и Царствие Божье, и все остальное, вы оказались несчастнее всех человеков. Вы уничтожили горсточку простых, полуграмотных заводских и деревенских христиан, в своем городе, вам хотелось блеснуть вашими способностями перед столичными жителями; но ведь в Москве и без вас было немало проповедников, певцов, декламаторов. Вы там оказались десятыми, между тем, как в нашей общине тогда, были рады каждому вашему слову, стишку, вашей улыбке, просто вашему посещению.
Ваши папа с мамой, посчитали неудобным увядать вашей цветущей молодости среди серых людей, и они, не считаясь ни с чем, кинулись устраивать ваше будущее в столице; а мы тогда смотрели на тебя с Верой (сестрой), как на тех ангелов, что славили Бога на полях Вифлеемских. И, наконец, теперь скажу не скрывая: Надя, вам с Верой вскружили голову столичные женихи, образованные, красноречивые; и вы, вместо того, чтобы доверить свою судьбу в руки Божий, решили устроять ее сами. Вы не посчитались с тем, что ваш отъезд тогда принес нам душераздирающую боль, а мне, тогда еще мальчишке, - невыразимые сердечные муки; ведь мы все, так глубоко, полюбили вас первой, возвышенной любовью. Вы уехали от нас тайно, стихийно, как будто кто гнался за вами, а воли Божьей не вопросили.
А, вот, теперь - итог. Вникните в него. Н-ская церковь после вас возросла и окрепла в десяток раз. Из ее рядов вышли самоотверженные борцы, отдавшие жизнь свою за дело Божие: Петр Никитович и другие братья и

сестры. Их дома остались не разоренными и до сих пор, а что у вас? Твое семейное счастье разорено полностью; старички голодными, никому не нужными, доживают в развалинах, рады вот этой груде лохмотьев; у детей безвозвратно потеряна будущность, а страшнее всего - потеряно упование на Господа.
Мы знаем Евангельского блудного сына, но он счастливее вас, хоть тем, что страдал одиноким, вы же - блудная семья. Никому, из всех ваших теперешних друзей, не жалко вас, как мучительно жалко мне. Я рыдаю с вами вместе на ваших развалинах.
При этих словах Павел, действительно, с трудом, сквозь слезы, договаривал слова признания и обличения своим старым друзьям.
- Скажу и я несколько слов, - начал, все время молчавший, Николай Георгиевич. - Я пережил нечто подобное, друзья мои, поэтому ваше горе мне очень близко. Я тоже в тяжелое время гонений на Истину Божию, отрекался от нее, желая укрыться в шатрах нечестия, не гнушаясь греха; но Бог, по великой милости, остановил меня. Я тоже спасал своих детей, желая обеспечить их будущее, но за счет моего упования и служения Господу... Детей я потерял. В их глазах, я оказался отступником, и не знаю, сможет ли теперь кто другой привести их к Господу. Кроме того, они за мою жертву, ради них - ежедневно платят мне презрением и открытой ненавистью.
Но я, еще в начале моего падения, в горячих слезах, раскаялся - и о, счастье! Бог помиловал меня; хотя и сильно наказал, но помиловал. Он возвратил меня к служению, послал других детей, из числа обращенных. Я помилован - вот, теперь тема моих проповедей.
Мои дорогие, глядя на вас и вашу обстановку, я могу засвидетельствовать истинно, что заключение можно дать только одно - для вас все потеряно и потеряны вы сами. Но мы пришли к вам сейчас не укорять и судить вас; вы уже достаточно осуждены.
Мы пришли к вам сейчас сказать, что все-таки потеряно не все, потому что есть на земле Друг безнадежно потерянных, таких, от которых совершенно нечем пользоваться людям. Он до сих пор продолжает разыскивать потерянных - это Иисус Христос, Кому вы служили раньше. Прошу вас, покайтесь перед Ним во всем от начала до конца, покайтесь, с сознанием своей полной вины, и Он восстановит ваш разум, ваши сердца и последовательно вашу жизнь.
- Ох, дорогой Николай Георгиевич! Скольким грешникам я проповедывал это, - сказал старец Алексей Иванович, - но я ведь грешнее их всех. Как стыдно, не могу поднять глаз, но слава Богу, и спасибо вам, - я верю, что Он может (по вашим словам) помиловать меня и домашних моих.
Все встали на колени, а Надя, Евдокия Васильевна, а за ними и сам старичок, в рыданиях, один за другим, исповедывали свой грех и заблуждение пред Господом.
Вечерело. Закат повесил на окнах лиловую кисею, отчего посветлело в горнице, а на умиленных лицах людей, после потрясающих молитв, отпечатывалась радость и свежесть, которая напоминала им, давно минувшие времена возрождения Н-ской общины. Владыкин посмотрел на Надю, ее лицо просветлело настолько, что она показалась ему почти такой, какой он увидел и услышал ее 24 года назад, кажется, только и не хватало банта на голове. Блаженная улыбка скрыла все старческие морщины и на лице дорогой, хлопотливой Евдокии Васильевны. Даже старенький Алексей Иванович выпрямился, застегнул свой, изношенный до дыр, китель, стряхнул с рукава побелку и напомнил того проповедника, когда он проникновенно говорил окружающим: "...Бог всем и повсюду повелевает покаяться".
Бог не замедлил послать милость дому Власовых. К Наде возвратился муж из неволи; и хозяйство постепенно начало приобретать жилой вид. Утешенными и обласканными, вскоре, один за другим, в своем гнездышке, отошли в вечность Алексей Иванович с Евдокией Васильевной и, по их просьбе, были похоронены рядом. Недолго прожила после них и Надя. Перед смертью, как чувствовало ее сердце, она с мужем посетила родные места и насладилась, до полного утешения, общением со своими старыми друзьями: Лушей, Верой Князевой и некоторыми другими, искренне прося прощения, за допущенные в жизни ошибки. По возвращении и она, тихо, без сожаления о своих недожитых годах, примиренная с Богом и своими ближними, отошла на вечный покой. С ее кончиной завершил существование и весь дом Власовых, не оставив после себя никакого следа.

* * *

Распрощавшись со старыми друзьями, Николай Георгиевич и Павел направились к Кухтиным, проживавшим в том же поселке. По дороге Федосеев рассказал Павлу о том, что сам Кухтин после того, как переехал с

Северного Кавказа, поселился в Подмосковье беспрепятственно, но по каким-то причинам, контакта со служителями ВСЕХБ не имел. Жил он в собственном большом доме, и когда братья-гости зашли на усадьбу, то увидели на всем хозяйстве печать больших забот.
Гостей Кухтин встретил сам, и так, как будто расстался с ними утром этого же дня. Глядя на него, Павел не заметил в нем каких-либо существенных перемен, все то же выражение, вечно делового человека. Может быть, обычные морщины и отметили своим почерком что-либо на лице, но оно было почти полностью покрыто рыжеватой растительностью. Более 10 лет Владыкин не встречался со старичком и жил представлениями, которые имел о нем в ранней юности. В прошлом Павел был увлечен в беседах и проповедях его мудреными словами о мудреных делах и, хотя от самого начала не имел к нему близкого расположения, но любил его слушать.
Гостей хозяин не удосужил горницей, но поместил в тесной спальной комнатке, и как Владыкин ни ожидал с его стороны расспроса, обычного в этих случаях, его не последовало; так же он воздержался и от молитвы. Тогда начал Владыкин:
- Николай Васильевич! Нам, отчасти, известно, что вы значительное время прожили на Кавказе; расскажите, как вы там прожили, о вашем служении и вашем возвращении.
- А что это вас так интересует? - настороженно спросил Кухтин.
- А как же это нас может не интересовать, ведь мы же с давних лет прожили в одной местности и в одной общине. Кроме того, вы остались почти единственным из проповедников старой Н-ской общины, - ответил Павел.
- Ну, что я вам расскажу, - начал он неохотно, - жил я там, на Кавказе, нес пресвитерское служение в общине; потом сложились обстоятельства так, что я вынужден был уехать обратно в Подмосковье. Вот, переехал сюда, построился, а теперь продаю и здесь; надоело все, да и силы нет; хватит, хочу переезжать в город, прочь от всех хлопот.
- Ну, а здесь, несете какое-нибудь служение в общине или по благовестию? - спросил Владыкин.
- А как же христианин может не нести служение? - ответил он вопросом на вопрос, - но ведь не обязательно в общине или по городам. Каждый сам за себя ответит и может служить Богу не обязательно открыто, как это ты имеешь в виду.
- Ну, ну! - прервал его Павел, - уж кому-кому, а вам это известно, что мы призваны свидетельствовать перед людьми. Христос сказал: "Кто исповедает Меня пред людьми..."
- Ну, знаешь что, Павлуха, ты молод учить меня, я сам знаю, что мне надо делать, - резко заметил Кухтин, - ты лучше расскажи, как там мать живет, да сам, где обитаешь?
Павел умолк; долго молчали и другие. Только хозяин старательно, но, как видно, бессознательно теребил свою бороду. Наконец, Владыкин очень коротко рассказал о своем прожитом, начиная от последней разлуки с отцом и кончая встречей теперь, с мамой и бабушкой. Закончил рассказ просьбой: не может ли старец поделиться духовной пищей - Библией, Евангелием, журналами, духовными книгами.
Кухтин вначале отказал, но потом вышел и принес большую стопку духовной литературы, среди которой была и Библия. Павел отблагодарил его, тщательно упаковал и сложил все в чемодан.
Федосеев, видя, что беседа становится все более натянутой, предложил закончить ее. Никто на это не возразил, только сам хозяин, извиняясь за невнимательность, спросил: не пожелают ли гости распить по чашке чая. Николай Георгиевич отказался и стал торопиться к выходу, приглашая за собой своего спутника, но Кухтин просил Павла остаться, мотивируя тем, что не все ли равно, где ему ночевать.
Владыкин подчеркнул, что для него это не все равно, но согласился остаться и, условившись с Федосеевым о завтрашней встрече, проводил его. Оставшись наедине, Павел решил продолжить прерванный разговор с Кухтиным:
- Николай Васильевич! Хоть ты и оборвал меня, но я не успокоюсь, пока не выполню всего, что лежит у меня на сердце. Ты почему так неохотно рассказываешь мне о своей жизни, тем более, что я молод, а где же мне учиться, как не от проживших жизнь старцев? Библия не скрывает ничего: ни худого, ни хорошего - повествуя о великих праведниках Божьих. Честный служитель так же не может прятать себя, так как он горит свечей на подсвечнике в служении своем, и живет на вершине горы, - так говорит Христос!

- Так ты что, - прервал его собеседник, - считаешь меня нечестным служителем? А почему я тебе должен доложить обо всем? Ты кто такой? - со свойственной обидчивостью, воспламенился Кухтин.
- Кто я такой? Отвечу, - начал Павел - с детства до юности ты знал, кто такие я и мой отец; теперь я изгнанник за истину Божию и обитатель Крайнего Севера. А почему ты должен мне все о себе рассказать? Потому что мы с тобой, прежде всего, члены одного Тела; во-вторых, я не хочу считать тебя нечестным служителем, поэтому и ответь мне: честно ли ты расставался со своей общиной на Кавказе? И почему ты здесь не несешь никакого служения, честно ли это?
- Ты мне скажи, ты что... - раздраженно начал Кухтин, - судить меня собираешься? Ты что, следствие наводишь?... Почему это я нечестно расстался с Кавказом? Что я ограбил что ли кого, или кому должен остался?... Почему я здесь живу нечестно? Слава Богу, до сих пор еще своими руками хлеб добываю, еще и семью кормлю и не прошу ни у кого, Христа ради; а что не проповедую, так здесь и без меня полно - кафедру не поделят между собой; и вообще, ты напрасно со мной этот разговор затеял, не нам судить друг друга, не тем более, тебе меня. Поэтому оставь... У меня и без того горя хватает, дети, вот, покоя не дают. Мало того, что ордой объедают старика, еще и внучат понаведут, не знаешь, куда деваться, еще и денег требуют; а тут, вот, старухе ногу отрезали... Понял?... Ничего я тебе не отвечу больше, - закончил он, отвернувшись в окно.
- Ну, тогда я тебе скажу, - начал опять Владыкин, - чтобы не оказаться виноватым перед тобой и Богом, будешь ты слушать или не будешь, а скажу: во-первых, с Кавказом ты расстался, хоть и никого не ограбил, но церковь оставил в слезах, бросив без надзора, а кое-кого и сиротами. Разве ты не знаешь, что по твоим свидетельствам арестовано несколько братьев? - Знаешь!
Ко всему этому, ты оттуда не уехал, а убежал. Здесь ты, правильно, своими руками добываешь хлеб; но это будет делом Божьим тогда, когда вторую часть из стиха будешь выполнять, т.е. "чтобы было из чего уделять нуждающемуся". Ты это считаешь делом Божьим? У тебя лари от продуктов ломятся, а рядом, в полкилометра - семья узника и старики Власовы от голода пухнут, а ведь, вы были когда-то в одной общине, да и теперь в одной. Да что там говорить, в полукилометре; вот, прямо к тебе в дом пришли, из твоих братьев, с которыми ты более десятка лет не виделся, а ты, на ночь глядя, голодным проводил Николая Георгиевича.
Теперь я скажу, почему ты не несешь никакого служения. Во ВСЕХБ ты видишь частичное отступление, а ты научен от начала правильным путям Божьим. Идти прямым путем и служить Господу - тюрьма, боишься, тем более, что еще в Архангельске дал подписку, поэтому и со ссылки был возвращен.
Слушая все эти обличения, старец молчал, а голова его с каждым фактом опускалась все ниже и ниже, потом, наконец, он, тяжело вздохнув, ответил:
- Этого, Павлуха, мне еще никто не говорил... и я не ожидал, чтобы кто сказал. Возражать тебе на это не буду, но подумать обо всем этом надо.
- Не сказал бы и я тебе, Николай Васильевич, если бы ты был посторонним человеком, да если бы я не имел побуждения от Господа. Закончу одним: лучше быть судимым теперь друг другом, чем судимым Богом, с миром сим.
Беседу они закончили молитвой, уже совсем поздно; Кухтин молился очень кратко, просил у Бога милости, чтобы поправить свои пути. После молитвы отнесся к Владыкину дружелюбно. Поужинав, легли спать вместе.
Утром, по пробуждении, Павел заметил, что хозяин возвратился из какого-то похода; впоследствии узнал, что с кошелкой продуктов, рано утром он побывал у Власовых.
Провожая после завтрака Павла, убедительно предлагал на дорогу деньги, но Владыкин отказался, как не имеющий в этом нужды.
Спустя несколько лет, Владыкин посетил Кухтина еще. Доживал он свои дни совершенно одиноким, в тесной комнатушке, у дочери в городе. При встрече еле разобрал его речь - он жаловался на дочь, что та морит его голодом; а она, в свою очередь, проклинала отца, что он уже почти при смерти, но не решается отдать денежные сбережения, находящиеся у него на сберкнижке. С печалью, он покинул их, не имея побуждения обмолвиться ни единым словом. По свидетельству, смерть его была мучительной.

* * *

Когда Павел зашел к Федосеевым, Николай Георгиевич был уже в сборе, ожидая своего друга; а дорогая Анна Родионовна, ободрившись от очередного приступа недуга, настоятельно убеждала на дорогу выпить по чашке кофе, которым она угощала самых близких и в особые дни. Отказываться было невозможно.
За столом, Николай Георгиевич с женой, с особым вдохновением пропели самый любимый гимн, который впоследствии переселился в сердце Павла Владыкина:
...Среди всех в жизни перемен,
Хотя б пришлось скорбеть...
На Таганскую площадь приехали в полдень, в надежде застать старца-брата, Скалдина Василия Васильевича, дома. Поднявшись на второй этаж, им пришлось изрядно объясняться, в ответ на недоверчивые вопросы за закрытой дверью; но зато уж встреча была необыкновенно трогательной. Василий Васильевич после заключения, не имел возможности возвратиться в свою семью, в Москву, имея к тому официальное ограничение, поэтому скитался среди верующих по смежным областям, совершая дело благовестника, по личной инициативе. В начале 30-х годов, в самый разгар гонений, брату пришлось много перенести лишений. Община, в которой он нес служение пресвитера, в 1930-х годах была распущена; сам брат Василий Васильевич перенес мучительное заключение, но однако, вынес решение: оставшуюся жизнь, посвятить на служение Господу.
Теперь он появлялся в Москве нелегально, чтобы повидаться с семьей, в постоянном опасении, быть задержанным милицией; да не раз уже и бывал задержан, с грозным предупреждением на дальнейшее.
В таком состоянии застали его друзья и теперь, но радость встречи вытеснила всякий страх. Особенно горячо обнялись они с Николаем Георгиевичем, с которым, в прошлые годы, долго вместе сотрудничали на деле Божьем. Да и положение их было одинаково: оба отсидели по несколько лет в лагерях.
Войдя в тесную гостиную, они увидели на полу разбросанные части от швейной машины. Брат объяснил, что вынужден еще помогать детям до сих пор. Федосеев не замедлил брату представить Павла:
- А это, не догадываешься кто? - спросил он, указывая на Владыкина, - не знаешь, или, может, встречал когда?
- Нет, подскажи!
- Да неужели не похож? Ведь вылитый же отец - это сын Петра Никитовича Владыкина, Павел, - пояснил Федосеев.
- Ах, вот это кто! Теперь, действительно, припоминаю; да, очень походит на отца; ведь я брата Владыкина не видел уже очень много лет... ну, как же, как же, ведь я свидетель его крещения, кажется, в 1920 или 1921 году; да и на съездах встречались. Простой, но огненный был христианин, но ведь, кажется, не возвратился из заключения в 1937 году? Да, это был борец... Очень рад видеть вас, - протягивая руку Павлу, сказал Василий Васильевич. - Ну, а как же судьба его семьи, и где вы теперь?
- Я был арестован (еще раньше папы) за открытую проповедь о Христе Распятом. - Павел коротко рассказал о своем пройденном пути, при этом слезы лились обильно по лицу обоих старичков...
- Вот, так я и пробыл 11 лет на Севере, - закончил Владыкин, - теперь, по милости Божьей, получил от властей разрешение на временный выезд сюда; и в городе Ташкенте сочетался с одной девушкой-христианкой, а сюда приехал повидаться с родными, да, вот, и встретился с давними друзьями: Николаем Георгиевичем, с его женой и другими.
- В Ташкенте!? - изумился брат, - В Ташкенте я был когда-то на съезде с Н. В. Одинцовым, знал там, дорогих нашему братству, Баратова, Сапожникова, Дрепина, Феофанова, Дубинина.
Когда первый приступ обмена воспоминаниями прошел, Владыкин спросил брата Скалдина:
- Скажите, а что из себя представляет теперешний союз ВСЕХБ, и имеете ли вы с ним контакты?
- Дать вам какое-то исчерпывающее заключение о нем, я не могу, - начал Скалдин, - прежде всего, потому что он только что сформировался и ясного очертания еще не имеет. Судить, по чьему-либо свидетельству, боюсь; сам был там всего один раз, и из своих прежних сотрудников видел там только Левинданто - нашего брата с Поволжья, но и о нем свидетельств ясных, за последние годы, не имею. Мне было предложено сотрудничать в этом Союзе, но за неимением в прошлом каких-либо контактов с его составом, я не решился заводить их теперь, мотивируя запретом к поселению в Московской области и другими доводами. Правда, братья успокаивали меня и обещали со временем устроить все, но меня это, как-то еще больше, насторожило. Почему так выборочно: мне помогут, а другим, судимым в прошлом? А самое главное, я не имел к этому сотрудничеству от Господа, какого-

то ясного, откровения. Поэтому решил: по влечению Духа совершать дело благовестника так, как поступали первоученики Христа и наши деды, и вижу во всем благословения Божий. Со ВСЕХБ же связи не имею никакой, несмотря на их неоднократные приглашения.
Остаток беседы был проведен в обмене мнениями, по ряду догматических вопросов, и все трое были удивлены полным единодушием, что было закреплено сердечной молитвой, и закончено дружеским чаепитием.
Расставаясь, Василий Васильевич высказал Павлу:
- Брат, я очень рад и благодарен Господу, что, в лице вас, вижу желанную замену, отошедшему отцу и всем подобным ему; рад, что не увидел у вас сектантской узости. Заметно, что вы получили основательное воспитание в школе свободного духа. Верю, что борьба за чистоту евангельского учения не прекратится, что Церковь, после горнила испытания, получит от Господа свободу евангелизации в нашей стране; но не надеюсь, что доживу до этих дней.
Я же дерзаю призвать вас к верности, стойкости, самоотвержению; буду просить Господа, чтобы это сделали и другие, да вижу, что уже много в этом отношении и сделано; а расставаясь, пожелал бы вселить в ваше сердце следующее: "Но ты будь бдителен во всем, переноси скорби, совершай дело благовестника, исполняй служение твое" (2Тим.4:5). До свидания, у ног Христа!
Напоследок, из любопытства, хочу спросить, кто жена ваша, из чьей семьи? Ведь я ташкентских-то немного знаю.
- Сама семья не ташкентская, они в начале 30-х годов переселились из Симбирской, ныне Ульяновской губернии, некто Кабаев Гавриил Федорович, пресвитер одной из тамошних общин.
- Кабаев? Постой, постой... это не из молокан ли, обращенный еще при Новикове, до революции? Такой благочестивый, богобоязненный брат; приезжал к нам в Москву: то за литературой, то за служителями?
- Да, видимо, это он, - ответил Владыкин.
- Тогда приветствуйте его, приветствуйте горячо, он бывал у нас, и я его очень полюбил, хотя и редко встречались, да и давно это было...
Счастливыми, радостными, напоенными благодатью, расстались братья-страдальцы, с решением - служить Господу до конца.

* * *

Наташины документы Павел оформил в Москве безо всяких затруднений, как на вольнонаемную сотрудницу; получил на нее причитающиеся средства для поездки, видя в этом, несомненно, волю Божью.

* * *

Наконец, Владыкин решил (вместе с Федосеевым) поехать опять к маме и сделать все возможное для восстановления служения в Н-ской общине. Первую, кого Павел увидел, войдя в дом - это свою дорогую бабушку Катерину. Она сидела на лежанке, чисто и аккуратно одетая, с блаженным выражением лица. Увидев Павла, вспыхнула радостью и потянулась всем существом к нему, с причитаниями.
Павел, не раздеваясь, подошел, обнял и поспешил утешить ее. Из коллективного рассказа он понял, что Катерину, в строго назначенный день, вывезли из Починок на розвальнях, запряженных одним быком; вез ее подросток лет 12-13-ти.
Ликующая бабушка, последний раз покидала деревню, спасаясь от голода, провожаемая некоторыми уцелевшими женщинами и старичком-соседом. До города они доехать не смогли: обессилевшее животное, от недостатка корма и раскисшей дороги, не доезжая 8 километров до города, рухнуло на мокрый снег, под неуемное завывание подростка-возницы. Тетя выпросила по дворам несколько охапок сена и соломы, бросила быку прямо под морду; сама побежала в город, к родне. Из города пришли Луша с сестрой и ребятами и, погрузив бабушку Катерину на большие салазки, собственноручно привезли домой. Сквозь слезы, Катерина усиленно благодарила Бога за такое внимание, со стороны любимого внука.
- Ну, Господь тебе воздасть, что ты приветил меня на старости лет и спас от голодной смерти, - высказала она Павлу из глубины души.
По приезде, Павел с Николаем Георгиевичем приняли все меры, чтобы собрать всех верующих на богослужение; но в душе были очень озадачены: с чего начать восстановление общины и как расположить сердца христиан к постоянному служению? Наконец, после усиленной молитвы, Владыкин заявил:

- Николай Георгиевич! Я получил вполне ясный ответ. Нужно глубокое раскаяние среди членов, а раскаяние производит Дух Божий, через проповедь. Поэтому надо начинать с себя, с проповедей, остальное укажет Господь.
На собрание пришли не все, преимущественно те, кто знали братьев с прошлого раза; но уже с самого начала чувствовалось, что Дух Божий посетил собравшихся. Оба проповедника говорили Слово Божие с дерзновением, обличая грех потери первой любви, указывая на необходимость покаяния и возможность обновления. Старые члены церкви - сестры не могли без умиления и крайнего удивления смотреть на Павла Владыкина, который теперь, с избытком, восполнял служение своего отца Петра Никитовича, пропавшего без вести, а с ними плакали и остальные.
Проповеди о потерянной драхме и возвращении блудного сына, как и в прошлый раз, возымели такое действие, что молитвы после них были потрясающими, и равнодушным не остался никто. Большая часть присутствующих, раскаивались и давали обещание Богу - вновь служить в доброй совести. В этот же вечер, через особую беседу и исповедание перед всеми, началось восстановление членства. Первыми примкнули к церкви: Луша и некоторые из пожилых братьев. Беседа продлилась за полночь; и больше половины верующих, обновив свое членство, положили начало служению. В заключение, было решено: назначить последующее служение через два дня, чтобы была возможность посетить (за это время) некоторых по домам. Братья посетили: крайне престарелых, в том числе и маму Веры Князевой, одного из старых проповедников, бабушку Катерину - участвуя при исповедовании их и совершая Вечерю Господню, у таковых, на дому.
Так же посетили охладевших, отпавших, в результате - следующее собрание было переполнено. На богослужении, с глубоким чувством, пелись старые гимны, рассказывались стихи, пробужденными молодыми девушками, из которых особую ревность проявили сестренки Павла Владыкина. В результате, было такое посещение Духа Святого, что все были потрясены раскаянием.
Во второй части служения - было полностью восстановлено членство всей общины; из числа старых братьев для руководства Церковью был избран, ранее рукоположенный брат; и в завершение всего, совершена Вечеря Господня, с участием вновь избранного на служение брата. Так было восстановлено служение в Н-ской общине, где запустение царило около десяти лет.
Но вот и приблизился день, когда Павлу Владыкину надлежало отъезжать, обратно в Азию, а затем уже возвращаться и на Север. Дружной, радостной семьей, верующие собрались в тесной комнатке Луши. Не без слез, она рассказала, как одиннадцать лет назад проводила вместе с Петром Никитовичем Павлушу на многолетние страдания, как ходила к нему с передачами в тюрьму.
Ее рассказ неумело, по-деревенски, дополнила бабушка Катерина: как расставалась с внуком в тюрьме, на свидании; и как, одиннадцать лет спустя, дождалась его вновь, и как он содействовал ее спасению от голодной смерти. Вспомнила Луша и расставание с мужем, ровно 9 лет назад, и расставание - роковое, видно, до пришествия Господня. Затем, ободрившись и вытерев слезы, закончила:
- Ну, а теперь, по милости Божьей, мы с вами все видим Павлушу, и в нем отца - нашего дорогого служителя Божьего.
В заключение Николай Георгиевич сказал проповедь на стих из 33 Псалма Давида: "Много скорбей у праведного, и от всех их избавит его Господь".
Мужественно, без слез, проводили Луша и бабушка Катерина свое любимое дитя в суровые края, завершать неоконченное. Провожали, не зная, встретятся ли они на земле еще или нет. Только бабушка обняла, прижимая крепко-крепко к груди голову внука, и спокойно сказала:
- С Богом! Бог даст, еще увидимся.
Сестрички, как повисли с обеих сторон на плечах Павла, так и не расставались до станции. Илюша, молча, со сдвинутыми бровями, мужественно шел впереди, неся вещи своего брата. Николай Георгиевич, с группой верующих, замыкал это трогательно-торжественное шествие, вспоминая на ходу детство Павла Владыкина.
На станции, остановившийся на минуту, поезд, дерзко прогудев, безжалостно, как топором, разрубил цепочку самого дорогого, краткодневного общения с человеком, который за эти дни стал таким близким и родным для всех, и для каждого в отдельности.
В стороне от толпы, стояла одинокая, худенькая фигура Николая Георгиевича, с непокрытой головой. Вихрь, от пронесшего последнего вагона, перебросил седую прядь волос на голове с одной стороны на другую. Из

выразительных глаз, одна за другой, жемчужинками, выкатились слезы и, пробегая по исхудалому лицу, скрылись в реденькой бородке.
- За эти несколько дней, он стал мне братом, другом, сыном, - проговорил он тихо про себя, глядя вслед удаляющемуся поезду.

* * *

После проводов Павла, дом Кабаевых почувствовал, что среди них не стало чего-то большого-большого, правильней сказать, какой-то ощутимой части их жизни. Екатерина Тимофеевна, нарушая тишину общего раздумья, сказала о нем:
- Удивительное дело, как это так он смог, оставаясь свободным сам, так много занять нас собою; ведь я так близко не чувствовала никого из всех моих детей.
- Да, этот человек много наделал в нашем доме, - вставил Гавриил Федорович. - Меня удивляет, что как зять, он еще не закрепился, а как духовная личность, будто жил среди нас давно-давно. Конечно, сам по себе человек такого впечатления оставить не может, ясно, что это собственность Божья.
Федя жил у нас как уважаемый зять, но почему-то после похорон, так быстро смог и умереть без остатка в сердцах; а Павла, вроде и нет сейчас, но он жил и живет и, пожалуй, не умрет в сердцах.
- Ну, что же, Гаврюша, сказать можно только одно: полюбили мы его, - добавила к словам мужа Екатерина Тимофеевна.
Наташа переживала разлуку с мужем по-своему и, пожалуй, глубже, чем все остальные. Первые дни она подолгу просиживала с остальными в доме, перебирая в памяти все прошедшее, общее и, уже усталой, быстро ложилась в постель; но впоследствии заметно заскучала, реже появлялась среди домашних и, наконец, совсем забилась в свою комнатушку. Павел, между тем, о себе ничего не сообщал: прежде всего потому, что был предельно поглощен необыкновенными встречами после многолетней разлуки, а потом, еще и не выработалась у него обязанность, к только что сформировавшейся семье.
Однако, однажды совесть сильно осудила его; он вспомнил, как живя на Колыме, с таким постоянством обменивался с Наташей радиограммами. А теперь?... Он быстро сел и, собрав остатки израсходованных сил, написал письмецо, но какую-то деталь надо было написать утром, а утром... поток новых встреч застал его еще на подушке, в результате чего, он обнаружил, что письмо лежало в кармане пиджака не отправленным, и заметил это только тогда, когда уже сел в вагон.
Вскоре думы о Павле перешли у Наташи в мучительную тревогу; и здесь она, со всей очевидностью, убедилась, что ее уже отдельно больше нет; она оказалась функциональной, зависимой частью какой-то общей жизни с мужем. Всякие мысли нахлынули на нее, все они сводились к одному: какой стал для нее теперь Павел? Определения мелькали одно за другим: любимый, желанный, близкий и т. п., но ей хотелось все это обобщить в нечто целое, и оно пришло в голову - нужный!
При таком заключении, она улыбнулась: "Интересно, но почему это я так заключила?" Ей почему-то сразу припомнились докучливые вопросы друзей, число которых теперь увеличивалось с каждым днем: "Ну, как?... Когда встречать? Что сообщает? Что нового от Павла?..."
Обычно, друзья человека, который не оставляет впечатлений, вскоре постепенно забывают, о нем же все чаще и настоятельнее интересуются. Тоска так сильно щипнула за душу и стала одолевать, что голова бессильно упала на вышитую подушку, и что-то подкатило к самому горлу...
На дворе, у калитки залаяла собака. "Пружинкой", Наташа выбежала из комнатушки и увидела, как в почтовый ящик мелькнул свернутый клочок бумаги. То была долгожданная телеграмма. "Простите молчание Возвращаюсь Павел".
Число, номер поезда и вагона расплылись, в слезах радости, у Наташи.
Причудливыми узорами изумрудной зелени встречал Владыкина, по-весеннему пестреющий Ташкент. Поезд как бы прорывался сквозь бледно-розовую и белоснежную кисею садов в открытые окна, обдавая нежным ароматом распустившихся цветов персика, урюка, алычи... Среди пестрого многолюдья на перроне вокзала, Павел без труда увидел свою Наташу с друзьями, подбегающую с букетом сирени к вагону. Мгновение, и все: обиды, упреки, сомнения и всякие варианты расплаты за молчание... - утонуло в радостных объятиях...

Глава 12.
Вера Князева в горниле испытаний.

"...силен Бог восставить его"
Рим.14:4

Павел не встретил Веру, когда гостил в 1946 году в своей семье, хотя все ожидали ее возвращения. Вскоре, однако, он услышал от друзей историю ее жизни.

Жизненная катастрофа, происшедшая у Веры Князевой, в результате измены Андрюши в 1930 году, настолько потрясла ее душу, что она днями не хотела ни с кем разговаривать вообще, а тем более, о происшедшем у нее. Это была не просто рана, а рана глубокая, сердечная, до крайности, воспаленная. Она очень хорошо знала, и ей убедительно напоминала ее любящая мама, что только Христос может излечить ее рану; но как она ни молилась, ее душа ни в чем не находила успокоения. Осиным роем осаждали ее искушения плоти, морским прибоем бушевали чувства. Андрюша продолжал жить в ее сердце и, как никогда раньше, больше и больше овладевал им. Вспомнились все случаи, когда они были наедине, как он на ее глазах из дикого, серого, деревенского парня, который, бывало, с любой девушкой на вечеринках обходился, как со снопом ржи на току, при усердном старании Веры, под влиянием ее женственности и утонченности манер, превратился в нежного поклонника. В последнее время она владела всем его существом увереннее и сильнее, чем своим. Надо откровенно признать, что Андрюша, под влиянием Веры, превратился в чувствительный музыкальный инструмент в руках одаренного мастера. Она это чувствовала и приходила в упоение, видя, как он безвольно, может, иногда страдая от внутренних противоречий, отдавал ей всего себя, исполняя все ее желания. Внешне Вера выглядела весьма скромно: строгий покрой платья и всей верхней одежды не вызывал ни у кого возражения и критики, ровный пробор, разделяющий ее темно-каштановые густые волосы посередине головы, строгий профиль и взгляд голубых, часто опущенных глаз, напоминал мадонну на картинах Рафаэля, а личная, необыкновенная обаятельность, позволяла думать о ней все самое чистое, святое, но в то же время подчеркивало то, что она больше придавала значение своей естественной миловидности, своему влиянию над ним, а не возрастанию его духовного человека. И вот теперь, все это сразу и вдруг, так позорно обрушилось, погибло. Вера так была уверена, что ее влияние на Андрея безмерно велико и настолько, что только смерть могла бы их разлучить; но ужасные строки последнего письма приводили ее в содрогание, они страшнее смерти! Он изменил, он теперь принадлежит другой. Страшные мысли опалили сознание Веры: "Отомстить ей! Соперница!" Но тут же мысль переметнулась на него: "Фи! Да при чем тут она? Она-то никому не изменила, была свободна, ведь он же, он... Ведь он же такой ласковый, покорный, беззаветно любящий - так бессовестно, бесчестно, безжалостно оставил ее, а с ней и все, ее неопровержимые, преимущества. Да, наконец, это и неблагодарно: последние месяцы она, как за мужем, ухаживала за ним. Да такому негодному человеку не только в церкви, в человеческом обществе нет места... Нет! - не унимаясь, клокотало в груди. - Нет! Обоих их надо..." И что-то ужасное промелькнуло в ее сознании. Но Вера испугалась этой ужасной мысли, ведь она христианка, еще недавно она желала для него самого лучшего - саму себя. "О, как это ужасно! - тихо проговорила она, - на что, оказывается, может быть способно мое сердце, и это после такой любви?! О, Иисус мой!" Вера впервые почувствовала, как может быть близок к сердцу человека, самый ужасный грех. Огонь ярости моментально потух в ее сердце, а с ним (если бы кто в это время видел) потух и страшный огонек в ее глазах.

После некоторого перерыва, душой стали овладевать совершенно противоположные мысли;

- За что же я его виню? Разве не я воспитала в нем безволие? - Погруженная в свои мысли, Вера не заметила, что рассуждает вслух. Она не услышала, как в комнату вошла мама и, увидев ее заплаканные глаза, спросила:

- Вера! Дитя мое, скажи мне, почему ты так мучительно страдаешь, что даже не заметила, как я вошла? Ты все не успокоишься об Андрее? Погубишь ты себя, оставь! Молись, и Господь поможет тебе все это перенести! Давай будем молиться вместе, пора уже успокоиться тебе, иначе ты можешь лишиться даже спасения!

- Мама, - ответила Вера, - конечно, я скрывать не буду, что я страдаю, ведь самые дорогие чувства он попрал, самую горячую, первую любовь я отдала ему, а кто он такой, ты только вспомни! Но что мне делать? Ты же видишь, как я усердно молюсь, но все мои молитвы тщетны, кажется, что даже Бог не слышит меня. Я не только продолжаю любить его, но люблю сильнее, мучительнее, чем раньше.

- Дитя мое! - взяв за руки, с материнской жалостью, глядя в глаза, продолжала Екатерина Ивановна, - сядь, успокойся и внимательно выслушай, что скажет тебе мама. Слово Божие говорит нам: "Что человек посеет, то и пожнет", и еще: "Сеющий в плоть, пожнет тление". Я с тревогой в душе наблюдала за вашей любовью и видела в ней много плотского.
В эти минуты Вера вспомнила, как еще недавно, ее предупреждал Петр Никитович: "Вера, ты воспользовалась детским чистосердечием Андрея и поспешила его сердце заполнить собой. Ты не помогла развиться его личности, как христианина, ты его волю взяла под свой контроль, будучи перед ним, во всем, на высоте. Тебе была приятна его покорность, и он добровольно отдал себя в твою власть, до времени. Ты не помогла ему, как старшая сестра, укрепиться во внутреннем человеке, в любви Божьей, утвердиться во Христе Иисусе. Ты, идолом, вселилась в его сердце и заслонила собою Господа - Спасителя. Это мужчина, в котором ты заглушила волю, но не влечение к тебе; и эта страсть овладела и тобой, как ты сама не думала. После того, как он уехал, он освободился от твоего влияния и, будучи безвольным, попал под влияние другого человека и выходит, что ты пожала то, что посеяла. Поскольку ты этим оскорбила Христа, Он и отдал тебя во власть твоим чувствам, какие ты лелеяла. Законным владыкою человеческой души никто не имеет права быть, кроме Христа. Тобою овладело чувство плотской любви, плотского влечения к Андрею - а это грех, потому что: "Все мне позволительно, но ничто не должно обладать мною" или тобою, сестра, в данном случае. Вот, поэтому твои молитвы тщетны к Господу. Как же ты молишь Бога, чтобы Он утешил тебя и дал силы забыть Андрея, а сама продолжаешь любить его? Сестра! Тебе нужно глубокое раскаяние пред Христом за то, что ты в Андрюше оскорбила и личность Христа и незаконно посягла на другую личность. Тебе нужно распять плоть свою со страстями и похотями, надо отречься себя, со своими преимуществами. Только тогда, когда твое сердце полностью займет Христос, грех будет бессилен. Андрюша плохо сделал, нечестно, но твоей вины больше".
Екатерина Ивановна продолжала:
- Я хоть и мама твоя, но, будучи христианкой, и в свое время, предупреждала тебя об этом, да и теперь должна беспристрастно сказать тебе: дочь моя, спасение твое под угрозой, как и его спасение.
В комнате воцарилось напряженное молчание, в период которого в сердце Веры происходила сильная борьба. Ничего не говоря, она порывисто поднялась и, пройдя мимо мамы, вышла в сад и села на скамью. Густые сумерки и вечерняя прохлада так целительно повлияли на нее, что вскоре она успокоилась и смогла углубиться в себя. То, что ей тогда сказал служитель, а теперь мама - умом она понимала, соглашалась; но, как практически умертвить в себе эти чувства, которые так устойчиво жили в ней? Раскаяться пред Богом? "Я уже не раз раскаивалась и со слезами, но что такое умертвить?... - рассуждала она сама с собой. - Я должна осудить свои чувства по отношению к Андрею и осудить все те воспитательные меры, направленные к тому, чтобы воспитать в нем чистую, нежную любовь, ну, пусть даже к себе? А разве это порочно? Нет, ведь это так благородно, так чудесно, так мило. Да, но где оно? Куда же все это исчезло и так быстро? Может быть, Петр Никитович прав, что я не помогла ему, действительно, окрепнуть во внутреннем человеке, созреть его личности? Может, я, действительно, заняла его собой слишком много? А это оказалось так непрочно, так легко он выбросил меня из сердца. Почему он так легко расстался со мной? Ведь я всем существом чувствовала, как он любит меня сильно, неделимо. Он мог дни и ночи проводить в моем присутствии, даже совершенно молчаливо. Ведь он любил все: не только то, что во мне, а и на мне, все до самой пустячной мелочи - и так мало получал за это награды. Стой, стой! - может, он, действительно, так легко оставил меня из-за того, что я так строга была к его чувствам? Мне это нравилось, я забавлялась этим, хотя наказывала и саму себя, но ведь я накапливала все это, в нем и в себе, к нашему счастью впереди. И, как видно, напрасно, ведь он так мало был награжден мной, да и сама себя лишила многого; а теперь этой любви больше не вернешь, ведь она - первая. Да, но почему мама осуждает меня за эти глубокие чувства? Почему Петр Никитович назвал меня идолом для Андрюши? Ведь любовь к Господу на своем месте, а к нему - на своем! Одно не мешает же другому? Нет, я не могу не любить, я должна любить! Я хочу любить! Надо только не давать места порочной любви. Но как освободиться от этой мучительной тоски, как выбросить из сердца его? А я ведь не знала, что так сильно могла полюбить его. Как все-таки справедлив оказался Петр Никитович, когда еще в самом начале, а потом и вторично предупреждал меня; и как мог, этот неграмотный, простой проповедник не только понимать эти тонкие чувства, но и предусмотреть мою катастрофу? Ах! Какой это замечательный человек, как богат он красотою своей души, как прост, доступен и, одновременно, велик. Ведь и Андрюша мог быть таким, вот, волевым, мужественным, достойным подражания,

если бы он прошел такую же суровую школу жизни, как Петр Никитович Владыкин. Но Андрюшу воспитывала я, в "своей школе", и воспитывала для себя, поэтому и..."
Чувство глубокого осуждения коснулось сердца Веры, и она, беспомощно опустив голову, поднялась со скамьи и вышла на улицу. Остановившись у куста сирени, около палисадника, Вера вдруг вспомнила Павла Владыкина, их последнее объяснение на этом месте. Его образ, таким ярким, живым, предстал в ее воображении. Вспоминая все детали их последних встреч, она была крайне поражена: силою его духа и воспитанностью, эрудицией и таким сочетанием внешнего вида с внутренним содержанием. Она впервые встретила такого юношу, который, удивительно не по годам, был внутренне созревшим; а ведь она знала его, еще мальчишкой. Знала и то, что его личность оформилась не под чьим-то влиянием, а в свободе. Ее пленило в Павле то, что он так близко, так чутко отнесся к ее трагедии с Андреем; даже не осудил ее за попытки к сближению с ним, Павлом, но так великодушно, по-дружески, остановил ее, и сам остался на должной высоте.
Павел прошел мимо нее так коротко, быстро, но не бесследно. Вера почувствовала, что именно таким должен быть тот, с кем могла бы она разделить жизненное поприще и, служа ему, получить подлинное удовлетворение. Теперь она поняла свою ошибку по отношению к Андрею, оказавшуюся роковой. Одновременно с самоосуждением, светлый образ Павла пленял ее все больше и больше. Ей уже теперь хотелось не пленять кого-то, а быть плененной самой кем-то, и этому отдать всю себя. Вера ощутила на себе силу влиятельности тех прекрасных свойств души, какие она почувствовала в Павле. Ей даже представилось, как бы она могла помолодеть душой в его близости. Но Павел не взял ее, прошел своею светлою дорогой, по восходящему пути, а ей напомнил, что у нее есть свои счеты с ее Спасителем Христом. "Да, все-таки, я безумная, - рассуждала она дальше, - ведь все прекрасное, что имеется в Петре Никитовиче и в Павле, не от Христа ли это? Не Он ли наделил их этими свойствами? А я, чем увлекла Андрея? Собой!
Но что теперь? Мне сказали, что надо покаяться - это значит, осудить в себе эти чувства, отречься от них. В действительности же, в молитве, она просит у Бога силы пережить обиды, успокоиться, а с самим чувством расстаться не хочет".
Так, долго боролась измученная душа Веры Князевой со своими мыслями, пока заводской гудок не напомнил, что близится полночь.
- Нет! Я не могу не любить! Андрея я не осуждаю и прощаю ему, пусть его судит Бог и церковь, мне же помоги, Господь, терпеливо ожидать своей судьбы! - проговорила она, возвращаясь в дом.

* * *

Мучительно длинно тянулись дни и особенно вечера, свободные от собраний. Преследования членов общины усиливались, и Петр Никитович все реже стал появляться среди верующих. Вера так хотела поделиться с ним своим горем, и была уверена, что он много мог бы сказать ей к утешению; но, прежде всего, было стыдно даже в глаза поглядеть Петру Никитовичу, а кроме того, он редко бывал в семье. Духовные же силы были подорваны, и тронутое сердце, будучи однажды обманутым и оскорбленным, так нуждалось в ласке, в сострадании. Вера встречалась иногда с парнями из верующих семей, как с сыном Кухтина и другими, но они были совершенно чужими по духу. По старой памяти, они при встречах делились воспоминаниями о ранней молодости, когда всеми семьями ходили на собрание. Были случаи, когда некоторые из них, увлеченные привлекательностью Веры, делали ей предложения к замужеству, но она мысленно сопоставляла их с одной стороны, с Андреем, с другой - с Павлом - и отклоняла. Сердце же неумолимо жаждало восполнения потерянного - любви.
Этот духовный кризис положил свой отпечаток и на ее внешности. Она подолгу оставалась задумчивой, молчаливой - это еще больше подчеркивало ее привлекательность. В аптеке, где она работала, сразу обратили на это внимание.
К этому времени, на должность старшего сотрудника, в аптеку был принят мужчина средних лет, с выразительными глазами и приятной внешностью. В первый же день он назвал себя Карлом Карловичем и зарекомендовал себя с самой хорошей стороны. Аккуратность в одежде и сдержанность, в манере обращения с окружающими, говорили о его порядочности и не могли не расположить к себе, вскоре, всех сотрудников аптеки. Особенное впечатление он произвел на Веру Князеву своею мягкостью в беседе, отзывчивостью ко всяким просьбам, аккуратностью во всех своих делах. Вера вскоре почувствовала, что она не осталась, им не замеченной.

Карл Карлович, хотя и не был навязчив в беседах и в услугах, но общество его было приятно всем, в том числе и Вере; однако, он, поняв это, не злоупотреблял. С Верой они стали чаще встречаться, вначале взглядами, а потом, не замечая того, и в беседах. Но, к сожалению, из всех бесед она узнала о нем только то: что он имел медицинское образование, немец по национальности, но совершенно обрусевший, лютеранин по вероисповеданию и, что Вера на него произвела очень приятное впечатление, особенно тем, что, как стало ему известно - она убежденная христианка.
Об этом недвусмысленно стали выражаться все сотрудники.
Вера не впервые встретилась с подобным явлением и многим влюбленным, по-христиански, решительно давала надлежащую отповедь; здесь же она впала в затруднение.
В том, что у Карла Карловича возрастает к ней влечение, она не сомневалась, но он не давал никакого повода, чтобы оговорить его; между тем влияние его росло, а у нее, во внутренней борьбе, силы слабели. Вера стала за собой замечать, что она думает о нем чаще, чем о других сотрудниках. Ей стало приятнее, подольше оставаться в его обществе; тревожно поглядывала на входную дверь, если он запаздывал на работу. Особенно тревожило ее обручальное кольцо на его руке.
Много усердных, горячих молитв принесла она к Господу, чтобы Он избавил ее от приближающегося страшного греха, и, на первое время, как бы освободилась от этого порочного увлечения; да и Карл Карлович был срочно командирован на целую неделю в другой город. Вера начала было радоваться, но в конце недели заметила, что скучает по Карлу Карловичу, и никакие усилия ей не помогают освободиться от порочных мыслей, напротив, они овладевают ею все больше. Через неделю он возвратился из поездки и приступил к работе. Вера, по своему графику, дежурила с вечера до полуночи.
В одно из вечерних дежурств, мысли о Карле Карловиче обрушились с такой силой, что Вера изнемогла от внутренней борьбы, и, выйдя во дворик, завопила в молитве: "Господи, помоги мне, Ты видишь, как я мучаюсь!" Возвратись на место, она вроде почувствовала облегчение. Ей вспомнились слова мамы и Петра Никитовича: "Дитя мое! Что человек посеет, то и пожнет... Тебе нужно распять плоть свою со страстями и похотями, надо отречься себя, со своими преимуществами". Но после того вспомнила и решение своего сердца: "Нет, я не могу не любить! Я должна любить! Я хочу любить!"
- Вот и долюбилась, - ответила она сама себе. - Да, я должна порвать со всем этим, окончательно - это же позор! - закончила она и стала собираться домой. Темная ночь встретила ее колючим холодом, а безлюдные улицы - липкой осенней слякотью.
Помолившись на ходу, Вера предалась размышлениям о происшедших событиях в общине.
Летом был арестован и бесследно исчез, ее глубокоуважаемый наставник и духовный отец, Петр Никитович. Вслед за ним так же были арестованы и другие дорогие проповедники. На днях Луша получила письмо от Павла, где он описывает о своих жутких лишениях и опасностях, но и о мужественных подвигах веры. Неоднократно НКВД вызывали и Веру на допросы о братьях и, особенно, о Петре Никитовиче, но она решительно отказалась в дальнейшем давать сведения. Следователь пригрозил ей и заверил, что, в таком случае, пусть собирается и она. Вера все это вынесла и не смалодушествовала. Сколько в прошлом атак выдержала она от кавалеров, а теперь ослабла?
- Нет! - решительно проговорила она про себя, - с этим надо покончить!
На углу улицы мерцал последний фонарь, остаток дороги ей предстояло идти в темноте. Когда-то, и не один год, Андрюша с таким постоянством сопровождал ее в пути, не зная, из-за скромности, как поддержать ее от какого-нибудь неосторожного шага. Как ей было тогда хорошо; они всегда не замечали, как подходили к дому. Вспомнилось даже, где и какие признания высказывал он. Здесь, когда-то провожал ее и Павел, и как в то время, каким-то мужеством наполнялась душа, а теперь она - одна... кругом ночь. Сердце Веры вначале пощипывало обычным девичьим страхом, но тут же сменилось тоскою одиночества: "Ах, как хорошо, в этих случаях, быть с дорогим, любимым человеком, тогда все страхи прочь. - И где-то в тайнике души мелькнуло: - А если бы даже с Карлом Карловичем".
Позади ее послышалась твердая мужская поступь приближающихся шагов. Сердце инстинктивно дрогнуло, и сама не поняла от чего: то ли от опасности, то ли от последнего своего заключения.

- Вера Ивановна! - раздался слева мягкий, приятный голос Карла Карловича, - я вспомнил, что вы дежурите в ночную, ну, и решил проводить вас; ведь такая темь; да и вообще, давно хотелось с вами встретиться наедине и о многом поговорить.
Сердце Веры вздрогнуло, как-то необыкновенно, как бы предчувствуя опасность. Волнения так всколыхнули грудь, что она, от неожиданности, даже пошатнулась. Карл Карлович осторожно, но уверенно взял ее под руку.
- Что вы! Что вы, Карл Карлович, ведь мы же просто сотрудники, вы напрасно беспокоитесь обо мне, я этой дорогой хожу не первый год; да и, вообще, вы же семейный человек; и к чему все это?! - слегка стараясь освободиться от него, возразила Вера.
- Нет! Нет! Не так все это, Вера Ивановна! И я сейчас вам все объясню, вы не спешите меня оттолкнуть! - проговорил ласково Карл Карлович, продолжая крепко держать ее под руку.
Вера, почувствовав теплоту его руки и речи, поняла, что сопротивления ее напрасны.
Карл Карлович с Верой медленно продолжали путь вместе, волнение молотом стучало в ее груди, и она совершенно не находила слов. Остановившись в кустах акации, Карл Карлович так же, как и всегда, сдержанно, но убедительно признался ей в своей любви и рассказал много подробного о себе. Прежде всего, кольцо, которое он носит на пальце, свидетельствует о прежнем его браке; но жена его несколько лет назад умерла, оставив ему двух чудесных деток, что живет он в своем доме с мамой, которая воспитывает деток. Оба с мамой, они глубоко верующие люди, постоянно молятся, читают Библию и другую духовную литературу. В Вере он особенно полюбил ее христианскую скромность и, в дальнейшем, совершенно не намерен посягать на ее духовный мир и религию. Многие предлагали ему очень выгодную семейную жизнь, и с женщинами разных возрастов, но после умершей жены - она первая, на ком он, со всей решимостью, желал бы жениться. Он был старше Веры на десять лет.
После объяснения, он убедительно просил ее о взаимности, но Вера была так ошеломлена, что первое время ничего не могла ему ответить, особенно после его откровенного признания, что и в ней он замечал неравнодушное отношение к нему. И только подходя к дому, она тихо ответила ему:
- Карл Карлович! На ваше предложение я затрудняюсь сейчас конкретно ответить. Но, прежде всего, я должна вам сказать, что я христианка; соединясь с вами, я должна оставить Церковь, а это значит, оставить моего Господа. Если вы, действительно, верующий человек, то желать этого для меня не будете. Относительно моих чувств к вам, если они и были, то они только греховные, а на греховных связях мы счастья с вами не построим. Я прошу вас, вы оставьте меня, ведь мы с вами ничем не связаны.
На этом они расстались, хотя Карл Карлович свое намерение не переменил.
Вера не сразу открыла свой секрет маме, но, несколько позже, после повторных предложений Карла Карловича, она рассказала ей все. Екатерина Ивановна, услышав об этом, со скорбью в голосе, ответила ей:
- Вера, Вера! Я говорила тебе, да и напомню слова Петра Никитовича, что если не раскаешься перед Господом в жизни, если не осудишь свои чувства и не отвергнешь себя ради Господа, если не предашь Ему, с полным упованием, судьбу свою, грех твой, живущий в тебе, ослабит душу твою и подготовит тебя к самому позорному падению. Несколько лет назад ты решительно отказывала всем мирским женихам, и не чета твоему Карлу Карловичу, теперь у тебя уже колебания, а завтра появится измена или возможность греховного союза.
Дитя мое, дочь моя! Бог поругаем не бывает, если ты, как Апостол Павел не сможешь твои преимущества почитать за сор, то они тебя, в свое время, повергнут в позор.
Вера внимательно выслушала Екатерину Ивановну и со слезами ответила ей:
- Мама! Я мучаюсь в душе и верю, что все это так, как ты говоришь, но у меня нет силы. Я не могу уже отказать на его предложение, как это могла раньше. Пока я его не вижу, я, кажется, полна решимости, по-прежнему постоять за свою христианскую честь, но как увижу его - во мне все опускается. Только один Бог может удержать меня от падения. Молись! Не оставляй меня!
Вера решилась даже оставить работу и перейти на другое место, но Екатерина Ивановна решительно возразила ей, что от греха укрыться можно только в Господе Иисусе Христе, в Его ранах, а перемена места не поможет. "Грех твой, найдет тебя и там", ответила она ей, словами великого богослова.
Наконец, Вера все же согласилась на союз с Карлом Карловичем, но с условием, чтобы он еще немного подождал; а чего подождать, она не знала и сама; но душа ее чувствовала, что должны быть какие-то перемены.

В один из осенних дней, 1937 года, Вера утром, расставаясь с мамой, как-то необыкновенно обняла и поцеловала ее. Екатерина Ивановна, с оттенком нескрываемой грусти, ответила ей;
- Вера! Дочка моя милая, что-то сердце мое сильно волнуется о тебе, да и ты никогда так не целовала меня, как сегодня; скажи мне, ты ничего от меня не скрываешь?
- Нет, мама, я и сама не знаю, но сердце болит и у меня! - ответила Вера и вышла из дому.
Всю дорогу Вера шла с поникшей головой, и как ни пыталась поднять ее, голова беспомощно опускалась вниз. Не доходя до аптеки, Веру встретил, на тротуаре, ее прежний знакомый следователь:
- Князева! Я прошу вас, не заходя на работу, пройти со мною, - сказал он ей.
Вера, ничего не подозревая, с оттенком негодования заявила ему:
- Я сказала вам в последний раз, что никаких разговоров у меня с вами не будет больше, и оставьте меня в покое! Сзади, по мостовой, поравнялась с ними крытая автомашина, из открывшейся дверцы вышли два человека и остановились рядом с Верой.
- На сей раз, ни вам меня, ни мне вас, оставить не придется, я, ведь, предупреждал вас - вы арестованы!

* * *

- Эх, какая красавица! И угораздило же тебя, попасть сюда. За что же, милочка, а? - услышала Вера хрипловатый, надтреснутый голос из мрачного угла, прокуренной душной камеры. - Ну-ну, иди сюда смелее, не съедим, не бойся!
Вера, с ужасом, осматривала милицейскую камеру, предназначенную для воров, грабителей, убийц и потерянных мужчин, и женщин. Смертельная тоска охватила душу и комом подкатила к самому горлу. Вера стояла у захлопнувшейся двери камеры, не зная, что ей делать, куда сделать первый шаг. Она хотела что-то сказать или спросить, но голос не подчинялся ей, ноги подкосились и, если бы не подоспевшая к тому времени женщина, Вера рухнула бы на пол камеры. Внешний вид, подошедшей к ней на помощь, еще больше дополнил ее растерянность. Перед ней стояла одна из женщин, каких она страшилась и обходила на улице, чтобы не встретиться лицом к лицу.
Нерешительно села Вера на самый краешек арестантских нар, у изголовья своей незнакомки. В камере был кто-то еще, но она их не заметила, углубившись в тяжелое раздумье.
Первой мыслью было неоспоримое самоосуждение: "Ничего другого я и недостойна, как только этого горнила, куда поверг меня мой Бог за мою неверность, упрямство, самоуверенность. Я уже приготовлена была к падению, но, по милости Своей, Господь остановил меня, таким образом, чтобы спасти тело и душу", - думала она, вспоминая моменты своего духовного кризиса. И Андрюша, и Карл Карлович, и разметанная община - все сразу, вдруг, осталось позади, а впереди - страшная, неизвестная будущность, путь неизведанных лишений, путь ожесточенной борьбы за жизнь, за христианскую и девичью честь. И начинается он сразу с таких кошмаров, о которых она никогда не воображала. Как нож, врача-хирурга, вырезает пораженную часть организма, так, в одно мгновение, отделилось от ее души то греховное, что, последнее время, старалось овладеть ее сердцем. "Страдающий плотью перестает грешить", - промелькнуло евангельское место в ее голове. Вера как-то встрепенулась от этих слов. Она их приняла, как Божеский ответ и объяснение к тем обстоятельствам, в которых оказалась. Только здесь, определил Господь, сохранить ее созревшую телесную и духовную юность. Теперь будет зависеть от нее: или воспринять свято этот жизненный урок ко спасению и совершенству, или, не понимая воли Божией - обгореть, как головне.
Весь этот день ее никто не вызывал, но она предчувствовала, что впереди предстоит немалое сражение. Поэтому Вера молилась горячо, искренне; да и молитва, освободившись от гнетущих чувств, вырывалась из груди свободным потоком и увлекала внутреннего человека в присутствие Божие. После того, как в камере узнали от Веры, что она христианка, и за это брошена в эти тюремные застенки, отношение к ней определилось, самым лучшим образом. Она и не представляла, что эти потерянные, преступные женщины, о которых принято было думать самое ужасное, были способны к сердечности и снисхождению. Во всяком случае, камеру немного преобразили от грязи и окурков, гораздо меньше стали сквернословить и даже курить. Вера это сразу заметила и, вдумавшись в причину перемены, пришла к заключению: "Каким могущественным влиянием обладает имя Христа, где его несут с достоинством; ведь я так мало достойна этого звания, и то оно имеет силу; а как же счастлив тот, кто хранит это звание в полноте. Вот где тайна выражения Христа: "Вы - свет мира, вы -соль

земли", в сохранении достоинства небесного звания, звания Сына Божия Христа, которое призвана носить и я - ведь, в этом мое назначение. А я, чего искала в себе и в Андрюше? Чтобы Христос возвеличился в нашем теле, или я сама?" Все эти рассуждения помогли ей глубоко смириться перед Господом, расстаться со своими преимуществами и ободриться затем духом, что было так жизненно важно в предстоящем пути.
Вскоре началось следствие, которое, по сути, было не следствием о совершенном преступлении, а яростными дьявольскими атаками, направленными на отречение юного сердца от Христа. Вера не была служителем культа, которые подвергались открытым официальным репрессиям, ни каким-либо другим выдающимся деятелем в братстве баптистов, но она была одной из немногих девиц, обладающих привлекательной силой христианской юности. Приходящие на богослужение, убеждались, что вера в живого Бога не является достоянием только отживших, безграмотных людей, но и юных, интеллигентных, у которых сочетается внешняя и внутренняя красота. По своему служебному положению многие знали, что Вера имела официальное, среднетехническое образование и принадлежала к известной интеллигентной семье. Исходя из этого, построить ей обвинение было не на чем; поэтому все, так называемое, следствие сводилось к ее разубеждению. Вначале действовали на нее страхом, приписывали ей самые страшные небылицы, запугивали ужасом содержания в концлагерях для заключенных, что, в какой-то мере, было известно ей из рассказов арестантов и на воле. При этом не упускали возможности физического воздействия, помещая в специальные камеры, не щадя специфических особенностей молодого женского организма. Но Господь сохранил ее, во всякой целости тела, души и духа.
После того, как все эти приемы оказались бесплодными, Веру подвергли воздействию обольщения. Ее превозносили так высоко, предлагали такие обольстительные условия, давали самые высокие гарантии безопасности, лишь бы она оставила свои убеждения и отреклась от исповедания своей веры в Бога. Она пришла даже в изумление от того, насколько и до какой тонкости, эти люди могли изучить самое сокровенное в существе женщины. Но и это, при обильном утешении и укреплении от Господа, Вера победила и осталась непреклонной.
Последнему, чему она была подвержена - это допросам о своих братьях и сестрах. Бессонными ночами томили ее, пытаясь получить от нее какие-либо показания о Петре Никитовиче, Зое Громовой и других братьях и сестрах. Никого она не видела здесь, арестованными, хотя братья были взяты еще при ней; ее тревожили мысли о сестре Зое Федоровне и других:
- Неужели арестованы и они? - думала она, со скорбью в душе.
На всех допросах Вера держала себя, к удивлению следователей, стойко, хотя немало слез пролила от оскорблений и едких обид. Кроме самых элементарных данных, она отказалась давать все другие показания на своих друзей, что следователя приводило в ярость.
Наконец, после мучительных дней и ночей, ей объявили, что следствие закончено, но из-за недостатка материала к обвинению, судебное разбирательство, вместо суда, передано на рассмотрение особого совещания при НКВД.
В тюрьме, в ожидании этапирования, она встретила сестру Зою Федоровну и была очень рада обнять, родную по духу, высказать все наболевшее, хотя, как ей казалось, та встретила её сухо.
Через месяц томительного ожидания, их обеих вызвали и объявили приговор, который поместился на половине листка бумаги: "За контрреволюционную агитацию, под предлогом религиозного исповедания, лишить свободы на десять лет каждую, с отбытием в лагерях особого назначения".
Вера, хотя и не смутилась от такой участи, но заключила, почти без сомнения, что живой она не возвратится.
Скоро им объявили о сборах в дальний этап.

* * *

Ужас этапирования невозможно передать, он превышал у Веры всякие представления: в маленький "телячий" вагон набили более тридцати женщин, самых разнообразных категорий и возрастов. Помимо того, что среди них значительная часть были нездоровы, они были лишены самого необходимого, в обслуживании себя. В пищу выдавалась пайка суррогатного хлеба и селедка, а вода распределялась, строго ограниченно, кружками. В дополнение к этому, несчастные заключенные женщины попали под власть "воровок" - рецидивисток, которые, самым безжалостным образом, отнимали сколько-нибудь приличные вещи и продукты, нередко избивая при этом слабых и боязливых. Через два-три дня пути женщины, буквально, задыхались от спертого воздуха, беспомощно страдая от голода, жажды и отсутствия самых необходимых предметов и условий.

Эти мучения продолжались, без существенных изменений, почти месяц, пока этап не остановился на станции Яя, в Сибири. Некоторых женщин, по прибытии, выносили на примитивных носилках.
В колонии, при распределении, Вера немало перенесла искушений. Лагерные работники, отметив ее внешность, пытались ее сразу устроить, в выгодные для них условия, но она категорически от всего отказалась, а согласилась работать и находиться со всеми заключенными женщинами вместе, не отделяясь от них.
Колония заключенных женщин специализировалась на швейной фабрике по изготовлению верхней и нижней одежды для заключенных в лагерях всей страны. Там оказались и Вера Князева с Зоей Громовой. Условия труда были очень тяжелы, прежде всего, по практически невыполнимым нормам выработки, наложенных на женщин. А от этого, в первую очередь, зависело и без того скудное питание. В колонии, хотя и был ларек для заключенных, но бедные женщины, при всем своем старании, могли, в лучшем случае, заработать на кусок мыла и моток ниток. Кроме того, в ларьке не было никакой возможности купить самое необходимое, насущное - так как его не было. Голод довел основное население женщин до крайнего истощения и массами уносил в могилу и самых молодых, и старых. Лишь незначительная часть заключенных, кое-как сохранились в нормальном виде: либо за счет связи с вольнонаемными, либо незаконного доступа к продуктам, а то и, хуже того, за счет своей женской чести.
Вера с Зоей Федоровной переносили все, довольствуясь по вечерам, хоть свежим сибирским воздухом; но вскоре их силы стали заметно истощаться.
Труд на фабрике изматывал силы настолько, что женщины с большим трудом добирались до жиденького, холодного супчика и до постелей. Первое время заключенные, с первого дня недели, ожидали воскресенья с тем, чтобы хоть сколько-нибудь отдохнуть, обшить себя, забыться от фабричного шума, в том или ином обиходить себя. Дорог он был и для Веры, ей хотелось найти "своих", отвести душу в дорогой беседе, ободрить и утешить друг друга, но в таком многолюдий, она еще никак не могла встретить "своих". Впоследствии и этого, единственного жизненного блага, их лишили. По всей фабрике воскресный день был объявлен обязательным рабочим днем, с использованием его на штабелевке сплавной древесины, так как там оказался, по выражению администрации, прорыв из-за недостатка мужчин.
Таким образом, воскресенье превратилось, вместо отдыха, в день подневольного, "каторжного" труда. Заключенных женщин поднимали рано утром и несколько километров гнали пешим этапом по тайге к месту сплава. Там они, надрываясь, должны были, вымокшие в реке бревна, закатывать вверх и укладывать в штабеля. Для многих женщин - это казалось просто непосильным и гибельным. В числе тех, кто отказался от этого убийственного труда, была и Вера. Целые потоки самой ужасной брани, угроз и других мытарств обрушились на нее от заключенных женщин, приставленных с целью надзора. Так продолжалось несколько воскресений. Последний раз - все это обрушилось с небывалой силой. В довершение всего, конвоир с яростью толкнул ее в грудь; она упала на землю и зарыдала в полный голос. Здесь, окружающие женщины, пришли в такую ярость и, не владея собой, готовы были растерзать конвоира, но подоспевший начальник остановил их. Конвоира немедленно убрали, и никто в тот день уже не видел его. Веру положили на охапку сена; и начальник, после подробного опроса, приказал вечером отвести ее в санитарную часть. Она была настолько истощена и взволнована происшедшим, что не в силах была своими ногами дойти до колонии. Вечером, по прибытии в колонию всех рабочих, ее привезли в санчасть на подводе, с подобными ей.
Осматривала ее пожилая женщина-медработница, но, к удивлению Веры, очень любезная: звали ее Вера Ивановна, как и Князеву.
- Скажите мне, милая, что с вами, вы крайне истощены? На что вы жалуетесь? - ласково спрашивала Вера Ивановна.
Князева посмотрела ей в глаза и заметила ту неподдельную доброту, какую она видела у своей мамы. По правде говоря, она, действительно, заболела очень серьезно, но, по установившимся правилам среди заключенных, врачам не жаловались, потому что больных, в таком случае, забирали в санчасть на стационар, где они, за редким исключением, умирали. Князева почти не сомневалась, что она заболела дизентерией, но, так же как и многие, решила никому не жаловаться, а лучше умереть безмолвно, на своей постели. Но, прочитав в глазах Веры Ивановны доброту, она, сквозь навернувшиеся слезы, тихо ответила:
- Простите меня, мне неудобно вам было говорить, я и стесняюсь и... ну, в общем, ладно, мне почему-то вам хочется открыть. Я, видимо, заболела дизентерией.

Вера Ивановна немедленно ощупала ее руки, затем лоб и, найдя, предварительно, другие признаки, сказала:
- Милочка! Да, как вы смеете так говорить, ведь это вопрос жизни или смерти! Немедленно надо было сообщить о себе, как только вы заболели. Вы меня, действительно, пугаете. А ну-ка, разденьтесь, я осмотрю вас внимательней, и, возможно, придется вас оставить у себя.
- Ну, что ж, я готова!.. Только прошу вас, если я отсюда не выйду, то сообщите моей бедной мамочке всего несколько слов, а именно: "Мама, я ушла совсем, не жди... ушла к моему Господу", зовут меня тоже Вера Ивановна... Князева, адрес я вам скажу после.
- Так вы что, христианка? - спросила ее, осматривающая мед-работница, - А за что вы арестованы? - закрыв плотнее дверь и обняв Князеву, спросила она уже вполголоса.
Вера доверчиво подняла на нее свои голубые глаза и ответила с торжеством:
- Да, я христианка - член Церкви Иисуса Христа и приговорена на десять лет, вот, таких мучений, за моего Господа.
- Милая моя, дорогая моя, сестра моя в Господе, позволь мне обнять тебя и сердечно поприветствовать, я тоже... - со слезами радости и волнения, обняла она Князеву. - Я, Вера Ивановна Жидкова (по отцу), сестра Якова Ивановича Жидкова - служителя Союза Евангельских Христиан в Ленинграде. Знаешь, наверное? После смерти моего дедушки, Ивана Жидкова, бабушка осталась вдовой, но впоследствии вышла замуж за известного первотруженика Евангелия в России, еще времен И. Г. Рябошапки, книгоношу и пламенного проповедника - Якова Деляковича Делякова, который для моего отца, Ивана Ивановича Жидкова, был отчимом. Я тоже христианка и тоже заключенная, но, по милости Божьей, работаю здесь медработницей. Яков Иванович, мой брат, тоже арестован и находится где-то еще дальше - на Колыме, где морозы намного сильнее, чем здесь.
У тебя, как я вижу по всему, самая настоящая дизентерия, но ты успокойся, Бог поможет и вылечишься, ты еще молодая. Всем, что в моих силах, помогу тебе, но ведь самое главное, тебе нужно сейчас питание, так как ты истощена до крайности; а с питанием просто не знаю, как быть; в колонии жуткий голод, и людей гибнет очень много. На воле-то продукты есть и достать их можно, но за что?
- Вера Ивановна, - прервала ее Князева, - я очень рада, прежде всего, потому что, в лице вас, Господь послал мне дорогую сестру - это очень и очень дорого; Бог благословит и в остальном! Мне мама передала в тюрьму еще несколько платьев, я оставлю себе старенькое, а на остальные, если только можно, хотелось бы достать через вас необходимые продукты...
- Конечно, можно. Здесь ведь тряпки дорогие, а люду заключенного, всякого везут, со всех сторон, так что приноси!
Осматривая Князеву, Вера Ивановна покачала головой, убеждаясь в ее крайнем истощении, с одной стороны, и с другой - такому нежному ее телосложению.
- Дожить в палату я тебя не буду, - объявила она ей, - но постараюсь уговорить врача, дать тебе на несколько дней отдых в бараке; болезнь твоя очень опасная. Будем надеяться на Бога.
Хотя ноги у Веры еле волочились, но она была так рада этой счастливой встрече и знакомству с сестрой, что ободрилась духом и, придя в барак, долго еще оставалась под влиянием происшедшего. Перед сном Вера достала свое лучшее платье и отнесла его сестре Вере Ивановне, как и условились. На следующий день, перед обедом, санитар из санчасти передал ей, что ее вызывает Вера Ивановна. Зайдя к ней в кабинет, она была встречена с большой радостью.
- Моя милая, я так рада и благодарна Богу, ты посмотри, что передали за твое платье, это только милость Божия.
В открытой тумбочке Князева увидела много всяких нужных и дорогих продуктов. Увидев, она тут же упала на колени и, в слезах, благодарила Господа.
- Но, Вера Ивановна! Ведь у меня же там все растащут, люди голодные.
- А ты и не вздумай брать ничего туда, возьми только, что тебе надо скушать, остальное пусть останется здесь; в любое время ты можешь прийти и взять, да, к тому же, я тебе не разрешаю; надо строго соблюдать режим.
Молодой организм, получив подкрепление, быстро стал восстанавливаться; да и Вера не скупилась, кушала хорошо, пока не почувствовала, что от болезни она окрепла. Но что это, когда изнурительный труд остался прежним; прежним остался и царящий кругом голод. После нескольких дней, проведенных на фабрике, она опять стала ощущать, уже знакомое ей, чувство изнеможения. Силы заметно слабели, и Вера Ивановна, после нескольких дней увидев ее, удивилась:

- Верочка, моя милая. Ты опять так сильно изменилась, ты так посерела и осунулась, уж не заболела ли ты повторно? Будем усердно молить Господа, чтобы Он опять послал тебе милость, ведь, ты такая слабенькая.
- Да, Вера Ивановна, чувствую, что сильно слабею, а платьев уж больше нет; один только Бог может избавить меня, - и они помолились, утешаясь Господом.
Через два дня, при усердном старании Веры Ивановны, Князеву вызвали на медицинскую комиссию и, к немалому удивлению всех, определили ей четырехмесячный отдых от производства с усиленным питанием - ОП. Они обе увидели в этом, дивную милость Божию, а Князева была просто потрясена, за что еще, так любит ее Господь? Каждый день она, подолгу простаивая в молитвах, благодарила Бога.
В колонии же по-прежнему царил голод, болезнь и смерть, унося беспощадно все новые и новые жертвы. Вскоре, по соседству с ней, заболела молодая кроткая женщина. Вера, увидев ее бедствующей, стала убеждать, чтобы она, по примеру других, продала свою одежду, поддержав себя в питании. Одежды у больной было немало и очень хорошей. Вера даже предложила ей помочь в этом. Больная много думала над предложением, но любовь к вещам не позволяла ей решиться. Князева убеждала соседку, не жалеть ничего и всеми средствами спасать жизнь. Они даже пошли в кладовую, и больная было уже решилась распродать свое добро, но когда открыли чемодан, то все вещи для несчастной были так дороги, что, перебирая одно за другим, она не смогла отдать ничего. Вскоре ее в бреду, при большой температуре, совершенно беспомощную, перенесли в санчасть, а на следующий день она умерла, оставив свой чемодан на расхищение чужим. Для Князевой это было очень дорогим, наглядным уроком.
Здоровье ее стало укрепляться, а вместе с тем она начала втягиваться в труд, так как он перестал для нее быть изнурительным. В один из зимних, сибирских вечеров Вере передали, что ее на улице спрашивает какой-то мужчина. Одевшись, она вышла и увидела незнакомца средних лет, одетого во все лагерное, но, по выражению лица, Вера догадалась, что это брат во Христе.
- Вы вызывали меня? Я Князева Вера Ивановна, что вы хотите? - спросила она его.
Отойдя в сторону, незнакомец объяснил:
- Мне о вас сообщила в санчасти Вера Ивановна, во время осмотра, когда принимали наш этап. Меня зовут Николай Петрович, осужден я за Слово Божие, как проповедник, родом с юга России. До этого мы работали в тайге на лесоповале, в сорока километрах от вас, а теперь нас, несколько человек, пригнали сюда - обслуживать фабрику, по механической части. Ну, а здесь был очень рад услышать о том, что есть свои сестры, поэтому разрешите вас приветствовать как мою сестру-христианку, вместе разделяющую с братством и со мной тяжесть этих уз. При этом он горячо пожал, протянутую руку Князевой.
- А кого вы знаете из наших братьев? - испытывающе спросила его Вера.
- Я знаю многих, с которыми встречался и на полях благовестия, и на съездах: Одинцова Н. В., Павлова П. В., Иванова-Клышникова П. В., Дацко П. Я., Сапожникова и других, а так же знал проповедников по местам: Федосеева Н. Г., Владыкина...
- Как... вы знаете Петра Никитовича?! - с восклицанием прервала его Вера. - Да, это был необыкновенный брат: простой, полуграмотный, но пламенный, верный и обладал великою мудростью Божьей. Я никогда не смогу забыть его - это светильник, сияющий в темном месте. Ведь, я же с ним из одной общины - это мой духовный отец, ну, и наставник... - тихо закончила она, потупя взор.
- А почему был, сестра Вера, разве уж нет его, он умер? О, это, действительно, чудный брат, это служитель огня...
- Нет, я впрочем не знаю, - продолжала Вера, - но его арестовали предо мною, и он исчез без вести. Но зато, какой у него сын - Павел, юноша. Я знала его с детства, они жили у нас, но уже таким... ну, юношей... видела всего несколько дней и то... ну, знаете... словом - чудесный юноша, только его тоже арестовали, причем сразу после покаяния. А Тимошенко Михаила Даниловича вы знали? - дополнила она.
- Тимошенко?... - с грустью произнес Николай Петрович. - Да, я не только знал, но и жил с ним, до последнего дня. Михаил Иванович был, действительно, не только свидетелем Иисуса Христа, но и участником страданий и смерти Его. Последнее время он открыто и во всеуслышанье свидетельствовал о Христе распятом - Господе своем. Он говорил нам, что уже не возвратиться ему к своему братству, его кончина уже подошла, и она будет здесь. Но я верю, что он не только возвратится в свое братство, но будет жить в нем своей великой жизнью, жизнью непоколебимого подвижника за веру евангельскую. Он будет жить в сердцах юного христианского

поколения, хотя часть его подвигов и неповторима. Брат Михаил Данилович постоянно собирал нас вместе и, помимо захватывающих воспоминаний о прошлом нашего братства, он преподал нам много бесценных, дорогих уроков из Слова Божия. Особенно любил он молодежь.
Замечательным у него было то, что несмотря на непонимание его и некоторые небольшие ущемления, со стороны братьев, он никогда ни на кого из своих братьев и сотрудников не произнес укоризненного слова. Он всех любил большой любовью, был уверен в том деле, которое ему было вверено Господом, и продолжал совершать его, несмотря на то, что ему не содействовали в ряде случаев.
Мы видели, что его часто вызывали на беседу приезжие работники НКВД, но, выходя от них, он всегда был сияющим, всегда имел победу, потому что не щадил свою жизнь.
Не так давно его вызвали на беседу сотрудники, как нам стало известно, из Москвы. Мы молились. Придя к нам, Михаил Данилович сообщил, что, ему предлагали свободу, но на некоторых условиях: что, якобы, формируется новый Союз, и что Жидков Я.И., Карев А.В., Патковский Ф.Г. согласились, и они уже на воле, с полными правами в служении. Брат Тимошенко не дал им согласия ни на какие уступки. Мы ободрили его и благодарили за дух твердости в нем, что укрепило и нас.
Но, вот, на днях, его вызвали почти ночью. Тихо он подошел и попрощался с нами, хотя надзор очень противился и прямо за руки тащил его к выходу.
Больше его никто не видел - его расстреляли.

* * *

Прошло еще несколько лет, и в календаре обозначился 1947 год. Вера, с глубоким вздохом, на молитве отметила, что уже прошло десять лет ее страданий, но что ждет ее, она не знала. Надежды на освобождение не было никакой, потому что многие осужденные, особым совещанием НКВД, отбыв срок, получали здесь же, новый, безо всякого предупреждения и беседы, без каких-либо обвинений. Она видела, что многие с воплем приходили за тем, чтобы, в сопровождении надзора, собрать свои вещи и идти, неизвестно куда. Кроме того, на нее обрушилась небывалая злоба администрации. Некоторые, даже с уверенностью, ей заявили, что, теперь уже, не видать ей свободы никогда.
Да, надо сказать, что не только физические, но и духовные силы у нее истощились до крайности. Подошло даже какое-то умственное отупение до того, что она забыла дату освобождения, тем более, что потеряла веру в нее.
Иногда так хотелось умереть... Но однажды ее томительное однообразие было нарушено:
- Князева! Собрать свои вещи и немедленно явиться к начальнику спец. части в кабинет, - вздрогнула она от голоса нарядчика.
Все было так загадочно, что сердце невольно сжалось в тоске, руки и ноги не подчинялись.
Преступные, позорные женщины предупреждались об освобождении за месяц, многим из них даже выдавалась помощь - деньги, а она - ни в чем невиновная - не знала, что ее ждало впереди. Обида щемила душу.
Начальник ее подробно опросил, сличил ее ответы с документами. В душе было какое-то мучительное безмолвие, в кабинете - тишина.
- Срок наказания вам истек, вы освобождаетесь!.. - объявил он ей...
Это было для нее так неожиданно, что сердце как-то необычайно взметнулось. Вера хотела что-то сказать или спросить, но тут же, закрыв лицо ладонями, зарыдала.
Начальник сухо, по казенному, вначале попытался как-то успокоить Князеву, но видя, что у него это не получается, как надо, продолжил:
- Куда поедете?
- Как, куда поеду? - спросила Вера, - к маме в Н.
- У вас в деле ограничения, домой вам нельзя, могу предложить вам город А., рядом с вашей родиной, - объявил он ей.
- А если так, то куда хотите, мне теперь все равно, второй родины у меня нет, - с горечью в сердце, ответила ему Князева.
В каком-то полусознании, она вышла за вахту лагеря, держа документы в руке; и с некоторыми другими женщинами ее привели на железнодорожный вокзал.

Только в поезде сердце немножко стало успокаиваться, и появились какие-то мысли: "Неужели все эти кошмары остались позади, неужели я теперь свободно могу пойти, куда хочу, увижу мою старенькую маму, дорогих друзей; могу в своей комнатке с мамой почитать святую Библию и помолиться?"
Ей просто не верилось, не сон ли это?
Но за окном вагона пробегали поля, леса, деревушки, наконец - уже и родная природа. Сердце оживало, и так хотелось плакать, и плакать. Сколько раз смерть уже накладывала на нее свою печать, и она прощалась с жизнью. Но вот и родной город. Медленно она подходила к дорогому дому, откуда десять лет назад, в сопровождении тягостных предчувствий, вышла в последний раз. Вот, он: такой же милый, дорогой, родной, со своим неизменным палисадником, с которым сохранились какие-то воспоминания; только он стал, как ей показалось, немного ниже. Здесь родилась она, по плоти и духовно, здесь возникла и родная, поместная церковь. В числе ее членов, она была первая. С такими мыслями перешагнула она порог дома. У знакомой печи суетилась сгорбленная старушка:
- Неужели, это мама? - мелькнуло в ее сознании. Екатерина Ивановна, повернувшись лицом, с горшком в руках, на мгновение застыла, потом руки задрожали и, только инстинктивно поставив горшок обратно на шесток, она с воплем обняла подбежавшую дочь. Плакали долго и вволю, пока не выплакали все. Потом, как-то обе, вдруг, притихли; и первая начала, о своих новостях, Екатерина Ивановна:
- Ну, во-первых, про Владыкиных: Петр Никитович не сообщил о себе никакой весточкой и умер где-то в тюрьме, никто не знает где. Луша состарилась, почти как я, измучилась, бедная, а вырастила всех - белая, как лунь. Но Павел... ты бы посмотрела: лицом - весь в Лушу, а огнем - в отца. Прошлый год был в гостях, находится где-то на краю света, отпустили, вот, через столько лет, знать, повидаться с матерью. Но скажу тебе - не узнать, просто не узнать.
Он посетил меня вначале один, потом вместе с Николаем Георгиевичем Федосеевым...
Луша-то, прямо на глазах у нас, расцвела да не отходит от сына: куда он - туда и она. А уж ученый-то, где только набрался грамоты-то? С нашими девками как вступил в разговор, да, где там - они сразу замолкли. Как приехал к себе, ребята все у них покаялись, и сейчас на собрания ходят. У меня хлебопреломление совершал вместе с Федосеевым. А на собрании вдвоем с ним проповедовали, так все обплакались, покаялось сколько. Уж, больно, про тебя-то все интересовался. Ну, а за остальных, что сказать? Из старых никого почти нет. Братьев: кого забрали, кто сам уехал - одни мы, старухи, остались. Да, вот, из деревень переехали да из других городов, так, вот, понемногу и собираемся. Я-то на собрание хожу редко, когда кто зайдет за мной.
Вера, с жадностью, не перебивая, слушала маму о всех новостях.
К вечеру собрались с работы сестры, по плоти, и почти с первых же слов посыпались упреки за то, что Вера жизнь и молодость сгубила ни за что. Вера с трудом выслушивала их, а Екатерина Ивановна, видя это, постаралась проводить их всех, под предлогом усталости.
Все последующие дни Вера посещала всех своих старых друзей и особенно прилепилась к Владыкиным. Луша с дочерьми ходила на собрание регулярно; и в общине стало заметное оживление.
Вскоре, следом за ней, возвратилась из колонии и Зоя Громова, но была какая-то странная: придирчивая, колкая, несдержанная и высокомерная. Оказывается, с Верой Князевой их определили для местожительства в один и тот же город А. Вскоре, нагостившись, Вера с Зоей выехали на свое местожительство.
Местная администрация встретила их особенно недружелюбно. Предупредили о том, что если они будут собираться молиться опять, то их снова загонят туда же.
Слова их не оказались пустыми. К ним придирались за всякие мелочи; и жизнь их становилась все более невыносимой.
Вера старалась уезжать к своим родственникам в Москву и подолгу оставалась там. Зоя безбоязненно посещала маленькую поместную общину, проповедовала там, что особенно раздражало местных властей.
Недолго страдалицам пришлось порадоваться. Их ожидала скорбь не меньшая, чем они только что пережили. Через короткое время Екатерина Ивановна получила от дочери скорбное известие, что ее арестовали вновь. Последними материнскими слезами она облила эти строки и вскоре, тихо, с молитвой на устах, отошла в вечность.

Глава 13.
Грех твой найдет тебя.

"Беззаконие мое я сознаю, сокрушаюсь о грехе моем"
Пс.37:19

Прошло восемь месяцев по возвращении Веры Князевой и Зои из неволи. Они пролетели, как приятный сон. Сердце неугомонно томилось от предчувствия новых страданий. Шел 1948 год.

Вера устроилась на работу в городе, но почти с первых же дней заметила, что за ней усиленно следят и по месту работы, и дома. Местные верующие предупредили ее, что НКВД некоторых верующих спрашивали о ней. Сердце опять заныло от тревог; и каждый прожитый день приносил все новые и новые скорби.

Наконец, в одну из летних ночей, к ней постучались. Не открывая, она спросила: "Кто там?" Ей ответили, что пришли из милиции, с проверкой документов. Вера с решимостью ответила им, что никаких проверок; ночь дана, чтобы человек мог спать, и что до утра она не откроет никому.

После настоятельных окриков и стуков, приехавшие все же вынуждены были отстать и до утра просидели в машине, у ворот дома.

Вера поняла, что у Господа в планах, видимо, еще отмерить ей скорбное поприще, и почти весь остаток ночи она провела в молитве. К утру она собрала с собой предусмотрительно все необходимое, написала и передала письмо для Екатерины Ивановны; и, по первому стуку своих гонителей, открыла дверь. Сразу, входя в дом, Князевой предъявили ордер на арест и, произведя в доме обыск, увезли ее в управление рай-НКВД. Там она встретилась, как ни странно, с Зоей Громовой. Следствия им, на сей раз, никакого не было и после месячного ожидания объявили, что обе они, по постановлению особого совещания НКВД, отправляются на ссылку в Красноярский край, бессрочно, до особого распоряжения. Отчаяние овладевало душой, мысли путались, воображению представлялась какая-то бездна, в которой опять кишмя кишели размалеванные потерянные женщины, с их надтреснутыми грудными голосами, и похотливые взгляды лагерных придурков (мужская лагерная обслуга). В сестре Зое она не видела того друга, спутницы-сестры, с которой могла бы поделиться и получить утешение, чего так жаждало изболевшееся сердце. Напротив, острые обличения: за самое малейшее слово, поступок, взгляд и, наконец, за скорбное выражение лица, за частые вздохи - как синайские гром и молния обрушивались с ее стороны, в адрес Веры Князевой. Забившись в угол камеры, она, обливаясь слезами, страдала одиноко, молча, вознося лишь вопли к своему Искупителю.

Этапная суета, с злобными окриками конвойных, в сопровождении лая сторожевых собак, наконец, прервала их камерное удушье.

Как и десять лет назад: те же товарные вагоны, только вместо "телячьих" - "пульманы", так же битком набитые арестантами - послужили им транспортом к месту отбытия административной ссылки. Только один Бог, своею близостью, утешал сердце Веры и оберегал от того страшного падения, куда неудержимым потоком увлекали ее обстоятельства. Внешняя ее привлекательность, упорно не поддавалась никаким превращениям, хотя злой рок с яростью стремился истоптать, изорвать те преимущества, какими наделил Бог Веру.

И опять, почти месяц, везли их до Красноярского края в этапном вагоне. Только, на сей раз, Князева мужественнее переносила всю тяжесть этапного пути, так как за десять лет пребывания в заключении, ее сердце и весь организм достаточно закалились и освоились с переносимыми лишениями. Формулировка "бессрочно" или "до особого распоряжения", после упорной мучительной борьбы, помогла, при утешении от Бога, смириться с участью заживо погребенной, и Вера, наконец, была даже несколько рада тому, что вожделения ее женской природы, как бы умерли, потеряв почву под собой.

На Мариинском распределительном пункте им с Зоей определили местом отбывания ссылки, город Канск, где им с Громовой пришлось разлучиться, против чего они и не возражали. Вера попала на отдаленный участок, где все ссыльные были заняты лесоповалом. На место прибыли к вечеру, и весь поселок высыпал на единственное пространство, какое принято было считать улицей, чтобы осмотреть вновь прибывших.

Комариная армада встретила новичков своим воинственным завыванием и неотступными атаками.

В таежном поселочке, состоящем из двух рабочих бараков и нескольких избушек, находилось пятьдесят мужчин, а из женщин-ссыльных, присланных на лесоповал, Вера Князева прибыла четвертой.

Кроме тех ссыльных, что размещались в бараке, было несколько человек, обладающих частными избушками, даже, кое-каким хозяйством. Бедные женщины, кроме того, что были лишены минимально необходимых условий, оказались еще и просто беззащитными от всяких посягательств ссыльных. Правда, в поселке была комендатура, но у ее сотрудников, интересы и поведение во многом сходились со ссыльными. Вера все это поняла с первого дня, как только их вывели на работу. Среди ссыльных женщин оказалась одна, сравнительно молодая монашка, которая и здесь, в тайге, не расставалась со своим облачением, надеясь на его защитительную силу.
С Верой они, естественно, подружились сразу, но, увы, противоречия в богопонимании и исповедании, почти с первых же бесед, заметно разобщили их.
В их обязанность входило: убирать рабочее место на лесоповале от сучков и вершинок, которые обрубали мужчины, и сжигать их в кострах; а в свободное от этого время, им вменялась распиловка и заготовка дров. Находясь постоянно в глухой тайге, среди мужчин, они, естественно, подвергались самому безудержному посягательству, как на честь, так и, нередко, на жизнь. Сердце Веры съежилось от ужаса, когда она с первых же дней столкнулась с этим, и только Бог один давал силы и мужества спасаться от обезумевших лесорубов. Помимо того, бедные женщины, во многом оказались в зависимости от мужчин: в деле питания, зарплаты и комендантского учета - так как все эти места были заняты ими.
Скоро труд в лесу стал для Веры и других женщин, буквально, пыткой; помимо докучливых, бессовестных преследований мужчин, сами нормы выработки были непосильно велики; в результате, их заработка могло хватить, максимум - дней на 10-15. Обстоятельства стали невыносимыми, и Вера с воплем обратилась к Господу об избавлении.
Однажды, как обычно, все вышли в тайгу на работу; с самого утра у Веры с монашкой произошли огорчения, на почве разномыслии в понимании Слова Божия, и они, собирая ветки, отошли друг от друга на приличное расстояние, так что Вера не видела ее, считая, что она затерялась среди штабелей или вороха сучьев.
Вскоре после этого, она услышала приглушенный женский крик, что инстинктивно насторожило ее, но крик не повторился, и она, посчитав, что ослышалась, или, что это не более, как очередная хулиганская забава, со стороны лесорубов, над ее приятельницей, принялась за свою работу.
Прошло не менее часа, а приятельница-монашка нигде не появлялась: "Что с ней? Не случилось ли что? Почему ее так долго нет?" - с возрастающей тревогой думала она, взглянув на ее продуктовую торбочку, висящую на сучке. Взглянув в том направлении, где она скрылась из ее виду, Вера заметила, что из-за штабелей выходят лесорубы, по два-три человека, оживленно разговаривая и оглядываясь назад.
В сердце мелькнула страшная мысль: "Не сделали ли что с ней?" Но как узнать, пойти самой? Страшно. Спросить? Не решалась.
Однако, как ни страшно, но внутренне она почувствовала осуждение: "А вдруг, действительно, она в беде? Хоть криком, да смогу помочь. Ведь я - христианка, мой долг, более, чем кого-либо, я должна помочь в беде". Помолившись на ходу, Вера безбоязненно и поспешно подошла к тому месту, откуда выходили лесорубы, и зашла за штабель леса.
О, ужас!... Что представилось ее взору... На беспорядочно разбросанном ворохе сена, между штабелями, растерзанной и недвижимой, лежала навзничь, ее приятельница-монашка. Клочья разорванной рясы, едва прикрывали ее тело; руки, израненные о что-то острое, лежали на полуобнаженной груди; в глазах застыл ужас смерти...
Вера кинулась обратно, сжимая голову руками и, едва переводя дыхание, кинулась в поселок, чтобы сообщить о происшедшем в комендатуре. Но, не доходя до конторы, увидела, как сотрудники поспешно пошли на место происшествия, кто-то известил их до нее.
Происшедшее настолько потрясло Веру, что она всю ночь не могла сомкнуть глаз; виденная картина не выходила из ума. Утром, она с ужасом посмотрела в ту сторону, где погибла ее подруга по ссылке.
При разводе, Вера категорически отказалась выйти из поселка в тайгу, решив лучше умереть с голоду, чем оказаться подобной жертвой.
Из крайней избушки к ней подошел мужчина, в ее годах.
- Простите меня, пожалуйста, я вижу, что вы крайне взволнованы и, хоть неприятно напоминать, но, наверное, происшедшим вчера? - спросил он мягким голосом. На худощавом, болезненном лице его отражалось

неподдельное сострадание, а открытый взгляд лишал каких-либо подозрений. Вера вначале насторожилась и, вообще, хотела без ответа отойти от него, в крайнем случае, ответить, что уже было на языке: "все вы такие", но ее что-то удержало от этого, и, подумав, она сказала ему:
- А что, это разве изменит адские условия, господствующие здесь, или принесет какие-либо гарантии от подобного, происшедшего с этой несчастной жертвой?
- Нет, вы не подумайте, что я праздно спросил вас, ради интереса! Я вижу, что вы во многом отличаетесь от окружающих, с положительной стороны; и, в меру моих возможностей, хотел бы проявить какое-либо участие к вам. Скажите, вы... христианка?
Этого Вера совершенно не ожидала, чтобы в таком кошмарном месте, могли интересоваться ею, с этой стороны и, колеблясь, ответила как-то смягченно:
- Я даже не знаю, что вам ответить и скажу, что не менее удивлена этим вопросом, чем взволнована происшедшим. Да, я христианка от юности моей, а вас почему это заинтересовало?
- Потому что, наблюдая эти дни за вами, я почувствовал, что вы моя сестра, по духу, - ответил мужчина. - Я тоже член церкви, правда, служителем не был. Конечно, духовно за эти годы охладел, все время один. На воле я занимал немалые должности, имею высшее образование, но здоровье мое очень слабое, главным образом, страдаю легкими. Арестован тоже, как христианин, иногда в церкви проповедывал. Первое время тоже жил со всеми в бараке, но, по состоянию здоровья, Бог помог мне срубить вон ту избенку и приобрести корову. Теперь живу один, очень рад, семьи не имею. Как же вас зовут, сестра?
- Вера, а вас?
- Юрий Фролович. Так, сестра Вера, я очень рад, что Бог послал вас в это захолустье. Может быть, мне и неудобно так говорить, но ведь столько лет я томлюсь здесь в совершенном одиночестве, говорю как есть.
А теперь вот, о вас... Здесь ведь не первый этот случай с женщинами, только такого зверства не было. Я уж не знаю, как вам сказать, ведь пригласить вас к себе - неудобно, тут сразу разговоры пойдут, а помочь очень хочу. Ну, вот что... сестра Вера, я от всей души желаю вам послужить, чем богат: каждый вечер я вам буду приносить литр молока, как сестре, совершенно бесплатно, а вы и не думайте возражать. Но работу вам надо попросить у коменданта, только в поселке, ну, например, дневальной у тех же мужиков. Страшного тут нет ничего: к утру вскипятить бак кипятку, а днем убрать барак, и к вечеру тоже кипятку приготовить. Об этом я тоже похлопочу. Насчет квартиры - лучше вам поселиться вот здесь, у одинокой женщины. Правда, все они одного духа, иначе она и не продержалась бы здесь; но, вроде, у нее разврата в доме нет, живет одна. Вот, пока, хоть так вам устроиться, а там, дальше, Бог поможет. Ведь неизвестно, сколько вам здесь маяться придется?
На этом Юрий Фролович с Верой разошлись, вечером он обещал ей принести молока, как она ни отказывалась. Весь день ее никто не тронул и ничего не спрашивал. Вечером Юрий Фролович принес молоко и быстро ушел.
После утреннего развода рабочих, Веру вызвали в комендатуру:
- Ну что, Князева, сильно испугались, видно? - спросил комендант, намекая на вчерашнее происшествие. - Горе нам тут, с женщинами. Мужики липнут, как пчелы к меду. Вот, зачем я вызвал вас: в тайгу больше не ходите, принимайте барак и будете там дневальной. Работы там немного, утром да к вечеру кипяток, все на глазах будете. Оклад там постоянный. Устраивает вас?
- Спасибо! - ответила Вера и, выйдя, приступила к новому занятию. По сравнению с тайгой, это было для нее, чем-то наполовину, амнистией.
Через два-три дня, при содействии Юрия Фроловича, пожилая женщина-хозяйка, пристально оглядывая Веру, согласилась, за некоторую плату, впустить ее к себе на квартиру. Таким образом, жизнь Князевой немного улучшилась.
Дневальство, хоть и тяжелым было для нее, но приведя все в порядок с самого начала, ей стало легче поддерживать его после.
Простота и строгость, с какой Вера относилась к рабочим, определили их взаимоотношения, сравнительно терпимыми; а хозяюшка, через короткое время, стала относиться к ней даже, как-то подозрительно, любезно. С Юрием Фроловичем они стали встречаться, почти каждый день. Вера, даже несколько раз, посетила его избу и прониклась к нему большим сожалением, даже, в порядке взаимной христианской любви, взяла на себя заботу о его белье и одежде.

Брат оказался исключительно воспитанным, выдержанным, чутким ко всем людям, тем более к Вере. С момента их знакомства с Верой, как жилище, так и его внешний вид стали заметно преображаться. У него было Слово Божие и Гусли, и он охотно переписывал для Веры места для пользования из того и другого.
Не напрасно изменились отношения к Вере и со стороны хозяйки. Князева стала замечать, как в ее квартиру стал часто заходить один из мужчин, который года два, как проводил жену на родину, и в избе жил один, как и Юрий Фролович. Подозрительно любезным, вдруг, стал и комендант со своими сотрудниками. Вера это почувствовала, из частых посещений их дома и даже упрощенных отношений к ней, что вскоре привело к открытому посягательству на нее. Здесь Вера, со всей решимостью, дала посетителям отпор, после чего они ее, временно, оставили.
Но на этом преследования не прекратились, а приняли скрытую форму.
Юрий Фролович, выслушивая все жалобы Веры, оказался очень близким и полезным советником во всех этих вопросах. Он своевременно предупреждал сестру о всех возможных последствиях.
В один из выходных дней Вера заметила, что хозяюшка с особым пристрастием готовила кушанье, по-праздничному, но значения этому не придала, так как посчитала, что это в порядке вещей. Вечером, когда сумерки спустились над поселком, они любезно, вдвоем уселись за праздничный ужин. В это время к ним зашел тот самый посетитель, который остался без жены и, по приглашению хозяйки, бесцеремонно присоединился к столу. Веру смутило это еще больше... угощение и гость... Мужчина был одет по-праздничному, сел рядом с Верой и насколько мог, стал осыпать ее любезностями. Вера заторопилась оставить их. Но, увы, вначале почувствовала такую слабость в ногах, что подняться не могла, вслед за этим по телу быстро распространилась сладкая истома, а через мгновение... она потеряла сознание. Пришла в себя, в совершенно неизвестной обстановке. На столе тускло горела керосиновая лампа, платье ее небрежно лежало на скамье, а сама она, в белье, лежала на незнакомой ей постели. Тот самый "гость", который любезно угощал ее у хозяйки, стоял перед нею и, раздеваясь, готовился в постель.
Вера, в ужасе, едва смогла вскрикнуть:
- Господи! Спаси меня!
С большим усилием она приподнялась на постели и властно крикнула:
- Немедленно отойдите от кровати, иначе я разобью окно и закричу на весь поселок о помощи. - Затем, собрав все силы, оттолкнула его и, достав платье, быстро оделась.
- Скажите, что это за подлость? Как я оказалась здесь? - И приготовилась закричать, почувствовав в себе приток силы.
- Вера Ивановна! Помилуйте, что с вами? Не кричите, пожалуйста, разберитесь, - стал уговаривать ее мужчина, приводя свою одежду в порядок. - Ведь вы же сами согласились на замужество, когда я вам это предложил. Вы даже обняли меня за шею. Это же все видела ваша хозяйка, она живой свидетель. Потом вы с улыбкой повисли на мне, и я, посчитав вас выпившей, бережно принес к себе, считая, что ваше соглашение к замужеству, окончательное.
- Вы вздор говорите, вы ложь говорите, вы с ней вместе чем-то подпоили меня, и я потеряла сознание! Бессовестные вы, как вы смеете, мерзкий вы человек! Я, немедленно, поставлю в известность об этом начальство. - С этими словами Вера выскочила из избы и растерянно, едва определив направление, пришла на квартиру.
Хозяйка в испуге открыла ей дверь и, в ответ на возмущения Веры, с криком обрушилась на нее, обвиняя ее в том, что она сама, действительно, согласилась на все; и он ее, уже пьяную, отвел к себе в избу. При этом хозяйка обзывала ее самыми скверными именами, обвиняя в распутстве и требуя немедленно освободить квартиру.
Вера пришла в ужас от всего слышанного, поняв, что все это было сделано искусно, к ее позору; но рассуждать было некогда, а выход был только один - немедленно все собрать и идти к Юрию Фроловичу, несмотря на то, что на дворе ночь.
Брат не особенно растерялся, когда увидел ее у себя, заплаканную и со всеми пожитками.
- Вера! Вера! Меня это нисколько не удивляет, но вы успокойтесь, за эти годы, я каких только ужасов не видел и не слышал здесь. Это ведь, действительно, долина смертной тени. Успокойтесь, вам, действительно, надо было давно перейти ко мне. Давайте, лучше помолимся и предадим все дальнейшее Господу, так как я предполагаю, что это не без участия комендатуры. Пусть защитит Господь.

И они оба встали на колени, взывая к Богу о помощи и защите.
Вера всю ночь, не раздеваясь, просидела на стуле, вспоминая детали минувшего кошмара: "Боже мой! Боже мой! Ну, что же мне делать? Я не вижу никакого выхода из создавшегося положения, - молитвенно тихо, про себя, рассуждала она. - Идти в барак? Это обрекать себя на муки, да и просто невозможно. Поселиться здесь, у Юрия Фроловича, девушке, со свободным мужчиной? Кроме всяких грязных разговоров - это просто нехорошо, даже безнравственно, но..."
- Сестра Вера! Вы что же мучаетесь и, как я вижу, даже не прилегли всю ночь? Ну, ведь, выхода-то нет никакого, - очнувшись от дремоты, заговорил Юрий Фролович. - Бог видит, что мы не имеем никаких нечистых побуждений друг ко другу, а людям не закроешь рта ни при каких обстоятельствах. Видно, Сам Бог внушил мне соорудить эту избенку да хозяйством обзавестись. Не будь этого, куда бы вы могли деться? Мы же имеем чисто христианские отношения друг ко другу...
- Но они могут измениться в дальнейшем, - прервала его Князева, - ведь мы же будем влиять друг на друга, и это бесспорно...
- Ну, сестра, что нам говорить об этом, во всяком случае, вы хоть будете избавлены, в какой-то мере, от посягательств. Здесь же, это дело вашей доброй воли, да к тому же, мы христиане... И иного выбора нет, - окончил Юрий Фролович. Ложитесь, хоть немного отдохните.
Вера глубоко вздохнула и, взглянув на начинающийся рассвет в окнах, сняла пальто, разулась и легла, хоть немного сомкнуть глаза. Заснула она как-то сразу, но спала тревожно, вздрагивая всем телом, сквозь сон произнося, какие-то отрывки фраз.
Юрий Фролович, после молитвы, принялся за хозяйство: убирался у коровы и кур, даже, заменяя Веру, сходил в барак, затопил кипятильник для рабочих.
В бараке уже не спали; и все гудело от обсуждения события, происшедшего с Верой. Рассказывались самые бесстыдные, выдуманные сцены, причем Князева выставлялась, как искусная, скрытая развратница. Все это смаковалось безудержно, в сопровождении вспышек хохота. Некоторые даже выставляли себя героями выдуманных, самых пакостных, подвигов, с участием Князевой. Лишь немногие, из пожилых мужчин, пытались угасить сплетни, разоблачая "героев" во лжи, защищая Веру, но это не имело должного воздействия.
Юрию Фроловичу так было жаль сестру, он был готов обрушиться с самым бурным протестом в защиту ее, но знал, что все это бесполезно. Весь поселок гудел, теперь уже не от факта изнасилования монашки, а от сплетен вокруг Князевой. Возвратясь в избушку, он застал Веру еще в постели. Видно, что спокойствие, наконец, овладело ею, и она спала мертвым сном, не подозревая о той буре, какая разразилась над ее судьбой.
Поглядев на ее открытое лицо и мерно колеблющуюся грудь, он подумал: "А, действительно, как она прекрасна, несмотря на все, перенесенные ею, многолетние лишения, которые успели отложить кое-где, едва заметные морщинки. Но, ведь, и они, ничто иное, как след душевных бурь". Ему так стало ее жаль, такой нежностью к ней наполнилось его сердце; он был так счастлив, что смог приютить ее в своей избенке. Потом мелькнула мысль: "А что, если бы с ее жизнью соединить свою, тоже полную тревог, лишений и неудач? Но..." Юрий Фролович посмотрел на часы, тихонько, как смог, подтянул гирю и вышел на дежурство. Работа у него была очень хороша тем, что была рядом с домом и давала полную возможность, в любое время, оторваться к хозяйству. Придя на место, он не заметил, как предался размышлению о ней, о Вере. Из ее немногих рассказов, он узнал о их неудачной любви с Андреем, пережитых мытарствах за десятилетнее пребывание в колонии Яя. С горечью в душе, думал о разрыве со своей семьей, о том, как его жена, не желая разделять с ним лишения, взяла дочурку и рассталась с ним, хотя и крепко любила его в первые годы. Потом его болезнь, вызванная, главным образом, изменой жены. Поэтому Юрий Фролович, хотя и знал, что о новой семье ему мечтать преступно, но мысли о Вере все настойчивее осаждали его.
Через два часа, придя в дом, он застал его убранным, с вымытыми полами; а Вера сидела, перебирая свои вещи в чемодане. Постепенно тревожные чувства осуждения в душе ее улеглись, тем более, что Юрий Фролович, за эти дни, в избе переоборудовал все так, что создал Вере, необходимый для нее, уют. Она же, в свою меру, незаметно, с каждым днем все более и более стала вступать в роль хозяйки.
Дневальство свое она продолжала так же, как и в прежние дни, и, хотя реплики в ее адрес, сопровождаемые оскорбительными жестами, участились, но она по-прежнему все это терпеливо переносила и умеряла

строгостью, в обращении со всеми мужчинами. Спустя несколько дней после этого посягательства, ее вызвали в комендатуру.
Комендант был один и, с подчеркнутой любезностью, усадив рядом с собою, вначале спросил о происшедшем у хозяйки. Затем, подмигнув, сочувственно напомнил о ее потерянной репутации, порывисто обняв за плечо, нагло начал склонять ее к сожительству, обещая при этом самое наилучшее устройство ее, в материальном отношении. Князева, резко освободившись от него, с возмущением выговорила ему за его дерзость и напомнила, что у него есть семья, и что он для нее не может быть ни кем другим, как только официальным лицом. Это, хотя и отрезвило коменданта, но под влиянием огорченного самолюбия, он пригрозил ей, предложив подумать о его расположении к ней, затем, предупредив о следующем вызове, отпустил.
С глубоким возмущением, Вера все это пересказала Юрию Фроловичу. Брат выслушал ее и заметил с тревогой:
- Сестра Вера! Дело это нехорошее, он не оставит так и будет добиваться своего, или, в случае отказа с твоей стороны, будет мстить тебе. Надо нам подумать, что делать?
Долго после этого они просидели молча. Вера ничего не находила к разрешению этого вопроса и больше полагалась на брата, на его опытность.
- Что ж, Вера, - начал он после долгого молчания, с явным смущением, - пусть не удивит вас, но другого выхода я не вижу, придется объявить всем и коменданту, что мы муж с женой.
Вера, как-то с удивлением, ответила:
- Ну, что вы, Юрий Фролович! Но ведь это же не так? И, вообще, я не знаю ... да, как это, вдруг...
- Другого выхода я не вижу, Вера! - сказал он ей, даже с каким-то оттенком просьбы. На этом разговор их прекратился.
Пока они не выражали этого, были еще свободны друг от друга, но после этого разговора их взаимоотношения изменились. Юрий Фролович почувствовал, что он к Вере неравнодушен, хотя это и преступно с его стороны, но он любит ее с каждым днем все сильнее и сильнее. Если месяц или два назад, она была для него просто сестра, теперь же, нет. Хотя он и не имел на это чувство никакого права, хотя между ними не было никакой близости, кроме христианских приветственных рукопожатий, после совместной молитвы; но он ее любил более, чем сестру. Вера это чувствовала и, хотя строго контролировала свои отношения к нему, но с каким-то страхом заметила, что у нее тоже появилось такое влечение к Юрию Фроловичу, что оно стало непреодолимым. Особенно это выяснилось во время его трехдневного отъезда в город, по делам службы; она, буквально, скучала по нему. Углубляясь в себя, Вера, к глубокому сокрушению, установила, что та, не искорененная в свое время, любовь к Андрюше, действительно, возбудила в ней греховное влечение к Карлу Карловичу. И только лишь вмешательство Божие удержало ее от фактического падения.
Теперь эта любовь настигла ее, в этом безвыходном положении. Она убедилась, что это чувство переросло в ней все удерживающие запреты, диктуемые разумом и совестью. Со всей ясностью, Вера поняла, что она, вопреки воле Божией, по своим расчетам, когда-то пробудила эту плотскую любовь в Андрее, потом наслаждалась ею, взрастив эту любовь в себе, несмотря на предупреждение Петра Никитовича и увещания мамы. Поэтому и отдал ее Господь, по упорству сердца, во власть этого чувства, которое стало с тех пор греховным. Только поэтому, несмотря на отчаянные молитвы к Богу, она безвольно предалась влечению к Карлу Карловичу. Правда, после этого прошло целое десятилетие жутких страданий и лишений, во время которых она посчитала эти увлечения юности погребенными. Но нераспятый грех, не наказанный в свое время, за отсутствием объекта и подходящих обстоятельств, был просто приглушен. Теперь он получил такой прекрасный, хоть и греховный, объект в лице Юрия Фроловича и такие безвыходные обстоятельства, что настиг ее в самом безоружном состоянии, обнаружив ее полное безволие.
Вера почувствовала: что ни ее целомудренность, ни убеждения, ни строгость к внешним - не являются той, столь необходимой, гарантией от падения; она просто поникла духом, в ожидании последствий.
В окне она увидела, как промелькнул, возвращаясь из города Юрий Фролович. В сознании ее вспыхнул целый заговор против себя: "Нет, только строго, по-христиански, я должна при встрече приветствовать его, ведь, мы же..."
Юрий Фролович вошел бодрый, сияющий и, быстро раздевшись, шагнул к ней поздороваться. Глаза их встретились, и Вера почувствовала, что весь ее заговор - это надломленная соломинка. Хотя какой-то еще страх

удержал обоих от поцелуя, но, оказавшись в его объятиях, Вера совсем не сопротивлялась и почувствовала, что, в это краткое мгновение, блаженство разлилось по всему ее существу.
- Я так соскучился по тебе, Вера! - сказал он. Князева, как-то виновато, отошла к столу и, в свою очередь, вполголоса, подняв мельком на него глаза, сказала:
- Я тоже...
В городе нашел сестру Зою, по твоему адресу, и в эти дни остановился у нее. Вот тебе письмо от нее, строго секретно, - передавая конверт Вере, с улыбкой объявил ей Юрий Фролович.
Вера, взглянув на конверт и не распечатывая, положила на подоконник, со словами:
- Опять, наверное, с каким-нибудь строгим обличением. Через несколько дней, утром, вошел к ним посыльный из комендатуры и объявил, что к 10-ти часам утра комендант, в обязательном порядке, вызывает Князеву в контору; с ней будет беседовать приезжий начальник.
Томительное предчувствие овладело обоими ими.
- Вера! Я не пущу тебя одну, пойду с тобой и всем, чем буду в состоянии, я буду защищать тебя. Ведь у них непременно в уме созрел какой-то гнусный план, слышишь! А ты говори прямо и решительно: "Я жена его!" Поняла?
Вера залилась вся румянцем и полушепотом, не поднимая глаз на Юрия Фроловича, ответила:
- Хорошо.
Выходя, они решили, что Вера зайдет в кабинет, а Юрий Фролович останется в прихожей, в случае же угрожающих последствий, он придет ей на помощь. Помолившись, они вышли.
- Ну, Князева, садитесь! - официально объявил ей, вновь прибывший начальник, указывая на стул. Я приехал расследовать поступившие данные по делу, изнасилованной и замученной, гражданки Ф. Одновременно поступили сведения и о вашем аморальном поведении в поселке, что, косвенно, послужило поводом к произведенному насилию. Аморальное - это, понимаете, ну, по-нашему, по таежному - проституция...
Князева вздрогнула, как ужаленная, от этого неслыханного оскорбления и, увидев ехидную улыбку на лице коменданта поселка, поднялась, чтобы выразить свое возмущение от этой гнусной клеветы.
- Садитесь! - продолжал начальник, - я еще не кончил. Эти улики подтверждаются показаниями лесорубов, которые признались в своих безнравственных связях с вами, показаниями вашей бывшей хозяюшки, от которой вы, в невменяемом состоянии, перешли для сожительства к гражданину Ш. и сбежали от него. Все это, несомненно, влияло на окружающих вас мужчин и привело, некоторых из них, к преступлению. Поэтому, если мое расследование подтвердит эти факты, органы наблюдения будут вынуждены - предать вас суду за аморальный образ жизни, а, в лучшем случае, убрать вас отсюда еще дальше, вглубь тайги.
- Как вы смеете!.. Это же гнусная клевета!.. Это же ложь!.. Как вы смеете оскорблять, не убедившись!.. Ведь я еще де... - Тут она вспомнила, что дала согласие Юрию Фроловичу, объявить себя женою его, потому растерявшись, упала на скамью и, в изнеможении, громко зарыдала.
В дверь порывисто вошел Юрий Фролович и, нагнувшись над Верой, сказал ей:
- Успокойся! Возьми себя в руки!
- Вы, кто такой, и почему вы вошли без разрешения? - накинулся на него начальник.
- Я муж Князевой! - с решимостью ответил Юрий Фролович. - А вошел сюда защитить, поруганную вами, честь Князевой Веры Ивановны. Она законно вам возразила, сказав: "Как вы смеете?" Действительно, юридически, какое вы имеете право, не расследовав дела, делать какие-то выводы, угрожать ей мерами наказания? В конце концов, это даже дело судебных органов. Я еще раз заявляю, я Юрий Фролович С. - муж Князевой, и если вы будете продолжать, в таком же духе, посягать на честь Князевой, я располагаю всеми возможностями, завтра же сообщить в прокуратуру края, а если будет нужно, и дальше. Теперь отвечу на мотивы обвинения, высказанные вами, в ее адрес. Факты подобных изнасилований известны нам, местным жителям, на протяжении уже многих лет. Князева появилась сюда, как говорят, "без году неделя". Высказанные вами "улики" со стороны рабочих, я слышал своими собственными ушами, и знаю поименно тех, от кого они вышли, но знаю и тех, кто публично обличал их во лжи и заставил замолчать. Кроме того, я свидетель того, что названная вами хозяйка, уже много лет специализируется на спекуляции женщинами, подпаивая их соответствующими средствами, а не алкоголем. Кроме того, гражданину Ш. не удалось шантажировать Князеву и воспользоваться принужденным сожительством - это я заявляю вам, с полной гарантией. И если это потребуется, то сумею не только доказать

правдивость моих заверений, но постараюсь разоблачить и подлинный источник этой клеветы, жертвой которой оказалась, уже не одна женщина. Наконец, Вера Ивановна живет у меня не один уже месяц, что совершенно исключает, высказанные вами, предположения или даже обвинения...
Защита Юрия Фроловича была высказана таким решительным тоном и так неожиданно для начальника, что он не нашел, что возразить, и уже совершенно спокойным тоном объявил:
- Ну, хорошо, ведь я и приехал расследовать все это; и коль вы заявляете нам, что это ваша жена, то попрошу вас, возьмите ее, успокойте, как муж, там в прихожей; а я немного посовещаюсь с моими товарищами.
Вера, слыша все защитительное высказывание, значительно успокоилась и, оставшись наедине с Юрием Фроловичем, покорно согласилась с тем, что он взял ее близко под руку, и притихла. Совещание длилось очень коротко и, спустя несколько минут, выйдя из кабинета, начальник объявил им следующее:
- Что ж, Князева, если это так, то вы можете быть свободны, я постараюсь подробнее проверить показания. Вам же, если уж вы, действительно, живете с гражданином С., пожелаю продолжать жить и дальше, не давая никому повода к грязным разговорам. Несомненно, наблюдать за вашей жизнью мы будем. Вы свободны.
Домой они шли под руку, но молча...
Какая огромная тяжесть спала с души Князевой, увидевшей, на какие муки, а может быть, и гибель она была обречена; но вдохновенный подвиг Юрия Фроловича рассеял эту угрозу. В душе у нее, с новой силой вспыхнуло чувство любви к нему и сознание ответного долга, в уплату за его покровительство. Они встали на колени и благодарили Бога за то, что, в лице Юрия Фроловича, Вера встретила такую защиту. После молитвы Вера села в угол комнаты, в глубоком раздумий. Юрий Фролович молча прохаживался взад-вперед по дому, тоже погруженный в какие-то свои думы.
После продолжительного молчания, Вера с волнением сказала:
- Юрий! Я благодарю тебя за такой благородный подвиг... я многим обязана тебе и полна решимости отблагодарить тебя, но не знаю, чем?
- Вера! Я многого не могу сказать тебе, скажу только лишь коротко, я полюбил тебя, как свою душу... - и, положив ей руки на плечи, добавил, - но я больше не могу так... ведь, мы уже во многом живем, как супруги... Прошу тебя решиться, чтобы быть нам, по-настоящему, мужем и женой.
Вера слегка освободилась от его рук и, волнуясь, ответила:
- Но, ведь, это же преступление; у тебя была семья, и она может возвратиться!
- Была семья, теперь ее нет. Скажи откровенно, что нам теперь делать, мы уже не можем друг без друга, и людям это объявлено. Пусть Бог помилует нас...
- Но, Юрий! Ведь, я же девушка... Столько лет борьбы... страданий и за христианскую, и девичью честь... а церковь? А ответственность за последствия? - склонив голову, прошептала Вера.
- Ты пойми, Вера, - продолжал он, - церкви здесь нет, с семьей моей все покончено, твой приговор, да и мой - бессрочный, а здесь, как видишь, мы нужны только друг другу. Решайся! Бог милостив!
Немного подождав, он обнял ее еще горячее. Теряя самообладание, Вера все же крикнула:
- Юрий! Это же грех!..

* * *

Утром Вера проснулась раньше Юрия Фроловича и, взглянув, увидела на подоконнике Зоин нераспечатанный конверт. Осторожно поднявшись с постели, она взяла его и, присев у окна, вскрыла.
"Сестра Вера! Приветствую тебя именем Господа Христа Иисуса! Наименьшая твоя сестра, в Господе, Зоя.
До меня дошли очень тревожные слухи, что ты перешла для жизни в дом Юрия Фроловича, нашего брата. Я обязана, как сестра, предупредить тебя, хоть ты и не любишь меня за обличения; тебя преследует грех твой, с каким ты не рассталась еще в молодости. Прошу тебя, для спасения чести твоей и души твоей - оставь это, не смотря, что он брат. Дьявол так ваши дела сведет, что ты невольно вынуждена будешь согрешить. Ведь, у него же, где-то есть жена и дитя. Зачем тебе искушать Господа и брата? Лучше доверься Господу, противостань греху, и Бог избавит тебя, как уже не раз избавлял. Сестра, беги от греха, пока он еще не овладел тобою! Послушай голос Божий, пишу, любя тебя - оставь его избушку. Поверь мне, вы не устоите оба. Спаси тебя Бог!
Зоя".

- Поздно! - опустив медленно письмо, с глубоким сознанием своей вины, она подошла к постели и, разбудив Юрия Фроловича, дала ему прочитать письмо.

* * *

Совместная жизнь Юрия Фроловича с Верой, с материальной стороны, принесла им обоим большие изменения. Здоровье его заметно стало укрепляться, а хозяйство приняло образцовый вид и расширилось. Успокоенная от всяких посягательств и грязных сплетен, Вера заметно повеселела, еще больше похорошела, внешне расцвела. После того, как их брак зарегистрировали в комендатуре, она оставила дневальство в бараке и в поселке появлялась очень редко.
Но в душе угрызения совести, с возрастающей силой, омрачали всю их жизнь.
Вскоре она получила известие, что ее милая мамочка, Екатерина Ивановна - дорогой ее, неподкупный ангел-хранитель - отошла в вечность, с ее именем на устах. Внутренняя духовная радость и мир быстро оставляли ее, а без них обнаружилась никчемность и призрачность супружеской жизни. Тем более, что, по прожитии двух лет, они обнаружили себя бездетными; изменяться стали и их взаимоотношения. В характере Веры стали появляться раздражительность и придирчивость. Испытывая это, кроткий от природы, Юрий Фролович стал еще более замкнутым, придавленным. Часто, возвращаясь домой, он стал замечать лицо Веры заплаканным. В этих случаях, он склонял Веру к объяснениям, осуждая себя в слабости и обвиняя себя в том, что он склонил ее к супружеской жизни.
Такое сознание Веру еще больше тяготило, так как не его, а себя она обвиняла в их незаконном браке, и тогда слезы ее были уже открытыми. Заканчивалось все общим раскаянием. Вместе не устояли - вместе, не ссорясь, должны теперь и нести это бремя. Плакали, молились вместе, сознавая вину свою пред Богом, но выхода из этого не видели никакого.
После таких объяснений, на некоторое время отношения их прояснялись, восстанавливалась и любовь, и взаимная ласка, но вскоре Вера опять ощущала, что их супружеские отношения, ей в тягость.
От Зои, с подписью других братьев, они получили письмо, в котором: Вера Ивановна с Юрием Фроловичем в церкви объявлены, как прелюбодеи, брак их незаконный, так как был вопреки Слову Божьему, и они от Церкви отлучены.
Это известие окончательно повергло их в уныние, так как они и сами осуждали себя; но ни выхода из этого положения, ни силы для оживления - в себе не находили. Бывали случаи, когда они обоюдно договаривались, оставить между собой взаимоотношения только, чисто христианскими, братскими. Но, по истечении двух-трех месяцев, влечение друг ко другу возрастало настолько, что все сговоры нарушались, и супружество восстанавливалось вновь.
Так прошло пять лет.
Юрий Фролович за это время почти не изменился, даже легочная болезнь совсем перестала удручать его. Но Вера, изучая себя в зеркале, заметила, какой неизгладимый след оставили на ее лице и всей внешности, перенесенные переживания. Ей вспомнились слова ап. Иакова: "...засохла трава и цвет ее опал, так увядает богатый в путях своих". "А праведник цветет, как пальма; ...свежи... сочны... плодовиты..."
С глубоким сокрушением, поняла она всем существом, что, лишившись праведности Божией, она лишилась свежести: и духовной, и телесной.

* * *

Шел 1953 год. В один из летних вечеров, совершенно неожиданно, принесли им письмо, только что прибывшее с транспортом.
Юрий Фролович, взяв его в руки, от волнения изменился в лице, на конверте был почерк его жены Анны. Распечатав, он прочитал следующее:
"Юрий! Я недостойна внимания твоего, даже для прочтения этого письма, но мое неспокойное сердце принудило меня написать его тебе.
Неделю назад я посетила собрание, где Дух Божий глубоко коснулся моего сердца и я, не дождавшись конца проповеди, упала на пол, задыхаясь от рыдания в покаянии. Я осознала всю мою вину пред Господом, всю подлость и низость моей вины пред тобою и пред церковью. И милостивый Бог услышал меня, Он простил мне и возвратил мне тот драгоценный мир и радость, которые я потеряла много лет назад. Я теперь в мире с Богом и с

Его народом, но я не имею покоя ни днем, ни ночью, как вспомню о тебе; а образ твой не отходит от меня ни во сне, ни наяву.
Юрий! Ради Христа и Его страданий, прости меня в тех мерзких делах, совершенных мною, о которых мне стыдно вспоминать. Прости, если в тебе сохранились чувствования Христовы к грешнику!
У нас некоторые братья, взятые с тобою в одно время, возвратились домой, их освободили с полной реабилитацией. Все ждут и твоего возвращения. Я не имею права ждать тебя, как падшая жена, которая оставила тебя, в самое тяжкое для тебя время. Но я молю Бога, чтобы Он возвратил тебя, и сама желаю возвращения твоего для того, чтобы ты избавился от тех ужасных кошмаров, в которых я тебя когда-то оставила, и в кругу своих любящих друзей, на лоне родной природы, отдохнул духом, душой и телом. Твоя дочь спит теперь с твоим фото. Прости, прости...
Анна".
Юрий Фролович, после прочитанного, побледнел, как полотно, упал на постель и зарыдал сильно, безудержно.
Вера в недоумении, взяв со стола письмо, тоже внимательно прочитала и сказала про себя: "Этого следовало ожидать! Как сладок грех, но как тяжела расплата за него!" С этими словами, она оставила его одного с его переживаниями, а сама отошла в лес и, сидя на пеньке, предалась размышлениям о своей дальнейшей судьбе.
Ей, на мгновенье, вспомнилась поруганная, растерзанная монашка на сене. В своих частых беседах с ней и мыслях Вера немало осуждала ее за заблуждения и, зачастую, фанатичные поступки. Но теперь ее считала счастливее себя. Какая бы она ни была и как бы ни исповедывала своего Бога, но она до конца, отчаянно боролась и хранила как свою честь так и веру; поруганное ее тело - подтверждало это.
- А что со мною? - рассуждала она сама с собою. - Точно так, как ее тело, оказалась поруганной моя честь - и девичья, и христианская; и я сама, добровольно, отдала себя такому поруганию. Она отмучилась от своих глумителей, и Бог ей судья; неизвестно, что Он определил ей в вечности за ее стойкость, терпение и муки. Но что может быть отчаянней, чем мое положение? Тело мое сохранилось выхоленным, но с поруганной честью; а как христианкая отлучена от Церкви Иисуса Христа, за прелюбодеяние. Какую, еще большую, утрату можно иметь? Но это еще не все. Несомненно, Юрий Фролович обязан теперь, как блудный сын возвратиться к своей Церкви и семье; и я должна честно этому содействовать. Я же останусь здесь, совершенно одна - обкраденная; я даже глаз моих не могу поднять к небу, а, ведь, до этого я небом только и жила.
Боже мой! Боже мой! Как велик ужас моего положения! - в таком глубоком отчаянии рассудила она о себе.
- Вера, почему ты здесь? Что с тобою? Ты, наверное, прочитала письмо? - нежно, обнимая ее сзади, спросил Юрий Фролович.
- Юрий Фролович! Что со мною, это вы теперь знаете больше, чем кто-нибудь, - ответила Вера мягко, но решительно, освобождаясь от его объятий. - Не читать письма я не могла, так как я этого ожидала давно; и оно написано нам обоим одинаково. Почему я здесь - это тоже понятно, а где мне еще быть, куда пойти такой, какая я есть? У вас есть, хоть, вот, этот угол, а теперь уже и семья, а что осталось у меня? Я даже лишилась единственного, доброго, неизменного, постоянно любящего меня человека, друга моего, ангела моего - мамы. Вот, зачем вы сюда пришли - это мне неизвестно?! Ведь, все самое дорогое, что было в моей земной жизни, я вам отдала; оно растрачено, я совершенно нищая и телом, и душою - я ничто. У блудного сына было что вспомнить, куда идти и к кому возвратиться, - продолжала она, уже со слезами на глазах, перешагивая порог избы, - а куда идти теперь, вот, такой блудной дочери, как я: с поруганной честью, с растоптанной совестью, потерянной верой? Кто меня ждет с моим бесчестием? Ведь, второго Спасителя нет, а Господу моему я изменила. О-о-ох!!! Боже мой, Боже мой! - в рыданиях, упала она на пол.
Безутешными воплями наполнилась изба Юрия Фроловича. Сам он, роняя слезы, стоял над нею, не смея к ней прикоснуться и вымолвить, хотя бы одно, слово.
Рыдала Вера долго, прерывисто, надрывно, моля Господа о недостойном прощении, не имея надежды на милость Божию; рыдала, выплакивая все свое горе, изливая измученную душу.
Наконец, замолкла сразу, поднялась молча с колен, подложила шубу под голову и, так же без слов, легла на голую скамейку.
Юрий Фролович долго, в нерешительности, стоял у стола, затем, прикрутив лампу, присел на краешек кровати, не зная, что делать. Растерянно он смотрел то на Веру, то на нетронутые подушки, с утра уложенные ее рукой, на скатерть и занавески, на выскобленные стены и потолок, видя во всем дела ее хлопотливых, ласковых рук.

"...Все самое дорогое, что было в моей земной жизни, я вам отдала..." - слышались ее слова отчаяния в его ушах. Тусклый свет лампы освещал мирное выражение ее лица. Такого спокойствия он не видел на ее лице за все время совместного пребывания. Она тихо спала, о чем подтверждала ее грудь, мерно поднимавшаяся под шерстяной кофтой. Успокоился и он. Затем, аккуратно положив подушку, не раздеваясь, лег на самом краю постели.

Проснулся Юрий Фролович от легкого шороха Вериных шагов, в тот момент, когда она, придерживая подбородком шерстяной полушалок, надевала на себя пальто. У порога, перевязанный веревкой, собранный, стоял ее чемодан и узел с вещами.

- Ты куда, Вера?.. - вскрикнул, вскочив с постели, Юрий Фролович.

- Наша совместная жизнь дальше немыслима, - спокойно заявила она ему, застегивая пуговицы и ладонью поправляя прядь волос. - Прошу вас, Юрий Фролович, ради Бога простите меня, я признаю, что в нашем несчастном сожительстве, моя вина неизмеримо велика. Но я, как вам известно, за все это поплатилась, невосполнимо дорого. Этой ночью я получила свидетельство от Господа, что Он помиловал меня, теперь простите меня и вы!

- Вера! Я не могу противоречить тебе и так же, как и ты, глубоко потрясен последствиями нашего сожительства; но почему ты убегаешь от меня? Ведь, не я же враг тебе, пойми это! Враг - грех, совершенный нами, в котором я повинен не меньше, чем ты. Я, как христианин, как мужчина, как проповедник, воспользовавшись твоим безвыходным положением, склонил тебя ко греху. Мне надо было проявить максимум мужества и не воспользоваться тобою, а послужить тебе моим уголком, помочь укрепиться упованием на Господа. Я больше тебя виновен, во сто крат. Но зачем ты убегаешь? Ведь я все возможное сделал для тебя, чтобы разделить твое горе, огородить тебя. Разве так мы должны поступить именно теперь, когда душа каждого из нас разрывается от сознания глубины падения, неужели мы уже теперь больше, совершенно не нужны друг другу? Вместе пали, вместе будем и вставать. Я уже, в одном этом, вижу милость Божию.

Нас многие могут осудить и уже осудили, но, помилуй Бог, чтобы хоть кого-либо, из этих многих, постигли те обстоятельства, какие постигли каждого из нас. Ты вдумайся в свое безвыходное горе, какое загнало тебя, девушку-христианку, глухой ночью, окруженную злодеями, ищущими растерзать твое тело, в мою избушку. Разве это была не милость Божия, в виде моего уголка?

Теперь подумай обо мне. Молодой мужчина и христианин, обречен пожизненно на медленную смерть в этих трущобах, оставленный семьею, больной, лишенный всякого братского общения, ведь, в лице тебя, я принял ангела-хранителя в свой дом, так оно и было вначале.

Я не знаю, кем бы был любой из наших обвинителей, если бы они испытали подобное, а нас милость Божия не обошла: как ты, так и я, на глазах друг друга, и Бог нам свидетель - мы оплакали наш грех.

Ни ты, ни я, в молодости, не могли навести глубокого анализа нашего промаха в вопросе увлечения, а зачатие греха было именно там: ты увлеклась своим Андрюшей, оскорбила Господа своеволием, не спросив воли Божией; я так же, по наивности, увлекался внешностью - оба мы здесь пожали горькие плоды греха нашей юности, он настиг нас в самом узком месте; и это было неизбежно.

Теперь мы достаточно зрелые, чтобы до конца навести анализ нашего падения, осудить его, раскаяться и остатки дней наших - послужить предостережением для грядущего поколения.

- Да, вы правы, Юрий Фролович, - ответила Вера, садясь на скамью, - но я скажу откровенно, смотря теперь на вас, я вижу вас впервые таким... ну... глубоко мыслящим. Видно, грех научил нас.

- Не грех, а милость Божия, в раскаянии, - поправил он ее. Не напрасно же народная пословица говорит: "За одного битого десять небитых дают". - Раздевайся и оставь все на месте! - сказал ей Юрий Фролович как-то спокойно, но внушительно, как никогда.

- А дальше? - все еще недоверчиво, спросила Вера.

- Дальше? Вот, оба встанем на колени, глубоко исповедуем нашу ошибку пред Господом и будем просить, как нам поступить дальше. Бог научит и укажет. Веришь ли этому?

- Верю! - ответила Вера Ивановна, - но о вас-то решать нечего; и я не успокоюсь до тех пор, пока вы мне не ответите - вот, сейчас, ясно и со всей решимостью, что вы жене Анне все прощаете и, при первой возможности, возвратитесь к ней!

- Иначе я и не поступлю! - ответил он ей.

Один Бог в это время был свидетелем, в каких сердечных молитвах раскаивались Юрий Фролович и Вера Ивановна. После молитвы они приветствовали друг друга искренне, сердечно, свободно.
- Теперь, давай, обсудим спокойно, как нам поступить, если мне вскоре придется уехать, возвратиться к семье. Оставить тебя одну здесь - это не меньший грех для меня, чем прошлый; ведь, я никогда не забуду, что ты пожертвовала для меня всем. Я поеду домой и уговорю жену, чтобы она, прося прощения, простила и нас обоих, и согласилась переехать сюда со мною, чтобы, тем самым, нам разделить с тобой твою скорбную участь.
- О! Юрий Фролович, но это невозможно, поймите меня, не-воз-мож-но! Прежде всего, она совершенно вправе не согласиться, ведь у вас ребенок. Кроме того, мы по-прежнему должны будем так близко видеть друг друга, ведь, это...
За окном послышались шаги и голос: "Вера Ивановна! Вас срочно требуют в комендатуру".
- Боже мой! - воскликнул Юрий Фролович, - опять что ли, пакость какая? Вроде уж давно оставили нас. Все равно, я непременно пойду с тобой - будь, что будет!
- Нет, Юрий Фролович! Теперь я пойду только одна, Бог милостив, заступится; если же не так - умру! Но честь христианскую сохранить - помоги мне Ты, Господь.
После совместной молитвы она, спокойно оставив избу, пошла в комендатуру.
- А-а, Князева Вера Ивановна?! Редко мы стали видеть вас, - с каким-то сияющим выражением лица, проговорил ей комендант. - Поздравляю вас! По протесту генерального прокурора, ваше уголовное дело пересмотрено в высшей судебной инстанции и производством прекращено - вы реабилитированы полностью. Вот, читайте текст документа сами, а здесь, вот, распишитесь. Скажите, куда едете, чтобы вам приготовить все документы. Завтра, к 10-ти часам утра, вас ожидает транспорт.
Вера бегло прочитала текст постановления, не помня себя, расписалась и робко назвала свой город.
- Вы свободны! Не забудьте - завтра, ровно в 10 утра.
Юрий Фролович с глубоким волнением ожидал, что она скажет, войдя в дом? Но Вера, охватив грудь руками, посмотрев на него, вначале как-то не знала, как начать, но потом, задыхаясь, объявила:
- Вы знаете...! Вы понимаете...! Юрий Фролович, меня реабилитировали! - и тут же упала на колени:
- Боже мой! Боже мой! Неужели я, в очах Твоих, не потерянная... Господи...! Да, что же это такое? Неужели я возвращусь к жизни?.. - так глубоко была потрясена она всем происшедшим. Ей стоило многих усилий, чтобы после молитвы сосредоточиться и собрать себя в дорогу. Руки никак не подчинялись ей, и одну и ту же вещь ей приходилось перекладывать по несколько раз.
Всю ночь, почти до рассвета, они не спали. Оба были поражены тем, как Господь, так быстро, может развязывать и самые неразрешимые узлы и выводить из безвыходных тупиков.
Вера с Юрием Фроловичем прощались дома просто, но оба были удивлены неожиданностью: тому и другому казалось, что все это еще, как сон, пока Вера не села в автомашину и не скрылась в таежной гуще. Долго еще Юрий Фролович удивлялся, почему так быстро и безболезненно они расстались. Но, при рассуждении, пришел к выводу, что все самое острое переболело до этого и что Сам Бог, по Своей милости, управлял их чувствами при расставании. А главное - это то, что грех, связавший их, был оплакан, исповедан, прощен.
До Новосибирска Вера доехала очень быстро, свободно, даже с удобствами, что ее так радовало. Ей представилось, что, тем более, с Новосибирска будет также.
Но, сойдя с поезда для пересадки, она была изумлена многолюдней. В вокзале, на обоих этажах, невозможно было спокойно пройти, тем паче, при посадке на поезд. Зайдя в билетный зал, она, к своему разочарованию, увидела такую неразбериху, что, протискиваясь не менее часа между людьми, едва нашла очередь, которая ей ничего не обещала, раньше двух-трех дней. Причиной такого людского потока была, объявленная многим заключенным, амнистия.
Остаток дня она просидела на перроне, наблюдая, как людская лавина с шумом осаждала вагоны при посадке. Никакой надежды на дальнейший путь она не имела. Всю ночь продремала она на воздухе, на своем чемодане. С рассветом решила отойти от людского потока и, зайдя между резервными вагонами, горячо помолилась Богу, прося Его, что если уж Он вывел ее из того кошмара, то не оставил бы ее и здесь. Молилась усердно, с особым огнем, какой Вера сама почувствовала в себе.
Мимо нее, как она заметила, прошел несколько раз железнодорожный служащий и, проходя последний раз, остановился с вопросом: кого она здесь ожидает?

Вера объяснила ему безвыходность своего положения и причину, почему она здесь уединилась.
Мужчина внимательно выслушал и оглядел ее, и, как-то особенно выразительно, ей ответил:
- Что ж, пусть твой Бог будет, избавляющим тебя, до конца! Пойдем со мною! - и, взяв ее чемодан, помог возвратиться ей на вокзал.
На вокзале он на малое время оставил ее, попросив у нее денег на билет, и вскоре возвратился, передавая ей билет, со словами:
- Сейчас подойдет поезд и вы спокойно на нем уедете, Бог с вами!
Вера поднялась, чтобы ему что-то ответить или спросить, растерявшись от неожиданности, но незнакомец исчез в одной из дверей служебных помещений, не проронив больше ни единого слова.
Едва успела она протащиться по многолюдным лабиринтам вокзала, как к указанному ей перрону, действительно, подошел поезд нужного ей направления и, как ни странно, сверх ее ожидания, как раз так, что нужный ей вагон, оказался прямо против нее. Ни одного человека она не увидела около вагона, кроме его проводника.
Очень вежливо он пропустил ее в вагон, указав место, и помог даже поднять вещи.
Только уже сидя в вагоне и придя в себя, она, закрыв лицо руками, высказала тихо про себя: "И тут, неоценимая милость Твоя, Боже, еще больше склоняет меня к уничижению. Боже, Боже, что Ты делаешь!"
Как какой-то великий могучий меч, отрезал от нее ее ужасное прошлое. Весь путь до дома проехала она в дорогой тишине, мирно беседуя с окружающими, пользуясь, к своему удивлению, особым уважением с их стороны.
Паспорт был выдан ей в свой родной город, где она не жила уже более 15-ти лет. Встретили ее, конечно, с радостью, породному, но без родной мамы Екатерины Ивановны; стены родного гнезда были для нее чужими. На следующий же день, упреки и осуждения посыпались на ее голову, как градины. Вера принимала все это терпеливо, сознавая, что она достойна еще большего. Терпеливо служила своим родным, безропотно выполняя самую тяжелую работу по дому.
Отцовский дом, по завещанию умершей матери, был разделен на всех, по соответствующей доле, в том числе и Вера, имела самую лучшую из них. Но обозленные родственники делали ее жизнь все более невыносимой; и Вера была вынуждена пригласить компетентные и влиятельные посторонние лица, при участии которых ей была оговорена, конкретно, ее доля.
Но жизнь от этого не улучшилась; изменилось только то, что она заимела свой определенный уголок, в котором, смирясь, расположилась жить.
Прошло три года, в течение которых Вере пришлось перенести много жгучих скорбей как от домашних так и от единоверцев. Зоя, возвратившись почти одновременно с Верой Ивановной, возбудила в поместной церкви сильное недоверие к Вере. При приеме ее в члены общины, в самой категорической форме, протестовала против ее членства, считая Веру падшей женщиной, которую только Христос будет судить при Своем пришествии. Много слез выплакала Вера, много перенесла унижения, пока, после полугодового испытательного срока, большинством голосов ее приняли членом Н-ской общины. Но и после этого местом для нее, в собрании, была задняя скамейка.
Ей так хотелось излить душу свою, свое горе и мучения, в присутствии какого-то служителя, кто мог бы ее утвердить и заверить в прощении ее грехов Христом. Наконец, она увидела однажды в собрании дорогого брата, Николая Георгиевича Федосеева - друга юности, старого благовестника. Выглядел он уже старцем, но таким же бодрым, подвижным, как в ранние годы. Она потянулась к нему всей душой; и встреча их в собрании была весьма трогательной. Но на следующий же день узнала, что и он не у всех пользуется доверием, так как в годы гонений не устоял в истине, охладевал, впадал в грех, хотя после этого, не только был помилован Господом при глубоком своем раскаянии, но и личными тяжкими страданиями в заключении, как бы искупил свою вину.
При встрече он, зная о ее прошлом, сочувственно отнесся к ней, но ему она не решилась исповедать свою душу. Поэтому, с какой-то надеждой, ожидала, что Господь пошлет ей желанную встречу с тем, кому могла бы она открыть все; и она молилась об этом.
После отъезда Николая Георгиевича, который, по приезде своем, принес немалое оживление в жизни общины, опять все вошло в старую колею; но Вера все ожидала.

Однажды, убираясь на веранде, через открытую дверь она услышала над собой чей-то звучный, приятный, хорошо знакомый голос:
- Мир дому Князевых!
Поднявшись, она увидела молодого человека: черноволосого, загорелого, прилично одетого. Выражение лица для нее было очень знакомое, близкое, родное. Какое-то малое мгновение она мучилась в догадках: кто же это такой? Но тут же вспомнилось все и, бросив веник, Вера потянулась к нему всем существом: "Павел!"
В открытой двери, действительно, стоял Павел Владыкин.
- Павел!.. Павел!.. - подбегая, ухватилась за руки Владыкина Вера. Ты ли это?.. И в такое время, когда я совершенно потерялась, мучимая внутренним отчаянием... Неужели осудишь и ты?.. - произнесла она, понурив голову, не отпуская руки Павла. - Ну, садись же, садись скорее, - усаживала она его в отцовское, старое кресло в комнате.
Когда они уселись, Вера, извинившись за нетерпение и все прочее, с горечью стала рассказывать ему всю свою историю, все, пережитые ею, духовные потрясения. Она не утаивала от него ни особенностей ее отчаянных обстоятельств, ни интимных встреч с братом Юрием Фроловичем, ни обоюдного падения и, последующих после того, мук раскаяния; затем, неожиданного для нее, такого исхода - что она, вот, здесь, дома.
Владыкин внимательно и терпеливо выслушал ее до конца, наблюдая, как менялось выражение ее лица, в зависимости от передаваемых, пережитых ею, моментов. Не слыша, можно было бы определить, по каким отчаянным ухабам проходили ее жизненные межи. Теперь она предстала пред ним, до крайности измученная жизнью, раздавленная и уничиженная, сознанием собственного недостоинства. У нее еще остались следы, не совсем поблекшей привлекательности, и жажда к жизни, но только теперь она все свои преимущества безошибочно посчитала за сор.
- Павел! - успокоившись и вытирая остатки слез, сказала она. - Я верю тебе и хранила все время, в сердце своем, твой образ, как искреннего, самоотверженного христианина. Меня отвергли, как падшую, но я не перестаю до сих пор обливать раны Христа своими слезами, я верю в Спасителя и хочу жить. Скажи мне, где место в жизни для таких падших людей? Укажи мне его, если ты не такой, как мои судьи.
- Есть место! - ответил ей, успокаивая, Павел. - Есть место и для тебя - на Голгофе, у ног Христа. В нем - Сам Христос, не отказал еще никакому грешнику. Ты уже заняла его, не смущайся и успокойся; есть у тебя и друзья, такие же помилованные грешники, как ты.
Услышав эти слова, ободренная Вера упала на колени и благодарила Господа, что, наконец, Он утешил ее этими простыми словами.
- Что же мне делать после этого в жизни? - спросила она.
- Идти в Церковь и, если хочешь жить тихой радостью и в покое, служи там Господу, чем можешь; и судьбу свою доверчиво предай Ему.
Павел долго просидел со старым другом своей юности - Верой, делясь драгоценными воспоминаниями о тех прекрасных местах, где прошли его межи. Выразил искреннее соболезнование об утрате ее мамы, умершей в разлуке с ней, но, расставаясь, оставил ее утешенной. Вера после этого, в общине, до конца своих дней, прожила с неумолкаемым свидетельством: "Христиане! Не грешите против целомудрия, если не хотите остаться одинокими!"

Глава 14.
Совместные скитания Павла с Наташей.

"И нитка, втрое скрученная, не скоро порвется"
Еккл.4:12
Гавриил Федорович и Екатерина Тимофеевна встретили зятя из России степенно, сдержанно, хотя и не без радостного волнения в душе. Первые дни были проведены за всякими возбужденными разговорами, воспоминаниями о непредвиденных встречах со Скалдиным В.В. и другими, теперь уже общими, друзьями.
Но как ни сладки и торжественны были вечера встреч с друзьями и родственниками, цифры стенного календаря начали томить сердца всех, холодной необходимостью расставания. Павел с Наташей начали усиленно собираться в далекий путь, на Север. В самые последние дни, Комаровы сообщили телеграммой, что Жене

разрешили выезд на "материк", и они уже получили место на океанском теплоходе. Это известие дополнило волнение в сердцах друзей и, особенно, родственников в домах Комаровых и Кабаевых.
Одни радовались, предвкушая долгожданную встречу с Женей, другие, наряду с этой радостью, загадочно всматривались в будущее: "...А как же останутся Павел с Наташей, одни на Севере?" Последние ночи, молодой четы Владыкиных, были почти бессонными. В разных районах города, они до глубокой полночи проводили беседы с молодежью, объединяя их для молитвенного служения и закрепляя этим прочную христианскую дружбу; и как ни старались они после таких бесед, хоть немного раньше прибыть домой, но, как правило, выбегали к остановке трамвая, когда огоньки последнего вагона, к их досаде, безжалостно скрывались за поворотом. А это, значит: час-полтора вынужденной прогулки, по улицам спящего города.
Последние дни, под натиском увещаний милых старичков, пришлось посвятить прощальным беседам с ними; и тогда Екатерина Тимофеевна, как говорят, выжимала в беседе с Павлом все, что так волновало ее душу в духовной области. Наташа, после полуночи, приходила на выручку мужу, но ей это удавалось не всегда: старички, в бесперебойной беседе, спать Павлу не давали, сами же считали для себя позволительным, поочередно подремать. Уже в два-три часа ночи Павел заявлял: "Мама, я все... выключился". Павла, совершенно изнемогшим, Наташа уводила к себе.
Настал день расставания. С утра родные и близкие суетились в узких проходах тесных комнатушек: увязывая, примеряя, раскладывая вещи. После прощальной молитвы, Екатерина Тимофеевна долго глядела в глаза Павлу, потом сказала, без слез, всего несколько слов: "Ну, теперь иди". Провожали до самой большой улицы, где транспорт и людской поток, при посадке в трамвай, безжалостно разлучили их. На привокзальной площади Павла с Наташей ожидало много друзей. Тройным кольцом отгородили они их от внешней толпы, и в эти минуты, от искреннего усердия, выражали свою сердечную признательность и расположение, кто чем и как мог. Десятки рук остались протянутыми в прощальном привете, когда вагон дрогнул и медленно двинулся на Север. С возбужденными криками пожеланий, выскакивали из тамбура, на ходу, наиболее отчаянные из друзей; под мокрыми ресницами покрасневших глаз стушевывалось все: и толпа, бегущих по перрону, друзей, и знакомые очертания города, который стал близким и родным. Панорама благоухающей зелени, как-то сразу оборвавшись, исчезла. Оборвался и шумный хоровод любезных, родных друзей.
Не успели Павел с Наташей еще обменяться впечатлениями о пережитом и виденном ими, а за окном уже потянулись однообразием, пустынные просторы Казахстана. Это понудило их, только теперь, в тишине, погрузиться, в неизведанную еще ими сладость обоюдной новой жизни, в которой они могли почувствовать друг друга, без каких-либо вмешательств посторонних. Больше месяца они провели в путешествии: на колесах и пароходе, по весне, от юго-запада до севера-востока. Владыкины были поглощены перспективами их совместного участия в деле Божьем, в неизвестной для Наташи обстановке.
На третий день пути, в открытые двери вагона, с новыми пассажирами, в вагон дохнуло неожиданно такой свежестью, от которой Наташа съежилась, и назвала холодом. На пятый день за окном, вообще, побелело; и Новосибирск встретил их румяными, от морозца, лицами прохожих. Одежонка у Наташи оказалась, по ее выражению, легкой; и она была очень рада, когда после размещения багажа, они, в поисках "своих", оказались, очень скоро, в натопленном доме друзей. Хозяева - сверстники по годам Владыкиным, любезно приняли их и, при виде уже знакомого им Павла, поспешили проводить в просторный зал. К удивлению Владыкиных, он был заполнен гостями, среди которых Павел увидел несколько знакомых человек. Все сидели за столами, заставленными всякой, искусно приготовленной, стряпней. Шла официальная часть, и Павел с Наташей, пристроившись на конце стола, слушали, как некоторые участники пира рассыпались в любезностях и похвале, в адрес двух личностей, сидевших у передней стены. Один из них был пожилой, властный мужчина, с крупными чертами лица. Его - соседи, по столу, шепотом, торжественно - называли Филипп Григорьевич Патковский. Второй - рядом с ним, был много моложе, и подвижностью выразительного лица напоминал журналиста - это был Мицкевич Артур Осипович.
Оба они отвечали взаимной любезностью тем, кто щедро наделял их кроткою признательностью.
Павел Владыкин приготовился уже было сделать заключение, что это торжество посвящено каким-то итогам деятельности обоих личностей. О Патковском он слышал подробную характеристику в Ташкенте, от своего тестя Кабаева и, особенно впечатлительную, от Седых Игната Прокофьевича - благовестника Сибири. Но, к своему удивлению, Филипп Григорьевич внимательно посмотрел на Павла и сказал:

- Друзья, к нам присоединились гости - брат с сестрой, поэтому я считаю своим долгом, прежде всего, познакомиться с ними.
Павел, поднявшись, представился:
- Меня зовут Павел Петрович Владыкин, родом из центра России; но многие годы провел в неволе за моего Господа. Это моя спутница, Наталья Гаврииловна; два месяца назад мы сочетались с ней, и она согласилась разделить со мною участь отшельника. Мы возвращаемся в места нашего будущего жительства, в Заполярье; по пути заехали сюда, как к родным по духу, если не ошибаюсь.
- О, смотрите, как это прекрасно, Артур Осипович, - учтиво продолжая речь, обратился он к Мицкевичу. - А мы, вот, собрались здесь, к нашим дорогим друзьям, отметить их семейную радость. Но будем очень рады, если вы поделитесь с нами вашим участием.
Владыкин охотно согласился и, открыв книгу Иисуса Навина 24 главу, 15 стих, прочитал: "...изберите себе ныне, кому служить, богам ли, которым служили отцы ваши, бывшие за рекою, или богам Аммореев, в земле которых живете; а я и дом мой будем служить Господу".
- Друзья мои, - начал он, - мы во многом счастливее того общества израильского, к которому обращался тогда Иисус Навин, тем, что отцы, некоторых из нас, служили только истинному, живому Богу и закончили свою жизнь в страданиях, отстаивая чистоту и святость служения. Их нет, остались мы, и с нами - Дух той самоотверженности, какой почивал на них; но почил ли он на нас, как на Елисее после Илии, об этом нам следует рассудить. Прочитанное место, я предлагаю рассмотреть с разных сторон: служу ли я, прежде всего, Господу? А если я не служу Господу, как будет служить Ему дом мой? Или: нет ли такого случая у кого, что дом служит Господу, а я неизвестно, кому служу, и нет единодушия в служении? Может быть, и я, и дом мой совершаем служение, но есть ли полная гарантия, что мы служим Богу, а не чужим богам?
Наконец, очень важно отметить, что Иисус Навин сказал уверенно: "Я и дом мой будем служить Господу". И он всем домом служил, прежде всего, потому, что домашние были строго воспитаны в Духе Господнем, а самое главное - ему не трудно было сказать: "будем служить Господу", потому что он служил Ему от юности и оправдал это служение до смерти. Израиль поклялся тоже, сказав: "и мы будем служить Господу..." (ст.18), но не служили Ему, потому что не служили Ему до этого, и как они могли служить после этого?
Проповедь была краткой, но свежей и свободной, поэтому все присутствующие были глубоко тронуты, хотя, может быть, она на них произвела разное впечатление. Тут же, после нее, Филипп Григорьевич вдруг заторопился и, призвав к молитве, направился вместе с Мицкевичем к выходу, объясняя это занятостью.
Павел обратил внимание, что некоторые из присутствующих последовали за ними. Проходя мимо Владыкина, Патковский протянул руку для приветствия, сдержанно пожал руку гостя и тоном, не позволяющим возражения, проговорил, почти на ходу:
- Завтра, до 12-ти дня, я вас со спутницей жду у себя, адрес вам здесь скажут.
- Простите, пожалуйста, - ответил Павел, - но я боюсь, что не смогу, ведь я проездом...
- Нет, нет, - возразил Патковский, - вы должны непременно. Слышите?!
Мицкевич, с выражением легкой улыбки, поддерживал своего сотрудника. Владыкин был очень смущен непривычным тоном, каким обратился к нему служитель. В детские и отроческие годы, он на служителей братства смотрел с каким-то внутренним трепетом и считал себя бесконечно счастливым, если кто из них уделял ему внимание; их речи в его ушах запечатлелись, как неземная мелодия. Здесь было как-то иначе. Вообще, такой оборот речи ему был совсем не нов, но он исходил, как правило, от тех властителей, которые руководили его судьбой; а ведь - это же служитель братства христиан, с именем которого он был отчасти знаком.
Павел ответил коротко, но такими словами, какие вдруг оказались в его устах:
- Простите, но я пока свободен от очень многих обязанностей, являясь слугою моего Господа, тем более, что мои обстоятельства принуждают меня оказывать предпочтение тем, с которыми я уже связан какими-то обещаниями.
Слышал это его собеседник или нет, но промолчал. Оставшиеся, сразу же пересев, окружили Павла с Наташей, убедительно прося рассказать о жизни страдальцев, на что Павел с радостью согласился.
Однако, среди оставшихся оказалась, покрытая сединой, старица и, обратившись к Владыкину, сказала:
- Вы, я вижу, мало знакомы с нашими дорогими Филиппом Григорьевичем и Артуром Осиповичем - это милые братья, которые день и ночь пекутся о стаде...

- Сестра, - возразил ей Павел, - мы же весь день сегодня только и слушали о их доблестях, да они и остаются с вами; а, вот, о тех, кто томится в узах за имя Господа, мы почти ничего не знаем; а нам это очень нужно знать.
- А! Узы, узы, что там интересного, слушать про эти побои, голод, арестантские лохмотья, крики... - возразила старица, - те, кто мудры, давно уже там не сидят; и как это может быть: одни рады полученной свободе, служат и живут с семьями, а другие - сами себе ищут приключений, через упорство и гордость - пусть и пеняют на себя.
- Как?... И это вы?... У-у-у-у!... - загудело все кругом.
Старушка, совершенно неожиданно для себя, убедилась, что она оказалась чужой среди всех ее знакомых, и, дико озираясь на окружающих, порывисто встала и немедленно вышла из дома.
До глубокой ночи, не смыкая глаз, оставшиеся провели время в оживленной беседе, задавая самые разнообразные вопросы, волновавшие их душу, особенно, в отношении той свободы служения, какая, всем им, казалась мнимой. Расставаясь, Павел, не скрывая, заметил: "А это, друзья, свобода в кавычках".
На следующий день Владыкин был поглощен сборами в дальнейший путь и мучительной проблемой транспорта (при колоссальном многолюдий, в результате послевоенного передвижения людей). Только после обеда, они радостно благодарили Бога, вместе с хозяином дома, за благополучие, в чем большое участие принял брат-хозяин, будучи работником железной дороги. Поэтому к Патковскому Павел с Наташей прибыли уже к концу дня и, прямо у двери, были встречены упреком:
- Брат, я очень огорчен вами, ведь я же предупреждал вас, до 12 часов. Мы очень заняты, и мне нужно было с вами поговорить, так же, вот, и брату Артуру Осиповичу, - раздраженно начал Патковский, усаживая Владыкина.
Павел открытым взглядом, с улыбкою на лице, посмотрел на собеседника и спокойно ответил:
- Филипп Григорьевич - это зависит только от вас самих, а я, вот, благодарю Господа за ту свободу, в которой нахожусь, хоть она и дана мне ценой уз, какие еще и до сих пор ношу. Раздражаетесь вы на меня напрасно, я ограничен сроком явки в порт для моего следования и с утра добывал билеты: вначале на самолет, потом уж на поезд.
Услышав объяснение, оба они с Мицкевичем заметно успокоились.
- Я, вот, с утра жду вас, чтобы вручить вам материальную помощь, - продолжал он, подавая Владыкину сверточек с деньгами, - возьмите, это от меня, безо всяких предубеждений.
- Э-э-э! Вот, за этим, вы меня ждали совершенно напрасно, - возразил ему Владыки, - я денег у вас не возьму.
Непривычный оборот совершенно ошеломил Патковского.
- Как не возьмете? Почему?
- Прежде всего, потому, что я в них не нуждаюсь, у меня денег достаточно, да и резервы не ограничены, а во-вторых, - я вас не знаю.
- Как не знаете?! - с удивлением и явным оттенком возмущения, обратился к Павлу собеседник.
- Так и не знаю. Я знал Филиппа Григорьевича Патковского до 30-х годов, как слугу Божьего, в Сибирском братстве баптистов, по журналу. Теперь не знаю вас, кроме как служителя ВСЕХБ.
- Я понял вас, - ответил Патковский, - и скажу вам, хоть ваш жест и обижает меня, но рад увидеть в таком молодом проповеднике строгую принципиальность, пожалуй, это теперь необходимо. Вначале я в душе негодовал на вас, объясняя все вашим своеволием, но теперь, признаюсь - ваша уравновешенность принуждает меня признать вас человеком и глубины, и высоты. Вам, наверное, не следует объяснять положение ВСЕХБ и служителей его, в связи с некоторыми компромиссными условиями, ценой которых, вновь открыли мы собрание и здесь, у себя, в Ташкенте, да и в других местах. Но, дорогой брат, вы поймите нас, что мы ничего другого не нашли, как пойти на ряд уступок, чтобы сохранить братство в нашей стране, а впоследствии, Бог даст, и отвоевать прежние позиции. Поэтому, предлагая эти средства, заверяю вас, что они текут по чистым каналам, и я, передавая их вам, прошу принять от моего чистого сердца, как страдальцу-христианину, сохранившему достоинство.
- Филипп Григорьевич, не приму! По каким бы они чистым каналам не текли, источник сам не чист. Ошибаетесь вы и в том, что, пойдя на компромисс, рассчитываете обхитрить противников впоследствии. Богу хитрецы ведь не нужны: ни теперь, ни во времена Гедеона. Ему нужны верные и преданные до конца, и Он их найдет, если не во мне и не в вас, то в других, но найдет и дело совершит, и на этом деле поставит печать, что это дело Божие, а перед Ним все враги окажутся бессильными.

Теперь вы рассчитываете, впоследствии отвоевать прежние позиции, но чем же вы воевать собираетесь, если всеоружие Божие сдали без боя? Скажу вам прямо и безошибочно: ни вы, ни ваше потомство - не отвоюете даже прежних позиций братства. Господь воздвигнет другое наследие и от другого корня, как во времена Саула и Давида.
Во время разговора Мицкевич вышел; и Патковский, пододвинувшись поближе к Владыкину, вполголоса проговорил:
- В таком случае, прошу тебя убедительно, возьми, вот, этот сверточек - это собрали некоторые, из присутствующих вчера, тайно и просили передать, как от друзей.
- О! Это другое дело, - воскликнул Павел, - это я приму и положу близко к сердцу, так как они собраны от скорбящих сердец, независимо, сколько здесь - рубль или сто рублей.
Патковский глубоко вздохнул, и Павел заметил, как под ресницами его глаз появилась влага. Было ли в этом сознание своей роковой слабости или другое что, но Павел был рад и тому; поэтому они, вместе склонившись, кратко помолились. Павел благодарил Бога, что через это служение он имел связь со скорбящими душою, что он принимает это служение, как из чистого источника, хоть и по загрязненному каналу. А когда встали, то, после приветствия, он добавил Филиппу Григорьевичу:
- Узбеки говорят, что арычная вода, протекая по озелененным каналам, через километр очищается и становится пригодной.
- Брат, Павел Петрович, - озабоченно сообщил он, озираясь на дверь, - с вами хотел побеседовать Мицкевич и расспросить о вашей жизни, о ваших связях там, с заключенными братьями, и, если вы несете там, какое служение, то какое, именно, и кем на это уполномочены, так что имейте это в виду, - сказал Патковский.
- Филипп Григорьевич, напрасно он меня столько прождал, собеседником я ему быть не смогу, и вы объясните ему сами, как сможете. Спутником в те места - пожалуйста, очень рад, а собеседником - нет. А теперь, я очень хотел бы познакомиться с вашей семьей.
Патковский провел Владыкина в столовую, где их ожидал обед, но, к удивлению Наташи с Павлом, в обеде участвовала только самая младшая дочь, которая при беседе была мало откровенной.

* * *

Покидая Новосибирск, Павел с Наташей были очень рады, что нашли себе в нем близких друзей, с которыми впоследствии имели немало благословенных встреч. От самого Новосибирска до Иркутска, по-зимнему, угрожающе пуржило; и Наташа, преждевременно, предвкушала горечь северной идиллии, как бы красиво, в эпизодах, не изображал Север Павел.
В Иркутске им предстояла пересадка на свой поезд и, разместив с трудом свои пожитки, какими наделили их друзья из Ташкента, они пошли разыскивать "своих" по адресу, какой им рекомендовал Патковский. Нашли без труда, причем недалеко от вокзала.
Семья, в которой они остановились, состояла из хозяюшки-сестры Вари, ее матери, уже в старческом возрасте, ее мужа - тихого скромного труженика и двух детей, в возрасте 16-18 лет. Любовь Владыкиных к пению, в лице сестры Вари, нашла полного единомышленника и несколько сблизила их, рассеивая какую-то необъяснимую напряженность. Вечером они пошли на собрание, которым руководил совершенно дряхлый старичок. В предложенной проповеди, Павел говорил о любви Божией, но в собрании царило такое безразличие и сон, что ему надо было прилагать большие усилия, чтобы Слово Божие, хоть сколько-нибудь, привлекло внимание слушателей; однако, к концу, у троих или четверых появились слезы умиления, с которыми они и опустились на колени. Маленький хор, под управлением сестры Вари, нестройно закончил богослужение, а после него к гостям подошли не более, как те, кто были тронуты проповедью. По дороге шли вместе, и сестра Варя приступила к оживленному разговору:
- Брат, Павел Петрович, я, вот, при всех, открыто хочу вам пожаловаться на наши обстоятельства. Совсем недавно нам разрешили, после большого перерыва, открыть собрание. Ой, сколько мне пришлось побегать, убеждая верующих собирать средства, необходимые для приобретения дома молитвы и открытия; наконец, все нашлось, а как же быть с пресвитером? Сразу пришел на память наш служитель в прошлом, дорогой брат пресвитер. Как за дорогую находку, я ухватилась за эту мысль и была непоколебимо уверенной, что он, услышав об открытии общины, с радостью возвратится на свое место; но, увы, при встрече мне пришлось горько

разочароваться. Брат занимал, хорошо оплачиваемую, должность в театре и, убедившись, что наша маленькая общинка не способна будет возместить ему его ежемесячного оклада, получаемого там, не согласился на предложение. Невольно, мне пришлось обратиться к этому старцу, без ноги, который принял служение, не поставив никаких условий.
Наконец, слава Богу, служение началось, но тут опять беда; в нашем маленьком хоре совершенно отсутствуют, сколько-нибудь способные, ведущие бас и тенор. Тут никого не нашлось, поем кое-как с теми, кто есть, но у меня к вам будет вопрос: нельзя ли будет пригласить, за плату, баса и тенора из необращенных? Что вы на это скажете?
Павлу вначале показалось это шутливой иронией, но, посмотрев на сестру Варю, он увидел, что она спрашивает совершенно серьезно. Владыкин несколько помолчал, но на повторный вопрос ответил с рассуждением:
- Ну, что же, давайте с вами вместе обсудим. Значит, вы хотите рублей за шестьсот нанять, допустим, поношенного, т.е. в годах баса; такого вы, пожалуй, можете подыскать из старых церковных певчих, там некоторых за пьянку выгоняют. Насчет тенора - ну, хорошего, лирического вы можете подобрать только в театре, он с вас возьмет не меньше восьмисот рублей в месяц. - При этих словах все с удивлением смотрели на Владыкина: что это он говорит, кроме самой Вари, которая по-прежнему оставалась серьезной. - В таком случае, вам, уже заодно, придется подыскать за тыщонку пресвитера, вместо этого старичка, без ноги, - продолжал Павел, - но тогда вам придется сменить и вывеску на доме молитвы.
Все слушающие улыбнулись от такого неожиданного вывода, а сама сестра Варя, рассмеявшись, умолкла и так, пристыженной, дошла до дома.
- Ну, брат Павел Петрович, вы и подъехали ко мне, а я-то, ведь, начала спроста...
- Дом Божий - это не балаган, к которому можно подойти спроста, а надо подходить с постами и молитвами, да со страхом Божьим, тогда он останется домом Божьим; и не вам к этому подходить, а достойному брату-служителю.
Прожив целый день в их доме, в ожидании поезда, Павел пронаблюдал, что сестра Варя, кроме своих домашних житейских дел, была полностью поглощена распоряжениями и по дому молитвы. Муж ее оказался вдумчивым, серьезным христианином и очень практичным хозяином, но властность и бесшабашная распорядительность Вари - всех в доме привела к удрученному настроению.
Перед отъездом к Павлу подошла старушка, ее мать, со слезами, что ей от дочери нет никакого житья. Выслушав ее, он ответил:
- Бабушка, только один Бог может управляться с такими "директорами", потерпите, милая, все-таки в чужих людях вам будет еще хуже.
При расставании сестра Варя подошла к Павлу и сказала:
- Брат, слушая вас и глядя на вас, я чувствую, что вы многое имели бы мне сказать: почему вы молчите? Скажите все-все, я выслушаю; выполнить, может быть, теперь не смогу, может быть, выполню позднее.
- Ну, что ж, сестра, хотите, так слушайте, - начал Павел, - прежде всего, в доме главою являетесь вы, а не ваш муж, поэтому...
- Ну, в этом уж вы неправы, - с обидой остановила его сестра и стала изливать целый поток доводов, в защиту своих поступков.
Павел терпеливо все выслушал, затем, подав руку на прощание, сказал:
- Ну, для меня времени не осталось, мы спешим на поезд; а вам скажу на память одно: видно, сейчас ваше время; когда оно кончится, вы увидите, какой жалкой вы окажетесь, но будет поздно. До свидания!
Посадка в поезд была у Владыкиных, на редкость, удачной; очень хорошо разместились они и в вагоне. При прощании муж Вари заплакал и просил их с Наташей молиться о них.

* * *

Во Владивосток ехали почти целую неделю. По дороге Павел, со всеми подробностями, рассказывал жене о памятных местах, где десять лет назад он в одиночестве проводил жуткие дни и месяцы. Перед окном медленно проплыло ущелье, которое тогда называли "Скалы"; затем, достопамятное Облучье, а в нем - дорога на "Кожевничиху"; центральная тюрьма под горою, перекосившаяся избушка, где умерла Зинаида Каплина; конбаза, где провел последние дни, перед освобождением, Афанасий Иванович Якименко; потом "Соколовская

падь" с развалинами страшной лесной фаланги, с Кутасевичем во главе. Наконец, туннель и Лагар Аул с серенькими домиками, среди которых малая хатенка деда Архипа с Марией торчала, сквозь проваленную крышу, полуразвалившимся, почернелым остовом русской печи. Наконец, Павел, прильнув к окну, с замиранием, увидел кучу почернелого хлама на месте избушки, а за поредевшим поселком первой фаланги - неизменный "Хораф", по-прежнему, обмывающий скалистую насыпь. Панорама воспоминаний оборвалась станцией Известковой, которая, из нескольких пристанционных домиков на мшистом болоте, превратилась в таежный промышленный поселок.
Владивосток встретил Владыкиных нежным веянием мягкого морского ветерка и своеобразием портовой суеты. Долго смотрел Павел на бухту "Золотой рог", откуда десять лет назад, в составе нескольких тысяч, его отправляли на океанском судне на Колыму. Невольно ему вспомнились детали пережитого, особенно кружок выдающейся интеллигенции на пересылке, которых он приравнял тогда к куче мусора. Перебирая в памяти лично каждого из них, в действительности, установил, что определение Божие, которое он высказал им тогда, сбылось с поразительной точностью: в живых остался только командир дивизии, реабилитированный в 1938 году, остальные сгорели в огненном шквале, ранее описанных, событий.
Во Владивостоке Владыкины, в конторе представительства, отметили свое прибытие, зарегистрировались для получения продовольственных карточек и дальнейшего продвижения на Колыму кораблем. Предупредили транспортное агентство о своем багаже, который следовал за ними из Ташкента. Затем, помолившись Богу, пошли искать своих по вере, и Господь ответил им немедленно: в городе, проходя мимо водопроводной колонки, они спросили одну из женщин о верующих, та, к удивлению Павла, указала им на квартиру, расположенную прямо перед ними. К счастью, у крыльца сидела хозяюшка, которая оказалась милой, гостеприимной сестрой и немедленно пригласила в квартиру. Из расспросов стало известно, что пресвитер и еще несколько братьев арестованы несколько лет тому назад; община распущена; верующие общаются отдельными группами, по личной инициативе.
В тот же день они познакомились с другими семьями и, в частности, с осиротевшей семьей пресвитера, которая жила рядом с тюрьмой и вынуждена была страдать неутомимой скорбью, видя день и ночь перед своими глазами высокое мрачное здание тюрьмы, в котором бесследно исчез ее муж, отец и служитель Церкви. Вскоре нашлись и пламенные души, из числа многодетных, которые, несмотря на вереницу нескончаемых дел по дому, оставили все и к вечеру обеспечили встречу с рассеянными христианами.
Дух Божий особо посетил собравшихся, которые несколько часов провели в слезах умиленного раскаяния, а последний час - в пылу неземного восторга. Среди собравшихся, особенную радость доставляли дети, с великой ревностью хвалящие Бога стишками, пением и даже молитвами. После этого среди христиан установилось регулярное общение, но, увы, к стыду имеющихся оставшихся братьев, временное наблюдение за оживающей общиной было поручено сестрам. Через несколько дней Павлу с Наташей пришлось оставить скорбящих и ехать в порт отправления, для оформления и дальнейшего следования на Колыму.
По прибытии, чета Владыкиных, со многими другими ожидающими, получили место в доме ожидания, отдали документы на оформление предстоящего плавания и с удовольствием побродили среди распускающейся зелени Дальнего Востока. Но, получив известие, что корабль еще где-то в пути, они решили посетить город Сучан, где когда-то Наташа с семьею пытались устроить свою жизнь.
Такая же живая молитва веры Павла с Наташей привела их, без каких-либо затруднений, к "своим"; а день был субботний. Сестра, с которой они встретились прямо на дороге, отнеслась к ним недоверчиво, холодно и отвела к другой сестре, по соседству. А здесь, к великой радости, вторая сестра узнала Наташу с прошлых лет и оказала самое горячее гостеприимство, приют и ночлег, а утром воскресного дня поторопила всех на собрание. Павел был очень рад, в этих дебрях, найти общину, как он заключил, состоящую из живых христиан, которая во многом напоминала ему свою родную Н-скую, где проходило детство. Однажды Павел слышал, что одну из церквей этой местности, в годы народных волнений, постигло большое испытание. Местность в то время неоднократно переходила из рук в руки, воюющих между собой сторон. В один из праздничных дней, когда верующие со своими детьми и гостями собрались прославить Господа, руководимая злобой, вооруженная толпа окружила помещение, наполненное верующими. С гиканьем и бранью, потребовали немедленно разойтись, но из христиан ни один не покинул помещения. Тогда раздались вокруг помещения беспорядочные выстрелы, а после них, некоторые из налетчиков попытались ворваться в дом, чтобы учинить насилье, но и этого им не удалось. В

ответ на буйство злых людей, вся церковь встала на колени и начала молиться. Среди налетчиков, водворилась, вдруг, тишина, а затем заметно было, что они приступили к исполнению, какого-то другого, плана. За стеной послышались удары молотков и топоров: моментально, дверь и окна помещения были забиты досками. После этого, из соседнего леса, налетчики, очень дружно, принесли ветвей и сухих сучьев, обложили ими весь дом, а затем, к ужасу немногих окружающих жителей, облив керосином все это, подожгли. Вскоре треск горящего хвороста и запах гари проник в помещение, огонь быстро охватил кольцом все здание. Среди обреченных начались детские крики, а затем первые признаки паники, но старец пресвитер, возвысив голос, обратился к христианам:
- Братья и сестры! Прежде всего, во имя Иисуса Христа - успокойтесь!!!
В помещении водворилась тишина.
- Слово Божие нам говорит: "Возлюбленные! Огненного искушения, для испытания вам посылаемого, не чуждайтесь, как приключения для вас странного..." Это не странное приключение, это путь наших отцов, наших дедов, путь первых христиан.
В это время все присутствующие видели, как лицо пресвитера просияло неземным светом.
- И если угодно Господу, чтобы нам и детям нашим прославить Его этой мученической смертью, то Он даст нам дух твердости и мужества. Поэтому, возьмите друг друга за руки, встанем на колени и молитвенно запоем:
Ближе, Господь, к Тебе, ближе к Тебе,
Хотя б крестом пришлось подняться мне;
Нужно одно лишь мне: Ближе, Господь, к Тебе,
Ближе, Господь, к Тебе, ближе к Тебе...
Все помещение наполнилось таким мелодичным и благоговейным пением, что некоторые из присутствующих думали: "Видно, сами ангелы поют здесь с нами..."
Сердце обреченных христиан не дрогнуло ни на мгновение, все забыли и самих себя и ужас, окутавший их извне, а едкие струйки дыма, проникая через щели, наполняли помещение...
Вдруг, сквозь треск горящих дров и хвороста, послышались вначале пулеметные очереди, затем людские крики, какая-то возня, топот человеческих ног и команды, одна за другой. Затем треск сучьев постепенно прекратился, с окон, одна за другой, слетали доски, а после нескольких ударов, дверь моментально растворилась.
- Выходи! - послышалась властная команда.
В дверях, с руками запачканными грязью, стоял командир регулярных войск и был крайне изумлен, увидев в открытую дверь взрослых и детей, стоящих молитвенно на коленях. В ответ, на команду - выходи! - не последовало никакого движения, люди продолжали молиться. Командир снял головной убор и, в благоговении, стоял на пороге, не смея войти внутрь, а за его спиной, горя любопытством, стояли воины регулярной армии.
Старец-пресвитер со всей церковью, теперь в слезных молитвах, благодарил Бога за избавление от ужасной смерти. После молитвы, один за другим, неся и ведя за руки детей, выходили христиане на улицу. Последним вышел пресвитер, учтиво поблагодарив воинов и командира, за их великий подвиг...
Владыкин, когда осмотрел собравшихся, подумал: "А, может быть, здесь и есть кто, из тех героев веры, которые были обречены к огню?"
Ему предложили сесть у кафедры, а Наташу усадили в хор. В ходе богослужения было заметно, как все были озадачены одной мыслью: "Что это за гости?" Поэтому, пресвитер не замедлил предложить Павлу слово. Встав на проповедь, Владыкин под впечатлением упомянутого воспоминания, стал проповедывать на тему огненного испытания. Все собрание было охвачено умилением, и после проповеди, не менее часа, церковь, в горячей молитве, простояла на коленях. В заключение, гостей вдохновенно приветствовали. Здесь же были организованы столы для трапезы любви, где наслаждение продолжалось еще полтора-два часа.
С большим сожалением, неохотно, провожали новые друзья своих гостей, которые, так сразу, стали близкими, любимыми, дорогими.

* * *

В порт Наташа с Павлом возвратились перед вечером, по дороге обменялись своим предчувствием: "А что, если, по возвращении, мы встретим дорогих наших Женю с Лидой?" Предчувствие оказалось ненапрасным. Входя в поселок, прямо на площадке между построек, они, к своему изумлению и радости, горячо обняли своих друзей,

как и предполагали. После краткого обмена новостями, было решено: на сопке, среди зелени, совершить Вечерю Господнюю и дружескую трапезу любви.
При отъезде из Ташкента, в кругу христиан и при участии служителей Церкви, Павлу Петровичу Владыкину было вручено право к священнодействию по тем местам, где ему придется быть.
Обе подруги, Лида с Наташей, после горячих объятий принялись за организацию общения, а Павел с Женей нашли место, соответствующее их настроениям и желаниям. Место нашлось на вершине невысокой сопки, в тени развесистого дуба, на изумрудном ковре пробивающейся зелени. Май на Дальнем Востоке особенно щедр разнообразием цветов и ароматов.
Когда было уже все приготовлено, разложено, друзья встали на колени и усердно благодарили Господа за чудо избавления, какое Он начал являть им, а Женя уже получил его. После молитвы, за праздничным чаем, Женя рассказал, что врачебная комиссия, при участии его друга-врача, определила для него возможность возвращения с Севера в родные места. Рассказал, каким трогательным, но тем не менее желанным, было расставание его с сотрудниками и товарищами в Усть-Омчуге. Что его девятилетнее пребывание на Колыме, сильно подорвало его здоровье, и что, в лице жены Лиды с дочерью, Бог послал ему предвестников избавления. Но обрадовал Владыкина тем, что их комнатка (со всей мебелью и даже всякими продуктовыми запасами) осталась закрепленной за ними. В ней сейчас поселился комендант поселка, наш брат в Господе, и ждет их возвращения. Что после себя они оставили, даже, в двух местах, посаженные овощи.
В свою очередь, Павел рассказал им о всем, что было пережито ими с Наташей, и как Господь наградил их за перенесенные скорби; что в их браке они видят безусловную волю Божию, и видят, что они соединены, в благословение друг другу. Возвращались они уже поздним вечером, счастливыми, довольными; спали спокойным, мирным сном.
Следующие дни были заняты хлопотами: Комаровы оформляли отъезд на поезде, с наименьшими затратами на пересадках, отбирали и получали с корабля багаж. Наконец, был тот день, когда Комаровы погрузились в "телячий" вагон-теплушку, который назначен был в Азию, до самого места их выгрузки; Владыкины сели с ними вместе, чтобы проводить их, и после самим проехать во Владивосток для получения багажа.
В вагоне, уже в последние часы, Павел обратился к своим друзьям:
- Женя и Лида, Бог знает, как я благодарен Ему, а так же и вам за ту, непомерно великую, заботу, какую вы оказали мне. Мы, обоюдно теперь убедились, что наши судьбы сплелись в единый канат. Дай Бог, чтобы он не порвался, и еще хуже, чтобы кто-либо из нас не отпал от дорогой дружбы, в которую соединил нас Сам Бог. Но наряду с этим, я считаю своим долгом пред Богом и вами, заметить вам кое-что такое, что тревожит меня: Лида! Меня тревожит и внешний твой вид, и манеры поведения, как с твоим мужем, так и с прочими мужчинами. Это, конечно, для женщины, может быть, естественно, так как в Ташкенте ты была одной из полмиллиона, поэтому растворялась в кругу других; в Усть-Омчуге - ты, всего десятая из своего круга, и заметная для всех. Вот, когда я увидел тебя впервые: в маленькой душегреечке и простеньком платьице, я сказал - это христианка-сестра. Через полгода я увидел тебя в модной блузке, с кокетливым оттенком в движениях, и сказал - это дама, с притязаниями на внимание к себе.
Вначале я видел тебя любящей женой своего мужа, окружающей его заботами. Посторонние были для тебя чужими, далекими. Впоследствии твой муж остался одиноким, а ты оказалась окруженной поселковыми поклонниками, с которыми ты делилась звонкими шутками и кокетливым смехом. Ты не хочешь рожать детей. Поэтому, скажу тебе, безошибочно, словами Всевидящего Бога: "Грех лежит у дверей твоего сердца; он влечет тебя к себе, но ты господствуй над ним". Так было некогда сказано Каину, но он не послушался и убил брата своего. Твой муж для тебя становится все более чужим, чужим ты его сделала и для твоей дочери.
Смотри, ты поехала спасать мужа и разделить с ним судьбу. А какой ты возвращаешься, с Колымы? Осмотри свое сердце, на коленях, пред Богом.
На это обличение Лида вначале вспыхнула, разразилась целой серией оправдательных доводов, но вскоре смолкла и, заливаясь слезами, утихла. Женя сидел с опущенной головой.
- Друг мой, - обратился Павел к Комарову. - Я не нахожу тебя виновным во всем том, что высказал твоей жене, и проникнут к тебе самым глубоким сочувствием; но духовный светильник твой гаснет; у тебя нет огня и ревности в служении, по сравнению с тем, как рассказывали о тебе друзья, и ты сам. Твоя природная кротость не делает тебя самого блаженным и не служит к славе Божьей, тебе нужно какое-то сильное обновление; и мой совет: по

приезде, не становись на святое место служения таким, какой ты есть, но очистись, освятись, загорись огнем - иначе все потеряешь.
- Павел, дорогой брат мой, друг мой. Я все это вижу, понимаю, страдаю, но сил нет. Молись за меня, не переставай. Молиться буду и я - огонь придет, он от Господа.
После разговора Павла с Женей, Лида подошла к Наташе, взялась за рукав ее тоненькой телогреечки и сказала:
- Наташа! В этом ты не проживешь на Севере, сними это - отдай мне, а на Север возьми, вот, мою шубу. - С этими словами она отдала подруге шубу, а та, с благодарностью, отдала свою телогрейку. Что это был за жест - неизвестно.
Поезд остановился на узловой станции, где Владыкиных уже ожидал пассажирский. Все встали и после краткой молитвы, совершенной Женей и Павлом, Владыкины поспешно вышли из вагона, торопясь во Владивосток; Женя с Лидой продолжали свой путь дальше. Во Владивостоке, Владыкины получили свой оставшийся багаж, направились в порт, для посадки на океанское судно. Тревожные мысли пугливо заглядывали в окно души Павла: неизведанное до сих пор чувство ответственности, за другую, совсем еще молодую жизнь, которая стала сразу, вдруг, частью его жизни, заметно волновало сердце. Наташа лежала рядом, на зеленом майском коврике из душистых трав, под деревцем, в ожидании сигнала к погрузке на теплоход, и сладко дремала. Павел, глядя на спокойно-беззаботное выражение ее лица, подумал: как можно быть такой спокойной, получив такой жизненный жребий, в суровую будущность? Для Павла она стала родной стихией; да, но сколько раз, эта стихия, леденила смертным ужасом его мятежную душу.
Вся жизнь состояла из бурных порывов, и в течение прожитого десятилетия у Владыкина сформировался холерический, т.е. порывистый, быстро восприимчивый характер, обладая которым, он на всякое предприятие, за редким исключением, устремлялся, вздыбившись ретивым конем, готовым разнести все, что встречалось помехою на пути. Но, увы, зато в жизненных тупиках, иногда, отчаяние повергало его глыбой на самое дно уныния и, как правило, тогда, когда выворачивалось на своих лабиринтах, невзначай.
В Наташе, на первых же шагах их совместной жизни, он обнаружил совершенную противоположность. Ее уравновешенность, вначале, у мужа вызывала негодование, но, убедившись в том, что она основана на уповании в могущество и милосердие Божие, мало-помалу стал ценить это, пока, наконец, она не объединила их во многих видах совместного служения.

* * *

К погрузке на теплоход пришла команда ночью, и для Наташи это было еще не испытанным делом. Теплоход, причудливо освещенный мириадами огней, напоминал таинственное чудовище, во чреве которого с поспешностью исчезали самые разнообразные грузы, и пестрой бичевой - людской поток. Периодически, на нем что-то ухало, строчило металлической прошвой, скользящих цепей. Над всем этим, периодически, раздавались, по-морски скупые, команды и чувствовалось, что все это исходило из единого центра, координирующего все движение на корабле.
Наконец, воздух потряс мощный гудок, оповещающий все население бухты и порта, что все приготовления окончены, и теплоход готовится к отплытию. Тело чудовища дрогнуло и тихо зарокотало своеобразным ритмом; с поспешностью убирались трапы и все, соединявшее теплоход с пирсами порта. Образовавшаяся черная полоска, между бортом корабля и причалом, быстро расширялась, пока, под лучами прожекторов, не засеребрилась внизу, пенящаяся от винтов, водная гладь залива. Ровно без одной минуты, в 23:59, с воскресенья на понедельник, после протяжного гудка, теплоход отправился в свое недельное плавание из порта и вскоре стал скрываться в ночной мгле, скользя по мелко ребристой поверхности Японского моря.
Весь следующий день чета Владыкиных провела на палубе, созерцая безбрежные морские просторы, которые удивляли их особенностью жизни пернатых и обитателями морской пучины: стремительные полеты чаек и альбатросов, неотступные эскорты прожорливых акул-селедочниц и прочие диковины - вызывали восхищение у Наташи с Павлом, да и у остальных пассажиров. Но, увы, скоро все это изменилось, в результате резкого похолодания, как только они вошли в пролив Лаперуза, а затем в Охотское море.
С замиранием сердца, наблюдала Наташа, как за бортом чаще начали попадаться льдины. Вначале они были незначительными, и теплоход отбрасывал их, как бы с презрением, в сторону; но через три-четыре дня забелели целые ледяные поля, которые приходилось обходить стороною. Однообразной и унылой, стала и жизнь на

кораблe. На палубе встречались только отдельные скучающие пассажиры, основное население пряталось в трюмах, что предпочла и Наташа.
Однажды ночью Павла разбудила молодая жена, жалуясь на свое скверное состояние и обратив его внимание на необычайное явление - все помещение огромного трюма то мерно вздымалось вверх, то проваливалось в какую-то невидимую пропасть. На море разразился шести-семибальный шторм, и теплоход оказался в его власти. Дело в том, что обходя ледяные поля, судно было вынуждено подойти ближе к Курильской гряде и Тихому океану, который оказался на сей раз далеко не тихим. Периодически, ощущались могучие удары, разбушевавшейся стихии, о борт корабля и слышался металлический скрежет, каких-то подвижных, его частей.
На палубе, после одного из штормовых шквалов, раздался вдруг оглушительный грохот, который переходил с одного конца в другой. Впоследствии выяснилось, что часть оборудования оторвалась и, носясь по палубе, ударилась в колесный транспортер, который, сорвавшись, в свою очередь, учинил такой грохот, пока очередной вал не выбросил его за борт теплохода.
Павла влекли подобные стихии неизъяснимым магнитом, и он любил встречать их открытым лицом. Крепко держась за перила, он поднялся к отверстию трюма и, приподняв оберегающий брезент, наполовину высунулся над палубой. Непроглядная ночь, как бы в сговоре со штормом, скрывала дикое буйство разбушевавшейся стихии. На 10-15 метровой высоте, над палубой возвышалась капитанская рубка управления. Мощный сноп света вырывался через непроницаемую стенку и, с удивительной яркостью, освещал все кругом. Темные, пенящиеся волны морской пучины угрожающе поднимались высоко над палубой, стремительно, порой, обрушивались на судно, на мгновенье покрывая все своей свинцовой массой, перекатывались с борта на борт, с дерзостью срывая все, что оказывалось непрочно закрепленным. Остатки гребешка предательски, сзади, с задором обдали Владыкина солеными брызгами, но этого было достаточно, чтобы он оказался по пояс мокрым и поспешил спрятаться под брезент.
Наташа страдала от морской болезни, как и многие, сочувствующие ей. И что Павел ни придумывал, чем бы остановить мучительную тошноту, но она душила ее, пока все-таки средство не нашлось, помимо него.
Из всей, увиденной Павлом, панорамы, впечатлился образ самого капитана, в ярко освещенной рубке. С невозмутимым спокойствием он стоял у штурвала, как бы слитый с кораблем, настойчиво врезался в мрачную клокочущую пучину, оглашая округу предупредительными корабельными гудками. Более двух суток терпел теплоход бедствие от шторма, пока не подошел конец плаванию.
На этот раз они проснулись от возбужденных криков: "Завьялов! Нагаево! Магадан!"
Ледяная каша шуршала вокруг теплохода. За кормой, в тумане, исчез остров Завьялова. Потрепанный, с оборванной снастью и мелкими пробоями в борту, он победоносно торопился зайти в бухту Нагаево. Такими же помятыми и измученными штормом, пассажиры протягивали руки навстречу надвигающемуся очертанию порта. При виде снежных вершин и плотной массы раздробленного льда, Наташа приуныла. Здесь обычная уравновешенность ей изменила, и она, кутаясь в подаренное Лидой пальто, держалась слева за руку мужа. Ведь, на улице был июнь, а какой он был суровый...
Павел, наоборот, уверенным, сверкающим взглядом осматривал, наполовину почерневшие, цепи гор. Ведь, ему предстояло теперь, свой семейный корабль вести где-то там, за грядою диких, унылых заснеженных вершин, по жизненным волнам. А в природе, июнь месяц наступательно шел к Колымской земле.

Глава 15.
"И раем пустыня глядит..."

"И благословил их Бог..."
Быт.1:28
Нагаево. К порту теплоход причалил, когда, по местному времени, объявили полдень. Вереница вместительных автомашин спешила вывезти пассажиров из порта, которые, опережая друг друга, охотно покидали теплоход, опасливо оглядываясь на его посеревшую, надпалубную постройку.
В этот же день Павел с Наташей, разместившись в транзитном бараке, поспешили разыскать по адресу Альберта Ивановича Кеше, с письмом и приветом от его друзей. Без труда, нашли они Дворец Культуры и служебный ход. В маленьком вестибюле они остановили одного из молодых артистов, который, с ловкостьютанцора, моментально исчез где-то в верхних этажах, пообещав прислать Кеше А. И., который не заставил себя долго

ждать. Вскоре по лестнице послышались неторопливые шаги, и к Владыкиным подошел, убеленный почтительной сединой, старец, с аккуратно расчесанным бланже, в очках, и удивил их, прежде всего, контрастно благочестивым видом, так что Павел невольно подумал: "Как он мог оказаться здесь?"
- Кто здесь ожидает Кеше? Вы? - подошел он, непосредственно, к Наташе.
- К нашему и, по-видимому, вашему удивлению, да, мы! - ответил Павел.
Альберт Иванович, совершенно добродушно, пожал протянутые руки и представился:
- Кеше! - затем спросил: - Чем могу служить?
- Нам известно, что вы христианин! - начал Павел.
-Да!
- В таком случае, разрешите приветствовать вас, мне и моей жене, Владыкины Павел и Наташа.
- Очень и очень рад, - ответил старец, горячо целуя Павла, - но...
- Откуда мы здесь? - продолжал Павел, вручая записку, - здесь, надеюсь, вы все узнаете.
- Ах, вот что... Александр Васильевич... Так, вы из Москвы? - уже с явными признаками слез на глазах, растерянно спросил он.
- А теперь я предлагаю, если можно, прогуляться нам, - опередил его Владыкин, видя, как круг порхающих, крутящихся и весело мурлыкающих, с любопытством, стал около них умножаться.
- Ах, да... да, конечно, можно, да и нужно, - согласился Альберт Иванович, любезно выводя под руки своих дорогих собеседников на воздух.
- Ой, миленькие мои... да, какие вы цветущие, и скажу вам прямо, уж родные: и вы, Павел, и вы, Наташенька. Вы простите меня, я буду вас так звать, ведь, мне уже 70. Наташа, так совсем еще юная; ну, так, как же вы здесь приживетесь? Ну, ладно, я, вот, гляжу на Павла и на лице читаю вопрос - как ты оказался здесь? Не правда ли, Павел? - обратился он к Владыкину.
Придя в парк, они до самого вечера провели в беседе, взаимно восторгаясь, все более узнавая друг друга. Кеше был поражен, узнав, что Павел уже 11 лет прожил в этих местах, и знал Магадан, еще деревянным. Не менее были удивлены и Владыкины, узнав, что Альберт Иванович, уже более 10-летия, провел жизнь в страданиях и лишился своей милой спутницы, умершей тоже в заключении; а недавно узнал о единственном сыне, который где-то, в подобном же положении, страдает в Барабинских степях, круглым сиротой. Уже в сумерках, Павел, оставив Наташу и Кеше, сбегал по адресу, данному Комаровыми, и через полчаса пришел за ними, чтобы пойти в найденную квартиру.
Новые знакомые их любезно приняли, но еще любезнее, извинившись, оставили их, а сами заторопились в театр. Это было встречено новыми друзьями, как особая милость от Господа. Альберт Иванович признался в духовном ослаблении, объясняя это многолетним одиночеством и абсолютным отрывом от Слова Божья. Беседу закончили, искренним исповеданием своих грехов, на коленях. Совершили Вечерю Господню, в которой старец не участвовал уже десятилетие.
Один Бог может понять, каким блаженством были наполнены их сердца, а Павел, в слезах, благодарил Господа, что Он удостоил их с Наташей, послужить такому измученному старенькому пилигриму.
Вечеря Господня соединила друзей так, что они, сами того не зная, оказались скрепленными этой дружбой до самой смерти. Расставаясь, Альберт Иванович с Владыкиными согласились иметь, кроме взаимной переписки, и периодические встречи. На следующий день, скрываясь от Магадана, за перевалами, Павел с Наташей признались, что Магадан, ради одного этого старца, стал для них родным.

* * *

Из Магадана в тайгу ехали весь день. Путь лежал среди сопок и через высокие перевалы. Изредка, где-нибудь на мшистых сухих террасах, около речушек, притулившись к самым сопкам, встречались поселки, где удавалось покушать и обогреться чаем. Там, где автобус протискивался по узеньким траншеям, еще уцелевшего снега, Наташа инстинктивно, со вздохом, отпрянув от окошка, прижималась к мужу - все это ей казалось, как во сне. Ведь, в это время, в Ташкенте жители уже наслаждались вишней, абрикосами, черешней и ранней огородной зеленью. К счастью, не более, как через полчаса, машина, минуя суровую панораму Севера, стремительно спустилась вниз с перевала и выехала на пойму; они невольно, полной грудью, вдыхали бодрящий запах хвои, смешанный с ароматом цветущего разнотравья; и, казалось, ноги сами бежали бы к заманчивым кристальным

струям горного потока, где всякому так хочется, по-детски, поплескаться в его студеной воде. Иногда дорога пролегала по таким местам, где наблюдательному путешественнику невозможно удержаться от восторга, видя великолепие природы дикого Севера.
В связи с этим, у Наташи уже не один раз менялось настроение, но что ее особенно поразило, так это сравнение: как удивительно четко, все виденное ею, отпечаталось на характере Павла.
В Усть-Омчуг приехали вечером и, удивительно, точно по расписанию. На площади их ожидал, предупрежденный селектограммой, брат, который с радостью помог им выгрузиться и перебраться на квартиру. Комнатушка, оставленная им Комаровыми, была чисто убранной и, к Наташиному восторгу, умеренно натопленной.
После полуторамесячной дороги, Владыкиным она показалась просто райским уголком, тем более, все было расставлено и развешено заботливой рукой Лиды, и все осталось, совершенно нетронутым.
После горячей благодарственной молитвы, все уселись за приготовленный чай и ужин, и брат-комендант торжественно заявил:
- Ну, дорогие друзья, целый месяц я прожил здесь, охраняя этот уют, сдерживая атаки претендентов. Год здесь прожили Женя с Лидой, теперь, по милости Божией и нашему общему решению, передаю вам. Пусть благословение не прекратится в этих узеньких стенах.

* * *

Так началась жизнь Владыкиных на Крайнем Севере. Приезд семьи был встречен с особым вниманием, так как многие сочувственно, вместе с Павлом, переживали его сборы и испытания полгода назад, когда он был еще одиноким. Первые дни, с Наташей знакомились сотрудники и знакомые Павла, любезно посещая их вечерами, внимательно прослушивая их рассказы о жизни на "материке". Особенно же, всех привлек богобоязненный образ жизни Владыкиных.
Павел с Наташей, после трудового дня, всегда пели духовные гимны, читали вслух Слово Божие, что, так или иначе, привлекало внимание окружающих.
С первых же дней у них стали появляться и друзья, особенно из числа тех, кто мучительно томился, страдая от безнравственного образа жизни в поселке. С ними они проводили беседы, читали Библию, в их присутствии, молились. Владыкины были бесконечно счастливы от сознания, что они вместе, с одинаковым усердием служат Господу, в труде среди грешников. Рады были и тому дорогому уюту, в котором они теперь (после многих лет жгучих переживаний, перенесенных каждым отдельно) отдыхали, обоюдно, служа любовью друг другу. Наташа стала осваиваться в новой обстановке, смотря на все, как на добровольно избранный жребий, по воле Божией.
Но, увы, вскоре их тихую жизнь, полную безоблачной радости, нарушили. Ввиду недостатка работников того профиля, каким был занят Павел, ему срочно нужно было выехать на все лето в тайгу, и, как это было ни тяжко и печально, им с Наташей предстояло разлучиться. Наташа прилагала все усилия, чтобы при расставании с мужем не омрачить его сердца, однако, слез удержать было нельзя. Ей жалко было и Павла, что он опять возвратится к тому образу жизни, в котором прожил мучительные долгие годы, страшно было подумать и о себе, остающейся среди дикой природы с одичалыми, безнравственными людьми. Знала, что никакие замки и меры предосторожности не сохранят ее здесь, в этой гуще, закоснелых в преступлениях, людей. Оставалось только покровительство Божие, на что она и положилась, разделяя скорбную жизнь мужа с самого начала. Своими руками собрала ему необходимые вещи в рюкзак, на своих плечах несла их, идя с ним вместе за поселок к речке, своими руками обняла его на прощание и бросила, сняв с пенька, причальный канат в лодку. Баркас, увлекаемый бурным течением горной речки, быстро скрылся за поворотом.
Потеряли друг друга из вида и Владыкины, просто сказать - расстались.
Огромный баркас бросало течением из стороны в сторону с такой быстротой, что Павел едва успевал с людьми отбиваться от скальных уступов, на поворотах, и таежных завалов.
"Вот, такой стремниной, помчалась теперь и наша жизнь с Наташей", - думал про себя Павел, когда, уже после двухчасового плавания, они причалили в тихом протоке к берегу. Они остановились в сорока пяти километрах от Усть-Омчуга, чтобы обосновать, на остаток лета, базу своей топографической партии. Место было живописное; в прошлые годы он, зимой и летом, проходил здесь, восхищаясь красотой пейзажей, обилием дичи, ягод и грибов, а особенно, отличным ловом рыбы. Да, и теперь, пока расставлялись каркасы и натягивался брезент на

палатки, начальник партии наловил хариусов и линьков в таком количестве, что хватило накормить досыта всю партию ароматной ухой. Но, увы, для Владыкина все это было бесцветным и непривлекательным. Недели через три это стало так заметно, что начальник после очередного маршрута, сидя за чаем, заметил:
- Ну, что, Павел, ты, видно, заскучал и крепко. Давай-ка, наметим теперь маршрут в сторону Усть-Омчуга, выполним задание и с женою повидаешься.
Владыкин был очень рад. На следующий же день начались приготовления, а после того, ранним утром, отряд двинулся в поход. В Усть-Омчуг пришли на закате. Вступая на окраину, Павел был поглощен мыслями о предстоящей встрече с женой. К его великому удивлению, из поселка, легкой походкой, навстречу ему, с лейкой в руке, шла Наташа; но она не заметила его, идя по другой стороне.
Павел окликнул ее и, скучающие друг о друге, супруги вновь оказались, счастливыми, вместе. Наташа, за это время, много натерпелась от диких посягательств пьяных мужчин; испытывалась, в это время, крепость замков, крючков и прочность упования на Господа. Но была и радость: Альберт Иванович, пользуясь командировкой выездной труппы, несколько дней провел в Усть-Омчуге, и все это время они провели в сладком, дорогом общении, утешая друг друга. Он обрадовал Наташу тем, что (в результате усиленных молитв и размышлений о своих путях) решил, что больше, как христианин, не может играть в театральном оркестре, и покинул его. Во-вторых, выхлопотал выезд сюда сына, в-третьих, списался с одной из старых своих друзей, сестрой, и очень рад, что у нее сохранилось к нему самое искреннее расположение.
В течение нескольких дней пребывания Павла в Усть-Омчуге, Наташа бродила с ним по тайге и даже поднималась на горы, а, в результате, заявила о своем желании - вообще, идти с ним в тайгу; но он, описав ей обстоятельства и трудности таежной жизни, попытался отказать. Через неделю им предстояло опять расставаться. На этот раз прощание было еще тяжелее; но опять Наташе пришлось снарядить мужа в поход, отпустив его от себя.
Утром, подойдя к реке, Владыкин с людьми соблазнились ее течением и решили не идти пешком, а, срубив плот, спуститься к базе партии на нем. Предприятие оказалось заманчивым, инструмент был под рукою, поэтому, со свежими силами, все приступили к сооружению плота.
После обеда все было готово, и отряд, аппетитно подкрепившись, по-таежному, обедом, погрузился и отчалил. Но река значительно обмелела, опасности плавания увеличились, маневренность плота была значительно хуже, а силы людей были растрачены на строительство плота. В результате, на половине пути, плот потерпел полное крушение; груз пошел ко дну, а Павел с людьми, чудом, спаслись на речном завале. В полночь, испуганная Наташа робко впустила в комнату, еле живого, мужа.
Начальник дал Павлу два дня отдыха после катастрофы и разрешил взять Наташу с собой в тайгу, пока партия не выполнит задания. Через два дня отряд, и с ним Наташа, вечером покинули поселок, с расчетом, что в десяти километрах они смогут заночевать, чтоб облегчить весь 45-ти километровый путь для женщины.
В намеченном пункте, их встретили очень радушно; всех разместили на ночлег, а на рассвете следующего дня они уже были на ногах. Терпеливо вышагивала Наташа за мужем первые километры по зыбким болотистым бездорожьям. Не раз пыталась заводить разговоры, в надежде замедлить ход своих мужчин, но Павел объяснял ей: что в таких переходах, таежники идут молча, так как разговор, как ни странно, отягчает путь идущего, что на пути нельзя ни пить, ни отдыхать по первым позывам.
Наташа охотно выслушивала все, поражаясь суровым законам таежной жизни, но вскоре опять замедляла шаг и тянула к этому мужа. Потом пожаловалась на рези и попросила, взять ее под руку. Павел объяснил, что под руку в тайге идти совершенно невозможно, и согласился, взяв ее ношу на свои плечи, слегка придерживать за руку. Наконец, после четырехчасового пути, Наташа заявила, что идти дальше не может вообще.
К счастью, в это время они прошли болото и вступили на тропу, проходящую по твердому грунту. Наташа упала на мох и стала жаловаться на то, что ее ноги, почему-то нестерпимо, горят.
Павел осторожно разул жену и - о, ужас... все ноги были в крови, а от дамских чулок остались бесформенные клочья, пропитанные кровью. Оказывается, модные сапожки, какие ей сшил мастер в Ташкенте, шились с расчетом не на Колыму, а для своих улиц; поэтому, в таежных условиях, они разбрюзгли и теперь причиняли невероятные страдания.
Павел обмыл кровавые мозоли чистой водой из ручья, и все согласились на получасовой привал, хотя расчет не позволял им этого. Когда ноги Наташи обсохли и она отдохнула, Владыкин снял с себя нижнее белье, порвал его

на портянки и, обмотав ими израненные ноги жены, обул ее опять. После привала Наташа, вначале, шла с большим трудом, но вскоре освоилась и уже старалась больше не отставать. Но к концу пути жена, вдруг, совершенно обессилела, и Павлу пришлось, около пяти километров, часто по колено в воде, нести ее или волочить, ухватив за талию.
"Вот, где начинается испытание верности, - подумал про себя Павел, - да еще и у обоих нас. А сколько есть на свете христианских молодоженов, подобных нам, которые живут еще под маменькиным покровительством, у которых вся обязанность - беззаботно любоваться друг другом и снимать со всего сливочки-пеночки. Далеки они от людского горя, людских страданий, чуждо им понятие о жертвенной жизни и служении Господу. Они скучают, когда им рассказывают о страданиях других, и засыпают над книжкой, в которой описывается о страданиях таких же христиан, как они. Если когда и случается, невольно, встретиться со страждущим братом, то, в лучшем случае, опустив ему в карман 5-10 рублей, торопятся оставить его, под предлогом занятий, а в худшем - брезгливо обходят, обвиняя еще в неразумном поступке, якобы, повлекшем на него горе.
Но, когда настигает их горестная судьба, становятся жалкими, как никакая тварь на земле, и бесславно, безо всякой надежды, гибнут телом и душой, будучи оставлены всеми и Богом. Тогда даже нищий с сумою, набожно перекрестясь, сочувственно прикроет его наготу или разделит с ним поданную милостыню и, отходя, скажет: "Дожил!"
При этих мыслях Павел, под шум холодных струй, со вздохом произнес: "О, Боже, дай силы!"
- Павлуша! - простонала Наташа, - ты совсем измучился со мной, ты бы оставил меня, а сам бы поискал дорогу.
- Да ты что! - возразил Павел, - в такой темноте и при шуме ручья, да стоит только отойти, всего несколько шагов друг от друга, как можно потеряться и погибнуть. А дорога здесь одна, милая моя, та, по которой идем. В тайге непроходимый бурелом, налево - обрывы и глубокая река; поэтому, только вперед - в этом наше спасение.
С этими словами, Павел подтянул руку жены мимо шеи через плечо, еще крепче обнял за талию и медленными шагами, не вынимая ног из воды, пошел по протоке вперед.
Наташа еле перебирала ногами, почти не касаясь дна. Так они шли, молча, не видя ничего вокруг себя, руслом протоки, по краям которой, непроходимой чащобой, стояла тайга.
Наконец, Владыкина силы тоже покинули, и он решил сделать сигнальный выстрел из охотничьего ружья. К великой их радости, через две-три минуты, невдалеке перед собою, они вначале услышали ответный выстрел, а вслед за ним свист и людские окрики. В 20-30-ти метрах, протока соединялась с руслом реки, и Павел, вглядываясь во мрак ночи, увидел лодку. Подошедшие немедленно переправили их на ту сторону, а через 10-15 минут, они оказались в натопленной палатке, освещенной свечкой.
После первых слов знакомства, начальник любезно поставил перед мучениками роскошное жаркое из рыбы и медный чайник густозаваренного чая, но Наташа, со стоном, повалилась на постель и немедленно заснула. Павел бережно снял с нее обувь и уложил на подушку, воспаленную от переживаний, голову. Он кратко рассказал начальнику о всех событиях, выслушал ответное сообщение и после кружки выпитого чая, тоже, моментально, заснул крепким сном.
Видно, по справедливости да по милости Своей, Бог послал (после таких мытарств) молодой чете покой со всех сторон, что они свою жизнь назвали идиллией. Все Наташины болячки, после применения таежных средств, затянулись очень быстро; а почтительное отношение членов полевой партии, во главе с начальником, совершенно успокоило их обоих. Часами они бродили по таинственным таежным зарослям и прибрежным кустарникам, лакомясь голубицей, жимолостью, брусникой, морошкой. С восхищением, забавлялись кедровыми орешками со стланника, до боли на кончиках языков; но что восхитительнее всего - это рыбная ловля, которой, до азарта, увлекались они оба, правда, Наташа - уже рыбой, выброшенной мужем на берег. В результате всего этого, рядом с палаткой, около тихой, прозрачной заводи, крупная живая рыба в садке не уменьшалась; не сходили со стола и аппетитно поджаренные тушки разнообразной дичи: уточек, рябчиков, куропаток и даже глухаря.
Владыкин и до этого времени пользовался всем этим, живя в тайге, но тогда они не были так вкусны, как теперь, приготовленные руками жены. Наташа, обладая грамотой, много помогала мужу в работе, особенно, когда дело касалось вычислений и переписки.

Так прожили они до глубокой осени, пока снежные хлопья не известили их о начале октября и конце полевого сезона. Павел с Наташей заторопились в свою квартиру. На сей раз, хотя и с большими трудностями, но им выделили две верховые лошади, на которых они, погрузив свои пожитки, тронулись в обратный путь.
Верховая езда для Наташи оказалась немногим лучше, чем на корове седло. Бедная скиталица, в результате такого вынужденного турне, измучила животное, своего мужа (многократным подсаживанием) и до слезного отчаяния саму себя, да так, что остаток пути, пять-шесть километров, они все же добрели пешком. Зато уж их комнатушка, в которую они возвратились, оказалась для них верхом блаженства, а ожидающие друзья - необыкновенно милыми.
После недельного отдыха, Наташа пожелала устроиться на работу и оформилась по специальности, с весьма приличным окладом. Возобновились их беседы с жителями поселка, в чем большую инициативу проявляла жена Владыкина. Одна за другой, стали обращаться к Господу души. В числе первых - сердечная, добродушная жена главврача. Беседы начали приобретать постоянный характер, а сестра с особой ревностью изучала христианские гимны. Регулярно, в квартире Владыкиных, происходили богослужения, а по воскресным дням, они, как правило, заканчивались трапезою любви.
К обычной проповеди Владыкина присоединялись стихотворения, в чем немало усердствовали Наташа с обращенной сестрой. Пение заметно начало приобретать более стройный характер, привлекая соседей по дому. Не замедлили после этого и враждебные действия, в которых главную роль занял оперуполномоченный поселка. Первой жертвой оказался брат-комендант. Придя однажды на беседу, он рассказал, что пребывание Владыкиных в Новосибирске и их участие на юбилейном вечере, в присутствии Мицкевича А. О. и Патковского Ф. Г., с мельчайшими подробностями стало известно оперслужбе поселка; известно, отчасти, и содержание бесед, проводимых здесь, в поселке.
Павел это не скрыл от своих друзей, но в молитве предали все защите Божией; а общения стали продолжаться, с еще большей ревностью.
Приближался праздник Рождества Христова, а вслед за ним и встреча Нового года. За месяц до этого было решено: оба праздника провести, как можно торжественней; но тут случилось непредвиденное бедствие - центральное отопление не выдержало 50-ти градусных морозов и вышло из строя. Комната Владыкиных превратилась в настоящий ледник, со средней температурой от 30 до 35 градусов мороза.
Первые два-три дня вся жизнь их проходила в шубах, шапках и меховых рукавицах; потом они были вынуждены на ночлег переселяться к друзьям, по соседству. По ходатайству своего учреждения, Павел получил разрешение поставить железную печь, и жизнь в комнату возвратилась вновь.
Рождественская ночь была проведена особо торжественно. При ярком горении праздничных свечей пелись рождественские гимны, рассказывались стихи, и была вдохновенная проповедь. Одна душа, из приглашенных, покаялась, что было драгоценным Рождественским подарком Господу и маленькой христианской горсточке, затерянной на Крайнем Севере.
После Нового года, однажды вечером, в комнату Владыкиных вошел пожилой мужчина, по внешнему виду которого можно было безошибочно определить, что он прибыл из глухой тайги. При знакомстве оказалось, что он, действительно, прибыл из тех мест, где когда-то, на крутом берегу реки Колымы, Павел проводил напряженную молитвенную жизнь, в ожидании вступления в Завет с Господом и определения своего брачного союза с Наташей. Отрекомендовал себя кратко - брат Илья, а сюда приехал, услышав что в поселке имеется Святое Письмо (так он назвал Библию).
Увидев на столе Владыкиных Библию, он проявил явное беспокойство, и Павел, не желая томить его душу, подал ему Святое Письмо в руки. Увидев первую страницу, брат Илья не мог удержать слез, и все немедленно склонились на молитву. Гость, долго и усердно, осеняя себя "крестом", припадал на колени, растерянно произнося те молитвы, которые составляли его духовное сокровище. Павел догадался, что имеет дело с набожным человеком, православного вероисповедания. Гость рассказал им следующее:
В тяжелые годы, когда многие верующие были арестованы и осуждались тройкой НКВД к лишению свободы, он заключил, что многие священники нечестно служат в храме, а потому оставил его; и с некоторыми сельчанами, у себя в избе, читали Библию, истолковывая ее так, как им представлялось правильным. Это послужило предлогом к его аресту, а затем, пребыванию на Колыме. Находясь в тайге, он не переставал усердно молиться Богу, как умел. В последние годы он встретил человека, осужденного за убийство. Тот человек полюбил брата Илью за

набожность и, при его участии, стал оплакивать свой грех. По свидетельству убийцы, Бог послал ему облегчение и радость, а Илья после того, по-братски обнял его, назвал братом-разбойником, но прощенным, и сильно подружился с ним.
Жил брат-разбойник, по выражению Ильи, в соседях, т.е. в 30-ти километрах от него, и они, уже не один год, приходят друг ко другу, чтобы вместе помолиться. Но оба не чувствуют еще себя уверенными в отпущении грехов; и теперь, услышав, что в Усть-Омчуге есть у кого-то Святое Письмо, его, как старшего, согласились откомандировать и разузнать обо всем подробно.
- Так, вот, что, братец, - обратился гость к Владыкину, - брат-разбойник ждет меня с доброй вестью, а я, вот, сам еще, как дитя, не знаю, в чем нужно исполнить волю Божию и чем угодить Богу? Так что ты говори мне все, как есть, а я буду принимать, как от Самого Спасителя. Говори!
Павел стал читать Библию и изъяснять путь Господен, в результате чего, Илья ясно начал понимать, в чем его заблуждение. В заключение, они склонились на колени, и собеседник искренне раскаялся пред Богом в своем неведении. Погостив еще три дня и подкрепившись духовно, брат Илья, с великой радостью, возвратился к товарищу.
Не прошло и месяца, как оба отшельника приехали, покинув тайгу навсегда. Вскоре покаялся и второй. Таким образом, образовалась группа, боящихся Господа, до десяти человек. Почти каждый вечер проводили в разборе Слова Божия, укрепляясь в вере; а оба друга-таежника, получив разрешение на выезд с Колымы, жили теперь, до лета, в ожидании транспорта.

* * *

Лютые морозы, письма от друзей и ожидание дитя, сильно начали томить душу Наташи. Она явно заволновалась и все настоятельнее приступала к мужу с вопросом: не пора ли молить Бога об избавлении? В сновидении, Павел вскоре, дважды, получил откровение от Бога, что молитвы их услышаны, и путь им будет открыт, но через испытания.
Начались ходатайства, к которым непосредственное начальство относилось очень сочувственно и доказывало, что после 12-летнего скитания в неволе, Владыкин имеет полное право на окончательный выезд. Много было борьбы вокруг этого вопроса и так же, как год назад, резолюции вышестоящего начальства чередовались, в зависимости от степени полномочий и власти должностных лиц. Наконец, Владыкину было объявлено, что дано указание на освобождение, и за ними закреплены два места на последнем корабле до закрытия навигации, для отправки на "материк".
С радостью Наташа уволилась с работы, с радостью объявили они распродажу некоторых вещей, с радостью начали упаковываться, но, назначенные Богом, испытания не заставили себя долго ждать. На следующий день, в управлении сочувственно извинились и сообщили, что места их на корабле отданы другим, а им определили, ожидать лета. Здесь особенную стойкость проявила Наташа, заслонив своим упованием на Господа тот поток отчаяния, который готов был обрушиться на мужа. Обоюдная молитва восстановила их духовное равновесие так, что, вновь обращенные, друзья восхищались их спокойствием, при создавшихся обстоятельствах.
Прошло два месяца безмолвного и, по-человечески, бесперспективного, ожидания; отовсюду была тишина; и все пути к выезду были отрезаны до лета. Владыкину было предложено прибегнуть к помощи медицины и, получив соответствующий диагноз, иметь избавление, но, слава Богу, он отказался, доверившись Богу. Беременность Наташи угрожала им отсрочкой, по меньшей мере, на 2-2,5 года, но упование на Божьи обещания не покидало их; и они, утешая друг друга, оставались спокойными.
Наконец, тогда, когда все человеческие варианты оказались безнадежными, и Наташа уже смирилась, в крайнем случае, оставаться - им открылся такой путь, на который они совершенно не могли рассчитывать.
Семье Владыкиных разрешили вылететь, по личному согласию высшего начальства, на служебном самолете. Это было настолько ошеломляюще для них, что они, явно, растерялись, и первые часы не знали, за что браться.
Сборы были настолько поспешны, что близкие друзья оказались удивленными, когда Павел с Наташей сообщили им о своем выезде, на последнем прощальном вечере.
До самой полночи просидели, не веря, что Владыкиных завтра уже в поселке не будет. Один из друзей, недоверчиво, решил пройти в комнату Владыкиных и убедиться: неужели там все уже собрано? И, увидев, что,

действительно, кроме чемоданов в ней ничего не осталось, он с плачем упал на колени, осуждая себя за то, что так мало воспользовался служением Павла с Наташей.
После полуночи к ним вошла молодая женщина - соседка; она любила слушать мелодичное, сердечное пение, искренние беседы (особенно Наташи с ней), давно желала отдать сердце Господу, но, торгуясь с собой, все время откладывала свое покаяние. Теперь, войдя к Владыкиным и увидев, вместо желанного уюта, пустые стены, упала тут же, у порога, на колени и в горячих слезах раскаялась пред Господом.
Утром друзья проводили Владыкиных до автобуса. Не помня себя от волнения, Павел с Наташей закрыли за собой последний раз дверь комнаты и вручили ключ брату-коменданту, с пожеланием, чтобы в ее стенах продолжало прославляться имя Иисуса. Перед посадкой в автобус, Павел снял шапку и, в последний раз, оглядев вершины гор, загорающиеся малиновым рассветом, молитвенно произнес: "До сего места помог нам Господь!!!"
- Что, жалко расставаться что ли? - с усмешкой заметил шофер, нетерпеливо держась за рычаг коробки скоростей, - ныряй скорей да плюнь позади себя.
Павел с Наташей, войдя в машину, неторопливо разместились сзади шофера, наблюдая, как он старательно набирал скорость, покидая Усть-Омчуг.
- Да, - сказал Павел, - конечно, мы рады возвращению, после 12-летнего скитания по этим местам, но скажем, словами Библии: "Межи мои прошли по прекрасным местам, и наследие мое приятно для меня" (Пс.15:6). За все, слава Богу!
Автобус мчался, как птица - это соответствовало и желанию Владыкиных; он то взлетал с рычанием, по серпантинам, на горные перевалы, то устремлялся вниз, оставляя сзади себя снежные вихри; осторожно, по ступицу в воде, пересекал горные потоки или с отвагою врезался в кашу, по-весеннему раскисшего снега, на трассе и, причудливым веером брызг, обдавал почерневшие валы, расчищенных снеговых заносов, по краям трассы. В природе и на сердце Павла с Наташей царило ликование. С горных перевалов Владыкин, осматривая знакомые горные вершины, с упоением рассказывал жене о тех или иных особенностях, но она продолжала молча, с закрытыми глазами, услаждать себя радостью возвращения в свой родной Ташкент. Иногда, такое непочтительное отношение к рассказчику, волновало его душу, но у жены всегда находились свои объяснения; и он, в основном, один, своими яркими воспоминаниями, отмечал убегающие картины прошлого и, прощаясь с этими местами, не раз возносил усердные молитвы хвалы и благодарения Богу. Ведь, он так сросся со всем этим! Да, и как можно расставаться со всем этим равнодушно, когда эти горные вершины, скальные уступы и таинственные заросли на берегу потоков были свидетелями усердных пламенных молитв, при жгучих испытаниях - был ли это куст стланика, где братья-отшельники, на Пасху, обливаясь слезами, пели: "Страшно бушует житейское море...", или знакомая трасса на берегу Армани, где Павел перенес большие искушения, связанные с воспоминаниями о Кате, и где Господь особо посетил умилением его застывшую душу. А, вот, и почерневший каркас от его палатки...
Подъезжая к Магадану, он всегда любовался широкой равниной, которая на Востоке оканчивалась вытянутым отрогом с, отдельно стоящей сопкой, окутанной дымкой. Это была лесная падь и, как впоследствии ему стало известно, что где-то там, в самой ее гуще, при распиловке дров, у "козла" закончил свое мученическое поприще, служитель русского братства баптистов - Петр Яковлевич Вине.
Магадан встретил Владыкиных бурной, весенней оттепелью; а Альберт Иванович - по-детски, радостными рукоплесканиями и дружескими христианскими объятиями. Остановились Павел с Наташей в транзитном городке, встали на учет в управлении и были в восторге от того, что все оформление на выезд, было сделано очень быстро и совершенно беспрепятственно.
Расставанию с Кеше Альбертом Ивановичем был уделен целый день и вечер. В беседе с друзьями, он радостно сообщил, что его сына скоро будут этапировать, в административном порядке, как ссыльного, сюда, в Магадан; а здесь его ожидает и рабочее место, и светлая перспектива в учебе. Потом заявил, что он сам, осенью текущего года, должен быть освобожден из очередного заключения, после десятилетнего отбытия. В связи с этим, он задал такой вопрос Павлу с Наташей:
- Друзья мои, что вы мне посоветуете? Через несколько месяцев я освобождаюсь, паспорт мне дадут такой, что мне, с ним, придется искать там, на "материке", такую же Колыму, а я уж наскитался чрезмерно. Учитывая все это, я хочу остаться здесь; для этого, вот, и вызвал сына, с ним я не виделся более десятка лет. Кроме того, собираюсь сделать письменное предложение кому-нибудь из сестер (моих старых друзей) с тем, чтобы она

смогла разделить со мной мое одиночество. Таким образом, я хотел бы, хоть в моей старости, создать некоторый семейный уют и, может быть, в нем закончить мое земное поприще. Что вы, на это, мне скажете?
Павел внимательно слушал старца и затем, не торопясь, высказал свое мнение:
- Мой милый друг и брат, по части твоего закрепления здесь, отвечу самым категорическим протестом. Ходить по этим улицам, где прошел не один миллион человеческих ног, зная, что все они зарыты в вечной мерзлоте - это ужасно. Ездить по этим трассам, где чуть ли не каждый километр устлан людскими костями - это очень уныло. И жить среди тех, с кого ничем не смоешь слезы и кровь пролитую - это нестерпимо. Мой совет только один: освободишься - немедленно выезжай, а Бог укажет путь.
Во-вторых: через переписку найти себе друга жизни, и в таком возрасте - это посмеяние над своей старостью. Сын твой, при всей любви и самой искренней жертвенности для отца, в самое ближайшее время найдет себе подругу жизни, с которой будет создавать свой уют; и ни он, ни ты не войдете в семейный уют друг друга с тем, чтобы в нем мирно и тихо заканчивать свою жизнь на земле. А, вот, выедешь на свободу, там столько милых, дорогих, сердечных вдовиц, из которых, непременно, найдется одна такая, которая посчитает для себя великим служением пред Господом и честью - призреть твою старость и войти, тем самым, в твой венец в вечности. Там ты дух ее испытаешь, увидишь глазами и, что самое важное, получишь о ней верное свидетельство от окружающих. На нас ты не смотри, тебе наш брак, ни в какой мере, не может служить для подражания - он необычен, да и судьбы наши несравнимы.
Они долго после этого сидели молча, но, наконец, Кеше А. И. ответил:
- Нет, друзья мои, я уже не смогу изменить того, что мною продумано до деталей.
- А зачем же, вы спрашивали у нас совета?
- Я не думал, что на жизнь надо смотреть так, как вы изложили.
- Альберт Иванович, вы составили свой план, уже влюбились в него, но боюсь, что Бог этого не потерпит и будет ломать его; а на старость лет это очень болезненно. Ведь Слово Божие очень ясно и внушительно говорит: "Предай Господу путь твой, уповай на Него и Он совершит".
Разошлись они поздно; и Владыкины остались ночевать на квартире своих знакомых. На следующее утро, подходя к транзитному поселку, Павел отчетливо услышал по радио, что все, ожидающие Хабаровского рейса, должны немедленно явиться с вещами для оформления полета и посадки. В составе с другими немногими пассажирами, Владыкины прибыли к зданию временного аэропорта, сооруженного на льду бухты. В числе первых, сдали свой багаж, приготовились к посадке.
После получасовой обычной суеты, все притихли в ожидании. Какое-то, не испытанное еще, чувство волнения подкатило к горлу Павла: неужели, через несколько минут, он оторвется от этой земли, где более десятилетия провел, часто в смертельной битве за честь, за свободу, за жизнь? Внутри задрожало все, страшным великаном встало пред ним сомнение. Где-то в глубине души прозвучал тихий голос обличения: "Что же ты десяток лет прожил упованием на Господа, а оставшийся десяток минут, ослабел?..."
Павел посмотрел на Наташу, - с безмятежным спокойствием, она, прислонившись к мужу, терпеливо ожидала команды, осматривая, раскисшую от весенних солнечных лучей, ледяную гладь. Он хотел поделиться с ней нахлынувшим мучением, но при этой мысли стало стыдно, да и жалко омрачать ее безоблачное настроение. В душе, даже, немного возмутился: "Ну, как так можно, без волнения, переживать такие критические мгновения?!" Сомнение опять придавило его и, сверкающим мечом, ударило по той золотой цепочке, какой они были связаны мечтами о родном Ташкенте, ставшем таким близким-близким.
- Внимание, внимание, - прозвучал металлический голос в рупор громкоговорителя, - к сведению пассажиров, отлетающих в Хабаровск: по метеорологическим условиям, Хабаровск не принимает, рейс откладывается на завтра.
Толпа людей уныло побрела по льду обратно в город, с ними вместе, самыми последними, шли Владыкины. "Так тебе и надо - мысленно отрубил себе Павел, - и это тебе за твои сомнения. Бедный ты человек, разве ты забыл, что Бог Израиля, за его сомнения и ропот, вместо сорока дней обрек на 40-летнее скитание по пустыне, - продолжал он казнить себя мысленно. - Теперь терпи и бойся, а верить - так верь".
Дело приняло, действительно, серьезный оборот. Все зарегистрированные пассажиры дружно собрались на следующий день, просидели в ожидании три часа, но, увы - рейс был отложен и на сей раз. Так стало повторяться день за днем. Люди всякий раз прощались с близкими и родными, но к вечеру встречались вновь.

Через неделю было объявлено по радио, что аэропорт, по непригодности, закрыт - это усилило волнение до предела. Павел с Наташей пребывали в усиленной молитве с постом, видя в этом особые испытания. В один из таких дней, бесцельного скитания, Владыкины еле брели в поселок. Наташа потихоньку жаловалась на трудности последних дней беременности и, придя, устало опустилась на свою койку. В это время вышел комендант поселка, выкликнул их фамилию и объявил Павлу, что его ищут и вызывают в управление.
Жаром обдало существо двух супругов. Кому было нужно официально вызывать человека, который был уже окончательно рассчитан и сидел, как говорят, "на чемоданах". Сомнений не было, по всей тактике, это могли делать только органы оперативной службы. Учитывая те допросы, какие велись в поселке, по поводу личности Владыкина, было трудно предполагать о чем-либо другом, кроме задержания или вообще ареста.
Наташа, дрожащей рукой, приготовила из остатков питания бутерброд с маслом и, отдав мужу, с тревогой сказала: "Будем надеяться на Господа Всемогущего".
Как ток, Владыкин ощутил в сердце поток Духа Святого и удивился, как Господь, после тех приступов сомнений, теперь, в этот критический момент, утвердил его незыблемым упованием.
- Есть Бог, милая моя, - обняв жену, выходя за поселок, утешил он ее, - это наш Бог, и Он будет Вождем нашим до конца.
За поселком, утаптывая снег, они остановились для молитвы. Наташа посмотрела мужу в глаза: они горели огнем уверенности в Боге, лицо отражало спокойствие. Поцеловав, она отпустила его напутствием:
- Не задерживайся, там!
В управлении пришлось провести Павлу время, до позднего вечера, в томительном ожидании, не зная причины вызова. Наконец, выяснилось, что, заинтересованные ими лица, потеряли их местопребывание и, получив ответ от Владыкина, отпустили его. Павел, возвращаясь, не шел, а летел, с желанием поскорее утешить Наташу. В инциденте он видел все ту же, испытывающую волю Божию; успокоился сам и спешил успокоить жену. Наташа, конечно, не спала, хотя на часах была уже полночь, вскочила, обняв мужа трепетно и, получив от него успокоение, рухнула, обессилевшей, на кровать.
На следующий день, когда они все собрались, по обыкновению, в сооружении аэропорта, Наташа, в дополнение ко всему переживаемому, заявила:
- Ну, милый мой, у нас продукты все кончились, осталось только покушать на раз, а на рынке, сам знаешь, продается только обжаренный мор-зверь.
Через час в рупор было объявлено то же, что и в прошлые разы - это уже в одиннадцатый день ожидания...
Пассажиры, переживая по-разному, уныло разбрелись по бухте, возвращаясь в город. На месте остались только Павел с Наташей, чтобы достать из своих дорожных припасов себе питание.
- А вы, чего ожидаете? Идите! Ждать нечего, всем объявлено...
За стеной начальник стучал косточками счет. Минута... две... три... десять...
Вдруг в помещении раздался резкий телефонный звонок, а за ним резкая, властная команда из рупора:
- Внимание, внимание, всем отлетающим в Хабаровск, немедленно возвратиться в аэропорт, на посадку. Трасса в Хабаровск открыта!
У обоих Владыкиных внутри дрогнуло все, из опущенных глаз катились слезы...
- Вот, так, милый... - заметила Наташа, вытирая слезы.
- Ну, что ж, Он Бог... - ответил ей в тон Павел.
Вещи сразу сдали. Через час Владыкины подбежали, в числе самых первых, к спуску на посадку и любезно были усажены экипажем корабля на самое удобное место, перед окном, за спецстол. Все остальное переживалось, в каком-то смутном сознании: последняя команда, стук люка кабины, рычание моторов и минутное беспокойное вздрагивание самолета. Затем все успокоилось, рокот мотора установился в одном ритме, за окном медленно поплыли знакомые очертания бухты, улиц, домиков, Дворца Культуры, где когда-то они встретились с Кеше; затем вся панорама в окне, непривычно для Владыкиных, поднялась; и самолет, выровнявшись, взял курс на Хабаровск.
- Много лет назад, - начал Павел, - юношей, с пылкой душой, я, при виде этих диких снеговых вершин, с робостью произнес: "Вернусь ли я, когда-нибудь из этих ужасных мест?" И, хоть со слезою утешения, тогда я смотрел на этот таинственный Магадан, откуда-то снизу вверх. Теперь, спустя много лет, возвращаюсь из него с милой, дорогой подругой жизни и с ликующим сердцем, смотря на Магадан сверху вниз. Дай Бог, нам, дорогая,

на все эти места, по каким еще будут проходить наши ноги, смотреть, именно, с неба вниз. А теперь скажем, истинно Слово Божие: "Сеявшие со слезами, будут пожинать с радостию. С плачем несущий семена, возвратится с радостию, неся снопы свои" (Пс.125:5-6).
Окружающие пассажиры не могли не обратить внимания, каким счастьем сияли лица этой удивительной пары. Взявшись под руки и окинув прощальными взглядами цепи вершин сопок, проплывающих за окном, Павел с Наташей, под гул мотора, торжественно запели:
На крыльях могучих орлиных
Над морем житейским несусь;
На крыльях могучих орлиных
Я к вечности, сердцем, стремлюсь.
Чрез горы, долины и нивы
Все выше я к небу лечу,
Несут меня мощные крылья,
На них я спокойно стою!

- КОНЕЦ КНИГИ -

Павел и Наташа окончили свою песню о могучих крыльях на этой земле. Они достигли небесных высот. Но их земную жизнь, по возвращении домой, в Ташкент, нельзя сравнить с полетом под безоблачным, голубым небом. Много лишений они должны были перенести, лишений и страданий за имя Господа.
В приложении помещены отрывки из автобиографии Николая Петровича Храпова.

ПРИЛОЖЕНИЕ.

Краткая биография Н. П. Храпова. 1947-1982 гг.

"В 1947 году нам было разрешено покинуть Крайний Север, и мы переехали на жительство в Ташкент, предоставив благодати Божьей группу оставшихся возрожденных христиан.
С первых же дней пребывания на свободе, сердце загорелось огнем благовестил. Путешествуя по горам, я проповедовал Евангелие Господа Иисуса Христа, совмещая этот труд с моим служебным положением. Бог обильно благословлял слово свидетельства. Покаяний было много. Бог так же благословил нашу совместную жизнь: послал нам деток и, что самое главное, единое сердце, единую цель, единое направление, которые сохранились до сегодняшнего дня. Подруга моя была и есть сотрудница моя в деле служения Господу.
Познакомившись ближе с жизнью общин, я увидел, в каком печальном состоянии находилось братство евангельских христиан - баптистов. Кажущаяся относительная свобода вероисповедания была приобретена ценой скрытых греховных сделок с миром. Сердце сжималось от боли при виде отступления, которое внедрялось по общинам работниками ВСЕХБ и, как яд, распространялось повсеместно.
Служители Ташкентской общины, в служении Богу, руководствовались указаниями атеистов и допускали отступление от истины одно за другим. Среди них я не нашел единомышленников. Я не мог присоединиться к официально действующей общине, так как не желал идти на компромисс с совестью. Вместе со всем домом своим я посвятил себя делу благовестия. Вскоре в кругу друзей, свободных от отступлений, я был рукоположен на дело благовестия братом-старцем А.И. Чекашкиньш и с помощью Господа совершал его около трех лет. Господь благословил труд, но враг душ человеческих, дьявол, возбудил ненависть в окружающих людях. В 1950 году меня вновь арестовали. К тому времени у нас было уже двое деток. Обвинили в проповеди Евангелия и в работе среди молодежи. Осудили на страшный срок - 25 лет с конфискацией имущества". (Фактически, Николая Петровича приговорили к расстрелу, но, из-за временной отмены смертной казни, его "помиловали": осудили к 25 годам заключения.)
"Перед арестом Господь нас предупредил, что будут тяжелые страдания, но не такие, какие назначил человеческий суд. Так это было и в действительности.
Вместе со мной арестовали брата А.Г. Богатыренко и сестру Галю. Пришлось, под конвоем, вновь возвращаться на тот же Дальний Восток и на берегу Амура, в арестантском бушлате, проводить дни моей жизни. Из 25-летнего срока заключения я отбыл пять с половиной лет. В это время Господь посетил особой милостью заключенных.

Обратились к Богу несколько душ. В заключении образовалась церковь из 15-16 душ. Совершалось крещение. Церковная жизнь, хотя и в неволе, но осуществлялась.
В это время Господь пробудил во мне дух поэзии и благословил написать поэму "Подруга" и ряд других произведений, которые широко распространились в братстве.
Находясь в заключении, я имел особую духовную (через письма) и материальную (через посылки) поддержку от дорогого служителя нашего братства, старого труженика, Петра Ивановича Чекмарева. Он был благовестником Союза баптистов Поволжья. Его участие в нуждах было очень дорого для заключенных.
В апреле 1956 года вместе со многими братьями и сестрами я был освобожден, а осенью того лее года - реабилитирован. По возвращении из уз меня встречали с сердечной радостью ташкентские верующие. Очень многие посетили меня на дому, ободряли и утешали".
На этой встрече Н.П. Храпов с братом А.Г. Богатыренко спел, сочиненный им, псалом "Господь, Свое Слово святое нести, нередко двоих посылает..." (на мотив гимна "На севере, в тундре, в далекой глуши..."). Псалом назывался "Два друга" и был посвящен жене и брату Богатыренко.
"В этот раз в Ташкенте я задержался недолго и с семьей переселился в город Йошкар-Ола, посвятив себя на служение благовестия среди марийцев. Господь послал пробуждение среди этого народа, и, некогда маленькая, община заметно возросла, обратились к Богу молодые марийцы. Но и там поднялся ветер гонений. Однако, дело служения среди марийского народа продолжалось, Господь многих прилагал к церкви.
В 1958 году мы вернулись в Ташкент. Все мои желания и стремления я направил к тому, чтобы освободить верующих от греховных уз, чтобы братство вышло на действительную свободу благовестил Божьего. Я посещал верующих в разных городах страны, участвуя как в деле домостроительства так и в деле пробуждения общин. Находилось немало единомышленников.
В 1956 году в Ташкенте образовались две общины, служение в которых совершалось без инструкций и положений, которые мешали свободно проповедовать Господа Иисуса Христа.
Николай Александрович Коротков (по трилогии он - Женя Комаров) к тому времени тоже возвратился в Ташкент.
Недолго и на сей раз мне пришлось быть на воле. В1961 году последовал новый арест. Обвинили меня в проповеди Евангелия по другим общинам страны, а также в написании мной стихотворений, статей и других проповедей".
К ним относится псалом "Привет вам, Христово цветущее племя...". Николай Петрович посвятил его молодежному общению, состоявшемуся в ноябре 1960 года в п. Нахабино, Московской области. Он стал любимым гимном христианской молодежи всего братства.
"Осудили меня на 7 лет за "антигосударственную деятельность" и направили в лагерь ст. Потьма в Мордовской АССР, где было более 600 заключенных верующих разных деноминаций. Господь и там благословил мое пребывание. Я мог детально изучить быт и деятельность представителей разных христианских течений.
Дорогая моя спутница, Елизавета Андреевна, не упускала случая посетить меня с детками, ради встречи преодолевая большие расстояния. Большой ценой приходилось ей добиваться положенных свиданий. Она не уезжала и долгими часами выстаивала перед лагерной зоной, ходатайствуя о встрече со мной.
Милостью Божьей, в это время возникло большое пробуждение верующих, движение за духовную свободу, за отмену греховных постановлений, которые разработал ВСЕХБ в союзе с безбожниками. Возникла Инициативная группа по созыву съезда верующих ЕХБ, затем Оргкомитет церкви ЕХБ. Я очень мало слышал об этом, но в душе был глубоко рад этому движению, так как это было и мое желание. Я ждал и молился о том, чтобы братство когда-нибудь освободилось от этой зависимости безбожников. Слава Господу, оно освободилось!
По ходатайству народа Божьего перед правительством и по молитвам, через 3 года я был освобожден. Политические обвинения с меня сняли и признали, что мои стихотворения не носили политического антигосударственного характера.
Дорогая спутница с радостью встретила меня у ворот лагеря.
На свободе я встретился с Геннадием Константиновичем Крючковым и узнал, как возникло наше дорогое братство. Сердце мое, конечно, ликовало, и я с глубоким волнением заявил о своей принадлежности к этому свободному отделенному братству, которым руководил, тогда уже, Оргкомитет церкви ЕХБ.

Ташкентская община единодушно вверила мне служение пресвитера. А на расширенном совещании служителей общин СЦ ЕХБ по югу Средней Азии меня избрали руководителем совета этого объединения. Господь благословил труд в деле созидания как ташкентской так и ряда других церквей под руководством Оргкомитета.
В 1966 году, вместе со многими моими братьями, я вновь оказался на скамье подсудимых. На этот раз меня обвинили за связь с Оргкомитетом (позднее он был переименован в Совет церквей), за служение среди христианской молодежи и литературную деятельность. Показательным судом меня осудили на 5 лет лишения свободы. В моей семье уже было три сына и три дочери.
Срок я отбывал в г. Бухаре, в лагере строгого режима. Там были очень тяжелые не только климатические, но и другие, специально созданные для заключенных, условия. Господь был милостив ко мне. Духовно я был одинок. На протяжении 5 лет я не встретил там братьев. Лишь дорогая подруга моя, Елизавета Андреевна, неустанно, всегда с детками посещала меня. И мы проводили вместе эти короткие часы или иногда дни личного свидания.
Со мной вместе были осуждены брат и две сестры-инвалиды. У одной не было ног, у другой они были парализованы. Сестры отбывали срок заключения за Слово Божье, за истину Божью.
Все годы неволи я жил на скудном тюремном папке и скромных продуктовых передачах, но Бог хранил и укреплял мое здоровье. Срок отбыл полностью и возвратился домой, слава Богу, с добрым здоровьем.
С большим восторгом, радостью и торжеством встретили меня мои дорогие братья и сестры в Господе из многих общин нашего братства. На встрече я сказал дорогим друзьям:
- Когда вы возвратитесь домой и вас спросят друзья или недруги: "Что сказал Николай Петрович, вернувшись из уз?", - ответьте, пожалуйста, так: "Он сказал, что и дальше хочет служить Господу, и следовать за Иисусом".
К тому времени моя жизненная летопись страданий уже насчитывала более 26 лет лишений, разлук с церковью и милыми родными. Первые 12 лет неволи я отбывал на Крайнем Севере, следующие 5 с половиной лет - на Дальнем Востоке и в Сибири, затем 3 года - в лесах Мордовии и последние 5 лет - на жарком юге. Все эти годы моей опорой было молитвенное общение с Господом, оно и только оно укрепляло меня в суровых обстоятельствах. Если говорить о режиме и условиях содержания, то могу привести приблизительный итог: за 26 лет заключения меня обыскивали около 6000 раз, более 400 раз обыскивали мои личные и домашние вещи. В разных условиях, в отдаленных и суровых краях протекала моя жизнь, но Господь сохранил".
Весной 1971 года, на следующий день после освобождения, Н.П. Храпова посетил наряд милиции, во главе с начальником, и увели его на допрос. Никто не знал, может его арестуют вновь? Но когда Николай Петрович через несколько часов вернулся, он сказал: "Братья, как я устал..."
"После возвращения из уз я приступил вновь к служению, которое нес до ареста. Летом 1971 года мне предложили трудиться в составе Совета церквей, что я принял охотно. С большой радостью я несу его, хотя прошедшие скитания сильно отягчают меня. Но, глядя на дорогих друзей, на сотрудников, которые прошли такой же путь, сердце ободряется. С братьями я имею постоянное общение. Вникая в дело Божье, я, по мере сил, осуществляю служение, к которому призвал меня Господь.
За состояние братства на сегодняшний день надо сердечно благодарить Господа. Оно бодро, живо продолжает идти тернистым путем, хотя и чувствуется усталость у наших жен, деток.
Кстати, несмотря на эти частые и многолетние разлуки, Господь милостью Своей посетил мой дом. Трое моих детей являются членами церкви и прославляют Господа. Двое были тоже верующими, но за годы моего отсутствия совсем охладели.
Последние годы моей жизни также не лишены скорбей и стеснений. Я не могу находиться в семье. По освобождении, в 1971 году, я устроился на работу. Работал честно, сдавал необходимые планы, но сотрудники КГБ потребовали от директора предприятия уволить меня или дать такую работу, чтобы я был всегда на глазах; поэтому я был вынужден уволиться. Все мои попытки устроиться в другом месте оказались безрезультатными. По причине преследования, со стороны органов КГБ, мне пришлось совершать служение на нелегальном положении.
Мне уже седьмой десяток лет. Государственным законом я вроде бы и освобожден от трудовой повинности. Семья моя живет в Ташкенте. Последние месяцы безбожники не перестают обращать внимание на мою семью. Моя дорогая подруга вероломно лишена прописки в городе и в доме, где она все годы жила с детьми. Детей оставить она, конечно, не может. Мы имеем встречи редко, но Господь утешает и укрепляет нас.
Хочется служить Ему всем сердцем до тех пор, пока Господь отзовет на этом же посту, на который Он поставил.

Мое дорогое братство всем сердцем люблю и всем, чем могу, хочу служить ему. Благодарю за внимание, которое оказали мне. Мою семью поддерживали приветами и материально из-за рубежа дорогие друзья, братья и сестры, которых я не знал, о которых не слышал. Всех я сердечно благодарю. Скажу одно: мою душу это согревало, я знал, что я не один в этих скитаниях...
Благодарение Господу, несмотря на продолжающиеся скорби во всяких изощренных формах, наше братство растет и умножается. Ряды его обновляются за счет христианской молодежи, которая так близка, так дорога нам и вместе с нами плечом к плечу идет, неся тяжесть и ответственность ковчега Нового Завета. Да святится имя Бога, нашего как на небе так и на земле, и да придет царствие Его. Аминь"
Н.П. Храпову была в то время неизвестна кончина дней его. Не знал он, что его дорогая подруга, вышедшая замуж за узника, и умрет женой узника. Он неустанно трудился на ниве Божьей и не потому, что был какой-то сверхъестественный человек. Нет, он так же, как и все, уставал и страшился. На одном закрытом братском совещании он сказал: "Если кто-нибудь говорит, что он не боится страданий, то я скажу, что он лжет. Все боятся. Но если мы ради Господа решимся пойти на риск, то Бог даст силы перенести скорби". Ради Христа Николай Петрович был готов снова и снова всем жертвовать, всем, хотя ему это давалось нелегко.
Самый большой отрывок времени пребывания его на "свободе" длился неполных девять лет, с 1971 года по 1980 год. В это время он, будучи на нелегальном положении, трудился в Совете церквей. По милости Божьей, тогда из-под его пера вышла, уже знакомая читателю, книга "Счастье потерянной жизни".
Перед последним арестом он сказал: "Я чувствую, что в последнее время останусь один". Так и случилось: 3 марта 1980 года в г. Караганде Николая Петровича арестовали и осудили на 3 года. Одним из главных обвинений была его книга.
С Елизаветой Андреевной Храповой, перенесшей много лишений, после очередного ареста мужа, случился инсульт, а через полтора месяца Господь взял ее к Себе. Только через три месяца сообщили об этом Николаю Петровичу. Верующие очень просили отпустить его на похороны жены, обещали оплатить надзирателям за охрану, но так ничего не добились. Просили сообщить о дне похорон жены, но и об этом ему не сообщили. Николай Петрович молился о ней, как о живой. Когда надзиратель, наконец, сообщил, то Николай Петрович, положив руку на грудь, сказал: "Господи, возьми сердце в Свои руки, иначе оно разорвется... Нам выпала такая же доля, как и мужам Божьим". Вспомнил он пророка Иезекииля, жену которого Бог неожиданно взял, а ему запретил даже плакать о ней, но продолжать служение израильскому народу (Иез.24:15-18).
Для Николая Петровича утрата жены была ощутимой, до боли. Ноша, пронесенная десятки лет, стала давить плечи узника непомерным грузом. Когда уже пережито так много, то в конце пути даже маленькая капля может показаться неимоверно тяжелой. Если духовные силы, по милости Господней, не покидали Николая Петровича, и он, с упованием на Бога, переносил все, посылаемое Им, то физические - таяли с каждым днем.
Спустя четыре месяца после ареста Николая Петровича, по его делу был арестован брат из Северного Казахстана. Бог дал ему милость встретиться с Николаем Петровичем в тюрьме. Вот что он рассказывает:
"После ареста 27.06.1980 г., находясь в камере, я молился Господу, чтобы Он послал мне встречу с Николаем Петровичем. Заключенных из нашего города, находящихся под следствием, обычно отправляли в тюрьму за 200 км дальше на север. Храпов же находился в тюрьме 450 км на юг, в Караганде. Но Господь творит чудеса: меня отправили именно туда! Через несколько недель по прибытии, 31 июля, перед обедом мне приказали собрать вещи. Я думал, что меня повезут в город на допрос. Но меня провели на верхний этаж и открыли дверь камеры № 96, Я вошел. В камере были два человека. Один из них повернулся к двери и направился ко мне. Я сразу его узнал, хотя он был с бородой.
- Николай Петрович! - обратился я к нему.
Он молчал. Мне показалось, что он растерялся от такого обращения.
- Да, меня зовут Николай Петрович, - ответил он с достоинством.
Я назвал себя и напомнил некоторые детали последнего посещения им нашей церкви; после чего он меня узнал. (До этого мы виделись один раз). Мы обнялись, и брат Николай Петрович предложил поблагодарить Господа за неожиданную встречу. Предупредив меня быть осторожным в разговоре, он с сердечным сочувствием расспросил о братстве, о новых узниках.
- Если будет так идти дальше, арестуют многих, - вздохнул он. - Я побуду один, хорошо? - добавил он и пошел к своим нарам.

Преклонив колени, он долго молился. Затем рассказал, что ему пришлось пережить после ареста. Месяц он сидел в одиночке, но относились к нему неплохо: нары днем были опущены, можно было лечь, отопление не отключали.
Через месяц его перевели в камеру № 96, в которой мы и встретились. После обеда нас вывели во двор на ежедневную прогулку. Надзиратели относились к Храпову с большим уважением, чем к другим. Брат Храпов ходил по двору и пел: "Страшно бушует житейское море..." Человека, который был с нами в камере и, очевидно, доносил все следователю, вдруг увели, и мы до конца прогулки остались одни. Николай Петрович воспользовался этим и расспросил о братьях, с которыми он трудился.
Вернувшись в камеру, я показал ему, сохранившийся чудом, листок с отрывком из первого послания Петра 4:12-19. На листке был пропущен 15 стих, но Николай Петрович процитировал его по памяти.
- Где ты хранишь Слово Божье? - спросил Николай Петрович и опять пожелал почитать Слово Божие...
Перед сном он помолился один. Затем мы так легли, чтобы головы были вместе, и беседовали еще некоторое время. На следующее утро после молитвы он сказал, что Господь ему открыл, что сегодня мы расстанемся. Он наставлял меня твердо держаться Господа:
- У тебя три врага, которые не должны властвовать над тобой: это мысли, которые должны остаться чистыми; желания, которые не должны превышать воли Господней; и воображение, которое ты должен держать в рамках, чтобы оно не возросло в нереальность.
Перед прогулкой надзиратель велел мне собрать вещи. Пришел час разлуки с братом, последней на этой земле. Храпов, положив руку на мое плечо, просил в молитве благословения на мой дальнейший путь.
- Тебе будет тяжело, - сказал он, прощаясь, - но когда ты будешь иметь свидание с родными, передай через них привет детям Божьим и такие слова: "Николай Петрович остался верным Господу, братству, руководству братства - Совету церквей. Он помнит всех, никого не забыл,""
Пятое заключение было последним в жизни Николая Петровича. Срок он отбывал в лагере г. Шевченко на Мангышлаке, в полупустыне у Каспийского моря. Это место было избрано властями специально. Летом жара достигает там +55° С, в песке можно сжарить яйцо. Питьевую воду берут из моря и прогоняют через опреснитель, но заключенным и этой воды давали слишком мало. Не только в воздухе, но и на зубах, и в пище - песчаная пыль. Неподалеку - урановый рудник. Все это не могло не отразиться на здоровье Николая Петровича. В последние дни жизни ему не давали свиданий даже с детьми, сколько бы они ни добивались. Так они и уехали, убитые горем. А через несколько часов после их отъезда скончался и многострадальный узник Христов. Это было 6 ноября 1982 года.
Гроб с телом покойного позволили доставить домой и захоронение производить без вскрытия гроба. Указана причина смерти: "Хроническая сердечно-сосудистая недостаточность". Что кроется за этими холодными словами - знает один Бог. Как христиане, мы понимаем, что Господу угодно было Своего верного слугу отозвать к Себе с тюремных нар, избавив навсегда от страданий.
Похороны Николая Петровича состоялись 13 ноября, в Ташкенте, при большом стечении родных и друзей из разных городов страны. За ходом похоронной процессии наблюдали много сотрудников в штатском и милиции. Проводить в последний путь дорогого брата и соработника на ниве Божьей не смогли члены Совета церквей, потому что почти весь состав находился тогда в узах.
В памяти тысяч детей Божьих Н. П. Храпов остался как писатель и поэт. В журнале "Вестник Истины" № 4/82, по случаю кончины дорогого служителя, сказано: "...Каковы же были взгляды Николая Петровича? К чему он звал народ Божий, молодежь?
...Последовав призыву своего Спасителя, он звал не к бездейственному обрядоведению, а к деятельной отдаче самих себя на служение Богу, а если нужно - и на страдания, к победе над грехом, во славу Христову! Об этом говорят и его стихи: "Вперед, не робея, на смену идите Усталым борцам! Не страшитесь креста!..."
Он знал, что предлежащий путь жизни в условиях атеистического абсолютизма - это путь крестных страданий, свободу от которых можно обрести только ценой практического отречения от Иисуса Христа.
Он звал не к той, чисто эмоциональной, любви, которая не хочет терпеть издержек благочестия (2Тим.3:12), но к любви, влекущей к сораспятию со Христом, к состраданию страждущим, к радостной жертвенности. Где подлинная любовь ко Христу - там и крест. Эта истина, исходящая из самой сути Евангелия, была осознана им в многолетнем опыте жизни. Вспомним слова Николая Петровича:

Без креста невозможно обнять Христа, Без креста невозможно понять Христа".
Чтобы ясней увидеть озабоченность этого служителя судьбами дела Божьего, мы приводим одну из статей Николая Петровича Храпова, написанную им в годы, предшествующие последнему заключению: "Они поражены были..." 1Кор.10:5
Возлюбленные! Приведенное место из Слова Божьего является для христиан гонимого братства одним из строжайщих предупреждений, помещенных в Евангелии. Так же, как и напоминание: "Вспоминайте жену Лотову", - оно стоит ярким путевым знаком на пути нашего спасения, которое мы должны совершать со страхом.
Сколько вымученных дней, месяцев и лет было пережито народом Божьим в египетском рабстве - плену, пока могущественная десница Иеговы, под благословенным водительством Моисея, раба Божьего, и Аарона-первосвященника, не вывела их оттуда особым путем в обетованную землю! Каким высокоторжественным чувством была полна душа каждого израильтянина, когда они покинули землю пленения и, под охраной и водительством Ангела Божьего (Исх.14:19-20), двинулись навстречу обетованной земле!
Путь этот был, прежде всего, путем великих чудес и милостей Божьих. На этом пути Иегова дал познать Себя Израилю, явил могущество Свое в гибели египтян; святость и строгость Свою - в законе; благость и попечение, покровительство и водительство Свое - в столпе облачном и огненном, в манне небесной; долготерпение и милость Свою - в медном змее и в источнике, вытекающем из скалы. С торжественной песнью, перейдя море, Израиль пошел вперед пустыней Сур. Но, увы, для Израиля этот путь был и путем великих поражений. Все они, вышедшие из Египта (кроме двух человек), не вошли в обетованную землю - они были поражены в пустыне. Тысячами они гибли от ропота, оглядываясь назад к египетским котлам с мясом (Исх.16:2-3); десятками тысяч падали, пораженные ядовитыми змеями, за идолопоклонство и искушение Бога; необозримое множество их было обречено Богом на истребление за восстание на Моисея, раба Божьего, и Аарона, и впоследствии пало в пустыне.
Апостол Павел, напоминая об этих ужасах, говорит: "…это были образы для нас, чтобы мы не были похотливы на злое, как они были похотливы", "они поражены были в пустыне" (1Кор.10:5-6).
Вспомним, дорогие друзья, как топ же могучей десницей Бог вывел наше дорогое братство из ужасного стана богоотступников ВСЕХБ и повел нас путем очищения и освящения в небесную нашу отчизну. Слава Ему! С торжественным гимном "За Евангельскую веру, за Христа мы постоим..." братство наше вышло и доныне идет, через судейские залы атеистов, путем страданий. Но, увы, и в нашем стане гонимого братства, как и в народе израильском, раздаются вздохи усталости, голоса ропота на тесноту, жалобы на охлаждение любви, на недостаточно чуткое отношение к страдающим, недовольства и возмущения против служителей. Возникают позорные группировки вокруг некогда уважаемых, но согрешивших служителей.
Возлюбленные! Сегодня Духу Божьему угодно напомнить всем нам о тех, которые были поражены в пустыне, и напомнить именно то, что их грехи могут проникнуть и к нам, в стан страдающего народа Господнего. Поэтому, гонимая Церковь Христова - бодрствуй! Посмотри внимательно, какую чудовищную работу ведет дьявол, чтобы низложить народ Божий, чтобы сами христиане с постижением сдали то, что было отвоевано дорогой ценой страданий, слезами и кровью...
Непрекращающиеся гонения на братство СЦ ЕХБ, и преследование служителей братства как членов Совета церквей так и других тружеников поставило служителей в очень тяжкие условия. Некоторые из них годами не могут жить с семьей, терпя великую тяжесть лишения в скитаниях физически и духовно, и мучительную скорбь разлуки с милыми, родными. То и дело, в адрес этих служителей, несется злобная клевета со стороны атеистов, льется гнусная грязь через разные анонимные письма, страдают их семьи и домы от преследований всякого рода. "Где ваши руководители? Они прячутся от вас умышленно. Пусть идут к семьям, никто их не преследует!" - так, с едким издевательством, заявляют о них гонители отдельным верующим и их семьям...
Из всего этого видно, какому изощренному преследованию подвергаются служители братства.
О, как необходимо, чтобы в братстве умножалось сострадание к больным, узникам и их семьям, к охладевшим, к отлученным, к грешникам!
Милостью Божьей и молитвами народа Божьего, страданиями и жертвенной жизнью многих христиан в нашем братстве, заметно большое покаяние среди подростков и молодежи. Мы все очень рады этому пробуждению. Но только успела церковь, при содействии Духа Святого, родить малых сих, как пасть врага душ человеческих уже раскрылась, чтобы их поглотить. Поэтому в церквах необходимо зорко наблюдать, чтобы наша обращенная молодежь преобразовывалась в образ Божий, а мир не имел бы успеха в попытке положить на нее печать свою.

Мир должен видеть истинно христианское лицо нашей молодежи, а церковь заботиться о том, чтобы она не была поглощена миром.
Среди верующих еще больше должен возрастать дух радушия и гостеприимства.
Вот этот, весьма краткий, обзор состояния нашего братства должен усилить наше бдение и предостеречь, чтобы не разделить участи тех, о которых сказано: "они поражены были в пустыне..."
Все, кто знали Николая Петровича, хранят память о нем, как о неутомимом и бескомпромиссном борце за дело проповеди Евангелия Иисуса Христа. Приводим воспоминания его близких друзей:
"Николай Петрович Храпов часто отдыхал во время обеда в нашем доме. Он был инженер-строитель, и первые дома на Домбрабате строились по его плану. Во время обеда он успевал еще всегда написать кому-нибудь письмо.
Когда мы были молодежью, то часто, поздно вечером, приходили к нему за советом. Он уделял много внимания нам. Советы его были четки, ясны. Он был очень дальнозоркий, чуткий.
Николай Петрович полностью был посвящен Богу, облечен в Божий характер, тверд духом, верен, непоколебим. Он знал, что никакая сила не может отлучить его от любви Божьей.
Часто вспоминаем наставника нашего. Он был ко всем внимателен, когда приезжал после разлуки. Он находил время провести общения -беседы с детьми, подростками, молодежью, с незамужними сестрами, со старицами, молодоженами, с проповедниками. Посещал семьи. Любил организовывать благословенные общения. Просил посещать друг друга. В день 15-летия братства, в 1975г., он организовал у нас большой праздник".
"В памяти нашей этот воин Божий останется таким, каким мы знали его по долгим годам, подвергнутой испытаниям, жизни. При всех жизненных невзгодах Николай Петрович всегда желал оставаться в надежных руках Спасителя, и на склоне лет вручал Ему свою жизнь так же, как и в молодые годы. Он "потерял" ради Господа свою душу, щедро расточил ее, посвятив все свои силы делу проповеди Евангелия, потому и сберег ее для Царства Небесного".
(Вестник Истины, № 4/82)
"Поминайте наставников ваших, которые проповедывали вам слово Божие, и, взирая на кончину их жизни, подражайте вере их". Евр.13:7